

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 278975 d. 80

120

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

1857.

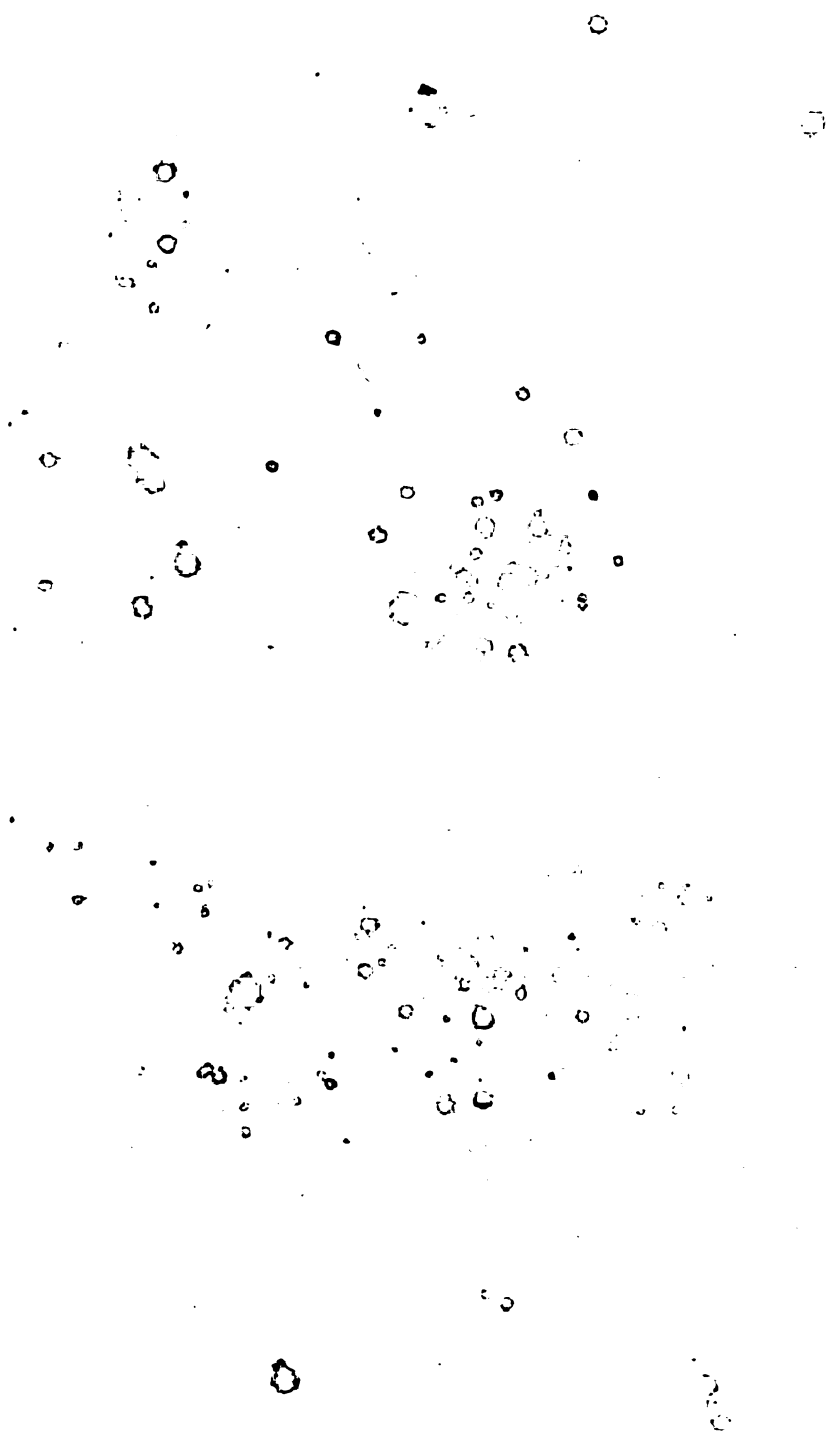

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

І Ю Н Ъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. И. ГЛАЗУНОВА И К^О.

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ.

И Ю Н Ъ.

I. Словесность, Науки и Художества.

	СТР.
БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ и возвращеніе Южной Руси къ Рос- сіи. (<i>Часть вторая</i>). Главы VII, VIII и IX. И. И. КОСТОМАРОВА.....	377
КАРТИНЫ РУССКАГО БЫТА. (Братецъ и сестрица.—Мнимо- умершіе.—Боярыня). В. И. ДАЛЪ.....	425
НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ИСТОРИИ и археологій искусства въ Германіи. К. К. ГЕРЦА.....	453
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ и ея ограниченіе во внѣшней торговлѣ. (<i>Статья вторая</i>). Общее обзорніе внѣшней торговли Рос- сіи. И. Х. ВУНГЕ.....	473
ЗНАЧЕНІЕ БОЖЬИХЪ СУДОВЪ по русскому праву. А. В. ЛОХВИЦКАГО.....	509
ПАМЯТНИКИ И ПРЕДАНІЯ Владимірской Губерніи. (<i>Статья первая</i>). Я. А. СОЛОВЬЕВА.....	521
МЕНАНДРЪ, основатель новой комедіи. (<i>Статья первая</i>). С. Д. ШЕСТАКОВА.....	569

	СТР.
ДВѢ СВАДЬБЫ. Романъ въ двухъ частяхъ. (<i>Часть первая</i>).	
М. ЖУКОВОЙ.....	591
ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ А. И. МАЙКОВА : 1) Розы ;	
2) Весною; 3) «Онъ ужь снился мнѣ когда-то»; 4) Чайльдъ	
Гарольдъ	664 и 666
ГОРАЦІЙ И ЕГО ВРЕМЯ. <i>Статья третья</i> . И. И. ВЛАГО-	
ВЪЩЕНСКАГО	667
КРОШКА ДОРРИТЪ. Романъ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА, въ двухъ	
книгахъ и четырехъ частяхъ. <i>Книга вторая</i> (Богатство).	
<i>Продолженіе третьей части</i>	705
ИНДО-ГЕРМАНЫ, или Сайване. О. И. ВУСЛАЕВА.....	737

II. Критика и Библиографія.

Записки о Южной Руси, изд. II. <i>Кулишъ</i> . Томъ I-й. <i>Рецен.</i>	
И. И. КОСТОМАРОВА.....	41
Ученыя Записки Второго Отдѣленія Императорской Академіи	
Наукъ. Книга III-я. <i>Рецен.</i> А. И П—НА.	74

III. Современная Хроника Россіи.

Трактатъ объ уничтоженіи зундскихъ пошлинъ и его значеніе ; начало этихъ пошлинъ. — Окончательное проведеніе новой границы Бессарабіи. — Новости ученые. — Премія въ честь графа П. Д. Киселева. — Очеркъ служебной дѣятельности гр. Киселева ; дѣятельность его на поприщѣ военномъ и гражданскомъ. — Образованіе Министерства Государственныхъ Имуществъ и начала, на которыхъ оно основано. — Результаты дѣйствій Министерства. — Премія гр. Н. А. Кушелева-Безбородко. — Отправленіе новой духовной миссіи въ Пекинъ. — Новыя изданія Археографической Комиссіи. — Новыя книги. — Новые спеціальныя журналы : «Журналъ для воспитанія» и «Педагогическій Вѣстникъ». — Писмо г.

Погодина въ редакцію газеты «Le Nord» о томъ, что намъ нужно теперь дѣлать. — Акціи и новыя акціонерныя общества. — Компания для устройства водопроводовъ въ Петербургъ и водопроводовъ въ Москвѣ. — Еще о сахарномъ сорго. — Мхи, какъ подспорье хлѣба. — Петропутья богатства природы. — Указанія академика Бера на нѣкоторые новыя промыслы и послѣдствія такихъ указаній. — Астраханская бѣшенка. — Провинціальныя новости и интересы. — Дворянскіе выборы и ихъ значеніе. — Преобразованія въ разныхъ частяхъ управленія и въ петербургской полиціи въ-особенности. — Дозволеніе свободнаго открытія частныхъ лечебницъ. — Вѣсти изъ губернскихъ вѣдомостей. — Новости петербургской общественной жизни. — Театры. — Г. Садовскій на петербургской сценѣ. — Лѣтнія удовольствія. — Гулянье въ Екатерингофѣ и парадъ. — Отъѣзды. — Концерты. — Прогулки. — Биржевой скверъ и воздушный шаръ. — Городскіе выборы. — Праздникъ фармацевтовъ.....

33

IV. Смѣсь.

Французскіе журналы, книги и брошюры. Январь, февраль, мартъ.

Статья вторая и послѣдняя. Мнѣнія о современности доктора Верона и г. Жюля Симона. — Критика г. Сент-Бѣва и стиха Банвиля. **Ж. ШТАХЕЛЯ**.....

71

Успѣхи естественныхъ наукъ и ихъ приложений. (Письмо къ редактору «Отеч. Записокъ») Новые способы обезчувствованія. — Марганецъ въ новомъ видѣ. — С. К. Девиль и новый способъ добыванія металла платины. — Оптическое изслѣдованіе звука, съ *чертежами*. — Новѣйшія приложения жидкаго стекла (поливны) къ промышленности Кульмана. **А. К.**.....

90

Вѣсти изъ финансоваго міра. Англійскіе и французскіе толки о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. (*Второе письмо къ редактору «Отеч. Зап.»*). **ЭКС—Ш.**.....

110

Иностранная известія. Воззванія кандидатовъ. — Робертъ Овэнъ. — «Тайна мировой гармоніи». — Новыя условія избранія. — Правительство въ Австраліи. — Честь воровъ. — Литературное воровство. — Сэръ Джонъ Боурингъ; его сочиненіе: сіамскіе короли; великолѣпное посвященіе. — Постановка *Ричарда II-ю*. — Оригинальная мелодрама. — Сіамскій театръ. — Международный банкъ. — Промышленность и торговля шерстью. — Два слова о томъ, что занимаетъ Парижъ. — Евфратская желѣзная дорога 119

Парижская картинка модъ.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ

И

ВОЗВРАЩЕНІЕ ЮЖНОЙ РУСИ КЪ РОССИИ.

Часть вторая.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Переговоры. — Маховскій у Хмельницкаго. — Коммиссары въ Бѣлой-Церкви. — Раздоры въ народѣ. — Переговоры на Острой-Могилѣ. — Стычки подъ Бѣлою-Церквою. — Хмельницкій въ польскомъ лагерѣ. — Попытка отравить Хмельницкаго. — Бѣлоцерковскій трактатъ. — Смерть Потоцкаго. — Состояніе умовъ.

Не понравился Потоцкому неустрашимый тонъ письма Хмельницкаго. Онъ видѣлъ впереди себя новыя побѣды, но русскій народъ въ самомъ несчастіи былъ страшенъ и грозенъ своимъ ожесточеніемъ. Потоцкій могъ бояться, что несогласія казачія улягутся, гетманъ снова станетъ на челѣ народнаго возстанія, всеобщаго въ полномъ смыслѣ, когда самыя женщины выходили на непріятеля, и, наконецъ, можетъ явиться казакамъ помощь отъ турковъ или москвитянъ; сверхъ-того, въ войскѣ появилась повальная смертная болѣзнь. Коронный гетманъ соглашался на выгодный миръ, но прежде хотѣлъ показать еще болѣе свою силу и торжество.

Письмо Хмельницкаго доставлено было 24-го августа (3-го сентября н. ст.). Посланныхъ казаковъ провели чрезъ весь лагерь, чтобъ они видѣли польское войско. Они пришли въ лагерь Кисея.

— Панъ краковскій, сказалъ воевода: — не хочеть съ вами вести переговоровъ; я на-силу упросилъ его позволить вамъ явиться къ нему. Но скажу вамъ заранѣе, что вы получите пощаду не иначе, какъ такъ: перебейте татаръ, которые находятся у васъ, перевяжите мурзъ, вы-

дайте Хмельницкаго и совершенно предайтесь на волю его величества и Речи-Посполитой (1).

На другой день ихъ позвали къ Потоцкому. Когда они шли, все войско уже садилось на коней и готовилось выступить; военная музыка разивалась веселымъ и торжественнымъ отголоскомъ. Казаки почтительно поклонились.

— Пане краковскій, сказали они: — вы имѣете власть надъ войскомъ и въ сенатѣ, прекратите кровопролитіе и доставьте войску запорожскому прежнюю милость короля, которою мы пользовались по зборовскому договору (2).

— Разбойники! обманщики! крикнулъ Потоцкій: — вы думаете я не знаю, что у васъ на умѣ? Хмельницкій послалъ за ордою, а вы просите прощенія! Слушайте же: я вашего Хмельницкаго знать не хочу: не считаю гетманомъ того, кто поднялъ руку на его величество, а обращаюсь къ вамъ, ко всемъ казакамъ, и скажу вотъ что: его королевское величество повѣрилъ мнѣ въ одну руку мечъ, а въ другую милосердіе: выбирайте, что хотите, а я не стану долго толковать съ вами, если вы не рѣшитесь на то, что сказалъ уже вамъ кіевскій воевода отъ моего имени. Вотъ вамъ срокъ до среды, а я тотчасъ соединяюсь съ литовскимъ гетманомъ, иду на васъ и разольется кровь христіанская. Бога заступника призываю къ помощи; надѣмся на справедливость нашей стороны! Одинъ пусть идетъ, другой остается заложникомъ (3).

Потоцкаго обо всемъ увѣдомлялъ Лупула.

«Если Хмельницкій пришлетъ къ вамъ для переговоровъ (писалъ онъ) не вѣрьте ему; измѣнникъ обманываетъ васъ: онъ ищетъ помощи у турковъ» (4).

На другой день, 25-го августа (4-го сентября н. ст.), Потоцкій, сѣдя на богатоубранной лошади, встрѣчалъ въ полѣ литовскаго гетмана. Оставивъ пѣхоту въ Кіевѣ, Радзивилъ съ конницею прибылъ для соединенія съ короннымъ войскомъ. «Съ обѣихъ сторонъ (говоритъ очевидецъ) войны сверкали серебромъ и золотомъ; блестящи были ихъ панцыри; красивы сѣдла и сбруи; статны кони. Послѣ взаимныхъ поздравленій, Потоцкій пригласилъ литовскаго гетмана въ свой шатеръ на жолнѣрское жаркое, какъ онъ выражался.

Но только—что паны успѣли устѣться за походный столъ, какъ—вдругъ прибѣгаетъ гонецъ съ донесеніемъ, что три тысячи казаковъ идутъ по правому берегу Дуѣпра для нападенія на остальное подъ Кіевомъ литовское войско. Въ то же самое время казаки на челнахъ повалили внизъ

(1) «Wojna z koz. i Tat. Star. Pols.» I, 291.

(2) «Bell. Scyth. cos». 242.

(3) «Wojna z koz. i Tat. Star. Pols.» I, 291.

(4) Ibid. I, 346.

Десною и такимъ образомъ предполагали напасть на литовцевъ съ двухъ сторонъ.

Это новое покушеніе казаковъ на литовское войско не удалось. Польки узнали о немъ заранѣе. Калиновекій пошелъ на встрѣчу шедшимъ по правому берегу, остановилъ ихъ между оврагами и кустарниками и разбилъ наголову (5).

Въ тотъ же день оставшаяся въ Кіевѣ пѣхота вступила въ кровопролитное сраженіе съ казаками подъ Николаевскимъ Монастыремъ. Казаки потеряли много челновъ своихъ, и не видя подкрѣпленія съ другаго берега, удалились (6).

Литовская пѣхота тотчасъ оставила Кіевъ и свободно отправилась въ путь для соединенія съ короннымъ.

29-го августа (18-го сентября н. ст.) Хмельницкій отправилъ новую депутацію къ Потоцкому. Посланы были казаки Андрей Кулька и Романъ Латошъ. Гетманы приняли ихъ въ великолѣпномъ шатрѣ среди множества пановъ. Кулька поклонился до земли и подалъ пукъ писемъ къ разнымъ панамъ.

— Старшина войсковая, сказалъ онъ: — прислали къ вашимъ милостямъ просить пощады.

«Много уже пролито крови (писалъ снова казакскій гетманъ), а все чрезъ наше упрямство. Видно Богу такъ угодно. Клянусь Богомъ, ясновельможные паны, что хочу прекратить кровопролитіе и буду служить вѣрно королю. Соизвольте послать умнаго пана, а я пошлю писаря Выговскаго: пусть они переговораютъ, а потомъ постановимъ миръ (7).

Несмотря на усиленіе арміи, гетманы охотнѣе желали окончить войну выгоднымъ для Рѣчи-Посполитой миромъ, чѣмъ отваживаться на новую брань. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ становился слишкомъ ощутителенъ въ разоренной непріятельской странѣ; повальная болѣзнь каждый день отнимала лучшихъ солдатъ; приблизилась осень, съ нею непогоды и новыя неудобства, а между-тѣмъ русскій народъ не только не усмирался, но, казалось, по мѣрѣ большей опасности, приходилъ въ сильнѣйшую отвагу. Паны съ безпокойствомъ слышали непріятныя вѣсти. Хмельницкій перенесъ свой лагерь въ Рокитню на Рось и войско его возрастало съ каждымъ днемъ: Богунъ привелъ къ нему десять тысячъ казаковъ; Бѣлая-Церковь заключала пять тысячъ человекъ, приставшихъ къ Хмельницкому (8).

Винница была въ рукахъ казаковъ и сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ для овлоченія (9). Паволочъ взята была внезапно казаками и весь остав-

(5) Ibid. I, 293.

(6) Ibid. I, 294.

(7) Ibid. I, 295.

(8) Ibid. I, 342.

(9) «Hist. ab. exc. Wł. IV», 83.

ленный въ ней польскій гарнизонъ изрубленъ. Въ Хвостовѣ явилось тысяча—четыреста человекъ ⁽¹⁰⁾; въ то же время отъ сѣвера и востока на лѣвой сторонѣ Дибра готовились грянуть на поляковъ новыя полчища русскаго народа, а изъ степей пришло къ Хмельницкому четыре тысячи татаръ съ Корачь—Мурзою. Поляки опасались, что если они протянутъ войну до глубокой осени, то будутъ окружены неприятелемъ со всѣхъ сторонъ и отрѣзаны отъ Польши.

Злѣйшіе враги казачества все—еще кричали: «не должно входить въ переговоры съ казаками, не сдѣлаемъ имъ никакого состраданія! истребимъ имя ихъ съ лица земли» ⁽¹¹⁾.

Но Потоцкій представлялъ невыгоды войска и наконецъ замѣтилъ:

— Русскій народъ тогда только можетъ быть побѣжденъ оружіемъ, когда погибнетъ и когда цѣлый край сдѣлается безлюднымъ и граница королевства останется открытою для невѣрныхъ ⁽¹²⁾.

Послѣ этого совѣта паны призывали пословъ. Потоцкій сказалъ имъ:

— Я люблю больше дѣло, чѣмъ слова, и могъ бы скорѣе и легче окончить споръ этотъ оружіемъ, чѣмъ разговорами, но я не жестокой души человекъ, и не хочу казнить казаковъ, когда они раскаиваются, а потому объявляю имъ милость и отправляю къ нимъ благороднаго пана Маховскаго комиссаромъ. Видите, какъ мы вѣрны вамъ?

— Принимаемъ его на души свои, сказали послы и поклялись, что Маховскому не будетъ ни малѣйшей обиды ⁽¹³⁾.

Въ доказательство своего уваженія къ греческой вѣрѣ, Потоцкій, въ присутствіи пословъ, казилъ шесть жолтировъ, ограбившихъ церковь въ Васильковѣ ⁽¹⁴⁾.

31-го августа (10-го сен. п. ст.) Маховскій былъ принятъ очень—ласково въ казацкомъ лагерѣ подъ Рокитной. Хмельницкій привѣтствовалъ его съ полковниками своими, и прежде, чѣмъ заговорилъ о дѣлѣ, началъ угощать гостя. Казаки шутя рассказывали о берестечскомъ пораженіи.

— Обманщикъ ханъ всему виною, говорили полковники: — а то бы мы разбили васъ, какъ и прежде.

— Да, прибавилъ Хмельницкій: —бусурманъ поклялся Мухаммедомъ, что воротится, а потомъ и меня взялъ съ собою.

— Теперь вы узнали, что значить дружить съ невѣрными, сказалъ Маховскій: — лучше было бы поражать невѣрныхъ.

— Имя его величества, сказалъ Хмельницкій: — содѣлалось страшнымъ послѣ берестечскаго сраженія. Присутствіе короля дало вамъ побѣду.

⁽¹⁰⁾ «Wojna z koz. i Tat. Star. Pols.» I, 293.

⁽¹¹⁾ «Hist. bell. cos. polon.» 199.

⁽¹²⁾ «Wojna domow.» ч. 2, 54.

⁽¹³⁾ «Wojna z koz. i Tat. Star. Pols.» I, 293.

⁽¹⁴⁾ «Ann. Pol. Cl.», I, 288.

— Правды негдѣ дѣть, сказали полковники: — подѣ Берестечкомъ одна пуля королевская стоила ста казацкихъ, а ужъ какъ въ пятницу вы на насъ пріударилл, такъ мы думали, вотъ такъ сквозь землю въ провалимся!

— Ну я бы еще могъ съ вами помѣриться, сказалъ Хмельницкій: — да не хочу: жалѣю крови христіанской. Повосвали — и довольно! Пора бѣдному народу дать отдыхъ; притомъ я недавно женился. Посоветуйте отъ меня пану краковскому жениться. Мы бы тогда скорѣе помпрились, потому-что захотѣлось бы къ женѣ; а пока будемъ вдвоцями, такъ скучно сидѣть дома и будемъ воевать.

Послѣ обѣда Маховскій подалъ гетману письмо съ условіями мира. Хмельницкій началъ читать его, поблѣднѣлъ и нахмурилъ брови.

— Скажите, пане Маховскій, сказалъ опъ: — почему милостивые паны-гетманы лишаютъ меня гетманскаго титула, который дарованъ мнѣ отъ его величества?

Джеджалыкъ, стоявшій подлѣ гетмана, сказалъ:

— Не дѣбре такъ, панове, негодитесь одинматы честь гетьманску одъ нашего добродія.

«Маховскій засыпалъ ихъ словами и доказательствами, такъ-что они слушали, развѣся уши» говорить современникъ.

— Будьте увѣрены, прибавилъ посолъ: — что король вознаградитъ вамъ все, что вы потеряли; но ясновельможные паны-гетманы ставятъ первымъ условіемъ возможности мира разлученіе съ ордою. Неприлично такому храброму вождю имѣть связь съ невѣрными, которые доказали свое непостоянство.

— Орда, отвѣчалъ гетманъ: — можетъ находиться въ моемъ распоряженіи и вамъ не будетъ дѣлать зла, напротивъ, я постараюсь самый этотъ союзъ обратить на пользу королевства; я поведу орду на турковъ и разовью знамена свои на стѣнахъ Константинополя.

— Разлученіе съ ордою — первое желаніе его величества, сказалъ Маховскій: — вы должны его исполнить, чтобъ доказать свою преданность королю.

Хмельницкій отговаривался, Маховскій настаивалъ; цѣлые три часа спорили, наконецъ, полякъ вышелъ изъ терѣнья и сказалъ:

— Вы несогласны, такъ позвольте мнѣ уѣхать.

— Миръ легко состоится, сказалъ, въ свою очередь, разгоряченный Хмельницкій: — если поляки утвердятъ зборовскій договоръ.

Уже повозка была готова въ обратный путь; какъ вотъ Выговскій подбѣжалъ къ Маховскому и сказалъ:

— Не уѣзжайте, мы обдѣлаемъ дѣло; я постараюсь убѣдить гетмана.

— Знаю, отвѣчалъ Маховскій: — что вы обладаете умомъ и сердцемъ Хмельницкаго. Огъ васъ теперь зависитъ оказать услугу отечеству, а я общаю вамъ особенную милость королевскую, если вы съумѣете отклонить Хмельницкаго отъ союза съ варварами.

Выговскій вошелъ къ Хмельницкому въ шатеръ, съ большимъ жаромъ говорилъ съ нимъ и вышелъ съ разсерженнымъ видомъ.

— Стало-быть, нѣтъ надежды? сказалъ Маховскій.

— Пойдите, подождите, сказалъ Выговскій:— у насъ такъ дѣлается: сперва прогнать, потомъ самъ придетъ за мною и согласится.

Въ-самомъ-дѣлѣ чрезъ нѣсколько времени Выговскаго снова позвали; Маховскій дождался отвѣта. Наконецъ Выговскій вышелъ и сказалъ:

— Оставимъ этотъ пунктъ до времени; Хмельницкій согласенъ съ своей стороны, но чернь взбунтуется, когда узнаетъ, да и татары не послушаются и начнутъ грабить насъ.

— А почему же, сказалъ Маховскій: — казакамъ не соединиться съ короннымъ литовскимъ войскомъ и не прогнать невѣрныхъ?

— Нельзя, сказалъ Выговскій: — своевольная чернь мѣшаетъ. Мы уладимъ это послѣ и выпроводимъ орду.

Маховскій снова вошелъ къ Хмельницкому.

— Всего лучше будетъ, сказалъ онъ: — если вы пожалуете съ старшинами въ обозъ къ намъ и тамъ сами потолкуете съ гетманами.

Выговскій хотѣлъ-было уже договариваться, какъ вдругъ одинъ изъ полковниковъ сказалъ:

— Этого не будетъ. Мы не пустимъ такъ гетмана. Чтобъ еще и онъ остался въ польскомъ лагерѣ, какъ Крыса! Ужъ мы и то потерпѣли отъ черни подъ Берестечкомъ, когда гетманъ ушелъ съ ханомъ. Если старшины будутъ уговариваться въ польскомъ лагерѣ, а чернь не будетъ знать, что они постановляютъ, то поднимется бунтъ.

— Въ такомъ случаѣ мы будемъ совѣщаться въ полѣ при войскахъ, сказалъ Маховскій.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Хмельницкій: — пусть лучше комиссары, которыхъ назначать гетманы, придутъ для переговоровъ въ Бѣлую-Церковь.

— Гораздо-приличнѣе, прибавилъ Выговскій: — для достоинства его величества, дарующаго миръ, если комиссары будутъ договариваться въ Бѣлой-Церкви, королевскомъ замкѣ: тамъ они будутъ безопасны.

Маховскій не соглашался, оскорблялся тѣмъ, что казаки, не довѣря полякамъ, требовали къ себѣ столь много довѣренности.

Но Выговскій сталъ предъ нимъ на колѣни и говорилъ:

— Ради Бога умоляемъ васъ, чтобъ комиссары пріѣхали въ Бѣлую-Церковь. Въ полѣ невозможно договариваться: чернь и своевольная орда не допустятъ. Богомъ и душами нашими клянемся, что панъ будетъ безопасенъ.

Хмельницкій и полковники стали также на колѣни и поклялись охранять народныя права и святость гостеприимства.

3-го сентября (13-го н. ст.) Маховскій уѣхалъ съ двумя избранными казаками (15) въ лагерь, который во время его отсутствія перенесенъ

(15) «Wojna z koz. i Tat. Star. Pols. I, 298. — «Annal. Pol. Cl.»

изъ-подъ Василькова въ Германовку; въ тотъ самый день оба войска, коронное и литовское, соединились (16).

Хмельницкій, ожидая комиссаровъ, двинулся съ своимъ войскомъ подъ Бѣлую-Церковь.

Кисель вызвался ѣхать къ Хмельницкому комиссаромъ. Съ нимъ отправились смоленскій воевода Глѣбовичъ, Гонсьвскій—брацлавскій и подсудокъ Коссаковскій. Они взяли съ собою двадцать-четыре жирныя предложенія, которыхъ смыслъ клонился къ уничтоженію казацкой силы. Изъ этихъ пунктовъ, которые почти все вошли потомъ въ бѣлоцерковскій договоръ, были тогда главнѣйшими: уменьшеніе реестрового войска до 15,000; ограниченіе жительства казаковъ однимъ Кіевскимъ Воеводствомъ; право стоять короннымъ войскамъ въ Украинѣ и разлученіе съ ордою. Два полка проводили комиссаровъ до Бѣлой-Церкви и воротились назадъ, а они отправились далѣе съ пятьюстами драгунновъ. Пестрая толпа казаковъ и татаръ окружила замокъ. Экипажи комиссарскіе ѣхали посреди казацкихъ возовъ и татарскихъ арбъ. Русскіе толпились около нихъ, кричали, свистали, грозили отнять у нихъ экипажи, проклинали яховъ. Старикъ Кисель, выглядывая изъ экипажа, говорилъ имъ съ кротостью:

— Мы не яхи, друзья мои; я русскій; мои кости такія же русскія, какъ и ваши.

— Твои русскія кости слишкомъ обросли польскимъ мясомъ, отвѣчали ему казаки.

Хмельницкій, Выговскій и полковники спѣшили къ нимъ на встрѣчу, унимали своевольную толпу и съ почтеніемъ ввели въ замокъ.

Толпа казаковъ и татаръ бѣжали за ними.

— Эй папе гетмане! кричали казаки: — не дѣло такъ чинишь що вже зъ яхами братѣешься.

Въ это время везли въ замокъ съѣстные припасы.

— Ащо се? кричалъ одинъ казакъ:—яхамъ стаціи будемъ давати. За это Богунъ разрубилъ его саблею.

Переговоры продолжались недолго. Предводитель соглашался на все условія, но просилъ только прибавить число казаковъ до 20,000 и права для казацкихъ городовъ и мѣстечекъ быть свободными отъ постоя. Что касается орды, то онъ обѣщалъ не сноситься съ татарами, но отказывался обратить на нее оружіе, потому-что казаки его не послушаютъ и произойдетъ бунтъ.

По окончаніи договора Хмельницкій съ полковниками вышли изъ замка. Наступило молчаніе; начали читать договоръ. Но только-что хлопы

I, 288 — 289. — «Лѣт. пов. о Мал. Рос.» 96. — «Woyna domow.» ч. 2. 57. — «Hist. bell. cos. pol.» 201. — «Hist. ab. exc. Wł. IV», 84. (16) «Woyna z koz. i Tat. Star. Pols.» I, 297. — «Hist. bell. cos. pol.» 198.

замѣтили, что зборовскій договоръ нарушенъ и они опять будутъ служить панамъ, какъ вдругъ поднялся шумъ.

— Отъ—такъ—то ты, пане гетмане, зъ ляхами трахтуєшь, а насъ покидаєшь и одъ орды одступаєшься! Самъ себѣ та старшину вызволяєшь, а насъ знагы не хочешь. Самъ еси привівъ на все, що мы поднялись на панівъ, а теперъ отдаєшь насъ, бідныхъ, на муки пидъ кій та батоги, на паян та на шыбаныци. Але нї, прежь ніжъ до того дїждеться, и ты самъ наложивъ головою и ни одышь ляхъ живцємъ видисия не выиде.

Раздались выстрѣлы; Хмельницкій, полковники убѣжали въ замокъ. Толпа обступила замокъ со всѣхъ сторонъ и готовилась брать его штурмомъ.

— Отсе вже вы пошалили, панове, говорилъ Выговскій комиссарамъ: — въ огонь такой прїйхали! Боронячи васъ и мы пропадемъ. Одпакже хибѣ по нашому трупѣ дойдуть до васъ!

Татары начали пускать стрѣлы, хлопы бросали камни; окна разлетались и одна стрѣла чуть—было не попала въ голову воеводѣ. Хмельницкій съ изумительною для пановъ неустрашимостью вышелъ снова изъ замка со всѣми старшинами; чернь толпилась противъ него съ поднятыми саблями и дубинами. Хмельницкій бросился на нихъ, держа въ обѣихъ рукахъ булаву, и собственноручно началъ бить ихъ со всего размаха; за нимъ полковники и казаки разгоняли хлоповъ саблями и перначами. Выговскій игралъ роль примирителя и говорилъ убѣдительно рѣчь:

— Чего вы хотите, злодѣи? за что вы обижаете пановъ, когда они ни въ чемъ не виноваты; это не ляхи. Притомъ они послы, а пословъ нельзя трогать: право народное запрещаетъ; ужъ такъ вездѣ водится: послы вездѣ безопасны.

Нѣкоторые опаматовались.

— Правда, говорили они: — Кисель русскій, а прочіе литовцы, и никогда не дѣзали намъ обидъ; знали ляхи кого послать. Вотъ еслибъ настоящіе ляхи пришли, такъ ужъ бы не вышли отсюда!

Но смѣлость Хмельницкаго успокоила толпу только на малое время. Черезъ нѣсколько часовъ начался снова шумъ. Хмельницкій, Выговскій и полковники провели ночь безъ сна, сами стояли на сторожѣ и оберегали ворота. На другое утро волненіе усилилось до—того, что бѣлоцерковскій полковникъ грозилъ по мятежникамъ палить изъ пушекъ и предлагалъ комиссарамъ свой оружейный запасъ къ услугамъ, а Гонсѣвскій послалъ тайно къ войску записку на жмудскомъ языкѣ: онъ извѣщалъ объ опасности и требовалъ вооруженнаго конвоя.

Комиссары не дождались помощи; черезъ день, 9 сентября (19 н. ст.) они выѣхали изъ замка. Хмельницкій и старшины провожали ихъ и обороняли до—тѣхъ—поръ, пока они выѣхали изъ неприятельскаго табора. Хлопы снова бросались на нихъ, и Хмельницкій, въ глазахъ пановъ,

онѣть положили нѣсколько удалыхъ на мѣстѣ. Но только-что они очутились въ чистомъ полѣ, какъ бѣшеная толпа хлоповъ и татаръ догнала ихъ, высадила изъ экипажей, побрала у нихъ золото, серебро, одежды и лошадей.., сняли даже съ пальца у Гончѣвскаго драгоцѣнный перстень; «словомъ, пустили ихъ въ одномъ платьѣ» говоритъ современникъ. Грабежь дѣлался не изъ одного корыстолюбія, но изъ удали, чтобъ досадить панамъ. Иные, которымъ не доставало сокровищъ, срывали съ рыдвановъ обои, раздирали на части, дѣлились ими, потряхивая пздами, кричали: «а що? и у насъ е лѣшка здобочъ?» Кисель продолжалъ напоминать русскимъ, что они ему братья. Тогда татары ломанымъ славянскимъ нарѣчіемъ кричали: «ляшка братка, а лоша не братка, и сукманка не братка!»

Ограбленные комиссары встрѣтили цѣлое войско уже на пути изъ Германовки въ Бѣлюю-Церковь⁽¹⁷⁾. Черезъ два часа за ними явились казацкіе послы Москаленко и Гладкій.

Они изъявили согласіе на статьи, предложенныя комиссарами въ Бѣлой-Церкви. «Пусть (говорили они) паны пріѣзжаютъ къ нашему обозу для взаимной присяги».

Гладкій остался заложникомъ. Казакамъ дали также заложниками двухъ поляковъ. Отправляя Москаленка, Потоцкій сказалъ ему:

«Скажи благородному гетману войска запорожскаго, Богдану Хмельницкому, что коронный гетманъ и каштелянъ краковскій идетъ къ Бѣлой-Церкви съ войскомъ принимать присягу на вѣрность отъ подданныхъ его королевскаго величества, запорожскихъ казаковъ».

На другой день, 10 сентября (20 н. с.) все коронное и литовское войско двинулось къ Бѣлой-Церкви. «Огромный былъ корпусъ этого войска (говоритъ очевидецъ): однихъ возовъ шло сто-тринадцать рядовъ. Ночью приступили они къ Бѣлой-Церкви, и жолнѣры не смыкали глазъ, страшась нападенія.

На другой день комиссары разбили великолѣпный шатеръ на курганѣ, называемомъ Острая-Могила, и ждали Выговскаго и казаковъ для присяги; но, вмѣсто ожидаемыхъ, явились другіе, вовсе-нежданнные казаки. Двѣнадцать человекъ—на челѣ ихъ старшина Одынецъ—вступили въ шатеръ и сказали:

«Милостивые паны и комиссары! войско запорожское послало насъ къ вашимъ милостямъ просить, чтобъ вы утвердили зборовскія статьи, чтобъ войско коронное вышло изъ Украины и не занимало въ нашей землѣ квартиръ, и чтобъ намъ не мѣшали сносятся съ татарами, которые охраняютъ нашу свободу.»

(17) «Wojna z koz. i Tat. Star. Pols.», I, 299 — 304. — «Hist. ab. exc. Wl. IV», 85. — «Ann. Pol.», I, 289—290. — «Wojna domowa», ч. 2, 55 — 57. — «Hist. belli cos. pol.», 201 — 203. — «Ист. о пр. бр.»—«Крат. истор. о бунт. Хмел.», 38 — 39.

Это требованіе раздражило комиссаровъ: они, въ гнѣвъ, даже хватились за сабли, говоря:

«Что же это? мы будемъ игрушками презрѣннаго холопства?»

Но войско ихъ стояло въ-отдаленіи, и потому они умѣрили вспыльчивость.

— Мы ожидали, сказалъ Кисель: — что вы явитесь присягать въ вѣрности, потому-что уже все кончено, а вы снова начинаете квестыи?

— Казаки не будутъ присягать и не покорятся, отвѣчали казаки: — пока вы намъ не подпишете зборовскій договоръ.

— Въ Бѣлой-Церкви сдѣлано было другое условіе, сказалъ Кисель: — опомнитесь, вѣдь такъ дѣло было слажено.

Казаки отвѣчали: «мы разыхалися съ паномъ гетманомъ, мы незнаємо, невѣдаємо, що тамъ у васъ у Бѣлой-Церкви було, а насъ вѣсько зъ тымъ послало».

— Вижу, сказалъ Кисель: — что васъ обманываетъ турецкій султанъ и хочетъ васъ обратитъ въ мусульманство. Вы на него надѣетесь. О проклятыя души! вамъ лучше нравится безначаліе, чѣмъ порядокъ; вы хотите лучше быть рабами тирана, чѣмъ свободными подданными христіанскаго государя! Богъ накажетъ васъ, и въ одно мгновеніе разрушитъ ваши безумные замыслы.

Казаки продолжали, какъ говоритъ современникъ, все одну и ту же пѣсню:

«Мы не знаємъ, не вѣдаємъ! Подпишите зборовскій договоръ и мы присягнемъ въ вѣрности».

Мы уѣждаемъ, сказалъ Кисель: — и призываемъ Бога въ свидѣтели, что хотѣли поступить съ вами искренно, а вы платите намъ коварствомъ.

— Какъ угодно, сказали казаки: — мы пришлемъ вашихъ заложниковъ цѣлыхъ и невредимыхъ ⁽¹⁸⁾.

Польскіе заложники воротились и предводители начали устроить войска въ боевой порядокъ. Русскіе требовали сраженія. Хмельницкій не довѣрялъ своимъ силамъ и потому не хотѣлъ вступать въ рѣшительную борьбу съ непріателемъ, не сталъ предводительствовать казаками, но не сталъ имъ и препятствовать: въ случаѣ неудачи, онъ предоставлялъ себѣ право увѣрить пановъ, что сраженіе сдѣлалось безъ его позволенія; въ случаѣ удачи, онъ могъ вынудить у поляковъ болѣе-выгодныя условія. Онъ показывалъ видъ, будто ничего не знаетъ, что замышляется въ русскомъ лагерѣ, а между-тѣмъ выкатилъ своимъ молодцамъ семь бочекъ горѣлки.

13 сентября (23 н. с.), на другой день послѣ неудачныхъ переговоровъ, поляки и русскіе стояли одни противъ другихъ, раздѣленные широкимъ полемъ, устѣяннымъ курганами, которыхъ такое множество

(18) «Wojna z koz. i Tat. Star. Pols.», I, 306. — «Hist. ab. exc. Wł. IV.», 87. — «Woyna domowa», ч. 2, 59.

въ этой странѣ. Татары первые вскочили на могилы и молодецкимъ посвистомъ вызывали на герцы. Казаки еще не начинали нападенія, но Радзивиль, командовавшій правымъ крыломъ войска, ударилъ на нихъ всею силою. Онъ приглашалъ Потоцкаго какъ-можно-скорѣе содѣйствовать ему съ другой стороны, но Потоцкій, какъ говоритъ современникъ, чувствовалъ себя нездоровымъ и не хотѣлъ въ тотъ день вступать въ битву. Напрасно Чарнецкій уговаривалъ его и представлялъ, что тогда была суббота, день, посвященный Божіей Матери, Покровительницѣ поляковъ, день, счастливый для битвъ, особенно съ русскими, которые не соблюдаютъ поста въ субботу. Коронный гетманъ послалъ только свою артиллерію. Казаки отступили съ поля и непріятельское войско не преслѣдовало ихъ. Радзивиль очень досадовалъ на упрямство Потоцкаго и увѣрялъ, что еслибъ коронное войско помогло ему, какъ слѣдуетъ, то казакамъ было бы здѣсь второе Берестечко.

«Хмельницкій увидѣлъ тогда (говоритъ польскій лѣтописецъ), что ему не удаются штуки, а потому утромъ на слѣдующій день прислалъ въ польскій лагерь Райтаровскаго, поляка, оставленнаго въ Бѣлой-Церкви комиссарамъ.»

«Удивляюсь (писалъ онъ), какъ это случилось несогласіе между поляками и русскими. Я ничего не знаю; я запрещалъ своимъ выводитъ изъ табора войско, а они вышли противъ своей воли. По-крайней-мѣрѣ я радъ, что не произошло большаго кровопролитія. Прошу скорѣе выслать пословъ для окончанія договора, а я вышлю своихъ».

По приказанію Потоцкаго, Кисель отвѣчалъ ему:

«Очевидно, что ваша милость думаетъ искусно и хитро окружить насъ и довести до невыгоднаго положенія. Къ-чему это являлись вмѣсто чиновныхъ казаковъ какіе-то презрѣнные холопы требовать зборовскаго договора? Вѣдь въ Бѣлой-Церкви о немъ даже поминна не было. Впрочемъ, если искренно угодно мира, то пришли пословъ; для этого нужно не болѣе двухъ часовъ времени» (19).

Поляки ждали отвѣта до полудня. Отвѣта не было. Вдругъ со всѣхъ сторонъ посыпали на нихъ русскіе и татары, и въ одно мгновеніе такъ окружили лагерь, что не было выхода. Поляки поражали ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, но непріятели нападали на нихъ быстро и увидя пѣнниковъ. Съ обѣихъ сторонъ потеря была значительная.

Вечеромъ прибылъ Райтаровскій съ новыми извѣщеніями отъ Хмельницкаго, и съ какими-то новыми требованіями относительно правъ греческой религіи. Потоцкій понуждалъ скорѣе прислать депутатовъ.

Прошелъ еще и другой день. Татары и казаки все болѣе-и-болѣе стѣсняли обозъ польскій. Три дня уже шелъ проливной дождь, войску

(19) «Hist. ab. exc. Wł. IV», 89. — «Wojna z kaz. i Tat. Star. Pols.», I, 309.

угрожалъ голодъ. Раздвигъ жаловался, что ему надобно возвратиться въ Литву, которая остается столь долго безъ обороны; часть литовскаго войска была оставлена въ Любечѣ, и въ то время была осаждена казаками: надобно было освободить ее. Но всего болѣе побуждала поляковъ къ миру заразительная болѣзнь, которая усиливалась съ каждымъ днемъ и дошла уже до-того, что триста человекъ умерло въ одну ночь. Пѣкоторые изъ пановъ все-еще настаивали вести упорно войну и уничтожить казачество до основанія.

— Если подѣ Берестечкомъ, возражалъ имъ Кисель: — въ чужой землѣ, окруженные войскомъ, втрое ихъ многочисленнѣйшимъ, оставленные своимъ вождемъ и татарами, находясь въ дурномъ мѣстоположеніи, казаки не только не сдались, но въ виду нашего ушли и разрушили наши предположенія, то какъ можно легко покорить этотъ народъ въ собственной землѣ его? Мы должны быть довольны и тѣмъ, что можемъ хоть на-время залечить эти раны и получить потомъ средства укротить и приучить къ повиновенію простонародье⁽²⁰⁾.

Съ своей стороны, и Хмельницкій пужался также въ мирѣ: войска у него на-лицо подѣ Бѣлой-Церковью было не болѣе тысячъ сорока, и притомъ оно состояло болѣею частью изъ мужиковъ, неопытныхъ и, что еще хуже, своевольныхъ; напротивъ, польское войско, простиравшееся, какъ кажется, тысячъ до шестидесяти, состояло преимущественно изъ нѣмцевъ, воиновъ опытныхъ; артиллерія у нихъ была несравненно въ лучшемъ видѣ, чѣмъ у казаковъ. Моръ свирѣпствовалъ въ казацкомъ полчищѣ такъ же опустошительно, какъ и въ польскомъ. Украинна была разорена; продолжать войну значило довести народъ русскій до послѣдней степени изнеможенія, голода и безпорядковъ; притомъ власть Хмельницкаго, а съ нею всякій порядокъ и подчиненность были сильно подорваны со дня несчастнаго пораженія берестечскаго; чернь была недовольна гетманомъ; объявивъ себя врагомъ поляковъ и лишаясь законнаго права на свое достоинство, онъ долженъ былъ зависѣть отъ воли пьяной толпы, которая за малѣйшее неудовольствіе готова была смѣнить его или даже отдать полякамъ. Унизительно было для Хмельницкаго, недавно еще повелѣвавшаго народомъ русскимъ, принять условія, которыя дѣлали его только начальникомъ нѣсколькихъ тысячъ войска, предавали русскую землю во власть поляковъ, но онъ долженъ былъ принять ихъ для спасенія себя; нельзя было сомнѣваться, что такой миръ прочнымъ быть не можетъ, когда и миръ зборовскій не обезпечивалъ правъ народа русскаго, Хмельницкій понималъ это. Но Хмельницкій смотрѣлъ на него не болѣе, какъ на перемпріе, которое онъ надѣялся легко прервать, когда будетъ нужно.

Предводитель казаковъ послѣдній разъ попробовалъ преклонить Потоцкаго на болѣе-выгодныя условія и послалъ къ нему 16 (26 н. ст.) сен-

(20) «Annal. Polon. Cl.», I, 293 — 294.

тября двухъ казаковъ. Онъ согласился на все пункты, предложенные въ Бѣлой—Церкви, но просилъ только, чтобъ казаковъ было двадцать тысячъ и чтобъ въ королевскихъ имѣніяхъ Брацлавскаго и Черниговскаго Воеводствъ могли находиться казаки, и эти имѣнія были освобождены отъ постоя. Такимъ—образомъ Хмельницкій, помѣстивъ хотя незначительную часть войска въ этихъ русскихъ странахъ, надѣялся, что присутствіе вольныхъ воиновъ опять подниметь народъ русскій, и онъ можетъ снова воспользоваться обстоятельствами, чтобъ достигнуть своей цѣли и доставить русскимъ свободу. Но Потоцкій согласился на число двадцать тысячъ и рѣшительно отказалъ въ послѣднемъ требованіи.

Разсказываютъ, когда казацкихъ чиновниковъ пригласили на обѣдъ, то одинъ изъ нихъ, Романъ Катержанъ, во время стола обратился къ Потоцкому и сказалъ:

— Милостивый пане краковскій! чому вы насъ не пускали на море на турка, того бѣ лыха не було въ нашей землі.

— Все, что мы терпимъ, отвѣчалъ Потоцкій:—то для пользы турецкаго цезаря; мы охраняемъ его царство, а сами себя разоряемъ.

— Уже жь теперъ не хай королевська милость и Рѣчь—Посполита не боронитъ намъ моря, бо козакъ не обійдеться безъ войны.

— Хотъ бы сейчасъ захотѣли идти, отвѣчалъ Потоцкій:—идите; мы вамъ не будемъ запрещать (21).

Въ слѣдующій день заключенъ былъ договоръ; чиновникъ казацкій Сава отвезъ одинъ экземпляръ къ Хмельницкому. Казацкій гетманъ изъявлялъ желаніе повидаться съ польскими военачальниками.

17 сентября пріѣхали въ казацкій лагерь Гонсѣвскій и Марко Собѣскій: это были заложники, которые должны были оставаться тамъ въ то время, когда Хмельницкій посѣтитъ польскій лагерь. Казацкій гетманъ зналъ, что народъ не пуститъ его, а потому приказалъ выкатить казакамъ нѣсколько бочекъ горѣлки, и когда казаки перепились, тогда собрался въ путь. Полковники старались всеми силами отклонить его.

— Ты былъ побѣдитель, говорили они:—а теперъ идешь имъ кланяться!

— Нельзя, отвѣчалъ онъ:—мы теперъ въ такомъ положеніи, что они намъ нужны, а не мы имъ.

Онъ пріѣхалъ въ лагерь и вошелъ въ шатеръ Потоцкаго, гдѣ собраны были все знатнѣйшіе предводители. Онъ кланялся и просилъ прощенья.

— Я знаю, сказалъ онъ Потоцкому:—что виноватъ предъ вами боже чѣмъ предъ кѣмъ—нибудь.

Казацкому гетману неловко было смотрѣть на магната, котораго онъ

(21) «Wo'na z kaz. i Tat. Star. Pols», I, 311.

нѣкогда одѣвалъ въ свитку для посмѣшища, и у котораго теперь долженъ былъ испрашивать защиты и помощи даже противъ ожесточеннаго хлопства, которое, быть-можетъ, погубило бы его, еслибъ онъ не успѣлъ заключить мира.

Потоцкій отвѣчалъ:

— Оскорбленіе, которое я получилъ подъ Корсуномъ, я давно уже забылъ для Бога, вѣры и отечества, и не хочу болѣе вспоминать о немъ; Божію наказанію слѣдуетъ приписать и мои несчастія и бѣдствія цѣлаго отечества. Богъ дастъ, ты вознаградишь все прежнюю свою вѣрностью и подвигами для пользы Рѣчи-Посполитой.

Хмельницкій повидался съ Радзивиломъ и другими панамп, соблюдая величайшее смиреніе. Потомъ былъ прочитанъ бѣлоцерковскій трактатъ ⁽²²⁾. Хмельницкій, выслушавъ всѣ пункты, подписалъ ихъ: за

(22) БѢЛОЦЕРКОВСКІЙ ТРАКТАТЪ.

Отдавши, вопервыхъ, Господу Богу благодареніе за усмиреніе междоусобнаго кровопролитія, такъ-какъ войско запорожское съ гетманомъ и всюо старшиною приносить его величеству и Рѣчи-Посполитой должную покорность и подданническую вѣрность, мы позволяемъ пребывать ему въ числѣ двадцати тысячъ.

1) Это войско гетманъ и старшины должны набрать и записать въ регистръ, и оно должно находиться въ однихъ только имѣніяхъ его королевской милости, лежащихъ въ Воеводствѣ Кіевскомъ, нисколько не касаясь воеводствъ Брацлавскаго и Черниговскаго; а имѣнія шляхетскія должны оставаться свободными, и въ нихъ регистровые казаки нигдѣ не должны оставаться; но кто останется регистровымъ казакомъ въ числѣ двадцати тысячъ, тотъ изъ имѣній шляхетскихъ, находящихся въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ, также изъ имѣній его королевской милости долженъ переселиться въ имѣнія его королевской милости, находящіяся въ Воеводствѣ Кіевскомъ, туда, гдѣ будетъ расположено войско его королевской милости запорожское. А кто, будучи регистровымъ казакомъ, будетъ переселяться, такому каждому вольно будетъ продать свое имущество, безъ всякаго препятствія со стороны пановъ, также старость и подстарость.

2) Вышеупомянутое устройство двадцатитысячнаго регистроваго войска его королевской милости должно начаться въ-теченіе двухъ недѣль отъ настоящаго числа, а кончиться къ празднику Рождества Христова. Реестръ этого войска, за собственноручною подписью гетмана, долженъ быть отосланъ его королевской милости и вписанъ копіею въ книги градскія кіевскія. Въ этомъ реестрѣ ясно должны быть записаны регистровые казаки въ каждомъ городѣ, по именамъ и прозваніямъ, и общее число не должно быть болѣе двадцати тысячъ. А которые казаки будутъ включены въ реестры, тѣ должны оставаться при давнихъ своихъ правахъ; тѣ, напротивъ, которые не будутъ включены въ реестръ, должны оставаться попрежнему крестьянами, приписанными къ замкамъ его королевской милости.

нимъ подписали полковники. Казацкій гетманъ просилъ Потоцкаго подарить ему Черкасы и Боровицу, но коронный гетманъ отдѣлялся церемоніями, по выраженію поляковъ, знаа напередъ, что этого не будетъ. Подписавъ, съ обѣихъ сторонъ дана была присяга.

Окончивъ дѣла, Потоцкій пригласилъ Хмельницкаго на обѣдъ. Въ знакъ почести, во все продолженіе обѣда оруженосецъ стоялъ за Хмельницкимъ съ поднятой булавой. «Пока казацкій вождь еще не выпилъ (говорить современникъ), то соблюдалъ скромность, но съ винными парами начиналъ развязываться языкъ его».

3) Коронное войско не должно оставаться, ни стоять на квартирахъ въ Воеводствѣ Кіевскомъ въ мѣстечкахъ, въ которыхъ будутъ находиться регистровые казаки, но оно можетъ имѣть мѣстопребываніе въ воеводствахъ Брацлавскомъ и Черниговскомъ, въ которыхъ не будетъ уже казаковъ. Теперь, однакожъ, для предотвращенія всякаго замѣшательства, которое могло бы возникнуть до собранія войскъ въ назначенномъ для нихъ мѣстѣ, въ Воеводствѣ Кіевскомъ, войска, назначенныя для записки въ реестръ, въ числѣ 20,000 должны оставаться въ имѣніяхъ его королевской милости до срока, назначеннаго для окончанія реестровъ, то-есть до праздника Рождества Христова; они не должны ходить далѣе Животова до окончательнаго составленія реестровъ.

4) Обыватели воеводствъ Кіевского, Брацлавскаго и Черниговскаго, сами лично и чрезъ своихъ урядниковъ, должны вступать во владѣніе своими имѣніями и тотчасъ брать въ свою власть всѣ доходы, корчмы и мельницы и судопроизводство; однакожъ, собраніе податей съ крестьянъ должны отложить до вышеупомянутаго срока, назначеннаго для окончанія реестровъ, такъ, чтобы избранные въ регистровые казаки тѣмъ временемъ переселились, а остались только тѣ, которые принадлежать къ сословію крестьянъ. То же самое должно быть и въ имѣніяхъ его королевской милости, такъ-что уже будетъ извѣстно, кто остается на правахъ казацкихъ, а кто приписанъ къ замку и подлежитъ крестьянскимъ повинностямъ.

5) Чигиринъ, на основаніи привилегіи его королевской милости, долженъ оставаться при гетманѣ. Какъ теперешній гетманъ, благородный Богданъ Хмельницкій опредѣленъ и утвержденъ привилегією его королевской милости, такъ и на будущее время гетманы должны состоять подъ старшинствомъ и властью гетмановъ коронныхъ и должны быть утверждаемы привилегіями. Каждый изъ нихъ, дѣлаясь гетманомъ, долженъ дать присягу върноподданства его королевской милости и республикѣ. Напротивъ, всѣ полковники и старшины должны быть опредѣляемы по представленію гетмана его королевской милости запорожскаго.

6) Религія греческая, которую исповѣдуетъ войско его королевской милости запорожское, также соборы, церкви, монастыри и коллегіумъ кіевскій должны оставаться при прежнихъ правахъ, согласно съ стародавними привилегіями. Если кто во время бывшихъ смуть, выпросилъ въ собственность какое-нибудь имѣніе церковное, или принадлежащее духовенству, то такое право собственности никакой дѣйствительности имѣть не можетъ.

— Очень-странно, сказалъ онъ Радзивилу:—что я вижу вашу милость въ польскомъ лагерѣ. Подъ Хотинномъ и въ другихъ опасныхъ случаяхъ литовское войско не выступало на войну.

— Ничего нѣтъ страннаго, отвѣчалъ Радзивиль: — я пришелъ для укрощенія мятежниковъ.

— Однако, возразилъ Хмельницкій:—предки вашей княжеской милости не показывали вамъ примѣра воевать противъ войска запорожскаго.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ смѣлѣе становился гетманъ. Зашла рѣчь о молдавскомъ господарѣ. Хмельницкій не могъ удержаться и закричалъ:

— Измѣнникъ!

7) Шляхтичи римской и греческой религій, которые въ смутное время находились при войскѣ его королевской милости запорожскомъ, также мѣщане кievскіе, всѣ должны пользоваться амнистіею и сохранять неприкосновеннымъ свою жизнь, честь, личные права и имущество; а если имущество кого-нибудь изъ нихъ было выпрошено другимъ на основаніи конституціи, то такое пожалованіе должно быть уничтожено, чтобъ всѣ пользовались милостію короля и республики. Наоборотъ, казаки, находившіеся при войскѣ его королевской милости останутся неприкосновенными съ своими женами и имуществомъ.

8) Жиды, какъ прежде были обывателями и арендаторами въ мѣстностяхъ его королевской милости и въ мѣстностяхъ шляхты, такъ и теперь должны быть.

9) Орда, находящаяся въ настоящее время въ землѣ, должна быть тотчасъ отпращена и должна оставить землю, не причиняя никакого вреда въ областяхъ его королевской милости; она не должна также кочевать на земляхъ, принадлежащихъ республикѣ. Гетманъ запорожскій общается привести орду въ повиновеніе его королевской милости и республикѣ. Еслибы это не состоялось, то гетманъ и войско его королевской милости запорожское до ближайшаго сейма не должны болѣе имѣть съ ордою никакой дружбы, никакого союза, но считать ее непріятелемъ его королевской милости и республики, защищать границы и противъ нея идти на войну вмѣстѣ съ войскомъ республики. Гетманъ обязывается также на будущее время не вступать ни въ какія сношенія и заговоры съ ордою и вообще съ иностранными государствами, но цѣло и ненарушимо долженъ оставаться въ вѣрноподданствѣ его королевской милости и республики; такъ же точно вышшій гетманъ, со всею старинною и всѣмъ войскомъ, равно какъ и всѣ его преемники, на будущее время должны вѣрно и усердно отпращивать всякую службу его королевской милости и республики.

10) Какъ войско его королевской милости запорожское, при составленіи своего ресестра, никогда не касалось границъ Великаго Княжества Литовскаго, такъ и теперь не должно касаться; но, какъ выше сказано, должно ограничиваться Воеводствомъ Киевскимъ.

11) Кіевъ есть городъ столицный и судебный; въ немъ должно быть записано въ ресестрѣ какъ можно меньше казаковъ.

— Почему же вы так называете вѣрнаго слугу Рѣчи-Посполитой? спросили паны, изумленные такой выходкой въ присутствіи зятя самого господара.

— Онъ обманулъ сына моего, Тимошея, не отдалъ за него обѣщанной дочери, сказалъ Хмельницкій.— Да, ваша княжеская милость, хотя онъ и зять вамъ, а я скажу, что готовлюсь воевать съ нимъ; маеть вінъ много грѣшей, а я много людей; и разграблю его сокровища, накажу вѣроломнаго!

Князь поблѣднѣлъ отъ гнѣва, но преодолѣлъ себя и сказалъ:

— Надѣюсь, что господаръ этого не испугается.

Всѣ вышензложенныя статьи, для большей вѣрности и непремѣннаго исполненія, подтвердили присягою мы, комиссары его королевской милости, также и гетманъ запорожскій. Присяга дана намъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ его королевской милости и республикѣ въ томъ смыслѣ, что всѣ статьи, по усмотрѣнію и исполненію вышеозначенныхъ распоряженій, должны быть сохраняемы ненарушимо, въ мирѣ и согласіи. Войско коронное тотчасъ должно двинуться на мѣста, для него назначенныя, и ожидать составленія реестра, равно и орда тотчасъ должна выступить изъ земли, а войско запорожское тотчасъ должно быть также распушено по домамъ.

На будущій ближайшій сеймъ должны быть присланы послы отъ гетмана и войска его королевской милости запорожскаго, чтобъ покорнѣе поблагодарить его милость короля и республику за любовь и милосердіе.

Ихъ милости паны комиссары:

Его милость панъ Николай Потоцкій, гетманъ великій коронный. Его милость панъ Мартынъ Калиновскій, гетманъ польный коронный. Его милость панъ Адамъ Кисель, воевода кievскій. Его милость панъ Станиславъ Ланцкоронскій, воевода брацлавскій. Его милость панъ Казимиръ Косаковскій, подсудокъ брацлавскій.

Комиссары Великаго Княжества Литовскаго:

Его милость панъ Янушъ Радзивиль, гетманъ польный Великаго Княжества Литовскаго. Его милость панъ Георгій Карлъ Глѣбовичъ, воевода Смоленскій. Его милость панъ Викентій Гонѣвскій, стольникъ Великаго Княжества Литовскаго.

Комиссары войска его королевской милости запорожскаго.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ его королевской милости войска запорожскаго, именемъ всего войска. Матвей Гладкій, полковникъ Миргородскій. Янъ Кучевецъ Минковскій, полковникъ Паволоцкій. Яковъ Пархоменко, полковникъ Чигиринскій. Михайло Громыка, полковникъ Бѣлоцерковскій. Яковъ Одинецъ, судья Черкасскій. Баранъ Худый полковникъ Черкасскій. Янъ Выговскій, писарь войска его королевской милости запорожскаго.

Тогда, по сознанію поляка-современника ⁽²³⁾, паны, тайно перешептываясь между собою, задумали отравить Хмельницкаго.

Послѣ обѣда загрѣмѣла музыка, ударили изъ пушекъ, въ казацкомъ лагерѣ отвѣчали тѣмъ же; начали пить за здоровье короля. Хмельницкій догадался, что въ задрзвномъ кубкѣ всыпанъ ядъ; онъ открылъ голову при имени короля и надѣлъ шапку снова, когда пили за благородное сословіе; съ судорожнымъ движеніемъ схватилъ онъ кубокъ, стукнулъ имъ по столу, вышелъ, пзвиняясь нездоровьемъ, и тотчасъ попрощался съ панами.

Ему подали турецкаго коня въ богатой збруѣ: это былъ подарокъ коронаго гетмана.

— Это щедроты вашего Потоцкаго, сказалъ онъ: — благодарю его, какъ гетмана, побѣдителя, союзника, а за коня готовъ ему отдарить триста подобныхъ.

Въ сильномъ волненіи онъ вскочилъ на коня и полетѣлъ во всю прыть. Поляки съ изумленіемъ смотрѣли на эти странные поступки гетмана и ясно увидѣли изъ пухъ, что Хмельницкій догадался о намѣреніи отравить его. На половинѣ дороги гетманъ соскочилъ съ коня, сѣлъ въ коляску и, въ задумчивости, полетѣлъ въ свой таборъ ⁽²⁴⁾.

На другой день Выговскій привелъ турецкаго коня въ подарокъ отъ Хмельницкаго сыну Потоцкаго, старостѣ Каменецкому, котораго казацкій предводитель нѣкогда грозилъ посадить на колъ. Писарь кланялся панамъ, увѣрялъ въ своемъ расположеніи и обѣщалъ дѣйствовать въ пользу Польши, находясь при Хмельницкомъ. Онъ старался выставить полякамъ, что договоръ, столь выгодно для нихъ постановленный, есть плодъ его стараній. Подошедши къ Радзивилу, онъ передалъ ему извиненіе отъ Хмельницкаго за вчерашнюю горячность.

— Я объ этомъ не думаю, отвѣчалъ Радзивиль: — если онъ говорилъ въ пьяномъ видѣ, то я повторю въ трезвомъ, что я и государь не боюсь угрозъ его. Меня всегда онъ найдетъ готовымъ, если ему угодно; я ожидаю его въ полѣ какъ онъ хочетъ, хоть съ войскомъ, хоть одинъ-на-одинъ ⁽²⁵⁾.

— Слава Богу, говорили тогда въ войскѣ: — мы возвратили отечеству честь его! Но печально было возвращеніе обоихъ войскъ изъ Украины, гдѣ, простоявъ двѣ недѣли по заключеніи мира, жолтыры стали-было забывать, что ⁽²⁶⁾ недавно терпѣли недостатокъ и радовались

⁽²³⁾ «Hist. ab. exc. Wl. IV», 92.

⁽²⁴⁾ Обст. бѣлоцерк. дог. см. «Hist. ab. exc. Wl. IV», 91 — 92. «Wojna z koz. i Tat. Star. Pols.», I, 312 — 313. — «Ann. Pol. Cl.», I, 297. — «Hist. belli cos. polon.», 213 — 215. — «Woyna domowa», ч. 2, 64.

⁽²⁵⁾ «Wojna z koz i Tat. Star. Pols.» 313. — «Hist. ab. exc. Wl. IV», 92.

⁽²⁶⁾ «Пам. Кіев. Ком.», II, 118 — 139.

дешевизнѣ въ медовой землѣ, какъ они называли Украину. Зараза, появившаяся лѣтомъ, свирѣпствовала въ Подоліи всюю силою. Выйдя изъ Кіевского Воеводства, поляки такъ умирали, что ихъ не успѣвали хоронить, и часто въ полѣ, далеко отъ селенія, вмѣсто колокольнаго звона, провожали въ могилу мертвыхъ воиновъ звуками трубъ⁽²⁷⁾. Потоцкій не прожилъ и мѣсяца послѣ заключенія мира; онъ скончался въ Липичевѣ 9 октября. Все лѣто старикъ чувствовалъ себя слабымъ и хотѣлъ только дожить до того, чтобъ загладить стыдъ корсунскаго пораженія⁽²⁸⁾.

Радовался король, радозалось дворянство, но грустное предчувствіе овладѣвало сердцаши противъ воли: было какое-то непонятное безпокойство, заставлявшее противъ всѣхъ убѣжденій думать, что Польшѣ грозитъ еще новая, большая бѣда.

Къ усугубленію общаго волненія появилась комета, и астрологъ возвѣщали, что эта комета та самая, которая бываетъ видима только тогда, когда предшествуетъ великому перелому, или несчастью. Носпись въ Польшѣ разные слуха: то показывались странныя видѣнія, то появлялись умершіе и предсказывали общее горе. Одни высматривали опасности отъ Хмельницкаго, другіе отъ Турціи, отъ Московіи и Швеціи: Польша была окружена врагами. Другіе вздыхали, вспоминая законпреступный бракъ Іоанна Казимира. Люди разсудительные, хотя смѣялись надъ предрасудками, однако въ тайнѣ и сами ощущали непонятную грусть въ душѣ. Предчувствіе цѣлаго народа рѣдко бываетъ ложнымъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Безспіе Блюцерковскаго трактата. — Положеніе Украины. — Переселенія въ Московію. — Посольство отъ Хмельницкаго въ Москву. — Возмущенія въ Украинѣ. — Судная коммиссія надъ возмутителями. — Казни Мозыры, Гладкаго, Хмелецкаго, Гурскаго. — Сватовство. — Письмо Хмельницкаго къ молдавскому господарю. — Письмо Лупулы къ польскому королю. — Польское войско подъ Батогомъ. — Преподнаменованія.

Блюцерковскій трактатъ приводилъ Украину къ тому же положенію, въ какомъ она находилась до 1648 года: четырехлѣтніе труды, потеря народа, опустошеніе Руси не выкупались ничѣмъ. Снова паны возвращались въ свои владѣнія; жидаы опять могли быть управителями и арендаторами; жолібрамъ предоставлялось попрежнему право собирать съ поселянъ стаціи и ходить толпами по городамъ и селамъ; положеніе русскаго народа могло даже стать хуже, чѣмъ было прежде, потому-что враги ихъ, выстоявъ кровопролитный споръ, готовились предать

(27) «Wojna z koz. i Tat. Star. Polsk.», I, 354.

(28) «Hist. belli cos. pol.», 215 — 216. «Ann. Pol. Cl.», I, 299. — «Hist. ab exc. Wl. IV», 93.

пхъ ужасамъ мести. Трактатъ бѣлоцерковскій не ограждалъ также и восточнаго православія: хотя въ немъ сказано было, что религія греческая остается при давнихъ правахъ, но какъ эти права были уже пошираемы, то, слѣдовательно, теперь могли еще менѣе имѣть силы. Впрочемъ, каковы бы ни были права православной религіи, они всегда должны были оставаться только на бумагѣ, пока произволъ былъ сильнѣе всѣхъ письменныхъ постановленій. Миръ бѣлоцерковскій могъ стать только новымъ источникомъ раздоровъ. «Онъ (говорить одинъ лѣтописецъ) постановленъ былъ на льду», выражая тѣмъ, что это было слѣдствіе обоюдной необходимости преобразить войну по причинѣ наступающей зимы и распространившейся заразы. Поляки, заключая его, знали хорошо, что народъ русскій, столь упорно-показавшій себя въ послѣднюю войну, не удовольствуется нигдѣ и одинъ шляхтичъ еще изъ-подъ Бѣлой-Церкви писалъ въ Варшаву: «Надобно опасаться, чтобъ хлопья не вы-брали себѣ другаго гетмана, а на то походить» (1). «Нельзя довѣрять Хмельницкому, который дѣйствуетъ не всегда самъ-по-себѣ, но также и по волѣ безразсудной толпы» говорилъ Кисель (2).

Польское войско удалилось отъ Бѣлой-Церкви къ Винницѣ и, по смерти Потоцкаго, Калиновскій принялъ изъ нимъ главное начальство. «Подъ покровительствомъ его, паны стали стекаться въ свои имѣнія и увидѣли (говорить лѣтописецъ) (3), что надобно снова готовиться къ войнѣ». Поддѣстране и бужане слышать не хотѣли ни о какихъ договорахъ, не давали стацій, не думали повиноваться старостамъ и владѣльцамъ и называли себя попрежнему казакамъ. Калиновскій вѣшалъ ихъ, четверговалъ, жегъ медленнымъ огнемъ (4), не спускалъ и церквямъ Божиимъ, по замѣчанію современниковъ, приказывалъ снимать церковные колокола и переливать на пушки, изгонялъ православныхъ священниковъ (5). Жолнѣры, получивъ потачку, начали обращаться съ хозяевами тѣхъ селъ, гдѣ стояли, какъ съ собственными рабами и расворяжались достояніемъ жителей. Владѣльцы, воротившись въ имѣнія, заставали свои усадьбы въ разореніи; голодъ и недостатокъ въ странѣ, гдѣ не пахали долго земли, лишалъ ихъ возможности извлекать какіе-нибудь доходы; они принялись мучить своихъ подданныхъ, чтобъ выпытать, гдѣ спрятаны сокровища, награбленныя въ господскихъ домахъ. «И были слышны (говорить лѣтописецъ) (6) въ народѣ вопль и воздыханіе, и горе, и ропотъ на Хмельницкаго».

(1) «Wojna z koz. i Tat. Star. Pols.», I, 354.

(2) «Пам. Кіевск. Ком.».

(3) «Ann. Pol. Cl.», I, 317.

(4) «Ист. о през. бр.».

(5) «Ист. о през. бр.».—«Лѣтоп. самов.», 19. — «Annal. Pol. Cl.» I, 350.

(6) «Ист. о през. бр.».

«Вотъ къ чему привели насъ его побѣды!» говорили хлопъ : «мы ожидали себѣ свободы, а онъ опять насъ закабалилъ въ рабство!»

И въ-самомъ-дѣлѣ, на Хмельницкаго, повидимому, не было надежды; онъ, казалось, былъ глухъ и нѣмъ къ стонамъ народа и самъ дѣйствовалъ злобно съ папани. Онъ оказывалъ явное недовѣріе къ русскимъ, отдалилъ отъ себя казаковъ, окружилъ себя тагарами, «и не разъ (говорить лѣтописецъ) приходилось ему погибнуть отъ разъяреннаго хлопства» (7). Въ-добавокъ, народъ русскій терпѣлъ голодъ; въ-особенности Волинь представляла ужасное зрѣлище: еще во время прошлагодней войны четверть ржаной муки стоилъ сто-двадцать злотыхъ, и убогіе люди, неуспѣвшіе убѣжать, помпраны толпами отъ голода.

Въ такомъ положеніи единственнымъ спасеніемъ для русскаго народа казалось «итти свить за очіма», по народной пословицѣ. Подольскіе и брацлавскіе поселенцы устремились на лѣвый берегъ Днѣпра, перешли такъ-называемую Вишневецчину, земли; занимаемая прилуцкимъ и лубецкимъ полками, и поселялись въ Полтавщинѣ и Ахтырщинѣ, гдѣ, по берегамъ Ворсклы, вдругъ возникали большія слободы. Но такъ-какъ и на этотъ отдаленный край поляки имѣли притязаніе, то южноруссы совершенно покидали свое отечество и уходили въ Московское Государство (8). Еще сначала XVII-го столѣтія завелся въ Украинѣ обычай переходить на слободы и селиться на привольныхъ степяхъ нынѣшней Полтавской Губерніи. Подвигаясь далѣе-и-далѣе, въ царствованіе царя Михаила, новопоселенцы захватили часть московскихъ владѣній: появились слободы около Путивля, Рыльска и Бѣлгорода (9). По слѣдамъ отцовъ своихъ и теперь пустились украинцы искать новаго отечества.

Первый примѣръ къ переселенію казаковъ, а не хлоповъ, въ Московію подали волинцы. Тотчасъ послѣ берестечскаго пораженія тысяча казаковъ возникшаго тогда острожскаго полка, подъ начальствомъ какого-то Ивана Дзинковскаго, ожидая нашествія поляковъ, гнавшихся за разбитыми силами Хмельницкаго, убѣжали за границу и просили царя позволить поселиться имъ на московской землѣ. Въ то время правительство московское обращало особенное вниманіе на южную границу государства и старалось заселить пустыя берега Дона, Сосны, Оскола въ нынѣшнихъ губерніяхъ Воронежской и Курской. Это намѣреніе казалось тѣмъ необходимѣе, что Московія непрерывно страдала отъ набѣговъ крымскихъ варваровъ. Алексѣй Михайловичъ построилъ тамъ уже нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ. Тысячи казацкихъ семействъ изъ-за Днѣпра, людей военныхъ, закаленныхъ въ брани, былъ кладъ для государства. Царь не позволилъ имъ селиться около Путивля и Бѣлгорода, какъ они хотѣли, и приказалъ построить имъ городъ на

(7) «Ann. Polon. Cl.», I, 315.

(8) «Лѣт. самов.», 19. — «Экстр. о слободск полк.».

(9) «Экстр. о слободск. полк.».

берегу Тихой Сосны, названный Острогожскомъ. Украинцы явились на мѣсто жительства въ готовые дома, снабженные даже хлѣбнымъ зерномъ для перваго обзаведенія. Царь даровалъ имъ право удержать все прежнее устройство казачье: чины полковника, сотниковъ, есауловъ, всю организацію полка украинскаго. Это былъ первый слободскій полкъ ⁽¹⁰⁾. Такой благосклонный пріемъ ободрилъ и другихъ.

Поддѣстране и бужане складывали на воловьи возы, или сани, имущество, сожигали свои хаты и гумны, чтобъ не доставались остатки ихъ *худобы* врагамъ, и отправлялись цѣлыми селами искать другой Украины. Напрасно жолѣтеры заступали имъ дороги и казнили, на страхъ прочимъ, тѣмъ, кто попадался имъ въ руки: украинцы выѣзжали съ пушками и ружьями, пробивались изъ стараго отечества, покупая кровью новое ⁽¹¹⁾.

Менѣ чѣмъ въ полгода, на пространствѣ отъ Путивля до Острогожска появились многія слободы, изъ которыхъ образовались города и богатые мѣстечки: Сумы, Лебединъ, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и пр. Иные подвигались къ югу въ глубину степи по рѣкамъ Дону, Удью, Харькову, Коломаку. Въ числѣ слободъ были нынѣшній Харьковъ. Основанный среди болотъ и лѣсовъ въ безопасномъ мѣстѣ, онъ сдѣлался полковымъ городомъ съ украинскимъ устройствомъ, но неподвѣдомый гетману. Поселенія назывались вообще слободами, отчего эта земля, заселенная новопривывшими южноруссами, получила названіе Слободской Украины, то-есть Украины свободной, въ противоположность старой Украинѣ, гдѣ жители терпѣли отъ поляковъ ⁽¹²⁾.

Отрекаясь отъ поляковъ, эти переселенцы отрекались и отъ своего гетмана. Хмельницкій страшился, чтобъ такимъ образомъ всѣ украинцы не перебрались на новоселье, оставя его съ малымъ числомъ на жертву. Въ то же время, боясь потерять совершенно и любовь народную и благосклонность царя, гетманъ послалъ въ Москву посольство весною 1652 года съ предложеніемъ, въ которомъ была оригинальная мысль переселить всѣхъ казаковъ на царскую землю.

«Пожалѣй насъ, государь православный (писалъ Хмельницкій), умилосердись надъ православными Божиими церквами и нашею невинною кровію. Ничего не исполняютъ поляки, что съ нами постановили: святая Божіи церкви, какія обѣщали отдать намъ изъ уиц, не отдали, да еще обращаютъ въ уніятскія и тѣ, которыя оставались у насъ. Они хотятъ искоренить православную вѣру въ народѣ нашемъ, а для того собрали на насъ коронныя войска свои; они ругаются надъ святынею, мучатъ христіанъ православныхъ духовнаго и мірскаго чина и дѣлаютъ такія жестокости, что вашему царскому величеству и слушать будетъ жалко. Со слезами просимъ твое царское величество, не

⁽¹⁰⁾ «Памят. Острогож. слободск. полк.» (рук.).

⁽¹¹⁾ «Annal. Pol. Cl.», I, 318. — «Лѣт. самов.», 19.

⁽¹²⁾ «Экстр. о слободск. полк.» — «Крат. опис. о каз. малор. нар.», 66.

«дай, великій государь, клятвопреступникамъ и мучителямъ разорить насъ до конца; прими насъ подъ свою крѣпкую руку».

Алексѣй Михайловичъ постоянно показывалъ видъ миролюбія и справедливости и не хотѣлъ нарушить мира съ кородемъ; онъ оставлялъ исполненіе своихъ замысловъ до времени. Посланникъ казацкій Искра получилъ позволеніе видѣть царскія очи, а дьяку Волошанинову препоручено было переговорить съ нимъ. Вотъ любопытный разговоръ дьяка съ казакомъ, переданный потомству.

— Его царское величество, говорилъ дьякъ: — будетъ всегда милостивъ къ гетману и станетъ насъ всѣхъ держать въ своемъ царскомъ жалованьи. Но великій государь не желаетъ нарушать спокойствія и совѣтуетъ гетману и всему войску запорожскому стоять на томъ, на чемъ помирились съ поляками.

— Но король и сенаторы и вся Рѣчь-Посполитая, возразилъ Искра: — никогда не хранятъ слова и всегда нарушаютъ то, въ чемъ клянутся. Поэтому гетману и всему войску запорожскому нѣтъ ниаго прибѣжища, кромѣ царскаго величества. Просимъ великаго государя заступиться за насъ.

— Но у вашего гетмана, сказалъ дьякъ: — большая дружба съ ханомъ: не пойдете вы къ хану, если поляки станутъ вѣтъ сильно притѣснять?

— У гетмана, отвѣчалъ Искра: — хотъ и была съ ханомъ дружба, да по-неволѣ, потому-что поляки на насъ напали, а намъ, черкасамъ, никто не давалъ помощи. Поэтому мы призвали хана въ помощь. Но ханъ хотъ и подалъ намъ помощь противъ поляковъ, однако татары послѣ того насъ же самихъ разорили. Вѣрнть крымскому хану нельзя, потому-что онъ бусурманъ, и мы никогда не поидемъ къ нему, а будемъ надѣяться на одного великаго государя. Если его царское величество не желаетъ нарушить мира съ поляками, то пусть пожалуетъ насъ: позволить перейти на порубежныя свои земли около Путнвля и поселиться на границѣ литовской.

Въ этой просьбѣ видно было невысказанное намѣреніе Хмельницкаго: въ случаѣ царскаго согласія, онъ могъ сдѣлаться вдругъ страшнымъ для поляковъ и между-тѣмъ не только не покинуть Украины, а еще распространить ея предѣлы.

Дьякъ съ-разу понялъ, чего домогаются казаки и отвѣчалъ:

— Хорошо дѣлаетъ гетманъ со всѣмъ войскомъ, что къ бусурману не пристаеъ, а шлетъ милости царскаго величества. Пусть переходитъ гетманъ со всѣми черкасами въ нашу сторону; есть у его царскаго величества земли большія, пространныя, привольныя; пусть селятся по Дону, Медвѣдицѣ, на удобныхъ мѣстахъ, а въ порубежныхъ городахъ на границѣ Литвы имъ селиться не годится, потому-что тогда будетъ у нихъ съ поляками и литвою большая ссора, и что подалъ отъ нихъ и то лучше безо всякаго будетъ задора. По вѣчному

нашему договору съ королею положено тѣхъ не возвращать, кто перейдетъ изъ Литвы къ намъ, а отъ насъ въ Литву; поэтому гетманъ со всѣмъ войскомъ можетъ перейти на земли его царскаго величества; отдачи не будетъ, и станутъ они жить въ милости и въ чести, и пожалуетъ ихъ государь большимъ жалованьемъ и пространными привольными землями (13).

Но между-тѣмъ реестръ кончился; реестровые списки внесены въ градскія книги; всѣ, которые не вошли въ ограниченное число казаковъ, должны были снова работать панамъ и содержать польскихъ жолнѣровъ. Войско литовское вошло въ Сѣверію. Часть короннаго войска перешла на лѣвый берегъ Днѣпра (14). Бѣгство въ Московію стало затруднительно; самъ Хмельницкій издалъ универсалъ, въ которомъ запретилъ переходить на слободы и приказывалъ служить панамъ. «Ужь теиерь (писалъ онъ) не годится дѣлать того, что дѣлалось прежде: никому не будетъ пощады, кто не хочетъ покориться!»

Но жители не думали о повиновеніи ни панамъ, ни жолнѣрамъ, и ни самому казацкому гетману. Они зарывали въ землю свое имущество, жгли хаты, загоняли скотъ и завозили хлѣбъ, овесъ и сѣно въ укрѣпленныя мѣстечки, куда и сами прятались съ семействами. Бѣдный жолнѣръ (говоритъ летописецъ польскій) долженъ былъ кровью добывать насущный хлѣбъ. Весною, едва началъ сходить снѣгъ, уже вся Украина была въ огнѣ (15).

На Заднѣпріи по Бугу и Днѣстру, оставшіеся жители скрывались по лѣсамъ и оврагамъ, такъ-что полякъ не могъ ни пройти, ни проѣхать безъ вооруженной команды. Въ разныхъ мѣстахъ Украины появились народные предводители, которые или сами домогались гетманскаго достоинства, или хотѣли ввѣрить его кому-нибудь другому вмѣсто Хмельницкаго. Хмельницкій, дворянинъ, промѣнявшій свои шляхетскія грамоты на казацкую волю, на правой сторонѣ Днѣпра собиралъ недовольныхъ и готовился лишить Хмельницкаго гетманства (16). На лѣвой сторонѣ Днѣпра, около Лубенъ, мятежные хлопы избрали себѣ предводителемъ какого-то Бугая и дрались съ жолнѣрами (17). Около Нѣжина составилось сильное ополченіе подъ начальствомъ Лукьяна Мозыры (18); Хмельницкій лишилъ его корсунскаго полка и назначилъ на его мѣсто своего шурина Золотаренка. Подъ знамена Мозыры становились тѣ, которые равнымъ образомъ ненавидѣли и пановъ и своего гетмана, и вскорѣ это ополченіе стало такъ сильно, что два отряда, посланные противъ него

(13) «Полн. Собр. Закон. Росс. Импер.» т. I, 263 — 265.

(14) «Памят. Кіевск. Ком.», III, 3, 2.

(15) «Ист. о през. бр.»

(16) «Ист. о през. бр.»

(17) «Ann. Polon. Cim.» I, 318

(18) «Ист. Мал. Росс. Банг. Кам.», 1 прим. 303.

Калиновскимъ изъ-за Днѣпра, были разбиты, и наконецъ Потоцкій, сынъ покойнаго гетмана, явившись на лѣвомъ берегу, не смѣлъ вступить съ Мозырю въ дѣло и поскорѣе убѣжалъ назадъ ⁽¹⁹⁾. Въ миргородскомъ полку, въ селеніяхъ Липовомъ и Рябухѣ, произошла ссора между жолнѣрами и жителями ⁽²⁰⁾. Начальники польскіе разбирали это дѣло и, подъ видомъ наказанія, казнили многихъ жителей, пестребили мятежныя селенія до основанія, не щадя ни пола, ни возраста ⁽²¹⁾. Тогда миргородскій полковникъ Гладкій, не показывая полякамъ явнаго неудовольствія, составилъ съ казаками тайный заговоръ, чтобъ въ назначенный день, по данному сигналу, во всемъ миргородскомъ полку перебить всѣхъ жолнѣровъ. Для этого избрано свѣтлое воскресенье. Поляки предались праздничнымъ забавамъ. Тогда жители бросились на враговъ и произвели страшное кровопролитіе ⁽²²⁾. Прямѣръ этотъ ободрялъ жителей и другихъ полковъ. Около Мглина и Стародуба произошла подобная рѣзня надъ литовцами, послѣ чего жители, страшась мщенія, стали разбѣгаться по лѣсамъ и вести гайдамацкую войну ⁽²³⁾.

Положеніе Хмельницкаго было часъ-отъ-часу опаснѣе. Вооруженныя толпы готовились идти на Чигиринъ и растерзать предводителя. Среди всеобщаго возстанія Хмельницкій принужденъ былъ успокоить хотя нѣсколько русскій народъ и позволилъ записываться въ реестръ, и такимъ образомъ въ то время, когда королю представлеиъ былъ списокъ съ двадцатью тысячами, въ Украинѣ существовалъ другой реестръ, въ которомъ казаковъ записано было болѣе сорока тысячъ, какъ было послѣ зборовскаго мира.

Вѣсть объ этомъ увеличеніи войска дошла до Калиновскаго. Коронный гетманъ счелъ такой поступокъ за явное несоблюденіе договора и написалъ Хмельницкому письмо съ укоризнами.

Хмельницкій принялъ смиренный видъ обиженой справедливости передъ депутатами Калиновскаго.

— Боже мой! говорилъ онъ: — коронному гетману такъ хочется нарушить миръ, что онъ радъ утопить меня въ ложкѣ воды.

«Точно, я позволилъ казакамъ записываться въ реестръ (писалъ онъ «Калиновскому), но это сдѣлано было по-необходимости, потому-что «они бы меня самого убили; сдѣлано для пользы самихъ поляковъ, «чтобъ укротить и усмирить на-время необузданное мужичьѣ. Повѣрьте, «гетманъ, я всѣми силами стараюсь о спокойствіи, но на все нужно «время. Въ доказательство же моей готовности быть вѣрнымъ Речи-

⁽¹⁹⁾ «Annal. Polon. Cl.» I, 318.

⁽²⁰⁾ «Лѣт. сам.», 19.

⁽²¹⁾ «Лѣтоп. Велшча», I, 140.

⁽²²⁾ «Лѣт. самов.», 19. — «Ист. о през. бр.»

⁽²³⁾ «Лѣтоп. самов.», 20.

«Посполитой, я желаю самъ, чтобъ виновные по сулу были преданы «казни» (24).

Послѣ этого гетманъ послалъ къ королю жалобу на притѣсненія простаго народа жолнѣрами, рассказывалъ объ убійствахъ и злодѣяніяхъ, совершаемыхъ надъ русскимъ народомъ, представлялъ, что поляки нарушаютъ миръ и подаютъ поводъ къ новымъ безпокойствамъ (25), но не оправдывалъ мятежей русскаго народа и просилъ разбирательства о виновныхъ.

Король и сенаторы были тогда снова раздражены противъ Хмельницкаго. Василій Лупула приказалъ остановить посла его въ Константинополь и переслалъ въ Польшу письмо Хмельницкаго къ турецкому правительству. Въ этомъ письмѣ казацкій гетманъ попрежнему просилъ помощи и защиты у турковъ противъ поляковъ (26). «Поляки (говоритъ историкъ) (27) сочли за лучшее отвѣчать на коварство Хмельницкаго коварствомъ».

Канцлеръ, отъ имени короля, написалъ къ нему вѣжливое письмо.

«Его величество и вся Рѣчь-Посполитая принимаютъ съ большимъ сожалѣніемъ непріятное извѣстіе, что, послѣ столь недавняго примиренія, опять возникаютъ несогласія между обими войсками, а потому, для водворенія порядка и для открытія зачинщиковъ смуты, назначена коммиссія, которой членами избраны кievскій воевода Михаилъ Агсагъ, Геронимъ Завиша и Маховскій. Съ своей стороны, гетманъ Хмельницкій долженъ показать всю строгость надъ нарушителями мира и врагамъ общественнаго спокойствія пзъ казаковъ, если окажется, что они первые подали поводъ, и напередъ употребляютъ надъ ними суровыя мѣры, а равнымъ образомъ не позволяютъ имъ оставлять счастливыхъ береговъ Днѣпра, дѣйствовать для успокоенія казаковъ, охранять права владѣльцевъ и войска вмѣстѣ съ гетманомъ Калновскимъ».

Хмельницкій съ казацкой стороны назначилъ въ эту коммиссію кievскаго полковника (28). Калновскій прислалъ отъ войска Ляндскоронскаго (29).

Эта коммиссія обвинила и присудила къ смертной казни Хмѣлецкаго, Мозыру, Гладкаго, войскаго судью Гуляницкаго и другихъ, которыхъ имена неизвѣстны. Хмельницкій безъ сопротивленія подписалъ смертныя

(24) «Ann. Pol. Cl.», I, 318 — 319.

(25) «Hist. ab exc. Wł. IV», 103.

(26) «Annal. Polon. Clm.» I, 302—319.

(27) «Hist. ab exc. Wł. IV», 101.

(28) Ibid., 100.

(29) «Annal. polon. Cl.», I, 321.

приговоръ ⁽³⁰⁾, показывая видъ, какъ-будто онъ дѣлаетъ это по волѣ полковниковъ, а не по своему произволу ⁽³¹⁾.

Мозыра первый былъ схваченъ и повѣшенъ съ множествомъ соучастниковъ ⁽³²⁾. Гладкому отрубили голову. Современникъ говоритъ ⁽³³⁾, что онъ казненъ не столько за возмущеніе, сколько за личную вражду съ Хмельницкімъ: возвращаясь изъ-подъ Берестечка, онъ не отказывался, подобно Джеджалыку и Богуну, отъ булавы, и имѣлъ намѣреніе сдѣлаться гетманомъ вмѣсто Хмельницкаго, котораго недовольное казачество готово было тогда выдать полякамъ. Известно, что Гладкій и принесть это согласіе народа въ польскій лагерь. Кромѣ-того, Гладкій былъ недоволенъ сношеніемъ Хмельницкаго съ турками и внушалъ казакамъ опасеніе попасться подъ иго невѣрныхъ. Хмѣлецкій былъ схваченъ въ-расплохъ въ Павлочѣ и тутъ же, на базарѣ, ему отрубили голову ⁽³⁴⁾. Судья Гуляницкій былъ счастливѣе: онъ скрылся въ монастырь, потомъ пробрался въ Молдавію ⁽³⁵⁾. Кромѣ этихъ осужденныхъ, по разнымъ мѣстамъ Украины, частью по приговору комиссіи и частью по волѣ гетмана, рубили головы, вѣшали, сажали на колъ. Около этого времени, по сказанію одной лѣтописи ⁽³⁶⁾, былъ казненъ въ Кіевѣ на площади Гурскій, виновникъ берестечкаго пораженія. Хмельницкій постановилъ, чтобъ при каждой польской хоругви были казачіе депутаты для отвода квартиръ, и издалъ универсалъ, въ которомъ запрещалъ народу помышлять, чтобъ казачій гетманъ позволилъ имъ когда-либо сопротивляться вопскому постою или не повиноваться владѣльцамъ ⁽³⁷⁾.

Поляки были довольны этимъ явнымъ знакомъ покорности; но Хмельницкій, угождая врагамъ, угождалъ самому себѣ.

Не прошло и мѣсяца послѣ такихъ признаковъ покорности, какъ Хмельницкій былъ уже въ-состояніи сбросить съ себя личину и снова явиться врагомъ поляковъ и защитникомъ русскаго народа.

Бѣлоцерковскій договоръ остался неутвержденнымъ на сеймѣ, потому-что этотъ несчастный сеймъ открылъ собою рядъ гибельныхъ, разрушительныхъ національныхъ собраній въ Польшѣ. На немъ, между прочимъ, хотѣли судить и предать безславію нѣкоторыхъ богатыхъ и своевольныхъ пановъ; они подкупили одного литовскаго депутата, Сицинскаго; этотъ депутатъ сорвалъ сеймъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что

⁽³⁰⁾ «Ист. о през. бр.» — «Лѣт. мал.».

⁽³¹⁾ «Пам. Кіев. Комм.», III, 3, 8.

⁽³²⁾ «Annal. Polon. Clim.» I, 321.

⁽³³⁾ «Лѣтоп. сам.», 19.

⁽³⁴⁾ «Ист. о през. бр.»

⁽³⁵⁾ «Ист. о пр. бр.».

⁽³⁶⁾ «Крат. ист. опис. о Мал. Рос.», 25.

⁽³⁷⁾ «Ann. Polon. Cl.», I, 321. — «Собственнор. универ. Хмельниц.» (рукоп.).

засѣданіе его продолжалось долѣ опредѣленнаго времени. Хмельницкій тогда имѣлъ право считать этотъ договоръ недействительнымъ; онъ и прежде предвидѣлъ, что поляки скоро подадутъ ему предлогъ разорвать униженительный миръ, а потому заранѣе заключилъ договоръ съ Нурединомъ, братомъ Ислама и Карачъ—Мурзою. Они стояли уже на границѣ Украины съ двадцатью тысячами татаръ и готовы были вступить, по мановенію Хмельницкаго. Какъ только гетманъ узналъ, что бѣло-церковскій трактатъ не утвержденъ польскою націею и, слѣдовательно, не обязываетъ болѣе Украины, онъ пригласилъ татаръ и приказалъ казакамъ готовиться въ походъ налегкѣ, безъ возовъ и пожитковъ (38).

Молдавскій господарь, наказанный за нарушение даннаго слова, въ 1650 году, по совѣту поляка Кутнарскаго, снова обѣщавъ отдать Дону за Тимофея, но просилъ отсрочки на годъ, извиняясь молодостью невѣсты. Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы видѣли, онъ старался всячески вредить Хмельницкому, и можетъ-быть, Богданъ не окончилъ бы такъ несчастливо своей войны, еслибъ молдавскій господарь не передавалъ полякамъ перехваченныхъ его писемъ и не возбуждалъ противъ него хана, извѣщая послѣднiаго о сношеніяхъ казацкаго гетмана съ москвитянами. Послѣ бѣлоцерковскаго мира, Лупула продолжалъ искусно вредить Хмельницкому и вооружилъ противъ себя хана: надѣясь на силу поляковъ, онъ не побоялся задержать крымскаго посла и отнять у него письма (39). Отъ этого ханъ съ большимъ радушіемъ предложилъ Хмельницкому помощь, и снова называлъ его любезнымъ другомъ и союзникомъ (40).

Приветворяясь заранѣе къ войнѣ, Хмельницкій еще разъ написалъ къ Лупулѣ и напоминалъ ему, что давно пора исполнить обѣщаніе. Лупула снова отвѣчалъ ему отказомъ, отбѣлываясь разными отговорками, изъ которыхъ Хмельницкій видѣлъ его явное нежеланіе (41).

Тогда, по увѣренію одной лѣтописи (42), Хмельницкій написалъ къ Лупулѣ въ такомъ тонѣ: «Сосватай, господарь, дочь свою съ сыномъ моимъ Тимофеемъ, и тобѣ добре бѣде, а не выдаси — изотру, «изомну и останку твоего не останется и вихремъ прахъ твой размечу по воздуху».

Лупула чрезъ Кутнарскаго извѣстилъ Калиновскаго объ угрожающей опасности и просилъ самого короля о заступленіи.

«Извѣстно вашему величеству (писалъ онъ), что уже два года Хмельницкій, мятежникъ вашего величества, принуждаетъ меня къ тому, что унижительно для моего достоинства. Снова, надменный успѣхами, требуетъ онъ сыну своему Тимофею обѣщанную невѣсту, дочь мою,

(38) «Лѣт. Величк.», I, 107 — 109.

(39) «Ann. Pol. Cl.», I, 320.

(40) Ibid., 298.

(41) «Hist. ab exc. Wl. IV», 102.

(42) «Пов. о томъ, что случ. въ Украин.», 19.

«единственное утѣшеніе моеѣ старости, и грозить оружіемъ, если я не «удовлетворю его : уже слышу звукъ непріязненнаго войска , которое «готовить на меня Тимоей съ Карачь—Мурзою. Онъ рѣшился овла- «дѣть моею дочерью, хотябъ умертвивъ отца ея , и называетъ ее сво- «нимъ достояніемъ, ссылаясь на общаніе мое , два года назадъ , вы- «нужденное оружіемъ. Ради вѣрности моеѣ къ Рѣчи—Посполитой, ради «моего владѣтельнаго достоинства, ради обѣта, даннаго поляками, умо- «ляю , чтобъ Калиновскій не допустилъ свободно пройти въ Молдавію «казакамъ и татарамъ , изъ союзникамъ. Предстоитъ удобный случай «уничтожить ихъ, безпечныхъ , непомышляющихъ о нападеніи. Казаки «такъ много преступили противъ поляковъ , что Польша должна защи- «щать меня отъ несправедливаго наслія , меня , живущаго подъ кры- «ломъ польскаго орла».

Король въ то время готовился ийти въ Пруссію и утѣшалъ господара тѣмъ, что Хмельницкій, быть-можетъ, только страшаетъ своимъ походомъ. Онъ обѣщавъ ему помощь. Хмельницкому попалась въ руки эта корреспонденція ⁽⁴³⁾.

Между—тѣмъ Калиновскій , по просьбѣ Лупулы , сталъ лагеремъ на берегу Буга, близъ горы Батога , или Батова, неподалеку отъ Ладыжана, и готовился преградить путь Тимоею. Польское войско состояло, по сказанію украинскаго лѣтописца , изъ пятидесяти тысячъ ⁽⁴⁴⁾, а по извѣстію польскихъ современныхъ историковъ ⁽⁴⁵⁾ изъ двадцати тысячъ сланшкомъ. Изъ нихъ двѣнадцать тысячъ было конницы, а восемь пѣхоты, раздѣленной на восемь полковъ , въ каждомъ по тысячѣ человекъ. Это разногласіе , однако , легко разрѣшается: вѣроятно, польскій писатель считаетъ однихъ фронтовыхъ , а украинскій—всѣхъ годныхъ къ бою , которые были въ обозѣ. Войско польское не любило главнокомандующаго ; полководцы были съ нимъ во всемъ несогласны, а Калиновскій , упрямый и строптивый , хотѣлъ всегда поставить на своемъ, хотя бы чужія мнѣнія очевидно были справедливы. Паны совѣтовали ему стать близъ Брацлава или Райгорода, но Калиновскій выбралъ вовсе неудобное мѣсто ; впереди лагеря была рѣка Бугъ ; съ другихъ сторонъ окружали поляковъ лѣса и болота ; гора Батогъ съ обрывами, возвышалась позади избраннаго мѣста ⁽⁴⁶⁾. Калиновскій напоминалъ всѣмъ, что онъ главнокомандующій и дѣлалъ такъ , какъ не хотѣлось другимъ.

Для Хмельницкаго ничего не могло быть желаннѣе этого повода къ началу войны, который сами поляки подавали ему. Онъ могъ одолѣть непріятеля , разрушить унижательный договоръ и ясно доказать предъ

⁽⁴³⁾ «Hist. ab exc. Wl. IV», 102.

⁽⁴⁴⁾ «Лѣтоп. величк.», I, 108.

⁽⁴⁵⁾ «Hist. ab. exc. Wl. IV», 104. — «Latop. Jerl.».

⁽⁴⁶⁾ «Woyna dom.», ч. 2, 70—71.

пѣлымъ свѣтомъ, что виною разрыва непріятеля. И вотъ казацкій гетманъ собралъ двадцать тысячъ казаковъ, да пять тысячъ крымцевъ, подъ начальствомъ Нуррадша и двинулся къ Ладыжину ⁽⁴⁷⁾. Четырнадцать тысячъ козаццевъ, подъ предводительствомъ Карачъ—Мурзы, пошли другою дорогою; они должны были переправиться чрезъ Бугъ, ниже урочища Батого и ударить на поляковъ въ назначенное время: гетманъ заранѣе разсчиталъ день, въ который казаки и татары могли съ разныхъ сторонъ сойтись и напасть на непріятеля. Не доходя за нѣсколько десятковъ верстъ до Ладыжина, Хмельницкій послалъ къ Калиновскому слѣдующее письмо:

«Хмельницкій Калиновскому, русскій гетманъ польскому, желаетъ здравія. Не хочу скрывать предъ вашею вельможностью, что своевольный сынъ мой Тимошей съ нѣсколькими тысячами войска идетъ жениться на дочери молдавскаго господаря. Конечно, до этого пѣтъ никому дѣла, но я удивляюсь, что многочисленное польское войско неизвѣстно для чего стало при Батогѣ, какъ—будто съ намѣреніемъ, заступитъ дорогу моему сыну. Я прошу вашу вельможность, для спокойствія отечества, отступить съ своимъ войскомъ, тѣмъ болѣе, что польское войско стоитъ на мѣстѣ, вовсе неудобномъ для обороны. Я опасаясь, чтобъ свадебные бояре, по легкомыслію, не завели ссоры съ войскомъ и сынъ мой, по своей юности, не вздумалъ искать первой удачи военнаго поприща» ⁽⁴⁸⁾.

Отправляя это письмо, Хмельницкій написалъ въ немъ изъ Чигирина и поставилъ заднее число. Письмо это произвело различныя мнѣнія и догадки между поляками.

— Хмельницкій, говорили одни: — теперь уже сталъ не тотъ, что былъ: онъ поступаетъ искренно, иначе, для чего бы ему указывать намъ неудобства нашего положенія? скорѣе бы онъ имъ воспользовался.

— Пѣтъ, говорили другіе: — онъ все тотъ же измѣнникъ, какъ и былъ; онъ хочетъ заранѣе оправдаться, и выдумалъ, что сынъ его идетъ безъ его позволенія. Онъ хочетъ опустошить Молдавію; намъ нельзя оставить безъ обороны вѣрнаго союзника Рѣчи—Посполитой.

Другіе командиры не вѣрили Хмельницкому, однако, совѣтовали гетману отойти съ дороги и не мѣшать пройти Тимошеею, а между—тѣмъ, собрать войско изъ—за Днѣпра. Особенно уговаривалъ Калиновскаго Пршіемскій, начальникъ артиллеріи, старый воинъ, посѣдѣвшій въ битвахъ во Франціи и Швеціи, гордившійся тѣмъ, что выдержалъ славную осаду подъ Бриссакомъ.

— Послушайте меня, старика, говорилъ онъ: — я съ—молоду красно говорить не учился, да дѣло смыслю; по вѣдъ словами татарской

⁽⁴⁷⁾ «Лѣт. величк.», I, 110.

⁽⁴⁸⁾ «Hist. ab. exc. Wl. IV.», 102.

сабли отъ шеп не отобьешь. Будеть бѣда, если мы ихъ остановимъ; зашьетъ казакъ нашу кровью свадебную пшурку; побьютъ у насъ лошадей, а потомъ загонять, какъ волковъ въ яму и кончится тѣмъ, что, или постыдно сдадимся, или напрасно погибнемъ. Уйди лучше, панъ гетманъ, съ кошицею, а я съ нѣмецкою пѣхотою останусь здѣсь; мы спасемся; и если непріятель нападетъ на насъ, то станемъ обороняться, а ты между-тѣмъ соберешь войско изъ-за Днѣпра. Я тебѣ два мѣсяца обѣщаюсь биться противъ нихъ.

Многимъ показался этотъ совѣтъ благоразумнымъ, но Калниовскій, по обыкновенію, не принялъ его.

«Хмельницкій боится насъ (говорилъ онъ) и болѣе ничего! сынъ его идетъ съ немногочисленнымъ войскомъ; теперь-то и случая нанести ударъ врагу отечества. Смѣшно было бы, еслибъ я повѣрилъ коварному писемъ и не спасъ чести господара въ такомъ трудномъ положеніи.

На пущую бѣду полякамъ, посланный подъѣздъ привезъ вѣсти, нарочно-распущенныя Хмельницкимъ, будто Тимошей плетъ только пять тысячами. Тогда ничто не могло остановить Калниовскаго: онъ заранѣе восхищался, что лишитъ Хмельницкаго сына и отомститъ вполне за стыдъ корсунскаго пораженія и постыдный плѣнъ свой. Для предотвращенія нападки въ тылъ, онъ отправилъ значительный отрядъ по направленію къ Ладзыжну.

Войско, и безъ того неоживляемое ни любовію къ полководцу, ни надеждою на побѣду, пугалось тогда разными предзнаменованіями. Въ полночь увидѣли на ясномъ небѣ двѣ сверкающія метлы: онѣ стали вытягиваться и образовали мечъ, обращенный рукоятію къ востоку, а остриемъ на польскій обозъ. На другую ночь представились жолнѣрамъ въ воздухѣ изображенія вооруженныхъ войскъ, которыя какъ-будто сражались между собою.

«И не только небеса и земля (говоритъ лѣтописецъ украинскій) предсказывали ляхамъ грозящую бѣду. Была подлѣ Ладзыжна большая скала, нависшая надъ Бугомъ; тамъ было ущелье; съ недавняго времени сталъ отзываться оттуда голосъ наподобіе человѣческаго; онъ предсказывалъ будущее и отвѣчалъ на всѣхъ языкахъ, на какомъ бы къ нему ни обратился». Никто не видѣлъ этого существа. Разно говорили о немъ. Одни почитали его безтѣлеснымъ духомъ, существующимъ въ одномъ голосѣ; другіе говорили, что это душа умершаго человѣка, зачатая въ камнѣ. Когда спрашивали имя его, онъ отвѣчалъ, что его зовутъ Спасовскимъ. Одинъ оцпцерь, французъ, бывшій въ польскомъ войскѣ, отправился къ этой скалѣ и чудное существо сказало ему по-французски:

— Идите и скажите вашему гетману, чтобъ онъ поскорѣе ушелъ отсюда: прійдетъ сюда свирѣпый пьяница, который думаетъ ему остричь

бороду; бритва у него острая: опасно, чтобы съ бородою онъ не отрѣзалъ ему головы.

Въ добавокъ къ этимъ предназначеніямъ, во время смотра, хорунжий упалъ съ лошади и знамя гетманское разостлалось по землѣ.

«Явный признакъ несчастія!» кричали тогда жолнѣры; но Калиновскій не вѣрилъ знаменіямъ, не слушалъ совѣтовъ и готовился къ нападенію.

Окопы сдѣланы были чрезвычайно широко; польское войско занимало почти цѣлую милю. Напрасно Пршіемскій увѣрялъ, что это повредитъ и представлялъ въ примѣръ Збаражъ: Калиновскій не измѣнилъ своей настойчивости и отговаривался, что придутъ скоро войска изъ-за Днѣпра.

Въ то время Хмельницкій приказалъ пяти тысячамъ татаръ идти впередъ мимо польскаго лагеря, а Тимошъ съ частью казаковъ отправился заранѣе другимъ путемъ и перешелъ Бугъ выше Ладыжна; старикъ Хмельницкій оставался назади, показывая видъ, будто не думаетъ нападать и только наблюдаетъ за сыномъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Батогская битва. — Истребленіе поляковъ. — Хмельницкій прибываетъ на поле битвы. — Письмо Хмельницкаго въ Польшу. — Осада Каменца. — Тимошей отправляется въ Молдавію. — Изгнаніе жолнѣровъ изъ Украины. — Свѣрѣштва народа. — Сосновскіе. — Универсалъ Хмельницкаго. — Прибытіе Тимоея въ Яссы. — Свадьба Тимоея. — Возобновленіе осады Каменца. — Сеймъ въ Польшѣ. — Казацкіе послы на сеймъ. — Польскіе комиссары въ Чигиринѣ. — Народныя бѣдствія.

29-го мая (по другимъ 1-го іюня н. с., слѣдственно 22-го мая с. ст.) передовой отрядъ появился въ виду польскаго лагеря: онъ состоялъ большею частью изъ татаръ. Они не показывали никакого враждебнаго вида, какъ вдругъ поляки, по приказанію Калиновскаго, привѣтствовали ихъ залпомъ. Татары и казаки обращаются въ бѣгство.

— Они бѣгутъ, закричалъ Калиновскій: — бейте невѣрныхъ! Сегодня суббота, день Божіей Матери! Впередъ!

Конница понеслась изъ обоза, и тысяча голосовъ огласили воздухъ именемъ Божіей Матери.

Союзники бѣгутъ все далѣе-и-далѣе, нарочно, чтобы раздвоить войско; поляки ихъ преслѣдуютъ, какъ вдругъ позади ихъ поднялась пыль: летитъ съ малымъ отрядомъ ротмистръ Зелевскій.

— Назадъ! назадъ! кричитъ онъ: — казаки въ тылу обоза! Казаки нападаютъ на обозъ!

Конница стремительно поворотила назадъ, растерянная и испуганная везашностью, а бѣгущіе, въ свою очередь, обратились вслѣдъ за ними, луская стрѣлы и пули. Поляки добѣжали до обоза, союзники стали отъ поляковъ немного далѣе разстоянія пушечнаго выстрѣла.

Тимошею Хмельницкій напалъ на поставленный вдали отъ войска отрядъ и почти совершенно истребилъ его. Оставшіеся прибѣжали безъ памяти въ обозъ и извѣщали, что казаки чрезъ нѣсколько часовъ явятся за ними; отъ страха увѣряли они, что у непріятеля тысячь сто.

Наступила короткая лѣтняя ночь. Смятеніе и паническій страхъ распространились въ конницы. Поляки столпились и начали разсуждать о своемъ положеніи.

— Гетманъ губить войско, кричали они: — черезъ него мы все должны погубить! Зачѣмъ онъ завелъ насъ сюда? Зачѣмъ не послушался умныхъ людей, которые совѣтовали ему отступить? Зачѣмъ онъ не узналъ настоящимъ образомъ о силахъ непріятеля? развѣ для генерала существуетъ слово: «не ожидазь».

Ропотъ и неудовольствіе скоро перешли въ явное возмущеніе.

— Безумецъ! сумасбродъ! кричала толпа: — его не научилъ татарскій плѣнь! Ему опять хочется въ Крымъ. Такъ пусть же идетъ самъ, когда ему нравится: отдадимъ его татарамъ!

— Отдать его, отдать! кричали голоса: — этимъ мы спасемъ себя! Зачѣмъ пропадать всемъ чрезъ одного глупца?

— Нѣтъ, не татарамъ, кричали другіе: — отдадимъ его Хмельницкому: онъ за это пощадитъ все войско и еще наградитъ насъ.

Эти ужасныя слова пересказали Калиновскому. Онъ прибѣгаетъ къ итаженникамъ съ обыкновенною своею запальчивостью:

— Измѣнники! трусы! кричалъ онъ: — съ ума сошли вы отъ малодушія! Куда вы убѣжите? Въ рѣку топить, что ли? Впередъ! Я приказываю! впередъ изъ обоза!

Жолиферы отвѣчали ругательствами. «Кровь Калиновскаго, пощаженная татарами, чуть-было не пролилась отъ мечей польскихъ» говоритъ современникъ. Предводитель перемѣнилъ тонъ.

— Братья! соотечественники любезные! сослуживцы мои! говорилъ онъ: — опомнитесь! Чтó за безуміе ослѣпило васъ? Прежде сраженія вы хотите погубить меня, вождя вашего и товарища. Но знайте, братья, я готовъ принести въ жертву мои сѣдны, если только кровь моя искупитъ ваше малодушіе. Я предъ вами: убивайте меня; пусть я паду, но вы побѣдите!

Эта германиковская выходка не обратила къ раскаянію воиновъ; они все-таки сыпали проклятіе на своего командира и готовились бѣжать или отдаться врагамъ. Калиновскій оставилъ ихъ и побѣжалъ къ Пршіемскому совѣтоваться.

Но чрезъ нѣсколько времени на разсвѣтѣ прибѣгаетъ къ нему сынъ его, Самуилъ.

— Они бѣгутъ! извѣщаетъ онъ.

— Нѣтъ, они не побѣгутъ! закричалъ бѣшеный гетманъ. — Пушки впередъ! Пѣхота впередъ! Палите по нихъ! Бейте трусовъ. Я ихъ передѣлаю въ храбрыхъ! Лишить ихъ всякой надежды уйти, такъ они

у меня перестануть подличать и по-неволю пойдутъ на непріятеля, когда смерть у нихъ будетъ и спереди и сзади.

Артиллерія понеслась на бѣглецовъ; пѣхота побѣжала скорымъ маршемъ. Грянулъ залпъ, туча картечи и пуль повалила ряды поляковъ. Одни стоятъ какъ мертвые, не въ-силахъ провзвести слова, другіе бѣгутъ безъ памяти, третьи, въ бѣшенствѣ, отвѣчаютъ пулями и бросаюся на нѣмцевъ. Калиновскій приказываетъ повторить залпъ; начинается междоусобное сраженіе... но вдругъ въ обозѣ пожаръ... слуги, вѣроятно русскіе, можетъ-быть и поляки, желавшіе прислужиться казакамъ, зажгли сѣно въ нѣсколькихъ мѣстахъ; въ минуту загорѣлись шатры и въ то же время изъ-за холма съ страшнымъ крикомъ появились казаки, которымъ дано было знать о смятеніи.

Нѣсколько минутъ казаки стояли какъ вкопанные, пораженные неожиданнымъ зрѣлищемъ. «Не хитрость ли это?» говорили они сначала, но скоро поняли въ чемъ дѣло. Золотаренко, большой непріятель поляковъ, по выраженію польскаго лѣтописца, увидя пожаръ и междоусобіе закричалъ:

Эй братцы! двиньтесь, шчо ляхы роблють! Не мордуйте жє, дурно мчучі ляхивъ: голыми руками ихъ заберемъ, въ ихній огонь ихъ заженимъ; самы подохнуть. Оттеперь то братцы, поместимся за кривду нашу берестецьку, спалымъ, згубымъ нашихъ злодѣивъ! Казаки стремительно бросились на враговъ съ разныхъ сторонъ.

Конница, непришедшая еще въ память отъ многихъ пуль и картечей, растерянная внезапнымъ и свирѣпымъ натискомъ казаковъ, бросилась въ-разсыпную. Но отовсюду поражали ихъ враги, и густыя толпы поляковъ, словно робкое стадо, по выраженію современника, летѣли въ Бугъ. Нѣсколько тысячъ утонуло въ одно мгновеніе. Испуганные участію товарищей, другіе бросились въ обозъ, но казаки погнались за ними и вогнали въ огонь. Другіе бѣжали въ поле, въ лѣсъ, въ болото; казаки гонялись за ними, перерѣзывали дорогу, заходили съ боковъ, стрѣляли, рубили, кололи со всѣхъ сторонъ. Храбрѣйшіе, видя, что смерть неизбежна, столпились около гетмана и, въ-отчаяніи, рѣшились дать отпоръ непріятелю, но всеобщее смятеніе лишило ихъ возможности прійти въ порядокъ; дымъ горящаго лагеря закрывалъ имъ глаза.

«Я не хочу болѣе жить! (кричалъ Калиновскій) мнѣ стыдно смотреть на это восходящее солнце!»

Онъ бросаясь въ толпу непріятеля, искалъ смерти, получилъ нѣсколько ранъ, загнанный между деревьевъ: тамъ татарская стрѣла нанесла ему окончательный ударъ.

Враги отрубили мертвому гетману голову и доставили Нуреддину. Султанъ приказалъ нести ее предъ собою и торжественно показывать казакамъ. Подлѣ него вѣхалъ Золотаренко.

— Здохла собака (кричалъ онъ), теперъ ужé не вкусыть.

— Не доплатилъ намъ окупу (говорилъ Нуреддинъ), обѣщалъ прислать въ Крымъ и не сдержалъ слова.

— Дайте его голову намъ (сказалъ Золотаренко). Мы ии пошлемо до нашего бѣтца Хмельницкаго.

И казаки отнесли эту голову въ подарокъ своему гетману въ доказательство своей побѣды.

Нѣмецкая пѣхота, состоявшая изъ восьми полковъ, стала въ углу, образуемомъ рѣкою Бугомъ, и рѣшилась не погибнуть безъ отпора. Начальство принялъ Марко Собѣскій, братъ Яна; мужественно отбили они нападавшихъ казаковъ.

Но вдругъ будто сильный дождь изъ облака или вихоръ пустынный, по выраженію украинскаго лѣтописца, Карачь—Мурза съ четырнадцатую тысячами погайцевъ бросился на нихъ въ тылъ изъ—за другой стороны горы Батога. Ужасный крикъ огласилъ воздухъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ, разрѣзываемая насквозь, пѣхота смѣшалась и противъ воли положила оружіе; татары и казаки рубили ее по всѣмъ направленіямъ.

Собѣскій былъ схваченъ и убитъ.

«Многого лишилось въ немъ отечество (говорить современникъ), а еще болѣе родная мать, но никто не умѣетъ выразить печали, кромѣ того, кто ее чувствуетъ».

На протяженіи нѣсколькихъ миль казаки въ—разсыпную гонялись за бѣгущими воинами, поражая ихъ кошками и выстрѣлами, вытаскивали изъ болота и кустовъ и умерщвляли. Напрасно поляки бросали оружіе и молили о пощадѣ: «Нѣтъ вамъ пощады!» кричали разсвирѣпѣвшіе русскіе: «вы не щадите насъ!» Нѣкоторые удачно переплыли черезъ Бугъ, но не забывались отъ гибели: изъ окрестныхъ селъ и хуторовъ сбѣжались русскіе хлопцы, обрадованные вѣстью освобожденія, и добывали бѣглецовъ косами и дубинами. Двадцать тысячъ полковъ погибло въ этой несчастной битвѣ; половина изъ нихъ пала подъ картечами и пулями собственной артиллеріи и пѣхоты и утонула въ Бугѣ, прочіе были истреблены казаками по полю.

Осталось еще пять тысячъ, большею частью пѣхоты. Они, полумертвые отъ страха и хладнокровные къ жизни отъ стыда, изнеможенные отъ ранъ, въ—отчаяніи, бродили и лежали между трупами: исхода не было.

Тогда Золотаренко и какой—то старшина казацкій Высочанъ приступили къ Нуреддину.

— Дайте намъ, султане, потишытыся: побѣты ляхивѣ, що осталсь.

— Какъ можно! возражалъ Нуреддинъ:—они намъ заплатятъ окусъ; да пригомъ жалко убивать безоружныхъ.

— Они насъ не жалѣли, отвѣчали казаки:—Калиновскій разъ попался въ неволю, мы его пощадили, а опъ потомъ умерщвлялъ и мучилъ неповинныхъ людей. Какъ они съ нами дѣлали, такъ и мы бу-

демъ съ ними дѣлать! Куда теперь дѣть такъ много плѣнниковъ, на походѣ въ Молдавію? Еыбьемъ всѣхъ, такъ меньше будетъ войска въ Польшѣ. А чтобъ ваша добыча не пропала, такъ мы заплатимъ вамъ за голову каждаго поляка.

Сторговались и отсчитали татарамъ требуемую сумму.

Посреди обгорѣлаго польскаго лагеря казаки устроили майданъ, загремѣла дикая запорожская музыка, полилась горѣлка, запѣли казаки пѣсни, называя себя свадебными боярами, и, среди гулявки, веселыхъ окликовъ и плясокъ, выводили поляковъ и на майданѣ рубили имъ головы приговарывая:

Отсѣ вамъ за Берестѣчко! Отсѣ вамъ за Трилицы! Отсѣ за унію!
Отсѣ вамъ стаціи!

Такимъ образомъ, припоминая всѣ несправедливости и оскорбленія, какія терпѣла Украина отъ поляковъ, казаки убивали беззащитныхъ и безоруженныхъ враговъ. Пріемскій, когда до него дошла очередь, началъ укорять Хмельницкаго въ злодѣяніи: за это Тимошъ приказалъ его казнить медленными ударами и отнимать членъ за членомъ.

Уже порядочный костеръ труповъ лежалъ на майданѣ и убійцы ходили по колѣна въ крови, какъ вотъ прибѣжали къ Нуреддину двое мурзъ, изъ которыхъ одинъ былъ Хамамбетъ, родственникъ князя Корецкаго, котораго онъ спряталъ тогда въ обозѣ:

— Султанъ! что ты это дѣлаешь? сказалъ опъ:—или ты хочешь обезславить на-вѣки свое имя и татарскій народъ? Такого варварства у насъ не было!

Нураддинъ опомнился и требовалъ, чтобъ казаки прекратили рѣзню. Но казаки тотчасъ отсыпали этимъ мурзамъ червонцевъ, чтобъ они не мѣшались, и пригласили погайцевъ, необузданный и своевольный народъ, перебить поляковъ поскорѣе. Мурзы, которымъ хотѣлось—было спасти плѣнниковъ, боялись казачества и своевольныхъ погайцевъ, и отступились отъ несчастныхъ. Погайцы бросились вмѣстѣ съ казаками и начали истреблять поспѣшно поляковъ, чтобъ не дать времени возбудить новое состраданіе. Умирающіе громкимъ голосомъ кричали «Jesus!» но казаки припоминали опозоренныя свои церкви, голодныхъ братьевъ подъ Берестечкомъ, истребленныя мѣстечки, замученныхъ русскихъ жевъ и дѣтей, и истли врагамъ безъ состраданія. Толпа замѣтила, что татары спрятали у себя многихъ поляковъ; казаки искали ихъ въ обозѣ, вытаскивали несчастныхъ изъ—подъ повозокъ.

— На чортъ вамъ ихъ? говорилъ Тимошъ:—лишне вагá буде; одѣйте ихъ, лѣгше буде въ Возоцину йти!

Нѣкоторые поляки избавились отъ смерти тѣмъ, что одѣвались въ женское платье и сажались въ арбы вмѣстѣ съ татарками; другіи татары вымазывали порошокъ лицо, третьи прятались по шею въ тинѣ... Немногіе успѣли перейти Бугъ, но и тѣ погибли отъ хлоповъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Самушъ, сынъ Калиновскаго; въ деревнѣ Буб-

новкъ обложился подъ нимъ мость, прискочили мужики и не дали ему выкарабкаться изъ воды. Рассказываютъ, что молодая жена этого пана, не дождавшись своего мужа изъ-подъ Батога и не сомнѣваясь, что онъ не былъ счастливѣе цѣлаго войска, отъ горести ничего не ѣла и не пила, и думала умерить себя. Лекаръ уговорилъ окружающихъ увѣрить ее, что Самуилъ живъ и находится въ татарской неволѣ. Бѣдная вдова продавала свои драгоценности и раздавала на выкупъ супруга, а добрые люди нарочно поддерживали въ ней пустую надежду, чтобъ попользоваться ея богатствомъ.

Старый Хмельницкій, получивъ въ подарокъ отъ сына голову Калиновскаго, отправилъ извѣстіе брату его, вмѣстѣ съ Потоцкимъ стоявшему съ войскомъ за Днѣпромъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ знакъ поруганія послалъ ему остриженного коня съ веревкою вокругъ шеп, свитою изъ гривы и хвоста. Подождавъ, пока казаки безъ него окончатъ пораженіе войска, Хмельницкій на третій день сраженія явился въ обозъ, показывалъ видъ неудовольствія, гнѣвался на сына и на казаковъ за кровопролитіе, обласкалъ тридцать поляковъ, которыхъ еще не успѣли зарѣзать казаки, увѣрялъ ихъ, что вся эта бойня сдѣлана своевольными противъ его желанія, и, въ доказательство своей невинности приказалъ отыскать трупъ Калиновскаго: въ карманѣ его одежды нашли предостерегательную записку Хмельницкаго. Онъ обдарилъ шляхтичей и позволялъ имъ свободно отправиться въ Польшу. Разпросивши татаръ, гетманъ узналъ, что они спасли отъ разъяренной толпы еще двѣсти пятьдесятъ—шесть человекъ; онъ благодарилъ ихъ за это человеколюбіе, выкупилъ плѣнниковъ, отправилъ ихъ въ Чигиринъ, приказывалъ казакамъ обращаться съ ними съ почтеніемъ и обѣщалъ немедленно выпустить, коль скоро получить заплаченные за нихъ деньги. Какъ побѣдитель, онъ взялъ себѣ всю артиллерію изъ пятидесяти—семь орудій, а прочее предоставилъ союзникамъ; но татары были этимъ очень—недовольны, потому—что не взяли ничего; весь лагерь сдѣлался добычею пламени (1).

Хмельницкій надѣялся тогда, что господарь, узнавъ о побѣдѣ его, согласится на бракъ, и потому не пустилъ болѣе татаръ въ Молдавію. Задержавъ своего сына при себѣ, онъ написалъ Лупулъ письмо, въ которомъ, по сказанію современника, выражался такъ:

«Не изволь, вельможный господарь, пренебрегать союзомъ со мною «и отказывать въ своей дочери. Самъ услышишь, какое незаглядимое «пораженіе нанесъ я ляхамъ и убилъ въ нихъ воинственный духъ, такъ-

(1) «Hist. ab exc. Wł. IV», 103—104. — «Woyna dom.», ч. 3, 69—74. — «Annal. Polon. Cl.» I, 321—330. — «Hist. bell. cos. pol.», 218 — 221. «Лѣт. Величк.», I, 106 — 114. — «Кратк. ист. о бунт. Хмелья.», 42. — «Крат. ист. опис. о каз. мал. нар.», 66. — «Jerl.», 136—138. — «Hist. Jana Kaz.», I, 144 — 150.

«что они теперь не осмѣются воевать и не только примуть такой миръ, «какой я самъ дамъ имъ, но униженно будутъ испрашивать зборовскаго «договора, столько разъ ими нарушеннаго. Не хвлясь своимъ происхожденіемъ и предками: больше чести сдѣлаться великимъ своимъ искусствомъ, чѣмъ быть обязаннымъ величѣемъ только рожденію и титуламъ. Притомъ, если ты не согласишься по доброй волѣ, то исполнишь мое желаніе по-неволѣ».

Война была начата и Хмельницкій хотѣлъ воспользоваться временемъ, пока не собралось польское войско, чтобъ отнять снова Подоль, и потому тотчасъ изъ-подъ Ладыжина вступилъ съ войсками въ подольскую землю и занялъ Винницу. Въ то же время, показывая видъ, будто не имѣеть никакого намѣренія дѣлать Польшѣ вредъ, онъ послалъ къ королю письмо и оправдывалъ себя за разбитіе войска.

«Сынъ мой (писалъ онъ) шелъ на свадьбу, какъ вдругъ Калиновскій остановилъ его на дорогѣ, въ противность правамъ мира, когда «и Богъ не отнимаетъ земли и воды ни у добрыхъ, ни у злыхъ. Я «предостерегалъ гетмана и совѣтовалъ уступить съ дороги. Простите «ваше величество моихъ казаковъ, если они, какъ веселымъ людямъ «свойственно, простерли слишкомъ далеко свою шалость».

Чтобъ не допустить народъ до волненія, гетманъ послалъ по соседнимъ городамъ Украины и Подоліи универсалъ, въ которомъ описывалъ, какъ случилось пораженіе Калиновскаго и выражался такъ:

«Исполняя данный мною обѣтъ Речи-Посполитой, я предостерегалъ свирѣпаго Калиновскаго, но онъ посмѣялся моимъ убѣжденіямъ, и завязалъ сраженіе, которое, при Божіей помощи, окончилось совершеннымъ пораженіемъ поляковъ, какъ обыкновенно бываетъ съ грабителями и разбойниками, нападающими скрытно на путешественниковъ въ дорогѣ» (2).

Хмельницкій, въ-заключеніе приказывалъ народу не поднимать мятежа, но быть готовымъ на случай нападенія со стороны поляковъ (3).

Татары требовали, чтобъ Хмельницкій позволилъ имъ ворваться въ Польшу загонами; казаки также совѣтовали идти на Львовъ, но Хмельницкій не хотѣлъ опустошать русской земли, уже и безъ того слишкомъ пострадавшей; а чтобъ отвлечь ихъ отъ этого предпріятія, обѣщавъ имъ добычу въ Каменцѣ и рѣшился обратить всѣ силы на эту важную крѣпость. Еслибъ она была завоевана, онъ былъ бы увѣренъ, что Подоль останется въ рукахъ его. Онъ полагалъ, что свѣжій страхъ батогскаго пораженія не дастъ полякамъ скоро опомниться и заставитъ ихъ отдать крѣпость, потому и написалъ къ жителямъ Каменца и къ гарнизону крѣпости ласковое письмо, въ которомъ просилъ впустить въ

(2) «Ист. о през. бр.»

(3) «Hist. ab. exc. Wl. IV.» 106.

крѣпость сына его, Тимошея, съ цѣлью отыскать тамъ личныхъ враговъ своихъ, будто—бы ушедшихъ отъ пораженія.

17-го іюня городъ Каменецъ послалъ къ Хмельницкому отвѣтъ, въ которомъ гетмана казацкаго сравнивали съ безбожнымъ Исканоромъ, бжочъ іудеевъ. Хмельницкій двинулся на Каменецъ, но долженъ былъ оставить свое намѣреніе: изъ Украины пришли угрожавшіе слухи о вторженіи польскаго войска; говорили даже, будто король вступаетъ въ русскую землю и хочетъ огнемъ и мечемъ принудить ее къ повиновенію. Сверхъ того, Тимошей просилъ отца отпустить его въ Молдавію. «Влюбленнаго юношу (говоритъ польскій историкъ) больше занимала мысль о бракѣ, чѣмъ о взятіи крѣпости; нетерпѣніе терзало его, когда онъ былъ столь близокъ отъ Волощны, гдѣ находилась его возлюбленная, когда онъ дышалъ съ нею однимъ воздухомъ и мѣнялся частыми вздохами (4). Хмельницкій отошелъ въ Украину.

Войско, испугавшее казаковъ, находилось дѣйствительно позади ихъ, но совѣтъ по другому побужденію, какъ они предполагали. Братъ Калиновскаго не зналъ еще о гибели войска и хотѣлъ послѣшить на помощь, а между—тѣмъ, желая выместить обиды на русскомъ народѣ, позволялъ подчиненнымъ дѣлать на пути всякія притѣсненія и злодѣянія, но войско не успѣло еще перейти на правый берегъ, какъ вдругъ разнеслась громовая вѣсть (5), и самъ Калиновскій получилъ отъ Хмельницкаго въ подарокъ коня съ остриженною гривой, въ знакъ презрѣнія (6). Предводители, чтобъ спасти жолнѣровъ отъ мести народа, бросились съ войскомъ, котораго было четыре полка (7), за Десну, для того чтобъ соединиться съ литовцами, но толпы вооруженнаго народа осыпали жолнѣровъ со всѣхъ сторонъ; тогда войско стремительно повернуло влѣво, побросало весь багажъ и, спасая единственно жизнь, переправилось чрезъ Днѣпръ—пѣхота на лодкахъ и просто на бревнахъ, а конница вылавъ, и, какъ птицы говоритъ лѣтописецъ (8), полетѣло до Павлочи, а оттуда поскорѣе послѣшило убраться на Волынь (9). Однако это бѣгство стоило полякамъ не только имущество, нѣкоторые отряды достались на жертву русскимъ. Предводитель одного изъ такихъ отрядовъ, Домарацкій, со многими панами стоявшій въ Прилукахъ, не успѣлъ убѣжать въ Польшу и, думая шпорваться, какъ видно, въ Литву, бросился къ Конотопу, но казаки не дали имъ далеко уйти: они до-

(4) «Hist. ab. exc. Wl. IV», 107.

(5) «Лѣтоп. Сам.», 20.

(6) «Ист. о през. бр.».

(7) «Latop. Jerl.», 139.

(8) «Ann. Pol. Cl.», I, 334.

(9) «Ист. о през. бр.».

гнали ихъ у села Подлипаго и, по приказанію прилуцкаго полковника Сомка ⁽¹⁰⁾, отрубили имъ головы ⁽¹¹⁾.

Литовское войско также поспѣшило уйти изъ Сѣверѣи, съ такою же опасностью и потерями, какъ и коронное. Въ Стародубѣ и Мелинѣ многіе литовцы заплатили жизнью за право собрать стаціи и насилловать женщинъ ⁽¹²⁾.

Ненависть простаго народа обратилась снова на владѣльцевъ. Въ Кіевѣ въ то время проживало множество шляхтичей, боявшихся жить въ своихъ домахъ. Какъ только разнеслась вѣсть въ городѣ о батогскомъ пораженіи, они разбѣгались въ такомъ безумномъ страхѣ, что покидали на дорогѣ возы съ припасами и одеждою и сожигали свои вещи, о чемъ очень сожалѣли, когда пришли въ память Надѣ тѣмъ, которые не успѣли убѣжать, повторялись сцены прежнихъ годовъ; доставалось не только виновнымъ, но и невиннымъ; не уважалась ни добродѣтель, ни кротость. Благочестивые люди старались всячески вразумить необузданный народъ, и одинъ современнѣйшій историкъ передалъ любопытное событіе, которое считалось въ Украинѣ за явленіе правосудія Божія. «Былъ (говорить очевидецъ) въ Коцотопѣ староста Сосновскій, человекъ почтенный и благочестивый. Пятеро дѣтей его возрастали въ правилахъ чистоты и кротости. Даже въ кровавую эпоху 1648 года, когда разъяренные жители предавали смерти всякаго, кто только казался имъ панскаго рода, даже и тогда Сосновскій не убѣжалъ, подобно другимъ, и не покинулъ своего имѣнія. Свириное гайдамацтво, нещадившее младенцевъ, неуважавшее ни святыни алтарей, ни тишины могилъ, пощадило Сосновскаго; онъ пережилъ страшные четыре года въ Украинѣ, любимый русскими. Но въ день Пятидесятницы 1652 года пьяная вольница ворвалась въ замокъ, вытаскала семейство, замучила его дѣтей и жену, а потомъ умертвила его самого. Спаслись только трое особъ изъ его семейства. Тѣла убитыхъ бросили въ колодець, глубиною до десяти сажень. Въ день Воздвиженія Честнаго Креста вода вдругъ поднялась до самой оконечности сруба, выбросила тѣла, совершенно невредимыя, и снова возвратилась въ свое мѣсто. Народъ со страхомъ смотрѣлъ на это чудо (какъ называетъ его лѣтописецъ) и расказывался въ злодѣяніи. Тѣла мучениковъ похоронены съ честью всѣ въ одной могилѣ близъ колодца и надолго осталась объ этомъ память во всей Украинѣ» ⁽¹³⁾.

Гетманъ, прибывъ въ Украину, очень радовался, что войско выступило изъ нея, по вовсе не показывалъ съ своей стороны поощренія

⁽¹⁰⁾ Прежній прилуцкій полковникъ Тимошей Носачъ получилъ чинъ войскового обознаго.

⁽¹¹⁾ «Лѣт. величк.», I, 119.

⁽¹²⁾ «Лѣтоп. сам.», 21.

⁽¹³⁾ «Лѣт. сам.», 20.

убивать и изгонять шляхтичей; напротивъ, онь негодовалъ за мятежь и казнилъ виновныхъ.

«Если я приказывалъ товариществу казацкому быть на-готовѣ во-оруженнымъ, на копяхъ съ запасомъ живности, это сдѣлано было только на случай вторженія ляховъ (писалъ онь къ одному изъ полковниковъ лѣвой стороны). «Но это не значить то, что на меня вы-думываютъ, будто я, гетманъ, приказывалъ умерщвлять шляхту и «урядниковъ въ Украинѣ и Сѣверщинѣ; напротивъ, я всегда и прежде «приказывалъ и теперь приказываю не причинять ни малѣйшаго оскорб-«ленія панамъ или изъяна ихъ имуществамъ. *Нехай кожный зъ своего «тмишиться, нехай кожный своего глядыть*: казакъ своихъ воль-«ностей, а тѣ, которые не приняты въ списокъ, должны служить па-«намъ и платитъ имъ десятую кошу за то, что взорали панскіе ланы, «и сѣяли на нихъ хлѣбъ. А того, что они дѣлають, не годится теперь «дѣлать, и непослушный будетъ наказанъ военнымъ судомъ» (14).

Гетманъ отдѣлялъ интересы собственно казацкаго сословія отъ ин-тересовъ посполитыхъ. Казаки, пользуясь своими вольностями, должны-ствовали образовать новое свободное сословіе наравнѣ съ шляхтою, а панскіе люди опять должны были служить панамъ. Сословіе послѣднихъ увеличивалось, потому къ нему принадлежали уже и казацкіе чиновни-ки, имѣвшіе ранговыя помѣстья. Состояніе посполитыхъ, правда, дѣла-лось безъ сравненія легче, чѣмъ прежде, подъ покровомъ гетмана, но тѣмъ не менѣе посполитые были недовольны и этимъ; они хотѣли быть совершенно-свободными земледѣльцами, равными по правамъ казачеству. Такимъ образомъ съ самаго зборовскаго мира возникла спящая вражда между казаками и посполитствомъ—важнѣйшая причина неустройствъ въ Украинѣ. Гетманъ неудачно попробовалъ успокоить ее просьбою на сеймѣ въ 1650 году, произведшему вторую войну, и не успѣлъ. Но ни гет-манъ, ни вѣкъ его не были въ-состояніи разрѣшать этого узла.

Лупула, получивъ извѣстіе о пораженіи Калиновскаго, увидѣлъ, что у него нѣтъ болѣе надежды противостоятъ Хмельницкому. Но онь не хотѣлъ слишкомъ-внезапно сдѣлаться изъ союзника врагомъ Рѣчи-По-сполитой и написалъ королю, что не хочетъ отдать дочери своей за Тимоша; но, лишившись помощи, оставленъ теперь на произволъ неумо-лимому Хмельницкому, который, какъ думалъ тогда, домогался руки Домны для своего сына только длятого, чтобъ низвергнуть Лупулу и возвести на господарскій престолъ его зятя. Молдавскіе бояре требова-ли усильно, чтобъ онь согласился немедленно на предложеніе гетмана казацкаго.

«Не-уже-ли изъ угожденія полякамъ, говорилъ онь: — которые только оболъщаютъ насъ словами, а въ бѣдѣ покидаютъ, не-уже-ли мы для нихъ должны опять терять свои имущества и, забѣжавъ въ

(14) Собствен. универ. Хмельн. (рукоп.).

леса, смотрѣть оттуда на пылающіе города и замки наши? Если ты, господарь, еще долѣ будешь похлѣбствовать полякамъ и наведешь на Молдавію казацкіе полки и даякія татарскія орды, то можетъ произойти бунтъ и отпадутъ престолъ Хмельницкому» (15).

Лупула могъ всего надѣяться отъ подданныхъ. Много накопилъ онъ серебра и золота; чрезъ то нѣкоторые фамиліи обидѣли; нѣкоторые бояре были находимы мертвыми на постелѣ: подозрѣніе падало на господаря; притомъ племянникъ его (16), развратный и своевольный, съ толпою молодёжи дѣлалъ въ Яссахъ безчинства и позорилъ боярскихъ женъ и дочерей. Лупула спѣшилъ избавиться отъ опасностей и написалъ къ гетману, что онъ всегда считалъ честью породниться съ его родомъ, что ему мѣшали поляки, а теперь онъ радуется, что уже нѣтъ болѣе препятствія. Онъ просилъ Тимоша на свадьбу, но умолялъ не водить съ собою татаръ.

«Беллона, богиня войны, не ходитъ въ дружкахъ (писалъ онъ), сладость любви отравляется войною. Неприлично тебѣ являться на свадебное торжество съ такимъ множествомъ невѣжливыхъ кавалеровъ. Отпусти татаръ, оставь безпокойныя казацкія шайки въ Украинѣ, уговори отца не приближаться съ войскомъ къ Молдавіи и пріѣзжай съ Богомъ въ сопровожденіи домашней свиты (17).

Хмельницкій потребовалъ заложникомъ безопасности сына, племянника Лупулы, который и пріѣхалъ въ Чигиринъ. Тогда Тимошъ, ввѣренный отцомъ попеченію Выговскаго, отправился на давно-желанный бракъ съ значительнымъ отрядомъ. Въ Ямполь, по обычаю того времени, встрѣтилъ его повѣренный отъ невѣсты, переодѣтый и безъ всякой пышности. Онъ долженъ былъ привѣтствовать жепша отъ ея плечи. На другой день молодой Хмельницкій перешелъ украинскую границу и въ первомъ молдавскомъ городѣ Сорокѣ встрѣтилъ его двоюродный братъ Лупулы съ четырьмя тысячами почетной стражи: это былъ обрядъ гостепріимства; они провожали его съ почестями до столицы (18).

Домна предпочла Вишневецкому молодца съ черными усами, съ грубыми мужественнымъ лицомъ и отрывистою казацкою рѣчью. Тимошъ не имѣлъ тѣхъ качествъ свѣтскаго аристократа, которыми могъ похвастать его соперникъ; воспитанный среди грубой казацкой ватаги, Тимошъ не зналъ гостиннаго обращенія, за-то никто лучше его не умѣлъ рубиться саблею, никто такъ метко не попадалъ въ цѣль изъ ружья и изъ лука; всѣ изумлялись, когда онъ садился на степнаго татарскаго коня и, какъ молнія, вертелся на всемъ скаку (19). Тимошъ

(15) «Ист. о през. бр.».

(16) «Ист. Малор. Марк.», I, 315.

(17) «Annal. Pol. Cl.», 348.

(18) «Hist. ab. exc. Wl. IV», 107.

(19) «Ист. Мал. Марк.», I, стр. 317. Изъ архид. Пала.

обладалъ выраженіемъ мужества и воинственной силы, а это въ тотъ вѣкъ плѣняло женщинъ больше комплиментовъ и лестн. Онъ нравился также и матери Домны. Желая угодить Хмельницкому, тѣща приготовляла свадебное пиршество по украинскому обычаю, а невѣста, въ вечеръ расплетанія косы, приказала себѣ пѣть казацкія думы⁽²⁰⁾.

Когда женихъ подъѣзжалъ къ Яссамъ, уже многочисленная толпа народа ожидала его у воротъ города; вышелъ на встрѣчу гофмаршалъ, а за нимъ Лупула съ знатнѣйшими боярами. Тимошъ сокочился съ коня, припалъ къ ногамъ тестя и обнялъ его колѣни, а Лупула поднесъ и поцаловалъ въ голову нареченнаго зятя. «Господарь (говорить лѣтонецъ)⁽²¹⁾ сказалъ ему тогда какой-то комплиментъ, но дурень Тимошка не умѣлъ отвѣчать на него и стоялъ какъ столбъ, поглядывая на Выговскаго, за-то псарь не проронилъ слова и разсыпался въ изъявленіяхъ любви. Потомъ господарь сѣлъ на коля и поѣхалъ позади Тимоша. Толпа повалила за нимъ съ восклицаніями и при звонѣ колоколовъ, звукѣ бубенъ, трубъ, барабановъ гости вѣхали во дворецъ. 31 августа совершилось бракосочетаніе. Свадебное торжество представляло смѣшеніе украинскихъ обычаевъ съ молдавекими; казаки играли роль бояръ украинской свадьбы, а молдавскія боярышни были одѣты дружками; весь дворецъ былъ усыпанъ розмаринами; множество знатныхъ и простыхъ пировали на великолѣнномъ обѣдѣ при звукахъ невыносимой, по замѣчанію современника, сербской и турецкой музыки. Наконецъ, 7 сентября, Лупула проводилъ зятя съ дочерью въ Украину⁽²²⁾.

Во время бракосочетанія сына, Хмельницкій пошелъ за нимъ съ войскою и снова обратился на Каменецъ, на который, по замѣчанію поляковъ, у него былъ большой ашетить. «Поддайтесь (псалъ онъ), я нанесъ полякамъ поражение хуже корсунскаго. Польша въ такомъ положеніи, въ какомъ еще никогда не была. У меня войска много; поддайтесь и не раздражайте меня: я обещаю вамъ милость и покровительство».

«Знаемъ, что Польша въ несчастномъ положеніи, и что у тебя войска много (отвѣчали ему), но земля польская и жены польскія еще не перестали рождать. Каменецъ надѣется на милосердіе Божіе: Богъ всегда сиравадилъ и милосердъ, а военное счастье случайно и измѣнчиво».

Хмельницкій осадилъ городъ и готовился взять его штурмомъ, но въ войскѣ распространилась моровая болѣзнь; татары требовали, чтобъ имъ позволили грабить города и села, и подняли такой ропотъ, что пред-

(20) «Woyn. dom.», ч. 2, 77.—«Ист. о през. бр.».—Рам. о wojn. kaz. za Chm.», III.

(21) «Рам. о wojn. koz. za Chm.», 110.

(22) «Woyna domowa» ч. 2, 77.—«Лѣт. велнчк.», I, 118.—«Рам. о wojn. kaz. za Chm.» 110.—«Hist. ab exc. Wł. IV», 121.

водитель могъ опасаться междоусобной войны съ казаками ⁽²³⁾. Онъ въ другой разъ отступилъ отъ Каменца, «и тогда (говорить польскій историкъ) онъ сдѣлалъ престранный поступокъ: не въ сплахъ будучи укротить своеволие татаръ, онъ позволилъ имъ пуститься загонами по Украинѣ и въ то же время распустилъ по сосѣдству универсалы, которыми возбуждалъ казаковъ и народъ на этихъ союзниковъ ⁽²⁴⁾».

Столь же оригинально казалось и то, что Хмельницкій въ одно и то же время два раза просилъ у короля и Рѣчи-Посполитой прощенья и два раза штурмовалъ крѣпость Рѣчи-Посполитой. На первое письмо, которое Хмельницкій послалъ къ королю, когда первый разъ думалъ взять Каменецъ, не было отвѣта. Сенаторы не могли подумать ничего, кромѣ того, что Хмельницкій ругается надъ безплемь Польши. Батогское поражение, бѣгство жолнѣровъ изъ Украины, новое изгнаніе шляхты произвели сначала паннческій страхъ во всемъ королевствѣ. «Поляки (говорить русскій лѣтописецъ) ⁽²⁵⁾ ожидали появленія несметной арміи подъ Варшавой и собрались бѣжать въ Данцигъ и Пруссію: они бы убѣжали за море (прибавляетъ лѣтописецъ), еслибъ умѣли плавать по морю. Между-тѣмъ дворяне русскаго воеводства страшились, чтобъ казаки не взбунтовали единовѣрныхъ хлоповъ, собирали отряды, укрѣпляли мѣстечки. Король въ такихъ обстоятельствахъ назначилъ чрезвычайный сеймъ, и 12 іюня оповѣстилъ въ универсалѣ, что Польша снова находится въ опасности и требуетъ безотлагательнаго принатія мѣръ къ своему сохраненію ⁽²⁶⁾».

Много переимѣнъ надобно было сдѣлать на этомъ сеймѣ; много знатныхъ пановъ погнбло подъ Батогомъ или умерло въ короткое время. Мѣсто Калиновскаго занялъ Потоцкій, одинъ изъ сыновей стараго Николая; въ обозные, на мѣсто сына Калиновскаго, назначенъ Чарнецкій, вмѣсто Пріемскаго Сапѣга; въ русскаго земля явились новые воеводы: Ляндскороцскій получилъ воеводство русское; черниговское отдано было Тишневичу, сыну стараго Яна. День батогской битвы открылъ не одному пану дорогу къ почестямъ и богатствамъ; староства убитыхъ на сраженіи розданы панамъ, убѣжавшимъ изъ-за Днѣпра, въ награду за долгое терпѣніе отъ буйнаго народа.

Предлагали собрать посполитое рушенье, но депутаты не могли согласиться на это; прошедшій годъ побѣда надъ казаками слишкомъ—дорого стоила хозяевамъ, и притомъ польскіе хлопы, пользуясь выходомъ помѣщиковъ, начали—было подражать украинскимъ. Сеймъ далъ согласіе на посполитое рушенье только въ крайнемъ случаѣ, а до того времени рѣшилъ довольствоваться вербуками; положили собрать въ воеводствахъ

⁽²³⁾ «Annal. Polon. Cl.», I, 351.

⁽²⁴⁾ «Hist. ab. exc. Wl. IV», 107.

⁽²⁵⁾ «Ист. о през. бр.».

⁽²⁶⁾ «Пам. Кіев. Ком.», II, 3, 19.

пятьдесятъ тысячъ новаго войска, и назначилъ подать для содержанія такого числа воиновъ. Благородное юношество Краковской Академіи вызвалось добровольно идти подъ военныя знамена; «въ доказательство (говорить лѣтописецъ), что это введеніе не только просвѣщаетъ поляковъ науками, но способствуетъ и къ сохраненію отечества» (27).

Хмельницкій, услышавъ о сборѣ сейма и зная, что дѣло касается его, послалъ снова депутатовъ въ Варшаву, препоручилъ имъ оправдать его и цѣлое казачество. Казачій предводитель написалъ нѣсколько писемъ панамъ Рѣчи-Посполитой, избиралъ ихъ ходатаями. Одно изъ такихъ писемъ къ Мазовецкому воеводѣ, мы приведемъ для образчика:

«Калиновскій погибъ (писалъ онъ), но не отъ моего сына, потому-
 «что гетманъ напалъ на него безъ всякой причины. Не долженъ ли быть
 «сынъ мой защищаться противъ произвола свирѣпаго тирана? Та война
 «справедлива и богоугодна, когда берутъ оружіе въ защиту себя, когда
 «не остается никакого средства, кромѣ оружія? Во все продолженіе
 «своей воинской власти Калиновскій поступалъ съ казаками безчеловѣчно;
 «не вспоминая того, что дѣлалось давно, нельзя умолчать о недавнемъ.
 «Въ несчастное время онъ напалъ на Украину, грабилъ, предалъ страну
 «крайнему разоренію. Кучами тѣлъ человѣческихъ покрылъ онъ поля
 «берестечскія, наполнилъ трупами болота, степи, лѣса, запрещалъ хоро-
 «нить мертвыхъ, отдавая на съѣденіе звѣрямъ. Подъ Бѣлою-Церковью
 «онъ не хотѣлъ мира и требовалъ совершеннаго истребленія всѣхъ ка-
 «заковъ. Всю прошлую зиму онъ тиранилъ самымъ ужаснымъ образомъ
 «простой народъ, и собственная жизнь моя была несвободна отъ его
 «предательскихъ козней. Неумолимый, необузданный, онъ не только
 «терзалъ людей, но простиралъ святотатственные руки и на храмы
 «Божіи; колокола, которые народъ употреблялъ для молитвы, онъ пе-
 «резивалъ на орудія; онъ похищалъ все, что только пожелалъ. Сынъ
 «мой шелъ въ Волощину жениться, а онъ, изъ зависти, преградилъ
 «ему путь и вѣрно бы лишилъ жизни, еслибъ удалось. Но судьба
 «опредѣлила иначе; свадебные факелы, приготовленные для брачной
 «ночи, освѣтили убійство и задушили его своимъ дымомъ. Правда, сынъ
 «мой поступилъ легкомысленно; но если Рѣчи-Посполитая проститъ его,
 «изъ уваженія къ молодости, то онъ загладитъ свой проступокъ; если
 «же будутъ ему угрожать, то надобно опасаться, чтобы и онъ не сталъ
 «себя искать въ другомъ мѣстѣ обороны. Самъ непріятель долженъ
 «сознаться, что Калиновскій не имѣлъ или разсудка, затрогивая не-
 «винныхъ, или счастья, не одолѣвъ вооруженныхъ» (28).

Многіе были того мнѣнія, чтобы не отвѣчать казакамъ:

«Хмельницкій (говорили они) столько разъ нарушая присягу, сдѣ-
 лался дотого недостойнымъ всякаго довѣрія королевскаго, что еслибъ

(27) «Ann. Polon. Ch.» I, 353—354.

(28) «Annal. Polon. Cl.», I, 331.

онъ приносилъ жертвы предъ алтаремъ и, преклоняя колѣни, клялся именемъ Бога живаго, то и тогда нельзя полагаться на него» (29).

Но обстоятельства для поляковъ были до крайности угрожающія: шведскій король хотѣлъ воспользоваться состояніемъ Польши и нанести на нее войною; царь московскій снова присылалъ требовать возмездія за пропускъ въ титулахъ. Въ это время, нѣкоторые изъ благомыслящихъ членовъ Рѣчи-Посполитой возвысили голосъ, доказывая, что не одно своеволие казаковъ и черни причиною бунтовъ.

«Мы обвѣщаемъ враговъ своихъ, а на себя не оглянемся (говорили эти сыны отечества). Что такое наша Польша? Что останется бѣдному человѣку, послѣ панскихъ поборовъ, для прокормленія съ женою и дѣтьми, то заберетъ у него жолнѣръ: найдетъ хоругвей десять въ одно село; всѣхъ надобно поить, кормить, каждому дай, а кто не захочетъ или, лучше сказать, не можетъ, у того повернуть все кверху дномъ; придутъ еще слуги, возницы и до того оберутъ несчастнаго поселянина, что у него ни крохи не останется! Отъ этого хлопны разбѣгаются, бунтуютъ, города и мѣстечки пустѣютъ, поля остаются незаасѣянными, прекращаются ремесла, останавливается торговля, и самые владыкы теряютъ свои доходы, и въ казны вѣчныя недоимки. Жолнѣръ, который приходитъ защищать жителей отъ непріятелей, поступаетъ съ ними хуже, чѣмъ непріятель (30).

Всѣ эти обстоятельства заставили позвать на сеймъ казацкихъ депутатовъ. Они явились съ покорнымъ видомъ, но вмѣстѣ какъ невинные, желающіе оправдать себя отъ клеветы. Со слезами божились они всѣми святыми, что Хмельницкій не зналъ о батогскомъ пораженіи и, въ доказательство, ссылались на письмо его, которымъ онъ предостерегалъ Калиновскаго.

— И вы еще плачете, говорилъ имъ съ жаромъ канцлеръ: — когда между-тѣмъ, замышляете новыя козни противъ короля и Рѣчи-Посполитой! Кровь христіанская, невинно вами пролитая, какъ кровь праведника Авела воиетъ къ Богу объ отошченіи, а вы думаете притворными слезами омыть столько клятвопреступленій! О крокодилы, терзающіе человѣчество! о народъ невѣрный! накажетъ тебя Господь карою братоубійцы Каина.

Но послѣ этихъ правоученій съ ними обращались ласковѣе; отъ имени сейма назначены были комиссарами Зацвилювскій и Черный, издавна знакомые Хмельницкому. Во вниманіе къ раскаянію казаковъ объявляли всеобщее прощеніе и забвеніе батогскаго дѣла, а Хмельницкому и всему дому его обѣщаны особыя большія почести со стороны республики, если только онъ совершенно прекратитъ союзъ съ татарами и дастъ въ залогъ своего сына.

Въ сентябрѣ Зацвилювскій и Черный прибыли въ Чигиринъ. Не доѣзжая до резиденціи казацкаго гетмана, они были встрѣчены Тимо-

(29) «Woyna domowa», ч. 3, 79.

(30) «Annal. Polon. Cl.», I, 343.

шесть, въ-сопровожденіи двухсотеннаго коннаго отряда. Сынъ Хмельницкаго отъ имени отца проспѣлъ ихъ на хлѣбъ—соль, привѣтствовалъ какъ дорогихъ гостей. Когда они въѣхали во дворъ, старикъ Хмельницкій встрѣчалъ ихъ у крыльца съ распростертыми объятіями, называя старыми друзьями; изъявлялъ радость, что видить ихъ. Съ особыми знаками гостепріимства они были приглашены къ торжественному столу. Хмельницкій наполнилъ кубки виномъ, провозгласилъ здоровье его королевскаго величества и пушечные выстрѣлы сопровождали заздравные кубки. Цѣлый день Хмельницкій не говорилъ о дѣлѣ, показывалъ видъ, какъ-будто считаетъ ихъ своими частными гостями, а послы, радуясь приему, надѣялись успѣха. Но утромъ, на другой день, когда они объявили ему, что пріѣхали отъ короля и Рѣчи-Посполитой, Хмельницкій принялъ холодный тонъ и сказалъ:

— Я удивляюсь, господа, вашей отвагѣ: что вы, такія знатныя особы, пожаловали въ такой огонь, когда моровое повѣтріе свирѣпствуетъ повсюду. Чтò за дѣло, нетерпящее отлагательства? Право, я не надѣялся васъ видѣть.

— Намъ надобно удивляться, сказалъ одинъ изъ пословъ: — слыша отъ твоей милости такой вопросъ, когда вы присылали къ королю просить прощенія своихъ преступленій и милосердія.

Хмельницкій вспыхнулъ, обнажилъ саблю и началъ махать у нихъ подъ носомъ, по выраженію лѣтописи:

— Милосердія! прощенія! говорилъ онъ: — за чтò? за то, что не сдѣлалъ зла королю? Въ томъ ли мое преступленіе, что, послѣ разбитія Калиновскаго, удержалъ татаръ и казаковъ и не допустилъ ихъ до вторженія въ Польшу въ то время, когда я не только могъ васъ уничтожить, но даже прогнать за Римъ? Такъ за этимъ вы пріѣхали? Чтò вы въ-самомъ-дѣлѣ представляетесь простаками? Чтò вы строите со мною шутки? Развѣ я не знаю, что король готовитъ на меня войско!

— На посла нечего кричать, возразилъ Черный: — посоль какъ осель: несеть то, что на него положить. Поступай какъ тебѣ угодно съ нашими предложеніями, но ты долженъ помнить право народовъ, соблюдаемое повсюду.

Выговскій принялся уговаривать взбѣшеннаго гетмана и обращался то къ нему, то къ посламъ, уговаривая послѣднихъ вытерпѣть этотъ припадокъ вспыльчивости. Наконецъ Хмельницкій успокоился и сказалъ:

— Еслибъ не тебя, папъ Зацвилховскій, моего давняго знакомца и пріятеля прислали съ этимъ посольствомъ, то я бы иначе поступилъ. Да и папъ Черненькій третій разъ уже у меня! хорошо. Ну, что жь у васъ за условія?

Ему подали пункты. Прочитавъ, Хмельницкій далъ такое рѣшеніе: съ татарами я не могу разойтись, потому—что ляхи ищутъ моей гибели; коммиссія нечего теперь затѣвать, когда король готовится идти на меня войною: какъ ему угодно! Желая, чтобъ онъ былъ предводи-

телемъ; я готовъ встрѣтить его тамъ и тогда, гдѣ и когда онъ захочетъ. Сына я не пошлю въ залогъ, потому—что одинъ малъ, а другой недавно женился: нельзя же ему оставить такъ скоро молодой жены! Мнѣ предлагаютъ почести; но тотъ, кого возвысила судьба, не нуждается въ нихъ. Пусть прежде король и Рѣчь—Посполитая подпишутъ зборовскій договоръ, тогда будетъ миръ, а безъ того невозможно мириться.

Послы королевскіе уѣхали, ничего не сдѣлавъ⁽³¹⁾. Между—тѣмъ, одни послы казацкіе поѣхали въ Москву извѣстить его царское величество, что поляки не исполняютъ договоровъ, и просятъ царя принять Украину подъ свою крѣпкую руку⁽³²⁾; а другіе послы въ Турцію съ такими же предложеніями принять Украину въ покровительство.

Осенью около Ковеля собралось войско и король приказалъ гетману Потоцкому выступить въ Украину. Хмельницкій не опасался этого; онъ зналъ, что въ Польшѣ въ такое скорое время не соберутъ податей, опредѣленныхъ для платы войску. Въ—самомъ—дѣлѣ, не дойдя до Украины, жолнѣры начали роптать и Потоцкій принужденъ былъ распустить пѣхъ по окрестнымъ селеніямъ для собранія продовольствія; тогда жолнѣрство производило самыя ужасныя безчинства: это заставило Потоцкаго отнестись къ королю, который, сожалѣя о жителяхъ, приказалъ приостановить походъ; между—тѣмъ наступила зима и жолнѣры разбрелсь. Потоцкій надѣлалъ врагамъ смѣха своими приготовленіями.

1652 годъ оправдалъ предсказанія астрологовъ, къ которымъ тогда имѣли большую вѣру. Кромѣ батогскаго пораженія Польша испытала почти всѣ бѣдствія. Все лѣто опустошало Польшу моровое повѣтріе; • и ваялись трудныя человѣческіе (говорить лѣтопись) какъ снопы по полямъ; осиротѣлы семейства считались по лѣсамъ и ущельямъ; звѣри забѣгали изъ дебрей въ людскія жилища. • Преданіе, сохраненное современниками, говоритъ, будто носильщики, подбиравшіе тѣла зачумленныхъ, испытывъ болѣзнь и думая, что въ другой разъ она не пристанетъ, мазали мозгами изъ зараженныхъ труповъ двери домовъ, чтобъ увеличить заразу и получить себѣ выгоды, обдирая одежды умершихъ. Подобные вымыслы всегда сопровождаютъ моровыя повѣтрія. Страшные пожары опустошили многочисленные города; отъ дождей погибъ хлѣбъ въ поляхъ; рѣки выступали изъ береговъ. Вода разрушала и сносила дома и истребляла людей. Въ одномъ мѣстѣ, по извѣстію современника, на плавшей по Вислѣ копнѣ сѣна сидѣли волкъ и коза въ совершенномъ дружелюбіи: общая опасность сдѣлала волка кроткимъ и козу безстрашною.

Н. КОСТОМАРОВЪ.

(31) «Woyna dom.» ч. 3, 81. — «Hist. ab exc. Wł. IV», 122. — «Лѣт. величк.», I, 122—123. — «Ист. о през. бр.», — «Ann. Pol. Cl.», I, 354—355.

(32) «Ист. Мал. Росс. Б. Кам.», I, 27—29.

БАРТИНЫ РУССКАГО БЫТА.

БРАТЕЦЪ И СЕСТРИЦА.

— Вотъ, другъ мой, Боринька, дожили мы съ тобой, по милости Божией, и до этой радости: Наташа будетъ на этой недѣлѣ; вотъ и письмо Анны Матвѣвны!

— Ну, слава Богу! отвѣчалъ зять старушки, который только что возвратился со службы и, мимоходомъ, отправилъ изъ передней и залы двухъ гонцовъ на кухню, чтобъ скорѣе подавали кушать.—Что же еще пишетъ Анна Матвѣвна, или сама Наташа?

— И та пишетъ, и другая. Вотъ, прочитай! Хвалить голубицу нашу, другъ мой, вчужь радуется нашему счастью. Въ субботу выѣзжаютъ: ты знаешь, Анна Матвѣвна, постаринному, держится легкихъ дней; а, право, ужъ нѣтъ дня легче субботы. Вотъ, другъ мой, продолжала она: — и новыя заботы въ домъ; дочь у тебя заневѣстилась: надо будетъ ее и въ люди показывать, надо будетъ и у себя принимать хорошихъ людей. Оберегай ее, какъ отецъ, да втихомолку прискивай ей ровнюшку... вотъ, напримѣръ, какъ Илья Степанычъ...

— И, матушка, перебилъ ее зять: — усѣдемъ! Что это, еще и въ домъ невѣсты нѣтъ, а вы жениховъ накликаете.

И, поцаловавъ руку у старушки, Борисъ Михайловичъ опять оглянулся, услышавъ шаги человѣка въ столовой, и сказалъ:

— А что жь кушать, скоро ли?

— Подано, отвѣчалъ молодой человѣкъ, войдя въ комнату и поздоровавшись съ хозяевами, назвавъ одного батюшкой, а другую бабушкой и поцаловавъ у нея руку.—А, это ты, Никандръ, а вотъ мы въ радости сегодня: Наташа ѣдетъ!

Разговоръ, все о томъ же предметѣ, сдѣлался общимъ и мирное семейство, состоявшее изъ трехъ членовъ и ожидавшее съ такимъ нетерпѣніемъ четвертаго, пошло къ столу.

Борисъ Михайловичъ, человекъ почтенный и уважаемый всѣми въ томъ губернскомъ городѣ, гдѣ они жили, занималъ давно уже одну изъ высшихъ губернскихъ должностей; онъ былъ вдовъ, а Марья Аванасьевна, теща его, осталась при немъ, по старой привычкѣ и изъ любви къ дѣтямъ. Впрочемъ, старушкѣ бы почти и нѣкуда болѣе приткнуться, потому-что у нея была однимъ-одна дочь. Борисъ Михайловичъ жилъ одной службой, хотя у старушки и было довольно-хорошее имѣнье; она за дочерью не отдала ничего, сказавъ: «коли, дастъ Богъ, переживете меня, то все ваше будетъ; а до того времени я вамъ кланяться не хочу; будемъ жить вмѣстѣ, такъ и мои доходы пойдутъ въ ваше хозяйство, а разъѣдемся врознь, такъ мое, покуда, при мнѣ».

Но они врознь не разъѣзжались, а жили совѣтно и любовно до самой смерти жены Бориса Михайловича, которая скончалась уже лѣтъ десять назадъ. Осталась дочь, Наташа, ребенокъ лѣтъ семи, да сводный братъ ея, Никандръ, сирота, взятый въ домъ по смерти родителей его. Ему было при кончинѣ супруги Бориса Михайловича лѣтъ пятнадцать; о немъ заботились, какъ о сынѣ; а такъ-какъ онъ показывалъ хорошія способности и особенную охоту къ рисованію и черченію, то его и пристроили въ Академію Художествъ, откуда онъ возвратился чрезъ нѣсколько лѣтъ, опредѣлившись губернскимъ архитекторомъ въ тотъ самый городъ, гдѣ жили названные родители его.

Между-тѣмъ и Наташа подрастала; она была на рукахъ у бабушки, но и Борисъ Михайловичъ не спускалъ съ нея глазъ. Надобно было подумать о такъ-называемомъ воспитаніи ея, то-есть о приданіи уму ея свѣтской гибкости, условнаго приличія и общепризнанныхъ за необходимое поверхностныхъ свѣдѣній, а также наружности ея того французскаго лоска, для котораго теперь, можетъ-быть, и самое названіе *французскаго* покажется неумѣстнымъ, потому-что онъ принять всюду, гдѣ общество называется благовоспитаннымъ и образованнымъ. Для этого, послѣ долгихъ разсужденій, отправили наконецъ Наташу къ зажиточной тѣткѣ въ сосѣдній губернскій городъ. У тѣтки этой было на рукахъ три дочери и для нихъ нарочно была выписана, за дорогую цѣну, петербургская гувернантка; тѣтка писала объ этомъ Борису Михайловичу и убѣждала довѣрить ей, хотя года

на три-четыре, воспитаніе Наташи, которая такимъ образомъ и провела время это и заневѣстилась внѣ отеческаго дома. Бабушка долго не рѣшалась разстаться съ внучкой своей, говоря, что она для нея только и живетъ теперь на свѣтѣ, но Борнсъ Михайловичъ, будучи вообще доволенъ простымъ, благоразумнымъ и естественнымъ обращеніемъ бабушки съ внучной, никакъ не могъ, однакожъ, назвать это *воспитаніемъ* въ томъ смыслѣ, какой придается у насъ этому слову, не находилъ также удобнымъ пополнить недостающее губернскими средствами, а потому и убѣдилъ старушку воспользоваться предложеніемъ тѣтки, тѣмъ болѣе, что разстояніе было невелико и что разъ или два въ годъ можно было Наташу навѣщать.

Только-что семья наша съѣла-было за столъ, какъ загроможденная поклажей коляска вдругъ подкатила къ подъѣзду и всѣ вскочили, узнавъ прокуроршу, которая ѣдила въ сосѣдній губернской городъ, и, по обѣщанію своему, привезла Наташу. Братецъ ея, губернской архитекторъ, встрѣтилъ ее и обнявъ первый, передалъ съ рукъ на руки отцу, а этотъ бабушкѣ. Прокурорша, объяснивъ случайныя причины этого досрочнаго прибытія, расцаловала бабушку и, отказавшись даже пристѣсть, отправилась въ коляскѣ домой.

Итакъ Наташа, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, была опять дома. Времени прошло немного, но какъ все въ глазахъ ея измѣнилось! Немудрено; дѣвушка двѣнадцати и шестнадцати лѣтъ это не одна и та же особа, не одинъ и тотъ же человекъ: это разъединившаяся двойчатка, изъ которой одна половина ушла назадъ, въ потѣмки прошедшаго, и уходитъ все дальше-и-дальше, а другая выступила впередъ и, опознаваясь исподволь на новой мѣстности своей, постепенно идетъ смѣлѣе-и-смѣлѣе впередъ... Кукла болѣе походить на младенца, чѣмъ дѣвочка на дѣвицу!

Наташа бѣгло перескакивала мыслями и языкомъ съ одного предмета на другой, съ другаго на третій и пятый, столько ежеминутно рождалось въ ней ясныхъ и неясныхъ воспоминаній, столько было вопросовъ, распросовъ и развѣдываній, а между тѣмъ рѣдко доставало терпѣнія выслушать до конца мѣрный отвѣтъ отца, чинный разсказъ бабушки или подробныя объясненія брата; Наташа кидалась на другое и сама бѣгала изъ покоя въ покой, по всему дому, желая навѣстить каждый знакомый уголокъ. И шкапъ съ перильцами наверху и съ мѣдными шарами по угламъ, и тагильскій большой сундукъ, синій съ алыми цвѣтами,

окованный желѣзомъ, и горка въ углу, съ фарфоровыми сборными чашками, подарками отцу, покойной матери и бабушкѣ въ дни именинъ и рожденій — все это были старинные знакомые и пріятели Наташи, надъ которыми она готова была отъ радости и плакать и смѣяться. Домъ Бориса Михайловича ожилъ и просвѣтлѣлъ съ того мгновенія, какъ Наташа въ него вступила.

Взрослый ребенокъ тотъ, какъ было уже однажды сказано о другомъ, подобномъ ему существѣ, соединялъ въ себѣ, такъ-сказать, обѣ природы родителей своихъ, представляя олицетвореніе этого союза. Хотя Наташѣ и было всего только семнадцатый годъ и она даже, по живости своей, казалась еще моложе, неменѣе того во всемъ существѣ ея проявлялась какая-то страстная преданность — основаніе женственности, и въ то же время независимая сила и самостоятельность отца. Эту смѣсь силы и кротости, принужденіе и насиліе не могли себѣ подчинить; они только возмущали дѣвственную душу, поселяя въ ней одно исключительное чувство — негодование; но за-то разумное убѣжденіе, а еще болѣе простая, убѣдительная просьба, поработали ее безусловно. Такимъ-образомъ слабость ея заключалась именно въ этой бессознательной силѣ, которая легко и безусловно покорялась кротости и ласкѣ, будучи затѣмъ готова на безусловное самопожертвованіе, чтобъ только отмогилъ вынужденный природою вещей проступокъ. Стоило только выказать какой-либо доблестный поступокъ или заставить Наташу быть вольнымъ или невольнымъ поводомъ какого-либо оскорбленія, и герой ея, или притѣсненный, получалъ, такъ-сказать, надъ нею полную власть: уваженіе, раскаяніе и состраданіе одинаково овладѣвали благородною преданностью ея и подчиняли ее постороннему вліянію.

Все выказывало въ ней природу, которая чувствовала силу и свѣжесть свою, не зная ни гордости, ни тщеславія. Обиліе жизненности вещественной и духовной сдерживалось ею только съ трудомъ въ предѣлахъ условнаго приличія, и даже глаза ея были лучисты; но эта могучесть жизни, будто сама передъ собою краснѣя, облекалась ласкою, нѣгою и кротостью. Если изъ груди ея вырывалось повременамъ звучное междометіе, или она сама себя ловила съ поличнымъ, опомнившись при какомъ-нибудь быстромъ, рѣшительномъ движеніи, то она вдругъ останавливалась, какъ тронутая волшебнымъ жезломъ, и не знала куда дѣваться съ кипучею молодостью. Эта мнительность и осторожность, тщательна-подавлявшая на каждомъ шагѣ упрямую природу, обозна-

чались какою-то кипучею воздержностью и дѣятельнымъ покоемъ, довольно-любопытными для наблюдателя.

Бабушка была ласкова къ Наташѣ, не понукала и не запинала ее на каждомъ шагу, а присматривалась и прислушивалась къ ней, чтобъ сперва ознакомиться съ нею послѣ долгой разлуки и вполнѣ понять ее и изучить. Но забота о томъ, чтобъ хорошохонько пристроить Наташу, не выходила изъ думки Марьи Аванасьевны и она въ тотъ же вечеръ и опять на другоїи день, оставшись одна съ зятемъ, проговорила:

— Дá, Боринька, вотъ и новыя заботы: надо подумать о дочери; надо хорошаго человѣка прискать, чтобъ былъ ей ровня...

— И, матушка! отвѣчалъ опять Борисъ Михайловичъ: — каждому дню свое: Богъ позаботится обо всѣхъ. Придетъ время, тогда придумаемся. Когда рождь, тогда и мѣра.

Но бабушкѣ поговорка ея вошла въ привычку и дня не проходило, чтобъ старушка не проговаривалась. Она перебирала про-себя всѣхъ жениховъ, какихъ только знала въ губерніи, и съ глубокимъ вздохомъ качала головой: «все не то!» Ей пужень былъ напередъ всего нравственно-безукоризненный человѣкъ — такъ высоко цѣнила она достоинства внучки своей, а затѣмъ она также требовала отъ него порядочную родословную, хорошее состояніе, уваженное положеніе въ свѣтѣ или обществѣ; само собою разумѣется, что наружность и лѣта должны были всему этому отвѣчать. Словомъ, трудно было по этой статьѣ на бабушку угодить: не знаю, такъ ли причудлива будетъ современемъ внучка.

Дни шли за днями и между братцомъ и сестрицей, губернскимъ архитекторомъ и Наташей то-есть, не было замѣтно никакой особенно-тѣсной дружбы; не видавшись нѣсколько лѣтъ, они какъ-будто чуждались нѣсколько другъ друга, потому именно, какъ я уже сказалъ, что дѣвочка и дѣвица вовсе не одно и то же лицо: первой нельзя болѣе узнать во второй и старый другъ и товарищъ дѣвочки стоитъ передъ дѣвицей невольно растерявшись и не находя ладу и мѣры для словъ своихъ и обращенія съ нею. Впрочемъ, какъ братецъ и сестрица, они стали мало-по-малу опять свываться.

Но судьба, или случай вдругъ, внезапно измѣнили отношенія эти. *Раза два-три уже случалось, что Наташа, по быстротѣ и опрометчивости перваго движенія своего, несправедливо обвинила было своего брата въ какомъ-либо словѣ или иномъ дѣйствіи,

и вслѣдъ затѣмъ сильно сама передъ собой была пристыжена. Въ такой душѣ, какъ была Наташа, это сознание погрѣшимости своей и превосходства въ другомъ существѣ необходимо должно было произвести нѣкоторый переворотъ, и именно добровольное подчиненіе себя тому, кому не могла отказать въ уваженіи. Къ этому присоединилось еще другое обстоятельство: при постройкѣ Никандромъ Петровичемъ собора, беззаботливость одного изъ подрядчиковъ и авосьничанье рабочихъ во время двухдневнаго отсутствія строителя по дѣламъ въ уѣздномъ городѣ, были причиною ѣдственного случая, который былъ отвращенъ одною только рѣшимостью, отвагою и присутствіемъ духа самого архитектора, который спасъ этимъ жизнь двухъ человѣкъ, обреченныхъ уже на гибель. Часть лѣсовъ внезапно обрушилась въ то самое время, когда Никандръ Петровичъ, воротившись изъ повѣздки, навѣстилъ работы; при этомъ двухъ человѣкъ на верхнихъ лѣсахъ ушибло и прижало такъ, что они не могли высвободиться. На мѣстѣ было немного рабочихъ, да и тѣ, испугавшись и потерявшись, не рѣшались ни на что, и погибающіе уже лишились чувствъ, или по-крайней-мѣрѣ голоса; они замолкли и предались своей участи. Страшно было смотрѣть на нихъ снизу, какъ они висѣли на обнаженныхъ вокругъ лѣсахъ, на высотѣ нѣсколькихъ десятковъ сажень отъ земли, а между-тѣмъ къ нимъ не было никакого доступа: лѣстницы и сходни всѣ обрушились. Каждое мгновеніе было дорого. Никандръ Петровичъ бросился къ зданію, вызывая другихъ за собою, и сунувъ въ карманъ одинъ только пучокъ нитокъ, съ опасностью жизни, счастливо одолѣвъ всѣ препятствія, взобрался изнутри на сводъ собора, а оттуда, по остаткамъ обрушившихся лѣсовъ, ловко доползъ до мѣста гибели двухъ рабочихъ. Удостоверившись здѣсь въ томъ, что голыми руками пособить невозможно, онъ, сидя верхомъ на бревешкѣ, спустилъ бичевку свою внизъ и закричалъ, чтобъ проворнѣе привязали къ ней пилу и конецъ веревки, которую надвизывали, по распоряженію его, по-мѣрѣ-того, какъ онъ ее подымалъ и оза приходила къ концу. Перепиливъ съ большою осторожностью брусъ, который прижалъ двухъ несчастныхъ каменьщиковъ, одного за руку, а другаго поперегъ всего тѣла, Никандръ Петровичъ, съ помощью еще одного каменьщика, который наконецъ рѣшился послѣдовать его примѣру, спустилъ ѣдствующихъ, одного за другимъ, благополучно на земь помощью взятой имъ снизу веревки.

Впродолженіе этого времени вокруг собора на шумъ и крикъ собралось множество народа; а какъ присутственныя мѣста были на той же площади, то можно сказать, что весь городъ, а въ томъ числѣ и Борисъ Михайловичъ, были свидѣтелями происше- ствія. Оно надѣлало много шума; не могли надивиться и нарадо- ваться отвагѣ и рѣшимости архитектора; и если случай этотъ увеличилъ всеобщее къ нему уваженіе, то онъ стоялъ съ этого дня передъ сестрицею какъ баснословный герой, какъ полубогъ. Всѣ чувства ея покорились ему, и когда, на другой день, семья одного изъ спасенныхъ имъ рабочихъ, не удовольствовавшись благодарностью, изъявленной лично Никандру Петровичу, пришла еще на домъ къ нему, когда его тамъ не было, и упала въ ноги передъ бабушкой и передъ барышней, обнимая колѣни ея, то она не взвидѣла подъ собою земли отъ радости и чувства гор- дости — не за себя, а за своего братца.

Вскорѣ послѣ этого событія Марья Аванасьевна, сидя вече- ромъ одна съ зятемъ, опять начала вздыхать и приговаривать, что пора подумать объ устройствѣ участи Наташи, но на этотъ разъ сказала это несовсѣмъ въ общихъ словахъ, не на вѣтеръ, а перешла къ намекамъ болѣе-положительнымъ, спросивъ зятя, какого онъ мнѣнія, напримѣръ, о томъ человѣкѣ, у котораго есть имѣніе, называемое Верхніе-Сушняки?

Борисъ Михайловичъ, не обративъ сначала большаго вниманія на обычныя слова тѣщи, вдругъ поднявъ голову, взглянулъ на нее во всѣ глаза и спросилъ прямо:

— Какъ, развѣ онъ сватается?

— Нѣтъ не совсѣмъ или, можетъ-быть, отвѣчала та: — но я все-таки желала бы знать заблаговременно мысли твои, Боринька, объ этомъ человѣкѣ, и затѣмъ пустилась расхваливать его.

Зять долго слушалъ молча, потомъ сказалъ:

— Матушка, мое мнѣніе вотъ какое: вы все заботитесь о женихѣ, ищите его за тридевять земель, а передъ собой его не видите. Я думаю, если намъ не вмѣшиваться, а предоставить дѣло судьбѣ и тѣмъ, до кого оно всего ближе касается, то оно и сдѣлается безъ насъ, и сдѣлается недурно.

Марья Аванасьевна, въ свою очередь, выпрямилась въ креслѣ своемъ и съ крайнимъ изумленіемъ смотрѣла на зятя: она не хотѣла, не смѣла понять его.

— Чтѣ это значить, о комъ вы это говорите? я васъ не понимаю.

— А я истинно не понимаю, матушка, отчего слова мои ставят васъ въ такое недоумѣніе. Взгляните на молодыхъ нашихъ: я думаю, что они будутъ просить, не старанія нашего, чтобы ихъ сблизить, а одного только благословенія.

Но бабушка долго еще не могла утѣшиться и успокоиться; она ставила сотни причинъ, почему объ этомъ союзѣ и думать нельзя было, оканчивая, впрочемъ, каждое возраженіе свое тою же поговоркой: «да притомъ же, помилуй, она ему сестра!» Борисъ Михайловичъ не спорилъ ни противъ того, что Никандръ сирота, безъ роду безъ племени, что отецъ его не былъ даже записанъ въ родословную, не только въ шестую книгу, какъ этого требовала Марья Аванасьевна, что Никандръ былъ бѣднякъ, живущій однимъ жалованьемъ съ небольшимъ только пособіемъ отъ незначительныхъ частныхъ построекъ, что Наташа можетъ и должна составить не такую партію, и пр. Противъ всего этого Борисъ Михайловичъ не возражалъ ни слова, считая это, до времени, излишнимъ, а покончилъ тѣмъ же, чѣмъ началъ, то есть просилъ бабушку не торопиться и не затѣвать отъ себя никакихъ переговоровъ по этимъ дѣламъ. Борисъ Михайловичъ поступилъ такъ не только потому, что будущее насущное благосостояніе Наташи зависѣло отъ бабушки ея, владѣтельницы порядочнаго имѣнія, но и потому, что такое поведение было вообще согласно съ ровнымъ, разсудительнымъ нравомъ его, и что онъ очень уважалъ бабушку, занимавшую уже столько лѣтъ въ домѣ мѣсто полной хозяйки.

Не знаю, замѣтили ль отецъ или бабушка какую-нибудь переменъ въ молодыхъ людяхъ въ тотъ же вечеръ, но на другой день, къ сожалѣнію, это было уже слишкомъ-замѣтно, и неприятная перемена эта усиливалась со-дня-на-день и дѣлалась для отца, и въ особенности для бабушки, невыносимою. Никандръ былъ либо въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, либо сидѣлъ молча въ темномъ углу и просыпался, какъ со сна, когда съ нимъ заговаривали; онъ сталъ наконецъ явно бѣгать изъ дома, подъ предлогомъ дѣлъ и занятій. Наташа измѣнилась еще замѣтнѣе: куда дѣвалась торопливость ея, прежняя опрометчивость и скорохватность, куда это дѣтское простодушіе и независимость, свобода пріемовъ? Она сдѣлалась робка, пуглива, будто безпрестанно держала уши на макушкѣ и въ то же время — какое противорѣчіе! во всѣхъ пріемахъ, въ обращеніи и рѣчи ея появилась какая-то плавность, степенность и обдуманная осторожность.

Перемена эта, какъ легко понять, была слѣдствіемъ дошедшихъ до молодыхъ нашихъ объясненій бабушки и отца. Горничная, лакомая до подобныхъ разговоровъ, незамѣтно подслушала все и сочла обязанностью передать слышанное любимой барышнѣ своей. Наташа, конечно, остановила бы ее и не стала бы слушать отъ горничной подобныхъ вещей, но у бѣдняжки захватило духъ съ первыхъ словъ расказицы, и она, подъ вліяніемъ новой для нея мысли, поразившей ее, какъ изъ тучи громъ, молча дослушала все, едва переводя духъ, и даже не отвѣчала ни слова, когда Палаша въ третій разъ уже окончила разказъ свой и готовилась начать его въ четвертый. Къ-сожалѣнію, все это было также предметомъ разговора въ людской, въ застойной, и человѣкъ, раздѣвая вечеромъ Никандра, затянуль—было, съ оглядкой и осторожностью, ту же пѣсню. Никандръ Петровичъ остановилъ его тотчасъ, заговорилъ о другомъ и отправилъ; но долго онъ не могъ сомкнуть глазъ, и не зная, что именно было сказано и по какому поводу, рѣшилъ наконецъ, въ крайнемъ безпокойствѣ своемъ, заглянуть въ комнату Бориса Михайловича и переговорить съ нимъ, о чемъ онъ доселѣ еще и не думалъ. Борисъ Михайловичъ не спалъ еще, удивился появленію Никандра, но выслушалъ его спокойно и отвѣчалъ:

— До времени, любезный Никандръ, совѣтую тебѣ отложить вовсе мысль объ этомъ. Есть много причинъ, которыя затрудняютъ это, и, между-прочимъ, вы братъ и сестра. Прими совѣтъ мой къ сердцу, позабудь объ этомъ думать.

Дня три затѣмъ, Борисъ Михайловичъ, глядя на дѣтей, молчалъ; Марья Авдасьевна терпѣла долго, наконецъ, съ негодованіемъ и безпокойствомъ спросила:

— Такъ что жъ это такое будетъ?

— Не знаю, матушка, отвѣчалъ Борисъ Михайловичъ: — вамъ лучше знать это. Я знаю только, что Никандръ просится въ переводъ въ какой-нибудь другой губернской горѣдь.

— Какъ, что это значитъ?

— А развѣ вы хотите требовать, чтобъ здѣсь, при этихъ обстоятельствахъ, онъ подвергался ежеминутной пыткѣ, чтобъ онъ то-и-дѣло казнился, глядя на... да хоть бы на всѣхъ насъ? Его держать нельзя, пусть съ Богомъ ѣдетъ.

Бабушка вздохнула и промолчала; черезъ нѣсколько дней однакожъ, у нея опять лопнуло терпѣніе и она выбрала время, чтобъ поговорить съ Наташей. Но Наташа молчала; съ трудомъ

только бабушка могла заставить ее вымолвить словечко; молчала, кротко и покорно, но съ этого часа еще болѣе повѣсила голловку и на слѣдующій день, безъ всякаго упрямства, но по нездоровью, не могла выйти къ обѣду.

Бабушку взяла тоска не на шутку. Никандръ уѣхалъ, нанротившись на командировку, и ожидалъ перевода въ другую губернію. Это смущало бабушку въ высшей степени; она привыкла къ нему и не хотѣла бы съ нимъ разстаться. Наташа не была похожа на себя; самъ Борисъ Михайловичъ сдѣлался малословнымъ и скучалъ. Марья Аванасьевна пришла вечеромъ въ покой зятя, притворила двери и залилась слезами: жизнь ей опостылѣла, въ своемъ же домѣ, да и житья нѣтъ — она для дѣтей живеть, и должна видѣть несчастіе дѣтей и прочее.

— Да въ чемъ же дѣло? спросилъ, наконецъ, Борисъ Михайловичъ: — я не разъ уже выслушалъ всѣ ваши причины и доводы и, виноватъ, не понимаю ихъ. Какъ постелешь, бабушка, такъ и выплещешься...

— Такъ ты думаешь, Боринька, что можно?

— Я думаю даже, что должно.

— Боже мой! куда же дѣвались всѣ заботы мои, всѣ золотые сны... я чаяла богатаго, чаяла родословнаго, чаяла знатнаго...

— А я чаялъ добраго, благороднаго, молодаго, здороваго, умнаго, работающаго...

Бабушка вздохнула, прочитала про-себя короткую молитву, перекрестилась и опять спросила:

— Такъ что жъ, Боринька, съ Богомъ что ли? и весело улыбалась сквозь слѣзы.

— Я думаю съ Богомъ, отвѣчалъ Борисъ Михайловичъ.

Бабушка обняла его и вышла, сказавъ:

— Ну ужъ коли такъ, то молчи: я улажу это дѣло.

Борисъ Михайловичъ отъ души поцаловалъ старушку и охотно предоставилъ ей удовольствіе улаживать то, что давно само-собой уладилось.

Бабушка пришла въ свой покой, поставила на столикъ чернильницу съ перомъ, положила бумагу и послала за Наташей.

— Ну, сударыня моя, начала она, улыбаясь: — да что жъ это будетъ у насъ? что вы тамъ надѣлали, кайтесь! Наташа молчала, глядя во всѣ глаза, нѣкогда лучистые, а теперъ туманные, съ поволокою.

— Куда, продолжала бабушка : — куда и зачѣмъ ты у меня сына-то загнала, зачѣмъ онъ уѣхалъ?

Никогда еще Наташа не была въ такомъ странномъ положеніи и рѣшительно не знала, что отвѣчать.

— Садись, сударыня моя, садись же, мать моя, вотъ тебѣ перо и бумага ; садись и пиши ему, пиши что и какъ знаешь, да чтобъ онъ пріѣхалъ ; коли любить тебя, пусть пріѣзжаетъ, я васъ благословлю, и отецъ благословить — а сама зарыдала.

Наташа, какъ стояла передъ бабушкой, бросилась къ ногамъ ея и обняла ея колѣни. Она нѣсколько разъ всхлипывала, но когда подняла голову и смотрѣла бабушкѣ въ лицо, то глаза ея были уже сухи и опять попрежнему лучисты, а на лицѣ не было и слѣду слезъ ; бабушка также вскорѣ оправилась, поцаловала внучку, но приняла опять нѣсколько-важный и степенный видъ и требовала настоятельно, чтобъ Наташа тотчасъ же писала. Нѣсколько секундъ, не болѣе того, Наташа не могла опомниться и собраться съ мыслями : положеніе ея было слишкомъ странно и непривычно ; но когда бабушка повторила въ третій разъ все одно и то же и сказавъ : «пиши, матушка, пиши», указывала повелительно на бумагу, то Наташа вдругъ кинулась къ столу, схватила перо, и не призадумавшись ни на одно мгновение, написала :

«Любезный братецъ ! не удивляй $\frac{\text{ся}}{\text{тебя}}$, что я $\frac{\text{тебѣ}}{\text{вамъ}}$ пишу. Бабушка посадила меня и строго приказываетъ : «пиши!» И что жъ «писать... Пиши : пусть онъ скорѣе пріѣзжаетъ, я васъ благословлю, и отецъ благословить...»

Бабушка съ нѣкоторымъ изумленіемъ пробѣжала записку ; она не ожидала такой сговорчивости отъ секретарши своей и такой быстрой исполнительности ; бабушкѣ было очень-любопытно увидѣть, какъ-то она вывернется изъ этого положенія, что-то она ему напишетъ—а тутъ никакихъ затрудненій не оказалось и дѣло было кончено, какъ-нельзя-яснѣе и короче, въ четырехъ строкахъ...

Я проѣзжалъ этотъ городъ ; соборъ и новыя присутственныя мѣста, несмотря на малый просторъ, предоставленный при постройкѣ здѣму, выстроены съ большимъ вкусомъ. Но лучшій домъ въ городѣ, не большой и вовсе не великолѣпный—это домъ архитектора, Никандра Петровича, о которомъ говорятъ, что онъ завидно-хорошо живетъ съ молоденькою женою... Живите, любовь вамъ и совѣтъ !

МНИМОУМЕРШІЕ.

Зашла рѣчь въ бесѣдѣ о мнимоумершихъ, о зарытыхъ живьемъ, объ ожившихъ подъ землей, либо въ гробу, до погребенія; каждый изъ собесѣдниковъ зналъ нѣсколько подобныхъ случаевъ, съ большими подробностями, зналъ навѣрное, что все это точно такъ было, но на повѣрку выходило, что все это было Богъ-вѣсть гдѣ начитано и слышано, а изъ семи человекъ собесѣдниковъ ни одинъ не могъ подкрѣпить подобнаго случая своимъ личнымъ свидѣтельствомъ, ни одинъ всѣхъ этихъ страстей самъ не видалъ. «А вы же что молчите?» спросили восьмого: «не случилось ли вамъ быть на дѣлѣ свидѣтелемъ чего-нибудь подобнаго?» — «Случалось», отвѣчалъ тотъ спокойно. Всѣ обратились съ мѣстъ своихъ къ нему, уставили на него глаза, и вопросы: какъ? гдѣ? когда? посыпались со всѣхъ сторонъ. — «Мнѣ два раза случилось быть при подобной — какъ бы это сказать — исторіи, что ли» отвѣчалъ врачъ, «но объ окончились, каждая въ своемъ родѣ, довольно-спокойно и безъ большихъ страстей; такъ, можетъ-быть, и не стоитъ того рассказывать. Вы, кажется, сегодня пустились въ погоню за сильными ощущеніями». — «Нѣтъ, докторъ, рассказывайте, пожалуйста, расскажите!» — «Извольте».

«Мы были, при самомъ окончаніи турецкой войны и во время довольно-продолжительныхъ переговоровъ о мирѣ, въ Адрианополѣ. Огромная казарма, выстроенная за городомъ четырёхугольникомъ, о двухъ ярусахъ, съ широкими навѣсами кругомъ на дворъ, занята была подъ госпиталь. Зданіе было такъ велико, что въ немъ помѣщалось подъ конецъ десять тысячъ больныхъ. Но какъ они помѣщались и въ какомъ положеніи находились — это другой вопросъ. Начальство наше дѣлало все, что могло, для улучшения этого помѣщенія; но какъ вы улучшите нѣсколько сотъ палатъ, съ кирпичными полами, безъ кроватей, разумѣется, и безъ наръ, и притомъ съ красивенькими деревянными рѣшетками, вмѣсто стекляннихъ оконъ? Дѣло походное, земля, въ которой, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и соломки-то почти нельзя было достать, а ноябрь пришелъ въ свое время и рѣшетчатые, пустые переплеты оконъ плохо утѣшали больныхъ.

«Сперва принялась душить насъ перемежающаяся лихорадка, за нею по пятамъ понеслись подручники ея, изнурительныя болѣзни и водянки; не дождавшись еще и чумы, половина врачей вымерла; фельдшеровъ не стало вовсе, то-есть при нѣсколькихъ тысячахъ больныхъ не было буквально ни одного; аптекарь одинъ на весь госпиталь. Когда бы можно было накормить каждый день больныхъ до-сыта горячимъ, да подать имъ въ волю воды напиться, то мы бы перекрестились. Между-тѣмъ снѣжокъ порошилъ въ окна и вѣтерокъ подувалъ.

«При такомъ огромномъ числѣ больныхъ, которые, сверхъ-того, еще находились въ положеніи несовсѣмъ-выгодномъ для здоровья, разумѣется, было не безъ смертности... Вы знаете, что такое мертвая камера; это отдѣльный покой, въ который относятъ до времени покойниковъ. Въ адрианопольскомъ госпиталѣ, гдѣ всѣ безъ изъятія палаты обращены были дверьми подъ общій навѣс и всѣ были одинаковыхъ размѣровъ, мертвая камера тѣмъ только отличалась отъ прочихъ живыхъ палатъ, что въ ней лежали мертвые, а въ другихъ живые; но наружности никакихъ особенныхъ примѣтъ не было и она, какъ келья, шла сподрядъ съ прочими.

«Однажды, вечеромъ, приходитъ въ госпиталь нашъ посланный отъ начальства строгій ревизоръ, или инспекторъ, что ли, только не изъ врачей, а по другой части; но больныхъ допрашивалъ онъ именно по врачебной части, то-есть получаютъ ли они черезъ чась по ложкѣ. Я объяснилъ уже, въ какомъ положеніи мы находились, а потому и предоставляю судить вамъ, господа, о неудовольствіи ревизора на отрицательные отвѣты. Насчетъ пищи и питья утѣшалъ онъ больныхъ по сущей справедливости тѣмъ, что въ полѣ и жукъ мясо, что въ военное время въ непріятельской землѣ по-невогѣ приходится иногда терпѣть; но насчетъ лекарства онъ былъ другаго мнѣнія и не могъ надивиться беззаботности нашей и непростительному небреженію. Этотъ открытый имъ безпорядокъ долженъ былъ привести его въ крайнее негодованіе, въ самое дурное расположеніе, и угрозы его на насъ грѣшныхъ возрастали постепенно, по мѣрѣ перехода изъ одной палаты въ другую, по холодному, темному и мокрому навѣсу; а палатъ было гораздо за сотню, такъ было надъ чѣмъ и сердцу порасходиться.

Инспекторъ вступилъ въ госпиталь одинъ, тихомолкомъ, не желая, вѣроятно, дѣлать напрасной тревоги, и какъ ворота на широкій дворъ и подъ навѣсы никогда не запирались, фельдше-

ровъ не было, а дежурный врачъ, сидѣвшій въ первой комнатѣ направо отъ воротъ, ничего не зналъ о прибытіи грознаго инспектора, который повернулъ направо и пошелъ кругомъ этимъ порядкомъ, то онъ и продолжалъ обходъ свой одинъ и самое это обстоятельство приписывалъ также беспорядку.

Обойдя нѣсколько десятковъ палатъ, инспекторъ растворилъ поочереди двери въ слѣдующую палату, поздоровался съ больными — отвѣта нѣтъ. Спрашиваетъ: «получаете ли лекарство?» Молчатъ. «Не можетъ быть, чтобъ тутъ лежали нѣмые», подумалъ инспекторъ, который въ потьмахъ едва только могъ отличать на полу лежащихъ въ два ряда по стѣнамъ больныхъ, «видно тутъ трудные — тѣмъ болѣе надобно допытаться, заботится ли этотъ безсовѣстный народъ, доктора наши, хотя по-крайней-мѣрѣ объ этихъ больныхъ и получаютъ ли они черезъ часъ по ложкѣ»... Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, услышалъ вздохъ или стонъ, затѣмъ шелестъ по соломѣ, шаги и кто-то въ полупотьмахъ съ нимъ столкнулся. «Кто это?» Жалкое, силное «я» было едва-внятно произнесено въ отвѣтъ и кто-то, протѣснившись подлѣ инспектора, по дорожкѣ въ срединѣ, между встрѣчными ногами двухъ рядовъ больныхъ, вышелъ въ двери и исчезъ подъ навѣсомъ. Посторонившись отъ этого встрѣчнаго, инспекторъ невольно толкнулъ ногой одного изъ больныхъ и удивился твердой вытяжкѣ его: онъ лежалъ, какъ исправные солдаты стоятъ во фронтѣ. Ревизоръ нагнулся, пощупалъ рукой — и отскочилъ; но наткнулся по другую сторону на другаго, такого же фронтового. Тогда онъ выбѣжалъ изъ палаты и поднялъ тревогу. Коммиссаръ и нѣсколько врачей мало-по-малу сбѣжались съ разныхъ сторонъ; принесли фонарей. Инспекторъ былъ, какъ само-собою разумѣется, просто взбѣшенъ; а какъ въ подобномъ состояніи не всегда знаешь и помнишь чтѣ говоришь, то и тутъ, съ крикомъ и шумомъ было высказано очень-много. Мы стояли, разинувъ рты, и ровно ничего не понимали. Долго длилось это громкое негодованіе съ одной стороны и молчаніе изумленія съ другой, покуда, наконецъ, объяснилось, что ревизоръ, между прочими непрестительными беспорядками, нашелъ и неслыханную законопротивность: онъ наткнулся на двухъ покойниковъ, въ палатѣ труднобольныхъ. Каждый изъ насъ подумалъ: «быть-можетъ, жизнь наша въ руцѣ Божьей, умри и теперь кто-нибудь изъ насъ на мѣстѣ, какъ стоимъ, то случится то же: будетъ одинъ покойникъ между нѣсколькими живыми. Мы поспѣшили вслѣдъ за не-

голубицкиъ, который оправился теперь, въ сопровожденіи нашемъ и двухъ фонарей въ роковую палату, и тутъ только увидѣли и объяснили инспектору, что это была не палата, а мертвая камера; въ-самомъ-дѣлѣ, онъ могъ удостовѣриться при свѣтѣ огня, что два фронта эти, направо и направо отъ дверей, вдоль стѣнъ, болѣе не встанутъ и команднаго слова не услышатъ до роковой трубы, и отвѣта никакого не дадутъ до втораго пришествія...

— Такъ это еще хуже того! закричалъ ревизоръ, когда онъ самъ, въ свою очередь, опомнился отъ изумленія.—Я думалъ, что вы только не убираете во-время покойниковъ, покидая ихъ между живыми; а вы вмѣсто того укладываете живыхъ вмѣстѣ съ мертвыми и, стало-быть, вмѣстѣ же ихъ и хороните? какъ?

Опять пришла наша очередь недоумѣвать и мы послушно стояли въ недоумѣніи, ожидая какой-нибудь развязки.

— Дá, продолжалъ инспекторъ: — войдя въ эту палату, или, какъ я теперь вижу, въ мертвую камеру, я встрѣтилъ живаго человѣка; онъ поднялся вотъ съ этого мѣста, всталъ, простоналъ, закашлялъ, отвѣчалъ мнѣ на вопросъ мой, что это онъ, вышелъ въ дверь и исчезъ; стало-быть, вы, разбойники, положили сюда живаго человѣка — а?

Теперь мы поняли наконецъ въ чемъ дѣло, но не менѣе прежняго затруднялись въ отвѣтѣ. Сказать, что этого-де быть не можетъ, значило бы крѣпко рассердить и безъ того уже немилостиваго ревизора, да притомъ каждый изъ насъ долженъ былъ по совѣсти сознаться, что это дѣло сбыточное. Чтò дѣлать! бывали и не такіе примѣры, а здѣсь, при объясненныхъ мною данныхъ и обстоятельствахъ, ничего нѣтъ мудренаго въ подобной ошибкѣ. Одно только было сомнительно: если хворый, который уже истощенъ до такой степени, какъ были всѣ наши больные, обомреть, то едва-ли очнется на кирпичномъ полу безъ подстилки, какъ лежали покойники, при нѣсколькихъ градусахъ мороза и безъ всякой крыши. Но спорить было нечего; приходилось молчать, и мы молчали. Пушеніе съ угрозами продолжалось, постепенно возрастаая, какъ буря, которая начинается маленькою погудкой, а оканчивается большою. Все шло своимъ порядкомъ, какъ вдругъ единый отъ весьма-немногихъ служителей госпитальныхъ, страшный заика, тащитъ въ мертвую камеру за воротъ какое-то жалкое, тщедушное, еле-дышащее существо, а самъ мычить и шипитъ и щелкаетъ языкомъ и, въ-добавокъ, еще вертитъ головой. На этотъ разъ послѣдовало уже всеобщее изумленіе, поддержи-

ваемое напряженнымъ любопытствомъ. Никто не понималъ еще, что изъ этого выйдетъ, а служитель, на бѣду, все-еще щелкалъ и присвистывалъ и не могъ произнести ни слова, тогда-какъ приведенный имъ больной пропищалъ въ безсиліи что-то, на повторенные со всѣхъ сторонъ вопросы, и мы все-таки не понимали, что изъ этого выйдетъ.

— Пой, пой! закричали мы служителю-заикѣ, потому-что онъ, запнувшись однажды до такой степени, могъ поправиться однимъ только способомъ : если ему дозволить пѣть; въ пѣсняхъ онъ не занкался и произносилъ слова медленно, въ растяжку, но понятно. И служитель мой, не упуская поличное изъ рукъ, запѣлъ самымъ заунывнымъ образомъ :

— Ваше высокоблагородіе ! вотъ солдатикъ , который лежалъ въ мертвой камерѣ : онъ попалъ туда самъ-собою, ошибкой; вышедъ изъ своей, сосѣдней палаты, онъ угодилъ послѣ невзначай въ эту.

Опять перешла очередь недоумѣнія не на нашу сторону; теперь уже намъ было все очень-ясно. Ревизоръ спрашивалъ и переспрашивалъ много разъ то больного, приставляя ко рту его ухо свое, то заикку, заставляя его отвѣчать на-распѣвъ, и слова его оправдались : ни покойники не были забыты между живыми, ни живой не положенъ заживо промежъ покойниковъ, ниже мертвые не оживали. Кандидатъ мертвой камеры самъ до времени туда забрелъ, а пришедъ въ себя и замѣтивъ ошибку свою, поспѣшилъ оттуда убраться и, на бѣду, встрѣтился со зыскательнымъ ревизоромъ.

Слушатели, приготовившіеся къ какой-нибудь страшной развязкѣ о заживо-схороненныхъ, разсмѣялись этой путаницѣ вздоровъ и просили доктора рассказать другой обѣщанный случай, предполагая, впрочемъ, что и второй, вѣроятно, будетъ не лучше перваго. «Ну», сказалъ докторъ, «другой-то случай поважнѣе и притомъ не шуточный, если вы не захотите признать шуткой положеніе челоуѣка, надъ которымъ насыпано земли въ косую сажень, и который, между-тѣмъ, лежитъ въ полной памяти, ожидая своего спасителя! Дѣло было въ Россіи.

«Кантонистъ изъ евреевъ, одинъ изъ тѣхъ, что общества отдають попарно двухъ маленькихъ за одного большаго, нѣсколько разъ уже поступалъ къ намъ въ госпиталь сомнительными болѣзнями и выкидывалъ разныя штуки, чтобъ попасть въ неспособные. У кого онъ побывалъ въ рукахъ разъ-другой, тотъ его

уже зналъ и выживалъ изъ госпиталя мушками, да моксами; но цлуть этотъ былъ терпѣливъ и крѣпко намъ надоѣдалъ. Однажды случилось, что, прибывъ опять въ госпиталь съ притворнымъ кашлемъ, ломотою и прочими семью недугами, онъ попалъ въ палату къ новичку, человѣку и неопытному и нерадивому. Больныхъ, сверхъ того, въ то время было много; всѣхъ наизусть не всякій могъ упомнить; такимъ-образомъ, на моего Шмуля никто не обратилъ вниманія; онъ лежалъ-себѣ да лежалъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцовъ батальионъ получить увѣдомленіе изъ госпиталя, что больной этотъ умеръ. Его исключили изъ списковъ и о немъ ужь было забыли, какъ вдругъ изъ какого-то дальняго мѣста препровождаютъ въ этотъ батальионъ, по пересылкѣ, пойманнаго бѣглаго; призываютъ его, рассматриваютъ и— что жь бы вы думали? оказывается, что это Шмуль, тотъ самый еврей, покойникъ. При допросѣ онъ показалъ слѣдующее:

«Давно уже я страдалъ припадками, которые наводили на меня повременамъ забытье, какое-то безпамятство, но они были непродолжительны; мнѣ не вѣрили въ болѣзни моей ни въ батальионѣ, ни въ госпиталѣ; полагали, что я притворяюсь, а между тѣмъ я иногда самъ былъ болѣе мертвый, чѣмъ живой. Мнѣ дѣлалось все хуже-и-хуже; я по ночамъ сталъ обмирать, такъ-что пролежу, бывало, цѣлую ночь какъ мертвый, но не сплю. Вотъ на меня и нашелъ однажды такой столбнякъ съ полуночи, но на этотъ разъ я поутру не очнулся; помню, какъ меня щупали и смотрѣли, какъ больные, сосѣди мои, просили фельдшера убѣдительно приказать вынести покойника — все это я слышалъ, но не могъ пошевелить пальца. Пришли служители, положили меня на носилки, понесли изъ дверей палаты направо, по длиннымъ переходамъ, тамъ налѣво, въ мертвую камеру, и положили на столъ. Лежу, все знаю и слышу, не могу перевести духу, не могу пошевелить мизинцомъ. Такъ проходитъ цѣлый день; входили ко мнѣ люди еще раза три, вносили другихъ покойниковъ и клали со мною рядомъ; вошелъ однажды и лекаръ, взглянулъ на насъ и сказалъ фельдшеру: «хоропо, я ужь подписалъ записку». Понявъ, какая это записка, то-есть о томъ, чтобъ насъ похоронить, я силился страшнымъ образомъ, чтобъ закричать или поднять руку; мнѣ и казалось, что я кричалъ, но глухо, такъ-что и самъ не слышалъ и другіе ничего не слышали, а вышли опять и заперли двери. Но страхъ мой былъ такъ великъ, что я сталъ вскорѣ приходиться въ себя и мало-по-малу очнулся.

Я съѣлъ и осмотрѣлся: семь покойниковъ лежали со мною рядомъ, я третьимъ съ краю. Къ-счастью, это было лѣтомъ, иначе я былъ давно окоченѣлъ. Я всталъ тихонько и увидѣлъ въ углу ушатъ воды съ ковшомъ; выпивъ немного воды, я освѣжился и сталъ думать, что мнѣ теперь дѣлать; страхъ не хотѣлось мнѣ опять на службу. Что, подумалъ я, еслибъ мнѣ теперь сказаться мертвымъ? Вѣдь ужъ я зачисленъ умершимъ, изъ списковъ меня исключать, а я бы жилъ-себѣ да жилъ, и никто бы не могъ догадаться, что я опять ожилъ.

Придумавъ какъ бы это сдѣлать, я легъ опять на свое мѣсто въ покойники, какъ только услышалъ, что идутъ въ мертвую камеру. Служители принесли гробы, поставили и ушли. Между служителями было нѣсколько человекъ евреевъ и они всегда брали погребеніе умершихъ одновѣрцевъ на свое попеченіе. Я подстерегъ такую минуту, когда въ покоѣ оставался одинъ только служитель, землякъ мой, который меня зналъ; не зная какъ заговорить съ нимъ, чтобъ не испугать его и боясь притомъ упустить время, я наконецъ сталъ звать его шопотомъ по имени: онъ со страхомъ оглянулся, не понимая, что это значить, а я продолжалъ съ осторожностью, упрасывая его не пугаться, а молчать, и увѣряя, что я не померъ, а только притворился мертвымъ. Онъ опомнился, понялъ въ чемъ дѣло и хотя сначала крѣпко испугался, но вскорѣ согласился на мою просьбу и обѣщавъ подговорить другихъ евреевъ. Я умолялъ его со слезами, онъ ушелъ, а я легъ опять на свое мѣсто. Вскорѣ воротился онъ еще съ двумя товарищами, меня положили въ гробъ, забили крышку и повезли съ прочими покойниками хоронить. Земляки мои сунули мнѣ въ гробъ ломоть хлѣба и аптекарскую склянку съ квасомъ и обѣщали, если можно будетъ, выпустить на кладбищѣ, а если нельзя, то прийти опять черезъ часъ и откопать меня, что не могло бы возбудить подозрѣнія, потому—что всякій подумалъ бы со стороны, что копаютъ новую могилу.

Страшно было мнѣ лежать въ гробу, а еще страшнѣе, какъ опустили въ яму и стали засыпать землей; но я долженъ объяснить, что товарищи не могли выпустить меня изъ гроба по причинѣ бывшихъ тутъ поблизости другихъ служителей, поэтому они и уговаривали меня потерпѣть, обѣщая вскорѣ отрыть. Какъ еврея, похоронили меня стоймя, а могилу приготовили такую, что голова моя, иди головной конецъ гроба, едва только покрытъ былъ землей. Понемногу все стало стихать вокругъ

меня; отпѣваніе русскихъ, которыхъ хоронили по сосѣдству, кончилось; я не слышалъ ни голоса человѣческаго, ни походки. Мнѣ стало такъ страшно, что я то снова готовъ былъ обмереть, то хотѣлъ стучать и кричать. Начиная дѣлаться въ гробу жарко, душно, такъ-что я уже почти не могъ дышать; послѣднее терпѣніе мое лопнуло и я громко завылъ; въ то же самое время началась надо мною работа и меня стали поспѣшно отрывать. Евреи сказали прочимъ работникамъ, что приказано приготовить еще могилу, а потому они, два еврея эти, остаются на кладбищѣ; выждавъ затѣмъ только, чтобъ тѣ нѣсколько удалились, они тотчасъ же меня откопали. Я вылѣзъ опять на Божій свѣтъ, поспѣшно одѣлся кой въ какое платье, принесенное ими же; они опять закопали могилу мою, а я, простившись съ ними, пустился куда глаза глядятъ». Покончивъ разсказъ этотъ, Шмуль только прибавилъ: «Вотъ мои походы; а прошатавшись три мѣсяца то тутъ, то тамъ, я наконецъ попался и присланъ сюда».

Все это разсказано было бойкимъ языкомъ тертаго пройдохи; извѣданнаго плута, безъ запинки и безъ поправки и подчистки. Шмуля разспрашивали десять разъ и не могли надивиться необычайнымъ походомъ его; но батальонный командиръ, зная этого пріятеля, какъ-то все еще сомнѣвался и не довѣрялъ разсказу его и сдѣлавъ, для вѣрности, запросъ госпиталя, требуя свидѣтельства о смерти такого-то Шмуля. И свидѣтельство прислали, и день былъ въ немъ означенъ, согласно съ показаніемъ еврея. Оставалось донести обо всемъ и предать суду виновныхъ въ показаніи живаго Шмуля мертвымъ; но, къ-счастію, слухъ о явкѣ покойника въ батальонъ дошелъ до госпитальнаго начальства; тамъ переполошились и перепугались; начали, хоть и позднею, строжайшее разбирательство, послѣ котораго смотритель пріѣхалъ къ батальонному командиру съ просьбой, ради Бога пощадить жену его и семерыхъ дѣтей. «Еврей вашъ вретъ, навѣрное. Дѣло, по произведенному мною разбирательству, не могло стать по разсказу его, потому-что около того времени, не только въ тотъ день, на дѣлѣ не было у насъ похоронено ни одного еврея, хотя одинъ, и именно вашъ Шмуль, и показанъ умершимъ. Какъ разрѣшить загадку эту—не понимаю, хоть лобъ взрѣжь. Но Шмуль вретъ, а мы пропадемъ всѣ».

Батальонный командиръ позвалъ еще разъ Шмуля и приложилъ стараніе свое, чтобъ онъ высказалъ правду. Тогда еврей сознался, что онъ выдумалъ и солгалъ всю исторію о мнимой

смерти своей и погребеніи, а что онъ просто бѣжалъ изъ госпиталя, живой и здоровый, и съ-тѣхъ-поръ шатался по свѣту.

По этому признанію все объяснилось: при безпорядкѣ въ госпиталѣ, по несмотрѣнію беззаботнаго ординатора и частому отсутствію памяти у фельдшера, отсутствіе бѣжавшаго замѣтили не прежде, какъ на третій или на четвертый день; тогда прочіе больные показали, что его нѣтъ уже съ воскресенья. Фельдшеръ, во избѣжаніе отвѣтственности, надѣясь на несмотрѣнье ординатора и на безпорядки въ конторѣ, показалъ его умершимъ съ того дня, когда большой бѣжалъ. Все это прошло благополучно и Шмуль погулялъ нѣсколько мѣсяцевъ; но когда его поймали, отправили, по его же сознанію, въ батальонъ, а здѣсь его встрѣтили восклицаніями: «Какъ, развѣ ты живъ, Шмуль? вѣдь ты померъ, тебя изъ госпиталя показали умершимъ и ты исключенъ изъ списковъ!..» Тогда моему Шмулю, большому затѣйнику, продувному вралю и хвастуну, пришло въ голову прикинуться хотя полумертвымъ и возбудить къ себѣ общее вниманіе и состраданіе необычайностью своихъ походовъ. Кто былъ живой зарытъ въ землю, подумалъ онъ, того скорѣе простятъ за вину его.

«Вотъ вамъ мои мнимоумершіе», кончилъ докторъ, «а другихъ я не видалъ». Всѣ согласились въ томъ, что оба разсказа доктора довольно-плохи, потому-что не идутъ къ дѣлу и не отвѣчали надеждамъ слушателей, у которыхъ уже заблаговременно волосъ начиналъ-было подыматься дыбомъ.

Б О Я Р Ы Н Я .

Въ Москвѣ, въ Лафертовской части, стоялъ старинный боярскій домъ, замѣчательный, если не по наружности своей, то по-крайней-мѣрѣ по внутреннему расположенію и по своимъ жильцамъ. Внизу былъ цѣлый рядъ закоптѣлыхъ комнатъ, съ безконечнымъ числомъ переборокъ и перегородокъ, испещренныхъ картинками такого разбора, которыя обыкновенно прилѣпляются мякишемъ хлѣба къ стѣнѣ; тряпицы разнаго рода висѣли, перекинутыя черезъ ширмы и перегородки; мужчины и женщины, дѣти всѣхъ возрастовъ, нѣсколько собакъ и кошекъ, птицы

въ кѣткахъ, крикъ и говоръ со всѣхъ сторонъ, а въ-особенности нѣсколько дряхлыхъ стариковъ и старухъ, которыхъ удушливый кашель раздавался подъ сводами—все это придавало цѣлому видъ какой-то богадѣлни; но развѣшенные тутъ и тамъ ветхія, изношенные ливреи и восьмидесятилѣтній швейцаръ въ передней, котораго перевязь, повѣшенная, для сподручности, на поставленную въ уголъ булаву, разсыпалась уже въ бахромчатыхъ мохрахъ, показывали, что это должно быть заведеніе инаго рода: тутъ жило семнадцать семей, до семидесяти душъ дворни. Швейцаръ былъ почти слѣпой, и заставляя, по временамъ, внука своего читать вслухъ священное писаніе, надѣвалъ на носъ очки и глядѣлъ въ книгу только по старой привычкѣ: онъ уже буквъ не различалъ...

Во второмъ ярусѣ были такъ-называемыя парадныя комнаты. Этотъ безконечный рядъ направо и налево растворялся со времянъ императрицы Екатерины, только нѣсколько разъ для провѣтриванія и очистки. Здѣсь, уже въ царствованіе блаженной памяти императора Павла, все было съѣдено молью и мышами, что только моль и мыши могутъ ѣсть; остальное истаѣло само собой и шелковыя занавѣсы, обои и покрывка мѣбели висѣли въ огромныхъ лохмотьяхъ до самаго полу. Поэтому такъ-называемая уборка парадныхъ комнатъ, совершавшаяся ежегодно къ святой-недѣлѣ, представляла довольно-замѣчательное зрѣлище: избранные и испытанные въ-теченіе пятидесяти лѣтъ старые слуги, на которыхъ одежда была почти въ такомъ же положеніи, какъ обои на стѣнахъ парадныхъ комнатъ, съ благоговѣніемъ переступали завѣтный порогъ праѣдовскаго жилья, осторожно обметали столы, окна и мѣбель, между-тѣмъ, какъ призванная на помощь барская барыня, также слѣпая, ходила съ молоденькою внучкою своею и подшпиливала, по ея указаніямъ, булавами висящія со стѣнъ, дивановъ и занавѣсокъ лохмотья. Затѣмъ, вѣрные слуги, помолвившись передъ золотыми иконами въ этихъ покояхъ, чинно выходили, дверь затворялась на замокъ и круглый годъ, до слѣдующей пасхи, ничья живая нога не переступала завѣтнаго порога.

Переходимъ по старой, тяжелой дубовой лѣстницѣ въ третій ярусъ. Здѣсь одна половина, цѣлый рядъ покоевъ, служить кладовою, самую разнообразною и пестрою изъ всѣхъ кладовыхъ, потому—что барская барыня, или ключница, ужъ пятьдесятъ лѣтъ сряду совала туда все, что ни попадалось ей подъ-руку, начи-

ная отъ лишняго шкапа, кресла, хомута и ковра, и до отопковъ или обносковъ, отъ початой бутылки вина и до початой ватрушки или пирога. Здѣсь никогда и никакой уборки не допускалось; все стояло и лежало такъ, какъ было поставлено и положено 10, 20, 30, 40 и 50 лѣтъ назадъ... На другой половинѣ этого третьяго яруса жила сама хозяйка, почтенная кавалерственная дама давнихъ, предавнихъ временъ, которая сама занимала только двѣ комнаты, родъ гостиной и спальни, между-тѣмъ, какъ прочіе покои стояли также впустѣ или были обращены въ дѣвичьи, въ звѣринецъ мосекъ и шавокъ, да въ подручныя, ближнія кладовыя... Хозяйка постоянно сидѣла въ своей спальнѣ, выглядывала въ гостиную рѣдко, иногда въ недѣлю разокъ или два, когда ходила осматривать свое хозяйство. Этотъ осмотръ состоялъ въ томъ, что она проходила по дѣвичьей и заглядывала въ небольшую боковую комнату, насыщенную неизъяснимымъ благоуханіемъ: тутъ содержались и доживали вѣкъ свой, отставленные за дряхлостью и болѣзнью, моськи, шавки и болонки, съ особенной при нихъ прислугой. Съ ними же былъ заключенъ и сидѣлъ подъ всегдашнимъ колпакомъ, въ потьмахъ, попугай, попавшій въ немилость за неосторожное словцо, выпущенное имъ какъ-то съ-дурю и очень-некстати по случаю смерти старшаго сына почтенной хозяйки, человѣка лѣтъ пятидесяти, котораго она, впрочемъ, все еще трепала по щечкѣ, гладила по головкѣ, называя, притомъ, мальчикомъ и заботясь о томъ, чтобъ онъ не обкушался за обѣдомъ и не простудился, выѣзжая со двора.

Спальня старушки нашей, или собственно жилая комната ея, была загромождена до потолка самою разнообразною, исключительно-старинною утварью и украшеніями, такъ-что въ-теченіе часа или двухъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ со старушкою, рѣшительно невозможно было обознаться и осмотрѣться, и вы выходили отъ нея съ какимъ-то темнымъ понятіемъ о хаотическомъ смѣшеніи всѣхъ возможныхъ предметовъ. У васъ въ памяти оставался развѣ только загроможденный по уступамъ фарфоромъ и другою мелочью шкапъ, огромный, тяжелый, поселяющій невольное понятіе о постоянствѣ, довольствѣ и домовитости, да затѣмъ еще образной уголь, гдѣ передъ иконою Всѣхъ Скорбящихъ, развѣшены были на блеклыхъ розовыхъ лентахъ, припосаженія усерднаго, вѣрующаго сердца, серебряныя ручки, ножки и глазки.

Но этимъ описаніе наше еще не кончено. Въ домъ есть и че-

твертый ярусъ, также цѣлый рядъ покоевъ, на двѣ половины, только пониже и потеплѣе прочихъ. Тутъ вы встрѣчали на каждомъ шагу какую-нибудь вдову или безродную сироту, въ вѣковѣчной печали, во всегдашнемъ черномъ платьѣ, съ чашечкою кофейку въ рукахъ. Это были отставныя поручицы, секретарши и совѣтницы, подчиненныя вдовой и сирой майоршѣ, которая, улыбаясь, перекачивалась изъ кельи въ келью, стараясь убѣдительно краснорѣчіемъ своимъ, помирить перессорившихся и возбудить въ нихъ признательность къ хозяйкѣ, пріютившей ихъ, сиротъ, подъ старость. Вы видите, что это, какъ и въ нижнемъ ярусѣ, была родъ богадѣльни, но только въ другомъ родѣ: тамъ жили дворовые, старые слуги, а здѣсь вольнопромышляющія проживалки, много-пострадавшія на вѣку своемъ за отечество и успокоившіяся на хлѣбахъ благодѣтельницы: Ихъ жило тутъ постоянно до пятнадцати; но эта буйная команда толстой майорши, несмотря на желаніе хозяйки, пріобрѣсти себѣ этимъ способомъ дюжину богомолицъ, не поминала ее добромъ, какъ это само-собой разумѣтся; всѣ онѣ полагали, что такая вельможа, кавалерственная дама, и притомъ, страшная богачка, могла бы содержать получше заслуженныхъ, почтенныхъ, хотя и обиженныхъ завистливымъ свѣтомъ сиротъ... Много проклятій раздавалось въ этихъ кельяхъ надъ головою бѣдной хозяйки дома, точно будто ихъ тутъ держали въ неволѣ, и много труда стоило начальствующей майоршѣ помирить, или хотя успокоить нѣсколько двухъ разгнѣванныхъ сожительницъ, которыя сталкивались за очагомъ съ кофейниками своими, или кидали часть одежды своей такъ неосторожно на перегородку, что подолъ, либо рукава перевѣшивались къ тоскующей по убитомъ мужѣ сосѣдкѣ, которая въ неутолимой двадцатилѣтней печали своей не могла равнодушно переносить подобныхъ обидъ...

Само-собою разумѣтся, что добродѣтельная хозяйка этого замѣчательнаго дома славилась въ кругу своемъ примѣрной женщиной. При заботѣ ея о заслуженныхъ, старыхъ слугахъ, о вдовахъ и сиротахъ, она, конечно, напередъ всего заботилась о родныхъ и ближнихъ своихъ, напримѣръ, о дѣтяхъ... Расскажемъ же въ нѣсколькихъ словахъ, что она сдѣлала въ этомъ отношеніи.

Богъ далъ ей во время оно до пяти дѣтей, но четверо изъ нихъ умерли уже въ дѣтствѣ; одинъ только сынъ выросъ и возмужалъ. Мы упомянули о немъ въ началѣ этого разказа. Старина легко забывается и потому о воспитаніи дѣтей этихъ до нашего по-

колѣнія дошли одни только темные слухи, или, вѣрнѣе сказать, отрывочныя свѣдѣнія.

Не жалѣя расходовъ для образованія дѣтей своихъ, вельможная боярыня принимала для нихъ нѣсколькихъ нѣмцовъ и французовъ обоего пола; между ними были главные наблюдатели, учителя, блюстители нравственности, наставники и проч.; но, любя притомъ дѣтей своихъ всею горячностью материнскаго сердца, она не предоставила ихъ произволу этихъ наемщиковъ, въ-особенности же самолично чинила ежедневно судъ и расправу, являясь для этого въ урочный часъ. Послѣдствія этого были двоякія: во-первыхъ, гувернёры и гувернантки вымѣщали немощь свою на дѣтяхъ одними только щипками и толчками, а вовторыхъ, дѣти знали и видѣли мать свою только въ качествѣ грозной Немезиды, такъ-что съ самимъ именемъ ея соединялось одно только понятіе о карательной власти. Правда, что природа вложила въ дитя невольную любовь и привязанность къ родителямъ, какъ мы это видимъ даже у всѣхъ, безъизыятія, животныхъ; но эта безотчетная привязанность, основанная на чувствѣ самохраненія, длится не долѣе того времени, какъ и возрастъ младенческой и отроческій, гдѣ существо слабое, несовершенное, чувствуетъ безсиліе свое и ищетъ вещественнаго покровительства; далѣе остается уже одно нравственное вліяніе, котораго у животныхъ нѣтъ, почему у нихъ возмужалыя дѣти и покидаютъ родителей, не узнавая ихъ вовсе въ послѣдствіи и не отличая отъ чужихъ. И если человѣкъ унижится, въ качествѣ родителя, до животнаго, ограничивъ связь свою съ дѣтьми одними только плотскими и вещественными отношеніями, оставивъ нравственныя въ сторонѣ, то ихъ и не будетъ у сына или дочери; а возмужавъ, они отпадутъ навсегда, какъ отрѣзанный ломоть.

Не баловать дѣтей было первымъ правиломъ благоразумной матери, но въ переводѣ на общій языкъ это значило: перечить имъ во всемъ, даже въ самыхъ невинныхъ дѣтскихъ затѣяхъ и скромныхъ желаніяхъ, требуя отъ нихъ, чтобъ они, вопреки основныхъ законовъ природы, отказались отъ всякой свободной воли, дарованной человѣку, а жили и даже думали чужою волею. Отъ этого, какъ извѣстно, человѣкъ глупѣетъ и нерѣдко становится вовсе юродивымъ, а между-тѣмъ, подавленная природа силится высказаться хоть чѣмъ-нибудь, потому-что ее убить нельзя, покуда жива плоть, и слѣдствіемъ этого бываетъ нравственная уродливость, основанная на двухъ крайностяхъ: на бл-

отсутствіи нравственныхъ убѣжденій и упорномъ упрямствѣ ; на отсутствіи воли и необузданности своеволія.

При многоначаліи подобнаго воспитанія, гдѣ еще , кромѣ наставниковъ и наблюдателей всѣхъ родовъ, должно вспомнить значеніе и вліяніе прислуги, благородства, чести и откровенности быть не можетъ въ воспитанникахъ , которые невольно сродняются съ ложью и обманомъ, какъ съ ходячею монетой. Кольскоро безразсудство воспитателя требуетъ отъ воспитанника несбыточнаго, забывая притомъ , что на желанія и помышленія нѣтъ пошлины, то неминуемое послѣдствіе этого было и всегда будетъ : ложь, утайка, обманъ, подлогъ. Вотъ чему мы учимъ дѣтей, воображая, что учимъ ихъ добру, а послѣ называемъ не-благодарными выродками!

Итакъ четверо дѣтей боярыни нашей умерли еще въ дѣтствѣ, несмотря на то, что ихъ кутали въ хлопчатую бумагу, или даже, можетъ-быть, собственно по этой причинѣ. По тогдашнему повѣрью старыхъ слугъ, ходила по-крайней-мѣрѣ молва, что барыня замучила своихъ дѣтей. Пережилъ всѣ искусства эти одинъ сынъ, выросъ и возмужалъ, но, конечно, былъ и духовно и тѣлесно тѣмъ, чѣмъ подобное воспитаніе могло его сдѣлать.

Скорбя душой о преждевременной смерти прочихъ дѣтей своихъ, боярыня до-того пригѣпилась материнскимъ сердцемъ къ своему единцу, что берегла и стерегла его поистинѣ какъ зеницу ока. Въ глазахъ ея онъ не выросталъ, не возмужалъ, онъ все еще былъ ребенкомъ , который не могъ жить безъ няньки, не могъ обѣдать безъ подвязной салфетки, не могъ уснуть безъ пригѣва: баю, дитятко, баю. Ему, по общему закону природы, стукнуло двадцать лѣтъ, потомъ двадцать-пять и тридцать, но онъ оставался для матушки все тѣмъ же Петрушей, и она покатиалась за-жертво съ кресла, когда кто-то вздумалъ убѣждать ее отпустить сына на службу, или хоть опознаться на бѣломъ свѣтѣ, куда-нибудь за Москву-бѣлокаменную. Съ-тѣхъ-поръ о такихъ ужасахъ не было и рѣчи. Нашлась другая пріятельница нашей боярыни, которая, зная о Петрушѣ гораздо-болѣе, чѣмъ родная мать, стала намекать ей, что пора бы его женить ; но послѣдствія были тѣ же: обморокъ, весьма-близкій къ смерти; стало-быть, конечно: и объ этомъ нельзя было поминать. Боярыня, испуганная такими ужасными предложеніями, позвала сына, привѣсилась мертвымъ узломъ на шею его и, изъявляя изступленную материнскую любовь свою, подъ страшными заклятіями требовала отъ него троекрат-

наго повторенія клятвы, что онъ, не желая убить нѣжную мать свою, остается при ней на всю ея жизнь и будетъ слѣдовать во всемъ неотступно ея святой волѣ, не позволяя себѣ даже и помышлений о волѣ собственной. Это ее нѣсколько успокоило и она повеселѣла; въ такомъ радостномъ расположеніи, желая излить милости свои на послушнаго сына, она позволила ему отдѣлать и убрать надворную пристройку, въ которой онъ жилъ, по прихотямъ и желаніямъ его, и несчастному осталось одно только утѣшеніе: убрать свои комнаты, по произволу, малиновыми, желтыми или голубыми обоями и занавѣсками.

При однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ прошло еще пять, а потомъ и десять лѣтъ. Петруша сталъ уже сорокалѣтнимъ мальчикомъ... Тѣ, которые знали его, увѣряли, что онъ отъ природы былъ не золъ, не глупъ, и что изъ него, безъ всякаго сомнѣнія, вышелъ бы человекъ довольно-дѣльный и порядочный, еслибъ не было этихъ необычайныхъ материнскихъ заботъ и усилій о томъ, чтобъ вывернуть въ немъ все наизнанку. Чтó дѣлать! сердце матери больно.

Петруша внезапно заболѣлъ, пасмурная задумчивость его и нелюдимость (онъ стыдился людей) увеличилась, недужное тѣло стало изнемогать; врачи призадумывались, а матушка служила молебны, посылая каждые полчаса освѣдомляться о здоровьѣ сына, потому что сама она ужъ лѣтъ десять не выходила изъ комнаты. Каждая изъ посылокъ этихъ, чрезъ полчаса по ложкѣ, гдѣ попеременно то старая ключница, то одинъ изъ старыхъ слугъ являлись предъ постелью больного съ затверженнымъ привѣтствіемъ и вопросомъ; каждая изъ посылокъ этихъ уже сама-по-себѣ волновала кровь больного и отзывалась желчью. Онъ всегда отвѣчалъ: *лучше*; но врачи и окружающіе находили, что ему со дня на день становилось хуже. Прошло еще два дня, и природа обнаружила тайну свою: Петруша лежалъ на смертномъ одрѣ; ему приходилось скоро умереть. Кто посмѣетъ сказать это матери? Никто. Каждые полчаса докладывали ей, что ему лучше. Срокъ насталъ, часъ ударилъ и душа молча отлетѣла. И этого никто не посмѣлъ бы сказать барынѣ, страшась внезапной смерти ея отъ такого извѣстія, но общая тревога, шумъ, суетня и вой въ цѣломъ домѣ вскорѣ заявили боярынь о какомъ-то необычайномъ событіи.

— Чтó такое, спрашиваетъ она, позвонивъ: — что тамъ сдѣлалось?

— Не знаю, сударыня.

— Такъ поди, узнай, да сходи кстати къ Петру Иванычу, что-то онъ, голубчикъ, дѣлаеть?

Посланная поспѣшила выскочить изъ дверей и, разумѣется, не возвращалась, а повила съ прочими на дворѣ или въ сѣняхъ и потомъ забилаь куда-то за двери.

Боярыня встревожилась, не постигая, что все это значить, позвала и отправила другаго, а затѣмъ и третьяго гонца, и наконецъ, ужъ не могла никого докликаться, ни дозвониться: всякій боялся показаться на глаза; ждали священника и нѣсколькихъ ближнихъ, пріятельницъ и друзей дома, за которыми послали. Въ нетерпѣннн и изумленіи своемъ, боярыня сама поднялась съ мѣста и вышла въ дѣвичью, въ которой она бывала только по нѣскольку разъ въ году, при такъ-называемомъ осмотрѣ своего хозяйства: тутъ встрѣтила ее забившаяся за сундуки ключница, съ воемъ повалилась въ ноги и начала во весь голосъ причитывать...

Обморокъ боярыни на сей разъ длился недолго, чувства несчастной матери одержали верхъ: она приказала взять себя двумъ слугамъ подъ-руки и вести въ пристрой. Со стономъ и плачемъ, всплескивая руками и роняя голову свою то на одно плечо, то на другое, старушка наконецъ добралась до сыновнихъ покоевъ и переступила заветный порогъ; но, кинувшись къ трупу и упавъ въ безпамятствѣ у одра, она столкнулась съ какою-то вовсе незнакомою ей женщиною, которая, припавъ тутъ же на колѣни, вьла, кричала, голосила и ломала руки. Боярыня еще не совсѣмъ опаматовалась, какъ слухъ ея поразили также дѣтскіе голоса и вопли, протяжно-возвышавшіеся отчаяннымъ завываньемъ своимъ надъ голосами сосѣдки ея и прислуги. Она открыла глаза и невольно взглянула на цѣлое семейство, повидимому столь близкое къ покойнику...

— Что это значить, спросила она:—кто это?

— Всѣ молчали, а несчастная женщина съ девятью дѣтьми бросилась ей въ ноги. Она жила ужъ лѣтъ десять въ одномъ домѣ съ боярыней, а до хозяйки объ этомъ не дошло даже и слуха...

Смерть кажетъ животы, говоритъ пословица, и въ этомъ случаѣ смерть ихъ выказала, если живое назвать можно животомъ. Боярыня лишилась послѣдняго дѣтища: она оставалась на свѣтѣ одна, какъ перстъ, переживъ и старшихъ и младшихъ, и выдержавъ сына до пятидесяти лѣтъ какъ ребенка. Покинутая имъ

семья, конечно, не входила въ расчетъ нѣжной матери, но что было дѣлать?

Съ этого времени она посвятила себя благотворенію и основала въ собственномъ барскомъ дворцѣ богадѣльню, въ которой, какъ мы видѣли, ее бранять и клянуть съ утра до вечера. Она окончательно удалилась отъ свѣта, не снимала печальной одежды, не переступала черезъ порогъ своей кельи, день и ночь молилась и плакала по сынѣ. Она понынѣ увѣрена, что посвятила всю жизнь свою любимому сыну и что во всѣхъ отношеніяхъ принесла себя ему на жертву. Ей и въ мысли не приходитъ, что жизнь эта соткалась изъ какой-то запутанной сѣти ханжества и неограниченнаго властолюбія и что, промаявшись восемьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ, она жила только на мѹку ближнихъ. Ее, впрочемъ, очень уважаютъ и, называя женщиною святой жизни, ставятъ въ примѣръ всѣхъ добродѣтелей, не объясняя, впрочемъ, какихъ именно.

В. ДАЛЬ.

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ИСТОРІИ

■

АРХЕОЛОГИИ ИСКУССТВА ВЪ ГЕРМАНИИ (*).

Исторія искусства (подъ этимъ именемъ разумѣютъ исторію архитектуры, скульптуры и живописи) составляетъ предметъ серьезнаго и глубокаго изученія въ Германіи. Основанная во второй половинѣ прошлаго столѣтія гениальными трудами Винкельмана и Лессинга, эта наука, послѣ страшныхъ общественныхъ переворотовъ, ознаменовавшихъ начало нашего вѣка, и долгаго періода умственной бездѣтельности, быстро возведена была на высокую степень совершенства нынѣшними ея дѣателями. Это возрожденіе исторіи искусства совпадаетъ, по странному стеченію обстоятельствъ, съ возрожденіемъ самаго новѣйшаго искусства въ Германіи. Лѣтъ тридцать—пять назадъ, появились первые произведенія лучшихъ ея художниковъ : Корнелиуса и Овербека и также первые труды ея ученыхъ историковъ искусства — Ваагена, Пассавана и др. И на этотъ разъ въ Германіи наука и искусство шли рука—объ—руку : искусство открыло въ мірѣ изящнаго новые горизонты человѣчеству, а наука внесла свѣточъ истиннаго пониманія въ область прошлыхъ созданій изящнаго міра, свѣточъ, столь необходимый для уразумѣнія современныхъ направленій и произведеній.

Результаты этой науки, новой во всѣхъ отношеніяхъ, очень-обширны: они обнимаютъ всѣ вѣтви искусства, и недостаточно жизни человека,

(*) 1) Handbuch der Kunstgeschichte von Franz Kugler. Dritte Auflage. 1-er Band. Stuttgart. 1856.

2) Handbuch der Kunstgeschichte. Zum Gebrauch für Künstler und Studierende und als Führer auf der Reise. Von Dr. A. H. Springer. Stuttgart. 1855.

чтобы их вполне себя усвоить. Наверное остались бы они тайною одних ученых, достоянием одной касты, если бы сами корни истории искусства не поняли, что наступило время распространить во все времена публики точные сведения о ходе и развитии искусства во все времена. Уже по самой природе своей, искусство есть одно из тех высоких наслаждений, которые *говорят* всем и каждому: его произведения созданы для понимания как ученого, так и необразованного человека, и каждый выносить из созерцания их свою часть духовных наслаждений. С некоторых пор в немецкой литературе стали появляться сочинения, которых число увеличивается ежегодно, имевшие целью познакомить с общим развитием истории искусства тех, у которых нет ни времени, ни охоты посвящать себя трудным изследованиям. Такие познания необходимы для того, чтобы понять и оценить окружающие нас в ежедневной жизни памятники искусства. Не только толпа, но даже образованные люди без мысли проходят мимо храмов, которые встречаются в каждом городе на каждом шагу. Самые простые вопросы: откуда произошла форма этих зданий? какое значение имеют она? как она перешла от изменений? не представляются их уму, и живой организм здания остается для них стройною группою камней, складеною произволом архитектора. Одна из главнейших причин *вандализма в искусстве* — этой столь губительной страсти истреблять и разрушать памятники прошлого искусства — было незнание исторического значения. Условные понятия о красоте, господствовавшие в разные времена, были также причиною гибели тысячи старинных картин. Таким образом религиозный фанатизм, изменения вкуса, в связи с невежеством, действовали вреднее, чем время, на истребление массы долженствовавших дойти до нас произведений. Только на нашу эпоху возложена была святая миссия вызвать из мрака веков и из лоно земли забытые творения искусства и уяснить их значение всему образованному миру.

К числу сочинений об истории искусства, которых цель я старался характеризовать выше, принадлежат две книги, которых заглавие помещено в начале этой статьи. Имя Франца Куглера, автора первого из этих сочинений, уже издавна пользуется европейскою известностью. Когда, в 1841 г., Куглер выпустил в свет первое издание своего «Руководства к Истории Искусства», он считал необходимым оправдать перед лицом публики смелость подобного предприятия. В самом деле, трудность обработать *в первый раз* истинно-ученым образом предмет, почти необозримый, показалась бы каждому, кроме трудолюбивого немецкого ученого, непреодолимою. Цель

его была написать полный и ясный очеркъ историческаго развитія искусства съ древнѣйшихъ временъ до настоящихъ дней. Ему слѣдовало огромные матеріалы этого труда распределить на нѣсколько различныхъ группъ, изъ которыхъ каждая должна была служить исходною точкою для послѣдующей. Послѣ строгой и обдуманной критики, каждому проявленію челоѳеческаго духа въ области прекраснаго подлежало назначить твердое и опредѣленное мѣсто въ наукѣ. Легко понять тысячи затрудненій, возникшихъ передъ тѣмъ, кто впервые однимъ взглядомъ захотѣлъ объять поприще, столь обширное. Кромѣ нихъ, другія, не менѣе важныя, затруднили снова дѣло его: это было отсутствіе общихъ работъ, могущихъ облегчать предпринятый трудъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ европейской литературѣ нѣтъ, можетъ-быть, вѣтви, которая была бы богаче превосходными монографіями и бѣднѣе общими обзореніями, чѣмъ исторія искусства. Пятнадцать лѣтъ назадъ, ни одна литература не имѣла, кромѣ превосходнаго учебника классическаго искусства, написаннаго Отфридомъ Мюллеромъ, ни одного руководства для изученія искусства восточнаго, временъ средневѣковыхъ или новѣйшихъ. Только въ настоящее десятилѣтіе начали мы классифицировать хронологически, на основаніи точныхъ данныхъ, многочисленныя памятники египетскаго искусства; но мы до-этихъ-поръ еще не имѣемъ исторіи египетскаго искусства. Огромное число художественныхъ памятниковъ, недавно-найденныхъ на неисчерпаемой почвѣ Ассиріи, не дозволило намъ до-сихъ-поръ изучить ихъ основательнымъ образомъ. Ключъ къ исторической ихъ классификаціи, которая одна въ-состояніи объяснить прогрессивное развитіе искусства, еще не найдены, хотя остроумныя попытки общаются намъ вскорѣ раскрыть тайну ассирійскихъ письменъ. Прошло лишь нѣсколько лѣтъ, какъ смѣлые путешественники, изъ которыхъ многіе даже не имѣли археологическихъ свѣдѣній, проникли въ первый разъ въ неизслѣдованныя еще страны Малой Азіи. Многочисленныя, открытыя ими тамъ странныя памятники искусства доказали, что эта часть древняго міра остается для насъ, въ археологическомъ отношеніи, до-сихъ-поръ невѣдомою странюю (*terra incognita*). Не менѣе пробѣловъ существуетъ и въ исторіи новаго искусства. Правда, мы обладаемъ превосходными сочиненіями объ исторіи новой живописи; но должно вспомнить, что ученая европейская литература не обладаетъ до послѣдняго дня исторіею средневѣковой скульптуры, что у насъ нѣтъ исторіи миньютурной живописи въ среднія вѣка, нѣтъ исторіи искусства временъ возрожденія, и что только года полтора назадъ былъ дополненъ важный пробѣлъ въ исторіи византійскаго искусства, котораго всѣ памятники еще далеко не изслѣдованы. Вотъ въ немногихъ сло-

вахъ затрудненія, съ которыми долженъ былъ бороться авторъ *первое* «Руководства къ Исторіи Искусства». Трудъ его увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Сочиненіе доктора Куглера нынче является третьимъ изданіемъ, значительно-умноженнымъ и переработаннымъ по новому плану. Оно переведено на другіе иностранные языки—вотъ доказательства, что этотъ трудъ удовлетворилъ истинно-литературной потребности и что критическая проницательность, методическій геній и обширная ученость автора восторжествовали, по мѣрѣ возможности, надъ затрудненіями, которыя до-сихъ-поръ представляетъ настоящее состояніе этой науки.

По стопамъ Куглера, но итѣя въ виду цѣли, еще болѣе близкія къ жизни, пошелъ авторъ втораго сочиненія, докторъ Шпрингеръ, доцентъ Боннскаго Университета, уже извѣстный нѣсколькими сочиненіями по части этой науки. Онъ предположилъ себѣ, съ помощью сотни гравюръ на деревѣ, уясняющихъ разныя мѣста въ текстѣ, разказать на 350 страницахъ въ 8-ю долю языкомъ сжатымъ всю исторію искусства, но преимущественно учащемуся юношеству, художникамъ, къ-сожалѣнію, вообще слишкомъ-мало знакомымъ съ исторіею ихъ собственной науки, и путешественникамъ. Книга его имѣетъ практическое направленіе. Извѣстно, что, каждое лѣто, нынѣшнія легкость и удобство сообщеній переносятъ большую массу людей образованныхъ, но незнакомыхъ съ этимъ предметомъ, на берега Рейна, столь богатые монументальными памятниками, или въ города, прославленные своими художественными собраніями, каковы, напримѣръ, Берлинъ, Дрезденъ, Мюнхенъ и Вѣна. Мгновенное удовольствіе, доставляемое великими произведеніями, пройдетъ, не оставивъ глубокаго слѣда въ умѣ, если созерцаніе величайшихъ созданій творческаго генія не предшествуется предварительнымъ знакомствомъ съ исторіею искусства. Нѣмецкіе соборы, эти чудеса готическаго зодчества, античныя статуи и картины старинныхъ мастеровъ, украшающія публичныя галереи, останутся навсегда мертвою буквою для того, кто не понимаетъ важности созерцаемыхъ имъ произведеній. Даровать предназначенной имъ публикѣ это, если можно такъ выразиться, *второе зрѣніе* — вотъ цѣль автора. Онъ приложилъ для того къ своему сочиненію указатель художественныхъ предметовъ, которые каждый образованный путешественникъ долженъ видѣть въ Германіи, Нидерландахъ, Англии, Франціи, Италіи и Испаніи. Эти страны доступны всѣмъ туристамъ. Въ немъ онъ указалъ только на тѣ замѣчательныя памятники архитектуры, скульптуры и живописи, которые каждый долженъ видѣть и которыхъ историческое и художественное значеніе опредѣлено въ его сочиненіи. Если первое изданіе книги его не соответствуетъ многимъ требованіямъ строгой критики, то можно

ожидать, что въ послѣдующемъ авторъ, какъ чувствующій несовершенство своего сочиненія, подвергнетъ болѣе-тщательной обработкѣ разные части этого учебника. Главнымъ стараніемъ обоихъ авторовъ, Куглера и Шпрингера, было представить въ каждой части ихъ сочиненій полную картину *результатовъ* новѣйшей нѣмецкой науки. Но какіе же это результаты? Какія области исторіи искусства по-преимуществу и съ любовью обработала нѣмецкая наука? На чемъ остановились изслѣдованія нѣмецкихъ археологовъ? Какія области слѣдуетъ ей еще изслѣдовать? вотъ вопросы, безъ-сомнѣнія, очень-любопытные, требующіе весьма-разнообразныхъ и обширныхъ свѣдѣній. Въ отвѣтъ на нихъ я постараюсь представить читателямъ обзоръ трудовъ нѣмецкихъ ученыхъ по части исторіи искусства со времени возрожденія этой науки. Онъ не имѣетъ притязаній на полноту и совершенство, но, можетъ-быть, не останется безъ пользы для тѣхъ, которые захотятъ сами познаться съ обширною литературою этого интереснаго предмета.

Исторія искусства начнается, наравнѣ съ исторіею человѣчества, на Востокъ, но Востокъ никогда не былъ для Германіи поприщемъ новыхъ научныхъ завоеваній. Менѣе-богатая матеріальными средствами, она принуждена была уступить эту славу Англіи и Франціи. Всемъ извѣстно, что великолѣпныя сочиненія объ Индіи, издавныя ея завоевателями, труды ученой французской экспедиціи для изслѣдованія Египта, предпринятой по повелѣнію Бонапарта, ассирійскія древности, найденныя Боттою и Леярдомъ, открыли совершенно-новые міры для археологіи. Выступивъ на это поприще за ними, Германія должна была удовольствоваться ролею, менѣе-блистательною, но она успѣла усвоить себѣ результаты этихъ открытій и опредѣлить имъ мѣсто въ области науки. Ея философскій и критическій геній умѣлъ снять завѣсу съ вѣрованій, исторіи и искусства древняго Востока. Вотъ общій ученый характеръ нѣмецкихъ сочиненій объ этомъ предметѣ. Разсмотримъ теперь ихъ труды по-народно.

Число нѣмецкихъ путешествій по Индіи, въ которыхъ находились бы археологическія данныя, очень ограничено; трудъ Болену уже устарѣлъ, но за-то нѣмецкая литература нынче обладаетъ сочиненіемъ объ Индіи, которое даже въ этой странѣ универсальныхъ знаній поражаетъ необыкновенно-обширною ученостію и критическимъ духомъ изслѣдованій: а разумно *Науку индійскихъ древностей* (Indische Alterthumskunde) Лассена, профессора Боннскаго Университета. Первый географъ нашего времени, Риттеръ, написалъ весьма-замѣчательное сочиненіе о буддистическихъ зданіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Tone* или *Ступа*,

которые столь часто встрѣчаются на Цейлонѣ и въ центральной индійской плоской возвышенности.

Нѣмецкія изслѣдованія памятниковъ религіи, языка и искусства египтянъ составляютъ счастливое продолженіе трудовъ основателя египтологіи Шампольёна. Первое мѣсто между ними занимаетъ большое и великолѣпное изданіе берлинскаго профессора Лепсіуса, выходящее подъ заглавіемъ: *Памятники Египта и Эіопіи* (*Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien*). Благодаря пресвѣщенному покровительству короля прусскаго, этотъ отличный ученый предпринялъ археологическую экспедицію въ Египетъ, въ которой принимали участіе отличные архитекторы, живописцы, и т. д. Уже издавна—приготовленный къ ней историческими и филологическими изслѣдованіями, профессоръ Лепсіусъ сдѣлалъ въ Египтѣ важныя открытія, касающіяся памятниковъ древняго царства, оканчивающагося двѣнадцатою династією. Ему обязаны ученый міръ новыми изслѣдованіями о построеніи пирамидъ и окружающихъ ихъ гробницъ, изъ которыхъ нѣкоторыя привезены имъ въ Европу. Но и блестящую эпоху новаго египетскаго царства подвергнулъ онъ съизнова строгому разсмотрѣнію. Тотъ, кто возьметъ на себя трудъ сравнить знаменитый атласъ французской экспедиціи съ планами нѣмецкихъ архитекторовъ, безъ труда убѣдится въ превосходствѣ послѣднихъ. Они отличаются большою подробностью, точностью, и умножены всѣми новѣйшими открытіями; наконецъ, іероглифическія надписи переданы на нихъ съ тѣмъ тщаніемъ, котораго требуетъ ихъ современное истолкованіе, тогда—какъ, шестьдесятъ лѣтъ назадъ, во времена французской экспедиціи, на нихъ смотрѣли какъ на весьма—приличный для египетскихъ зданій орнаментъ. Рядъ популярныхъ писемъ, написанныхъ профессоромъ Лепсіусомъ во время путешествія по Египту, служитъ текстомъ для этого огромнаго атласа, по окончаніи котораго выйдетъ полное его описаніе. Вообще ученая дѣятельность Лепсіуса изумительна: она обнимаетъ религію, языкъ и исторію Египта, и нельзя не указать въ—особенности на его сочиненіе о *хронологіи египтянъ*, которая для новѣйшихъ историковъ искусства въ Германіи послужила основнымъ камнемъ исторической классификаціи египетскихъ памятниковъ. Исторію послѣднихъ занимался также, съ содѣйствіемъ Лепсіуса, бывшій прусскій посланникъ въ Англій, извѣстный богословъ и ученый, Бузенъ, въ сочиненіи своемъ: *Мѣсто Египта во всемірной исторіи* (*Aegyptens Stellung in der Weltgeschichte*). Но самое счастливое продолженіе трудовъ Лепсіуса составляютъ труды другаго молодаго берлинскаго профессора, доктора Бругша. Уже въ ранней юности отличился онъ многими изслѣдованіями на этомъ темномъ поприщѣ, обратившими на него вниманіе Александра Гумбольдта и короля прусскаго. Съ ихъ по-

моцью совершилъ онъ путешествіе по Египту, плодомъ котораго были письма, важныя по сообщенію результатовъ новѣйшихъ открытій французскаго археолога Мариетта и переводу многихъ іероглифическихъ надписей. Кроме-того, онъ собралъ цѣлый атласъ нежданыхъ памятниковъ египетскаго искусства; но главнымъ результатомъ всѣхъ трудовъ его было изданіе демотической грамматики, которую французскіе ученые, при ея появленіи, поставили на-ряду съ гениальнымъ трудомъ Шампольиона. Памятники Нубіи, родственные съ египетскими, были изслѣдованы докторомъ Гау. Извѣстный путешественникъ Бартъ сообщилъ весьма-любопытныя свѣдѣнія о памятникахъ Сѣверной Африки въ запискахъ о своемъ путешествіи и въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; но должно надѣяться, что французы, владѣющіе этою странюю, познакомятъ насъ съ нею основательнымъ образомъ.

Перехода въ Азію, мы должны сказать, что археологія евреевъ была предметомъ изслѣдованія многихъ ученыхъ; въ-особенности замѣчательны труды Заальшюца, Тоблера, Кейля и др. Лучшія сочиненія о финикійскомъ искусствѣ, котораго памятники столь рѣдки и малочисленны, принадлежатъ ученому Мюнтеру и профессору Берлинскаго Университета Гергарду, который собралъ все до-сихъ-поръ извѣстное объ этомъ предметѣ. Этихъ и оканчиваются труды нѣмецкихъ ученыхъ по части исторіи искусства на Востокъ: огромныя страны, какъ, напримѣръ, Ассирія, Вавилонія, Персія и вся Малая Азія, никогда не были ими самостоятельнымъ образомъ изслѣдованы. До-сихъ-поръ труды французскихъ путешественниковъ, напримѣръ Коста и Фландена, Тексье, Гамильтона и Феллоуса, отчеты, въ-особенности для Малой Азіи, часто неполны и лишены научнаго достоинства, служатъ нашимъ единственнымъ источникомъ для археологіи этихъ странъ, которыя столько разъ въ-древности были поприщемъ самыхъ разнообразныхъ народныхъ переселеній.

Исторія классическаго искусства должна была естественно найти даровитыхъ продолжателей въ отечествѣ Виякельмана: Германія уже съиздавна была приготовлена къ разработкѣ ея основательнымъ знаніемъ греческаго и латинскаго языковъ, возстановленіемъ лучшихъ текстовъ древнихъ писателей и изученіемъ древностей классическаго міра. Извѣстно, на какой степени совершенства стоитъ классическая филологія въ Германіи. Немногочисленные древніе писатели о древнемъ искусствѣ — главнѣйшіе изъ нихъ Павзаній и Плиній-старшій — были объяснены ими въ различныхъ сочиненіяхъ до мельчайшихъ подробностей. Нынѣче пытаются приложить къ нимъ археологическій комментарий — трудъ, требующій въ одножъ ученомъ соединенія отличнаго филолога съ

знаткомъ искусства. Подобные опыты дѣлаются профессорами Берлинскаго Университета Гергардомъ и Панюкою. Не знаемъ, удаченъ ли будетъ этотъ опытъ во всѣхъ частяхъ, но наука собрала уже очень обширные материалы для объясненія Атики Павзанія. Въ умѣ нашемъ возстаетъ городъ, наполненный художественными сокровищами, когда читаешь описаніе древняго автора и сравниваешь его слова съ сохранившимися памятниками, столь точно—послѣдованными современными учеными.

Направленіе, данное исторіи искусствъ ея основателемъ, получило въ наше время значительное измѣненіе въ Германіи. Этому содѣйствовали богатая философскія системы, возникшія въ нынѣшнемъ столѣтіи въ Германіи, влѣдствіе которыхъ измѣнились эстетическія воззрѣнія и изученія чисто—эллинскихъ памятниковъ искусства, найденныхъ въ Греціи. Глазъ Винкельмана былъ воспитанъ на памятникахъ позднѣйшаго періода искусства; ему не были извѣстны ни ирапоры эгинскіе и пареионскіе, ни фризы малоазіатскихъ храмовъ. Онъ не имѣлъ понятія о гиратическомъ стилѣ; какъ поэтъ, онъ только предугадывалъ греческую красоту, а не сознвалъ ея ясно: вотъ причина, почему онъ приписывалъ, сляшкомъ—большую цѣну многимъ памятникамъ, пользующимся несовсѣмъ—оправданною всемірною славю. Съ другой стороны, нынѣшняя наука уклоняла отъ себя риторическій характеръ, одушевляющій сочиненія Винкельмана. Его восторженность, его поэтическія описанія необходимы были для возбужденія любви къ простой и величественной древности въ вѣкъ господства париковъ; современная наука нашла формы болѣе—строгія, но тѣмъ неменѣе убѣдительныя и краснорѣчивыя.

Труды непосредственныхъ продолжателей Винкельмана — Мейера и Гирта составляютъ переходъ къ новой эпохѣ въ наукѣ исторіи искусства, которая знаменуется учрежденіемъ Археологическаго Института въ Римѣ и появленіемъ трудовъ Тирша, Отфрида Мюллера и Велькора. Около тридцати лѣтъ назадъ, нѣсколько молодыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, жившихъ въ Римѣ, возымѣли мысль составить общество изъ ученыхъ Франціи, Германіи и Италіи для точнѣйшаго описанія и изслѣдованія памятниковъ древности. Хотя труды и записки этого института выходятъ на итальянскомъ и французскомъ языкахъ, но перевѣсъ нѣмецкаго элемента даетъ намъ право смотрѣть на это общество какъ на нѣмецкое учрежденіе. Отличнымъ собраніемъ изображеній древнихъ памятниковъ, ученостью и совѣстливостью изслѣдованій это общество принесло огромную пользу и сильно подвинуло впередъ классическую археологію. Другимъ органомъ на родномъ языкѣ нѣмецкихъ археологовъ сдѣлалась «Археологическая Газета», издаваемая въ Берлинѣ Гергардомъ. Эти многотомныя повременныя изданія (я не исчисляю многочисленныхъ археологическихъ журналовъ, въ которыхъ тоже появляются отличныя

статьи объ исторіи классическаго искусства) доказываютъ, что изученіе классической археологіи процвѣтаетъ въ Германіи.

Вслѣдствіе выше-характеризованнаго измѣнившагося возрѣнія на исторію искусства, вниманіе нѣмецкихъ ученыхъ обратилось преимущественно на Грецію, и поэтому число сочиненій объ искусствѣ этой страны гораздо-значительнѣе, нежели о римскомъ искусствѣ. Разсмотримъ сперва сочиненія, касающіяся общей исторіи искусства въ Греціи, а потомъ ея архитектуры, скульптуры и живописи.

Въ числѣ первыхъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимаютъ труды рано-умершаго Отфрида Мюллера, котораго филологическія и историческія изслѣдованія всѣмъ извѣстны. Его археологическая дѣятельность не менѣе замѣчательна: цѣлый томъ его мелкихъ сочиненій посвященъ разнообразнымъ вопросамъ о классическомъ искусствѣ; но главная его заслуга — составленіе отличнаго учебника древняго искусства, нынче сдѣлавшагося классною и настольною книгою всѣхъ ученыхъ. Такъ-какъ объемъ этой статьи не позволяетъ указать на всѣ сочиненія, вышедшія въ Германіи по части исторіи классическаго искусства, то я могу только рекомендовать любознательнымъ читателямъ учебникъ Отфрида Мюллера, гдѣ они найдутъ полную литературу этого предмета. Этотъ учебникъ отличается необыкновенною полнотою, сжатостію и богатствомъ фактовъ, отличнымъ расположеніемъ предметовъ и весьма-удачною характеристикою различныхъ періодовъ и художниковъ. Три изданія его, изъ которыхъ послѣднее сдѣлано Велькеромъ (онъ переведенъ на англійскій и французскій языки), болѣе содѣйствовали распространенію вкуса къ классической археологіи, чѣмъ десятки другихъ сочиненій. Еще при жизни своей Отфридъ Мюллеръ началъ составленіе археологическаго атласа къ своему руководству, который теперь приводится къ окончанію однимъ молодымъ профессоромъ Геттингенскаго Университета. Какъ самое руководство, такъ и атласъ раздѣлены на двѣ главныя части: исторію искусства у грековъ, этрусковъ и римлянъ, и художественную мпологию этихъ народовъ. Богатство матеріаловъ, точность изображеній, при дешевой цѣнѣ, составляютъ достоинство этого атласа. По стопамъ Отфрида Мюллера пошелъ цѣлый рядъ писателей, который имѣлъ въ виду положить популярнымъ образомъ исторію классическаго искусства. Таковы, напримѣръ, «Исторія Классическаго Искусства» Ансельма Фейербаха; въ числѣ другихъ его сочиненій одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ философское и эстетическое сочиненіе объ Аполлонѣ Бельведерскомъ; далѣе, популярный трудъ Гетпера, путешествовавшаго по Греціи и др.

Другой знаменитый дѣятель на поприщѣ классической археологіи, одинъ изъ Несторовъ этой науки — профессоръ Боннскаго Универ-

ситета Велькеръ. Его ученая дѣятельность, начавшаяся почти въ началѣ нынѣшняго столѣтія, тоже очень-многостороння: она обнимаетъ, кромѣ филологіи и исторіи литературы классическихъ народовъ, всѣ вѣтви древняго искусства. Собраніе мелкихъ его сочиненій — цѣлая руда для исторіи древней скульптуры и живописи. Изъ археологическихъ путешествій по Греціи въ-особенности замѣчательны многочисленныя путешествія профессора Галльскаго Университета Росса. Онъ много занимался топографіею Аѳинъ и особенно изслѣдованіемъ острововъ Греціи. Въ описаніи Пелопонеса, сдѣланномъ профессоромъ Берлинскаго Университета Курціусомъ, нѣсколько разъ путешествовавшимъ по Греціи, есть также много указаній на его художественные памятники.

Греческая архитектура, столь-много обязанная изслѣдованіямъ англійскаго общества дилеттантовъ, описавшаго и измѣрившаго архитектурные памятники Аѳинъ и Іонія, и остроумнымъ трудамъ англичанина Пенроза, прославившагося въ-особенности своими изслѣдованіями о Парѳенонѣ, въ последнее время также была предметомъ ревностнаго изученія нѣмецкихъ архитекторовъ. Извѣстно, какъ старался примѣнить ея начала къ новѣйшей архитектурѣ гениальный берлинскій архитекторъ Шинкель. Изъ монографій о греческихъ зданіяхъ замѣчательнъ трудъ Штапельберга, который описалъ открытый имъ въ обществѣ другихъ ученыхъ прекрасный храмъ Аполлона въ Бассахъ, столь-замѣчательный по своеобразному устройству. Онъ же посвятилъ большой трудъ еще недовольно-изслѣдованному вопросу о греческихъ гробницахъ. Россъ, Шаубертъ и Ганзенъ начали описывать Акрополь аѳинскій, но, къ сожалѣнію, изданіе ихъ остановилось на первомъ выпускѣ, содержащемъ Храмъ Безкрылой Побѣды. Штракъ изслѣдовалъ устройство греческаго театра. Но главное мѣсто въ числѣ изслѣдователей теоретическихъ началъ и историческаго развитія греческой архитектуры нынѣ занимаетъ извѣстный берлинскій профессоръ Карлъ Беттихеръ. Ему наука обязана первыми глубокомысленными изслѣдованіями о развитіи дорической архитектуры, составляющей главный предметъ его занятій; онъ первый объяснилъ сущность, цѣль и значеніе греческаго храма и въ-особенности смыслъ составляющихъ его членовъ. Онъ первый открылъ различіе въ греческихъ храмахъ: одни изъ нихъ назначались для культа, другіе для эгона или общественныхъ торжествъ. Великолѣпнѣйшіе храмы Греціи принадлежали къ послѣдному роду: устройство Парѳенона аѳинскаго, его казнохранилище, его хризелефантинная статуя Аѳины и украшающіе его рельефы могутъ быть удовлетворительно объяснены только изъ агональнаго значенія этого храма. Изслѣдованія Беттихера сдѣлались нынѣ уже общимъ достояніемъ науки и изложены во всѣхъ эстетическихъ и популярныхъ сочиненіяхъ объ исторіи искус-

ства; но нужно было пройти двумъ тысячелѣтїямъ прежде, нежели геніальный взглядъ открылъ истину, повидимому столь-простую.

Одинъ изъ любимыхъ предметовъ занятїя нѣмецкихъ ученыхъ была всегда исторїя греческой скульптуры, этого высшаго выраженїя античнаго искусства. Знаменитый эленистъ Тиршъ былъ однимъ изъ первыхъ, старавшихся разъяснить темный вопросъ о происхожденїи греческой пластики и эпохахъ ея развитїя. Его сочиненїе объ этомъ предметѣ — рядъ весьма-глубокомысленныхъ изслѣдованїй. Адольфъ Шель издалъ описанїе сохраняющихся въ Афинахъ скульптурныхъ произведенїй, сдѣланное Отфридомъ Мюллеромъ. Другіе ученые, напримѣръ Зиллигъ и Бартшъ, пытались составить полныя историческія каталоги всѣхъ художниковъ Греціи, которые привели къ драгоценнымъ монографїямъ о древнихъ артистахъ. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ «Исторїя греческихъ художниковъ» профессора Боннскаго Университета Брунна. Въ основанїе своего сочиненїя онъ положилъ превосходную идею, что до написанїя полной исторїи греческаго искусства необходимо написать критическія біографїи художниковъ, съ приложенїемъ полного реестра ихъ произведенїй. Филологъ, эстетикъ и историкъ, онъ отлично разрѣшилъ свою задачу: его біографїи Фидїя, Скопаса, Праксителя и Лизиппа — отличныя характеристики эпохъ, личности и произведенїй этихъ художниковъ.

Особеннаго вниманїя заслуживаютъ въ его сочиненїи также общїя характеристики, заключающїя каждый періодъ. Молодой профессоръ Эрлангенскаго Университета Фридрихъ представилъ, съ своей стороны, самостоятельную монографїю о Праксительѣ, и въ-особенности отличное разсужденїе о знаменитой группѣ Ніобы. Всѣ разнообразныя результаты нѣмецкой науки объ античной скульптурѣ старался представить въ популярной формѣ Адольфъ Штаръ; но его трудъ лишенъ ученой основы. Спорнымъ и труднымъ вопросомъ о полихромїи древней архитектуры и скульптуры занимались Земперъ, Куглеръ и Вальцъ. Наконецъ, о живописи древнихъ, дошедшей до насъ въ помпейскихъ фрескахъ, великолѣпно-издаваемыхъ Цатомъ, и въ-особенности въ такъ-называемыхъ этрусскихъ вазахъ, писали Вигманъ и преимущественно Янгъ, Панофка и Гергардъ, издавшій многочисленное собранїе избранныхъ памятниковъ послѣдняго рода.

Римляне, народъ воинственный и политическій, долгое время не имѣли собственнаго искусства: первоначально они заимствовали его вѣстѣ съ художниками у этрусковъ, позднѣе у грековъ. Состояніе искусствъ въ Средней Италїи, до ея окончательнаго завоеванїя римлянами, изложилъ съ большою отчетливостью раноумершїй ученый секретарь Археологическаго Института въ Римѣ Абекевъ. Этрусское искус-

ство, неоставившее намъ памятниковъ въ большихъ размѣрахъ, каковы, напримѣръ, храмы, но однѣ гробницы, надгробные памятники и мелкія вещи, были предметомъ ревностныхъ изслѣдованій Отфрида Мюллера и Гергарда. Архитектурные памятники Рима и классическія сокровища его музеумовъ были въ послѣднее время описаны Брауномъ, издавнымъ живущемъ въ Римѣ. Но самое полное описаніе Рима и всѣхъ многообразныхъ художественныхъ памятниковъ и сокровищъ вѣчнаго города составлено было обществомъ молодыхъ ученыхъ, участвовавшихъ въ основаніи Археологическаго Института въ Римѣ. Преимущественное участіе въ этомъ описаніи Рима принимали Бузенъ, Ульрихсъ, Платнеръ и Гергардъ. Ни одна литература не имѣетъ монографіи какого-либо города, которая могла бы сравниться съ глубокою ученостью и основательностью этого четырехтомнаго сочиненія. Такъ-какъ Римъ заключаетъ въ себѣ художественные памятники всѣхъ эпохъ, то читатели найдутъ здѣсь подробныя извѣстія объ античномъ Римѣ и античныхъ произведеніяхъ, хранящихся въ его музеумахъ; превосходное описаніе катакомбъ и памятниковъ средневѣковой живописи, сберегаемыхъ въ неогрѣваемыхъ рукописяхъ Ватиканской Библіотеки, и наконецъ картину блестящей эпохи Рима при Львѣ X и Юліи II. Такимъ-образомъ это *Описаніе города Рима* (Beschreibung der Stadt Rom) переноситъ и насъ въ область новаго искусства, появившагося вслѣдствіе восторженства христіанской вѣры надъ міромъ политеизма.

Эта эпоха начпаній христіанскаго искусства, оканчивающаяся съ концомъ X-го вѣка, въ настоящее время есть одинъ изъ интереснѣйшихъ предметовъ изученія въ Германіи. Ея переходный характеръ, живучесть древнихъ формъ и появленіе новыхъ для выраженія идей до-сихъ-поръ совершенно-чуждыхъ искусству, должны были привлечь къ ней умы, ищущіе и въ искусствѣ проявленія убѣжденій этой эпохи. Кинкель написалъ довольно-полное обозрѣніе исторіи древне-христіанскаго искусства. Профессоръ Берлинскаго Университета Пиперъ изслѣдовалъ прежнія формы, вошедшія въ языкъ новаго искусства. Но и самые памятники древне-христіанскаго искусства были предметомъ ревностнаго изученія археологовъ, хотя должно сознаться, что мы до-сихъ-поръ еще не имѣемъ удовлетворительныхъ ихъ изображеній. Беллерманъ занимался описаніемъ катакомбъ, преимущественно неаполитанскихъ. Устройство первыхъ западно-христіанскихъ церквей и въ-особенности базиликъ, было предметомъ весьма-тщательныхъ изслѣданій Бузена и Ульрихса, фон-Кваста, Месмера и въ-особенности Цестермана. Состояніе въ эту эпоху живописи, сохранившейся, кромѣ мозаикъ, въ миниатюрахъ рукописей, первый характеризовалъ ученымъ образомъ знаменитый знатокъ искусства, профессоръ и дирек-

торъ Берлинскаго Музеума Картинъ Ваагенъ. Онъ написалъ полную исторію миниатюрной живописи въ средніе вѣка, которая, къ-сожалѣнію, еще не вышла въ свѣтъ. Другой ученый, Келлеръ, изслѣдовалъ столь-странную и загадочную прландскую школу живописи этой эпохи. Наконецъ, столь-важные въ этомъ періодѣ памятники византійскаго искусства впервые основательно были обработаны нѣмецкими учеными. Когда, по повелѣнію нынѣ правящаго султана, архитекторъ Фоссати началъ реставрировать церковь св. Софіи въ Константинополѣ, король прусскій воспользовался этимъ удобнымъ временемъ работъ, чтобъ отправить въ древнюю столицу Византійской Имперіи ученаго архитектора Зальценберга для изслѣдованія главнѣйшаго памятника правленія Юстиніана. Плодомъ трудовъ его было первое ученое сочиненіе о византійской архитектурѣ, нынѣ великолѣпно-изданное подъ заглавіемъ *Древне-христіанскіе памятники зодчества въ Константинополѣ отъ V-го до XII-го вѣка* (Althristliche Baudenkmale von Constantino-pel vom V bis XII Jahrhundert). Немцы замѣчательные византійскіе памятники другого города, Равенны, описаны были прусскимъ архитекторомъ фон-Квастомъ; къ-сожалѣнію, столь-замѣчательные мозаики этого города не нашли еще себѣ достойнаго издателя.

Руководство къ византійской религіозной живописи (извѣстное у насъ подъ именемъ *Подлинникъ*) издавно переведено съ новогреческаго текста, съ умопознанными примѣчаніями, докторомъ Шеферомъ. Въ исторіи средневѣковаго искусства нѣмецкіе ученые прежде всего обратили вниманіе на памятники своего отечества. Эти памятники, давно-забытые и отчасти въ массѣ погивавшіе въ послѣдніе три вѣка, до начала нынѣшняго столѣтія разсматривались еще какъ произведенія, лишеныя всякаго эстетическаго достоинства. Литературная реакція, происшедшая въ Германіи въ началѣ вышнѣшняго столѣтія, обратила общее вниманіе на памятники средневѣковой литературы и искусства. Они сдѣлались вскорѣ даже предметомъ исключительнаго фанатическаго поклоненія. Въ послѣднія тридцать-пять лѣтъ выросла о нихъ наука, столь обширная, что средневѣковая археологія составила совершенно-спеціальную вѣтвь знанія, для которой учреждаются особые музеумы въ большихъ городахъ и особыя кафедры въ лучшихъ университетахъ (*). Понятно,

(*) Чтобъ дать нашимъ читателямъ понятіе, въ какой полнотѣ читается исторія искусства въ лучшихъ нѣмецкихъ университетахъ, приводимъ списокъ профессоровъ Берлинскаго Университета, преподающихъ этотъ предметъ :

- 1) Профессоръ Ваагенъ читаетъ всеобщую исторію искусства.
- 2) Доцентъ Гуль : — тотъ же предметъ.

что эта наука должна быть близка нашему сердцу. Во всѣхъ значительныхъ умственныхъ центрахъ Германіи возникли общества, которые поставили себѣ цѣлью изучить, кромѣ литературы, обычаевъ и исторіи своей мѣстности, также и мѣстные памятники искусства. Появились журналы, которые должны были распространить въ публикѣ вкусъ къ средневѣковому искусству; предприняты были обширныя монографическія описанія цѣлыхъ провинцій. Литература одного нѣмецкаго средневѣковаго искусства столь обширна, что простое исчисленіе замѣчательныхъ ея произведеній перешло бы границы этой статьи. Поэтому, какъ при классическомъ искусствѣ, такъ и здѣсь, я считаю нужнымъ прежде всего обратить вниманіе читателя на сочиненіе, въ которомъ любознательные найдутъ полное указаніе обширной литературы этого предмета. Это — прекрасный учебникъ нѣмецкой археологіи въ средніе вѣка, составленный пасторомъ Отте, по плану учебника Отфрида Мюллера. Третье, умноженное его изданіе, съ гравюрами и политипажами, свидетельствуетъ объ успѣхѣ сочиненія. Кромѣ исторіи средневѣковаго искусства въ Германіи, авторъ объяснилъ значеніе храма, какъ зданія, со всѣми его составными частями, и приложилъ очень-важныя начертанія вспомогательныхъ наукъ исторіи искусства, каковы: эпиграфика, геральдика и иконографія. Избѣгая исчисления заглавій сочиненій по этой части, считаю нужнымъ указать только, на что именно обращены были въ этой области изслѣдованія нѣмецкихъ ученыхъ.

Кромѣ Отте, общую исторію искусства въ Германіи обработалъ также извѣстный своими трудами по этой части мюнхенскій писатель Ферстеръ. Чрезвычайно-важное дополненіе къ его сочиненію составляетъ издаваемое имъ теперь великолѣпное собраніе памятниковъ нѣмецкаго искусства, съ гравюрами, весьма-вѣрно и отчетливо-сдѣланными. Но такъ-какъ въ исторіи искусства среднихъ вѣковъ первое мѣсто принадлежитъ архитектурѣ, то большая часть ученыхъ изслѣдованій посвящена этому предмету. Два атласа, Мюллера и Калленбаха, содержатъ хорошія изображенія замѣчательнѣйшихъ средневѣковыхъ зданій въ Германіи. Для классификаціи ихъ весьма-важны изумительныя по своей учености хронологическія таблички нѣмецкой средневѣковой архитектуры

-
3) Профессоръ Гергардъ	—	исторію классическаго искусства.
4) Проф. Панофка	—	тотъ же предметъ.
5) Проф. Лепсіусъ	—	исторію египетск. памятн. искусства.
6) Проф. Пшперъ	—	— древне-христіанскаго искусства.
7) Доцентъ Беттихеръ	—	— греческой архитектуры.
8) Проф. Гото	—	— древненѣмецкой и древнефламандской живописи.

Мертенса. Двое ученых, Любке и Мюллеръ, издали карты средневѣковой архитектуры въ Германіи, на которыхъ означены только мѣстности, важныя по своимъ архитектурнымъ памятникамъ, карты весьма-любопытныя, которыя представляютъ совершенно-новыя точки зрѣнія въ топографическомъ распредѣленіи памятниковъ. Общее обзорное результаты въ средневѣковой архитектурѣ, до которыхъ дошла нынѣшняя наука, изложено въ книгѣ Шпрингера, автора сочиненія, стоящаго въ заглавіи этой статьи. Теоретическую часть готическихъ построекъ во многихъ отношеніяхъ хорошо объяснили Гофштедтъ и Рейхенспергеръ. Но главное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ принадлежитъ трудамъ многочисленныхъ антикварныхъ обществъ и спеціальнымъ монографическимъ сочиненіямъ. Не могу исчислить здѣсь ни количества этихъ обществъ, существующихъ въ Германіи, ни числа изданныхъ ими записокъ, но нельзя не поименовать трудовъ обществъ: рейнскаго, издающаго свои труды въ Боннѣ, франкфуртскаго-на-Майнѣ, тюрингенскаго, швабскаго, баварскаго, вюртембергскаго, нассаускаго, нюрнбергскаго, трирскаго и т. д. Такъ-какъ многія изъ мѣстностей Германіи содержатъ богатые слѣды римскаго владычества, нѣкогда въ нихъ господствовавшего, то записки нѣкоторыхъ изъ этихъ обществъ важны и для классической археологіи, и именно для исторіи провинціального римскаго искусства.

Монографіи о средневѣковомъ искусствѣ въ Германіи можно раздѣлить на три класса. Первый классъ занимается описаніемъ памятниковъ цѣлой провинціи, мѣстности или города. Такъ: Триръ и его окружности описалъ архитекторъ Шмидтъ, Саксонію—Путтрихъ, Померанцію—Куглеръ, Вестфалію—Любке, Швабію—Гейделофъ, Вюртембергъ—Маухъ, Нюрнбергъ—Ретбергъ и т. д. Недавно появился первый выпускъ весьма-важнаго описанія средневѣковыхъ памятниковъ Австрійской Имперіи, предпринятаго лучшими туземными археологами. Большая часть этихъ археологическихъ описаній сопровождается отчетливыми изображеніями. Второй классъ составляютъ монографіи отдѣльныхъ зданій, во главѣ которыхъ стоитъ описаніе Кѣльнскаго Собора, сдѣланное однимъ изъ основателей средневѣковой археологіи въ Германіи—Скульпицомъ Буассере. Майнцскій Соборъ описанъ Ветгеромъ, Шпейерскій—Гейселемъ, Ульмскій—Грюнейзеномъ и Маухомъ, Наумбургскій—Лепсіусомъ, Гильдесгеймскій—Кратцемъ и т. д. Среднерейнскіе соборы и ихъ историческое построение превосходно анализированъ фон-Квастомъ и т. д. Къ этому же отдѣлу можно причислить весьма-важное изданіе *оригинальныхъ* древнихъ плановъ нѣмецкихъ соборовъ, найденныхъ въ разныхъ архивахъ, сдѣланное трирскимъ архитекторомъ Шмидтомъ. Наконецъ, третье отдѣленіе составляютъ монографіи о художникахъ среднихъ вѣковъ: такъ Мерло издалъ

подробное изслѣдованіе о кельнскихъ художникахъ; Гегенеръ—Биографію Гольбейна; Наглеръ, Геллеръ и Кампе—жизнь Альбрехта Дюрера; Геллеръ, Шухардъ и Мейеръ—Кранаха; Наглеръ и фон-Квастъ—Вейтштоса и т. д. Такъ-какъ, для различенія эпохъ средневѣковаго искусства, весьма-важно знаніе орнаментики, то нельзя не отдать должной похвалы изящно-изданному сочиненію объ этомъ предметѣ Гейделофа. Одною изъ важнѣйшихъ вѣтвей: живописью на стеклѣ въ средніе вѣка занимался Геесертъ и Вакерпагель, но другіе литературы обладаютъ болѣе значительными трудами по этому предмету.

Послѣ отечественнаго искусства нѣмецкіе ученые посвятили большую часть своихъ трудовъ прекрасному искусству Италіи: можно сказать, что оно имъ столь же хорошо знакомо, какъ и отечественное. Въ исторіи его проложили они новые пути, открыли и издали, какъ, напримѣръ, Гаге и Руморъ, документы, проливающіе совершенно-новый свѣтъ на мало-изслѣдованныя эпохи и личности. Итальянскіе ученые, равно какъ и нидерландскіе, печатно сознались въ томъ и изъявили имъ свою благодарность. Измѣненіе эстетическихъ возрѣній, происшедшее вслѣдствіе историческаго изученія развитія искусства, заставило ихъ обратить особенное вниманіе на первоначальныя школы живописи въ Италіи, преимущественно же на школы тосканскую, сіенскую и умбрійскую, которой существованіе, географическія границы и произведенія были впервые ими открыты и изслѣдованы. За-то исторія живописи послѣ смерти Рафаэля нынѣ находится въ полномъ забвеніи, и школа болонская, нѣкогда-возбуждавшая столь безусловный восторгъ, нигдѣ не нашла достойнаго обработывателя. Биографіи знаменитыхъ художниковъ, жившихъ до половины XVI-го вѣка, писанныя Вазари, важнѣйшія источники исторіи итальянскаго искусства, были переведены на нѣмецкій языкъ Шорномъ и Ферстеромъ. Въ этомъ переводѣ, котораго послѣдніе томы не соответствуютъ по достоинству первымъ, всего важнѣе историческія и критическія примѣчанія, съ чрезвычайною добросовѣстностью собранныя Шорномъ. Повѣйшіе флорентійскіе издатели Вазари въ оригиналѣ много пользовались этимъ трудомъ. Одинъ изъ вышеозначенныхъ переводчиковъ, Ферстеръ, приобрѣлъ себѣ большую извѣстность въ Германіи и Италіи своими превосходными изслѣдованіями о началахъ итальянской живописи, въ-особенности о Чинабуэ, Джіотто, также о Ніколо Пизано, о скульптурныхъ работахъ въ Пистойѣ и т. д. Ваагенъ издалъ критическія биографіи Андреа Мантени и Луки Синьорелли; прусскій дипломатъ въ Тосканѣ Реймонть—биографію Андреа дель-Сарто, а директоръ франкфуртскаго музея Пассававъ—отличныя изслѣдованія о ломбардской школѣ живописи, и въ-особенности лучшую биографію Рафаэля, въ которой также изложена исторія умбрійской школы. Второй томъ сочи-

нения его составляет полный критический и исторический каталог произведений Рафаэля. Немецкая литература вполне может гордиться этимъ сочинениемъ, которому ничего подобнаго не можетъ представить не только Франція или Англія, но и сама отчизна великаго живописца. Она доказываетъ уваженіе и любовь германскаго народа къ самому идеальному изъ всехъ художниковъ, и итальянскіе издатели біографіи Рафаэля, написанной Вазари, покрыли похвалами трудъ Пассавана. Избранныя письма итальянскихъ художниковъ XV-го и XVI-го вѣковъ—матеріалъ очень важный для исторіи художниковъ—переведены съ хорошими примѣчаніями берлинскимъ профессоромъ Гулемъ. Но самое глубокомысленное сочиненіе о первоначальныхъ школахъ итальянской живописи принадлежитъ барону Румору. Его *итальянскія изслѣдованія* (Italienische Forschungen) — образецъ философской критики и глубины историческихъ соображеній. Кроме-того, авторъ сообщилъ много важныхъ ненаданныхъ документовъ для исторіи живописи въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ. Исторія другихъ вѣтвей итальянскаго искусства была гораздо менѣе изслѣдована нѣмецкими учеными: такъ итальянская скульптура осталась безъ историковъ. Но въ отдѣлѣ архитектуры должно упомянуть о превосходной монографіи церкви св. Марка въ Венеціи, изданной Крейцомъ, и объ описаніи ломбардскихъ зданій Остена.

Съ неменьшею любовью посвятили нѣмецкіе ученые свои изслѣдованія другой школѣ живописи, немѣте знаменитой, чѣмъ итальянская: начинанія живописи въ Нидерландахъ были имъ столь основательно изслѣдованы, что возрѣнія Ваагена и Пассавана считаются авторитетомъ въ отечествѣ Ван-Эйковъ и Мемлинга. Администрация антверпенскаго музея классифицировала древнія картины по указаніямъ Ваагена и Гото. Новѣйшія бельгійскія сочиненія объ отечественной живописи не что иное, какъ сводъ или обработка нѣмецкихъ изслѣдованій. Достоинства фламандской живописи, столь сродственной съ древне-нѣмецкою, были впервые открыты и описаны нѣмецкими учеными. Ваагенъ, какъ и Пассаванъ, въ многочисленныхъ статьяхъ изслѣдовали весь періодъ отъ появленія Ван-Эйковъ до преобладанія во Фландріи итальянскаго элемента въ XVI-мъ столѣтіи. Кроме-того, Ваагенъ издалъ подробныя сочиненія о жизни и произведеніяхъ братьевъ Ван-Эйкъ и Рубенса; Гото—исторію нидерландской живописи, Ратгеберъ—анналы нидерландской живописи до 1570 года. Наконецъ должно пожелать, чтобъ разныя спеціальныя сочиненія этихъ ученыхъ о древне-фламандской живописи были соединены въ одно цѣлое, которое окончательно разрѣшило бы многіе вопросы, касающіеся спорныхъ наименованій картинъ и еще мало-изслѣдованныхъ художниковъ, напримѣръ, Рожеръ-Вандеръ-Вейденъ и другіе.

Многие всѣхъ частей исследования истинными учеными исторіи искусства у остальныхъ народовъ Европы и исторіи вѣдѣннаго искусства. Тамъ неслѣдуетъ и тутъ неслѣдуетъ съ необходимостью указать на монографію Мертеса о средневѣковой архитектурѣ Норвегіи, на исследования Дала и Минутали объ архитектурѣ Швеціи. Ваггена о живописи въ Богеміи. Въ послѣднее время вышли также монографіи вѣдѣннаго архитектора Шинтера и живописца Торвалдсена, а живописецъ Шадовъ издалъ биографическіе очерки вѣдѣнныхъ художниковъ. Исторію гравированія занимались Клантъ, Сиддингъ и Геллеръ, а исторію костюма, весьма важную вспомогательную книгу, обработавши Геонеръ фон-Альтенекъ, Бекъ и профессоръ Вейсъ, который издаетъ нѣтъ интереснѣй учебникъ этой науки.

Разсмотрѣвъ такія образцы дѣятельности нѣмецкихъ ученыхъ въ исторіи искусства по-народно, нѣтъ сомнѣнія, чтобъ представить полную картину нѣмецкой литературной дѣятельности по этому предмету, еще указать на вспомогательныя сочиненія, періодическія изданія и наконецъ на тѣ сочиненія, которыя обнимаютъ цѣлое этой науки. Къ числу вспомогательныхъ книгъ принадлежатъ лексіконы терминологіи и исторіи искусства. Нынче въ Лейпцигѣ издается Фаберомъ конверсационно-лексиконъ изящныхъ искусствъ, обнимающій всѣ народы и эпохи. Кромя-того, нѣмецкая литература обладаетъ двумя биографическими словарями знаменитыхъ художниковъ, изъ которыхъ одинъ изданъ Наглеромъ; другой, издаваемый Маллеромъ, нынче только началъ появляться въ свѣтъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ въ нѣмецкой художественной литературѣ составляютъ такъ-называемыя *periegetische* сочиненія: это — историческіе и критическіе отчеты и описанія произведеній искусства, видѣнныхъ авторами во время предпринятыхъ ими художественныхъ путешествій. Такія сочиненія опытныхъ и достовѣрныхъ знатоковъ составляютъ источникъ, изъ котораго черпаются извѣстія другими историками искусства, неизвѣстными случая видѣть и посѣтить чужія страны. Въ числѣ этихъ сочиненій занимаютъ первое мѣсто *periegetische* сочиненія: Ваггена объ Англіи, части Германіи и Парижѣ; Пассавана — объ Англіи, Бельгіи и Испаніи; Шнаазе — объ Нидерландахъ; фон-дер-Гагена, Румора и Буркгарда — объ Италіи; Штарка — о Франціи; Куглера — о прирейнскихъ и мозельскихъ странахъ. Тамъ изъ нашихъ любителей искусства, которые намѣрены посѣтить вышеназванныя страны, нельзя не указать на эти книги, въ которыхъ они найдутъ обильный источникъ поученія, хотя онѣ и предполагаютъ предварительное знакомство съ наукою. Но что наука исторіи искусства и само искусство составляютъ одну изъ умственныхъ ежедневныхъ потребностей въ Германіи, то доказываетъ число журна-

ловъ, выходящихъ по этому предмету. Первое мѣсто въ ряду ихъ — *Художественная Газета* (das Kunstblatt), которую въ 1820 году началъ издавать Шорнъ и которая до нынѣшняго дня продолжаетъ являться въ Берлинѣ подъ редакціею доктора Эггерса. Въ многотомномъ этомъ изданіи хранятся полная лѣтопись современнаго искусства и богатѣйшіе матеріалы и спеціальныя разсужденія для всеобщей исторіи искусства. Куглеръ также издавалъ нѣсколько лѣтъ «Художественную Газету», выходящую подъ заглавіемъ: *Музеумъ*. Въ Кѣльнѣ уже нѣсколько лѣтъ католическая партія издаетъ подъ именемъ: *Органъ христіанскаго искусства* (Organ der christlichen Kunst), газету, въ которой выказываетъ свои взгляды и убѣжденія и на современное искусство стремится наложить печать своихъ тенденцій. Два прекрасные архитектурные журнала издаются уже нѣсколько лѣтъ, одинъ въ Вѣнѣ, другой въ Берлинѣ. Кроме-того, Шаслеръ началъ въ нынѣшнемъ году издавать въ Берлинѣ новую художественную газету подъ именемъ: *Диоскуры* (Die Dioscuren), и наконецъ двое ученыхъ, которыхъ имена встрѣчались уже нѣсколько разъ, Отте и фон-Квасть, приступили къ изданію новаго журнала, исключительно-посвященнаго средневѣковому искусству.

Въ заключеніе я долженъ указать на тѣ сочиненія, которыя обнимаютъ эту науку какъ цѣлое. Основанныя на личномъ наблюденіи, совѣстливомъ изученіи и лучшихъ источникахъ, эти сочиненія представляютъ ходъ и развитіе исторіи архитектуры, скульптуры и живописи во всѣхъ эпохахъ и у всѣхъ народовъ. Извѣстно, какъ богата нѣмецкая литература отличнѣйшими учебниками по части всеобщей исторіи, исторіи литературы, исторіи отдѣльныхъ наукъ; и въ нашей наукѣ она обладаетъ нынче сочиненіями равно-замѣчательными. Имя Куглера занимаетъ въ этомъ отдѣлѣ первое и весьма-почетное мѣсто. Онъ издалъ нынче первый томъ своей *Исторіи Зодчества* (Geschichte der Baukunst), которая, по глубокой учености, критическому такту и соединенію въ одно цѣлое всѣхъ положительныхъ результатовъ новѣйшихъ изслѣдованій, превосходить всѣ сочиненія по этому предмету. Болѣе популярнымъ образомъ изложилъ исторію архитектуры въ прошломъ году молодой, уже названный мною берлинскій ученый Любке. Вышеисчисленными же достоинствами отличается и Куглерева *Исторія живописи со времени Константина Великаго* (Geschichte der Malerei seit Konstantin dem Grossen), въ двухъ томахъ, которая полнотою и критикою фактовъ превосходитъ сочиненія Ланца, Россина и Фюрляло. Наконецъ результаты всѣхъ своихъ двадцатилѣтнихъ изслѣдованій по всѣмъ отраслямъ этой науки Куглеръ соединилъ въ своемъ *Руководствѣ къ исторіи искусства* (Handbuch der Kunst-

geschichte), съ многочисленными гравюрами и прекраснымъ атласомъ въ трехъ томахъ, изданнымъ съ обширнымъ текстомъ профессоромъ Гулемъ. Я уже говорилъ объ этомъ руководствѣ въ началѣ этой статьи. Ни англійская и французская, ни итальянская литературы не имѣютъ подобнаго сочиненія. Но если нѣмецкая литература справедливо гордится этою книгою, то равную славою пользуется въ ней другое большое сочиненіе: *Исторія искусства* (Geschichte der bildenden Künste), нынѣ доведенная до шестаго тома, написанная берлинскимъ ученымъ Шнаазе, но съ иной точки зрѣнія. Если оба сочиненія имѣютъ одну цѣль — представить искусство, какъ единое цѣлое, то цѣлю Куглера, какъ я сказалъ выше, было — раздѣлить это цѣлое на отдѣльныя характеристическія группы, однако другъ друга условливающія; внести, послѣ критической очистки, всѣ важные факты на соответствующее имъ мѣсто; словомъ, дать въ руки учащимся этой наукѣ полное руководство. Шнаазе имѣлъ другія, болѣе-философскія цѣли: главною его задачею было показать, что искусство каждой эпохи есть выраженіе физическихъ и духовныхъ, нравственныхъ и уметвенныхъ качествъ народа. Онъ хотѣлъ объяснить, какъ художественный элементъ пропитался въ народѣ другими элементами жизни, какъ искусство различныхъ народовъ представляетъ непрерывную традицію. На что Куглеръ только указывалъ въ своихъ введеніяхъ, то было для Шнаазе главною задачею. Такимъ-образомъ оба сочиненія не исключаютъ другъ друга, но служатъ взаимнымъ дополненіемъ; и если одно давно уже приведено къ концу, то нельзя не пожелать, чтобъ слабѣющія силы дозволили автору втораго довести къ концу долгаятій, много-темный и неоцѣнный трудъ его.

Изъ всего, съ возможною краткостью мною изложеннаго, я не стану выводить никакихъ результатовъ. Этотъ обзоръ самъ собою говоритъ, сколь дѣятельно обрабатывается въ Германіи наука, едва по имени у насъ известная. Между-тѣмъ этой вѣтви человѣческаго вѣдѣнія болѣе, чѣмъ иной, назначено играть важную роль въ гуманномъ образованіи будущаго человечества. Если естественныя науки, нынѣ столь преобладающія, даютъ намъ ясное понятіе объ окружающихъ насъ чудесахъ природы, то наука объ искусствѣ объясняетъ намъ не только окружающія насъ чудеса искусства, но и прошлыя возрѣнія человечества въ высшихъ проявленіяхъ творческаго духа. Пора и намъ, послѣдненипривааннымъ дѣтелямъ, приступить къ ней. Наши предшественники передаютъ намъ богатое наслѣдіе: постараемся достойно воспользоваться имъ.

Н. ГЕРЦЪ.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И ЕЯ ОГРАНИЧЕНІЯ ВО ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛѢ.

(*Études sur les forces productives de la Russie, par M. L. de Tengoborsky, conseiller privé et membre du Conseil de l'Empire de Russie. Tome IV. Paris.*)

Статья вторая (1).

ОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССІИ.

Мы сказали въ предыдущей статьѣ, что намѣрены познакомить читателей нашихъ (2) съ услугою, которую г. Тенгоборскій оказалъ наукѣ и Россіи своими изслѣдованіями о внѣшней торговлѣ; мы указали также на планъ нашего обозрѣнія, въ которомъ будемъ переходить отъ общаго къ частному — отъ движенія русской внѣшней торговли вообще къ сношеніямъ съ отдѣльными странами и къ оборотамъ извѣстными товарами. Однакожь прежде, чѣмъ приступимъ къ дѣлу, считаемъ необходимымъ повторить уже сдѣланную нами оговорку. Придерживаясь началъ науки, мы становимся на сторонѣ послѣдователей свободы внѣшней торговли; но признаемъ, что существующіе фабричныя интересы, созданныя прежнею протекціонистическою

(1) Первая статья помѣщена въ 2 № «Очет. Зап.» нынѣшняго года.

(2) Многие изъ нихъ, безъ сомнѣнія, прочитали уже трудъ г. Тенгоборскаго и оцѣнили его по достоинству; но мы разумѣемъ здѣсь не специалистовъ, а читателей вообще, которые, интересуясь предметомъ, не имѣютъ времени заниматься изученіемъ серьезной книги.

системою, не могут быть внезапно принесены въ жертву общественному благу и, быть можетъ, многія изъ попытокъ улучшить положеніе потребителей останутся безуспѣшными до-тѣх-поръ, пока у насъ не выработаются новыя условія, болѣе-благопріятныя для внутренняго промышленнаго развитія. Мы относимъ къ послѣднимъ: подвижность труда, преобразование прямыхъ податей, начатое переложеніемъ подати подушной на доходы съ имущества и промысловъ; развитіе начала свободы промышленности въ частномъ кредитѣ, во внутреннихъ торговыхъ сдѣлкахъ и выполнение многого, уже задуманнаго въ-теченіе настоящаго царствованія. Тѣмъ болѣе мы далеки отъ мысли, что свобода торговли предполагаетъ совершенное отсутствіе таможенныхъ линій и податей съ потребленія привозимыхъ товаровъ: о такомъ порядкѣ вещей въ Европѣ не можетъ быть рѣчи; и если эту мысль приписываютъ противникамъ протекціонизма, то они, конечно, въ этомъ не виноваты; главная цѣль науки и людей практическихъ состоитъ въ томъ, чтобъ сдѣлать пошлины выгоднымъ финансовымъ источникомъ, по-возможности нестѣсняющимъ ни промышленности, ни внутренняго потребленія. Эту точку зрѣнія мы постараемся усвоить и себѣ.

Начнемъ съ обзорѣнія хода нашей внѣшней торговли и ея приращенія. Общій итогъ нашихъ оборотовъ увеличился въ-теченіе тридцатидвухлѣтія, оканчивающагося 1853 годомъ ⁽³⁾, болѣе чѣмъ въ два раза, и это приращеніе равно относится и къ привозу и къ отпуску ⁽⁴⁾. Въ послѣдніе два года, то-есть, въ 1852 и 1853, первый простирался, среднимъ числомъ, до 91,8 милліоновъ рублей, второй до 121, противъ 45,8 и 53,6 милліоновъ въ 1822—1826 годахъ. Это возрастаніе представится намъ болѣе-

⁽³⁾ Мы не взяли цифръ за 1854 и 1855 годы, о которыхъ мы уже имѣемъ свѣдѣнія, потому-что эти годы не были нормальными, и мы не намѣрены разсматривать вліяніе войны на нашу внѣшнюю торговлю.

	Привозъ.		Отпускъ.		Общій оборотъ.
(*)	Съ	—	мл. р.	мл. р.	мл. р.
— 1822	—	26	45,8	53,6	99,5
— 1827	—	31	53,1	62,5	115,7
— 1832	—	36	57,4	64,7	122,2
— 1837	—	41	72	82,4	154,4
— 1842	—	46	79,8	87,6	167,5
— 1847	—	51	91,1	101	192,1
— 1852	—	53	91,8	121,2	213,1

Цифры эти обнимаютъ какъ европейскую, такъ и азиатскую торговлю. Въ таблицѣ этой съ 1851 года считается и торговля Царства Польскаго.

(*) Tęgoborski. Études T. IV, p. 16.

опредѣленнымъ, если мы примемъ въ расчетъ приращеніе населенія. Сличивъ первые годы съ послѣдними въ означенномъ періодѣ времени, найдемъ, что внѣшніе обороты увеличились отъ 1 р. 92 коп. сер. до 3 руб. 6 коп. сер. на человѣка ⁽⁵⁾. Очевидно, мы подвинулись впередъ; но далеко ли? Опередили ли мы Европу, или Европа опередила насъ? Если мы отстали, то почему именно? Постараемся разрѣшить эти вопросы рядомъ сравненій, въ которыхъ намъ нечего бояться невыгодныхъ цифръ; гораздо-хуже отставать и думать, что мы сдѣлали гигантскіе успѣхи.

Сравненія представляютъ большія трудности. Таможенные росписи содержатъ иногда одну официальную оцѣнку, основанную на цѣнахъ устарѣлыхъ; иногда присоединяется къ оцѣнкѣ официальной объявленная купцами, или вычисленная; иногда послѣдняя составляетъ единственную данную. Такъ официальная оцѣнка производится въ Англіи по таксаціи товаровъ 1696 года; во Франціи — по росписи 1826 года; объявленная введена въ Англіи въ 1798, а во Франціи съ 1847 года показываются *valeurs actuelles* особо-наряженною комиссіею ⁽⁶⁾. Въ Бельгіи отличаются также *valeurs actuelles* или *variables* и *valeurs permanentes*; послѣднія опредѣлены въ 1833 году ⁽⁷⁾. Цѣны, установленныя въ Англіи въ концѣ прошлаго столѣтія, значительно-выше дѣйствительныхъ, въ Бельгіи же онѣ и теперь нѣсколько-ниже; поэтому, несмотря на кажущуюся опредѣленность цифръ, многія изъ нихъ далеки отъ истины и неполнѣ-однородны ⁽⁸⁾. Впрочемъ, по замѣчанію Мак-Коллоха ⁽⁹⁾, объявленныя цѣны въ Англіи мало уклоняются

(5) Населеніе въ Россіи въ 1822 — 26 г. составляло около 52 мил. (*), въ 1836 г. 59 мил. (**), въ 1851 до 67 мил. (***), поэтому
 1822 — 26 — 52 мил. жит. до 100 мил. тор. обор. 1 р. 92 к. на чел.
 1834 — 38 — 60 — — — 133 — — — 2 — 21 — —
 1851 — 52 — 67 — — — 205 (****) — — 3 — 06 (*****) —

(6) *Annuaire de l'économie politique et de la statistique*. Paris 1851, p. 392 и слѣд. Mac Culloch. *Dictionary* p. 712.

(7) Scheler. *Annuaire belge*. 1855 p. 157.

(8) По Мак-Коллоху цѣна официальная относилась къ объявленной въ 1846 году какъ 132 : 57.

(9) *Dictionary* p. 59.

(*) «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи». Т. I, стр. 34.

(**) Тамъ же, стр. 37.

(***) Кешпена «Предварительныя свѣдѣнія о числѣ жителей въ 1851 г. въ Россіи». Спб. 1854

(****) Tengoborski. *Études* T. IV, p. 7.

(*****) Цифра эта была бы значительнѣе, еслибъ мы включили въ расчетъ обороты 1853 года, простиравшіяся свыше, чѣмъ на 246,605,100 руб.

отъ настоящихъ и, при всей своей неточности, могутъ служить для опредѣленія прогрессивнаго развитія торговли.

Мы упомянули объ этомъ для избѣжанія упрека въ томъ, что упустили изъ вида недостоверность данныхъ; мы признаемъ ее вполне; но намъ, для нашихъ цѣлей, достаточны и тѣ матеріалы, которыми можемъ располагать. Перейдемъ же къ сличенію внѣшнихъ оборотовъ Россіи съ оборотами другихъ западныхъ государствъ ⁽¹⁰⁾.

(10) Въ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ:

Годы:	Привоза. Миллионовъ.	Отпуска. Миллионовъ.	Всего руб-лей.	Миллион. жителей.	Оборотовъ на челов.
Съ 1822 — 26	111	92	203	11	20 руб.
— 1834 — 38	188	154	342	15	23 —
— 1838 — 42	168	160	328	17	18 —
— 1848 — 52	251	237	488	23	21 —
— 1851 — —	276	279	555	23,8	23 —
— 1854 — —	402	364	767	26	29 —

Ср. The American almanac 1856 г.

Мы отбросили сотни тысячъ, отъ этого итога 3-й графы, иногда болѣе слагаемыхъ. Долларъ (счетный) мы переводили на рубли полагая по 1 р. 32 $\frac{1}{2}$ коп. въ одномъ долларѣ.

Въ Бельгій по постоянной оцѣнкѣ было:

Годы:	Привоза. Миллионовъ рублей.	Отпуска. Миллионовъ рублей.	Всего. Миллионовъ рублей.	Населеніе.	Оборотовъ на человѣка.
Въ 1838 — 42	63	48	111	до 4 мил.	до 28 руб.
— 1843 — 47	83	73	157		
— 1848 — 52	110	110	220		
— — — 1853	141	157	298		
— — — 1854	153	178	335	до 4 $\frac{1}{2}$ м.	до 77 руб.

Ср. Scheler Annuaire. 1853 р. 157 и 1856 р. 8—9.

Во Франціи по официальной оцѣнкѣ.

Годы:	Привоза. Миллионовъ рублей.	Отпуска. Миллионовъ рублей.	Всего. Миллионовъ рублей.	Населеніе. голы жит.	Оборотовъ на челов.
Въ 1825	133	167	300	1821	30,5 мил. до 9 р.
— 1830	159	143	303	1831	32,5 » » 9 »
— 1835	190	208	399	1836	33,5 » » 12 »
— 1840	264	252	516	1841	34,24 » » 15 »
— 1838—42	262	249	509	—	» » — »
— 1843—47	306	289	600	1847	35,7 » » 17 »
— 1848—52	289	370	662	—	» » — »
— 1850	293	382	676	—	» » — »
— 1851	289	407	697	1851	35,8 » » 19 »
— 1852	359	420	780	—	» » — »
— 1853	408	465	873	—	» » — »
— 1854	427	447	874	—	до 36,4 » » 24 »

Соединенные Штаты значительно опередили насъ: обороты ихъ въ-теченіе того же самаго тридцатидвухлѣтняго періода утроились; въ Бельгіи столь же быстрое возрастаніе совершилось въ-теченіе 18 лѣтъ (съ 1838 по 1854 годъ); во Франціи и въ Англіи, почти въ то же время, какъ и у насъ, обороты увеличились въ два съ половиною раза; съ Австріею мы можемъ поспорить. Такимъ-образомъ, повидимому, результатъ довольно-удовлетворителенъ; но этого нельзя сказать при сличеніи цифръ, показывающихъ отношенія суммъ привоза и отпуска, вмѣстѣ взятыхъ, къ итогу населенія. Правда, успѣхъ нашъ значителенъ, но обороты наши все еще очень-малы. Вотъ данныя, показывающія состояніе и движеніе внѣшней торговли относительно населенія, какъ у насъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ.

Обороты возрасли:

Въ Бельгіи съ 1838 по 1854 годъ отъ 28 р. до 77 р. с. на чело-
ловѣка.

Въ Швейцаріи	въ 1854	— 60	—	—
Въ Англіи съ 1821 по 1850 годъ	отъ 20 р. до 37	—	—	—
Въ С. Шт. — 1822 — 1854	— — 20 —— 29	—	—	—
Во Франціи — 1825 — 1854	— — 9 —— 24	—	—	—
Въ Австріи — 1831 — 1850	— — 3 —— 5	—	—	—
Въ Россіи — 1822 — 1853	— — 1 р. 92 к. до 3 р. 6 к.	—	—	—

Ср. Schnitzler, «Statistique comparée» t. IV, p. 62. «Annuaire de l'économie politique et de statistique». 1852, p. 520; 1854 p. 29; 1855 p. 29; 1856 p. 8—9 и p. 46.

Официальная оцѣнка въ послѣдніе годы была 2% ниже дѣйствительной для общихъ торговыхъ оборотовъ.

Въ Англіи (Великобританія съ Ирландію).

Годы:	Привоза.	Отпуска.	Оборотовъ.	Населеніе	Оборотовъ
	Милліоновъ рублей.			милліон.	на челов.
Въ 1821	183	220	404	20,3	20
— 1824	227	233	460	—	—
— 1831	308	227	535	24	22,3
— 1841	391	321	713	26	26,5
— 1845	523	372	895	—	—
— 1853	554	448	1002	27	37

Ср. Mac Culloch Dictionary. p. 712 и Meidinger «Das Britische Reich in Europa» 1851. pp. 4, 438, 448. Мы перевели фунты стерлинговъ на рубль, считая въ ф. с. 6 р. 31 к. сер. и опустили въ нашихъ печисленіяхъ цѣну отпуска привезенныхъ въ Англію и снова вывезенныхъ произведеній, около 12 мил. ф. с. (среднимъ числомъ съ 1814 по 1846 годъ). Цѣны привоза показаны официальные, отпуска объявленные, такъ-что опуская 12 мил. ф. с., мы недалеко отъ истины. По Тенгоборскому официальной оцѣнка оборотовъ дастъ за 1851—1853 годъ 1,898 м. р.,

Такимъ-образомъ, между-тѣмъ, какъ у насъ и привозимыхъ и отпускаемыхъ за границу товаровъ приходится по 3 рубля 6 к. сер. на человѣка, въ Австріи эта пропорція была достигнута уже въ тридцатыхъ годахъ, въ другихъ же государствахъ, какъ, напримѣръ, въ Бельгій и Швейцаріи, она въ двадцать разъ значительнѣе. Конечно, разность объясняется иногда огромнымъ развитіемъ транзитной и транспортной торговли; но какъ бы то ни было, мы сильно отстали отъ Сѣверо-Американскаго Союза и отъ промышленныхъ европейскихъ державъ. Численно, производство наше имѣетъ довольно-незначительный интересъ во внѣшней торговлѣ (хотя этого нельзя сказать, рассматривая вліяніе послѣдней на развитіе потребностей и на образованіе). Потребленіе семейства, состоящаго изъ четырехъ человѣкъ, обходится, въ исчисленныхъ нами странахъ, отъ 100 до 500 рус. сер., причемъ на иностранные товары идетъ у насъ не болѣе 2 процентовъ, между-тѣмъ, какъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, Англии, Швейцаріи и Бельгій—15,20 и 40 процентовъ.

Это малое потребленіе нельзя объяснить тѣмъ, что мы находимъ все необходимое у себя дома и что у насъ торговля внутренняя замѣняетъ внѣшнюю; оно показываетъ, напротивъ, что мы потребляемъ очень-мало фабричныхъ и колоніальныхъ произведеній, и вмѣсто того, чтобъ избрать самый дешевый способъ удовлетворенія нашимъ нуждамъ путемъ взаимнаго международнаго размѣна, мы ограничиваемся пользованіемъ предметами домашняго фабричнаго производства, не рассчитывая на экономію въ покупкѣ. Другими словами: мы не знаемъ дешевизны разнообразнаго утонченнаго потребленія. Повторяемъ: мы не можемъ сослаться на то, что намъ нечего покупать у иностранцевъ. Сѣвероамериканскіе Штаты могли бы еще съ ббльшимъ правомъ

дѣйствительная 891 мил.; намъ кажется, послѣдняя цифра менѣе настоящей. Ср. Mac Culloch Dictionary p. 59.

Въ Австріи:

	Привозъ.	Отпускъ.	Оборотъ.	Населеніе.	Оборота на 1 ч.
1831	44, ₈	50	94,	32,200,000	до 3 р.
1835	65	57	122	(1833)	—
1840	72	70	142	—	—
1845	79	72, ₈	151, ₈	—	—
1850	106	72	178	36 ¹ / ₂ мил. въ 1851 году	— до 5 руб.

Ср. Hain, «Handbuch der statistik» 1853 Bd. I, p. 136; Bd. Ц, p. 517, и календарь, издаваемый Императорскою Академіею Наукъ.

Въ Швейцаріи въ 1854 г. обороты 150 м. р. на 2¹/₂ мильона жителей, или по 60 руб. сер. на человѣка.

указать на свою территорію, совмѣщающую всѣ климаты, кромѣ экваторіальнаго и полярнаго, на обиліе самыхъ разнородныхъ произведеній, однакожь это не мѣшаетъ имъ вести внѣшнюю торговлю, которая немногимъ уступаетъ англійской, и, быть-можетъ, давно бы обогнала ее, еслибъ протекціонистическіе тарифы не задержали на-время промышленнаго развитія (11). Какъ велико было бы удивленіе приверженцевъ защиты, еслибъ они прочли таблицы привоза и отпуска товаровъ въ американскихъ альманахахъ (ср. *The American almanach for 1856*, p. 168—173). Они нашли бы, что, несмотря на преобладаніе отпуска земледѣльческихъ произведеній, Америка вывозитъ съ полнымъ успѣхомъ фабрикаты, хотя у ней нѣтъ въ сосѣдствѣ, какъ у насъ напри-мѣръ, обширнаго азіатскаго рынка и нѣтъ сгрогого тарифа.

Причина нашей отсталости заключается частью въ недостаточности средствъ огромной массы населенія, которое составляетъ въ экономическомъ отношеніи почти совершенно-замкнутый міръ, частью же въ старинномъ высокомъ тарифѣ.

Скажемъ безъ обиняковъ, мы еще недовольно-богаты: земледѣльцы наши потребляютъ по-большой-части только то, что они производятъ сами; они не знаютъ ни колоніальныхъ продуктовъ, ни дешевыхъ обработанныхъ товаровъ. Мы не говоримъ въ настоящемъ случаѣ о тѣхъ деревняхъ и селахъ, жители которыхъ промышленяютъ дѣломъ фабричнымъ и судоходствомъ; мы говоримъ о населеніи, которое занимается хлѣбопашествомъ. Многихъ, конечно, удивитъ то, что мы не считаемъ себя богатыми; мы привыкли толковать о пролетаріатѣ и пауперизмѣ на Западѣ, привыкли смотрѣть на естественное плодородіе нашей почвы, на наши горныя произведенія, еще заключающіяся въ землѣ и пр., и пр., какъ на наличные капиталы, записанные въ приходъ, и съ этимъ запасомъ готовыхъ предубѣжденій, никакъ не можемъ вникнуть въ свое собственное положеніе и замѣтить своей бѣдности. Правда, она не представляется намъ съ тѣми разительными крайностями, съ тою гласностью, съ тѣми притязаніями, съ какими мы находимъ ее въ европейскихъ государствахъ; но развѣ ея нѣтъ? Еслибъ мы не имѣли даже описанія бѣлорус-

(11) Карей относятъ установленіе перваго охранительнаго тарифа къ 1816 и 1828 годамъ. Съ 1832 г., слѣдоваль болѣе-свободный тарифъ и повое приращеніе оборотовъ до 1842 г., когда назначены новыя охранительныя пошлины, вслѣдъ за которыми окончательно введенъ тарифъ 1846 года, въ духѣ свободной торговли, расширившій въ самое короткое время промышленныя операціи союза.

Сравня *Carcy The Harmony of interests 1832 p.* и *American almanac: 1856 p. 167*, гдѣ показано движеніе внѣшней торговли.

скаго крестьянина въ «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» ⁽¹²⁾, то нашли бы разительное доказательство въ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ, показывающихъ цѣнность производства по добывающей и обрабатывающей промышленности въ Англій, Франціи, Австріи и Россіи. На одного человѣка причисляется произведеній :

	по добывающей промышленности.	по фабричной промышленности.	Всего.	
Въ Англій ⁽¹³⁾	на 71	на 35,6	на 107,3	р. с.
— Франціи ⁽¹⁴⁾	— 57,4	— 12,6	— 70	—
— Австріи ⁽¹⁵⁾	— 54	— 10	— 64	—
— Россіи ⁽¹⁶⁾	— 30,4	— 5,6	— 36	—
— Сѣв.-Амер. Штатахъ ⁽¹⁷⁾	въ 1855—1856 году		132,15	—

⁽¹²⁾ «Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ» 1846 г., апрѣль. Статя С. Щукина.

⁽¹³⁾ «Moreau de Jonnès, Etat de l'industrie de la France.» 1856 года, р. 324.

⁽¹⁴⁾ Тамъ же, р. 324. M. de Jonnès état de l'agriculture, 1848, р. 526, въ 1840 г. 7502 мил. фр., полагая съ 1840 г. 500 мил., приращенія—8000 мил. фр.

⁽¹⁵⁾ Hain. Т. II, р. 373. Industrie 1000 до 1200 мил. гульденовъ и добывающая промышленность 3000 мил. гульденовъ.

⁽¹⁶⁾ Tengoborski Т. III, pp. 269, Industrie 375 м. р., Agriculture 2044 м. р.

⁽¹⁷⁾ Сѣвероамериканскіе Штаты, Carey Principles Т. II, 285. Отчетъ мншстра внутреннихъ дѣлъ за 1855—56 годы.

Вотъ первоначальныя данныя, на которыхъ мы основали наши разсчисленія,

1) Для Сѣвероамериканскихъ Штатовъ мы взяли цифру, показанную въ Principles Карей (Т. II, р. 285), который, принимая оцѣнку производства, сдѣланную гаррисбургскимъ съѣздомъ въ 1827 г. въ 1,066,000,000 долларовъ, увеличилъ эту данную, пропорціонально приращенію населенія, на 33 $\frac{1}{3}$ %, то-есть до 1,421,000,000 дол., и положилъ круглымъ числомъ производство въ 1500 мил. дол., такъ-какъ заработная плата съ 1827 по 1837 г. возросла. Мы оставили принятыя имъ 95 дол. на человѣка безъ переменъ.

2) Для Великобританіи съ Ирландіею мы взяли цифру о фабричномъ производствѣ изъ Морэ де-Жоннэса, (Statistique de l'industrie 1856, р. 324), который, на основаніи Спакмана, полагаетъ цѣнность обработки суровья — въ 3375 мил. фр. (844 мил. руб. сереб.). Затѣмъ исчисленіе стоимости продуктовъ добывающей промышленности мы основали на данной Карей (см. Т. II, стр. 285), который полагаетъ общій итогъ средняго производства на человѣка въ 81 дол. или въ 107 р. 32 коп. Помноживъ эту цифру на 26 $\frac{1}{2}$ мил. населенія и вычтя изъ произведенія цѣнность обработки суровья, мы получили стоимость суровья въ 1991 мил. руб. Общая цѣнность производства, по оцѣнкѣ Карей, составляетъ 2835 $\frac{1}{2}$

Конечно, денежная оцѣнка не служитъ вѣрнымъ мѣриломъ производства, которое, при одинаковой стоимости, можетъ быть весьма-различно по количеству; справедливо также и то, что цифры, приведенныя нами, нельзя признать совершенно-точными, но тѣмъ не менѣе онѣ позволяютъ намъ составить себѣ понятіе объ относительномъ богатствѣ государствъ и какъ приблизительно-вѣрныя, годны для нашихъ цѣлей. Въ-самомъ-дѣлѣ, разсматривая стоимость производства вообще, мы имѣемъ, кажется, полное право утверждать, что Сѣверо-Американскіе Штаты и Англія имѣютъ надъ нами рѣшительный перевѣсъ, и что мы далеко не достигли промышленнаго развитія Франціи и Австріи. Въ земледѣльческомъ производствѣ разница еще не такъ замѣтна, потому-что цѣна хлѣба въ Англіи и Франціи въ два раза выше, чѣмъ въ Россіи ⁽¹⁸⁾; но объ обработанныхъ произведеніяхъ мы должны сказать совершенно-противное: фабрикаты у насъ гораздо-дороже, чѣмъ въ Англіи, Франціи и Австріи. Поэтому мы можемъ допустить, что въ-отношеніи къ количественному производству въ земледѣліи разница невелика, хотя качественный перевѣсъ останется на сторонѣ иностранныхъ державъ, за-то въ фабричномъ производствѣ, которымъ преимущественно пріобрѣтаются товары колоніальныя, мы находимъ огромную разницу. По денежной

мл. руб. (эта цифра 2000 мл. рублей ниже оцѣнки Небрера), если предположить, что производство съ 1837 года увеличилось пропорционально населенію.

3) Для Франціи мы взяли данныя Моро де-Жоннеса, содержащіяся въ его «Statistique de l'industrie» p. 321 и въ его «Statistique de l'agriculture» etc. 1848 p. 523 — 526. Въ первомъ сочиненіи оцѣнена обработка въ 1774 мл. фр. для 1850 г., а во второмъ добывающая промышленность въ 7,502 для 1840 г. Мы предположили приращеніе въ 500 мл. для 1850 г., хотя съ 1813 по 1840 годъ производство по Моро де-Жоннесу возрастало ежегодно на 100 милліоновъ франковъ.

4) Для Австріи мы взяли данныя у Гайна.

5) Для Россіи у Тенгоборскаго.

Исчисленія для первыхъ трехъ державъ скорѣе ниже, чѣмъ выше, дѣйствительныхъ, потому-что только въ одной Франціи было разсчитано на приращеніе производства сверхъ приращенія населенія, да и въ самой Франціи мы приняли цифру низкую. Блокъ (M. Block) въ сочиненіи Des charges de l'agriculture p. 46, полагаетъ производство земледѣльческое растительное и животное въ 8,900 мл. фр. въ 1849 годъ. Оцѣнка производства во Франціи по Карою составляетъ 53 руб. на человѣка, слѣдовательно очень-близка къ нашему показанію.

⁽¹⁸⁾ По исчисленіямъ г. Тенгоборскаго (Т. 1 p. 200) Мак-Колуха (См. «Meidinger Das Britische Reich in Europa» p. 98) за 1839 г. и по Блоку (M. Block. p. 44) за 1849

оцѣнкѣ, стоимость обработки въ Англіи относится къ стоимости обработки въ Россіи какъ 5,6 : 1; во Франціи она слишкомъ въ два раза болѣе, чѣмъ у насъ, въ Австріи нѣсколько-менѣе; но велика разница, если принять въ расчетъ качество и количество фабричныхъ произведеній нашихъ и заграничныхъ; велика разница, если обратить вниманіе на то удовлетвореніе потребностямъ, которое достигается обмѣномъ обработанныхъ товаровъ на произведенія иностранныхъ. Все сказанное нами еще въ болѣе высокой степени относится къ Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ и фабричныя издѣлія и продукты земледѣлія не дороже нашихъ, и гдѣ производство, взятое въ массѣ, слишкомъ въ три раза значительнѣе, чѣмъ въ Россіи относительно населенія.

Послѣ этого не удивительно, что мы не считаемъ себя богатыми, не удивительно, что мы покупаемъ мало чужихъ товаровъ.

Независимо отъ показанной причины дѣйствуетъ еще другая—высокая подать съ потребленія иностранныхъ произведеній. Такъ, напримѣръ, пошлина на кофе у насъ въ 10 разъ болѣе, чѣмъ въ Бельгіи, на чай—въ 17 разъ, а на сахаръ до 1855 года была вдвое противъ пошлины въ болѣе части другихъ европейскихъ государствъ. Очевидно, что мы встрѣчаемъ двойное препятствіе въ потребленіи колоніальныхъ продуктовъ: и недостаточность нашихъ средствъ и высоту налога, взимаемаго съ привозныхъ товаровъ. Но, безъ-сомнѣнія, одно пониженіе таможенныхъ пошлинъ недостаточно для того, чтобъ сообщить болѣе развитіе нашей внѣшней торговлѣ; надо увеличить также производство внутреннее, усиливъ побужденія къ дѣятельности болѣе-легкимъ пользованіемъ хозяйственными силами, быстрѣйшимъ накопленіемъ и образованіемъ частной собственности. Эти цѣли могутъ быть достигнуты не измѣненіями тарифа, но внутренними экономическими преобразованіями.

Разсмотримъ теперь, въ какихъ статьяхъ замѣтнѣе всего обнаружилось приращеніе внѣшнихъ торговыхъ оборотовъ, какъ по

Стола	Въ Россіи.	Англин.	Франціи.
Четверть пшеницы.	5,67 коп.	11,42 коп.	10,24 коп.
— ржи.	3,61 —	6,90 —	6,56 —
— овса.	2,35 —	590 —	420 —

Но цѣны у Мак-Коллоха ниже цѣнъ послѣдняго десятилѣтія (сравни Compaion to The Almanac 1854 г. р. 100; 1853, р. 89; 1856, р. 80).

Среднія цѣны Россіи хотя и вычислены безъ исключенія высшихъ данныхъ, но все-таки не обнимаютъ собою неурожайныхъ лѣтъ, такихъ, какія были во Франціи и въ Англіи въ 1846 и въ 1854 годахъ; поэтому числа наши скорѣе болѣе благоприятны для Россіи, чѣмъ для другихъ державъ.

привозу, такъ и по отпуску товаровъ. Сочиненіе г. Тенгоборскаго и статья г. М. Заблоцкаго въ первомъ томѣ «Сборника статистическихъ свѣдѣній о Россіи» содержатъ по этому предмету драгоцѣнныя указанія ⁽¹⁹⁾.

Опредѣлимъ сначала, какое мѣсто занимаютъ, по стоимости своей,

(19) Общія обороты по нашей торговлѣ, а также привозъ и отпускъ возрасли съ 1822 — 26 по 1852 — 53 годъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: Общія ежегодные обороты отъ 99,5 млн. руб. до 213 млн. руб. Привозъ. 45,8 — — — 91,8 — — — Отпускъ 53,6 — — — 121,2 — — — а съ 1824 — 28 г. по 1852 — 53:

Общія обороты отъ	106,9	млн. руб.	до	213	млн. руб.
Привозъ.	50,5	— — —	—	91,8	— — —
Отпускъ.	56,4	— — —	—	121,2	(*) — — —

Мы привели эти послѣднія числа потому, что приращеніе въ привозѣ и отпускѣ отдѣльныхъ товаровъ показано у г. Тенгоборскаго почти вездѣ съ 1824 года. Теперь посмотримъ, какія статьи наиболѣе возрасли въ своей цѣнности, по ежегодному среднему привозу и вывозу.

Съ 1851 по 1853 г. привезено болѣе противъ 1824 — 26 г.

Привозъ
1824 — 26 год.

	на	5	млн.	2,6	млн.	руб.
Напитковъ.		4,5	»	12	»	»
Колоніальныхъ товаровъ		3	»	0,213	»	»
Машинъ и моделей		2,35	»	1,4	»	»
Шелку.		2,2	»	3,9	»	»
Красящихъ веществъ.		2,2	»	3,4	»	»
Соли.		2	»	1,2	»	»
Флодовъ		2	»	10,5	»	»
Хлопки и бумажной пряжи		1,9	»	1,1	»	»
Деревяннаго масла		1,85	»	0,651	»	»
Табаку		1,5	»	0,126	»	»
Мѣховъ		1,4	»	0,58	»	»
Рыбы.		1,3	»	2,6	»	»
Шерстяной матеріи.		1,3	»	2,2	»	»
Шелковыхъ издѣлій.		1,1	»	0,130	»	»
Каменнаго угля		1	»	0,632	»	»
Москательныхъ товаровъ		1	»	0,292	»	»
Жемчугу и драгоцѣнныхъ камней.		0,7	»	0,139	»	»
Льняныхъ и пеньковыхъ тканей		0,57	»	0,125	»	»
Стальныхъ и бронзовыхъ вещей (1826 — 30)						

(*) Ср. статью г. М. Заблоцкаго въ 1-мъ томѣ «Сборника Статистическихъ свѣдѣній о Россіи». Забѣмимъ, что показанное приращеніе нѣсколько-выше противъ действительнаго, потому-что до 1851 года торговля Царства Польскаго не входила въ расчетъ. Въ дальнѣйшихъ цифрахъ нашихъ, показывающихъ приращеніе привоза и отпуска отдѣльныхъ статей, данныя, касающіяся Царства, исключены.

важнѣйшія статьи внѣшней торговли и какія изъ нихъ получили наибольшее приращеніе.

Среднія цифры за 1847—1854 г. показываетъ, что въ привозѣ первое мѣсто по цѣнѣ принадлежитъ колониальнымъ товарамъ, потомъ хлопчатобумажнымъ произведеніямъ (хлопокъ и пряжѣ),

	1851 — 52.	
Часовъ (съ 1831 по 1853 г.)	0,5 »	0,188 » »
Медцинскихъ растений	0,4 »	0,489 » »
	<hr/>	
	Всего 37,7	
	Изъ 41,3 составляющихъ	

Общее приращеніе привоза съ 1824 года.

Съ 1851 — 53 г. отпущено болѣе противъ 1824 — 28 г.

		Отпущено
		1824—28 г.
Хлѣба	на 20 мил. руб.	9,1
Масляничныхъ сѣмепъ	9,6 » »	2,1
Шерсти	5,7 » »	0,592
Льну (съ 1822 — 26 по 1851—53).	5 » »	7,5
Шерстяныхъ тканей	2,5 » »	0,270
Хлопчатобумажныхъ матерій	1,8 » »	0,786
Льсу (съ 1821 — 25 по 1851 — 53).	1,8 » »	2
Мѣховъ	1,3 » »	1,3
Пеньки (съ 1822 — 26 по 1851 — 53).	1 » »	7,1
Щетины	0,8 » »	1,6
Сала	0,6 » »	9,7
Канату, веревокъ	0,5 » »	0,638
Шелку—сырцу	0,5 » »	0,036
	<hr/>	
	Всего 51,5	
	Изъ 65,8	

составляющихъ общее приращеніе отпуска.

Недостающіе 3,600,000 руб. по привозу и 14,300,000 руб. по отпуску частью относятся къ такимъ статьямъ, по которымъ приращеніе было слабо, частью же указываютъ на причисленіе оборотовъ Царства Польскаго къ оборотамъ имперіи.

Г. М. Заблоцкій вычислялъ измѣненія въ цѣнности какъ привоза, такъ и отпуска нѣкоторыхъ товаровъ для пятилѣтія 1844 — 1848 годъ, сравнительно съ пятилѣтіемъ, 1824 — 28 г. Вотъ результаты, помѣщенные имъ въ первомъ томѣ «Сборника Статистическихъ Свѣдѣній о Россіи».

Сравнительно съ 1824 — 28 годами въ 1844 — 48 г. привозъ увеличился, или уменьшился.

	По количеству.	По цѣнѣ.
Для хлопчатой бумаги	на +1000%	+782%
— красильныхъ веществъ	+197%	+24%
— деревяннаго масла	+155%	+117%

даже напиткамъ, краскамъ, шелку, различнымъ произведеніямъ обрабатывающей промышленности и служащимъ для нея, плодамъ для стола, оливковому маслу, поваренной соли, табаку. Остальныхъ товаровъ привозится меньше, чѣмъ на два милліона рублей каждаго; между ними на большую сумму доставляется намъ рыба,

	По количеству.	По цѣнѣ.
Для чая	+128%	+168%
— вина	+116%	+65%
— табаку	+68%	+162%
— кофе	+50%	+22%
— хлопчатобумажной пряжи	— 33%	— 33%
— сахарнаго песку	+33%	— 34%
— шелка	+0,3%	+136%
— бумажныхъ матерій	—	— 37%
— шерстяныхъ матерій	—	— 16%
— шелковыхъ матерій	—	+48%

Равнымъ образомъ, сравнивая пятилѣтіе 1824—23 года съ пятилѣтіемъ 1844—48 г., мы находимъ, что отпускъ возросъ, или уменьшился.

	По качеству.	По цѣнѣ.
Для шерсти	на +829%	+880%
— хлѣба	+245%	+487%
— льнянаго сѣмени	+200%	+223%
— льна	+49%	+20%
— щетины	+17%	+23%
— сала	+6%	+29%
— пеньки	+0,1%	+2%
— сырыхъ кожъ	— 35%	+11%
— тканей льняныхъ	— 49%	—

Присоединимъ еще къ этимъ цифрамъ таблицы, показывающія относительное значеніе по цѣнности привоза и отпуски, какъ по вѣншей торговлѣ вообще, такъ и въ частности по двумъ ея главнымъ отраслямъ, азіатской и европейской. Последнее послужитъ намъ для опредѣленія относительной важности нашихъ сношеній съ Западомъ и съ Востокомъ.

Привозъ 1847—1851 г.

	Общій. Изъ Европы. Изъ Азій.		
	Цѣною на милліоны рублей.		
1) Колоніальные товары и чай	18,1	11,4	6,69
2) Хлопка и хлопчатобумаж. пряжа	12	11,6	0,3
3) Ткани	11,4	7,7	2,6 хлопчатоб. 0,6 шелковой. 0,26 льняныхъ.
4) Напитки	7,4	7,4	—
5) Краски и химическ. производ.	6,4	6,2	0,15
6) Шелкъ	3,7	3,2	0,25
7) Различныя произведенія обра- ботывающей промышленности	3,5	—	—

шерсти и шерстяной пряжи, машинъ, мѣховъ и металловъ. Изъ этого длиннаго перечня видно, что предметы нашего потребления состоятъ главнымъ образомъ изъ жизненныхъ припасовъ 45,8 проц., между которыми колоніальные товары и напитки занимаютъ первое мѣсто, и изъ сырыхъ произведеній для мануфак

Привозъ 1847—1851 г.	Общій. Изъ Европы. Изъ Азін.		
	Цѣною	на милліоны	рублей.
8) Фрукты для стола	3,2	2,7	0,4
9) Масло оливковое	2,9	2,9	—
10) Разн. статьи для обрабатывающей промышленности	2,6	—	—
11) Соль поваренная	2,7	2,7	—
12) Табакъ	2,6	2,5	0,106
13) Рыбы	1,9	1,8	0,137
14) Шерсть и пряжа шерстяная	1,9	1,8	—
15) Маслины	1,89	1,8	—
16) Мѣха	1,55	1,1	0,4
17) Металлы	1,47	1,4	—
18) Жемчугъ и драгоц. камни	1,31	1,3	—
19) Скотъ	1,28	—	1,257
20) Уголь каменный и древесный	1,06	1,0	—
21) Разные жизненные припасы	1,04) прочіе товары.	0,163
22) Медицинскіе товары	0,87		0,808
23) Разныя статьи	1,609	8,9	0,808

Всего сред. числомъ т. р. 92,942 т. р. 78,271 т. р. 14,670

Сравни Tengoborsky, Т. IV, р. 80—83.

Отпускъ 1847—1851 г. (Среднія числа изъ пятилѣтія).

	Среднія числа изъ пятилѣтія.		
	Вообще.	По европ. торговл.	По азіатск. торговл.
Хлѣба	на 30,3	на 29,9	0,42
Сала	» 12,5	» 12,5	—
Льна	» 10,4	» 10,4	—
Маслянич. семень	» 8,1	» 8,1	—
Конопля	» 7,3	» 7,3	—
Шерсти	» 5,2	» 5,2	—
Строеваго лѣса	» 3,2	» 3,2	—
Тканей шерстяныхъ	» 2,9	» —	2,9
Мѣховъ	» 2,5	» 1,2	1,29
Хлопчатобумажныхъ тканей	» 2,3	» —	2,3
Щетинъ	» 2,2	» 2,2	—
Тканей льняныхъ и пеньковъ	» 1,5	» 1,3	—
Выдѣланныхъ кожъ	» 1,3	» 0,51	0,83
Веревокъ	» 1,1	» 1,13	—
Желѣза	» 1	» 0,84	0,2

туръ 33,6 проц., между которыми особенно-важны хлопка, краски и химическія произведенія, необходимыя для фабрикаціи; затѣмъ фабричныя произведенія составляютъ 15,3 проц. всего привоза; остатокъ же 4,6 процента обнимаетъ собою разныя мелкія статьи.

Еслибъ мы сравнили нашъ привозъ съ привозомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ за 1853—54 годъ (съ 30-го іюня 1853 по 30-е іюня 1854), то мы нашли бы разительную противоположность. Многія изъ статей, которыя, по своей ничтожности, не показаны г. Тенгоборскимъ въ привозѣ, занимаютъ почетное мѣсто въ таможенной росписи союза; другія привозятся на суммы столь-значительныя, что нельзя не признать ихъ общаго потребленія. Такъ, напримѣръ, независимо отъ 37 статей стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій, цѣною на нѣсколько миліоновъ рублей (не менѣе 15), Соединенные Штаты получили въ 1853—54 году одного полосоваго желѣза почти на 20 мил. руб., несмотря на обиліе руды въ предѣлахъ союза, и привезли на 47 мил. р. сер. чая, кофе и сахару, которые обходятся имъ въ нѣсколько разъ дешевле, чѣмъ намъ; шерстяныхъ матерій почти на 40 мил. р.,

Сырыхъ кож	» 1	» 0,87	0,13	
Мѣди	» 0,94	» 0,88		
Поташу	» 0,88	» 0,86		
Скота	» 0,73	» 0,66		
Клея рыбаго и друг.	» 0,50	» 0,60		
Пуху и перьевъ	» 0,43	» 0,43		
Металловъ обработанныхъ	» 0,34	» 0,10	0,22	
Рыбъ и икры	» 0,33	» 0,29		
Дегтю	» 0,28	» 0,28		
Медицинскихъ растений	» 0,28	» 0,28	0,23	красяльныхъ веществъ.
Волоса конскаго	» 0,27	» 0,27		
Прочихъ статей, изъ которыхъ каждой менѣе, чѣмъ на 250,000 рублей	» 3,433	» 0,989(*)	0,857	0,17 шелку сырку.
		т. р.	т. р.	т. р.
Всего		102,002	92,127	9,874

(*) Въ томъ числѣ:

Роговъ	0,231
Костей и рогу	0,181
Масла коровьяго	0,178
Драгоценныхъ камней	0,168
Воску и восковыхъ свѣчей	0,148
Лошадей	0,141
Сальныхъ и стеариновыхъ свѣчей	0,134
Водки	0,119
Золотыхъ и серебряныхъ вещей	0,103

бы быть несравненно—обширнѣе; но этого нельзя сказать о нѣкоторыхъ и притомъ важнѣйшихъ статьяхъ нашего привоза. Процентное приращеніе, вычисленное г. Заблоцкимъ, показываетъ, что цѣны понизились для винъ, кофе, сахара, деревяннаго масла, зато онѣ возвысились для чая и табаку; онѣ понизились для хлопки, хлопчатобумажной пряжи и красильныхъ веществъ, но возвысились для шелка—сырца. Конечно, вообще успѣхъ неоспоримъ, но онъ не всеобщъ и далеко не таковъ, чтобъ мы могли признать его удовлетворительнымъ, особенно если мы припомнимъ себѣ, что отпускъ тканей уменьшился почти на половину и доселѣ еще поддерживается покровительствомъ китайской торговли, имѣющей исключительное право на снабженіе насъ чаемъ.

Приращеніе отпуска въ тридцатилѣтіе съ 1824—53 г. на 65,8 мил. р. относится у насъ къ торговлѣ земледѣльческими произведеніями. Первое мѣсто занимаютъ: хлѣбъ, масляничныя сѣмена, шерсть, ленъ, затѣмъ лѣсъ, пенька, щетина, сало, мѣха и шелкъ—сырецъ. Приращеніе въ отпускъ шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ матерій относится къ нашей азіатской торговлѣ. Изъ обработанныхъ издѣлій значительно увеличился отпускъ веревокъ. Изъ сличенія процентнаго приращенія оказывается, что самое быстрое возрастаніе мы находимъ въ торговлѣ шерстью, а самое значительное въ стоимости относительно количества въ торговлѣ хлѣбомъ и саломъ.

Результаты цѣлаго періода были бы еще сносны, еслибъ мы могли сказать, что возрастаніе отпуска простиралось также и на переработанные земледѣльческіе продукты, на выдѣланныя кожи, стеаринъ, водку и т. д., на предметы, легко-перевозимые; но этого мы не можемъ сказать. Еще менѣе имѣетъ значенія вывозъ мануфактурныхъ издѣлій. Сбытъ нашъ вообще имѣетъ преобладающій если не исключительно земледѣльческій характеръ, успѣхи техники такъ мало подвинулись впередъ въ—теченіе тридцатилѣтняго покровительства, что мы доселѣ не только не проникли на европейскій рынокъ съ тѣми фабричными издѣліями, производству которыхъ благоприятствуютъ мѣстные условія (мы разумѣемъ льняныя и пеньковыя ткани), но, напротивъ, мы потеряли ихъ сбытъ, мы дали себя опередить и успѣли открыть себѣ для шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ матерій рынокъ въ Азій и, какъ мы увидимъ далѣе, въ одномъ только Китаѣ! Уменьшеніе привоза мануфактурныхъ издѣлій, хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ, указываетъ на то, что мы ограничились снабженіемъ внутреннимъ, по болѣе—дорогимъ цѣнамъ, и что успѣхи обрабатывающей промышленности не зависятъ отъ однихъ таможенныхъ поощреній.

Доселѣ мы рассматривали движеніе нашей внѣшней торговли

Такимъ-образомъ, рассматривая три главные отдѣла нашего привоза и отпуска: жизненные припасы, суровье и обработанные товары, мы находимъ, что торговля первыми заставляетъ еще желать очень-многого, потому-что, какъ ни великъ ихъ привозъ относительно общей цѣнности прочихъ произведеній, но онъ могъ бы быть несравненно-значительнѣе; отпускъ же нашъ опирается единственно на сбытъ хлѣба, между-тѣмъ, какъ мы могли бы, судя по естественнымъ условіямъ, въ которыя поставлена наша земледѣльческая промышленность, вывозить мясо, спиртъ, стеаринъ, и пр.

Что касается торговли суровьемъ, то мы находимся въ положеніи совершенно-анормальномъ; мы вывозимъ въ суромъ видѣ произведенія, которыя могли бы переработывать дома, и привозимъ матеріалы для фабрикаціи, въ снабженіи которыми мы вполне зависимъ отъ иностранцевъ. По привозу хлопчатой бумаги мы находимся въ положеніи, похожемъ на отношеніе Англій къ Сѣверной Америкѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что прекращеніе подвоза не составляетъ для насъ вопроса столь-жизненнаго.

Нашъ оборотъ фабричными издѣліями ничтоженъ, а между-тѣмъ это главное, существенное условіе развитой внешней торговли, потому-что, послѣ монеты, они составляютъ самое удобное средство для вымѣна. Мы привозимъ мало обработанныхъ товаровъ и изъ нихъ одни только предметы потребленія самаго богатаго класса; мы сбываемъ еще менѣе и отпускъ нашъ условливается дороговизною чая! Допустивъ привозъ чая моремъ, въ видахъ дешевизны и развитія нашего потребленія, мы должны будемъ отказаться отъ большей части фабричнаго отпуска.

Обратимъ теперь еще къ движенію нашей внешней торговли. Приращеніе въ ежегодной средней цѣнности привоза иностранныхъ товаровъ, при сравненіи трехлѣтія 1824—26 г. съ трехлѣтіемъ 1851—53, даетъ 41,3 мил. р., и относится по-преимуществу къ предметамъ потребленія наиболѣе достаточныхъ сословіи и фабрикъ, пользовавшихся поощреніемъ высокаго тарифа. Соль и деревянное масло составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Къ статьямъ перваго рода слѣдуетъ причислить: вина, которыя дали наибольшую цифру возрастанія въ цѣнности привоза; колониальные товары, составляющіе доселѣ удѣлъ незначительнаго класса, плоды, табакъ, мѣха, рыбы, матеріи, жемчугъ и драгоценныя камни, бронзы, часы и нѣкоторые другіе. Къ статьямъ втораго рода: машины, модели, шелкъ-сырецъ, хлопку, красильныя вещества, и проч. Вотъ чѣмъ объясняется медленность въ развитіи нашей привозной торговли. Еслибъ она доставляла предметы для потребленія массы населенія, она могла

Привозъ простирался среднимъ числомъ на 13,6 —
Отпускъ — — — на 9,6 —

и далѣе, что привозъ чая, главнаго азіатскаго продукта, увеличился въ 1842—44 году, противъ предыдущаго трехлѣтія, мѣнѣе, чѣмъ на 10 проц., то легко убѣдиться въ томъ, что различіе въ суммахъ привоза и отпуска было скорѣе мнимымъ, чѣмъ существеннымъ.

Вычитая разность вышеприведенныхъ цифръ изъ данныхъ 1852—53 года ⁽²⁰⁾, мы находимъ, что азіатская торговля возрасла на столько же, на сколько европейская ⁽²¹⁾.

Еще яснѣе представится намъ значеніе нашей внѣшней азіатской торговли, если мы обратимъ вниманіе на главныя статьи привоза и отпуска 1847—1851 года ⁽²²⁾.

Въ привозѣ первое мѣсто занимаютъ чай, хлопчатобумажныя ткани и скоть; въ отпускѣ—ткани шерстяныя и хлопчатобумажныя, мѣха и кожи. Половина оборота достается на долю китайской торговли, остальная половина распредѣляется между Персією, Киргизскими Степями, Азіатскою Турцією, Ташкентомъ, Хивою и др. землями ⁽²³⁾.

Такимъ-образомъ исключивъ Китай, съ которымъ обороты наши опирались на запрещеніе привоза чая по западной границѣ, и на искусственное возвышеніе его цѣнности—до 90 проц. внутри Россіи (чѣмъ обусловливался сбытъ нашихъ мануфактурныхъ издѣлій по цѣнамъ низшимъ противъ московскихъ) ⁽²⁴⁾, мы най-

⁽²⁰⁾ Tegoborski, T. IV, стр. 37, 55—56.

⁽²¹⁾ Привозъ чая увеличился по количеству не болѣе, какъ на 25%.

⁽²²⁾ Въ итогъ привоза 14,6 мил. руб. три значительныя статьи:

1) Чай	6,2 мил. руб.
2) Хлопчатобумажныя ткани	2,6 »
3) Скоть	1,2 »

Составляли около 71%.

Иъ итогъ отпуска 9,8 мил. руб. четыре статьи :

1) Ткани шерстяныя	2,9 мил.
2) — хлопчатобумажныя	2,3 »
3) — мѣха,	1,2 »
4) Выдѣланныя кожи	0,85 »

Составляли 74%.

⁽²³⁾ Обороты составляли въ 1849—53 годахъ среднимъ числомъ съ Персією 4,3 мил. руб., съ киргизскими степями 3,6 мил., съ Азіатскою Турцією 1,5 мил., съ Бухарою и Ташкентомъ пемного мѣнѣе 1 мил., съ Хивою 300,000 рублей.

⁽²⁴⁾ Считаеь излишнимъ повторять о нашей торговлѣ съ Китаемъ то, что было уже высказано не разъ. Мы ограничимся только краткимъ примѣчаніемъ и немногими разсчисленіями, приведенными у г. Тенгоборскаго.

демъ, во первыхъ, что Азія не только не была рынкомъ для нашихъ фабричныхъ издѣлій, но, напротивъ, сама доставляла намъ болѣе всего хлопчатобумажныхъ матерій. Это странное явление г. Тенгоборскій объясняетъ тѣмъ, что, подъ видомъ азіатскихъ, къ намъ проникаютъ ткани англійскія въ восточномъ вкусѣ, провозимыя чрезъ Персію, благодаря низкому азіатскому тарифу.

Вовторыхъ, обращая вниманіе на малыя цифры нашей торговли съ Персією, Турцією и Среднею Азією, мы должны признать ея ничтожность для общей экономіи народа. Это становится совершенно-очевиднымъ, если исключить привозъ хлопчатобумажныхъ матерій европейскаго происхожденія: тогда легко убѣдиться, что наша азіатская торговля ничего не имѣетъ коммерчески-заманчиваго въ настоящемъ.

Но, быть-можетъ, будущее представляетъ намъ болѣе блистательное поприще?

Всѣмъ, сколько-нибудь посвященнымъ въ тайны нашей кяхтинской торговли, извѣстно, что до 1855 г., товары въ Кяхтѣ не покупались и не продавались на деньги, но промѣнивались по цѣнамъ, установленнымъ русскими и китайцами. Запрещеніе отпуска металловъ заставляло нашихъ купцовъ сбывать фабричныя произведенія, отдавая ихъ ниже ихъ стоимости въ Москвѣ; но потеря эта вознаграждалась въ высокихъ цѣнахъ на чай при внутренней продажѣ. Такимъ-образомъ потребители чая не только переплачивали за доставку, которая обходится намъ въ шесть разъ дороже, чѣмъ англичанамъ, но также платили китайцамъ за то, что они брали у насъ сукна, бумажные плисы и проч.

Г. Тенгоборскій представляетъ слѣдующій расчетъ стоимости лучшихъ сортовъ чая, привозимаго въ Лондонъ и Москву.

	Для англичанъ.	Для насъ.
1 фунтъ чая на мѣстѣ стоитъ	30 коп.	40—50 коп.
Доставка въ Шангай	8 »	20 »
Изъ Шангай въ Лондонъ	1 »	40 »
Пошлина	29 »	52½ »

Такимъ образомъ 1 фун. обходится 68 коп. 1 р. 57½ к. (*).

Въ Гамбургѣ фунтъ (русскій) чернаго чая стоитъ отъ 19 до 76½ к., а самаго высшаго сорта (рёко) 2 руб. 18 коп.

Понятно, какъ велика была бы народная экономія и какъ значителенъ могъ бы быть государственныи доходъ, при разрѣшеніи привоза чая съ западной границы.

Г. Тенгоборскій находитъ, что потребители наши, при существующемъ направленіи китайской торговли, переплачиваютъ ежегодно на чаѣ болѣе 10 мил. руб. сер. (Ср. Tengob. Т. IV, стр. 582—610).

(*) Не считая процентовъ съ капитала во время провоза, что также значительно увеличиваетъ у насъ цѣну на чай.

О будущемъ можно только гадать; по тó, что мы знаемъ и видимъ, не подаетъ намъ особенныхъ надеждъ. Въ Перси и Турціи совершается разложеніе общественной жизни, и трудно предсказать, когда оно окончится и чѣмъ именно; здѣсь открывается скорѣе поприще для европейской политики, чѣмъ для европейской торговли. Несравненно-большее значеніе имѣютъ эти страны для посредствующихъ сношеній съ Индіею и Китаемъ. Въ настоящее время двѣ великія державы, Англія и Франція, стараются проложить въ Азію новые пути: первая—железную дорогу отъ Средиземнаго моря къ Евфрату; вторая—каналъ чрезъ Суэзскій Перешеекъ. Англійскій проектъ, если онъ будетъ приведенъ въ исполненіе, сдѣлаетъ Месопотамію и Сирію мѣстами транзита для обширной восточной торговли и вассальными владѣніями Великобританіи; земли же по Персидскому Заливу послужатъ для складовъ и корабельныхъ станцій. Успѣшное выполненіе французскаго проекта будетъ имѣть несравненно-большее всемірно-историческое значеніе, потому—что каналъ оживитъ торговое мореплаваніе на Средиземномъ и Черномъ моряхъ, и, не возбуждая вопроса о преобладаніи на Востоку, сблизитъ его съ европейскою образованностью. Прорытіе Суэзскаго Перешейка приблизитъ Россію къ Индіи и Китаю гораздо-болѣе, чѣмъ Англію; поэтому въ интересъ нашей колониальной торговли и развитія мануфактурной промышленности на югѣ Россіи, столь обильномъ минеральнымъ топливомъ, мы должны смотрѣть на французскій проектъ какъ на дѣло первостепенной для насъ важности. Этотъ путь и хорошая дорога отъ восточнаго берега Чернаго моря къ морю Каспійскому—вотъ все, что мы можемъ желать для того, чтобы получить законно намъ принадлежащую долю въ азіатской торговлѣ. Въ этомъ дѣлѣ не помогутъ намъ ни тарифы, ни преміи, ни поощренія; мы должны принять въ немъ участіе нашими капиталами, или нашимъ кредитомъ, если не частнымъ, то государственнымъ, потому—что на это предпріятіе нельзя смотрѣть какъ на простую коммерческую спекуляцію. Получая колониальные товары не чрезъ одну только Англію и Гамбургъ, но болѣе прямымъ путемъ изъ Южной Азіи, привозя хлопку оттуда же къ нашимъ черноморскимъ портамъ и перерабатывая ее въ мѣстахъ, отличающихся необыкновеннымъ плодородіемъ почвы и обиліемъ каменнаго угля, мы могли бы увеличить въ нѣсколько разъ нашъ сбытъ и нашъ привозъ и явиться дѣйствительными соперниками Запада. Нашъ югъ получилъ бы тогда значеніе, къ которому онъ предназначенъ природою, а приращеніе таможеннаго дохода, развитіе благосостоянія, прямо и непосредственно-дѣйствующаго на возрастаніе финансовыхъ средствъ, покрыли бы всѣ наши затраты.

Торговля съ Среднею Азіею, при неизмѣнности нашихъ отношеній къ Востоку и при состояннн застоя, въ которомъ они находятся, мало подаютъ надеждъ. Мы совѣтовали бы тѣмъ, которые толкуютъ о нашей торговлѣ съ Коканомъ, Хивою, Ташкентомъ и пр., прочесть «Очерки торговли Россіи съ Среднею Азіею» П. И. Небольсина ⁽²⁵⁾.

Вотъ что говоритъ авторъ о нашихъ сношеніяхъ съ этими странами:

«Ограниченность потребностей, бѣдность, скупость средне-азійцевъ, и наконецъ, привычка къ тому, что ведется у нихъ изъ поконтъ-вѣка служить естественнымъ образомъ препятствіями къ ознакомленію ихъ съ какими-нибудь нововведеніями, которыя въ Европѣ могутъ составлять удобство, или удовольствіе, а у средне-азійскихъ дикарей не имѣютъ ни примѣненія, ни смысла.

«Лица, ведущія съ нашей стороны торговлю съ средне-азійцами, суть, во первыхъ, купцы, русскіе и мухаммедане, торгующіе по собственнымъ торговымъ свидѣтельствамъ; вовторыхъ, торгующіе киргизы, и втретьихъ, мѣщане и крестьяне, торгующіе по довѣренностямъ купцовъ, но на собственный капиталъ, изъ извѣстнаго процента, платимаго лицу, которое обладаетъ торговымъ свидѣтельствомъ. Этотъ третій разрядъ, по преимуществу мелочники, и только лица первой категоріи могутъ быть названы оптовыми торговцами. Сами они рѣдко личнымъ своимъ присутствіемъ оживляютъ средне-азійскіе базары, а болѣе всего вѣряются своимъ прикащикамъ, казанскимъ татарамъ и ростовцамъ, которымъ за весь безпокойства путешествія, за хлопоты и непріятности на чужой сторонѣ платятъ отъ ста до ста-семидесяти, рѣдко двѣсти и триста и еще рѣже четыреста рублей серебромъ жалованья. Отчетовъ отъ нихъ не требуется почти никакихъ. Это не то, чтобы большое довѣріе; но ни справиться о немъ, ни усчитать его нѣтъ никакой возможности. Можетъ-быть, довѣренное лицо уронило кредитъ хозяина, можетъ-быть, оно добыло рубль на рубль, но отъ него не требуютъ ни книгъ, ни записокъ и вѣрятъ во все на-слово. Это обстоятельство въ иныхъ случаяхъ должно быть также дѣйствительною, хотя и далеко непервостепенною причиною того, что средне-азійская торговля наша находится въ шаткомъ положеніи.

«Прикащику нѣтъ настоятельной надобности работать головой за чужаго человѣка; часто не бываетъ у него надлежащей сметки, достаточной наблюдательности на то, чтобы подсмотреть особенности средне-азійскаго человѣка, вникнуть въ его нужды, найти

⁽²⁵⁾ «Записки Имп. Русск. Геогр. Общества», кн. X, Санктпетербургъ. 1835, стр. 17 и слѣд.

новую сторону предмета, придумать новую статью оборотовъ, открыть новую дорогу къ облегченію и расширенію своихъ связей съ потребителями, благородными и позволительными средствами. Гораздо-болѣе было бы успѣха, еслибъ на средне-азійскомъ рынкѣ явился истинный купецъ, человѣкъ, имѣющій понятіе о дѣлѣ и питающій уваженіе и къ себѣ и къ своему занятію. Нельзя сказать, чтобъ у насъ не нашлось человѣка, именно такого дѣйствителя, который бы отвѣчалъ своими достоинствами всѣмъ качествамъ, требуемымъ отъ истиннаго купца: у насъ много людей, которые служатъ украшеніемъ своего сословія; но у насъ, съ одной стороны, унизительное положеніе, въ которое долженъ поставить себя купецъ, пускаясь самъ въ Среднюю Азію, и опасности, ему предстоящія, при необезпечности и неувѣренности за свою личность, а съ другой стороны, непривычка, домосѣдство, ожиданіе всевозможныхъ лишеній и напрасныхъ расходовъ и протительное незнаніе настоящаго состоянія отношеній средне-азійскихъ владѣній къ Россіи и, слѣдовательно, боязнь и страхъ за все, что для человѣка драгоцѣнно, разумѣется, должны у всякаго отбить охоту на подобный подвигъ, какимъ дѣйствительно можно было бы почестъ путешествіе русскаго купца на берега Аму-Дарьи.

«Мы сказали «русскаго» купца, понимая подъ этимъ купца изъ коренныхъ русскихъ людей; къ купцу мухаммеданину это относится не можетъ: русскій татаринъ невзыскателенъ; нужды его менѣе-обширны; самъ онъ менѣе-чванливъ; расходы его менѣе-значительны, наконецъ, единство вѣроисповѣданія съ средне-азійцами не подвергаетъ его унизительному притѣсненію при взаимной пошлннѣ во владѣніяхъ Турана; совокупность всѣхъ этихъ причинъ объясняетъ намъ, отчего наши купцы изъ татаръ несравненно-чаще появляются въ Бухарь или Коканъ, чѣмъ чисторусскіе значительные торговцы. Это же самое объяснить намъ и то, почему дѣла у купца-татарина идутъ лучше, развиваются обширнѣе, чѣмъ у купца кореннаго русскаго, во всемъ полагающагося только на прикащиковъ.»

Впрочемъ г. Небольсинъ допускаетъ исключенія:

«Было бы крайне-несправедливо (говорить онъ) наши слова о русскихъ купцахъ и прикащикахъ принимать исключительно въ дурномъ смыслѣ и относить къ каждому купеческому дому, ведущему торговлю съ Среднею Азією.

«Причины, почему наше купечество и русскіе прикащики не проникаютъ далѣе Кокана, Бухары или Хивы, объясняются не тѣмъ, чтобъ далѣе этихъ пунктовъ не было никакой возможности проникнуть купцу, какъ путешественнику; англичане и русскіе, бывалые люди, доказали ужъ не разъ неосновательность такого

предположенія ; но причина та , что всѣ дѣла по закупу и продажѣ товаровъ нашихъ купцовъ заканчиваются совершенно на этихъ трехъ средне-азійскихъ рынкахъ.

«Мы шлемъ въ Среднюю Азію такого рода товары , которые въ цѣломъ Туранѣ составляютъ предметы первыхъ , самыхъ необходимыхъ потребностей всего народонаселенія ; именно отъ насъ идутъ туда золото , серебро , мѣдь , чугуны , желѣзо , разнаго рода металлическія подѣлки , кожа , краски , сахаръ , сукна , ситцы и всякія бумажныя , а частью шелковыя издѣлія , и наконецъ , другіе товары , составляющіе , въ-отношеніи къ преждепоименованнымъ , уже неслишкомъ-замѣчательную статью . Нельзя не присоветовать къ этому , что дорогихъ и недорогихъ нашихъ товаровъ , каковы металлы , юфть , сукна и ситцы , Средней Азіи трудно получить по нашимъ цѣнамъ отъ какой-либо другой страны .

«Что касается товаровъ , получаемыхъ въ обмѣнъ изъ Средней Азіи , то естественныя богатства Средней Азіи , Бухары , состоятъ теперь пока только въ хлопчатой бумажѣ , въ шелкѣ , въ маренѣ , въ садахъ и богатыхъ виноградникахъ и , наконецъ , въ произведеніяхъ скотоводства и звѣрловства .

«Вотъ основные продукты , на которые преимущественно опирается торговля Бухары съ Россіей . Что жъ касается прочихъ статей поземельнаго богатства собственно бухарскаго владѣнія , то онѣ подъ эту категорію подведены быть не могутъ и не составляютъ для насъ предмета особенной потребности .

«Еще безнадежнѣе наша торговля съ Индією . Бухара (говоритъ г. Небольсинъ) служитъ средоточнымъ пунктомъ сообщенія съ дальними странами . Изъ Бухары путь въ Индію . Какіе же индійскіе продукты идутъ къ намъ чрезъ Бухару ?

«Прежде изъ Индіи возили къ намъ множество золота , жемчужовъ и драгоценныхъ камней и матерій , но нынче оттуда почти ничего не идетъ къ намъ . Сами мы и прежде ничего въ Индію не отправляли , а нынче , хотя мануфактурныя издѣлія наши и стали дешевы , но тѣмъ неменѣе мы ничего не можемъ отправлять въ Индію , по причинѣ дороговизны провозной платы чрезъ Гинду-Кушъ» .

Итакъ намъ нечего полагаться на средне-азіатскую торговлю . Какъ бы ни разукрашивало воображеніе нашихъ доморощенныхъ самоучекъ-экономистовъ богатства и чудеса Востока , но онъ не объщаетъ значительнаго сбыта для нашихъ товаровъ . Востокъ долженъ сначала заселиться , разбогатѣть и просвѣтиться , чтобъ сдѣлаться для насъ обширнымъ рынкомъ . Не теряя изъ виду нашихъ политическихъ и весьма-отдаленныхъ промышленныхъ интересовъ , будемъ помнить , что , для достиженія цѣлей государственныхъ и народно-экономическихъ , намъ слѣдуетъ прежде всего

колонизировать Среднюю Азію и внести въ нее начатки образованія; что для этого необходимо дать нашему населенію ту подвижность, которою доселѣ отличались у насъ только купцы да люди, занимающіеся промыслами. Движеніе нашего земледѣльческаго населенія можетъ сдѣлать гораздо-богѣе, чѣмъ искусная дипломатія и рѣшительный перевѣсъ нашихъ военныхъ силъ.

Такимъ образомъ, признавая, что торговля наша съ Азіею въ ея настоящемъ состояніи не представляетъ ни теперь, ни въ ближайшемъ будущемъ ничего особенно-заманчиваго, мы полагаемъ, что наше значеніе на Востокъ можетъ быть упрочено только предложеніемъ новаго пути и мѣрами, способствующими колонизаціи. Будемъ руководствоваться примѣромъ американцевъ, и Суэзскій Перешеекъ сдѣлается для насъ тѣмъ, чѣмъ будетъ современемъ для Штатовъ—путь чрезъ Панаму, а рѣки, текущія въ Аральское Море, дадутъ бытіе областямъ, подобнымъ государетвамъ, возникшимъ по теченію Миссиссиппи и его притокамъ. Водворяя славянское начало за морями Каспійскимъ и Уральскимъ, мы не перенесемъ туда язвы невольничества, которымъ заражена соперница англійскаго торговаго владычества.

Въ общемъ обзорѣннй внѣшней торговли, намъ остается еще сказать о сношеніяхъ нашихъ съ государствами западными и состояніи нашего торговаго баланса. Для того, чтобъ лучше уяснить себѣ первое, мы проведемъ параллель между Россіею, Сѣвероамериканскими Штатами, Англіею, Франціею, Австріею и Бельгіею. Это сравненіе позволитъ намъ оцѣнить торговыя связи важнѣйшихъ державъ, связи, имѣющія несомнѣнное вліяніе на ихъ международныя отношенія (26).

(26) Вотъ данныя о торговлѣ однихъ государствъ съ другими:

I. Сѣвероамериканскіе Штаты съ 30-го іюня 1853 по 30-е іюня 1854 г.

Привозили:

1) Изъ Великобританіи и Ирландіи на	193 мил. рублей.
2) — Франціи »	46 » »
3) — Кубы »	22,5 » »
4) — Бремена »	18,5 » »
5) — Бразиліи »	18,5 » »
6) — Китая »	13,2 » »
7) — Канады »	8,6 » »
8) — Остиндіи (англійск. владѣній »	7 » »
9) — Бельгіи »	4,5 » »
10) — Мехики »	4,5 » »
11) — Чили »	4,36 »
12) — Венесуэлы »	3,9 » »
13) — Маниллы и Филипп. Остр. »	3,7 » »
14) — Испанской Вестинъ (безъ Кубы)	3,7 » »

Здѣсь мы то же встрѣчаемся съ грубымъ и невѣжественнымъ предразсудкомъ: большинство считаетъ нашу внѣшнюю торговлю очень-важною для Европы и неважною для насъ. Во время бывшей войны многіе думали, что Англія останется безъ хлѣба, безъ матеріала для полотняныхъ фабрикъ, сала и пр. и пр., не подозревая того, что наша заатлантическая соперница ставитъ го-

15) — Гамбурга.	на	} по 3 мил. руб.
16) — Гаити	»	
17) — Центральной Америки	»	
18) — Англо-амер. Сѣв. Кол., безъ Канады	»	
19) — Аргентинской Республики.	»	2,9 » »
20) — Испаніи	»	2,7 » »
21) — Голландіи	»	2,1 » »
22) — Россіи	»	2 » »
23) — Новой Гренады.	»	1,8 » »
24) — Африки	»	1,7 » »
25) — Британской Вестиндіи.	»	1,4 » »
26) — Тосканы.	»	1,4 » »
27) — Перу.	»	1,3 » »
28) — Голландск. Остиндск. Колон. »	»	1,3 « »
Всего на		398 мил. руб.

Отпускали :

Своихъ и иностранныхъ произведеній :

1) Въ Великобританію и Ирландію на	192 мил. рубл.
2) — Францію	44,4 » »
3) — Канаду	22,5 » »
4) — Бременъ	12,9 » »
5) — Кубу	11,2 » »
6) — Британ. Сѣвер.-Амер. Колоніи безъ Канады	9,5 » »
7) — Бельгію	6,6 » »
8) — Британскую Вестиндію	6,4 » »
9) — Испанію	6 » »
10) — Бразилію	5,5 » »
11) — Мексику	4,1 » »
12) — Австралію	4,1 » »
13) — Гамбургъ	3,7 » »
14) — Голландію	3 » »
15) — Гаити	2,9 » »
16) — Чили	2,7 » »
17) — Триестъ	2,5 » »
18) — Африку	2,3 » »
19) — Италію	2,25 » »
20) — Китай	1,7 » »

раздо-болге сырыхъ продуктовъ на европейскіе рынки, чѣмъ мы, и что въ оборотахъ западныхъ государствъ наша внѣшняя торговля занимаетъ очень-скромное мѣсто.

Цифры, заключающіяся въ таблицахъ, приведенныхъ нами, въ примѣчаніи, конечно, не содержатъ въ себѣ совершенно-однородныхъ и полныхъ данныхъ, такъ : по Великобританіи мы пока-

Отпускали :	
Своихъ и иностранныхъ товаровъ :	
21) — Венесуэлу »	1,5 мил. руб.
22) — Швецію и Норвегію »	1,4 » »
23) — Испанскую Вестиндію »	1,4 » »
24) — Россію »	0,6 » »
<hr/>	
Всего на 364 мил. руб.	

Ср. The American Almanac for 1856 г. стр. 174.

II. Великобританія и Ирландія. Отпускъ 1853 года, однихъ британскихъ и ирландскихъ произведеній.

1) Въ Соединенные Штаты на	145 мил. руб.
2) — Ганзейскіе города »	44 » »
3) — Голландію »	27 » »
4) — Бразилію »	19,5 » «
5) — Францію »	16,3 » »
6) — Турцію »	12,6 » »
7) — Китай »	10,7 » »
8) — Бельгію »	8,2 » »
9) — Испанію и Балеар. Остр. »	8,2 » »
10) — Чили »	7,5 » »
11) — Перу »	7,5 » »
12) — Россію »	7,5 » »
13) — Кубу »	6,9 » »
14) — Сардинію »	6,9 » »
<hr/>	
Всего на 415,8 мил. руб.	

Ср. Companion to the Almanac for 1856, стр. 123—124. Мы не имѣемъ свѣдѣній ни объ отпускѣ иностранныхъ товаровъ изъ Англіи, ни о цѣнности привоза въ Англію по государствамъ.

III. Франція :

	Среднія числа за 1849—53 годы.		
	Общій оборотъ.	Привозъ	Отпускъ.
1) Англія	99 м. р.	35,9 м. р.	63,5 м. р.
2) Соединенные Штаты	77,2 » »	35,3 » »	41,9 » »
3) Бельгія	55,7 » »	28 » »	27,7 » »
4) Сардинія и Монако	37 » »	21,5 » »	15,8 » »
5) Алжиръ	27 » »	3,5 » »	23,4 » »

зали только цвнность отпуска однихъ британскихъ и ирландскихъ произведеній; по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ— общее движеніе торговли; по Франціи—и привозъ и отпускъ, но только по такъ-называемой спеціальной торговлѣ, то-есть привозъ для потребленія, а не для вывоза, и отпускъ однихъ французскихъ произведеній (то же слѣдуетъ сказать о Бельгіи); по Австріи мы

		Среднія числа за 1849—53 годы.		
		Общій оборотъ.	Привозъ.	Отпускъ.
6)	Испанія	25	8,4	16,8 м. р.
7)	Герман. тамож. союзъ	21	9,8	11,2 » »
8)	Швейцарія	21	6,9	14,1 » »
9)	Турція	15,8	10,5	5,3 » »
10)	Россія	12,5	8,6	3,9 » »
11)	Бразилія	10	3	7 » »
12)	Английская Индія.	9,4	8,4	0,9 » »
13)	Мартиника	9	3	5,8 » »
14)	Корол. Обѣихъ Сицилій	8,5	4,6	3,8 » »
15)	Голландія	7,5	4	3,5 » »
16)	Гваделупа	7	2,7	4,3 » »
17)	Тоскана и Лукка	6,7	2,9	3,8 » »
18)	Испанск. владѣнія	6,4	2,9	3,5 » »
19)	Мехика	5,6	1,25	4,3 » »
20)	Чили	4,8	0,5	4,3 » »
21)	Ріо де-Лаплата	4,7	1,8	2,8 » »
22)	Ганзейскіе города	4,7	1,3	3,4 » »
23)	Перу	4,5	0,75	3,75 » »

Всего 521,1 м. р. 221,5 м. р. 299,5 м. р.

Ср. Annuaire 1856 г. стр. 59—61. Числа, приведенныя нами, обнимаютъ не общую массу оборотовъ, но только отпускъ произведеній французскаго происхожденія и привозъ для потребленія внутри государства.

IV. Австрія. Признавая невозможнымъ опредѣлить торговыя сношенія Австріи по государствамъ, Гайнъ означаетъ только стоимость товаровъ, перевозимыхъ чрезъ австрійскія границы.

Въ 1850 году по сухопутной границѣ :

Отпускалось :	м. р.	Привозилось :	м. р.
По саксонской	на 14,6	По швейцарской	на 12,8
— итальянской	» 12,4	— саксонской	» 8,6
— турецкой	» 12,2	— итальянской	» 7,7
— южно-германской	» 10	— турецкой	» 7,6
— прусской	» 9	— южно-германской	» 7,2
— русской	» 3	— прусской	» 4,8
— швейцарской	» 2	— русской	» 2,3

имѣли данныя неполныя, безъ точнаго указанія международныхъ сношеній; далѣе, не всѣ числа относятся къ одному и тому же году: нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, для Франціи и Россіи, среднія, выведенныя за пятилѣтіе, для прочихъ же государствъ взяты цифры за одинъ только годъ; наконецъ, если мы начнемъ сличать таблицы, то найдемъ большія разногласія, объясняющія-

По морской границѣ:

	м. р.		м. р.
Въ Триестъ	на 23	Изъ Триеста	на 9,3
— Венецію	» 10,1	— Венеціи	» 3,4
— Фиуме	» 0,7	— Фиуме	» 1,1
— прочія гавани	» 5,2	— прочихъ гаваней	» 2,3
Всего 106		72,1	

Ср. Hain. Handbuch. стр. 517 — 525.

V. Бельгія въ 1853 году.

	Общій оборотъ.	Привозъ въ Бельг.	Отпускъ изъ Бельг.
Франція	40,1 мил. р.	15,5 мил. р.	24,7 мил. р.
Англія	26,7 » »	11,7 » »	15 » »
Голландія	23,1 » »	12,6 » »	10,5 » »
Германскій Таможен. Союзъ.	18,4 » »	8,9 » »	9,4 » »
Соединенные Штаты	13,2 » »	7 » »	6,2 » »
Россія	8,6 » »	6,9 » »	1,07 » »
Всего. . 160,2		71,7	88,5

Ср. Scheler Annuaire 1855 г. стр. 157 — 160.

Цифры относятся тоже къ commerce spécial.

См. выше замѣтку о Франціи.

VI. Германскій таможенный союзъ предстаряетъ за 1853 годъ слѣдующія данныя:

Привезено товаровъ	на 185 мил. руб.
Отпущено	» 237 » »
Транзитомъ перевезено	» 95,8 » »
Всего на 517 мил. руб.	

Привезено со включеніемъ транзита:

Изъ Бельгій	на 42,8 мил. р.
— Голландіи	» 33,1 » »
— Великобританіи	» 29,7 » »
— Франціи	» 21,25 » »
— Бремена	» 19,1 » »
— Россіи	» 14,6 » »
— Соединенныхъ Штатовъ	» 12,7 » »

ея, впрочемъ, тѣмъ, что иногда принималась, а иногда не принималась въ расчетъ торговля иностранцами произведеніями, и что оцѣнка не вездѣ одинакова. Какъ бы то ни было, собранные нами матеріалы достаточны для того, чтобы опредѣлить, какое мѣсто занимаетъ торговля Россіи въ системѣ оборотовъ нѣкоторыхъ изъ наиболее-промышленныхъ государствъ. Къ-сожалѣнію, мы не

Отпущено со включеніемъ транзита :

Въ Голландію	на	51,7	млн.	р.
— Бельгію	»	31,9	»	»
— Францію	»	13,6	»	»
— Россію	»	12,8	»	»
— Великобританію	»	10	»	»
— Бременъ	»	9,6	»	»

Ср. Hübner Jahrbuch für Volkswirtschaft und Statistik 1851 г. стр. 60 — 61.

VII. По таблицѣ того же автора :

Гамбургъ привозитъ	на	134	млн.	руб.
— отпускаетъ	»	124	»	»
Бременъ привозитъ	»	31,8	»	»
— отпускаетъ	»	28,2	»	»
Любекъ привозитъ	»	9,1	»	»
— отпускаетъ	»	7,3	»	»
				334,4
				млн. руб.

VIII. Россія. 1849 — 53 г.

	Общій оборотъ.	Привозъ въ Россію.	Отпускъ изъ Россіи.	
Англія	72 млн. р.	26,3 млн. р.	46 млн. р.	
Франція	15,1 » »	8,4 » »	6,6 »	
Пруссія	13,8 » »	8,7 » »	5,1 »	
Турція и Греція	11,1 » »	4,9 » »	6,2 »	
Бельгія и Голландія	11,1 » »	4 » »	7,1 »	
Америка	10,1 » »	7,8 » »	2,3 »	
Ганзейскіе города	7,9 » »	6 » »	1,8 »	
Италія	7,3 » »	3 » »	4,2 »	
Австрія	7,2 » »	2,4 » »	4,8 »	
Испанія и Португалія	3,9 » »	3,3 » »	0,5 »	
Швеція и Норвегія	3,6 » »	1,6 » »	1,99 »	
Данія	1,7 » »	0,2 » »	1,5 »	
Прочія государства	5,7 » »	0,1 » »	5,0 »	
		171,4	77,8	93,5
		млн. р.	млн. р.	млн. р.

Изъ таблицы исключены данныя, относящіяся къ Царству Польскому.
Ср. Tegoborski T. IV.

имѣемъ подъ-рукою свѣдѣній для того, чтобъ опредѣлить точнѣе значеніе нашихъ сношеній съ Пруссіею (такъ-какъ торговля Пруссіи показывается въ совокупности оборотовъ Германскаго Таможеннаго Союза) и съ ганзейскими городами. Постараемся обойтись немногими найденными нами указаніями.

Приведенныя таблицы показываютъ намъ, что внѣшняя торговля наша :

a) Составляетъ въ цѣнности оборотовъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ	$\frac{1}{293}$ ДОЛЮ.
b) Доставляетъ намъ изъ общаго итога вывоза англійскихъ продуктовъ	$\frac{1}{55}$ —
c) Участвуетъ въ покупкѣ французскихъ товаровъ и въ ввозѣ произведеній, предназначаемыхъ для потребленія во Франціи на	$\frac{1}{41}$ —
d) Занимаетъ въ итогѣ оборотовъ Австріи	$\frac{1}{22}$ —
e) Участвуетъ въ покупкѣ бельгійскихъ товаровъ и ввозѣ произведеній, предназначаемыхъ для употребленія въ Бельгіи на	$\frac{1}{20}$ —
f) Занимаетъ въ итогѣ оборотовъ Германскаго Таможеннаго Союза	$\frac{1}{19}$ —
g) И наконецъ, въ оборотахъ съ ганзейскими городами: Гамбургомъ, Бременомъ и Любекомъ, имѣетъ	$\frac{1}{42}$ —

Очевидно, что наша внѣшняя торговля далеко не занимаетъ того мѣста, какое принадлежитъ Россіи по ея климату, естественнымъ произведеніямъ, наконецъ даже по ея географическому положенію, хотя послѣднее, безъ-сомнѣнія, не такъ выгодно, какъ положеніе бѣльшей части западныхъ державъ. Очевидно также, что бессмысленно было бы ожидать промышленнаго застоя, голода и пр. и пр. на Западѣ, вслѣдствіе одного разрыва съ Россіею. Бѣдствія войны сдѣлались ощутительными въ европейской экономіи не потому, что торговля съ Россіею должна была искать другихъ путей (вполнѣ она и не прерывалась), но потому, что съ каждою войною соединена непомѣрная трата человеческихъ силъ и капиталовъ—трата невознаграждаемая, послѣдствія которой ощущаются очень-долго во всеобщей дороговизнѣ.

Замѣтимъ, не ради того, чтобъ выставить свое дурнымъ, а чужое хорошимъ, но для того, чтобъ не имѣть преувеличеннаго понятія о своемъ промышленномъ значеніи для Запада: что Россія въ ряду государствъ, ввозящихъ свои товары въ Сѣверо-Американскіе Штаты имѣла въ 1853—1854 году меньшее значеніе, чѣмъ Таити, Гамбургъ, и въ шесть разъ меньше, чѣмъ Китай; а въ ряду государствъ куда американцы отпускаютъ свои товары, она имѣла въ шесть разъ менѣ значенія чѣмъ Гамбургъ, въ двад-

цать-девять разъ менѣе чѣмъ Бременъ ⁽²⁷⁾, вполонину чѣмъ Швеція и Норвегія и въ $3\frac{1}{2}$ раза менѣе чѣмъ Італія.

Въ отпускѣ британскихъ произведеній Россія занимала въ 1853 году десятое мѣсто, послѣ Соединенныхъ Штатовъ, ганзейскихъ городовъ, Голландіи, Бразиліи, Франціи, Турціи, Китая, Бельгіи, Испаніи и Балеарскихъ Острововъ, и стояла наравнѣ съ Чили и Перу.

Въ оборотахъ съ Франціею, несмотря на то, что періодъ 1849—53 г. былъ оживленъ сношеніями, которыя дѣятельнѣе и сильнѣе завязались съ Франціею послѣ отпуска хлѣба 1846.—47 года, мы уступали въ пятилѣтіе съ 1849 по 1853 г. мѣсто Турціи, Швейцаріи, Германскому Таможенному Союзу, Испаніи, Алжиру, Сардиніи, Бельгіи, Соединеннымъ Штатамъ и Англій.

Совершенно въ иномъ видѣ представится намъ предметъ, о которомъ мы говоримъ, если обратимъ вниманіе на значеніе торговли съ первостепенными промышленными державами для Россіи.

Проценты.

Въ общемъ итогѣ обороты наши съ Англіею составляютъ	42
Съ Франціею	около 9
— Пруссіею	— 8
— Турціею и Греціею	— $6\frac{1}{2}$
— Бельгіею и Голландіею	— $6\frac{1}{2}$
— Америкою	— 6
— Ганзейскими городами	— $4\frac{1}{2}$
— Італіею немного-болѣе	— 4
— Австріею немного-болѣе	— 4

Почти-что половина всей нашей европейской торговли производится съ Англіею: мы получаемъ оттуда ровно $\frac{1}{3}$ потребляемыхъ нами иностранныхъ произведеній и отдаемъ Англій половину нашего отпуска. Затѣмъ ужъ на долю Франціи достается $\frac{1}{11}$ часть нашихъ оборотовъ, а на долю другихъ государствъ еще менѣе, въ томъ числѣ обороты съ Америкою составляютъ $\frac{1}{17}$ часть въ цѣнности нашего западнаго привоза и сбыта.

Это положеніе вещей неполнѣе-удовлетворительно. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые готовы стереть Англій съ лица земли, не считаемъ себя для этого ни достаточно-сильными, ни достаточно-человѣколюбивыми, но мы думаемъ, что подобное вліяніе одного государства на внѣшнюю торговлю другаго, безъ соотвѣтственной взаимности, безъ равновѣсія силъ, не можетъ-быть названо утѣшительнымъ результатомъ предъидущихъ тарифовъ.

(27) Не должно забывать, что Бременъ и Гамбургъ главные посредники во сношеніяхъ Америки съ Германіею.

Безъ-сомнѣнія, торговля съ Англіею для насъ драгоцѣнна, потому-что, не имѣя большаго купеческаго флота, мы пользуемся дешевой англійской доставкой; потому-что наши британскія сношенія осуществляютъ собою экономическую аксіому—кто много продастъ, тотъ много покупаетъ, аксіому, подтверждаемую оборотами англо-американскими, англо-французскими и пр.; но намъ кажется, что, при возрастаніи привоза и отпуска, обороты наши могли бы распредѣлиться несравненно-благопріятнѣе для насъ въ коммерческомъ и въ политическомъ отношеніяхъ.

Посмотрите на торговлю Англіи съ Сѣверо-американскими Штатами: она составляетъ болѣе половины въ итогѣ сѣверо-американскихъ оборотовъ, но за-то и въ англійскомъ отпускѣ на долю Союза достается болѣе $\frac{1}{3}$ британскихъ произведеній. Торговля наша съ Америкою была бы несравненно-значительнѣе, еслибъ мы допустили колониальный сахаръ на болѣе-выгодныхъ условіяхъ, и еслибъ мы получали прямо хлопчатую бумагу изъ первыхъ рукъ. Впрочемъ, по этой послѣдней статьѣ мы имѣемъ болѣе утѣшительныя данныя за послѣднее время передъ войною.

Полнота изложенія требуетъ отъ насъ еще упоминенія о торговомъ балансѣ. Г. Тенгоборскій, съ свойственною ему провицательностью, обнаружилъ всю несостоятельность выводовъ, которые были сдѣланы не разъ на основаніи таможенныхъ росписей, и доказалъ, какъ мало мы можемъ полагаться на достовѣрность перевѣса въ привозѣ металловъ, надъ отпускомъ ихъ за границу.

Въ-теченіе тридцати-двухлѣтняго періода, съ 1822 по 1853 годъ, цѣнность вывозныхъ товаровъ превышала цѣнность привозныхъ 315 мил. рублей; перевѣсъ въ привозѣ монеты надъ ея отпускомъ составлялъ въ то же время только 131 мил. рублей. Изъ этого можно было бы заключить, что огромная разность—184 мил. рублей оставалась неуплаченною. Но всѣмъ, сколько-нибудь знакомымъ съ положеніемъ нашей внѣшней торговли, очень-хорошо извѣстно, что не иностранцы имѣютъ кредитъ у нашихъ купцовъ, а наши купцы у иностранцевъ; слѣдовательно, естественнѣе всего допустить, что deficit въ уплатѣ баланса объясняется контрабандною торговлею. Да и вообще мы имѣемъ полное право сомнѣваться въ томъ, что къ намъ притекали значительныя суммы изъ-за границы. Сто-тридцать одинъ миліонъ иностранной монеты былъ бы замѣтенъ въ Россіи, особенно въ губерніяхъ западныхъ, а между-тѣмъ деньги заграничныя составляютъ у насъ рѣдкость. Итакъ очень-вѣроятно, что нашъ привозъ былъ гораздо-больше, чѣмъ показано «Въ видахъ внѣшней торговли». Впрочемъ, при объясненіи перевѣса отпуска надъ привозомъ товаровъ, не должно забывать, что оцѣнка таможенная очень-невѣрна. Если пошлина платится съ мѣры и вѣса, а не

съ цѣны, то стоимость отпуска можетъ быть показана произвольно по цѣнамъ на мѣстѣ закупки, по цѣнамъ у таможенной черты, или даже по цѣнамъ рыночнымъ въ мѣстахъ назначенія товаровъ. Какъ велико вліяніе контрабанды на описанныя нами явленія, и на сколько они зависятъ отъ способовъ оцѣнки товаровъ—объ этомъ не беремся произнести рѣшительнаго сужденія; но знаемъ, что перевѣсъ въ цѣнности привоза надъ цѣнностью отпуска—дѣло довольно—обыкновенное въ странахъ, имѣющихъ низкій тарифъ и рѣдкость, при господствѣ протекціонистической системы. Первое случалось очень—часто въ Сѣверо—Американскихъ Штатахъ, въ Англии, Бельгии; второе находимъ постояннымъ фактомъ въ Россіи и Франціи.

Далѣе, перевѣсъ привоза указываетъ на развитіе очень—выгодной внѣшней активной торговли. Американскій купецъ, который вывозитъ на 1 мил. долларовъ хлопки, продаетъ ее за 1,3 миліона дол. за границу, и, купивъ на 1,3 мил. дол. желѣзнаго товара, привозитъ его въ Нью—Йоркъ, гдѣ эти желѣзные издѣлія будутъ оцѣнены въ 1,6 мил. долларовъ, не вывезетъ ни одного цент. металла за границу, а между—тѣмъ въ таможенныхъ росписяхъ будетъ значиться:

Отпущено товаровъ на 1	миліонъ
Привезено	— — 1,6 —

Предположимъ теперь, что торговля государства, отпускающаго желѣзо, будетъ пассивная; если оцѣнка останется та же, мы будемъ имѣть перевѣсъ отпуска, безъ соотвѣтствующаго привоза благородныхъ металловъ.

Оканчивая этимъ наше общее обозрѣніе, можемъ извлечь изъ него слѣдующія заключенія о нашей внѣшней торговлѣ:

I. Приращеніе въ оборотахъ ея было медленнѣе, чѣмъ у главнѣйшихъ промышленныхъ державъ Европы.

II. Отношеніе оборотовъ къ цифрѣ населенія показываетъ, что потребленіе товаровъ иностранныхъ у насъ очень—ничтожно, несмотря на то, что климатъ не позволяетъ намъ производить многихъ колониальныхъ товаровъ.

III. Причина ограниченнаго потребленія заключается въ маломъ производствѣ, въ низкой стоимости земледѣльческихъ продуктовъ, имѣющихъ ограниченный сбытъ по недостатку внутреннихъ путей сообщенія и въ высокихъ таможенныхъ пошлинахъ.

IV. Росписи товаровъ, покупаемыхъ и продаваемыхъ нами показываютъ, что обороты наши могутъ принять огромное развитіе, если потребленіе колониальныхъ произведеній и уплата за нихъ фабричными издѣліями получаютъ большіе размѣры.

V. Наша торговля съ Азіею основана на непрочныхъ началахъ

и находится главнымъ образомъ въ зависимости отъ кяхтинскихъ монопольныхъ торговцовъ.

VI. Политическое вліяніе Россіи на Востокъ не можетъ быть упрочено сношеніями съ нѣсколькими десятками китайскихъ купцовъ.

VII. Торговое значеніе Азіи для Россіи зависитъ отъ открытія новыхъ путей чрезъ Персидскій Заливъ и Суэзскій Перешеекъ, и отъ участія Россіи въ этомъ дѣлѣ.

VIII. Россія не имѣетъ преобладающаго значенія въ торговыхъ сношеніяхъ съ первостепенными державами; наоборотъ, Англія имѣетъ въ своихъ рукахъ почти половину нашей внѣшней торговли.

IX. Непосредственныя торговыя сношенія съ Америкой могутъ принести намъ несомнѣнныя выгоды.

X. По нашимъ таможеннымъ росписямъ нельзя судить о балансѣ по европейской торговлѣ.

Читатель можетъ упрекнуть насъ въ томъ, что мы еще не говорили съ обѣщанною полнотою о финансовой сторонѣ нашего предмета; но мы указали уже на главныя условія приращенія нашей внѣшней торговли, на развитіе внутренняго производства, устраненіемъ преградъ, встрѣчаемыхъ народною дѣятельностью, и на проведеніе начала свободы промышленности въ практической жизни, на сколько это позволяетъ наше экономическое положеніе; мы поставили условіемъ нашихъ усилій на Востокъ открытіе новыхъ путей, а на Западъ—непосредственныя сношенія. Отъ всего этого зависитъ и приращеніе таможенныхъ доходовъ. Теперь намъ слѣдуетъ сказать: на какихъ статьяхъ въ—частности можемъ ожидать желаемаго увеличенія финансовыхъ средствъ.

Н. ВУНГЕ.

ЗНАЧЕНІЕ БОЖЬИХЪ СУДОВЪ

ПО РУССКОМУ ПРАВУ.

Мы всѣ очень-часто слѣдуемъ примѣру г-жи Простаковой: считаемъ за вздоръ все то, чего не понимаемъ. Въ-особенности это оказывается во взглядахъ на прошлое: нѣтъ той глупости, нѣтъ той болячки въ настоящемъ нашемъ быту, которымъ бы мы не подыскали отлпчнѣйшихъ оправданій, но за-то съ какой олимпійской высоты мы смотримъ на старину! А между-тѣмъ, главная задача науки — объяснить прошлое, пойти ему разумное оправданіе, найти его теорію въ немъ самомъ. Прошедшее не встанетъ изъ гроба, не будетъ себя защищать; его адвокатомъ является наука во имя интересовъ настоящаго, какъ наследника прошлаго, потому-что прошедшее не потому для насъ важно, что оно пршло, а потому, что оно живетъ въ настоящемъ. Учрежденія настоящаго часто связаны съ явленіями прошлаго такими тонкими нитями, что наука только послѣ долгихъ усилій успѣваетъ разглядѣть ихъ. Какая, кажется, связь между пынѣшними нашими судебными учрежденіями и божьими судами, а между-тѣмъ, связь существуетъ, что мы и покажемъ въ настоящей статьѣ.

Измѣненія въ формѣ суда не суть явленія случайныя; эти измѣненія происходятъ вслѣдствіе движенія народнаго сознанія, его убѣжденія о правдѣ и неправдѣ. Съ этой точки зрѣнія мы встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ двѣ великія эпохи суда — судъ Божій и судъ человѣческой.

Изъ самаго слова «судъ», понятно, что божьи суды не были явленіемъ первоначальнымъ; имъ предшествуетъ состояніе личнаго самоуправства, кровавой мести. Какъ явленіе, въ которомъ индивидуальная воля подчиняется высшему началу, божьи суды обозначаютъ эпоху прочаго сложенія общественной жизни.

Подъ пленемъ Божьихъ судовъ разумѣются испытанія желѣзомъ, огнемъ, водою, и поединки. Это названіе вполне справедливо, потому-

что здѣсь судъ производитъ какъ—бы само Божество, а люди только свидѣтельствуютъ его приговоръ. Первоначальная форма Божьихъ судовъ — ордалин или испытанія огнемъ и водою. Ордалин существовали у всѣхъ народовъ въ первый періодъ ихъ жизни: у индійцевъ, евреевъ, грековъ, германцевъ, скандинавовъ и у русскихъ. Въ «Русской Правдѣ» въ первый разъ встрѣчаются постановленія о нихъ: «Искавшие ли послуха не налѣзуть, а истця начнетъ головою клепати: тогда дати ямъ правду желѣзо, токо же и во всѣхъ тяжахъ, въ татьбѣ, въ поклепѣ, оже не будетъ лица, то тогда дати ему желѣзо изъ неволи до полугривны золота; аже ли мнѣ, то на воду, оля то до дву гривень; аже мене, то ротъ ему или по своѣ куны». Въ другой разъ о нихъ упоминается въ договорѣ Смоленска съ голландцами (1223): «Русину же не лѣзъ вмати Нѣмчина на желѣзо, такоже и Нѣмчину Русина; аже возлюбитъ самъ своею волею, то его воля».

Что жъ это былъ за судъ? на какой идеѣ онъ основывался, какъ достигалась здѣсь правда? Почти всеобщее мнѣніе, что это было шарлатанство жрецовъ, потому—что кипятокъ и огонь вредятъ равно и правому и виновному. Но съ такимъ положеніемъ не можетъ согласиться юристъ. Если ордалин существовали въ—теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, если отъ нихъ отвыкли люди только вслѣдствіе совершеннаго измѣненія въ религиозномъ сознаніи, значитъ онѣ удовлетворяли времени и посредствомъ ихъ достигалась правда, торжествовалъ правый, наказывался виновный. Постараемся доказать это, сколько возможно проще и короче.

Первобытный человѣкъ жилъ одною жизнью съ природою; того антагонизма, который теперь существуетъ между духомъ и матеріей и который развитъ христіанствомъ, еще не существовало. Природа не была для него безчувственнымъ предметомъ; она одухотворялась имъ; онъ хранилъ съ нею какое—то братское дружество: и вѣтеръ, и дѣсъ, и огонь, и солнце, и рѣка — все это было для первобытнаго человѣка живымъ существомъ, и притомъ высшимъ его божествомъ; мало того, каждое животное, каждый былинка представлялись ему живущими съ нимъ одною жизнью, раздѣляющими его радости и горе. Такое единство съ жизнью природы усматривается отчасти и теперь въ томъ слоѣ общества, до котораго не проникла наука и не разрушила еще этой гармоніи. Возьмите, напримѣръ, крестьянина, и вы увидите въ какихъ дружныхъ отношеніяхъ онъ находится къ природѣ.

Эта гармонія, будучи удѣломъ младенческаго состоянія народа, есть вѣсть съ тѣмъ, но уже какъ сознательная, результатъ самаго высшаго духовнаго развитія. Русскій поэтъ, сказавшій про Гёте: «Съ

вину говорила морская волна», сказалъ ему самую высшую похвалу. Для того, кто хотя нѣсколько знаетъ нашу народную поэзію, ясно, что языческій славянинъ точно такъ же одухотворялъ, олицетворялъ и обоготворялъ природу, какъ индеецъ и какъ грекъ: это общечеловѣческій процессъ.

При такомъ воззрѣніи язычника на природу и ея силы, понятно, что когда споръ былъ запутанъ, то-есть не было на-лицо матеріальныхъ доказательствъ, свидѣтелей и т. под., призывались въ помощь вездѣ-сущіе свидѣтели: воздухъ, огонь, вода: они все видятъ, все знаютъ, поэтому должны доказать, кто правъ, кто виновенъ. Въ одной индійской поэмі героиня Дамаянти призываетъ въ доказательство своей невинности вѣтеръ, и тотъ человѣческимъ голосомъ подтверждаетъ ея правоту. Мы не имѣемъ надобности развивать это положеніе: его основаніе общезвѣстно, а подробности принадлежатъ исторіи литературы. Отсюда совершенно понятно, почему силы природы призывались къ свидѣтельству, когда дѣло было темное. А много ли дѣлъ было ясныхъ? Очень-немного. Въ настоящее время мы доказываемъ невинность въ уголовномъ процессѣ какъ-то математически: взвѣшиваемъ и измѣряемъ обстоятельства pro и contra, и на какой чашкѣ вѣсовъ перевѣсъ этой тяжести, тамъ и истина. Но къ такому анализу не былъ способенъ первобытный человѣкъ, оттого судъ, судебный процессъ, изреченіе рѣшенія — все это носило характеръ божественный, сверхъестественный. Такъ было, напримѣръ, у евреевъ, такъ было у грековъ и римлянъ въ первый періодъ ихъ жизни. У римлянъ самыя уголовныя наказанія носили характеръ умиловительной жертвы божеству. У древнихъ германцевъ судьи сходятся у священнаго дуба; выраженіе лица ихъ и поза должны быть необыкновенны; судья долженъ сидѣть, по выраженію саксонскаго зеркала, *gris grimrender Löve* (какъ грознорыкающій левъ); всѣ атрибуты суда указываютъ на его языческорелигіозное значеніе. Для такого суда лучшимъ доказательствомъ должно было быть свидѣтельство божества, то-есть стихій; потому-что стихіи были божествами.

Переходимъ къ другому, болѣе-трудному вопросу. Какимъ образомъ при испытаніяхъ желѣзомъ и водою достигалась правда? Было вѣрованіе, что раскаленное желѣзо не обожжетъ правого — прекрасно! Но слушался ли огонь этой вѣры? Дѣйствительно такъ. Въ этомъ случаѣ представляется намъ прекрасное доказательство того, какъ науки, самыя отдаленныя, поясняютъ другъ друга. Чтò общаго, кажется, между правовѣдѣніемъ и физикой, а между-тѣмъ, одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ исторіи права, о которомъ мы говоримъ теперь, объясняется физикой вполне-удовлетворительно. По современнымъ физическимъ из-

сѣдованіямъ положительно доказано, что человекъ можетъ опустить голую руку въ кипящую массу и держать ее тамъ безвредно нѣсколько секундъ, то—есть столько времени, сколько вполне—достаточно для того, чтобъ со дна котла вынуть кольцо, какъ это обыкновенно употреблялось при ордаліяхъ; онъ можетъ пройти босыми ногами по раскаленному желѣзу и т. п. Отчего же происходитъ, что одни могутъ безвредно, напримѣръ, ходить по раскаленному желѣзу, а другіе нѣтъ? Физика объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: на части человѣческаго тѣла, напримѣръ, рукѣ, при соприкосновеніи съ раскаленнымъ желѣзомъ, или кипящей массой, образуется особеннаго рода испарина, которая, по упругости своей, препятствуетъ на нѣсколько секундъ непосредственному соприкосновенію кожи съ раскаленнымъ предметомъ; но обыкновенно человекъ, зная губительную силу огня, дрожитъ при этомъ опытѣ, и тогда образуется на его тѣлѣ холодный потъ, который не можетъ служить предохраненіемъ. Если же у подвергающагося опыту есть твердое убѣжденіе въ этой научной истинѣ, онъ всегда выйдетъ изъ него побѣдителемъ. Французскій естествоиспытатель, занимавшійся этимъ вопросомъ, видѣлъ множество этого рода опытовъ на горныхъ заводахъ; но самъ, какъ ни было глубоко его научное убѣжденіе, рѣшившись на испытаніе, почувствовалъ дрожь и остановился. Онъ, между—прочимъ, говоритъ, что и при чувствѣ робости можно безопасно совершить опытъ, натерши руку, или другой дѣйствующій при испытаніи членъ жидкостью, препятствующею образованію холоднаго пота; а безъ этого пособія подвергаются безопасно опыту только простые работники, у которыхъ сильно дѣйствуетъ убѣжденіе въ тайныя силы природы.

Взявъ этотъ выводъ естественныхъ наукъ, обратимся къ ордаліямъ. Мы видѣли, что первобытный языческій человекъ вѣровалъ въ природу, обоготворялъ ее; онъ былъ убѣжденъ, что божество, пребывающее въ раскаленномъ желѣзѣ, заступится за него, если онъ правъ. Итакъ, когда онъ былъ вполне убѣжденъ въ своей правотѣ, напримѣръ, что онъ не совершилъ убійства, въ которомъ его обвиняютъ, то смѣло и твердо опускалъ руку въ кипятокъ, или бралъ полосу раскаленнаго желѣза — и торжествовалъ; напротивъ, неправый дрожалъ и, естественно, погибалъ отъ испытанія. Все это доказываетъ то старое положеніе, что наука никогда не даетъ человеку такого познаго убѣжденія, какъ религія, даже языческая. Ученый нашего времени, о которомъ мы говорили, задрожалъ предъ опытомъ, хотя научно и былъ убѣжденъ въ его безопасности, а въ первобытное время правые, не только мужчины, но и женщины не дрожали: они вѣрили!

Но не съ однимъ только индивидуальнымъ вѣрованіемъ приступалъ

къ ордалиямъ древній язычникъ: религиозные обряды ободряли его. Ордалии находились подъ завѣдываніемъ жрецовъ; у насъ до-сихъ-поръ сохранились остатки этихъ языческихъ заклинаній въ заговорахъ противъ жельза, пуль, стрѣль. На Западѣ католическая церковь, послѣ безплодной борьбы противъ ордалій, приняла ихъ подъ свое покровительство, и въ церквахъ находились освященные орудія испытанія; такимъ-образомъ убѣжденіе въ ордалии получило тамъ на нѣкоторое время христіанское освященіе; духовенство сдѣлалось смотрителемъ за ордалиями, чѣмъ прежде были языческіе жрецы.

Намъ остается объяснить еще одну темную сторону ордалій. Изъ сказаннаго нами понятно, почему онѣ употреблялись въ уголовномъ процессѣ; но чѣмъ объяснить ихъ употребленіе въ гражданскомъ? А между-тѣмъ, «Русская Правда» прямо опредѣляетъ испытаніе водою и жельзомъ, въ случаѣ спора о долговыхъ обязательствахъ. Для насъ это странно. Въ-самомъ-дѣлѣ, какое можетъ быть внутреннее убѣжденіе въ большей части гражданскихъ исковъ? У насъ это дѣло вовсе не совѣсти, а чисто-матеріальное. Ни истецъ, ни отвѣтникъ не знаютъ основательно, кто правъ изъ нихъ; можно вполне добросовѣстно начать тяжбу и проиграть ее, потому-что у противника окажутся лучшіе документы; словомъ, гражданскій процессъ есть холодное, искусственное дѣло; въ немъ ищется не абсолютная истина, а только формальная (*veritas juridica*). Но не то въ младенческомъ быту. Здѣсь и гражданскій искъ — непосредственно дѣло совѣсти, точно такъ же, какъ и уголовный. Между ними нѣтъ той пропасти, которая теперь существуетъ. Актовая сторона гражданскаго права была неизвѣстна, слѣдовательно, всѣ обязательства были основаны на вѣрѣ и совѣсти. Въ древнихъ нашихъ завѣщаніяхъ мы часто встрѣчаемъ выраженія, указывающія на такое пониманіе долговыхъ обязательствъ. Одна княгиня, исчисляя свои долги, проситъ наследниковъ, чтобъ «свели ихъ съ ея души»; одинъ новгородецъ XIV-го вѣка, послѣ исчисленія своихъ долговъ, прибавляетъ: «а больше ничего никому не долженъ, только Богу душою». И теперь мы видимъ, что законъ и общественная нравственность расходятся въ своемъ возрѣшнн на силу долговыхъ обязательствъ: законъ даетъ полное значеніе крѣпостнымъ актамъ, гораздо-меньше другимъ письменнымъ и почти никакого словеснымъ; а общественная нравственность напротивъ, считаетъ самымъ сильнымъ словесный долгъ, называетъ его «долгомъ чести...» Но мы удалились отъ нашего предмета. Мы желали показать основаніе прихѣненія ордалій и въ гражданскихъ искахъ. Не будемъ представлять здѣсь воспроизведенія цѣлой картины Божьяго суда: для этого русскіе источ-

ники слишкомъ—недостаточны; цѣль наша — уяснить его идею и показать процессъ человѣческой логики въ постепенномъ переходѣ отъ суда Божьяго къ человѣческому.

Ордалии (въ смыслѣ испытаній) могли существовать только до-тѣх-поръ, пока жило вѣрованіе въ божественность стихій, въ матеріальное присутствіе божества. Но извѣстно, что такое вѣрованіе — первая ступень въ развитіи религіознаго сознанія. Поэтому вслѣдъ за ордалями появляется второй видъ божьихъ судовъ — поединки. Здѣсь то же вѣрованіе, что и въ ордаляхъ, то-есть что божество укрѣпитъ руку праваго, и онъ побѣдитъ виновнаго, хотя бы силы ихъ были равны или даже виновный былъ сильнѣе; но это вѣрованіе здѣсь не въ той безграничной степени, какъ въ ордаляхъ. Въ ордаляхъ человѣкъ не играетъ никакой роли, дѣйствуетъ одно божество; человѣкъ чисто въ пассивномъ состояніи; а въ поединкахъ божество нисходитъ на второй планъ: человѣкъ дѣйствуетъ, божество ему помогаетъ. Поэтому и въ логическомъ и въ историческомъ процесѣ поединки стоятъ послѣ ордалий. Поединокъ, впрочемъ, не оставался въ одномъ видѣ; онъ пзмѣнялся по мѣрѣ развитія религіознаго сознанія: это мы докажемъ памятниками русскаго права. Теперь остановимся нѣсколько на самомъ понятіи поединка. Торжествовала ли въ немъ правда? Конечно. По общему понятію нашего времени, на поединкахъ торжествовалъ сильный и искусный боецъ, хотя бы онъ былъ неправъ. Но такъ можно думать о поединкахъ только безъ живаго пониманія той среды, гдѣ онъ жилъ, какъ органъ правды. При убѣжденіи, что божество само присутствуетъ на поединкѣ и укрѣпляетъ праваго, виновный былъ побѣжденъ еще до начала боя: ему казалось, что земля подъ нимъ дрожитъ, народъ ему угрожаетъ; онъ терялся, дрожалъ, а этого одного достаточно, чтобы быть побѣжденнымъ даже слабѣйшимъ. Вспомнимъ поэтическій разсказъ о томъ, какъ собака побѣдила на поединкѣ рыцаря, убійцу своего господина. Этимъ сюжетомъ, то-есть побѣдою слабого, но праваго, надъ сильнымъ, пользовались романисты нашего времени, напримѣръ, Вальтеръ Скоттъ или нашъ Лажечниковъ (въ романѣ «Бусурманъ»).

Мы видѣли, что языческая религія укрѣпляла шедшихъ на ордалии; то же самое имѣло мѣсто и относительно поединковъ, какъ языческо-религіознаго дѣйствія. Объ этомъ мы имѣемъ историческія свидѣтельства. Въ актѣ Стоглаваго Собора (1551 г.) сказано: «Нѣдци не прямо тяжутся... на полѣ бьются и кровь проливають, и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ, кудесы бьютъ, и во Аристотелевы Врата и въ Рафли смотрять, и по звѣздамъ и по ланитамъ глядають, и смотрять дней и часовъ..., и на тѣ

чарованія надѣясь, покленца и ябедникъ не мирится». Эти чародѣи — остатки жрецовъ; Аристотелевы Врата и Рафлн — проклятыя церковью книги языческой мудрости.

Переходимъ къ исторіи поединка. Будемъ опять слѣдить только самое развитіе той идеи, которая лежала въ нѣхъ основѣ. Нельзя отрицать существованіе поединковъ у русскихъ славянъ въ древнѣйшее время, то-есть въ IX-мъ и X-мъ вѣкахъ. Есть много причинъ думать, что тѣ разбои, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ во время св. Владиміра и о которыхъ говорить «Русская Правда», отличая ихъ отъ обыкновеннаго разбоя («разбоя безъ всякія свады») были поединки. Далѣе о поединкахъ упоминается въ договорѣ Смоленска съ готландцами: «Русину же нелзѣ позвати пѣмцича на поле въ Смоленскѣ, ни пѣмцичу въ Ригѣ или на готскомъ берегѣ, или (то-есть, но если) нѣмечкій гость битися на Руся межи собою меци или сулицами, князю то не надобѣ». Положительныя постановленія о поединкахъ, или, какъ ихъ называли въ древней Россіи «поле», встрѣчаемъ въ первый разъ въ Псковской Судной Грамматѣ, затѣмъ въ обонхъ судебникахъ (Ивана III и Ивана IV) находится самое подробное постановленіе о внѣшней сторонѣ поля. Для нашей цѣли всего важнѣе постановленія Псковской Судной Грамматы; ихъ немного, но по нимъ можемъ возсоздать процессъ движенія идеи поединка, чего нельзя сдѣлать по судебникамъ. Вотъ эти мѣста: «А жонка съ жонкою присужать поле, а наймиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону». «А противъ послуха истець старь, или младь, или чѣмъ безвѣченъ, или попъ, или чернецъ, ино противъ послуха нанять вольно наймита, а послуху наймита нѣтъ». Эти мѣста Псковской Судной Грамматы показываютъ поединокъ уже во второобразной его формѣ; но по нимъ легко возсоздать первообразную. Мы видѣли основаніе поединка. По первоначальной его идеѣ было рѣшительно все-равно, имѣютъ ли равную или неравную силу противники: божество было достаточно-сильнымъ, чтобъ укрѣпить слабого и доставить ему побѣду надъ сильнѣйшимъ: здѣсь—то и проявлялась во всемъ блескѣ сила божества (или, по нашему пониманію, сила убѣжденія). Поэтому вначалѣ поединокъ былъ вполне возможенъ между увѣчнымъ и здоровымъ, старикомъ и юношей, опытнымъ бойцомъ и духовнымъ лицомъ. Но когда мало-помалу начала слабѣть эта вѣра, божество стало терять свою непосредственность; оно получало силу, то-есть давало побѣду правому только тогда, когда силы противниковъ не были слишкомъ-неравномѣрны. Отсюда появляется учрежденіе подставни, или «наймитовъ». Тамъ, гдѣ силы были слишкомъ-неравномѣрны, дозволяется слабѣйшей сторонѣ ставитъ наймита, именно: женщинѣ противъ мужицы, ребенку противъ

взрослаго, увѣчному противъ здороваго, монаху противъ мірянина. За этими исключеніями болѣе нѣтъ наймитовъ, хотя, конечно, и тутъ могло быть еще значительное неравенство силъ, но божество уравновѣшивало. Поэтому и женщина противъ женщины должна была лично биться. Мало-по-малу учрежденіе наймитовъ съ паденіемъ вѣры въ поединокъ расширяется, и по Судебнику Ивана III общее правило: бойцу биться съ бойцомъ, небойцу съ небойцомъ, то-есть если одна сторона, вследствие своей слабости, напримѣръ, женщина противъ мужчины, ставитъ наймита, то и противникъ имѣетъ право сдѣлать то же. Впослѣдствіи наймиты дозволены неограниченно, такъ-что въ половинѣ XVI-го столѣтія бьются только они, а не сами тяжущіеся: «Готовъ биться на погѣ и наймита ставлю» — обыкновенный отвѣтъ подсудимаго. Такимъ-образомъ идея божества постепенно слабѣла въ поединкѣ, видоизмѣняя его и наконецъ вовсе уничтожила его относительную разумность. Коль скоро бьются наймиты, то не можетъ быть и рѣчи о силѣ внутренняго убѣжденія, слѣдовательно является одна дикая форма безъ того содержанія, которое давало ей жизнь и смыслъ. И — фактъ чрезвычайно-поучительный — чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ Судебника Грознаго, въ которомъ весьма-подробно опредѣлена форма поединка съ наймитами, онъ исчезаетъ изъ законодательства, а къ концу XVI-го вѣка даже и изъ народнаго обычая. Форма безъ содержанія ничего не значить, и у русскаго народа было столько здраваго смысла, что онъ понялъ ея безнравственность и бросилъ ее. Отсюда прямой переходъ къ суду человѣческому — по словамъ, по доказательствамъ актовымъ.

Но не вдругъ окончила свое существованіе языческо-религіозная идея суда. Между судомъ божьимъ и судомъ человѣческимъ есть посредствующее звено: это та форма словеснаго процесса, на которой еще лежитъ религіозное воззрѣніе. Мы обладаемъ въ исторіи нашего права памятникомъ, въ которомъ находится классическое мѣсто для сознанія этого перехода, именно: въ Псковской Судной Грамматѣ мы читаемъ о словесномъ процессѣ: «А на судъ помощью не ходитъ; лѣсти въ судебнику двѣма сутяжникомъ. А пособниковъ не было ни съ одной стороны, опрнчъ жонки, или за дѣтину, или за черница, или за черницу, или который человекъ старъ вельми, или глухъ, или за тѣхъ пособику быти». Разбирая это мѣсто, ясно видимъ въ немъ переходъ отъ божьяго суда къ человѣческому: судотвореніе это тотъ же бой, но бой словами. Слово судебное представляется не только какъ дѣло человѣческаго умѣнія, но и какъ вдохновеніе божества, которое даетъ силу и искусство менѣе-смышленому, но правому. Поэтому «пособики», то-есть адвокаты допускаясь только въ томъ случаѣ, когда было слыш-

комъ—большое неравенство въ нравственныхъ сплахъ тяжущихся, именно, когда одинъ изъ нихъ былъ увѣчный, старикъ или женщина. Слѣдовательно здѣсь повторилось то же движеніе идеи, которое было въ поединкахъ: адвокатъ соотвѣтствуетъ наймиту. Слѣдя далѣе эту аналогію между поединкомъ и словеснымъ процесомъ, видимъ, что результатъ послѣдняго былъ тотъ же, что и перваго, то—есть съ окончательнымъ паденіемъ языческо—религіознаго убѣжденія обѣ стороны получилъ право ставить вмѣсто себя адвокатовъ. Но наше нынѣшнее право досихъ—поръ сохранило яркіе слѣды прежняго религіознаго понятія о словесномъ судѣ: адвокатура не признается въ уголовномъ процесѣ. Любопытно и поучительно, что простонародное убѣжденіе не въ одной Россіи идетъ противъ адвокатуры въ уголовномъ судопроизводствѣ. Для него представляется болѣе—нравственнымъ, когда обвиняемый самъ себя защищаетъ; адвокатъ—наемное лицо; у него нѣтъ живаго, непосредственнаго сознанія правоты. Мы сказали, что судотвореніе имѣло также отчасти религіозный характеръ. Если это такъ, то, слѣдовательно, и здѣсь должно быть участіе языческой религіи въ укрѣпленіи идущаго на словесный судъ, подобно тому, какъ это она дѣлала при ордаціяхъ и поединкахъ. Дѣйствительно, во II—мъ томѣ «Архива» г. Калачова мы находимъ заговоръ плущему на судъ: «Господи Отче благослови и зло на врань сквиємъ 327 железнехъ ключей, оловянехъ и жѣднехъ. Заклучи имъ, Господи, моемъ супротивникомъ, умъ, и языкъ, и сердце, отъ нихъ же зломыслеть не ми да суть. А мене да полетить языкъ всемъ властителомъ и судіамъ помне ее яко дедрословеснику попу евангеліе. Заклапп, Господи, моимъ супротивникомъ языки, яко пресонтеръ св. евангеліе, и азъ рабъ Божій имя рекъ въ красоту издохъ и у зависть всемъ, всегда, нынѣ и присно и вѣки вѣкомъ, аминъ».

Такъ совершился процессъ перехода божьяго суда въ человѣческой. Но что же двигало и вповажняло этотъ процессъ? Естественная ли сила развитія, или какая-нибудь другая? Для новыхъ народовъ это была другая сила—христіанство. Оно было принято тогда, когда процессъ языческаго сознанія далеко еще не кончилъ своего развитія, и мало—попалу разрушило въ—теченіе нѣсколькихъ вѣковъ языческо—религіозный характеръ суда. Эта борьба христіанскихъ началъ съ языческими происходила во всѣхъ сферахъ человѣческой, общественной и частной жизни; она отразилась въ измѣненіи понятія о судѣ. Но нигдѣ, можетъ—быть, побѣда христіанства надъ языческими началами не была такъ трудна, какъ въ этой сферѣ, потому—что характеръ суда—коренное произведе-

ніе народнаго духа. На Западѣ усилія церкви противъ ордалій долгое время были безплодны; то же самое было и относительно поединковъ, которые подъ вліяніемъ рыцарства приняли новый видъ дуэли, и въ этомъ видѣ перешли въ XVІІІ-мъ вѣкѣ и къ намъ, и до-сихъ-поръ, несмотря на всѣ усилія законодательства, не перестали существовать.

Обращаясь къ нашему праву, видимъ, что съ самаго принятія христіанства церковь выступила противъ судовъ божьихъ. У Нестора есть классическое мѣсто о началѣ этой борьбы: «И умножишеся разбоевъ, и рѣша епископи Володиміру: умножишися разбойницы, и почто не казниши ихъ? Онъ же рече: боюся грѣха. Они же рѣша ему пакы: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ и на милованіе добрыхъ: достоятъ ти казнити разбойники, но съ испытаніемъ. Володиміръ же отвергъ виры, абіе нача казнити разбойники. И рѣша старцы и епископы: рать многа, а ежъ вира, то на оружьи и на конехъ буди. И рече Володиміръ: да тако буди. И живяше Володиміръ по устроению дѣдию и отию.» Это мѣсто объясняли наши изслѣдователи по-крайней-мѣрѣ на десять ладовъ, и всякій разъ сознавался, что выходитъ противорѣчіе, а между-тѣмъ смыслъ его ясенъ. Баронъ Розенкампфъ и г. Калачовъ положительно доказали, что слово разбой означало также и поединокъ, и кровавую месть, и вообще самоуправство. Церковь, въ лицѣ епископовъ, проситъ Володиміра казнити разбойниковъ. «Казнить» употреблялось въ древней Руси въ смыслѣ «наказать», слѣдовательно «казнить со испытаніемъ» на языкѣ епископовъ означало: подвергать, послѣ правильного суда, уголовному наказанію поединщиковъ, и вообще всѣхъ виновныхъ въ языческомъ самоуправствѣ, тогда-какъ тогдашніе земскіе законы не знали вообще другаго наказанія за преступленіе кромѣ виры, то-есть денежной пени. Владиміръ, какъ человекъ, выросшій среди языческихъ понятій, отвѣчалъ: «боюся грѣха», то-есть его смущала мысль разрушить вѣковой обычай народа. Въ такомъ положеніи былъ не одинъ Владиміръ, а и всѣ новообращенные въ христіанство германскіе куннги: Альфонсъ ІІ желалъ уничтожить поединки, но большая часть народа стояла за нихъ, и король положилъ рѣшить споръ, быть или не быть поединкамъ—поединками! Съ одной стороны вышелъ защитникъ народнаго обычая, съ другой—правильнаго суда, они сразились; первый побѣдилъ, и поединки были сохранены. Но Владиміръ уступилъ: уничтожилъ виры. Отчего же, вслѣдъ за этимъ уничтоженіемъ, не только старцы, какъ блюстители народнаго обычая, но и сами епископы просятъ князя возстановитъ старый порядокъ? Дѣло очень понятно: виры были главнымъ доходомъ князя; вспомнимъ при этомъ, что князь во-первыхъ, до окончательнаго утвержденія христіанства, содержалъ духо-

венство десятинами изъ своихъ доходовъ, восторыхъ, князь давалъ оружіе и коней не только дружинѣ, но и земскому ополченію («княже! выдай намъ оружіе и коней», говорили кievляне Изяславу): поэтому, внезапное уничтоженіе виры имѣло невыгодныя послѣдствія для духовенства и особенно для государства, потому—что Владиміръ велъ безпрестанныя войны. Поэтому вполне понятны слова епископовъ и старцевъ: «князь! тебѣ надобно постоянно держать войско въ полѣ; возстанови виры, тогда будешь имѣть средство на оружіе и коней.» Владиміръ согласился и сталъ снова жить по уставу отцовъ и дѣдовъ.

Итакъ, у насъ была финансовая причина побѣды на первый разъ языческаго процесса. Онъ является вполне—торжествующимъ въ Русской Правдѣ, въ значительной части въ Псковской Судной Грамматѣ и въ обоихъ Судебникахъ. Но рядомъ съ гражданскимъ обществомъ существовало другое, церковное, въ которомъ господствовали другія начала права. Надобно, впрочемъ, удивляться силѣ языческаго суда: несмотря на проклятіе церкви, поединки существуютъ до конца XV—го вѣка. Мало того, они признаны законодателемъ такимъ, каковъ былъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Соборы едва успѣваютъ оградить духовенство отъ поединковъ. Изъ акта Стоглаваго Собора видно, съ какой стороны приступила церковная власть къ уничтоженію поединковъ. Мы упоминали, что поединки, какъ актъ языческо—религіознаго сознанія, были связаны съ заклятіями, которыя вначалѣ, конечно, произволились жрецами, а послѣ введенія христіанства—чародѣями и волхвами, то—есть тѣми лицами, которыя наследовали мистическую часть древней религіи. Противъ этихъ лицъ, которыя поддерживали въ народѣ языческія вѣрованія, и вооружился Стоглавый Соборъ и проклялъ книги, въ которыхъ заключалась ихъ мудрость, какъ—бы оставляя въ покоѣ самые поединки. Но ясно, что когда усилиями церкви были истреблены эти лица и книги, то поединки, будучи лишены своей мистической опоры, не могли болѣе существовать.

Безъ сомнѣнія, весьма—поучительно прослѣдить подробно побѣду христіанскаго суда надъ язычествомъ; но, по скудости извѣстій, это невозможно. И немудрено: это была внутренняя, глухая борьба, борьба въ сознаніи, невыказывавшаяся ни въ чемъ осязательно, а поэтому она и прошла какъ—бы незамѣтно. А между—тѣмъ, здѣсь совершался величайшій актъ въ процессѣ развитія духа русскаго народа.

Замѣчательно, что когда формы христіанскаго процесса одолевали языческія, то и на нихъ оказывалось вліяніе языческаго воззрѣнія, наприимѣръ, на присягѣ. Начиная съ Псковской Грамматы и оканчивая уложеніемъ, встрѣчаемъ слѣдующія постановленія относительно прися-

ли : за родителейъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны присягать дѣти, за помѣщиковъ—крестьяне, за гостей—ихъ прикащики, наконецъ, вмѣсто царя, при заключеніи трактатовъ, иногда присягали бояре. Такое явленіе съ перваго раза озадачиваетъ: христіанская присяга и обязанность другаго лица приносить ее за того, кто долженъ—это два понятія несовмѣстимыя. Допуская второе положеніе, уничтожается сила и смыслъ присяги; а между-тѣмъ, такое явленіе въ нашемъ правѣ объясняется очень—просто : перенесеніемъ на христіанскую присягу учрежденія наймитства и замѣны, употреблявшихся при божьихъ судахъ.

Разсматривая значеніе Божьихъ судовъ, сравнительно съ смѣшанными ихъ судомъ человѣческимъ, мы должны сказать, что въ нихъ, какъ и во всѣхъ явленіяхъ первобытной жизни, есть та непосредственность, то напвное вѣрованіе въ правду, котораго недостаетъ послѣдующему быту. Съ человѣческимъ судѣ идея правды является для массы закрытою сложными и медленными формами; мало того, казуистика лишаетъ ее той святости (опять въ глазахъ массы), безъ которой невозможно ея нравственное существованіе. Нужно долгое развитіе для народа, чтобы идея правды, со всѣми этими сложными и отвлеченными формами, получила въ его глазахъ нравственное значеніе, какъ, напримѣръ, въ настоящее время во Франціи. Тяжко бываетъ для народа то переходное состояніе, которое лежитъ между паденіемъ божьихъ судовъ и нравственнымъ сознаніемъ святости человѣческаго суда. Отсюда такое страшное состояніе правосудія у насъ въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкѣ, сутажничество, взяточничество, кривда. Мы не говоримъ о XVIII-мъ и XIX-мъ вѣкѣ... Чернымъ покрываломъ подернулась правда въ сознаніи нашего народа. Это покрывало снимется тогда, когда, вслѣдствіе нравственнаго развитія, чувство долга укоренится въ сердцахъ и всѣ будутъ преклоняться передъ закономъ.

А. ЛОХВИЦКІЙ.

ПАМЯТНИКИ И ПРЕДАНИЯ

ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Статья первая.

Множество церквей, богатыя въ нихъ украшенія, зажиточность простаго народа, промышленное развитіе края, заводы, фабрики, мануфактуры — все это невольно возбуждаетъ любопытство и желаніе узнать: какинъ образомъ народонаселеніе Владимірской Губерніи дошло до настоящей степени матеріальнаго развитія и народнаго благосостоянія. Любознательность, возбужденная настоящимъ положеніемъ, поддерживается встрѣчающимися на каждомъ шагу историческими памятниками, изустными преданіями народа и мѣстными письменными сказаніями, которые всѣ вмѣстѣ говорятъ о прошедшей судьбѣ здѣшнихъ жителей.

Вещи, изъ которыхъ много серебряныхъ и даже встрѣчаются золотыя, найденныя въ разрытыхъ въ здѣшней губерніи курганахъ, говорятъ, хотя еще неясно, о временахъ доисторическихъ. Финскія названія деревень, рѣкъ, урочищъ указываютъ на неславянское происхожденіе здѣшнихъ жителей, въ которыхъ не осталось никакихъ слѣдовъ финскаго ихъ происхожденія. Рядомъ съ первыми памятниками христіанства остались слѣды язычества въ наименованіяхъ урочищъ; какъ, на примѣръ, въ Суздаль Ярупова Улица, возлѣ Владиміра Яруповыя Гора и Долина.

Въ суздальскомъ соборѣ стоитъ гробница св. Θεодора, по преданію народному, перваго суздальскаго епископа, современника равноапостольнаго князя Владиміра и перваго проповѣдника христіанства въ землѣ суздальской. Основателемъ города Владиміра-на-Клязьмѣ владимірскіе жители издавна привыкли считать св. Владиміра въ то время, когда онъ съ греческими епископами будто-бы приходилъ въ суздальскую землю крестить народъ. Въ числѣ богатырей временъ Владиміра былъ Илья Му-

ромецъ, которому народная фантазія приписываетъ и подвиги воинственныя противъ степныхъ варваровъ и разбойниковъ, и христіанскія добродѣтели, за которыя онъ получилъ, какъ даръ Божій, богатырскую силу (1). Близъ Мурома есть с. Карачарово (2): народное повѣрье считаетъ его родиной Ильи Муромца. Тамъ показываютъ колодезь, вырытый ногой коня его. На дорогѣ изъ Мурома въ Карачарово стоитъ часовня; народъ вѣритъ, что подъ этой часовней похороненъ Илья Муромецъ.

Въ трехъ верстахъ отъ Суздаля, на берегу р. Нерли, въ казенномъ селеніи Кидекшѣ, находится мѣсто, о которомъ въ своей лѣтописи говорятъ преподобный Несторъ, гдѣ было становище первыхъ князей здѣшной страны и первыхъ мучениковъ христіанства св. Бориса Ростовскаго и Глѣба Муромскаго. Спустя полтора ста лѣтъ, правнукъ Бориса и Глѣба Юрій Долгорукій выстроилъ на этомъ мѣстѣ во имя ихъ церковь, которая сохранилась до-сихъ-поръ. Къ первымъ же временамъ христіанства въ здѣшней странѣ относятся подвиги, для распространенія вѣры, муромскаго князя Константина (Ярослава Святославича) и дѣтей его Михаила и Θεодора, жившихъ въ концѣ XI-го и въ началѣ XII-го столѣтій. Церковь признала ихъ святыми; гробницы ихъ стоятъ въ муромскомъ Благовѣщенскомъ Монастырѣ. Въ это же время, или нѣсколько позже, жилъ другой св. князь муромскій Петръ (Давидъ) и супруга его Февронія. Общая гробница ихъ стоитъ въ муромскомъ соборѣ. Въ началѣ XII-го столѣтія пострадалъ за вѣру въ Волжской Болгаріи Авраамій, въ которой онъ торговалъ, будучи богатымъ купцомъ. Мощи его находятся во владимірскомъ женскомъ Успенскомъ Монастырѣ. Къ ревности первыхъ же вѣковъ христіанства въ суздальской странѣ относится жизнь переславскаго чудотворца Никиты Столпника, который жилъ въ концѣ XII-го вѣка, и къ которому впоследствии имѣли такую вѣру московскіе государи (3).

Но возвратимся къ с. Кидекшѣ. По сказанію народа, тутъ было загородное жилище князей суздальскихъ; сюда, по тому же сказанію, князь Юрій

(1) Серг. Соловьева. «Истор. Росс.» т. I, (изд. 2), стр. 183, 265, 268 и 269.

(2) Гр. Уварова.

(3) О. Іоасафа рукоп. «Кратк. свѣдѣнія о св. угодникахъ Влад. Епарх.» О смерти Авраамія упоминается въ лѣтописи. См. «Пол. Собр. Рус. Лѣт.» т. I, стр. 192. О. Іоасафъ въ князѣ Петрѣ видитъ Давида, умершаго въ 1228 году; а Карамзинъ предполагаетъ, что не сынъ ли это Давида, который умеръ въ одинъ годъ съ отцемъ. См. Карамзин. III, прим. 369.

Владимировичъ Долгорукій хотѣлъ перенести самый городъ, но, утраченный какимъ-то видѣніемъ, покинулъ это мѣсто, почему оно и получило названіе Кидекши (4). Въ кидекшинской церкви похороненъ одинъ изъ сыновей Долгорукова, князь суздальскій, Борисъ Юрьевичъ. Годъ смерти (6667 или 1159) въ надгробной надписи, съ перваго взгляда, отнимаетъ всякое сомнѣніе въ древности построения храма (5). Здѣшніе жители извѣстно также, что Юрьевъ-Польскій основанъ, а Переяславль перенесенъ на другое мѣсто Юріемъ Долгорукимъ. Городище на берегу Плещеева-Озера намекаетъ на прежнее мѣсто города, который, вѣроятно, имѣлъ другое мѣстное названіе. Георгіевская Церковь во Владимірѣ, Спасопреображенскій Соборъ въ Переяславлѣ и Георгіевскій Соборъ въ Юрьевѣ носятъ на себѣ всѣ признаки древности, несмотря на послѣдующія перестройки. Они всѣ сложены изъ бѣлаго камня, точно такъ же, какъ и кидекшинская, и, по сказанію лѣтописей, построены въ одно время съ кидекшинскою, въ 1152 году (6). Изъ нихъ больше всѣхъ удержали характеръ древности: переяславскій соборъ и кидекшинокая церковь.

Но особенно сохранилось въ памяти народа преданіе, украшенное народною фантазіей, о смерти основателя владимірскаго великаго княжества Андрея Боголюбскаго. Гробница Андрея Боголюбскаго и его

(4) Ананія Федорова «Историч. Собр. о гор. Суждалѣ» (помѣщенное во «Времен. Москов. Общ. Истор. и Древн. Росс.» 1855 года, кн. 22); стр. 90 и 91.

(5) «Полн. Собр. Русс. Лѣт.» т. I, стр. 149. «Въ лѣто 6667 преставися Борисъ князь Гюргевичъ, мѣсяца мая въ 12-й день; и положиши и братья въ церкви святаго мученику, юже бѣ создалъ отецъ его Гюрги на Нерли, идѣ же бѣ становище святаго мученику Бориса и Глѣба».

(6) Карамзина «Истор. Госуд. Росс.» т. II, прим. 376. «Того же лѣта (1152), Юрій Владимировичъ въ Суждальстѣй земли постави многи церкви каменны; созда на Нерли перковь во имя св. муч. Бориса и Глѣба, а въ Суждали Всемиловстваго Спаса; а въ Володимери св. муч. Георгія; и градъ Юрьевъ основа и церковь каменну св. Георгія, и въ Переславль преведе отъ Клещина (бывшаго недалеко отъ Переславля) заложение церкви, и заложилъ во имя Всемиловстваго Спаса. Въ Никонов. сказано, что онъ перенесъ отъ Клещина городъ Переславль». «Полн. Собр. Русс. Лѣт.» т. I, стр. 149. Послѣ сказанія о призваніи ростовцами и суздальцами на княженіе Андрея Боголюбскаго, лѣтописецъ говоритъ: «церкви украся, и монастыри постави, и церковь сконча, юже бѣ заложилъ прежде отецъ его, Святаго Спаса каменну». Въ троицк. рук. къ этому прибавлено: «Въ Переяславли новѣмъ».

юнаго сына Глѣба, который, по сказанію рукописнаго жизнеописанія, отличался особенной любовью къ народу (7), стоять во владимірскомъ соборѣ; церковь и народъ признали ихъ святыми (8). На мѣстѣ любимаго пребыванія Андрея Боголюбскаго, въ десяти верстахъ отъ Владиміра, построенъ монастырь. Всякому путешественнику въ Боголюбовѣ, въ монастырской оградѣ, покажутъ пристройку къ церкви, гдѣ онъ былъ убитъ родственниками своей жены, московскими уроженцами Кучковичами, и расскажутъ всѣ подробности предсмертной борьбы его съ убійцами; покажутъ мѣсто, куда тѣло его было выброшено убійцами и оставалось въ Боголюбовѣ нѣсколько дней непогребеннымъ, какъ-бы ожидая торжественнаго погребенія во Владимірѣ. Въ часовнѣ, на старой нижегородской дорогѣ, находятся живописныя изображенія всѣхъ событій, сопровождавшихъ смерть святаго князя, съ подробными выписками изъ житія его. Въ древнихъ лѣтописяхъ ничего не говорится о казни убійцъ Андрея Боголюбскаго; но народное преданіе, записанное позднѣйшими лѣтописцами говорить, что братъ Андрея, великій князь Михаилъ, казнилъ не только Кучковичей, но и соучастницу ихъ, жену великаго князя Андрея, Улиту. Въ семи верстахъ отъ Владиміра, въ разныя, впрочемъ, стороны, находятся два озера: одно называется «Пловучимъ», другое—«Поганымъ». Въ первомъ изъ нихъ, по преданію народному, плаваютъ Кучковичи, зашитые въ коробѣ. Плавающая, обросшія мохомъ кочки народъ принимаетъ за коробѣ. Въ другомъ озерѣ, «Поганомъ», по тому же преданію, опущена въ воду съ тяжелымъ камнемъ сестра убійцъ, Улита. Въ ночь на 29 іюня, въ которую въ 1175 году было совершено убійство, простой народъ слышитъ унылый стонъ Кучковичей, видитъ волненіе озера и колебаніе коробовъ (9).

Кромѣ пристройки къ церкви Боголюбскаго Монастыря, въ кото-

(7) Дмитревскаго. «О началѣ Владиміра, что по Клязьмѣ». Спб. 1802. Стр. 150 и слѣдующ. Тутъ же Дмитревскій прибавляетъ: «весьма удивительно, что ни кѣторая лѣтопись и исторія не только житія и кончины его (князя Глѣба), но и въ числѣ дѣтей князя Андрея не упоминаетъ».

(8) Есть преданіе, что стихи на старой гробницѣ Андрея Боголюбскаго, также, какъ на гробницѣ св. великаго князя Георгія Всеволодовича, написаны императрицей Екатериной II-й «О. Іоасафа рукоп. о Влад. Епар.» стр. 103.

(9) Преданіе это уже не разъ показывалось въ печати. О немъ писалъ Дмитревскій: «О началѣ Владиміра» Спб. 1802 года, стр. 195. Также неизвѣстный авторъ: «Взглядъ на достопамятности Владиміра» Москва. 1838, стр. 17. Но всего вѣрнѣе оно рассказано у Доброхотова «Древній Боголюбовъ городъ». Москва. 1852 г., стр. 116—118.

рой, по преданію, былъ убитъ Андрей Боголюбскій, къ его же времени принадлежитъ владимірскій Успенскій Соборъ, гдѣ онъ былъ погребенъ и гдѣ стоитъ его гробница; но соборъ этотъ утратилъ характеръ древности отъ послѣдующихъ передѣлокъ. Напротивъ, Покровская Церковь, близъ Боголюбова, уцѣлѣла отъ разрушенія и передѣлокъ. Всѣ постройки Боголюбскаго сдѣланы изъ бѣлаго камня, который привозился изъ Волжской Болгаріи ⁽¹⁰⁾.

Писатели о владимірскихъ древностяхъ хотятъ вѣрить сказанію Ипатьевской ⁽¹¹⁾ и нѣкоторыхъ другихъ лѣтописей о баснословномъ великолѣпнѣмъ боголюбовской Рождественской Церкви и владимірскаго Успенскаго Собора. По этому сказанію, обѣ эти церкви внутри съ верху до низу были убраны кованнымъ золотомъ и серебромъ; двери въ нихъ были золотыя, а въ Успенскомъ Соборѣ, сверхъ того, амвонъ серебряный и помость мѣдный. Позднѣйшіе историки ⁽¹²⁾ прибавили къ этому, что наружныя стѣны Успенскаго Собора были обложены мраморомъ, и въ числѣ драгоценной церковной утвари насчитати четыре большихъ паникадилъ золотыхъ и болѣе двадцати серебряныхъ; но мѣстные лѣтописи Лаврентьевская и напечатанная недавно въ первый разъ «Переяславля Суздальскаго» ⁽¹³⁾ гораздо—скромнѣе описываютъ богатство сооруженій Андрея Боголюбскаго; онѣ согласно между собой говорятъ, что Андрей Боголюбскій «создалъ великолѣпныя церкви во Владимірѣ и въ Боголюбѣ во имя Божіей Матери, украсилъ ихъ золотомъ, дорогими камнями, жемчугомъ, иконами и всякимъ узорчьемъ, снабдилъ ихъ церковными сосудами и на Успенскомъ Соборѣ позолотилъ верхъ». Переяславскій лѣтописецъ, жившій спустя полустолѣтіе послѣ сооруженія Успенскаго Собора, не пропустилъ бы описать его богатства, еслибъ они были въ томъ видѣ, въ какомъ передали намъ позднѣйшія прибавки къ лѣтописнымъ сказаніямъ.

Но особенно сохранился прекрасный архитектурный памятникъ конца XII—го столѣтія: Дмитревскій Соборъ во Владимірѣ, построенный братомъ Боголюбскаго, Всеволодомъ — Большое Гнѣздо. Соборъ этотъ, по

⁽¹⁰⁾ Подробныя изслѣдованія о сооруженіяхъ Андрея Боголюбскаго отчетливо и добросовѣстно сдѣланы г. Доброхотовымъ: «Памятники древности во Владимірѣ». Москва. 1849 и «Древній Боголюбовъ городъ». М. 1852 г.

⁽¹¹⁾ «Полн. Собр. Русс. Лѣт.» т. II, стр. 111, 112 и 113.

⁽¹²⁾ Князь Хилковъ и Эминъ. См. «Дмитревскаго», стр. 73.

⁽¹³⁾ «Полн. Собр. Русс. Лѣт.» т. I, стр. 150 и 156. «Лѣтописецъ Пересл. Сузд.» стр. 74 и 83.

повелѣнію въ Бозѣ почившаго Государя Николая Павловича, очищенъ отъ всѣхъ позднѣйшихъ пристроекъ и съ 1847 года находится въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ построенъ Всеволодомъ Великимъ. Онъ совершенно подобенъ, по своей архитектурѣ, сооруженіямъ Андрея Боголюбскаго, и потому по немъ можно изучать архитектуру всѣхъ каменныхъ построекъ тогдашняго времени ⁽¹⁴⁾. Ко времени же великаго князя Всеволода относится построеніе церквей въ двухъ нынѣшнихъ владимірскихъ монастыряхъ: мужскомъ Рождественскомъ и женскомъ Успенскомъ ⁽¹⁵⁾. Суздальскій Рождество—Богородицкій Соборъ хотя и основанъ во времена Андрея Боголюбскаго, но почти вновь передѣланъ при Всеволодѣ ⁽¹⁶⁾.

Отъ XIII вѣка остались, кромѣ Успенской Церкви въ женскомъ владимірскомъ монастырѣ, освященной въ 1202 году, два передѣланные собора: суздальскій, основанный и одинъ разъ передѣланный въ XII-мъ столѣтіи, разобранный до основанія и вновь сооруженъ въ 1222—1225 годахъ ⁽¹⁷⁾; Георгіевскій Юрьевскій, основанный Юріемъ Долгорукиимъ, вновь передѣланъ въ 1234 году ⁽¹⁸⁾. Характеръ этихъ зданій тотъ же, какъ и въ предыдущемъ вѣкѣ, и по архитектурѣ, и по матеріалу; они построены изъ бѣлаго камня.

Послѣдовавшее затѣмъ нашествіе монголовъ прекратило сооруженіе каменныхъ церквей. Болѣе, чѣмъ черезъ сто лѣтъ, именно въ 1352 году, въ Суздаль приступлено было къ постройкѣ церкви также изъ бѣлаго камня, и основанъ былъ Спасскій Монастырь, который впоследствии сталъ именоваться Спасо—Евфимьевскимъ. Этотъ единственный памятникъ XIV вѣка сохранился до настоящаго времени съ небольшими измѣненіями ⁽¹⁹⁾. Предполагаютъ также, что къ концу этого же столѣтія должно отнести построеніе церкви св. митрополита Петра, находящейся въ Переяславлѣ—Залѣскомъ ⁽²⁰⁾. Если эта церковь не относится къ XV вѣку, то отъ этого столѣтія до насъ не дошло ни одного

⁽¹⁴⁾ «Дмитріевскій Соборъ во Владимірѣ—на—Клязьмѣ» описанъ въ великолѣпномъ изданіи графа Строганова. Москва. 1849 г.

⁽¹⁵⁾ «Полн. Собр. Русс. Лѣтоп.», т. I, стр. 172 и 175. Успенская церковь начата въ 1200 и окончена 1202 г., слѣдовательно, точнѣе, она относится къ началу XIII-го столѣтія.

⁽¹⁶⁾ Рукописное «Церковно—историческое и статистическое описаніе Владимірской Епархіи магистра іеромонаха Іоасафа 1853 года». См. «Карамзина», т. I, прим. 171 и «Полн. Собр. Русс. Лѣт.», т. I, стр. 173.

⁽¹⁷⁾ «Полн. Собр. Русс. Лѣт.», т. I, стр. 189 и 190.

⁽¹⁸⁾ Тамъ же, стр. 196.

⁽¹⁹⁾ Рукоп. «Опис. Влад. Епар. о. Іоасафа», стр. 107 и слѣдующія.

⁽²⁰⁾ Тамъ же, 469.

архитектурнаго памятника, потому—что сомнительно также, чтобъ къ XV вѣку, какъ иные полагаютъ, принадлежала церковь въ городѣ, въ то время с. Ковровѣ, построенная князьями Ковровыми, родомъ, давно уже прекратившимся. Во всякомъ случаѣ, въ—теченіе двухъ съ половиной столѣтій монгольскаго владычества, во Владимирской Губерніи построено не болѣе двухъ или трехъ каменныхъ церквей. XVI столѣтіе оставило довольно—много памятниковъ въ видѣ каменныхъ церквей, сохранившихся до настоящаго времени. Изъ нихъ: въ Переяславѣ и его уѣздѣ 5 ⁽²¹⁾, въ Александровѣ 3, въ Суздальѣ 3, въ Муромѣ 2 и въ Ковровѣ 1, всего 15 каменныхъ церквей ⁽²²⁾.

Каменные церкви XVII столѣтія встрѣчаются не только въ городахъ, но и въ селахъ. Къ этому столѣтію несомнѣнно принадлежатъ 43 церкви; но замѣчательно, что изъ нихъ 20 въ нынѣ—существующихъ монастыряхъ, 12 въ упраздненныхъ и только 4 городскихъ и 7 сельскихъ ⁽²³⁾.

Всѣ остальные, нынѣ существующія каменные церкви принадлежатъ XVIII и еще болѣе XIX столѣтіямъ. Богатству, развившемуся въ послѣднее время, Владимирская Губернія обязана, что въ ней такъ мало осталось деревянныхъ церквей.

Въ настоящее время, не считая монастырей, во владимирской епархіи находится церквей: каменныхъ 1082, деревянныхъ 172, всего 1254.

Очень—любопытны также свѣдѣнія о строителяхъ каменныхъ церквей. До XVI вѣка строителями ихъ были исключительно великіе или удѣльные князья. Въ этомъ столѣтіи: 2 церкви построены духовенствомъ, 3 боярами, 2 великимъ княземъ московскимъ Василиемъ Ивановичемъ и 8 церквей Иваномъ Васиљевичемъ Грознымъ. Въ XVII вѣкѣ, кромѣ царей, бояръ и духовенства, являются строителями храмовъ посадскіе и торговые люди ⁽²⁴⁾. Въ XVIII столѣтіи случаи эти становятся чаще;

⁽²¹⁾ Изъ нихъ въ уѣздѣ одна въ с. Елизаровѣ, построенная Алексѣемъ Давыловичемъ Басмановымъ.

⁽²²⁾ «Опис. Влад. Епарх. о. Іоасафа», стр. 107, 135, 178, 195, 267, 276, 311, 359, 386, 470, 484, 487 и 574. Въ томъ числѣ суздальскій соборъ, который, по архитектурѣ, принадлежитъ къ XVI—му столѣтію, потому—что въ 1528 году сдѣланъ вдвое выше. На старыхъ стѣнахъ изъ бѣлаго камня наложены новыя, кирпичныя.

⁽²³⁾ «Опис. Влад. Епарх. о. Іоасафа», стр. 135, 321, 392, 397, 426, 428, 433, 438, 442, 459, 467, 485, 486, 487, 497, 506, 514, 518, 525, 528, 535, 550, 553 и 585.

⁽²⁴⁾ «Оп. Влад. Еп.», стр. 223, 485 и 486.

а въ XIX большая часть церквей строится купцами и крестьянами: или отдѣльными лицами, или цѣлыми обществами.

Если два съ половиной вѣка монгольскаго владычества и борьбы съ татарами бѣдны архитектурными памятниками, то они небѣдны преданіями и памятниками о бѣдствіяхъ народныхъ, небѣдны гробницами князей владимірскихъ: или павшихъ, защищая свое отечество съ мечомъ въ рукахъ, или изнемогшихъ подъ гнётомъ господства варваровъ, обороня своихъ подданныхъ путемъ мирныхъ переговоровъ.

Въ Успенскомъ владимірскомъ Соборѣ погибло множество народа и все семейство великаго князя во время перваго появленія монголовъ въ здѣшней странѣ, въ 1237 году, подъ предводительствомъ Батыя. Семейство князя, епископъ, бояре и народъ искали послѣдняго убѣжища въ соборномъ храмѣ и готовились на мученическую смерть. Епископъ Митрофанъ напутствовалъ всѣхъ св. дарами, а великокняжеское семейство облекъ въ схиму. Монголы разломали двери, ворвались въ церковь и предались грабежу и убійствамъ. Узнавъ, что епископъ и великокняжеское семейство скрываются на *восходныхъ палатяхъ*, гдѣ нынче хоры, монголы зажгли костры снаружи и внутри храма: отъ жара и дыма погибли супруга великаго князя Агафія, дочь Θεодора и невѣстки Марія, Христина и Θεодора съ своими дѣтьми, епископъ Митрофанъ и нѣсколько бояръ. Гробницы княгини и епископа находятся въ Успенскомъ Соборѣ ⁽²⁵⁾. Суздальская лѣтопись передаетъ это событіе согласно съ преданіемъ; но не говоритъ о подробностяхъ ⁽²⁶⁾. Во владимірскомъ же соборѣ находится гробница великаго князя Юрія Всеволодовича, павшаго въ сраженіи съ монголами на р. Сити, въ нынѣшней Ярославской Губерніи, и перенесеннаго съ поля битвы сначала въ Ростовъ, а потомъ во Владиміръ. При царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, въ 1645 году, церковь и народъ признали великаго князя Юрія святымъ. Тутъ же погребены три сына его, умерщвленные татарами: Всеволодъ и Мстиславъ, оставленные отцомъ для защиты города Владиміра, и третій его сынъ, Владиміръ, защищавшій Москву ⁽²⁷⁾. На р. Сернѣ, на которой стоитъ г. Александровъ, указываютъ мѣсто, гдѣ умерщвленъ былъ взятый въ плѣнъ сподвижникъ Юрія и племянникъ его Василько Константиновичъ, погребенный въ Ростовѣ ⁽²⁸⁾.

⁽²⁵⁾ Доброхотова: «Памятники Древности въ Владиміръ Кляземскомъ» М. 1849, стр. 9, 10 и 57.

⁽²⁶⁾ «Поля. Собр. Русс. Лѣт.», т. I, стр. 197.

⁽²⁷⁾ Доброхотова «Пам. Др. во Влад.», стр. 15 — 19 и 57.

⁽²⁸⁾ Серг. Соловьева. «Ист. Росс.», т. III, прим. 275 и «Поля. Собр. Рус. Лѣт.», т. I, стр. 199.

На дорогѣ изъ Владиміра въ Суздаль находится «Батыевъ Курганъ», который, по преданію, обозначаетъ могилу суздальцевъ, убитыхъ въ битвѣ съ монголами. Недалеко отъ этого кургана находится с. Батыево, на томъ самомъ мѣстѣ, какъ говоритъ преданіе, гдѣ расположено было татарское войско.

Въ семи верстахъ отъ Суздаля, на берегу р. Нерли, на прекрасномъ мѣстоположеніи, стоятъ рядомъ два села: прежде Большое и Малое, нынче Казенное и Барское Городища. По преданію, эти два села въ древности были пригородными. Возлѣ Городищъ существуетъ древняя осыпь, гдѣ нынче с. Якиманское. По народнымъ сказаніямъ, къ этой осыпи, гдѣ находились суздальскія войска, направился Батый отъ с. Батыева. Курганы около этого мѣста, по тому же преданію, указываютъ могилы погибшихъ въ этой битвѣ (29).

Происхожденіе народныхъ разсказовъ о сокровищахъ, сокрытыхъ въ землѣ, также должно отнести ко времени татарскаго владычества, когда народъ долженъ былъ скрывать свои богатства, спасая ихъ отъ жадности завоевателей. Въ недавнее еще время, на основаніи народнаго преданія, дѣлались поиски сокрытаго клада въ с. Боголюбовѣ; но особенно-таинственна обстановка, которою сопровождался тщетный разысканіи клада въ одной изъ старинныхъ насыпей, находящейся въ 20 верстахъ отъ Владиміра, близъ д. Хохловой (30). По сказанію народа, кладъ этотъ охраняется витязями, которые, при всякомъ покушеніи на отысканіи зарытыхъ сокровищъ, являются на быстрыхъ коняхъ въ лучезарномъ сіяніи.

Народъ, пораженный страхомъ несокрушимаго могущества своихъ завоевателей, всякое сопротивленіе ихъ притѣсненіямъ, всякое облегченіе народной участи приписывалъ силѣ не человѣческой, а промыслу Божію и заступленію Божіей Матери и святыхъ угодниковъ земли русскої; но особенно народъ благоговѣетъ къ памяти одного изъ своихъ великихъ князей — Александра Невскаго. Онъ, заслуживъ титулъ Невскаго за доблестную борьбу со шведами на берегахъ Невы, боролся съ татарами не съ мечомъ въ рукѣ, а оборонялъ землю русскую умомъ, благоразумной уклончивостью и сложными переговорами. Другаго пути не было. Эта борьба тяжелѣе воинскихъ подвиговъ и онъ изнемогъ въ ней. Въ 1263 году Александръ Невскій, возвращаясь изъ четвертаго своего путешествія въ Орду, умеръ, не доѣзжая до Владиміра, на сорокъ-пятьмъ году отъ рожденія. Описывая кончину его, новгородскій

(29) Ананія Федорова: «Истор. Собр. о г. Суздаль», стр. 95.

(30) Доброхотова: «Др. гор. Боголюбовъ», стр. 159, 160, 165 и 166.

лѣтописецъ прибавляетъ : «постудися за Новгородъ и за всю русскую землю». При извѣстїи о кончинѣ его, митрополитъ, совершавшій богослуженіе въ соборной владимірской церкви, обратилася къ народу, со слезами на глазахъ : «Чада моя милая, разумѣйте, яко зайде солнце русской земли». Слова : «мы гибнемъ» и рыданія народа были отвѣтомъ на рѣчь пастыря. По сказанію лѣтописцевъ, земля стонала отъ вошей и рыданій при погребеніи Александра ⁽³¹⁾. Въ 1263 году владимірскіе жители плакали, погребая своего великаго князя. Черезъ 460 лѣтъ, въ 1723 году, они точно такъ же плакали, провожая мощи благовѣрнаго князя въ новую столицу, устроенную Петромъ—Великимъ на берегахъ Невы. Народное преданіе говоритъ, что замладенныя въ восточной стѣнѣ Рождественнаго Монастыря ворота тѣ самыя, чрезъ которыя вынесены были мощи св. Александра Невскаго ⁽³²⁾.

Изъ древнихъ святыхъ, которыми такъ богаты храмы Владимірской Губерніи, замѣчательна также, по воспоминаніямъ о бѣдствіяхъ церкви и народа во время татарскаго владычества, икона Божіей Матери Максимовской, которая находится во владимірскомъ Успенскомъ Соборѣ. Митрополиты кievскіе, не имѣя возможности оставаться долѣе въ разоренномъ и опустошенномъ Кіевѣ, искали убѣжища у великихъ князей владимірскихъ. Наконецъ, митрополитъ Максимъ въ 1299 году рѣшился вовсе оставить Кіевъ и перенести святительскій престолъ во Владиміръ. Видѣніе, видѣнное имъ въ первую же ночь пребыванія его во Владимірѣ, утвердило его намѣреніе. Въ память этого видѣнія онъ велѣлъ написать образъ Божіей Матери въ томъ видѣ, какъ она явилась ему во снѣ ⁽³³⁾.

Съ другою иконою Божіей Матери, которая признана и церковью и народомъ чудотворною по всей Россіи и которая, впослѣдствіи, получила названіе Владимірской, соединены два историческія воспоминанія того времени. По преданію, вписанному въ позднѣйшей лѣтописи ⁽³⁴⁾, нынѣшняя икона Владимірскаго Собора писана митрополитомъ Петромъ въ то время, когда онъ былъ еще игуменомъ на Волыни. Но славный подлинникъ этой иконы, писанный, по церковному преданію, евангелистомъ

⁽³¹⁾ Ив. Бѣлеева : «О Вел. Кн. Александрѣ Ярославичѣ Невскомъ», стр. 41 и 42 (изъ «Времен. Москов. Общ. Истор. и Древн.», кн. IV, 1849 г.).

⁽³²⁾ Рукop. «Опис. Влад. Епарх. о. Іоасафа», стр. 86.

⁽³³⁾ Доброхотова : «Памят. Древ. во Владим.», стр. 74 — 76.

⁽³⁴⁾ «Степен. Книга», стр. 413 — 415. См. «Пам. Древ. во Влад.», стр. 73 и 74.

Лукой, вывезенный из Греции и привезенный Андреем Боголюбским во Владимир из Вышгорода, находится ныне в Москвѣ въ Успенскомъ Соборѣ. Съ перенесеніемъ этой иконы изъ Владимира въ Москву соединено также историческое воспоминаніе о татарскомъ владычествѣ. Въ то время, когда, въ 1395 году, Тамерланъ шелъ на Москву, великій князь Василій Дмитріевичъ, чтобъ успокоить народъ, писалъ къ митрополиту изъ Коломны, чтобъ онъ послалъ во Владимиръ за иконой Божіей Матери. Карамзинъ, описывая это событіе, говоритъ: «Жители владимирскіе провожали икону съ горестью; московскіе приняли съ восхищеніемъ, какъ залогъ мира и благоденствія» (35). Церковь, великій князь и народъ приписали избавленіе Москвы отъ нашествія татаръ чудотворной иконѣ Владимирской Божіей Матери (36). Съ-тѣхъ-поръ икона эта не возвращалась во Владимиръ. Только въ 1812 году ее два раза пронесли чрезъ Владимиръ, о чемъ сказано будетъ ниже.

Наконецъ, къ тому же времени относится живосохранившееся преданіе о нашествіи на Владимиръ въ 1411 году татарскаго царевича Талыча съ нижегородскимъ воеводой Карамышевымъ. Соборный храмъ былъ разграбленъ; остались только драгоценности, которыя успѣлъ скрыть соборный ключарь Патрикій, заплатившій за это жизнью. Одинъ изъ непріятельскихъ ратниковъ, думая найти спрятанныя сокровища, открылъ гробницу князя Глѣба; но вспыхнувшее изъ гробницы пламя привело въ ужасъ татаръ и они разбѣжались изъ собора (37). Это преданіе до-того сохранилось живо, что нѣкоторые изъ владимирскихъ епископовъ въ позднѣйшія времена пробовали разламывать въ нѣсколькихъ мѣстахъ стѣны и полъ собора, отыскивая драгоценности, сокрытыя ключаремъ Патрикіемъ (38).

Но городъ Владимиръ, еще прежде окончательнаго утвержденія титула и преимуществъ великаго князя за князьями московскими, перестаетъ быть мѣстомъ пребыванія великаго князя. Великіе князья называются владимирскими, но живутъ въ своихъ вотчинахъ. Въ это же время митрополитъ Петръ переноситъ свою кафедру въ Москву, а Владимиръ съ его уѣздомъ причисленъ былъ къ митрополичьей области; в такомъ-образомъ потерялъ значеніе самостоятельной епархіи. Ни князьямъ, ни

(35) «Ист. Карамзина», изданія 1852 г. т., V, стр. 149 и 150.

(36) Тамъ же, прим. 157, къ V-му т.

(37) Это преданіе находится въ рукописномъ житіи св. князя Глѣба, и повторено отцомъ Иоасафомъ въ его рукописномъ «Оп. Влад. Епарх.», стр. 605; а также Доброхотовымъ въ его «Пам. Древ.», стр. 13 и 14.

(38) Доброхотова: «Памят. Древ.», стр. 76.

митрополиту некогда было заботиться о прежнем своемъ мѣстопробываніи: вотъ почему большая часть памятниковъ татарскаго и даже послѣдующаго времени, а также и соединенныя съ ними преданія, относятся къ другимъ старымъ городамъ Владимірскаго Губерніи. Суздаля, сначала одинъ, а потомъ вмѣстѣ съ Нижнимъ—Новгородомъ, составляя удѣльное княжество, и до самаго позднѣйшаго времени составляя особую епархію, которою управляли въ разное время епископы, архіепископы и митрополиты. Переяславль—Залѣсскій былъ родовой вотчиной потомковъ Александра Невскаго, никогда непереходившей въ другіе роды, даже и въ такомъ случаѣ, если Владимірскаго—Великокняжества доставалось инымъ князьямъ. Переяславль, вмѣстѣ съ Москвой, составляя первое зерно образовавшагося впоследствии Московскаго Государства. Этому городу придали значеніе близость его отъ Троицко—Сергіевскаго Монастыря и положеніе его на дорогѣ изъ Москвы въ Ростовъ. Юрьевъ былъ также мѣстопробываніемъ удѣльныхъ князей юрьевскихъ. Муромъ составляя особое удѣльное княжество и нѣкоторое время былъ мѣстопробываніемъ епископа рязанскаго и муромскаго. Съ самыхъ древнихъ временъ встрѣчается въ лѣтописяхъ имя города Гороховца; но онъ занималъ скромное мѣсто вотчины сначала Владимірскаго Успенскаго Собора, а потомъ московскаго митрополита. Городъ Шуя дѣлается извѣстнымъ во времена царей московскихъ, но, до образованія губерній, онъ скорѣе былъ пригородомъ Суздаля, чѣмъ самостоятельнымъ городомъ, хотя въ немъ и были особые воеводы. Впоследствии мы увидимъ, что нѣкоторые изъ князей суздальскихъ съ XV—го вѣка стали именоваться шуяскими. Это показываетъ, что селѣ или слободѣ Шуи существовало издавна; но оно имѣло также другое названіе: Борисоглѣбская Слобода. Сохранилось преданіе, что во время проѣзда во второй половинѣ XIV—го столѣтія митрополита Алексѣя въ Орду, онъ, благословивъ Борисоглѣбскую Слободу, сказалъ: «на мѣстѣ семъ возникнетъ и умножится богатствомъ городъ Шуя» (39). Въ предѣлахъ Владимірскаго Губерніи были еще три города: Стародубъ—Ряполовскій, нынѣ помѣщичье село (40) Ковровскаго Уѣзда «Клязышскій Городокъ», прежде составляя удѣльное княжество. Онъ замѣчательнъ тѣмъ, что стародубскіе князья были предками князей Пожарскихъ (41). Ярополь, Яропольчъ или Яропольскъ, нынѣ вязниковская пригородная слобода, прежде

(39) В. Борисова «Опис. г. Шуи и его окр.», Москва. 1851. стр. 3.

(40) Князей Волконскихъ.

(41) Акад. М. Погодина: «О мѣстѣ погребенія кн. Дм. Мих. Пожарскаго», Спб. 1852. Стр. 23 и 24.

городъ , вѣроятно, Стародубскаго Княжества, замѣчательнъ тѣмъ , что въ-теченіе нѣкотораго времени, по возобновленіи владимірской епархіи, владимірскіе епископы назывались владимірскими и яропольскими.

Наконецъ сохранились достовѣрныя извѣстія ⁽⁴²⁾, что еще былъ городъ, также получившій названіе Стародуба, который находился въ предѣлахъ Муромскаго Княжества. Мѣсто муромскаго или окскаго Стародуба можно, по многимъ признакамъ, предполагать тамъ, гдѣ нынѣ Озобликовскій Погостъ, главное село казенной Багратионовской Волости.

Въ то время, когда русскій народъ терпѣлъ все бѣдствіе татарскаго владычества, когда, раздѣленный на мелкія княжества, онъ не могъ противостать несокрушимой для него силы монголовъ, въ то время начинается развиваться монашеская жизнь. Съ XIV-го вѣка исторія монастырей составляетъ одну изъ главныхъ частей исторіи русскаго народа. Около монастырей сосредоточивалась политическая, религіозная, промышленная и вообще вся внутренняя жизнь тогдашняго времени. Столь важная сторона древней жизни русскаго народа не могла не оставить по себѣ памятниковъ и преданій въ землѣ суздальской, бывшей центромъ, изъ котораго развивалась русская жизнь въ-теченіе довольно-продолжительнаго времени.

Въ-самомъ-дѣлѣ, хотя въ настоящее время во Владимирской Губерніи находится только двадцать-семь монастырей, но сохранились положительныя извѣстія о прежде-бывшихъ монастыряхъ, изъ которыхъ большая часть упразднена въ 1764 году, при отобраніи монастырскихъ имѣній. Число упраздненныхъ монастырей насчитывается до шестидесяти-восьми ⁽⁴³⁾. Храмы этихъ монастырей обращены въ приходскія церкви, городскія и сельскія. По всей вѣроятности, число упраздненныхъ монастырей превышаетъ приведенную цифру; но о нихъ не найдено еще положительныхъ извѣстій.

Такимъ-образомъ во Владимирской Губерніи въ прежнее время было не менѣе девяносто-четырехъ монастырей. Изъ нихъ :

	Въ городахъ.	Въ уѣздахъ.	Итого.
Мужскихъ	25	37	62
Женскихъ	23	9	32
Всего	48	46	94

⁽⁴²⁾ Помѣщенные въ рукописныхъ запискахъ о Муромѣ тамошняго куца Титова. Мы будемъ еще имѣть случай говорить подробнѣе объ этомъ новомъ историческомъ открытіи.

⁽⁴³⁾ О. Іоасафа рук. «Опис. Влад. Епарх.», стр. 83—321 и прилож.

Изъ этого можно видѣть, что женскихъ монастырей было вдвое меньше, чѣмъ мужскихъ. Притомъ первые строились преимущественно въ городахъ, тогда—какъ большая часть мужскихъ монастырей построена была вдали отъ городовъ. Женскіе монастыри или основывались, или поддерживались преимущественно великими и удѣльными княгинями и княжнами, а впоследствии царицами и царевнами, искавшими монастырскаго уединенія: или по склонности, или по обстоятельствамъ своей жизни. Поэтому они встрѣчаются преимущественно въ древнихъ городахъ. Напротивъ, мужскіе получили другое значеніе, имѣвшее огромное вліяніе на развитіе политической и внутренней жизни русскаго народа. Они строились: или въ древнихъ городахъ, въ мѣстахъ пребыванія князей и епископовъ, или въ удаленныхъ, въ то время непроходимыхъ, лѣсныхъ чащахъ. Это выводъ изъ положительныхъ данныхъ.

Женскихъ монастырей было:

Въ пяти древнихъ столицахъ князей: Владимірѣ, Суздальѣ, Переславлѣ, Юрьевѣ и Муромѣ.	18
Въ ихъ нынѣшнихъ уѣздахъ	3
Въ нѣкоторыхъ изъ остальныхъ городовъ	5
Въ ихъ уѣздахъ	6
И того	32

Мужскихъ монастырей находилось:

Въ пяти древнихъ столицахъ князей	21
Въ ихъ нынѣшнихъ уѣздахъ	17
Въ нѣкоторыхъ изъ остальныхъ городовъ	4
Въ ихъ уѣздахъ	20
И того	62

Приведенныя цифры подтверждаютъ вполне то, что сказано было выше. Хотя въ уѣздахъ древнихъ городовъ, сравнительно, болѣе мужскихъ монастырей, чѣмъ въ остальныхъ восьми, но надо припомнить, что нѣкоторыя мѣста древнихъ поселеній до-сихъ—поръ остаются лѣсными, какъ, напримѣръ, почти весь Переславскій Уѣздъ и части уѣздовъ Суздальскаго и Юрьевскаго, лежація по ту сторону рѣки Малой Нерли.

Существующіе нынѣ и упраздненные монастыри, по времени своего основанія, принадлежать къ разнымъ столѣтіямъ, начиная съ XI-го до

№ 16. Въ настоящее время: мужскихъ монастырей 20, женскихъ 7. Изъ упраздненныхъ мужскихъ — 43, женскихъ 25.

XVII-го включительно. Число основанныхъ монастырей по столѣтіямъ слѣдующее :

		Женскихъ. Мужскихъ. И того.		
Въ	XI вѣкѣ	—	2	2
—	XII —	2	9	11
—	XIII —	4	2	6
—	XIV —	1	10	11
—	XV —	—	6	6
—	XVI —	2	5	7
—	XVII —	6	8	14
Неизвѣстно	когда	17	20	37
Всего		32	62	94

Если отдѣлить первые три вѣка, то въ послѣдніе четыре, среднимъ числомъ, въ каждое столѣтіе устраивалось по семи женскихъ и по двѣдцати мужскихъ, всего по девятнадцати монастырей, или, другими словами, каждыя пять лѣтъ, на пространствѣ нынѣшней Владимірской Губерніи въ томъ или другомъ мѣстѣ устраивался монастырь.

До XIV-го столѣтія на рускомъ сѣверовостокѣ монастыри не имѣли еще своей исторіи, не имѣли славныхъ подвижниковъ, дѣянія которыхъ прославляли бы основанныя ими обители. Съ половины этого столѣтія, въ одно и то же время, въ предѣлахъ суздальской земли является нѣсколько святыхъ мужей, прославившихъ себя христіанскими добродѣтелями и монашескими подвигами. Сергій Радонежскій основалъ монастырь на пограничной чертѣ, раздѣляющей нынѣшнюю Владимірскую Губернію отъ Московской. Въ тридцати—пяти верстахъ отъ Сергіева Монастыря появился Стефанъ Махрищской, въ нынѣшнемъ Александровскомъ Уѣздѣ. Въ Переславлѣ жилъ въ устроенномъ имъ монастырѣ Дмитрій Прилудскій, прославившій себя основаніемъ монастыря въ странѣ вологодской. Въ Суздаль, по приглашенію суздальскаго князя Бориса Константиновича, устроилъ монастырь Евфимій Суздальскій, пришедшій сюда изъ Нижняго—Новгорода, отъ основателя тамошняго Печерскаго Монастыря, св. Діонисія, который впоследствии былъ суздальскимъ архіепископомъ. Всѣ они посѣщали другъ друга, и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ называются «споспътниками и собесѣдниками» (**). Отъ этого

(**) См. «Истор. Опис. Святотр. Серг. Лавры». Москва. 1852 г. «Истор. Опис. Махрищскаго Монастыря». М. 1852 г. О. Іоасафа рукоп. «Краткія свѣдѣнія о св. угодникахъ Владимірской Епархіи» и его же рукопс. «Описаніе Владим. Епарх.».

сонна' святыхъ мужей, которымъ какъ—бы руководилъ Сергій Радонежскій, распространилась монашеская жизнь во всѣхъ предѣлахъ начавшаго въ то время образовываться Московскаго Государства (45).

Сергій, сынъ обдѣнѣвшаго ростовскаго боярина, переселившагося въ Радонежь, сначала поступилъ въ то время мужской Хотьковъ Монастырь, оттуда удалился въ дремучій лѣсъ, построилъ своими руками келью и церковь. Узнавъ о его святой жизни, къ нему стали собираться другіе, искавшіе уединенія. Сами, съ помощью Сергія, строили себѣ кельи. Затѣмъ стали селиться въ окрестностяхъ монастыря земледѣльцы, и, по выраженію преподобнаго Епифанія, перваго жизнеописателя Сергіева, «исказиша пустыню и не пощадѣша и составиша села и дворы многи» (46). Желая большаго уединенія, Сергій оставилъ устроенный имъ монастырь и въ лѣсахъ нынѣшняго Покровскаго Уѣзда, на берегахъ р. Киржача, гдѣ нынѣ заштатный городъ того же имени, основалъ Благовѣщенскій Монастырь. По истеченіи нѣкотораго времени, онъ опять возвратился въ Троицкую Лавру; а въ Киржачскомъ Монастырѣ оставилъ настоятелемъ ученика своего Романа (47). На пути изъ Нижняго—Новгорода, куда ѣздилъ пр. Сергій по порученію великаго князя, онъ положилъ основаніе Георгіевской Пустыни, на р. Клязьмѣ, въ Гороховскомъ Уѣздѣ (48). Впослѣдствіи отъ Троицкой Лавры во Владимірской Губерніи зависѣло шесть монастырей и пустынь (49). Всѣхъ же монастырей, или основанныхъ или зависѣвшихъ отъ Лавры, было въ разныхъ губерніяхъ до тридцати—четырехъ (50).

Обстоятельства жизни Стефана Махрицкаго совершенно—подобны сергіевой (51). Преподобный Стефанъ родился въ Кіевѣ. Съ юныхъ лѣтъ онъ изучалъ священное писаніе. Достигнувъ совершеннаго возраста, онъ поступилъ въ Печерскій Монастырь. Неустройство южной церкви заставило Стефана, подобно другимъ инокамъ, искать убѣжища въ странѣ суздальской. Онъ прибылъ въ Москву въ половинѣ XIV—го

(45) «Истор. Русс. Церкв.», т. II, Москва. 1853 г., стр. 157 и слѣд.

(46) «Ист. Опис. Святотр. Серг. Лавры», стр. 1 — 3 и «Истор. Рус. Церкви», т. II, стр. 157 — 159.

(47) «Ист. Опис. Серг. Лавры», стр. 145. Подробности объ этомъ упраздненномъ монастырѣ въ рукоп. «Опис. Влад. Епарх.», стр. 585.

(48) «Ист. Опис. Серг. Лавры», стр. 146.

(49) Тамъ же, стр. 145, 146, 147, 151 и 153.

(50) Тамъ же, стр. 145 — 156.

(51) См. «Истор. Опис. Махрицкаго Монастыря», Москва. 1852 г.

столѣтія. Получивъ разрѣшеніе отъ великаго князя (Ивана Ивановича) на устройство монастыря, Стефанъ, по выраженію жизнеописателя его, «пошелъ изъ Москвы на сѣверовостокъ, гдѣ пзъ лѣсовъ и дебрей просіявала обитель преп. Сергія и гдѣ любители безмолвія могли найти нвого мѣсть, удобныхъ для пустынножительства». Избравъ мѣсто, которое называлось Махрище, въ тридцати-пяти верстахъ отъ обители преп. Сергія и въ десяти отъ нынѣшняго города Александрова, преподобный водрузилъ здѣсь крестъ. На цовомъ мѣстѣ жительства, преп. Стефанъ вполне посвятилъ себя трудамъ: самъ построилъ себѣ келью, рубилъ лѣсъ и воздѣлывалъ землю, исполняя слова апостольскія, прибавляетъ жизнеописатель, «аще кто не хочетъ дѣлать, ниже да ясть». Скоро узнали о махрищскомъ отшельницѣ и начали собираться къ нему другіе, которые искали пустынножительства. Сначала построили деревянную церковь, потомъ обнесли монастырь деревянною стѣной. Временно удалившись изъ Троицкой Обители, преп. Сергіи заходилъ къ Стефану, и просилъ его дать ему нюка, который бы зналъ окрестныя мѣста. Основаніе монастыря на р. Киржачѣ, въ пятнадцать верстахъ отъ Махры, было слѣдствіемъ этого путешествія. Испытавъ непріятности въ своемъ монастырѣ, преп. Стефанъ, подобно Сергію, удалился изъ Махры, взявъ съ собою одного изъ своихъ учениковъ, Григорія: «Прошедъ много дебрей и болотъ, двое святыхъ путниковъ остановились въ шестидесяти верстахъ отъ Вологды. Здѣсь они расчистили лѣсъ и соорудили церковь. Такимъ образомъ составили Монастырь Авнежскій. Скоро молва о новоустроенномъ монастырѣ распространилась по окрестностямъ и число нюковъ въ немъ возрастало». По призыву великаго князя, онъ возвратился въ свой монастырь, оставивъ въ Авнежскомъ настоятелемъ Григорія, а келаремъ Кассіана. Во время пребыванія своего въ Москвѣ, по возвращеніи изъ предѣловъ вологодскихъ, преп. Стефанъ постригъ въ монахи слугу одного изъ знатныхъ бояръ. Слуга этотъ былъ преподобный Кириллъ; постриженный Стефаномъ, онъ руководимъ былъ въ монашеской жизни св. Сергіемъ и впоследствии самъ сдѣлался основателемъ славнаго Бѣлозерскаго Монастыря. Въ половинѣ XVI-го столѣтія, однимъ изъ махрищскихъ игуменовъ была составлена церковная служба преп. Стефану. Въ церковномъ пѣнопѣніи, между-прочимъ, сказано, что «пустыни населилъ еси».

Дмитрій Прилуцкій, приходя изъ своего переславскаго городского монастыря (Никольскаго) бесѣдовать съ преп. Сергіемъ, вѣроятно, изъ этихъ духовныхъ бесѣдъ вынесъ намѣреніе «удалиться въ глухіе лѣса вологодскіе». Тамъ онъ избралъ для своего пребыванія болотистый бе-

регъ р. Лежи; потомъ онъ перешелъ ближе къ Вологдѣ и устроилъ Прилуцкій Монастырь⁽⁵²⁾.

Сначала преподобный Евфимій, а впоследствии и самъ основатель нижегородскаго Печерскаго Монастыря, св. Діонисій, сдѣлавшійся суздальскимъ архіепископомъ, перешли изъ Нижняго-Новгорода въ Суздаль, какъ-бы ддя того, чтобъ быть ближе къ этому сонму святыхъ мужей, котораго они были достойными членами. Евфимій въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ называется «спостникомъ и собесѣдникомъ» преп. Сергія. Евфимій, на пути въ Суздаль, близъ города Горохова, основалъ Васильевскій Монастырь на мѣстѣ, заросшемъ густымъ лѣсомъ и окруженномъ водой. Въ прежней монастырской, нынѣ сельской приходской церкви слободы Мячковой, хранится посохъ, оставленный преп. Евфиміемъ⁽⁵³⁾.

Современникомъ же Евфимія былъ одинъ изъ предшественниковъ Діонисія, епископъ суздальскій св. Іоаннъ. Въ его время и съ его благословенія, положено осюваніе какъ Спасо-Евфиміевскаго Монастыря, такъ и женскаго Покровскаго. Гробница его стоитъ въ суздальскомъ соборѣ⁽⁵⁴⁾.

Въ концѣ того же XIV-го столѣтія, въ Гороховскомъ Уездѣ, митрополитомъ московскимъ св. Кипріаномъ устроенъ монастырь на Святошъ-Озерѣ, окруженномъ въ то время дремучимъ лѣсомъ и непроходимыми мѣстами. Въ Свято-Озерской Пустынѣ, находившейся тогда въ митрополичьей волости, любили жить митрополитъ Кипріанъ и преемникъ его св. Фотій, скрывавшійся здѣсь, въ 1411 году, во время нашествія на Владиміръ татарскаго царевича Талыча. Нынѣ на этомъ мѣстѣ сельская приходская церковь⁽⁵⁵⁾.

Также сохранилось преданіе, что въ концѣ этого же вѣка основанъ въ лѣсу нынѣ-существующій Шартомскій Монастырь. Онъ находится къ

(52) «Истор. Русск. Церкви», т. II, Москва. 1853 г., стр. 162.

(53) «О. Іоасафа рукоп. «Опис. Влад. Епарх.», стр. 553 и слѣдующ. Его же рукоп. «Краткія свѣдѣнія о св. угодникахъ Влад. Епарх.», Анавія Феодорова: «Ист. Собр. о Суждалѣ» (изъ «Вр. М. О. И. и Др. кн.» 22, М. 1855), стр. 25, 26 и 52.

(54) «Ист. собр. о г. Суждалѣ», стр. 24—28 и 117—153. Кроме-того, объ Іоаннѣ, также, какъ о первомъ суздальскомъ епископѣ, напечатана особая брошюра, подъ названіемъ: «Повѣсть о св. святителяхъ Теодорѣ и Іоаннѣ». Ни года, ни мѣста печатанія не выставлено; но извѣстно, что она печатана въ Москвѣ, а составлена тѣмъ же о. Іоасафомъ, которому принадлежать двѣ рукописи.

(55) О. Іоасафа рукоп. «Опис. Влад. Епарх.», стр. 555 и слѣдующ.

сѣверу отъ города Шуя, въ двѣнадцати верстахъ, въ мѣстѣ, нынѣ совершенно-безлѣсномъ ⁽⁵⁶⁾.

Вотъ простые рассказы объ основаніяхъ монастырей въ предѣлахъ Владимирской Губерніи иноками, прославившимися своею жизнью въ XIV-мъ столѣтіи. Какъ ясны причины основанія, какъ очевидна польза!

Въ XV-мъ вѣкѣ монастыри продолжали распространяться. Они строились или учениками подвижниковъ предъидущаго столѣтія, или вновь-прославившимися иноками. Къ концу этого столѣтія и къ началу послѣдующаго принадлежить жизнь двухъ основателей монастырей: св. Данила Переславскаго и св. Космы Яхромскаго; одинъ былъ игумень, другой слуга, оставившій своего господина. Оба они были люди боговдохновенные; оба они, вслѣдствіе откровенія свыше, основали монастыри: преподобный Данилъ въ Переславлѣ, преподобный Косма на р. Яхромѣ, въ нынѣшнемъ Владимирскомъ Уѣздѣ, въ которомъ, по основаніи, онъ сдѣланъ былъ игуменомъ. Даниловъ и Косминъ Монастыри существуютъ донныѣ ⁽⁵⁷⁾. Въ XV-мъ же столѣтіи св. Фотіемъ, митрополитомъ московскимъ, основанъ монастырь, въ лѣсу, на берегу Сяги-Озера, въ нынѣшнемъ Покровскомъ Уѣздѣ; въ настоящее время сельская приходская церковь ⁽⁵⁸⁾.

Въ концѣ XVI-го и въ началѣ XVII-го столѣтій сохранились подробности объ основаніи двухъ пустынь: въ десяти верстахъ отъ нынѣшняго города Александра, которая потомъ получила названіе Лукьяновской, отъ настоятеля ея преподобнаго Лукьяна, и въ Шуйскомъ Уѣздѣ, Пищуговской Пустыни. Мѣста основаній этихъ пустынь, въ лѣсныхъ чащахъ, были указаны троекратнымъ явленіемъ на каждомъ изъ нихъ иконы, принадлежащей сельскому храму. Преподобный Лукьянъ, пришедшій въ половинѣ XVI-го столѣтія на мѣсто разоренной литовцами пустыни, возстановилъ и прославилъ ее своей жизнью. Лукьяновская Пустынь существуетъ донныѣ. Пищуговская обращена въ приходскую церковь ⁽⁵⁹⁾.

Въ XVI вѣкѣ уже существовала въ Переславскомъ Уѣздѣ Солбннская Пустынь. Ни основатель, ни время основанія ея неизвѣстны; но

⁽⁵⁶⁾ Тамъ же, стр. 200.

⁽⁵⁷⁾ «Основаніе Переславскаго Троицкаго Данилова Монастыря», Москва, 1853; и о. Іоасафа рукоп. «Крат. свѣдѣн. о св. угодн. Влад. Епар.».

⁽⁵⁸⁾ О. Іоасафа: рукоп. «Оп. Влад. Еп.», стр. 555 и 556, примѣч.

⁽⁵⁹⁾ О. Іоасафа: рукоп. «Оп. Вл. Епар.», 245 и 514 и его же рук. «Крат. свѣд. о св. угодн. Влад. Епарх.».

она до-сихъ-поръ окружена со всѣхъ сторонъ лѣсомъ; следовательно происхожденіе ея общее всѣмъ монастырямъ ⁽⁶⁰⁾.

Въ половинѣ XVII столѣтія основана Флоринцевская Пустынь, которая вскорѣ сдѣлалась знаменитою ⁽⁶¹⁾. Основаніе ея совершенно подобно происхожденію монастырей во времена Сергія. Въ непроходимыхъ городскихъ лѣсахъ, въ 24 верстахъ отъ города, было мѣсто, на которомъ задолго до основанія пустыни жилъ крестьянинъ Флоръ, занимавшійся пчеловодствомъ. За нѣсколько лѣтъ до половины XVII столѣтія на этомъ мѣстѣ поселились три отшельника, сами выстроили себѣ кельи, а потомъ построили небольшую деревянную церковь. Нѣсколько спустя, къ нимъ пришелъ сынъ нижегородскаго священника, который имѣлъ склонность къ монашеской жизни. Они упросили его поселиться вмѣстѣ съ ними. Это былъ Иларіонъ, первый настоятель пустыни, а впоследствии митрополитъ суздальскій, заслужившій особенную любовь народа. Воспоминаніе о немъ сохранилось до-сихъ-поръ. Пустынь окружена множествомъ болотъ, топей и протоковъ, такъ-что къ ней почти не было дорогъ. Самъ преп. Иларіонъ съ иноками прочищалъ дороги и строилъ мосты. Нѣсколько разъ на пустынь нападали разбойники, мучили настоятеля и иноковъ, выпытывая у нихъ денегъ. Во время большаго голода обитель кормила множество народа, такъ-что съ утра до полуночи были общія для всѣхъ трапезы. Народъ въ это время жилъ около пустыни, въ лѣсу.

Въ этомъ же вѣкѣ основаны существующія донинѣ: Золотниковская Пустынь въ Суздальскомъ Уѣздѣ и Барковская въ Вязниковскомъ, близъ Халуйской Слободы. Основатель первой изъ этихъ пустынь, простой монахъ Іона Головцынъ, расчистилъ въ лѣсу мѣсто, устроилъ церковь и собралъ братію. О второй преданіе говоритъ, что она получила названіе отъ дремучаго бора, который былъ на мѣстѣ основанія пустыни ⁽⁶²⁾.

Въ самомъ концѣ XVII столѣтія основана нынѣ-существующая Введенская Островская Пустынь, въ четырехъ верстахъ отъ г. Покрова. На пустынный островъ, довольно-большаго озера, удалились два инока изъ упраздненной въ то время Антоніевой Пустыни, которая была на мѣстѣ нынѣшняго города Покрова. Мало-по-малу къ нимъ сошлись другія лица, искавшія уединенія. Собравшіеся отшельники очистили середину острова отъ густаго лѣса; а изъ срубленныхъ деревь построили церковь ⁽⁶³⁾.

⁽⁶⁰⁾ «Опис. Влад. Еп.», стр. 243.

⁽⁶¹⁾ «Влад. Губерн. Вѣдом.», 1855 года. №№ 34 и 35.

⁽⁶²⁾ Рукон. «Оп. Влад. Епарх.», стр. 260 и 264.

⁽⁶³⁾ Тамъ же, стр. 252 — 260.

Здѣсь показано происхожденіе только тѣхъ монастырей, о началѣ которыхъ сохранились какія-либо свѣдѣнія; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что большая часть монастырей, которые находились не въ городахъ, обязаны своимъ происхожденіемъ отшельникамъ, искавшимъ уединенія и трудовъ въ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ. Нѣкоторые до-сихъ-поръ находятся въ лѣсныхъ мѣстахъ; а на мѣстѣ, или вблизи другихъ, образовались города и села.

Другое происхожденіе городскихъ монастырей. Главная причина основанія ихъ было благочестіе князей, которые желали имѣть въ мѣстахъ своего пребыванія монашескіи обители. Этой причинѣ обязаны своимъ существованіемъ большая часть нынѣ-существующихъ и упраздненныхъ мужскихъ монастырей въ городахъ: Владиміръ, Суздаль, Переславль, Юрьевъ и Муромъ. Такъ, напримѣръ, владимірскій Рождественскій Монастырь построенъ Всеволодомъ III, Переславскій Горницкій Монастырь, упраздненный въ 1744 году, основанъ въ 1362 году супругой Дмитрія Донскаго, преподобной Евфросиніей⁽⁶¹⁾. Въ новыхъ городахъ объ этомъ заботились посадскіе люди; такъ, напримѣръ, въ половинѣ XVII столѣтія въ Вязниковской Слободѣ основанъ посадскими людьми Благовѣщенскій Монастырь⁽⁶²⁾. Городскіе монастыри строились также въ воспоминаніе важныхъ событій, въ благодарность за помощь Божію и его св. угодниковъ, какъ, напримѣръ, Муромскій Благовѣщенскій Монастырь построенъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ послѣ взятія Казани. Отправляясь подъ Казань, онъ жилъ въ Муромѣ нѣкоторое время, и, молясь надъ гробами св. князей муромскихъ, Константина и дѣтей его Михаила и Феодора, обѣщавъ устроить монастырь вмѣсто приходской церкви, гдѣ они были погребены, если молитва его будетъ услышана⁽⁶³⁾. Переславскій Феодоровскій Монастырь, сначала мужской, нынѣ женскій, основанъ въ память рожденія царевича, впоследствии царя Феодора Ивановича⁽⁶⁴⁾.

Нынѣ во Владимірской Губерніи мужскихъ монастырей считается: штатныхъ 10, заштатныхъ 4 и пустынь 6; всего 20. Изъ нихъ: 11 въ городахъ и 9 въ уѣздахъ. Ни въ XVIII, ни въ XIX столѣтіи не основано ни одного монастыря ни мужскаго, ни женскаго.

Большая часть изъ женскихъ монастырей или основывалась, или под-

(61) Рукоп. «Оп. Влад. Епар.», стр. 383.

(62) Тамъ же, стр. 226.

(63) Тамъ же, стр. 211 и 212.

(64) Тамъ же, стр. 313.

держивалась великими и удѣльными княгинями и княжнами, а потомъ царицами и царевнами, которыя въ нихъ жили.

Вотъ разсказъ лѣтописи объ основаніи самой древней изъ существующихъ нынѣ женскихъ обителей во Владимірской Губерніи, владимірскаго Успенскаго Монастыря, основаннаго въ первый годъ XIII столѣтія великой княгиней Маріей, супругой великаго князя Всеволода Юрьевича. Мать многихъ дѣтей, благочестивая и добродѣтельная Марія, любимая мужемъ, своими дѣтьми и народомъ, впала въ тяжкую болѣзнь. Въ это время она воспамѣрилась основать женскій монастырь во Владимірѣ. Великій князь, изъ любви къ ней, построилъ для этого монастыря великолѣпную, по тому времени, каменную церковь. Болѣзнь Маріи продолжалась. Она рѣшилась сама постричься въ новоустроенномъ монастырѣ. «Со слезами многими (говорить лѣтописецъ) провожали ее до монастыря великій князь Всеволодъ, сынъ Юрій и замужняя дочь Всеслава, пріѣхавшая къ тому времени во Владиміръ, епископъ, игумены, иноки, бояре и боярыни, монахини изъ всѣхъ монастырей и всѣ горожане, потому (прибавляетъ лѣтописецъ), что была для всѣхъ чрезвычайно—добра, благовѣрная княгиня Всеволодова и издѣтства въ страхъ Божиємъ любила правду». Черезъ нѣсколько дней, послѣ восьмилѣтней болѣзни, которую она переносила съ христіанскимъ терпѣніемъ, она умерла и погребена въ устроенномъ ею монастырѣ⁽⁶⁸⁾. Въ этомъ же монастырѣ, кромѣ другихъ княгинь и княженъ, погребены: вторая супруга Всеволода Анна и двѣ супруги Александра Невскаго: Евдокія и Васса⁽⁶⁹⁾. Впослѣдствіи въ этомъ монастырѣ жила 16 лѣтъ несчастная Ксенія, дочь царя Бориса Феодоровича Годунова⁽⁷⁰⁾.

Въ началѣ же XIII столѣтія Феодулія, дочь Михаила, князя черниговскаго, котораго церковь признала святымъ за его мученическую смерть въ Ордѣ, помолвлена была за одного изъ князей суздальскихъ. Женихъ умеръ прежде, чѣмъ увидѣлъ свою невѣсту. Княжна поступила въ суздальскій Ризположенскій Монастырь и при постриженіи названа Евфросиніей. Она вскорѣ прославилась своими подвигами и даромъ врачеванія. Народъ со всѣхъ сторонъ прибѣгалъ къ ея помощи. Ея молитвами спасена обитель, при общемъ разореніи г. Суздаля, при нашествіи татаръ. Нынѣ монастырь этотъ, въ честь св. Евфросиніи, на-

(68) «Поля. Собр. Русск. Лѣт.», т. I, стр. 175, 178 и 179.

(69) О. Іоасафа рукоп. «Опис. Влад. Еп.», стр. 306.

(70) «Истор. Карамз.», изд. 6-е. Спб. 1853, т. II, стр. 45.

зывается Преподобенскій (71). Сохранилось преданіе и о самомъ женхѣ св. Евфросиніи. Въ трехъ верстахъ отъ Суздаля, по владимірской дорогѣ, есть урочище, которое называется «Минино—Селище». По преданію, на этомъ мѣстѣ былъ загородный домъ суздальскаго князя Мпы Ивановича, жениха княжны черниговской. По тому же преданію, въ—древности, городъ Суздаль простирался до этого мѣста. Кто былъ этотъ Мпа Ивановичъ—лѣтописи намъ не объясняютъ (72).

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ основанія Спасоєвфиміевскаго Монастыря, братомъ основателя, другимъ княземъ суздальскимъ, Андреемъ Константиновичемъ, въ началѣ второй половины XIV столѣтія, основанъ въ Суздаль женскій Покровскій Монастырь. Причина основанія—обѣтъ, данный княземъ во время бури, которая застѣгла его на Волгѣ. Монастырь этотъ впоследствии сдѣлался знаменнымъ. Время извѣстности его начинается съ XVI вѣка, когда великій князь Василій Ивановичъ, не имѣя дѣтей, принужденъ былъ развестись съ своей супругой Соломоніей и жениться на Еленѣ Глинской, матери Ивана Васильевича Грознаго. Соломонія, подъ пнепемъ Софїи, была пострижена и отвезена въ Суздаль, въ Покровскій Монастырь. Она умерла чрезъ 17 лѣтъ послѣ своего постриженія, въ 1543 году. Народъ чтитъ память Софїи и служитъ панихиды надъ ея гробомъ (73). Карамзинъ, рассказавъ о постриженіи великой княгини, прибавляетъ: «Не умолчимъ здѣсь о преданіи любопытномъ, хотя и недостоверномъ: носился слухъ, что Соломонія, къ ужасу и бесполезному раскаянію великаго князя, оказалась послѣ беременною, родила сына, дала ему имя Георгій, тайно воспитывала его и не хотѣла никому показывать, говоря: «въ свое время онъ явится въ могущество и славу». Многіе считали то за истину; другіе—за сказку, вымышленную друзьями этой несчастной, добродѣтельной княгини» (74). Въ этомъ же монастырѣ погребены: одна изъ женъ царя Ивана Грознаго царица Анна, тѣтка его внокинн княжна Александра,

(71) «Истор. Русск. Церкви», т. II, Москва 1853, стр. 164 и 165; а также о. Юсафа рукоп. «Кр. свѣд. о св. угод. Влад. Епарх.».

(72) Ананія Федорова: «Истор. Собр. о Суждалѣ» (изъ «Врем. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1855, кн. 22), стр. 17 и 56 и рук. «Кр. свѣд. о св. угод. Влад. Еп.», рукоп. «Оп. Влад. Епарх.», стр. 220. Мининская пустошь нынѣ принадлежитъ суздальскому мужскому Васильевскому Монастырю.

(73) Ананія Федорова «Истор. Собр. о Суждалѣ», стр. 27, 28, 54 и 182—186.

(74) «Ист. Карамз.» , изд. 6—е, т. VII, стр. 139.

новѣстка, жена царевича Ивана Ивановича, инокиня Александра же, дочь царя Василія Шуйскаго царевна Анастасія и нѣсколько книгичи и князь изъ дома Шуйскихъ; между прочими, извѣстная въ исторіи, Екатерина, обвиняемая въ смерти славнаго своего родственника, князя Скопина—Шуйскаго (75). Въ этомъ же монастырѣ была пострижена и жила съ 1699 по 1718 годъ Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, въ монахиняхъ Елена, первая супруга Петра—Великаго (76). Въ монастырской оградѣ показываютъ мѣсто, гдѣ стояли брусчатые поком, разобранные въ 1752 году, показываютъ также въ одной изъ монастырскихъ церквей заложенную дверь, которая вела въ поком царицы. Въ монастырскомъ огородѣ есть прудъ, который называется «Царицынымъ». Прудъ этотъ обсаженъ ветлами. По преданію, около этого пруда любила гулять Евдокія (77). О пребываніи Евдокии въ предѣлахъ нынѣшней Владимірской Губерніи существуетъ другое преданіе. Шуйскаго Уѣзда, въ с. Дуншловѣ, которое было пожаловано въ вотчину отцу царицы, боярину Оедору Абрамовичу Лопухину, при Благовѣщенской Церкви былъ женскій монастырь. Въ 1831 году сгорѣли обширныя кельи игуменьи бывшаго здѣсь монастыря. Народъ говоритъ, что въ этихъ кельяхъ жила бывшая супруга Петра—Великаго, которая пріѣзжала сюда изъ Суздаля (78).

Въ городѣ Александровѣ на мѣстѣ страшнаго монастыря опричникковъ, гдѣ совершались казни и убійства, около половины XVII столѣтія основанъ женскій Успенскій Монастырь у церкви, сохранившейся отъ времени царя Ивана Васильевича Грознаго (79). Основателемъ ея былъ преп. Лукьянъ, который возобновилъ пустынь, находящуюся въ десяти верстахъ отъ Александрова, и получившую названіе Лукьяновской, о чемъ было сказано выше. Изъ грозныхъ подземелій Грознаго царя, мирныя инокини сдѣлали мирное употребленіе: онѣ хранятъ въ нихъ картофель и другія овощи. Монастырь этотъ сдѣлался особенно—извѣстнымъ въ самомъ началѣ XVIII столѣтія. Въ немъ жили и погребены двѣ сестры Петра I: Маргарита и Ѳеодосія Алексѣевны (80). Въ монастырѣ показываютъ кельи, въ которыхъ онѣ жили, и оловянную столовую

(75) «Ист. Собр. о Суздаль», стр. 181 и 182.

(76) Голикова «Дѣян. Петра Великаго», изд. 2-е, 1838—43 г., т. II, стр. 383 и т. VII, 42.

(77) О. Иоасафа рукоп. «Оп. Вл. Епар.» 1853, стр. 269, 270 и 275.

(78) Борисова: «Описаніе Шун и его окрестностей», Москва, 1851, стр. 160.

(79) Рукоп. «Оп. Влад. Епар.», стр. 276.

(80) Тамъ же, стр. 289 и слѣд.

несуду, которую онъ употребляли. Монастырь этотъ также, какъ суздальскій Петровскій, считается первокласснымъ.

Преданіе говоритъ, что временно жила, Ковровскаго Уѣзда, въ селѣ Лежневѣ дочь послѣдняго удѣльнаго князя старикаго, двоюроднаго брата Ивана Грознаго, Владимира Андреевича и вдова ефимернаго короля ливонскаго Магнуса, Марія Владиміровна, въ монахинялахъ Мароа. При Оедорѣ Ивановичѣ, въ 1588 году, она получила въ вотчину с. Лежнево, гдѣ былъ женскій монастырь, нынѣ приходская церковь. Марія Владиміровна умерла въ 1597 году и погребена, вмѣстѣ съ своей дочерью Евдокіей, умершей прежде, въ Троицкой Лаврѣ ⁽⁸¹⁾.

Кромѣ упомянутыхъ четырехъ монастырей, во Владимирской Губерніи находятся по одному женскому монастырю въ трехъ городахъ: Переславль-Залѣскомъ, Муромѣ и Юрьевѣ-Польскомъ ⁽⁸²⁾. Съ первымъ изъ этихъ монастырей соединено воспоминаніе о рожденіи царя Оедора Ивановича. Въ 1557 году царь Иванъ Васильевичъ съ супругой своей Анастасіей Романовной присутствовалъ при освященіи соборной церкви въ переславскомъ Никитскомъ Монастырѣ. На обратномъ пути въ Москву, царица близъ Переславля разрѣшилась отъ бремени сыномъ, которому дали имя Оедора. Часовня на шоссе служить памятникомъ этого событія. Въ благодарность Богу, царь основалъ мужской Оедоровскій Монастырь. Причина обращенія его въ женскій была слѣдующая, какъ видно изъ грамматы патріарха Іоасафа ⁽⁸³⁾. Въ Переславль-Залѣскомъ и его уѣздѣ многія жены и дѣвѣцы, постриженныя въ монахини, жили въ мірскихъ домахъ и ходили молиться Богу въ приходскія церкви; а шныя ходили по-міру и даже умирали голодной смертью. Посему сдѣлано было распоряженіе, въ 1667 г., о предоставленіи такимъ монахинямъ Оедоровскаго Монастыря. Сохранилось преданіе ⁽⁸⁴⁾, что въ этомъ монастырѣ жила постриженная въ монахини, цыня Петра-Великаго, Наталья Взискская. Ею и самимъ императоромъ сдѣлано нѣсколько вкладовъ въ Оедоровскій Монастырь.

Вѣроятно, причина основанія другихъ женскихъ монастырей въ это время была та же самая, какъ и Оедоровскаго; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ 1654 году была моровая язва, послѣ которой осталось

⁽⁸¹⁾ «Ист. Карамз.», изд. 6-е, т. X, стр. 76 и примѣч. 152. «Акты Археограф. Экспед.», т. I, № 340. Борнсова «Опис. Шуй и его окрест.», стр. 170.

⁽⁸²⁾ «Опис. Влад. Епар.», стр. 311 — 321.

⁽⁸³⁾ Тамъ же, прилож. № 12.

⁽⁸⁴⁾ Тамъ же, стр. 316 и слѣд.

много вдовъ и сиротъ. Многіе изъ упраздненныхъ женскихъ монастырей основаны были по тому же самому поводу, какъ, напримѣръ, въ городѣ Шуѣ. Суздальскій архіепископъ Серапіонъ, въ 1643 году, писалъ въ Шую то же самое, что патриархъ Іоасафъ въ Переславль, что пострѣженные монахи живутъ въ мѣрѣ у своихъ родственниковъ, молятся Богу приходятъ врознь, какъ и свѣтскіе люди, посему оны совѣтовалъ шуянамъ основать женскій монастырь⁽⁸⁵⁾. Подобная же причина послужила для основанія въ XIII-мъ вѣкѣ упраздненнаго суздальскаго Троицкаго Монастыря⁽⁸⁶⁾.

Обозрѣвая сооруженія церквей и монастырей, можно видѣть, что въ первое время, по введеніи христіанства въ землѣ суздальской и при переходѣ въ здѣшнюю страну на постоянное жительство князей гюркова дома, благосостояніе народное давало средства Юрію Долгорукому, Андрею Боголюбскому и Всеволоду-Великому воздвигнуть тѣ сооруженія, которыя сохранились до настоящаго времени. Послѣдовавшее затѣмъ нашествіе татаръ лишило князей владимѣрскихъ тѣхъ средствъ, которыми они обладали. Не прежде XVI-го вѣка, то-есть по совершенномъ уничтоженіи владычества татаръ, опять начинаются воздвигаться каменные храмы въ предѣлахъ нынѣшней Владимѣрской Губерніи. Затѣмъ постепенное увеличеніе каменныхъ сооруженій, воздвигаемыхъ не однимъ государями, но и народомъ, свидѣтельствуетъ о постепенномъ развитіи народнаго богатства.

То же самое замѣчается въ церковной утвари. Выше были приведены слова летописца, что Андрей Боголюбскій основанныя имъ церкви снабдилъ сосудами и украсилъ золотомъ, дорогими камнями и жемчужою; но всѣ церковныя богатства разграблены были татарами. Въ суздальскомъ Спасо-Евѣмиевскомъ Монастырѣ сохранился мѣдный крестъ, предъ которымъ, по преданію, молился преп. Евѣмій. Въ трехъ сельскихъ церквахъ Владимѣрской Губерніи⁽⁸⁷⁾ сохранились деревянные сосуды, которые, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежать или къ татарскому періоду, или ко времени, послѣдовавшему вслѣдъ за нимъ; потому-что съ XVI-го столѣтія начинаютъ входить въ общее употреб-

(85) Борисова. «Опис. г. Шуи». Москва. 1851 г., стр. 115.

(86) Ананія Федорова «Ист. Собр. о г. Суздаль» (изъ «Вр. М. О. И. и Д.» кн. 22, М. 1855), стр. 57 и 58. О. Іоасафа «Кр. свѣд. о св. угодн. Влад. Епарх.».

(87) Суздальскаго уѣзда с. Теренева, Вязниковскаго, с. Южп и Шуи-скаго с. Дроздова. См. о. Іоасафа: рукоп. «Оп. Вл. Епарх.», стр. 465, 528 и 535.

леніе оловянные сосуды. Въ XV-мъ столѣтіи кипарисный напестольный крестъ, безъ всякаго оклада, считался дорогимъ вкладомъ. Такой крестъ, съ обозначеніемъ 1481 года и имени вкладчика, находится въ одной изъ церквей г. Шуп⁽⁸⁸⁾. Но нѣтъ сомнѣнія, что вклады московскихъ государей въ это время, и еще болѣе съ начала XVI-го столѣтія, были серебряные. Это доказывается надписями на нѣкоторыхъ церковныхъ вещахъ во владимирскомъ Рождественскомъ и сюздальскомъ Спасо-Евфиміевскомъ Монастыряхъ, которыя сдѣланы въ XVII-мъ столѣтіи изъ *монастырскаго серебра* ⁽⁸⁹⁾, то-есть передѣланы изъ вещей, пожертвованныхъ въ прежнія времена. Нѣтъ никакого сомнѣнія также, что передѣлываніе это продолжалось и въ слѣдующемъ XVIII-мъ столѣтіи, съ тою только разницей, что въ числѣ передѣлываемыхъ вещей были не только серебряныя, но и золотыя, что видно изъ надписи на золотыхъ сосудахъ Рождественскаго Монастыря, сдѣланныхъ въ 1710 году ⁽⁹⁰⁾. Подобныя передѣлки были причиною, что до настоящаго времени сохранились только церковныя вещи, сдѣланныя не прежде второй половины XVI-го вѣка. Вообще же всѣ царскіе вклады въ монастыряхъ и соборахъ Владимирской Губерніи состоятъ изъ 67 вещей. Кромѣ передѣлокъ, такое ограниченное число объясняется также и тѣмъ, что не составлено по многимъ церквамъ подробныхъ описаній церковной утвари. Замѣчательно распредѣленіе этого числа по столѣтіямъ:

XVI-го столѣтія второй половины....	13
XVII-го — первой —	11
XVII-го — второй —	30
XVIII-го (до 1715 года, 10)	11
XIX-го столѣтія.....	2

Всего..... 67 ⁽⁹¹⁾.

Первыя три цифры показываютъ, какъ благосостояніе государства возрастало, падало и потомъ опять возрастало. Замѣчательно также, что изъ одиннадцати вкладовъ первой половины XVII-го столѣтія только два принадлежатъ къ первой четверти этого вѣка и девять ко второй, когда начали заживать раны, нанесенныя общему благосостоянію въ смутное время. Небольшое число царскихъ вкладовъ двухъ послѣднихъ

⁽⁸⁸⁾ Тамъ же, стр. 503. Это самый древній изъ извѣстныхъ церковныхъ вкладовъ, на которомъ имѣется надпись.

⁽⁸⁹⁾ О. Юасафа : рукоп. «Опис. Влад. Епарх.», стр. 95, 117 и 120.

⁽⁹⁰⁾ Тамъ же, стр. 117.

⁽⁹¹⁾ О. Юасафа : рукоп. «Опис. Влад. Епарх.», стр. 83 — 402.

столѣтій показываетъ, что благочестіе русскихъ государей было направлено на украшеніе храмовъ новой своей столицы. Древніе монастыри и соборы были уже снабжены богатыми вкладами прежнихъ временъ.

Любопытно также разсмотрѣніе, изъ чего состояли эти вклады. Изъ тринадцати вкладовъ XVI-го столѣтія пять — собственноручная работа царицы Анастасіи Романовны: по шелковой матеріи шитьё шелками, серебромъ, золотомъ и жемчугомъ. Два подобные же вклада царя Теодора Ивановича и супруги его Ирины Теодоровны, вѣроятно, также работа самой царицы. Три приклада къ образу, другой супруги царя Ивана-Грознаго, Маріи Темрюковой: жемчужное ожерелье, золотыя серьги и золотой перстень. Два серебряные оклада на образѣ самого царя и царевича Теодора Ивановича. Наконецъ, одно серебряное блюдо жены послѣдняго удѣльнаго князя Владиміра Андреевича. Въ числѣ 41 вклада XVII-го вѣка встрѣчаются также царскія работы, именно: четыре вклада работы царицы Софьи Алексѣевны. Но большая часть драгоценныя вещи. Просто серебряныхъ весьма-мало. Большая часть серебряныя, вызолоченныя, украшенныя жемчугомъ и драгоценными камнями. Есть нѣсколько вещей, сдѣланныхъ изъ одного золота. Наконецъ изъ одиннадцати вещей XVIII-го столѣтія, четыре сдѣланы изъ чистаго золота: сосуды во владимірскомъ Рождественскомъ и въ александровскомъ Успенскомъ Монастыряхъ. Эти вещи вложены царицею Марьей Алексѣевной, которой принадлежитъ весьма-много вкладовъ временъ Іоанна и Петра. Въ этомъ столѣтіи императрицею Елисаветою Петровною пожертвована была ея царская порфира, изъ которой сшиты одежды на мощи святыхъ князей, которыхъ гробницы находятся во владимірскомъ соборѣ.

Всякій путешественникъ невольно остановится передъ образомъ Грузинской Божіей Матери въ суздальскомъ Покровскомъ Монастырѣ. Онъ поставленъ въ монастырѣ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, на обратномъ пути его изъ Казани. Приклады къ этой иконѣ сдѣланы двумя супругами царя — Анастасіей и Маріей, царицею Ксеніей Борисовной Годуновой и царицею Еленой Петровной Шуйской. Такимъ-образомъ около этой иконы соединены воспоминанія о трехъ угасшихъ династіяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о дочери родоначальника нынѣ царствующаго дома Романовыхъ.

Разсматривая вклады, сдѣланные частными лицами, можно видѣть то же самое, что сказано было выше о сооруженіи церквей, то есть постепенное развитіе благосостоянія во всехъ сословіяхъ, начиная отъ царской фамиліи до престога крестьянина. Въ нынѣшніе

монастыри и соборы Владимірской Губерніи въ XVI-мъ столѣтїи сдѣланы два вклада духовными и три боярами. Въ XVII-мъ вѣкѣ число драгоцѣнныхъ вкладовъ, сдѣланныхъ духовными лицами и дворянами, весьма-значительно; но въ этомъ же вѣкѣ начинаются вклады отъ посадскихъ людей и крестьянъ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ число это увеличивается; а въ XIX-мъ большинство вкладовъ принадлежитъ купцамъ и крестьянамъ. Богатыми украшеніями, сдѣланными въ последнее время, въ-особенности отличаются церкви г. Шуи ⁽⁹²⁾.

Причины, почему московскіе государи въ нынѣшней Владимірской Губерніи такъ много построили церквей и надѣлили ихъ богатыми вкладами, отчасти уже объясняются предъидущимъ изложеніемъ; къ этому еще слѣдуетъ прибавить свѣдѣнія о предкахъ московскихъ государей, погребенныхъ въ храмахъ Владимірской Губерніи. О нѣкоторыхъ изъ нихъ было уже сказано. Самыя древнія княжескіи гробницы находятся въ Муромѣ: св. князей муромскихъ Константина (вѣроятно, Ярослава Святославича, умершаго въ 1129 году) ⁽⁹³⁾ и дѣтей его Михаила и Феодора. Въ Муромѣ же находятся гробницы св. князя Петра (вѣроятно, Давида, умершаго въ 1228 году) ⁽⁹⁴⁾, и супруги его св. Февронїи. О древней гробницѣ сына Юрія Долгорукова въ с. Кидекшѣ, князя суздальскаго Бориса Юрьевича, умершаго въ 1159 году, сказано было выше. Въ суздальскомъ соборѣ похороненъ другой его сынъ, Святославъ, умершій въ 1174 году ⁽⁹⁵⁾. Еще трое изъ сыновей Долгорукова лежатъ во владимірскомъ соборѣ, великіе князья владимірскіе: Андрей Боголюбскій, Михаилъ и Всеволодъ, умершіе въ 1174, 1176 и 1212 г. Тутъ же погребены трое сыновей Андрея и трое Всеволода. Дѣти перваго не оставили потомства. Изъ сыновей втораго, великій князь Юрій погибъ, вмѣстѣ съ троими сыновьями, тутъ же погребенными, при нашествїи татаръ въ 1238 году. Константинъ, умершій въ 1218 году, сдѣлался родоначальникомъ ростовскихъ князей. Но третьему, Ярославу, суждено было сдѣлаться родоначальникомъ князей московскихъ ⁽⁹⁶⁾. Извѣстна также могила еще одного изъ сыновей Всеволода

⁽⁹²⁾ Борисова. «Опис. г. Шуи и его окр.», Москва. 1831 г. 104—122.

⁽⁹³⁾ «Полн. Собр. Русс. Лѣт.», т. I, стр. 131. «Въ лѣто 6637 представлялся Ярославъ Святославичъ въ Муромѣ».

⁽⁹⁴⁾ Тамъ же, стр. 191.

⁽⁹⁵⁾ Тамъ же, стр. 156.

⁽⁹⁶⁾ «О могилахъ князей и княгинь въ Успенскомъ Соборѣ см. Доброхотова: «Памят. Др. во Влад. Кяз.», Москва, 1849 г.; стр. 57—60. Мы упомянули только о тѣхъ князьяхъ, на могилахъ которыхъ стоятъ

Великаго Святослава, князя юрьскаго, умершаго въ 1252 г. Онъ погребенъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, также удѣльнымъ княземъ юрьсскимъ, умершимъ, въ 1269 г., въ основанномъ имъ юрьскомъ соборѣ⁽⁹⁷⁾. Перечисленіе всѣхъ удѣльныхъ князей, княгинь, ихъ дѣтей и дѣтей великихъ князей, погребенныхъ въ соборахъ и церквахъ Владимірской Губерніи, въ-особенности во Владимірѣ и Суздальѣ, утонуло бы вниманіе, не принеся существенной пользы. Остается сказать только о ближайшихъ родоначальникахъ московскихъ государей. О могилѣ и гробѣ сына Ярослава Всеволодовича, св. Александра-Невскаго, умершаго въ 1263 году, было уже сказано выше; также упомянуто было о могилахъ двухъ его женъ въ женскомъ владимірскомъ монастырѣ. Старшій братъ его Федоръ, умершій въ 1233 году и мать, великая княгиня Федосія, умершая въ 1244 г., погребены во владимірскомъ Георгіевскомъ Монастырѣ⁽⁹⁸⁾, нынѣ приходская церковь. Въ переславскомъ соборѣ лежитъ сынъ его Дмитрій и внукъ Иванъ, умершіе въ 1294 и 1302 году⁽⁹⁹⁾. Наконецъ, во владимірскомъ соборѣ похороненъ одинъ изъ сыновей Данила Александровича московскаго, отца перваго московскаго великаго князя Ивана Калиты, Бориса, умершаго въ 1320 году.

Память о погребенныхъ во Владимірѣ князяхъ и княгиняхъ поддерживалась въ народѣ торжественными панихидами, которыя пѣлись ежегодно на княжескихъ гробахъ въ день смерти каждаго изъ нихъ. По пивухъ, кромѣ того, отправлялась другая панихида на память того святаго, котораго они носили имя. Во владимірскомъ соборѣ хранится любопытная записка о поминовеніи владимірскихъ князей и княгинь во времена царя Ивана Грознаго. Изъ этой записки видно, что панихиды

гробницы, съ надписями. Но изъ собранныхъ лѣтописей видно, что въ немъ также погребены: шестой сынъ Долгорукова—Ярославъ, внукъ его Борисъ Михайловичъ, внуки же его, трое сыновей Всеволода III: Святославъ, Иванъ и Владиміръ, а также внукъ Всеволодовъ и братъ Александра Невскаго Константинъ Ярославичъ. Тутъ же, по историческимъ свѣдѣніямъ, погребенъ племянникъ и храбрый сподвижникъ Всеволода III, Изяславъ Глѣбовичъ, убитый въ Волжской Болгаріи въ 1184 году.

⁽⁹⁷⁾ О. Юасафа рукоп. «Оп. Влад. Епар.». 1853 г., стр. 378.

⁽⁹⁸⁾ «Поли. Собр. Русск. Лѣт.», т. I, стр. 220, т. III, стр. 54. Также «Опис. Влад. Еп.», стр. 404—406.

⁽⁹⁹⁾ «Поли. Собр. Русск. Лѣт.», т. I, стр. 228. Также «Опис. Влад. Еп.», стр. 382.

раздѣлялись на большія, среднія и малыя. Въ запискѣ подробно обозначено: когда, сколько и какія панихиды шѣть по томъ пли по другомъ бязѣ; а также: кому служить въ эти дни обѣдн, которые также служились соборомъ. Самыя торжественныя панихиды отправлялись въ память предковъ московскихъ государей по прямой линіи; именно Всеволода Юрьевича и Ярослав Всеволодовича. Сынъ послѣдняго, Александръ-Невскій, въ то время былъ уже признанъ церковію святымъ. Надъ гробомъ его шѣлись молебны. Какъ торжественны были княжескія панихиды и какъ многочисленно было въ то время духовенство во Владимирѣ, можно судить изъ того, что на большихъ панихидахъ присутствовало 84 человѣка священнослужителей, на среднихъ 33, а на малыхъ 26 челозѣкъ ⁽¹⁰⁰⁾.

Затѣмъ слѣдуетъ перейти къ преданіямъ о посѣщеніяхъ Владимирской Губерніи великими князьями и царями въ то время, когда они, оставя Владимиръ, постоянно жили въ Москвѣ. Причина частыхъ посѣщеній, между прочимъ, объясняется тѣмъ, что во весь московскій періодъ нашей исторіи Владимиръ считался первопрестольнымъ городомъ. Долгое время въ титулѣ великихъ князей Владимирское Великое Княжество ставилось выше Московскаго; а въ первое время этого періода, московскіе государи восходили на великокняжескій престолъ въ здѣшнемъ въ Златоверхомъ Успенскомъ Соборѣ. Монастыри особенно связывали Владимиръ съ Москвой. Инокіи монастырей владимирской страны воспринимали дѣтей царскихъ. Жены и дочери царей скрывались отъ свѣта также въ здѣшнихъ монастыряхъ. Черезъ владимирскую страну лежала дорога въ Царство Казанское. Въ предѣлахъ нынѣшней Владимирской Губерніи была большая часть владѣній знаменитой опричины Грознаго царя, съ царской резиденціей—Александровской Слободой. Наконецъ, на берегу Плещеева—Озера Петръ построилъ первую флотилію и на водахъ этого озера взялъ первые уроки въ морской наукѣ. Скажемъ о тѣхъ царскихъ посѣщеніяхъ, о которыхъ сохранились преданія. Преданія эти и историческія извѣстія доходятъ до временъ Василья Васильевича Темпаго.

Подъ стѣнами суздальскаго Спасо-Финьевскаго Монастыря, на берегу рѣки Каменки, въ 1445 году была разбита казанскими царевичами малочисленная дружина великаго князя и самъ князь взятъ въ плѣнъ. Царевичи два дня отдыхали въ монастырѣ. Въ знакъ своей побѣды они отправили въ Москву, къ матери несчастнаго Василія, сня-

⁽¹⁰⁰⁾ Доброхотова «Памят. Древ.», стр. 60—66.

тые съ него кресты (тѣльнички) ⁽¹⁰¹⁾. По освобожденіи изъ плѣна, великій князь отпразднелъ молиться Богу въ Троицкій Монастырь. По распоряженію постоянно-враждовавшаго съ Васильемъ двоюроднаго его брата, Дмитрія Юрьевича Шемяки, онъ былъ схваченъ, ослѣпленъ въ Москвѣ и отправленъ въ Угличъ (1446 года). Преданные великому князю слуги спасли дѣтей его, Ивана, наследника московскаго престола, и Юрія. Они отвезены были къ князю Ивану Рязоловскому въ село Боярово, недалеко отъ города Юрева. Князь Рязоловскій, съ двумя своими бѣтьями и небольшою дружиною, перевезли царственныхъ младенцевъ въ городъ Муромъ ⁽¹⁰²⁾. Шемяка уговорилъ епископа рязанскаго и муромскаго Іону отправиться въ Муромъ и привезти къ нему великокняжескихъ дѣтей, съ обѣщаніемъ выпустить отца ихъ и дать имъ богатый удѣлъ. Епископъ успѣлъ исполнить порученіе князя. После молебна въ муромскомъ соборѣ, онъ принялъ дѣтей Василья съ церковной пелены на свою епатрахию, въ удостовѣреніе, что Шемяка не сдѣлаетъ имъ никакого зла. Князья Рязоловскіе сами пріѣхали съ Иваномъ и Юріемъ въ Переславль, гдѣ тогда находился Шемяка, который отправилъ ихъ въ Угличъ къ отцу и къ матери. По Василіи и семейство его остались подъ стражей ⁽¹⁰³⁾.

Снукъ Василья Темнаго, великій князь Василій Ивановичъ особенно уважалъ пренедобнаго Данила и не одинъ разъ посѣщалъ его въ монастырь, который онъ основалъ въ городѣ Переславль. Онъ оказывалъ особенную милость къ Данилу, приказывалъ ему садиться возлѣ себя. Онъ и великая княгиня съ вѣрой вкушали монастырскій хлѣбъ и пили квасъ, ожидая отъ этого пользы для себя ⁽¹⁰⁴⁾. Когда у великаго князя, отъ втораго брака съ Еленой Глинскою, родился въ 1530 году первый сынъ, впоследствии первый царь московскій, Иванъ, то Данилъ, вмѣстѣ съ другими духовными лицами, былъ воспріемникомъ царевича въ Троицкой Лаврѣ. Онъ крестилъ также и другаго сына васильева — Юрія ⁽¹⁰⁵⁾.

Города, монастыри и храмы Владимірскаго Губерніи полны преданіями времени Ивана Васильевича Грознаго. Во время походовъ своихъ на

⁽¹⁰¹⁾ Тамъ же, изд. 6-е, Спб. 1852, т. V, стр. 305 — 307 и примѣч. 325.

⁽¹⁰²⁾ «Ист. Карамз.», т. V, стр. 313 — 317.

⁽¹⁰³⁾ Тамъ же, стр. 319—321.

⁽¹⁰⁴⁾ «Основан. Пересл. Данилов. Монаст.», Москва 1853. Стр. 32 и 33.

⁽¹⁰⁵⁾ «Оси. Пер. Дан. Мон.», стр. 35—37 и «Ист. Карамз.», т. VII, стр. 160 и прим. 312.

Казань, онъ моляся у гробовъ святыхъ угодниковъ, во Владимірѣ — Александра Невскаго, въ Муромѣ — князя Петра и княгини Феврови (106). Преданіе, вписанное въ рукописное житіе святыхъ муромскихъ князей Константина и дѣтей его Михаила и Оедора, говоритъ, что въ 1552 году царь Иванъ Васильевичъ Грозный двѣ недѣли жилъ въ Муромѣ и, моляся надъ гробами святыхъ князей, далъ обѣтъ устроить монастырь при той церкви, въ которой они были погребены, если походъ его будетъ успешенъ. По взятіи Казани, царь исполнилъ свой обѣтъ, и въ 1555 году положено было основаніе пынѣшнему муромскому Благовѣщенскому Монастырю (107). Другое преданіе говоритъ, что муромская Козьмодемьянская Церковь, которая стоитъ на берегу рѣки Оки, построена по повелѣнію Грознаго на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ его станъ при переправѣ войскъ чрезъ Оку, на обратномъ пути изъ Казани (108). Выше было уже сказано, что, на возвратномъ же пути изъ Казани, царь пожертвовалъ въ суздальскій Покровскій Монастырь богато-украшенный образъ Грузинской Божіей Матери (109).

Московскіе государи вмѣстѣ съ своими семействами лжили путешествовать по святымъ мѣстамъ русскимъ. Иванъ Грозный заслужилъ даже упреки отъ современниковъ за излишнюю любовь его къ страствованіямъ по монастырямъ. Такъ знаменитый ученый монахъ тогдашняго времени Максимъ Грекъ одинъ разъ сказалъ ему: «Государь, пристойно ли тебѣ скитаться по дальнимъ монастырямъ съ юной супругой и съ младенцемъ» (110)? Во многихъ монастыряхъ они устроивали особыя царскія палаты. Подобные дворцы были устроены въ двухъ монастыряхъ Владимірской Губерніи: въ переславскомъ Никитскомъ, при Грозномъ и во Флорищевской Пустынѣ, при Оедорѣ Алексѣевичѣ (111). Изъ обитателей Владимірской Губерніи особенно часто посѣщались переславскіе монастыри. Городъ Переславль и самъ славенъ своими святынями. Кромѣ святыхъ Никиты Столпника, въ Переславлѣ, въ Никитской Церкви находится гробница Андрея, одного изъ князей

(106) «Ист. Карам.», изд. 6-е. Сиб. 1852, т. VIII, стр. 123 и 156.

(107) О. Юасафа рукоп. «Оп. Вл. Епарх.», 1853 г., стр. 211 и 212.

(108) О. Юасафа: рук. «Оп. Влад. Епарх.», стр. 487.

(109) Тамъ же, стр. 270.

(110) «Ист. Карам.», изд. 6-е, т. VIII, стр. 222.

(111) Рукоп. «Оп. Влад. Еп.», стр. 181, 182 и 235. Въ Никитскомъ Монастырѣ, въ прежде-бывшихъ царскихъ палатахъ, нынче живутъ настоятели этого монастыря. Деревянный же дворецъ во Флорищевской Пустынѣ существовалъ до 1808 года.

смоленскихъ, признаннаго церковью святымъ въ 1540 году. Къ какому роду князей смоленскихъ онъ принадлежалъ—неизвѣстно. Онъ приехалъ въ Переславль въ концѣ XV-го столѣтія и скрывалъ свое происхождение, которое узнали не прежде, какъ послѣ его смерти⁽¹¹²⁾. Но, сверхъ-того, Переславль находился и находится на дорогѣ изъ Москвы, чрезъ Троицкую Лавру, въ Ростовъ и на Бѣлоозеро. Пребываніе Ивана Васильевича въ Александровской Слободѣ еще болѣе приблизило царя къ Переславлю. Вотъ почему преданіе и исторія сохранили намъ извѣстія о частыхъ посѣщеніяхъ этого города Иваномъ Грознымъ. Съ этимъ городомъ соединено воспоминаніе о важныхъ событіяхъ царскаго семейства.

Лишившись двухъ дочерей и перваго своего сына царевича Дмитрія, царь и царица, по преданію, внесенному въ «Степенную Книгу», отправились, по обыкновенію, на богомолье: молить Бога и святыхъ угодниковъ о дарованіи имъ дѣтей. Молились въ Ростовѣ и, по возвращеніи отсюда въ Переславль, прибѣгли съ своими молитвами ко гробу святаго мученика Никиты. Молитва ихъ была услышана. Чрезъ девять мѣсяцевъ родился царевичъ Иванъ. Это было въ 1553 г.⁽¹¹³⁾ Чрезъ четыре года, въ 1557 году, на обратномъ пути изъ Переславля въ Москву, недалеко отъ города, царица Анастасія разрѣшилась отъ бремени другимъ сыномъ, царевичемъ, впоследствии царемъ, Феодоромъ Ивановичемъ. О сооруженныхъ по этому случаю часовнѣ и Феодоровскомъ Монастырѣ было уже сказано выше. Можетъ—быть, въ воспоминаніе этого же событія былъ построенъ другой Феодоровскій Монастырь. Въ четырехъ верстахъ отъ Владиміра, на дорогѣ въ Суздаль, указываютъ мѣсто, гдѣ прежде былъ Феодоровскій Монастырь и о существованіи котораго сохранились юридическіе акты. Близъ этого мѣста протекаетъ рѣчка Почайна. Этотъ монастырь существовалъ еще въ 1715 году и, по преданію, основанъ былъ также Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ⁽¹¹⁴⁾.

Монастырскія записки и надпись на паперти соборной монастырской церкви переславскаго Никитскаго Монастыря передаютъ преданіе еще о двухъ посѣщеніяхъ города Переславля царемъ въ 1558 и въ 1564 годахъ. Въ первый разъ онъ пріѣзжалъ изъ Троицкой Лавры съ царицей Анастасіей, съ сыномъ Иваномъ и съ братомъ Юріемъ. Повелѣлъ ра-

⁽¹¹²⁾ «Основ. Пересл. Данил. Мон.», Москва, 1853, стр. 41—45.

⁽¹¹³⁾ Рукон. «Опис. Влад. Еп.», стр. 185 и 186. «Ист. Карам.», изд. 6-е Смирд., т. VIII, стр. 224 и примѣч. 391.

⁽¹¹⁴⁾ «Опис. Влад. Епарх.», прилож. № 16, статья 43.

зобратъ старую церковь, построятъ новую, теплую, съ трапезой, поставятъ кельи для братіи и царскія палаты для своего пріѣзда. Снабдивъ монастырь книгами, кнѣгами и разными драгоценными вещами и установивъ общежитіе, возвратился въ Троицкую Лавру къ 25 сентября для празднованія памяти преподобнаго Сергія ⁽¹¹⁵⁾. Въ другой разъ, въ 1564 году, онъ пріѣзжалъ съ другой своей супругой, Маріей, съ царевичемъ Иваномъ и съ братомъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, на освященіе имъ же воздвигнутой соборной церкви въ Никитскомъ Монастырѣ. При этомъ, во время заутрени и обѣдни самъ царь читалъ въ церкви и пѣлъ «красивымъ пѣніемъ съ своею стащцею», какъ сказано въ церковной надписи ⁽¹¹⁶⁾. Это заставляетъ догадываться, что царь пріѣзжалъ изъ Александровской Слободы съ своими опричниками. Опричнина была учреждена имъ въ этомъ году.

Въ сорока верстахъ отъ Переяслава находится городъ Александровъ, прежняя знаменитая Александровская Слобода. Выше было уже упомянуто, что на мѣстѣ пребыванія Ивана Грознаго нынѣ находится женскій монастырь. Въ Александровѣ живо сохранились преданія о временахъ Ивана Васильевича. Тамъ указываютъ лобное мѣсто, на которомъ совершались казни; указываютъ мѣсто, откуда смотрѣлъ Грозный царь на казни своихъ вельможъ. Сохранилось названіе урочища *Зорные Пруды*. Названіе это, по народному объясненію, происходитъ отъ бывшихъ тутъ *прудовъ*, въ которые по *зорямъ* бросали тѣла казненныхъ. Сохранившіеся до настоящаго времени подвалы подъ двумя монастырскими церквами напоминаютъ о пребываніи здѣсь Ивана Грознаго и заставляютъ предполагать, что они служили темницами для лицъ, обреченныхъ смертной казни. Съ шумомъ заженной лучины услужливыя монахини приводятъ cadaго путешественника въ двухъэтажное подземелье, которое въ настоящее время имѣетъ такое мирное назначеніе—хранить монастырскіе овощи ⁽¹¹⁷⁾. Въ связи съ Успенской Церковью находятся кельи, въ которыхъ, по преданію, жилъ Иванъ Грозный ⁽¹¹⁸⁾.

О царѣ Василѣ Ивановичѣ Шуйскомъ остались въ народѣ два преданія, которыя относятся ко времени, когда онъ былъ еще простымъ княземъ. Въ Александровскомъ Уѣздѣ, на берегу рѣки Шерны, есть селеніе Семеновское—Шуйское. По народнымъ разсказамъ, село это

⁽¹¹⁵⁾ Тамъ же, стр. 181 и 182.

⁽¹¹⁶⁾ Тамъ же, стр. 179 и 180.

⁽¹¹⁷⁾ Объ этихъ подземельяхъ писалъ профессоръ Шевыревъ. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1850 г., ноябрь.

⁽¹¹⁸⁾ Рук. «Опис. Влад. Еп.», стр. 278.

основано имъ. Живя въ одной изъ своихъ вотчинъ, недалеко отъ мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ село, князь Шуйскій, будучи еще молодымъ, часто гулялъ по крутымъ берегамъ рѣки Шеры, покрытымъ въ то время дремучимъ лѣсомъ. На мѣстѣ, которое особенно ему нравилось, онъ построилъ хотя деревянную, но богатую церковь, около которой поселилъ крестьянъ. Построенную церковь онъ посвящалъ имени св. Симеона Иерусалимскаго, древній образъ котораго, переходившій по наслѣдству изъ рода въ родъ, особенно почитался въ семействѣ Шуйскихъ. Такимъ-образомъ народъ объясняетъ названіе села Семеновскаго-Шуйскаго (119). Другое преданіе относится къ селамъ Парскому и Васильевскому, Шуйскаго Уѣзда. Въ селѣ Парскомъ, которое принадлежало князьямъ Шуйскимъ, есть мѣсто, которое до-сихъ-поръ называется «Княжій Дворъ». Живя въ этомъ дворѣ, князь Василій Шуйскій выѣзжалъ для соколиной охоты въ густой лѣсъ, около села Матвѣйскій-Станъ, которое съ этого времени стало называться селомъ Васильевскимъ (120).

Въ предѣлахъ же нынѣшней Владимірской Губерніи жилъ нѣкоторое время Ажедмитрій — Григорій Отрепьевъ, котораго Василій Шуйскій свергнулъ съ престола. По сказанію нашихъ лѣтописцевъ, самозванецъ постригся четырнадцати лѣтъ въ Москвѣ и оттуда ушелъ въ Суздальскій Спасо-Феодосіевскій Монастырь, изъ котораго перешелъ въ Спасо-Купецкій Монастырь, нынѣ приходская церковь Суздальскаго Уѣзда села Сербилова, Спасъ-Куксы тожъ (121).

О проѣздѣ чрезъ Владимірскую Губернію семейства царя Алексѣя Михайловича преданіе рассказываетъ слѣдующее: «Въ 1654 году, во время моровой язвы, ѣхалъ изъ Москвы въ мѣста богѣе-благополучныя патріархъ Никонъ съ царскимъ семействомъ мимо Александровской Слободы и остановился на пути противъ Успенской Обители, недавно еще основанной преподобнымъ Лукьяномъ. Старицы, первыя поселившіяся здѣсь, вышли на встрѣчу патріарху, поклонились ему въ землю и приняли благословіе. Осматривая изъ экипажа обитель, еще крайне-бѣдную, Никонъ троекратно сказалъ: «да будетъ сіе мѣсто свято, благословенно и прославлено», и подалъ старицамъ милостыню: хлѣбъ, три оестра рыбы, икры и масла» (122). Впослѣдствіи, въ 1712 году,

(119) О. Юасафа рук. «Опис. Вл. Епар.», стр. 541 и 542.

(120) Борисова: «Опис. г. Шуй и его окрестн.», стр. 162.

(121) «Ист. Карам.», изд. 6-е, т. XI, прим. 194 и рукоп. «Оп. Вл. Еп.», стр. 464.

(122) Рукоп. «Оп. Вл. Еп.», стр. 292 и 293.

при освященіи соборной церкви въ Лукьяновской Пустыни, которая находится вблизи отъ города Александрова, присутствовали дочери царя Алексѣя Михайловича, великія княжны Марія и Феодосія Алексѣевны (123).

Царь Феодоръ Алексѣевичъ особенно уважалъ настоятеля Флорщевской—Пустыни, Иларіона. О святой жизни его онъ узналъ изъ донесеній визниковскаго и гороховскаго воеводъ (124). Пожелавъ видѣть его лично, онъ вызвалъ Иларіона въ Москву. Государь и все царское семейство полюбили флорщевскаго настоятеля. Онъ сдѣлался другомъ царскаго семейства; а когда царица разрѣшилась отъ бремени царевичемъ Ильей, Иларіонъ былъ его восприемникомъ при крещеніи.

Живо сохранилось преланіе о двукратномъ посѣщеніи Флорщевской Пустыни царемъ Феодоромъ Алексѣевичемъ со всѣмъ семействомъ. Первый пріѣздъ его былъ въ 1681 году. Проѣхавъ Суздаль и Вязники, онъ ѣхалъ прямо лѣсомъ, для чего нарочно устроена была дорога. Дорога эта до-сихъ-поръ видна и носитъ названіе «Царской». На половинѣ этой дороги онъ обѣдалъ на берегу озера. Мѣсто, чрезъ которое онъ взшелъ въ пустынь, и до-сихъ-поръ называется «Царскимъ Входомъ». Для приѣма высокихъ гостей устроенъ былъ деревянный дворецъ, существовавшій до 1808 года. Во второй разъ Феодоръ Алексѣевичъ былъ въ годъ своей смерти, въ 1682 году, на освященіи воздвигнутой, по повелѣнію его, церкви. По отбытіи царя, Иларіонъ отправился вслѣдъ за нимъ и былъ сдѣланъ сначала епископомъ, а потомъ митрополитомъ суздальской епархіи (125). Въ этотъ проѣздъ онъ пробылъ въ Суздаль не менѣе трехъ дней. Съ нимъ были царевны Софья, Феодосія и Марья Алексѣевны. Октября 15, въ день празднованія святаго Іоанна, суздальскаго епископа, государь присутствовалъ при торжественномъ богослуженіи (126).

Мѣстное извѣстіе сохранилось объ одномъ посѣщеніи царевны Софьи, во время ея правленія, вмѣстѣ съ царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами, переславскихъ святыхъ въ 1687 году. Тогда же они посѣтили Вещеву Пустынь, которая находилась близъ города Переславля. При учрежденіи штатовъ, пустынь эта обращена въ приходскую церковь (127).

(123) Тамъ же, стр. 247.

(124) Ивана Михайловича Языкова и Петра Абрамовича Лопухина.

(125) «Влад. Губ. Вѣд.» 1855. №№ 34 и 35.

(126) Ананія Феодорова. «Ист. Собр. о Суздаль», Москва, 1855, стр. 118.

(127) «Влад. Губ. Вѣд.», 1855. № 29.

Но вотъ разсказъ крестьянки села Велькова Устиньи Аароновой, относящійся къ 1688 году. Разсказъ этотъ, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнью, дошелъ до настоящаго времени. «Я жала рожь (разсказывала Устинья); вдругъ я вижу прямо отъ Горницкаго Монастыря, по горѣ, хлѣбомъ, кто-то ѣдетъ верхомъ на каремъ конѣ. За нимъ, не въ дальнемъ разстояннн, тоже на коняхъ, ѣдутъ еще три человекъ. Тотъ, что ѣхалъ впереди, остановился недалеко отъ меня и сталъ пристально смотрѣть на озеро. Долго онъ смотрѣлъ, и я до-сыта на-смотрѣлась на него. Онъ былъ великъ ростомъ и статенъ, въ одеждѣ, похожей на охотничью. Изъ-подъ шляпы съ навѣсомъ видны были кудри русыхъ волосъ. Лицо у него было нѣсколько-смугловато, глаза каріе, быстрые, усъ только пробивался. На бедрѣ его висѣлъ мечъ, за поясомъ торчалъ охотничій ножъ; при немъ былъ небольшой огнестрѣль. Видъ его былъ строгъ; но я, замѣнивъ на лицѣ его какую-то радость, да и не зная, кто онъ таковъ, а полагая, что какой-нибудь баринъ-охотникъ, сказала ему: «эхче, баринъ, зачѣмъ хлѣбушко-то инешь». Онъ мнѣ на это отвѣчалъ: «не брѣужи, старуха, хорошо вамъ будетъ», и поѣхалъ далѣе по скату горы къ Соломидну. За нимъ послѣдовали и другіе, въ числѣ которыхъ я узнала нашего переславскаго намѣстника. Впослѣдствіи я узнала кто былъ таковъ этотъ баринъ» (128).

Это былъ шестнадцатилѣтній Петръ, который выпросился у матери въ Троицкій Монастырь и проѣхавшій оттуда въ Переславль, чтобъ осмотрѣть Плещеево-Озеро. Рѣка Яуза, по которой онъ катался въ ботяхъ своего дѣда Никиты Ивановича Романова, не удовлетворила родившейся въ немъ страсти къ плаванію. «Во время стройки судовъ», продолжала Устинья, «я съ нимъ часто разговаривала, и онъ былъ такой добрый и разговорчивый со всѣми».

Несмотря на смуты, возбужденныя властолюбиемъ Софьи, постройка судовъ продолжалась подъ руководствомъ Каштрепа Бранта и корабельнаго мастера Корта, цѣлой колоніей нѣмцовъ, при помощи переславскихъ рыбаковъ. Самъ Петръ писалъ о строившихся судахъ къ своей матери, царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ: «всѣ удались зѣло хороши». Въ заключеніе другаго письма, прибавляетъ: «а о судахъ паки подтверждаю: зѣло хороши всѣ» (129).

Къ 1-му мая 1690 года были спущены на воду два фрегата и три яхты. Съ незапамятныхъ временъ въ Переславль существовалъ крест-

(128) «Ист. Записки о бывшей въ Переславлѣ флотиліи», Москва, 1853, стр. 9.

(129) Тамъ же, стр. 11 и 12.

ный ходъ изъ двухъ церквей, стоящихъ другъ противъ друга, на противоположныхъ берегахъ устья рѣки Трубежа, на Плещеево-Озеро, для водосвященія, въ шестое воскресенье послѣ пасхи. Въ годъ спуска кораблей, шестое воскресенье было 4-го мая. Петръ велѣлъ, вмѣсто двухъ, сдѣлать крестный ходъ изъ всѣхъ церквей города. Въ народѣ сохранилось преданіе о всѣхъ подробностяхъ этого торжества. Духовенство, въ полномъ облаченіи, съ иконами и хоругвями, прибыло изъ собора къ берегу рѣки Трубежа, гдѣ раздѣлилось на двѣ части, на которыя рѣка раздѣляетъ городъ. Размѣстившись на рыбацкихъ лодкахъ, оно тихо отправилось къ устью Трубежа къ церквамъ Введенія и Сорока Мучениковъ. Въ одно время началась литургія въ обѣихъ церквахъ; въ одно время вышла церковная процессія изъ обѣихъ храмовъ. Духовенство взшло на лодки и, въ прежнемъ порядкѣ, отправилось по озеру къ фрегатамъ Петра. «Лишь только духовная процессія приблизилась къ юной флотиліи, она, предводимая своимъ юнымъ творцомъ, при грохѣ пушекъ и мелкаго оружія потѣшныхъ, при восклицаніи « ура ! » безчисленнаго народа, сдѣлала первое свое движеніе и вышла на средину озера. По данному знаку, все умолкло; началось священнодѣйствіе. По обропленіи святой водой флотиліи, снова раздался громъ орудіи, снова повторилась восклицанія радостнаго народа» (130).

До-сихъ-поръ, каждый годъ, въ шестое воскресенье совершается крестный ходъ изъ всѣхъ церквей города Переславля на Плещеево-Озеро, въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онъ былъ совершенъ 4-го мая 1690 года.

Сначала Петръ встрѣчалъ препятствіе для исполненія своего желанія въ опасеніяхъ его матери. Ей казалась страшна потѣха, придуманная ея сыномъ. Но впоследствии онъ принималъ у себя въ Переславлѣ царицу Наталью Кириловну, свою супругу Евдокію Федоровну и сестру Наталью Алексѣевну (131).

Мѣстные жители укажутъ мѣсто въ четырехъ верстахъ отъ Переславля, близъ села Веськова, гдѣ былъ дворецъ Петра-Великаго. Почти на самомъ этомъ мѣстѣ, нѣсколько только дальше отъ озера, стоитъ зданіе, въ которомъ хранится ботикъ, уцѣлѣвшій отъ флотиліи Петра. По народному преданію, дворецъ этотъ былъ деревянный въ двѣнадцать вѣдцовъ. Длина его была восемь сажень. Въ окнахъ, вмѣсто стеколъ, была слюда. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ окна были разрисованы изобра-

(130) «Истор. Зап.», стр. 16 и 17.

(131) Тамъ же, стр. 19.

женіями человѣческихъ фигуръ, животныхъ и цвѣтовъ, во вкусѣ китайской живописи. Во дворецъ вели отъ озера трое дверей, обитыхъ войлокомъ. Надъ среднею изъ нихъ былъ двуглавый орелъ изъ листового желѣза на желѣзномъ шпильѣ. Дворецъ имѣлъ пять комнатъ съ дубовыми полами и израсцовыми печами. Изразцы украшены были изображеніями людей, птицъ, звѣрей и цвѣтовъ ⁽¹³²⁾. Возлѣ дворца къ озеру былъ садъ. Отъ этого сада остались двѣ березы, которыя, по преданію, посажены самимъ Петромъ. Мѣсто, гдѣ была корабельная пристань, замѣтно по сохранившимся на озерѣ противъ дворца остаткамъ свай. Вознесенскій Оврагъ, который находится вправо отъ мѣста, гдѣ былъ дворецъ, къ селу Велькову, получилъ названіе отъ бывшей близъ него деревянной церкви. Влѣво находится колодезь. Преданіе говоритъ, что колодезь этотъ вырытъ самимъ Петромъ. Сзади дворца стояли амбары; за ними кузница, въ которой работала царь. Между Горлицкимъ Монастыремъ и селомъ Вельковымъ, на горѣ, былъ птичій дворъ. Нѣмцы—корабельщики жили тутъ же, отчего самая гора называется Нѣмецкою ⁽¹³³⁾. Мѣсто, гдѣ строились корабли, лежитъ противъ устья рѣки Трубежа, гдѣ до сихъ—поръ еще стоятъ сваи ⁽¹³⁴⁾.

Церковь Знаменія, «что при корабляхъ», указываетъ мѣсто, гдѣ впоследствии, по повелѣнію Петра, хранились остатки его флотиліи. Прѣзжая чрезъ Переславль въ 1722 году, онъ написалъ объ этомъ собственноручно:

«Указъ воеводамъ переславскимъ».

«Надлежитъ вамъ беречи остатки кораблей, яхтъ и галеры; а буде опустите, то взыскано будетъ на васъ и на потомкахъ вашихъ, яко пренебрегшихъ сей указъ».

«Петръ».

Въ Переславлѣ, въ 7-й день февраля 1722 года ⁽¹³⁵⁾.

Но Петръ хранилъ въ Переславлѣ только нѣкоторые остатки своей потѣшной флотиліи; большая часть ея пошла въ дѣло. Военные суда, изъ которыхъ она состояла, были проведены, чрезъ рѣку Вексу, озеро Сумино и рѣку Большую Нерль, въ Волгу ⁽¹³⁶⁾. О дворцѣ Петра сохранились два преданія. По одному изъ нихъ, онъ былъ переведенъ послѣднимъ переславскимъ епископомъ Теофилактомъ (1776—78 года) за семь верстъ

⁽¹³²⁾ Тамъ же, стр. 14 и 15.

⁽¹³³⁾ Тамъ же, стр. 13 и 14.

⁽¹³⁴⁾ Тамъ же, стр. 16 и 23.

⁽¹³⁵⁾ Тамъ же, стр. 21.

⁽¹³⁶⁾ Тамъ же, стр. 22.

отъ города, по московской дорогѣ, на берега озера Марицкна, для загороднаго архіерейскаго дома, и сломанъ въ началѣ настоящаго столѣтія. По другому преданію, дворець Петра, купленный купцомъ Угрюновымъ, перевезенъ былъ въ Переславль, и будто-бы императрица Екатерина II, во время своего путешествія, останавливалась въ этомъ домѣ (137).

До настоящаго времени памятниками пребыванія Петра на берегахъ Плесеева Озера сохранились:

1) *Ботикъ*. Одинъ говорятъ, что это тотъ самый ботъ, который принадлежалъ Никитѣ Ивановичу Романову; другіе, что этотъ ботикъ построенъ самимъ Петромъ-Великимъ.

2) Принадлежности судовъ: якоря, остатки парусовъ, блоки, руля, мачты и т. п.

3) Принадлежности бывшаго дворца: слюдяныя оконницы, двери, за-слонки, остатки отъ часовъ, столовая доска, два стеклянные полуштофа и т. п.

4) Разные инструменты: кузнечныя мѣха, точило, двѣ колодки для штенія лаптей, топоры и т. п.

5) Еще нѣсколько вещей, какъ, напримѣръ, двуглавый орелъ, сдѣланный изъ жести, и левъ, вырѣзанный на доскѣ.

6) При этихъ вещахъ хранится въ особой книгѣ, въ бархатномъ малиновомъ переплетѣ, собственноручный указъ Петра о храненіи остатковъ флотиліи (138).

Всѣ эти вещи до 1802 года хранились на берегу Плесеева Озера, въ деревянномъ сараѣ. Въ этомъ году, по предложенію владимірскаго губернатора, князя Долгорукова, построено переславскимъ дворянствомъ нынѣшнее каменное зданіе, въ которое въ слѣдующемъ году были перенесены ботикъ и всѣ принадлежащія къ нему вещи. Наконецъ, въ 1846 году, владимірское дворянство купило вмѣстѣ съ селомъ Вельковымъ и самое мѣсто, на которомъ находится это зданіе, и которое принадлежало, также какъ и село Вельково, частному лицу. За этотъ поступокъ оно удостоилось слѣдующаго отзыва въ Божѣ почившаго Государя Николая Павловича: «Поступокъ этотъ вполне достоинъ чувствъ владимірскаго дворянства, какъ я всегда разумѣлъ оное». Въ 1850 году, противъ зданія, гдѣ хранится ботикъ, въ присутствіи великихъ князей

(137) Тамъ же, стр. 23.

(138) «Ист. Записк. о бывшей въ Переславлѣ флотиліи». Москва 1853, стр. 22, 24, 28 и 29.

Николая и Михаила Николаевичей, положено было основаніе памятника Петру-Великому; а въ 1852 году происходило торжественное открытіе его. Памятникъ этотъ, также какъ и всё зданіе на мѣстѣ бывшаго царскаго двора, воздвигнуты насчетъ владимірскаго дворянства ⁽¹³⁹⁾.

Нельзя не привести здѣсь прекрасное заключеніе рѣчи, произнесенной, при открытіи памятника, достойнымъ пастыремъ владимірскаго епархіи ⁽¹⁴⁰⁾: «Помолимся наконецъ, чтобъ открываемый нынѣ памятникъ не былъ предметомъ одного безплоднаго любопытства; но чтобъ онъ, напоминая намъ Петра I, поучалъ насъ, подобно ему, проходить обязанности своего званія усердно, ревностно и совѣстно, къ славѣ и пользѣ великаго русскаго народа» ⁽¹⁴¹⁾.

Ярмарка 17-го августа, въ день годовщины открытія памятника, народное гулянье и праздникъ, ежегодно-устроенный губернскимъ предводителемъ дворянства ⁽¹⁴²⁾, ежегодно напоминаютъ народу о великихъ дѣяніяхъ великаго преобразователя Россіи. Въ воспоминаніе дня открытія памятника, владимірскимъ дворянствомъ выбито нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ медалей.

Но дѣшнія преданія о временахъ Петра не ограничиваются однимъ сооруженіемъ флотиліи; они приближаютъ къ исторіи Петра нѣсколько извѣстій о неутомимой и многосторонней дѣятельности великаго царя. Но въ этихъ преданіяхъ, также, какъ во всехъ историческихъ сказаніяхъ о Петрѣ, рядомъ съ великимъ образомъ могучаго преобразователя, является дивный обликъ человѣка, въ которомъ видны всё изгибы открытаго, благороднаго, но энергическаго сердца. Ему доступны были всё чувства, всё страсти; но надъ всеми ими господствовалъ умъ и сила воли.

Живя въ Переславлѣ, трудясь надъ сооруженіемъ флотиліи, онъ въ то же время самъ работаетъ въ кузницѣ, роетъ колодезь, плететъ лапти. Два раза отрывается отъ своихъ занятій, чтобъ поспѣть, по призыву матери, на панихиду по братѣ, царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ, и одинъ разъ едва поспѣваетъ, а въ другой опаздываетъ ⁽¹⁴³⁾. Въ это же время ѣздитъ на охоту, спасаетъ утопающаго, бесѣдуетъ, въ Федоровскомъ Монастырѣ съ своей няней, устраиваетъ, по собственному своему плану, иконостасъ въ Пикитскомъ Монастырѣ и, вмѣстѣ съ соборнымъ прич-

⁽¹³⁹⁾ Тамъ же, стр. 27—30.

⁽¹⁴⁰⁾ Пресвященнымъ епископомъ Іустининомъ.

⁽¹⁴¹⁾ «Ист. зап. о флот.», стр. 35.

⁽¹⁴²⁾ С. Н. Богдановымъ, главнымъ виновникомъ сооруженія памятника.

⁽¹⁴³⁾ «Ист. зап. о флот.», стр. 11 и 12.

тожь, поеть на клиросѣ въ переславскомъ соборѣ ⁽¹⁴⁴⁾. Въ томъ же 1690 году, въ которомъ были спущены на воду корабли, по сохранившемуся преданію, Петръ былъ около Владиміра, посѣтилъ Боголюбовъ Монастырь и повелѣлъ въ московскомъ Высокопетровскомъ Монастырѣ надъ гробами Парышквинныхъ построить соборную церковь въ честь иконы Боголюбовской Божіей Матери ⁽¹⁴⁵⁾. Среди заботъ объ улучшеніяхъ, Петръ не забывалъ Владимірской Губерніи. Такъ въ 1722 году онъ повелѣлъ, чтобъ непостриженныя дѣвицы и вдовы, живущія въ Переславскомъ Федоровскомъ Монастырѣ, обучались пряденію на нѣмецкій маперъ; для чего присланы были двѣ мастерицы. Ленъ доставлялся казенный, а пряжа отсылалась на екатерингофскій полотняный заводъ. Деньги за пряжу обращались въ общую монастырскую казну ⁽¹⁴⁶⁾. Въ 1723 году, онъ прислалъ въ Боголюбовъ Монастырь лифляндець для обученія монастырскихъ крестьянъ косить рожь рижскими косами ⁽¹⁴⁷⁾.

Въ Суздаль разсказываютъ, по преданію, что Петръ-Великій былъ самъ въ этомъ городѣ въ то время, когда тамъ жила Евдокія Лопухина. Недовольный поступками бывшей своей супруги и, въ-особенности, частыми ея бесѣдами съ Доспоеемъ, бывшимъ игуменомъ Сновидскаго монастыря (близъ Владиміра), потомъ архимандритомъ суздальскаго Спасо-Ефимьевскаго, а въ то время епископомъ ростовскимъ. Изъ Ростова Доспоей часто пріѣзжалъ въ Суздаль и суевѣрно-ложными разсказами своими о чудесахъ и явленіяхъ поддерживалъ въ бывшей царицѣ надежду на скорое освобожденіе ея изъ монастыря. Преданіе говоритъ, что раздраженный царь тутъ же наказалъ и Доспоея и игуменю Покровскаго Монастыря. У Голикова ⁽¹⁴⁸⁾ находится объясненіе этого преданія. При слѣдствіи по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, въ 1718 году, открылось, что во всѣхъ его дѣйствіяхъ его поддерживала мать. Наряжено было слѣдствіе надъ поступками бывшей царицы въ Суздаль. Открылось, что она сняла монашеское платье; что въ церкви начали почитать ее царицей; что она была, или въ тайной перепискѣ, или въ прямомъ сообществѣ по этому дѣлу съ царевной Марьей Алексѣевной, съ епископомъ ростовскимъ Доспоеемъ, съ генерал-майоромъ Глѣбовымъ, бывшимъ въ Суздаль по случаю рекрутскаго на-

⁽¹⁴⁴⁾ Тамъ же, стр. 19 и 20. О. Іоасафа рукоп. «Опис. Влад. Еп.», стр. 382.

⁽¹⁴⁵⁾ Рукоп. «Опис. Влад. Еп.», стр. 171.

⁽¹⁴⁶⁾ Тамъ же, стр. 318.

⁽¹⁴⁷⁾ Тамъ же, стр. 174.

⁽¹⁴⁸⁾ Голикова: «Дѣян. Петра-Великаго», изд. 2-е, т. VII, стр. 42—48.

бора, съ духовникомъ своимъ, суздальскимъ протопопомъ Иваномъ Пустыннымъ и съ нѣкоторыми другими лицами. Досноей и Глѣбовъ бывали у ней и днемъ и ночью. Открылось, что всѣ они злоумышляли противъ Петра и намѣревались возмутить народъ въ пользу царевича Алексѣя. Бывшую царицу, нѣсколько монахинь и всѣхъ ея сообщниковъ привезли въ Москву. Начался судъ. Вповные во всемъ сознались. Досноей, лишенный епископства, и Глѣбовъ были казнены. Нѣсколько монахинь наказаны тѣлесно. Евдокія отвезена въ Новую-Ладогу; а царевна Марья Алексѣевна въ Шлессельбургъ. Въ Муромѣ (пишетъ мѣстный лѣтописецъ) ⁽¹⁴⁹⁾, «недавно перестали говорить старожилы о проѣздѣ черезъ нашъ городъ государя императора Петра I-го, слышавшіе отъ своихъ предковъ, какъ эти послѣдніе видѣли государя, стоявшаго въ соборномъ храмѣ во время божественной литургіи, съ восторгомъ слушающая его голосъ, когда подиѣвалъ онъ хору пѣвчихъ, стоявши возлѣ кляроса». Этотъ проѣздъ Петра-Великаго, по мѣстнымъ преданіямъ, относится къ концу его царствованія.

Въ Шуѣ сохранилось преданіе, что Петръ-Великій былъ и въ этомъ городѣ, именно въ 1722 году, проѣзжая черезъ владимірскую и юрьевскую провинціи въ персидскій походъ. Онъ пріѣзжалъ, какъ рассказываетъ преданіе, единственно для того, чтобъ поклониться чудотворной иконѣ Шуйской Смоленской Божіей Матери, исцѣлившей его отъ тяжелой болѣзни. Въ Шуѣ указываютъ мѣсто, гдѣ стоялъ домъ, въ которомъ останавливался Петръ-Великій ⁽¹⁵⁰⁾.

Но въ Шуѣ особенно памятно пребываніе въ 1738 году, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, дочери Петра, цесаревны Елизаветы Петровны. До-сихъ-поръ еще живы нѣкоторые старожилы, которые слышали рассказы объ этомъ пребываніи отъ очевидцевъ. Рассказываютъ, что великая княжна занимала домъ первостатейныхъ купцовъ Жуковыхъ и не одинъ разъ ѣздила на охоту съ окружными дворянами. Преданіе говорить, что «она была ловка и стройна; одежда ея состояла изъ платья темнаго цвѣта, и на ней была такого же цвѣта шапочка» ⁽¹⁵¹⁾. Сохранилось также преданіе, что Елизавета жила нѣкоторое время въ с. Лежневѣ, и записала зданіе, устроенное въ 1700 году для полковаго

⁽¹⁴⁹⁾ Муромскій купецъ Титовъ, оставившій послѣ себя рукописныя записки о Муромѣ съ древнихъ временъ до 1830 года. Къ-сожалѣнію, мы могли только достать окончаніе этой въ высшей степени любопытной рукописи. Списокъ, которымъ мы пользовались, начинается съ 1636 года.

⁽¹⁵⁰⁾ Борисова. «Опис. Шуй и ея окр.», Москва 1851, стр. 24 и 25.

⁽¹⁵¹⁾ Тамъ же, стр. 25.

штаба. Мѣсто, гдѣ стояло это зданіе, до-сихъ-поръ называется штаб-божъ (152). Сдѣлавшись императрицей, Елизавета прислала въ александровскій Успенскій Монастырь двѣ тысячи рублей игумень съ сестрами, вѣроятно, въ память сестеръ своихъ, похороненныхъ въ этомъ монастырѣ (153).

Выше было изложено предаіе, сохранившееся о посѣщеніи Екатерины II-й Переславаля, и что она будто-бы останавливалась въ домѣ, построенномъ изъ прежняго дворца Петра-Великаго. На обратномъ пути изъ Казани, 13-го іюня, 1767 года, она посѣтила Муромъ и Владиміръ.

Въ Муромѣ, для переправы императрицы черезъ Оку, была приготовлена великолѣпная лодка, которая называлась галерой и 30 лѣтъ хранилась подъ особымъ навѣсомъ. Квартира ея была въ городскомъ воеводскомъ домѣ, гдѣ она принимала духовенство, чиновниковъ и городскихъ жителей, которые поднесли ей хлѣбъ-соль. Милостиво разговаривала съ нѣкоторыми изъ городскихъ жещинъ, и похвалила тогдашніе ихъ наряды. Въ Муромѣ государыня получила извѣстіе о сильной болѣзни наследника престола, великаго князя Павла Петровича отъ привитой оспы. Императрица отправилась въ соборъ и, обратясь къ народу, сказала: «будемъ молиться за наследника» (154).

Во Владимірѣ Екатерина, замѣтивъ, что древній каедральный соборъ приходитъ въ ветхость, повелѣла отпустить на возобновленіе его 14,000 рублей. Объ ассигнованіи этихъ денегъ епископъ Павелъ получилъ слѣдующій рескриптъ:

«Преосвященный епископъ Павелъ. Мы повелѣли Нашей Коллегіи Экономіи отпустить на возобновленіе владимірскаго Успенскаго Собора, и на утварь, и на облаченіе священно-служителямъ того же храма, съ излишествомъ противъ требуемаго Коллегіею, то-есть четырнадцать тысячъ рублей въ три года, и чрезъ сіе, имѣя къ Вамъ довѣренность, и препоручаемъ оное строеніе въ особливое Ваше наблюденіе, рекомендуя Вамъ древность сего зданія сохранить и поддержать наилучшимъ образомъ».

«ЕКАТЕРИНА».

«Іюня 2-го дня 1768 года. Сарское село» (155).

(152) Тамъ же, стр. 168 и 169.

(153) Рукоп. «Оп. Влад. Еп.», стр. 297.

(154) Изъ рукописи о Муромѣ муромскаго купца Титова.

(155) Доброхотова: «Памятники Древности во Владимірѣ Кляземскомъ», Москва 1849, стр. 20 и 21.

Существует преданіе, что надписи въ стѣнахъ надъ гробницами святыхъ великихъ князей Андрея Боголюбскаго и Юрія Всеволодовича сочинены императрицей Екатериной II-й (156).

Въ 1776 году Екатерина Великая пожаловала 9,000 р. на возобновленіе пришедшаго въ ветхость суздальскаго Спасо-Евфимьевскаго Монастыря (157).

Въ 1798 году Владиміръ и Владимірскую Губернію посетилъ императоръ Павелъ съ великими князьями Александромъ и Константиномъ. Они ѣхали въ Казань. Въ то же время онъ посетилъ также Боголюбовъ Монастырь и возвелъ его на степень архимандріи. По дорогѣ изъ Владиміра въ Муромъ, какъ говорятъ мѣстные жители, не доѣзжая пяти верстъ до с. Мошка, былъ устроенъ ближайшими помѣщиками (158), для приѣма государя, богато-убранный домъ. Государь проѣхалъ мимо, и остановился въ домѣ бѣдной крестьянской вдовы, которой подарилъ 500 р. Вспомнивъ, что тутъ было владѣніе князей Воротыньскихъ, онъ говорилъ о казанскомъ героѣ Михаилѣ Ивановичѣ Воротыньскомъ; вспомнилъ также, что въ этихъ мѣстахъ умеръ, отъ несчастнаго случая, сынъ его Дмитрій. При этомъ императоръ спросилъ: «гдѣ-то онъ похороненъ?» (159). Но могила его тогда была неизвѣстна, и случайно открыта въ началѣ нынѣшняго столѣтія, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

18-го мая, государь прибылъ въ Муромъ. Остановился во временномъ дворцѣ, въ домѣ одного муромскаго дворянина. Принялъ отъ городскаго головы и купеческой депутаціи хлѣбъ—соль: калачи, стерлядь и фрукты. Во время обѣда множество народа окружало дворецъ. Одна женщина, изъ Ямской Слободы, подошла къ окну дома и, когда государь ее замѣтилъ, сказала: «Батюшка, я прибѣжала изъ Ямской, чтобъ увидѣть дорогихъ гостей. Слава Богу, тебя государь, видѣла, покажи мнѣ теперь твоихъ дѣтокъ». Государь отвѣчалъ ей: «Изволь, бабушка. Вотъ это—мой Александръ, а это—Константинъ». Тутъ же поднесены были хлѣбъ—соль депутаціями отъ городскихъ обществъ гг. Касимова и Елатомы. На другой день высокіе путешественники переправились черезъ Оку въ приготовленномъ нарочно катерѣ, который

(156) Рукоп. «Он. Влад. Еп.», стр. 603 и 609.

(157) Тамъ же, стр. 131 и 132.

(158) Лопухиннымъ, Трусовымъ и Хоненевымъ.

(159) Доброхотова: «Памят. Дрesn. во Владим.», стр. 37. Его же: «Древній Боголюбовъ городъ». Москва 1852 г., стр. 66. Рукоп. «Опис. Влад. Епарх.», 564.

хранятся въ Муромѣ до-сихъ-поръ. Государь любовался мѣстоположеніемъ города. Послѣ продолжительной засухи, 19-го мая пошелъ до того сильный дождь, что, во время переправы, промочилъ шинели государя и великихъ князей. Никакихъ жалобъ не было, поэтому государь былъ въ веселомъ расположеніи духа. Переправившись черезъ Оку, онъ сказалъ: «Буду помнить ваши муромскіе калачи, которые увидить скоро моя императрица». Они изъ Мурома же отправлены были съ нарочнымъ курьеромъ. «Буду помнить» прибавилъ государь «и этотъ дождь, который промочилъ наши шинели». Когда государь садился въ карету, городскіе жители снова поднесли ему хлѣбъ-соль, которые онъ принялъ, сказавъ: «Вотъ это порусски встрѣтили и проводили съ калачами!» (160).

Императрица Марія Осодовна, проѣзжая въ Ростовъ на поклоненіе мощамъ св. Дмитрія Ростовскаго, была въ Переславлѣ и молилась у гроба св. Никиты Столпника (161).

Сохранилось также преданіе о проѣздѣ черезъ Владимірскую Губернію Императора Александра Павловича. Для чего нарочно исправлена была такъ-называемая стремынская дорога изъ Москвы на Шую.

Памятникомъ проѣзда черезъ Владимірскую Губернію, въ 1834 году, въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича, навсегда останется возобновленный, по его повелѣнію, Дмитревскій Соборъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ построенъ Всеволодомъ Великимъ (162).

Здѣшніе жители очень-хорошо помнятъ путешествіе по Владимірской Губерніи нынѣ царствующаго Государя Александра Николаевича въ то время, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ престола, въ 1837 году. Съ нимъ былъ покойный В. А. Жуковскій. Во Владимірѣ, въ Суздалѣ, въ Шуѣ изъ устъ въ уста передаются рассказы о пребываніи въ этихъ городахъ Государя Цесаревича (163).

(160) Изъ рукоп. о Муромѣ, купца Титова. Женщина изъ Ямской Слободы была мать, всѣмъ проѣзжавшимъ чрезъ Муромъ извѣстнаго содержателя почтоваго двора, покойнаго Петра Моисѣева, который подавалъ проѣзжающимъ прекрасную уху изъ свѣжнхъ стерлядей.

(161) Рукоп. «Оп. Влад. Еп.», стр. 188.

(162) Доброх. «Пам. Др. во Влад.», стр. 37 и 146. Изданный графомъ Строгановымъ. «Дмитревскій Соборъ во Владимірѣ», Москва 1849, стр. 14.

(163) Доброх. «Пам. Др. во Влад.», Москва 1849, стр. 37 и 156. Его же «Древ. Богол. городъ». Москва 1852, стр. 66. Борисова: «Оп. Шуй и его окрестн.». Москва 1851, стр. 30. О. Юасафа: рукоп. «Оп. Влад. Епар.», 1853, стр. 271.

Также существует много рассказов о путешествіи Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей въ 1850 году во Владиміръ, Суздаль, Юрьевъ, Александровъ и Переславль. На обратномъ пути изъ Нижняго-Новгорода, они опять прибыли во Владиміръ, посѣтивъ Боголюбовъ-Монастырь ⁽¹⁶⁴⁾. Во время пребыванія своего въ Суздаль, Великіе Князья пожертвовали значительную сумму денегъ на сооруженіе памятника князю Пожарскому на томъ мѣстѣ, гдѣ, по монастырскому преданію, онъ былъ погребенъ ⁽¹⁶⁵⁾.

Въ 1845 году во Владиміръ былъ герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій ⁽¹⁶⁶⁾.

ЯКОВЪ СОЛОВЬЕВЪ.

⁽¹⁶⁴⁾ «Древ. Богол.», стр. 66. «Истор. запис. о бывшей въ Переславль флотиліи». Москва 1853, стр. 27. Рук. «Опис. Влад. Епар.», стр. 132, 171 и 300.

⁽¹⁶⁵⁾ Акад. Погодина: «О мѣстѣ погреб. кн. Д. М. Пожарскаго». Спб. 1852, стр. 42.

⁽¹⁶⁶⁾ «Пам. Др. во Влад.», стр. 38.

МЕНАНДРЪ,

ОСНОВАТЕЛЬ НОВОЙ КОМЕДИИ.

Статья первая.

Ценившимъ писателямъ суждена судьбою такая участь, какая досталась Менандру. Въ древности имя его пользовалось равнымъ уваженіемъ съ именемъ Гомера. Древніе какъ-то особенно любили соединять имена этихъ двухъ поэтовъ, изъ которыхъ одинъ открылъ собою циклъ греческой литературы, а другой славно заключилъ его; одинъ былъ первымъ проявленіемъ греческаго развитія, другой—выраженіемъ одного изъ послѣднихъ моментовъ того же развитія; одинъ былъ отцомъ поэзии, другой—отцомъ того рода поэтической произведеній, которому одному почти суждено было перейти въ наследство новаго міра и здѣсь достигнуть своего окончательнаго развитія. Между—тѣмъ, при одинаковой славѣ обоихъ поэтовъ, неодинакова была судьба ихъ произведеній. Пѣсни одного ревниво оберегались отъ разрушительнаго дѣйствія вѣковъ и сохранились до нашего времени; отъ Менандра дошло до насъ одно имя съ нѣсколькими разрозненными отрывками, собранными изъ различныхъ древнихъ писателей трудолюбіемъ и ревностью ученыхъ новаго времени. А Менандръ, по свидѣтельству древнихъ, написалъ сто—пять комедій! Откуда же это странное противорѣчіе всеразрушающаго времени съ тѣмъ уваженіемъ, которое окружало имя поэта такою славой? Или это уваженіе древнихъ писателей къ Менандру, заставившее ихъ поставить его на—ряду съ Гомеромъ, было только безсознательнымъ выраженіемъ будущей славы комика, предчувствіемъ того вліянія, которое онъ имѣлъ на римскую литературу, а чрезъ нея и на литературу новую?

Зависть рано стала преслѣдовать Менандра. Едва только онъ выступилъ на литературное поприще—а онъ началъ его рано, едва—ли двадцати лѣтъ отъ—роду—какъ уже встрѣтилъ, вмѣсто одобренія, котораго требовалъ его несомнѣнный талантъ, злобу и нападки завистливыхъ враговъ. Но молодой писатель не испугался этихъ озлобленныхъ криковъ

зависти; онъ сознавалъ свой талантъ, онъ сознавалъ еще болѣе свое назначеніе быть основателемъ новой комедіи и смѣло шелъ впередъ своимъ путемъ. Рѣдко доставались ему рукоплесканія и вѣнки; зависть все болѣе-и-болѣе усиливала свои нападки, но гений писателя мужалъ по-мѣрѣ того, какъ возрастала злоба враговъ. Не разъ интригами вырывалъ у него вѣнокъ побѣдителя его соперникъ Филемонъ. Менандръ не унывалъ и продолжалъ честно и вѣрно служить своему призванію. Сто-пять комедій, говорятъ, онъ поставилъ на сцену, и только восемь разъ получилъ награду. Казалось бы, подобный неуспѣхъ долженъ былъ охладить ревность писателя; у другаго онъ отнял бы совершенно руки; но Менандръ все шелъ своей дорогой. Его награда была впереди; его награда была въ немъ самомъ, въ честномъ исполненіи своего призванія. Только бездарность оскорбляется постояннымъ неуспѣхомъ, не поучаясь имъ, не извлекая изъ него ничего на пользу себѣ и другимъ. Истинный гений не боится неудачи, но въ то же время изъ каждой неудачи онъ выводитъ что-нибудь себѣ въ поученіе. Не однихъ враговъ, впрочемъ, имѣлъ Менандръ, онъ имѣлъ также друзей и почитателей. Въ числѣ послѣднихъ были: Дмитрій Фалерейскій и Птоломей, сынъ Лага, царь египетскій. Сынъ Лага основывалъ въ это время въ Александріи бібліотеку и музей. Здѣсь предназначилъ онъ собрать произведенія знаменитыхъ писателей и художниковъ прошедшихъ вѣковъ на пользу и поученіе потомству; здѣсь же, современные ученые и художники должны были найти себѣ роскошное помѣщеніе и содержаніе.

На первый разъ Птоломей приглашалъ къ себѣ Менандра, употребивъ все, чтобъ подѣйствовать на самолюбіе поэта и тѣмъ заставить его принять это приглашеніе. Онъ писалъ къ нему самое обязательное письмо, предлагалъ ему огромное богатство, говорилъ, что его ждетъ въ Александріи почитающая и удивляющаяся его таланту публика; онъ снаряжалъ нарочно флотъ для Менандра, посылалъ къ нему нарочно пословъ—все это были такія почести, какія царь могъ оказать только равному себѣ царю. Но гений Менандра былъ чуждъ тщеславія; его искусство было ему дороже богатствъ восточныхъ; его любезныя Аэины, даже съ благодарною своею публикою, были ему милѣе богатой Александріи съ чуждою толпою незнакомыхъ цѣнителей. Менандръ отказался отъ приглашенія царя египетскаго и остался въ Аэинахъ, готовый терпѣть несправедливости капризной аэипской публики.

Но отчего же Менандръ такъ мало имѣлъ успѣха въ родномъ своемъ городѣ? Не-уже-ли одиѣ интриги соперниковъ были постоянною тому причиною? Трудно, кажется, принять послѣднее. Нѣтъ, вѣрно въ самомъ поэтѣ, въ характерѣ его произведеній было нѣчто такое, что не совсѣмъ удовлетворяло тогдашней публикѣ. Мы можемъ почти поло-

жительно сказать, что это такъ. Менандръ шелъ впереди своего вѣка; его художественная натура требовала чистоты и строгости въ произведеніяхъ, а аѳонская публика еще не привыкла къ этой, такъ-сказать, воздержности языка своихъ комическихъ писателей; она еще не совѣтъ забыла вольности древней комедіи, и потому не всегда находила удовольствіе въ приличіи трезваго Менандра. Менандръ, вѣроятно, и самъ зналъ и понималъ это, но не хотѣлъ угождать испорченному вкусу публики. Мы, кажется, вѣ-правѣ сказать, что Менандръ понималъ назначеніе искусства такъ, какъ понимаютъ его всѣ гениальные писатели. Онъ хотѣлъ, чтобъ искусство возвышало толпу, а не унижалось до ея понатій и требованій. Къ-сожалѣнію, до насъ не дошло ни одной цѣлой пьесы Менандра. Еслибъ мы имѣли въ своихъ рукахъ нѣсколько полныхъ пьесъ, увѣчаннхъ и неувѣчаннхъ, мы могли бы сравнить ихъ и вывести изъ этого сравненія доказательство или опроверженіе нашего предположенія. Но четыреста лѣтъ спустя послѣ смерти Менандра, во времена Плутарха, комедіи нашего поэта не только на сценѣ преимуществовали предъ всѣми прочими, но ихъ читали вездѣ, въ собраніяхъ, за обѣдомъ, ихъ учили даже наизусть. «Это, говоритъ Плутархъ, удовольствіе, общее всѣмъ порядочнымъ людямъ Греціи». Такимъ-образомъ, хотя поздно, признанъ былъ наконецъ геній Менандра въ его отечествѣ. Римская литература, можно сказать, даже началась перенесеніемъ его произведеній на римскую почву, и слава его между римскими писателями постоянно поддерживалась на той же высотѣ. Отцы церкви отдавали ему также должную справедливость. Но все это не спасло менандровыхъ произведеній отъ гибели. Одинъ изъ византійскихъ ученыхъ, пріѣхавшихъ въ Италію послѣ взятія турками Константинополя и привезшихъ съ собою памятники той самой греческой литературы, красоту которой уже и прежде разъ открыли ихъ предки римскому народу, Дмитрій Халкондиль рассказывалъ своимъ ученикамъ, сколько превосходныхъ произведеній принесено въ жертву слѣпому фанатизму. Вліяніе византійскихъ фанатиковъ (говорилъ онъ) было такъ велико на умы восточныхъ императоровъ, что, въ угоду имъ, издапы были въ разныя времена указы о соженіи цѣлыхъ собраній греческихъ манускриптовъ, особенно тѣхъ, гдѣ говорилось о любви». Такимъ образомъ погибли комедіи Менандра и Филемона вмѣстѣ съ пѣснями Мимнерма и Алкея. Еще недавно (1852) Французская Академія предложила тѣму: «Менандръ и его отношеніе къ древнѣйшей комедіи». Два сочиненія были представлены и оба удостоились награды. Одно—Гильюма Гизо, другое—Бенуа. Эти сочиненія вышли въ свѣтъ въ 1855 году. Мы имѣли въ рукахъ только одно изъ нихъ, Гизо; оно дало поводъ къ настоящей статьѣ;

оно же вмѣстѣ съ написанными на него въ разныхъ журналахъ рецензіями и въ соединеніи съ собственнымъ послѣднимъ изученіемъ того же предмета дало содержаніе этой статьи.

Итакъ, Менандръ дошелъ до насъ только въ маломъ количествѣ незначительныхъ отрывковъ. Этихъ отрывковъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими комедіями римскихъ комиковъ Плавта и Теренція, заимствованными, или переведенными изъ Менандра, достаточно для того, чтобъ опредѣлить содержаніе и направленіе менадровой комедіи, но недостаточно для того, чтобъ оцѣнить ея художественное значеніе. Болѣе всего эта потеря чувствительна для эстетической критики. Потому мы должны ограничиться здѣсь тѣми вопросами, на которые легче можно найти отвѣты въ сохранившихся отрывкахъ, избѣгая тѣхъ, на которые трудно отвѣтить положительно.

Мы назвали Менандра основателемъ новой комедіи, стало-быть, была и древняя. Кто же ея представитель? Въ чемъ различіе той и другой комедіи?..

Древняя критика различаетъ три періода греческой комедіи: комедіи древняя, средняя и новая. Представитель первой Аристофанъ, второй—Антифанъ и третьей—Менандръ. Древняя комедія имѣла политическій характеръ. Ея предметы брались изъ государственной жизни народа аѳинскаго; ея задача была отстаивать чистоту и строгость древнихъ аѳинскихъ учреждений. Древняя комедія была родъ политическаго юмористическаго журнала: она обнимала всю общественную жизнь настоящаго времени; она держала строгую цензуру всѣхъ явленій этой жизни; она хотѣла исправлять, давала совѣты. Въ ней искусство еще не возвысилось до своей самостоятельной высоты; въ ней оно служитъ цѣлямъ государственнымъ, и только творческій гений поэта своею безграничною фантазіею выводитъ ее изъ разряда обыкновенныхъ памфлетовъ. Смѣсь грубыхъ пародій, символическихъ аллегорій съ дѣйствительными явленіями жизни, составляетъ отличительный характеръ аристофановой поэзіи. Живое остроуміе аѳинскаго народа не мало помогало фантазіи поэта; на другой почвѣ эти фантастическіе образы были бы, можетъ-быть, неумѣстны; они были бы непонятны, а потому-то и могли родиться только на аѳинской почвѣ. Поэтъ зналъ хорошо свой народъ и умѣлъ говорить съ нимъ. Все, что онъ говорилъ, онъ говорилъ для современной ему публики; достоинства и недостатки его произведеній принадлежать болѣе его народу и вѣку, чѣмъ ему самому. Эта смѣсь изящества языка съ грубостью и цинизмомъ выраженной объясняется требованіемъ публики. Аристофанъ знаетъ свой народъ и знаетъ его коренныя болѣзни, которыми страдало государство и отдѣльные граждане: это были, неудержимая въ своихъ порывахъ демократія, выведенная въ свѣтъ

дерскаго Клеона, съ необходимою своею свитою сикофантовъ, риторовъ, вѣточниковъ—чиновниковъ и прочимъ принадлежностей; суетная мудрость софистовъ, которые уничтожали все, что было прежде свато народу; смотрѣли на мѣръ какъ на мертвый механизмъ, а себя считали боже-ствомъ, требуя себѣ поклоненія и жрѣвь отъ неразумной толпы; пустыя декламацинъ поэтовъ, которые пышными выраженіями старались прикрыть неблагородный образъ мыслей, портили здоровый вкусъ народа своими безвкусными промазеденіями и введеніемъ женской сантиментальности, подрывали корень мужской силы и дѣятельности согражданъ; суетность, жадность, расточительность, страсть къ процессамъ аѳинскихъ гражданъ; слишкомъ распущенное воспитаніе дѣтей, развратъ юношей и мужей, и страсти женщинъ. Короче, ни одинъ порокъ, ни одинъ недостатокъ не скрывался отъ преслѣдованій поэта. Смѣло высказывалъ онъ его своимъ согражданамъ, не боясь мщенія сильныхъ демагоговъ. «Поэтъ», говоритъ онъ самъ (Ахарн. ст. 641 и дал.) «сдѣлалъ вамъ много добра: между—прочимъ, онъ показалъ вамъ, какъ управляются народною властью граждане союзныхъ городовъ. И скоро къ вамъ придутъ послы изъ городовъ съ приношеніями, желая видѣть отличнаго поэта, который не побоялся говорить правду аѳинянамъ. Слава о его смѣлости распространилась такъ далеко, что и самъ царь, вывѣдывая у пословъ лакедемонскихъ, сначала спросилъ о томъ, который народъ у нихъ сильнѣе флотомъ, а потомъ спросилъ объ этомъ поэтѣ, и которому народу достается отъ него больше брани. Тѣ люди (говорилъ царь) которые имѣютъ такого совѣтника, будутъ гораздо—лучше и на войнѣ побѣждать. Вотъ почему и просятъ лакедемонцы у васъ мира и требуютъ у васъ Эгину; объ островѣ этомъ они несколько не думаютъ, но хотятъ отнять у васъ поэта. Но вы его не отпускайте, потому—что въ комедіяхъ своихъ онъ будетъ говорить вамъ правду. Онъ говоритъ, что научитъ васъ многимъ полезнымъ вещамъ, для вашего благополучія, не льстя и подлакивая, не показывая выгоду впереди, не обманомъ, не хитростью, не похвалами, но говоря всегда только самое полезное. И пусть Клеонъ вооружается противъ меня и строитъ мнѣ все, что угодно: на моей сторонѣ будетъ правда, и никогда не найдутъ меня столь же вѣщнымъ въ—отношеніи къ родному городу, какъ его.

Мы нарочно выписали это замѣчательное мѣсто, потому—что въ немъ самъ поэтъ высказалъ намъ свои отношенія къ современному обществу, и вмѣстѣ съ тѣмъ свой взглядъ на искусство. Дальнѣйшіе выводы кажутся намъ ненужными: слова поэта не требуютъ ни поясненій, ни дополненій. Поэтъ хочетъ быть учителемъ добра для своего народа; онъ открываетъ ему его недостатки не какъ злой насмѣшникъ для своей собственной потѣхи, не какъ пустой острякъ для забавы слушаю-

шаго его кружка ; его сердце горитъ любовью къ доброму и благородному, и страдаетъ при видѣ недостатковъ современнаго общества. Если Аристофанъ смѣется надъ мифологическими баснями и не даетъ богамъ въ своей комедіи ни одной достойной роли, то въ этомъ не надо видѣть желанія унижить богопочтеніе. Если даже иногда смѣется онъ надъ существующими понятіями о богахъ, то это относится болѣе ко внѣшней формѣ религіи, которая должна же была когда-нибудь разбиться.

Но, чтобъ дать читателямъ нашимъ болѣе-наглядное понятіе о комедіи Аристофана, приведемъ здѣсь содержанія двухъ—трехъ комедій, съ переводомъ болѣе-характеристическихъ мѣстъ.

Возьмемъ, напримѣръ, «Всадниковъ». Эта комедія дана въ 425 году до Р. Х., во время пелопоннесской войны. Периклъ, сосредоточившій въ своемъ лицѣ все гражданство аонское, умеръ въ 429 году, оставивъ свободное поприще бурнымъ страстямъ черни и демагоговъ, молчавшимъ подъ его сильною рукою. Мѣсто его во главѣ государства занялъ Клеонъ, любимецъ черни, человекъ безъ государственныхъ и военныхъ способностей, но дерзкій и самонадѣянный крикунъ. Соперниками его были: Никій, искусный полководецъ и честный и благородный гражданинъ, но слишкомъ-робкій и скромный, а потому неспособный имѣть вліяніе на своевольную чернь; Демосоецъ, отличный воинъ, но безъ всякихъ способностей правительственныхъ; третій соперникъ Клеона, Ламахъ, былъ слишкомъ-бѣденъ, и потому уже не могъ занимать видной роли въ народѣ, котораго Периклъ приучилъ къ роскоши и пышности правителей. Въмъ извѣстенъ тотъ эпизодъ пелопоннесской войны, когда аоняне заложили небольшую крѣпость близъ Пилоса и открыли въ ней пристанище для бѣглыхъ плетовъ. Спартанцы послали 420 человекъ на островъ Сфактерію, лежавшій въ Пилосскомъ Заливѣ, намѣреваясь потомъ осадить аонское укрѣпленіе; но аоняне окружили этотъ островокъ своими кораблями и заперли находившихся на немъ спартанцевъ. Для спасенія 420 мужей изъ благороднѣйшихъ фамилій государства, спартанцы предложили аонянамъ выгодный миръ. Но Клеонъ воспротивился заключенію этого мира и убѣдилъ народъ, что надо сначала взять Сфактерію съ находившимися тамъ спартанцами, и потомъ предписать имъ какія угодно условія мира; онъ жаловался народу на стратеговъ за злоумышленную проволочку осады острова, который будто-бы взять было весьма-легко, и въ-заключеніе, увлекшись самонадѣянностью, сказалъ, что онъ могъ бы исполнить это, еслибъ народъ поручилъ ему начальство надъ войскомъ. Аоняне тотчасъ предложили ему начальство. Напрасно отказывался Клеонъ отъ этой чести, отговариваясь тѣмъ, что есть ужъ стратегъ, Никій. Но когда Никій самъ предложилъ сдать ему начальство, а Клеонъ все еще отказывался, тогда поднялся въ народномъ

собраніи такой крикъ , что Клеонъ принужденъ былъ уступить волѣ народа. Фукидидъ съ негодованіемъ описываетъ это народное собраніе, въ которомъ, среди неприличныхъ шутокъ и смѣха, происходило избраніе Клеона въ стратеги. Судьба хотѣла , чтобъ самохвальство Клеона увѣчалось полнымъ успѣхомъ. Еще до его прибытія , Демосеенъ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія для взятія Сфактеріи ; но Клеонъ успѣлъ во-время прибыть на театръ войны , чтобъ воспользоваться плодами этихъ распоряженій. Спартанцы сдались при первомъ нападеніи и съ этого времени Клеонъ не зналъ уже границъ своей гордости. Несмотря на то, что Аристофанъ выводитъ его въ этой комедіи не подъ собственнымъ именемъ, но подъ именемъ пафлагонскаго раба Клеона, ни одинъ мастеръ не рѣшился приготовить для этого представленія клеоновой маски, и ни одинъ актёръ не хотѣлъ взять на себя его роль , такъ-что поэтъ долженъ былъ играть ее самъ , безъ маски , подкрасивъ себѣ только лицо. Припомнимъ еще одно обстоятельство : знаменитый демагогъ былъ кожевникъ.

Аонскій народъ выводится въ комедіи въ лицѣ нѣкоего старикашки Демоса, изъ Пникса , или скорѣе съ Пникса (Пниксъ — мѣсто народнаго собранія въ Аоннахъ). Этотъ старикъ купилъ себѣ новаго раба кожевника изъ пафлагонцевъ, страшнаго негодяя, который обманываетъ кругомъ своего господина, а товарищей своего рабства угощаетъ ударами и грозитъ смертью за малѣйшее ослушаніе. Двое старыхъ слугъ Демоса (Никій и Демосеенъ) сговариваются извести пафлагонца. Ихъ разговоромъ начинается комедія ; но пусть говоритъ Демосеенъ , какъ говоритъ онъ у поэта для аонской публички.

«У насъ господинъ грозный во гнѣвѣ, любитъ бобы, вспыльчивый, Демъ съ Пникса, несноснаго нрава старичишка, и на ухо крѣпонецъ. Въ предъидущее новолуніе купилъ онъ раба, кожевника пафлагонца, прехитрую и презлую тварь. Высмотрѣвъ нравы старика, этотъ кожевникъ-пафлагонецъ началъ подольщаться къ нему, поддакивать, лстить ему, обманывать его. «О, Демъ! (говорить онъ) иди въ баню, какъ только кончишь одно дѣло, покушай, выпей, отдохни, возьми ты оболъ. Хочешь ли, я подамъ тебѣ кушать? Потомъ пафлагонецъ уносить у насъ потихоньку кто что приготовилъ и подаетъ господину за свое. Еще недавно я приготовилъ—было ему въ Пилосѣ спартанскій ячменный хлѣбъ, а пафлагонецъ коварно обманулъ меня: унесъ у меня этотъ хлѣбъ и подалъ господину отъ себя. Намъ онъ отгоняетъ, господинъ, и никому другому не позволяетъ за нимъ ухаживать, но держитъ постоянно въ рукахъ кожаный бичъ, отгоняя реторовъ отъ стола, кушающаго господина; поетъ ему оракулы, и старикъ теперь съ ума сходитъ отъ Сивиллы; а тотъ, пользуясь этимъ, и обрабатываетъ дѣла. На до-

машинъ выдумываетъ разныя небылицы, бьетъ насъ бичемъ, смущаетъ, страшаетъ, требуетъ подарковъ отъ слугъ, говоря: «видите, какъ бьютъ за меня Геласа? Если не умилюстите меня, сегодня же умрете». Нечего дѣлать, мы даемъ ему подарки. Подумаемъ же, любезный (къ Никію), что намъ дѣлать, къ кому обратиться?» Никій предлагаетъ сначала бѣгство, потомъ смерть. Демосоену не нравится ни то, ни другое. Онъ посылаетъ Никію въ домъ за виномъ и, кстати, велитъ ему посмотрѣть, что дѣлаетъ пафлагонецъ. Никій возвращается съ виномъ и объявляетъ, что пьяный Клеонъ громко хрипитъ. Демосоенъ посылаетъ снова Никію въ домъ, чтобы, пользуясь сномъ Клеона, взять у него потихоньку данный ему оракуломъ его гороскопъ. Прочитавъ этотъ гороскопъ, Никій и Демосоенъ радуются: въ немъ сказано, что Клеонъ долженъ пасть отъ колбасника. Тутъ кстати подходитъ къ нимъ колбасникъ, который несетъ продавать свой товаръ на рынокъ. Они подзываютъ его и объявляютъ, что ему предстоитъ счастье: изъ ничего сдѣлаться самымъ большимъ человѣкомъ, привѣтствуютъ его вождемъ счастливыхъ Аоніи. Тотъ не понимаетъ, какъ это можетъ быть. «Но я, вѣдь, происхожу отъ неважныхъ и нечестныхъ родителей, не получилъ тонкаго воспитанія и едва-едва знаю грамоту». — «Да въ этомъ-то и вся бѣда твоя, что ты знаешь грамоту, хоть и худо: для демагогіи не нужны образованные и честные люди, а неучи, которые не имѣютъ стыда и совѣсти. А ты выслушай, что оракулъ тебѣ обѣщаетъ. «Что жъ говорить оракулъ?» — Хорошо, клянусь богами, и пестро какъ-то, и загадочно-умно». — Но когда орелъ-кожевникъ, одаренный кривыми ногтями, схватитъ глупаго дракона, кровопійцу, тогда погибнетъ разсолъ съ чеснокомъ пафлагонецъ: продавцамъ же внутренностей подастъ Богъ великую славу, если только они не предпочтутъ продавать колбасы». По объясненію Демосоена, орелъ-кожевникъ означаетъ пафлагонца, а драконъ означаетъ колбасника, такъ-какъ и драконъ длинная вещь и колбаса длинная, и драконъ кровопійца и колбаса кровяная. У колбасника все еще остается сомнѣніе насчетъ того, будетъ ли онъ способенъ управлять дѣлами народа. Демосоенъ говоритъ ему, что это вещь очень-легкая:» стоитъ только мѣшать все дѣла вмѣстѣ, какъ мясо для колбасы. У тебя есть все, что нужно для демагога: широкое горло, кровь негодяя и площадныя манеры. Тебѣ помогутъ всадники, хорошіе люди; они ненавидятъ пафлагонца, да и другіе хорошіе люди помогутъ; мы поможемъ, только не бойся!» Тутъ является пафлагонецъ и начинаетъ браниться. Колбасникъ хочетъ бѣжать. Тогда Демосоенъ зоветъ на помощь всадниковъ. Они являются и ободряютъ колбасника. Начинается перебранка между пафлагонцемъ и колбасникомъ, въ которой былъ мѣшается съ небылицею, дѣльное слово съ бесполезнымъ,

острая шутка съ площадною бранью. Наконецъ, кожевникъ объявляетъ, что онъ идетъ жаловаться на своихъ враговъ Сенату. За нимъ, по свѣту всадниковъ, идетъ и колбасникъ.

Колбасникъ возвращается изъ Сената побѣдителемъ. Онъ разсказываетъ, какъ кожевникъ клеветалъ сначала на всадниковъ, говорилъ о какомъ-то заговорѣ; но тутъ, выждавъ время, я выступилъ и сказалъ громкимъ голосомъ: «Сенать! принося добрую вѣсть, прежде всего хочу возвѣстить вамъ пріятное: съ-тѣхъ-поръ, какъ началась эта война, никогда еще не видѣлъ я, чтобъ фореля были дешевле, чѣмъ теперь». И лица сенаторовъ просвѣтлѣли: за счастливое извѣстіе опредѣлили мнѣ вѣнокъ. А я имъ тотчасъ сообщилъ по секрету, чтобъ они собрали всѣ сосуды, какіе только находятся въ мастерскихъ, дабы имѣть возможность купить много форелей за одинъ оболъ: они рукоплескали и не сводили съ меня глазъ. Замѣтивъ это, пафлагонецъ зная, какія рѣчи особенно нравятся Сенату, предложилъ мнѣ о принесеніи въ жертву Минервѣ ста быковъ за радостное извѣстіе. Слова Сенать склонился на его сторону. Но я покрылъ сто быковъ двумя стами, и кромѣ-того, подалъ мнѣ о принесеніи тысячи козъ въ жертву Діанѣ, если завтра сотня сарделей будетъ продаваться по одному оболу. Слова Сенать смотрѣлъ на меня. Пораженный пафлагонецъ началъ говорить—было какую-то чепуху, но они всѣ встали и шумно разговаривали о сарделяхъ: тогда онъ униженно упрасивалъ ихъ, чтобъ они подождали немножко и выслушали вѣстника лакедемонскаго, прибывшаго съ мирными предложеніями. Но они всѣ въ одинъ голосъ кричали: какъ? что? Теперь объ мирѣ? Послѣ того, какъ они узнали, глупый ты, что у насъ сардели дешевы? Не надо намъ мира, пусть война тянется. И всѣ спѣшили вонъ, а я забѣжалъ напередъ на рынокъ да купилъ приправы къ рыбѣ и роздалъ даромъ бѣднымъ людямъ, за что получилъ отъ Сената благодарность».

Но вотъ является вновь пафлагонецъ и грозитъ позвать колбасника на судъ народа. Колбасникъ и самъ грозитъ ему обвиненіемъ передъ народомъ; но Клеонъ увѣряетъ его, что народъ не повѣритъ ему, потому-что онъ, Клеонъ, дѣлаетъ изъ народа что хочетъ. Наконецъ они вызываютъ старика Дема. Клеонъ жалуется ему, что онъ терпитъ за него, за свою преданность къ нему, а колбасникъ упрекаетъ Дема въ томъ, что онъ не даетъ другимъ возможности доказать ему свою преданность, но отдалъ себя совершенно въ волю Клеона, какъ-будто ревнивому любовнику. Клеонъ говоритъ, что такъ и слѣдуетъ по тому добру, какое онъ сдѣлалъ народу. «Чѣмъ же?» спрашиваетъ колбасникъ. «Да тѣмъ (отвѣчаетъ Клеонъ), что отправившись въ Пилосъ, привезъ оттуда сюда спартанцевъ». — «А я (говоритъ колбасникъ) украдъ изъ

харчевни горшокъ съ пищею, которую другой сварилъ». Въ народномъ собраніи они стараются превзойти другъ друга упреками и лестью народу. «Демось! (говоритъ пафлагонецъ) нѣтъ у тебя лучшаго, чѣмъ я, друга». — «Но скажи мнѣ это только одно (возражаетъ ему колбасникъ), ты ведешь большую торговлю кожею, а подарилъ ли ты когда-нибудь народу хоть одну пару подошвъ? А я, вотъ, купилъ ему пару башмаковъ. Видя его безъ верхняго платья, такого престарѣлаго человѣка, подумалъ ли ты когда-нибудь поднести ему теплую одежду на случай холоднаго времени? А я, смотри, дарю ему вотъ что». Когда, послѣ этого, кожевникъ предлагаетъ своему господину верхнее платье, Демось отталкиваетъ его, потому-что платье пахнетъ кожею. «Онъ хочетъ удушить тебя этииъ противнымъ запахомъ! кричитъ колбасникъ». — «Я соберу твои сѣдые волосы (говоритъ Клеонъ) и съдѣлаю тебя молодымъ.» — «Нѣ, возьми заячій хвостъ для обтиранія глазъ». — «Если ты захочешь высморкаться, Демъ (кричитъ кожевникъ), то оботри свои руки объ мою голову». — «Объ мою, объ мою, кричитъ колбасникъ». — «Довольно (говоритъ Демось), отдай пафлагонецъ мое кольцо, а ты, колбасникъ возьми его и будь моимъ управляющимъ.» — «Постой! (молитъ кожевникъ) выслушай сначала мои оракулы». — «И мой!» кричитъ колбасникъ. — «А много ихъ у васъ?» спрашиваетъ Демъ. — «Много, много!» кричатъ они оба. — «А чьи?» — «Мои, Бакидовы», говоритъ Клеонъ. — «А мой, Гланида, старшаго брата Бакидова». — «А о чемъ они?» — «Объ Аеннахъ, о Пилосѣ, о тебѣ, обо мнѣ, обо всѣхъ вещахъ» говоритъ Клеонъ. — «Объ Аеннахъ, о чечевицѣ, о лакедемонцахъ, о свѣжихъ тунцахъ, о тѣхъ, которые на рынкѣ обмѣриваютъ хлѣбомъ, о тебѣ, обо мнѣ». Оракулъ колбасника, и въ-особенности его объясненія склоняютъ народъ предпочесть новаго правителя старому. Но тутъ начинается новый споръ: кто будетъ угощать народъ лучшими кушаньями. Они изошряютъ всѣ свои способности, чтобъ придумать разнаго рода лакомства; наконецъ кожевникъ нашелъ такое кушанье, въ которомъ колбасникъ долженъ уступить: это жареный заяцъ. Но тутъ колбасникъ прибѣгаетъ къ хитрости: послы плутъ, кричатъ онъ, съ мѣшками, полными золота, и между-тѣмъ, какъ кожевникъ оглядывается, колбасникъ подаетъ народу жаренаго зайца. Наконецъ колбасникъ предлагаетъ Демосу послѣднее испытаніе любви пафлагонца къ народу. Пусть покажетъ онъ корзину съ съѣстными припасами, для себя оставленными; въ то же время колбасникъ приноситъ и свою корзину. Корзина кожевника оказывается полна разными лакомыми кусками, которые онъ хотѣлъ приберечь для самого себя; корзина колбасника была пуста. Дѣло окончательно рѣшается въ пользу послѣдняго. Онъ принимаетъ имя Агораклита и начинаетъ свое прав-

леше чудомъ : онъ перевариваетъ старика Дема , призвавъ на помощь древнее искусство волшебницы Меден , и народъ аонскій является обновленнымъ и молодымъ . Народъ празднуетъ свое обновленіе и постановляетъ въ первомъ своемъ собраніи нѣсколько полезныхъ рѣшеній , сознаваясь въ своихъ прежнихъ ошибкахъ .

Но ни одна изъ комедій Аристофана не пользуется такою извѣстностью , какъ «Облака» . Самъ поэтъ считалъ эту пьесу болѣе другихъ удавшеюся , хотя при первомъ ея представленіи , въ 424 году до Р . Х . , ей были предпочтены комедія Амепися и Кратина . Въ парабасисѣ комедіи «Осы» , поставленной на сцену въ слѣдующемъ году , поэтъ жалуется на тупоуміе зрителей , неумѣвшихъ оцѣнить по достоинству его тонкую и умную пьесу . Онъ передѣлалъ ее еще разъ и присоединилъ къ ней парабасисъ , въ которомъ прямо объявилъ , что если не умѣла его оцѣнить толпа , то онъ ищетъ теперь для своей комедіи такихъ зрителей , которые , подобно Электрѣ , умѣли бы найти локопъ брата . Незвѣстно , впрочемъ , были ли когда-нибудь даны эти вторыя «Облака» . Цѣль комедіи была показать пагубное вліяніе софистовъ на аонскіе нравы . Представителемъ софистовъ считала аонская чернь Сократа , того самаго Сократа , котораго лучшіе изъ современниковъ признавали мудрѣйшимъ изъ грековъ , какимъ знаемъ и мы его по сочиненіямъ учениковъ его . Съ этимъ мнѣніемъ избранныхъ людей не сходилась въ своихъ понятіяхъ вся масса народа . Въ народѣ , напротивъ , задолго до сократова процесса ходили про него разные нелѣпные слухи , которые такъ охотно привязываются къ славному имени . Въ народѣ говорили о Сократѣ , что онъ испытуетъ вещи , сокрытыя въ небѣ и подъ землею ; что онъ неправое дѣлаетъ правымъ ; что онъ не вѣритъ даже богамъ . Такія враждебныя отношенія народа къ Сократу , такое смѣшеніе мудрѣйшаго изъ философовъ съ темными софистами находило себѣ отчасти основаніе въ самомъ Сократѣ ; ибо , ратуя противъ софистовъ , опровергая ихъ нелѣпное ученіе , Сократъ пользовался ихъ же оружіемъ , и съ ироніею , не для всѣхъ понятною , употреблялъ ихъ же приемы въ доказательствахъ , такъ-что люди непросвѣщенные и необразованные , которые судятъ обыкновенно по наружному виду , легко могли смѣшивать его съ софистами . Не даромъ сравниваетъ его Алкивиадъ у Платона съ тѣми поставцами , въ которыхъ ставятся статуи въ мастерскихъ художниковъ . Эти поставцы у древнихъ художниковъ имѣли почти всегда форму Силена , но внутри заключали изображеніе какого-нибудь другаго высшаго бога . Нужно было хорошо знать Сократа , чтобъ умѣть проникать въ то , что скрывала подъ собою эта грубая оболочка . Къ этому присоединялся еще его наружный видъ : исхудалое , положее на Силена лицо , бѣдная одежда , босыя ноги — все

это могло его сдѣлать смѣшнымъ въ глазахъ привыкшихъ къ изысканству зрѣнью. Отсюда также возможность вывести его на сцену какъ лицо комическое. Аристофанъ не былъ личнымъ врагомъ Сократа и не могъ имъ быть; ибо, принадлежа къ избраннымъ людямъ своего времени, онъ долженъ былъ понимать высокія стремленія Сократа. Но народъ видѣлъ въ этомъ философѣ представителя сопостовъ, а нашъ поэтъ писалъ для народа, и въ этой комедіи хотѣлъ усвоить себѣ взглядъ толпы. Онъ не имѣлъ намѣренія повредить Сократу, и въ его комедіи нѣтъ ничего общаго съ позднѣйшими обвиненіями, возведенными на философа, тѣмъ болѣе, что она была написана слишкомъ за 24 года до знаменитаго процесса. Пельзя, однакожъ, отрицать, чтобъ она вовсе не имѣла вліянія на осужденіе Сократа: она утвердила народъ въ его ошибочномъ мнѣніи о Сократѣ, и самъ Сократъ называетъ комика въ числѣ древнѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ своихъ (Апол. 18). Перейдемъ къ самой комедіи.

На дворѣ ночь. Все спитъ въ Аоннахъ, не спитъ одинъ Стрепсиадъ; онъ стонетъ и вздыхаетъ: «О царь Зевсъ! что за безконечная ночь! не-уже-ли совѣтъ не будетъ дня? Давно уже слышалъ я пѣтуха, а слуги все еще храпятъ. Не такъ было прежде. Пропадай ты, война, по многимъ причинамъ: вотъ и слугъ наказывать мнѣ нельзя. Вотъ и этотъ добрый молодой человекъ (съ проницей о своемъ сынѣ) не просыпается во всю ночь, по сапитъ-себѣ, завернувшись въ пять попонъ. Но посмотримъ, попытаюсь закрыться и заснуть... Нѣтъ, не могу я, несчастный, спать; издержки и долги меня кусаютъ, по милости вотъ этого сына. Онъ, съ длинными волосами, наѣздничаетъ-себѣ даже и во снѣ, а я мучусь, видя, что луна подходитъ съ двадцатымъ числомъ: проценты растутъ. Зажги-ка, мальчикъ, лампу, да принеси доску, дай-ка я сочту долги и проценты. Посмотримъ, сколько я долженъ? Двѣнадцать минъ Пасію за лошадь, три мины Амвнью за колесницу и колесы. Провалиться бы той свахѣ, что женила меня на твоей матери, сынокъ. Жилъ я прежде въ деревнѣ самую пріятною жизнью, а какъ женился на племянницѣ Мегакла, мегаклова сына, какъ взялъ, деревенщина, жену изъ города, гордую, пышную; ложился я съ нею съ прежнимъ запахомъ вишневыхъ дрождей, смоквы, да шерсти овечьей, а отъ нея пахло помадой, да шафраномъ; она думала только объ удовольствіяхъ и издержкахъ, какъ бы поить, да поѣсть. Послѣ, когда у насъ родился вотъ этотъ сынъ, долго спорили и бранились мы о его имени: ей хотѣлось назвать его Сантиспомъ, или Херписомъ, или Каллиппидомъ, а я хотѣлъ назвать его въ честь дѣда Фидонидомъ, наконецъ согласились мы на Фидиппидъ. Колыбельная пѣсня матери была: «когда вырастешь, сынокъ, будешь ты, какъ твой дядя Мегаклъ,

колесницы гонять, въ шафранномъ плащѣ». А я прищѣвалъ: «нѣтъ, будешь ты, сынъ, пасты козъ, какъ отецъ, въ овчинномъ тулупѣ». По моихъ словъ сынъ не послушался, помѣшался на лошадяхъ и разоряетъ отца. Одинъ выходъ остается мнѣ бѣдному». Тутъ Стрепсиадъ будитъ сына и проситъ его посѣщать находящуюся противъ нѣзъ дома школу, чтобъ научиться двумъ рѣчамъ: правдивой и лживой; ибо, какъ говорить, лживую рѣчью можно опровергнуть все, что угодно. Владѣя ею, Стрепсиадъ докажетъ своимъ кредиторамъ, что онъ имъ не долженъ. Фидиппидъ отказывается учиться у такихъ учителей, какъ Сократъ и Херефонтъ, которыхъ онъ называетъ босыми бродягами. Тогда Стрепсиадъ рѣшается самъ, на старости лѣтъ, посѣщать школу. Онъ стучится въ дверь школы. Ему отпираетъ одинъ ученикъ и бранитъ его за то, что онъ мѣшаетъ ихъ занятіямъ. «Только-что сейчасъ, говорить онъ, вымѣрилъ Сократъ на сколько своихъ шаговъ прыгаетъ блоха, которая укусивъ Херефонта въ бровь, прыгнула оттуда Сократу на голову». Въ этомъ площадномъ тонѣ продолжаетъ ученикъ описывать Стрепсиаду занятія въ школѣ. Сократа находитъ Стрепсиадъ висѣщаго въ корзинѣ на воздухѣ и спрашиваетъ его, что это онъ дѣлаетъ. Сократъ отвѣчаетъ, что онъ путешествуетъ по воздуху и разсматриваетъ солнце, ибо, только находясь въ воздухѣ, можно размышлять о воздушныхъ предметахъ; земля притягиваетъ мысль постоянно къ землѣ. Стрепсиадъ рассказываетъ ему свое стѣспенное положеніе и проситъ его научить той завидной рѣчи, которая черное дѣлаетъ бѣлымъ, и клянется богами, что онъ не пожалѣетъ за это ничего. «Боги у насъ (говоритъ Сократъ) монета, ничего нестоящая. Я покажу тебѣ настоящихъ боговъ». На его призывъ являются вѣчныя прозрачныя облака въ видѣ молодыхъ женщинъ. Хоръ облаковъ увѣряетъ Сократа въ своемъ расположеніи, а Сократъ объясняетъ своему ученику, что это только одни истинныя божества: не Зевсъ правитъ міромъ, но они; не Зевсъ посылаетъ дождь и громъ, но облака, когда они переполнены водою и ударяются одно о другое; а нагоняетъ ихъ одно на другое движеніе воздуха. Только суевѣріе убѣждено, что молніи Зевса поражаютъ клятвopреступниковъ. Отчего же не сожгли они до-сихъ-поръ ни Симона, ни Клеонима, ни Теора? И зачѣмъ Зевсъ разбиваетъ свой собственный храмъ? зачѣмъ низлагаетъ высокіе дубы? развѣ и дубы нарушаютъ клятву? Молнія есть сухой вѣтеръ, заключенный въ облакахъ; онъ разрываетъ ихъ какъ пузырь и, вырываясь съ силою, самъ-собою загорается. Не вѣръ же другимъ богамъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ мы почитаемъ: хаосъ, облака и языкъ». Стрепсиадъ общается ему, и благодарный хоръ спрашиваетъ его, что можетъ онъ для него сдѣлать. Стрепсиадъ изъявляетъ желаніе быть лучшимъ ораторомъ между гелленами, чтобъ отдѣлываться отъ креди-

торовъ. Хоръ обѣщаетъ ему и поручаетъ Сократу испытать его. Сократъ предлагаетъ ему раздѣться, ибо такъ только можно войти въ святилище науки. Скоро Сократъ возвращается и жалуется на глупость, безтолковость и разсѣяніе ученика. Онъ вызываетъ его и хочетъ рѣшить съ нимъ еще нѣсколько вопросовъ; начинаетъ съ нимъ говорить о метрахъ (стихотворной мѣрѣ), а Стрепсиадъ отвѣчаетъ объ мѣрахъ торговыхъ и т. д. Сократъ заставляетъ его самого придумать что-нибудь. Долго сидитъ Стрепсиадъ, наконецъ объявляетъ, что онъ придумалъ средство не платить процентовъ. «Что, говорить, если я куплю вессалийскую колдунью и ночью сведу луну съ неба и буду держать ее въ заперти въ какомъ-нибудь кругломъ футлярѣ...» — «Ну, что жь?» спрашиваетъ Сократъ. — «Какъ что! Если луна не будетъ болѣе всходить, мнѣ ненужно будетъ платить процентовъ». — «Почему же такъ?» — «Потому-что деньги даются въ проценты помясячно». — «Умно! А что ты сдѣлаешь для своего спасенія, если противникъ навяжетъ тебѣ на шею такое дѣльцо, которое ты долженъ необходимо проиграть, за неимѣніемъ законныхъ свидѣтелей?» — «Я убѣгу до начала дѣла, да и повѣшусь: съ мертвыми не бываетъ процесовъ». Наконецъ Сократу надоѣло толковать съ безтолковымъ старикомъ. Онъ велитъ ему привести на свое мѣсто сына.

Стрепсиадъ приводитъ къ нему сына и проситъ снова научить его правдивой и живой рѣчи, увѣряя, что сынъ пойметъ лучше ученіе, чѣмъ онъ самъ. Пусть послушаетъ объ эти рѣчи и выберетъ самъ. Правдивая и Живая рѣчь являются на сценѣ и начинаютъ браниться. Хоръ прекращаетъ эту брань и велитъ имъ рассказать желающему послушать ихъ юношѣ, какъ учились встарину въ школѣ, и какъ теперь учатся. Правдивая рѣчь начинаетъ: «Въ старое время, когда я процвѣтала и скромность была въ уваженіи, мальчики ходили въ школу толпою, голые, въ какую-бы то ни было погоду, по улицамъ шли скромно и тихо, пѣли пѣсни, выученныя у отцовъ; шутовство и отступленіе отъ строгой нравственности наказывалось; въ гимнастической школѣ сидѣли прилично, вытянувъ ноги впередъ, остерегаясь отъ непристойныхъ тѣлодвиженій. Такъ воспитывалось то поколѣніе, которое сражалось при Марафонѣ. У меня, юноша, научись ты презирать площадь, краснѣть отъ стыда, уступать мѣсто старшимъ, не дѣлать неприятнаго родителямъ, не будешь болтать вздору, и такъ даѣе... Теперь начинается Живая Рѣчь: Я опровергну все, что ты говорила. Ты порицаешь обычай обращаться на площади, а я хвалю. Не даѣомъ Гомеръ сдѣлалъ Нестора ораторомъ. Ты говоришь, что молодые люди не должны упражнять языка, а по мнѣ, напротивъ. Ты говоришь, что надо уважать скромность, а по мнѣ, скромность нѣкогда никому не принесла

добра. Смотри, молодой человекъ, какихъ удовольствій лишишься ты, если будешь жить скромно; для тебя потеряны женщины, игра, рыба, вина, смѣхъ. Что за пріятность въ жизни безъ удовольствій? А если попадешься въ какой-нибудь процессъ, ты пропадешь, если не сѹмѣешь словами отговориться. Ты пойманъ съ чужою женою — смѣло можешь уговорить мужа, что въ томъ пѣтъ ничего дурнаго, что самъ Зевесъ покорялся любви къ женщинѣ; какъ же тебѣ, смертному, можно быть лучше бога? Наконецъ Живая Рѣчь обращаетъ въ бѣгство Правдивую, заставивъ ее согласиться съ тѣмъ, что между зрителями болѣе безнравственныхъ людей, чѣмъ нравственныхъ.

Фидиппидъ выучился. Отецъ въ восхищеніи. «Теперь ты настоящій афинянинъ (говоритъ онъ ему) съ лица. Спаси же меня, какъ ты прежде меня погубилъ». Сынъ рассказываетъ ему, какими хитростями отдѣлаются они отъ кредиторовъ. Старикъ торжествуетъ. Приходятъ кредиторы. Стрепсиадъ говоритъ Пасію: «Я клялся богами заплатить тебѣ. Теперь я не вѣрю болѣе въ боговъ, а ты, притомъ, не знаешь новой грамматики». Амивій требуетъ, по-крайней-мѣрѣ, процентовъ. «Какъ можешь ты требовать отъ денегъ того, чего даже море не требуетъ? Сколько ни втекаетъ въ него рѣкъ, оно не дѣлается больше, а ты хочешь, чтобъ капиталъ росъ отъ процентовъ». Съ этими словами уходитъ онъ къ себѣ въ домъ.

Скоро приходитъ онъ съ воплемъ назадъ, за нимъ сынъ. Сынъ приближъ меня, и увѣряетъ, что онъ правъ, доказывая это правдивою и живою рѣчью! За столомъ произошло у нихъ споръ. Отецъ просилъ сына сѣсть ему что-нибудь изъ Симонида, или прочесть изъ Эсхила, но сынъ бранился и говорилъ, что все это была чепуха. Отецъ просилъ тогда сына прочесть ему что-нибудь новое, и сынъ поставяетъ ему образцомъ изыщества одну пьесу Эврипида, въ которой сестра дѣлается любовницею своего роднаго брата. Это разсердило старика; онъ сталъ браниться, а сынъ отвѣчалъ ударами. Сынъ доказываетъ теперь отцу передъ зрителями право дѣтей бить своихъ родителей. «Я, говоритъ онъ, теперь сталъ другимъ человекомъ: прежде я не могъ трехъ словъ сряду сказать, а теперь могу держать тонкія рѣчи». Отецъ, въ отчаяніи, упрекаетъ облака за то, что довелъ его до этого. «Нѣтъ, отвѣчаетъ хоръ, ты самъ виноватъ, предавшись постыднымъ дѣламъ. Мы всегда такъ ведемъ человека, который рѣшается на негодныя дѣла, чтобъ онъ черезъ несчастія научился бояться боговъ». — «Не хорошо это, облака, но справедливо! Я не долженъ былъ отказываться отъ уплаты долговъ и отвергать боговъ для Собрата». Онъ идетъ мстить послѣднему; онъ хочетъ зажечь жилище болтуновъ. Сокрытъ и Херефонъ съ крикомъ выбѣгаютъ изъ дома. Стрепсиадъ велитъ

своему слугѣ гнать и бить ихъ за многое, особенно же за оскорбленіе боговъ.

Этихъ двухъ извлеченій достаточно, кажется, для того, чтобъ составить себѣ по-возможности удовлетворительное понятіе о духѣ и направленіи аристофановыхъ комедій, равно какъ о ихъ художественности. Мы видимъ, что комедія Аристофана далеко непохожа на нашу современную комедію; въ-сравненіи съ нею аристофанова комедія будетъ скорѣе комическимъ, или даже сатирическимъ фарсомъ. Источникъ ея смѣха не тотъ, какъ въ новой комедіи. Общаго между ними только то, что та и другая осмѣиваютъ недостатки современнаго общества; но древняя комедія находила источникъ своего смѣха болѣе въ наружномъ человѣкѣ. Не внутренніе недостатки человѣка, не нравственныя болѣзни челоуѣчества, а внѣшніе недостатки человѣка, съ какими онъ являлся на аонской площади, въ аонскомъ Сенатѣ, въ аонскомъ платьѣ, словомъ, недостатки аонскаго человѣка осмѣиваются въ этой комедіи. И не съ общей челоуѣческой точки зрѣнія осмѣиваются они, а съ точки зрѣнія аонскаго гражданина, аонскаго государства. Всякое отдѣльное событіе изъ государственной или общественной жизни аонскаго народа, всякій отдѣльный случай изъ его улчной жизни, каждый шагъ сколько-нибудь замѣчательнаго гражданина могъ подать поводъ къ такому смѣху. Геніальный поэтъ смотрѣлъ, конечно, дальше и глубже; за этими наружными недостатками видѣлъ онъ и внутреннія болѣзни современнаго общества; но не видѣло и не понимало ихъ само общество. Рабъ своей публички, онъ долженъ былъ говорить съ ней языкомъ для нея понятнымъ. Вотъ отчего въ его комедіяхъ господствуетъ смѣхъ площаднаго фарса. Чтобъ достигнуть своей цѣли, поэтъ долженъ былъ поддерживать въ своей публикѣ этотъ смѣхъ отъ начала пьесы до конца; а для поддержанія этого смѣха ему нужно было постоянно имѣть въ запасѣ какую-нибудь грубую сценическую шутку. И дѣйствительно, все движеніе въ комедіяхъ Аристофана состоитъ въ этихъ переходахъ отъ одного фарса къ другому. Собственнаго дѣйствія и драматическаго движенія въ его комедіяхъ нѣтъ; переходы отъ одной сцены къ другой совершенно-случайны и завязать отъ воли поэта, или какого-либо дѣйствующаго лица. Такъ въ «Облакахъ» Стрепсиадъ хочетъ сначала послать сына учиться въ школу Сократа; но когда сынъ отказался исполнить его желаніе, онъ пошелъ туда самъ. Послѣ, однакожь, когда Сократъ велѣлъ прислать ему на свое мѣсто сына, онъ легко уговорилъ послѣдняго идти въ школу. Отчего же вдругъ такая перемена въ молодомъ человѣкѣ? Точно такъ же *кстати* является во «Всадникахъ» колбасникъ, во время разговора Никія и Демосоена.

Цельзя искать въ комедіяхъ Аристофана и полныхъ оконченныхъ ха-

ракторовъ. Только въ развитіи драматическаго дѣйствія, только въ движеніи полной драмы можетъ вполне выказаться и уясниться оконченный характеръ во всѣхъ его тонкихъ и мелкихъ чертахъ. Гдѣ же мѣсто такому характеру въ комедіяхъ Аристофана, когда въ нихъ нѣтъ непрерывнаго дѣйствія, нѣтъ постепеннаго движенія? Съ другой стороны, всѣ лица аристофановы были имъ взяты прямо изъ дѣйствительности, изъ жизни перенесены на сцену. Эти лица были всѣмъ и каждому извѣстны; не было надобности поэту заботиться о томъ, чтобъ ихъ узнали. Но лицо, перенесенное прямо изъ дѣйствительности, не представляетъ еще полного характера. Дѣйствительность представляетъ человѣка въ разныхъ положеніяхъ его жизни, въ различныхъ моментахъ его дѣятельности. Въ дѣйствительности видимъ мы человѣка, такъ-сказать, раздѣленнаго, видимъ его то съ одной, то съ другой стороны, и никогда не можемъ осмотрѣть вполне. Такова уже природа дѣйствительности. Чтобъ вполне обнять человѣка, надобно отвлечь его отъ дѣйствительности и перенести въ сферу вымысла. Только здѣсь получаетъ каждый типъ свою полноту и округлость; только творческая фантазія можетъ дать характеру совершенную оконченность, возвести его до полного художественнаго образа, такъ, чтобъ, поставленный потомъ на сцену, казался онъ зрителямъ знакомымъ человѣкомъ, хотя бы и не былъ имъ вовсе знакомъ, хотя бы и не мѣтилъ ни на какое ходящее передъ ними живое существо. Такихъ художественно-замысленныхъ и созданныхъ характеровъ у Аристофана нѣтъ. А Демось, Демось, скажутъ намъ? Демось, скажемъ мы, есть, конечно, гениальное изображеніе характера цѣлаго народа въ одномъ созданномъ лицѣ; народъ афинскій живой, вѣтреный, оумасбродный, яркими красками представленъ въ этомъ лицѣ. Только гениальный поэтъ могъ сложить въ одномъ лицѣ всю разнообразную картину народныхъ нравовъ, или, лучше сказать, народной порчи. Но это лицо аллегорическое, слѣдовательно, это собственно не лицо, не характеръ; въ его созданіи поэтъ перешелъ предѣлы искусства. Отсюда нѣкоторыя несообразности въ сценахъ самой комедіи. Такъ сцена въ Сенатѣ не имѣетъ никакого отношенія къ главному лицу; такъ, послѣ, когда Клеонъ и колбасникъ взываютъ къ старику Дему, то послѣдній находитъ нужнымъ превратиться изъ старика Дема въ сидящій на площади демось (народъ). Въ другой комедіи на сценѣ Сократъ, или актёръ въ его маскѣ; онъ одѣтъ, говоритъ и ходитъ какъ Сократъ, и афинскій зритель смѣется надъ знакомой ему фигурой философа, смѣется, когда поэтъ заставляетъ его заниматься измѣреніемъ прыжка блохи и висѣть на воздухѣ длитого, чтобъ мысль не притягивалась къ землѣ. Эти два обстоятельства принадлежать, конеч-

во, къ сферѣ вымысла; но вымыселъ здѣсь и остается вымысломъ. Онъ не дружился съ дѣйствительностью и не жилъ съ нею ничего общаго. Этотъ вымыселъ и для афинянъ оставался вымысломъ; они смѣялись надъ нимъ и не предъявляли искусству дальнѣйшихъ требованій. Но не можемъ мы смѣяться надъ нимъ, равно какъ не можемъ смѣяться надъ аристофановымъ Сократомъ. Не думаемъ, чтобъ причиною этого было только привычное наше уваженіе къ имени философа; причина, кажется, скрывается гораздо—глубже: у насъ другой смѣхъ и другой источникъ смѣха. Отчего жь Сократъ не перешелъ къ намъ такимъ, какимъ хотѣлъ изобразить его Аристофанъ? Оттого, что у него нѣтъ Сократа: его смѣшной чудакъ Сократъ, со всѣми своими софистическими приемами, не заслониаетъ того Сократа, котораго мы знаемъ по другимъ преданіямъ. Типъ вышелъ недовольно—дрокъ, а потому и не могъ закрыть собою лицо, прославленное другими преданіями. Можетъ-быть, уже это самое распространеніе смѣха на все афинское общество, на всѣ отдѣльные лица безъ исключенія, было причиною того, что древняя комедія не оставила намъ ни одного комическаго характера. На чтѣ было ей собирать свой смѣхъ въ одномъ какомъ—нибудь типѣ, когда всякое лицо современное доставляло тысячу поводовъ для ея смѣха? Древняя комедія была исключительнымъ явленіемъ: она была народная аттическая комедія, и потому не оставила она ничего въ наследство другимъ народамъ.

Неограниченная свобода комическихъ писателей осуждать недостатки государства и его руководителей, могла существовать только до—тѣх—поръ, пока афинскій народъ ее терпѣлъ; а терпѣлъ ее афинскій народъ до—тѣх—поръ, пока онъ былъ самъ свободенъ. Для свободнаго народа не могло быть ничего пріятнѣе, какъ это вольное свободное слово, свидѣтельствовавшее о его силѣ и могуществѣ. По—мѣрѣ—того, какъ жадные и корыстолюбивые демагоги забирали въ свои руки правленіе, утрачивалась все болѣе—и—болѣе и свобода сценическихъ писателей. Сценическая свобода — одно изъ главныхъ орудій гласности; а гласность была, конечно, не выгодна демагогамъ, думавшимъ болѣе о своей пользѣ, нежели о выгодахъ народа, и они всѣми силами старались ее ограничить. Естественнымъ слѣдствіемъ паденія демократіи (404 до Р. X.) былъ законъ Ламеха, одного изъ тридцати тирановъ, запрещавшій комическимъ поэтамъ говорить о государственныхъ дѣлахъ и осмѣивать гражданъ подъ ихъ собственнымъ именемъ. Если этотъ законъ и былъ отмененъ, или забытъ по возобновленіи демократіи Тразибуломъ, какъ это видно изъ позднѣйшихъ пьесъ Аристофана, то все же демократія въ Афинахъ упала уже на столько, что въ 393 году до Р. X. Агир-

рѣш удалось умеклять надержки на комическія представленія. Въ 387 году, когда, послѣ аиталикова явра, взяла перевѣсъ въ Аѳинахъ аристократическая партія, возобновленъ былъ при архонтѣ Мвстихидѣ законъ, запрещавшій осмѣивать гражданъ поименно. Съ-этѣхъ-поръ комедія потеряла свой политическій характеръ и взяла на себя теперь цензуру эстетическую и нравственную. Въ этомъ заключалось существенное различіе такъ-называемой средней комедіи, которая является видоизмѣненіемъ предшествовавшей. Въ ней были еще хоры, хотя, по недостатку средствъ, они поставлялись не съ прежнимъ великолѣпіемъ. Образцомъ служила ей древняя комедія Кратина «Одиссея», незаключавшая въ себѣ нападокъ на какое-либо политическое лицо, но осмѣивавшая гомеровыхъ Одиссеевъ, безъ хоровъ и парабазиса. Въ томъ же родѣ была и послѣдняя пьеса аристофанова «Эмолоскопъ». По этимъ образцамъ писали съ 386 года до Р. Х. Антифанъ, Алексисъ и другіе поэты средней комедіи. Гомеръ и трагики давали имъ большую часть матеріала, къ которому они привязывали критику нравственныхъ недостатковъ современнаго общества. Но они выходили нерѣдко изъ мифологическаго круга и брали свои предметы прямо изъ современной жизни. Современная жизнь изображалась, правда, теперь не такъ, какъ въ древней комедіи, не со стороны государственныхъ интересовъ, не съ политической точки зрѣнія, но съ точки зрѣнія самого поэта, являющагося представителемъ общаго смысла и начала нравственности. И въ средней комедіи встрѣчаются иногда политическія мысли, но онѣ или скрыты подъ аллегорическою формою, или высказываются какъ общія отвлеченности. Тамъ и здѣсь найдете вы выходку противъ философовъ, но это уже не личное преслѣдованіе извѣстнаго имени, это скорѣе нападки на бѣдность содержанія, на противорѣчія той или другой философской системы; словошь, осмѣиваются не философы, а философія. Иначе и быть не могло: настала другая вѣкъ; философія изъ школъ Платона и Аристотеля разнеслась повсюду и глубоко проникла въ жизнь. Поздно уже было ей противодѣйствовать; оставалось только вооружаться противъ ея злоупотребленій, противъ тонкости и умствованій софистическихъ. Аристофанъ преслѣдовалъ Сократа, какъ чело-вѣка, котораго ученіе считалось опаснымъ государству, и по той же причинѣ нападалъ на Эврипида, какъ на поэта, котораго страстные порывы охлаждали воинственный жаръ его согражданъ; поэты средней комедіи смѣются надъ софистическими тонкостями философіи, доводящими ее до нелѣпостей и противорѣчій, смѣются надъ плохими стихами поэтовъ, иногда пародируютъ ихъ, но никогда ни слова не говорятъ о вредномъ ихъ вліяніи на общество. Эврипидъ нерѣдко подвергался на-

падкамъ средней комедіи, но не за слишкомъ-живое изображеніе страстей, а за частое употребленіе буквы с, отчего стихъ его иногда шипѣлъ, какъ змѣя. Въ литературѣ того времени господствовала необыкновенная любовь къ перифразамъ, не къ тѣмъ перифразамъ, которые иногда бываютъ необходимы для болѣе-точного и опредѣленнаго изображенія предмета, но къ тѣмъ долгимъ, безконечнымъ перифразамъ, къ которымъ такъ охотно прибѣгаютъ многословные писатели по недостатку вкуса или такта, а нерѣдко и по причинѣ малаго знакомства съ предметомъ, о которомъ они говорятъ. Такіе перифразы были въ модѣ у современниковъ Антифана. Безъ экономіи и выбора собирали они въ нихъ всѣ слова, всѣ подробности, всѣ эпитеты описательные или мнѣологическіе, какіе только могла подсказать имъ память или воображеніе, доставляя комическому поэту прекрасный случай къ живымъ пародіямъ. «Посмотримъ, говоритъ одно изъ его лицъ, если я хочу сказать горшокъ, надо ли сказать просто горшокъ, или лучше такъ выразиться: сосудъ, котораго тѣло есть не что иное, какъ пустота, сдѣланный изъ глины, посредствомъ быстрыхъ движеній колеса подвергнутый огню въ другой пустотѣ изъ той же самой глины, которой онъ есть сынъ, носящій въ своемъ нѣдрѣ, подобно женщинѣ, носящей ребенка, маленькихъ ягнятъ, вскормленныхъ однимъ молокомъ, которые въ немъ варятся?»—«Клянусь Геркулесомъ, отвѣчаетъ собесѣдникъ, ты уморишь меня; скажи просто: горшокъ съ мясомъ.»—«Твоя правда, но какъ сказать: пирожокъ? или лучше: смѣсь бѣлой жидкости меда и слезъ, текущихъ изъ сосцовъ блѣющихъ козъ, положенныя на широкой мучной подстилкѣ, чистой дочери чистой Цереры» и т. д. Не совѣтъ еще, впрочемъ, оставила средняя комедія обычай своей предшественницы нападать на личности; но, не смѣя говорить прямо въ лицо людямъ, стоявшимъ во главѣ государства и любимцамъ народа, она искала своихъ жертвъ въ Аѳинѣ; она выводила на сцену Александра Ферейскаго, Діонисія Сиракузскаго, или осмѣивала даже знаменитыхъ согражданъ, но только въ ихъ частной жизни. Иногда рѣшается еще, впрочемъ, она кольнуть знаменитаго современника; но это жало не ядовито. Гарпалъ, убѣгая отъ гнѣва Александра, ищетъ убѣжища въ Аѳинахъ и деньгами склоняетъ на свою сторону первенствующихъ ораторовъ. Какъ же, говоритъ объ этомъ поэтъ Тимоклесъ? Демосеенъ, говоритъ онъ, получилъ пятьдесятъ талантовъ. Поздравляю его, если онъ можетъ все сберечь для себя. Мероклесъ тоже получилъ довольно. Глупъ былъ тотъ, кто давалъ, а кто получалъ, тому счастье. Демонъ и Каллисоеенъ имѣли также свою долю. Этимъ можно простить; они были бѣдны. А Гиперидъ, краснорѣчивый Гиперидъ имѣлъ свой вы-

играться въ этомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ другими. Ну, это выигрываетъ рыбныхъ торговцовъ: они разбогачаются отъ него. Отъ такъ любить рыбу, что чайки въ сравненіи съ нимъ только сирійцы» (сирійцы были извѣстны своею любовью къ рыбѣ). Въ то же время въ средней комедіи является новый элементъ, это — участіе женщины. Но женскій греческій міръ не былъ вполне доступенъ для комическаго поэта; греческая женщина хотя и пользовалась болѣею свободою, нежели на Востоку, но все же она имѣла свой отдѣльный гнѣздышко, свой теремъ, не принимала участія въ общественныхъ дѣлахъ, и рѣдко показывалась внѣ дома. Высшимъ хозяйствомъ управляли и завѣдывали мужья; жены распорядились домашнимъ хозяйствомъ. Между-тѣмъ потребность участія женщины въ жизни сильно чувствовалась. Чѣмъ же восполнялась она? странное явленіе! Представительницами женщинъ въ греческомъ обществѣ этого времени были куртизанки. Кому неизвѣстно имя прелестницы Аспазіи, которой красоту и грацію признавалъ даже самъ мудрый Сократъ? Аристотель всю жизнь свою былъ привязанъ къ Гериліисѣ; Платонъ восхвалялъ даже морщины своей Архіанассы. Чѣмъ же привлекали къ себѣ эти женщины? Прежде всего, конечно, красотою! Не одна чувственность влекла грека къ этой красотѣ, но еще болѣе привывало его къ ней врожденное греческому племени чувство изящнаго. Но не одною красотою обладали знаменитѣйшія куртизанки, онѣ были нечужды также образованія того времени, и въ домѣ Аспазіи собиравлись всѣ замѣчательные современные таланты. Фрагменты средней комедіи наполнены похвалами этимъ изящнымъ куртизанкамъ; имъ отдается даже иногда преимущество передъ женами. Сравненіе, дѣйствительно, не всегда могло быть въ пользу послѣднихъ. Съ изяществомъ свѣтской женщины нерѣдко соединяли куртизанки достоинство доброй и преданной подруги и вполне заслуживали похвалу. Но была и другія, употреблявшія во зло свою красоту; послѣднихъ комедія преслѣдовала нерѣдко съ ожесточеніемъ злой сатиры. Она сравнивала такихъ куртизанокъ съ Харидою и Сциллою, со сфинксомъ, гидрою и прочими страшными фантазіями и дѣйствительности. Называя каждую изъ нихъ по имени, поэты изображаютъ ихъ коварство и обманъ. Они не забываютъ предать посмѣянію тѣ хитрости, къ которымъ должны иногда прибѣгать эти женщины для возвышенія своей красоты. Всѣ эти сатирическія выходки противъ порочныхъ куртизанокъ весьма живы и сильны, но нигдѣ не выказывается ихъ источникъ негодованіе оскорбленной добродѣтели, нигдѣ не слышно нравственнаго совѣта. Повидимому, поэты мстятъ этимъ куртизанкамъ за себя и за своихъ друзей, а не преслѣдуютъ порокъ; они остерегаютъ неразумныхъ отъ

обмана ихъ хитраго кокетства, они уговариваютъ избѣгать разврата. «Берегитесь этихъ женщинъ, говорятъ поэты: онѣ разорятъ васъ, но любя васъ и не заслуживая вашей любви;» ни разу не сказано онѣ развратятъ и испортятъ васъ.

Но въ этой видимой односторонности скрывается уже зародышъ новой комедіи. Мы еще будемъ имѣть случай говорить о греческихъ куртизанкахъ у Менандра. Это лицо общее той и другой комедіи, и на немъ, кажется намъ, совершился переходъ отъ древняго искусства къ новому. Въ-самомъ-дѣлѣ, какое лицо могло представить болѣе разнообразныхъ положеній, болѣе несходныхъ характеровъ и болѣе запутанныхъ приключеній? Писатели начали сознавать новыя требованія искусства, задачу комической интриги. Въ одной пьесѣ своей, называвшейся *поззіа Антифанъ* разсуждаетъ о трудностяхъ этой задачи. «Трагедія (говоритъ онъ) легкій и счастливый родъ произведеній. Прежде всего ея сюжеты извѣстны зрителямъ. Стоитъ назвать только Эдипа—и вы знаете все, его отца, Лаю, его мать, Иокасту, его дочерей, его сыновей, его вѣдствія. Стоитъ назвать Алкмеона—и первый встрѣтившійся ребенокъ скажетъ вамъ: Алкмеонъ убилъ свою мать въ припадкѣ безумія; сейчасъ появится Адрастъ и т. д. Потомъ, когда имъ нѣчего болѣе говорить, когда они устанутъ отъ своей драмы, они поднимаютъ машину, что такъ же легко, какъ поднять палецъ, и зрители остаются довольны. Для насъ, для комическихъ поэтовъ, не существуютъ эти удобства; мы все сами должны придумать: новыя имена, происшествія предшествовавшія дѣйствию, и тѣ, которыя должны произойти на глазахъ у зрителя, завязку, развязку». Изъ этихъ словъ ясно видно какъ измѣнились требованія отъ комедіи послѣ Аристофана. До насъ не дошло ни одной полной пьесы изъ періода средней комедіи, и потому мы не можемъ судить, въ какой степени удовлетворили писатели новому требованію; достаточно знать, что оно было уже, это требованіе, и что, рано или поздно, долженъ былъ явиться и отвѣтъ. Дѣйствительность и вымыселъ до-сихъ-поръ имѣли двѣ раздѣльныя роли въ комедіи; искусство не думало еще предписать границъ, до которыхъ могло простираться вѣрное изображеніе дѣйствительности, и за которыя не должны были переходить созданія вымысла. Теперь они начинаютъ соединяться для одной цѣли, начинаютъ взаимно помогать одно другому, не расширяя, но скорее стѣсняя взаимно участіе другъ друга, чтобы вмѣстѣ и равносильно содѣйствовать творческому замыслу и исполненію драмы.

ШЕСТАКОВЪ.

ДВѢ СВАДЬБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ (*).

Часть первая.

I.

Верстахъ въ тридцати отъ уѣзднаго города—назовемъ его хотъ Нечасовскъ—вправо отъ большой дороги къ губернскому городу, на вершинѣ одного изъ холмовъ, зеленою грядою окаймлявшихъ съ сѣвера широкую равнину съ извивающеюся по ней рѣчкою, мелькала, между густыми березами своей ограды, хорошенькая сельская церковь. Нѣсколько ниже, вдоль по рѣчкѣ, тянулась деревня, и надъ ней, тоже на возвышеніи, виднѣлась господская усадьба; съ деревяннымъ домомъ, съ балкономъ и красною крышею; двумя флигелями и другими службами и съ большимъ плодовымъ садомъ, сходившимъ къ самой рѣчкѣ, которая, разливаясь широкимъ прудомъ, немного выше, ворочала колеса новой, двупоставной мельницы. Между строеньями усадьбы не было видно ни хорошенькихъ рѣшетокъ, ни даже заборовъ; огородъ и богатые капустаники были защищены отъ скота одною канавою и невысокимъ валомъ, по которому, по мѣстамъ, росла акація и высокій бурьянъ. Усадьба, казалось, была брошена съ патриархальною довѣренностью посреди поля и составляла центръ владѣнія, котораго границы скрывались въ широкомъ раздольѣ степи. Нельзя сказать, чтобъ положеніе господскаго дома было особенно-хорошо и, конечно, съ перваго взгляда никто не назвалъ

(*). Последнее произведеніе покойной М. С. Жуковой, найденное въ бумагахъ ея совершенно-оконченнымъ и приготовленнымъ къ печати.

Ред.

бы его прекраснымъ. Во всѣ стороны изъ оконъ широкая волнистая степь, только съ одной стороны примыкавшая къ подошвѣ холмовъ, по мѣстамъ покрытыхъ мелкимъ кустарникомъ; нѣсколько густыхъ вѣтелъ, пересѣкавшихъ своими косматыми вершинами линію далекаго горизонта, сливающагося съ степью въ синеватой дали; по мѣстамъ свѣтлый разливъ рѣки, поросшей частымъ лѣсомъ камыша; деревенька въ два порядка съ темными одоньями прошлогодняго хлѣба на задахъ; сизое поле выколосившейся ржи, волновавшееся подъ набѣгомъ полуденнаго вѣтерка, телега, пылившая по проселочной дорогѣ вдоль изволога—вотъ все, что открывалось изъ оконъ этого барскаго дома. Но когда полуденное солнце заливало яркимъ свѣтомъ широкую степь, или, склоняясь къ вечеру, косвеннымъ лучомъ золотило и верхи темныхъ одоньевъ, и облако пыли, поднятое вдоль улицы возвращающимся стадомъ, и бѣлыя стѣны сельской церкви: шумъ мельничнаго водопада, пѣсня крестьянина, ѣдущаго съ поля въ телегѣ съ накошенною по межамъ душистою травою, хлопанье пастушьихъ бичей, мычанье стада и звонкій смѣхъ дѣтей, выбѣгающихъ на встрѣчу любимой скотинѣ—все это представляло картину такой мирной, тихой жизни и сельскаго довольства, что, казалось, не сошелъ бы съ балкона деревяннаго дома съ красною крышею, не оторвался бы отъ открытаго окна, въ которое свѣжій вечерній вѣтерокъ навѣвалъ воздухомъ полей. Тогда этотъ господскій деревянный домъ легко могъ показаться пристанью, гдѣ пріятно было бы отдохнуть отъ житейскихъ бурь. Не думаю, однако, чтобъ много житейскихъ бурь испытали владѣльцы деревни, называемой село Благовѣщенское, Ключовка тожь, и барскаго дома, господствовавшаго надъ деревнею. Послѣдній владѣлецъ ея, Гаврило Евдокимовичъ Караничъ, весьма-мало служившій дворянинъ, самъ построилъ эту церковь, надѣясь лечь въ могилу по правую сторону алтаря ея; но Богу не угодно было исполнить его желаніе. Онъ умеръ въ городѣ, куда повезли его лечиться и это такъ напугало вдову его, Марью Максимовну, что она никогда уже послѣ того не выѣзжала надолго изъ деревни, и ни за что на свѣтѣ не хотѣла лечиться у лекарей. Оставшись вдовою тридцати лѣтъ, съ хорошимъ состояніемъ, она легко могла бы еще выйдти замужъ; и въ-самомъ-дѣлѣ, въ первое время ея вдовства нѣрѣдко изъ города, будто бы застигнутая непогодою, мимоходомъ, заѣзжали къ ней свахи съ разными предложеніями; другіе женихи пробовали дѣйствовать чрезъ дьяконницу, имѣвшую нѣкото-

рыя связи въ городѣ, и даже черезъ Епифановну, ключницу Марью Максимовны; но отъ того ли, что вдовѣ хотѣлось пожить полной хозяйкой, или оттого, что боялась она, что вотчимъ не поладитъ съ ея Андрюшей, только Марья Максимовна и думать не хотѣла о замужествѣ. Случится изрѣдка, съѣздить въ городъ, поплачетъ вдовими слезами передъ исправникомъ, секретарями и опять въ деревню. И между-тѣмъ въ городѣ у нея были родные, и не бѣдные. Марья Максимовна была сама хорошей дворяпеккой фамилии, и Настасья Алексѣевна Ремезова, женщина, у которой въ свое время было болѣе трехъ тысячъ душъ, причиталась ей недалеко, какъ двоюродною сестрою. Эта Наталья Алексѣевна въ прежнее время жила и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, но чаще въ имѣніи своемъ, недалеко отъ Нечасовска. Въ настоящее время старушка, отдѣливъ дѣтей и оставя себѣ небольшую часть имѣнія и незначительные оклады, которые сыновья платили ей съ грѣхомъ пополамъ, купила въ Нечасовскѣ домъ, чтобъ быть поближе къ святымъ монастырямъ, и жила очень-скромно съ одною-меньшею дочерью, несчастною, разоренною и брошенною мужемъ женщиною, словомъ, Дамаянти, только безъ пѣсенъ и безъ красоты. Мать и дочь выѣзжали очень-мало, хотя у нихъ бывалъ весь городъ; да когда и не было гостей, то у нихъ все было не безъ людей, и въ маленькой диванной, возлѣ столика Настасьи Алексѣевны, всегда сидѣла какая-нибудь старица, пріѣхавшая издалека съ книгою для сборовъ, или вдова-чиновница, въ колени-коровомъ чепцѣ и съ шерстянымъ вязаньемъ въ рукахъ, живущая милостями Настасьи Алексѣевны. Но въ то время, о которомъ я говорю, то-есть во время молодости Марьи Максимовны, все это было еще иначе. Настасья Алексѣевна и тогда уже почти постоянно жила въ Нечасовскѣ; она была женщина добрая и ласковая, и Марья Максимовна бывала у нея не безъ удовольствія; но дѣти ея, воспитанныя въ столицѣ, молодые люди, служили кто въ гвардіи, кто въ министерствахъ; дочери были замужемъ за богатыми; всѣ часто пріѣзжали къ матери съ дѣтьми, учителями, гувернантками.—Все модные такіе, говорятъ пофранцузски; на Марью Максимовну смотреть какъ-то странно и тѣтушкой никто назвать не хочетъ.

— А что жъ мнѣ въ ихъ знатности! говорила Марья Максимовна:— я въ Ключовкѣ сама барыня и знать ихъ не хочу.

Одинъ только меньшей изъ сыновей Настасьи Алексѣевны какъ-то вздумалъ приласкаться къ помѣщицѣ, называлъ ее тѣтушкою

и даже пріѣхалъ къ ней въ Ключовку. Марья Максимовна была очень-довольна, приняла его по-родственному и даже денегъ чѣтыре тысячи рублей ассигнаціями (случилась ему нужда пере-хватить дней на десять) дала. И что же! онъ къ ней съ-тѣхъ-поръ ни ногой, да, кажется, ужь и изъ родства вонъ. Писала нѣ-сколько разъ къ нему о деньгахъ—и отвѣта не было! Поѣхала къ Настасьѣ Алексѣевнѣ просить, не заплатитъ ли та за сына, или, по-крайней-мѣрѣ, хоть не напишетъ ли, чтобъ заплатилъ. Настасья Алексѣевна сказала, что она напишетъ къ сыну, пла-тить же за него не можетъ, потому-что у него и свой умъ, и свое имѣніе есть. Такъ съ-тѣхъ-поръ Марья Максимовна и раз-сталась съ богатыми родными и болѣе, чѣмъ когда-нибудь, заклю-чилась въ своей Ключовкѣ и предалась хозяйственнымъ занятіямъ и воспитанію сына, наняла ему въ учителя дьякона, имѣвшаго, по ея мнѣнію, особенныя способности къ педагогическимъ заня-тіямъ, и сама наблюдала, чтобъ Андрюша училъ исправно уроки. Андрюша, когда, впоследствии, я знала уже его Андреемъ Гаврило-вичемъ и помѣщикомъ, очень любилъ рассказывать объ этомъ счастливомъ времени своей жизни, и особенно о томъ, какъ окончивъ курсъ ученія, все у дьякона же, поступилъ онъ на по-прище гражданской службы. Да это, впрочемъ, и дѣйствительно было замѣчательное обстоятельство. Андрюша, какъ и всѣ дѣ-ти въ деревнѣ — я не говорю о дѣтяхъ, которые воспитываются его гувернёрами или, по-крайней-мѣрѣ, нѣмцами-дядьками — росъ подъ открытымъ небомъ, приходя домой только, когда загоняла нянька, по приказанію матушки. Лазилъ по деревьямъ и разо-рѣлъ грачиныя гнѣзда, отправлялся въ главѣ экспедиціи изъ дво-ровыхъ мальчишекъ, съ цѣлой стаей собакъ противъ чужихъ телятъ, забравшихся въ барскій овесъ, ловилъ рѣшетомъ жел-кую рыбу въ мельничномъ жолобѣ; или, когда удастся отвязать лодку, съ какимъ-нибудь босоногимъ Васюткой, подымался вверхъ по рѣчкѣ до большаго затона, и тамъ, въ безопасности отъ пре-слѣдованій материнской нѣжности, просиживалъ на берегу часа два-три съ удочкою, а еще лучше, когда случалось уѣхать съ дворовыми съ неводомъ на дальнее озеро. Любилъ также Андрю-ша, когда ребята отправятся въ поле къ табуну, уѣхать съ ними тихонько, чтобъ не видѣла матушка. Пускай-себѣ ходить отъ одно-го окошка къ другому. Будеть темно, когда онъ вернется съ та-буномъ, верхомъ, какъ и другіе ребяташки, въ одной рубашкѣ, съ открытой головой, безъ сѣдла на доморощенномъ гнѣдомѣ;

только кудри трепаются по вѣтру, да лопти бьются о бока : гдѣ же ей узвать?

Конечно, не все было счастье и въ эти дни. Нерѣдко доставалось и отъ матушки, и дьяконъ надоѣдалъ ; нерѣдко приходилось ходить и въ сапогахъ, изъ которыхъ выглядывали пальцы: Марья Максимовна была не очень-щедрая женщина, и какъ ни любила Андрюшу, а съ денежками и для него разставалась неохотно.

— И такъ походишь, Андрюша, говорила она : — выростешь, тогда всего надобно будетъ много. Для тебя же берегу; видишь какіе нынче доходы.

Андрюшѣ было пятнадцать лѣтъ. Въ это время, Васютка, любимецъ его, отданный въ ученье, въ ткачи, воротился домой. Онъ былъ старше Андрюши годами пятью и попрежнему одѣлся спутникомъ барина во всѣхъ его походахъ по рѣчкѣ и на большой затонъ.

— Чтѣ! плѣвая эта охота, говорилъ Васютка, сидя возлѣ барина на берегу большого затона и надѣвая червяка на удочку. — Сидишь, сидишь, инда одурь возьметъ! То-ли-дѣло съ ружьемъ, вотъ какъ нашъ хозяинъ.

— А у него ружье есть ?

— Отличное ружье. На двѣсти сажень бьетъ.

— Экъ ты махнулъ ! Вотъ Данила говорить: штуцеръ, и то на столько не беретъ.

— Да то штуцеръ, а то ружье. На двѣсти бьетъ.

— И ты съ хозяиномъ ходилъ ?

— Да онъ безъ меня ни за чтѣ не пойдетъ. Иной разъ ляжетъ на траву, мнѣ отдастъ ружье. « Ступай, говорить, Васютка, а я отдохну ».

— И ты стрѣлялъ? Врешь ты, Васютка.

— Да кабы вотъ ружье, посмотрѣли бы вы, ужъ я бы васъ уважилъ : вотъ какъ стрѣляю! Да вы попросите у барыни ружье; у нея въ кладовой есть — я знаю. Эта мы сундукъ ворочали тамъ съ Ганькой, приказывала; я видѣлъ въ углу стоитъ ружье, за бердами.

— Не дасть, сказалъ, подумавъ, Андрюша.

— А ужъ я бы васъ выучилъ!

— Развѣ немудрено ?

Слѣдовали объясненія и примѣрные приемы съ хворостиной, которую тутъ же вытащили изъ кустарника.

— А гдѣ ты возьмешь пороху? спросилъ вдругъ Андрюша.

— Что порохъ! и пороху и дробь достанемъ. Въ Волчихѣ есть ребята знакомые, охотятся—дадутъ: у нихъ господское отпускается.

Андрюша ничего не нашелся сказать противъ этого.

И каждый день возобновлялись подобные разговоры. Ужь Андрюша зналъ хорошо всѣ приемы, какъ должно стрѣлять и прикладывалъ хворостину къ щекѣ и прицѣливался не хуже Васютки. А объ ружьѣ не смѣлъ и заикнуться матери. Впрочемъ, и Васютка, по нѣкоторымъ соображеніямъ, не совѣтовалъ и упоминать объ этомъ. А ружье точно стояло въ углу подъ старыми бѣрдами. Андрюша, котораго Марья Максимовна, недоверявшая никому ключей, посылала иногда въ кладовую, самъ видѣлъ его: въ углу, въ чехлѣ изъ сѣраго толстаго сукна, и такъ поставлено, что чуть его видно. Ружье это осталось послѣ покойнаго Андрюшина отца; неизвѣстно, какъ оно досталось ему и для чего сохранялось, потому—что покойникъ никогда не стрѣлялъ, да и ни въ дворнѣ, ни на деревнѣ и заведенія этого не было. Марья Максимовна очень боялась ружья и нарочно подавѣ его припрятала.

— Не ровенъ часъ, говорила она: — вдругъ выстрѣлится! вѣдь, можетъ—быть, и заряжено. Епифановна нѣсколько разъ совѣтовала барынѣ продать ружье; но какъ продать? вѣдь не хлѣбъ; а Марья Максимовна не любила продавать вещей, которымъ не знала цѣны, и не знаю, успѣлъ ли бы ее обмануть и самъ Чичиковъ. «Пускай—себѣ стоитъ (говорила она); не простоятъ мѣста».

Случилось Марьѣ Максимовнѣ занемочь. Это было уже около Успенья, и Андрюшѣ пришлось хозяйничать и ходить въ кладовую. Утокъ въ это время какъ нарочно было множество, а сѣрый чехоль такъ и бросается въ глаза, точно будто онъ и не заставленъ бѣрдами.

На третій день Марьѣ Максимовнѣ понадобилось сухой малины. Андрюша пошелъ и долго не возвращался.

«Вѣдь видно не найдеть, голубчикъ мой (говорила Марья Максимовна), а помнится, я повѣсила ее въ мѣшечкѣ на гвоздикѣ, у самыхъ дверей».

Наконецъ Андрюша принесъ малину; но лица, какъ говорится, на немъ не было и руки дрожали. Къ—счастью, Марья Максимовна ничего не замѣтила.

Что рассказывать! ружье было вытащено изъ завѣтнаго угла, вынуто изъ чехла и передано въ окно ткачу Васюткѣ, а чехоль, набитый Богъ-знаетъ чѣмъ, утвержденъ очень-искусно на прежнемъ мѣстѣ и заставленъ бѣрдами.

Прошло нѣсколько дней. Марья Максимовна выздоровѣла; была въ кладовой; но тамъ все было на мѣстѣ, все цѣло; бѣрды стоягъ въ углу и изъ-за нихъ виднѣется сѣрый суконный чехоль.

Дѣла Андрюши шли также недурно. Васютка склонилъ на его сторону мельника, который далъ имъ клевушонъ съ дверью, куда они спрятали ружье, и отдалъ ключъ барину.

Два утра, рано на зарѣ, молодые охотники, никѣмъ-незамѣченные, ходили по озерамъ, которыя образовала рѣчка въ своемъ теченіи. Андрюшѣ удалось уже одинъ разъ выстрѣлить и попасть въ ту сторону, куда мѣтилъ, только аршина на два выше. Это такъ ободрило его, что онъ рѣшился на слѣдующее утро выйти еще ранѣе, пробраться на большой отливъ и подстеречь тамъ утокъ. Но не все такъ сбывается, какъ мы думаемъ. Марья Максимовнѣ вздумалось съ вечера еще отправить Васютку верстъ за десять къ знакомому ткачу. Не-уже-ли же это оставитъ Андрюшу? развѣ онъ маленькій? ничуть не бывало, и первые лучи солнца застали уже его за мельницей, въ дугахъ. Онъ шелъ по берегу рѣчки; легкій паръ клубился надъ водою и, раздаваясь, открывалъ свѣтлое зеркало воды, въ которомъ отражалось небо съ свѣтлыми утренними облаками. Сѣдая роса лежала на лугу; съ полей тянуло свѣжестью. Солнце показалось, и изъ кустовъ, изъ камышей, съ луга поднялись тысячи различныхъ голосовъ, будто вся природа встрепенулась и запѣла. Такъ стало хорошо, что Андрюша засмотрѣлся и чуть-было не забылъ, зачѣмъ пришелъ. Вдругъ: крикъ! крикъ! крикуша, изъ камыша, за ней другая, третья, цѣлая стайка! плывутъ по свѣтлой заводи, повертываютъ головками, осматриваются; вотъ одна окунулась въ воду, другая, ныряютъ. Сердце молодого охотника замерло. Выстрѣлить? ну! приложился, бацъ!—и стая съ крикомъ поднялась по направленію къ мельницѣ, оставя двухъ убитыми. Охотникъ положилъ ружье, сапоги и платье долой, въ воду, выносить на берегъ свои трофеи, смотреть—это дворовыя утки! поднималъ голову вслѣдъ за улетѣвшей стаей—она опустилась близѣхонько на другой разливъ. И утки-то ихъ! что теперь будетъ? не дочтутся, хватятся, пойдутъ розыски... упалъ духомъ

Андрюша. Только тотъ пойметъ, что было у него на сердцѣ, кто былъ хоть разъ въ жизни въ подобномъ положеніи.

Онъ забросилъ утокъ въ самую чащу камышей; изъ нихъ съ шумомъ и пискомъ поднялась цѣлая стая мелкихъ птицъ, какъ ивовы журавли, призывая мщеніе на голову преступника. Начально пошелъ Андрюша на мельницу; совѣстно ему было смотрѣть на мельника, неохотно отвѣчалъ онъ на его вопросы и тотчасъ ушелъ.

День прошелъ покойно; насталъ вечеръ. Вдругъ крикъ и вопли на дворѣ. Сердце Андрюши забилося. Это пришла птичница донести о пропажѣ двухъ утокъ, изъ молодыхъ. Марья Максимовна вышла. Гдѣ же утки? куда дѣвались? пропали! нѣтъ, этого не бываетъ, а стало-быть птичница сама украла и продала.

Какую безпокойную ночь провелъ Андрюша! Настало утро, а онъ уже не спалъ, однако и не думалъ идти на мельницу. Проснулась дворня, и опять шумъ и крикъ на дворѣ. Птичница опять пришла и принесла двухъ убитыхъ утокъ, кѣмъ и какъ отысканныхъ въ камышахъ — это уже неизвѣстно; только убитыхъ, застрѣленныхъ и какъ еще! разстрѣленныхъ совѣсть — столько въ нихъ было вежено дрови! Видно, близко подпустили стрѣлка.

— Кто убилъ? кто стрѣлялъ? какъ могъ стрѣлять? И птичница и мельникъ очень знали, но не говорили ни слова; и дворня знала, но молчала. Марья Максимовна выходила изъ себя и грозила... я уже не знаю, что она грозила одѣлать.

Пришелъ старикъ Данила, почесалъ въ затылкѣ.

— Да что, матушка, кому убить? извѣстно. У одного Васютки-ткача порохъ есть: въ Волчихѣ досталъ.

Началось слѣдствіе: по-крайней-мѣрѣ названо было какое-нибудь имя, указанъ слѣдъ. Васютку позвали. Онъ былъ уже дома. На всѣ вопросы Васютка отвѣчалъ одно: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Васютку велѣли свести на конюшню.

Андрюша не выдержалъ. Блѣдный какъ полотно, дрожа всѣмъ тѣломъ, пришелъ онъ къ матери. Она ходила по комнатѣ: топечъ на сторонѣ и въ такомъ волненіи, въ какомъ еще не видывалъ ее Андрюша.

Онъ говорилъ; она не понимала его; смотрѣла, слушала и наконецъ поняла.

— Ты!.. отцовское ружье!.. изъ кладовой!.. сказала она, задыхаясь отъ гнѣва и ужаса и вцѣпилась Андрюшѣ въ волосы.

Но что были эти побои! Андриша чувствовал, что вполне заслужил наказаніе. Стыдно ему было дворни жалъ, Васютку и мельника, и жалъ было и матери. Бѣдная слегла къ вечеру же въ постель, а на другое утро проснулись—она лежитъ какъ ку-навка желтая.

— Ахъ ты, Боже мой! говорилъ Андрей Гавриловичъ, рассказывая въ сотый разъ этотъ случай изъ своей жизни: — вѣдь теперь не испугался бы такъ: извѣстно, жолчь разлилась. А тогда думалъ, что умереть и черезъ мою глупость.

Къ-счастью, нашли лекарство. Тотъ же Данила-предатель привезъ живую щуку: всѣмъ извѣстно, что должно смотрѣть на щуку, когда разливается жолчь. Марья Максимовна выздоровѣла, но оправлялась медленно. Ее тревожилъ Андриша. Давно замѣчала она, что пора было мальчику пристроить, но на это нужны были деньги, а Марья Максимовна не любила съ ними разставаться, и все откладывала, говоря: «вотъ весной хлѣбъ на сѣмена будетъ подороже; продамъ, получу деньги да и въ городъ. Надо отвезти Андришу. Что держать? балуется мальчижъ». Приходила весна, она откладывала опять до осени: «Богъ дастъ тогда продамъ гречу и будутъ лишнія деньги». Последній случай заставилъ ее, однако, рѣшиться. Въ губернскомъ городѣ былъ у нея пріятель, старинный сослуживецъ покойнаго мужа; она отвезла къ нему Андришу и опредѣлила его въ Губернское Правленіе.

Чужая сторона, нужда, потому-что матушка очень-немного давала сынку, и особенно старый пріятель, которому былъ вѣренъ Андриша, человекъ строгій и добросовѣстный, вышколили Андришу. Но, кажется, первую школою его было приключеніе съ утками. Долго, по пріѣздѣ въ городъ, не могъ онъ убѣдиться, что его отправили изъ деревни не въ наказаніе за его прегрѣшеніе. Впоследствии Андриша жилъ и въ деревнѣ, и на свободѣ, но никогда и въ руки не бралъ ружья. Любилъ всякаго рода охоты; а отцовское ружье оставалось покойно въ своемъ сѣромъ чехлѣ, и только перешло изъ кладовой въ кабинетъ, когда онъ зажилъ одинъ въ Ключовкѣ.

Андришѣ не было еще и двадцати-двухъ лѣтъ, когда Марья Максимовна взяла его въ отставку, женила на дочери помѣщика-сосѣда, дѣвушкѣ съ пятнадцатью душами крестьянъ, и дала имъ своихъ душъ тридцать, особенную деревеньку съ господскимъ «мигелемъ» и всѣмъ обзаведеніемъ, чтобъ посмотреть, какъ станутъ хозяйничать молодые хозяева.

И вот Андрюша опять въ деревнѣ; но прежній шалунъ-мальчишка сдѣлался теперь довольно-степеннымъ, хотя и молодымъ помѣщикомъ. Да теперь было уже и не до шалостей: у него на рукахъ было хозяйство, жена; тамъ пошли дѣти, завелись кормилицы, а матушка ничѣмъ не помогаетъ молодымъ хозяевамъ; откладываетъ потихоньку въ кованный сундучокъ часть доходовъ на черный день и попрежнему говоритъ сыну, когда тотъ жагуется на недостатки: «Потерпи, Андрюша, годъ нынче плохій; самъ видишь какіе доходы! А я ужъ стара, слаба стала. Вотъ приведу въ порядокъ дѣла, да и сдамъ тебѣ все: мнѣ ужъ ничего не надобно, только бы на васъ посмотрѣть». Но такъ смотрѣла она лѣтъ шесть, такъ-что бѣдная Параша, невестка ея, умерла, не дождавшись счастья похозяйничать въ Ключовкѣ, и оставя двоихъ дѣтей, которыя вскорѣ послѣдовали за нею, и Андрюша остался вдовцомъ, совсѣмъ—одинокимъ какъ бобыль, а ему не было еще и тридцати лѣтъ. Марья Максимовна взяла его къ себѣ; однако Андрюша, какъ ни былъ огорченъ, сдѣлалъ съ нею условіе и выговорилъ, чтобъ деревенька, отданная ему, осталась и теперь въ его полномъ владѣніи. Марья Максимовна поморщилась, но не захотѣла въ такое время спорить съ сыномъ. Она даже только вскользь замѣтила ему, что напрасно онъ не взялъ на седьмую часть изъ женина имѣнья хоть бы ткача съ семействомъ, такъ-какъ Васютку въ послѣдній наборъ отдали въ солдаты. Андрей Гавриловичъ не хотѣлъ объ этомъ и слышать, переѣхалъ въ Ключовку, потолоковалъ о своей Парашѣ; принялся за хозяйство и сдѣлался совершеннымъ прикащикомъ матери. Старушка была очень-довольна имъ и ввѣрила ему все, кромѣ ключей отъ кладовой.

И вотъ потянулись однообразные дни для матери и для сына, безоблачные, тихіе, какъ зимній вечеръ надъ спящими подъ бѣлымъ саваномъ полями. Андрюша ѣздивъ въ поле, ходилъ въ амбары, на гумно, записывалъ приходы и расходы; старушка ворчала, что всего много выходитъ, что сынъ небережливъ и; однако, иногда подъ-вечеръ сидя подъ окномъ и завидя издали, когда онъ возвращался съ поля въ бѣговыхъ дрожжахъ, она задумывалась. «Кто-то встрѣтитъ тебя, голубчикъ ты мой, какъ меня не будетъ? (шептала она про-себя), и стара я, и слаба стала, а все лучше: не будетъ меня—и изъ дому—то все повьтащутъ у тебя». Но какъ Марья Максимовна вообще не любила предаваться печальнымъ размышленіямъ, то очень-быстро обра-

шлась на другой предмет. Дрожжи подкатывались къ крыльцу и она выбѣгала въ переднюю.

«Ахъ, пострѣлы! лѣнтая! никого нѣтъ! баринъ пріѣхалъ, а и самоваръ неготовъ. Ахъ вы дармоѣды! бить—то васъ некому!» и бѣжала въ дѣвичью, гдѣ Епифановна, слышавъ голосъ барыни, уже всполошила всѣхъ дѣвокъ, потрепала за волосы двухъ мальчишекъ и сама побѣжала въ людскую избу за лепешками къ чаю.

Нѣсколько разъ Марья Максимовна заговаривала и самому Андрушѣ, что не худо бы ему жениться, но Андрей Гавриловичъ обыкновенно отворачивался къ окну и, смотря неизвѣстно куда, говорилъ: «оно почему бы не жениться, да опасно: вѣдь какая попадется. Другой Параша не съищешь, а ужъ горько будетъ, какъ прійдется послѣ полотенца утираться онучкой». Андрей Гавриловичъ не договаривалъ; не этого боялся онъ, а скуности Марьи Максимовны. Онъ не могъ и думать жениться на богатой; а жить съ женою, да еще съ дѣтьми, какъ жили они съ Парашей при тридцати душахъ—вотъ что страшило его. Марья Максимовна этого и не подозрѣвала и все ждала, что Богъ устроитъ ея Андрушу и не дождалась. Въ одно утро она уже не встала съ постели, подъ которою стоялъ кованный сундучокъ, не успѣвъ привести въ порядокъ дѣла и сдать ихъ своему Андрушѣ. Андруша похоронилъ ее въ той же могилѣ, гдѣ лежала его Параша и поставилъ надъ ними памятникъ, который виднѣтся съ большой дороги сквозь густыя березы церковной ограды, и остался одинъ въ своей Ключовкѣ.

Едва-ли многое перемѣнилось въ жизни Андрея Гавриловича послѣ смерти матери его. Та же кухарка варила ему щи съ бараниной и пекла, по праздникамъ, пирогъ съ кашей. Такъ же онъ вставалъ и ложился съ солнцемъ, и обѣдалъ, когда желудокъ скажется; также любилъ поиграть въ шашки съ священникомъ, когда тотъ зайдетъ «для ради скуки посидѣть вечеромъ», какъ говорилъ Андрей Гавриловичъ. Даже въ комнатахъ осталось все попрежнему, и только кованный сундучокъ Марьи Максимовны перешелъ подъ кровать Андрея Гавриловича, да отцовское ружье было повѣшено на стѣнѣ въ его кабинетѣ. Въ то время, о которомъ я пишу—а это было уже давно—Андрею Гавриловичу было тридцать—три—четыре года; это былъ болѣе чѣмъ средняго роста, довольно—плотный мужчина, съ большими, очень—ясными карими глазами и доброю, открытою физиономіею. Волосы его

все-еще вились, хотя онъ и приглаживалъ ихъ всегда очень-старательно. Онъ ходилъ обыкновенно въ широкомъ сюртукѣ и только въ торжественныхъ случаяхъ надѣвалъ фракъ, который перемѣнялся только, когда оказывался тѣсноватымъ для помѣщика, имѣвшаго нѣкоторую склонность къ тучности. Парадные жилеты были также современниками фраку; но какъ все это было чисто и опрятно, то кругленькая фигура Андрея Гавриловича, несмотря на старомодность костюма, не вызывала насмѣшки, и даже не казалась странною, при совершенномъ отсутствіи всякаго притязанія на щегольство. Андрей Гавриловичъ въ обществѣ коротко-знакомыхъ, и особенно гдѣ не было дамъ, бывалъ иногда очень-веселъ; любилъ поразговориться и о старинныхъ проказахъ, и о службѣ въ губернскомъ правленіи и особенно о первой попыткѣ своей съ ружьемъ; но въ обществѣ мало-знакомыхъ, и особенно гдѣ были дамы, это былъ самый робкій, самый жалкій человѣкъ, садился всегда на кончикъ стула и совершенно не зналъ, куда руки дѣвать. Въ послѣднее время онъ, однакожь, чаще бывалъ въ городѣ, познакомился съ исправникомъ, съ судьей, съ которымъ былъ еще немного въ свойствѣ, и особенно сошелся по шашкамъ.

— А у васъ, говорятъ, и собачки водятся, Андрей Гаврилычъ, говорилъ исправникъ:—Николай Михайлычъ лихой малый, изъ военныхъ.—Это хорошо. Въ Ключовкѣ славныя мѣста. Этакъ можно когда вмѣстѣ и въ отъѣзжее поле попробовать.

— Нѣтъ-съ, куда намъ въ отъѣзжее! такъ, держу дворняшекъ, отъ скуки, когда вздумается пошालить, отвѣчалъ Андрей Гавриловичъ, и это была неправда. Онъ держалъ борзыхъ, а не выѣзжалъ съ другими охотниками по экономическимъ расчетамъ, а, можетъ-быть, и потому, что и самая охота у него была не совсѣмъ на барскую ногу. Псарями у него были и Кузьма, кучеръ, и Яшка, старостинъ сынъ, и Гришка, башмачникъ; выѣзжали кто на сивой, кто на буланой лошади, въ овчинныхъ полушубкахъ, кто въ картузѣ, кто въ малахаѣ, словомъ, безъ всякаго притязанія на истинный спортъ. Но, какъ русскій человѣкъ, Андрей Гавриловичъ любилъ всею душою охоту, и когда, осенью, въ ненастный день, когда свинцовыя тучи нависнуть на небѣ и вѣтеръ свищетъ въ опустѣлой степи, а изъ заросшей травой и бобовникомъ межи вскочить заяцъ и понесется по полю, борзые за нимъ, охотники туда же, крикъ, гарканье... Андрей Гавриловичъ оживаетъ, несется самъ во весь опоръ на доморо-

ценномъ гнѣдомъ и машеть арапникомъ и кричить; душа раз-игралась; онъ вольно дышетъ, онъ счастливъ, онъ даже хорошъ въ своемъ дубленомъ полушубкѣ и мохнатомъ папахѣ, и на привалѣ, когда охотники спѣшились и собаки на сворахъ, весело пьетъ изъ походной фляжки, привѣшенной на ремнѣ черезъ плечо, ласкаетъ *Быстраго* и *Довѣзжая*, самъ подаетъ чарку настойки Кузьмѣ, главному охотнику и любимцу, и долго послѣ толкуеть о своихъ подвигахъ и подтруниваетъ надъ Яшкой, который полетѣлъ черезъ голову лошади.

Не забывалъ, однако, онъ и старинной своей охоты, и когда, въ ясное лѣтнее утро, солнце весело поднималось надъ росистыми лугами, тѣ же Яшки и Гришки превращались изъ охотниковъ въ рыбаковъ и съ неводомъ въ телегѣ отправлялись на дальнее озеро. Андрей Гавриловичъ ѣхалъ впереди въ бѣговыхъ дрожкахъ; неводъ закидывали, и онъ, стоя на берегу, начиналъ распоряжаться, между-тѣмъ, какъ тѣ же Гришки и Яшки, по горло въ водѣ, шли таща за собою тяжелый неводъ.

— Правѣ-то возьми! кричалъ Андрей Гавриловичъ. — Экой олухъ! прорвешь неводъ. Или не видишь, корневище торчить? Правѣ-то!

Но неводъ наконецъ вытащенъ на берегъ; серебряная рыба; азсыпалась по травѣ, бьется и подпрыгиваетъ, блестя чешуею.

— Кинь въ воду эту дрянь! распоряжается опять Андрей Гавриловичъ: — а эту въ ведро. Эхъ, да ты попроворнѣе, братъ! Что, руки-то въ рукавицахъ, что ль?

И самъ, не вытерпѣвъ, усаживается къ неводу и своими барскими руками отбираетъ крупную и мелкую рыбу.

Не скажу я вамъ, любилъ ли онъ эту картину тихаго утра на берегу рѣчки, въ душистыхъ лугахъ, или, просто, надежда на хорошую ушицу въ постный день придавала для него прелесть этой охотѣ, только онъ казался совершенно счастливымъ и даже послѣ съ удовольствіемъ вспоминалъ объ этихъ минутахъ; но какъ онъ говорилъ всегда неясно и сбивчиво, кромѣ рѣдкихъ минутъ одушевленія, то трудно было, слушая его, съ точностью опредѣлить, чтó именно занимало его; да онъ и не заботился объ этомъ. Андрей Гавриловичъ жилъ и забавлялся, когда это случилось, для себя, не думая о томъ, чтó скажутъ о немъ другіе.

II.

Однакожь, несмотря на неловкость, старомодный фракъ и кое-какія странности Андрея Гавриловича, городскія матушки какъ-то всегда очень-ласково кланялись съ нимъ и нерѣдко упрекали, что онъ забываетъ старыхъ знакомыхъ матери, хотя онъ рѣшительно не зналъ, въ какое время большая часть изъ нихъ были знакомы съ его матерью. И что мудренаго? Въ Ключовкѣ, по послѣдней ревизіи, считалось около трехсотъ душъ; гумны— что другая деревня. Конечно, ни молотильня, ни усовершенствованныхъ плуговъ, никакой подобной ереси не было у ключовскаго помѣщика и хозяйство находилось во всей первобытной простотѣ, что несомнѣно, однакожь, одобрялъ Сергій Степановичъ, судья, который хотя и не любилъ слишкомъ большихъ нововведеній, однакожь завелъ у себя вѣялку и крытый токъ. Впрочемъ, какъ Андрей Гавриловичъ вездѣ былъ самъ и вѣрилъ только своему глазу, то дѣло и обходилось; ключовскій овесъ не застаивался на базарахъ и городскія хозяйки очень любили, когда имъ привозили изъ Ключовки къ празднику крупы, муки па ситныя, или чего другаго.

Между матушками, которыя особенно-ласково посматривали на Андрея Гавриловича, особенно занималась имъ Флена Николаевна Вяхирева, супруга Сергія Степановича, судьи; она была урожденная княжна Киркудѣва и считалась какъ-то въ родствѣ и съ Настасьей Алексѣевною Ремезовою, и съ Андреемъ Гавриловичемъ, что давало ей полное право быть съ нимъ ласковѣе другихъ. Но надобно правду сказать, сначала она не очень жаловала его. Флена Николаевна имѣла очень-основательныя притязанія на знаніе свѣта, когда-то жила въ губернскомъ городѣ, пересыпала разговоръ французскими фразами, предоставляла хозяйство ключницѣ, и громко жаловалась на судьбу, осудившую ее жить въ маленькомъ городѣ, и потому смотрѣла на Андрея Гавриловича какъ на челоуѣка совершенно-необразованнаго. Но въ жизни Флены Николаевны бывали иногда очень-горькія минуты, особенно, когда, смотря на свою семью, которая размножалась у нея съ каждымъ годомъ: четыре сына и три дочери! она раздумывалась о судьбѣ, ожидающей это благословенное семейство. Какъ образованная женщина, она понимала потребности высшей жизни и необходимость хорошаго воспитанія, а у нихъ было всего ка-

кихъ—нибудь сто душъ. «Боже мой! вѣдь наживаютъ же другіе тысячи душъ оборотами, службою, наконецъ, какое мнѣ дѣло какъ, да наживаютъ же» говорила Флена Николаевна: «почему же бы и Сергѣю Степановичу?..» Но Сергѣй Степановичъ былъ очень-добрый и даже очень-заботливый, но... это былъ очень-странный человѣкъ! Дѣятельность его по деревенскому хозяйству, да и по домашнему, такъ-какъ Флена Николаевна имъ не занималась, была безпримѣрна. Кажется, ни одинъ гвоздикъ въ домѣ не вколачивался безъ его вѣдома. У него дома были и портные, и столяры, и кузнецы и даже въ послѣднее время сдѣлали дроги, которыми любовался весь городъ, и съ-тѣхъ-поръ ни онъ, ни семейство его не ѣзжали на другихъ, кромѣ торжественныхъ случаевъ, для которыхъ береглась петербургская коляска, купленная по случаю, еще къ свадьбѣ Сергѣя Степановича. И всѣмъ этимъ онъ занимался самъ, все умѣлъ приказать, указать какъ сдѣлать. Самъ все покупалъ, продавалъ; у себя дома вѣчно занять: или клеить, или чинить шкатулку, замочекъ, или дѣлаетъ чтó изъ картона; но пріобрѣсти что-нибудь, пуститься на какое предпріятіе или другое чтó такое, чѣмъ наживаютъ деньги — это было совершенно выше его силъ, да и не по характеру ему. Старинный дворянинъ, надворный совѣтникъ и кавалеръ и вотъ уже четвертое трехлѣтіе уѣзднымъ судьей, а самая наружность его... но вы сейчасъ увидите въ чемъ дѣло. Представьте себѣ Флену Николаевну, высокую и очень-худощавую, но очень-любезную и свѣтскую женщину, утромъ, когда ей докладываютъ о пріѣздѣ гостей. Флена Николаевна по нездоровью, да и по привычкѣ, обыкновенно носила дома покойную блузу даже и безъ кушака, и всего чаще лежала на диванѣ въ ожиданіи завтрака, или сидѣла, слушая болтовню экономки или горничной. Въ одну минуту щегольская мантилья или кацавейка — тогда еще носили ихъ—накидывалась на плеча и скрывала грѣхи нѣсколько-распущеннаго туалета; маленькій чепчикъ набрасывался на голову и Флена Николаевна встрѣчала гостью на порогѣ гостиной. Начинался разговоръ, разумѣется, съ французскими фразами; впрочемъ, Флена Николаевна, говоря и порусски иногда, картавила какъ парижанка (чтó, однакожъ, забывалось въ концѣ продолжительнаго пріѣста) и вотъ когда гостя, озадаченная и французскими фразами и французскимъ произношеніемъ, робко и съ уваженіемъ смотрѣла на хозяйку, вдругъ являлся Сергѣй Степановичъ, въ сюртукѣ изъ небѣленаго домашняго полотна, съ крас-

нымъ платкомъ въ карманѣ, безъ воротничковъ. Волосы, съ утра зачесанные старательно съ висковъ на давно уже обнаженное темя, падаютъ въ беспорядкѣ по обѣимъ сторонамъ лица, и что вошелъ, такъ и брякнулъ: «А! кумушка, вотъ спасибо, что вспомнила; а куманёкъ-то?» и тому подобныя выраженія: на бѣду, всё съ нимъ друзья, у всѣхъ онъ креститъ и со всѣми кумится. Сядетъ нога на ногу и начнетъ качать этой ногой какъ маятникомъ. Нѣтъ, надобно правду сказать, Флена Николаевна несовсѣмъ безъ основанія почитала себя жертвою неравнаго, не по рожденію, не по состоянію, а по умственному развитію, брака! Еслибъ, по-крайней-мѣрѣ, Сергѣй Степановичъ занимался службою, а то и того не было. Подписываетъ свое имя—и только, дѣла же всё обдѣлываетъ секретарь, который рѣшительно ворочаетъ всѣмъ судомъ и такое внушилъ къ себѣ уваженіе, что всё безъ исключенія къ нему съ поклономъ. Сколько разъ Флена Николаевна возставала противъ этой несправедливо-захваченной власти! сколько разъ убѣждала Сергѣя Степановича, что ему стоило только захотѣть заняться и онъ не будетъ имѣть нужды въ Иржинѣ (такъ звали секретаря), но отвѣтъ былъ всегда одинъ:

— Полно, матушка, я самъ знаю что мнѣ дѣлать и секретарь у меня свое мѣсто знаетъ.

— Однакожь, у насъ, когда ни спросишь, все денегъ нѣтъ-и-нѣтъ, а Иржины живутъ барами, а пріѣхали сюда, платья порядочнаго не было у жены.

— Да чего же тебѣ-то не достаетъ? Всего, кажется, у тебя довольно. Одѣта ты не хуже другихъ; выѣдешь еще получше другихъ. Хозяйство, дай Богъ, чтобъ у другихъ съ иностранными прикащиками такъ шло. Вонъ у сосѣдей нынѣшній годъ рожь былинка былинку погоняетъ, а у насъ...

— У насъ всегда чудесная на корню, а посмотришь, другіе съ деньгами, а у насъ ничего. Да я въ это не вхожу, Сергѣй Степанычъ; вы взяли все хозяйство на себя, думаете, что все знаете, на васъ и отвѣтственность. И еслибъ у насъ не было дѣтей, я не стала бы вамъ и говорить. Я привыкла къ лишеніямъ и ничего не прошу для себя. Но дѣти, дѣти!

— Да что же дѣти? что же? Старшіе въ гимназій, слава Богу, учатся хорошо; учителя ими довольны; выростутъ...

— И пойдутъ въ приказные, въ писцы къ вашему Ивану Васильичу Иржину! Другіе отцы приготавливаютъ дѣтямъ по тысячѣ душъ, а мы съ вами...

Сергѣй Степановичъ обыкновенно не слушалъ дагѣ и уходилъ, махнувъ рукой, а Флена Николаевна принималась плакать, исчисляя свои несчастія. Особенно тревожила ее судьба старшей и любимой ея дочери, Серафимы, Серафинъ, какъ она обыкновенно называла ее, картавя по своему обыкновенію. Двое старшихъ сыновей ея были уже въ гимназіи; для другихъ дѣтей... но надобно правду сказать, Флена Николаевна, совершенно-озабоченная судьбою старшей своей дочери, не могла обращать большаго вниманія на другихъ дѣтей. Они были вѣрены гувернанткѣ, которая занималась съ ними очень-добросовѣстно каждое утро. По окончаніи же классовъ гувернантка, разумѣется, уходила къ Серафимочкѣ или къ Фленѣ Николаевнѣ, когда та была одна, и тогда дѣти оставались на совершенной свободѣ; одинъ убѣгалъ въ дѣвичью, другой въ конюшню, третій въ кухню, и тамъ, расположившись какъ кому угодно, могли уже съ полною увѣренностью говорить, какъ одинъ извѣстный путешественникъ: *nul ne sait où je suis!* За-то при гостяхъ о нихъ тотчасъ вспоминали и разсылали мальчишекъ и дѣвчонокъ отыскивать ихъ по всему дому, умывали, одѣвали въ чистыя платья, надѣвали новые башмаки и приводили въ гостиную чистенькихъ, какъ на картинкѣ. Дѣвочки присѣдали и жеманились, смотря на гувернантку, когда ихъ о чемъ спрашивали; мальчики расшаркивались, по приказу, и смотрѣли исподлобья; гости повторяли: «Здравствуйте, миленькіе; какіе миленькіе!» а Флена Николаевна, вполголоса, чтобъ не слышали дѣти, говорила: «Дѣти мои — это совершенные ангельчики! *de petits anges!*» И гости и ангельчики оставались, однако, совершенно-довольными, когда послѣднихъ наконецъ уводили изъ гостиной.

Что же касается Серафимы, этого идола матери, образованіе ея было уже кончено. Сперва она училась въ пансіонѣ, существовавшемъ нѣсколько времени въ городѣ, но потомъ, когда, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, надѣлавшимъ въ свое время довольно-много шума, пансіонъ рушился, и первая классная дама, дочь содержательницы пансіона, вышла за виннаго пристава, Серафимочка осталась безъ ученья. Къ-счастью, одна родственница Флены Николаевны, имѣвшая также дѣтей, рѣшилась для нихъ переѣхать въ губернской городъ и, по дружбѣ къ Фленѣ Николаевнѣ, просила отпустить съ нею Серафимочку. Трудно было нѣжной матери рѣшиться на эту разлуку, но мысль о счастья дочери превозмогла. Серафимочка поѣхала и, не случись лѣсной

порубки въ казенныхъ дачахъ, дѣла, въ которомъ были замѣшаны крестьяне родственницы и которое Уздный Судъ рѣшилъ не въ ея пользу, Серафимочка долго еще веселилась бы на губернскихъ балахъ. Но судьба судила иначе, и въ этомъ случаѣ нельзя было, однакожь, обвинять ни Иржина, ни Сергѣя Степановича. Сама Флена Николаевна очень-хорошо поняла невозможность требованій родственницы; и когда получила письмо, въ которомъ та упрекала ее черною неблагодарностью и писала, что подастъ жалобу на неправоe рѣшеніе, она до того раздражилась этою несправедливостью, что готова была, кажется, обнять, какъ друга, самого Иржина, потому только, что надѣялась найти въ немъ то же негодованіе. Она слегла даже въ постель и только тогда могла нѣсколько успокоиться, когда увидѣла свою дорогую Серафиму.

Впрочемъ, Серафима была дѣйствительно очень-замѣчательная дѣвушка. Она была нехороша, но умна, находчива, во всѣхъ умѣла найти, всякому умѣла наказать тысячу любезностей. Она читала все, что могло дойти до ея рукъ на извѣстныхъ ей языкахъ и слыла очень-образованною дѣвушкою; разговоръ ея былъ всегда пріятенъ и оживленъ; но въ задушевныхъ связяхъ... впрочемъ, въ задушевныхъ связяхъ съ дѣвками, особенно въ той порѣ, когда сердце жаждетъ волненія и страсти, Серафимочка была истинное сокровище. Въ дружбѣ съ нею не могло быть застоя. И это очень-хорошо знали всѣ ея пріятельницы, особенно Леночка, дочь того же ненавистнаго секретаря Иржина, которая, по какому-то странному случаю, была лучшимъ другомъ Серафимы. Можетъ-быть, Флена Николаевна, какъ свѣтская женщина, нарочно допустила эту связь, чтобъ скрыть истинныя свои чувства къ Иржину, котораго всегда принимала очень-хорошо, равно-какъ и жену его, Анну Сергѣевну, и только иногда, по довѣренности, говорила своимъ пріятельницамъ, на скромность которыхъ всего болѣе могла позагаться: «Я, право, не понимаю ослабленія нашихъ дворянъ, какъ они не видятъ, что этотъ Иржинъ самъ очень-немного знаетъ и по цѣлымъ часамъ сидитъ здѣсь въ кабинетѣ Сергѣя Степановича и спрашиваетъ, какъ и что сдѣлать. Я точно знаю, что онъ ни одной бумаги не напишетъ безъ поправки Сергѣя Степановича». Когда пересказывали это Иржину, онъ смѣялся и увѣрялъ, что дѣйствительно это была правда.

Серафимочка, по пріѣздѣ домой, спѣшила навѣстить подругъ своего дѣтства. Она провела двѣ зимы въ губернскомъ городѣ,

была въ театрахъ , на балахъ у губернатора и предводителя; привезла съ собою много нарядовъ , много воспоминаній . Какъ же не желать видѣть старыхъ пріятельницъ ? На что же и счастье , если имъ нельзя похвалиться передъ друзьями ? Какъ для многихъ , въ томъ , что они называютъ счастьемъ , дѣйствительнымъ — то счастьемъ только и будетъ , что тайная досада какого-нибудь задушевнаго друга или худо-скрытая зависть пріятельницы !

Прежде всего Серафимочка поѣхала къ Леночкѣ Иржиной . Онѣ вмѣстѣ игравали въ дѣтствѣ , вмѣстѣ учились въ пансіонѣ , гдѣ Серафимочка постоянно сидѣла выше хорошенькой , блюкурой Леночки . Бойкая и смѣлая , она вообще успѣвала болѣе пріятельницы ; учителя и класныя дамы были довольны ея ученьемъ , въ обществѣ ея находили умнѣ Леночки , а Леночку — таково преимущество хорошенькаго личика — любили и ласкали болѣе . Сама Леночка отъ всего сердца признавала превосходство своей пріятельницы и очень любила ее . Возвращеніе ея было для нея праздникомъ . Раскраснѣвшись , съ сильно-бьющимся сердцемъ , она выбѣжала ей на встрѣчу , бросилась на шею , съ восхищеніемъ разсматривала ея наряды , брала выкройки съ платьевъ , съ любопытствомъ слушала рассказы о веселостяхъ губернскаго города , о балахъ , вечерахъ и побѣдахъ Серафимочки , потому что , несмотря на зеленые маленькіе глазки и одутловатыя щеки , Серафима , по словамъ ея , никогда не нуждалась ни въ кавалерахъ , ни въ побѣдахъ . Другія знакомыя , особенно исправница и экспедиторша , несовсѣмъ вѣрили рассказамъ пріѣзжей и даже подшучивали надъ нею при Леночкѣ ; но Леночка относилась это къ одной извѣстной насмѣшливости этихъ дамъ и сохраняла высокое мнѣніе о подругѣ , особенно когда та , въ порывѣ искренности , открыла ей , что на одномъ балѣ у губернатора она встрѣтила необыкновенно-интереснаго молодого человѣка , которому она навсегда отдала свое сердце . Онъ любилъ ее , и какъ любилъ ! Едва-ли переживетъ онъ эту роковую разлуку . Кто былъ этотъ интересный молодой человѣкъ — это навсегда должно было остаться тайною ; но она поклялась ему въ вѣчной вѣрности , которую сохранить , несмотря на всѣ препятствія . Подобные рассказы могли бы возбудить зависть въ другой дѣвушкѣ ; для Леночки это было невозможно . Она была растрогана довѣренностью друга и еще съ большею смѣлостью защищала ее отъ нападковъ исправницы и экспедиторши . Правда , дружба съ этою превосходною дѣвушкою , какъ мы сказали уже , не всегда представлялась съ лучшей своей

стороны Леночкѣ. Характеръ Серафимы былъ очень неровенъ; иногда нѣжная, любящая, преданная, она, казалось, любила до самоотверженія; въ другое время была холодна, странна и, главное, ревнива, ревнива до сумасшествія. Серафима ревновала пріятельницу свою ко всѣмъ. Она не могла равнодушно видѣть никакой короткости между нею и другими. Похвали кто-нибудь Леночку въ присутствіи Серафимы, мужчина ли, женщина ли, она измѣнялась въ лицѣ и не говорила съ Леночкою цѣлый вечеръ. Даже новое платье, особенно если оно шло къ хорошенькой дѣвушкѣ, чтó, конечно, случалось нерѣдко, сердило ее: это было признакомъ кокетства, желанія нравиться, слѣдственно, промѣнять ее, Серафимочку, на другихъ.

За этими вспышками слѣдовали слезы и объясненія. Серафимочка бросалась на шею растроганной дѣвушкѣ и увѣряла ее, что это было одно опасеніе видѣть новую пріязнь, новую привязанность, которая могла бы вытѣснить ее изъ сердца Леночки.

— Какъ ты несправедлива, Серафима! говорила Леночка: — помнишь, какъ ты вообразила, что этотъ длинный губернской чиновникъ интересуется мной: сколько было упрековъ, а чтó вышло? въ кого онъ былъ влюбленъ?

Серафима обнимала съ нѣжностью друга и просила прощенія.

— Чтó дѣлать, сѣге amie! ты знаешь меня. Я не могу вообразить, чтобъ кто-нибудь отнял у меня мою Леночку, особенно какое-нибудь ничтожество, какъ этотъ длинный господинъ. По-моему ты можешь и должна полюбить только человѣка, какого я создала въ воображеніи для моей Леночки.

И она мечтательно поднимала къ потолку свои зеленые глазки. За этимъ слѣдовалъ поцалуй.

— Ты очень-хорошо знаешь, что этотъ господинъ никогда не нравился мнѣ, говорила Леночка.

— Да онъ не долженъ былъ смѣть и думать о тебѣ!

— Почему жь, когда онъ смѣлъ подумать о комъ-то и получше меня?

— Ты хочешь сказать, что онъ влюбился въ меня? Да это вѣдь только смѣшно, и я первая сказала тебѣ объ этомъ, чтобъ предостеречь тебя. Ты такъ неопытна, Леночка!

Неопытная Леночка вѣрила подругѣ; однако, въ послѣднее время начинала уже спрашивать: «зачѣмъ эти люди обманываютъ ее и другихъ, прикидываясь въ нее влюбленными, когда на са-

момъ дѣлѣ любятъ Серафиму, и какъ обманываютъ еще!» И она задумывалась.

Флена Николаевна, вполне-убѣжденная, какъ и Леночка, въ въ достоинствахъ своей дочери, съ удивленіемъ, однако, видѣла, что время проходило, а ни одинъ изъ очарованныхъ совершенствами Серафимочки не вздумалъ посвататься. Сердце ея разрывалось, когда она думала, что судьба забывала эту достойную дѣвушку, тогда-какъ безпрестанно выдергивала изъ рядовъ, гораздо-менѣе стоящихъ дѣвицъ, и вѣчала ихъ то съ губернскими, то съ коллежскими секретарями и даже ассессорами! Она роптала на судьбу, которая будто въ вѣчномъ снѣ забываетъ о человѣкѣ, а если и вспомнить, то всего-чаще не на радость; роптала на Сергѣя Степановича, обвиняя его, что онъ ничего не хочетъ сдѣлать для семьи, тогда-какъ другіе наживаютъ миллионы, находятъ жениховъ для дочерей, добиваются выгодныхъ мѣстъ для сыновей, конечно, не всегда благородными средствами, да имъ-то что до этого? Бранять ихъ только тѣ, которымъ и хотѣлось бы того же, да не удается. Можетъ-быть, во всемъ этомъ было очень-немного логики, но Флена Николаевна мало заботилась объ этомъ, особенно, когда имѣла причины жаловаться на Сергѣя Степановича. Вотъ въ одну изъ подобныхъ минутъ, когда горе переполняло сердце Флены Николаевны, вдругъ до слуха ея донеслись слова Сергѣя Степановича, который, сидя въ кабинетѣ съ Андреемъ Гавриловичемъ за шашечнымъ столомъ, говорилъ ему:

— Ну, ну, что ты все поешь: засуха! засуха! яровые плохи! Тебѣ-то что? Посмотри-ка сколько у тебя на гумнѣ старыхъ одоньевъ! Вѣдь ты не тѣ, что какой-нибудь сорванецъ Загаринъ.

— Сохрани Богъ, Сергѣй Степанычъ! ужъ безъ запаснаго хлѣба какъ можно! А какъ не уродить Господь этотъ годъ, все плохо будетъ, вѣдь мужики-то къ помѣщику же прійдутъ за хлѣбомъ

— Ну, а ты ихъ позагарински, вотъ какъ тотъ прошлаго года. Съ двора ихъ, на оброкъ, въ бурлаки.

И Сергѣй Степановичъ засмѣялся самодовольно.

— Да не одинъ же онъ, Сергѣй Степанычъ; и у предводителя-то нашего...

Разговоръ начался вполголоса; Флена Николаевна задумалась. Эта картина почернѣвшихъ отъ времени одоньевъ, построенныхъ въ нѣсколько рядовъ, за ними другіе ряды, золотистые, послѣд-

ней уборки; вороха соломы, по которымъ катаются ребятишки, длинный рядъ воловъ съ скрипучими телегами, полными сноповъ— эта картина живо, плѣнительно развилась въ ея воображеніи. Она вспомнила ключовскую мельницу съ ея широкимъ прудомъ, которую разъ видѣла какъ-то проездомъ, жетобокіихъ гусятъ, бѣгущихъ по зеленому лугу, сизые капустники по днищу широкаго оврага. Конечно, Флена Николаевна мало обращала вниманія на эти мелочи хозяйственныхъ потребностей, но, живя въ небольшомъ городкѣ, не могла не знать имъ цѣны, и ей показалось, что сонная судьба, вдругъ проснувшись, встрѣчаетъ ее полусоннымъ взглядомъ и улыбается. «Неловокъ онъ» говорила Флена Николаевна, оставляя книгу, которую держала въ рукахъ: «да она его вышколить; на это ея станеть; необразованъ, но при умной женѣ и не замѣтять этого. Да мы же его и пообразуемъ всей семьей». И она позвонила. Вошла дѣвка и получила приказаніе позвать барышню. Барышня пришла нескоро и довольно съ сердитымъ лицомъ.

— Я послала за тобой, Серафима, сказала необыкновенно-мягкимъ голосомъ и на своемъ полурусскомъ нарѣчій Флена Николаевна: — что это ты, право, совсѣмъ бросила музыку! Vous abandonnez tout à fait la musique, хотъ бы ты что-нибудь сыграла — quelque air Russe съ варьяціями. Ты совсѣмъ забудешь.

Серафимочка съ удивленіемъ взглянула на мать, съ которой никогда не бывало подобныхъ припадковъ музыкоманіи, и ея досада, съ которою пришла, вдругъ спала.

— У папеньки кто-то есть, кажется, сказала она, заглянувъ въ дверь, вдумываясь между-тѣмъ, чтó бы это все значило.

— Чтó жъ тебѣ до этого, кто бы тамъ ни былъ? кажется, ты такъ хорошо знаешь музыку, что тебѣ ни при комъ не стыдно сѣсть за фортепьяно. И странно, право, какъ въ твои годы оставлять занятія, которыя тебѣ дѣлають честь. Этотъ упрекъ, который въ другое время не прошелъ бы даромъ Фленѣ Николаевнѣ, былъ принятъ съ большою покорностью.

Серафимочка безпрекословно пошла въ столовую, однимъ взглядомъ удостовѣрилась, кто былъ въ кабинетъ и еще болѣе задумалась. Но, какъ дѣвушка сметливая и, вѣроятно, вполне-убѣжденная въ благоразуміи матери, повиновалась, не объяснивъ себѣ вполне причинъ его. Съла, сыграла одинъ вальсъ, взяла нѣсколько отдѣльныхъ аккордовъ и, перейдя къ русскимъ пѣснямъ, совершенно углубилась въ эти грустные мелодіи, которыя всегда

такъ вѣрно находятъ путь къ нашему сердцу, и углубилась такъ, что не замѣтила, какъ подошелъ отецъ и остановился за нею, какъ Андрей Гавриловичъ вышелъ, присѣлъ на стульчикъ въ уголку и слушалъ—слушалъ, какъ свѣтскій дилеттантъ слушаетъ аріи Доницетти и Беллини, даже, можетъ-быть, съ ббльшимъ, нежели многіе изъ нихъ, удовольствіемъ, потому-что точно глупо сочувствовалъ русской пѣнѣ и увлекался ею въ залъ ли, за ближнимъ ли перелѣскомъ, вечеромъ, когда онъ возвращался съ поля на своихъ бѣговыхъ дрожжахъ, раздавалась она, хотя никогда не говорилъ объ этомъ. Серафимочка тогда только опомнилась, когда Сергѣй Степановичъ, всезнающій и всепонимающій, сказалъ :

— Эхъ! конецъ-то ты несовсѣмъ такъ вывела.

— Какъ же папá? спросила кротко Серафимочка.

— То-то несовсѣмъ такъ. Надобно бы вытянуть немножко-повыше.

И онъ, наклоня голову, повелъ рукою, смотря на Андрея Гавриловича, какъ-бы желая дать ему понять, какъ должно было это вывести. Но Андрей Гавриловичъ былъ совсѣмъ противнаго мнѣнія.

— Нѣтъ-съ Сергѣй Степановичъ, сказалъ онъ:—ужь позвольте, это очень-хорошо. Сдѣлайте одолженіе, продолжалъ онъ съ изумительною смѣлостью:—позвольте васъ попросить... повторить... какъ это...

И онъ подошелъ на цыпочкахъ, сжимаясь и подергивая рукою, которую держалъ у сердца, какъ-бы для приданія большей силы своей просьбѣ. О, какъ забилось сердце Флены Николаевны!.. ей показалось, что судьба ужь не съ-просонья, а совсѣмъ проснувшись, подаетъ ей руку.

Съ этого времени отношенія Андрея Гавриловича къ семейству Вяхириныхъ сдѣлались еще лучше. Флена Николаевна ласково выходила ему на встрѣчу, если даже Сергѣя Степановича не было дома, что случалось нерѣдко. Говорила съ нимъ о посѣвахъ—она! о мошенничествѣ дворовыхъ, мимоходомъ упоминала, какъ счастлива она теперь, избавившись отъ всѣхъ хлопотъ по хозяйству, которыя всѣ лежатъ на Серафимочкѣ. Иногда, хотя и съ трудомъ, уговаривала Андрея Гавриловича обѣдать и потчивала его грибами соленья Серафимы Сергѣевны, или рябиновкой, которую она же настаивала и подслащивала. Сама Серафимочка какъ-будто помогала матери. Придетъ Андрей Гаврило-

вичь—она за фортепьяно и играет лучинушку, или въ гостиной, противъ самой двери въ столовую, сидеть съ меньшей сестрой, шить ей куклы, или забавлять ребенка рассказами. Конечно, все это могло бы быть и безъ умысла, и Андрей Гавриловичъ всего бы менѣ могъ подозрѣвать его, потому-что никогда не принадлежалъ къ числу людей, которые въ самыхъ простыхъ дѣйствіяхъ видятъ умыселъ и думаютъ, что проста ничто не говорится и не дѣлается. Однако, онъ призадумывался. Высоко цѣнилъ Андрей Гавриловичъ свою Ключовку и кованой сундучокъ, хотя и надѣялся, что существованіе его никому неизвѣстно, однако, по самой любви своей къ этимъ двумъ дорогимъ предметамъ, какъ-бы инстинктивно угадывалъ впечатлѣніе, какое они могли производить на другихъ. «Проѣзжала, говорятъ, Ключовкой (ворчала Андрей Гавриловичъ, ворочаясь послѣ обѣда на постелѣ, въ своей маленькой комнаткѣ: онъ имѣлъ привычку иногда поговорить самъ съ собою, особенно когда чувства или мысли переполняли его душу) понравилась! Какъ не понравиться! можно и барина въ приданое за ней взять, почему не такъ?»

III.

Последнее замѣчаніе Андрея Гавриловича могло бы внушить нѣкоторыя опасенія насчетъ успѣха предположеній Флены Николаевны, между-тѣмъ, какъ на-самомъ-дѣлѣ душевное расположеніе помѣщика очень благопріятствовало этимъ предположеніямъ. Онъ очень скучалъ; одиночество томилло его; въ лучшей порѣ жизни, здоровый и сильный, какъ настоящій деревенскій баринъ, онъ скучалъ жизнью отшельника, а небольшія развлеченія, которыя онъ могъ себѣ позволить, не согласовались ни съ его убѣжденіями, ни съ привычками. Къ-тому же его тяготила и хозяйственная часть, которая до-сихъ-поръ лежала на покойной Парашѣ, или на старушкѣ-матери, и теперь упала всею тяжестью своею на него одного. Кого онъ могъ поставить на мѣсто этихъ двухъ существъ, родныхъ ему, близкихъ и по понятіямъ, и по привычкамъ, съ которыми все у него было общее, которыя не промѣняли бы его на кого бы то ни было? Кто долго жилъ семейной жизнью, кто привыкъ къ заботамъ жены, сестры, матери, тотъ, теряя ихъ, видитъ вокругъ себя пустоту, которую нескоро можно наполнить. Трудно замѣнить ихъ, не легко найти. Кто

выдержалъ бы сравненіе съ этими священными тѣнями, которыя, страхнувъ съ себя въ открытую могилу все сорное земное, живутъ въ воспоминаніи оставшагося только тѣмъ, что человѣку не страшно унести съ собою и въ могилу. И можетъ-быть не подѣяніемъ ли подобнаго воспоминанія Андрей Гавриловичъ говорилъ матери, когда она убѣждала его жениться, что онъ не найдетъ другой Параша? а между-тѣмъ, онъ очень подумывалъ о женитьбѣ; но Андрею Гавриловичу было за тридцать лѣтъ, а въ эти годы мы становимся уже недовѣрчивы. Къ-тому же, извѣстно, что онъ высоко цѣнилъ свою Ключовку и при всякомъ сближеніи съ другими, особенно съ женщиною, всегда готовъ былъ отнести насчетъ дорогой своей Ключовки или извѣстнаго сундучка ласки, которыя ему оказывались. Что до этого, Андрей Гавриловичъ безъ малѣйшаго удивленія повторилъ бы извѣстное: *les beaux yeux de ma cassette!* еслибъ кто вздумалъ похвалить его собственные глаза. Андрею Гавриловичу нужно было влюбиться, чтобъ побѣдить всѣ затрудненія, которыя представляли ему и его недовѣрчивость и воспоминанія прежняго счастья. Одна любовь только побѣждаетъ всѣ сомнѣнія, торжествуетъ надъ воспоминаніемъ и вѣритъ безкорыстію даже и тогда, когда съ насъ снимаютъ послѣднюю рубашку. Но влюбиться Андрею Гавриловичу! помилюйте! сообразно ли это съ чѣмъ-нибудь? возможно ли это? Конечно, изучая его внимательнѣе, можно было сказать о немъ

«Рыцарь Геснера не читывалъ,
Но имѣлъ онъ сердце нѣжное».

— Но влюбиться Андрею Гавриловичу! дѣло невѣроятное! да это ему и самому никогда не входило въ голову, а жениться ему хотѣлось. Ему наскучили эти длинные осенние вечера, когда вѣтеръ свищетъ, дождь хлещетъ въ окна, оторванный стѣвень стучить, а онъ ходитъ-себѣ изъ угла въ уголъ одинъ, какъ байбакъ; наскучили и безпорядки въ домѣ. Хороша, хороша Епифановна, а посмотришь: сколько съ осени подвѣсили вилокъ въ погребѣ, да какихъ! молоткомъ сбиты, а къ свѣтлому празднику свѣжей капусты нѣтъ! Тамъ вдругъ, подѣ-вечеръ, когда все затихло, кадку съ огурцами выкатили въ оврагъ; дѣтомъ, вышлешь бабъ на огородъ... гдѣ Епифановна? присмотрѣть за бабами нужно. На своемъ огородѣ, говорятъ, морковь полетъ. Нѣтъ; кромѣ сердечныхъ обстоятельствъ, въ самомъ хозяйствѣ плохо тому, кто привыкъ жить за женою. Одинъ разъ, раздумавшись объ этомъ,

Андрей Гавриловичъ сидѣлъ на крылечкѣ, потягивая душистый дымъ изъ наслѣдственного еще черешневого чубука. Это было около вечерень, когда полдневный жаръ только-что свалилъ и благодатная прохлада оживляла и растенія и животныхъ. Съ луговъ тянуло запахомъ скошеннаго сѣна; на небѣ ни облачка и только ястребъ плаваетъ въ высотѣ, описывая широкіе круги надъ прудомъ, гдѣ беззаботно полощатся молодыя утята. Все обѣщало и назавтра такой же ясный жаркій день: «авось либо завтра поможетъ Богъ и порѣшатъ большую луку подъ суходоломъ», думалъ Андрей Гавриловичъ и, выпуская голубую струйку дыма изъ рта, посматривалъ заботливо кругомъ: но нигдѣ ни пятнышка въ небѣ; все тихо, ясно и ничто не грозитъ его подкошенному сѣну.

Недалеко отъ крыльца, нѣсколько бабъ переворачивали золотистую пшеницу, которая сушилась, разсыпанная на широкихъ пологахъ. Епифановна ходила около нихъ; поворчала, какъ слѣдуетъ, то на ту, то на другую, потомъ подошла къ крыльцу, на которомъ сидѣлъ Андрей Гавриловичъ, и стала подгорюнясь, жалобно смотря на него.

— Чтѣ ты, Епифановна? спросилъ Андрей Гавриловичъ.

— Дá такъ, батюшка, ничего. Вотъ смотрю на васъ, да куда-какъ что-то горько становится.

— Что жъ тебѣ это такъ горько, Епифановна?

— Да то, что все-то ты у насъ, батюшка, одинъ какъ сиротка. Бывало, хотъ съ матушкой, царство ей небесное! перемолвите словечко. Ну, и той Господь не велѣлъ пожить. Съ нами чтѣ? наше дѣло холопское.

— Что жъ дѣлать, Епифановна, такъ Господь велѣлъ. Вонъ гдѣ у меня семья-то! и онъ указалъ на церковь, которая бѣлѣлась изъ-за темной зелени березъ.

— Конечно, батюшка! на все воля Господня, и всѣ тамъ будемъ. Однакожъ и о себѣ всякому Господь повелѣлъ пещись. Вотъ мы все, какъ соберемся, толкуемъ: «эхъ бабыньки, кабы намъ Господь молодую барыню послалъ!» право сударь.

Помѣщикъ разсмѣялся и пустилъ густую струйку дыма, которая, завившись въ кольцо, разошлась тихонько въ воздухъ.

— Ну, сыщи невѣсту—женимся; я не прочь, сказалъ помѣщикъ.

— Да что жъ батюшка? вотъ у сосѣда въ Свищовкѣ три барышни, такія модныя, при гребенкахъ, и изъ себя недурны, ну и приданьице ееть: отецъ, Семень Ѳедотычъ, не безъ достатка вѣдъ. Живуть херошо.

— Андрей Гавриловичъ засмѣялся.

— Нѣтъ, ужъ эти больно модны, сказалъ онъ. Куда мнѣ! я старъ.

— Нѣтъ, батюшка, не тѣ, а видно что другое. Ну, да мы люди простые: намъ какъ знать? Ну, въ городѣ посмотрѣть: мало-ли тамъ невѣсть! вотъ хоть бы у судѣйши, Флены Николаовны дочка—хорошая, славная барышня! и на музыкѣ играетъ.

Епифановна пытливо смотрѣла въ лицо барина, но оно рѣшительно ничего не выражало, что могло бы пояснить вопросъ, кажется, глубоко-занимавшій ее въ эту минуту.

— Смугленька только, да ровно подслѣповата, а ничего, хороша! прибавила она, все всматриваясь въ барина и, какъ-бы ободренная едва-замѣтною улыбкою его, продолжала смѣяве. — Вотъ ужъ магушка—то у нея—такъ куда не хвалить! Вотъ какая! дома, говорить, и кутить и мутить. Двоекъ замучила на работѣ. Кажную недѣлю полѣ; барышнямъ да и самой—то, тѣ выгладь, то накрахмалъ; мамзель еще, а самому двѣ талѣки подавай.

— Оно, порядокъ, хорошо, замѣтилъ помѣщикъ.

— Конечно, конечно, батюшка, вѣдь безъ работы и имъ что же сидѣть! «Ну, ну, бабы!» сказала она, обращаясь къ работавшимъ бабамъ: «проворнѣй. Солнце низѣхонько!..» да строга фольно, батюшка. Намъ что? мы не знаемъ, а люди говорить. Оно, конечно, какъ и не взискать: глупъ народъ, да на все же свои порядки. Ужъ и самъ-то, говорить, махнетъ рукой да и уйдетъ со двора.

— Ну ужъ это едва-ли такъ, Епифановна? сказалъ Андрей Гавриловичъ, который видимо принималъ участіе въ разговорѣ.—Сергѣй Степанычъ самъ не промахъ и женѣ воли не дастъ. Хозяйство хозяйствомъ, а свое мѣсто знай. И не намъ чета, а мужа все должно уважать.

— Какъ же, батюшка! глава есть. А вотъ ужъ у Анны Сергѣевны дочку, у секретарши—то—изводите знать Анну Сергѣевну?

— Какъ не знать! случалось бывать.

— Ну, такъ вотъ у нея: добра очень, говорить. Порядки вѣдетъ, а если этакъ что сдѣлается—гдѣ вѣдь безъ грѣха? только и норовить, чтобъ до самого—то не дошло: самъ-то строгъ.

Лицо Епифановны приняло выраженіе большой разсудительности, какъ у человѣка, который говоритъ что-то очень-глубокомысленное. Андрей Гавриловичъ ничего не отвѣчалъ и продолжалъ пускать колечки.

— А какая рукодѣльница! продолжала Епифановна.—Вотъ что

покойная Парасковья Семеновна : это и шьеть и кроить , и на себя и на меньших—то, у Анны—то Сергѣвны вѣдь никакъ еще трое, аль одна дѣвочка?

— Дѣвочка, да мальчикъ , проговорилъ женскій , молодой голосъ изъ—за крыльца.

— Двое? и то никакъ двое, батюшка; ну да старшая—то: всего—то трое. Слышь, и читать сама сестрѣнку—то учить. А какая радѣльная до больныхъ ! Матвѣвна намедни была здѣсь и сказывала... изволите знать Матвѣвну, на подворьѣ—то, гдѣ изволите останавливаться? Къ Аннѣ Сергѣвнѣ видимо—невидимо больныя ходять , изъ простыхъ , то—есть , кто тамъ руку порубить, или чтó. Вотъ этта у насъ, у Горьловыхъ, меньшая сноха... замучила лихорадка. Ужь чего не дѣлали! И въ Сосновку ѣздила: старушка тамъ заговариваетъ—нѣтъ, все бьетъ! Ну и научили ее, батюшка, «поѣзжай, говорятъ, въ городъ, да сходи къ секретаршѣ». А мужъ у нея на ту пору собрался въ городъ, овсеца никакъ продать. Взялъ. Что жь, батюшка? вышла, говорить, сама, спросила какъ и чтó ; сказала что—то дочкѣ, та тутъ же, говорить, вышла. Дочка пошла, принесла что—то въ рюмкѣ, «такое горькое» говорить. Ну, что, батюшка! какъ рукой сняло, право.

Тотъ же голосъ изъ—за крыльца проговорилъ .

— А безпалый—то Анисимъ?

— Дá, вотъ, сударь, подхватила Епифановна : — и ему тоже. Все нутромъ жаловался.

— Ужь ты рада точить балы ! сказалъ помѣщикъ , вставая и милостиво шутя.—Ты бы лучше посватала меня вонъ на княжнѣ Емишевой. Вотъ такъ невѣста ! крестьянъ—то тысячки полторы будетъ да денегъ—то у старика сколько!

— Чтó жь, сударь! по мнѣ давай Богъ! Вы думаете не поидеть что—ли? Да чѣмъ вы у насъ не женихъ?..

— Ну добро! вотъ посмотри—ка бабы—то сложа руки стоятъ. «Эй! сгребли въ кучу, такъ ссыпай! и мѣры—то не принесли—эхъ вы! Ну, ты, босоногой! бѣги за Кузькой , чтобъ проворѣе шелъ!»

Босоногій мальчишка, въ оборванномъ кафтанишкѣ, вывернулся Богъ—знаетъ откуда и стремглавъ бросился къ людской избѣ. Епифановна начала суетится около пологовъ, притряхивая концы, хотя это совѣмъ не было нужно.

Вечеромъ, собираясь ужинать, Андрей Гавриловичъ припоминалъ разговоръ Епифановны.

«А точно у Анны Сергѣевны дочка, говорятъ, недурна. Видѣлъ я ее, да давно. Горды они очень; ужь особенно онѣ! кошка на грудь не вскочить...»

Потомъ поужиналъ и приказалъ позвать Кузьку. Была точно надобность съѣздить въ городъ, конечно, не завтра, на-дняхъ, а все надобно было потолковать съ Кузькой: приказать осмотрѣть тарантасъ, хорошенько подковать лошадей, которыхъ нужно, и проч. Онѣ совсѣмъ—было хотѣлъ уже отправиться въ спальню, какъ Епифановна опять показалась въ дверяхъ.

— Вы, батюшка, не изволили забыть: вѣдь завтра сергѣевъ день? Аксютка бѣгала на Поповку да встрѣтила батюшку—священника. Онѣ говоритъ: «скажи, говоритъ, барину, просилъ напомнить завтра преподобнаго Сергія: Сергѣй Степанычъ, судья, именинникъ».

— А чортъ! совсѣмъ изъ головы вышло! сказалъ Андрей Гавриловичъ, и лицо его приняло озабоченное выраженіе. Въ-самомъ-дѣлѣ, сколько дѣла въ минуту, когда помѣщикъ хотѣлъ уже предаться покою: надобно было позвать старосту и сдѣлать распоряженіе, чтобъ послать кое-что имениннику; нужно было опять призвать Кузьку отмѣнить прежнія приказанія и дать новыя, потому-что въ городъ нужно будетъ ѣхать не на-дняхъ, не послѣзавтра, а завтра же; а тутъ сѣнокосъ и работы въ деревнѣ по горло!

«Именины!» вскричалъ Андрей Гавриловичъ, укладываясь наконецъ въ постель позже обыкновеннаго: «а ужь не пройдутъ даромъ эти именины: зададутъ балъ. Какъ не задать? вѣдь все богачи у насъ, вельможи! Не поѣхалъ бы, да нельзя: обидится старикъ; скажетъ: забылъ. Чтобъ ихъ совсѣмъ и съ балами-то!»

Не любилъ Андрей Гавриловичъ этихъ баловъ. Какъ-то неловко было ему, да и скучно. Всѣ заняты; играютъ; танцуютъ. Онѣ отъ-роду не танцовалъ и не игралъ въ карты. Поговорить, провести время въ разговорахъ въ своей компаніи, какъ говорилъ онѣ, съ пріятелемъ—почему же не такъ? А тамъ съѣдется весь городъ; барыни расфрантятся, разодѣнутся, а на Андрея Гавриловича всякая пышность, все, выходящее изъ круга всенедневной жизни, дѣйствовало какъ-то непріятно, смущало его. Ему было неловко при человѣкѣ щегольски-одѣтомъ, особенно если тотъ пріѣзжалъ въ богатомъ экипажѣ; его смущали и важный видъ и рѣзкій тонъ; самодовольная посредственность и ловкая свѣтская, хотя бы и бессмысленная фраза. Всѣ казались ему умны, не-

досыгаемо—умны и очень—важны. Чувство собственной незначительности гнело, давило его, отнимало у него, кажется, свободу пользоваться преимуществами, данными ему, не только какъ существу разумному, но даже какъ существу, одаренному чувствомъ и произвольнымъ движеніемъ. Только въ Ключовкѣ, внѣ круга этого обаянія, онъ приходилъ въ себя и начиналъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что видѣлъ и слышалъ; но эти размышленія сопровождалась обыкновенно досадою и ворчаньемъ. «И что важничаютъ», говорилъ онъ, «чѣмъ чванятся, и что говорятъ—пустое все, звонъ одинъ! Посмотришь, точно генералы какіе: «мы да мы!»

IV.

Этого именинаго вечера Сергѣя Степановича, на который съ такою неохотою собирался Андрей Гавриловичъ, въ городѣ, напротивъ, ожидали по многимъ причинамъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Надобно сказать, что Нечасовскъ былъ не изъ тѣхъ уѣздныхъ городковъ, въ которыхъ одна длинная улица, да соборъ на базарной площади составляютъ весь городъ, а деревянныя кресты на погостѣ — всю исторію прошедшаго. Въ Нечасовскѣ были и старинныя монастыри, и старинныя церкви, и старыя господскіе дома, которые теперь болышею частью, конечно, находились во владѣніи купцовъ, или стояли съ закрытыми ставнями и медленно клонились къ разрушенію посреди тихихъ улицъ и площадей, поросшихъ травой по неровной мостовой, между—тѣмъ, какъ настоящая жизнь города развивалась быстро въ нижней части ея, гдѣ былъ гостиный дворъ, базары, гдѣ постоянныя дворы, харчевни и безчисленныя лавочки кипѣли торговой дѣятельностью и мѣщанскимъ досужествомъ, гдѣ дымились заводы и строились новые каменные дома, и утромъ рано старикъ купецъ, полумиллионеръ, когда сыновья еще не выходили на всеневный трудъ и городъ только просыпался, выходилъ на крыльцо, въ старомъ полушубчикѣ, и костлявою рукою разсыпалъ пшено для сизыхъ голубей, давно—ожидавшихъ всеневной пищи.

Въ то время, однако, о которомъ я пишу, еще нѣсколько старыхъ баръ доживали свой вѣкъ въ тихомъ Нечасовскѣ или по деревнямъ, прїѣзжая въ городъ то лечиться, то по дѣламъ. Иные жили потому, что и хотѣлось бы, да не съ чѣмъ было подняться

въ Москву или губернской городъ, другіе же потому, что имъ нравилась эта жизнь, гдѣ они были первыми и могли на волѣ разыгрывать роль аристократовъ, усвоивая каждый, по мѣрѣ силъ, ихъ привычки и образъ жизни. Было нѣсколько и русскихъ пролетаріевъ, разорившихся въ-конецъ дворянъ и отставныхъ чиновниковъ, лишившихся мѣстъ вслѣдствіе какихъ-нибудь несчастій; они жили въ Нечасовскѣ по дешевизнѣ жизни и держались обыкновенно около откупщика и исправника. Между служащими были также люди очень-хорошіе. Я не говорю о городничемъ, потому-что о немъ вообще какъ-то мало говорили. Судью и его супругу мы уже немного знаемъ. Исправникъ, Николай Михайловичъ, былъ человекъ очень не изъ обрядныхъ. Жена его, Софья Яковлевна, дочь довольно-богатаго помѣщика въ уѣздѣ, по страсти вышла за Николая Михайловича, который не имѣлъ ничего, кромѣ личныхъ достоинствъ, и хотя уже нѣсколько лѣтъ была замужемъ, все еще была безъ памяти влюблена въ мужа. Это была полненькая, средняго роста женщина, недурная собою, говорила на-распѣвъ, растягивая слова на удареніяхъ, цѣлый день читала французскіе романы и отъ-души вѣрила, что мужъ ея единственно по усиленной просьбѣ дворянъ принялъ мѣсто исправника, не терпитъ картъ и дѣлается боленъ съ одного бокала шампанскаго. Исправница была необыкновенно-восторженная женщина; всѣ у нея были или необыкновенные, или отвратительные люди; вѣчно она была очарована, или разочаровывалась, и только въ-отношеніи къ Николаю Михайловичу очарованіе было полнымъ и неизмѣняемымъ, что онъ находилъ для себя очень-удобнымъ. Лучшею пріятельницею восторженной исправницы въ настоящее время была экспедиторша, прехорошенькая женщина, которой мужъ, очень-исправный чиновникъ, украшенный даже орденомъ за отличіе, по несчастію, имѣлъ престранную болѣзнь: всякій день утромъ онъ у должности, но какъ вечеръ, у него начинались болѣзненные припадки, такъ-что рѣшительно никто не могъ его видѣть, и хорошенькая жена, уложивъ его въ постель, должна была выѣзжать одна. Покорность, съ которою она переносила это тяжкое испытаніе, ея постоянное стараніе казаться счастливою и уваженіе, съ которымъ она всегда отзывалась о мужѣ, несмотря на странные слухи, ходившіе по городу о его болѣзни— все это приводило въ восхищеніе восторженную исправницу. Она понимала, что можно обожать Николая Михайловича, еслибъ ему и случилось когда занемочь отъ одного бокала шампанскаго;

но уважать человѣка, который постоянно каждый вечеръ боленъ отъ... Богъ знаетъ отъ чего — это превосходило ея понятіе, и хорошенькая экспедиторша была произведена въ необыкновенныя женщины; онѣ сдѣлались неразлучными и не иначе выѣзжали, какъ вмѣстѣ, такъ-что Флена Николаевна прозвала ихъ *les inséparables*.

Les inséparables всего-чаще бывали въ домѣ старушки Ремезовой, о которой я уже разъ упоминала. Парасковья Васильевна, дочь ея, эта несчастная, покинутая мужемъ женщина, нечасовская Дамаянти, если вы вспомните, была также въ числѣ необыкновенныхъ. Это была женщина сорока лѣтъ; но какъ она одѣвалась всегда прекрасно и съ большимъ стараніемъ, то казалась гораздо-моложе. Она никогда не говорила о своихъ несчастіяхъ, но въ городѣ еще ходили толки о разныхъ гнусныхъ поступкахъ ея мужа, проигравшаго ея имѣніе, и проч. И эта гордость, неисквавшая возбудить сожалѣніе безполезными жалобами, приводила въ восхищеніе исправницу, которая создала тотчасъ цѣлый романъ изъ жизни этой женщины. Говорили, будто-бы въ-дѣйствительности она играла совѣтъ не такую хорошую роль, какую давала ей Ссфья Яковлевна въ своемъ романѣ; но свѣтъ такъ легко обвиняетъ женщинъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ!

Сама старушка Настасья Алексѣевна Ремезова была женщина стараго покроя. У нея всякій день были люди. Старушка любила и поѣсть и покормить; собирала къ себѣ всякихъ юродивыхъ и приживалокъ, любила иногда поссорить послѣднихъ между собою, и забавлялась ихъ перебранкою; вязала шурки на *сальчки*, допускала и вѣсти, но сердилась, когда бранили за глаза и ссорилась нерѣдко за это съ дочерью, несчастною женщиною.

Послѣ ея дома самымъ значительнымъ по городу былъ домъ Неслиминыхъ, старинныхъ нечасовскихъ дворянъ, изстари связанныхъ дружбою съ Ремезовыми. Въ настоящее время Неслиминыхъ не было въ Нечасовскѣ. Нѣсколько лѣтъ уже, какъ они постоянно жили въ Москвѣ или въ подмосковскихъ деревняхъ и, кажется, совершенно оставили свое родовое Гридино. Въ послѣднее время, однакожь, Авдотья Захаровна, глава этого почтеннаго семейства, писала къ Ивану Васильевичу Иржину—этому секретарю Уѣзднаго Суда, котораго такъ не любила Флена Николаевна и который завѣдывалъ дѣлами Неслиминыхъ по имѣнію—что она

скоро будетъ; но время проходило, а обѣщаніе оставалось все только обѣщаніемъ.

Но расскажемъ, однакожь, объ этомъ повѣренномъ въ дѣлахъ Авдотьи Захаровны, объ Иржинѣ. Мы, кажется, уже упоминали о немъ. Иржинъ былъ секретаремъ Нечасовскаго Уѣзднаго Суда, не болѣе, то—есть труженикъ, рабочій человекъ, чуть-чуть не поденщикъ, сказали бы сестрицы покойнаго Ильи Павловича. Кто былъ Иванъ Васильевичъ, какого происхожденія и откуда—этого я не могу вамъ сказать. Онъ былъ въ городѣ заѣзжіи. У него не было тутъ ни родныхъ, ни старыхъ связей. Это былъ человекъ дѣловой, хорошо зналъ законы, слылъ за честнаго человека, у другихъ—за мошенника, и умѣлъ сдѣлаться человекомъ необходимымъ для окрестныхъ помѣщиковъ, какъ я думаю въ старое время былъ нуженъ грамотный дьякъ боярамъ, которые не умѣли писать. У кого нѣтъ межеванья, спора по духовнымъ, кому не приходится писать довѣренностей, отпускныхъ и мало ли еще какихъ прошеній по пунктамъ и безъ нихъ, объясненій, показаній и проч.; а кто похвалится, что все это знаетъ? Кто похвалится, что хорошо знаетъ свои права и права сосѣда? Иванъ Васильевичъ въ подобныхъ случаяхъ былъ человекъ знающій. Къ нему приходилъ и богатый помѣщикъ, и бѣдный однодворецъ, и подъ сѣнью его всеобъемлющаго знанія, дремалъ покойно и сладко одинъ на своей деревянной лавкѣ, другой въ покойномъ мягкомъ креслѣ. Иванъ Васильевичъ былъ женатъ на какой-то сироткѣ, дворянкѣ однакожь, оставшейся послѣ отца ребенкомъ съ матерью и въ большой бѣдности. Въ настоящее время у Ивана Васильевича былъ свой домъ съ красною крышею и зелеными ставнями, съ большимъ садомъ, и трое дѣтей. Это была довольно-странная семья. Между-тѣмъ, какъ мужъ по уши купался въ дѣлахъ и частныхъ и по суду, Анна Сергѣевна была живая дѣятельность въ домѣ. Кухня, погреба, сарай — ничто не ускользало изъ-подъ ея надзора. Она вязала карпетки мужу, обшивала дѣтей, унимала ихъ, когда Иванъ Васильевичъ послѣ обѣда предается покою и, какъ мусульманинъ заповѣдь Корана, свято сохраняла обязанность, приготовить рюмочку настойки къ возвращенію Ивана Васильевича изъ суда; словомъ, это была, по привычкамъ, мѣщанская трудолюбивая семья, и между-тѣмъ, въ городѣ ихъ называли гордецами и даже не очень любили ихъ, хотя и принимали хорошо. Особенно Флена Николаевна, судейша! Она, урожденная княжна и помѣщица, не могла простить

Анна Сергѣевна, что та, съ какою-то независимостью изводить поглядывать даже и на нее! «И то правда» говорила Флёна Николаевна, «мы сами виноваты въ этомъ. Дворяне, помѣщики, ухаживаютъ за этими выскочками, какъ Богъ-знаетъ за князь! и даже Неслимины! Лучше никого не нашли повѣрить живнѣе! У меня всегда сердце поворачивается говорила она, когда я слышу, какъ эта секретарша говорить: «мужъ мой получилъ письмо отъ Авдотьи Захаровны; Авдотья Захаровна пишетъ къ мужу!...» Одинъ разъ даже, когда Анна Сергѣевна сказала: Авдотья Захаровна пишетъ... Флёна Николаевна не выдержала и довольно-насмѣшливо замѣтила: «ужь не шутить ли надъ нами Авдотья Захаровна? все пишетъ, что будетъ; мы услыхимъ отъ васъ и соберемъ съ визитами, а ее все нѣтъ-какъ-нѣтъ!» Анна Сергѣевна покраснѣла и завертѣла цѣпочкой ридикюля, что у нея было признакомъ неудовольствія, однако, очень-смирненно отвѣчала: «важные люди-съ! много занятій, такъ не мудрено, что могутъ и ошибиться въ расчетъ; это не то, что мы, мелкій народъ. Намъ было бы непростительно».

Анна Сергѣевна вообще не любила обременять Ивана Васильевича пустыми пересказами, однако не утерпѣла и рассказала ему этотъ разговоръ съ большимъ жаромъ и жестами, что было нѣсколько въ ея привычкахъ. Иванъ Васильевичъ только разсмѣялся и встрѣтился съ Флёною Николаевною вечеромъ у исправника, какъ-бы ничего и не бывало.

Иванъ Васильевичъ былъ человекъ лѣтъ за пятьдесятъ, можетъ-быть даже и менѣе, но волосы его, которые давно серебрились, и всегда пасмурный, глубокомысленный видъ старили его нѣсколькими годами. Сухощавый и прямой, съ правильными, довольно-крупными чертами, онъ постоянно сохранялъ въ осязкѣ и во всѣхъ движеніяхъ особенную важность, которая, по его мнѣнію, должна была внушать, и дѣйствительно внушала высокое мнѣніе о его значеніи, какъ человека дѣловаго. Всегда серьезный въ обществѣ, онъ позволялъ себѣ смѣяться только дома, и то съ дѣтьми, или изрѣдка съ дамами, съ которыми всегда былъ изысканно-вѣжливъ. Иванъ Васильевичъ говорилъ нерѣдко, что въ молодости своей онъ жилъ въ Петербургѣ и, какъ видно, между порядочными людьми, чѣмъ отчасти объяснялась эта изысканная вѣжливость съ дамами: не забудьте, что молодость его—это были первые годы текущаго столѣтія, когда еще британская холодность не прививалась къ нашимъ нравамъ и лю-

Безность екатерининскихъ временъ господствовала въ обществѣ. Что дѣлалъ Иванъ Васильевичъ въ Петербургѣ — мы не знаемъ этого навѣрно, едва-ли не служилъ онъ въ военной; знаемъ только, что давно уже онъ постоянно занимался гражданскими и уголовными дѣлами, хотя въ наружности его и приемахъ скорѣе былъ видѣнъ человекъ дѣловой, занимающійся, чѣмъ канцеляристъ. Многіе, однако, спрашивали, вачѣмъ Иванъ Васильевичъ, съ его умомъ и знаніемъ, ограничился мѣстомъ секретаря Увѣднаго Суда и не искалъ ничего лучшаго, и пожимали плечами, не умѣя объяснить себѣ этой странности; но дѣло было очень-просто. Иркинъ принадлежалъ къ числу немногихъ людей, которые умѣютъ довольствоваться настоящимъ и вѣрное хорошее не любятъ мѣнять на невѣрное лучшее.

Анна Сергѣевна не всегда была довольна этой философіей; ей казалось, что и для дѣтей, и для нихъ самихъ лучше было бы въ столицѣ, или даже въ губернскомъ городѣ, и Иванъ Васильевичъ не разъ уже слышалъ ея косвенные упреки и въ дѣни, и въ упрямствѣ, и въ пристрастіи къ Нечасовску; но молчалъ и притворялся, что не понимаетъ, и одинъ только разъ, когда упреки были выражены яснѣе обыкновеннаго, онъ сказалъ: «хорошо, хорошо, поѣдемъ въ Петербургъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, надобно жить барами. Здѣсь и лошади-то, и дворня, сколько ихъ тамъ, и прачекъ, и швеекъ, да и весь уѣздъ знаетъ Анну Сергѣевну и кланяется ей. Скучно! Въ Петербургѣ лучше будетъ: ко двору поѣдемъ». Анна Сергѣевна обидѣлась насмѣшкой; но мужъ ея развеселился и шутилъ: а подобными минутами дорожать въ семействѣ и потому обида забылась.

Въ одно утро, когда Иванъ Васильевичъ, напившись чаю и перецамовавъ дѣтей, которые сбѣжали съ антресолей поздороваться съ папенькою, въ вицмундирѣ, съ картузомъ и палкою въ рукѣ, и нахмурясь сколько возможно было болѣе, вышелъ изъ своего кабинета, чтобъ отправиться въ присутствіе; передъ нимъ, въ дверяхъ прихожей, явился Григорій Ефимовъ, бывший Гришка, камердинеръ Ильи Павловича Неслимина, съ какимъ-то особенно-торжественнымъ видомъ.

— А, здорово Ефимовъ! сказалъ Иванъ Васильевичъ ласково, но съ тою приличною важною, которою сопровождается ласковое слово къ низшему. — Что скажешь? и остановился, замѣтивъ что-то особенное въ физиономіи экс-камердинера.

— Авдотья Захаровна, Надежда Ильинична и Лизавета Ильи-

нична приказали кланяться, произнесъ протяжно и съ достоинство экс-камердинеръ: — приказали спросить о здоровьи и доложить, что изволили прїѣхать въ Гридино и не очень-здоровы.

И бывшій камердинеръ почтительно подалъ письмо своей госпожи.

— А Павелъ Ильичъ, развѣ не прїѣхалъ? спросилъ Иванъ Васильевичъ, принимая письмо.

— Никакъ нѣтъ-съ. Изволили остаться въ подмосковной. Иванъ Васильевичъ посмотрѣлъ на печать, сдѣлалъ еще нѣсколько приличныхъ случаю вопросовъ и воротился къ Аннѣ Сергѣевнѣ сообщить эту важную новость, приказавъ подождать Ефиму. Анна Сергѣевна, очень-живая, довольно-полная и проворная женщина, тотчасъ вошла сама въ переднюю и повторила тѣ же самыя, приличные случаю вопросы посланному, который стоялъ между-тѣмъ нѣсколько наклонившись и съ полнымъ чувствомъ сознанія важности возложенной на него мисси. Разспрашивая о здоровьи Авдотьи Захаровны и барышень и изъявляя за себя и весь городъ удовольствіе, которое дѣлалъ всѣмъ прїѣздъ дорогихъ гостей, Анна Сергѣевна спросила нѣсколько скороговоркою: «Вѣдь вѣрно у тебя, Григорій Ефимовъ, есть письмо къ Сергѣю Степановичу? Отнеси поскорѣе: какъ вѣдь они обрадуются!» Но, получа въ отвѣтъ: «никакъ-нѣтъ-съ; только приказали о здоровьи спросить», она прибавила уже медленнѣе, но также заботливо: «Такъ сходи же, зайди къ нимъ. Флѣна Николаевна такъ обрадуется!» И тутъ же рѣшилась вечеркомъ, а, можетъ-быть, еще и утромъ навѣститъ свою пріятельницу и сказать: «Авдотья Захаровна пишетъ къ мужу» и проч.

Извѣстіе о прїѣздѣ Неслиминыхъ взволновало весь городъ. Флѣна Николаевна тотчасъ отправилась на домашнихъ дрогахъ къ старушкѣ Ремезовой, которой дочь, Прасковья Васильевна, была лучшимъ другомъ Авдотьи Захаровны и потому отъ нея всего скорѣе можно было узнать подробности важнаго событія.

Хорошенькая экспедиторша, которой супругъ пользовался здоровьемемъ только поутрамъ, проводивъ его къ должности, полетѣла къ пріятельницѣ своей Софѣ Яковлевнѣ. Вѣроятно, также и другія пріятельницы съѣхались вмѣстѣ: которая заѣхала отъ обѣдни, изъ монастыря, которая изъ лавокъ, всѣ какъ-то ранѣе обыкновеннаго выѣхавъ въ этотъ день изъ дома. Разумѣется, послѣ обыкновенныхъ разспросовъ о здоровьи хозяйки и дѣтей тотчасъ говорили: «А слышала-ли нашу новость?» — «Какъ же! Присылали

спросить о здоровьѣ». — «Да, и къ намъ тоже». И еслибъ вы видѣли съ какою небрежностью, съ какимъ простодушіемъ говорилось это: «и къ намъ тоже». Казалось, все было сказано спроста, безъ умысла; а другой, пожалуй, по привычкѣ вездѣ допытываться до подноготной, перевелъ бы такъ: «видите какъ насъ цѣнять важные люди! Пожалуйста, и насъ не меньше вашего». Впрочемъ, подобныя вещи, какъ ходячая монета, нисколько не портятъ дружескихъ отношеній, гдѣ бы это ни было, и потому разговоръ своимъ порядкомъ переходитъ къ подробностямъ важной новости. Что-то будетъ? Пріѣдетъ ли Авдотья Захаровна въ городъ? Не заспѣсивилась ли она въ Москвѣ? Каковы-то ея дочки-москвички? Станетъ ли принимать попрежнему по воскресеньямъ? Ужь не дѣлиться ли она пріѣхала, такъ-какъ меньшей уже девятнадцать лѣтъ: вотъ опять дѣльцо Ивану Васильевичу? Какъ-то она будетъ съ нимъ? Не займется ли дѣлами самъ сынъ ея, Павелъ Ильичъ? Но онъ военный, гдѣ ему знать дѣла! Какъ-то она обойдется съ городскими? Безъ нея пріѣхало много новыхъ: стряпчій, новый повѣренный по откупамъ; новый докторъ (общество раздѣлилось между нимъ и старымъ докторомъ; къ которой-то партіи она пристанетъ?) При этомъ вспомнили какъ-бывало, у Ильи Павловича и помину не было о партіяхъ, какъ онъ всѣхъ равно принималъ и какъ всѣ къ нему съѣзжались. Вспомнили и стараго гарнизоннаго поручика, который въ день его пріѣзда являлся къ нему въ полной формѣ, съ шарфомъ и шпагой и потомъ исчезалъ изъ памяти людской до новаго пріѣзда Ильи Павловича. Гдѣ не говорили, гдѣ не толковали о пріѣздѣ Авдотьи Захаровны? Вдова-чиновница, жившая милостями Настасьи Алексѣевны Ремезовой, объѣхала весь городъ, чтобъ наговориться о своей радости и узнать доподлинно, когда пріѣдетъ въ городъ Авдотья Захаровна, ея благодѣтельница, и Павелъ Ильичъ, благодѣтель ея. Въ послѣдній свой пріѣздъ Господь посѣтилъ ее тогда горемъ: у ней пала коровушка; онъ пожаловалъ ей пятьдесятъ рублей ассигнаціями, а они ходили тогда съ лажемъ.

Но напрасно ожидали отвѣта на всѣ эти вопросы: Григорій Ефимовъ сказалъ, что Авдотья Захаровна пріѣдутъ, какъ изволятъ поправиться въ здоровьѣ; но онъ поправляться видно не изволяли. Нѣкоторые мужчины ѣздили въ Гридино, между прочими, Иванъ Васильевичъ съ Леночкою; но Леночка неохотно говорила объ этой поѣздкѣ, можетъ-быть, боясь ревности своей Серафимочки, а мужчины ничего обстоятельно не умѣли расска-

зять. И вотъ почему съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали именинаго вечера Флецы Николаевны : надѣялись не прїѣдетъ ли кто изъ Неслиминныхъ къ этому вечеру , или изъ сосѣднихъ помѣщицъ , которыя были уже у нихъ и могли кое-что поразсказать.

Съ нетерпѣніемъ ожидала этого дня и сама Флена Николаевна. Не одну ссору съ нею долженъ былъ выдержать Сергѣй Степановичъ за этотъ знаменитый день. Онъ зналъ что вечеръ , обѣдъ или по-крайней-мѣрѣ завтракъ въ именины неминуемы ; но отъ него требовали не только обѣда или вечера , но и музыки. Флена Николаевна имѣла особенныя и довольно-важныя причины желать именно танцевальнаго вечера : Серафима , по ея мнѣнію , танцевала очаровательно , и потому на балѣ должна была довершить побѣду надъ Андреемъ Гавриловичемъ. Флена Николаевна боялась одного только : чтобъ ключовскій помѣщикъ не забылъ объ этомъ праздникѣ , или даже , по врожденной своей дикости , не притворился что забылъ , и потому еще за нѣсколько дней заговаривала съ нимъ объ именинахъ Сергѣя Степановича , и наканунѣ еще написала записочку , въ которой приглашала его за-просто отобѣдать съ ними , приказавъ тотчасъ же отправить съ нарочнымъ , если не найдутъ попутчика ; но посланный встрѣтилъ Андрея Гавриловича уже въ городѣ , и потому не заблагоразсудилъ отдавать ему записки.

Наконецъ насталъ этотъ столько-желанный день. Еще съ вечера въ домѣ было все вымыто , вычищено ; съ мебели и шитыхъ подушекъ сняты чехлы ; спальня , изъ которой вынесены и ширмы и кровать , и комоды , превращена въ гостиную. Кабинетъ Сергѣя Степановича также потерпѣлъ совершенное преобразование. Большой шкафъ съ пилочками , подпилочками , буравчиками и другими принадлежностями занятій исчезъ , письменный столъ , на которомъ , кромѣ книгъ , дѣловыхъ бумагъ , періодически-появлявшихся , лежали брюсовъ календарь и нѣкоторые другія книги , особенно хозяйственныя , вынесенъ , равно какъ и черепки съ клеємъ , обрѣзки картона , веревочки и гвозди , придававшіе кабинету видъ мастерской. Вездѣ въ порядкѣ разставлены кресла , стулья , столы для картъ , по стѣнамъ развѣшаны лампы , по столамъ разставлены стеариновыя свѣчи , большею частью въ подсвѣчникахъ , перехваченныхъ у знакомыхъ. Въ патриархальномъ Нечасовскѣ это считалось вещью столько обыкновенною , что всякій на любомъ вечерѣ съ удовольствіемъ встрѣчалъ свое серебро , свои подсвѣчники и проч).

Еще съ-утра начали являться поздравители: весь Уѣздный Судъ въ мундирѣ, у кого имѣлись; самъ Иванъ Васильевичъ въ вицмундирѣ, и прѣѣхалъ еще до обѣдни. Отъ всѣхъ знакомыхъ приходили люди съ поздравленіями, а въ десять часовъ начали прѣѣзжать и сѣни господа. Флена Николаевна сидѣла на диванѣ въ гостиной и принимала всѣхъ съ обыкновенною своею любезностью, картали болѣе чѣмъ когда-нибудь. Серафима и гувернантка были тоже въ гостиной; ангельчики, одѣтые совершенно-прилично случаю, то выставлялись гурьбой изъ коридора, то скрывались завидя-гостя, или прыгали около человѣка въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ озобоченнымъ видомъ сѣдшишаго по коридору съ огромнымъ жениннымъ пирогомъ на кругломъ блюдѣ, въ которое ангельчики, припрыгивая, заглядывали съ большою жадностью.

Къ вечеру суеты было еще болѣе. Сергѣй Степановичъ совсѣмъ захлопотался; въ вицмундирѣ, въ бѣлыхъ воротничкахъ, отъ движенія ужь унавшихъ на галстухъ à la Vugon, безпрестанно заглаживая напередъ волосы, которые, непослушно распадаясь, отрывали свѣтящуюся лысину, онъ бѣгаетъ изъ кухни, гдѣ поваръ давно стучать ужь въ три ножа, въ чайную, гдѣ Прохорова, экономка, въ крепрашелевомъ платьѣ и съ двуличнымъ платочкомъ на головѣ, хлопочетъ еще окою стола, на которомъ разставлены суповыя чаши съ пуншемъ, лимонадомъ и разными водичами, чайный приборъ и проч.

— Все ли готово Прохорова—а? спрашиваетъ Сергѣй Степановичъ.

— Все, батюшка, извольте посмотреть, и она открываетъ миски съ дунистыми напитками.

— Ну, ну, хорошо! Смотри же, чай покрупче, да мужчинамъ, знаешь, того, не такъ полно. Да ромъ-то, ромъ-то не забудь...

Но я боюсь, чтобъ не надобѣсть этими приготовленіями пирушки въ уѣздомъ городѣ, знакомыми, общими всѣмъ его жителямъ, во которыя могутъ навести одну скуку на читателя, непривыкшаго обращать вниманіе на мелочи обыденной жизни этой, незнаемой далѣе границъ ея сферы. Я не стала бы описывать и самаго вечера, еслибъ на немъ не являлись нѣкоторыя лица, которыхъ мнѣ должно представить читателю.

Свѣдѣе начался около восьми часовъ и съ нимъ вмѣстѣ страніе Флены Николаевны. Все такъ хорошо, такъ прилично было устроено, что и прѣѣзжій изъ столицы даже не могъ бы, кажется, ничего сказать въ осужденіе. Сама она, Серафима, даже ангель-

чики, которыхъ, для большаго compte il faut, припрятали въ дѣтскія, все это было безукоризненно во всѣхъ отношеніяхъ; но Сергѣй Степановичъ... Пріѣзжаетъ городничиха, онъ встрѣчаетъ ее своимъ обыкновеннымъ: «А, кума!» и продолжаетъ еще: «спасибо! вотъ люблю! Вѣдь мужъ-то сказалъ что не будешь». Стряпчиху, которая пріѣхала съ пятью дочерьми, уговариваетъ послать за шестою, только еще отнятою отъ кормилицы, подъ тѣмъ предлогомъ, что она невѣста его Петруши, и тащить въ гостиную своихъ ангельчиковъ. Въ дополненіе бѣды, входитъ человекъ и шепчетъ барынѣ, но такъ громко, что другіе могли слышать: «Ремизиха пріѣхала!» Это ужасно!

Однако Флена Николаевна не потерялась и поспѣшила на встрѣчу гостѣ съ самою пріятною улыбкою. «Какъ обязали!» говоритъ она, цагая въ грудь старушку и въ ту же минуту обращается съ полуфранцузскою фразою къ Прасковѣ Васильевнѣ, несчастной женщинѣ, дочери Ремезовой. Старушка остановилась.

— Ну ужъ и въ правду, говоритъ она, обращаясь къ хозяину:— еслибъ не къ тебѣ, не поѣхала бы. Даль-то какая!

— Чтѣ за далеко, Настасья Алексѣевна, да и съ полверсты не будетъ; къ тому же вѣдь и мостовая.

— Хороша мостовая! Ну ужъ, батюшка! не добромъ тебя поминала; чай икалось? продолжаетъ гостя, обращаясь къ городничему:— всю душу выбило.

Флена Николаевна поспѣшила просить откровенную гостью въ гостиную; но старушка шла медленно, останавливаясь съ дамами, которыя цаговали ее въ грудь и плечи.

— Сюда, сдѣлайте милость, Настасья Алексѣевна: вамъ здѣсь будетъ покойнѣе. Серафинъ! Vous oubliez: скамеечку. Право! не знаю, какъ васъ благодарить.

— За чтѣ благодарить, мать моя! Еслибъ не любила, не поѣхала бы.—Спасибо, Серафимушка. Умница она у тебя! Спасибо, родная.

Серафима поставила скамеечку и поцаловала руку старушки.

— Вѣдь не чужіе-съ, Настасья Алексѣевна, продолжалъ хозяинъ, сядясь возлѣ почтенной гостыи.

— Какъ же, батюшка, какъ же! я постарше. У меня хоть на одномъ солнцѣ анучки сушили, а все родня. А тамъ это кто у тебя? Никакъ Андрюша, Марья Максимовны— царство ей небесное—сыннокъ?—Поди сюда, батюшка! Вѣдь двоюродный племянникъ, не бобами считается, а къ тѣткѣ не заглянешь?

Андрей Гавриловичъ, пріѣхавшій еще съ начала вечера, постоянно скрывался за другими и держался въ сторонѣ. Въ синемъ фракѣ съ металлическими пуговицами, въ шолковомъ жилетѣ, изъ-подъ котораго висѣли три золотыя печати на золотой же цѣпочкѣ, въ новомъ черномъ галстукѣ и съ шляпою въ рукѣ, онъ былъ великолѣпенъ и даже довольно-покоенъ въ уголкѣ, гдѣ его не замѣчали; при воззваніи тѣтушки должно было, однако, выдвинуться на сцену и даже поцаловать у родственницы руку. Къ счастью помѣщика, вошли: господинъ съ черными усами, изъ тѣхъ, которые каждый годъ собираются въ Москву и тѣмъ громче говорятъ о тысячахъ, чѣмъ меньше рублей въ карманѣ; письмоводитель исправника, молодой человекъ, завитой и съ необыкновенно-туго-накрахмаленными воротничками, и вслѣдъ за ними Анна Сергѣевна съ мужемъ и дочерью и Софья Яковлевна, исправница, съ хорошенькою экспедиторшею, что дало возможность Андрею Гавриловичу объясниться съ тѣтушкою, не выставляясь слишкомъ на видъ и укрыться немедленно въ свой уголокъ.

— Всегда постарается пріѣхать попозже для эффекта, шепнула хозяйка городничихъ, указавъ глазами на Анну Сергѣевну, и поспѣшила на встрѣчу гостямъ съ любезною улыбкою.

— А мужъ-то, мужъ-то?.. говорилъ Сергѣй Степановичъ, сжимая обѣими руками маленькую руку экспедиторши.

— Извините его, Сергѣй Степанычъ, онъ очень занемогъ. Я не смѣла бы даже его оставить, но непременно хотѣла уже быть у именинника.

— Жаль, жаль! сказалъ хозяинъ: — этакая болѣзнь! каждый вечеръ.

— *Tis-douloureux*, печально и очень-протяжно произнесла экспедиторша, обращаясь къ хозяйкѣ, и сѣла между исправницею и несчастною женщиною.

Настасья Алексѣевна, между-тѣмъ, завладѣла Анною Сергѣевною и, посадя ее возлѣ себя, сказала, чтобъ не садилась за карты, а играла съ нею въ лото. Иванъ Васильевичъ также подошелъ, раскланиваясь съ изысканною вѣжливостью.

— Ужъ какъ я сердита на тебя! сказала Настасья Алексѣевна: — и когда бы не сѣдина-то у тебя въ вискахъ, выдрала бы за уши, право.

— За что жъ это, Настасья Алексѣевна? помилуйте!

— То-то за что! Вспомни-ка, давно ли мы съ тобой видѣлись? Чай, забывъ, какъ у меня и двери отворяются.

— Эти двери отворялись для меня всегда такъ привѣтливо, что я не могъ забыть ихъ. Но, право, простите! дѣла. Завадены дѣлами!

— Знаю, знаю! Я шучу. Ты вѣдь для насъ же трудишься. Вотъ дѣвчонка-то у васъ хороша, продолжала она, обращаясь къ Аннѣ Сергѣевнѣ: — я все женишка ей ищу. Ну, да молчи, найдемъ.

— А что жь изъ Гридина? никого? спрашивали дамы, заглядывая въ другія комнаты:—да изъ сосѣдей, видно, никого...

— Не будутъ, сказала вполголоса исправницѣ несчастная женщина, замѣтивъ переговоры и улыбаясь насмѣшливо: — скажите имъ, а то вѣдь неизвѣстность мучительна.

— А Загаринъ?

— Не знаю; едва-ли!

Но въ эту минуту въ гостиную вошелъ молодой человекъ очень-высокаго роста, бѣлокурый, съ большими свѣтлоглубыми глазами, съ такимъ же выраженіемъ, какъ у восковыхъ куколъ, вертящихся въ окнахъ парикмахеровъ, что, какъ послѣ говорили, очень-шло къ нему и даже придавало всей наружности его особенную важность. Его никто не зналъ; но его платье, прическа, перчатки, новенькія французскія перчатки изъ лучшаго петербургскаго магазина, что сейчасъ замѣтила экспедиторша, сама недавно только изъ Петербурга заѣхавшая въ эту глушь, что-то особенное въ приемахъ, въ походкѣ, заставило тотчасъ угадать Загарина, пріѣзжаго помѣщика, который нѣсколько уже мѣсяцевъ пріѣхалъ въ имѣніе, но не былъ ни у кого въ горѣдѣ, кромѣ старушки Ремезовой и исправника, и то у послѣдняго по дѣлу.

— Вотъ ужь одолжили, обязали! Признаюсь, вѣдь боялся, что обманете, говоритъ Сергѣй Степановичъ, держа за руку гостя и смотря ему прямо въ глаза.

— Я общалъ, а я господинъ своего слова, сказалъ гость, уставя глаза неизвѣстно куда.

— Почему же не рабъ? замѣтила шопотомъ экспедиторша, наклонясь къ исправницѣ и разсматривая шитье ея платка.

Несчастливая женщина, видимо-благоволившая къ вошедшему, съ досадою посмотрѣла на нее.

— Хотя дѣла вотъ какъ, продолжалъ гость и повелъ рукою въ свѣтлой французской перчаткѣ подъ самымъ подбородкомъ:—

и отъ васъ же, прямо въ дорожную коляску. И онъ подошелъ къ хозяйкѣ.

Флена Николаевна, очень-довольная посѣщеніемъ гостя изъ высшаго круга, но нѣсколько-озадаченная его манерами и важной осанкой, смѣшалась и принялась исполнять передъ нимъ что-то среднее между поклономъ и книксеномъ, произнося непонятныя, какъ заговоръ, слова. Между-тѣмъ дамы говорили между собою вполголоса, показывая видъ, что не обращаютъ вниманія ни на важнаго гостя, который, оставя хозяйку, обратился къ Ремезовой и сѣлъ возлѣ несчастной женщины, вставивъ въ глазъ стеклышко—новость, поразившая все общество.

Составлялись партіи. Старушку Настасью Алексѣевну посадили за лото; дѣвицы, изгнанныя изъ импровизированной гостиной играющими, перекочевали въ столовую и тамъ ходили парами, посматривая въ двери гостиной. Флена Николаевна подошла къ Загарину съ карточкою и съ французскою фразою, которая заставила господина со стеклышкомъ въ глазу закусить губу, чтобъ скрыть улыбку. Онъ принялъ карточку съ поклономъ — и какой поклонъ! Письмоводитель съ завитыми волосами впился глазами въ господина, который кланялся такъ очаровательно.

Это была та самая минута безпорядка, когда игроки, еще непристрастные къ дѣлу, каждый, съ карточкою въ рукахъ, кто медленно, кто торопливо идутъ къ мѣсту своего назначенія, переговариваясь съ товарищами, съ которыми должны будутъ просидѣть неразлучно, не вставая съ мѣста три, четыре часа; когда вездѣ и все шумѣло, и, какъ бы сказалъ Андрей Гавриловичъ, гомозились какъ грачи, усаживаясь въ ветлахъ на ночь. Въ эту минуту безпорядка въ гостиную вошелъ господинъ въ довольно-поношеномъ сюртукѣ, съ побѣлѣвшими швами, черномъ жилетѣ, наглухо застегнутомъ, съ огромными усами и совершенно-цыганскою физиономіею. Раскланявшись очень-развязно, онъ тотчасъ подошелъ, разумеется, къ Ремезовой. Появленіе его произвело нѣкоторый эффектъ. Дамы встрѣтили его ласковымъ: «а! насилу-то!» Флена Николаевна кивнула головою какъ домашнему; Сергій Степановичъ мимоходомъ подалъ руку и сказалъ только: «Вотъ, спасибо, спасибо, братъ; а что? будутъ?» На что господинъ съ цыганскою физиономіею утвердительно кивнулъ головою. Загаринъ взглянулъ на него въ свое стеклышко и отвернулся, какъ отъ чего-то незаслуживающаго ни малѣйшаго вниманія. Въ-самомъ-дѣлѣ наружность этого господина не предупреждала въ его

пользу. Костюмъ его былъ страненъ даже и для уѣзднаго города, хотя, казалось, никто не обращалъ на это вниманія. Черты его были довольно—правильны; черные глаза полны жизни и огня; волосы вились природными кудрями; но все лицо носило слѣды усталости и упадка духа; приемы, поклонъ были развязны, но отзывались какою-то разбитною удалью неслишкомъ—хорошаго тона.

— Куда ты это запропастился, повѣса? сказала Настасья Алексѣевна, подавая ему свою морщинистую, довольно—полную руку, которую онъ поцаловалъ, чмокнувъ на всю комнату.

— Виновать, матушка, прожилъ цѣлый мѣсяць у Тунгуева.

— Чай съ собаками рыскали?

— Было, матушка, всего было.

И онъ, махнувъ рукой, отошелъ къ другимъ дамамъ, поклонился почтительно Аннѣ Сергѣевнѣ, которая отвѣчала на поклонъ очень—сухо. За-то исправница, хорошенькая экспедиторша и несчастная женщина приняли его очень—дружелюбно и каждая, почти не кланаясь, наградила шуткою или привѣтствіемъ.

Въ столовой дѣвицы встрѣтили его еще привѣтливѣе.

— Ужь я думала, что вы совсѣмъ не будете, сказала Серафима.

— Я-то? Чтобъ я забылъ приказаніе Серафимы Сергѣевны...

— Очень—любезно! А я васъ ждала весь день. Вы совсѣмъ зажились тамъ.

— Да и не пріѣхалъ бы, еслибъ не вы.

— Что за жестокость?

— Да зачѣмъ? Посмотри-ка, какъ взглянулъ на меня тамъ (онъ указалъ глазами на гостиную) какой-то господинъ со стеклышкомъ въ глазахъ, инда морозомъ меня подрало. Думаетъ, видно: вотъ звѣря какого впустили.

— Какой вздоръ!

— Право. Да и что же? Были и мы люди. Все прошло, матушка Серафима Сергѣевна. А вы, Елена Ивановна, еще похорошѣли!

— Не выросла ли? спросила, смѣясь, Леночка.

— А ужъ нельзя? Какъ же! извѣстно, старушка. Вѣдь вы бабушка моя? Не забыли?

— Помню очень, внучекъ, отвѣчала, смѣясь, Леночка.

— Тс! Чтобъ татап не услышала, сказалъ онъ, понизивъ го-

лость и указавъ опять на гостиную, и вздохнулъ. — Какъ взглянула на меня Анна Сергѣвна! У!! не любить она меня.

— Полноте, съ чего вы это взяли?

— Знаю, матушка Елена Ивановна, знаю. Да и то сказать, продолжалъ онъ, ударивъ рукою по фуражкѣ, отчего она выворотилась наизнанку: — за что любить-то? Они съ Иваномъ Васильичемъ люди дѣльные; знаютъ цѣну труду и трудовой копейкѣ, какъ имъ любить насъ, дармоѣдовъ?

И несмотря на шуточный тонъ, въ лицѣ его изобразилось что-то грустное.

— А гдѣ горе или хлопоты, большой или какое другое несчастье, тамъ Владиміръ Петровичъ не первый ли? сказала Леночка тихо и смотря на него такъ вкрадчиво, такъ примирительно, какъ, я думаю, долженъ смотрѣть на человѣка ангелъ, когда хочетъ поддержать его въ минуту душевнаго упадка.

— Вотъ за это-то я и люблю бабушку мою, сказалъ онъ, какъ-бы говоря кому другому. — Эхъ, Елена Ивановна! еслибъ изъ вашего сердечка да хоть что-нибудь перешло въ ихъ головы (и онъ указалъ на мужчинъ, сидѣвшихъ за картами противъ дверей гостиной). Сердечко бабушки умнѣе всѣхъ этихъ головъ, прибавилъ онъ такъ тихо, что даже и Серафимочка не могла разслушать.

— А вы споете намъ сегодня? спросила Серафима.

— Лучше этого есть, матушка Серафима Сергѣвна, подождите.

Въ эту минуту въ прихожей зашумѣли. Она освѣтилась болѣе обыкновеннаго и послышался звукъ смычка.

— А! слышите, сказалъ господинъ съ цыганскою физиономіею, котораго называли Владиміромъ Петровичемъ:—вотъ каковъ Владиміръ Чубинъ.

— Ахъ, душечка Владиміръ Петровичъ! какъ это, откуда? Какъ вы милы! Да нѣтъ, скажите, откуда?

— А вамъ какое дѣло? пляять такъ и пляшите. Вѣдь вы знаете, отъ Тунгуева, прибавилъ онъ тихо, наклонясь надъ самымъ ухомъ Серафимы.

— Вотъ одолжилъ, Владиміръ! право. Ну ужъ удружилъ, говорилъ Сергѣй Степановичъ, выходя изъ гостиной.—Ай-да другъ! Серафима! поклонись пониже пріятелю-то.

Слова Сергѣя Степановича покрыты были музыкою, которая разразилась вальсомъ, и всѣ понеслись по столовой, превратившейся въ танцевальную залу.

Дамы, неигравшія въ карты и между ними исправница и хорошенькая экспедиторша вошли въ залу и усѣлись около стѣнокъ. Нѣкоторыя даже оставили лото. Въ это время Флена Николаевна вышла также изъ гостиной, окинула глазами комнату и тотчасъ хватилась Андрея Гавриловича, шепнула что-то мимоходомъ Серафимочкѣ и, получивъ отвѣтъ, конечно, очень-односложный, подошла къ дамамъ, и какъ внимательная хозяйка, переходя отъ одной къ другой и поговоря съ каждою, пробралась къ кабинету, гдѣ играли мужчины. Тамъ Иванъ Васильевичъ да господинъ съ усами, который всегда собирается въ Москву, и еще двое господъ, съ карточками въ рукахъ, вошли въ кабинетъ и сѣли за столъ.

Андрей Гавриловичъ, увидя изъ гостиной, что въ кабинетѣ нѣтъ ни одной дамы, и зная, что, за помѣщеніемъ стола и игроковъ, не было возможности набраться туда дамамъ, потихоньку, бочкомъ, между-тѣмъ какъ дѣвщцы окружили Чубина, пробрался въ кабинетъ и сѣлъ на единственномъ порожнемъ стулѣ, между важнымъ господиномъ съ усами и Пржинымъ. Андрей Гавриловичъ не игралъ въ карты, но игра чрезвычайно-занимала его. Онъ присоединялся всѣми способностями души къ судьбѣ игрока, къ которому смотрѣлъ въ карты, и слѣдилъ за ходомъ игры его. Его сердили неудачи, дурныя карты. «Эхъ! не съ той, ротъ съ этой бы надобно», думалъ онъ, заглядывая въ карты другаго игрока; но ни однимъ словомъ, однако, не измѣнялъ душевнымъ своимъ движеніямъ. Весь въ игрѣ, поджавъ руки, онъ готовъ былъ просидѣть такъ цѣлый вечеръ. Карты не шли къ важному господину съ усами; онъ ставилъ ремизъ за ремизомъ.

— Вы не играете, Андрей Гаврилычъ? спросилъ онъ, покоясь на Каракина и оборотивъ къ нему задками свои карты.

— Нѣтъ-съ, я не играю, отвѣчалъ Андрей Гавриловичъ, озадаченный вопросомъ.

Карты шли еще хуже. Важный господинъ откашливался, отодвигался отъ Андрея Гавриловича, бросалъ на столъ карты, приговаривая: «что дѣлать-съ! несчастье-съ! Смотрѣлъ на недогадливаго сосѣда, и злился, показывая знаками партенѣру на причину своего неудовольствія, ворча: «наказаны!» и проч. Андрей Гавриловичъ сидѣлъ какъ вкопанный.

— Сядьте-ка, пожалуйста, поближе ко мнѣ, Андрей Гаврилычъ, на счастье, сказалъ Иванъ Васильевичъ.

Андрей Гавриловичъ, чрезвычайно-обрадованный и приглаше-

нѣмъ и ласковымъ словомъ, тотчасъ пододвинулъ свой стулъ къ Пржину, улыбаясь, и только усѣлся, совершенно-довольный, что вдругъ дѣлается дѣйствующимъ лицомъ въ обществѣ; какъ въ дверяхъ кабинета показалась Флена Николаевна. Въ одно мгновеніе открыла она Каракина въ его засадѣ, подошла къ столу и совершенно-предательски, будто не обращая на него вниманія, спросила важнаго господина, какъ идетъ игра его.

— Плохо-съ, очень-плохо, отвѣчалъ недовольный игрокъ.

Флена Николаевна обратилась къ другимъ съ подобнымъ же вопросомъ, и вдругъ, будто совсѣмъ нечаянно, замѣтила Андрея Гавриловича, который уже предчувствовалъ бѣду и сидѣлъ какъ на иголкахъ, сказавъ, какъ-бы удивясь:

— Что это, вы здѣсь, Андрей Гаврилычъ? а тамъ танцуютъ, такъ весело!

Андрей Гавриловичъ привсталъ, держась за стулъ и, сохраняя еще нѣкоторую надежду на освобожденіе, хотѣлъ что-то сказать.

— Пойдемте, посмотримте, Андрей Гаврилычъ. Чтó вамъ здѣсь дѣлать? продолжала хозяйка.

Но онъ еще медлилъ. Лицо его ослаблялось; онъ еще надѣялся; но угрожающій жестъ Флены Николаевны, которая, кажется, намѣревалась взять его за руку, заставилъ его отчаянно броситься на встрѣчу ожидавшей его судьбы и, какъ послушное дитя, идти за своей гонительницей въ импровизированную залу. Тамъ гремѣла музыка, тамъ, опираясь небрежно на руку неистово-несущагося по крашеному полу письмоводителя, склоня хорошенькую головку къ бѣлымъ плечикамъ, гибкая, какъ тростникъ, летѣла молоденькая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ и съ длинными концами розоваго пояса, которые играли около ея стана.

Андрей Гавриловичъ вошелъ и остановился у стула, который указала ему внимательная хозяйка, сѣвъ сама возлѣ и рассказывая что-то, чего Андрей Гавриловичъ, вѣроятно за музыку, не могъ слышать. Онъ опустился на кончикъ стула, чтобъ подставить ухо, и въ это время глаза его остановились на танцовавшей дѣвущкѣ. «Вѣдь это дочка Анны Сергѣевны», подумалъ онъ, «точно она. Да какъ выросла и недурна! Видишь какія выдѣлываетъ фигуры!» и, углубясь въ такія размышленія, рѣшительно не слышалъ, чтó говорила ему Флена Николаевна. Но вотъ картина смѣнилась. вмѣсто хорошенькой дѣвочки очутилась другая: это Серафима Сергѣевна.

— Бѣдная Серафима! сказала Флена Николаевна, говоря съ

Каракинымъ, она не называла ее Серафимъ. — Какъ она устала! цѣлый день хлопотала, хозяйничала; вѣдь она рѣшительно всѣмъ занимается въ домѣ, а теперь еще должна танцовать. Посмотрите, какъ разгорѣлась. И, къ-несчастію, еще терпѣть не можетъ ни танцовать, ни баловать.

Андрей Гавриловичъ на этотъ разъ слышалъ очень-хорошо. Онъ улыбнулся и замѣтилъ, что точно Серафима Сергѣевна должно-быть устала, потому-что очень разгорѣлась. «Но гдѣ же другая-то», думалъ Андрей Гавриловичъ и искалъ глазами дѣвушку съ розовымъ поясомъ.

— Посмотри, Серафима, сказала Леночка, играя концами своихъ розовыхъ лентъ: — твой Каракинъ ищетъ тебя глазами.

— Ахъ, не говори, это ужасно! Дай лучше забыть.

— Какой вздоръ! какъ-будто не отъ тебя зависить отказать.

— Отъ меня? и ты это говоришь!

И она подняла къ потолку свои зеленые глазки, въ которыхъ, кажется, хотѣла блеснуть слеза.

Леночкѣ что-то стало смѣшно и потомъ она задумалась. Въ первый разъ сомнѣніе заглянуло въ ея душу. Ей стало какъ-то неловко.

— Угодно ли кадрили? проговорилъ надъ ея ухомъ письмоводитель.

Она вздрогнула, оглянулась и пошла.

Я не говорю вамъ объ угощеніи, на которое, конечно, не покупился хозяинъ. Лимонады, водицы, мороженое, конфеты — все шло своимъ порядкомъ. Въ свое время явилась закуска и водка въ разныхъ графинчикахъ и уже не сходила со столовъ, къ которымъ чаще всѣхъ подходилъ Чубинъ. Точно будто неодолимая сила влекла его къ этимъ столамъ. Впродолженіе вечера онъ то игралъ за кого-нибудь въ карты, то садился, по приказанію Настасьи Алексѣвны, за лото, то подходилъ къ дамамъ и любезничалъ съ ними вмѣсто ихъ неловкихъ кавалеровъ, а чаще всего къ столикамъ.

Но вотъ, однако, оканчиваются партіи; мужчины вошли въ залу; въ буфетѣ слышатся приготовленія къ ужину; танцы кончились и Серафима подходитъ къ фортепяно, смотря съ улыбкою на Чубина. Тотъ не заставилъ себя упрашивать. Фортепяно открыто.

— Вотъ дѣло, такъ дѣло! сказалъ Сергѣй Степановичъ, входя въ эту минуту въ залу. — Спой-ка, братъ, какъ ты тамъ: «Душа ль

моя, красна дѣвица!» а музыканты—то отдохнуть, да и танцорки тоже.

«Ахъ, этотъ Сергѣй Степанычъ, вѣчно все испортитъ своими выходками!» подумала Флена Николаевна и тотчасъ обратилась къ Чубину съ французскою фразою :

— Вы споете намъ что-нибудь, мсьё Чубинъ ?

Чубинъ, на языкѣ котораго уже вертѣлась шутка въ отвѣтъ Сергѣю Степановичу и которой, кажется, ждали многіе, поклонился холодно, но съ изысканною вѣжливостью и запѣлъ романсъ, выбранный Серафимомъ. Голосъ у него былъ сильный и довольно-пріятный, манера же совершенно—цыганская. Первые ноты были нечисты, неясны и вообще пѣвецъ былъ какъ-то не въ духъ; однако мало-по-малу воодушевился, звуки полились чище, полнѣе; тутъ пошли и «Ненаглядный ты мой», и разные соловушки. Публика была въ восхищеніи; а когда, послѣ «Красны дѣвушки мнѣ сулятъ любовь», Чубинъ запѣлъ «Заходили чарочки», самъ хозяинъ и большая часть мужчинъ, не исключая даже и Андрея Гавриловича, хоромъ подхватили припѣвъ, къ величайшему неудовольствію Флены Николаевны, которая не спускала глазъ съ Загарина, какъ-бы желая прочитать въ его невозмутимой физиономіи, до какой степени онъ осуждаетъ эти *тривіальныя* пѣсни, тривіальныя забавы. А онъ? съ неизмѣнною важною, съ легкою полунасмѣшливою улыбкою, вставя въ глазъ стеклышко, онъ стоялъ, прислонясь къ дверямъ кабинета и съ высоты своего величія смотрѣлъ на этотъ веселящійся людъ, изъ котораго въ эту минуту никто не обращалъ на него вниманія. Одинъ письмоводитель, несмотря на магическое обаяніе любимыхъ пѣсенъ, взглянулъ на великолѣпнаго гостя и остановился съ открытымъ ртомъ : припѣвъ разорвался въ его горлѣ, а въ лицѣ отразилось невольно холодное безстрастіе его образца. Между-тѣмъ самый образецъ, Загаринъ, поглядѣлъ кругомъ : подлѣ него, и совершенно не замѣчая чести такого высокаго сосѣдства, стоялъ Андрей Гавриловичъ, совершенно—увлеченный, пожирая глазами пѣвца и улыбаясь наипріятнѣйшимъ образомъ. Загаринъ, полагая, конечно, что съ *этимъ* можно всего легче заговорить, не подвергаясь опасности дальнѣйшаго знакомства, спросилъ сквозь зубы и съ возможною сухостью :

— Кто этотъ господинъ ?

И онъ указалъ на Чубина.

Такое милостивое обращеніе господина со стеклышкомъ въ

глазу не произвело, однако, слишком-большаго эффекта на Андрея Гавриловича. Онъ былъ увлеченъ, слѣдственно не въ припадкѣ трусости.

— Это прекраснѣйшій человекъ, сказалъ онъ, довольно-смѣло взглянувъ на Загарина: — только имѣлъ несчастье: потерялъ все состояніе—около трехсотъ душъ, и теперь рѣшительно ничего не имѣеть.

— А! произнесъ Загаринъ и отвернулся, не замѣтивъ, что ему не сказали даже и имени; да и какое имя у человека, который ничего не имѣеть? Загаринъ тихонько пробрался въ прихожую; Флена Николаевна, однакожь, видѣла его движеніе и тотчасъ побѣжала за нимъ. Ей хотѣлось извинить въ глазахъ его неприличность увлеченія своихъ гостей или, по-крайней-мѣрѣ, показать ему, какъ много она выше ихъ. Но Загаринъ наговорилъ ей столько любезнаго насчетъ ея вечера, что она могла совершенно успокоиться. Однако онъ не остался ужинать. Коляска, четвернею въ рядъ, подъѣхала къ крыльцу и хозяева возвратились одни въ гостиную.

Чубинъ еще пѣлъ, но Сергѣй Степановичъ остановилъ его, сказавъ:

— Ну, добро, братъ, хорошо ты поешь, да соловья баснямъ не кормятъ, и подаль руку старушкѣ Ремезовой. Всѣ тронулись за ними въ гостиную, гдѣ, на маленькихъ столахъ, были поставлены приборы.

VI.

Было уже совѣтъ-свѣтло, когда, по пробуждавшимся улицамъ города со стукомъ покатались отъ подѣзда уѣзднаго судьи дрожки, дроги и прежде всѣхъ допотопная линейка Настасьи Алексѣевны. Воробьи громко чирикали, прыгая по забору, когда Андрей Гавриловичъ возвратился на свое подворье, которое содержалъ его же крестьянинъ изъ Ключовки, и гдѣ была его постоянная квартира въ городѣ. И какъ-то долго не спалось помѣщику. Поздній ли ужинъ или непривычное шампанское, другое ли что, только сонъ не хотѣлъ успокоить усталые члены его и будто только мимолетомъ порхалъ около его постели, смыкалъ на минуту глаза его, и опять, встряхивая крылами, возвращалъ его къ дѣйствительности и снова усыплялъ, навѣвая разные

грёзы. То видѣлъ онъ ключовскій лугъ и рѣчку съ ея свѣтлымъ отливомъ. На другой сторонѣ, на берегу, танцовала дѣвушка въ бѣломъ платьѣ съ розовымъ длиннымъ кушакомъ и бѣлыми атласистыми плечиками. Онъ къ ней, но вдругъ Загаринъ въ желтыхъ перчаткахъ, заставивъ его дорогу и вертится въ вальсѣ съ Фленой Николаевной; то старушка-мать суетится около шкапа, а важный господинъ съ усами у нихъ въ гостяхъ и требуетъ водки. Андрей Гавриловичъ идетъ къ матери, а вмѣсто нея та же дѣвушка въ бѣломъ платьѣ и смѣется и бѣжитъ отъ него. Помѣщикъ всталъ не въ духѣ, закурилъ трубку и, противъ обыкновенія, не пошутилъ даже и съ Матвѣвной, которая принесла къ чаю сливокъ съ жирными, закраснѣвшими пѣнками.

Въ девять часовъ лошади у него были готовы. Утро было сѣренькое; какъ-будто и въ воздухѣ пахло дождемъ, да и на землѣ точно вспрыснуто. Андрей Гавриловичъ вышелъ на крыльцо, посмотрѣлъ на небо: пасмурно. Вспомнилось ему, что сѣно у него подкошено въ Большой-Лукѣ. «Никакъ былъ дождикъ?» спросилъ онъ. Матвѣвна, провожавшая барина, подняла голову вверхъ, Кузька лѣниво осмотрѣлся кругомъ. «Ничего нѣтъ досаднѣе, какъ это равнодушіе другихъ, тогда-какъ на сердцѣ такъ тревожно». — «Эхъ какъ затянулъ гужи!» сказалъ помѣщикъ, осматривая лошадей и сильно хмурясь: «и пристяжки-то не уравниаю. Экой увалень!» Кузька медленно всталъ съ козелъ и началъ что-то развязывать и завязывать, не говоря ни слова. «Садись-ка, да ступай помаленьку, а я пройдуся», сказалъ помѣщикъ, хмурясь еще больше, будто отъ головной боли. Кузька искоса посмотрѣлъ на барина, но на лицѣ его не было ничего такого, что иногда бываетъ послѣ имениннаго вечера. «Да нѣтъ ужъ, пусти: сяду», сказалъ Андрей Гавриловичъ. Матвѣвна подбѣжала помочь барину, говоря: «Вѣстимо, батюшка, оно лучше: протресеть». Поѣхали. Но какъ-то все было неловко помѣщику. И Кузька, какъ сова, сидѣлъ на козлахъ, и правая пристяжная совсѣмъ не везла, а Кузька точно норовитъ ей и хлыщеть безъ пути коренную. Кузька все молчалъ. Наконецъ Андрей Гавриловичъ тоже замолчалъ, но не успокоился. Мысли, одна за другой, осаждали непривычную къ нимъ голову помѣщика. «Эхъ, Анна Сергѣвна, перемудрила ты маленько!» сказалъ наконецъ про-себя Андрей Гавриловичъ, потому-что не любилъ думать молча. «Чтобъ попростѣе! а дѣвушка, нѣчего сказать... такъ нѣтъ! танцы имъ, да корсеты надобны, да крахма-

лы», и онъ поворачивался нетерпѣливо въ гарантасъ, который казался тряске и безпокойнѣ обыкновеннаго, да и Кузька ѣхалъ скверно. — «Ужь я жь ему, мошеннику удружу», ворчалъ Андрей Гавриловичъ: «дай только доѣхать». Но Кузька зналъ, что эти угрозы обыкновенно оставались однѣми угрозами, даже и тогда, когда дѣло было посерьезнѣе.

Между-тѣмъ въ городѣ много толковали о прошедшемъ вечерѣ, разумѣется, и здѣсь, какъ и вездѣ на извѣстную старую, какъ балъ, таму: «ну, балъ! ну, Фамусовъ! нашелъ потѣху!»

Дамы, обманутыя въ ожиданіи своемъ узнать что-нибудь о Гриндинскихъ, развлеклись, однако, скоро слухами, которые пошли по городу, что балъ былъ данъ единственно для Каракина; что онъ сдѣлалъ уже предложеніе и чуть-ли не дали уже и слова. Скоро весь городъ заговорилъ о помолвкѣ, такъ-что въ слѣдующее воскресенье городничиха рѣшилась сказать Сергѣю Степановичу:

— Что, куманѣкъ, можно ли васъ поздравить?

— Съ чѣмъ это, кумушка?

— Не хотите сказать.

— Да право не знаю съ чѣмъ.

— Грѣхъ, куманѣкъ, сказала городничиха, погрозивъ пальцемъ. А Серафима Сергѣевна развѣ не помолвлена за Каракина?

Флену Николаевну въ этихъ слухахъ тревожило только то, что они все еще остаются слухами. А какъ бы желала она видѣть Серафимочку Ключовскую помѣщицею! Съ какою важностью сказала бы Аннѣ Сергѣевнѣ: «Честь имѣю рекомендовать: нареченный зять мой». А у нареченнаго зятя и карета, и коляска—ужь все это онъ купить. Деньги у него есть, только надобно выманить ихъ на бѣлый свѣтъ изъ завѣтнаго ларца.

А время проходитъ! Ключовскій помѣщикъ попрежнему является къ Сергѣю Степановичу, играетъ съ нимъ въ шашки, слушаетъ игру на фортепьяно Серафимы Сергѣевны и говоритъ о посѣвахъ и снокосяхъ съ Фленой Николаевною; но о главномъ, о томъ, что всего болѣе занимаетъ ее — ни слова! Прошло и лѣто; ужь и хлѣбъ сжали, сложили въ копны и свезли на гумна; ужь и озими давно зеленѣютъ, какъ бархатъ, начались и утренники и серебряной пылью ложатся по городскимъ крышамъ. Въ городѣ разнесся слухъ, что въ гридинскомъ каменномъ домѣ оказалась течь, печи не годятся и что тамъ подумываютъ уже высылать обозъ въ городъ, а Флена Николаевна все еще ждет...

Въ одно свѣтлое октябрьское утро, когда солнышко, долго не показываясь изъ-за густыхъ сѣрыхъ тучъ, вздумало наконецъ посмотреть, что дѣлается въ Нечасовскѣ и какъ живетъ ему съ скованными морозомъ улицами, покрытыми инеемъ крышами и рѣчкою, подернутою первымъ саломъ, Анна Сергѣевна, отпустивъ мужа къ должности и распорядясь по хозяйству, въ очень-пріятномъ расположеніи духа ходила по столовой отъ одного окна къ другому, обрывая желтѣющіе листья розмариновъ и напѣвая, немножко фальшивя, ирмосы послѣдняго праздника. Вдругъ стукъ колесъ привлекъ ея вниманіе. Новыя дрожки, очень-порядочныя, на парѣ гнѣдыхъ, въ хорошихъ хомутахъ, вѣхали на дворъ. «Чьи бы это были?» подумала она и вошла въ гостиную. Слышитъ: зашумѣло въ передней; отворилась дверь; въ залъ послышались шаги нѣсколько-невѣрные и въ дверяхъ гостиной явилась кругленькая фигура Андрея Гавриловича. «А, это ты, батюшка, Андрей Гаврилычъ! Милости просимъ». Андрей Гавриловичъ поклонился и улыбнулся. Анна Сергѣевна взглянула на него съ любопытствомъ. Во всей особѣ Андрея Гавриловича было что-то странное, какъ-бы торжественное. Золотая цѣпочка съ печатами была вычищена, волосы напомажены и лежали чрезвычайно-гладко; жилетъ, фракъ... но Боже мой! на немъ былъ новый фракъ съ шелковыми, несвѣтлыми пуговицами, и перчатки, темныя перчатки! Въ лицѣ его, однако, было что-то такое сконфуженное, странное. «Ужъ нѣтъ ли чего?» подумала Анна Сергѣевна? «Не о помолвкѣ ли пріѣхалъ объявить?» Она посадила его на кресло противъ себя. Онъ усѣлся бокомъ, какъ-то неловко и разговоръ начался. Послѣ первыхъ распросовъ о дрожкахъ, гдѣ были куплены, что стоятъ и проч. Анна Сергѣевна, видя, что объявленія никакого нѣтъ и разговоръ останавливается, сказала, говоря нарочно *ты*, а не *вы*, чтобъ болѣе придать смѣлости гостю:

— Да что ты, батюшка, все шляпу держишь, точно съ визитомъ пріѣхалъ? вѣдь-мы кажется не новые знакомые.

Андрей Гавриловичъ поклонился, хотѣлъ-было положить шляпу, но, сказавъ: «ничего-съ», оставилъ ее въ рукахъ.

Анна Сергѣевна продолжала.

— Ну, каковы у васъ озимые? что-то слышно все недоброе.

— Да не очень-съ чтобъ такъ хороши; сухо очень-съ.

— Сухо, батюшка, больно-сухо. Такая осень сухая. Ну, зато молотба хороша.

— Молотба хороша-сь, грѣхъ жаловаться. Только не спорá очень.

— Какъ это, батюшка? кажется чудесное время.

— Да въ народѣ что-то тяжело-сь, больныхъ очень-много. Вотъ вамъ, Анна Сергѣевна, можно сказать, я очень-благодаренъ. Онъ всталъ и поклонился.

— За что жъ это, батюшка?

— Да у меня всѣ къ вамъ. Кто занеможетъ, ушибъ ли какой — все къ вамъ.

— Ахъ, батюшка! я очень-рада, если могу чѣмъ служить. Вѣдь ужъ у нихъ такое обыкновеніе, знаете? боятся лекарей.

— Оно точно-сь: народъ непривычный.

Онъ замолчалъ и все вертѣлъ шляпу и какъ-будто что хотѣлъ сказать, и не могъ.

— Вотъ, бывало, Марья Максимовна, матушка твоя, продолжала Анна Сергѣевна: — прежде сама также все приличивала, они и привыкли. Покойница и мнѣ много травъ, бывало, присылала: душицы, звѣробою; трифоль у васъ славная.

— Въ Мокрой-Лукѣ, точно такъ. Что же-сь? если и теперь вамъ угодно, я за счастье себѣ почту...

Онъ опять всталъ.

— Покорно благодарю, батюшка. Да садись же, какой ты церемонный! А и въ-самомъ-дѣлѣ, вотъ мы когда соберемся къ тебѣ всей семьей, да вотъ, хозяйшки-то у тебя нѣтъ. Анна Сергѣевна взглянула на него, желая вывѣдать что-нибудь насчетъ извѣстныхъ слуховъ.

Андрей Гавриловичъ вздохнулъ тяжело.

— Что жъ дѣлать! сказалъ онъ, потупя глаза.— Богу такъ угодно было. Остался, можно сказать, круглымъ сиротою. Всего довольно...

— Ну, такъ что жъ? вѣдь не вѣкъ тужить. Невѣсть у насъ много — не занимать.

Андрей Гавриловичъ вспыхнулъ и такъ оробѣлъ, что совершенно растерялся, какъ человекъ, рѣшившійся на что-то необъятно-важное, когда, въ минуту исполненія, онъ вдругъ чувствуетъ, что у него не достанетъ силъ. Анна Сергѣевна не замѣчала, или не хотѣла замѣтить ничего и продолжала:

— Женился бы. Что тебѣ одному жить, въ-самомъ-дѣлѣ!

— Да я и то подумываю, сорвалось съ языка Андрея Гавриловича.

— Такъ чего же лучше? Ну, и съ Богомъ!

— Вы изволите знать, Анна Сергѣевна, я человекъ простой, не свѣтскій: не знаю никакой, можно сказать, ловкости.

Помѣщикъ, право, въ эту минуту былъ истинно-жалокъ.

— Э, батюшка! отчего жь это? Всѣ знаютъ, что ты хороший человекъ, ни чѣмъ не замаранъ. Состояніе у тебя хорошее. Да ужь полно нѣтъ ли чего? прибавила она, смотря на него лукаво. Ты не хитришь ли?

Точно туманъ какой одѣлъ при этихъ словахъ Андрея Гавриловича. Онъ забылъ гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается. Показалось ему только очень-обиднымъ, что его подозрѣваютъ въ хитрости.

— Хитрю! Ахъ, Анна Сергѣевна! сказалъ онъ, въ первый разъ смѣло поднявъ на нее глаза:—какъ же я могу хитрить передъ вами! Человекъ я простой, не умѣю и высказать что чувствую. А право, вотъ Господь! три мѣсяца совсѣмъ не свой. Куда ни пойду, что ни дѣлаю—все одно на умѣ. Сплю ли, проснусь ли—повѣрите ли, жизнь можно сказать опротивѣла.

Анна Сергѣевна смотрѣла на него съ изумленіемъ: онъ казался такъ глубоко и истинно-проникнутымъ тѣмъ, что говорилъ.

«Ужь не хочетъ ли онъ просить меня посватать» подумала она, и не желая вмѣшиваться въ такое щекотливое дѣло, сказала:

— Такъ что жь, батюшка! съ Богомъ, и къ дѣлу. Посватайся, и всего лучше самому.

Эти слова привели въ себя Андрея Гавриловича. Онъ вспомнилъ, что пріѣхалъ за важнымъ дѣломъ и что нельзя же дворянину такъ, зря, какъ ни попало взятыся за него. Робость одолевала его, но онъ вдругъ принялъ отчаянное рѣшеніе. Всталъ, принялъ самый важный, какой только могъ, въ подобныхъ критическихъ обстоятельствахъ, видъ, и держа обѣими руками шляпу, потупивъ глаза и мысленно перекрестясь и припоминая за нѣсколько дней уже приготовленную рѣчь, которая до-сихъ-поръ какъ-то не могла все вставиться въ разговоръ, сказалъ:

— Анна Сергѣевна! я почелъ бы себя совершенно-счастливымъ, еслибъ вы меня осчастливили, отдавъ мнѣ руку вашей дочери.

О форма! какъ часто ты спасаешь насъ! Уфъ! слово было сказано: Рубиконъ перейденъ. Помѣщикъ стоялъ какъ осужденный, который не имѣетъ силы и чувствовать даже ужасовъ послѣдней минуты.

Анна Сергѣевна растерялась не менѣе Андрея Гавриловича. Ей и въ голову не входило, что не судейской, а ея дочери сдѣлаетъ предложеніе богатый ключовскій помѣщикъ. Неожиданность, можетъ-быть, радость, самое волненіе жениха, который стоялъ передъ нею, красный какъ макъ, кажется, ожидая, какъ слова жизни или смерти, ея перваго знака—все это привело ее въ необыкновенное смущеніе. Она чувствовала, что ее что-то душишь, что слезы готовы брызнуть изъ глазъ; но, какъ женщина, она, однако, скоро побѣдила это невольное увлеченіе и, возвратясь къ условіямъ обыкновенной жизни, отвѣчала съ приличною случаемъ важною:

— Андрей Гаврилычъ! мы очень-благодарны вамъ за честь, которую вы дѣлаете нашей дочери; я очень рада буду, если могу назвать васъ своимъ зятемъ; но я не могу располагать рукою моею дочери. Мы съ Иваномъ Васильичемъ предоставили это на ея волю. Позвольте намъ переговорить съ нею.

Андрей Гавриловичъ, который, кажется, ожидалъ, что его въ ту же минуту безъ милосердія выгоняють вонъ, приведенный въ восхищеніе словами Анны Сергѣевны, схватилъ ея руку, осыпалъ ея горячими поцалуями и плакалъ какъ ребенокъ. Можетъ-быть, чувства помѣщика, всегда сжатая болѣзненнымъ сознаніемъ своего ничтожества, въ первый разъ въ присутствіи другаго человѣка разорвали свои оковы и изливались свободно. Онъ сталъ будто другимъ человѣкомъ. Даже лицо его одушевилось, исчезла раболѣпная, готовая для всякаго улыбка, и всѣ черты приняли выраженіе благородной прямоты, бывшей основаніемъ его характера.

— Дѣлайте что вамъ угодно, говорилъ Андрей Гавриловичъ:— я отдаю вамъ въ руки мою участь. Будьте мать родная.

— Надобно поговорить съ нею, батюшка, говорила Анна Сергѣевна, сильно-растроганная.

— Да я ужъ и за-то не знаю какъ васъ благодарить, что вы не отняли у меня всей надежды. Говорите, приказывайте, что вамъ угодно.

— Вы, можетъ-быть, желали бы сами поговорить съ нею (при этихъ словахъ Андрея Гавриловича точно покорило), и я съ удовольствіемъ согласилась бы на это, продолжала она:— но прежде нужно поговорить съ Иваномъ Васильевичемъ, да и Лелючка такъ робка, что ее должно предупредить объ этомъ.

У Андрея Гавриловича на душѣ отлегло, особенно, когда Ле-

ночка оказалась такъ неожиданно—робкою. Расцаловавъ ручки Анны Сергѣевны и прося ее, еще разъ, быть матерью родною, онъ уѣхалъ, но въ какомъ положеніи — этого мы не беремъся описать.

Но какъ же это, можетъ-быть, скажутъ мнѣ: Андрей Гавриловичъ, такой робкій, застѣчивый, уже не въ первой молодости, и рѣшился такъ вдругъ, ни разу не говоря съ дѣвушкою, и свататься, да еще самъ, не черезъ сваху? Воля ваша! это уже невѣроятно, это вымыселъ, да еще и неудачный. Но позвольте: припомните, что мысль о женитьбѣ въ послѣднее время очень занимала Андрея Гавриловича; можетъ-быть, старанія и намеки Флены Николаевны еще болѣе укрѣпили его въ этой мысли. Хвала дочь свою, она рисовала передъ нимъ такое существо, которое могло сравниться въ его воображеніи развѣ только съ покойною Парашею; только, къ-несчастью Флены Николаевны, это существо въ воображеніи помѣщика никогда не являлось съ чертами Серафимы Сергѣевны. Можетъ-быть, онъ и самъ еще не различалъ черты этого прекраснаго существа, да, впрочемъ, мало и заботился о нихъ. Помѣщикъ не былъ артистомъ въ созданіи идеаловъ, а просто находилъ, что хорошо, еслибъ попалась такая дѣвушка, какою выдаетъ свою дочку Флена Николаевна. Въ пользу же этой дочки сердце его ничего не говорило. У Ивана Васильевича Каракинъ бывалъ и прежде, на праздникахъ и въ именины, видалъ и Леночку и нравилась она ему, но какъ-то не останавливалъ онъ часто на ней своей мысли. Пока не ударить часъ воли Божіей и сердце не скажется и мимо суженой пройдешь и не замѣтишь ея: этотъ часъ ударилъ для Андрея Гавриловича именно въ день именинъ Сергѣя Степановича, когда онъ увидѣлъ Леночку, въ бѣломъ платьѣ, съ розовымъ полсомъ, разрумянившуюся какъ шиповникъ, въ вальсѣ съ письмоводителемъ исправника. Съ-тѣхъ-поръ помѣщикъ и спалъ и видѣлъ одну Леночку. Не нравилось ему, что она танцевала съ большою, кажется, охотою и такъ весело говорила съ кавалерами; не нравились также и корсетъ, и модное платье, и модное болтанье по-французски, и все это онъ представлялъ самому себѣ со всѣми послѣдствіями такихъ вредоносныхъ привычекъ; но сердце говорило свое: она молода, будетъ замужемъ, пойдутъ дѣти, броситъ и корсетъ, и танцы, и уже видѣлъ Леночку въ домашнемъ капотѣ, на прилавочкѣ въ дѣвичьей, между грудями талекъ пряжи, которыя разбираетъ передъ нею старостиха—и сердце билось, и

казалось, домъ Ключовскій отъ одной мысли этой вдругъ озарялся точно солнцемъ. Конечно, не говорилъ онъ ни разу съ Леночкою; да о чемъ говорить? Всѣ дѣвушки говорятъ одно. Вѣдь не выскажется же, хоть и было бы въ ней что не такъ; а онъ свое дѣло сдѣлалъ: разспрашивалъ, визнавалъ стороною, черезъ людей; разъ Епифановну свою посылалъ, будто лекарства попросить у Анны Сергѣевны, а Епифановна баба неглупая, могла выведать и отъ горничныхъ, и отъ ключницы Анны Сергѣевны, Домны: если было бы что дурное, то ужъ узналось бы. Вотъ такъ о Серафимочкѣ добра что-то мало слышно.

Слѣдственно Андрей Гавриловичъ рѣшился не очертя голову, не на вѣтеръ. Подумалъ, помолился, отслужилъ панихиду по матери и по женѣ.. Но какъ же самъ-то не черезъ сваху, не черезъ знакомыхъ, какъ это обыкновенно дѣлается? Но знакомыхъ такихъ, которымъ можно было бы поручить такое важное дѣло, у Андрея Гавриловича не было, да и вообще короткихъ, кроме Флены Николаевны, не было. А ей, посудите сами, можно ли было просить о такомъ дѣлѣ? Черезъ сваху же... Но сваху послать то же, что сказать тайну всему городу. А видите ли: Андрею Гавриловичу, все-таки старинному дворянину, не хотѣлось бы получить отказъ предъ лицомъ всего города, отъ какого-нибудь, хотя и очень-хорошаго и достойнаго всякаго уваженія, но все-таки секретаря уѣзднаго суда и Богъ-знаетъ еще изъ какихъ! А вѣдь отказать могутъ: горды они очень и Богъ знаетъ куда метать.

И вотъ почему рѣшился Андрей Гавриловичъ ѣхать самъ, тѣмъ болѣе, что, сидя у себя въ Ключовкѣ, не могъ и вообразить до какой степени это будетъ страшно, да и почиталъ себя гораздо-храбрѣе, чѣмъ вышло на самомъ дѣлѣ. «Если и откажутъ» говорилъ Андрей Гавриловичъ для собственнаго ободренія: «такъ хоть не выдадутъ: не таковы люди».

Можете себѣ представить, съ какимъ истерпѣніемъ Анна Сергѣевна ожидала возвращенія Ивана Васильевича. Леночкѣ она ничего не говорила, хотя два раза всходила къ ней наверхъ и необыкновенно-ласково говорила съ нею. Леночка сидѣла за палъцами и шила, заливалась серебрянымъ смѣхомъ, когда дѣти, играя около нея, выкидывали какія-нибудь штуки, или унижала ихъ, когда черезчуръ зарѣзвятся, никакъ не подозрѣвая, что внизу дѣло шло объ ея участи. Анна Сергѣевна, всегда очень-строгая,

на этотъ разъ смотрѣла на нее съ какою-то особенною любовью, какъ-будто бы ей было жаль ея молодого веселья!

Когда Иванъ Васильевичъ возвратился, Анна Сергѣевна рассказала ему о сватовствѣ Каракина. Онъ принялъ это извѣстie безъ удивленія и, какъ казалось, съ удовольствiемъ. Конечно, будь тутъ постороннiй, онъ не выказалъ бы ни малѣйшею чертою этого удовольствiя; наединѣ же съ женою, этою подругою его труженической жизни, для которой не были тайною ни хвастовство его заносчиваго подѣ-часть самолюбія, ни горькія язвы незаслуженнаго оскорбленія—наединѣ съ женою Иванъ Васильевичъ могъ говорить свободно, хотя и справедливо, что ни передъ кѣмъ мы не любимъ столько громоздиться на ходули, какъ передъ тою, которая въ нашемъ возвышенiи видитъ собственное свое. Часа два сидѣли она запершись въ спальнѣ. Давно накрыли на столъ, давно и дѣти сбѣжали съ антресолей и прыгали около стола, заглядывая въ принесенныя блюда, а они все сидятъ и все говорятъ. Леночка — ихъ сокровище, ихъ любимица, первое дитя, данное имъ Богомъ, когда еще они только-что начинали, какъ говорится, оперяться—Леночка будетъ помѣщица, богатая барыня!

— Да, никого не будетъ хуже, говорилъ Иванъ Васильевичъ. — Двѣсти-пятьдесятъ душъ — не плохая штука!

И въ глазахъ его сіяло торжество отцовской гордости.

— Все Богъ! Никто, какъ Богъ, говорила Анна Сергѣевна съ чувствомъ глубокаго сознанія Промысла, пекущагося о нихъ.

— Ну, думала ли ты, Аннинька, продолжалъ Иванъ Васильевичъ, положи руку на плечо жены: — что у дочки твоей будетъ какая-нибудь Ключовка, на примѣръ?

— Нѣтъ, не думала, Иванъ Васильичъ, сказала Анна Сергѣевна, взглянувъ на мужа тѣмъ яснымъ, свѣтлымъ взглядомъ, который, казалось, открывалъ всѣ глубочайшіе изгибы души ея. — Надобно правду сказать, Леночка добрая дѣвочка и очень-недурна: я не думаю, чтобъ меня обманывало чувство матери; но такой партіи я для нея не ожидала.

— Ну, что же скажетъ твоя Флена Николаевна теперь?

— Богъ съ ней, батюшка! Дай Богъ и ей счастье, сказала Анна Сергѣевна, какъ бы боясь нехристіанскимъ чувствомъ прогнѣвить Господа, такъ явно имъ оказавшаго свое божественное милосердіе.

Рѣшились въ этотъ день ничего не говорить Леночкѣ. Завтра Анна Сергѣевна сходить къ обѣднѣ и, возвратясь, приготовить ее къ разговору съ отцомъ.

— Но пойдет ли она? вдруг сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— Э, батюшка! Не-уже-ли она не пойметъ своей пользы?

— Однакожь, замѣтилъ Иванъ Васильевичъ: — вѣдь ему уже давно за тридцать, можетъ-быть, подь-сорокъ.

— Э, далеко еще до сорока! да онъ и не дурень.

— Неловко. Впрочемъ, ты знаешь мое мнѣніе на этотъ счетъ: что бы ни было, я принуждать дочери не стану.

Супруги вышли къ столу не такъ веселы, какъ можно было этого ожидать по началу разговора. Иванъ Васильевичъ былъ необыкновенно-нѣженъ съ Леночкой, но очень-задумчивъ.

VII.

Утро взошло такое же свѣтлое, какъ и наканунѣ; морозъ лежалъ по крышамъ; иней хрустѣлъ подъ ногами пѣшехода.

Леночка веселая, какъ Божья птичка, сбѣжала внизъ, но отца уже не было; мать ушла къ обѣднѣ. «Въ будни? что бѣ это значило?» подумала Леночка, и тутъ же забыла о вопросѣ. На душѣ у нея было такъ же свѣтло, какъ на небѣ. Солнце заливало свѣтомъ всю комнату и цвѣты казались зеленѣе, и канарейки будто радовались ему и пѣли наперерывъ одна передъ другою. Леночка повернулась на одной ногѣ: она была одна въ цѣломъ домѣ. Это было что-то новое. Она рѣшилась сдѣлать праздникъ и для себя и для Кати, меньшей сестры и отмѣнить ученье на цѣлый день; открыла фортепьяно, но только первые аккорды раздались подъ ея пальцами, какъ въ передней что-то застучало; отворилась дверь и въ комнату вошелъ молодой человекъ, прекрасно-одѣтый, высокій и очень-недурной собою.

— Ахъ Поль! вскричала Леночка, вскочивъ, покраснѣла и чрезвычайно-смѣшалась:—Павелъ Ильичъ...

— Зачѣмъ же это сейчасъ и Павелъ Ильичъ? сказалъ молодой человекъ, подходя къ ней съ тѣмъ дружескимъ, откровеннымъ видомъ, съ которымъ мы встрѣчаемъ близкаго намъ по-сердцу человека. — Вы для меня все та же милая Леночка, продолжалъ онъ, цалуя обѣ ея руки: — только при людяхъ вы будете для меня Елена Ивановна.

И онъ, опуствя ея руки, раскланялся передъ нею церемонно. Леночка захохотала.

— Какъ вы перемѣнились, Павелъ Ильичъ!

— Опять?

— Поль... да видите: это какъ-то ужь неловко. Я была такая маленькая...

— Когда вы меня называли мой милый Поль? Ну, а теперь хоть просто, Поль—да? И какъ вы съ-тѣхъ-поръ похорошѣли! Леночка покраснѣла.

— А Лиза и Надежда Ильинична, спросила она:—вы знаете? Я была въ Гридинѣ. Онѣ нисколько не перемѣнились ко мнѣ и все такъ же добры.

— Да отчего жь перемѣнились бы онѣ? Вотъ странность общая всѣмъ вамъ, провинціалочкамъ, сказалъ онъ, отводя ее къ окну, гдѣ они усѣлись рядышкомъ, какъ двое старинныхъ друзей. Онъ продолжалъ:—вы непремѣнно думаете, что въ столицѣ васъ должны забыть, разлюбить...

— Да вѣдь это отъ недовѣрчивости къ себѣ самимъ. Мы такъ много должны терять для васъ при сравненіи.

— За чтó же вы думаете о насъ, будто мы умѣемъ цѣнить одну форму.

— Я этого никакъ не думаю; но мы разстались совсѣмъ дѣтьми, и теперь это почти новое знакомство.

— Ужели и я для васъ новое знакомство? сказалъ онъ такимъ мягкимъ, такимъ задушевнымъ голосомъ, съ такимъ ласковымъ, полнымъ чувства взглядомъ, что все разстояніе, раздѣлявшее ее, Елену Ивановну, и его, Павла Ильича Неслимина, исчезло совершенно въ глазахъ ея. Онъ вдругъ опять сдѣлался Подемъ, который когда-то звалъ ее своею невѣстою, котораго она любила всею дѣтскою любовью и который иногда доводилъ ее до слезъ, забавляясь отвѣтами ребенка до-того, что она наконецъ не знала, чтó отвѣчать. Гридино, его темный садъ, гдѣ она, бывало, бѣгала съ Лизою по цѣлымъ днямъ, кабинетъ Поля, гдѣ онѣ просиживали по цѣлымъ часамъ, перебирая книги съ картинками, играя его саблю.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ! сказала она:—вы всегда будете для меня прежнимъ Подемъ!

И съ совершенно-дѣтскимъ увлеченіемъ начала припоминать прошедшее, смѣяться своимъ серебрянымъ смѣхомъ и болтать беззаботно и весело, какъ весною маленькая синичка-завирушка, которая цѣлый день прыгаетъ не напрыгается, щебечетъ не нащебечется.

Представьте же себѣ удивленіе Анны Сергѣевны, когда, воз-

вратясь отъ обѣдни съ душою, полною молитвы и думы о предстоящемъ разговорѣ съ дочерью, она находить ее въ столовой, одну съ молодымъ мужчиною и въ самомъ оживленномъ разговорѣ. Анна Сергѣевна была женщина очень—строгая во всемъ, что касалось до нравственности и, можетъ—быть, слишкомъ—строгая вездѣ, гдѣ дѣло шло о приличіяхъ. Сама женщина безупречная и довольно—твердая, она, въ—отношеніи воспитанія, держалась еще нѣсколько системы блаженной памяти теремовъ и эманципация женщины, даже и въ томъ тѣсномъ смыслѣ, какъ принимаютъ ее въ большомъ свѣтѣ, была для нея истинною ересью. Войдя въ комнату, она остановилась въ дверяхъ съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, что вся веселость Леночки пропала въ одно мгновеніе. Неслиминъ, котораго нѣсколько лѣтъ отсутствія и штатское платьѣ такъ измѣнили, что Анна Сергѣевна съ перваго взгляда не могла его узнать, поспѣшно всталъ и подошелъ къ ней съ тою простотою, которая отличала всѣ его движенія.

— Вы не узнали меня, Анна Сергѣевна? сказалъ онъ, подавая ей руку.

— Ахъ, Павелъ Ильичъ...

— Маменька поручила мнѣ передать вамъ ея почтеніе. Я пріѣхалъ сюда на одинъ день, приготовить для нея комнаты. Онѣ тамъ переязбли. Въ домѣ вездѣ дуетъ, и я хочу поскорѣе перевести ихъ сюда, пока тамъ устроятъ. Мнѣ хотѣлось видѣть васъ и Ивана Васильича...

— Очень вамъ благодарны, очень—рады васъ видѣть. Милости просимъ.

И она указала на дверь гостиной.

Это былъ совсѣмъ не обыкновенный радушный пріемъ, которымъ она всегда встрѣчала гостя, и, конечно, не такъ встрѣтила бы она Павла Ильича во всякое другое время; но всегда вспыльчивая и очень—впечатлительная, она никакъ не могла опомниться отъ внезапности этой встрѣчи, поразившей ее въ ту минуту, когда она такъ далеко была отъ всего подобнаго. Она даже не взглянула на Леночку, проходя мимо нея, такъ—что бѣдная дѣвушка не знала, что дѣлать, идти ли въ гостиную или убѣжать навверхъ; но Неслиминъ вывелъ ее изъ затрудненія, обратясь къ ней съ какимъ—то вопросомъ, и когда она вошла, будто не замѣчая волненія Анны Сергѣевны, сказалъ добродушно:

— Вы простите меня, Анна Сергѣевна, что я безъ вашего позволенія вошелъ къ Еленѣ Ивановнѣ; это случилось...

— Въ прихожей никого не было, прибавила робко Леночка.

Анна Сергѣевна, которой гнѣвъ нѣсколько уже утихъ, начала шутить надъ неисправностью ихъ провинціальной прислуги и, мало-по-малу успокоиваясь, приняла свой обыкновенный просто-душно-дружескій тонъ. Однако, когда Неслиминъ откланялся, она вышла въ переднюю, разбранила и Мишку и Яшку, длячего не сидятъ въ прихожей; Домну—длячего не смотритъ за ними; хотѣлось ей также побранить и Леночку, зачѣмъ суется на встрѣчу мужчинамъ, прочитавъ притомъ должное нравоученіе; но такое ли было время, чтобъ читать нравоученія! Однако Леночка ожидала ихъ, и потому, когда дѣвушка пришла къ ней наверхъ и позвала къ маменькѣ, у Леночки забилось сердце и нѣхотя пошла она. Какъ же удивилась она, когда, войдя къ матери, не нашла на лицѣ ея ничего похожаго на грозу! Анна Сергѣевна была несовсѣмъ-покойна, но это было не отъ гнѣва.

— Чтó жъ ты не отвѣчаешь мнѣ, мой другъ, сказала Анна Сергѣевна, объяснивъ ей предложеніе Андрея Гавриловича и выгоды, которыя представляла подобная партія.—Отцу твоему этотъ женихъ очень нравится, продолжала она голосомъ, въ которомъ слышалось все желаніе ея счастья милой дочери.—Онъ его знаетъ; и я скажу болѣе: мы почли бы за счастье видѣть тебя за нимъ. Ты знаешь, что мы не богаты, Леночка; отецъ твой трудится день и ночь, а у тебя есть еще сестра и братъ. Андрей Гаврилычъ не спрашиваетъ приданаго. Впрочемъ, мы не принуждаемъ тебя и предоставляемъ тебѣ одной рѣшеніе.

Голосъ Анны Сергѣевны обличалъ душевное волненіе, но Леночка молчала. Анна Сергѣевна начала тревожиться.

— Нравится ли онъ тебѣ, Леночка? спросила она, пристально смотря на дочь.

— Какъ же это можно, маменька! сказала Леночка, едва удерживая слезы.

— Но ты говоришь, какъ дитя, мой другъ. Подумай, какое блестящее состояніе онъ предоставитъ тебѣ: ты будешь первою дамою въ городѣ.

Но Леночка, мало еще знакомая съ требованіями свѣтской жизни, не понимала всей силы этого аргумента.

— Да... я не люблю его, маменька! сказала она.

— Полюбишь, Леночка; онъ добрый, прекрасный человекъ и истинно любить тебя.

Леночка печально опустила голову.

— Еслибъ ты видѣла, съ какимъ истиннымъ чувствомъ онъ говорилъ о тебѣ! Это такой женихъ, Леночка, которому всякій станетъ завидовать; другія сами ищутъ его, ловятъ.

Леночка плакала и не говорила ни слова. Можетъ-быть, въ душѣ ея невольно возникло въ эту минуту сравненіе между этимъ женихомъ, котораго ловятъ и ищутъ, и свѣтскимъ любезнымъ Подемъ, который только-что, за часъ не болѣе, такъ мило, такъ дружески говорилъ съ нею.

— Подумай, Леночка, говорила Анна Сергѣевна все болѣе-и болѣе взволнованная: — отецъ желаетъ этого. Ты наше счастье, наша надежда, наше все...

— А если я не буду счастлива съ нимъ?

— Почему? Не-уже-ли дочь моя набралась какихъ-нибудь романическихъ бредней? или...

— Но онъ такой неловкій, онъ противенъ мнѣ, маменька!

Глаза Анны Сергѣевны вспыхнули.

— Противенъ! честный и благородный человѣкъ противенъ! потому, конечно, что не умѣетъ сладко говорить, не въ модномъ пальто и не дѣлаетъ визитовъ дѣвушкамъ!..

— Маменька! маменька! сказала Леночка, бросаясь въ слезахъ на грудь матери. — Развѣ я вамъ въ тягость? развѣ я лишняя у васъ?

Въ эту минуту вошелъ Иванъ Васильевичъ, обнявъ дочь, и сцена заключилась слезною драмою. Вѣрный своимъ правиламъ, онъ не хотѣлъ принуждать дочь. Онъ успокоилъ ее, увѣрилъ, что никогда не захочетъ неволить сердца ея, но просилъ ее подумать и далъ ей сроку цѣлую недѣлю.

— Подумай хорошенько, Леночка; такой важный шагъ нельзя сдѣлать опрометчиво. Честный и благородный человѣкъ предлагаетъ тебѣ руку и состояніе.

Иванъ Васильевичъ всегда, особенно въ важныхъ случаяхъ, любилъ объясняться высокимъ слогомъ. «Завидное состояніе, а этого нельзя отвергать съ ребяческимъ легкомысліемъ. Ты въ такомъ возрастѣ, и проч., и проч.» все очень-основательно, благородно и трогательно; но бѣдный секретарь уѣзднаго суда не зналъ, что прежде ему надобно было бы поболѣе познакомить свою Леночку съ свѣтомъ, который бы скорѣе приготовилъ понятіе ея къ принятію разумныхъ доводовъ отца.

Леночка выслушала, обняла его, робко посмотрѣла на мать и подумала: «о чемъ тутъ размышлять?»

И однакожь, она размышляла.

Между-тѣмъ въ городѣ ходили удивительные слухи. На другой день, послѣ описанной нами сцены, хорошенькая экспедиторша, ранѣ обыкновеннаго пріѣхала къ исправницѣ, которая, въ ожиданіи Николая Михайловича, уѣхавшаго уже со двора, лежала на диванѣ, каѳъ и всегда, съ маленькимъ томикомъ въ желтой оберткѣ въ рукахъ.

— Софья Яковлевна! сказала экспедиторша, войдя и даже не спросивъ о здоровьѣ дѣтей.—Я привезла вамъ удивительную новость. Знаете ли, что Каракинъ помолвленъ—да на комъ?

— Вотъ новость—то! кто жъ этого не знаетъ! сказала исправница, несмотря на всю любовь къ другу, неохотно-оставлявшая необыкновенно-интересный романъ.

— Вы думаете на Вяхиревой? Вотъ то-то нѣтъ! На Леночкѣ Иржиной. Ожидали вы этого?

— Этого быть не можетъ!

— Какъ не можетъ! Лисицина, знаете, бѣдная, что ходитъ къ Ремезовой? сама слышала это у Иржиныхъ въ домѣ. Каракинъ былъ у нихъ и въ новыхъ дрожкахъ, и дали уже слово.

— Да это вздоръ! какъ же это можно? заговорила на-распѣвъ исправница, что случилось всегда, когда она была чѣмъ-нибудь взволнована. — Что ужъ это за несчастье!

— Какое же несчастье—то? у человѣка триста душъ! Говорятъ, Флена Николавна просто волосы на себѣ рветъ, продолжала хорошенькая экспедиторша, смѣясь отъ души.

— Вотъ сумасшедшая—то! И что за счастье? Триста душъ, а самъ—то просто мужикъ.

— Какіе вы, право, та сѣге! Триста душъ, сколько денегъ, да еще простовать: знаете, какъ она прибрала бы его къ рукамъ.

— Велико счастье! по-мѣму, будь у него миллионъ, я не пошла бы.

— Вы вѣчно съ вашими романами! Будто всѣмъ такъ и носиться съ мужемъ, какъ вы носитесь съ вашимъ Николаемъ Михайлычемъ! А какова Анна Сергѣевна? вотъ такъ ужъ умѣетъ дѣло вести!

— Да это все Иванъ Васильичъ. Гдѣ же ей!

— Ахъ, несчастная Флена Николавна и съ своими французскими фразами!

И экспедиторша помирала со смѣху; обѣ дамы очень развеселились, жалѣя о Фленѣ Николаевнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, точно по электрическому телеграфу,

проведенному во всѣ дома, вѣсть о помолвкѣ Каракина разлилась по всему городу. Одни говорили: «Слава Богу! Какая хорошая партія для бѣдной дѣвушки!»; другіе, и по-большой-части, что этого не можетъ быть; что Каракинъ всегда могъ имѣть невѣсту лучше; что Леночка миленькая дѣвушка, но все же секретарская дочка—не больше; третьи смѣялись надъ всеобщимъ легковѣріемъ, говоря, что Каракинъ и не думаетъ о Леночкѣ, потому-что у него слажено уже съ Выхиревыми. Для Флены Николаевны эта вѣсть была дѣйствительно ударомъ. Она даже слегла въ постель и разбранила Сергѣя Степановича, обвиняя его, что онъ ничего не умѣетъ и не хочетъ уладить. Но когда Сергѣй Степановичъ, махнувъ рукой, ушелъ къ городничему, она одумалась и сказала рѣшительно, что этого не можетъ быть, что это все хитрости Анны Сергѣевны, которая хочетъ этими слухами привлечь вниманіе Андрея Гавриловича на свою дочь, и въ тотъ же вечеръ поѣхала къ старушкѣ Ремезовой, гдѣ нашла довольно-большое общество и такъ хладнокровно и даже шутя говорила о помолвкѣ Каракина, что всѣ остались въ недоумѣніи, что это? и ужъ не подсмѣивается ли надъ всѣми Флена Николаевна, или она никогда и не думала объ этомъ женихѣ? Всѣ эти слухи какъ-то странно дѣйствовали на Леночку. Иногда, вспыхнувъ отъ досады, она говорила: «А вотъ я докажу, что онъ считаетъ себя за счастье жениться на секретарской дочкѣ». Иногда серьезно задумывалась о томъ, что нѣтъ ли тутъ и впрямь счастья, которымъ она легкомысленно пренебрегаетъ. Отецъ былъ съ нею ласковъ и не говорилъ ей ни слова о предметѣ, который, конечно, и его занималъ по-крайней-мѣрѣ столько же, какъ и ее; Анна Сергѣевна тоже ничего не говорила прямо, но все, что могло дѣйствовать на Леночку, передавалось ею такъ, между словомъ, будто безъ намѣренія. Андрей Гавриловичъ не ѣздилъ въ домъ; но раза два въ-теченіе этой недѣли она видѣла его въ окно, когда, въ сумерки, закутавшись въ шинель, онъ пробирался у противоположнаго забора, робко посматривая на окно. «Противный!» говорила Леночка; но выраженіе, съ которымъ она произносила это слово, казалось, слабѣло съ каждымъ разомъ.

Бѣдная Леночка! Ее заставляли размышлять, отдали ей на волю рѣшеніе вопроса, отъ котораго зависѣло счастье и несчастье ея жизни; а знала ли она, что такое эта жизнь, чего могла она и была въ-правѣ отъ нея ожидать? знала ли, что такое счастье? умѣла ли опредѣлить, въ чемъ оно?

Не знаю, много ли знаютъ объ этомъ люди, всю жизнь искавшіе счастья; много ли знаетъ свѣтъ, состарѣвшійся надъ рѣшеніемъ этого вопроса. Серафимочка, однако, знала, что для ея счастья нужно выгодное замужство. Бѣдный Андрей Гавриловичъ тоже зналъ, гдѣ его счастье. Положимъ, что все они ошибались; по-крайней-мѣрѣ они знали чего желать. Леночкины понятія о счастьѣ были такъ сбивчивы, такъ неопредѣленны! Къ этому понятію примѣшивались и любовь, и блескъ свѣта, и безконечность, и балъ—все, только не Андрей Гавриловичъ. Иванъ Васильевичъ, при всей любви своей къ дочери, при воспитаніи ея никакъ не разсчитывалъ на богатую и блестящую партію; жизнь, осужденная на трудъ, лишенія, на смиренную посредственность, какъ жизнь самой Анны Сергѣевны—вотъ чего ожидалъ онъ для своей дочери. Дай Богъ, чтобъ попался женихъ, который умѣлъ бы въ ней оцѣнить хорошую жену, хорошую хозяйку и котораго любила бы Леночка! Заносчивыя мечты о богатствѣ и блестящей партіи, несмотря на развивавшуюся красоту Леночки, не входили въ практическую голову Ивана Васильевича, и потому Леночку приучали къ труду, къ бережливости; говорили, что умѣренность желаній—самая надежная опора душевнаго мира, покорность волѣ Провидѣнія—лучшая сила души. Ее учили безропотно, свободно отказываться отъ лучшихъ желаній, когда они казались противными этой волѣ. Отецъ твердилъ ей, что доброе имя и покойная совѣсть лучше всѣхъ сокровищъ міра; мать представляла бракъ, какъ святое обязательство, принимаемое нами предъ Богомъ пещись о счастіи человѣка, съ которымъ соединяемъ нашу судьбу; говорила, что прійдетъ время, когда насъ спросятъ, что сдѣлали мы съ этимъ счастьемъ. Я не ручаюсь вамъ, были ли всегда эти золотыя правила путеводителями Анны Сергѣевны и Ивана Васильевича. Вы знаете, правила воспитанія, что дорожный столбъ, который указываетъ путь, не трогаясь съ мѣста; но Леночка принимала ихъ со всѣмъ жаромъ и вѣрою молодости. Жизнь, какъ борьба съ нуждою, съ лишеніями, съ нашимъ малодушіемъ и мелочными страстями; обязанности самыя трудныя, самыя тяжелыя — все это казалось ей такъ легкимъ, такъ возможнымъ, потому-что, можетъ-быть, безъ вѣдома папеньки и маменьки, молодая мечта смотрѣла на всю эту жизнь сквозь призму любви; потому-что дѣвушка, выросшая въ уединеніи, въ тиши, вскормленная помыслами поэтовъ и романистовъ, знакомая съ мудрою положительностью свѣта, не могла понять жизни

безъ любви, счастья безъ любви и раздѣлить эти двѣ идеи, для нея нераздѣлимыя. И что же? Въ это прекрасное утро жизни, когда опытъ не охладилъ еще ни одной мечты, не убилъ еще ни одного вѣрованія, ей предлагаютъ бракъ, въ которомъ не спрашивается сердце, который, вмѣсто безконечнаго и невѣдомаго и тѣмъ болѣе обольстительнаго счастья любви, представляетъ ей тихую, обеспеченную жизнь деревенской хозяйки, довольство и, въ придачу, Андрея Гавриловича, *противнаго*, какъ говорила она. Вмѣсто высокихъ понятій о трудѣ, борьбѣ, самопожертвованіяхъ, которыя казались такъ прекрасны, когда озаряла ихъ любовь, отъ нея хотятъ, чтобъ она цѣною сердца купила богатство, въ которомъ еще не научилась видѣть счастья; чтобъ пожертвовала ему дорогими и, какъ казалось ей, законными мечтами — словомъ, отъ нея хотятъ, чтобъ она—какъ тѣ хорошенькое насекомое съ флѣровыми крылышками, которое, когда придетъ пора, добровольно обрываетъ ихъ—оторвала бы свои крылышки, не дождавшись поры, не наигравшись до-сыта въ душистыхъ волнахъ теплаго воздуха лѣтнимъ вечеромъ, и оторвала бы, не справивъ еще ихъ, въ ту самую минуту, когда только-что хотѣла подняться въ воздухъ.

И между-тѣмъ свѣтъ распѣвалъ надъ нею свои пѣсни, то затрогивая самолюбіе и гордость дѣвушки, то нашептывая ей въ уши уроки своей мудрости, съ каждымъ днемъ все болѣе-и-болѣе проникавшіе въ ея сердце и Богъ-знаетъ чѣмъ еще кончилась бы эта борьба, еслибъ въ одно утро Леночка не получила записки отъ Серафимы. Пріятельница была нездорова и просила навѣстить ее. Анна Сергѣевна не нашла никакого препятствія къ исполненію этой дружеской обязанности и потому часовъ въ шесть Леночка отправилась.

Она нашла Серафиму въ ея комнатѣ, нѣсколько-разстроенную. Она чрезвычайно обрадовалась Леночкѣ и скоро между дѣвушками начался тотъ нескончаемый разговоръ, котораго тайна известна имъ однѣмъ. Говорили о любви, объ удовольствіи жить въ Москвѣ, въ большомъ городѣ, читали любимыхъ поэтовъ. Серафима была необыкновенно-нѣжна, необыкновенно-ласкова; казалось, вся душа ея была въ другѣ дѣтства, несравненной, единственной, ея красавицѣ-Леночкѣ: въ припадкѣ нѣжности она всегда восторгалась красотой Леночки. И между-тѣмъ во всѣхъ чертахъ Серафимы, въ каждомъ словѣ ея проглядывало что-то невыразимо-грустное, тяжелое. Иногда она вздыхала и устремляла

зеленые глазки къ потолку, который въ ея воображеніи, конечно, представляя небеса; иногда даже слеза навертывалась на этихъ зеленыхъ глазкахъ.

— Ты отъ меня что-то таишь, Серафима, сказала наконецъ Леночка: — у тебя есть что-то на душѣ?

— Ты замѣчаешь? Много, та сѣге!

И слезы дѣйствительно уже навернулись на зеленые глазки.

— Чтѣ же, развѣ ты не имѣешь ужъ болѣе ко мнѣ довѣренности?

— Къ тебѣ, Леночка? Милая, моя единственная Леночка! можетъ ли это быть?

Тутъ начались увѣренія и поцалуи.

— Такъ скажи же, не-уже-ли же ты думаешь, что мнѣ легко видѣть тебя встревоженною и не знать отчего?

— Я не встревожена, Леночка. Это постоянное горе.

— Да чтѣ же могло съ тобой случиться? развѣ прежде?..

— Э, нѣтъ! то все уже схоронено. Нѣтъ, я испытала только на себѣ, какъ тяжело быть причиною несчастья другихъ. Впрочемъ, тебѣ-то я все могу сказать: мнѣ тяжело скрывать отъ тебя что-нибудь.

Леночкѣ стало очень-совѣстно, у нея также была тайна, и она о-сю-пору не сказала о ней ни слова. Но она рѣшилась поправить это, какъ скоро Серафима кончитъ.

— Слушай же, сказала Серафима, и она рассказала какъ, недѣли двѣ назадъ, недѣли двѣ—замѣтьте, стало-быть, до сватовства своего къ Леночкѣ, Андрей Гавриловичъ пріѣхалъ къ Фленѣ Николаевнѣ и просилъ руки ея дочери. Флена Николаевна была чрезвычайно-довольна, сказала Серафимочкѣ и она, давно уже готовая принести себя въ жертву, согласилась. Флена Николаевна была въ восхищеніи, обнимала, благодарила ее. Право, въ счастіи ея я нашла мою награду, говорила Серафима.—Недоставало только согласія Сергѣя Степановича, который въ это время былъ въ деревнѣ. Андрею Гавриловичу дали надежду. Смѣшно было видѣть радость этого добраго, простаго человѣка. Всѣ были довольны, и вдругъ—кто бы могъ это подумать! Сергѣй Степановичъ, который, несмотря на ворчанье Флены Николаевны, всегда умѣетъ поставить на-своемъ, возвратясь, рѣшительно объявилъ, что этому не бывать и не будетъ, что онъ не отдастъ дочь свою за неуча, мужика; что Каракинъ ей не пара ни по лѣтамъ, ни по образованію, и что она всегда будетъ имѣть жениха лучше его. Ты

можешь себя представить послѣдствія, говорила Серафима; маменька въ отчаяннѣ, въ истерикахъ; Андрей Гавриловичъ убить; страшно было видѣть его горе! и представь, что выдумалъ: въ отчаяннѣ и чтобъ это несчастное сватовство не разнеслось по городу, хотя у насъ всѣ поклялись ему держать это въ глубокой тайнѣ, и я тебя только одной рѣшила говорить, онъ вздумалъ жениться на первой попавшейся, хоть бы это была самая ничтожная дѣвушка.

Леночка вспыхнула, но Серафима этого не замѣтила.

— Можешь теперь вообразить мое положеніе: съ одной стороны раздоръ между отцомъ и матерью — изъ-за меня! съ другой, этотъ простой, конечно, смѣшной, но честный человѣкъ, который съ отчаяннѣ женится на какой-нибудь прачкѣ или дѣвущкѣ ему не по-сердцу...

Леночка поспѣшила представить своему другу, что еслибъ Андрей Гавриловичъ и сдѣлалъ подобную глупость, то все же она никакъ не должна была упрекать себя въ его несчастіи. Приятельницы еще говорили нѣсколько времени. Леночка, однако, не сказала ей своей тайны. Она примѣтно сдѣлалась задумчивою и возвратилась домой съ душою совершенно-разстроеною. Она не любила Андрея Гавриловича, называла его противнымъ, но она не могла ему простить, что онъ осмѣлился выбрать ее какъ подставку. Иногда она была какъ-будто довольна, что имѣеть теперь основательную причину отказать: свататься съ отчаяннѣ, обманывать дѣвущку для того только, чтобъ скрыть неудачу—это скверно, подло. Она теперь имѣла причину ненавидѣть Андрея Гавриловича, и между-тѣмъ сердце ея страдало. Въ первый разъ, можетъ-быть, это кроткое созданіе должно было испытать мученія глубоко-оскорбленнаго самолюбія; въ первый разъ негодование, ненависть, эти враждебныя чувства, до-сихъ-поръ незнакомыя ей, пробудились въ этой чистой и ясной душѣ. Бывали минуты, когда сама Серафимочка казалась ей ненавистною. Подозрѣніе, что все это обманъ, выдумка Серафимы, вдругъ поднималось изъ глубины души и ей становилось страшно. Чернота такъ сильно возмущаетъ молодость, еще непривыкшую къ ея гнуснымъ чертамъ! Но для чего могла бы выдумать эту исторію Серафимочка? Этого не могла понять Леночка и, можетъ-быть, въ первый разъ, повертѣлась она на своей подушкѣ всю ночь, напрасно ожидая сна. Бѣдный ребенокъ! этотъ сонъ леталъ напрасно надъ твоей головкой. Еслибъ только оскорбили твое самолю-

бие : какъ скоро залечиваетъ его раны всеврачующая молодость! Но сдѣлали хуже. Тебя познакомили съ дурною стороною чело-вѣческаго сердца, заставили тебя подозрѣвать черноту, то—есть отняли рай, который болѣе не отворится для тебя.

На другой день, однако, Леночка проснулась свѣжа и ясна, и вдругъ, какъ темная туча покрыло ее воспоминаніе. Это былъ день, когда она должна была дать рѣшительный отвѣтъ. Съ тре-петомъ, блѣдная какъ полотно, она пошла за матерью, когда та позвала ее къ отцу. Отвѣтъ ея былъ рѣшителенъ. Она молча слушала всѣ краснорѣчивыя убѣжденія отца ; старательно избѣ-гала взоровъ матери, въ которыхъ сверкалъ съ трудомъ удержи-ваемый гнѣвъ, и съ твердостью отвѣчала свое неизмѣнное «нѣтъ». Эта робкая, нерѣшительная дѣвочка, которая вчера еще не зна-ла, чего она хочетъ, теперь дѣйствовала съ сознаніемъ. Она не измѣнила тайнѣ Серафимы и твердость ея удивила Ивана Ва-сильевича. Недовольный окончаніемъ дѣла, онъ только очень-сухо сказалъ: «какъ хочешь. Мнѣ жаль, что ты не понимаешь своей пользы». Но Анна Сергѣевна, по уходѣ дочери, разразилась въ энергическихъ жалобахъ. «Не бить же ее, сударыня, не дашь ума, когда сама глупа», сказалъ Иванъ Васильевичъ, довольно-покойно, повидимому, закуривая трубку, между—тѣмъ какъ самое слово: «сударыня», которое употреблялось только въ самыхъ важ-ныхъ случаяхъ, обличало его душевное состояніе. Анна Сер-гѣевна начала доказывать съ большимъ жаромъ и жестами, что нельзя же слушать ребенка, что кому же, какъ не имъ, учить ее. Иванъ Васильевичъ стоялъ на своемъ; но, несмотря на видимую твердость, ему было жаль и Анны Сергѣевны, и дурочки-дочери, и своей несбывшейся мечты. Впрочемъ, сказалъ онъ: «Богъ-знаетъ, еще чтó будетъ. Это упрямство кажется мнѣ неесте-ственнымъ. Тутъ есть что-то странное». И онъ сомнительно по-качалъ головою. «Только прошу васъ покорнѣйше, не разболтайте пріятельницамъ вашимъ» прибавилъ онъ съ живостью, «да скажи-те дочкѣ вашей: я желаю, чтобъ все это осталось между нами».

Но дочкѣ ненужно было это приказаніе. Ея оскорбленное са-молюбіе ручалось за тайну.

Въ тотъ же день Иванъ Васильевичъ говорилъ Андрею Гаври-ловичу, когда тотъ пріѣхалъ къ нему за рѣшительнымъ отвѣ-томъ и стоялъ передъ нимъ ни живъ, ни мертвъ:

— Повѣрьте, Андрей Гавриловичъ, что намъ очень-лестно предложеніе ваше, и что я почелъ бы всегда за счастье назвать

вась своимъ зятемъ. Но посудите, дочь наша почти не знаетъ вась. Я не отказываю вамъ—вы видите сами, прибавилъ онъ поспѣшно, видя что Андрей Гавриловичъ совершенно помертвѣлъ: вы тоже мало знаете ее; бывайте у насъ почаще, познакомьтесь съ нею.

Андрей Гавриловичъ стоялъ неподвижно, потупя голову, какъ осужденный, которому читають приговоръ.

— Да, батюшка, познакомьтесь съ нею; вамъ нетрудно будетъ съискать въ ней... прибавила Анна Сергѣевна.

Онъ молчалъ.

— Это будетъ лучше, заговорилъ опять Иванъ Васильевичъ:— она еще очень-молода; вы тоже молодець еще, прибавилъ онъ, ласково улыбаясь.—Полгода, даже годъ ничего не значать, а въ полгода многое можетъ измѣниться.

— Правда, батюшка, очень-многое, повторила Анна Сергѣевна.—Отложимте на полгода.

Онъ не отвѣчалъ, а только вертѣлъ въ рукахъ шляпу, слѣдя глазами за ея движеніями.

— Согласны ли? спросилъ Иванъ Васильевичъ:—черезъ полгода?

Несчастный Андрей Гавриловичъ поднялъ глаза: они были полны слезъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать и могъ только вымолвить: «Буду ждать-съ».

Иванъ Васильевичъ самъ чуть не прослезился. Онъ крѣпко сжалъ руку Андрея Гавриловича, повторяя еще: «черезъ полгода, подождемте».

Андрей Гавриловичъ покачалъ головою. Будущность въ эту минуту развернулась передъ нимъ такая безотрадная, одиночество такъ страшно заглянуло ему въ глаза!

«Еслибъ хотѣли, не стали бы ждать», подумалъ онъ.

«Эхъ, этотъ Иванъ Васильевичъ!» ворчала Анна Сергѣевна, оставшись одна и перебирая въ своей спальнѣ какіе-то клубки: «свобода, да свобода! Не хочу неволить! Какая тутъ свобода дѣвчонкѣ! Такого жениха пропускаемъ! Счастье само идетъ къ намъ, а мы отъ него!» Анна Сергѣевна отерла слезу, которая давно катилась у нея по щекѣ; поворчала еще на Ивана Васильевича, однако не сдѣлала ни одного упрека дочери. Нѣсколько дней была съ нею очень-холодна: ей трудно было простить ей свои несбывшіяся надежды, такъ неожиданно и такъ прекрасно ей улыб-

нущіяся, однако она молчала, потому ли, что боялась Ивана Васильевича, или собственное сердце напоминало ей кое-что изъ ея молодости, когда еще Иванъ Васильевичъ былъ не такъ суровъ и не такъ обремененъ дѣлами. Есть женщины, которыя лучшія чувствованія свои берегутъ, какъ древніе жрецы тайну святилища, къ которой не долженъ касаться глазъ профановъ.

Предвидѣла ли Серафимочка слѣдствіе своей довѣренности, или нѣтъ, только успѣхъ, конечно, превзошелъ ея ожиданіе, и бѣдный Андрей Гавриловичъ долженъ былъ поплатиться за все, а дорого ли — это знала только его одинокая дума, да, можетъ-быть, могила Параши его, на которую онъ сталъ ходить чаще прежняго.

И. ЖУКОВА.

Р О З Ы.

Вся въ розахъ — на груди, на легкомъ платьѣ бѣломъ,
На черныхъ волосахъ, обвитыхъ жемчугами,
Она поклонилась, назадъ движеньемъ смѣлымъ
Откинувъ голову съ открытыми устами...
Прекрасное лицо горитъ живымъ румянцемъ...
Остановился балъ и музыка молчала,
И — соблазнительнымъ ошеломленный танцемъ,
Съ красавицею я очами повстрѣчался.
И какъ, и отчего — не знаю! мнѣ въ мгновенье
Сорренто голубой заливъ нарисовался,
Пестумскій красный храмъ въ туманномъ отдаленъ,
И вилла, садъ и ширь время гораціанскихъ.
И по заливу вдругъ, на золотой галерѣ,
Плыветь, среди толпы невольницъ африканскихъ,
Вся въ розахъ — Лидія, подобная Цитерѣ...
И что же? увлеченъ блистательной мечтою
Почти съ признаніемъ очнулся я отъ грѣзы
У ногъ красавицы... Ахъ, вы всему виною,
О розы Пестума, классическія розы!..

А. МАЙКОВЪ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

I.

ВЕСНОЮ.

Сверкая, проносятся волны рѣки...
Такъ любится сердцу весною!..
Пася свое стадо, сплетаетъ вѣнки
Румяная дѣва, одна надъ рѣкою.

И солнце и зелень, и жжетъ и томить...
Такъ любится сердцу весною!..
«Кому-то вѣнокъ?» кто-то вслухъ ей твердить,
И мнится мечта за мечтою.

Вотъ слышится топотъ, вотъ всадникъ летитъ,
И перьями вѣетъ и блещетъ онъ сталью...
Робѣетъ малютка и ждетъ и молчить,
Но мигъ — и онъ скрылся за синею далью.

И плачетъ, и мечетъ въ златыя струи
Бѣдняжка вѣнки съ уязвленной душою...
А гдѣ-то поетъ соловей о любви...
Такъ любится сердцу весною!...

II.

Онъ ужь снился мнѣ когда-то,
 Этотъ самый сонъ любви...
 Воздухъ, полный аромата...
 Печалун... соловьи...

Такъ же мѣсяцъ всплылъ двурогій,
 И бѣлѣть водопадъ...
 Такъ же мраморные боги
 Сторожать у входа садъ...

Ахъ! я знаю, какъ жестоко
 Измѣняютъ эти сны,
 Какъ заносить снѣгъ глубоко
 Поле полное весны;

Какъ мы сами сонъ свой губимъ,
 Забываемъ и кланемъ —
 Мы, которые такъ любимъ
 И блаженствомъ жизнь зовемъ...

III.

ЧАЙЛДЪ ГАРОЛЬДЪ.

Чолнъ плыветъ, одѣтый въ трауръ,
 И, подобные тѣнямъ,
 Похоронныя фигуры
 Въ этомъ чолнѣ по бортамъ.

Передъ ними трупъ поэта,
 Съ непокрытой головой...
 Все онъ въ небо голубое
 Смотритъ мертвый, какъ живой.

Даль звенитъ... кого-то кличетъ
 Точно нимфа изъ-за волны;
 Точно всхлипываютъ волны,
 Лобызая кидаясь чолнъ.

А. МАЙКОВЪ.

ГОРАЦІЙ И ЕГО ВРЕМЯ.

Статья третья.

VI.

Cur me querelis exanimas tuis ?
Nec dis amicum est, nec mihi, te prius
Obire, Mæcenas, mearum
Grande decus columenque rerum.
НОРАТ.

Мы оставили нашего поэта въ ту многозначительную минуту его жизни, когда онъ, благодаря новымъ своимъ друзьямъ, *Виргилію* и *Варію*, былъ представленъ *Меценату* въ качествѣ молодого писателя, подававшего о себѣ блестящія надежды. Вотъ какъ рассказываетъ самъ *Гораций* о первомъ своемъ знакомствѣ съ римскимъ вельможею ⁽¹⁾: «Меня не могутъ назвать счастливымъ за то, что стеченіемъ обстоятельствъ я сдѣлался твоимъ другомъ, *Меценатъ*: не простой случай свелъ меня съ тобою, а сказали тебѣ когда-то, что я за человѣкъ—сначала добрейшій *Виргилій*, а потомъ *Варій*. Когда я къ тебѣ явился и проговорилъ, заикаясь, нѣсколько словъ—невъразимая застѣнчивость помѣшала мнѣ объяснитья подробнѣе—то не выдалъ себя за сына какого-нибудь знатнаго отца или за человѣка, который объѣзжаетъ на сатурейскомъ конѣ ⁽²⁾ свои поля, а рассказалъ тебѣ (правдиво и безъ прикрасъ), кто я такой. Ты отвѣтилъ мнѣ, по-своему обычаю, въ не-

(1) Уже въ известной намъ отчасти шестой сатирѣ, I-й кн., стр. 52.

(2) То-есть, я не рассказываю *Меценату*, что у меня, гдѣ-нибудь около *Сатурей*, богатая и обширная помѣстья. *Сервій*, въ одномъ изъ примѣчаній своихъ къ георгикамъ *Виргилія*, говоритъ о городкѣ *Satureium*, лежавшемъ въ окрестностяхъ *Тарента*. Эти окрестности считались самою живописною мѣстностью въ древней *Италіи* и потому наполнены были роскошными помѣстьями и виллами римскихъ богачей.

многихъ словахъ; я ушелъ, а спустя девять мѣсяцевъ ты споза пригласилъ меня и велѣлъ мнѣ быть въ числѣ твоихъ друзей. Я очень дорожу тѣмъ, что понравился тебѣ (а ты хорошо умѣешь отлпчать дурнаго человѣка отъ благороднаго) не знатностью моего отца, а самою жизнью и чистотою сердца.»

Приведенныя слова римскаго поэта уже не разъ вызывали вопросъ: отчего между первымъ и вторымъ свиданіемъ Горация съ Меценатомъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ? Былъ ли причиною тому Мальтинъ, полъ именемъ котораго, какъ мы ужъ замѣтили, квесторскому писъмоводителю вѣдумалось посмѣяться надъ римскимъ вельможею, въ одной изъ начальныхъ своихъ сатиръ? или Меценату, какъ человѣку очень-осторожному, хотѣлось навести сначала справки о личности своего новаго кліента? Разумѣется, что на всѣ подобныя вопросы, за отсутствіемъ древнихъ свидѣтельствъ, можно отвѣчать въ наше время только гадательно. Можетъ-быть даже, что на первый разъ Гораций не понравился Меценату и произвелъ на него несовсѣмъ-пріятное впечатлѣніе своею излишнею застѣнчивостію. Вѣроятнѣе, впрочемъ, другой отвѣтъ, который даетъ намъ сама исторія: 716-й годъ, въ который поэтъ познакомился съ Меценатомъ, былъ однимъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ для дѣла Октавіана. Секстъ Помпей владѣлъ въ это время Сициліею, которую еще Цицеронъ справедливо называлъ житницей Италіи; подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ Риму былъ прерванъ и столицѣ Италіи грозилъ голодъ. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ Меценату было, безъ-сомнѣнія, не до литературы, тѣмъ болѣе, что дѣятельный Агриппа не создалъ еще въ это время флота, который впоследствии оказалъ Октавіану такія услуги.

Какъ бы то ни было, но только положительно извѣстно, что послѣ этого вторичнаго свиданія началась дружба между Меценатомъ и Горациемъ и не прекращалась ни на минуту до конца ихъ жизни. Въ Римѣ подобная дружба между вельможею и человѣкомъ въ томъ положеніи, въ которомъ находился Гораций, называлась кліентствомъ.

Горацию ужъ не разъ вѣняли въ преступленіе его кліентство въ домѣ Мецената. Съ точки зрѣнія нашего времени такое обвиненіе справедливо; несправедливо только современное воззрѣніе прилагать къ классической древности и тѣмъ менѣе справедливо дѣлать его точкою отправления при обсужденіи характера отдѣльныхъ личностей, принадлежащихъ этой эпохѣ, требуя отъ нихъ, чтобъ они смотрѣли на вещи и мыслили такъ, какъ мыслить и смотреть на вещи человѣкъ нашего вѣка. Такое явленіе, какъ римское кліентство, не возбудитъ къ себѣ нашего сочувствія; но, произнося судъ надъ вѣкомъ, мы не можемъ раз-

умно порицать отдѣльныхъ людей за то, что они жили подъ его влѣяніемъ. Это значило бы требовать отъ всякаго человѣка, чтобы онъ возвышался надъ своимъ вѣкомъ; но этого можно только желать (п то тому, кому нравятся несбыточные желанія), а не требовать.

Слово кліентъ ⁽³⁾, конечно, неприятно звучитъ въ наше время: мы уже перешли ту степень общественнаго развитія, которая выражается этимъ словомъ, и подобное отношеніе, по-справедливости кажется теперь унизительнымъ для человѣка, надѣннаго хотя малою долею самоуваженія. Не такъ было въ древнемъ Римѣ. Обычай кліентства коренился тамъ въ нравахъ народа и имѣлъ столь твердую историческую основу, что освободить себя отъ этого отношенія для молодого въ-особенности человѣка, было невозможно. Почти все римское народонаселеніе состояло изъ кліентовъ, которые съ ранняго утра обходили своихъ патроновъ, дежурили у нихъ въ приемныхъ залахъ, сопровождали ихъ на форумъ и за всѣ свои труды получали такъ-называвшуюся *спортулу* ⁽⁴⁾.

Начало кліентства относится ко времени доисторическому. Это отношеніе образовалось не въ Римѣ, а было древнѣйшимъ учрежденіемъ многихъ итальянскихъ племенъ и, между прочимъ, тѣхъ, которыя вошли въ составъ народа римскаго при самомъ началѣ его исторіи (то-есть сабинянъ и этрусковъ). Между всѣми мнѣніями о происхожденіи кліентовъ самое вѣроятное то, что они образовались изъ покоренныхъ народовъ древнѣйшей Италіи. Предки кліентовъ принадлежали къ первобытнымъ обитателямъ этой страны, которые были покорены побѣдоносными племенами и продолжали подлѣ нихъ свое существованіе подъ особаго рода покровительствомъ, исходящемъ изъ той охраны, которую даетъ человѣку сама религія. Религіозная основа кліентства облагородила это учрежденіе и не допустила его развиться въ рабство ⁽⁵⁾. Вотъ почему

⁽³⁾ Слово *cliens* происходитъ отъ древней латинской формы *clivus* (*clivus*, то же, что *clivus*) и въ этимологическомъ своемъ составѣ совершенно соответствуетъ нашему слову *послушникъ*.

⁽⁴⁾ Сначала римскіе кліенты обѣдали обыкновенно за столомъ своихъ патроновъ, но съ развитіемъ кліентства этотъ обычай, разумѣется, долженъ былъ исчезнуть и, вмѣсто обѣда, кліенты начали получать *спортулу*. Слово *sportula* (то же, что *sportella*, уменьшительное отъ *sporta*) означаетъ собственно корзиночку, въ которой патроны ежедневно отпускали каждому изъ своихъ кліентовъ различныя, безъ-сомнѣнія, холодныя кушанья, а иногда эти кушанья замѣнялись небольшою суммою денегъ.

⁽⁵⁾ Вначалѣ кліентство считалось въ Римѣ выше даже родственныхъ отношеній. Обѣдать своего кліента считалось для патрона большимъ пре-

римскіе кліенты существенно отличаются отъ эссалийскихъ пенестовъ, аттическихъ тетовъ, критскихъ кларотовъ, спартанскихъ илотовъ и другихъ подобныхъ рабствующихъ сословій древняго міра, которыя также образовались изъ народовъ покоренныхъ, жившихъ рядомъ съ побѣдителями въ—отношеніи строгой подчиненности. Клиентство было въ Римѣ отношеніемъ наследственнымъ. Клиентъ носилъ родовое имя своего патрона и вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ принадлежалъ его семейству и роду. Клиенты при самомъ началѣ утратили свою поземельную собственность и сдѣлались наследственными арендаторами патриціевъ, то—естъ патрицій, во владѣніи которыхъ находился *ager publicus*, предоставляли имъ свои поля не въ собственность, а для воздѣлыванія на извѣстныхъ условіяхъ. Кроме этого воздѣлыванія земли своихъ патроновъ, клиенты преимущественно занимались въ Римѣ ремеслами и торговлею. Ряды ихъ постоянно пополнялись отпущенниками и обѣдѣвшими плебеями.

Съ теченіемъ времени клиентство охватило собою всѣ классы римскаго народа и мало—по—малу окончательно утратило свой религіозный характеръ. Каждый молодой человѣкъ, желавшій упрочить себѣ положеніе въ римскомъ обществѣ и подвинуться впередъ на военномъ или гражданскомъ поприщѣ, избиралъ для себя руководителемъ и наставникомъ одного изъ знаменитыхъ государственныхъ людей, съ которыми потомъ уже не разлучался во всю свою жизнь. Молодой человѣкъ сопровождалъ своего патрона на форумъ, въ курію, въ деревню, въ провинцію, въ походъ и постоянно былъ его секретаремъ, довѣреннымъ лицомъ, помощникомъ и собесѣдникомъ.

Въ такомъ отношеніи къ своимъ современникамъ были и римскіе литераторы, особенно тѣ изъ нихъ, которыхъ судьба надѣлила умственными благами щедрѣе, чѣмъ вещественными; напримѣръ, Эній и Луцилій—къ фамиліи Сципіоновъ, Лукрецій—Меммиевъ, Виргилій—къ Азнію Полліону, Тибулъ—къ Валерію Мессалъ Корвину, Проперцій—къ Волкацію Туллу и т. д. Конечно, во взаимныхъ отношеніяхъ означенныхъ благородныхъ представителей римскаго общества является наибъ свѣтлая сторона патроната и клиентства. Отъ этихъ писателей, разумеется, далеко до той голодной или жадной толпы кліентовъ, которая съ раняго утра осаждала переднія римскихъ богачей, и которую такъ живо рисуетъ Ювеналъ въ первой своей сатирѣ. Въ періодъ имперіи, если вѣрять Ювеналу, даже богатые и знатные люди имѣли обычай

ступеніемъ, или, вѣрнѣе, грѣхомъ. Потому и Виргилій (Aen. VI, 608), при описаніи тартара, говоритъ, что въ самомъ ужасномъ его мѣстѣ, между прочими грѣшниками, мучатся также души вѣроломныхъ патроновъ.

каждое утро обходить своих патроновъ, собирая вездѣ, не безъ шума и брани, обычную дань. Представивъ забавную сцену раздачи спортуль, римскій сатирикъ продолжаетъ такъ ⁽⁶⁾: «когда, по окончаніи года, даже почетныя должностныя лица (*summus honos*) сводятъ счета, сколько барыша принесла имъ спортула и на сколько увеличила ихъ доходы, то что же остается дѣлать (обыкновеннымъ) кліентамъ, у которыхъ отсюда и тога, и обувь, и хлѣбъ, и дрова? Густой рядъ лектикъ тянется за полученіемъ ста квадрантовъ ⁽⁷⁾, и вслѣдъ за мужемъ обводится (по всѣмъ патронамъ) его усталая или беременная жена. Иной требуетъ спортулу для жены, которой тутъ нѣтъ, и хитритъ ужъ всѣмъ извѣстною продѣлкою, указывая, вмѣсто нея, на пустую и запертую лектику. «Здѣсь моя Галла (говоритъ онъ раздавателю спортуль). Отпусти поскорѣе. Что жъ ты медлишь? «Галла, высунь голову». — «Не беспокою ея, она спитъ».

Теперь намъ слѣдуетъ рассмотретьъ, какой смыслъ имѣло слово клиентство въ отношеніяхъ Горация къ Меценату. Намъ хочется знать степень искренности этихъ отношеній. Что могло привязать нашего поэта къ этому человѣку? Для того, чтобъ дать, по-возможности, удовлетворительный отвѣтъ на предложенный вопросъ, мы должны обратить вниманіе на личность Мецената и обрисовать, хотя въ общихъ чертахъ, досихъ-поръ еще неполнѣ-уясненный характеръ знаменитаго гораціева патрона.

VII.

*Omnia cum posses tanto tam carus amico,
Te sensit nemo velle nocere tamen.*

РЕДО АЛВИНОВАН.

Онъ жилъ для всенародной льготы
И покровительства наукъ.

Слова Державина о Шуваловѣ.

Меценатъ—въ этомъ, конечно, всѣ согласны—принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ людей занимающаго насъ періода римской исторіи. Особенное историческое значеніе придаетъ ему то обстоятельство, что онъ игралъ главную роль при переходѣ Римской Республики въ мо-

⁽⁶⁾ I-я сат. Юв., стр. 117 — 127.

⁽⁷⁾ Квадрантъ — четвертая часть асса. Сто квадрантовъ, то-есть, двадцать-пять ассовъ, составляли обыкновенную денежную спортулу кліентовъ.

нарію. Послѣ битвы при Акціумѣ, когда Октавіанъ съ большимъ триумфомъ возвратился въ Италію, Меценатъ, по словамъ Діона Кассія (LII кн.), убѣдилъ его въ необходимости для Рима политической реформы, между тѣмъ, какъ Агриппа наставлялъ на томъ, чтобъ сохранить неприкосновенными его вѣковыя республиканскія учрежденія.

Замѣчательная личность Мецената давно уже вызвала въ новой литературѣ цѣлый рядъ біографій и специальныхъ изслѣдованій, имѣвшихъ цѣлью уяснить его характеръ; но, несмотря на то, политическое и нравственное значеніе этого человѣка до-сихъ-поръ остается загадкою или, по-крайней-мѣрѣ, вопросомъ, далеко еще нерѣшеннымъ окончательно.

Между біографіями Мецената первое мѣсто, не только по времени, но отчасти и по достоинству, принадлежитъ сочиненію Мейбома ⁽⁸⁾, который проникнутъ безграничнымъ уваженіемъ и удивленіемъ къ своему герою. Такое высокое мнѣніе о личности Мецената и безусловный восторгъ къ его доблестямъ господствовали въ наукѣ почти до нашего времени. Находясь подъ вліяніемъ книги Мейбома, всѣ послѣдующіе біографы Мецената единодушно провозгласили его совершеннѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ, образцомъ политической мудрости, покровителемъ науки и искусствъ и щедрымъ патрономъ даровитыхъ писателей «*Musaegum euergetes optimus maximus*». Имя Мецената со времени Мейбома сдѣлалось въ Европѣ нарицательнымъ для всѣхъ магнатовъ, которые упрочили себѣ память въ исторіи благороднымъ и дѣятельнымъ своимъ сочувствіемъ успѣхамъ литературы и образованности.

Виландъ первый значительно поколебалъ этотъ безусловный восторгъ къ личности августова друга. Въ небольшой, но очень-изящно и живо-написанной статьѣ, подъ заглавіемъ: «О характерѣ Мецената», нѣмецкій писатель доказываетъ, что знаменитому патрону Горация не доставало многихъ условій и качествъ, которыя образуютъ великаго человека ⁽⁹⁾. Виландъ приводитъ въ своей статьѣ различныя древнія свидѣтельства о характерѣ Мецената, въ которыхъ онъ далеко не является человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненнымъ. Сводя Мецената съ того пьедестала, на который возвелъ его Мейбомъ, открывая въ ха-

⁽⁸⁾ Meibomii liber singularis de C. Cilnii Mæcenatis vita, moribus et rebus gestis. Lugd. Bat. 1653. Это сочиненіе составляетъ въ наше время бібліографическую рѣдкость. Экземпляръ его находится въ Императорской Публичной Библ.

⁽⁹⁾ Трактатъ Виланда «Ueber den Charakter des Mæcenas», составляетъ введеніе его къ первому посланію Горация 1-й книги. См. въ первой нашей статьѣ о Горации примѣч. 3.

ракетъ роскошнаго римскаго вельможи много недостатковъ, Виландъ тѣмъ неменѣе признаетъ его отличнымъ политикомъ и главнымъ виновникомъ римской политической реформы, которая, разумѣется, требовала не мало ума и энергій. Меценатъ (говоритъ Виландъ) доставилъ боязливому, слабому и перѣшительному Августу спокойное обладаніе властью.

Послѣ статьи Виланда, двѣ монографіи о Меценатѣ въ-особенности должны обратить на себя вниманіе ученаго: это сочиненія Альберта Ліона и Франдзена.

Ліонъ ⁽¹⁰⁾ съ большимъ стараніемъ собралъ въ своемъ трудѣ всѣ древнія свидѣтельства о Меценатѣ, но эти цитаты заняли значительную часть его книжки (заключающей въ себѣ не болѣе пятидесяти страницъ) и оставили автору мало мѣста для развитія собственнаго своего взгляда на личность гораціева друга. Впрочемъ, при сужденіи о Меценатѣ, онъ руководится мнѣніемъ Виланда. Ліонъ охотно признаетъ въ Меценатѣ покровителя Virgilia, Горация, Propertia, Варія и нѣкоторыхъ другихъ замѣчательныхъ писателей августова вѣка, потому-что, при неопровержимыхъ свидѣтельствахъ древности, не признавать этого невозможно, но въ то же время это покровительство означеннымъ писателямъ авторъ объясняетъ не безкорыстною любовью Мецената къ искусству, а чисто-эгоистическими его побужденіями. «Кромѣ того, какъ человекъ тщеславный (говоритъ авторъ), Меценатъ былъ увѣренъ, и не безъ основанія, что эти писатели сохранять имя его отъ забвенія. Наконецъ (прибавляетъ Ліонъ), этотъ человекъ вообще любилъ общество пріятное и веселое, и потому покровительствовалъ не только литературнымъ знаменитостямъ, но такъже различнымъ скоморохамъ и паразитамъ».

Еще дальше, въ уменьшеніи доброй славы Мецената идетъ Франдзень ⁽¹¹⁾. Нравственный портретъ августова друга, нарисованный Виландомъ и Ліономъ, все еще кажется Франдзену слишкомъ-идеальнымъ

⁽¹⁰⁾ *Mæcenatiana sive de C. Cilnii Mæcenatis vita et moribus. Scripsit atque operum fragmenta quae supersunt collegit Albert. Lion. Gotting. 1824.* Здѣсь особенно замѣчательна IV-я глава «*de Mæcenatis scriptis, additis eorum fragmentis*», занимающая почти половину этого сочиненія. Авторъ очень тщательно, и полнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, собралъ въ этой главѣ всѣ болѣе или менѣе значительные отрывки изъ сочиненій Мецената, разстѣянные у Харизія, Доната, Плутія, Присціана, Квинтилиана, Сенеки, Сервія, Светонія и у другихъ древнихъ писателей, въ-особенности у грамматиковъ.

⁽¹¹⁾ *C. Cilnius Mæcenas. Eine historische Untersuchung über dessen Leben und Wirken. Von D. P. S. Frandsen. Altona, 1843.*

и прикрашеннымъ. Въ этотъ портретъ (говорить онъ) не внесены многія значительно-искажающія его черты, подмѣченныя древними писателями. Правда (продолжаетъ авторъ), что три лучшіе поэта августова вѣка (Виргилій, Гораций и Проперцій) являются намъ восторженными панегиристами Мецената, но не должно забывать, что они были осыпаны его милостями. Замѣчательно, однако, что два знаменитые писателя этого времени, Тибуллъ и Овидій, вовсе о немъ не упоминають. Молчаніе о Меценатѣ этихъ современныхъ ему поэтовъ вскорѣ затѣмъ смѣнилось даже неблагоприятными отзывами о личности августова любима, принадлежащими писателямъ непосредственно-слѣдовавшаго за нимъ поколѣнія.

Всѣ эти противоположныя сужденія о Меценатѣ основаны, какъ водится, на свидѣтельствахъ самой древности, которыя въ настоящемъ случаѣ вообще недостаточны, отрывочны и разнорѣчивы. Изъ этого видно, какъ необходима строгая критика этихъ свидѣтельствъ. На основаніи ихъ можно выставить Мецената въ какомъ угодно свѣтѣ. Подобное злоупотребленіе цитатъ—дѣло очень обыкновенное между учеными; и до-сихъ-поръ еще рѣдкій изъ нихъ старается доискаться внутренняго побужденія, которое руководило отзывомъ древняго писателя о той или другой исторической личности. Древняя цитата до-сихъ-поръ еще составляетъ для многихъ нѣчто непогрѣшимое и недопускающее никакаго сомнѣнія.

Ни одинъ древній авторъ не оставилъ намъ полнаго и сколько-нибудь связнаго изображенія личности гораціева патрона. Политическая дѣятельность Мецената и тѣ несомнѣнныя услуги, которыя онъ оказалъ Риму своимъ огромнымъ влияніемъ на Августа, остаются въ тѣни у древнихъ писателей, которые вообще мимоходомъ говорятъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. За-то о частной жизни его нѣтъ недостатка въ отрывочныхъ древнихъ свидѣтельствахъ.

Въ-особенности всею силою своего краснорѣчія вооружается противъ Мецената Сенека, писатель, который менѣе всякаго другаго имѣлъ право произносить строгій судъ надъ этимъ человѣкомъ. Сенека (справедливо замѣчаетъ Веберъ), подобно Меценату, также былъ руководителемъ одного изъ римскихъ кесарей, который былъ отданъ его надзору въ дѣтствѣ, между-тѣмъ, какъ Октавіанъ находился въ зрѣломъ возрастѣ въ то время, когда началось на него влияніе Мецената. Результаты этого воспитанія извѣстны. Какъ бы мы неблагоприятно ни смотрѣли на Октавіана, никто, разумѣется, не поставитъ его на одну доску съ Нерономъ. Обращаясь отъ этихъ царственныхъ питомцевъ къ ихъ воспитателямъ, мы и здѣсь открываемъ огромную разницу, которая, нужно

признаться, не въ пользу Сенеки. Нельзя сказать, чтоб обвинительная рѣчь Публия Суллія противъ Сенеки, которую Тацитъ сохранилъ въ своей лѣтописи ⁽¹²⁾, вся состояла изъ недоказанныхъ фразъ и простой клеветы на римскаго стоика. Причины его ссылки, въ царствованіе Клавдія, на островъ Корсику, по приговору Сената, достаточно показываютъ, что въ жизни онъ не всегда былъ такимъ же возвышеннымъ моралистомъ, какимъ является намъ въ своихъ сочиненіяхъ ⁽¹³⁾. При Неронѣ Сенека снова возвысился, благодаря покровительству Агриппины, которая ввѣрила ему воспитаніе своего сына; изъ него впоследствии вышелъ Неронъ. Не вдаваясь въ подробное исчисленіе слабыхъ сторонъ въ характерѣ Сенеки, мы только повторимъ вопросъ Суллія: «какимъ любомудріемъ, какими философскими принципами этотъ стоикъ въ продолженіе четырехлѣтней своей дружбы съ кесаремъ добылъ себѣ триста милліоновъ сестерцій?» Безусловное уваженіе къ Сенецкѣ, какъ идеалу добродѣтели, распространялъ въ—особенности Липсій (въ своемъ изданіи лѣтописи Тацита), который рѣшительно отвергаетъ вѣроятность всѣхъ обвиненій противъ этого философа. Высокое мнѣніе о немъ Липсія досихъ—поръ еще находятъ отголосокъ въ ученой литературѣ. Искусственный паосъ и неистощимая декламация Сенеки нашли особенно много сочувствія у французовъ ⁽¹⁴⁾. Его по справедливости можно считать родоначальникомъ той фразы, которою такъ богата литература этого народа.

Напрасно, впрочемъ, считаютъ Сенеку ожесточеннымъ врагомъ Мелцената. Въ—отношеніи къ нему этотъ Сократъ неронова двора (какъ называлъ недавно римскаго стоика одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ) нисколько не нарушилъ исторической правды. Всѣ нападки Сенеки на Мелцената ограничиваются почти исключительно изображеніемъ его чело—вѣкомъ роскошнымъ и изнѣженнымъ. Таковъ былъ дѣйствительно Мелценатъ и такимъ онъ является даже у панегириста своего, Педона Ал—

⁽¹²⁾ Tacit. Annal. XIII, 42.

⁽¹³⁾ Впрочемъ, и въ сочиненіяхъ Сенеки можно указать на такія мѣста, которыя находятся въ рѣзкомъ противорѣчій съ обычнымъ тономъ его рѣчи. Укажемъ въ—особенности на трактатъ его «de consolatione ad Polybium». Онъ написанъ Сенекою во время ссылки и имѣетъ цѣлью утѣшить Полибія, всемогущаго отнущенника Клавдія, въ потерю брата... Лесть, расточаемая здѣсь Сенекою Клавдію, очень—непріятно дѣйствуетъ на читателя.

⁽¹⁴⁾ Здѣсь можно указать на сочиненіе Дидерота, изданное въ Парижѣ, въ 1779 г., подъ заглавіемъ: Essai sur la vie et les écrits de Senèque.

бинована ⁽¹⁵⁾. Мы не ставемъ распространяться о томъ, имѣлъ ли право Сенека ставить Меценату въ упрекъ его роскошь; скажемъ только, что сибаритство Мецената было еще у всѣхъ въ Римѣ, во время Сенеки, на свѣжей памяти, и потому давало ему поводъ развить этотъ недостатокъ, съ суровостью стопка, въ лицѣ гораціева патрона, точно такъ же, какъ, съ другой стороны, Регулъ, съ его сказочными совершенствами, служилъ для нашего философа типомъ старинной римской доблести.

Вообще всѣ обвиненія, возводимыя на Мецената древними писателями, ограничиваются тѣмъ, что это былъ сибаритъ, который покровительствовалъ шутамъ, паразитамъ и пантомимамъ. Къ этому прибавляютъ еще, что онъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, любилъ смарагды, бериллы, перлы и вообще драгоценныя каменья, расхаживалъ по городу въ распоясанной туникѣ, прикрывалъ голову капюшономъ и, въ довершеніе всего, писалъ очень-плохіе стихи. Все это, конечно, неважныя обвиненія, и мы удивляемся, какимъ образомъ нѣкоторые изъ новыхъ ученыхъ могли придать имъ какое-то особенное значеніе. Между нашими знаменитыми соотечественниками былъ также одинъ, который много напоминаетъ Мецената своимъ сибаритствомъ, внезапными переходами отъ полной апатіи къ напряженной дѣятельности и даже своею страстью къ драгоценнымъ каменьямъ. Мы говоримъ о Потемкинѣ. Не-уже-ли, однако, воспоминаніе объ этихъ странностяхъ знаменитаго человѣка можетъ въ комъ-нибудь нарушить уваженіе къ его личности и къ тѣмъ услугамъ, которыя онъ оказалъ своему отечеству? Словомъ, указанные недостатки Мецената не таковы, которые бы пятнали честь человѣка, и притомъ они достаточно выкупаются многими привлекательными чертами его характера.

Главное обвиненіе противъ Мецената состоитъ въ томъ, что онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на связь своей жены, Теренціи, съ Августомъ. Въ какой мѣрѣ, однако, справедливо это обвиненіе? Извѣстно, что Меценатъ не нашелъ счастья въ своемъ семействѣ. Онъ, конечно, сдѣлалъ большую ошибку, вздумавъ жениться, несмотря на свои немощи и преклонныя лѣта, на молодой и прекрасной женщинѣ. Меценатъ, какъ видно изъ словъ Сенеки ⁽¹⁶⁾, страстно былъ влюбленъ въ свою красавицу-жену, но не пользовался ея взаимностью. Этому обстоятельству

⁽¹⁵⁾ Ему обыкновенно приписываютъ элегію «in Mæcenatis obitum». Авторъ ея, плохой поэтъ, несомнѣнно, однако, принадлежитъ классической древности.

⁽¹⁶⁾ Sen. de provid. c. 3: morosæ uxoris quotidiana repudia deflet.

даже, можетъ—быть, должно отчасти приписать его склонность къ удовольствіямъ и развлеченіямъ. Связь Теренціи съ Августомъ, который былъ почти ежедневнымъ гостемъ въ домъ Мецената (17), сильно его тревожила. Кесарь до-того находился подъ вліяніемъ своей страсти къ этой женщинѣ, что одно время рѣшился даже уѣхать съ нею въ Галлію, съ цѣлью прикрыть связь, которая возбуждала много толковъ въ городѣ. Меценатъ смотрѣлъ на эту связь неравнодушно. Это видно изъ словъ Діона Кассія (18), который ясно говоритъ, что, въ послѣдніе годы жизни Мецената, Теренція была причиною холодности между нимъ и его счастливымъ соперникомъ.

Гораціи, принимавшій такое живое участіе во всемъ, что касалось Мецената, ни словомъ не упоминаетъ о его семейныхъ отношеніяхъ. Поэтъ, конечно, не желалъ коснуться этого щекотливаго вопроса и боялся въ то же время оскорбить Августа. Только одинъ разъ, въ обращеніи своемъ къ Меценату (19), Гораціи говоритъ своему другу «*uigeris ipse miser*», то-есть «ты самъ, несчастный, сгараешь отъ любви», причемъ сколиастъ замѣчаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о Теренціи. Ее же, какъ нѣкоторые полагаютъ, разумѣетъ поэтъ подъ именемъ Лимимніи въ слѣдующихъ словахъ двѣнадцатой оды (II-й книги), написанной къ Меценату:

Мнѣ муза пѣть велитъ владычницы прекрасной
Младой Лимимніи красу, и славою вновь
Я блескъ ея очей и груди сладострастной
Взаимную любовь.

Какъ въ хороводѣ ей движеніе ногъ пристало
И мановеніе рукъ въ борьбѣ игры живой (20),
Когда, въ кругу молодыхъ подругъ, она встрѣчала
Діаны день святой!

Уже ли бѣ ты на кладъ Ахименеса (21), бранный
Иль тукъ фригійскихъ нивъ, на все, чѣмъ обладать
Дано Аравіи, могъ волосъ драгоценный
Лимимніи снѣгать?

(17) Suet. Octav. гл. 72.

(18) D. C. 55, 7.

(19) Въ концѣ 14-й эподы.

(20) Въ религиозныхъ пляскахъ хоры дѣвъ и юношей, какъ-будто сражаясь, дѣлали руками различныя движенія.

Прим. 1. Фета.

(21) Богатый Ахименесъ былъ первымъ царемъ персидскимъ.

Прим. 1. Фета.

Когда она лицо закидываетъ, жгучимъ
 Лобзаньямъ отвѣчать, мѣхъ хитро ихъ бѣжить,
 Сама въ огнѣ — и вдругъ лобзаніемъ летучимъ
 Тебя предупредить (22).

Но оставимъ въ сторонѣ недостатки (23) Мецената: мы несколько не намѣрены защищать ихъ, и взглянемъ на тѣ черты въ его характерѣ, которыми онъ могъ привлечь къ себѣ Горація и новыхъ своихъ почитателей.

Потомокъ древнихъ этрусскихъ лукумоновъ (царей), принадлежа, следовательно, къ одной изъ самыхъ аристократическихъ фамилій Рима, Меценатъ, однако, никогда не давалъ чувствовать окружающимъ его своимъ общественнымъ преимуществъ. Гордость и тщеславіе вообще не были въ его характерѣ. Онъ избѣгалъ прямого, или, сказать вѣрнѣе, видимаго участія въ управленіи государствомъ, хотя постоянно былъ правою рукою Августа. Меценатъ никогда не занималъ въ Римѣ какой-нибудь почетной должности и всю жизнь свою оставался частнымъ человекомъ. Будучи врагомъ всякихъ вѣшнихъ отличій, онъ никогда не носилъ сенаторской тунники съ широкою золотою нашивкою (*tunica laticlavata*) для того, чтобъ ничѣмъ не отличался отъ простаго всадника (24).

(22) Мнѣнія о тождествѣ Лициніи съ Теренціей держится, между прочимъ, и Вейхертъ, одинъ изъ остроумнѣйшихъ критиковъ нашего времени и лучшихъ знатоковъ римской литературной исторіи времени Августа. Несмотря на это, послѣ всего сказаннаго объ отношеніяхъ Мецената къ его женѣ, трудно допустить, что здѣсь рѣчь идетъ о Теренціи, тѣмъ болѣе, что въ подлинникѣ говорится не о «сладострастной груди», какъ въ русскомъ переводѣ, а о «вѣрной груди» (*fidum rectus*). Здѣсь, какъ вообще въ переводѣ гораціевыхъ одъ, сдѣланномъ г. Фетомъ, довольно и другихъ отступленій отъ подлинника, но за-то если не слова, то духъ его, особенно въ послѣдней строфѣ, переданъ очень-удачно и художественно. Замѣтимъ еще, что единственное средство согласить портретъ Лициніи, нарисованный Гораціемъ, съ историческими свидѣтельствами о характерѣ Теренціи — это принять, что разбираемая ода написана въ 726 году, когда она была невѣстою Мецената.

(23) Нѣкоторые ученые не безъ основанія защищаютъ Мецената и отъ этихъ мелочныхъ, разумѣется, обвиненій, взводимыхъ на него Сенекою. Накрывать голову капюшономъ и длинная тунника Мецената достаточно объясняются его болѣзненностью.

(24) Сословіе всадниковъ (*ordo equester*), составляло какъ-бы римское дворянство и, по своему общественному положенію, слѣдовало прямо за

Меценатъ сблизился съ Августомъ при самыхъ первыхъ шагахъ его на трудномъ государственномъ поприщѣ и сдѣлался для триумвира, а потомъ кесаря вполне-необходимымъ человѣкомъ. Несмотря, однако, на то, что безъ вѣдома Мецената ничто не дѣлалось въ Римѣ, на памяти его не тяготитъ ни одно преступленіе, ни одна несправедливость, напротивъ, Меценатъ, на сколько могъ, удерживалъ Августа отъ безплодной жестокости и постоянно внушалъ ему просвѣщенный и человѣческій взглядъ на вещи. Однажды (разсказываетъ Діонъ Кассій) Октавіанъ, еще въ бытность свою триумвиромъ, сидѣлъ въ судѣ и подписывалъ, одинъ за другимъ, смертные приговоры. Мецената извѣстили объ этомъ и онъ тотчасъ же послѣдовалъ въ судъ, но не могъ пробраться къ своему другу сквозь густую толпу народа, который окружалъ трибуналъ. Тогда, сгорая отъ нетерпѣнія положить немедленно предѣлъ этому кроваваго порыву, Меценатъ взялъ восчаную дощечку, написалъ на ней нѣсколько словъ и, изъ рукъ въ руки, передалъ ее триумвиру. Октавіанъ прочелъ на ней слѣдующія слова: «Встань же, наконецъ, палачъ!» (25) Эти три слова остались въ исторіи. Во всякомъ случаѣ, человѣкъ, который, имѣя полную возможность безнаказанно дѣлать зло, никому не повредилъ, а, напротивъ, многихъ облагодѣтельствовалъ, заслуживаетъ нѣкоторой доли уваженія.

Вотъ почему Меценатъ умѣлъ возбудить къ себѣ любовь не только Августа, но и народа римскаго. Не даромъ этотъ народъ привѣтствовалъ рукоплесканіями знаменитаго всадника, когда онъ появлялся въ театрѣ (26).

При всѣхъ недостаткахъ Мецената (говоритъ Веберъ) нельзя въ нѣкоторыхъ сторонахъ его характера не признать возвышенности и рѣдкаго, особенно для того времени, благородства. Эта возвышенность (продолжаетъ нѣмецкій ученый) состоитъ, положимъ, не въ томъ, что онъ цѣлую жизнь остался частнымъ человѣкомъ, хотя легко могъ достигнуть почестей: все это еще можно объяснить осторожностью его и

сосоловіемъ сенаторовъ (*ordo senatorius*)). Въ періодъ имперіи широкая золотая нашивка на туникѣ составляла отличіе (*insigne*) сенаторовъ, военныхъ трибуновъ и также *illustres equites*, къ числу которыхъ, разумѣется, принадлежалъ Меценатъ. Туники простыхъ всадниковъ имѣли узкую золотую нашивку (*tunica angusticlavia*).

(25) Ἀνάσσει ἔδην ποτὶ, θεμῆ! Dio C. LV.

(26) Объ этомъ говоритъ Гораций въ началѣ двадцатой оды первой книги и въ концѣ семнадцатой оды второй книги. Діонъ Кассій (*ibid.*) также свидѣтельствуетъ, что Меценатъ не только Августу, но καὶ τοῖς ἄλλοις πάντων ἡρέσκετο», то-есть, и всѣмъ другимъ нравился.

любовью къ спокойствію. Возвышенное значеніе личности Мецената — это твердое, неуклонное, готовое на всё жертвы стремленіе къ одной идеѣ, сдѣлавшейся задачею цѣлой жизни этого человѣка, къ идеѣ монархіи, которую онъ хотѣлъ водворить въ Римѣ въ лицѣ цезаря Октавіана. Эта безграничная приверженность къ другу, часто-неблагодарному и эгоистическому, разрушившему семейное счастье Мецената, но котораго онъ не могъ оставить, потому—что видѣлъ въ немъ человѣка, предназначеннаго судьбою осуществить ту мысль, которая сдѣлалась для него второю жизнью, невольно возбуждаетъ удивленіе къ этой необыкновенной личности даже въ томъ, кому она не кажется симпатическою. Тамъ, гдѣ служеніе завѣтной идеѣ вызывало Мецената къ дѣятельности, мы встрѣчаемъ въ немъ человѣка въ высшей степени энергическаго; тутъ онъ не только забывалъ о своемъ сибаритствѣ, но даже о своихъ болѣзняхъ и немощахъ. Извѣстно, что Меценатъ постоянно страдалъ изнурительною лихорадкою и въ послѣдніе три года своей жизни не зналъ, что такое сонъ. Эта двойственность природы Мецената, соединившей въ себѣ самыя противоположныя крайности, была подмѣчена уже древними писателями⁽²⁷⁾ Роскошный и небрежный, сластолюбивый и изнѣженный, онъ быстро переходилъ отъ полной апатіи къ самой напряженной дѣятельности, когда того требовали обстоятельства. Какое значеніе Меценату придавалъ Августъ, не только какъ своему сотруднику въ дѣлѣ реформы, но и какъ другу своего дома, видно изъ грустныхъ словъ кесаря, когда онъ узналъ о позорѣ своей дочери, Юліи: «Этого не случилось бы, еслибъ живъ былъ Меценатъ»⁽²⁸⁾.

Была ли идея, одушевлявшая Мецената, разумна и своевременна? Имѣла ли она логическое и историческое основаніе? — вотъ вопросъ, который встрѣчается намъ уже не въ первый разъ. Уясненіе его необходимо, между—прочимъ, для опредѣленія нравственной личности Горация. Поэтому мы постараемся подробнѣе отвѣтить на этотъ вопросъ въ особенной главѣ; а теперь предварительно замѣтимъ только, что смотрѣть на политическую реформу Мецената и Августа, какъ на что-то нежи-

(27) Напримѣръ: Веллеемъ Патеркуломъ, который такъ отзывался о Меценатѣ (II, 88): «vir, ubi res vigiliam exigeret, sane exsomnis, providens atque agendi sciens». Видимая праздность Мецената была, по словамъ того же историка (ibid.), притворная: онъ постоянно слѣдилъ за дѣйствіями и образомъ мыслей пылкаго Октавіана. «Speculatus est per summam quietem ac dissimulationem praecipitis consilia juvenis» (то-есть Octaviani).

(28) Sen. de benef. VI, 32.

данное и неподготовленное предшествующею жизнью Рима, смотреть какъ на какую-то катастрофу — значить вовсе не понимать смысла исторіи. Забѣтнмъ еще, что, какъ исполнитель одушевлявшей его идеи, Меценатъ, бесспорно, является образцовымъ человѣкомъ. О томъ, что политическая дѣятельность его была вполне-безкорыстна и не руководилась никакимъ эгоистическимъ чувствомъ, мы не считаемъ нужнымъ распространяться.

VIII.

Sint Mæcenates, non deerunt, Flacce, Marones.
MARTIAL.

Намъ остается теперь обратить вниманіе на ту черту въ характерѣ гораціева патрона, которая доставила ему наиболѣе славы и почета въ потомствѣ. Уже много вѣковъ впереди всѣхъ доблестей Мецената ставить его покровительство литературѣ и писателямъ. До-сихъ-поръ мы еще не отвыкли именовъ его называть людей просвѣщенныхъ, которые, располагая большими средствами, выдаютъ впередъ благороднымъ своимъ и дѣятельнымъ сочувствіемъ наукѣ и искусству. Такъ смотрѣли на Мецената уже въ-древности, чему доказательствомъ служить, между-прочимъ, слова Марціала, приведенныя въ началѣ этой главы⁽²⁹⁾.

На сколько Меценатъ заслужилъ эту славу—рядомъ съ этимъ вопросомъ возникаетъ другой: какія побужденія руководили имъ въ этомъ случаѣ? было ли это сочувствіе къ римскимъ писателямъ вызвано любовью его къ искусству, или какими-нибудь посторонними побужденіями?

Встарину, въ-особенности послѣ Мейбома, подъ влияніемъ написанной имъ біографіи Мецената, всѣ ученые, касавшіеся этихъ вопросовъ, отвѣчали на нихъ безусловными похвалами римскому вельможѣ. Только чистая, врожденная Меценату, любовь къ изящному и высокому, воспитанная прилежнымъ изученіемъ великихъ созданій греческаго искусства, а не сибаритство, не стремленіе къ эгоистическому наслажденію, не тщеславіе и желаніе какъ бы обязать поэтовъ благодарностью съ тѣмъ, чтобъ они передали имя его потомству, заставляли, говорятъ эти ученые, Мецената искать дружбы и общества лучшихъ представителей римской литературы.

(29) Ювеналь, въ VII-й сат., стр. 94, вычисляя покровителей римской литературы изъ различныхъ эпохъ ея существованія, первое мѣсто между ними даетъ Меценату.

Виландъ и Франдзень, какъ уже замѣчено, значительно поколебали это высокое мнѣніе о Мecenатѣ, какъ покровителѣ науки и искусства. Приведемъ тѣ возраженія, которыми новые критики хотятъ уменьшить заслуги гораціева друга въ разсматриваемомъ отношеніи. Вопервытъ, говорятъ они, Мecenатъ былъ не единственнымъ покровителемъ и патрономъ писателей золотого вѣка римской литературы. Мecenатство началось въ Римѣ задолго до этой эпохи, и въ-особенности усилилось тамъ въ разсматриваемое время, когда каждый вельможа любилъ окружать себя учеными рабами, остроумными кліентами и вообще людьми даровитыми. Каждый вельможа имѣлъ своихъ кліентовъ между поэтами и каждый поэтъ — своего патрона между вельможами. Таковъ былъ обычай⁽³⁰⁾. Мecenатство коринфея римской реформы приняло такіе значительные размѣры, между-прочимъ, потому, что онъ, какъ человекъ очень-богатый, располагалъ для этого большими средствами, чѣмъ другіе римскіе аристократы. Притомъ же онъ любилъ, чтобъ на немъ отражался блескъ окружавшаго его общества людей гениальныхъ. Домъ Мecenата, прибавляютъ, былъ открытъ не только для знаменитыхъ римскихъ поэтовъ, но и для всякаго рода паразитовъ. Мecenата славятъ за то, что онъ помогъ Виргилію получить обратно-отнятое у него поле и подарилъ Горацію его классическую сабинскую виллу. Это еще небольшія благодѣянія, и въ-особенности, замѣчаетъ Виландъ⁽³¹⁾, подарокъ, сдѣланный Мecenатомъ Горацію, до-того незначителенъ, что еще, можетъ-быть, никогда слава щедратаго патрона поэзии не была куплена богачомъ дешевле, чѣмъ въ настоящемъ случаѣ.

Хотя мы не разделяемъ безусловнаго восторга къ Мecenату, которымъ проникнуть Мейбомъ, но тѣмъ неменѣе считаемъ обязанностью сказать нѣсколько словъ въ защиту благородства тѣхъ стремленій, которыя сдружили римскаго вельможу съ литературными знаменитостями августова вѣка. Замѣчательно, что даже Виландъ и Франдзень, при всемъ своемъ желаніи заподозрить искренность этихъ дружескихъ отношеній между упомянутыми лицами, кончаютъ свои нападки на Мecenата цанегирикою этому знаменитому патрону римскихъ писателей. Вотъ, напримѣръ, слова Франдзена⁽³²⁾: «Если исторія слишкомъ уже и безъ

(30) Нѣкоторыя относящіяся сюда подробности можно встрѣтить въ очень-любопытной статьѣ г. Герца «Литераторы и публика въ Римѣ», помещенной въ V т. «Пропилей».

(31) Ueber d. Charakt. des Mæc., стр. 5.

(32) С. Cln. Mæc., стр. 173.

и́тры прославила Мецената, какъ покровителя науки и искусства, то, во всякомъ случаѣ, было бы въ высшей степени несправедливо вовсе отвергать заслуги его въ этомъ отношеніи. Пока не исчезнетъ въ людяхъ любовь къ литературѣ, слава Мецената будетъ сіять въ блескѣ двухъ звѣздъ первой величины, которыя выведены имъ на горизонтъ поэзіи. Творенія Виргилія и Горация увѣковѣчили имя Мецената и доставили ему народность между всеми націями, способными цѣнить благодѣянія цивилизаціи. Еслибъ за нимъ не было никакихъ другихъ заслугъ, кромѣ той, что онъ взлелѣялъ и воспиталъ музу Горация, то и тогда память о Меценатѣ не исчезла бы въ исторіи и съ уваженіемъ произносилось его имя.

Мы нисколько не намѣрены отрицать общепринятаго теперь мнѣнію о томъ, что меценатство гораціева патрона исходило, между—прочимъ, изъ цѣлей политическихъ. Справедливо, что Меценатъ окружалъ себя замѣчательными писателями не только изъ любви къ литературѣ и искусству, но также изъ желанія привлечь на сторону Августа лучшихъ людей своего времени, въ—особенности историковъ и поэтовъ. Меценатъ желалъ и старался, чтобъ эти писатели говорили не только о немъ, но и о подвигахъ Августа и вообще были глашатаями его политической реформы. Меценатъ понималъ значеніе литературы. На ея помощь онъ рассчитывалъ не меньше, чѣмъ на ветерановъ Цезаря, которые окружали колыбель Римской Монархіи. Можно ли поставить Меценату въ укоръ этотъ просвѣщенный взглядъ его на литературу? Притомъ не должно забывать, что онъ нисколько не насилывалъ убѣжденія окружавшихъ его писателей и не требовалъ отъ нихъ безусловнаго признанія вѣрности своихъ взглядовъ на политическія нужды римскаго быта. Вѣрность этого замѣчанія уяснится еще болѣе при ближайшемъ разсмотрѣніи отношеній Мецената къ Горацию, которыя достаточно показываютъ, что политика нисколько не мѣшала Меценату искренно любить литературу и достойныхъ ея представителей.

Изъ новыхъ писателей Виландъ едва—ли не больше всѣхъ старался унзвать значеніе благороднаго стремленія Мецената, вызвать и укрѣпить въ душѣ Августа мысль о необходимости покровительства наукъ и искусству. Авторъ «характеристики Мецената» старается это благородное его стремленіе приписать исключительно цѣлямъ эгоистическимъ. Странно и даже печально встрѣтить подобный взглядъ у литератора вообще и у Виланда въ—особенности. Знаменитый гѣмецкій писатель, не къ чести своей, забылъ при этомъ, что и самъ онъ былъ обязанъ своимъ положеніемъ въ жизни и при веймарскомъ дворѣ просвѣщенной щедрости, или, если угодно, *политикѣ* правительства, которое и знаменито только тѣмъ,

что въ благородномъ своемъ покровительствѣ наукъ и искусству неуклонно шло по слѣдамъ Мецената и Августа. Трудно на разстояніи длиннаго ряда столѣтій проникнуть во всѣ изгибы сердца ихъ, да въ настоящемъ случаѣ едва-ли это и нужно. Наше мнѣніе то, что мы должны благоговѣть передъ каждымъ правительствомъ, которое цѣнитъ людей, отмѣченныхъ талантомъ и знаніемъ, даже и въ такомъ случаѣ, если при этомъ политическій расчетъ преобладаетъ надъ чистою любовью къ наукъ и искусству. Дай Богъ, чтобы такая политика все чаще-и-чаще повторялась въ исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Меценатъ, а за нимъ и Августъ, заботясь о литературѣ, хотѣли облагородить самую жизнь Рима и, вмѣстѣ съ тѣмъ, придать блескъ своей эпохѣ именами Горация, Виргилія и другихъ знаменитыхъ писателей. Потомство благодарно помнить о Медичи, объ Амаліи и Карлѣ-Августѣ, о Великомъ Петрѣ и Великой Екатеринѣ, и никакая клевета, никакое злорѣчіе не отторгнуть отъ благородной горсти этихъ правителей, память о которыхъ еще долго будетъ жить между людьми, Мецената и Августа.

Около Мецената и Августа, благодаря просвѣщенному ихъ покровительству наукъ и искусству, образовался кружокъ избранныхъ писателей, корифеями котораго, какъ уже намъ извѣстно, были Гораций, Виргилій и Луцій Варій. Рядомъ съ этими знаменитыми поэтами очень-видное мѣсто въ литературномъ обществѣ Мецената занималъ Проперцій. Странно, что Гораций такъ мало говоритъ о Проперціи въ своихъ произведеніяхъ, точно такъ же, какъ и Проперцій о Горациі: оба они какъ-будто не знаютъ другъ друга. Въ то же время Проперцій славитъ Виргилія, какъ поэта ⁽³³⁾, изъ чего Франдзенъ заключаетъ ⁽³⁴⁾, что римскій элегикъ познакомился съ Меценатомъ при содѣйствіи автора Энеиды. Такая догадка, разумѣется, недостаточна для объясненія холодныхъ отношеній между Горациемъ и Проперціемъ. Прибавляютъ еще, что Гораций былъ старше Проперціи, по-крайней-мѣрѣ, двѣнадцатью годами; но эта разниця въ лѣтахъ еще не такъ велика, чтобы могла препятствовать ихъ дружбѣ. Притомъ изъ одъ и посланій Горация мы видимъ, что у него даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ не мало было пріятелей между римскою молодёжью. Можетъ-быть, справедливѣе принять, что въ то время, какъ Проперцій сблизился съ Меценатомъ, Гораций болѣею частью жилъ въ сабинскомъ своемъ помѣстьѣ, и потому оба поэта

(33) Eleg. II, 34, 59 — 80.

(34) См. монографію Франдзена, стр. 220.

имѣли рѣдко случаи встрѣчаться другъ съ другомъ. Дѣйствительно, Проперцій познакомился съ Меценатомъ никакъ не раньше 725 года. По-крайней-мѣрѣ, въ первой книгѣ его элегій, изданной въ свѣтъ въ 724 году и посвященной поэтомъ Туллу, вовсе не упоминается о Меценатѣ.

Тамъ, гдѣ Проперцій обращается къ Меценату, господствуетъ въ его произведеніяхъ тонъ подчиненности кліента своему патрону (35). Здѣсь нѣтъ той вполне-дружеской искренности, которая замѣтна въ подобныхъ стихотвореніяхъ Горация. У Проперція мы встрѣчаемъ даже довольно-неприятную лесть Меценату. Такъ, напрѣмръ, онъ старается выставить этого тонкаго дипломата грозой паровъ и человѣкомъ воинственныхъ, какимъ Меценатъ никогда не былъ. Можетъ-быть даже, что подобные комплименты Проперція были отчасти причиною холодности къ нему нашего поэта.

Съ Тибуллою Гораций, вѣроятно, познакомился у Мессалы Корвина; ибо нѣтъ свидѣтельствъ, что римскій элегикъ также принадлежалъ къ литературному кружку Мецената. Это, однако, не помѣшало дружбѣ Тибулла съ нашимъ поэтомъ. Изъ произведеній Горация видно, что онъ очень любилъ Тибулла и былъ близкимъ его пріятелемъ (36). Гораций также былъ знакомъ съ Овидіемъ: по-крайней-мѣрѣ, въ известной элегій (37), гдѣ этотъ поэтъ довольно-подробно описываетъ свою жизнь, онъ говоритъ, между-прочимъ, что ему случалось слышать, какъ Гораций читалъ свои стихи. Въ старинной біографіи Горация, отысканной недавно Кирхнеромъ въ берлинской королевской бібліотекѣ (38), говорится даже, что нашъ поэтъ помогъ Овидію оставить гражданскую службу, къ которой онъ не чувствовалъ никакой склонности, и обратиться исключительно къ поэзіи, противъ воли отца его, непремѣнно-желавшаго сдѣлать изъ своего сына чиновника. Едва-ли, впрочемъ, это извѣстіе вѣроятно. Еслибы это было такъ, то Овидій не забылъ бы упомянуть объ услугѣ Горация въ указанной элегій.

(35) У Проперція находимъ мы два стихотворенія съ обращеніемъ къ Меценату: это первая элегій II-й кн. и девятая элегій III-й кн.

(36) См. од. I, 33 и Epist. I, 4.

(37) Trist. IV, стр. 10, 49.

(38) Манускриптъ, въ которомъ найдена упомянутая «*vita Horatii*» долженъ быть отнесенъ, по мнѣнію Кирхнера, къ исходу XV-го столѣтія. Авторомъ этой біографіи онъ считаетъ какого-нибудь древняго грамматика. Она напечатана въ сочиненіи Кирхнера: *Quaestiones Horatianae*.

Уже выше замѣчено, что Тибулль и Овидій вовсе не упоминаютъ о Мекенатѣ въ своихъ произведеніяхъ. Причины, которыми стараются объяснить это молчаніе, неудовлетворительны. Такъ Ліонъ ⁽³⁹⁾ повторяетъ съ этою цѣлью старое мнѣніе о томъ, будто эти замѣчательные поэты вовсе были неизвестны Мекенату и не пользовались его милостями. Все это, однако, нисколько не поясняетъ дѣла и попрежнему остается безъ отвѣта вопросъ: почему же они остались неизвестными Мекенату, который такъ зорко слѣдилъ за движеніемъ современной ему римской литературы? Мы не можемъ заняться подробнымъ рѣшеніемъ этого вопроса и только замѣтить, что Овидій съ своимъ «Amores» казался, можетъ-быть, ему слишкомъ-легкимъ поэтомъ (известно, что такимъ онъ казался и Августу), а Тибулль имѣлъ уже своего патрона въ лицѣ Мессалы Корвина, и честь быть первымъ въ своемъ кружкѣ предпочиталъ скромной роли второстепеннаго кліента въ литературной свитѣ Мекената ⁽⁴⁰⁾.

Еслибы до насъ волюй дошла богатая литература августова вѣка, то, конечно, списокъ друзей Мекената, занимавшихъ въ ней болѣе или менѣе видное мѣсто, увеличился бы очень-значительно. При утратѣ произведеній этихъ писателей, невозможно также съ точностью определить характера ихъ отношеній къ римскому вельможѣ. Только случайныя и отрывочныя замѣтки, разсыяныя въ римской литературѣ, показываютъ, что великолѣпный домъ на Эсквилинскомъ Холмѣ гостепріимно былъ открытъ для всякаго честнаго и нелишеннаго таланта писателя. Неизвестно, впрочемъ, были ли литературные друзья Горация, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ, въ то же время друзьями или кліентами Мекената. По-крайней-мѣрѣ, это очень-вѣроятно.

Въ десятой сатирѣ (I-й книги) Гораций представляетъ намъ довольно-длинный списокъ друзей своихъ, прибавляя, что онъ особенно дорожитъ ихъ литературнымъ судомъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ, между-прочимъ, Фунданія, котораго Гораций называетъ лучшимъ комикомъ своего времени, поэта Валгія, Октавія, также поэта и историка, Фуска Аристія, одного изъ самыхъ близкихъ друзей нашего поэта, и наконецъ братьевъ Висковъ (Visci), о которыхъ онъ всегда отзывается съ большимъ ува-

⁽³⁹⁾ Lion: Maccenatiana, стр. 50.

⁽⁴⁰⁾ Впрочемъ, примѣры такого молчанія нередки въ римской литературѣ. Можно еще объяснить, почему Марціалъ и Стацій не упоминаютъ ни о другомъ: это были, вѣроятно, литературные соперники. Но отъ чего Цицеронъ ни словомъ не упоминаетъ, даже въ своихъ письмахъ, о Катуллѣ, который былъ восторженнымъ почитателемъ римскаго оратора?

женіемъ. Поэта Плуція Туяку, которому, вмѣстѣ съ Варіемъ, умирающій Виргилій завѣщалъ изданіе своей Энеиды, и ученаго греческаго риторика Геліодора Гораціиъ называетъ въ числѣ своихъ спутниковъ въ той сатирѣ, въ которой такъ живо описано путешествіе его въ Брундизіумъ.

Очень можетъ быть, что всѣ эти писатели были обычными посѣтителями литературныхъ чтеній въ домѣ Мецената, хотя на это и нѣтъ прямыхъ указаній въ древнихъ источникахъ. По-крайней-мѣрѣ, они шли на это не меньше права, чѣмъ Домиціиъ Марсъ, который, какъ объ этомъ не разъ говоритъ Марціалъ ⁽⁴¹⁾, былъ въ милости у римскаго магната ⁽⁴²⁾.

Меценатъ и самъ былъ литераторъ, но очень-плохой—это одногласный отзывъ всей древности, вѣрность котораго вполне подтверждается уцѣлѣвшими отрывками изъ его произведеній. Самъ Августъ, по словамъ Светонія ⁽⁴³⁾, постоянно подсмѣивался надъ *кудреватостью* (сипциппи) въ слогѣ своего друга, и даже писалъ на него пародіи. Сенека, Квиптиліанъ и авторъ извѣстнаго діалога «О причинахъ порчи римскаго краснорѣчія» сильно и вполне-справедливо порицаютъ въ сочиненіяхъ Мецената крайнюю небрежность въ слогѣ, запутанность конструкціи и страсть къ совершенно-излишнимъ и неудачнымъ неологизмамъ. Можетъ даже показаться непонятнымъ, какимъ образомъ могъ дойти до такой степени литературной уродливости человекъ, который всю жизнь свою провелъ между замѣчательными писателями. Впрочемъ, ученые изслѣдователи отрывковъ изъ утраченныхъ произведеній Мецената (въ-особенности Мейбомъ, Люцъ и Франценъ) согласны въ томъ, что подъ этою искаженною формою нерѣдко скрывается въ нихъ свѣтлая мысль, обличающая въ авторѣ замѣчательно-умнаго человека. Сенека, говоря о литературной дѣятельности Мецената, развиваетъ ту же мысль, ко-

⁽⁴¹⁾ Epigr. VIII, 56 и VII, 29.

⁽⁴²⁾ Здѣсь также должно назвать ученаго отпущенника Мецената, Кая Меллесса, о которомъ упоминаетъ Светоній въ числѣ знаменитыхъ грамматиковъ. См. de illustrib. grammat., с. 21. Кромѣ-того, онъ считается изобрѣтателемъ *Comædia trabeata*, въ которой выводились на сцену всадники и вообще люди высшаго сословія. Эта комедія получила свое названіе отъ *trabea*—парадной одежды римскихъ всадниковъ. Упоминаются также его *libelli ineptiarum*, или *jocorum*. Это, какъ видно, были, между-прочимъ, острякъ, какихъ любилъ Меценатъ.

⁽⁴³⁾ Въ биографіи Августа, гл. 86.

тору выразил Бюффонъ въ известномъ своемъ изреченіи «le style c'est l'homme» (44). Небрежность въ слогъ, по замѣчанію римскаго философа, ничто иное, какъ одно изъ проявленій той же самой *распущенности*, которая вообще составляла характеристическую черту внѣшности Мецената. Сенска прибавляетъ еще, что небрежная и уродливая форма, въ которую Меценатъ облекъ свои произведенія, была не случайная, но преднамѣренная. Нельзя не признать вѣроятности и этого замѣчанія. По-крайней-мѣрѣ, оно подтверждается тѣмъ, что Меценатъ былъ тонкимъ цѣнителемъ чужихъ литературныхъ произведеній и хорошо умѣлъ отличать истинно-даровитыхъ людей отъ простыхъ паразитовъ, въ которыхъ также не было недостатка въ его домѣ. Вотъ почему доступъ въ общество Мецената былъ нелегокъ и многіе безуспѣшно добивались этой чести.

Римъ наполненъ былъ въ эту пору бездарными стихотворцами, которые, какъ это обыкновенно водится, имѣли очень-высокое о себѣ мнѣніе. Отчего, думали они, не пошастъ и имъ въ милость къ Меценату, если Виргилій и Горацій, люди бѣдные и незнатные, приняты съ отверстыми объятіями роскошнымъ владѣльцемъ богатаго дома на Эсквиляхъ? Для достиженія своей цѣли, многіе изъ этихъ непризнанныхъ гениевъ старались, между-прочимъ, насильно и безстыдно втереться въ дружбу Горація. Для того, чтобъ отвадить отъ себя такихъ навязчивыхъ друзей, Горацій, по справедливому замѣчанію Гейнendorфа, написалъ знаменитую свою девятую сатиру (1-й книги). Здѣсь также поэтъ говоритъ о тонѣ, который господствовалъ въ литературномъ обществѣ Мецената. Наконецъ, это одна изъ самыхъ изящныхъ и живыхъ сатиръ Горація, надъ которою уже давно истощаетъ свои восторги новая критика. Все это даетъ намъ право и поводъ привести здѣсь это замѣчательное произведеніе въ русскомъ переводѣ, хотя онъ, конечно, далеко не въ-состояніи передать той неподражаемой игривости, которою отличается подлинникъ.

«Шелъ я (пишетъ Горацій) по «Священной Улицѣ» (45), обдумывая, по своему обычаю, не помню, какіе-то стихи; я весь въ нихъ углубился. Вдругъ подбѣгаетъ ко мнѣ человекъ, котораго я знаю только по имени, и, схвативъ мою руку, «Какъ поживаешь, говоритъ, милѣйшій другъ?»—«До-сихъ-поръ хорошо»; отвѣчаю я. Желаю тебѣ всего луч-

(44) Sen. Epist. 114.

(45) Священная улица (via sacra, или Clivus sacer) была одною изъ лучшихъ въ Римѣ. Она вела съ форума въ Капитолій.

шаго». Такъ-какъ онъ продолжалъ идти за мною, то я предупреждаю его вопросомъ: «Тебѣ чего-нибудь угодно?» а онъ на это: «Мнѣ угодно, чтобъ ты ближе меня узналъ—я человѣкъ ученый». — Тѣмъ больше я готовъ тебя дѣвять...» Всѣми силами стараюсь отъ него уйти, я то прибавляю шагу, то останавливался, то говорилъ, самъ не знаю что, на ухо своему слугѣ, и въ то время, какъ потъ лилъ съ меня до самыхъ пятокъ, счастливъ ты, Боланъ ⁽⁴⁶⁾, думалъ я про-себя, за твой гнѣбный правъ, а онъ-то (болтунъ) между-тѣмъ болталъ обо всемъ и хвалилъ то отдѣльные дома, то дѣльный городъ. Видя, что я ему ничего не отвѣчаю, онъ сказалъ: «Тебѣ спльно хочется уйти отъ меня, я уже давно это замѣчаю, но трудъ твой напрасенъ: я не отстаю отъ тебя, и все буду за тобою слѣдовать. Куда теперь отсюда твоя дорога?»—«Что за нужда тебѣ бродить со мною? я хочу навѣстить одного больнаго, вовсе тебѣ незнакомаго, а живетъ (въ подлинникѣ: лежитъ) онъ далеко отсюда: за Тибромъ, близъ Цезаревыхъ Садовъ» ⁽⁴⁷⁾. «Дѣла у меня нѣтъ, и притомъ человѣкъ я негнѣбный: и туда пойду за тобою». Я опускаю уши, какъ упрямый ослѣнокъ, когда на его спину взваливаютъ тяжелую ношу. «Если я только не ошибаюсь въ себя» снова начинаеть онъ, «то ты будешь дорожить мною не меньше, чѣмъ твоими пріятелями Вискомъ и Варіемъ. Кто же, въ-самомъ-дѣлѣ, въ-состояніи писать стиховъ больше моего и скорѣе, или танцовать (жестикулировать) ⁽⁴⁸⁾ изящнѣе? а пою я такъ, что позавидовать бы и самъ Гармогенъ» ⁽⁴⁹⁾.

⁽⁴⁶⁾ Этотъ Боланъ, какъ видно изъ словъ схоластика, извѣстенъ былъ въ Римѣ своею вспльчивостью и нецеремоннымъ обращеніемъ съ людьми, которые ему не нравились. Оттого ему нечего было опасаться встрѣчи съ какимъ-нибудь болтуномъ, отъ котораго вѣжливый Горацій никакъ не могъ отдѣлаться.

⁽⁴⁷⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о садахъ, которые Юлій Цезарь отказалъ въ своемъ завѣщаніи римскому народу. Sueton. Caes. 83. Они были расположены въ отдаленной части города, по берегу Тибра. Вѣроятно, больной за Тибромъ былъ выдуманъ Гораціемъ для того, чтобъ отдѣлаться отъ несноснаго спутника.

⁽⁴⁸⁾ Подъ выраженіемъ «*tembra movere*» нужно здѣсь разумѣть пантомимную жестикуляцію.

⁽⁴⁹⁾ Въ то время, къ которому относится эта сатира (въ 719 или 20-году), Гермогена Тигеллія уже не было болѣе въ живыхъ. Это былъ извѣстный римскій виртуозъ, который положилъ на музыку стихотворенія Каталла и нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ. Гермогенъ не сдѣлалъ этого въ отношеніи къ одамъ Горація и это, вѣроятно, было главною причиною того, что они постоянно находились между собою въ непріятныхъ отно-

Здѣсь я воспользовался случаемъ перебить его: «Есть у тебя мать или родственники, которымъ дорогъ твой жизнь?»—«Никого нѣтъ, всѣхъ похоронилъ». Счастливицы! теперь я одинъ остался. Доверши! ибо при- сѣлъ тотъ печальный, роковой часъ, который предсказала мнѣ, когда я былъ еще ребенкомъ, сабинская старуха, тряся свою гадательную урну ⁽⁵⁰⁾: «ни страшный ядъ, ни вражескій мечъ, ни боль въ боку, ни кашель, ни хромая подагра не изведутъ этого ребенка, а сгубить его рано или поздно болтунъ; пусть же онъ, когда подростетъ, бѣгаетъ болтуповъ, если только будетъ уменъ». Было уже больше четырехъ часовъ, когда мы подошли къ храму Весты и случилось такъ, что ему (болтуну) слѣдовало отвѣчать въ это время въ судѣ своему противнику; не исполни онъ этого, ему пришлось бы проиграть свое дѣло ⁽⁵¹⁾. «Если ты хочешь удружить мнѣ», говоритъ онъ, «то замолви за меня словечко».—«Пропади я, если умѣю говорить въ судѣ или знаю наши законы, да притомъ же я спѣшу—ты знаешь куда».—«Право не знаю, на что рѣшиться», говорилъ онъ: «оставить тебя или дѣло въ судѣ».—«Меня, пожалуйста».—«Нѣтъ, ни за что», и съ этими словами онъ снова началъ шагать передо мною. Я—такъ-какъ трудно спорить съ такимъ по-

шеніяхъ; особенно много выходовъ у Горация противъ Гермогена во II-й и III-й сат. I-й книги.

⁽⁵⁰⁾ Въ такую гадательную урну (*divina urna*) клались жребіи, то-есть бумажки съ надписями, или что-нибудь подобное. Все это смѣшивалось посредствомъ трясенія урны и затѣмъ вынимался роковой жребій. Нѣтъ нужды прибавлять, что вся эта исторія съ сабинскою старухою выдуманна Горациемъ.

⁽⁵¹⁾ Когда тяжущіеся являлись къ претору, то взолагали ему подробно свое дѣло и затѣмъ обязывались въ назначенный имъ день явиться въ судъ. Они требовали другъ отъ друга ручательство въ томъ, что исполнять эту формальность (это называлось *vadari aliquem* и *vadimonium promittere*), и если кто изъ нихъ въ опредѣленное время не являлся въ судъ, то терялъ свое дѣло. Впрочемъ, здѣсь, можетъ-быть, имѣется въ виду и другой случай; очень-обыкновенный въ римскомъ процессѣ. Если кто оспаривалъ у другого какую-нибудь вещь, то вносилъ сумму денегъ, равнявшуюся ея стоимости. Въ случаѣ потери процесса, онъ утрачивалъ не только самую вещь, но и внесенныя деньги. Такой процессъ назывался въ римскомъ правѣ *litis aestimatio*. На этомъ основаніи мы могли бы перевести выраженіе Горация «*perdere litem*» словами: заплатить судебныя издержки. Далѣе болтунъ проситъ поэта *adesse*, то-есть, помочь ему, или быть въ числѣ его адвокатовъ. Гораций отговаривается своею неспособностью ораторствовать въ судѣ и незнаніемъ законовъ.

бѣдновоснымъ противникомъ—слѣдую за нимъ. «Какъ съ тобою Меценатъ?» снова начинаетъ онъ, «этотъ человекъ для немногихъ ⁽⁵²⁾ и умнѣйшій человекъ. Никто ловче тебя не воспользовался своимъ положеніемъ (при Меценатѣ); а еслибъ ты вздумалъ отрекомендовать ему вотъ этого господина (то—есть меня), то имѣлъ бы отличнаго помощника, который сѣумѣлъ бы играть вторую роль (предоставивъ тебѣ первую). Да пропади я, еслибъ ты не вытѣснилъ (въ такомъ случаѣ изъ дома Мецената) всѣхъ (его кліентовъ)». Не такъ мы живемъ тамъ, какъ ты думаешь. Итъ другаго дома (въ цѣломъ Римѣ), который былъ бы чище этого и болѣе чуждъ подобнымъ интригамъ. Мнѣ нѣсколько не мѣшаетъ, говорю я, что одинъ богаче меня, а другой ученѣе: для каждаго тамъ свое мѣсто. «То, что ты рассказываешь, удивительно, просто невѣроятію». «И, однако, это такъ».—«Ты еще больше поджигаешь во мнѣ охоту сблизиться съ нимъ» (съ Меценатомъ). «Тебѣ стоитъ только захотѣть, и съ твоими талантами ты легко достигнешь своей цѣли; да и человекъ это такой, который легко сдается, и потому только первый доступъ къ нему труденъ».—«Такъ я же покажу себя; подкушу слугъ (Мецената) подарками; и если меня разъ выпроводятъ, то я все-таки не отстану отъ него, а улучу удобную минуту, повстрѣчаюсь съ нимъ гдѣ-нибудь на перекресткѣ и стану провожать его ⁽⁵³⁾: жизнь ничего не даетъ смертнымъ безъ большаго труда». Въ то время, какъ онъ (болтунъ) такъ распоряжается (*agit*), плетъ намъ на встрѣчу пріятель мой Фускъ Арпегій, который очень хорошо зналъ, что это за человекъ. Мы останавливаемся. «Откуда и куда идешь?» спрашиваетъ и въ то же время отвѣчаетъ онъ (болтунъ). Я началъ щипать и жать ⁽⁵⁴⁾ безчувственные руки (моего пріятеля), кивая ему и кося глазами, чтобъ онъ меня выручилъ, а этотъ злой острякъ смѣется и притворяется (будто не понимаетъ моихъ знаковъ). Желчь начала жечь мою печень. «Ты, помнитса, говорилъ мнѣ, что хочешь о чемъ-то потолковать со мною по секрету».—«Да, я помню, но поговорю съ тобою объ этомъ въ другое, болѣе удобное время, а сегодня трид-

⁽⁵²⁾ Этимъ выраженіемъ «paucorum hominum», человекъ для немногихъ болтунъ хочетъ сказать, что не многимъ удается попасть въ домъ Мецената.

⁽⁵³⁾ Провожать патроновъ на форумъ (*deducere*), вообще сопутствовать имъ было одною изъ главныхъ обязанностей римскихъ кліентовъ.

⁽⁵⁴⁾ Здѣсь мы принимаемъ чтеніе *pressare*, вмѣсто обыкновеннаго *pressare*.

пятая суббота⁽⁵⁵⁾: не захочешь же ты пренебрегать обычаями обрѣзанныхъ іудеевъ». — «Я нисколько не святоша». — «Ну, а у меня это маленькая слабость, какъ у человѣка обыкновеннаго покроя⁽⁵⁶⁾. Извини, пожалуйста, въ другой разъ поговоримъ...» О, не-уже-ли это солнце взошло для меня такъ мрачно! Убѣгаетъ негодный человѣкъ и оставляетъ меня подъ пожомъ. Но вотъ случайно встрѣчается съ нимъ (болтуномъ) его противникъ и громкимъ голосомъ кричитъ ему: «Что жъ ты, мерзавецъ» и затѣмъ (обращаясь ко мнѣ, прибавляетъ) «Можно взять тебя въ свидѣтели?» Я подставляю ухо⁽⁵⁷⁾. Опъ тащитъ болтуна въ судъ, съ обѣихъ сторонъ начинается крикъ, отсюду сбѣгается народъ... Такъ спасъ меня Аполлонъ».

IX.

Mæcenas quomodo tecum?

НОВАТ.

Вскорѣ послѣ того, какъ нашъ поэтъ во второй разъ явился къ Мекенату, оба они отправились въ Брундузію⁽⁵⁸⁾. Мы уже упоминали выше объ этомъ путешествіи римскаго вельможи, котораго окружала блестящая свита, состоявшая изъ дипломатовъ и знаменитыхъ писателей. Гораций восхитительно описалъ это путешествіе въ пятой сатирѣ (I-й книги), которая своимъ изяществомъ и живостью нисколько не уступаетъ только—что приведенному нами произведенію римскаго поэта. Читая эти исполненныя жизни произведенія, едва вѣришь, что они писаны въ тотъ вѣкъ классической напыщенности, когда поэты напере-

(55) Трудно опредѣлить о какомъ іудейскомъ праздникѣ идетъ здѣсь рѣчь. Даже лучшіе гебраисты, обратившіе вниманіе на выраженіе Горация «tricesima sabbata», не пришли, при объясненіи его, къ какому-нибудь положительному результату. Очевидно, что это не больше, какъ острога Фулка Аристія.

(56) Такъ должно понимать выраженіе Горация *unus multorum*.

(57) Это старинный римскій обычай. Если кого хотѣли сдѣлать свидѣтелемъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ, то брали его за ухо, говоря при этомъ: *memento, quod tu in illa causa testis eris*.

(58) Кирхнеръ, посвятившій изслѣдованію вопроса объ этомъ путешествіи особенную главу, подъ заглавіемъ: «de itinere Brundusino», окончательно доказалъ, что оно должно быть отнесено къ весенней порѣ 717 года. См. *Quaest. Horat.*, стр. 54.

ривъ старались перещеголять одинъ другаго какъ-бы намѣреннымъ отторженіемъ мысли и слова отъ окружающей ихъ дѣйствительности, натянутымъ пафосомъ, сухою александрійскою ученостью и холодною декламациею. Не даромъ Гораціи нажилъ себѣ въ-древности столько литературныхъ враговъ: онъ былъ самымъ блестящимъ и едва-ли не единственнымъ представителемъ *натуральной* школы въ римской поэзии, и отважно шелъ наперекоръ литературнымъ преданіямъ классической старины.

Цѣль поѣздки Мецената была дипломатическая, а результатъ ея тотъ, что онъ заключилъ съ Антоніемъ договоръ, по которому этотъ триумвиръ обязался предоставить свой флотъ въ распоряженіе Октавіана, въ войнѣ его противъ Секста Помпея ⁽⁵⁹⁾. Прибавимъ еще, что слѣдствіемъ этого новаго союза между Октавіаномъ и Антоніемъ было извѣстное сраженіе при Навлохѣ ⁽⁶⁰⁾, которое положило конецъ владычеству Секста Помпея въ Сициліи и заставило его удалиться въ Азію.

Путешествіе въ Брундузію, во время котораго Меценатъ имѣлъ случай близко узнать Горація, окончательно сдружило этихъ двухъ замѣчательныхъ людей августова вѣка. Выше мы представили довольно-полный очеркъ личности Мецената. Предоставляемъ самому читателю судить о томъ, на сколько онъ могъ возбудить къ себѣ расположеніе нашего поэта. Сходство характера, а въслѣдствіи одинаковость убѣжденія— вотъ что сблизило Горація съ Меценатомъ. Потому неудивительно, что это сближеніе было полное и самое искреннее, несмотря на большое различіе въ общественномъ положеніи обоихъ друзей и на то, что въ 716 году нашему поэту было только двадцать-шесть лѣтъ, а его патрону ужъ подѣ-сорокъ. Даже Виландъ признаетъ искренность этой дружбы и не приписываетъ ее политическому расчету со стороны Мецената. Еслибъ, замѣчаетъ нѣмецкій писатель, Гораціи не былъ такимъ превосходнымъ лирикомъ, то даже и въ такомъ случаѣ изаще-

⁽⁵⁹⁾ Октавіанъ недовольный тѣмъ, что Антоній выказалъ мало рвенія къ поддержкѣ его въ войнѣ противъ Секста Помпея, послалъ въ Брундузію (Бриндизи) Мецената и Кокцея для переговоровъ съ триумвиромъ. Антоній, дѣйствительно, вмѣстѣ съ Октавіею, явился для этой цѣли, съ своимъ значительнымъ флотомъ изъ 300 кораблей, въ Брундузію, но жители этого города объявили, что не могутъ принять его въ свою гавань. Послѣ этого Антоній принужденъ былъ отплыть въ Тарентъ, куда отправилъ также послы Октавіана.

⁽⁶⁰⁾ Навлохъ лежалъ на сѣверо-восточномъ берегу Сициліи. Сраженіе при этомъ городѣ происходило 3-го сентября 718 года.

ствомъ и пріятностью своего ума онъ могъ бы легко понравиться Меценату и занять почетное мѣсто въ числѣ друзей его.

Намъ слѣдуетъ теперь ближе обозначить характеръ отношеній Горация къ Меценату, но мы ужъ имѣли случай коснуться этого вопроса въ другомъ мѣстѣ ⁽⁶¹⁾. Дополнимъ нашъ прежній очеркъ этихъ отношеній нѣкоторыми новыми подробностями.

Чувство независимости, которое такъ сильно было развито въ душѣ нашего поэта, не допустило его сдѣлаться обыкновеннымъ кліентомъ, но, съ другой стороны, оно нисколько не помѣшало Горацию питать искреннюю и самую глубокую привязанность къ Меценату. Эти характеристическія черты, рѣзко отличавшія Горация въ толпѣ кліентовъ, которыми былъ наполненъ домъ римскаго вельможи, съ особенною ясностью высказались въ седьмомъ посланіи (I-й книги) и въ той одѣ, начальныя слова которой (*sur me querelis exanimas tuis*) послужили эпиграфомъ одной изъ главъ предлагаемаго сочиненія.

Означенное посланіе написано поэтомъ, по общепринятому мнѣнію, въ августѣ или сентябрѣ 731 года, слѣдовательно въ то время, когда ему было ужъ за сорокъ лѣтъ. Пока Гораций былъ молодъ, жизнь въ Римѣ, если не всегда, то по временамъ очень ему нравилась. Въ эту пору въ нашемъ поэтѣ совмѣщались какъ-бы два человѣка: сынъ бѣднаго вепузинскаго отпущенника, питомецъ суроваго Орбілія, юноша умѣренный, преданный труду, любившій больше всего на свѣтѣ домашній очагъ и спокойствіе, и, съ другой стороны, блестящій и остроумный фаворитъ Мецената, не всегда разборчивый поклонникъ прекраснаго пола, душа и краса римскихъ разгульных пировъ. Несмотря на свою привязанность къ сельскому быту, Гораций нерѣдко и охотно покидалъ свою сабинскую виллу и любилъ весело пожить въ столицѣ Италіи, представлявшей столько средствъ къ удовольствіямъ разнаго рода. Въ эту пору своей жизни нашъ поэтъ часто и нетерпѣливо пробирался по многолюднымъ римскимъ улицамъ въ такъ хорошо-знакомый ему домъ на Эсквیلیяхъ ⁽⁶²⁾.

Но это время прошло. Годы охолодили страсти поэта, а болѣзни и немощи—необходимое слѣдствіе бурно-проведенной молодости—еще болѣе развили въ немъ врожденную страсть къ сельскому уединенію, къ природѣ и книгамъ. Жизнь въ Сабинумѣ сдѣлалась въ это время для Го-

⁽⁶¹⁾ Въ статьѣ о сабинскомъ помѣстьѣ Горация.

⁽⁶²⁾ См. шестую сатиру Горация (I-й кн.), отрывки изъ которой, поясняющіе наши слова, приведены въ русскомъ переводѣ въ упомянутой статьѣ объ Устикѣ.

рація не только удовольствіемъ , но почти необходимостью. Онъ все рѣже-и-рѣже разставался съ своею скромною виллою и ужь не могъ быть попрежнему ежедневнымъ гостемъ Мецената.

Для римскаго вельможи, который такъ искренно любилъ Горація, частыя отлучки его изъ Рима были тяжкимъ лишеніемъ. Къ-тому же Меценатъ имѣлъ не мало поводовъ къ хандрѣ въ то время, къ которому относится разбираемое посланіе. Люди, которыхъ Меценатъ любилъ больше всего на свѣтѣ, не отвѣчали ему взаимностью. Дружба его съ Августомъ утратила характеръ прежней искренности и мѣсто ея заступила холодность отношеній, незамѣтная для другихъ, но которую хорошо чувствовала Меценатъ ⁽⁶³⁾. Красавица Теренція, съ которою и безъ которой, по счастливому выраженію Виланда, онъ не могъ жить, постоянно огорчала его своею холодностью, съ отвращеніемъ избѣгала его старческихъ объятій и не скрывала своей привязанности къ Августу. Наконецъ и Горацій исчезъ изъ дома своего патрона. Старикъ почти лишился сна, котораго онъ жадно искалъ подъ звуки отдаленной музыки и подъ шумъ искусственныхъ каскадовъ ⁽⁶⁴⁾.

Изъ тона разбираемаго посланія видно, что оно писано въ отвѣтъ на неоднократно и настойчиво-повторенную просьбу Мецената о желаніи его видѣть поэта близъ себя въ Римѣ. Горацій обѣщалъ своему патрону исполнить его желаніе, но не сдержалъ слова. Это, вѣроятно, подало поводъ къ новой настойчивости со стороны Мецената и вызвало у поэта очень-рѣзкое и откровенное объясненіе. Горацій прямо объявляетъ Меценату, что, несмотря на всю свою привязанность къ нему, онъ больше всего на свѣтѣ дорожитъ своимъ независимымъ положеніемъ, и готовъ отдать своему патрону все его подарки даятого, чтобъ имѣть возможность располагать собою по произволу. Рѣзкость тона смягчается въ этомъ посланіи вставными разсказами (о хорькѣ и полевой мыши и, вслѣдъ затѣмъ, о Филиппѣ и Вултеѣ Менѣ), не затѣйливый, но суровый смыслъ которыхъ, разумѣется, былъ хорошо понятъ Меценату.

Все новые критики, начиная съ Скалигера до Виланда и послѣднихъ издателей Горація, въ восторгѣ отъ этого произведенія и не находятъ достаточно словъ для выраженія своего удивленія къ тѣмъ чувствамъ, которыя внушили его римскому поэту. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что разбираемое посланіе по-крайней-мѣрѣ столько же чести дѣлаетъ

⁽⁶³⁾ Объ этомъ ясно говоритъ Тацитъ въ Ann. IV, 24.

⁽⁶⁴⁾ Sen. de Provid. стр. 3.

Меценату, сколько и своему автору. Гораций зналъ, кому онъ пишетъ. Онъ, какъ видно, былъ убѣжденъ въ томъ, что его патронъ не принадлежалъ къ тѣмъ такъ-называемымъ покровителямъ литературы, которые требуютъ отъ писателей безусловной покорности своимъ желаніямъ и прихотямъ. И дѣйствительно, Меценатъ пріобрѣлъ въковую славу покровителя благородныхъ представителей науки и искусства не столько подарками, которые онъ имъ дѣлалъ, сколько глубокимъ уваженіемъ къ ихъ личности. Онъ умѣлъ цѣнить чувство самоуваженія и независимости, которое такъ сильно было развито въ душѣ Горация. Лучшимъ доказательствомъ справедливости нашихъ словъ служить то, что разбираемое посланіе, какъ положительно-извѣстно, нисколько не нарушило дружескихъ отношеній между римскимъ вельможею и его кліентомъ.

Желая ближе ознакомить нашихъ читателей съ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ римской литературы, мы пользуемся удобнымъ случаемъ представить его въ русскомъ переводѣ. «Объщавъ тебѣ (пишетъ Гораций къ Меценату) пребыть въ деревнѣ всего пять дней, я, обманщикъ, заставляю ждать себя цѣлый августъ. Но если только ты желаешь, Меценатъ, видѣть меня живымъ и здоровымъ, то, конечно, при моемъ опасеніи заболѣть, ту самую льготу, которую даешь мнѣ больному, ты предоставишь мнѣ въ то время, когда съ первою смоквою и зноемъ похороннаго распорядителя окружають (въ Римѣ) траурные ликторы, когда каждый отецъ и каждая мать блѣднѣють за своихъ дѣтей, а слишкомъ-услужливая ревность (клиентовъ) и дѣлшки на форумѣ влекутъ за собою лихорадки и распечатывають завѣщанія ⁽⁶⁵⁾. Если же зима покроетъ снѣгомъ Албанскія Горы (то—есть окрестности Рима), то поэтъ твой отправится къ морю ⁽⁶⁶⁾, и, скорчившись (отъ холода), будетъ беречь себя и все время проведетъ въ чтеніи, а тебя снова навѣститъ, милый другъ, если только ты позволишь, вмѣстѣ съ зефирами и съ первою ласточкою ⁽⁶⁷⁾. Ты обогатилъ меня не такъ, какъ (какой-то)

(65) Въ августъ обыкновенно свирѣпствовали въ Римѣ лихорадки. Въ это время тамъ много распечатывалось завѣщаній, то-есть много умерло людей.

(66) Въ какой-нибудь приморскій городъ, напримѣръ, въ Тарентъ, въ Соренто, въ Велію и т. д. Въ словахъ: «quodsi bruma nives Albanis illinet agris», условная частица *si* неправильно принимается Виландомъ, Пассовомъ и другими переводчиками Горация въ значеніи *particula temporis*. Поэтъ говорить, что онъ не только осень, но и зиму проведетъ не въ Римѣ, если она будетъ сурова.

(67) Выраженіе «contractusque leget» многіе мнѣе-правильно принимаютъ въ смыслѣ «будетъ (то-есть твой поэтъ) умѣренно читать».

калабріецъ, который принуждалъ своего гостя ѣсть груши (приговаривая): «кушай, пожалуйста». — «Нѣтъ, ужь довольно». — «Да ты возьми съ собою, сколько душѣ угодно». — «Благодарю покорно». — «Принесешь домой пріятный гостинецъ твоимъ малюткамъ». — «Я такъ цѣню твое радушіе, какъ-будто ты отпустилъ меня съ цѣлымъ грузомъ подарковъ». — «Какъ хочешь; ты вѣдь оставляешь все это на сегодняшній корытъ свиньямъ». Человѣкъ расточительный и глупый даритъ то, чѣмъ онъ самъ не дорожитъ и пренебрегаетъ: вотъ почва, которая ужь много произвела и всегда будетъ производить людей неблагодарныхъ. Человѣкъ же добрый и умный скажетъ, что онъ готовъ на все только для людей достойныхъ: онъ знаетъ, какая разница между настоящими деньгами и фальшивою монетою. Я сдѣлаюсь человѣкомъ достойнымъ, чтобъ не уронить чести того, кто оказалъ мнѣ столько услугъ ⁽⁶⁸⁾. Но если ты хочешь, чтобъ я никогда не отходилъ отъ тебя, то возврати мнѣ здоровье, мои черные волосы на узкомъ лбу, возврати пріятную рѣчь, изящный смѣхъ и мою грусть среди пира, когда съ него убѣжала плутовка Цинара ⁽⁶⁹⁾. Полевая мышь забралась какъ-то чрезъ узкую щель въ хлѣбный амбаръ, отѣлась тамъ и, разжирѣвъ, безуспѣшно старалась выползти назадъ. Если ты хочешь, сказалъ ей при этомъ издали хорекъ, выйти изъ амбара, то должна проползти чрезъ узкую щель такую же тощю, какою вошла туда ⁽⁷⁰⁾. Если смыслъ этой басни относится ко мнѣ

(68) То-есть, покровительство, которое ты оказываешь мнѣ, Меценатъ, не сдѣлаетъ тебѣ безчестія. Никто не скажетъ, что ты покровительствовалъ человѣку недостойному.

(69) Гораций съ грустью говоритъ здѣсь объ утратѣ прежней страсти и свѣжести чувства, какъ о печальныхъ признакахъ исчезнувшей молодости. Ту же самую мысль поэтъ выражаетъ въ другомъ мѣстѣ словами: «*non sum qualis eram bonae sub regno Cinarae*», то-есть «теперь я не тотъ, какимъ былъ когда-то подъ владычествомъ доброй Цинары». Цинара нравилась непостоянному и вѣтреному Горацию болѣе, чѣмъ всѣ другія его любимицы. Она жила недолго. Поэтъ говоритъ о ея смерти въ 13-й одѣ IV-й кн. Сцена о которой Гораций напоминаетъ Меценату, случилась, вѣроятно, въ его домѣ. Женщины извѣстнаго класса, къ которымъ принадлежала Цинара, составляли необходимую принадлежность римскихъ пировъ. Цинара исчезла съ пира, вѣроятно, не одна, а съ кѣмъ-нибудь, и это возбудило ревность и досаду въ душѣ юноши Горация.

(70) Мы принимаемъ здѣсь, вслѣдъ за Бенгли, чтеніе *nitedula*, вмѣсто обыкновеннаго чтенія *vulpecula* — лисица, потому-что это животное не птается немолотымъ хлѣбомъ. Смыслъ этого разсказа слѣдующій: я не

(продолжаетъ поэтъ), то я отъ всего отказываюсь. Я не изъ тѣхъ людей, которые прославляютъ (спокойный, беззаботный) сонъ плебея, наѣвшись лакомыхъ блюдъ (въ подлинникѣ: откормленной живности), и моего покоя, моей свободы (*otia libertatis*) не променяю на все богатства Аравіи. Ты часто хвалилъ меня, Меценатъ, за мою скромность, часто ты слышалъ отъ меня названія «царь» и «отецъ», и тѣми же именами я не рѣже привѣтствовалъ тебя заочно ⁽⁷¹⁾. Испытай же, могли ли я безъ сожалѣнія отдать все, что получилъ отъ тебя. Недурно, отвѣчалъ сынъ многострадальнаго Улисса, Телѣмакъ (Атриду, предлагавшему ему въ подарокъ коней). «Итака мѣсто неудобное для копей: нѣтъ тамъ ни обширныхъ равнинъ, ни обильной травы. Я не возьму, Атридъ, твоего подарка: онъ скорѣе самому тебѣ пригодится». Небольшому человѣку и прилично малое: теперь мнѣ нравится уже не царственный Римъ, а тихій Тибуръ и мирный Тарентъ».

Остальную часть этого посланія занимаетъ очень-живой разговоръ объ адвокатѣ Филиппѣ и прекоитѣ Вултеѣ Менѣ. Смыслъ этого разговора, какъ увидятъ читатели, тотъ же, что и въ баснѣ о хорькѣ и о полевой мышѣ. «Дѣятельный, твердый и знаменитый адвокатъ Филиппъ ⁽⁷²⁾ возвращался, около восьми часовъ (то-есть около двухъ часовъ пополудни), со службы домой и, жалуясь, по преклопности своихъ лѣтъ, на то, что Карины ⁽⁷³⁾, такъ далеко отъ форума, увидѣлъ, рассказываютъ,

хочу (говоритъ Гораций Меценату) поставить себя твоими подарками въ безвыходное и зависимое положеніе.

⁽⁷¹⁾ Гораций, конечно, прибавляетъ эти слова для того, чтобъ ослабить ими рѣзкость предъидущихъ. Поэтъ, такъ энергически отстаивая свою независимость, не желаетъ въ то же время показаться человѣкомъ упрямымъ, дерзкимъ и неблагодарнымъ. Словами *rex* и *pater* римскіе кліенты обыкновенно привѣтствовали своихъ патроновъ. У Ювенала (напримѣръ въ I-й его сатирѣ, ст. 136) и у другихъ римскихъ писателей много примѣровъ, которыми подтверждается такое значеніе этихъ словъ.

⁽⁷²⁾ Здѣсь, вѣроятно, плетъ рѣчь о Луціи Марціи Филиппѣ, который въ 693 году города, былъ консуломъ, а впоследствии цензоромъ. Цицеронъ хвалитъ Филиппа какъ оратора и называетъ его *facetus*, то-есть человѣкомъ острымъ и шутовскимъ. Разговоръ Горация совершенно согласенъ съ этимъ отзывомъ Цицерона.

⁽⁷³⁾ Каринами (*Carinae*) назывался одинъ изъ римскихъ кварталовъ, въ четвертой части (*regio*) города, гдѣ находились дома Помпея, Антонія, Цицерона и многихъ другихъ знатныхъ лицъ. Здѣсь же построены были храмы Земли, Юноны (*Junonis Sororiae*) и пр. Домъ Филиппа, какъ видно изъ приведенныхъ словъ, также находился въ этой части города. Раз-

въ пустой и темной лавкѣ цирюльника (74), какого-то только-что выбритаго человѣка, который спокойно чистилъ ножничкомъ свои ногти. «Деметрій — а это былъ слуга, который ловко понималъ смыслъ приказаній Филиппа — ступай, разспроси и доноси мнѣ, откуда родомъ этотъ человѣкъ, кто онъ такой, какое у него состояніе, кто его отецъ и кто патронъ». Деметрій идетъ, возвращается и рассказываетъ, что это преконъ (глатамай) Вультей, по прозвищу Мена, человѣкъ не богатый, но честный, извѣстный тѣмъ, что онъ и дѣтеленъ и лѣнивъ кстати (въ-время), умѣетъ зашибить копейку и дѣлать изъ нея надлежащее употребленіе; что онъ въ восторгѣ отъ своихъ маленькихъ (незначительныхъ, незнатныхъ) пріятелей, отъ собственнаго домика (*largo sergio*), и лишь-только кончить свои дѣла, отъ театра и отъ Марсова Поля (75). «Мнѣ хочется узнать отъ самого Мены обо всемъ, что ты рассказываешь. Скажи ему, чтобъ приходилъ ко мнѣ обѣдать». Мена, разумѣется, не вѣритъ и удивляется про-себя (возможности такого почетнаго приглашенія); словомъ, онъ отвѣчаетъ: «Слишкомъ-много чести». — «Какъ, онъ отказывается?» — «Отказывается, негодный человѣкъ: онъ или пренебрегаетъ твоимъ приглашеніемъ, или просто боится тебя». На слѣдующее утро Филиппъ застаётъ Вультея (на рынкѣ), какъ тотъ продавалъ простому народу (76) разный хламъ, и первый его привѣт-

стояніе отъ форума, находившагося въ седьмой части Рима, до Каринтъ было очень-значительно.

(74) Такъ понимаемъ мы это мѣсто. Другіе (напримѣръ, Дёрингъ и Пассовъ), въ выраженіи Горация «*vacua tonsoris in umbra*», слово *vacua* принимаютъ въ смыслъ *otiosa*. Пассовъ очень-неудачно переводитъ это мѣсто словами: «*im müssigen Schoppen des Scherer's*». Цирюльня называется пустою, или опустѣвшею потому, что былъ уже восьмой часъ и обычные ея посѣтители разошлись по домамъ. Вультей Мена, безъ-сомнѣнія, сидѣлъ у самаго входа въ лавку, такъ-что темнота, которая въ ней господствовала, не помѣшала Филиппу разсмотрѣть спокойное и беззаботное лицо его. Это самое довольство, которое выражалось на лицѣ Мены, по справедливому мнѣнію Якобса, было причиною того, что Филиппъ обратилъ вниманіе на этого человѣка.

(75) Оно служило постояннымъ сборнымъ мѣстомъ въ-особенности для людей праздныхъ. Здѣсь римляне обыкновенно занимались гимнастикой, играли въ мячъ и пользовались другими подобными развлеченіями.

(76) Въ подлинникѣ сказано, что Вультей продавалъ разный хламъ «*tunicato popello*», то-есть простолюдинамъ, одѣтымъ въ туннику, какъ-бы римскимъ блузникамъ. Тунника въ вѣкъ Горация попрежнему была обыкновеннымъ костюмомъ римскаго простолюдина, а тогда составляла отличіе

ствуешь. Онъ начинаетъ извиняться передъ Филиппомъ своими хлопотами и торговыми обязанностями, что не явился къ нему рано утромъ, и потому, что не первый замѣтилъ его. «Считай, что я простилъ тебя (отвѣчаетъ Филиппъ), если ты только придешь сегодня ко мнѣ объдать». — «Какъ прикажешь». — «Итакъ, приходи ко мнѣ въ десятомъ часу, а теперь ступай и хлопочи о своихъ барышахъ». Вультей является къ обѣду и, пасаказавъ всего, о чемъ слѣдовало говорить и о чемъ говорить не слѣдовало, наконецъ отпускается домой спать. Когда обнаружилось, что Вультей Мена, который, между-тѣмъ, сдѣлался утреннимъ клиентомъ и наконецъ постояннымъ гостемъ (Филиппа), замѣтно, подобно рыбакѣ, наклѣвывается на скрытую удочку, то, по случаю назначенія «латинскихъ ферій», онъ получаетъ приказаніе сопутствовать (своему патрону) въ его подгородную виллу (77). И вотъ, усаженный на иноходца, онъ не перестаетъ восхищаться сабинскими полями и небомъ (78). Филиппъ все это видитъ и подсмѣивается. Ища отдыха и пищи для смѣха, онъ даритъ Менѣ семь тысячъ сестерцій, столько же общается въ долгъ и уговариваетъ его купить себѣ поле. Покупаетъ Мена поле. Чтобы, однако, не задерживать тебя (Меценатъ) больше, чѣмъ слѣдуетъ, излишними подробностями (скажу коротко): изъ городского фронта Мена превращается въ мужика, говоритъ только о бороздахъ да виноградникахъ, садитъ вязы — словомъ, умираетъ надъ работою и старѣетъ отъ корыстолюбія. Но вотъ овцы украдены, козочки погибли отъ заразы, жатва обманула надежду, а быкъ издохъ подъ плугомъ, и Мена, огорченный этими утратами, среди ночи бросается на лошадь и, весь въ гнѣвѣ, скачетъ прямо къ дому Филиппа. Лишь-только Филиппъ увидѣлъ, какъ онъ всклокоченъ и не бритъ, «Ну, говоритъ,

(insigne) людей, принадлежавшихъ къ высшимъ классамъ общества. Позже это различіе въ костюмѣ исчезло и Ювеналъ (Sat. I, ст. 96), употребляетъ выраженіе «*turba togata*» въ томъ же смыслѣ, въ какомъ здѣсь употреблено выраженіе «*tunicatus ropellus*». Вультею Менѣ удобно было соединить свой торговый промыселъ съ обязанностью прекона, потому-что римскіе преконы были, между-прочимъ, дѣйствующими лицами при аукціонахъ.

(77) Такъ-какъ во время «*feriae Latinae*» всѣ суды и вообще присутственныя мѣста въ Римѣ закрывались на четыре дня, то дѣловые люди обыкновенно пользовались этимъ случаемъ, чтобы отдохнуть за городомъ. Латинскія феріи назначалъ ежегодно консулъ.

(78) Это черта, характеризующая городского жителя, который никогда не выѣзжалъ изъ стѣнъ Рима.

Вультей, мнѣ кажется, что ты ужь слишкомъ огрубѣлъ и сталъ скрюгомъ». — «Нѣтъ, патронъ (отвѣчаетъ онъ), ты бы сказалъ, клянусь Поллуксомъ, что я человѣкъ несчастный, еслибъ захотѣлъ дать мнѣ настоящее мое названіе. Умоляю и заклинаю тебя твоимъ геііемъ—хранителемъ ⁽⁷⁹⁾, твоею честью (въ подлинникѣ : правою рукою) и богамъ—пенатами, возврати меня къ прежней моей жизни».

Горацій заключаетъ свой рассказъ о Флиппѣ и Вультеѣ Менѣ слѣдующимъ нравоученіемъ : «Какъ—скоро человѣкъ пойметъ, на сколько оставленное имъ лучше вновь—добытаго, пусть онъ благовременно возвратится и устремится къ утраченному. Каждый долженъ мѣрять себя на свою мѣрку» ⁽⁸⁰⁾.

Независимое положеніе, въ которое нашъ поэтъ умѣлъ поставить себя въ—отношеніи къ своему патрону, нисколько не уменьшило искренней и глубокой привязанности Горація къ Меценату. Онъ, какъ мы уже замѣтили, былъ человѣкъ болѣзненный, и Горацію не разъ приходилось бояться за жизнь своего друга. По такому поводу написана семнадцатая ода (II-й кн.), на которую мы указали выше ⁽⁸¹⁾. Нигдѣ любовь нашего поэта къ Меценату не выразилась такъ сильно, какъ въ этомъ стихотвореніи. Для Горація невыносима мысль, что онъ можетъ лишиться своего друга и благодѣтеля, котораго тревожила боязнь близкой кончины. Поэтъ говоритъ, что онъ не переживетъ этой потери. Вотъ его слова въ переводѣ г. Фета, который, впрочемъ, на этотъ разъ далеко не выразилъ глубокаго чувства, составляющаго характеръ подлинника :

Къ чему плачевный стонъ меня терзаетъ твой?
 Мнѣ боги изрекать не стануть приговора,
 Чтобъ ты, о Меценатъ ! отшелъ передо мной,
 Отрада дней моихъ и сильная опора.
 Ахъ, еслибъ часть души въ тебѣ меня лишилъ
 Злой рокъ до времени, съ другою половиной,

⁽⁷⁹⁾ Геііей считался у римлянъ охранительнымъ божествомъ, которое невидимо сопутствовало каждому человѣку во всю его жизнь.

⁽⁸⁰⁾ Последній стихъ этого посланія представляетъ римскую поговорку (*locutio proverbialis*), которая совершенно соответствуетъ нѣкоторымъ изъ нашихъ пословицъ, напримѣръ : «знай сверчокъ свой шестокъ, по одѣжкѣ протягивай ножки, не въ свои сани не садись и пр.

⁽⁸¹⁾ Время появленія этой оды опредѣляется различно. Франке относитъ ее къ 728 году, а другіе къ 733 или 734. См. у Франдзена, стр. 206 — 209.

Къ чему останусь я, ни самъ себѣ не мнѣ,
 Ни въ силахъ прошлое возстановить кручиной? ⁽⁸²⁾.
 Въ одинъ и тотъ же день со мною ты умрешь.
 Не даромъ я клялся въ душѣ щепетливой:
 Иду, иду съ тобой, куда ни поведешь,
 Последняго нутти твой сотоварищъ вѣрный.
 Дыханье грозное Химеры огневой ⁽⁸³⁾,
 И самъ сторукий Гигъ ⁽⁸⁴⁾ хотя бы воскресли
 Его, не разлучать вовѣкъ меня съ тобой:
 Такъ правда мощная и парки такъ рѣшили ⁽⁸⁵⁾.

Предчувствіе поэта сбылось. Онъ, какъ извѣстно, пережилъ своего друга нѣсколькими недѣлями, и даже не успѣлъ оплакать его кончины въ особомъ стихотвореніи. Меценатъ умеръ, послѣ долгихъ страданій, въ осьмомъ году до Р. Хр. Въ томъ же году, 27-го ноября, не стало и Горация.

Мы не считаемъ нужнымъ указывать на всѣ остальные мѣста въ посланіяхъ, сатирахъ и одахъ римскаго поэта, въ которыхъ онъ обращается къ своему патрону. Сводъ этихъ мѣстъ представленъ, между прочимъ, Франзеномъ ⁽⁸⁶⁾, который, какъ мы уже замѣтили, не отличается особеннымъ пристрастіемъ къ личности Мецената. Несмотря на то, нѣмецкій ученый заключаетъ свое изслѣдованіе этого вопроса слѣдующими словами: «Изъ этого обзорнія стихотвореній Горация, имѣющихъ отношеніе къ Меценату, ясно видно, что поэтъ не какой-нибудь продажный льстецъ. Гораций, хотя и выставляетъ хорошія стороны въ характерѣ своего друга и, разумѣется, не очень-сильно порицаетъ его недостатки, но за-то не умалчиваетъ и о слабостяхъ Мецената и говорить о нихъ безъ особенной снисходительности. Все это служить доказательствомъ тонкаго ума и благороднаго сердца поэта; но, съ дру-

⁽⁸²⁾ Въ подлинникѣ не то. Выраженіе «nec superstes integer» означаетъ, что смерть Мецената нарушитъ цѣлостность, или цѣльность существованія Горация, то-есть, какъ-бы разобьетъ его жизнь.

⁽⁸³⁾ Многие писатели представляютъ Химеру чудовищемъ, изрыгающимъ пламя.

Прим. г. Фета.

⁽⁸⁴⁾ У исполнителя Гига, сына неба и земли, было сто рукъ и пятьдесятъ головъ.

Прим. г. Фета.

⁽⁸⁵⁾ Вторая половина этой оды наполнена астрологическими подробностями, имѣвшими большое значеніе въ глазахъ римлянина, но незанимательными для новаго читателя.

⁽⁸⁶⁾ См. Frandsen Maecen. Leb., стр. 193 — 220.

гой стороны, и Меценату немало дѣлаетъ чести то, что онъ считалъ его болѣе-достойнымъ своей дружбы, чѣмъ всѣхъ другихъ, и исторія римской поэзіи навсегда сохранить почетное о немъ воспоминаніе вмѣстѣ съ памятыю о знаменитомъ писателѣ, который пользовался его расположеніемъ».

Къ этимъ словамъ нѣмецкаго ученаго мы, съ своей стороны, прибавимъ, что поведеніе Горація въ-отношеніи къ Меценату отличалось не только благородствомъ, но и необыкновеннымъ тактомъ. Горацій неподражаемо-хорошо умѣлъ въ своихъ произведеніяхъ привести въ гармонію тонъ полнаго равенства съ отсутствіемъ ребяческой заносчивости и съ должнымъ уваженіемъ къ просвѣщенному аристократу, котораго поэтъ считалъ своимъ другомъ и благодѣтелемъ.

Вообще Горацій является типомъ римскаго кліента въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова. «Шутъ—предатель (пишетъ онъ къ Лоллію) ⁽⁸⁷⁾ отличается отъ друга не меньше, чѣмъ матрона отъ развратной женщины». Меценатъ умѣлъ понимать и цѣнить такой языкъ. Римскій вельможа достаточно былъ надѣленъ отъ природы тактомъ, знаніемъ людей и нравственнымъ чувствомъ для того, чтобъ въ толпѣ льстецовъ, шутовъ и параситовъ, которые его окружали, отличить благороднаго Горація.

Въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ изъ стихотвореній Мецената мы встрѣчаемъ также нѣсколько такихъ, въ которыхъ онъ выражаетъ свою привязанность къ римскому поэту. Смыслъ ихъ очень-затемненъ изысканностью изложенія, необыкновенною кудреватостью слога и другими недостатками, которые составляли характеръ вообще всѣхъ произведеній гораціева патрона. Переписчики, вѣроятно, также не мало способствовали литературному ихъ неряшеству. Вотъ одинъ изъ этихъ отрывковъ, наиболѣе — удобочитаемый, который Светоній приводитъ въ биографіи Горація :

Ni te visceribus meis, Horati,
Plus iam diligo, tu tuum sodalem
Ninnio videas strigiosiore ⁽⁸⁸⁾,

⁽⁸⁷⁾ Въ началѣ 18-го посланія 1-й кн.

⁽⁸⁸⁾ Послѣдній стихъ въ этомъ отрывкѣ очень-сомнителенъ и представляетъ множество вариантовъ, изъ которыхъ мы, вслѣдъ за Фоссомъ и Митшерлихомъ, выбрали самый вѣроятный. Полагаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ о поэтѣ Нинніи Крассѣ. Это вѣроятно, былъ человекъ, извѣстный всѣмъ въ Римѣ своею необыкновенною худощавостью.

То—есть «если я люблю тебя, Горацій, не больше своей утробы, то пусть ты увидишь твоего пріятеля еще болѣе сухощавымъ, чѣмъ Нинній».

Тамъ же мы находимъ извѣстіе, что Меценать, умирая, поручилъ въ своемъ завѣщаніи Горація вниманію Августа. «Horatii Flacci» (писалъ къ нему знаменитый покровитель литературы) *ut mei esto me-
mor*». Когда, спустя нѣсколько времени, тяжелая болѣзнь неожиданно застигла Горація, то онъ, не имѣя никакой возможности выразить свою послѣднюю волю письменно, объявилъ на словахъ, что оставляетъ свое небольшое имущество Августу. Въ глазахъ всякаго разумнаго чело-
вѣка эти факты должны имѣть большое значеніе. Положимъ, что мож-
но цѣлую жизнь играть въ дружбу и носить маску, но едва—ли такая
игра придетъ на мысль челоуѣку въ послѣднія его минуты.

Насъ, однако, больше всего занимаетъ вопросъ о политическихъ
убѣжденіяхъ Горація. Любопытно знать, какъ онъ велъ себя въ этотъ
отношеніи въ періодъ своего знакомства съ Меценатомъ?

Подробное разсмотрѣніе этого любопытнаго вопроса мы отлагаемъ до
слѣдующихъ отдѣловъ нашего сочиненія.

И. ВЛАГОВЪЩЕНСКІЙ.

БРОШКА ДОРРИТЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ И ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

БОГАТСТВО.

Часть третья.

XIV.

Нужда въ советъ.

Когда до британцевъ на берегу желтаго Тибра дошло извѣстiе, что ихъ умный соотечественникъ мистеръ Спарклеръ сдѣланъ былъ однимъ изъ лордовъ ихъ Департамента Обиняковъ, они приняли это извѣстiе чрезвычайно—спокойно, какъ они принимали всякое другое извѣстiе о какомъ—нибудь несчастiи или преступленiи, вычитанное ими изъ англійскихъ газетъ. Одни смѣялись при этомъ извѣстiи, другiе, какъ—бы желая вполне оправдать столь удивительное, повидимому, событiе, говорили, что это мѣсто, не требуя рѣшительно никакой дѣятельности отъ человѣка, занимающаго его, давало только доходъ, и для такой должности годится всякiй дуракъ, умѣющiй лишь правильно писать свое имя; нѣкоторые, наконецъ (то были уже важнѣйшіе политическіе орacula) говорили, что Децимусъ поступалъ благоразумно, упрочивая такимъ образомъ свое положеніе, и что единственно въ этомъ заключалось конституціонное значеніе тѣхъ мѣстъ, которыми Децимусъ могъ располагать по своему усмотрѣнiю. Нѣсколько жолчныхъ британцевъ, правда, въ очень—незначительномъ числѣ, не соглашались съ этимъ членомъ вѣры; но ихъ возраженія были чисто—теоретичны. Въ практическомъ же отношенiи они нисколько не заботились объ этомъ дѣлѣ, какъ—будто оно касалось другихъ какихъ—то британцевъ, существующихъ Богъ—знаетъ гдѣ или, можетъ—быть, вовсе—несуществующихъ. Подобнымъ же образомъ, на родинѣ, значительное число британцевъ въ продолженіе тѣхъ—двадцати—четырехъ часовъ сряду утверждали, что эти невидимые

и безыменные британцы «непременно должны поднять это дѣло», и что если они не будутъ протестовать противъ такого образа дѣйствій, они вполне заслуживаютъ, чтобъ съ ними такъ обходились. Но къ какому роду принадлежали безпечные британцы? гдѣ скрывались эти несчастныя созданья? зачѣмъ они скрывались? какимъ образомъ случалось, что они постоянно упустили изъ вида свои интересы, между-тѣмъ, какъ столько другихъ британцевъ никакъ не могли объяснить себѣ причины такой безпечности? — разрѣшить эти вопросы не былъ въ-состояніи никто, ни на берегу желтаго Тибра, ни на берегу черной Темзы.

Съ граціозною небрежностью, которая возвышала преимущества мистрисъ Мёрдль такъ же, какъ оправа возвышаетъ красоту драгоценнаго камня, эта леди сообщала всѣмъ знакомымъ полученное извѣстіе и принимала поздравленія.

— Да, говорила она: — Эдмундъ принялъ эту должность. Мистеръ Мёрдль желалъ, чтобъ онъ принялъ ее, и Эдмундъ исполнялъ желаніе мистера Мёрдля. Я надѣюсь, что Эдмунду поправится это мѣсто, но положительно я въ томъ не увѣрена. Оно удержать его въ городѣ, тогда-какъ онъ предпочитаетъ жизнь за городомъ. Несмотря на то, такое положеніе, нельзя сказать, чтобъ было неприятнымъ, и какъ бы то ни было, оно все-таки положеніе. Нельзя отрицать, что какъ съ одной стороны мѣсто это дали Эдмунду, желая угодить мистеру Мёрдлю, такъ, съ другой стороны, это мѣсто вовсе недурно для Эдмунда. Я очень-рада, что онъ будетъ занятъ чѣмъ-нибудь, и очень-рада, что онъ за свой трудъ будетъ получать что-нибудь. Въ эту минуту трудно рѣшить, лучше ли было Эдмунду поступить въ армію, чѣмъ въ гражданскую службу. Подождемъ и увидимъ послѣ.

Такимъ образомъ выражалась о событіи грудь, которая въ совершенствѣ владѣла искусствомъ отзываться о какомъ-нибудь дѣлѣ повидимому небрежно, чтобъ придавать ему значительный вѣсъ. Что касается Генри Гоуэна, котораго Децимусъ отвергъ, то онъ ходилъ по всѣмъ своимъ знакомымъ, начиная отъ Porta del Popolo до города Альбано, почти (но только почти) со слезами на глазахъ клялся, что Спарклеръ добродушнѣйшій, мягкосердый—словомъ, достойнѣйшій изъ достойныхъ любви ословъ, которые когда-либо паслись на общественномъ выгонѣ, и увѣрялъ всѣхъ, что одно только обстоятельство могло бы обрадовать его, Гоуэна, болѣе, чѣмъ полученіе имъ, возлюбленнымъ осломъ, этой должности, именно, еслибъ самъ онъ, Гоуэнь, получилъ это мѣсто. Онъ говорилъ, что Спарклеръ въ этой должности будетъ какъ-нельзя-болѣе на мѣстѣ. Дѣлать тамъ рѣшительно нечего, и онъ будетъ выполнять эту обязанность восхитительно; за эти труды полагается прекрасный окладъ, и

онъ будетъ получать его на-славу. Словомъ , то было великодушное, чудное, какъ-нельзя-болѣе приличное назначеніе, такъ-что Генри Гоуэнь почти готовъ былъ простить дарителю пренебреженіе, оказанное имъ ему, Гоуэну, съ радости, что этотъ удивительный оселъ Эдмундъ, къ которому Генри Гоуэнь питалъ столь искреннее расположеніе, былъ такъ чудно пристроенъ. Но его благоволеніе этимъ еще не ограничивалось. Въ обществѣ онъ всѣми силами старался обратитъ общее вниманіе на мистера Спарклэра и постоянно выдвигалъ послѣдняго на первый планъ; и хотя этотъ поступокъ, свидѣтельствовавшій о привязанности Генри Гоуэна къ мистеру Спарклэру, имѣлъ неблагопріятныя послѣдствія, потому-что всегда представлялъ умышленную сторону послѣдняго джентльмена въ самомъ жалкомъ и плачевномъ свѣтѣ, тѣмъ неменѣе сомнѣваться въ искренности дружескихъ намѣреній Генри Гоуэна было рѣшительно-невозможно.

Сомнѣвался въ этомъ развѣ только предметъ страсти мистера Спарклэра. Миссъ Фанни находилась въ это время въ затруднительномъ положеніи: съ одной стороны, всѣ знали, что она была предметомъ страсти мистера Спарклэра, съ другой стороны, какъ ни капризно обращалась она съ молодымъ джентльменомъ, она не отталкивала его отъ себя совершенно. Такимъ-образомъ, находясь въ столь-близкихъ отношеніяхъ съ джентльменомъ, Фанни чувствовала себя обиженною, если онъ становился смѣшонъ болѣе обыкновеннаго, и такъ-какъ она отъ природы одарена была остроуміемъ, то иногда подавала ему помощь противъ Гоуэна и оказывала ему важныя услуги. Но въ то время, когда она брала его подъ свою защиту, ей становилось стыдно за него, она не знала на что рѣшиться: совсѣмъ ли забавиться отъ него или поощрять его рѣшительнѣе; ее смущали опасенія, что эта неизвѣстность, увеличиваясь съ каждымъ днемъ, опутаетъ ее совершенно; наконецъ несчастная дѣвушка терзалась подозрѣніями, что мистрисъ Мёрдъ торжествовала при видѣ затруднительнаго положенія, въ которомъ находилась Фанни. Такимъ-образомъ нѣкому не покажется удивительнымъ, что миссъ Фанни, при такой борьбѣ различныхъ ощущеній, возвратилась въ одинъ вечеръ съ концерта и бала въ домъ мистрисъ Мёрдъ въ взволнованномъ состояніи, грудь ея высоко подымалась, глаза наполнялись слезами; въ досадѣ съѣла она къ туалетному столу и, когда сестра ласками хотѣла утѣшить ее, миссъ Фанни оттолкнула Эми отъ себя и объявила, что она ненавидитъ весь міръ и желаетъ себѣ смерти.

— Милая Фанни, что случилось? скажи мнѣ.

— Что случилось? Ты маленькій кротъ, возразила Фанни:—еслибъ ты не была самымъ слѣпымъ изъ слѣпыхъ созданій, тебѣ пенужно было

бы и спрашивать меня объ этомъ. Схѣнешь ли ты послѣ этого увѣрить меня, что у тебя есть глаза, когда ты спрашиваешь меня, что случилось?

— Не-уже-ли мистеръ Спаркльеръ... милая Фанни?

— Мис...теръ Спар...кльеръ! повторила Фанни съ безграничнымъ презрѣніемъ, какъ-будто молодой джентльменъ былъ самымъ послѣднимъ предметомъ въ солнечной системѣ, о которомъ она могла вспомнить. — Нѣтъ, миссъ летучая мышь; онъ тутъ рѣшительно въ-сторонѣ!

Въ ту же минуту она раскаялась, что назвала сестру такими именами; рыдая, произнесла, что она знаетъ, что она ненавистна всѣмъ, но что всѣ принуждаютъ ее къ такому поведенію.

— Кажется, ты несовсѣмъ-здорова сегодня, милочка Фанни?

— Какой вздоръ! возразила молодая леди, снова разгораясь. — Я такъ же здорова, какъ и всѣ вы. Я могла бы даже сказать, что мое здоровье лучше вашего, но изъ этого не слѣдуетъ еще, что я необходимо должна хвастать имъ.

Бѣдная Крошка Дорритъ не знала, какими словами она могла бы утѣшить сестру и, боясь, что ея ласки могутъ только раздражить Фанни, сочла за лучшее молчать. Сначала и это поведеніе сестры сердило взволнованную молодую леди. «Мнѣ кажется» говорила она, обращаясь къ своему зеркалу: «что изъ всѣхъ испытаній, которыя можетъ имѣть дѣвушка, самое тяжкое — сестра, ничего-непонимающая. Я знаю, что я бываю иногда въ самомъ скверномъ расположеніи духа, я знаю, что я дѣлаю себя ненавистною; а если я становлюсь ненавистною, то лучше всего сказать мнѣ это прямо; но такъ-какъ природа, къ-несчастью, дала мнѣ глупую сестру, то мнѣ и не говорить этого прямо, а это обстоятельство просто подстрекаетъ, заставляетъ меня вести себя такъ, что я становлюсь всѣмъ въ тягость. Кромѣ-того (продолжала она гнѣвно, обращаясь попрежнему къ зеркалу), я не хочу, чтобъ меня извиняли въ этомъ. Въ томъ нѣтъ ни капли справедливости, что я должна всегда унижаться, чтобъ получить прощеніе отъ младшей сестры. Между-тѣмъ въ этомъ-то и заключается искусство: всегда привести меня въ такое положеніе и потомъ извиняютъ, все-равно, довольна ли я этимъ или нѣтъ». Въ-заключеніе миссъ Фанни зааплакала горячими слезами и, когда ея сестра подошла къ ней и сѣла подлѣ нея, стараясь утѣшить ее, воскликнула:

— Эми, ты истинный ангелъ! Но, душечка, я должна сказать тебѣ, произнесла Фанни, когда ласки ея сестры успокоили ее: — дѣло это дошло теперь до того, что оно не можетъ продолжаться такъ и не можетъ оставаться въ такомъ положеніи, въ какомъ оно находится теперь, и, такъ или иначе, оно должно непременно рѣшиться.

Хотя это объясненіе произнесено было весьма-рѣшительно, тѣмъ неменѣе оно было неопредѣленно, и Крошка Дорритъ возразила:

— Въ такомъ случаѣ подумаемъ, какъ это устроить.

— Я вполне соглашаюсь съ тобою, милая Эми, возразила Фанни, осушая слезы.—Подумаемъ, какъ это устроить. Я теперь опять стала благоразумною, и ты посоветуй что мнѣ дѣлать. Вѣдь ты мнѣ посоветуешь, милочка, не правда ли?

Эми не могла не улыбнуться на такую просьбу.

— Изволь, Фанни, я готова помочь тебѣ, какъ могу, отвѣчала она.

— Благодарю тебя, дорогая Эми, возразила Фанни, цалуя сестру.— Ты мой якорь спасенія.

Объявъ весьма-нѣжно свой якорь, Фанни взяла съ туалетнаго стола стьянку съ благовонною водою и приказала горничной подать ей тонкій носовой платокъ. Затѣмъ она послала горничную спать и приготовилась слушать совѣты своей сестры, прикладывая повременамъ мокрый платокъ къ глазамъ и ко лбу, чтобъ прохладить ихъ.

— Дружокъ мой, начала Фанни: — наши характеры и взгляды на жизнь довольно-различны — поцалуй меня еще, мое золото! — и очень-вѣроятно, что ты будешь удивлена тѣмъ, что я скажу тебѣ. Я хочу сказать тебѣ, моя милая, что, несмотря на наше богатство, мы, въ отношеніи къ обществу, находимся въ невыгодномъ положеніи. Ты несовсѣмъ поняла, что я говорю, Эми?

— Если ты скажешь еще нѣсколько словъ въ поясненіе, то я, безъ всякаго сомнѣнія, пойму тебя, отвѣчала Эми кротно.

— Хорошо, милая моя. Я говорю, что мы, какъ бы то ни было, еще новички относительно фешёнзбльной жизни.

— Я увѣрена, Фанни, что никто не можетъ сказать это о тебѣ, горячо прервала сестру Крошка Дорритъ, питавшая къ Фанни безграничное удивленіе.

— Ну, можетъ-быть, прелестное дитя мое! сказала Фанни. — Съ твоей стороны очень-мило и любезно, прелестная Эми, что ты отзывается обо мнѣ такъ лестно.

При этихъ словахъ она смочила лобъ своей сестры и подула на него.

— Но всё знаютъ, продолжала Фанни:—что ты самая милая, самая любезная сестрица на свѣтѣ. Но къ дѣлу, дитя мое! Папа настоящій джентльменъ и отлично образованъ, но въ нѣкоторыхъ самыхъ пустыхъ вещахъ онъ нѣсколько отличается отъ другихъ джентльменовъ, имѣющихъ такое же, какъ онъ, состояніе. Это происходитъ частью оттого, что онъ, бѣдненькій, перенесъ столько горя, частью, какъ мнѣ кажется, оттого, что онъ всегда мучится мыслью, что люди, съ которыми онъ

говорить, знаютъ его прежнее положеніе. Что касается дяди, душа моя, то онъ имѣетъ видъ и манеры совершенно-непрезентабельные. Онъ добрыйша душа, и я чувствую къ нему самую нѣжную привязанность, тѣмъ неменѣе, однакожь, онъ, говоря словами общества, ужасенъ. Эдвѣрдъ ведетъ безпутную жизнь и страшно соряетъ деньгами. Я не хочу сказать, что онъ ведетъ себя не какъ джентльменъ — нѣтъ, я далека отъ такой мысли, но я говорю, что онъ ведетъ себя несовсѣмъ ловко; что онъ, если могу такъ выразиться, за тѣ деньги, которыя тратитъ, не въ достаточной степени пользуется славою мота.

— Бѣдный Эдвѣрдъ! прошептала Крошка Дорритъ со вздохомъ, въ которомъ отразилась вся исторія семейства.

— Да. И ты бѣдная, и я также, возразила Флора, нѣсколько-рѣзко. — Да, совершенно-справедливо! Далѣе, милая моя, у насъ нѣтъ матери, а есть какая-то мистрисъ Джeneralъ. И я скажу тебѣ опять, прелестная Эми, что мистрисъ Джeneralъ, если я могу оборотить поговорку и примѣнить ее къ ней, не что иное, какъ кошка въ перчаткахъ, которая непремѣнно *поймаетъ* мышей. Эта женщина, я въ томъ твердо увѣрена, хочеть сдѣлаться нашею мачихой.

— Я едва могу вообразить себѣ это, Фанни...

— Не противорѣчь мнѣ въ этомъ, Эми, прервала ее сестра:—потому что мнѣ это лучше извѣстно.

Замѣтивъ, что ея возраженіе было нѣсколько-рѣзко, Фанни опять смочила сестрѣ лобъ и подула на него.

— Но, продолжала она затѣмъ: — пойдемъ далѣе, душа моя. Тогда возникаетъ для меня вопросъ — ты очень-хорошо знаешь, Эми, что я горда, можетъ-быть, даже слишкомъ-горда—не должна ли я рѣшиться и занять мѣсто, которое принадлежитъ нашей фамиліи по ея богатству?

— Какимъ образомъ? спросила ее сестра, заботливо.

— Я не позволю, сказала Фанни, не отвѣчая на вопросъ: — чтобъ мистрисъ Джeneralъ, сдѣлавшись моею мачихой, уничила надо мной, и также не допущу, чтобъ мистрисъ Мѣрдль, въ какомъ бы то ни было отношеніи, покровительствовала мнѣ или мучила меня.

Крошка Дорритъ, устремивъ на сестру еще болѣе озабоченный взглядъ, положила свою руку на руку, державшую стклянку съ благовоинной водой. Фанни принялась сплънѣе примачивать лобъ, какъ-будто серьезно желала наказать себя, и сдержаннымъ голосомъ продолжала:

— Никто не можетъ отрицать, что онъ получилъ очень-хорошее положеніе... такъ или иначе, и какимъ образомъ—это рѣшительно все-равно. Никто не можетъ отрицать, что это очень-хорошая партія. Что жъ касается того, уменъ ли онъ или неумень, то я очень сомнѣ-

ваюсь, чтобъ умный человекъ болѣе годился мнѣ въ мужа. Я не могу покоряться. Я не была бы способна достаточно уступать ему.

— О, милая Фанни! жалобно произнесла Крошка Дорритъ, которая почувствовала нѣкоторый страхъ, когда поняла о чемъ говорила ее сестра: — еслибъ ты любила кого-нибудь, чувства твои совершенно бы измѣнились. Еслибъ ты любила кого-нибудь, ты перестала бы думать о себѣ самой, ты забыла бы себя и всю душою предалась бы ему. Еслибъ ты любила его, Фанни...

Фанни перестала мочить лобъ и пристально смотрѣла на сестру.

— О, въ-самомъ-дѣлѣ! вскричала Фанни. — Не-уже-ли это такъ? Ахъ, Богъ мой! какъ отлично знаютъ нѣкоторые люди извѣстныя вещи! Говорятъ, что каждый человекъ имѣетъ какой-нибудь предметъ, которымъ онъ особенно занимается, и я какъ-разъ, кажется, попала на твой, Эми! Ну, успокойся, милая Крошка, я только пошутила, продолжала Фанни, дотрогиваясь намоченнымъ духами платкомъ до лба своей сестры:—не совѣтую только быть тебѣ глушенькою кошечкой, не бредить пустяками и не мечтать о томъ, что давнымъ-давно всѣми признано невозможнымъ. Ну, довольно! Теперь я перехожу къ своему дѣлу.

— Милая Фанни, позволь мнѣ сказать тебѣ прежде, что я скорѣе согласилась бы трудиться и жить въ нуждѣ, какъ прежде, чѣмъ видѣть тебя богатою и за мужемъ за мистеромъ Спарклеромъ.

— *Позволь* мнѣ сказать, моя милая? повторила Фанни:—конечно, я позволяю тебѣ говорить все, что хочешь. Надѣюсь, что о запрещеніи тутъ и рѣчи быть не можетъ. Вѣдь мы вдвоемъ говоримъ и судимъ объ этомъ предметѣ. Что жъ касается моего брака съ мистеромъ Спарклеромъ, то я нисколько не думаю, что это случится сегодня вечеромъ или завтра утромъ.

— Но все же случится когда-нибудь?

— Никогда, сколько мнѣ извѣстно въ настоящее время, отвѣчала Фанни равнодушно; потомъ, внезапно перейдя изъ равнодушія въ сильное безпокойство, прибавила:—ты говоришь объ умныхъ людяхъ, сердце мое! Прекрасно и чрезвычайно-легко говорить объ умныхъ людяхъ, но откуда возьмемъ мы ихъ? Около себя я ихъ еще никогда не видѣла.

— Милая Фанни! въ такое короткое время...

— Въ короткое ли, въ долгое ли время, прервала ее Фанни: — мнѣ ужъ надоѣло наше положеніе; нашего положенія я не могу переносить спокойно, и я буду рада выйти изъ него какимъ бы ни было образомъ. Другія дѣвушки, воспитанныя иначе или находящіяся въ другихъ обстоятельствахъ, удивляются, можетъ-быть, моимъ словамъ или поступкамъ. Пусть онѣ удивляются. Ихъ жизнь и характеръ ведутъ ихъ по одной дорогѣ; моя жизнь и мой характеръ ведутъ меня по другой.

— Фанни, милая Фанни! ты знаешь, что, по своимъ качествамъ, ты достойна быть женою человѣка, стоящаго несравненно—выше мистера Спарьлѣра!

— Эми, милая Эми! возразила Фанни, подражая сестрѣ: — я знаю, что я желаю имѣть болѣе-опредѣлительное и болѣе-ясное положеніе въ обществѣ, которое позволило бы мнѣ совершенно уничтожить эту безстыдную женщину.

— Не-уже-ли для этого ты—извини меня, что я спрашиваю тебя, Фанни — не-уже-ли для этого ты вышла бы замужъ за ея сына?

— Что жь, можетъ-быть, возразила Фанни съ торжествующею улыбкою.—Другіе пути, которыми я могла бы достигнуть своей цѣли, можетъ-быть, не столь вѣрны, какъ этотъ путь, моя милая. Эта наглая женщина думаетъ, можетъ-быть, теперь, что она одержитъ страшную побѣду и отстранитъ меня совершенно, когда навяжетъ мнѣ своего сына. Но она, вѣроятно, не догадывается, какимъ образомъ отплатю я ей, когда выйду замужъ за ея сына. Я буду поперечить ей во всемъ, буду состязаться съ нею во всемъ. Вотъ какова была бы задача моей жизни!

Въ это время Фанни поставила стклянку на столъ и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливаясь только тогда, когда говорила.

— Одного я непременно бы достигла, дитя мое: я заставила бы ее состарѣться, и я сдѣлала бъ это непременно.

И Фанни снова начала ходить по комнатѣ.

— Я говорила бы о ней, какъ о пожилой женщинѣ. Я приняла бы видъ, что вѣрно знаю сколько ей лѣтъ... впрочемъ, мнѣ незачѣмъ было бы принимать видъ, потому-что я могла бы узнать это отъ ея сына. И я стала бы говорить ей, Эми, съ большимъ чувствомъ и какъ подобаешь послушной невесткѣ: «Какъ удивительно вы еще сохранились, если вспомнить ваши годы!» Ужь тѣмъ, что я гораздо-моложе ея, я заставила бы ее казаться старѣе. Я, можетъ-быть, не такъ хороша, какъ она; въ этомъ дѣлѣ я по всей вѣроятности не могу считать себя безпристрастнымъ судьей; но я знаю, я довольно-хороша для того, чтобъ быть для нея бѣльмомъ на глазу. И я не пропускала бы ни одного случая позлить ее тѣмъ.

— Милая сестра! не-уже-ли ты могла бы приговорить себя къ несчастной жизни только для этого?

— Такая жизнь не была бы мнѣ несчастною, Эми, напротивъ, мнѣ какъ-нельзя-болѣе, нравится такая жизнь. Отъ природы ли, или отъ обстоятельствъ—это все-равно, но такая жизнь мнѣ почти болѣе нравится, чѣмъ всякая другая.

Отчаяніе слышалось въ тонѣ, которымъ произнесены были эти сло-

ва. Въ ту же минуту она гордо засмѣялась и снова начала ходить по комнатѣ; потомъ, пройдя мимо большаго зеркала, опять остановилась.

— Сложеніе, Эми, сложеніе!.. Прекрасно! Эта жейщина отлично сложена — въ этомъ отдаю я ей должную справедливость и не отрицаю въ ней этого. Но не-уже-ли своимъ сложеніемъ она до-того затмѣваетъ другихъ, что нельзя и думать соперничать съ нею? Нѣтъ, клянусь небомъ, я въ этомъ несомнѣннѣ увѣрена! Я не думаю, чтобъ она могла убить женщину, которая гораздо-моложе ея и которая, выйдя замужъ, будетъ имѣть право одѣваться такъ же, какъ она.

Мысль, при этихъ словахъ мелькнувшая въ головѣ молодой дѣвушки, повидимому, была ей пріятна и польстила ей. Въ лучшемъ расположеніи духа съѣла теперь Фанни на свое прежнее мѣсто. Обѣими руками схватила она руны своей сестры, подняла ихъ надъ своей головой и съ улыбкою смотрѣла на сестру.

— И танцовка, Эми, которую она совершенно забыла, танцовка, которая нисколько на меня не похожа и которую я ей никогда не напоминаю — о, никогда!.. эта танцовка стала бы танцевать передъ нею въ продолженіе всей ея жизни, танцевала бы передъ нею на ея пути и во такой мелодіи, которая вывела бы изъ терпѣнія ея наглое спокойствіе... да, вывела бы, нѣсколько изъ терпѣнія ея, милая моя Эми!

Встрѣтивъ грустный и умоляющій взоръ Эми, она опустила свои руки и руки сестры и приложила палецъ къ губамъ Эми.

— Не противорѣчь мнѣ, дитя, сказала она нѣсколько-строгимъ голосомъ: — твои возраженія не поведутъ ни къ чему. Я понимаю эти дѣла лучше тебя. Я далеко еще не рѣшилась на это совершенно, но это легко можетъ случиться. Такимъ-образомъ мы поговорили объ этомъ дѣлѣ довольно-долго и можемъ теперь отправиться спать. Спокойной ночи, мой дорогой, прелестный, крошечный мышоночекъ!

Съ этими словами Фанни подняла свой «якорь»: выслушавъ столько совѣтовъ, она полагала, что ихъ на сегодня будетъ достаточно.

Съ этого времени Эми съ большимъ вниманіемъ стала наблюдать, какимъ образомъ обходилась съ мистеромъ Спарклеромъ его повелительница, и всему, что происходило между ними обоняя, придавала особенную важность. Крошкѣ Дорритъ казалось повременамъ, что Фанни не была въ состояніи переносить его умственную слабость и до-того выходила изъ себя, что готова была дать ему полную отставку. Въ другое же время Фанни была къ нему гораздо-нисходительнѣе; выходки молодаго джентльмена даже забавляли ее, и сознаніе ея превосходства надъ нимъ, казалось, держало въ равновѣсіи другую чашу вѣсовъ. Еслибъ мистеръ Спарклеръ не былъ вѣрнѣйшимъ и преданнѣйшимъ любовникомъ, то онъ давнымъ-
Т. СХІІ. — Отд. I.

давно бѣжалъ бы отъ мѣста своихъ страданій и не раньше успокоился бы, пока между нимъ и его повелительницей было бы по-крайней-мѣрѣ такое разстояніе, которое раздѣляетъ Римъ отъ Лондона — такъ невыносимы были его испытанія! Но онъ былъ такъ же независимъ, какъ независима бываетъ лодка, буксируемая пароходомъ. Такимъ-образомъ мистеръ Спарклёръ слѣдовалъ за своею жестокою владычицею повсюду съ одинаковымъ постоянствомъ.

Впродолженіе этого времени мистрисъ Мердль очень-мало разговаривала съ Фанни, но говорила о ней очень-много. Можно было подумать, что она не смѣла отвести свой лорнетъ отъ молодой дѣвушки и должна была въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзываться въ обществѣ о красотѣ Фанни и о всемогуществѣ этой красоты. Когда Фанни слышала эти выраженія (что случалось почти всегда), она принимала какъ-бы вызывающій видъ, судя по которому, никто не могъ подумать, что молодая дѣвушка уступить безпристрастной груди: послѣдняя, желая отмстить гордой красавицѣ, прибавляла обыкновенно во всеуслышаніе: «избалованная красавица! Но, увидѣвъ это прелестное лицо и эти чудныя формы, кто станетъ удивляться тому?»

Недѣли четыре или недѣль шесть послѣ того вечера, въ которой Фанни совѣщалась съ своею сестрою, Крошка Дорритъ замѣтила, что отношенія между мистеромъ Спарклёромъ и Фанни перемѣнились. Мистеръ Спарклёръ, какъ-бы согласно съ какимъ-то условіемъ, прежде, чѣмъ начиналъ говорить, смотрѣлъ на Фанни, какъ бы испрашивая у нея позволеніе на то. На его взоръ благоразумная молодая леди не отвѣчала тѣмъ же; но если мистеръ Спарклёръ получалъ позволеніе говорить, она молчала; если же онъ не получалъ этого позволенія, она сама начинала говорить. Равнымъ образомъ можно было замѣтить, что когда Генри Гоуэнъ принимался за дружескую услугу: склонюзить мистера Спарклёра, то послѣдній не поддавался ему. Мало того: въ такихъ случаяхъ Фанни обыкновенно произносила какую-нибудь фразу, которая, повидимому, не имѣла ни къ чему на свѣтѣ ни малѣйшаго отношенія, но которая, между-тѣмъ, до-того была извѣтельна, что Гоуэнъ въ ту же минуту ретировался, какъ-будто влѣзъ руками въ улей.

Еще одно обстоятельство наводило страхъ на Крошку Дорритъ, хотя оно само-по-себѣ не было очень-важно. Мистеръ Спарклёръ сталъ обходиться съ нею совершенно-иначе. Онъ обходился съ нею какъ съ сестрою. Когда Крошка Дорритъ — въ домѣ ли своего отца, или въ домѣ мистрисъ Мердль, или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ — уходила отъ общества въ уединенную комнату, мистеръ Спарклёръ неожиданно появлялся около нея и обвивалъ рукою ея талію. Мистеръ Спарклёръ

никогда ни однимъ словомъ не объяснилъ такого вниманія къ Крошкѣ Дорритъ; онъ только улыбался; на лицѣ его выражались смущеніе, удовольствіе, добродушіе, короткость — все это не было въ-состояніи разсѣять опасенія Крошки Дорритъ.

Однажды Крошка Дорритъ сидѣла дома и съ грустью думала о Фанни. Комната обѣихъ сестеръ находилась въ концѣ цѣлаго ряда салоновъ; то былъ совершенно-неправильный фонарикъ, выдававшійся на улицу; изъ большаго окна видѣлась на далекое разстояніе живописная дѣятельная жизнь, существующая на Корсо. Въ-особенности интересный видъ принимала площадь часа въ три или четыре послѣ обѣда, по англійскому счисленію времени, и Крошка Дорритъ въ это время обыкновенно сидѣла здѣсь и мечтала, подобно тому, какъ она мечтала на балконѣ въ Венеціи. Однажды сидѣла она здѣсь, какъ обыкновенно, и мечтала; вдругъ чья-то рука нѣжно опустилась на ея плечо. Передъ ней стояла Фанни.

— Ну, милочка Эми, о чемъ ты задумалась? сказала она, садясь волеж сестры на окно.

Обѣ сестры обыкновенно сидѣли на окнѣ. Когда происходило какое-нибудь торжество, или когда мимо ихъ дома шла какая-нибудь процессія, онѣ обыкновенно выѣзживали изъ окна яркаго цвѣта ковры и становились колѣнями или садились на подоконникъ. Но сегодня не было никакой процессіи, и Крошка Дорритъ была очень удивлена тѣмъ, что Фанни была дома, такъ-какъ она въ это время обыкновенно ѣздила верхомъ.

— Ну, Эми, сказала Фанни:—о чемъ ты такъ задумалась, милая?

— Я думала о тебѣ, Фанни.

— Не-уже-ли? Какъ странно! Посмотри, здѣсь еще кто-то. Ужь не думала ли ты и о немъ, Эми?

Фанни была права: Эми думала и о немъ, потому-что съ Фанни былъ мистеръ Спарклеръ. Крошка Дорритъ, однакожъ, не сказала, что она думала о мистерѣ Спарклерѣ. Она молча подала ему руку. Молодой джентльменъ сѣлъ подлѣ нея съ другой стороны, и Крошка Дорритъ почувствовала, что онъ обнялъ ее и ея сестру.

— Ну, милая сестрица, сказала Фанни, вздохнувъ: — я полагаю, что тебѣ извѣстно, что это значить?

— Она такъ очаровательна, что ее нельзя не обожать, произнесъ мистеръ Спарклеръ, запинаясь: — и она не имѣетъ никакихъ глупыхъ привычекъ... это ужь кончено...

— Вашъ незачѣмъ распространяться объ этомъ, Эдмундъ, сказала Фанни, перебивая его.

— Я не буду, душа моя, сказалъ мистеръ Спарклеръ.

— Чтобъ не тратить много словъ, мое сокровище, продолжала Фан-

ни: — скажу тебѣ, что онъ имѣетъ мое согласіе. Мы должны сообщитъ объ этомъ папѣ или сегодня вечеромъ, или завтра, смотря по тому, какъ удастся. Тогда дѣло будетъ совершенно-кончено и намъ нечего будетъ говорить о немъ.

— Милая Фанни, робко произнесъ мистеръ Спарклеръ: — мнѣ хотѣлось бы сказать Эми словечко.

— Прекрасно! Скажите, сдѣлайте милость, возразила молодая леди.

— Я убѣжденъ, милая Эми, сказалъ мистеръ Спарклеръ: — что если, кромѣ вашей умной и прелестной сестрицы, существуетъ дѣвушка, которая не имѣетъ никакихъ глухихъ привычекъ...

— Мы знаемъ это очень-хорошо, Эдмундъ, возразила миссъ Фанни, перебивая его. — Оставьте это, пожалуйста. Прошу васъ, говорите о чемъ-нибудь другомъ, а не о томъ, что у насъ нѣтъ никакихъ глухихъ привычекъ.

— Да, душенька, сказалъ мистеръ Спарклеръ: — я васъ могу увѣрить, Эми, что ничто не можетъ болѣе осчастливить меня... осчастливить меня, послѣ того, что я избралъ чудною дѣвушкою, которая не имѣетъ ни одной капли...

— Пожалуйста, Эдмундъ, прому васъ, воскликнула Фанни, перебивая его, и съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ топнула ногою.

— Милая моя, вы совершенно-правы, возразилъ мистеръ Спарклеръ: — и я знаю, что это у меня привычка. Я только хотѣлъ объяснить вамъ, что ничто не можетъ болѣе осчастливить меня... меня, послѣ согласія вашей чудной и очаровательной сестрицы, какъ пріобрѣтеніе искренней дружбы Эми. Можетъ-быть, прибавилъ мистеръ Спарклеръ откровенно: — о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ я не имѣю совершенно-яснаго понятія, и я знаю, что, еслибъ спросили мнѣніе общества, то общество, пожалуй, подтвердило бы это; но что касается дружбы Эми, то я способенъ оцѣнить ее вполнѣ.

Въ знакъ своей искренности, мистеръ Спарклеръ подаловалъ Крестку Доррелль.

— Пожикъ, вилка и комната будутъ всегда къ услугамъ Эми, продолжалъ мистеръ Спарклеръ. Сравнительно съ своими прежними опытами въ разговорѣ, онъ былъ теперь необыкновенно-краснорѣчивъ. Мой старикъ, я увѣренъ, будетъ гордиться тѣмъ, что можетъ принять у себя особу, которую я такъ уважаю. Что жъ касается моей матушки, прибавилъ мистеръ Спарклеръ: — которая удивительно-хороша собой и безъ всякъ...

— Эдмундъ, Эдмундъ! снова вскричала Фанни.

— Виновать, виновать, душа моя! поспѣшно произнесъ мистеръ

Спарклеръ. — Я знаю, это дурная привычка, и я очень вамъ благодаренъ, сердце мое, что вы такъ безпокоитесь, останавливая меня; но вещь очень-хорошо извѣстно, что моя матушка удивительно-хороша собой и не имѣетъ никакихъ...

— Правда ли это, или нѣтъ, возразила Фанни: — это все-равно. Я прошу только объ одномъ, не говорите, пожалуйста, объ этомъ.

— Я буду послушенъ, душа моя, сказалъ мистеръ Спарклеръ:

— Въ такомъ случаѣ вы сказали все, что хотѣли сказать—не правда ли? спросила Фанни.

— Совершенно все, очаровательная Фанни, возразилъ мистеръ Спарклеръ: — и я долженъ просить извиненія въ томъ, что наговорилъ такъ много.

Мистеръ Спарклеръ, какъ-бы по вдохновенію, понявъ, что вопросъ Фанни означалъ, что ему пора уйти. Онъ отнял свою руку отъ талимъ сестеръ и просилъ позволенія оставить ихъ. Какъ Эми ни была взволнована и опечалена согласіемъ своей сестры, она сочла нужнымъ поздравить теперь молодого джентльмена, затѣмъ послѣдній откланялся обѣимъ леди.

Когда ушелъ мистеръ Спарклеръ, Крошка Дорритъ воскликнула: «О, Фанни, Фанни!» повернувшись къ своей сестрѣ, бросилась ей на грудь и заплакала. Фанни сначала засмѣялась, вскорѣ, однакожь, прильнула къ лицу сестры и также прослезилась. Въ послѣдній разъ Фанни обнаружилась тѣмъ, что ей несомнѣнно-легко было изъявить свое согласіе на бракъ свой съ мистеромъ Спарклеромъ. Но съ этого времени передъ ней открывался путь, который она себя избрала, и она вступила на этотъ путь смѣло, съ непреклонною волею.

XV.

КЪ БРАКОСОЧЕТАВІЮ ОБОВІУ ЛИЦЪ НЕ ИМѢЕТСЯ НИКАКИХЪ ПРЕПЯТСТВІЙ.

Когда мистеръ Дорритъ услышалъ отъ своей старшей дочери, что мистеръ Спарклеръ сдѣлалъ ей брачное предложеніе и что она изъявила молодому джентльмену свое согласіе, то онъ принялъ это извѣстіе съ чрезвычайнымъ достоинствомъ и съ отеческою гордостью; его достоинству представлялась такимъ — образомъ дальнѣйшая возможность свести новыя выгодныя знакомства; его отеческой гордости чрезвычайно льстила ревнующая готовность миссъ Фанни стремиться, подобно ему, къ высокому назначенію жизни. Онъ далъ ей понять, что ея бла-

городное честолюбіе гармонически отзывалось въ его сердцѣ и съ радостью далъ ей свое благословеніе, назвавъ ее дочерью, имѣвшею прекрасныя правила, никогда незабывавшею своихъ обязанностей и готовою пожертвовать собою для возвеличенія имени семейства.

Когда явился мистеръ Спарклеръ, которому миссъ Фанни въ известное время позволила представиться мистеру Дорриту, старый джентльменъ сказалъ ему, что онъ нисколько не хочетъ скрывать, что совѣтъ, предложеніемъ котораго мистеръ Спарклеръ оказалъ ему честь, во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяетъ его, мистера Доррита, потому—что этотъ бракъ совершенно согласуется съ сердечнымъ расположеніемъ его дочери Фанни и даетъ ему возможность вступить въ самыя близкія отношенія съ мистеромъ Мердлемъ, главнымъ современнымъ двигателемъ. Въ лестныхъ выраженіяхъ говорилъ онъ и о мистрисъ Мердль, какъ о леди, обладающей въ высшей степени изяществомъ манеръ, любезностью, граціею и красотою. Онъ считалъ своею непремѣнною обязанностью замѣтить (я увѣренъ, присовокупилъ мистеръ Дорритъ, что мистеръ Спарклеръ, джентльменъ съ тонкимъ тактомъ, признаетъ мое замѣчаніе совершенно—справедливымъ), что онъ не можетъ считать это предложеніе окончательно—рѣшеннымъ до—тѣхъ—поръ, пока онъ не вступитъ въ письменныя сношенія съ мистеромъ Мердлемъ и не узнаетъ отъ послѣдняго, что этотъ бракъ до—того согласуется съ его видами, что миссъ Фанни удостоится въ домѣ мистера Мердля такого пріема, какого требуетъ большой свѣтъ, къ которому, какъ онъ, мистеръ Дорритъ, имѣетъ полное право надѣяться, она принадлежитъ по ея положенію въ жизни, приданому и по блестящимъ надеждамъ на будущее. Мистеръ Дорритъ, какъ джентльменъ, имѣющій нѣкоторый вѣсъ въ обществѣ, и какъ отецъ, непремѣнно долженъ былъ сказать это мистеру Спарклеру, но при этомъ онъ не хотѣлъ скрыть отъ него, что на такихъ условіяхъ предложеніе его принимается, и благодарилъ мистера Спарклера за честь, оказанную ему и его семейству. Мистеръ Дорритъ заключилъ свою рѣчь, въ продолженіе—которой онъ, по обыкновенію, неоднократно останавливался и откашливался, нѣсколькими неопредѣленными и общими фразами, касательно положенія, въ которомъ находится человекъ, соединяющій въ себѣ независимость джентльмена и гордость, можетъ—быть, слишкомъ—пристрастную къ своей дочери; словомъ, онъ принялъ предложеніе мистера Спарклера точно такъ же, какъ онъ принялъ бы отъ него три или четыре полукроны въ то время, когда онъ, мистеръ Дорритъ, находился въ тюрьмѣ.

Мистеръ Спарклеръ, пораженный пышными фразами, которыми старикъ осыпалъ его невинную голову, отвѣчалъ коротко, но прилично.

Онъ сказалъ только, что давно замѣтилъ, что миссъ Фанни не имѣтъ никакихъ глупыхъ привычекъ, и нисколько не сомнѣвался, что его старикъ изъявитъ полное свое согласіе на все рѣшительно. Когда молодой джентльменъ произнесъ это, предметъ его страсти захопнулъ его, подобно тому, какъ можно было захопнуть ящикъ съ крышкой на пружинахъ, и выслалъ его изъ комнаты.

Вскорѣ послѣ этого разговора мистеръ Дорритъ сдѣлалъ визитъ г-нѣ; послѣдняя приняла его съ необыкновеннымъ почтеніемъ. Мистрисъ Мердль сказала, что она слышала объ этомъ дѣлѣ отъ Эдмунда. «Сначала (такъ говорила мистрисъ Мердль) она была удивлена этимъ извѣстіемъ, потому—что никакъ не воображала, что Эдмундъ думаетъ жениться. Общество также не предполагало, что Эдмундъ думаетъ жениться. Несмотря на то, она, какъ женщина, конечно, могла замѣтить—мы, женщины, прибавила мистрисъ Мердль, какъ—то инстинктивно замѣчаемъ подобныя вещи, мистеръ Дорритъ!—что миссъ Дорритъ произвела на Эдмунда необыкновенно—сильное впечатлѣніе». Въ заключеніе мистрисъ Мердль откровенно сказала, что мистеръ Дорритъ заслужилъ, чтобъ его подвергли большой ответственности за то, что онъ привезъ сюда такую очаровательную дѣвушку, которая кружитъ голову своимъ соотечественникамъ.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, я могу имѣть честь заключить, сказалъ мистеръ Дорритъ: — что вы... ги!.. ги!.. одобряете выборъ мистера Спарклѣра?

— Увѣряю васъ, мистеръ Дорритъ, возразила леди: — что касается меня лично, я въ восторгѣ отъ выбора.

Мистеръ Дорритъ былъ восхищенъ отвѣтомъ леди.

— Что касается меня, повторила мистрисъ Мердль: — я въ восторгѣ отъ этого выбора.

Случайное повтореніе словъ «что касается меня» обратило на себя вниманіе мистера Доррита.

— Но могу ли я надѣяться, сказалъ онъ: — что мистеръ Мердль также одобритъ выборъ мистера Спарклѣра?

— Я не могу отвѣтить за мистера Мердля положительно, возразила мистрисъ Мердль. Джентльмены—въ—особенности же джентльмены, которыхъ общество называетъ капиталистами—смотреть на эти вещи совершенно—иначе. Но я полагаю... конечно, это одно только предположеніе съ моей стороны, мистеръ Дорритъ... я полагаю, что мистеръ Мердль вообще будетъ... чрезвычайно—радъ этому событію.

При послѣднихъ словахъ, которыя мистрисъ Мердль произнесла очень—медленно, она внимательно осматривала себя съ ногъ до головы.

Когда мистрисъ Мердль упомянула о джентльменахъ, которыхъ общество называетъ капиталистами, мистеръ Дорритъ закашлялъ, какъ будто въ немъ возникло какое-то внутреннее недоумѣніе. Это обстоятельство не ускользнуло отъ пронипательности мистрисъ Мердль, и леди, пользуясь этимъ открытіемъ, продолжала:

— Собственно говоря, мнѣ едва-ли было нужно высказать вамъ это замѣчаніе; но я сказала это, движимая откровенностью къ человѣку, котораго уважаю такъ высоко и съ которымъ, надѣюсь, буду имѣть удовольствіе вступить въ близкія отношенія. Едва-ли можно сомнѣваться, чтобы вы сами не смотрѣли на подобныя дѣла съ точки зрѣнія мистера Мердля, съ тою только разницею, что обстоятельства, къ-счастью или къ-несчастью, случайно заставили мистера Мердля принять участіе въ торговыхъ дѣлахъ, и что эти дѣла, какъ они ни обширны, нѣсколько суживаютъ горизонтъ его. Несмотря на то, прибавила мистрисъ Мердль: — что касательно знанія дѣла, я настоящій ребенокъ, тѣмъ не менѣе я опасаясь, мистеръ Дорритъ, что эти предпріятія могутъ имѣть такое вліяніе на человѣка, предавшаго имъ.

Этотъ искусный манёвръ мистрисъ Мердль, который можно сравнить съ качелями, гдѣ никто изъ двухъ мужей, ни мистеръ Мердль, ни мистеръ Дорритъ, не получалъ преимущества надъ другимъ, потому что каждый изъ нихъ подымалъ и опускалъ другаго, произвелъ на кашель мистера Доррита благотворное дѣйствіе. Старый джентльменъ чрезвычайно-вѣжливо замѣтилъ, что онъ долженъ осмѣлиться протестовать противъ предубѣжденія, несмотря на то, что оно высказано прелестною и образованною мистрисъ Мердль. При этомъ комплиментъ грудь поклонилась.

— Подобныя предпріятія, продолжалъ мистеръ Дорритъ: — какъ предпріятія мистера Мердля, стоящія такъ высоко надъ жалкими начинаніями прочихъ людей, непременно должны имѣть благотворное вліяніе на генія, въ умѣ котораго они возникли, непременно должны дать генію высшій полетъ.

— Вы — олицетворенное великодушіе! сказала мистрисъ Мердль съ самою любезною улыбкою. — Будешь надѣяться, что это дѣйствительно такъ, какъ вы говорите. Но я должна сознаться, что, по своимъ понятіямъ о дѣлахъ, я принадлежу къ числу суевѣрныхъ.

Мистеръ Дорритъ возразилъ на это новымъ комплиментомъ. Дѣла, какъ и время, столь драгоценное для дѣлъ, существуютъ только для рабовъ, и они никакимъ образомъ не могутъ касаться мистрисъ Мердль, повелѣвающей всѣми сердцами такъ, какъ ей угодно. Мистрисъ Мердль засмѣялась, мистеру Дорриту показалось даже, что грудь ея слабо за-

показалась — явное доказательство, что слова его произвели на него приятное впечатлѣніе.

— Я такъ распространяюсь объ этомъ предметѣ только потому, возразила затѣмъ мистрисъ Мердль: — что мистеръ Мердль принималъ всегда живѣйшее участіе въ Эдмундѣ и очень желалъ всегда, чтобы онъ составилъ себѣ хорошую карьеру. Вамъ, я полагаю, извѣстно общественное положеніе Эдмунда. Что жъ касается его частнаго, недолжнаго положенія, то оно совершенно зависитъ отъ мистера Мердля. Такъ-какъ я настоящій ребенокъ по своей неспособности понимать дѣла, то я ничего болѣе не знаю — увѣрю васъ.

Мистеръ Дорритъ снова выразилъ мнѣніе, что дѣла не заслуживаютъ, чтобы ихъ изучали волшебницы, чарующія сердца смертныхъ. Затѣмъ онъ сообщилъ, что онъ, какъ подобаетъ джентльмену и отцу, намѣренъ писать къ мистеру Мердлю. Мистрисъ Мердль отъ всей души, или со съемъ своимъ искусствомъ—что совершенно одно и тоже—одобривъ на иреніе стараго джентльмена. Съ слѣдующею же почтою она сама поспѣшила отправить письмо, которое должно было приготовить осьмое чудо свѣта къ тому, что его ожидало.

Мистеръ Дорритъ наполнилъ свое письмо къ мистеру Мердлю такими же завитками, которыми онъ окружалъ великое событіе въ своихъ разговорахъ о немъ; они очень походили на завитки, употребляемые учителями чистописанія для украшенія каллиграфическихъ и арифметическихъ тетрадей, гдѣ наименованіе четырехъ правилъ арифметики является въ видѣ лебедей, орловъ, грифовъ и другихъ каллиграфическихъ фокусовъ, и гдѣ прописныя буквы, создаваемые одушевленными перомъ и чернилами, совершенно утрачиваютъ свое начало. Несмотря на то, онъ достаточно-ясно выразилъ цѣль своего письма, такъ-что далъ мистеру Мердлю возможность принять на себя приличный видъ, что онъ узналъ о свадьбѣ Эдмунда изъ этого источника. Мистеръ Мердль, въ отвѣтъ своемъ, выразилъ полное свое согласіе. Затѣмъ мистеръ Дорритъ написалъ отвѣтъ на письмо мистера Мердля, потомъ мистеръ Мердль написалъ отвѣтъ на письмо мистера Доррита, и скорѣе можно было возвѣстить, что между переписывающимися властями выразилось удовлетворительное согласіе.

Не раньше, какъ только теперь выступила Фанни на сцену въ своей новой роли. Не раньше, какъ только теперь она совершенно затмила мистера Спаркляера своимъ свѣтомъ и блестяла за двухъ, или, скорѣе, въ двадцать разъ болѣе. Въ настоящее время не тяготило ее, какъ прежде, чувство, что ей недостаетъ опредѣлительнаго положенія и вѣса въ обществѣ, и вотъ прекрасный корабль съ непреклонною волею вступилъ

теперь на обдуманный заранѣе путь, и поплыть такъ величественно и такъ спокойно, что своимъ ходомъ привелъ всѣхъ въ удивленіе.

— Такъ-какъ предварительные переговоры такъ благополучно окончены, сказалъ мистеръ Дорритъ: — то я полагаю, моя милая, сообщить теперь... гм!.. формальнымъ образомъ объ этомъ дѣлѣ мистрисъ Джeneralъ...

— Папá, возразила Фанни, перебивая его при этомъ имени:— я не понимаю, какимъ образомъ дѣло это можетъ касаться мистрисъ Джeneralъ!

— Милая моя, сказалъ мистеръ Дорритъ:—этого требуютъ вѣжливость и приличія... потому-что... гм!.. какъ по происхожденію, такъ и по образованію... гм!.. мистрисъ Джeneralъ...

— О, избавьте меня, пожалуйста, отъ происхожденія и образованія мистрисъ Джeneralъ, папа! воскликнула Фанни.—Мистрисъ Джeneralъ надоѣла мнѣ какъ-нельзя-болѣе.

— Надоѣла! повторилъ мистеръ Дорритъ голосомъ, въ которомъ выражались упрекъ и удивленіе:—мистрисъ Джeneralъ... гм!.. надоѣла!

— Она мнѣ, просто, противна, папá, сказала Фанни: — я рѣшительно не понимаю, какое ей дѣло до моей свадьбы. Пусть она строитъ планы о своемъ собственномъ замужствѣ... если у ней есть такіе планы...

— Фанни! возразилъ мистеръ Дорритъ важно и медленно, что рѣзко отличалось отъ легкости, съ которою говорила его дочь:—прошу тебя, потрудись объяснить мнѣ... гм!.. что ты хочешь сказать этимъ?

— Я хочу сказать, папá, отвѣчала Фанни: — что если, можетъ-быть, мистрисъ Джeneralъ строитъ планы о своемъ собственномъ замужствѣ, эти планы отнимаютъ у ней все свободное время; если же у ней нѣтъ такихъ плановъ, тѣмъ лучше. Несмотря, однакожь, на это, я не желаю имѣть честь объявить ей о своемъ бракѣ.

— Позволь мнѣ спросить тебя, Фанни, сказалъ мистеръ Дорритъ:— почему же ты не хочешь сдѣлать этого?

— Потому-что она можетъ сама потрудиться и догадаться о моемъ замужствѣ, папá, возразила Фанни: — у нея на это отличное чутьѣ, какъ мнѣ извѣстно. Я думаю, что я могла замѣтить это. Пусть она сама догадается. Если жъ она сама не догадается, то узнаетъ, когда я буду замужемъ. Я надѣюсь, что вы не станете обвинять меня, что у меня нѣтъ любви къ вамъ, папá, если я скажу, что и тогда, сколько мнѣ кажется, мистрисъ Джeneralъ узнаетъ о моемъ замужствѣ еще въ самую пору.

— Фанни! произнесъ мистеръ Дорритъ:—эта... гм!.. эта страшная и непонятная для меня вражда къ... гм!.. къ мистрисъ Джeneralъ поражаетъ меня удивленіемъ и неудовольствіемъ.

— Прошу васъ покорно, папá, не называть этого враждою, возразила Фанни:—увѣрю васъ, что я не считаю мистрисъ Джeneralь достойною моея вражды.

При этихъ словахъ мистеръ Дорритъ устремилъ на дочь пристальный взглядъ, въ которомъ выразалось строгое порицаніе, поднялся съ своего кресла и остановился передъ Фанни, принявъ торжественную позу. Последняя, играя своимъ браслетомъ на рукѣ и смотря то на отца, то на браслетъ, сказала:

— Ну, что жь, папá? Мнѣ очень-жаль, сознаюсь откровенно, что это вамъ не нравится; но я ничѣмъ не могу помочь въ этомъ дѣлѣ. Я не ребенокъ, я не Эми, я должна говорить.

— Фанни! задыхаясь произнесъ мистеръ Дорритъ послѣ величественнаго молчанія:—если я попрошу тебя остаться здѣсь въ то время, когда я сообщу мистрисъ Джeneralь, леди, которая... гм!.. во всѣхъ отношеніяхъ можетъ служить образцомъ и которую... гм!.. я считаю вѣрнымъ членомъ нашего семейства... когда я сообщу ей о... предстоящей для насъ перемиѣнѣ, если я... гм!.. не только прошу, но я... гм!.. требую этого...

— О, папа! сказала Фанни съ особеннымъ выраженіемъ, перебивая его:—если вы придаете этому пустому дѣлу такую важность, то я считаю своею обязанностью повиноваться. Я, однакожъ, надѣюсь, что могу имѣть объ этомъ предметѣ свое мнѣніе, которое, къ-сожалѣнію, не могу измѣнить.

Произнеся эти слова, Фанни приняла кроткій видъ, который, находясь въ связи съ ея поведеніемъ за минуту передъ тѣмъ, былъ ничто иное, какъ вызовъ. Отецъ ея, не произнеся болѣе ни слова—потому-ли, что не считалъ дочь свою достойною отвѣта, или потому, что не зналъ, что отвѣчать — подошелъ къ колокольчику и позвонилъ.

— Мистрисъ Джeneralь! коротко произнесъ старый джентльменъ, когда камердинеръ показался въ дверяхъ.

Мистеръ Тинклеръ, непрвыкшій получать столь короткія приказанія относительно великолѣпной лакировщицы, не двигался съ своего мѣста. Мистеръ Дорритъ въ этомъ ожиданіи своего камердинера увидѣлъ всю тюрьму Маршельси со всѣми ея принадлежностями.

— Какъ вы смѣете, сударь? закричалъ онъ бѣшено:—что это значить?

— Извините, милостивый государь, возразилъ мистеръ Тинклеръ:— я хотѣлъ только знать...

— Вы ничего не хотѣли знать, сударь, закричалъ мистеръ Дорритъ въ страшномъ волненіи:—вы мнѣ не говорите этого. Гм!.. это вздоръ! Вы осмѣливаетесь насмѣхаться, сударь.

— Могу васъ увѣрить, милостивый государь... началъ мистеръ Тинклеръ.

— Не увѣряйте меня! возразилъ мистеръ Дорритъ: — я не хочу, чтобъ меня увѣрялъ въ чемъ-нибудь мой лакей. Вы осмѣливаетесь насмѣхаться. Я васъ отпускаю... гм!.. отпускаю всю прислугу. Чего же вы ждете?

— Только приказаній, милостивый государь.

— Это — ложь! вскричалъ мистеръ Дорритъ. — Вы получили приказаніе... Гм!.. гм!.. Скажите, что я свидѣтельствую мистрисъ Дженераля мое почтеніе и покорно прошу ее сойти на вѣскольکو минутъ сюда, если ей можно. Вотъ что я приказываю!

Исполняя свое порученіе, мистеръ Тинклеръ прибавилъ, можетъ-быть, отъ себя, что мистеръ Дорритъ находится въ страшно-гнѣвномъ настроеніи духа. Впрочемъ, какъ бы то ни было, за дверями вскорѣ послышался шорохъ платья мистрисъ Дженераля, которое приближалось, можно почти сказать трещало, съ необыкновенною поспѣшностью. Но передъ дверью великолѣпная леди остановилась, собралась съ духомъ и съ обыкновеннымъ спокойствіемъ впорхнула въ комнату.

— Мистрисъ Дженераля! сказалъ мистеръ Дорритъ:—прошу покорно садиться.

Поблагодаривъ мистера Доррита граціознымъ, наклоненіемъ головы, мистрисъ Дженераля опустилась на кресло, предложенное старымъ джентльменомъ.

— Сударыня! сказалъ затѣмъ джентльмень: — такъ-какъ вы были столь добры и приняли на себя... гм!.. образованіе моихъ дочерей, и такъ-какъ я убѣжденъ, что все, что касается ихъ, не можетъ... гм!.. не интересовать васъ...

— Натурально, произнесла мистрисъ Дженераля самымъ спокойнымъ тономъ.

— То я желаю объявить вамъ, сударыня, что моя дочь, которая находится передъ вами...

Мистрисъ Дженераля слегка наклонивъ голову въ ту сторону, гдѣ сидѣла Фанни. Последняя, отвѣчая на поклонъ мистрисъ Дженераля, наклонивъ голову весьма-низко и потомъ гордо подняла ее.

— Что моя дочь Фанни... пзъявила свое согласіе на бракъ съ мистеромъ Спарклеромъ, джентльменомъ, котораго вы знаете. Такимъ-образомъ, сударыня, облегчится наполовину ваша трудная обязанность... гм!.. ваша трудная обязанность, повторилъ мистеръ Дорритъ, бросивъ гнѣвный взглядъ на Фанни: — но, я надѣюсь, что положеніе, которое вамъ угодно было занимать въ моемъ семействѣ, ни прямо, ни косвенно не можетъ пострадать отъ этого.

— Мистеръ Дорритъ! возразила мистрисъ Джeneralъ (ея руки въ перчаткахъ лежали одна на другой невыразимо-спокойно) — вы всегда чрезвычайно-внимательны къ моимъ дружескимъ услугамъ и придаете мнѣ слишкомъ-высокую цѣну.

При этихъ словахъ Фанни кашлянула, какъ-бы желая выразить: «правду сказала!»

— Миссъ Дорритъ, безъ всякаго сомнѣнія, наблюдала величайшую скромность, которую налагали на нее обстоятельства, и конечно позволить мнѣ отъ души поздравить ее. Подобныя событія, если они свободны отъ оковъ страсти, продолжала мистрисъ Джeneralъ (при этихъ словахъ удивительная лакировщица закрыла глаза, какъ-будто она не могла произнести эти слова, видя передъ собой кого-нибудь): — если они случаются съ согласія ближайшихъ родственниковъ и если они скармливаютъ великолѣпную постройку фамиліаго знанія, обыкновенно бывають спастаивыми событіями. Я увѣрена, что миссъ Дорритъ позволитъ мнѣ принести ей мои искреннѣйшія поздравленія.

При этихъ словахъ мистрисъ Джeneralъ остановилась и, чтобъ придать чертамъ своего лица приличное выраженіе, произнесла про-себя: «спалъ, потолокъ, шинька, персики и присмы».

— Мистеръ Дорритъ, продолжала она вслухъ: — всегда чрезвычайно-обязателенъ. Позвольте мнѣ принести дань искренней моей благодарности за вниманіе и, прибавлю, за отличіе и довѣріе, которыми вы и миссъ Дорритъ удостоили меня тѣмъ, что сообщили мнѣ объ этомъ событіи такъ скоро. Моя благодарность и мои поздравленія одинаково относятся какъ къ мистеру Дорриту, такъ и къ миссъ Дорритъ.

— Что касается меня, замѣтила миссъ Фанни: — то мнѣ чрезвычайно-пріятно слышать это, невыразимо-пріятно. Вы не повѣрите, отъ какой тяжести избавляете вы мое сердце, изъявляя свое удовольствіе при извѣстїи, которое вамъ наша только-что сообщила. Я, право, не знаю, что бы я сдѣлала, прибавила Фанни: — еслибы вы изъявили свое неудовольствіе, мистрисъ Джeneralъ.

Мистрисъ Джeneralъ съ улыбкою, наводившею на мысль о перчаткахъ и присмахъ, пережѣвляла положеніе своихъ рукъ въ перчаткахъ, положивъ правую руку сверхъ лѣвой.

— Стараться сохранить ваше расположеніе, мистрисъ Джeneralъ, продолжала Фанни, отвѣчая на улыбку леди также улыбкою, въ которой, однакожь, не было и слѣда «персиковъ и присмы»: — будетъ для меня, конечно, важною заботою, когда я выйду замужъ; лишиться всякаго одобренія, конечно, было бы для меня величайшимъ несчастіемъ. Но я увѣрена, что ни вы — вы такъ любезны, такъ добры ко мнѣ! —

ни папана не разсердитесь на меня, что я раскую незначительное заблужденіе, которому вы случайно подверглись. Умнѣйшіе люди, какъ намъ извѣстно, не могутъ избѣгнуть заблужденій, и такимъ-образомъ даже вы, мистрисъ Джeneralъ, впади въ небольшую ошибку. Вниманіе, отлѣченіе и довѣріе, о которыхъ вы упомянули такъ краснорѣчиво, мистрисъ Джeneralъ, безъ всякаго сомнѣнія, чрезвычайно-дѣстны, чрезвычайно-пріятны; но я обязана сказать, что вы нисколько не должны приписывать ихъ мнѣ. Прибѣгнуть къ вашему совѣту въ этомъ дѣлѣ было бы съ моей стороны такою великою заслугою, что я не имѣю никакого права—я чувствую это какъ-нельзя-болѣе—приписывать ее себѣ, когда я вовсе не участвовала въ этомъ. Заслуга эта исключительно принадлежитъ панѣ. Примите мою глубочайшую признательность за ваше одобреніе и покровительство, но не я требовала ихъ, а панѣ. Я должна васъ благодарить, мистрисъ Джeneralъ, что вы освободили меня отъ большой тяжести тѣмъ, что такъ мило изъявили свое согласіе на мой бракъ, но вамъ благодарить меня рѣшительно не за что. Надѣюсь, что мои поступки, когда я оставаю родительскій домъ, будутъ всегда заслуживать ваше одобреніе и что сестра моя въ продолженіе долгаго времени останется избраннѣйшимъ предметомъ вашей благосклонности, мистрисъ Джeneralъ.

Послѣ этой рѣчи, произнесенной чрезвычайно-вѣжливо, Фанни вышла изъ комнаты съ самымъ изящнымъ и сіяющимъ видомъ. Но лишь только она отошла отъ дверей на нѣкоторое разстояніе, лицо ея вспыхнуло, она быстро взбѣжала по лѣстницѣ, бросилась къ сестрѣ, назвала ее крошечной соней, потрясла ее нѣсколько, чтобъ она лучше видѣла своими глазами, и, рассказавъ ей, что происходило внизу, спросила ее, что она думаетъ теперь о панѣ?

Въ обращеніи съ мистрисъ Мердъ молодая леди обнаруживала независимость и хладнокровіе, но еще не открывала противъ нея рѣшительныхъ непріязненныхъ дѣйствій. По временамъ происходили между ними незначительныя стычки; такъ, напримѣръ, когда Фанни казалось, что мистрисъ Мердъ хотѣла посмѣяться надъ нею, или что эта леди была моложе обыкновеннаго и одѣта изящнѣе; но мистрисъ Мердъ очень-скоро отклоняла отъ себя непріязненные нападенія тѣмъ, что съ самымъ граціознымъ равнодушіемъ опускалась въ подушки и принимала видъ, что все ея вниманіе поглощено другими предметами. Общество—это таинственное созданіе также, разумѣется, властвовало на Семи Холмахъ, какъ и въ Лондонѣ—нашло, что Фанни, сдѣлавшись невѣстою, значительно перемѣнилась къ-лучшему. Она стала гораздо-достоупнѣе, гораздо-свободнѣе и любезнѣе, и не столь требовательною,

такъ—что, къ величайшему негодванію леди, итѣвннть дочерей—невѣсть, была окружена цѣлою толпою поклонниковъ и обожателей, на которыхъ смотрѣли какъ на людей, отлучившихся отъ общества, чтобъ заслужить расположеніе миссъ Дорритъ, и ставшихъ подъ ея революціонное знамя. Наслаждаясь волненіемъ, котораго она была причиною, миссъ Дорритъ не только обходилась со всѣми надменно, но и постоянно выдвигала на первый планъ мистера Спаклѣра, и хвастала имъ, какъ—бы желая сказать всѣмъ: «если мнѣ болѣе нравится торжественно являться среди васъ въ—сопровожденіи этого слабаго существа въ оковахъ, чѣмъ въ сопровожденіи кого-нибудь другаго, то это мое дѣло. Что жъ до васъ, то вы можете быть довольны тѣмъ, что это мнѣ нравится!» Мистеръ Спарклѣръ, съ своей стороны, не заботился ни о чѣмъ; онъ шелъ всюду, куда его брали, дѣлалъ все, что ему приказывали, чувствовалъ, что онъ былъ отличенъ, и отличенъ безъ всякихъ съ своей стороны усилій, единственно лишь тѣмъ, что выбралъ себѣ невѣсту, и былъ отъ души благодаренъ обществу за то, что его такъ открыто признавали.

Между—тѣмъ, когда дѣла находились въ такомъ положеніи, наступила весна, и мистеру Спарклѣру необходимо было отправиться въ Англію и принять на себя назначенное ему участіе въ задачѣ—дать выраженіе и направленіе генію страны, ея знаніямъ, ея духу, торговлѣ и промышленности. Родина Шекспира, Мильтона, Бэкона, Ньютона, Уатта, родина множества умершихъ и живыхъ философовъ отвлеченныхъ наукъ, философовъ естественныхъ наукъ и порабитителей природы и искусства въ ихъ безчисленныхъ формахъ, призывала мистера Спарклѣра принять на себя заботы по управленію страны и не дать странѣ погнѣбнуть. Мистеръ Спарклѣръ былъ не въ—состояніи противиться предсмертнымъ крикамъ, раздававшимся изъ глубины души его отечества, и объявлялъ, что онъ долженъ ѣхать.

Такимъ—образомъ надобно было въ возможной скорости рѣшить вопросъ: когда, гдѣ и какимъ—образомъ быть свадьбѣ мистера Спарклѣра съ лучшею изъ всѣхъ дѣвицъ на свѣтѣ, неизмѣвшею никакихъ обыкновенныхъ глупостей. Послѣ нѣсколькихъ секретныхъ бесѣдъ вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ, и миссъ Фанни сама сообщила рѣшеніе сестрѣ.

— Ну, милочка! сказала она, обращаясь однажды къ Крошкѣ Дорритъ: — я должна сказать тебѣ кое—что. Это дѣло только—что рѣшилось. И въ ту же минуту, какъ оно кончено, я бѣгу сообщить тебѣ объ этомъ.

— Какое дѣло, Фанни? Твоя свадьба?

— Предестное дѣла мое! возразила Фанни:— прошу тебя, не пере-

бывай меня! Позволь мнѣ по-своему сообщить тебѣ эту новость, вѣтерьянвая крошка. Что жь касается твоей догадки, то, понимая ее буквально, я должна отвѣчать отрицательно. Вѣдь, собственно говоря, дѣло идетъ дѣйствительно не столько о моей свадьбѣ, сколько о свадьбѣ Эдмунда.

Крошка Дорритъ посмотрѣла на сестру, какъ-будто не совсѣмъ поняла — и, можетъ-быть, она дѣйствительно не поняла — эту тонкую разницу.

— Развѣ я нахожусь въ затруднительномъ положеніи? воскликнула Фанни. — Развѣ я должна спѣшить? Меня не ждетъ никакая обязанность; мой голосъ не требуется нигдѣ; все это, между-тѣмъ, касается Эдмунда. И Эдмундъ глубоко огорченъ при мысли, что долженъ увѣзти одишь, и, говоря откровенно, мнѣ самой было бы очень-непріятно, еслибъ онъ былъ предоставленъ самому себѣ. Если только представится ему случай сдѣлать какую-нибудь глупость — а такихъ случаевъ, право, искать не долго — то, я увѣрена, онъ непремѣнно воспользуется имъ.

Когда она окончила безпристрастную оцѣнку довѣрія, которое само можно было возложить на ея будущаго мужа, миссъ Фанни съ заботливымъ видомъ сняла съ себя шляпку и, держа за ленты, спустила ее на полъ.

— Такимъ-образомъ дѣло это, какъ ты видишь, гораздо-болѣе касается Эдмунда, чѣмъ меня. Намъ не зачѣмъ, слѣдовательно, долге останавливаться на немъ. Оно ясно, какъ день. Прекрасно, милая моя Эми! Слѣдовательно, дѣло, вонервыхъ, въ томъ, вѣзть ли ему одному, или вѣзть ему не одному, а во-вторыхъ быть ли нашей свадьбѣ здѣсь и въ скоромъ времени, или тамъ, дома, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ?

— Я вижу, что я скоро тебя потеряю, милочка Фанни.

— Какая ты странная крошка! вскричала Фанни полуснисходительно, полунетерпѣливо: — только и знаешь пребывать меня! Дай мнѣ, пожалуйста, душечка, досказать тебѣ все. Эта женщина (миссъ Фанни говорила, конечно, о мистрисъ Мердль) остается здѣсь еще всю святую, слѣдовательно, если я выйду замужъ здѣсь и уѣду въ Лондонъ съ Эдмундомъ, то избавляюсь отъ нея. Это ужь чего-нибудь да стоитъ. Далѣе, Эми. Такъ-какъ эта женщина не будетъ у меня передъ глазами, то я не знаю, зачѣмъ мнѣ не согласиться на предложеніе, которое мистеръ Мердль сдѣлалъ папѣ, то-есть, чтобъ я и Эдмундъ; пріѣхавъ въ Лондонъ, остановились на-время въ этомъ домѣ — ты знаешь его... въ этомъ домѣ ты была однажды съ танцовкой, моя милая — до-тѣхъ-поръ, пока мы найдемъ себѣ квартиру по вкусу и пока ея не отбѣлаютъ совершенно. Пойдемъ еще далѣе, Эми. Такъ-какъ папа не разъ говорилъ, что онъ самъ хочетъ вѣзть въ Лондонъ весной, то, ви-

дѣнь ли, еслибъ наша свадьба была здѣсь, мы могли бь отправиться во Флоренцію; папá прѣѣхалъ бы туда, и мы могли бы всё трое вмѣстѣ отправиться домой. Мистеръ Мердъ убѣдительно просилъ папá остановиться въ этомъ же самомъ домѣ, о которомъ я упоминала, и, какъ я полагаю, папа намѣренъ исполнить желаніе мистера Мердъ. Впрочемъ, папá можетъ дѣлать чтó ему угодно, и объ этомъ дѣлѣ, которое, конечно, нисколько не важно, я не могу сказать ничего положительнаго.

Въ своемъ изложеніи Фанни какъ нельзя яснѣе выразила различіе, существовавшее между мистеромъ Спаркляэромъ и папá, который могъ дѣлать чтó ему угодно, между-тѣмъ какъ первый не былъ господиномъ своихъ поступковъ. Крошка Дорритъ, однакожъ, не замѣтила этого, потому-что съ грустью думала о предстоящей разлукѣ и отъ души желала, чтобъ ее включили въ планы, касавшіеся поѣздки въ Англію.

— Такъ это ужь рѣшено, милая Фанни?

— Рѣшено? повторила Фанни: — ты настоящая мучительница, душечка Эми. Ты знаешь, что я въ-особенности старалась не придавать мнѣ словамъ такого смысла. Я сказала только, что въ настоящее время предстоитъ намъ рѣшить извѣстные вопросы, и потомъ я сказала тебѣ, въ чемъ заключаются эти вопросы.

Нѣжно и кротно обратила Крошка Дорритъ на сестру задумчивымъ взоръ.

— Ну, моя прелестная крошка, сказала Фанни, съ видимымъ нетерпѣніемъ дергая свою шляпку за ленты: — не зачѣмъ смотрѣть на меня такъ пристально. Пристально смотреть однѣ совы. Я пришла къ тебѣ за совѣтомъ, Эми. Чтó ты мнѣ посоветуешь дѣлать?

— Думаешь ли ты, спросила Крошка Дорритъ убѣждающимъ голосомъ, послѣ непродолжительнаго размышленія: — думаешь ли ты, Фанни, что если взять все въ соображеніе, лучше будетъ отложить свадьбу на нѣсколько мѣсяцевъ?

— Нѣтъ, милая моя черепаха! возразила Фанни чрезвычайно-рѣзко: — я вовсе не думаю, чтобъ это было лучше.

И съ этими словами она бросила въ сторону свою шляпку и опустилась на ближайшее кресло. Но вдругъ почти въ ту же минуту она вскочила съ кресла, бросилась на колѣни и съ жаромъ обвила руками сестру и кресло, на которомъ сидѣла Эми.

— Не думай, милочка, чтобъ я была сердита или вспыльчива, нѣтъ, право, нѣтъ! Но ты такая странная дѣвушка! Хотѣлось бы поласкать тебя, а ты поступаешь такъ странно, что хочется откусить тебѣ голову. Развѣ я тебѣ не сказала, дорогая Эми, что Эдмунда нельзя оставить одного! и развѣ ты сама не знаешь, что это дѣйствительно такъ?

— Да, да, Фанни, ты говорила это—я знаю.

— И ты сама знаешь, что это правда, возразила Фанни.— Ну хорошо, милочка! Если же его нельзя предоставить самому себѣ, то изъ этого слѣдуетъ, я полагаю, что я должна сопровождать его?

— Да... повидимому, душа моя, сказала Крошка Дорритъ.

— Слѣдовательно, услышавъ, что остается мнѣ дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ, ты мнѣ совѣтуешь поступать такъ, а не иначе, милая Эми—такъ ли я тебя понимаю?

— Да... повидимому, душа моя, повторила Крошка Дорритъ.

— Очень-хорошо! произнесла Фанни съ покорнымъ видомъ: — въ такомъ случаѣ, я полагаю, мнѣ слѣдуетъ поступить такъ. Я пришла посоветоваться съ тобой, сердце мое, когда увидѣла сомнѣніе и необходимость рѣшиться на что-нибудь. Теперь я рѣшилась. Пусть будетъ такъ!

Когда Фанни, такимъ примѣрнымъ образомъ, покорилась совѣту сестры и силѣ обстоятельствъ, она стала чрезвычайно-благосклонна: можно было подумать, что она ради своей подруги, которая была ей дороже всего на свѣтѣ, вырвала изъ сердца своего страсть и, принеся такую жертву, испытывала отрадное чувство.

— Собственно говоря, моя Эми, сказала она сестрѣ: — ты добрѣйшая изъ всѣхъ сестеръ на свѣтѣ и умнѣе и предусмотрительнѣе ихъ всѣхъ, и я, право, не знаю, что я буду безъ тебя дѣлать.

Съ этиими словами она еще крѣпче и отъ души сжала Эми въ своихъ объятіяхъ.

— Я не хочу этимъ сказать, Эми, что намѣрена когда-либо обойтись безъ тебя, напротивъ, я надѣюсь, что мы въ скоромъ времени увидимся, чтобъ ужъ болѣе не разставаться. Но, цыпочка моя, позволь мнѣ дать тебѣ совѣтъ. Когда ты останешься здѣсь одна съ мистрисъ Джeneralъ...

— Какъ? я останусь здѣсь одна съ мистрисъ Джeneralъ? быстро спросила Крошка Дорритъ.

— Конечно, сердце мое, до возвращенія papà! Когда ты останешься здѣсь одна—потому—что я увѣрена, что ты не назовешь обществомъ Эдмунда, который натурально не заслуживаетъ этого имени даже тогда, когда онъ находится здѣсь, и разумѣется еще менѣе того, если онъ находится въ Неаполѣ или въ Сициліи. Что жъ я хотѣла сказать?... У тебя такая странная привычка сбивать людей совѣсью съ толку!.. Да, когда ты останешься здѣсь одна съ мистрисъ Джeneralъ, Эми, то, пожалуйста, не позволяй ей, чтобъ она какимъ-нибудь ловкимъ маневромъ дала тебѣ понять, что она уваживаетъ за papà, или что papà уваживаетъ за ней. А она непременно сдѣлаетъ это, если найдетъ воз-

можнымъ. Я очень-хорошо знаю, какъ хитро ощущиваетъ она дорогу своими перчатками. Но ты ни въ какомъ случаѣ не подавай и вида, что понимаешь ее. И если папа, по возвращеніи своемъ, скажетъ тебѣ, что онъ думаетъ сдѣлать мистрисъ Джeneralъ твоей мама (что весьма и весьма вѣроятно, такъ-какъ я уѣзжаю), то я совѣтую тебѣ сказать ему вотъ что: «Папа! позвольте мнѣ открыто высказать вамъ мое неудовольствіе! Фанни предостерегала меня отъ этого; ей было это не-пріятно, и мнѣ также». Я, правда, вовсе не увѣрена, что твое противорѣчіе, Эми, послужитъ къ чему-нибудь, или что ты сама въ состояніи будешь выказать сколько-нибудь твердости — нѣтъ, въ этомъ я нисколько не увѣрена! Но здѣсь дѣло идетъ о принципѣ, принципѣ, на которомъ основываются отношенія дѣтей къ родителямъ, и я умо-ляю тебя, прежде чѣмъ мистрисъ Джeneralъ сдѣлается твоей мачихой, употребить всѣ успія, чтобъ поставить на видъ этотъ принципъ; достигнуть этого ты можешь тѣмъ, что всѣмъ окружающимъ тебя будешь дѣлать какъ-можно-болѣе не-пріятностей. Я вовсе не ожидаю, что ты исполнишь это... я увѣрена, что ты скорѣе не исполнишь этого, потому-что дѣло это касается папа... но я желаю только одного: пробудить въ тебѣ чувство долга. Что же касается помощи съ моей стороны, или оппозиціи, которую я могу противопоставить подобной партіи, то ты можешь твердо быть увѣрена, что я буду содѣйствовать тебѣ всѣми силами, душа моя. Ты можешь быть твердо увѣрена, что всею своею тяжестью, которую я могу приобрѣсть въ своемъ положеніи, какъ замужняя дама, несомнѣннѣйшая лишняя прелестей и привыкшая во всемъ противодѣйствовать этой женщинѣ — такъ-какъ послѣднее будетъ задачею моего новаго положенія—я обрушусь на голову и парикъ мистрисъ Джeneralъ... потому-что я увѣрена, что у нея парикъ, несмотря на то, что, судя по его безобразію, почти кажется невозможнымъ, чтобъ благоразумный человекъ могъ купить такую гадость!

Крошка Дорритъ выслушала совѣтъ своей сестры, не смѣя ей противорѣчить, но не подала Фанни никакого повода думать, что она намѣрена слѣдовать этому совѣту. Итакъ, покончивъ формальнымъ образомъ съ своею дѣвичьею жизнью и устроивъ свои мірскія дѣла, Фанни съ характеристическимъ жаромъ начала приготовляться къ важной пере-мѣнѣ своего положенія.

Приготовленія эти заключались въ томъ, что она отравила свою горничную, подъ покровительствомъ курьера, въ Парижъ, чтобъ закупить приданое для какой-то невѣсты. Дать этой невѣстѣ въ нашемъ разсказѣ англійское имя мы находимъ неприличнымъ; назвать же ее французскимъ именемъ — разсказъ не соглашается, соблюдая общепри-

нятое правило держаться того языка, въ которомъ онъ, по объявленію своему, долженъ быть написанъ. Богатыи и прекрасный гардеробъ, пріобрѣтенный посланцами, въ—продолженіе немногихъ недѣль совершилъ свой путь изъ Парижа до Рима, несмотря на таможи, которыя, подобно щетинамъ, устьяно было все пространство и которыя были населены многочисленнымъ гарнизономъ оборванныхъ нищихъ въ формѣ, неперестававшихъ повторять «Пѣснь Нищаго» надъ гардеробомъ, какъ-будто каждый изъ этихъ воиновъ былъ древнимъ Велисаріемъ; этихъ воиновъ было столько легионовъ, что еслибъ курьеръ не разсыпалъ полчетверика серебряныхъ денегъ для того, чтобы облегчить ихъ гарькую участь, они столько разъ и такъ немилосердо выворачивали бы весь гардеробъ, что непременно истерли бы его до тла, прежде чѣмъ онъ достигъ бы мѣста своего назначенія. Но онъ вышелъ цѣлъ и невредимъ изъ всѣхъ этихъ опасностей и торжественно и въ лучшемъ состояніи прибылъ на мѣсто.

Здѣсь гардеробъ былъ выставленъ на-показъ передъ избраннымъ женскимъ обществомъ, въ нѣжной груди котораго возбуждалъ чувство неумолимой вражды. Между—тѣмъ весьма—дѣятельно шли приготовленія къ тому дню, въ который нѣкоторымъ изъ этихъ сокровищъ суждено было явиться предъ публикою. Приглашительные билеты къ завтраку были разосланы къ половинѣ англичанъ, находившихся въ городѣ Рошула; другая половина намѣревалась стать подъ ружьемъ, въ видѣ британствующихъ волонтеровъ, въ различныхъ мѣстахъ, гдѣ должна была проходить торжественная процесія. Величайшій и значимѣйшій англійскій сивильоръ Эдгардо Дорритъ, успѣвшій между—тѣмъ усвоить себѣ всѣ недостатки неаполитанскихъ дворянъ, прибылъ по почтѣ чрезъ глубокия болота и грязь, чтобы удостоить торжество своимъ присутствіемъ. Всѣ повара и поварѣнки лучшаго въ Римѣ отеля съ утра до ночи были заняты приготовленіями къ празднеству. Векселя мистера Доррита едва не заставили лопнуть Торлонійскій Банкъ. Во все время консульства британскаго консула не было ни одной подобной свадьбы.

Наконецъ наступилъ давно—ожидаемый день, и волчица въ Капитоліѣ могла бы изъ ревности ворчать, видя какъ варвары—островитяне устраивали подобныя дѣла въ новѣйшее время. Статуи жестокихъ императоровъ воинственнаго времени, наводившія ужасъ своимъ страшнымъ видомъ, несмотря на желаніе скульпторовъ смягчить выраженіе ихъ зѣрскихъ фizioномій, могли бы сойти съ своихъ пьедесталовъ и похитить невѣсту. Засорившійся старый фонтанъ, гдѣ въ прежнее время мылись гладиаторы, въ честь торжества могъ бы воскреснуть къ новой жизни. Храмъ Весты могъ бы возникнуть изъ своихъ развалинъ единственно

лишь днѣго, чтобъ съ своей стороны чѣмъ-нибудь содѣйствовать великолѣпнѣю событія. Все это могло бы быть, но не произошло ничего. Подобно одушевленнымъ предметамъ—какъ иногда поступаютъ лорды и леди міра нашего — они могли бы совершить многое, но не сдѣлали ничего. Бракосочетаніе было отпраздновано съ удивительнымъ великолѣпнѣмъ: монахи въ черныхъ капуцинахъ, въ бѣлыхъ капуцинахъ и въ коричневыхъ капуцинахъ останавливались и съ любопытствомъ разсматривали экипажи; странствующие поселяне въ овечьихъ шкурахъ играли на дудкахъ подъ окнами дома и просили о подавнн; англичане—волонтеры густыми толпами проходили передъ домою. Вечеръ смѣнилъ день и торжество уже стало достояніемъ исторіи; въ звонѣ колоколовъ, принадлежавшихъ тысячѣ церквей, ничто не напоминало о недавнемъ великомъ событіи.

Между-тѣмъ молодая была уже на пути во Флоренцію. Эта свадьба имѣла ту особенность, что было, такъ сказать, одно только дѣйствующее лицо — молодая. Никто не обращалъ вниманія на молодого. Никто не обращалъ вниманія на первую подружку. Если даже предположить, что кто-нибудь искалъ Крошку Дорритъ, которая была первою подружкою, то изъ-за ослѣпительнаго блеска, окружавшаго Фанни, весьма немногіе могли видѣть ея сестру. Такимъ образомъ молодая сѣла въ свою прелестную карету, какъ-бы случайно сопровождаемая молодымъ; вѣскольکو минутъ экипажъ плавно катился по прекрасной, ровной дорогѣ, потомъ началъ трястись по топямъ унынія и по безконечно-длинной дорогѣ, окруженной водораслью и развалинами. И прежде, и послѣ этого экипажа другія свадебныя кареты, говорятъ, ѣздили по этой же самой дорогѣ.

Въ этотъ вечеръ Крошка Дорритъ сильнѣе прежняго чувствовала свое одиночество; грусть шемгла ея сердце. Какъ легко стало бы ей на душѣ, еслибъ она имѣла возможность, какъ въ прежнее время, сѣсть съ работою возлѣ своего отца и приготовить ему ужинъ и постель. Но можно ли было и думать объ этомъ въ настоящее время, когда все семейство почтѣвалось теперь въ экипажѣ приличій, управляемомъ мистрисъ Джeneralъ, сидѣвшею на козлахъ? Что же касается прежняго ужина, то отъ него не осталось ни малѣйшаго слѣда! Когда мистеръ Дорритъ требовалъ ужинъ, то поварь—итальянецъ и кандитеръ—швейцарецъ надѣвали на голову колпаки, величиною съ папскую митру, и принимались выполнять таинства алхимиковъ въ подземной лабораторіи, снабженной мѣдными кастрюлями, и старый джентльменъ могъ удовлетворить своему апетиту только послѣ довольно-долгаго ожиданія.

Въ этотъ вечеръ мистеръ Дорритъ находился въ поучительномъ, 'дн-

дактическомъ настроеніи духа. Крошкѣ Дорритъ было бы гораздо-приятнѣе, еслибъ онъ былъ простъ и ласковъ; но она была рада видѣть его и въ такомъ расположеніи—была ли она когда-нибудь не рада ему?—и окружила его всевозможными ласками. Мистрисъ Джeneralъ удалилась наконецъ. Ея прощаніе было всегда холоднѣйшею церемоніею: можно было подумать, что она считала необходимымъ обратить человеческое воображеніе въ камень, лишивъ его такимъ образомъ возможности слѣдовать за нею. Выполнивъ до конца всѣ свои холодные обряды, напомнившіе въ нѣкоторомъ родѣ прекрасное взводное ученье, она вышла изъ комнаты. Крошка Дорритъ обвила руками шею отца и пожелала ему спокойной ночи.

— Эми, душа моя, сказалъ мистеръ Дорритъ, взявъ ее за руку:—сегодняшнее событіе... гм!.. очень тронуло меня и составляетъ для меня великую радость...

— И утомило васъ нѣсколько, милый папенька?

— Нѣтъ, сказалъ мистеръ Дорритъ: — нѣтъ! Я не чувствую усталости, если она происходитъ отъ случая, полного... гм!.. самой чистѣйшей благодарности.

Крошка Дорритъ радовалась, что отецъ ея находился въ такомъ настроеніи, и ея искренняя радость ясно выразилась на ея лицѣ.

— Милая моя, продолжалъ онъ: — этотъ случай... гм!.. можетъ служить прекраснымъ примѣромъ, можетъ служить прекраснымъ примѣромъ... гм!.. тебѣ, мое возлюбленное, нѣжное дитя.

Крошка Дорритъ, приведенная въ смущеніе этими словами, не знала что отвѣчать, несмотря на то, что онъ остановился, какъ бы ожидая ея отвѣта.

— Эми! снова произнесъ мистеръ Дорритъ: — твоя любезная сестра, наша Фанни, вступила... гм! гм!.. въ бракъ, который доставляетъ намъ прекрасный случай распространить... гм!.. наши связи и... гм!.. положить твердое основаніе нашему положенію въ обществѣ. Я надѣюсь, душа моя, что черезъ нѣсколько времени... гм!.. мы найдемъ и тебѣ выгодную партію.

— О, нѣтъ! Позвольте мнѣ остаться съ вами! Прошу васъ и умоляю, позвольте мнѣ остаться съ вами! Я желаю только остаться съ вами и заботиться о васъ!

Крошка Дорритъ съ испугомъ произнесла эти слова.

— Нѣтъ, Эми, Эми! сказалъ мистеръ Дорритъ. — Это жалко и глупо, жалко и глупо. Ты должна выполнить... гм!.. обязанность, которую налагаютъ на тебя твое положеніе. Эта обязанность состоитъ въ томъ, что ты должна... гм!.. сдѣлаться достойною своего положенія. Чтoby

касается заботъ обо мнѣ, то я могу... гм!.. заботиться о себѣ и самъ... Или, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: — если я буду нуждаться, чтобъ обо мнѣ заботились, то... гм!.. по волѣ Провидѣнія, я... гм!... могу найти себѣ кого-нибудь. Я... гм! гм!.. не имѣю никакого права, моя милая, завладѣть тобою и... гм!.. такъ—сказать, принести тебя въ жертву.

Могъ ли онъ выбрать лучшее время, чтобъ впервые заговорить о своихъ планахъ?.. Теперь же онъ могъ принять видъ, что заботится только о счастіи своей дочери, готовъ на самоотверженіе и гордится тѣмъ.

— Нѣтъ, Эми, не говори объ этомъ! Я рѣшительно не могу принять этого. Я... гм!.. не долженъ принять этого. Моя... гм!.. совѣсть не можетъ допустить до этого. И потому при настоящемъ радостномъ и трогательномъ событіи я пользуюсь благоприятнымъ случаемъ, чтобъ... гм!.. сообщать тебѣ, что я искренно, отъ всей души желаю, чтобъ и ты сдѣлала... гм!.. выгодную—я повторяю, выгодную партію.

— О нѣтъ, милый папенька! Прошу васъ, оставьте это!

— Эми! сказалъ мистеръ Дорритъ: — я твердо убѣжденъ, что если предметъ этотъ отдать на судъ лицу, въ высшей степени обладающему знаніемъ свѣта, деликатностью чувствъ и умомъ... напримѣръ... гм!.. мистрисъ Джeneralъ... то она непремѣнно подтвердитъ тебѣ, что мое желаніе происходитъ отъ искренней любви и привязанности къ тебѣ, отъ искренняго желанія тебѣ добра. Но такъ—какъ я знаю твое любящее сердце и твой послушный характеръ изъ... гм!.. изъ опыта, то я считаю излишнимъ распространяться объ этомъ предметѣ. Въ настоящее время, душа моя, я не могу... гм!.. предложить тебѣ мужа, у меня нѣтъ никого даже и въ виду. Я желаю только, чтобъ мы... гм!.. поняли другъ друга. Гм! Прощай, милая Эми! Вѣдь ты одна у меня осталась теперь! Спокойной ночи! Богъ да благословитъ тебя!

Быть-можетъ, Крошкѣ Дорритъ ночью приходила въ голову мысль, что отецъ ея въ настоящее время, когда его окружаетъ счастье и когда онъ думаетъ замѣнить при себѣ дочь второю женою, въ-состояніи легкомысленно оттолкнуть отъ себя дочь. Но она не хотѣла и думать объ этомъ. Она отгоняла отъ себя эту мысль, оставаясь вѣрною своему отцу, какъ въ то несчастное время, когда она поддерживала его одна, своими только силами. Впродолженіе ночи, которую она провела не смыкая глазъ, она плакала и жаловалась только на то, что отецъ ея смотритъ теперь на все сквозь свое богатство и заботится лишь о томъ, чтобъ остаться богатымъ или приобрести еще большее богатство.

Они оставались въ экипажѣ приличій, которымъ правила мистрисъ Джeneralъ, сидѣвшая на козлахъ, еще три недѣли послѣ свадьбы; за-

тѣмъ онъ отправился во Флоренцію, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться съ Фанни. Съ какою радостью проводила бы его Крошка Дорритъ до Флоренціи, единственно изъ любви къ нему, и потомъ возвратилась бы въ Римъ, вспоминая о своемъ дорогомъ отечествѣ! Но хотя курьеръ и уѣхалъ съ молодою, при мистерѣ Дорритѣ находился камердинеръ, который долженъ былъ сопутствовать ему; а до-тѣхъ-поръ, пока можно было имѣть кого-нибудь за деньги, Крошка Дорритъ не могла быть при отцѣ...

Оставшись единственною обладательницею всего дома и хозяйства въ Римѣ, мистрисъ Джeneralъ вела спокойную жизнь. Крошка Дорритъ часто выѣзжала въ наемной каретѣ, которая была оставлена въ ихъ распоряженіе, или ходила одна между развалинами древняго Рима. Развалины обширнаго древняго амфитеатра, древнихъ храмовъ, древнихъ триумфальныхъ арокъ, сооруженныхъ въ воспоминаніе важныхъ событій, развалины древнихъ дорогъ, древнихъ мостовъ не только служили для нея памятниками давно-минувшихъ временъ, но были развалинами Маршеля... развалинами ея собственной прежней жизни... развалинами людей, встрѣчавшихся ей въ прежней жизни... развалинами любви этихъ людей, ихъ надеждъ, заботъ и радостей. Двѣ давно-минувшія сферы дѣйствій и страданій находились передъ одинокой дѣвушкой, часто сидѣвшей на какомъ-нибудь обломкѣ древняго памятника, и здѣсь, подъ голубымъ небомъ, гдѣ все напоминало о разрушеніи, она въ одно время видѣла обѣ сферы.

Потомъ подходила къ дѣвушкѣ мистрисъ Джeneralъ и лишала всѣ предметы ихъ естественнаго колорита, подобно тому, какъ природа и искусство изгнали изъ нея самой весь естественный колоритъ. По предписанію мистера Юстеса, она вписывала персики и присмы всюду, куда только достигала ея рука, искала вездѣ мистера Юстеса и общества и не могла видѣть ничего, кромя мистера Юстеса и общества, сгребала самыя сухіе останки древности и, не удостоивъ ихъ и взора, подобно вампиру въ перчаткахъ, безчеловѣчно пожирала ихъ.

ИНДО-ГЕРМАНЫ, ИЛИ САЙВАНЕ.

ИНДО-ГЕРМАНЫ, ИЛИ САЙВАНЕ. *Опытъ свода и поелрки сказаній о первобытныхъ населенцахъ Германіи. (Съ приложеніемъ карты).* А. Вельмана. Москва. 1856.

Въ вопросѣ о народности надобно отличать древнѣйшія, до-историческія ея основы отъ послѣдующаго историческаго развитія. У народовъ христіанскихъ гранью, отдѣляющею эти два періода, была эпоха введенія и распространенія христіанства. Новая религія не мгновенно проникла въ умы и медленно расходилась по отдаленнымъ частямъ грубаго, языческаго населенія. Потому эта эпоха не виѣшняя только, но и духовнаго водворенія христіанскихъ идей, эта полная переработка всей нравственной жизни народа могла продолжаться цѣлыя столѣтія, составляющія въ исторіи образованности время переходное отъ до-историческаго періода, когда составляются въ народѣ древнѣйшія національныя основы, то-есть языкъ и міеологія, въ связи съ обычаями, преданіями и повѣрьями, къ періоду высшей нравственной, умственной и художественной дѣятельности, просвѣтленной ученіемъ евангельскимъ. Въ эту переходную эпоху высокія идеи христіанства сосредоточиваются въ отдѣльныхъ, немногихъ личностяхъ, и тѣмъ отраднѣе мерцаютъ своимъ неземнымъ свѣтомъ, чѣмъ болѣе непросвѣщенная, грубая масса повсюду кругомъ еще коснѣтъ въ темнотѣ того *двоевѣрія* или *полумызичества*, въ которомъ древне-русскій христіолобецъ укорялъ своихъ современниковъ. Проходя черезъ этотъ полумракъ двоевѣрія, національность каждаго народа, то тяготея къ языческой старинѣ, то уклоняясь въ новизну, слагается изъ множества мельчайшихъ оттѣнковъ дурнаго и хорошаго, зла и добра, грубыхъ заблужденій и высокихъ истинъ. Показатель христіанскіе учителя и просвѣтители въ тишинѣ монастыр-

ской полагаютъ твердыя основы будущему чисто-христіанскому образованію, народная фантазія еще долго живетъ въ этомъ переходномъ полумракѣ, находя себѣ полный просторъ въ той художественной свѣтлѣтѣни, которую такъ поэтически выразила она въ народныхъ сказкахъ, пѣсняхъ, причитаньяхъ, нашептываньяхъ, обрядныхъ играхъ и въ различныхъ суевѣріяхъ.

Г. Вельтманъ въ своемъ новомъ сочиненіи: *И Indo-германы, или Сайване*, рассматриваетъ самую древнюю эпоху славянской народности вообще и русской въ-особенности, эпоху, когда, во времена до-историческія, славяне составляли нераздѣльную часть прочихъ индо-европейскихъ народовъ, то-есть индусовъ и древнихъ персовъ въ Азіи, а въ Европѣ — народовъ классическихъ, кельтовъ, литовцевъ, германцевъ. Дѣйствительно, ближайшее сродство между языками и замѣчательное согласіе въ основныхъ началахъ мифологіи этихъ народовъ, даютъ полное право предполагать, что было время, когда въ своихъ зародышахъ всѣ эти народы составляли одно цѣлое, раздѣленное на родственныя племена, точно такъ какъ впоследствии раздѣлились на племена и нарѣчія славяне или германцы. Такимъ-образомъ языкъ и мифологія, въ связи съ обычаями и преданіями, нѣкогда составляли у народовъ индо-европейскихъ общее національное достояніе, вѣдоизмѣненное по племенамъ и по мѣстности. По-мѣрѣ-того, какъ народы переселялись и преуспѣвали на пути историческаго развитія, болѣе-и-болѣе уклонялись они отъ этого первобытнаго своего сродства, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзче обозначались индивидуальныя черты исключительной народности каждаго изъ нихъ, и въ языкѣ, и въ обычаяхъ и преданіяхъ: подобно тому, какъ время и опыты жизни налагаютъ на лицо человѣка болѣе-рѣзкія, опредѣленныя черты, выражающія его характеръ. Исторія застигаетъ національности народовъ индо-европейскихъ уже съ ихъ опредѣленнымъ, индивидуальнымъ характеромъ, въ которомъ общія, родственныя очертанія значительно осложнились множествомъ частныхъ, зависящихъ отъ различныхъ обстоятельствъ жизни и уже составляющихъ родное достояніе, индую старину каждаго народа.

Хотя, собственно говоря, сумма всѣхъ этихъ индивидуальныхъ особенностей составляетъ исключительную національность каждаго народа; тѣмъ неменѣе всѣ онѣ состоятъ въ неразрывной связи съ тѣми общими основами, которыми роднятся между собою народы индо-европейскіе. Отличить въ народности общее отъ частнаго и на основаніи послѣдняго опредѣлить ея характеръ, усвоенный тѣмъ или другимъ племенемъ — вотъ задача сравнительно-историческаго изученія языковъ, мифологіи, нравовъ, обычаевъ и преданій. Важнѣйшія пособія для такого изученія

предлагаютъ по преимуществу изслѣдованія нѣмецкихъ ученыхъ Боппа, Я. Гримма, многочисленныхъ учениковъ того и другаго, а между славами — сочиненія Шафарика. Ближайшее знакомство съ современнымъ состоянiемъ науки о народности предохраняетъ отъ важнѣйшей ошибки въ изслѣдованiяхъ этого рода, именно : отъ смѣшенiя частной собственности какого-либо народа съ общимъ достоянiемъ всѣхъ прочихъ, ему родственныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняетъ отъ принятiя какого-нибудь позднѣйшаго явленiя за первобытное свойство національности. Народы и племена, сталкиваясь другъ съ другомъ въ своемъ историческомъ развитiи, взаимно мѣняются нѣкоторыми особенностями своей національности : слѣдовательно , должно строго отличать собственное, возникшее на родной почвѣ, отъ заимствованiя, внесеннаго извнѣ.

Главнѣйшее и самое опредѣленное выраженiе своего характера народность полагаетъ въ языкѣ. *Народъ* и *языкъ* у насъ слова синонимическiя. Преимущественно по языкамъ различаются между собою національности народовъ индо-европейскихъ; и большому или меньшему родству между языками соответствуетъ въ той же мѣрѣ родство въ мифологiи, нравахъ, обычаяхъ и преданiяхъ. Эпоха, когда творится въ вѣдрахъ народа языкъ, сокрыта отъ взоровъ изслѣдователя въ незапамятной старинѣ. Тѣмъ неменѣе, наблюденiя надъ древнѣйшими, безискусственными произведенiями народной словесности, а также и надъ формами языка вообще, приводятъ изслѣдователя къ той неопровержимой истинѣ, что языкъ созданъ одновременно съ мифологiею, и что нравы и обычаи, опредѣляемые образомъ жизни , состоятъ во взаимной зависимости съ языкомъ и древнѣйшими народными вѣрованiями. Быть пастушескiй или земледѣльческiй , опредѣляя характеръ божествъ, отражается и въ языкѣ особенными отгѣнками, болѣе-свойственными тому или другому быту. Семейная жизнь, положенная въ основу первоначальныхъ юридическихъ отношенiй, оказываетъ свою силу и въ образованiи языка, потому-что языкъ созданъ въ живой рѣчи между говорящими, то-есть въ обществѣ, а первобытная, простѣйшая форма общества — семья. Невыразимо-прiятно ласкаютъ нашъ слухъ и прямо къ сердцу идутъ звуки народной пѣсни, пословицы, сказки. Не только самое содержанiе этихъ безискусственныхъ произведенiй насъ забавляетъ, но и каждое меткое слово, каждое типическое выраженiе радостно отзывается въ душѣ, затрогивая симпатическiя ему струны, настроенныя съ нимъ на одинъ ладъ. Этотъ основный строй языка, эти типическiя обычныя выраженiя, эти уподобленiя , эпитеты , краткiя изреченiя , душевные звуки пѣсни, сопровождающей обрядъ или простонародную игру, не живые ли свидѣтели того первобытнаго созданiя нашей народности, когда

слагались формы русскаго слова вмѣстѣ съ зарождеиель нравовъ, повѣрій и преданій? И не потому ли намъ радостны эти звуки, что въ нихъ доносится до насъ изъ глубины вѣковъ сокровеннѣйшія тайны первичныхъ основъ русской жизни?

Съ достовѣрностью можно предположить, что національныя свойства языка устанавливались вмѣстѣ съ зарождеиель и созданиель народной поэзіи; и что эта послѣдняя, состоя въ связи со всею умственной и нравственною дѣятельностью до-исторической старины, была главнѣйшимъ органомъ для выраженія вѣрованій и преданій народа. Но это первобытное согласіе языка, поэзіи, всякой народной мудрости, мифологіи, обычаевъ и обрядовъ, впоследствии, по причинамъ историческимъ и мѣстнымъ, нарушается, единство возрѣвній распадается, и составные элементы первоначальной народности болѣе или менѣе становятся другъ къ другу въ противорѣчащее, иногда даже во враждебное отношеніе; то-есть: слово можетъ противорѣчить обычаю, обычай вѣрованью, вѣрованье народной поэзіи. Эта сила, разлагающая по частямъ первобытное единство народной жизни, попреимуществу принадлежитъ христіанству. Исслѣдователю старины представляется новое затрудненіе: отдѣлить составившееся въ эпоху христіанскаго просвѣщенія, отъ древнѣйшаго до-христіанскаго, сознательное отъ безсознательнаго, послѣдовавшее разложеніе отъ первобытнаго единства, а сверхъ-того, сквозь мерцающій разсвѣтъ христіанскаго образованія, усмотрѣть темныя основы до-исторической старины.

На основаніи языка, обычаевъ и повѣрій, г. Вельтманъ отыскиваетъ древнѣйшіе слѣды нашей народности, указывая ихъ не только между народами средневѣковой Европы, но и между индусами, древними населенцами Италіи, а также и между варварами, громившими Западную Имперію въ эпоху такъ-называемаго переселенія народовъ. Несмотря на многіе неожиданныя взгляды и выводы, книга г. Вельтмана свидѣтельствуетъ объ обширной начитанности автора, о самоотверженіи, съ которымъ онъ пускается въ темныя области перепутанныхъ отношеній между народами и племенами, и особенно о его возвышенномъ національномъ воодушевленіи, при помощи котораго, сквозь рядъ предположеній и догадокъ, онъ постоянно стремится къ любимой своей идеѣ—вездѣ и во всемъ, что ни встрѣчаетъ на пути, открывать свое родное, не только славянское вообще, но въ-особенности свое русское, Россію, Русь. По его мнѣнію, племя сабинское было славянское, и *Sabini* то же, что *славяне*, а Нума Помпиль, давшій Риму первые законы, былъ славянинъ (стр. 6 и 24); *кельты*—славянская *челыдь* (*Celtae*, стр. 167); *гунны*—*венды* (стр. 164); *ломбарды*—*славяне*

луговые или лужичане (стр. 132); Туринія — Тировская область (стр. 109); Белія — Бьялая Русь (стр. 108); Riesen-Gebirge — русскія горы (стр. 113). Казацкую Украйну, какую-то Юрьевщину и Юрьевскую Русь, видятъ онъ въ различныхъ мѣстностяхъ Западной Европы, поселяя такимъ образомъ въ читатель убѣжденіе, что вся Средняя Европа была некогда могущественнымъ Русскимъ Царствомъ, развалины котораго остались въ Германіи, Бельгіи, Франціи, Италиі.

Какъ ни странны эти выводы, мы должны воздать справедливость — кромя патріотическаго воодушевленія — огромной начитанности г. Вельтмана, и особенно похвальному его старанію почерпать свѣдѣнія изъ самыхъ источниковъ. Такимъ-образомъ, чѣмъ болѣе кажется его книга вооруженною разнообразными свѣдѣніями въ древнихъ источникахъ и въ языкахъ индо-европейскихъ, тѣмъ убѣдительнѣе представляется его чрезвычайныя, неожиданныя выводы. Уваженіе къ почтенному во всѣхъ отношеніяхъ труду должно удержать критику отъ легкихъ замѣчаній на кажущіяся странности и отъ всякаго глумленія; уваженіе къ истинѣ позволяетъ заподозрить слишкомъ-крутыя, неожиданныя сближенія, противорѣчащія всѣмъ извѣстнымъ изслѣдователямъ индо-европейской старины.

Книга г. Вельтмана дѣлится на двѣ части. Въ первой особенно распространяется авторъ о родствѣ славянъ съ древними индусами, и языка славянскаго съ санскритомъ, или языкомъ древней Индіи. Вторая часть, составляющая главное содержаніе книги, посвящена критикѣ свидѣтельствъ Тацитта о германахъ.

Сродство языковъ индоевропейскихъ есть фактъ, неподлежащій сомнѣнію. Чѣмъ языкъ болѣе сохранилъ своихъ первоначальныхъ особенностей, тѣмъ онъ ближе къ санскриту и къ другимъ языкамъ родственнымъ. Такъ въ этомъ отношеніи берутъ преимущество — древнѣйшее изъ нѣмецкихъ нарѣчій, готское, передъ прочими, языкъ латинскій передъ романскими, изъ него образовавшимися. Сверхъ-того, чѣмъ менѣе народъ развивался исторически, тѣмъ ближе его языкъ къ общему сродству. Такъ литовцы и славяне, далеко-уступающіе въ образованности не только древнимъ классическимъ народамъ, но и племенамъ нѣмецкимъ, предлагаютъ въ своихъ языкахъ ближайшее сродство съ санскритомъ. Языкъ въ этомъ случаѣ стоитъ въ обратномъ отношеніи къ успѣхамъ образованности. Слѣдовательно значительная близость нашего языка къ санскриту, говоря въ пользу первобытности одной изъ важнѣйшихъ основъ нашей національности, тѣмъ самымъ изобличаетъ юность и незрѣлость или по-крайней-мѣрѣ свѣжесть умственныхъ и нравственныхъ силъ народа, который до позднѣйшей эпохи

удержалъ на себѣ печать древнѣйшаго, первобытнаго мышленія, оставившагося въ формахъ языка.

Сравнивая родственные языки, ученые основываютъ свои выводы не на внѣшнемъ созвучіи словъ, какъ это дѣлалось во времена Шишкова, а на внутреннемъ соотношеніи звуковъ, видоизмѣняющихся въ каждомъ изъ сравниваемыхъ языковъ по свойственнымъ его организму законамъ. Большую часть этихъ законовъ во всей точности опредѣлила сравнительно-историческая грамматика. Теперь уже, по методѣ Шишкова, нельзя производить нѣмецкое *Nacht*, или французское *nuit*, отъ русскаго *ночь*, и наивно объяснять послѣднее слово сокращеніемъ выраженія: *нѣтъ ночей*, потому, будто-бы, что во тьмѣ ночной ходишь какъ безъ глазъ. Отъ подобныхъ натяжекъ, замѣтившихъ во времена Сумарокова и Тредьяковского науку о языкѣ, сравнительно-историческая грамматика избавилась навсегда, при помощи болѣе-широкаго взгляда на законы образованія языковъ и нарѣчій. Такимъ-образомъ, стоитъ только указать на церковно-славянскую форму *нощь* или *ношть*, чтобъ оставить въ сторонѣ *очи*, которыя не имѣютъ никакой связи съ этими древнѣйшими формами. Еслибъ и въ церковномъ языкѣ удерживался тотъ же смыслъ, то слѣдовало бы ожидать въ этомъ языкѣ не формы *очи* (которая дѣйствительно и принадлежитъ ему), а какой-то небывалой въ немъ: *ошти* или *оци*. Итакъ, въ чемъ прежде думали выказать нѣкоторый патріотизмъ, производя всѣ языки отъ русскаго, въ томъ надобно видѣть теперь неуваженіе или по-крайней-мѣрѣ невниманіе къ своему собственному: потому-что, производя *ночь* отъ *очи*, какъ могли забыть церковно-славянскую форму? Мы съ тѣмъ намѣреніемъ привели этотъ примѣръ изъ грамматическихъ натяжекъ Шишкова, чтобъ нагляднѣе убѣдить читателей, что и въ настоящее время, несмотря на блистательные успѣхи лингвистики на Западѣ, и особенно въ Германіи, у насъ еще между многими, занимающимися языкомъ, господствуетъ прежняя шишковская метода, состоящая въ сближеніи словъ по одному, весьма часто-случайному созвучію, и въ объясненіи ихъ значенія только на основаніи предположеній и догадокъ. Этой методѣ держится г. Хомяковъ, и въ своемъ сочиненіи «Сравненіе русскихъ словъ съ санскритскими» (1855 г.) возвращается къ шишковскому толкованію русскаго слова *ночь*, забывая форму церковно-славянскую и явно ей противорѣча (*).

(*) См. разборъ этого сочиненія г. Хомякова въ «Отеч. Запискахъ» за 1855 годъ.

Ту-же методу встрѣтили мы и въ книгѣ г. Вельтмана; а такъ-какъ всё выше-приведенные выводы его скрѣплены словопроизводствомъ, или даже извлечены изъ него, то уже это одно бросаетъ на нихъ тѣнь сильнаго подозрѣнія. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что г. Хомяковъ въ своихъ сближеніяхъ и выводахъ, если не строже, то осторожнѣе. Такъ онъ сближаетъ названіе индійскаго божества *Вишну* съ нашимъ прилагательнымъ *вышній*, и объясняетъ это сближеніе *совпаденіемъ* (слѣдовательно, можетъ-быть и случайнымъ?). Вельтманъ же не только прилагательное *вышній*, но и *въчлнй*, *въчлнй*, *въчлнй*, объясняетъ измѣненіемъ имени индійскаго *Вишну*, будто-бы «по его свойствамъ» (стр. 22). Изъ этого примѣра читатели видятъ, что г. Вельтманъ нисколько не затрудняется въ своихъ сравненіяхъ мелкими оттѣнками звуковъ или буквъ: этимъ-то и отличается его оригинальная метода отъ методы лучшихъ грамматистовъ на Западѣ, которые, оцѣнивая значеніе каждой буквы въ словѣ, путемъ точнаго анализа входятъ въ смыслъ сравниваемыхъ формъ; но что они не ограничиваются этимъ сухимъ, такъ-сказать, микроскопическимъ наблюденіемъ, свидѣтельствуютъ изслѣдованія Я. Гримма о мнѳологіи, правѣ, исторіи нѣмецкаго языка, и многія другія превосходныя его сочиненія, въ которыхъ строго грамматическому разбору словъ онъ даетъ глубокой смыслъ, сближая языкъ со всѣмъ умственнымъ и нравственнымъ бытомъ народа.

Такъ-какъ между языкомъ санскритскимъ и славянскимъ дѣйстви-тельно замѣчается большое сродство, то, конечно, многія сближенія словъ изъ этихъ языковъ, приведенныя г. Вельтманомъ, кажутся непогрѣшительными; нѣкоторыя изъ нихъ признаны уже давно и западными учеными, особенно Боппомъ въ его «Глоссаріи». Но рядомъ съ достовѣрными мы встрѣчаемъ, напримѣръ, соотвѣтствіе нашего слова *царь* санскритскому *сура* (обоготвореніе, обоготворенный), производство нашего *панцырь* отъ *пансула*—броня божества Сивы: между-тѣмъ какъ *царь* есть сокращеніе древнѣйшей *цесарь*, какъ *царство* — *цесарьство*, которыя потомъ сократились въ *цесарь*, *цесарьство*, и наконецъ *царь*, *царство*. Что же касается до слова *панцырь*, то оно, подъ формою *пансырь*, вошло къ намъ съ Запада не ранѣе XV-го вѣка, и вѣроятно, черезъ Новгородъ (*).

(*) Слѣч. итальянск. *panciera*, испанск. *pancera*, древне-франц. *panchir*, нѣмецк. *panzer* — собственно броня, покрывающая нижнюю часть корпуса: отъ итальянск. *pancia*, испанск. *panza*, француз. *panse* (а эти отъ латинск. *pantex* — животъ).

Теперь предоставляемъ самому читателю судить о достовѣрности Вельтманова производства *славянъ* отъ божества *Сивы* и отъ *Сайванъ*—читателей этого божества, а *Руси* отъ *раджа*—свѣтородный, и отъ *раджья*—область (стр. 6—7, 20—21). Замѣтимъ только, что эти сближенія, положенныя въ основу всей книги, держатся на самомъ слабomъ созвучіи въ буквахъ *с*, *в* и *р*. Позвоительно ли изъ такой тонкой нити соткать затѣйливую канву для цѣлой системы народовъ индо-европейскихъ?

Главную задачу сравнительно-историческаго изученія языковъ лучшіе ученые Запада полагаютъ по-возможности точное, строгое отношеніе между звуками сравнительныхъ формъ, и отсюда опредѣлительность выводовъ. Напротивъ, г. Вельтманъ къ неточности въ сравненіяхъ присоединяетъ крайнюю неопредѣлительность. Такъ, напримѣръ, та же индійская *раджья* у него не только *Россія* (будто-бы собственно *Рассія*), но и *рльчъ*, *рада*, *рядъ* (стр. 28). При такой неопредѣлительности и при постоянномъ противорѣчии положительнымъ законамъ науки, поле сравнительныхъ сближеній расширяется до такихъ громадныхъ размѣровъ, что только по созвучію въ одной буквѣ каждое слово русское можно сближить съ какимъ угодно санскритскимъ. Здѣсь уже нѣтъ мѣста строго ученому, отчетливому изслѣдованію, котораго цѣль—стремленіе къ истинѣ: это дѣло досуговой забавы, игра словами.

Лучшіе лингвисты на Западѣ, объясняя какое-нибудь слово, вытѣняютъ себя въ обязанность прослѣдить его видоизмѣненія по всемъ нарѣчіямъ одного и того же языка, и уже на основаніи этихъ видоизмѣненій составляютъ свои выводы объ историческихъ судьбахъ народа и о разселеніи его по областямъ. Этого необходимаго правила постоянно держится Я. Гриницъ во всехъ своихъ сочиненіяхъ по нѣмецкой старинѣ и народности. Ту же методу видимъ и въ славянскихъ древностяхъ Шафарика. Напрасно будемъ искать такой точности и основательности въ лингвистическихъ соображеніяхъ г. Вельтмана. Указывая на глубокую древность русскаго нарѣчія, авторъ, конечно, долженъ былъ бы грамматически доказать, что именно оно, а не какое другое изъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, своими особенностями болѣе другихъ сближается съ санскритомъ. Расширяя до громадныхъ размѣровъ расселеніе Бѣлой Руси и казачества, онъ долженъ былъ бы самыми формами языка доказать, что прочія славянскія племена суть не что иное, какъ вырожденіи той *Раджьи*, или *Рассей*, которая принесла изъ Индіи высокое просвѣщеніе древнѣйшей эпохи и, передавъ его западному міру, наконецъ установилась въ границахъ нашего отечества. Въ такомъ смѣшеніи сла-

славянских нарѣчій скрывается отъ взоровъ автора вся важность языка церковно-славянскаго или древне-болгарскаго, какъ такого нарѣчія, которое въ наибольшей свѣжести и полнотѣ сохранило древнѣйшія особенности славянскаго языка. Итакъ это поклоненіе какой-то миопческой *Рассем*, Юрьевщинѣ, Бѣлой Руси, впоследствии перешедшей въ Бельгію, столь исключительно-національно, столь враждебно прочимъ славянскимъ нарѣчіянь, что воззрѣнія, изъ которыхъ оно послѣдовало, въ противоположность славянофильскимъ, по всей справедливости могутъ быть названы *анти-славянскими*.

Переходя отъ языка къ обычаямъ и преданіямъ, мы должны замѣтить, что сближенія древнерусскаго быта съ индусскимъ, предложенныя г. Вельтманомъ, заслуживаютъ, по своему интересу, полного вниманія читателя. Мы узнаёмъ, напримѣръ, что и у индусовъ, какъ у насъ, была *рота* или клятва оружіемъ, были *постриги* или особенный обрядъ постриженія, употреблялись *серьги*, ожерелья или *гривны*. Однако не можемъ не замѣтить, что и между чистотѣмцами обычаями мы встрѣчаемъ клятву оружіемъ, употребленіе гривны и очень-много другихъ, общихъ съ славянами, обыкновеній, преданій и обрядовъ. Можетъ-быть, дѣйствительно самое слово *гривна* у насъ удержалось отъ древнѣйшей индусской эпохи, но обрядъ ношенія гривны, но преданія о ней поэтическія и религіозныя, но явственный переходъ этого украшенія въ монету (*) — все это находимъ въ большемъ развитіи между нѣмцами, нежели между славянами. Положимъ, что обычай носить *серьги* перешелъ къ намъ непосредственно отъ самого божества Вишну: зачѣмъ же знали мы самое слово *серьга* у нѣмцевъ (**)? Такимъ образомъ, выпускаемая изъ виду обычаями другихъ родственныхъ народовъ, г. Вельтманъ даетъ слишкомъ-тѣсное значеніе приведеннымъ у него обычаямъ, а потому и сближенія его, возбуждая подозрѣніе, не достигаютъ своей цѣли.

Теперь обратимся ко второй половинѣ книги г. Вельтмана. Еслибъ авторъ не высказалъ ясно своего неуваженія къ западнымъ изслѣдователямъ народности вообще и мифологіи въ-особенности, мы шли бы

(*) См. *Древне-сверхъземная жизнь*, въ 4-мъ № «Русскаго Вѣстника».

(**) *Серьга* есть сокращенная форма отъ старинныхъ и народныхъ *исерьга* и *усерьга*; а эта послѣдняя сократилась изъ церковно-славянской *усерьязь*, происшедшей отъ готскаго *ausahrings* — кольцо въ ухѣ (*auso* — ухо, *hrings* — кольцо).

нѣкоторое право заключить, что основная идея этой второй половины заимствована г. Вельтманомъ у Я. Гримма. Но такъ—какъ авторъ нигдѣ не ссылается на этого гениальнаго германиста, то намъ слѣдуетъ остаться только при догадкѣ.

Вотъ въ чемъ дѣло. Я. Гриммъ въ своей превосходной «Исторіи нѣмецкаго языка», между—прочимъ, сближаетъ готевъ съ гетами и даками или даціянами, и отъ этихъ послѣднихъ ведетъ происхождение жителей *Даніи*; при этомъ, съ свойственнымъ ему мастерскимъ лингвистическимъ тактомъ, онъ указываетъ на русскія слова *датчанинъ* и *датскій*, очевидно произведенныя не отъ *Данъ* (откуда *Данія*), а отъ *Дакъ*, откуда *Данія* или *Дація* (*). Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія Я. Гриммъ предлагаетъ (только въ видѣ догадки) очень—смѣлое, но едва—ли вѣроятное происхождение собственаго имени *славяне* отъ *Саввы* (**). Усвоивъ себѣ послѣднее сближеніе, г. Вельтманъ даетъ ему обратный смыслъ: *саввовъ*, то—есть нѣмцевъ, принимаетъ за *славяны*; что же касается собственно до нѣмцевъ (*deutsche*), то онъ ведетъ ихъ отъ готевъ, готовъ и давовъ; причемъ также указываетъ на русское названіе *дачкій* или *датскій* (стр. 18) (***)).

Основываясь на этихъ предположеніяхъ, г. Вельтманъ всѣ свѣдѣтельства Тацита о германахъ переноситъ на славявъ. Такимъ образомъ ^{всѣ} изслѣдованія Я. Гримма и многихъ его учениковъ и послѣдователей о нѣмецкой мифологіи, о нѣмецкихъ нравахъ, обычаяхъ, преданіяхъ, основанныя на свѣдѣтельствѣ этого римскаго историка, были бы испровергнуты въ самыхъ началахъ своихъ, еслибъ смѣлая мысль г. Вельтмана была доказана точными, положительными данными. Но ^{вѣдѣ} что этихъ послѣднихъ, мы встрѣчаемъ однѣ догадки и предположенія, а къ тому еще одностороннюю исключительность въ сближеніи только славянскихъ и преимущественно русскихъ обычаевъ и преданій съ сказаніями Тацита о германахъ. Г. Вельтманъ предпринялъ самый почтенный трудъ, и его выполненіемъ принесть бы несомнѣнную пользу наукѣ, еслибъ, поставивъ себя въ рѣшительное противорѣчіе со всѣми изслѣдователями германской старины, онъ вооружилъ свои выводы строгою

(*) Geschichte d. deutsch. Sprache. 1848. I, 193; II, 732.

(**) Тамъ же. I, 322.

(***) Сближеніе готевъ съ даками встрѣтило въ Германіи сильную оппозицію со стороны историковъ. Г. Вельтманъ долженъ былъ бы критикомъ устранить мнѣнія, противорѣчащія этому сближенію.

критиком. Онъ перевелъ на русскій языкъ свидѣтельства Тацита о германцахъ, но большую часть собственныхъ именъ переделалъ на свой ладъ для того, чтобъ они звучали послavianски. Что же касается до сказаній о нравахъ и обычаяхъ германскихъ, то онъ, сблизивъ ихъ съ славянскими, выпустилъ изъ виду старину и народность племенъ готескаго и скандинавскаго происхожденія, слѣдственно, и по мнѣнiю г. Вельтмана, собственныхъ нѣмцевъ, у которыхъ, равно какъ и у прочихъ населенцевъ Германiи, находимъ въ большемъ развитiи, нежели у славянъ, всѣ тѣ зачатки народности, о которыхъ повѣствуетъ Тацитъ. Итакъ, до-тѣхъ-поръ, пока г. Вельтманъ не опровергнетъ строгою, чисто-ученою критикою изслѣдованiй Гримма о мнeологiи, нравахъ, обычаяхъ, преданiяхъ германскихъ — изслѣдованiй, постоянно-основанныхъ на Тацитѣ; до-тѣхъ-поръ книга его «Объ индо-германцахъ, или сававахъ» не можетъ имѣть ученаго значенiя.

Г. Вельтманъ, желая построить свою систему на самостоятельныхъ началахъ и тѣмъ дать ей характеръ національнаго, русскаго воззрѣнiя, съ намѣренiемъ избѣгалъ прямаго столкновенiя съ гриммовскою школою. Едва-ли такой прiемъ можетъ принести пользу процвѣтанiю науки на основанiи русскаго воззрѣнiя. Зачѣмъ добровольно лишать себя тѣхъ преимуществъ, которыя предназначены у насъ наукѣ уже историческими судьбами нашего отечества? Прежде насъ такъ много было сдѣлано на Западѣ для изученiя национальностей, что если хотимъ быть въ своихъ изслѣдованiяхъ самостоятельными и сдѣлать по этому предмету что-нибудь вполнѣ-достойное высокаго имени науки, то непременно должны безпристрастно изучать нашихъ западныхъ предшественниковъ, и уже потомъ, частью согласившись съ ними или ихъ опровергнувъ, приниматься за самостоятельное творчество. И это особенно-необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда мы рѣшимся захватить себѣ права на чужую национальность. Тогда надобно уже брать съ бою; а право, такой противникъ, какъ Я. Гриммъ, принесетъ честь каждому посягателяю на нѣмецкую собственность.

Нисколько не думая обращать дѣла въ шутку, мы рекомендуемъ желающимъ быть самостоятельными въ изученiи народности войти въ полемику съ прославленными знатоками по этому предмету на Западѣ. Мы увѣрены, напримѣръ, что разборъ сочиненiй Я. Гримма, со стороны славяницыны, принесетъ много пользы не только изученiю нашей народности, но и этому нѣмецкому ученому, который всегда такъ интересовался славянами. Приводить же онъ въ доказательство своихъ выводовъ русскiя слова *датчанинъ* и *датскiй*. Не брезгуйте же его

пчемъ и , по-крайней-мѣрѣ изъ любви къ наукѣ , будьте снисходительны къ его авторитету , и разберите его мнѣнія , хотя бы и для того , чтобъ ихъ опровергнуть . Только не оставляйте ихъ втуне для собственной же своей выгоды , потому-что они будутъ заграждать вамъ путь къ истинѣ до-тѣх-поръ , пока вы не сдвинете ихъ въ сторону посредствомъ правдивой и строго-ученой критики .

Кромѣ интереса чисто-ученаго , « Исслѣдованія » г. Вельтмана имѣютъ интересъ относительный , національный . Вопросъ идетъ о первенствѣ между европейскими народами въ великомъ дѣлѣ просвѣщенія всего человѣчества , представительницею котораго предназначено быть Европѣ . Прочитавъ книгу г. Вельтмана , кто усомнится въ томъ , что это первенство по всѣмъ правамъ принадлежало славянамъ ? Въ наибольшей чистотѣ сохранили они священные преданія высокой образованности древней Индіи . Великому Риму , который властвовалъ нѣкогда надъ цѣлымъ міромъ и прославился своими мудрыми постановленіями , славяне дали основныя начала законодательства (стр. 24) . Славяне же , выселившіеся изъ Италіи черезъ Альпы въ Среднюю Европу , приуготовили на огромномъ пространствѣ своего расселенія благотворную почву будущему просвѣщенію Германіи , Франціи , Швейцаріи , Бельгіи . Славяне же были и тѣ могучія племена , которымъ суждено было въ глубокие средніе вѣка обновить древній міръ внесеніемъ въ устарѣлый порядокъ вещей свѣжія , нравственныя силы и юношескую готовность стремиться къ высокимъ идеямъ , указаннымъ міру въ Божественномъ откровеніи . Все , чтó ни говоритъ Тацитъ объ этихъ прекрасныхъ германскихъ народахъ , все это относится къ славянамъ . Не въ германцахъ , а въ славянахъ полагала судьба великій залогъ будущаго процвѣтанія человѣчества . И гуны , внесшіе страшное опустошеніе въ предѣлы западныя ; были тоже славяне , венды (стр. 164) . Не лангобарды внесли въ Стверную Италію новыя начала гражданственности , а славяне луговыя или лужичане (стр. 132) . Страны при-рейнскія , прославленные чудесами средневѣковаго художества , это средоточіе политической и религіозной дѣятельности Средней Европы — эти страны обязаны первыми началами своей цивилизаціи тоже славянамъ , древнѣйшимъ населенікамъ Средней Европы : за Рейномъ даже находилась нѣкогда Бѣлая или Великая Русь (стр. 161) .

Послѣ сочиненія Шафарика о славянскихъ древностяхъ нельзя сомнѣваться въ значительномъ вліяніи славянъ на древнѣйшую судьбу въ расселеніи и передвижкѣ европейскіхъ народовъ въ эпоху , отдѣляющую міръ древній , до-христіанскій , отъ новаго , христіанскаго . Г .

Вельтманъ пошелъ гораздо-далѣе Шафарика : въ своемъ славянскомъ увлеченіи онъ рѣшился переступить за границу историческихъ фактовъ, и, подвергнувъ смѣлой и въ высшей степени остроумной критикѣ свидѣтельства Тацита о германцахъ, онъ рѣшился не только вытѣснить этотъ мощный народъ изъ его дремучихъ лѣсовъ, гдѣ онъ поклонился своимъ роднымъ богамъ, но даже вовсе стереть со страницъ исторіи тацитовскихъ германцевъ, замѣнивъ ихъ славянами.

Въ изслѣдованіяхъ г. Вельтмана столько добросовѣстности, столько труда и многосторонняго изученія, что сомнѣваться въ искренности его выводовъ критика не имѣетъ никакого права. Итакъ замѣну тацитовскихъ германцевъ, древнихъ сабинянъ, гунновъ, лонгобардовъ — славянами, ни комъ образомъ не должно почитать за мистификацію.

Ученый находитъ удовлетвореніе своимъ стремленіямъ въ истинѣ. Открытіе славянъ тамъ, гдѣ ихъ никто прежде не ожидалъ встрѣтить—открытіе для науки въ высшей степени значительное. Современемъ, можетъ-быть, нѣкоторые изъ выводовъ г. Вельтмана оправдаются, другіе примутъ полнѣйшее и правильнѣйшее развитіе, болѣе-сообразное съ требованіями исторической и лингвистической критики. Итакъ, не взирая на чрезвычайность всѣхъ этихъ выводовъ, въ настоящее время противорѣчащихъ основнымъ положеніямъ исторіи и лингвистики, допустимъ предположеніе, что г. Вельтманъ въ своихъ разысканіяхъ о славянахъ близокъ къ истинѣ; положимъ, что наука обогащается новыми фактами въ древнѣйшихъ судьбахъ этого народа. Истина въ наукѣ прежде всего; и мы отдаемъ г. Вельтману полную справедливость, по-крайней-мѣрѣ, въ энергическомъ стремленіи къ этой благородной дѣлѣ.

Но просвѣщенная публика, безъ притязаній на ученую специальность, не довольствуется безприкладною, сухою истиною ученыхъ изслѣдованій. Внося новую идею, выработанную наукою, въ кругъ своихъ умственныхъ интересовъ, читатели непременно пожелаютъ оправдать ее для себя, приложеніемъ ея къ тѣмъ свѣдѣніямъ, въ истинѣ которыхъ имѣли случай убѣдиться уже прежде. Если славяне такъ многозначительны въ исторіи Европы—скажетъ читатель,—если они оставили по себѣ неизгладимые слѣды и въ Италіи, и въ Швейцаріи, и Франціи, и Бельгіи; если берега нѣмецкаго Рейна искони принадлежали имъ; если вся германская старина держится на славянскихъ обычаяхъ и преданіяхъ, описанныхъ Тацитомъ: то зачѣмъ же такая печальная судьба постигла эти мощныя славянскія племена вмѣстѣ съ разсвѣтомъ просвѣщенія на берегахъ Рейна и Нѣмецкаго Моря, въ долинахъ Лом-

бардиз — однимъ словомъ во всѣхъ тѣхъ странахъ нѣмецкаго и романскаго населенія, гдѣ Миланъ, Базель, Кёльнъ, Триръ, возникли на прародительскихъ урочищахъ *лужичей, лужицкай, Дьялицъ Горь, турочаевъ или туровичей, древланъ* и т. и.? Не-ужели Бѣлая или Великая Русь очутилась за Рейномъ ддятого только, чтобъ дать нѣсколько собственныхъ именъ городамъ, рѣкамъ, горамъ, и потому со сцены дѣйствія, какъ-скоро открылись новые пути въ развитіи умственныхъ и нравственныхъ силъ? Чтѣ за роковая антипатія славянскаго элемента къ просвѣщенію! Лужичи даютъ имя Ломбардиз, а племя романское, подъ вліаніемъ нѣмецкихъ, готическихъ преданій, основываетъ ломбардскую школу живописи, и Леонардо да-Винчи забываетъ, что всею свѣжестью своего чистаго воодушевленія обязанъ онъ славянскому духу, съ незапамятныхъ временъ вѣявшему надъ страню лужичей! Но, можетъ-быть, славянское населеніе послужило основою земледѣльческому и городскому сословію Средней Европы, которое впоследствии было подчинено элементу романскому и нѣмецкому. Отчего же, когда освобождаются города Западной Европы отъ феодальной власти, мы видимъ на первомъ планѣ гражданской и умственной дѣятельности не славянъ, а все же племена нѣмціи и романскія? Не древлане или поляне строили романскіе и готическіе храмы Трира или Кёльна; не славянами основана одна изъ древнѣйшихъ художественныхъ школъ Западной Европы школа Кёльнская; не славяне вели многолѣтніа войны съ феодальными властителями за освобожденіе городовъ Брюгге, Гента, Антверпена. Вотъ какъ далеки историческіе выводы и географическіа прокладки г. Вельтмана отъ рѣшенія существенныхъ вопросовъ о вліаніи славянства и Бѣлой Руси на просвѣщеніе человечества! Между географическими именами, которыа славяне давали бѣльшей части урочищъ Западной Европы, и между европейскимъ просвѣщеніемъ — цѣлая бездна, которую не восполнишь никакою славянскою критикою тацитова сочиненія о правахъ германцевъ. Имя само-по-себѣ ничего не значитъ, если въ немъ не заключается идея. Говорятъ, что слово *Москва* финскаго происхожденія. Положимъ такъ; но чтѣ же финскаго замѣчается въ исторіи Москвы? Какое вліаніе грубый, языческой народъ могъ оказать на поселившихся на берегахъ Москвы и Цеглинной, смѣлыхъ выходцевъ славянскихъ? Говорятъ, что *Венеція* получила свое названіе отъ вендовъ, или венедовъ, венетовъ, племени славянскаго; дѣйствительно, по берегамъ Адриатическаго Моря и доселѣ сохранилось славянство; многія венеціанскія фамиліи происходятъ отъ славянскихъ словъ. Но что же общаго между этими этимологическими тонкостями и роскошною, цвѣтущею школою венеціанскихъ живопис-

дѣвъ? Укажите на славянство въ колоритѣ Джорджоне или Тиціана, въ архитектурѣ Палладія, въ письмахъ и сонетахъ Петра Аретино!

Но предупредимъ возраженіе. Думая такимъ образомъ, мы вовсе не имѣемъ намѣренія въ чемъ бы то ни было заподозрить высокое значеніе славянской народности въ историческихъ судьбахъ человѣчества. Мы только опасаемся, чтобы неумѣренное превознесеніе славянъ надъ прочими народами въ какую-то доисторическую эпоху, вмѣсто желаннаго удовлетворенія нашего самолюбія, не нанесло ему тѣмъ самаго живаго оскорбленія, налагая на славянъ тяжкую отвѣтственность въ недостатокъ дѣятельности въ то время, когда столько великаго совершено было народами зашедшими. Что же касается до насъ, то мы вполне убѣждены, что славяне, усвоивъ себѣ интересы образованныхъ народовъ, постоянно вносили богатые результаты своей духовной дѣятельности въ общую сокровищницу народовъ европейскихъ. Какъ благотворно было, напри- мѣръ, религіозное и литературное движеніе у славянъ болгарскихъ въ IX-мъ и X-мъ вѣкѣ! А пражскій университетъ, Гуссъ, глубокомысленный рыцарь Ома Щитный, пражская школа живописи, прекрасныя миниатюры въ старинныхъ чешскихъ рукописяхъ — какія блистательныя страницы въ исторіи западной славящины! Того, что дѣйствительно есть, что говорить само за себя, ни унизить, ни заподозрить нельзя. Отъискивать же славянское могущество и славу въ какой-то немецкой старинѣ, на берегахъ Рейна и Мозеля, или даже въ полчищахъ Александра Македонскаго, значитъ, по малой мѣрѣ, быть недовольну тѣмъ, что славяне совершили на-самомъ-дѣлѣ. Какой-нибудь Иннокентій Гизель, съ младенческими понятіями объ исторіи, могъ наввно думать, что славяне «пособствоваху и великому царю Александру Македонскому и отцу его Филиппу подбивати подъ власть свѣта сего державу»; но въ наше время, послѣ трудовъ Гримма, Боппа и другихъ замѣчательныхъ историковъ и лингвистовъ, надобно совершить необычайный переворотъ въ наукѣ о народахъ, чтобы рѣшиться, вмѣстѣ съ г. Вельтманомъ, утверждать, будто изъ чего-то «видно огромное участіе хорвато-сербовъ (то-есть славянъ) въ войнахъ Александра-Великаго» (стр. 163).

Заключая свое мнѣніе о книгѣ г. Вельтмана, вмѣняемъ себѣ въ обязанность обратить вниманіе читателя на утѣшительную сторону въ этой войнѣ за тацитовыхъ германовъ, объявленной авторомъ немецкихъ славянъ въ пользу славянской народности. Если дѣйствительно такъ родственны намъ древнегерманскія преданія, что ихъ легко можно смѣшивать съ славянскими; то, по-крайней-мѣрѣ, изъ любви къ собственной

старинѣ и народности, примемъ къ свѣдѣнію и безпристрастно изучимъ все то , что въ настоящее время сдѣлано въ Германіи по нѣмецкимъ древностямъ и народной словесности. Такимъ—образомъ г. Вельтманъ своими объясненіями Тацита долженъ возбудить въ каждомъ ученомъ, занимающемся русскою народностью , особенный интересъ къ нѣмецкой старинѣ ; а чтобъ отдѣлить въ этой послѣдней чисто—славянское отъ посторонняго наплыва , надобно будетъ съ тѣмъ же вниманіемъ рассмотреть особенности и прочихъ европейскихъ племенъ. Следовательно наша же собственная народность послужитъ намъ поводомъ къ общенію съ прочими народами Запада.

О. ВУСЛАВЪ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Записки о Южной Руси. Издавъ П. Кулшъ. Томъ I-й. 1856 года.

Прозвѣденія южнорусской народной поэзіи — не новость въ образованномъ мірѣ. Послѣ того, какъ впервые князь Цертелевъ въ 1819 году издалъ въ свѣтъ восемь малороссійскихъ думъ, напечатанныхъ, правду сказать, уродливымъ языкомъ и въ плехихъ вариантахъ, рядъ трудолюбивыхъ собирателей мало-по-малу наполнилъ сокровищницу отечественной самобытной словесности богатыхъ запасомъ народной поэзіи. Въ 1827 году Максимовичъ издалъ небольшое собраніе малороссійскихъ пѣсень, преимущественно любовнаго содержанія или касающихся семейнаго быта. Въ 1833 году явилась «Запорожская Старина» г. Срезневскаго, изданіе важное и замѣчательное. Почтенный ученый, въ дни молодости брошенный судьбою въ степи Екатеринославской Губерніи, записалъ отъ слѣпыхъ бандуристовъ думы и пѣсни и спасъ отъ гибели драгоценнѣйшія созданія старинной народной поэзіи. Многія изъ нихъ погби бы невозвратно, еслибъ счастливый случай не далъ г. Срезневскому возможности передать ихъ потомству въ «Запорожской Старинѣ». Кромя этой заслуги, мы должны приписать П. Н. Срезневскому ту честь, что онъ первый у насъ указалъ, какимъ образомъ важность историческихъ пѣсень должно оцѣнивать вмѣстѣ съ критическимъ разборомъ событій. Нельзя, однако, не замѣтить недоказанности многихъ разсказанныхъ въ «Запорожской Старинѣ» событій казачьей исторіи, противорѣчащихъ всѣмъ, до-сихъ-поръ пзвѣстнымъ, источникамъ южнорусской исторіи. Въ повѣствованіи объ эпохѣ Хмельницкаго является пѣсколько фактовъ, очень заманчивыхъ и, къ-сожалѣнію, неизвѣстно откуда взятыхъ. О Морозенкѣ, лицѣ, очень любимомъ народною поэзіею, но пзвѣстномъ въ историческихъ памятникахъ болѣе по имени Мрозовицкаго или Мороза, чѣмъ по біографическимъ частностямъ, у Срезневскаго разсказывается цѣлый романъ, неподтверждаемый никакими свѣдѣтельствами. Такіе разсказы сопровождаютъ многія думы и пѣсни, напечатанныя въ «Запорожской Старинѣ». Прошло болѣе двадцати лѣтъ

со времени этого изданія, а историческія данныя, сообщенныя въ немъ ученому свѣту, до-сихъ-поръ остаются неразгаданными, и г. Брезневскій оказалъ бы услугу наукѣ, еслибъ теперь вспомнилъ о своей «Запорожской Старинѣ» и сдѣлалъ общезвѣстными тѣ таинственные источники, которыми пользовался при составленіи исторической части своего изданія, дабы оно не было похожемъ на исторію Русовъ Конюскаго, тѣмъ болѣе, что честь перваго указація на недостоверность этого сочиненія принадлежитъ провинцальности И. И. Срезневскаго. Въ 1834 году Максимовичъ явился съ «Украинскими пѣснями». Въ этотъ сборникъ вошло многое, но не все изъ прежняго изданія. Новое изданіе, долженствовавшее быть первою частью большаго сборника въ нѣсколько томовъ, заключаетъ думы, историческія пѣсни, удачно-названныя издателемъ былевыми, бытовыя казацкія пѣсни, объясняющія жизнь угасшаго казачества и восемь чумацкихъ пѣсень. Большая часть думъ и историческихъ пѣсень перепечатана изъ «Запорожской Старины»; впрочемъ, въ послѣдней осталось еще много невошедшихъ въ сборникъ Максимовича, другія заимствованы изъ сборника князя Цертелева, а нныя изъ рукописнаго сборника Зоріана Ходаковскаго. Пѣсни бытовыя вообще перепечатаны изъ прежняго изданія 1827 года, съ добавленіемъ новыхъ. Г. Максимовичъ при нѣкоторыхъ думахъ и пѣсняхъ приложилъ примѣчанія, короткія, по дѣльнымъ, осторожныя и необходимыя. Въ 1836 году г. Лукашевичъ издалъ «Малороссійскія и червонорусскія думы и пѣсни». За исключеніемъ червонорусскихъ, перепечатанныхъ изъ галицкихъ сборниковъ и занимающихъ половину книги, этотъ сборникъ знакомитъ любителей народной поэзіи съ прекрасными невольническими думами, новымъ варіантомъ думы объ Ивасѣ Коновченкѣ, пѣснями и пѣсенными отрывками, относящимися ко временамъ колівичины или уманской рѣзни и, въ-особенности, съ огромною думою о Самойлѣ Кущкѣ или Кущкѣ: она равно замѣчательна по своей величинѣ, превосходящей величину другихъ извѣстныхъ намъ думъ, по новости для исторіи описываемаго въ ней событія и по эстетическому достоинству, состоящему въ полнотѣ, соразмѣрности частей, живости образовъ, простотѣ и выразительности эпического разсказа и рѣзкости характерическихъ чертъ вѣка и лица. Кромѣ этихъ сборниковъ, напечатанныхъ въ Россіи, въ Галиціи, странѣ, населенной тѣмъ же южнорусскимъ народомъ, по стеченію обстоятельствъ политически разлученныхъ отъ своихъ собратій, но удержавшихъ своенародность, явилось два сборника: Вацлава изъ Олеса въ 1833 году и Жеготы Паули въ 1840. Первый заключаетъ, кромѣ южнорусскихъ, множество польскихъ пѣсень; историческими пѣснями онъ бѣденъ, за-то къ пѣснямъ приложены ноты, составленныя Липинскимъ. Второй заключаетъ нѣсколько новыхъ для печатнаго міра историческихъ пѣсень; между ними есть вышедшія уже изъ народнаго употребленія и отысканныя издателемъ въ старыхъ рукописяхъ. Кромѣ пѣсень, записанныхъ въ Галиціи, издатель перепечаталъ многія изъ

пѣсень, прежде появившихся въ свѣтъ въ первомъ изданіи г. Максимовича въ 1827 году. Въ 1849 году г. Максимовичъ издалъ «Сборникъ Украинскихъ Пѣсень», но это не было продолженіе первой части, изданной въ 1834 году, а снова первая часть: тамъ помѣщено двадцать думъ, изъ которыхъ четыре новыхъ, двадцать-девять колыбельныхъ и одиннадцать такихъ, которыми издатель далъ названіе материнскихъ, потому—что въ нихъ изображаются материнскія чувства. Восемь лѣтъ прошло послѣ этого изданія; первая часть до-сихъ—поръ не дождалась второй, такъ точно, какъ не дождалась ее первая часть, изданная въ 1834 году, чрезъ пятнадцать лѣтъ замѣненная снова первой. Въ 1854 году г. Метлинскій издалъ народныя пѣсни южнорусскія. Собратель, самъ поэтъ, подарившій некогда малороссійскую литературу прекрасными «Думками и пѣснями», сдѣлалъ свое дѣло съ тѣмъ участіемъ, какое внушали ему любовь къ народности и добросовѣстность ученаго. Безспорно, сборникъ г. Метлинскаго одинъ изъ лучшихъ въ славянскомъ мірѣ, столь богатомъ произведеніями народной поэзіи. Въ этомъ сборникѣ числительное обиліе равняется достоинству повизны и правильности въ размѣщеніи пѣсень. Издатель дѣлитъ пѣсни вообще: на житейскія, сопровождающія разныя явленія обычной жизненной чреды, начиная отъ колыбели до могилы; годовыя: обрядныя, которыя поются въ разныя времена года при сельскихъ занятіяхъ, поучительныя, былевыя, къ которымъ причисляетъ историческія, бытовыя, изображающія внутренней бытъ различныхъ сословій народа, и шуточные. Г. Метлинскій не перепечатывалъ ничего изъ прежнихъ изданій. Нѣсколько историческихъ думъ и пѣсень, до того времени неизвѣстныхъ и нѣсколько важныхъ варіантовъ прежде-изданныхъ народныхъ памятниковъ составляютъ блистательныя страницы этого сборника. Замѣчательно, что лучшія въ этомъ родѣ думы и пѣсни и, въ числѣ ихъ, драгоценная дума о Феськѣ-Ганжѣ-Андыберѣ доставлены г. Метлинскому г. Кулишомъ, издателемъ книги, по поводу которой мы сочли нужнымъ сдѣлать короткое обозрѣніе изданій памятниковъ южнорусской народной поэзіи. Г. Метлинскій въ своемъ сборникѣ подъ каждой пѣснею оговариваетъ, гдѣ она записана и этимъ доставляетъ возможность наблюдать отѣны народнаго говора въ различныхъ мѣстахъ южнорусскаго края. Жаль только, что не всѣ части этого края получили равный удѣлъ въ сборникѣ. Самое большое количество пѣсень записано въ губерніяхъ Кіевской и Полтавской, а число записанныхъ въ губерніяхъ Волинской и Подольской сравнительно—мало. Сверхъ того, г. Метлинскій, помѣстивъ большой запасъ свадебныхъ пѣсень, долженъ былъ подробнѣе и яснѣе описать самые обряды, безъ чего всякое изданіе пѣсень такого рода не достигаетъ ученой цѣли.

Если ко всему нечисленному прибавить: «Галицкія преповѣдки» (загадки) Илькевича, изданныя въ Вѣнѣ, и «Малороссійскія загадки», изданныя Сементовскимъ, то, за исключеніемъ статей, разстѣпныхъ въ

периодических изданий, мы можем видеть положение, в каком находится народная южнорусская литература в наше время, когда книга г. Кулиша является как-бы для того, чтобы показать, что богатство народных памятников еще не исчерпано.

Издание г. Кулиша только первый томъ труда, взятаго на себя издателемъ. «Я предпринялъ (говоритъ г. Кулишъ) въ неопредѣленномъ количествѣ томовъ издать «Записки о Южной Руси», въ которыхъ бы каждый просвѣщенный русскій человекъ имѣлъ энциклопедію разнообразныхъ свѣдѣній о народѣ, говорящемъ языкомъ южнорусскимъ. Эти свѣдѣнія собраны и обработаны какъ мною самимъ, такъ и другими лицами. Первый томъ этихъ записокъ занятъ преимущественно историческими воспоминаніями малороссійскаго или южнорусскаго народа, которыя представлены въ томъ видѣ, въ какомъ они передаются изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію и снабжены необходимыми поясненіями.»

Издание г. Кулиша непохоже на предыдущія изданія словесныхъ памятниковъ южнорусской народности. Здѣсь помѣщены не одніе думы и пѣсни, какъ у прежнихъ собирателей, но рассказы въ прозѣ объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, какъ исторической такъ и частной жизни, имѣющихъ смыслъ для ученаго наблюдателя, рассказы, записанные слово-въ-слово изъ устъ народа и дополняющія думы и пѣсни въ передачѣ народомъ дѣлъ давноминувшихъ лѣтъ. Эти рассказы (преданія, повѣрья, легенды) имѣютъ свои особыя достоинства: ихъ незаученый, но живой языкъ знакомитъ насъ съ теченіемъ народной рѣчи, образомъ выраженія и со всеми оттѣнками народнаго говора. Въ наше время писатели повѣстей, очерковъ и драматическихъ сочиненій выводить въ своихъ произведеніяхъ лица, говорящія съ областными особенностями, стараются подладиться подъ рѣчь простолюдина и считаютъ, повидимому, литературнымъ достоинствомъ удержаніе мелкихъ фонетическихъ и этимологическихъ оттѣновъ и синтаксическихъ своеобразностей. Правда, это направленіе доводитъ писателей, въ сущности мало знакомыхъ съ народною жизнью, до бесплоднаго набора словъ изъ областного словаря и выраженій изъ сборниковъ пословицъ и поговорокъ; за то, оно показываетъ, что прошла пора скользить по поверхности народнаго быта и схватывать съ него общія черты, нерѣдко произвольно-извлекаемые для избѣжанія улыки въ перепечаткѣ десять разъ напечатаннаго; оно показываетъ, что наступила потребность знать и изображать свою народность основательно со всеми ея изгибами. Никто съ такою безукоризненностью не удовлетворяетъ этой потребности въ научномъ смыслѣ, какъ г. Кулишъ въ своихъ легендахъ, преданіяхъ и повѣрьяхъ, записанныхъ имъ со словъ народа. Какъ бы искусно ни поддѣлывался писатель къ народной рѣчи, его личность всегда оставитъ отпечатокъ въ его произведеніи. Г. Кулишъ передаетъ намъ народную рѣчь о прошедшей жизни народа безъ примѣси личнаго соучастія. Мы не думаемъ

этимъ унижать достоинства народныхъ думъ и пѣсень; какъ памятки прошедшаго, послѣднiя всегда имѣютъ преимущество предъ прозаическими разсказами, болѣе подверженными произволу передающихъ. Но кто не слышалъ народной рѣчи въ устахъ народа, тотъ не узнаеть ее, еслибъ выучилъ наизусть все пѣсни, сколько ихъ напечатано до-сихъ-поръ; напротивъ, такіе разсказы, какіе записаны г. Кулишомъ, представляютъ вѣрный источникъ для познанія живаго языка и способа народнаго выраженія. Притомъ, въ-отношеніи къ думамъ, такіе разсказы показываютъ начало и конецъ существованія думъ: прежде чѣмъ явилась дума, существуетъ разсказъ о современномъ событіи, возбуждающемъ всеобщій интересъ; изъ него составляется дума. Мало-по-малу дума совершаетъ періодъ своего существованія и забывается; отъ нея остается преданіе или легенда, переходитъ изъ устъ въ уста, измѣняется, сокращается и наконецъ совершенно изглаживается изъ народной памяти; такъ и въ нѣкоторыхъ преданіяхъ, записанныхъ г. Кулишомъ, видны слѣды прежнихъ думъ.

Г. Кулишъ въ своемъ изданіи избѣгаетъ всякой ученой рамки. Его «Записки» не болѣе, какъ выписки изъ записной книжки путешественника, странствующаго по Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра, съ цѣлью собранія народныхъ памятниковъ. Это путешествіе отъ нищаго къ нищему, ибо нищія и слѣпыя преимущественно сохраняютъ старинную казачью поэзію. Впрочемъ, книга г. Кулиша не имѣетъ и формы путешествія, ибо издатель не держится никакой географической нити. Онъ равнымъ образомъ не наблюдаетъ никакого хронологическаго порядка въ изложеніи историческихъ преданій. Его разбросанные, отдѣльные разсказы не связываются также и временемъ ихъ собранія; словомъ, здѣсь господствуетъ полное отсутствіе системы. Этотъ образъ изложенія оправдываться можетъ развѣ тѣмъ, что сокровищница народная далеко еще несовсѣмъ исчерпана и потому всякая предуготовленная заранее рамка впоследствии окажется несообразною при накопленіи новыхъ матеріаловъ. Впрочемъ, лица, передававшія издателю свои разсказы, служатъ нѣкоторымъ образомъ какъ-бы связью и поддерживаютъ единство книги. Главныя лица этого рода: киевскій безымянный нищій, слѣпой-лирикъ (лира, родъ скрипки, съ колесомъ внутри, вмѣсто смычка) Архипъ Пяконенко изъ Лубенскаго Уѣзда, слѣпецъ Семень Юрченко, изъ Борзенскаго Уѣзда; лирикъ Дмитро Погорѣлый, изъ Звѣнигородки; престарѣлый малороссійанинъ Кондрать Гарануха, лично-знавшій нѣкоторыхъ участниковъ козачины; слѣпецъ Ригоренко, изъ Богодуховскаго Уѣзда; Харко Цехмистеръ, изъ Черкасъ; старикъ Омелько Каплюхій изъ Суботова, внѣшня Богдана Хмельницкаго, безымянный разсказчикъ въ Мотренинскомъ Монастырѣ и старуха Дубниха. Г. Кулишъ сопровождаетъ народные разсказы и поэтическіе памятники своими примѣчаніями и взглядами, служащими для разъясненія возникающихъ при чтеніи вопросовъ.

Всѣ народные памятники въ изданіи г. Кулиша можно раздѣлить на три главные отдѣла: думы, пѣсенные отрывки и прозаическіе рассказы.

Думами называются старыя южнорусскія народныя пѣснопѣнія эпическаго содержанія, съ свойственнымъ у всѣхъ народовъ, эпическимъ созданіямъ теченіемъ рѣчи; они поются исключительно слѣзцами—бандуристами, лирниками и кобзарями. Никто, кромѣ этихъ слѣзцовъ, не поетъ этихъ думъ въ народѣ. Онѣ сложены рифмованною прозою, а потому бѣльшая часть собирателей памятниковъ народной поэзіи пишетъ ихъ стихами, которые завязяютъ отъ рифмы. Не говоря объ отсутствіи метра, нѣтъ возможности составить изъ нихъ правильныхъ силлабическихъ стиховъ, ибо рифмы иногда слѣдуютъ одна за другою такъ часто, что надобно бываетъ ставить ихъ въ половинѣ стиха, а иногда такъ рѣдко, что надобно допускать стихи безъ рифмы на концѣ. Нерѣдко одна и та же рифма повторяется сразу нѣсколько разъ и такимъ—образомъ пять, шесть, десять стиховъ оканчиваются однимъ и тѣмъ же созвучіемъ. Думы вообще длиннѣе пѣсень; это условливается способомъ ихъ передачи: кобзарь поетъ ихъ речитативомъ или причитаньемъ. Названіе думы не дается этого рода пѣснопѣніямъ въ народномъ языкѣ и, сколько извѣстно, пѣвцы и простонародные ихъ слушатели не отличаютъ ихъ отъ другихъ пѣсень какимъ—нибудь особымъ названіемъ. «Такá пѣсня, шчо старці зъ бандурою спивають», обыкновенный способъ народнаго выраженія о думахъ. Не всегда, притомъ, можно разграничить думу отъ пѣсни. Такимъ—образомъ народное пѣснопѣніе объ Ивасѣ Кошовченкѣ въ Украинѣ — чистая дума, а въ изданіи Жеготы Наули, записанная по галицкому варианту, она подходитъ къ пѣснѣ. Нѣкоторыя историческія пѣсни, по первности стиховъ, могутъ легко быть отнесены къ разряду думъ. Поляки же называютъ думою или думкою всякую южнорусскую пѣсню эпическаго содержанія.

Хотя, какъ мы выше замѣтили, слово дума не употребляется въ народномъ языкѣ для обозначенія пѣснопѣній, которыя мы для отличія отъ другихъ называемъ этимъ именемъ, однако, это слово несомнѣнно было чуждо встарину народному выраженію понятій; такъ, напримѣръ, въ пѣснѣ о смерти Пушкаренка поется:

Люблять про ту річку
Пісню співати,
Люблять про ту річку
Думку гадати.

Въ польской лѣтописи XVIII-го вѣка, переведенной на русскій языкъ и напечатанной въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей», подъ названіемъ: «Краткая Исторія о бунтахъ Хмельницкаго», говорится, что дочь молдавскаго господаря Василія, накануне свсего бракосочетанія съ сыномъ Богдана Хмельницкаго Тимошеемъ, приказала себѣ пѣть думу казацкую (см. стр. 44). Въ лѣтописи Величка гово-

рится, что униатскій львовскій епископъ Юсифъ Шумлянскій: «зложилъ собою думу альбо пѣсню» (союзъ *альбо* показываетъ, что встарину хотя слово дума было употребительно, однако, не существовало строгаго различія его отъ слова «пѣсня»). Предметомъ содержанія думъ могутъ быть или историческія событія, заключающія въ себѣ цѣлостность или единство возбуждаемой ими мысли, или же событія изъ обыкновенной жизни, обыкновенно съ нравственнымъ смысломъ. И тѣ и другія поются, какъ выше сказано, нищими слѣпцами—музыкантами (бандурниками, лирниками, кобзарями).

Чтобъ познакомить читателей съ этими украинскими бардами, приведемъ описаніе одного изъ нихъ, Андрея Шута, сдѣланное г. Кулишомъ.

«Нищая братія въ Малороссіи заслуживаетъ особеннаго вниманія. Будучи послѣдними въ народѣ по своему убожеству и неспособности къ земледѣльческимъ и другимъ работамъ, малороссійскіе нищіе занимаютъ первое мѣсто по развитію поэтическихъ и философскихъ способностей. Они почти всѣ слѣпые. Немногіе поступаютъ въ разрядъ нищихъ, то есть собирателей милостыни, по какому-нибудь калѣчеству, еще меньше по лукавству и охотѣ къ праздношатательству. Лучшіе изъ нихъ живутъ въ деревняхъ, гдѣ каждый ихъ знаетъ. Города рѣшительно портятъ нравственность нищаго.

«Я расскажу здѣсь о моемъ знакомствѣ съ Андреемъ Шутомъ, слѣпымъ пѣвцомъ народныхъ думъ (къ мѣстечкѣ Александровкѣ, Сосницкаго Уѣзда, Черниговской Губерніи), слѣдовательно нищимъ по ремеслу. Имя его сдѣлалось мнѣ извѣстно изъ статьи священника Базилевича, напечатанной въ «Этнографическомъ Сборникѣ». Помѣщенная въ этой статьѣ дума Андрея Шута дала мнѣ высокое понятіе о достоинствѣ его пѣсень въ историческомъ отношеніи и я воспользовался первымъ случаемъ завернуть въ Александровку, чтобъ познакомиться съ почтеннымъ авторомъ упомянутой статьи. Естественно, одинъ изъ первыхъ моихъ вопросовъ былъ объ Андрѣ Шутѣ. Мнѣ отвѣчали, что Александровскій бардъ явится тотчасъ къ моему услугамъ, что онъ близкій сосѣдъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ другъ дома. Дѣйствительно, не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ Андрей Шутъ отворилъ дверь въ гостиную и привѣтствовалъ насъ громкимъ, чистымъ голосомъ.

«Это былъ сѣдой старикъ съ клынообразной бородою, въ сѣрой, но вѣшенъкой свитѣ и въ свѣжихъ постолахъ (лаптяхъ), которыхъ оборы обхватывали очень-красиво его ноги, завернутыя въ бѣлыя онучи. Лицо его было свѣжо, щеки румяны, черты правильны, хотя нѣсколько обезображены оспою, которая лишила его зрѣнія на семнадцатомъ году жизни. Онъ отличался бодрой осанкою и живыми движеніями, показывающими человека, постоянно-занятаго работой.

«Андрей Шутъ, сдѣлавшись слѣпцомъ, долженъ былъ уплачивать государственныя подати наравнѣ съ зрячими людьми своего сословія и нашелъ для того необходимымъ выучиться вить веревки и вязать изъ

«пеньки крестьянскую упряжь. Онъ взялся за свой промыселъ съ такою усидчивостью и проворствомъ, что не только оставался всегда «правъ предъ казацкимъ обществомъ, къ которому онъ принадлежитъ, «но еще скопилъ денегъ и построилъ себѣ хату. Далѣе, онъ обзавелся «женою и зажилъ не хуже зрячаго. Теперь онъ вдовецъ, но у него «есть взрослый и уже женатый сынъ, котораго онъ обучилъ на свой «счетъ грамотѣ.

«Это матеріальная сторона его жизни. Со стороны поэтической и «философской, Андрей Шуть едва-ли имѣетъ разнаго себѣ между ни- «щей братіей. Слепота развила въ немъ врожденный вкусъ къ пѣснямъ, «и онъ, обладавъ превосходною памятью, усвоивалъ себѣ все, что слы- «шалъ. При его трудолюбіи и способностяхъ, ему нетрудно было до- «быть себѣ бандуру и перенять искусство подыгрывать на ней подъ «голосъ. Скоро онъ сдѣлался любимымъ музыкантомъ и пѣвцомъ во «всемъ Сосницкомъ Округѣ, а можетъ-быть и далѣе, и выпускалъ пзъ «рукъ бандуру только во время постовъ, смѣняя музыку другимъ, бо- «дѣе-скромнымъ ремесломъ.

«Но каковы бы ни были успѣхи Андрея Шута въ пѣняхъ и въ «заработкахъ двоякимъ способомъ, ни тѣ, ни другіе не могли напол- «нить души его. Лучшіе часы своей жизни онъ проводилъ въ храмѣ «Божіемъ, къ которому, естественно, прилѣпляется человѣкъ въ его по- «ложеніи. Чтеніе псалмовъ, молитвъ и церковное пѣніе возвышали его «душу надъ нуждами и бѣдствіями преходящей жизни и устремляли ее «къ безконечному. Чѣмъ больше входилъ онъ въ лѣта, тѣмъ больше «удѣлялъ времени для посѣщенія заутренъ, обѣденъ, вечеренъ, всенощ- «ныхъ, и вѣрная память его, удерживая весь кругъ церковныхъ чтеній «и пѣснословій, безирестанно наводила его умъ на мысли о спасеніи «души. Онъ рѣже прежняго выходилъ съ бандурой за спиною пзъ дома «на промыселъ, отвергъ все тѣ пѣсни, которыхъ содержаніемъ были «шутки или страстные движенія сердца, и пѣлъ только псалмы въ «честь Иисуса и святыхъ, да историческія пѣсни. Наконецъ онъ и со- «всѣмъ оставилъ бандуру, ограничивъ свои заработки только руко- «дѣльемъ, да смиреннымъ испрашиваніемъ милостыни по праву слѣпоты «своей.

«Онъ смотритъ на ремесло нищаго какъ на дѣло богоугодное. По его «понятіямъ, нищій существуетъ на то, чтобъ напоминать людямъ о «Богѣ и добродѣтели. Вступая въ этотъ классъ народа, онъ тотчасъ «научился молитвамъ, которыхъ до-тѣхъ-поръ не зналъ, и первая его «наставница въ пѣняхъ, какая-то слѣпая старуха, передала ему вмѣ- «стѣ съ пѣснями пзустыня преданія о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи «человѣческомъ и о пришествіи въ міръ Спасителя.

«Малороссійское простонародье болѣею частью погружено въ насущ- «ныя нужды свои до такой степени, что повидному теряетъ и самое «расположеніе къ умственнымъ созерцаціямъ. Но пѣсни подмываютъ его

«сердце въ періодъ живой молодости, или въ пору случайнаго веселья
«и горя, а преданія и повѣрья переходять у него изъ рода въ родъ
«только по неотступному требованію врожденной способности къ фанта-
«зированью. Нищія исключаются слѣпотою изъ обыкновенныхъ условій
«сельскаго быта, какъ—будто для того, чтобы, развивъ въ своемъ не-
«пзбѣжномъ самоуглубленіи мыслительныя способности, вносить въ об-
«щество поселянъ релігіозно—философскую стихію и такимъ—образомъ
«поддерживать нравственную жизнь его на извѣстной высотѣ» (стр.
43—46).

На страницѣ 1—2 г. Кулишъ сообщаетъ еще слѣдующія любопыт-
ныя подробности о малороссійскихъ нищихъ—пѣвцахъ по поводу описанія
кіевскаго безымяннаго музыканта.

«Я до—сихъ—поръ помню очень—живо нищаго старика—слѣпца, кото-
«рый подходилъ къ моему окну съ улицы, держась за плечо повадпри-
«мальшишки, на которомъ только всего и было одежды, что остатки
«полотняныхъ шараваръ землянаго цвѣта да обрывки свитки, недопо-
«шенной его учителемъ. Обыкновенно слѣпцы берутъ къ себѣ въ
«науку безроднаго спроту и даетъ ему практическіе уроки нищенства,
«то—есть учить его выпрашивать милостыню, терпѣть холодъ, зной и
«всѣ неудобства безпріютной жизни, копить денежку на черпый день,
«не встрѣчая ни одного свѣтлаго, и быть равнодушнымъ къ своему
«положенію. Между нищими—слѣпцами встрѣчаются люди съ необыкно-
«венною памятю, удерживающіе безъ малѣйшей потери множество
«пѣсенъ и разказовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, потолкавшись по свѣту и
«наживъ, какъ говорятъ, копейку, получаютъ охоту къ ослѣдлой жизни,
«покупаютъ въ людномъ селѣ хату съ огородомъ и заводятъ у себя
«школу нищихъ пѣвцовъ. Иногда они достигаютъ между своею братьею
«великой знаменитости. Многочисленные потомцы ихъ, разбрелся во
«всѣ стороны по Малороссіи, прославляютъ ихъ имена на днѣпровскихъ
«рыбныхъ ловляхъ, въ Полѣсьи, на Волыни и въ Слободской Украинѣ.
«Встарину между учителями нищихъ были, говорятъ, даже такіе гении,
«которымъ прпсвоивалось титуло старѣчихъ королей и которые во всю
«жизнь получали дань отъ своихъ учениковъ, основавшихъ въ разныхъ
«концахъ Малороссіи собственныя школы. Но эти времена уже прошли.
«Слѣпые пѣвцы давно ужъ измелъчали, вкусъ къ нимъ думамъ и пѣс-
«нямъ мало—по—малу исчезъ въ народѣ, по мѣрѣ забвенія старинныхъ
«воспомнаній, или замѣнился грубымъ вкусомъ къ шуточнымъ стихо-
«твореніямъ о «Хомѣ и Еремѣ», о «Дворанкѣ», вышедшей замужь за
«хлібороба, и тому подобнымъ. Мой кіевскій нищій не зналъ ужъ ни
«одной исторической пѣсенп, ни одной воинской или поучительной думы.
«Я долго подозрѣвалъ въ немъ недовѣрчивость къ моему сочувствію и
«опасеніе какой—то хитрости съ моей стороны, какъ обыкновенно у
«нихъ бываетъ. Я долго приучалъ его къ себѣ исправною подачею пол-
«новѣсной мѣдной монеты, которая рѣдко опускается въ сухую, из-

«морщенную руку малороссійскаго старца, но наконецъ убѣдился, что онъ былъ нищій поколѣнія новаго, то—есть человекъ ниже своего ремесла. Старинные нищіе привлекали къ себѣ народъ не жалобами на свое убожество, а звуками и содержаніемъ пѣсень, которыхъ не въ силахъ была удержать память пѣвца—сахаря, пѣвца—работника, занятая иными работами. Нищіе нашего времени добываютъ себѣ подачу «однообразнымъ каничешьемъ, которое надоѣдаетъ слушателю, не возбуждая въ немъ никакого благороднаго чувства» (стр. 1—3).

Думы, которыя поютъ эти народныя пѣвцы, носятъ на себѣ отпечатокъ, показывающій, что онѣ первоначально были сочинены отдѣльными лицами. Потому—то они и не поются народомъ, что не сложены народомъ. Въ думахъ не встрѣчается такой отрывочности, какая обыкновенно отличаетъ пѣсни; думы представляютъ замкнутыя въ себѣ цѣлостныя произведенія съ послѣдовательнымъ изложеніемъ и однообразностью главныхъ приемовъ. Но не должно думать, что думы, будучи въ настоящее время исключительнымъ достояніемъ слѣпцовъ—музыкантовъ, составляющихъ особый цехъ пѣнія съ музыкою, были исключительно ими и сочинены. Встарину между казаками были поэты, которые, вѣроятно, и слагали думы о событіяхъ, близкихъ ихъ сердцу, или видѣнныхъ ими самими, или слышанныхъ отъ стариковъ и товарищей въ разказахъ, возбуждавшихъ въ казакѣмъ сердцѣ отвагу и восторгъ. Такимъ—образомъ въ народной пѣснѣ Палій, сосланный въ Сибирь, изображается съ бандурою; для утѣшенія скорби, изгнанникъ играетъ на казакѣмъ инструментѣ и облакаетъ въ пѣсенный складъ нравственное размышленіе, приспособленное къ своей участи. Бандурка, принадлежность знаменитаго казака—лыцаря, любимца народнаго воспоминанія. Въ польской лѣтописи ХVІІ-го вѣка, описывающей времена Іоанна Казимира и пераздѣльныхъ съ его царствованіемъ смуть въ Южной Руси, говорится о гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, что онъ *dumy pisil*, а преданіе приписываетъ ему сложеніе извѣстной пѣсни «Чайка», гдѣ въ иносказательномъ образѣ представлена судьба Малороссіи. Гетманъ Мазепа сочинялъ думы: извѣстна всѣмъ его стихотворная эпистола къ украинскому народу «Вси покоя шчире прагнуть». Шляхтичъ Ерличъ, современникъ Богдана Хмельницкаго, приводитъ въ своемъ дневникѣ множество пѣсень или думокъ, вѣроятно, ходившихъ тогда въ народѣ (*). Кто живаль или только проѣзжалъ въ Малороссіи, тому, конечно, удавалось видѣть картины, изображающія запорожца въ различныхъ положеніяхъ: бандура — необходимая принадлежность его, точно такъ, какъ конь (конь) и ратище (копье). Въ самыхъ думахъ южно-

(*) Въ изданіи Войццикаго только двѣ пѣсни. Я имѣлъ отъ графа Константія Свидзинскаго экземпляръ этого драгоценнаго сочиненія почерка ХVІІ вѣка, въ которомъ было нѣсколько десятковъ такихъ стихотворныхъ произведеній.

русскихъ есть указанія на то, что бандура и пѣніе были постояннымъ занятіемъ казака. Укажемъ на думу о смерти казака-бандуриста, записанную г. Аванасьевымъ, напечатанную въ «Сборникѣ» Метлинскаго и перепечатанную въ «Запискахъ» г. Кулиша. Г. Кулишъ справедливо замѣчаетъ, что вообще думы сосредоточиваются на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Въ Кіевской Губерніи ему не удалось записать ни одной думы, хотя тамъ былъ нѣкогда центръ казачества; тамъ страна ознаменовалась подвигами казаковъ, боровшихся за независимость русскаго края. Г. Кулишъ полагаетъ, что это отсутствіе думъ на правой сторонѣ Днѣпра нельзя приписать эпохѣ коліивщины, которая могла бы изгладить давнія событія изъ памяти народа. Но едва-ли можно принять причиною этому опустыніе края подъ конецъ XVII-го вѣка, когда казаки съ праваго берега Днѣпра уходили на лѣвый. Самъ г. Кулишъ говоритъ, что въ XVII-мъ вѣкѣ населеніе праваго берега Днѣпра увеличивалось обратными переходами жителей съ лѣваго, слѣдовательно эти переселенцы могли снова занести на правый берегъ свои думы. Не объясняется ли, быть-можетъ, это обстоятельство исключительнымъ сосредоточеніемъ казачества на лѣвомъ берегу Днѣпра, тогда-какъ на правомъ оно исчезло ранѣе. Можетъ-быть, думы были исключительною поэзіею казаковъ и уже впослѣдствіи перешли къ слѣпцамъ.

До-сихъ-поръ издано двадцать-семь думъ (*). Въ запискахъ Кулиша

(*) Историческаго опредѣленнаго времени :

- 1) О Самойлѣ Кушкѣ (XVI вѣка).
- 2) О дарахъ Баторія (1575).
- 3) О черноморскомъ походѣ гетмана Серпяги или Подковы (1577).
- 4) О чигиринской побѣдѣ, одержанной Наливайкомъ, надъ польскимъ гетманомъ Жолтвскимъ (1596).
- 5) Объ Ивасѣ Коновченкѣ (г. Максимовичъ относитъ ее къ 1684 году, основываясь на томъ, что въ этомъ году казаки ходили къ городу Гягину драться съ бѣлогородскими татарами, а герой думы говоритъ о намѣреніи казаковъ идти подъ Гягинь. Но казацкихъ походовъ въ степь было безчисленное множество; притомъ хотя въ думѣ и говорится о намѣреніи идти подъ Гягинь, но битва, описываемая послѣ того, происходила на Черкень-долинѣ. Неизвѣстно, подъ Гягинемъ ли эта долина, или въ другомъ мѣстѣ. Имя полковника Хвилоненка въ этой думѣ побуждаетъ отнести разсказываемое въ ней событіе скорѣе ко временамъ ранѣе 1638 года, когда дѣйствительно былъ Хвилоненко, одинъ изъ сподвижниковъ гетмана Дмитрія Томашевича-Гунн).
- 6) О трехъ предводителяхъ: Мушкетѣ, Кукурузѣ и Пивтора-Кожуха (около 1639).
- 7) О Барабашѣ и Хмельницкомъ (1648).
- 8) О Корсунской побѣдѣ (1648).
- 9) О походѣ въ Молдавію (1650).
- 10) О состояніи Украинны послѣ бѣлоцерковскаго мира (1652).
- 11) О смерти Богдана Хмельницкаго (1657).

помѣщено ихъ двѣнадцать. Только одна изъ нихъ «О смерти казака-бандуриста» перепечатана какъ она была въ «Сборникѣ» Метлинскаго; всѣ другія думы, или совершенно-новыя для свѣта по своему содержанію, или же представляютъ варіанты прежде-пзвѣстныхъ, столь важныя, что ихъ можно почитать особыми думами. Перваго рода — три думы.

Важность вопроса объ относительной древности одной изъ помѣщенныхъ г. Кулишомъ думъ: «О морскомъ походѣ старѣйшаго князя-язычника въ христіанскую землю» заставляетъ обратить на нее особое вниманіе. Содержаніе ея—преданіе глубокой древности о морскомъ нападении язычниковъ—руссовъ на Константинополь въ половинѣ IX-го вѣка, записанное у многихъ византійскихъ лѣтописцевъ, внесенное въ песторову лѣтопись и примѣненное въ ней къ Аскольду и Дпру.

Изъ записокъ г. Кулиша мы узнаемъ, что эта дума перепечатана изъ 16 № «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1855 года; она тамъ названа сказкою про бога Посвинача. Ее записалъ г. Шитацкій-Иличъ въ селѣ Красилковѣ, Козелецкаго Уѣзда. Эта дума, какъ сообщаетъ г. Кулишъ, давно вышла изъ употребленія у бандуристовъ и «обратилась въ изустный разговоръ, потерявъ множество стиховъ и характерическихъ подробностей. Она сдѣлалась достояніемъ старухъ, «которыя, проводя почти все время за валеньемъ *валу* или пряжею *вовны*, пересказывали ее вмѣстѣ съ разными сказками своихъ внучатъ». Этимъ бѣднымъ путемъ пѣснь какого-то соловья стараго времени дошла до насъ уже въ убогомъ и жалкомъ видѣ. По ея вялому «речитативу, по неточности многихъ словъ и выраженій видно, что «вѣще персты давно уже не вторили ей въ живыхъ струнахъ и что «только тихое жужжанье старушечьяго веретена сопровождало заученую и плохо-понимаемую рѣчь рассказчицы. Восемьдесяті-пятилѣтняя «старуха Гуйдиha, передавшая ее г. Шитацкому-Иличу, уже не существуетъ и, вѣроятно, нынѣшнее поколѣніе ея класса людей—сколь-

12) О Палѣ и Мазенѣ (1709).

Неопредѣленнаго времени :

13) О Черноморской бурѣ и Алексѣѣ Поповичѣ.

14) О трехъ братьяхъ, бѣжавшихъ изъ Азова.

15) О трехъ братьяхъ, умершихъ въ степи.

16) О смерти атамана Федора Безроднаго.

17) О Фескѣ Ганжѣ-Андыберѣ.

18, 19, 20) Три думы о невольникахъ.

Житейскія и бытовыя.

21) О вдовѣ и ея сыновьяхъ.

22) О тоскѣ сестры по братѣ.

23) О выборѣ жены.

24) О смерти казака бандуриста.

25) Отъездъ казака.

26) О казакѣ Голотѣ.

27) О схваткѣ съ татаримомъ.

«ко мы его знаемъ, не сохранило въ памяти темнаго сказанія о ка-
кихъ—то языческихъ плователяхъ по круглому морю, занимательнаго
«только для просвѣщеннаго человѣка». Г. Кулишъ присовокупляетъ,
что г. Штатаккій—Илпчъ открытіемъ этого памятника южнорусской на-
родной поэзіи сдѣлалъ въ ея исторіи эпоху и его заслуга не уступаетъ
заслугѣ графа Мусина—Пушкина (стр. 171). Впрочемъ, вознося такъ
высоко открытія г. Штатакаго—Илпча, г. Кулишъ говоритъ, что эта
восьмидесяти—пятилѣтняя старуха Гуйдиha находилась въ такомъ поло-
женіи, какъ одна старуха—сказочница, которая говорила о себѣ: «я
мало чего помню по старости лѣтъ: будто сплю или пьяна, кажется,
будто стоя передъ вами, ягу или выдумываю то, чего въ жизни не
слыхивала.»

Гуйдиha не знала начала думы; рѣмованная рѣчь начинается въ
среднѣй разсказа старухи. Она сначала объяснила, что встарину жи-
вали такіе люди крупные, рослые, что нога ихъ достигла бы намъ
до плеча, потомъ сдѣлала замѣчаніе, что люди мельчаютъ и совре-
менъ будутъ такъ малы, какъ муравьи. Большіе люди, жившіе вста-
рину, были не то, что мы, христіане; и бога у нихъ звали иначе,
говорятъ, какой—то Посвистачъ. Онъ, говорятъ, у нихъ устанавливалъ
погоду и болѣе ни о чемъ не заботился; объ иномъ—прочемъ заботи-
лись другіе боги. У этихъ большихъ людей былъ какой—то князь и
вздумалъ онъ жепшьяся, чтобъ было кого оставить послѣ себя на цар-
ствѣ. Сталъ этотъ князь созывать своихъ людей. Сошлись старики,
умныя головы, что совѣты подавали своему князю. Онъ и говоритъ имъ:

Здѣсь начинается рѣмованная проза или собственно дума.

Оцѣ слуги мой вѣрніи намъ трѣба знать,
Кого послѣ мене на царство зоставить,
Щобъ вами, розумными головами добре—предобре править,
Часомъ (3) моеи смѣрти, щобъ ви знали
Кого парѣвать поставить.

Отъ ему и кажутъ:
Ще ти нашъ старшій князю наша голова народна,
Ще ти самъ можешъ добрый совѣтъ дать,
И своимъ розумомъ помирковать,
А коли дозволишь, такъ ми тоби отъ шчо скажемъ:
Не прикажи насъ казнить и рубать,
А позволъ тоби красную княгиню достать,
Позволъ карабѣлі стругать
Да на сіне морѣ виждать.

Тутъ старшій князь усміхнувся..
Повелівъ кораблі знаятъ

(3) Въ случаѣ.

И нові будовать (4),
 А въ кораблі військо насіажувать
 И кадкі меду уставлять,
 Щобъ було съ чимъ по сивѣму морю гулять,
 Да красную книгівно затримать (5).
 Якъ зобрали жь да збудовали кораблі,
 Тоді ставъ князь у волосяну даху одягатьця (6)
 Да золотимъ чересломъ (7) підперезуватьця (8).
 Стали вірніи слуги ёго на майданахъ громадитьця (9).
 Да свойму богу Посвистачу молитъця,
 Щобъ вінъ імъ годіну давъ
 Да моря не турбовавъ (10).

Стали за сімъ вони збиратьця
 Да корабелі свої у море випускать,
 Стали корабелі свої чайми (11) підимать;
 Якъ стадо лебедівъ вони одъ берега одплявали,
 По сивѣму морю якъ бджоли (12) сновали,
 Що ажъ море собою, неначе хмарами (13) тїми крийма
 укривали.

(4) Строить.

(5) Угощать и потчивать.

(6) Въ мохнатую даху одѣваться. Даха или даху помонгольски, а даха въ Иркутской и Томской губерніяхъ—родъ шубы, шерстю наружу («Материалы для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря», стр. 195). Попросту даха значить бурка съ кобенякомъ (капюшономъ), какъ это видно изъ слѣдующаго отрывка пѣсни, записанной г. Шишацкимъ—Илчемъ въ селѣ Чемерѣ, Козелецкаго Уѣзда.

Обувъ ноги не въ ремінь, не въ ремінь,
 А въ чоботи изъ сапьяну, изъ сапьяну,
 Шитий черезъ все шовками кругомъ стаяну.
 Одягъ плечи не въ жупанъ, не въ жупанъ,
 Надивъ даху, ставъ якъ панъ, ставъ якъ панъ,
 Вовна зверху такъ и мае, такъ и мае,
 Ззаду кобень такъ и грае, такъ и грае;
 А рукава да широкіи широкіи:
 Задасть молодъ всякій дівонці мороки...

(7) Чересло, или чересь — кожаный поясъ, въ которомъ обыкновенно носили деньги.

(8) Опоясываться.

(9) На выгонахъ собираться.

(10) Не волновать.

(11) Слово, и малороссіянамъ уже непонятное. По смыслу — мачты в паруса.

(12) Пчелы.

(13) Тучами.

Іде князь старшій за своїмъ військомъ по круглому морю
до землі християнської,
Щобъ тамъ улякъ своїми кораблямъ усіхъ постановити ⁽¹⁴⁾
І собі красную княгиню въ замужже достати.
Якъ стали вони до християнскої землі доїжджати,
Стало старшого князя удале серце недобре зачувати,
І каже вінъ своїмъ раднимъ слугамъ :
« Эй ви слуги мої, рати вірні ?
Щось моя душа недобре чує :
Що ні сонъ їде, ні хліба їзисти,
Ні води испити...

Колибъ намъ часомъ ⁽¹⁵⁾ отгуть своїхъ дүшъ не положити !
Тоді старі голови стали князя резонити,
Що на синьому морю їмъ пічого бойтись :
Бачъ, воїні свого бога Посвѣстача прохали моря не турбовати.

Якъ тільки жъ до берега християнського вони стали допливати,
Ставъ чорній орелъ надъ моремъ літати,
А лятавши, ставъ вінъ голосомъ казати ⁽¹⁶⁾ :

« Пхе, рүська кість пахне ! »

Ставъ народъ християнскій до моря зіходитьца

Да Бога свого прохати,

Щобъ вінъ корабелі вражеськи вітромъ розогнавъ,

Чи водою потопивъ.

Ставъ Богъ християнскій бурю підняти,

Да круглее сине море нзъ свого ложа вивертати.

Тоді кораблі по морю безъ ладү гуляли,

Чайми їхъ вітромъ ламало,

Да по воді роскпдало.

Стало військо князя старшого у морі потопати,

Ставъ тоді старший князь своїмъ раднимъ слугамъ казати :

« Эй ви, слуги мої вірні !

Не естъ се богъ нашъ Посвѣстачъ Богъ настоящій,

Що вінъ сееі бурі не втишивъ,

Да наші кораблі въ такій сплі потопивъ.

Десь нашъ богъ Посвѣстачъ спавъ,

Чи въ Макоши ⁽¹⁷⁾ гулявъ...

Есть-то Богъ настоящій

Богъ християнскій ! »

Тоді старший князь кораблі свої останні завертавъ,

Да назадъ одпливавъ,

Якъ приїхавъ князь старший у свою невірную землю.

⁽¹⁴⁾ Улякъ постановити — привести въ ужасъ.

⁽¹⁵⁾ Подъ-часъ.

⁽¹⁶⁾ Говорять.

⁽¹⁷⁾ Макоша — славянскій богъ ти пини.

Ставь вінъ совіть старіхъ людѣй зивать да збирать,
 Да христіянську зѣмлю посилать,
 Щобъ воні тамъ віру займали
 Да христіянського Бога п собі Богомъ зазнали.
 Довго старіи голови мовчали.
 Одні свого старшого князя отъ сѣі думки одвертали,
 Другіи сами собі парекали,
 А третій стали старшого князя вѣжить ⁽¹⁸⁾,
 Щобъ швидче човні бударажить ⁽¹⁹⁾
 Да у христіянську зѣмлю одливать.

Стали поні впиждать,
 Стали тогді усі піръ ппровать,
 Да кріпкимъ мѣдомъ дорогу поливать.
 Не день п не двѣ воні такъ гуляли,
 Покіль ажъ посланиці зъ старшимъ княземъ назадъ повертались:
 У дудкѣ грали
 П въ брязкіти ⁽²⁰⁾ бряжчали...

Я тамъ була,
 Медь—впно пліа:
 По бороді текло,
 Да въ роті не було.
 Зъ барилечка горілочка буль-буль,
 А нашимъ ворогамъ сімъ дурь! ⁽²¹⁾

Г. Кулишъ задаеть вопросъ : въ какое время сложена эта дума?
 «Кто будетъ утверждать (говорить онъ), что, хотя она относится
 къ старшимъ событіямъ, но сложена во время казачества, тотъ
 не представитъ никакихъ фактическихъ доказательствъ. Я, напротивъ,
 полагаю, что она современна самому событію, въ ней воспомѣтому, и
 только съ теченіемъ времени утратила мѣстами старинныя формы рѣ-
 чн: забывая ихъ понемногу, пѣвцы могли замѣнять утраченныя сло-
 ва и выраженія соответствовавшими имъ изъ современного языка,
 подобно тому, какъ и въ наше время общепонятныя синонимы, а так-
 же великорусскія слова и иногда цѣлыя рѣченія подмѣшваются къ
 старинному языку думъ» (стр. 178—179).

Если мы дорожимъ пменемъ Владиміра въ великорусскихъ были-
 нахъ, хотя кромѣ этого пмени и нѣкоторыхъ другихъ тамъ очень
 мало такого, что относится къ столь отдаленному времени, то какъ
 не дорожить думою, въ которой рассказъ о событіи, относящемся къ
 эпохѣ, которую мы называемъ основаніемъ Русскаго Государства, изла-

⁽¹⁸⁾ Убѣждать.

⁽¹⁹⁾ Ладьи снаряжать.

⁽²⁰⁾ Бренчалки.

⁽²¹⁾ Куклиши.

гвется съ такими исторически-вѣрными чертами. Еслибъ сложеніе ея было действительно—современно самому событію, то открытіе ея было бы сравнительно, можетъ—быть, еще значительнѣе открытія « Слова о Полку Игоря. »

Нельзя, къ—сожалѣнію, согласиться съ г. Кулишомъ, что эта дума только мѣстами утратила старинныя формы рѣчи: въ ней вовсе не видно никакихъ старинныхъ формъ рѣчи; въ ней нѣтъ ничего древняго, кромѣ описываемаго событія и языческихъ именъ. Языкъ ея не отличается даже такими архаизмами, какими изобилуютъ старыя украинскія думы; въ ней также нѣтъ поэтическихъ красотъ, которыя пронесли бы ее преимущественно предъ другими думами черезъ столько вѣковъ до нашего времени. И почему же она не могла быть сложена во время казачества, даже въ недавнее время, напримѣръ, хоть бы въ прошломъ вѣкѣ? Развѣ не могъ какой—нибудь казакъ, или поповичъ, учившійся въ Кіевской Коллегіи, скомпоновать виршами думу о событіи, о которомъ узналъ въ школѣ, и внести туда имя Посвиста или Посвистача, заимствовавъ его изъ Синописа (у Нестора, какъ извѣстно, нѣтъ этого божества); развѣ не могла она распространиться въ извѣстномъ околоткѣ, переходить отъ письменныхъ къ неписьменнымъ и дойти до Гуйдики въ измѣненномъ видѣ, потерявъ первоначальныя школьныя особенности, которыми, конечно, отличалась по выходѣ изъ—подъ пера бурсака? Г. Кулишъ повторитъ намъ разъ уже имъ сказанное: кто будетъ утверждать, что хотя она относится къ стариннымъ событіямъ, но сложена во время казачества, тотъ не представитъ никакихъ фактическихъ доказательствъ. Но мы въ—правѣ потребовать прежде отъ г. Кулиша фактическихъ доказательствъ древности, какую онъ приписываетъ этой думѣ. Все, что г. Кулишъ говоритъ на стр. 179 — 185, какъ—бы въ подтвержденіе своего мнѣнія, справедливо, но относится ко временамъ казачества, а не къ столь отдаленному времени, какъ эпоха Аскольда и Дира. « Слово о Полку Игоря », по мнѣнію г. Кулиша, указываетъ на обычай въ удѣльномъ періодѣ производить поэтическія созданія, подобныя думамъ Украины. Но дѣло въ томъ, что древность « Слова о Полку Игоря » подтверждается особенностями языка и старинными формами, а въ думѣ, сообщенной свѣту г. Шишацкимъ—Илнчемъ и перепечатанной г. Кулишомъ, не видно ничего, подтверждающаго ее древность. Нѣтъ причинъ сомнѣваться, что въ глубокой древности были поэтическія произведенія, подобныя украинскимъ думамъ, и, вѣроятно, существовала дума объ Аскольдѣ и Дирѣ; но та, которую сообщаетъ публикѣ г. Кулишъ, не древняго происхожденія: такая могла быть написана и въ наше время.

Дума « о Маруѣ Богуславкѣ », какъ по своей простотѣ и поэтической грусти, которою она проникнута, такъ и по новостямъ сторонъ прошедшей жизни, на которыя она указываетъ, пріобрѣтеніе болѣе—важное, чѣмъ дума о морскомъ походѣ языческаго князя. Русскіе неволь-

ники томятся въ темницѣ у турковъ : въ день свѣтлаго воскресенія, является къ нимъ давняя плѣнница изъ Богуслава, дочь священника, и спрашиваетъ ихъ : какой теперь день въ христіанской землѣ ? Плѣнники пробыли въ неволѣ тридцать лѣтъ и позабыли дни. Богуславка объявляетъ имъ, что настоящій день великая суббота.

«Услыхавъ это, казаки пали бѣлымъ лицомъ на землю и проклинали дѣвицу—плѣнницу, Марусю, поповну Богуславку : «о чтобъ ты, дѣвушка—плѣнница, Маруся Богуславка, не имѣла ни счастья, ни доли ! Зачѣмъ ты намъ объявила, что наступаетъ святой праздникъ, годовой день—Свѣтлаго Воскресенія.»

Маруся утѣшаетъ земляковъ обѣщаніемъ освободить ихъ. На другой день турокъ—господинъ отправился въ мечеть и отдалъ ключи Марусѣ. Она выпускаетъ невольниковъ, но съ грустью говоритъ, что сама не можетъ съ ними возвратиться въ отечество, потому—что отступила отъ христіанства. Трогательною молитвою невольниковъ оканчивается эта прекрасная дума.

Полукомическая «дума о казацкой жизни» — картина семейной жизни казака — прекрасно представляетъ нѣкоторыя стороны того уродливаго положенія, которое вытекало изъ взаимнаго противоборства воинственнаго духа съ потребностью гражданственности.

Но вотъ «дума о жидовскихъ откупахъ» — драгоценный очеркъ тѣхъ утѣшеній, какія терпѣлъ русскій народъ подъ властью Польши, которыя вызвали эпоху Богдана Хмельницкаго. Поборы съ крестьянъ, налагаемые евреями, взятіе въ аренду рыбныхъ ловель, разныя монополіи, стѣснявшія житейскую дѣятельность народа, презрительное обращеніе жидовъ съ русскимъ народомъ, и наконецъ поруганіе вѣры, взятіе въ аренду церквей и пошлины за крещеніе и вѣнчаніе — факты, записанные украинскими и польскими историками, передаются отдаленнымъ временамъ устами самого народа.

«Взяли въ аренду жида всѣ казацкія дороги и на одной милѣ становили по три кабака. Становили они кабаки по домамъ, ставили шесты по высокимъ курганамъ. Но и того было съ нихъ мало : взяли они въ аренду на славной Украинѣ всѣ казацкіе рынки и брали мыть съ воза по полузлоту, отъ пѣшаго по три донезки, у бѣдняги нишаго забирали куръ и яйца, да еще спрашиваютъ : нѣтъ ли, голубчикъ, еще чего?»

«Но и того жидамъ—арендаторамъ было мало.

«Взяли они въ аренду на славной Украинѣ всѣ казацкія церкви. «Дастъ Богъ казаку или мужику дитя, то не пиди къ попу за благословеніемъ, а ступай къ жида—арендатору, да положи шестагъ (шесть золотыхъ), чтобъ позволилъ церковь отворить, дитя окрестить. А кому изъ казаковъ или изъ мужиковъ дастъ Богъ сына женить, дочь замужъ выдавать, то не ходи къ попу за благословеніемъ, а ступай къ

«жиду—арендатору, да положи битый талеръ, чтобъ позволилъ церковь «отворить, молодыхъ обвѣнчать.»

«Но и того еще жидамъ—арендаторамъ было мало. Взяли они въ аренду на славной Украинѣ всѣ казацкія рѣки. Первая аренда была «на Самарѣ, другая на Гнилой, третья на Саксави, четвертая на Про- «бойной, пятая на рѣчкѣ Кудескѣ. Кто изъ казаковъ или мужиковъ «вздумаеъ поймать рыбы, покормить жену и дѣтей, то не ходи къ «пану за позволеніемъ, а ступай къ жиду—арендатору, да посули ему «часть, чтобъ позволилъ въ рѣкѣ рыбы поймать, жену и дѣтей по- «кормить.»

«Вотъ одинъ казакъ идетъ мимо кабака; за плечами у него муш- «кетъ. Хочетъ онъ на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену свою и дѣтей «покормить. А жидъ—арендаторъ въ окно посматриваетъ и говоритъ «своей жидовкѣ: «Эй, жидовка моя Рася! что этотъ казакъ надумалъ? «что онъ не зайдетъ въ кабакъ купить за денежку водки и меня по- «просить, чтобъ я позволилъ ему на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену и «дѣтей покормить?»

«Потомъ жидъ—арендаторъ подкрадывается къ казаку и хватаетъ его «за волосы. А казакъ на него съ-искоса, какъ медвѣдь, посматриваетъ «и жидъ—арендатора вельможнымъ паномъ называетъ: «Эй, жидъ—арен- «даторъ, вельможный панъ! позволь мнѣ на рѣкѣ утенка застрѣлить, «жену и дѣтей покормить.»

«Воротился жидъ—арендаторъ въ кабакъ и говоритъ своей жидовкѣ: «Эй жидовка моя, Рася! быть мнѣ теперь въ Бѣлой—Церкви настав- «нымъ равомъ: назвалъ меня казакъ вельможнымъ паномъ!» (стр. 56—59).

Далѣе въ думѣ описывается, какъ между жидами возникаютъ слухи о появленіи гетмана Богдана Хмельницкаго. Жиды въ страхѣ. Являет- ся Хмельницкій и говоритъ казакамъ :

«Эй казаки, дѣти, друзья! прошу васъ, постарайтесь: вставайте «отъ сна, читайте русскій «Отче нашъ», приходите на славную Ук- «равну, рубите жидовъ—арендаторовъ до остатка, мѣшайте въ полѣ съ «пескомъ ихъ жидовскую кровь, не допустите ругаться надъ своей хри- «стіанской вѣрой, жидовскаго шабаша не уважайте!» (стр. 60—61).

Жиды въ испугѣ стекаются въ «городъ Полонное». Это мѣстечко, Волынской Губерніи, стояло на границѣ такъ—называемой Украины, земли казачьей, и потому сдѣлалось первымъ убѣжищемъ бѣжавшихъ изъ нее шляхтичей и жидовъ. Дума влагаетъ въ уста Хмельницкаго требованіе къ полонянамъ выдать ему всѣхъ жидовъ. Полоняне отка- зываются. Хмельницкій въ другой разъ посылаетъ то же требованіе и грозитъ, прибавляя :

Есть у мене одна пушка—сиротá,
Одчѣвиться вѣши зглізніи воротá.

Объ этой пушкѣ—сиротѣ мы находимъ объясненіе въ «Исторіи казачкой войны», сочиненной полковникъ Самуиломъ Грондскимъ; въ его книгѣ, однако, эта угроза героическимъ орудіемъ отнесена къ осадѣ Замостья (осенью 1648 года). Казаки кричали гарнизону: «отъ идѣ сиротѣ одвинити до Замостья воротѣ!» Грондскій объясняетъ, что у казаковъ было преданіе объ огромной пушкѣ—сиротѣ, которую везли москвитяне и покинули на дорогѣ. Казаки почитали это, можетъ-быть, никогда несуществовавшее орудіе, исполненнымъ всесокрушающей силы. Дума говорить, что Хмельницкій поставилъ пушку-сироту противъ города и послалъ изъ ней гостища осажденнымъ. Жиды первые испугались и закричали:

«Эй, полоняне, полонянская громада! сдѣлайте вы доброе дѣло: отворите ворота съ польской стороны и выпустите насъ за рѣку Вислу, хоть въ однихъ рубашкахъ. Будемъ мы жить за рѣкою Вислою, и когда будутъ у насъ дѣти, то ставемъ ихъ учить добру, чтобъ они на казацкую Украину даже не взглянули косо.»

«И дана была тогда казакамъ въ городѣ Полонномъ воля на три часа съ половиною: «пейте, гуляйте и получите хорошую добычу отъ жидовъ—арендаторовъ.»

«И казаки въ городѣ Полонномъ пили, гуляли, отъ жидовъ—арендаторовъ хорошую добычу получили, потомъ пришли обратно въ Украину, сѣдлись въ кружокъ и дѣлили серебро, золото на три части: первую часть на сѣчевую покрову и на Межигорскаго Спаса отдали, другую на меду да на хорошей водкѣ пропивали, а третью между собой раздѣляли. Не одинъ казакъ тогда молил Бога о панѣ Хмельницкомъ, «одѣваясь въ жидовскіе каштаны» (стр. 62—63).

Событіе, описанное здѣсь — одно изъ безчисленныхъ, совершавшихся въ памятный 1648 годъ. Такое же требованіе—выдать всѣхъ жидовъ посылали казаки къ осажденнымъ въ замкѣ Нестерварѣ или Несторовѣ и перебили ихъ, когда шляхтичи, въ страхѣ за собственную жизнь, выдали несчастныхъ. Народное мщеніе, поражая утѣснителей, въ особенности было безжалостно къ евреямъ. Ужасы этого года надолго остались въ памяти всего еврейскаго племени и равнины до-сихъ-поръ считаютъ въ исторіи избраннаго народа Божія это время одною изъ бѣдственныхъ эпохъ небеснаго гнѣва. Въ другой думѣ, относящейся ко временамъ Богдана Хмельницкаго «О побѣдѣ подъ Корсуномъ», такимъ образомъ описывается печальное положеніе евреевъ въ это время:

«Жиды что-то смекнули и ушли къ рѣкѣ Случи. Кто уходилъ къ Случи, тѣ растеряли сапоги и олучи! Кто уходилъ къ Пруту, тѣмъ пришлось на дорогѣ отъ казаковъ Хмельницкаго очень-круто. Какъ переходили черезъ рѣчку Случь, обломилась мостъ и потонули всѣ драгоцѣнности и всѣ ляскіе бубны. Кто бѣжалъ къ рѣкѣ Роси, тѣ остались голы и босы. Вскрикнулъ первый жидъ Гичикъ и схватился за бичикъ. Вскрикнулъ другой жидъ Шлѣма: «ой, не быть мнѣ къ

«шабашу дома!» Вскрикнулъ третій жидъ Авраамъ : «у меня мелкій товаръ, шпильки, иголки, кремни да трубки. Я свой крамъ (товаръ) «сложилъ въ коробокъ и ушелъ отъ казаковъ!» Вскрикнулъ четвертый жидъ Давидка : «ой, братъ, Лейба! уже видать изъ-за горы казакція «хоругви!» Вскрикнулъ пятый жидъ Юдео : «ой, уйдемъ въ Полонисе «поскорѣ!»

«Жидъ Лейба бѣжить и животь у него дрожитъ. Какъ взглянуть «на школу, такъ его жидовское сердце и занеетъ: «Эй ты, школа моя, «школа каменная! ни въ пазуху тебя не забрать, ни въ кармакъ тебя «не спрятать! Придется тебя подарить казакамъ Хмельницкаго на самую «поносную потребу».

Въ свою очередь и поляки, видя, что жиды способствовали раздраженію народа, съ ожесточеніемъ говорятъ имъ:

«Эй вы, жиды, языческія дѣти! зачѣмъ вы подняли этотъ страшный бунтъ, эту тревогу? Зачѣмъ вы на одной милѣ становили по три корчмы? зачѣмъ брали большой мытъ : отъ воза по полузлоту, отъ пѣшаго по два гроша? не пропускали и бѣднаго нищаго, отбирали отъ него пшено и яйца? Собирайте же теперь свои сокровища да смягчите Хмельницкаго, а то придется вамъ уходить опрочью за Вислу въ Полонное.»

Начало этой прекрасной думы «О побѣдѣ подъ Корсуномъ» (въ маѣ 1648 г.) отличается иносказаніемъ, напоминающимъ мѣсто изъ «Слова о Полку Игоря»: «ту кроваваго вина не доста; ту цирь докончиша храбрїи русичи: сваты попопша, а сами полегоша за змлю русекую».

«Отозвался панъ Хмельницкій, отаманъ отецъ чигиринскій: «Эй друзья-«молодцы! братья, казаки запорожцы! подумайте хорошенько и начи-«найте варить пиво съ ляхами: ляхскій солодъ—казацкая вода; ляхскія «дрова— казацкіе труды!

«Съ того ли пива сдѣлали казаки съ ляхами превеликое диво. Подъ «городомъ Корсуномъ они станомъ стали, подъ Стебловымъ они солодъ «замочили, и не успѣли еще сварить пива, а ужъ крѣпко съ ляхами «повздорили. За ту бражку спально подралнсь казаки съ ляхами; за «тотъ размоль поднялась у ляховъ съ казакѣми страшная схватка, а за «тотъ негодный квасъ не одного ляха казакъ за чубъ, какъ негодяя, «встряхнулъ. Ляхи что-то смекнули и съ казакѣвъ чего-то уходили, «а казаки ляховъ попрекали: «Ой вы, ляхи, собачьи дѣти! что вы не «ожидаете и нашего пива не допиваете?»

Этотъ насмѣшливый тонъ, какъ и самый образъ пива, не даромъ. Чтобъ оцѣнить все остроуміе прони, разлпшой въ этой думѣ, и сообразность ея съ событіями, надобно привести на память обстоятельства корсунскаго дѣла. Предводитель польскихъ войскъ, коронный гетманъ Николай Потоцкій, былъ роскошный обжора и пьяница, до-нельзя-не-своеобыный, какъ оказалось въ корсунской битвѣ, къ военному дѣлу. Такъ же точно почти всѣ паны, участвовавшіе въ сраженіи, въ-ожиданіи неприятеля, котораго почитали совершенно-ничтожнымъ, предавались

пирушкамъ и веселостямъ. Вотъ почему народная фантазія нашла удобнымъ изобразить войну съ такими непріятелями подъ иносказательнымъ образомъ варенія пива. Когда казаки явились въ виду ихъ, она, испуганная вѣстями, нарочно-распущенными въ ихъ лагерь Хмельницкимъ, начали ретироваться, но Хмельницкій заранѣе послалъ казацкій отрядъ впередъ перекопать канавою дорогу и такимъ образомъ наводнить долину, называемую «Крутая-Балка», чрезъ которую полякамъ приходилось переходить. Въ вариантѣ той же думы, напечатанномъ у Максимовича, говорится объ этомъ. Хмельницкій приказываетъ своимъ казакамъ:

Добре дбайте, добре гадайте,
Одъ села Ситниківъ до города Корсуна
Шляхъ канавою перекопайте.

Поляки, по причинѣ наводненія долины, не въ силахъ были слѣдовать далѣе и, застигнутые Хмельницкимъ, были разбиты на-голову. На это-то обстоятельство намекаетъ дума, представляя, что ляхи уходятъ, а казаки бранятъ ихъ за то, что они не хотятъ допивать ихъ пива.

Иронія, столь разительная въ началѣ думы, поддерживается съ равною силою до конца. Дума оканчивается слѣдующими словами:

«И не черная туча, паны-молодцы, встала надъ Полоннымъ; не одна «пани-полька осталась вдовою. Вскрикнула одна пани-полька: «нѣтъ моего пана Яна! Видно, связали его казаки, какъ барана, и повели къ своему гетману». Вскрикнула другая пани-полька: нѣтъ моего пана «Кардаша! Видно, казаки Хмельницкаго увели его въ свой станъ». «Вскрикнула третья пани-полька: нѣтъ моего пана Якуба! Видно, взяли «его казаки Хмельницкаго и повѣсили на дубѣ» (стр. 223—228).

Первая война Богдана Хмельницкаго окончилась зборовскимъ договоромъ, выгоднымъ для казаковъ въ-сравненіи съ прежнимъ ихъ положеніемъ, но вовсе не такимъ договоромъ, который упрочилъ бы навсегда права русскаго народа. Хмельницкій, человекъ болѣе-хитрый, чѣмъ прозорливый, болѣе-сметливый, чѣмъ дальновидный, человекъ житейскаго разсудаа, а не разумнаго генія, способный поправлять слѣдствія зла, а не исторгнуть его корень, умѣвшій владѣть обстоятельствами, но не творить обстоятельствъ, Хмельницкій чрезъ годъ послѣ зборовскаго договора увидѣлъ необходимость заключить миръ на другихъ началахъ, и, не въ силахъ будучи вынудить его путемъ объясненій и требованій у поляковъ, принужденъ былъ вступить въ новую войну. Она кончилась для него неудачно. Разбитый подъ Берестечкомъ, казацкій вождь боролся съ врагами до послѣднихъ силъ и чрезъ три мѣсяца послѣ пораженія заключилъ съ поляками въ Бѣлой-Церкви договоръ съ болѣе-ограниченными казацкихъ правъ противъ зборовскаго договора. Этотъ бѣло-церковскій миръ, между-прочимъ, предоставлялъ польскимъ войскамъ ненавистное для русскихъ право квартировать въ Украинѣ и брать отъ жителей содержаніе: на языкѣ того вѣка такая повинность

народа называлась стаціею. Дума «о бѣло-царѣвскомъ мирѣ и о войнѣ съ поляками» (стр. 51—56) рисуетъ картину состоянія южнорусскаго народа въ это печальное для него время. «Вельможные паны-ляхи стали у казаковъ и мужиковъ на постоѣ, овладѣли ключами ихъ, сдѣлались хозяевами въ ихъ хатахъ. Ляхъ отсылаетъ хозяина на конюшню, и самъ, оставаясь наединѣ съ хозяйкой, пользуется правами супруга. Бѣдный украинецъ (казакъ или мужикъ), терпя такое поруганіе, идетъ въ кабакъ (анахронизмъ: тогда не было кабаковъ въ Украинѣ) выпить съ горя за восемь грошей. «Но ляхъ» говоритъ дума: «идеть за нимъ вслѣдъ, словно немытая свинья, настороживаетъ ухо, слушаетъ: не охуждаетъ ли его казакъ или мужикъ?» Въ кабакъ русскій человекъ даетъ просторъ своему негодованію и выговариваетъ ляху: «Пусть бы вы, ляхи, у насъ отбирали ключи, пусть бы вы хозяйничали въ нашихъ домахъ, хоть-бы ужъ въ нашу компанію—то не лѣзли!» Понятно, почему русскій предпочитаетъ неприкосновенность товарищеской компаніи цѣлости своего имущества и даже чести семейства: коль скоро русскіе могли невозбранно сходиться между собою, то могли составить снова планъ освобожденія страны своей.

Казацкое терпѣніе лопнуло; русскіе собираются на совѣтъ и обращаются къ Хмельницкому съ жалобою:

«Панъ гетманъ Хмельницкій! отецъ нашъ, Зиновій чигиринскій! За что ты на насъ такъ разгнѣвался? для чего ты насладе на насъ такое шлѣненіе? Мы ужъ теперь ни въ чемъ не имѣемъ воли; ляхи, вельможные паны, отобрали у насъ ключи и сдѣлались господами въ нашихъ домахъ».

Хмельницкій отвѣчаетъ:

«Эй, казаки—дѣти, друзья мои, голубчики! погодите вы немножко. «Обождите отъ Покрова до свѣтлаго тридневнаго Воскресенія. Дастъ Богъ, наступитъ красная весна: тогда вся наша голь пріодѣнется».

Дума, приводя на память праздникъ Воскресенія, кажется, намекаетъ на избіеніе польскихъ жолнѣровъ, совершенное казаками на пасху 1652 года. Но не тогда пришла пора всеобщаго возстанія; она наступила позже. Хмельницкій, притворявшійся нѣсколько времени, будто не раздѣляетъ народнаго ропота, вдругъ, какъ-будто очнулся, и вотъ онъ взываетъ къ казакамъ:

«Эй, казаки—дѣти, друзья мои! прошу васъ, постарайтесь: ступайте на славную Украину, рубите ляховъ, вельможныхъ пановъ; до остатка смѣшайте съ желтымъ пескомъ ихъ ляхскую кровь; не давайте имъ «ругаться надъ святой христіанской вѣрой!»

Это мѣсто, кажется, относится къ знаменитому избіенію поляковъ подъ Батогомъ въ іюнь 1652 года. Вслѣдъ за этимъ днемъ во всей Украинѣ вспыхнуло всеобщее народное возстаніе и русскіе начали изгонять чужеземцевъ—обладателей. Дума говоритъ:

«Спохватились тогда ляхи, вельможные паны, и всё разбѣжались по лѣсамъ и кустарникамъ. Казакъ и въ лѣсъ бѣжить, а ляхъ и лежа за кустомъ дрожить. Находить казакъ ляха за кустомъ, бьетъ его чеканомъ въ спину и тихо приговариваетъ: «эй вы, ляхи, вельможные паны! полно вамъ за кустами валяться; пора вамъ идти почивать къ нашимъ жопамъ. Уже наши жоны и подушки приготовили, вась, ляховъ, вельможныхъ пановъ, подждаючи».

«Тогда ляхи казаковъ родными братьями назвали. «Эй вы, казаки, родные братцы! сдѣлайте доброе дѣло, пустите насъ за Вислу—рѣку хоть въ однихъ рубашкахъ».

«Тутъ ляхамъ Богъ помогъ: на рѣкѣ Вислѣ ледъ обломалъ. Тогда казаки ляховъ спасали, за волосы хватали, да еще дальше подъ ледъ подпихали и тихо приговаривали: «эй вы, ляхи, вельможные паны! когда—то наши дѣды надъ этой рѣкой казаковали и въ ней свои клады спрятали».

«Какъ найдете вы ихъ, то будемъ съ вами пополамъ дѣлиться и тогда будемъ жить съ вами какъ съ родными братьями. Ступайте! тутъ вамъ дорога одна до самаго дна» (стр. 53—56).

Анахронизмъ въ послѣдней части этой думы показываетъ, какъ иногда въ народной поэзіи смѣшиваются близкія между собою по времени событія и, какъ кажется, мѣста переносятся изъ однихъ думъ въ другія. Въ то время, когда случилось бѣгство поляковъ, описываемое въ этой думѣ, подъ ними не могъ обломиться ледъ, потому—что тогда было лѣто. Но такое событіе дѣйствительно случилось въ 1651 году не на Вислѣ, а на Бугѣ, подъ городомъ Винницею и казаки имѣли право сказать о рѣкѣ Бугѣ, что отцы ихъ казаковали надъ этой рѣкою. Надобно полагать, что окончаніе думы со словъ: «тутъ ляхамъ Богъ помогъ» принадлежитъ другой думѣ, намъ неизвѣстной и, можетъ—быть, уже несуществующей, гдѣ была воспѣта знаменитая оборона Винницы казаками подъ начальствомъ полковника Богуса.

Всѣ прочія думы, помѣщенные въ «Запискахъ» о бѣгствѣ трехъ братьевъ, о казакѣ Голотѣ, о вдовѣ и ея сыновьяхъ, о сестрѣ и братѣ, о черноморской бурѣ и Феськѣ Ганжѣ Андыберѣ заключаютъ въ себѣ, какъ мы уже сказали, такія важныя отмѣны противъ извѣстныхъ вариантовъ, что, конечно, любители народной поэзіи будутъ привѣтствовать ихъ какъ новыя явленія: дума о Феськѣ Ганжѣ Андыберѣ—одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ памятниковъ южнорусской народной поэзіи, представляетъ въ современныхъ чертахъ положеніе гражданскаго быта въ странѣ, обуреваемой долговременными междоусобіями, вражду между богатыми и бѣдными, знатыми и чернью, какъ говорилось въ XVII—мъ вѣкѣ. Не станемъ приводить ея содержаніе, потому—что любители южнорусской народной поэзіи, конечно, знаютъ его изъ сборника г. Метлинскаго, которому она была доставлена г. Куляшомъ, теперь пополняющимъ ее новымъ вариантомъ. Нѣтъ возможности опредѣлить, кто былъ

этот гетманъ Фесько Гапка Андыборъ, который, переодѣвшись въ рубище пролетарія, зашелъ въ кабакъ дятлого, чтобъ на себя вынести униженіе, какое дуки—серебряники (знатные) оказывали къ простымъ (черни) и потомъ, внезапно явившись предъ ними гетманомъ, наказать ихъ. Г. Бѣлозерскій, составившій историческія примѣчанія къ сборнику Метлинскаго, относитъ ее (южнорусскія пѣсни стр. 433) къ временамъ до 1647 года. «Онъ (Фесько), безъ-сомнѣнья (говоритъ г. Бѣлозерскій), былъ гетманомъ въ первой половинѣ XVII-го вѣка и, вѣроятно, незадолго предъ Богданомъ Хмельницкимъ, то-есть до 1647 года (случ. думу съ извѣстіями летописи самоз. стр. 5, подъ 1640 годомъ, также стр. 7, лѣт. Велички, т. I, стр. 16—27). На указанныхъ г. Бѣлозерскимъ страницахъ разсказывается о разныхъ утѣшеніяхъ русскаго народа и казаковъ отъ поляковъ. Въ записанномъ г. Нѣговскимъ вариантѣ, которымъ г. Кулишъ дополнилъ свой прежній, хотя дуки—серебряники и названы ляхами, но имена этихъ господъ Гаврило Довгополенко, Войтенко, не польскія, а малороссійскія, а Золотаренко, названный въ думѣ черниговскимъ, дѣйствительно существовалъ и былъ нѣжинскимъ полковникомъ въ концѣ гетманства Хмельницкаго и въ первыхъ годахъ послѣ него. Слово ляхи въ вариантѣ г. Нѣговскаго не гармонируетъ со всею обстановкою, какая сопровождаетъ разсказъ думы, и кажется прибавленнымъ. Г. Кулишъ замѣчаетъ, что этотъ вариантъ вообще «слабѣ въ цѣломъ и въ немъ потеряна основная мысль распада — вражда войсковой черни къ лукажъ (богачамъ), захватившимъ «въ свои руки лучшія земли и уголья» (стр. 200). Это одно уже заставляетъ, при объясненіи этой думы, руководствоваться спискомъ Кулиша, помѣщеннымъ въ сборникѣ Метлинскаго. Тамъ о ляхахъ нѣтъ и помина. По всему эта дума должна быть отнесена къ временамъ послѣ Богдана Хмельницкаго, когда взаимныя противодѣйствія знатныхъ в голоты производили внутреннія потрясенія, возбудили борьбу Выговскаго съ Пушкаренкомъ, паденіе Выговскаго, нѣжинскую черную раду, смерть Санка и Золотаренка и господство дикой запорожской вольницы, выдвинувшей на политическое подиумъ многозначительное въ исторіи лицо Бруховецкаго. Обычай южноруссовъ, сверхъ настоящаго родоваго прозванія, давать еще прозвища (sobriquet), очень затрудняетъ отыскиваніе настоящихъ именъ историческихъ лицъ, упоминаемыхъ въ народныхъ думахъ и пѣсняхъ. Изъ пѣсенныхъ отрывковъ, помѣщенныхъ въ изданіи г. Кулиша, есть одинъ, очень-любопытный, о Богданѣ Хмельницкомъ:

«О, дай Богъ, чтобъ Хмеля—Хмельницкаго не миновала первая пуля за то, что онъ велѣлъ забирать въ плѣнъ молодцовъ и дѣвицъ и молодыхъ молодцевъ! Молодцы идутъ припѣваячи, дѣвицы рыдаючи, а молодые молодки проклинаютъ стараго Хмеля: дай Богъ, чтобъ первая пуля не миновала Хмеля—Хмельницкаго!»

Старикъ Ковдратъ Тарануха, сообщившій г. Кулишу этотъ отрывокъ, рисовокупилъ, что Хмельницкій продавалъ на ясырь татарамъ цѣлыя

села. Во всёх до-сихъ-поръ извѣстныхъ народныхъ пѣснопѣніяхъ имя Хмельницкаго провозносилось съ уваженіемъ: теперь передъ нами первый народный голосъ, противный его славъ. Побратымство (какъ говорили въ XVII-мъ вѣкѣ) съ татарами причинило народу страшныя бѣдствія. Союзники казаковъ, уходя изъ Украины, не забывали угонять съ собой, какъ скотъ, толпы украинскаго народа въ Крымъ; и вотъ, по поводу этихъ печальныхъ событій, возникла такая пѣсня. Встарину, вѣроятно, было и много подобныхъ, сложныхъ не казаками, а посполитымъ народомъ пѣсень, гдѣ имя Богдана Хмельницкаго не выставлялось въ такомъ лучезарномъ сіяніи, какъ въ казацкихъ думахъ и пѣсняхъ. Но пѣсни, враждебныя памяти Хмельницкаго, исчезли со страстями, возбуждавшими ихъ. Свѣтлая сторона историческаго лица переживаетъ въ памяти потомковъ темную, какъ-бы въ доказательство, что зло временно, а добро ведетъ къ вѣчнымъ цѣлямъ. Память Богдана Хмельницкаго соединилась съ славою побѣдъ его, съ честью освобожденія Руси отъ поляковъ; забыты вопли народа, исторгаемые нѣкогда тѣмъ, чего стоили эти побѣды; забыты проклятія тѣхъ, которые не могли утѣшить себя надеждою на послѣдствія, которыхъ собственнымъ страданія были слишкомъ-велики, чтобъ облегчаться какою бы то ни было надеждою лучшей доли для потомковъ: и вотъ бѣдный отрывокъ утраченной пѣсни или думы, какъ обличительное привидѣніе изъ старой могилы, является къ суду исторической истины, съ грознымъ свидѣтельствомъ противъ Богдана Хмельницкаго.

Изъ числа пѣсенныхъ отрывковъ есть одинъ подъ названіемъ «Отрывокъ изъ пѣсни о разореніи Кіева Батыемъ»:

Да не славнійшій гóродъ Медведівка изъ своїми городами
 Якъ славнійшій Пялипъ Орлівъ зъ двома казакáми:
 Одинъ Грицькó, другій Андрій на віру гонитель,
 Всімъ городáмъ українськимъ вінъ бувъ розоритель

Въ неділю рано-пораненьку у всі дзвони дзвонять,
 И старіи и маліи въ весь гóлосъ гóлосять,
 На коліна упадають и Бóга просять:
 Поможи намъ, Бóже, Кіевъ гóродъ боронити,
 Дождемо першої Пречистої будемо обідь становити

Въ неділю рано-пораненьку гóрода достали,
 Всімъ церквамъ українськимъ верхи позбивали,
 Полотняні образи підъ кульбаки клали,
 Дзвонами снужовими коні наповали,
 Въ святихъ церквахъ коні становили.

Г. Кулишъ выписалъ этотъ отрывокъ изъ «Описанія Васильковскаго Уззда Руликковскаго». Какъ Руликковскій, такъ и Кулишъ относятъ его ко времена́мъ нашествія Батыя на Кіевъ. Что касается имени Медве-

дівки, прославившейся гайдамачествомъ, и Папила Орлива, въ которомъ думаютъ видѣть Филиппа Орлика, то, по мнѣнію ихъ, народъ, забывая старину, замѣнилъ древнія имена новыми. Впрочемъ, г. Руликовскій замѣчаетъ въ складѣ этого отрывка недавнее происхожденіе, а г. Кулишъ опровергаетъ такое мнѣніе тѣмъ, что народъ неспособенъ складывать пѣсенъ о временахъ давнопрошедшихъ.

Вопервыхъ, въ этомъ отрывкѣ могутъ быть три отрывка изъ трехъ различныхъ пѣсенъ;

Вовторыхъ, пять послѣднихъ стиховъ могутъ относиться не къ Кіеву, упоминаемому въ предыдущихъ двухъ стихахъ;

Втретьихъ, если, по сознанію гг. Руликовского и Кулиша, народныя пѣсни замѣняютъ одни имена другими, то, быть-можетъ, именемъ Кіева замѣнено имя другаго какого-нибудь города;

Вчетвертыхъ, если и въ среднихъ шести и въ послѣднихъ пяти стихахъ дѣло идетъ о Кіевѣ, то почему должно относить описываемое здѣсь взятіе Кіева непременно къ Батю? Почему не къ Менгли-Гирею, опустошившему Кіевъ въ 1482 году? Почему даже не къ Радзивилу, взавшему Кіевъ въ 1651 году, когда почти весь городъ сдѣлался добычею пламени, а литовскіе жолнѣры, изъ которыхъ многіе были протестанты, позволяли себѣ оскорбленіе надъ православною святынею?

Пѣсня тогда только можетъ быть положительно отнесена къ извѣстному событію, когда или упоминаются въ ней лица, участвовавшія въ событіи, или самое событіе изображено съ такими исключительно ему принадлежащими чертами, которыя къ другому подобному событію не могутъ быть отнесены. Но какъ этихъ условій въ пѣснѣ, напечатанной г. Кулишомъ, мы не находимъ, то и нельзя утвердительно сказать, о чемъ говорятъ она, въ избѣжаніе такихъ ученыхъ выводовъ, которые напоминаютъ ученаго, столь удачно-уподобленнаго Гоголемъ губернскимъ барынямъ.

Изъ прозаическихъ разсказовъ, записанныхъ г. Кулишомъ, одинъ дѣйствительно относится къ эпохѣ Батыя. Это «Легенда о золотыхъ воротахъ». Эпоха разрушенія Кіева татарами въ 1240 году обозначалась въ народной памяти названіемъ лихолѣтья.

«Какъ было лихолѣтье, пришелъ чужеземець, татаринъ; и вотъ ужъ ударилъ на Вышгородъ, а потомъ подступаетъ и къ Кіеву. А тутъ былъ богатырь Михайликъ. Какъ взомель на башню, да пустилъ изъ лука стрѣлу, то стрѣла и упала татарину въ шиску. Только-что съелъ онъ у скамейки и благословился обѣдать, какъ стрѣла и воткнулась въ печеню (жаркое). «Э, говоритъ, да тутъ есть могучій богатырь! Выдайте, говоритъ кіевлянамъ, выдайте мнѣ Михайлика, такъ отступлю. Вотъ кіевляне шушу-шушу и совѣтуются:

«Что же? выдадимъ! А Михайликъ говоритъ: «Какъ выдадите меня, «то въ послѣдній разъ видѣть вамъ золотыя ворота». Съѣлъ на коня,

«обернулся къ нимъ и проговорилъ: «ой кіиве, кіиве, честная громада! «Не разумень вашъ совѣтъ. Когда бъ вы Михайлика не выдавали, «пока свѣтъ—солнца не добыть бы врагамъ Кіева!» И поднялъ онъ «ковшемъ ворота такъ, вотъ какъ поднимешь снопъ святаго жита, и «поѣхалъ черезъ татарское войско въ Цареградъ. А татары и не видятъ его. И какъ открылъ ворота, то чужеземцы ввалились въ Кіевъ «да и пошли потоптомъ».

«И живеть богатырь Михайликъ доселѣ въ Цареградѣ. Предъ нимъ «стаканчикъ воды да просфорка: больше ничего не ѣсть. И золотыя «ворота стоятъ въ Цареградѣ. И наступить, говорятъ, время, что Михайликъ воротится въ Кіевъ и поставитъ ворота на мѣсто. И если, «идучи мимо, кто—нибудь скажетъ: о, золотыя ворота, стоятъ вамъ «тамъ опять, гдѣ стояли, то золото такъ и засияетъ! Если же скажетъ «или подумаетъ: нѣтъ, ужъ не бывать вамъ въ Кіевѣ, то золото такъ «и померкнетъ!» (Стр. 3—5).

Нѣтъ надобности искать какихъ—нибудь историческихъ событій въ этой легендѣ. Сказочный элементъ совершенно овладѣлъ столь—отдаленнымъ временемъ въ воображеніи народа и давно изгналъ лѣтописную точность воспоминанія. Южнорусская легенда плѣтеть что—то общее съ великорусскою былинною о Василѣ Казнеровичѣ (памятн. великорусск. нарѣч. стр. 20) и это подтверждаетъ древность ея происхожденія. Грусть о паденіи Кіева прошла чрезъ ряды послѣдующихъ столѣтій и до—сихъ—поръ сопровождаетъ темное воспоминаніе о древнемъ, гибельномъ для судьбы русскаго народа событіи. Удѣльная и казацкая беззидица, долговременное разединеніе русской земли, враждебныя отношенія частныхъ народностей не изгладили застарѣлаго чувства уваженія къ Кіеву. Эта колыбель нашей гражданственности, купель нашего духовнаго возрожденія, пребывала для разрозненныхъ частей Руси средоточіемъ духовнаго и племеннаго единства. Потерявъ свое политическое первенство въ ряду русскихъ городовъ, Кіевъ не утратилъ того народнаго уваженія, которое нѣкогда было нераздѣльно съ его старшинствомъ. Городъ бѣдный, городъ чужой для большей части Россіи въ политическомъ отношеніи, онъ былъ роднымъ для всѣхъ и великимъ въ своемъ ничтожествѣ. Преданіе о водруженіи креста св. Андрея неизгладимо почивало на горахъ его. Кіевъ въ нашей исторіи представляетъ какъ—будто олицетвореніе нобѣды неизмѣннаго, вѣчнаго надъ временнымъ и скоропреходящимъ. Другіе города возвышались, упали, росли, мѣнялись въ народномъ мнѣніи. Кіевъ для русскаго сердца оставался всегда однимъ и тѣмъ же, и тогда, когда представлялъ глазамъ посетителя груды развалинъ, и тогда, когда счастливыя обстоятельства дозволяли снова возрастать зданія на его исторической почвѣ. Кіевъ для Руси и теперь еще столица вѣры, Сіонъ его духовной жизни. Станьте мысленно на распутии широкой Руси, всмотритесь въ эти зыблящіяся туда и сюда толпы народа: тамъ суровая Сибирь привлекаетъ искателей зо-

лота и мѣховъ; тамъ купцы и промышленники спѣшатъ въ Москву, Нижній, Харьковъ, продать свои произведенія или закупить необходимыя для своего края; тамъ Петербургъ собираетъ къ себѣ дѣтей Руси, маяя ихъ надеждами служебныхъ выгодъ и роскошью европейскихъ удовольствій; но вы увидите толпу народа, и какого народа?.. бѣднаго; онъ идетъ въ Кіевъ для высшихъ духовныхъ потребностей, которыя въ его быту единственно возвышаютъ его надъ грустною и узкою житейскою сферою тяжелыхъ и часто неблагоприятныхъ трудовъ. Не только таинственныя пещеры, не только стѣны Печерской Обители и вѣковѣчной Софій, самая земля кіевская исполнена святости для воображенія и чувства этой толпы. Отходя изъ Кіева, нѣкоторые богомольцы берутъ съ собою кіевской земли и берегутъ какъ святыню; ее кладутъ съ ними въ гробъ. Это напоминаетъ обычай еврейскаго народа, питающаго такое же уваженіе къ землѣ своихъ праотцевъ.

Долгій періодъ отъ паденія Кіева до Хмельницкаго не далъ г. Кулишу ни одного преданія. Отъ фантастическаго Михайлика, который въ виду батыева пощадилъ славу древняго Кіева въ отдаленномъ Цареградѣ, вы переходите прямо къ Богдану Хмельницкому, прибывшему съ вѣпцомъ побѣды въ Кіевъ, чтобъ плакать съ казаками надъ поверженною въ прахъ красотою церкви его, по словамъ одной украинской лѣтописи. Прозанческія преданія объ этомъ времени скудны и отрывочны; они далеко уступаютъ думамъ и пѣснямъ. Легенда о Барабашѣ и Хмельницкомъ, гдѣ разсказывается извѣстное похищеніе послѣднимъ у перваго королевской привилегіи (стр. 166) — очевидно, угасшая дума. Это ясно показывается уцѣлѣвшій въ ней обломокъ речитатива посреди прозанческаго разсказа. Хотя до-сихъ-поръ существуетъ полная дума объ этомъ событіи, но видно, что она совсѣмъ не та, котрой слѣды остались въ легендѣ. Быть-можетъ, и другія преданія, помѣщенные въ «Запискахъ», возникли также изъ погибшихъ думъ и пѣсенъ. Одно изъ нихъ, названное легендою (стр. 114), носитъ на себѣ сказочный характеръ, съ проглядывающею дѣйствительностью. Хмельницкій ставитъ надъ рѣкою Случью (служившею границею казацкой землѣ) вѣтряные барабаны, «вѣтеръ подуетъ, а ляхи думаютъ, что въ казацкомъ лагерѣ играютъ въ трубы, и боятся перешагнуть чрезъ Случь». Образованіе такого фантастически-комическаго образа понятнѣе, когда вспомнимъ, какъ Богданъ Хмельницкій подъ Пилиавой нарядилъ своихъ казаковъ въ татарское платье и велѣлъ имъ разомъ закричать, или какъ подъ Збаржемъ дѣлалъ соломенныя чучела и накрывалъ ихъ чалмами, думая навести на поляковъ страхъ прибытія вспомогательныхъ силъ съ магометанскаго Востока.

Г. Кулишъ записалъ одно только преданіе, относящееся къ длинному періоду *руины*, какъ называется у южноруссовъ время отъ Богдана Хмельницкаго до Мазепы. Это преданіе о Юріи Хмельницкомъ, род-

ственное, как кажется, тому, которое послужило основой повѣсти Гоголя «Страшная месть».

«Сынъ Хмельницкаго, какъ обусурманился, то снѣбъ куполь съ отцовской церкви, выстрѣливъ изъ пушки съ горы Валка. Онъ хотѣлъ добратся до отцовскихъ денегъ, что были, говорить, заложены кирпичемъ на церкви. Онъ бы прошелъ за ними и въ Суботовъ, да боялся: тутъ войско стояло, и потому, съ досады, онъ хотѣлъ разбить отцовскую церковь».

«Онъ до-сихъ-поръ живъ. Наши старыя чумаки рассказывали, что видѣли его въ горахъ своими глазами и самъ онъ говорить имъ: «я сынъ Хмельницкаго». Его сердце сосеть змѣя и будетъ онъ мучиться и бродить въ горахъ до страшнаго суда, а тогда ужъ ему Господь простить, что онъ обусурманился и хотѣлъ разбить отцовскую церковь» (стр. 277).

Жаль, что г. Кулишъ не добрался, какъ должно думать, до смысла этого любопытнаго преданія. Что побудило народное воображеніе поставить Божіе милосердіе выше тяжелаго преступленія Юрія Хмельницкаго? Отчего казнь его не вѣчна? Значить ли это—народное вѣрованіе въ безпредѣльность небесной милости вообще ко всѣмъ грѣшникамъ, или же заслуги юріева отца были столь велики, что оставляютъ отступнику—сыну надежду на прощеніе при концѣ міра? Это бы выказало намъ степень и направленіе философскихъ понятій народа.

Эпоха шведской войны отразилась въ преданіяхъ совершенно сказочнаго вида. Эпоха Богдана Хмельницкаго отражается въ народныхъ пѣснопѣніяхъ и преданіяхъ яснѣе и точнѣе, чѣмъ послѣдующая эпоха Мазепы. Главное лицо въ послѣдней—Палій, котораго народный вымыселъ представляетъ сказочнымъ богатыремъ, исполномъ, чудотворомъ. Историческая основа здѣсь та, что Палій, хвостовскій полковникъ, за набѣги на поляковъ, по наущенію Мазепы, былъ сосланъ въ Сибирь, а потомъ возвращенъ и участвовалъ въ войнѣ съ шведами. Сказочный эпосъ овладѣлъ истиною. Одна легенда говоритъ, что Палій былъ замурованъ въ столбъ, а потомъ освобожденъ царемъ, и побѣдилъ Мазепу, одолевшаго—было царя тѣмъ, что воткнулъ копые въ землю: отъ этого врагамъ почудилось, что предъ ними лѣсъ; они стали наклоняться отъ вѣтвей, а Палій рубилъ имъ головы (стр. 115). Другая легенда приписываетъ Палію, возвращенному изъ ссылки въ Сибирь, побѣду надъ шведами, запорожцами и турками съ чудотворными обстоятельствами. За его удивительныя заслуги, царь спросилъ его: какой награды онъ хочетъ? Палій испросилъ награду своей родинѣ, обреченной на кару за измѣну главы ея (стр. 123). Третья легенда даетъ гетману Мазепѣ сына, никогда въ-самомъ-дѣлѣ не существовавшаго (кромѣ романа Булгарина). Царь былъ его воспріемникомъ. Тогда старый казакъ Степанъ Плаха (г. Кулишъ видитъ въ немъ Палія), знавшій, что случится за сто лѣтъ впередъ, предсказалъ царю измѣну новорожденнаго и за

то былъ посаженъ въ темницу, гдѣ ему не давали ни ѣсть ни пить, и поставили предъ нимъ рожекъ съ табакомъ. Черезъ тридцать лѣтъ, сынъ Мазепы взбунтовался; царь увидѣлъ невинность Плахы; онъ былъ освобожденъ, оказался цѣль и невинимъ, хотя тридцать лѣтъ ничего не ѣлъ, и побѣдилъ врага, успѣвшаго, однако, съѣсть одиннадцать устремленныхъ на него копій. Истинно скандинавская фантазія!

Остальныя историческія преданія въ книгѣ г. Кулиша преимущественно относятся къ эпохѣ 1768 года и ко внутреннему быту и устройству Запорожья.

Послѣ уничтоженія казачества на правой сторонѣ Днѣпра въ концѣ XVIII-го вѣка, эта прекрасная страна, уступленная Польшѣ, оставалась нѣсколько времени въ совершенномъ заустѣніи, потомъ мало-по-малу начала заселяться переселенцами изъ Волыни, Польска, Червонной-Руси и лѣваго берега Днѣпра. Въ половинѣ XVIII-го вѣка возрастаніе населенія особенно усилилось. Тогда образовались снова тѣ несчастныя условія общественной жизни, какія породили смуты въ XVII-мъ вѣкѣ. Владѣльцы земель и крестьянъ были поляки—католики; ихъ подданные—православные русскіе; средній классъ, торговый и промышленный, состоялъ преимущественно изъ евреевъ. Русскіе отъ отцовъ наслѣдовали ненависть къ «ляхамъ» и жидамъ, скрываемую по нуждѣ и готовую, при удобномъ случаѣ, разлиться губительнымъ потокомъ необузданныхъ народныхъ страстей; поляки же не оставляли стремленія обратить русскихъ въ упію и, ненаученные уроками предшествовавшаго вѣка, впадали въ прежнюю неумѣренность и неблагоразуміе. Между—тѣмъ, подъ бокомъ у нихъ было воинственное Запорожье, всегда способное произвести въ родственной Украинѣ смуты и волненія. Это положеніе края изложено въ книгѣ г. Кулиша и уже сдѣлалось извѣстнымъ публикѣ изъ отрывка, напечатаннаго во второмъ томѣ «Русской Бесѣды» нынѣшняго года. Возникла кровавая драма коливщины или гайдамачины. Безспорно, она приняла бы такіе же обширные размѣры, какъ и эпоха Хмельницкаго въ 1648 году, еслибъ Россія не достаралась прекратить ее въ пору. При томъ оборотѣ дѣлъ, какой приняла впослѣдствіи исторія этого края, коливщина оставила потомкамъ одни преданія, собранныя г. Кулишомъ. Въ нихъ заключаются подробности, которыя будутъ служить нелишнимъ матеріаломъ для историка, когда цѣлью его будетъ не одно изложеніе событій, но и характерическіе оттѣнки, дающіе фактамъ жизнь, мысль и значеніе.

Разказы о бытѣ запорожцевъ, сообщаемые г. Кулишомъ, могутъ служить дополненіемъ къ тому изображенію Запорожья, которое передано свѣту трудами Скальковскаго. Изучающій странный и своеобразный бытъ запорожскаго общества найдетъ въ книгѣ г. Кулиша много любопытнаго. Вотъ, напримѣръ, обычай запорожцевъ производить испытаніе надъ новичками, поступающими въ ихъ братство.

«Какъ смѣнять, бывало, запорожцы къ себѣ въ Сѣчь какого-нибудь парня изъ Гетманщины, то сперва пробуютъ: годится ли онъ въ запорожцы. Прикажутъ ему, напримеръ, варить кашу: «смотри жь ты, вари такъ, чтобы не была и сыра и чтобы не перекипѣла. А мы пойдемъ косить: когда будетъ готова, такъ ты выходи на такой-то курганъ и зови насъ; мы услышимъ и придемъ». Возьмутъ косы и пойдутъ какъ-будто-бы косить. А кой-чортъ хочется имъ косить! Залѣзутъ въ камышъ и лежать. Вотъ парень сваритъ кашу, выходитъ на курганъ и начинаетъ звать. Они и слышать, но не откликаются. «Зоветь онъ плъ, зоветь, а потомъ въ слезы: «вотъ занесла меня лешастая сила къ этимъ запорожцамъ! Лучше было бы сидѣть дома при отцѣ, при матери. Еще перекипнѣ каша, придутъ и поколотятъ вражьи дѣти. О бѣдная моя головушка! кой-чортъ занесъ меня къ этимъ запорожцамъ?» А они, лежа въ травѣ, выслушаютъ все это и говорятъ: «нѣтъ, это не нашъ!» Потомъ воротятся въ курень, дадутъ тому парню коня и денегъ на дорогу и скажутъ: «ступай-себѣ къ нечистому! намъ такихъ не надо!»

Но который молодецъ дастся расторопный и сметливый, тотъ, вышедши на курганъ, крикнетъ раза два: эй, пань-молодцы! идите кашу ѣсть! и какъ не откликнутся, то онъ: ну, такъ чортъ съ вами, когда молчите! буду я и одинъ ѣсть кашу, да еще передъ отходомъ приударить на курганъ чопака (танецъ): ой тутъ погулять мнѣ на просторѣ! И затянувши казацкую пѣсню, идетъ къ куреню и давай уплетать кашу. Тогда запорожцы, лежа въ травѣ и говорятъ: это нашъ! «я взявши косы, идутъ-себѣ къ куреню. А онъ: гдѣ васъ чортъ носилъ, господа? Звалъ я васъ, звалъ, и охрипъ, да потомъ, чтобы не простыла каша, началъ самъ ѣсть. Переглянутся между собой запорожцы и скажутъ ему: ну, чѣра (слуга) ветавай! полно тебѣ быть хлопцемъ: теперь ты равный намъ казакъ. И принимаютъ его въ товарищество» (286—288).

Передавъ еще нѣсколько историческихъ преданій о событіяхъ конца XVIII вѣка, г. Кулишъ оканчиваетъ свои «Записки» сообщеніемъ такихъ народныхъ разсказовъ, которые относятся къ области не историческаго, но фантастическаго міра Южной Руси, а онъ, по замѣчанію г. Кулиша, гораздо-шире и роскошнѣе міра фактовъ. Это—«страствованіе по тому свѣту». У южноруссовъ, по природѣ мечтательныхъ, существуетъ довѣріе къ замирающимъ или обмирающимъ (бываютъ изъ нихъ и мужчины, но очень-рѣдко, женщины гораздо-чаще). Это что-то въ родѣ такихъ сомнамбулъ, какія недавно въ Парижѣ подъ пальцами нѣкоторыхъ магнетизировъ разсказывали, какъ души умершихъ пьютъ кофе и читаютъ книги. Разница между ними и нашими южнорусскими обмиралками та, что послѣднія, безъ содѣйствія своей или чужой воли доходятъ до сомнамбулизма и, по пробужденіи, помнятъ и разсказываютъ то, чтѣ видѣли во снѣ. Часто случается, что нервн-

ческія и впечатлительныя женщины, наслушавшись съ дѣтства разсказовъ о видѣніяхъ другихъ обмираюкъ, заранее увѣрены, что и онѣ увидятъ то же самое, если прійдутъ въ такое состояніе, и послѣ перваго случившагося съ ними обморока или онѣмѣнія, повторяютъ преждеслышанные разказы, нѣсколько—измѣняемые силою собственнаго вымысла, и, увлекаемая воображеніемъ, простодушно вѣрятъ въ дѣйствительность своихъ видѣній, не думая обманывать другихъ и не сознавая собственнаго самообмана. Другія же лгутъ умышленно и обманываютъ окружающихъ, съ цѣлью прослыть въ околоткѣ за таинственныхъ пестолковательницъ будущей жизни и приобрѣтать выгоды: суевѣрные поселяне и поселянки приносятъ имъ подарки, желая узнать о судьбѣ умершихъ своихъ родственниковъ на томъ свѣтѣ. Чтобъ дать понятіе о видѣніяхъ южнорусскихъ обмираюкъ, приведемъ здѣсь мѣсто изъ разказа старухи Дубинихи, передаваемого г. Кулишомъ поюжнорусски :

«Мы идемъ (на тотъ свѣтъ) и вотъ передъ нами между двумя дубами въ пламени горитъ человекъ и кричитъ: о горе! укройте меня, замерзну! Укройте жъ меня, замерзну! Дѣдъ говоритъ мнѣ: этотъ человекъ не пустилъ къ себѣ въ избу прохожаго, который просился къ нему ночью. На дворѣ была мятель и вьюга: прохожій замерзъ подъ шатнемъ. За-то человекъ этотъ горитъ въ пламени, а ему кажется, будто ему холодно и терпится онъ точно такую муку, какую терпѣлъ прохожій отъ морозу.

«Мы идемъ далѣе, и вотъ лежитъ человекъ близъ ручья; ручей течетъ ему черезъ ротъ, а онъ кричитъ: горе! дайте напиться! горе! дайте напиться! Дѣдъ говоритъ мнѣ: «онъ не далъ человеку напиться воды во время жатвы. Онъ жалъ хлѣбъ на нивѣ: вдругъ по дорогѣ идетъ старецъ. Зной былъ великъ; тогда была спасовка. «О добрый человекъ», сказалъ старецъ, «дай, Христа-ради, напиться воды!» А тотъ отвѣчалъ ему: «Развѣ я для тебя привезъ ее? Вылью на ниву, а не дамъ такому дармоѣду, какъ ты!» За-то теперь ручей течетъ ему черезъ ротъ, а онъ проситъ пить; вѣчно будетъ ему такъ жарко и тяжело, какъ было тому старцу, который шелъ дорогою!»

Еслибъ, вмѣсто Дубинихи, разсказывалъ подобныя вещи кто-нибудь другой, котораго можно было бы подозрѣвать въ знакомствѣ съ поэтическими твореніями, кто бы повѣрилъ, что эти разказы не сочинены подъ вліяніемъ «Божественной комедіи» Данте или греческихъ мифовъ?

Южнорусское правописаніе до-сихъ-поръ составляло запутанный вопросъ. Кажень преткновенія составляла преимущественно буква и. Въ южнорусскомъ языкѣ существуетъ два и: одно твердое, другое мягкое. Первое употребляется тамъ, гдѣ русскія буквы и и ѣ, второе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ коренныя буквы о, е и ѣ измѣняются въ южнорусскомъ нарѣчій въ мягкое и, и тамъ, гдѣ въ великорусскомъ нарѣчій употребляется буква ѣ. Одни писали, желая сохраить этимологическое значеніе словъ и употребляли облеченное удареніе (accent circonflexe)

надъ буквами *о*, *е* и *ы* тамъ, гдѣ онѣ измѣняются въ мягкое *и*, и удерживали въ письмѣ буквы *ь* и *ы*; другіе видоизмѣняли это правописание, приближаясь болѣе къ выговору, третьи, наконецъ, думали держаться выговора. Большая часть послѣднихъ твердое *и* выражала буквою *ы*, по не достигала цѣли, потому—что южнорусское твердое *и* нѣсколько отличается въ выговорѣ отъ великорусскаго *ы*. Г. Кулишъ взялъ въ основу своего правописанія выдуманное нѣкогда Павловскимъ, въ его «Грамматикѣ малороссійскаго нарѣчія». Твердое *и* и *ы* выражается буквою *и*, мягкое *и* буквою *і*; *е* слѣдуетъ произносить какъ латинское *e*, согласную *z* какъ латинское *h*; въ тѣхъ же немногихъ случаяхъ, гдѣ употребляется звукъ буквы *g* или великорусскаго *г*, г. Кулишъ выражаетъ его латинскимъ *g*. Что касается тѣхъ случаевъ, гдѣ въ южнорусскомъ нарѣчій употребляется звукъ буквы *e*, похожій на великорусскій, то—естъ мягкій, г. Кулишъ выражаетъ его изобрѣтенною въ Галиціи буквою *є*.

Для незнакомыхъ съ южнорусскимъ языкомъ г. Кулишъ почти вездѣ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, почтаемыхъ имъ неудобопереводимыми, приложилъ внизу текста переводъ, а для желающихъ познакомиться съ самымъ южнорусскимъ текстомъ, поставилъ вездѣ ударенія для правильнаго произношенія словъ.

И. Жестенаровъ.

Ученыя Записки Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Книга III. Санктпетербургъ. 1857. LXXXVI, 150; 300; 230 стр.

Третій огромный томъ этого полезнаго изданія заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) новое изданіе грамматики Ломоносова 1755 г., въ воспоминаніе ея столѣтія; 2) «Обзоръ русской духовной литературы 862—1720 г.», пр. *Филарета*; 3) «О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ», г. *М. Сухомятина*.

Мысль о столѣтнемъ юбилей грамматики Ломоносова въ первый разъ была выражена г. *Давыдовымъ*, предѣдательствующимъ во Второмъ Отдѣленіи Академіи, въ апрѣлѣ 1855 года; г. Давыдовъ предложилъ ознаменовать юбилей какимъ—либо особымъ ученымъ трудомъ (см. Протоколы, въ «Извѣст.» 1855, стр. 196). Въ засѣданіи 7-го мая г. Давыдовъ предложилъ приготовить новое изданіе грамматики. Г. Директоръ Публичной Библіотеки препроводилъ въ Отдѣленіе важныя дополненія и исправленія къ списку грамматикъ славянскихъ и русскихъ и къ списку русскихъ грамматикъ на иностранныхъ языкахъ, которыя были составлены при Отдѣленіи, но были значительно—неполны (тамъ же, стр. 401).

Отдѣльные оттиски новаго изданія вышли гораздо—ранѣе настоящаго тома «Ученыхъ Записокъ»; но, къ—сожалѣнію, все—таки не успѣли къ

железному сроку. Посторонніе ученые, приглашенные Отдѣленіемъ, какъ видно, не участвовали въ его трудѣ.

Любопытно въ библиографическомъ отношеніи, что первое изданіе грамматикъ Ломоносова, вышедшее въ Петербургѣ 1755 года, въ одномъ году явилось въ четырехъ разныхъ видахъ, которые хотя и мало отличаются одинъ отъ другаго, тѣмъ не менѣе могутъ считаться отдѣльными изданіями. Въ новомъ изданіи грамматикъ предшествуетъ предисловіе, написанное г. Давыдовымъ. Сначала авторъ характеризуетъ составъ русскаго языка, слѣдуя тому мнѣнію, какое утверждено Отдѣленіемъ въ предисловіи къ извѣстному словарю, и потомъ вкратцѣ излагаетъ исторію русскихъ грамматикъ до и послѣ Ломоносова и подробно разсматриваетъ трудъ послѣдняго. Къ предисловію прибавлены списки русскихъ грамматикъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, исправленные, какъ выше упомянуто, и поэтому, вѣроятно, полные, на сколько то возможно. Самая грамматика перепечатана буквально съ перваго изданія, подъ наблюденіемъ г. Дубровскаго.

Переходимъ къ замѣчательнѣйшей статьѣ третьяго тома «Ученыхъ Записокъ», именно къ новому сочиненію преосвященнаго Филарета, автора извѣстной исторіи русской церкви. «Обзоръ русской духовной литературы 862—1720 г.»—чрезвычайно-полезное приобрѣтеніе нашей ученой литературы, давно-нуждавшейся въ подобномъ трудѣ. Первымъ опытомъ такого общаго литературнаго обозрѣнія для старой духовной словесности былъ извѣстный «Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви», второе изданіе котораго сдѣлано было въ 1827 году. Книга митрополита Евгенія по объему довольно-велика, но количество разсмотрѣнныхъ древнихъ писателей далеко не такъ значительно, какъ въ новомъ сочиненіи преосвященнаго Филарета: дѣло въ томъ, что митрополитъ Евгеній помѣщалъ въ словарь обширныя біографіи замѣчательныхъ писателей (напримѣръ, статьи о Несторѣ, митрополитѣ Макаріи, Максимѣ Грекѣ, Лихудѣхъ, Стефанѣ Яворскомъ и др.) и говорилъ также о писателяхъ новаго времени, но древній періодъ нашей письменности разобрать весьма-недостаточно, по недостаточности тогдашнихъ средствъ. Въ 1834 году, изъ матеріаловъ, собранныхъ въ археографическомъ путешествіи по Россіи, г. Строевъ составилъ «Указаніе» памятникоевъ древней литературы, помѣщенное въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1834, № 2-й. Съ-тѣхъ-поръ не было уже ни одного общаго сочиненія въ этомъ родѣ, но въ-замѣнъ того частныя изслѣдованія приняла очень-обширныя размѣры и привели въ извѣстность множество памятниковъ, прежде или вовсе-неизвѣстныхъ или знакомыхъ только по заглавіямъ. Библиографическія описанія богатыхъ рукописныхъ и старопечатныхъ собраній, преимущественно «Описаніе Румянцовскаго Музея», Описаніе рукописей Царскаго, Библиографія Сахарова, разсмѣсканія объ отдѣльныхъ писателяхъ и сочиненіяхъ, труды Востокова, Строева,

Горькаго, Срезневскаго, Бодянскаго, Кубарева, Ундольскаго, придали совершенно-ной видъ этой литературѣ и такъ распространили ея объемъ, что въ настоящее время становилось необходимымъ сочиненіе, гдѣ бы указаны или собраны были результаты новѣйшихъ изысканій. Преосвященный Филаретъ рѣшился теперь представить хронологическій обзоръ древней русской письменности, обращая главное вниманіе на духовный самостоятельный отдѣлъ ея. Онъ не исключилъ изъ программы своей и переводы, но упоминаетъ только немногіе; точно также изъ писателей старославянскихъ входятъ только тѣ, которые имѣли тѣснѣйшее отношеніе къ нашей письменности, какъ Меодій и Кирилъ и ихъ ученики. «Русская литература (говоритъ авторъ) до новыхъ времекъ, до 1720 года, была вся, или почти вся, литературою духовною. Только въ новыя времена о духовныхъ предметахъ стали писать преимуществу лица духовнаго званія. Въ старыя времена русскій народъ жилъ, или, по-крайней-мѣрѣ, думалъ жить преимущественно живію религіозною. Потому и тѣ, которые писали тогда, писали въ религіозномъ духѣ. Изъ круга духовной литературы остается удалить развѣ тѣ письменныя произведенія древняго времени, въ которыя заключались уставы для временнаго житейскаго быта — договоры гражданскіе, грамоты, купчія, мѣновыя, подрядныя, поручныя, таможенныя, судныя, жалованныя. Да и тѣ иногда писаны бывали въ духѣ глубокаго благочестія и съ свѣтлыми мыслями о значеніи человека; почему не спаче, какъ съ осмотрительностью, должны быть исключаемы изъ круга духовной литературы. Такъ предметъ обзора нашего самъ-по-себѣ очень обширенъ. Потому думаемъ, что немало будетъ сдѣлано, если а) о личности писателя сказано будетъ необходимое, а именно только нужное для знакомства съ нимъ, какъ съ писателемъ; б) если сочиненія его перечислены будутъ отчетливо и съ возможною полнотою, а болѣе прочіихъ важныя осмотрѣны будутъ по ихъ содержанію». Такимъ-образомъ цѣль сочиненія именно такова, о какой мы говорили выше — рассмотреть древнюю литературу почти во всемъ ея объемѣ, на сколько она теперь изслѣдована.

Планъ сочиненія хронологическій; авторъ дѣлитъ исторію письменности на нѣсколько періодовъ, сообразно тому дѣленію, которое принято имъ въ исторіи церкви, именно періодъ до-монгольскій 862—1239 г.; второй періодъ до 1410 г.; третій до патриаршества, 1588 г.; четвертый до учрежденія Синода, 1720 г., гдѣ отдѣльно рассматриваются писатели юго-западные и писатели сѣверные. Въ отдѣльныхъ статьяхъ указаны составители житій, путешествій, писатели раскольниковъ, такъ-что отчасти «Обзоръ» имѣетъ и систематическое распределеніе.

Подобныя сочиненія очень-рѣдко могутъ похвалиться совершенной полнотою и законченностью, потому-что требуютъ большаго, почти-железическаго труда при собираніи разбросанной литературы предмета, притомъ весьма-легко дѣлать недосмотры и пропуски; очень-есте-

ственно, что для многихъ «Обзоръ» преосвященнаго Филарета покажется весьма-недостаточнымъ. Онъ кажется такимъ и для насъ, и мы приведемъ дальше многое, упущенное изъ вида авторомъ; но прежде всего замѣтимъ, что сочиненіе это имѣетъ и положительныя достоинства, обыкновенно ускользающія отъ слишкомъ-требовательныхъ критиковъ. Авторъ не былъ простымъ собирателемъ того, что было уже сдѣлано другими, и нерѣдко приводитъ новые факты, полученные изъ самостоятельнаго знакомства съ рукописями. Большая половина сочиненія занята, однако, тѣмъ, что было объяснено или извѣстно прежде, и здѣсь мы желали бы видѣть болѣе полноты и точности: эти качества необходимы въ сочиненіи, которое должно служить указателемъ матеріаловъ. Въ этомъ отношеніи «Обзоръ» часто не удовлетворяетъ читателя: называя писателей и памятники, онъ не указываетъ иногда необходимѣйшихъ свѣдѣній, напримѣръ, изданій писателя, особенно изслѣдованій о немъ. Такъ, говоря о «Словѣ христолюбца», слѣдовало отмѣтить румянцовскій списокъ, изъ котораго въ первый разъ стало извѣстно это замѣчательное сочиненіе; говоря о Лихудахъ, нужно было указать статью Смѣловаго и изложеніе біографіи Лихудовъ въ «Исторіи Московской Духовной Академіи» г. Смирнова; о Палладіи Роговскомъ — статью Надеждина; о Вассіанѣ Рыль — г. Сухомлинова, и т. д. Читателямъ подобныхъ трудовъ всегда важно знать источники излагаемыхъ свѣдѣній; это не конверсационно-лексиконъ, гдѣ довольно какихъ-нибудь общихъ мѣстъ, а справочная книга и для специалистовъ, гдѣ нужно отчетливое указаніе матеріала.

Неполноту легко замѣтить и въ самомъ составѣ «Обзора», то-есть въ исчисленіи писателей и безыменныхъ сочиненій; «Обзоръ» забываетъ упоминать очень много вещей, которыя уже давно названы у нашихъ изслѣдователей, забываетъ упоминать писателей, помѣщенныхъ даже въ Евгеніевомъ «Словарѣ», о которомъ авторъ «Обзора» отозвался однако какъ о трудѣ, почти бесполезномъ въ наше время. Объемъ нашей статьи не позволяетъ намъ представить всѣхъ дополненій къ труду преосвященнаго Филарета, которыя притомъ потребовали бы довольно-продолжительной работы, и мы ограничимся нѣсколькими случаями, чтобы подтвердить свое заключеніе о необходимости сдѣлать въ немъ значительныя исправленія и прибавки.

Остановимся сперва на средней эпохѣ нашей старинной письменности; о перечетѣ древнихъ памятниковъ, скажемъ только, что авторъ не упомянулъ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ рукописей, которыя, однако, стоило назвать, напримѣръ, отрывки изъ житій св. Феоклы и св. Кадрата, отнесенные нѣкоторыми учеными къ X-му вѣку, и др.

Авторъ не говоритъ о переводѣ *Евхологона*, сдѣланномъ въ 1329 году при Калитѣ и митрополитѣ Θεогностѣ грекѣ, о чемъ упоминаетъ ужь Карамзинъ въ четвертомъ томѣ исторіи (пр. 321). Переводъ былъ сдѣланъ по рукописи, вывезенной Θεогностомъ, и потомъ слычатъ этииъ

последнимъ съ подлинникомъ. О другихъ трудахъ Θεοφιоста, также не упомянутыхъ «Обзоровъ», говоритъ однако митрополитъ Евгеній въ «Словарѣ».

Авторъ называетъ Іоанна, незамѣчательнаго мниха Аѳонской Горы, и не говоритъ о болѣе пзвѣстныхъ лицахъ XIV-го столѣтія; напримѣръ, въ числѣ переводчиковъ Діонисія Ареопагита забываетъ важнѣйшаго, именно *Исаію*, аѳонскаго монаха, совершившаго свой трудъ въ 1371 году. Исаія также упомянуть въ «Словарѣ» Евгенія; списокъ его перевода, изъ XV-го столѣтія, находится въ румянцовскомъ собраніи. Быть-можетъ, что Киприановъ автографъ перевода, называемый преосвященнымъ Фларетомъ, былъ просто собственноручнымъ его спискомъ съ перевода Исаіи мниха; митрополитъ Евгеній ничего не говоритъ о такомъ трудѣ Киприана.

Къ стр. 75-й замѣтимъ, что *Стефанъ* Пермскій послужилъ предметомъ особеннаго изслѣдованія г. С. М., вышедшаго недавно въ Петербургъ.

Въ Новгородской третьей лѣтописи подь 6947 годомъ приводится «Сказаніе и видѣніе софійскаго пономаря *Аарона*», при архіепископѣ новгородскомъ Евеніи Вяжицкомъ.

Говоря объ *Іосифѣ* Волоцкомъ, авторъ сожалѣетъ, что его «Просвѣтитель» доселѣ остается въ рукописи; между-тѣмъ мы имѣемъ его изданіе въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1856 года, журналѣ, издаваемомъ при Казанской Духовной Академіи.

Во второй новгородской лѣтописи подь 7060 годомъ помѣщена богомольная грамота, по случаю мора, архіепископа новгородскаго *Серапіона*, также прощѣннаго въ «Обзорѣ».

По «Указанію» Строева (стр. 170), митрополитъ *Іоасафъ* перевелъ въ Москвѣ въ 1561 году «Чинъ о вѣчаніи царскомъ», привезенный имъ отъ патріарха константинопольскаго съ грамотою, утверждающею царскій титулъ Івана Васильевича.

Противъ «Словаря» митрополита Евгенія въ «Обзорѣ» недостаетъ также: *Ам.мона* инока, сочинившаго канонъ преподобному Іосифу Волоцкому, списокъ котораго находится въ Новгородской Софійской Библиотецѣ, и *Заклея*, который жилъ до XVI-го столѣтія и перевелъ съ греческаго словеса постычскія Исаака Сприна, которыхъ списокъ есть въ библиотекѣ Волоколамскаго Монастыря.

Отдѣлъ житій столько же неполнош; въ «Обзорѣ» пропущено много статей этого рода, упомянутыхъ въ печатныхъ описаніяхъ разныхъ собраній, напримѣръ, Толстовскаго, Царскаго, Румянцова. Не названы, напримѣръ, слѣдующія статьи:

«Память преподобнаго отца нашего *Авраамія*», архимандрита Бого-явленскаго Монастыря, въ толстовской рукописи 1,292.

Житія св. *Аванасія* серпуховскаго и *Софіи*, княгини суздальской, принадлежащія къ половинѣ XVII-го столѣтія.

Викентію архимандриту Строевъ приписываетъ передѣлку житія *Александра* Невскаго, составленную въ 1672 году.

Житіе князя *Всеволода-Гавріила*, псковскаго чудотворца.

«Повѣсть о блаженномъ старцѣ *Германѣ*», спостникѣ *Зосимы* и *Савватія* соловецкихъ.

Житіе *Ефрема* новоторжскаго, писанное невзвѣстно кѣмъ, съ похвальнымъ словомъ и десятью чудесами, въ библіотекѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, № 44.

«Слово на преставленіе св. отца нашего *Инатія*, епископа ростовскаго чудотворца, въ той же библіотекѣ № 196. (Оп. Рум. Муз. стр. 676).

Житіе св. *Иукиандра* псковскаго, составленное въ 1665 году

Житіе преподобнаго *Никона* радопежскаго, ученика преподобнаго *Сергія*.

«Житіе св. и праведнаго князя *Федора Ростиславича* смоленскаго и ярославскаго чудотворца» и пр. и пр.

Этотъ списокъ можетъ быть увеличенъ множествомъ другихъ житій и историческихъ сказаній, извѣстныхъ и по печатнымъ описаніямъ рукописей; сочинителю «Обзора» необходимо нужно было пересмотрѣть эти послѣдніе со всею точностью, если онъ хотѣлъ составить полное исчисленіе памятниковъ; онъ повидному не сдѣлалъ этого и собиралъ случайно—встрѣчавшіяся указанія.

Въ изложеніи путешествій и сочлененій географическихъ, неполнота «Обзора» обнаруживается еще виднѣе, потому-что самый отдѣлъ путешествій очень невеликъ въ старой нашей литературѣ, и слѣдовательно можетъ быть собранъ легче. Замѣтимъ слѣдующіе факты, которые не вошли въ сочиненіе преосвященнаго *Филарета*, но стояли того, чтобъ быть упомянутыми.

Къ тому, что сказано о *Богданѣ Лыковѣ* (стр. 219), прибавимъ, что это былъ переводчикъ посольскаго приказа, который перевелъ Космографію Меркатора, по приказанію царя *Михаила Оедоровича*; но указаніе митрополита *Евгенія* относится къ 1637, а не къ 1633 году, означенному въ «Обзорѣ».

Въ числѣ другихъ переводовъ пропущены: во первыхъ, переводъ польской космографіи *Мартіана Бельскаго*, сдѣланный литовскимъ шляхтичемъ *Амброзіемъ Брежевскимъ*, въ 1584 году—переводъ находится въ толстовской рукописи 1205; во вторыхъ, переводное путешествіе ко святымъ мѣстамъ князя *Николая Радзивила*. Въ польскомъ подлинникѣ его «*Peregrinacya albo pielgrzymowanie do ziemi świętey*» вышла въ 1607 году въ Краковѣ; русскій переводъ XVII-го столѣтія находится въ нѣсколькихъ рукописяхъ Публичной Библіотеки, напримѣръ, толстовскихъ 2,117 и 247 и Публ. Библ. отд. IV. Q. № 49. Въ 1787 году это путешествіе было издано на русскомъ языкѣ въ Петербургѣ.

О *Петлинь* (стр. 219) замѣтимъ, что его описаніе земель пограничныхъ съ Китаемъ находится въ румянцовскомъ хронографѣ № 436 и въ рукописи Публичной Библіотеки отд. XVII. F. № 15, лст. 364—371; въ послѣдней съ такимъ заглавіемъ: «Ивана Петлиня роспись Китайскому Государству и по Обнискому и инымъ государствамъ жилымъ и кочевнымъ улусамъ и великой Обѣ рѣки и дорогамъ».

Совершенно забыты авторомъ «Обзора» слѣдующіе путешественники:

Александръ, дьякъ, авторъ путешествія въ Царьградъ въ концѣ XIV-го столѣтія, о чемъ см. Сахарова, Сказанія II, 8, стр. 71.

Федотъ Аонасьевичъ *Котовъ*, авторъ любопытѣйшаго описанія Персіи, въ 1623—1624 годахъ, и одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ путешественниковъ стараго времени; записки его изданы въ пятнадцатомъ томѣ «Временника» Московскаго Общества.

Должно было сказать и объ *Александрѣ Іевлевѣ*, дьякѣ, бывшемъ спутникомъ боярина Икцифора Толочаннинова и вѣроятномъ составителѣ путешествія въ Имеретію, въ 1650 году.

Иванъ *Петровъ* и Бурнашъ *Ялычевъ*, составившіе «сказку» о томъ, какъ они были посланы въ Китай въ 1637 году.

Петръ *Годуновъ*, въ 1669 году, сочинилъ вѣдомость о китайской землѣ и о глубокой Индіи, какъ указываетъ Строевъ и за нимъ повторяетъ Снегиревъ (въ «Словарѣ» стр. 367).

Карпъ *Аникеевъ*, котораго Сахаровъ неправильно называетъ Алексѣевымъ, составилъ описаніе Волги въ 1672 году (см. толстовскую рукопись 2,287).

Въ Публичной Библіотекѣ, въ рукописи XVII-го вѣка, погодинскаго собранія № 1543, находится путешествіе въ Іерусалимъ старца *Леонтія*. Тамъ же въ № 1538 путешествіе неизвѣстнаго въ Іерусалимъ, XVII-го столѣтія, и въ № 1542 путешествіе въ Іерусалимъ калужскаго жителя, также въ XVII-мъ вѣкѣ.

Слѣдовало упомянуть и о тѣхъ сказаніяхъ, которыя приносины были многими посланцами нашими изъ чужихъ краевъ, потому—что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ очень—близкую связь съ литературой чисто—духовной. Такова, напримѣръ, «Повѣсть о храмѣ св. Богородицы, въ немъ же родися отъ Аѳима и Анны», которая принесена была въ 1528 году, бывшимъ въ Римѣ посломъ Ереміемъ *Трусовымъ*. Списокъ этой статьи находится въ толстовскомъ сборникѣ XVI-го вѣка 2,68 и въ другихъ рукописяхъ Толстова и Царскаго. Сюда принадлежитъ и весьма распространенная въ старинной публнкѣ статья «изъ кызылбашскихъ отписокъ государевыхъ посланниковъ Василья Коробьина да дьяка Остаѣя Кувшинова и изъ роспросу іерусалимскаго келаря Іаникей», статья, заключающая въ себѣ одно апокрифическое преданіе, которое было принесено къ намъ въ 1624 году.

Объ *Андрѣ Лызовѣ* (стр. 255 «Обзора») замѣтимъ, что нѣко-

торыя приписываютъ ему переводъ польскаго «Описанія двора турецкаго султана», извѣстный по рукописямъ XVII-го столѣтія; но, судя по тому, что сочиненіе это было вывезено изъ Польши дякомъ Григоріемъ Кунаковымъ еще въ 1649 году (ср. Толст. сборн. 2, 121), можно думать, что переводъ былъ сдѣланъ раньше Лызлова.

Сочиненія апокрифическія пересчитаны въ «Обзорѣ» слишкомъ—коротко и заслуживали бы описанія болѣе—обстоятельнаго. Литература апокрифовъ до—сихъ—поръ не оцѣнена хорошенько нашими учеными; самыя сочиненія, входящія въ составъ ея, никѣмъ еще не указаны вполне и не объяснены въ—отношеніи ихъ источника и мѣста, занимаемаго ими въ нашей древней письменности. Апокрифы явились у насъ вмѣстѣ съ множествомъ другихъ переводовъ изъ литературы византійской, посредствомъ южно—славянскихъ памятниковъ. Въ настоящее время намъ извѣстны рукописи XIII—XIV вѣка, заключающія въ себѣ книги и статьи апокрифическаго характера; но Шафарикъ думаетъ, что многія изъ нихъ должны принадлежать болѣе древней эпохѣ, XI—XII-му столѣтію и далѣе, временамъ Богумила и Іеремія, поца болгарскаго (*Kurze Uebers. der ält. Kirchen-slaw. Liter., S. 24*). Къ числу этихъ древнѣйшихъ памятниковъ относятъ онъ Чаровникъ, Громникъ, Молніянникъ, Коledникъ, Волховникъ, Звѣздочтецъ и другія книги, извѣстныя намъ по указаніямъ статьи «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ». Впослѣдствіи къ намъ продолжали въ огромномъ количествѣ переходить разныя апокрифическія и подложныя сочиненія (*spuria*), такъ—что нѣсколько примѣровъ подобнаго рода можно указать не только въ XVII-мъ, но и въ XVIII-мъ столѣтіи. Пресвященный Филаретъ указываетъ только немногія произведенія этого рода и не говоритъ вовсе о многихъ любопытныхъ памятникахъ нашей апокрифической литературы; повидимому, онъ и не придаетъ имъ никакой особенной важности. Что касается статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, находящейся въ молитвенникѣ митрополита Кипріяна, Востоковъ дѣлалъ предположеніе, не сочинена ли она Кипріяномъ въ тѣхъ частяхъ, которыя относятся до славянскихъ суевѣрій, остальное же принималъ за переводъ съ греческаго. Сочинитель «Обзора» не выражаетъ опредѣленнаго мнѣнія объ этомъ предметѣ, изслѣдованіе котораго было бы очень—любопытно. Перечеть древнихъ апокрифическихъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета, составляющій одну изъ главныхъ частей статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, безъ всякаго сомнѣнія, переведенъ съ греческаго; въ томъ же видѣ онъ находится въ Коричиль отдѣльно; но до какой степени соответствовалъ онъ дѣйствительному содержанию старославянской литературы апокрифовъ и когда составился дополненія о книгахъ и суевѣріяхъ собственно—славянскихъ и русскихъ—не опредѣлено до—сихъ—поръ и приблизительно. Одну изъ этихъ задачъ, именно сличеніе статьи съ количествомъ нашихъ переводныхъ апокрифовъ, можно было бы исполнить и по извѣстнымъ числѣмъ памятникамъ; но авторъ «Обзора» не взялъ на себя этого труда.

Параграфъ, посвященный имъ апокрифамъ, можетъ быть дополненъ множествомъ другихъ свидѣтельствъ; приводимъ нѣкоторыя пропущенныя сочиненія, отчасти ненаходящіяся и въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ.

Въ рукописяхъ перѣдко встрѣчаются статьи объ Адамѣ, Лотѣ, Мельхиседекѣ и другихъ лицахъ ветхозавѣтной исторіи, заимствованныя изъ разныхъ апокрифическихъ книгъ.

Отрывки изъ «первоевангелія» Іакова разсыяны въ разныхъ рукописяхъ XV—XVII столѣтій; нѣкоторыя изъ подобныхъ извлеченій указаны Востоковымъ въ описаніи румянцовскихъ рукописей.

Посланіе Пилата къ Тиверію «о содѣянныхъ отъ Господа» находится въ Румянцовскомъ сборникѣ XV—XVI столѣтія № 358, и другой переводъ того же произведенія въ сборникѣ № 367.

О пришествіи къ Тиверію кесарю Марыи и Маріи и пр., статья апокрифическая, приписываемая Іоанну Златоусту, въ рукописяхъ Царскаго № 410, 428.

Апокрифическое письмо Лентуза въ римскій Сенатъ, «объ образѣ Господа нашего І. Хр.» въ библіотекѣ Московскаго Общества № 212.

Никодимово Евангеліе, въ спискѣ XVII-го вѣка, въ погоднической рукописи № 1919.

Громникъ или Громовникъ, упомянутый въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, находится въ Вѣнской Императорской Библіотекѣ, въ сербскомъ спискѣ XVI-го столѣтія (Строевъ, Оп. Пам. стр. 125).

Сочинитель «Обзора» забылъ упомянуть другую замѣчательную статью, гдѣ пересчитываются ложныя книги, именно статью Стоглава. Сильвестръ въ «Домостроѣ» говоритъ о грѣхахъ и суевѣріяхъ, которыхъ должны убѣгать благочестивые христіане и также упоминаетъ между суевѣрными предметами—рафли и алманахи. Рафли съ нѣкоторыми другими книгами приводятся и въ Стоглавѣ и въ одной грамотѣ 1626 года объясняются, какъ «тетради гадальныя»; алманахи, противъ которыхъ вооружался въ свое время и Максимъ грекъ, означаютъ, безъ сомнѣнія, тѣ же астрологическія и предвѣщательныя альманахи, которые въ то самое время имѣли огромный успѣхъ въ Западной Европѣ, вполне вѣрившей въ возможность угадывать по этимъ книгамъ будущее. Въ нашихъ старыхъ рукописяхъ и теперь сохранились прогностики, примѣты и пр., вѣроятно, составлявшіе часть альманаховъ и имѣвшіе авторитетъ для своихъ читателей.

Книги, запрещаемыя Стоглавомъ и Домостроемъ, не принадлежать къ разряду апокрифическихъ, но для строгихъ блюстителей благочестія казались одинаково-ложными и достойными порицанія. Если Сильвестръ и составитель Стоглава нашли нужнымъ обратитъ противъ нихъ такую сильную полемику, то нѣтъ сомнѣнія, что эти книги занимали важное мѣсто въ тогдашнемъ популярномъ чтеніи. Изъ этого видно, почему

онѣ заслуживаютъ внимательнаго разбора. То же надобно сказать и о книгахъ собственно апокрифическихъ; «толстые сельскіе сборники», на которые нападаетъ статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, постоянно наполнялись подобными произведеніями, представлявшими чтеніе очень-занимательное и соответствовавшее неразвитымъ понятіямъ огромнаго большинства. Переходя въ спискахъ отъ одного поколѣнія читателей къ другому, древніе атскрифы достигли отчасти и нашего времени, преимущественно въ словѣ народа, прямо происходящемъ отъ тѣхъ старинныхъ читателей, которые любили «толстые сборники» и «помоканунцы». Изложеніе и языкъ мало-по-малу измѣнялись и такимъ образомъ составились новыя произведенія, которыя и теперь читаются и переписываются... Такъ-какъ содержаніе подобныхъ вещей достаточно удовлетворяло вкусамъ читателей и ихъ фантастическимъ представленіямъ, то отдѣльные эпизоды древнихъ памятниковъ перешли и въ народную словесность: они сроднились съ народными легендами и преданіями и одѣлись въ ихъ поэтическую форму.

Въ числѣ другихъ подложныхъ сочиненій, упомянутыхъ въ той же статьѣ, многія также извѣстны у насъ въ спискахъ довольно-отдаленнаго времени. Такъ житіе мученика Никиты находится въ румянцовскомъ Торжественникѣ XVI вѣка № 436 (ср. Восток., стр. 693); въ той же рукописи помѣщено лжесоставленное житіе Θεодора Тирона. Такое же житіе Григорія, папы римскаго, переведено было въ XVII-мъ столѣтіи вмѣстѣ съ «Римскими Дѣянїями», но въ другой редакціи было извѣстно гораздо-раньше, п. т. д.

Въ отдѣлѣ раскольниковыхъ сочиненій пресев. Филаретъ также не весьма-подробно указываетъ принадлежащія къ нему памятники, которые, однако, немаловажны для внутренней исторіи нашего XVI—XVII вѣка. Здѣсь опять недостаетъ нѣсколькихъ писателей и сочиненій, напримѣръ:

Строевъ упоминаетъ *Александра*, епископа вятскаго, умершаго въ 1679 году и составившаго «вопросы», которые относятся къ старовѣрческой полемикѣ того времени. Это, безъ-сомнѣнія, тотъ же Александръ, который вмѣстѣ съ другими подавалъ въ 1662 году прошеніе Алексѣю Михайловичу противъ клятвы, возложенной патріархомъ Никономъ на Пятирима.

Въ числѣ раскольниковыхъ сочиненій, направленныхъ противъ этого патріарха, упоминается *Савватія*, соловецкая челобитная.

Объ *Аввакумѣ* и его мнѣніяхъ авторъ могъ бы многое извлечь изъ «Розыска о раскольниковѣй брянской вѣрѣ», Дмитрія Ростовскаго, гдѣ помѣщены и отрывки изъ писаній Аввакума.

Въ погодинскомъ собраніи Публичной Библіотеки, въ рукописи № 1730 находится раскольниковѣе сочиненіе о стрѣльцкомъ бунтѣ.

Въ толстовскомъ сборникѣ XVII-го столѣтія 2, 353 между прочими статьями «собраніе отъ божественнаго писанія о тайнѣй аллилуйи» и проч.

Въ сборникѣ XVII-го вѣка той же бібліотеки 2, 386 помѣщена соловецкая челобитная о старомъ пѣніи, посланная къ царю въ 1661 году съ старцемъ Кириломъ, и другія раскольниковыя сочиненія.

Тамъ же, въ рукописи начала XVIII-го вѣка 3, 13 находится «Книга, глаголемая Сборъ церковный» на 416 листахъ, также направленная противъ Пикона. Есть, наконецъ, очень-много другихъ раскольниковыхъ сочиненій того же періода, которыя еще не были названы печатно и существуютъ у специалистовъ этого дѣла.

Переходимъ къ писателямъ XVII-го столѣтія. Здѣсь опять значительное количество недосмотровъ или недостатковъ указаній. При Аврааміи *Палицынѣ*, напримѣръ (стр. 216), слѣдовало упомянуть, что его пристрастный рассказъ объ осадѣ Троицкой Лавры значительно исправляется другими, болѣе-достоверными извѣстіями. *Гозвинскому* (стр. 219) вовсе не принадлежитъ біографія Езона; она просто переведена имъ съ греческаго. Перечеть изданій *Бурцова* (стр. 221) сдѣланъ, безъ-сомнѣнія, по чужимъ указаніямъ и потому не вездѣ вѣренъ; напримѣръ, «Потребникъ» отмѣченъ 1640 годомъ, а у другихъ онъ отмѣчается 1641—1642. Къ тому, что сказано объ архіепископѣ астраханскомъ *Пахоміи* (стр. 229) прибавимъ, что тому же лицу, вѣроятно, принадлежитъ хронографъ съ этимъ именемъ, находящійся въ Публичной Библіотекѣ, въ отд. IV, F, № 251; русскія событія описаны здѣсь до 1649 года, въ которомъ составлена и астраханская лѣтопись Пахомія, упомянутая въ «Обзорѣ». Георгій *Крыжанничъ* (стр. 239) извѣстенъ былъ также просто подъ именемъ Юрія Сербина; въ «Словарѣ» митр. Евгенія, дополненномъ Снегиревымъ, онъ названъ Бѣлкимъ и сказано, что сочиненія его хранятся въ Московской Патріаршей Библіотекѣ; откуда эта разица именъ? О *Лихудахъ* (стр. 251) замѣтимъ, что исправленный ими переводъ литургіи св. Іакова находится въ толстовской рукописи 2,135; надобно замѣтить также относящееся къ нимъ сочиненіе въ рукописи 2,253. *Каменевичъ-Рвовскій* (стр. 255) вовсе не сочинялъ повѣсти о семи мудрецахъ, какъ ошибочно замѣтилъ Калайдовичъ или Строевъ и какъ повторилъ преосв. Филаретъ. Каменевичу-Рвовскому принадлежитъ извѣстная книга «О древностяхъ Россійскаго Государства», замѣчательная, какъ сводъ баснословныхъ извѣстій о древней русской исторіи; много отрывковъ изъ нея приводитъ Карамзинъ въ примѣчаніяхъ къ своей «Исторіи»; объ этой книгѣ слѣдовало сказать нѣсколько подробнѣе. О Гавріилѣ *Домецкомъ* (стр. 261) прибавимъ, что противъ его сочиненія о книгѣ Іоакима написано слѣдующее опроверженіе: «возраженіе на живыя писанія Гаврилы Домецкаго противъ Іоакима патріарха московскаго книги, именуемой Остенъ, состроенной имъ изъ духоувѣщаній святыхъ отцевъ, въ 1668 году», въ рукописи Демидова № 624. О Каріонѣ *Истоминѣ* (стр. 263): Акакистъ его Богородицъ, писанный имъ самимъ въ 1695 году, находится въ Публичной Библіотекѣ, собранія Дубровскаго F, №

141. Въ числѣ писателей русскихъ упоминается у преосв. Филарета (стр. 190) кievскій шляхтичъ *Іоакимъ Јерличъ*, оставившій рукописныя домашнія записки, гдѣ описалъ управленіе церкви Петромъ Могилу. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь должно понимать тотъ же самый «*Latorisic Joachima Jerlicza*», который издавъ по рукописи Войццицкиъ, года четыре назадъ, и рассказываетъ о времени отъ 1620 до 1673 года. О князѣ Симеонѣ *Шаховскомъ*, упомянутомъ въ «Обзорѣ» (стр. 219), замѣтимъ, что его «Кроника» находится въ рукописи Царскаго, № 412; домашнія записки кн. Симеона Шаховскаго, см. въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1830, V, стр. 61—73.

Предоставляя другимъ исправить остальные ошибки и неполноты «Обзора», упомянемъ теперь нѣсколько писателей XVII-го столѣтія, которымъ вовсе не дано мѣста въ сочиненіи преосвященнаго Филарета.

Князь Иванъ *Хворостининъ*, который въ 1623 году сосланъ былъ за вольнодумство въ Кирилловъ Монастырь, сочинилъ, по указанію Строева, «Словеса дней и царей» — о междуцарствіи; ему же приписываетъ онъ, едва-ли правильно, «Написаніе о царѣхъ московскихъ», напечатанное въ «Русскихъ Достопамятностяхъ» съ именемъ Кубасова (сп. «Оп. Р. Муз.» стр. 27).

Аффоній, митрополитъ новгородскій, сочинилъ «Писаніе», поданное, въ 1639 году, царю Михаилу Оеодоровичу и патриарху о церковныхъ дѣлахъ.

Виталій игумень, переводчикъ «Диотры», напечатанной 1642 года; онъ приводится въ «Словарѣ» митрополита Евгенія.

Не упомянуто также «прозвитера *Андрея*, бывшаго причетника и клирика соборной церкви и апостольскія въ русскихъ странахъ преиенитаго града Москвы» похвальное слово Николаю чудотворцу, въ толстовскомъ «Сборникѣ» 2, 140.

Говоря о концѣ XVII-го вѣка, надобно было сказать о нѣкоторыхъ переводчикахъ и отчасти сочинителяхъ, приносившихъ въ свое время большую пользу. Изъ нихъ пропущены въ «Обзорѣ»: ученики Лихудовъ, *Николай Семеновъ* и *Алексѣй Кирилловъ*, переведшіе вмѣстѣ съ Поликарповымъ «Акосъ» Лихудовъ (см. Толст. 2, 86; Демидова № 617); *Федоръ Поликарповъ*, трудолюбивый переводчикъ и издатель конца XVII-го и начала XVIII-го столѣтій; *Андрей Виниусовъ*, переводчикъ Посольскаго Приказа, извѣстный многими переводами, предполагаемый составитель хронографа и во всякомъ случаѣ любопытная личность петровскаго времени.

Аванасій, монахъ XVII-го столѣтія, упомянутый и въ «Словарѣ» митрополита Евгенія, перевелъ вновь съ греческаго церемональ короновапія греческихъ царей: «Чинъ и молитва на проручество царя», списокъ котораго находится въ библиотекѣ Александрo-Невской Академіи при чиновникѣ короновапія русскихъ царей во времена патриарховъ.

Николай Дилецкій сочинилъ книгу: «Идеа грамматикѣи мусикѣиской», которой списки есть въ библиотекѣ Московскаго Общества и въ другихъ собраніяхъ. О книгѣ Дилецкаго подробнѣе сказано въ статьѣ Ундольскаго, «Москв.» 1846. 3, 162.

Питиримъ, митрополитъ новгородскій, составилъ духовную грамоту, помѣщенную въ новгородской второй лѣтописи подѣ 1672 годомъ.

Не пересчитывая множества другихъ лицъ, пропущенныхъ въ «Обзорѣ», назовемъ теперь тѣхъ, которыя упомянуты въ «Словарѣ» митрополита Евгенія. Преосвященный Филаретъ не воспользовался и этимъ сочиненіемъ, которое призналъ почти бесполезнымъ теперь; мы думаемъ, однако, что изъ него онъ могъ бы извлечь много дополненій къ своему труду. Въ «Словарѣ» приводятся, напрямѣръ:

Андрей Савиновичъ, духовникъ царя Алексѣя Михайловича; ему приписываютъ сочиненіе противъ лютеранъ.

Варлаамъ Голенковскій, авторъ «Разговора духовнаго», напечатаннаго въ 1714 году.

Досиоѣй, митрополитъ сочавскій, изъ Молдавіи, выѣхавшій въ Россію.

Иосифъ, келейникъ патріарха Іова, по словамъ Татищева описывавшій правленіе Іоанна Грознаго и дальнѣйшія событія до временъ Михаила Феодоровича.

Иосифъ, пятый патріархъ московскій, о которомъ подробно говоритъ митрополитъ Евгений и о которомъ другія свѣдѣнія авторъ «Обзора» могъ найтѣ въ «Описаніи румянцовскихъ рукописей» № 207, 208, 367.

Каллистъ, епископъ полоцкій и витебскій («Оп. Р. Муз.» стр. 560).

Луговскій, дьяконъ, по Татищеву, описавшій разныя событія царствованія Алексѣя Михайловича.

Никифоръ, архимандритъ Воскресенскаго Монастыря въ XVII-мъ столѣтіи; въ этомъ монастырѣ хранятся историческія сочиненія его о временахъ Никона патріарха.

Наконецъ, если въ «Обзорѣ» нашли себя мѣсто Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій и другіе писатели петровскаго времени, на какомъ основаніи сочинитель «Обзора» не говоритъ о Гавріилѣ Бужинскомъ и особенно Феофанѣ, не менѣе тѣсно-соединенныхъ съ этой эпохой?

Въ приводимыхъ указаніяхъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, мы пользовались тѣми общезвѣстными источниками, которые имѣли или могъ имѣть самъ авторъ «Обзора»: изъ этого читатель можетъ видѣть, что мы справедливо могли назвать трудъ его слишкомъ-неполнымъ. Мы уже говорили, что въ сочиненіяхъ подобнаго рода полнота и вѣрность свѣдѣній должна быть главнымъ качествомъ, потому-что цѣль ихъ — представить полный перечень матеріаловъ, привести ихъ въ извѣстный порядокъ и, по-возможности, не забывать даже мелкихъ подробностей; это — архивъ, который долженъ служить для справокъ и болѣе ничего. Впрочемъ, трудъ преосвященнаго Филарета является пер-

вой попыткой собрать въ одно цѣлое повѣдшія изслѣдованія о древней письменности, и къ нему нельзя прилагать слишкомъ-строгихъ требованій, потому—что въ первый разъ бываетъ весьма—трудно соединить въ памяти огромный и разбросанный матеріалъ, который покорится только усидчивому библиографическому изслѣдованію. Что касается изложенія, новый трудъ преосвященнаго Филарета отличается тою же сжатостью, какую мы привыкли видѣть и въ другихъ его сочиненіяхъ; его отзывы о писателяхъ оригинальны и иногда метки. Намъ удивило только слѣдующее сужденіе объ извѣстномъ сочиненіи барона Розенкампа «Обозрѣніе Коричей Книги»: «Встрѣчаясь нерѣдко съ сочиненіемъ Розенкампа (говоритъ авторъ), трудно удержаться, чтобы не сказать, что это сочиненіе — явленіе странное! Какъ взяться писать о славянской «Кормчей», почти вовсе не зная даже русскаго языка, не только православія! За—то и вышла книга, которой не разберетъ ни чухонецъ, ни русскій». Читатели, вѣроятно, раздѣлятъ наше удивленіе.

Намъ остается сказать о статьѣ г. Сухомлинова: «О древней русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ». Это сочиненіе, вышедшее отдѣльной книжкой, было уже отмѣчено въ библиографіи «Отечественныхъ Записокъ»; г. Сухомлиновъ остался, впрочемъ, недоволенъ ихъ отзывомъ и напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1857, № 3) объясненіе, гдѣ обвинилъ неизвѣстнаго рецензента въ пристрастности и отчасти въ незнаніи разбираемаго предмета. Мы по—необходимости должны разобрать теперь это дѣло. Одно изъ главныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ рецензентомъ, состояло въ томъ, что г. Сухомлиновъ слишкомъ—плодовито доказываетъ достоинства Нестора (въ которыхъ и самъ рецензентъ не сомнѣвается), что онъ дѣлаетъ вопросы, требующіе ученаго разысканія, изъ такихъ вещей, которыя ученаго розысканія не требуютъ, а сами опредѣляются съ перваго взгляда, какъ, напримѣръ, нравственное чувство лѣтописца, любовь къ родинѣ, вѣра въ Промыслъ и т. п. Рецензентъ заключаетъ свое мнѣніе такой фразой, гдѣ мысль его выразилась довольно—ясно: «еслибъ вторая половина книги была сокращена въ нѣсколько страницъ, въ нихъ нашлось бы болѣе яркаго и характеристическаго для опредѣленія Нестора», мы предоставляемъ читавшимъ изслѣдованіе г. Сухомлинова рѣшать, справедливо это или нѣтъ. Въ доказательство словъ своихъ рецензентъ привелъ нѣсколько выводовъ г. Сухомлинова изъ заключенія его книги—замѣтимъ, что выписывать его цѣлкомъ было бы очень—длинно, и рецензентъ самъ показалъ, что выписываетъ не все—г. Сухомлиновъ увидѣлъ здѣсь «умышленные пропуски». Мы не понимаемъ, для какой же цѣли рецензенту могъ случить здѣсь «умысль»?

Далѣе, г. Сухомлиновъ удивляется рецензенту, который замѣтилъ, что «разборъ заимствованій изъ св. писанія (у Нестора) могъ бы привести къ интереснымъ результатамъ, еслибъ г. Сухомлиновъ обратилъ вниманіе на состояніе текста у Нестора и въ современныхъ

ему спискахъ св. писанія : рассуждать же долго о томъ, что подобными выпсками изъ свящ. писанія выражается чувство вѣры въ летописцѣ, какъ это дѣлаетъ авторъ, по нашему мнѣнью, совершенно-завишнее». Г. Сухомлиновъ отвѣчалъ на это слѣдующимъ образомъ: «Очень-жаль, что рецензентъ не потрудился исчислить известные ему списки Библии, современные Нестору, т.-е. XI вѣка. Этимъ онъ сдѣлалъ бы весьма-важное открытiе, которое удивило бы и Востокова, и Шафарика, и Горскаго, до-сихъ-поръ неотыскавшихъ такого сокровища». Мы думаемъ, что г. Сухомлиновъ слишкомъ-жестокъ къ своему рецензенту, будто бы незнающему того, что доселѣ нигдѣ не отыскано списка Библии, современнаго Нестору. Но развѣ дѣло идетъ о томъ? Вопросъ въ томъ только, достаточно ли будетъ для сравненiя тѣхъ книгъ св. писанiя, которыя и теперь есть въ нашихъ рукописныхъ собранiяхъ? Полнаго списка Библии ненужно и потому, что у Нестора приводятся выписки далеко не изъ всѣхъ частей ея. Г. Сухомлиновъ насчитываетъ слѣдующiя цитаты: изъ Книгъ Моисеевыхъ, псалмовъ Давида, притчъ Соломона, «Книги Юва», пророковъ: Осип, Аммоса, Давида (прибавимъ: Исаи, Иеремiя), евангелiя Иоанна, Луки (прибавимъ: Матвея) и посланiй апостола Павла. Слѣдовательно, нужны только тексты этихъ книгъ; рецензенту, вѣроятно, не казалось нужнымъ входить въ элементарныя объясненiя того, что мы имѣемъ Остромирово Евангелiе—ранѣ Нестора, Румянцовское и Синодальное евангелiя XII вѣка—почти той же эпохи, евангелие Псалтирь XI го вѣка и проч. Если г. Сухомлиновъ думаетъ, что нельзя было воспользоваться при этомъ случаѣ и нѣсколько позднѣйшими памятниками, то какимъ образомъ онъ позволилъ себѣ сдѣлать столь же грубую ошибку: въ намѣренiи колынуть рецензента, г. Сухомлиновъ говоритъ: «Съ нетерпѣнiемъ ожидаемъ изданiя г-мъ рецензентомъ «списковъ свящ. писанiя, современныхъ Нестору, чтобъ сравнить ихъ съ текстами, приводимыми у Нестора». Какимъ же способомъ г. Сухомлиновъ будетъ производить это сравненiе, когда у насъ нѣтъ и списковъ летописи, современныхъ Нестору? Обвиняемый въ невѣжествѣ, рецензентъ «Отеч. Записокъ» съ тѣмъ же правомъ можетъ спросить г. Сухомлинова, смотря на предметъ съ его же точки зрѣнiя: «Жаль, что г. Сухомлиновъ не исчислилъ списковъ летописи, современныхъ Нестору: этимъ онъ сдѣлалъ бы важное открытiе, которое удивило бы и г. Погодина, и г. Соловьева, и г. Востокова», и т. д. (см. выше).

Затѣмъ вопросъ переходитъ къ западнымъ летописцамъ; рецензентъ находитъ несомнѣнно-удовлетворительною параллель между ними и Несторомъ, какую сдѣлалъ г. Сухомлиновъ. Опять споръ идетъ почти объ однихъ словахъ; рецензенту казалось, что г. Сухомлиновъ постоянно отдаетъ преимущество Нестору и держится въ этомъ сравненiи странной методы; г. Сухомлиновъ называетъ эти слова «клеветою» (опять можно спросить: рецензентъ могъ ошибиться; но какая нужда была ему

«клеветать» на г. Сухомлинова?) и говорить, что онъ предпочитаетъ Нестора единственно по его искренности. Предоставляемъ читателямъ повѣрить послѣднее и повѣрить мнѣніе рецензента о методѣ сравненія. Касательно этого спора мы думаемъ, что обѣ стороны не совсѣмъ правы въ своихъ замѣчанияхъ и обвиненіяхъ.

Наконецъ, вообще на рецензента «Отеч. Записокъ» падаетъ отъ г. Сухомлинова обвиненіе въ несостоятельности и незнаніи: г. Сухомлиновъ думалъ, что неопытный рецензентъ полагаетъ, будто въ настоящее время существуютъ полные списки Библии на старо-славянскомъ языкѣ отъ времени Нестора. Мы не предполагаемъ въ неизвѣстномъ рецензентѣ такой неопытности; да и г. Сухомлиновъ могъ видѣть, что въ началѣ статьи рецензентъ съумѣлъ же отличать въ изложеніи источниковъ Нестора то, что сдѣлано было г. Сухомлиновымъ и что было уже приготовлено предшественниками его въ критикѣ лѣтописи.

Г. Сухомлиновъ говоритъ, что нападенія рецензента направлены противъ призрака, созданнаго предубѣжденіемъ. Мы думаемъ, что это отчасти справедливо; но причина предубѣжденія открывается и самимъ критикомъ; онъ прямо указываетъ на одну изъ прежнихъ статей г. Сухомлинова (о языкознаніи въ древней Россіи), которая дѣйствительно можетъ произвести странное впечатлѣніе. Мы говорили въ свое время объ этомъ изслѣдованіи г. Сухомлинова и не согласились съ коренными основаніями мыслей, высказанныхъ авторомъ; сколько мы знаемъ, наше мнѣніе не было исключительнымъ. Въ статьѣ «о языкознаніи» послѣдніе выводы автора весьма могли напомнить нѣкоторыхъ чувствительныхъ историковъ русской словесности, которые всякій, иногда очень-обыкновенный фактъ древней нашей литературы возводили въ перлъ созданія и сочиняли изъ него блистательныя заключенія. Для начавшагося только изученія древней словесности это была пора своихъ Елагинныхъ, Эминныхъ и Хляковыхъ, которые вообще представляли дѣло въ такомъ превратномъ видѣ, что, наконецъ, вызвали въ людяхъ, несогласныхъ съ мнѣніями ихъ, другую крайность. Дѣйствительно, находились и теперь еще находятся люди, для которыхъ совершенно-непонятнымъ кажется значеніе древней русской письменности, которые никакъ не видятъ въ ней красоту, восхищающую другую школу. Въ настоящее время обѣ крайности начинаютъ сглаживаться вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ расширяется знакомство съ предметомъ; новые изслѣдователи не поддаются вполнѣ скептическому взгляду однихъ, но ужъ никогда почти не доходятъ до неразумнаго увлеченія другихъ и пугаются ихъ натянутаго и потому научно-невѣрныхъ положеній. Г. Безсоновъ подынялъ недавно голосъ какъ-бы въ защиту отжившей школы; но его сѣтованія не нашли участія у людей, въ которыхъ мы привыкли уважать ясныя понятія о дѣлѣ. Почти всѣ новые труды по русской исторіи и древней словесности, то есть именно тѣ труды, которые исполняются наиболѣе сообразно съ требованіями науки и здраваго смысла, кажутся г. Безсонову криво-

толкованіемъ и чуть не преступленіемъ. Для насъ его выходки, ясное доказательство устарѣлости взглядовъ, на которые мы указывали выше. За этой чувствительностью и наосомъ прежнихъ историковъ словесности осталась репутація мелкой односторонности и превратнаго пониманія вещей: вотъ почему неохотно и неодобрительно встрѣчаются сочиненія, въ которыхъ фраза слишкомъ преувеличиваетъ дѣло, произвольный торжественно выводъ не соглашается со всею массою фактовъ. Научная опытность критика съ недовѣріемъ смотритъ на книги, въ которыхъ замѣчается наклонность къ тому или другому, хотя бы даже эта наклонность была случайна. Въ этомъ родѣ мы объяснили бы отношеніе критики и къ упомянутому сочиненію г. Сухомлинова; вызванное имъ предубѣжденіе обнаружилось и теперь, хотя новый трудъ г. Сухомлинова и не давалъ къ тому столько поводовъ.

А. Ш—въ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

Трактатъ объ уничтоженіи зундскихъ пошлинъ и его значеніе ; начало этихъ пошлинъ. — Окончателное проведеніе новой границы Бессарабіи. — Новости ученыхъ. — Премія въ честь графа П. Д. Киселева. — Очеркъ служебной дѣятельности гр. Киселева; дѣятельность его на поприщѣ военномъ и гражданскомъ. — Образованіе Министерства Государственныхъ Имуществъ и начала, на которыхъ оно основано. — Результаты дѣйствій Министерства. — Премія гр. Н. А. Кушелева-Безбородко. — Отправленіе новой духовной миссіи въ Пекинъ. — Новые изданія Археографической Комиссіи. — Новые книги. — Новые спеціальные журналы: «Журналъ для воспитанія» и «Педагогическій Вѣстникъ». — Письмо г. Погодина въ редакцію газеты «Le Nord» о томъ, что намъ нужно теперь дѣлать. — Акціи и новыя акціонерныя общества. — Компания для устройства водопроводовъ въ Петербургѣ и водопроводы въ Москвѣ. — Еще о сахарномъ сорго. — Мхи, какъ подспорье хлѣба. — Нетронутыя богатства природы. — Указанія академика Бѣра на нѣкоторые новые промыслы и послѣдствія такихъ указаній. — Астраханская бѣшенка. — Провинціальныя новости и интересы. — Дворянскіе выборы и ихъ значеніе. — Преобразованія въ разныхъ частяхъ управленія и въ петербургской полиціи въ-особенности. — Дозволеніе свободного открытія частныхъ лечебницъ. — Вѣсти изъ губернскихъ вѣдомостей. — Новости петербургской общественной жизни. — Театры. — Г. Садовскій на петербургской сценѣ. — Лѣтнія удовольствія. — Гулянье въ Екатерингофѣ и парадъ. — Отъѣзды. — Концерты. — Прогулки. — Биржевой скверъ и воздушный шаръ. — Городскіе выборы. — Праздникъ фарнацевтовъ.

Прошлую хронику нашу мы начали извѣстіемъ о трактатѣ, заключенномъ Россіею съ Японіею; нынѣшнюю начинаемъ вѣстью о другомъ трактатѣ, заключенномъ 2-го прошлаго марта съ Даніею объ уничтоженіи зундскихъ пошлинъ. Послѣдній трактатъ имѣетъ значеніе весьма-важное, и тѣмъ болѣе важное, что полезныя послѣдствія его близки и уже въ настоящее время оказываются надѣлѣ. Этотъ трактатъ, снявъ ярмо, такъ давно-тяготѣвшее на судоходствѣ Балтійскаго Моря, можетъ почитаться началомъ новой эры въ исторіи торговли государствъ сѣвера, которая теперь, безъ-сомнѣнія, станетъ развиваться еще быстрѣе прежняго. Чтобы яснѣе показать значеніе трактата, мы сдѣлаемъ краткій очеркъ происхожденія и существа зундскихъ пошлинъ, а также и ходъ происшедшихъ о прекращеніи ихъ переговоровъ.

Установленіе зундскихъ пошлинъ теряется въ самой глубокой древности. Извѣстно, что въ древнія времена всѣ моря были наполнены морскими разбойниками и купецъ во время плаванія безъ

прерывно подвергался опасности. Въ это-то время по обѣимъ сторонамъ Зунда, то-есть въ Даніи и на южномъ шведскомъ берегу поселился народъ норландскаго племени, отважный и удалой на морѣ; суда котораго стали господствовать на водахъ Нѣмецкаго и Балтійскаго Морей. Этоть-то народъ и обложилъ всѣ суда, торгующія въ этихъ странахъ и проходящія чрезъ его владѣнія, пошлиною, въ-замѣнъ того принявъ на себя обязанность не только не нападать на купеческія суда, но еще и защищать ихъ отъ нападеній всякихъ другихъ морскихъ разбойниковъ, не позволяя послѣднимъ селиться въ окрестностяхъ и истребляя ихъ при первомъ появленіи. Такимъ-образомъ пошлина, платимая судами въ Зундѣ датскимъ норманамъ, имѣла какъ-бы характеръ платы за содержаніе ими безопасности въ Нѣмецкомъ и Балтійскомъ Моряхъ. Эти-то сборы и послужили началомъ зундскихъ пошлинъ, сдѣлавшихся впоследствии источникомъ государственнаго дохода Даніи.

Тогда нельзя было ее назвать несправедливою, и каждый судоходящій охотно соглашался внести незначительную плату, чтобъ тѣмъ купить безопасность. Это было нѣчто въ родѣ застрахованія. Но времена переходчивы...

Первоначально зундскіе сборы состояли изъ пошлины, взимаемой съ вина и соли, къ которой присоединялся еще незначительный налогъ на самая суда.

Впоследствии же эта пошлина была мало-по-малу распространена на всѣ товары; налогъ же съ корпуса кораблей необыкновенно увеличился и къ этому присоединились еще разные сборы на содержаніе маяковъ, на уплату чиновникамъ эльзенерской таможни, въ пользу бѣдныхъ, и проч. и проч.

По-мѣрѣ того, однако, какъ зундскій налогъ распространялся и увеличивался, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ терялъ справедливое начало своего существованія.

Другія времена привесли другіе нравы. Безопасность установилась въ сѣверныхъ моряхъ и защита датскаго флота для иностранныхъ судовъ оказалась лишнею. Правда, датское правительство содержало маяки, баки и другіе разные морскіе знаки предосторожности на своихъ берегахъ; но за это взималась, какъ мы сказали, добавочная пошлина. Вообще же доходъ, получаемый Даніей съ Зунда, былъ внѣ всякой пропорціи съ суммою издержекъ ея на поддержаніе маяковъ и проч., такъ-что никакъ не могъ считаться возмездіемъ за эти расходы.

Но мѣсто права заступила сила. Данія, владѣя до 1658 года обоими берегами (то-есть и шведскимъ), могла *defacto* отворять и заперать проливъ, не пропуская ни одного корабля, незаплатившаго пошлины. Когда же, впоследствии, отъ нея отошелъ шведскій берегъ, она выстроила на своемъ берегу сильную крѣпость Кронсборгъ, пушки которой продолжали господствовать почти надъ всѣмъ проливомъ.

Но, не довольствуясь однимъ фактомъ существованія зундскихъ сборовъ, и понимая всю его шаткость (уже въ древнія времена Шве-

ція и ганзейскіе города успѣвали выговаривать себѣ, вслѣдствіе счастливыхъ войнъ съ Даніей, освобожденіе отъ платежа въ Зундѣ, хотя современемъ опять потеряли эту привилегію), датское правительство старалось право свое на этотъ налогъ установить трактатами и, благодаря искусной политикѣ, это ему удалось.

Величина пошлины была первоначально неопредѣленна, а измѣнялась постоянно. Такимъ-образомъ купецъ никогда не зналъ, на какую сумму ему расчитывать. Въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіи Голландія господствовала въ торговлѣ съ сѣверными странами, и торговля ея должна была сильно страдать отъ перемѣнъ въ размѣрѣ зундскихъ пошлинъ.

Поэтому, не предвидя возможности совершенной ихъ отмены, она стала хлопотать объ установленіи по-крайней-мѣрѣ опредѣленнаго, умѣреннаго тарифа. На этомъ основаніи былъ заключенъ трактатъ между Даніей и Голландіей въ Христианополѣ въ 1645 году. Этимъ трактатомъ Нидерланды, признавъ, хотя и не право, но по-крайней-мѣрѣ фактъ существованія зундскихъ пошлинъ, въ-замѣнъ того добились для своего флага установленія опредѣленнаго тарифа. Замѣчательно, что датское правительство, до послѣдняго времени руководствовалося при взиманіи зундскихъ пошлинъ тарифомъ, приложеннымъ къ христианопольскому трактату.

Этимъ былъ сдѣланъ первый шагъ, который открылъ путь къ заключенію и другихъ подобныхъ договоровъ. Вслѣдствіе этого датское правительство раздѣлило въ Зундѣ, при взиманіи пошлинъ, всѣ флаги на два разряда, на флаги привилегированныхъ и на флаги непривилегированныхъ державъ. Къ первымъ относились тѣ, которыя заключеніемъ торговаго трактата съ Даніей выговорили въ пользу своихъ судовъ извѣстныя выгоды (*un traitement de nations privilégiées*), и, слѣдовательно, тѣмъ самымъ признали существованіе зундскихъ пошлинъ. Ко вторымъ относились державы, не заключившія съ Даніей торговаго договора, съ которыми она, вслѣдствіе того, обращалась въ Зундѣ иначе, нежели съ первыми.

Разумѣется, что большая часть державъ, бывъ не въ-состояніи или не желая начинать по поводу зундскаго вопроса войны съ Даніей, спѣшила пріобрѣсть цѣною заключенія торговаго трактата возможныя льготы и преимущества въ пользу своего флага.

Такимъ-образомъ примѣру Голландіи скоро послѣдовали Франція, Англія, ганзейскіе города, Швеція, Россія (1782 г., во время переговоровъ о вооруженномъ нейтралитетѣ), даже Сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты и Бразилія; наконецъ, въ послѣднее время изъ всѣхъ европейскихъ державъ непривилегированными оставались только двѣ: Римъ и Турція.

Въ той мѣрѣ, въ какой увеличивалось мореплаваніе и торговля въ Нѣмецкомъ и Балтійскомъ Моряхъ, въ той же мѣрѣ увеличивался и доходъ Даніи. То и другое росло необычайно-скоро! Въ началѣ XVIII-го столѣтія чрезъ Зундъ и Бельты проходило всего только 3455 кораблей, въ 1800 году это число утроилось до 10,221 кораблей, а съ-тѣхъ-поръ оно слѣдовало въ слѣдующей прогрессіи:

Въ 1820 году около	11,000	судовъ.
— 1830 — —	13,212	—
— 1840 — —	15,662	—
— 1853 — —	21,586	—

Съ начала XVIII-го вѣка по настоящее время число кораблей, проходящихъ Зундъ или Бельты, увеличилось въ семь разъ.

Доходъ, получаемый Данією съ Зунда росъ, какъ мы уже замѣтили, въ той же и даже еще въ сильнѣйшей мѣрѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ.

Въ 1756 году вся сумма его составляла не болѣе 200,000 талеровъ; въ 1820, она поднялась на 1,500,000 талер., а въ 1853 г. на 2,530,000 талер. Сравнивая первую цифру съ послѣдней, замѣчаемъ увеличеніе въ тринадцать разъ. Въ—теченіе послѣднихъ двадцати-четырехъ лѣтъ, до войны 1854 года, Данія получила зундскихъ сборовъ всего 54 милліона талер., что составляетъ среднюю годовую цифру въ 2,250,000 талеровъ.

Столь значительный налогъ, однако, сильно тяготѣлъ надъ балтійской торговлей, стѣсняя ея свободное развитіе. Къ самой издержкѣ присоединились еще разныя второстепенныя неудобства и неприятели: принужденный останавливаться въ Зундѣ, корабль терялъ время, а между—тѣмъ попутный вѣтеръ измѣнялся; кромѣ того, приходилось чрезвычайно-дорого платить за лоцмана, за лодки, перевозившія капитана на берегъ и буксировавшія судно, и т. д. и т. д.

Все это не могло не возстановить общественнаго мнѣнія въ Европѣ противъ зундскихъ сборовъ. Всего болѣе отъ нихъ терпѣли Англія, Россія и Пруссія; но громче всего противъ нихъ ратовали журналы и брошюры въ Германіи и Пруссіи. Слѣдя въ послѣднія пять лѣтъ за журналами и за выраженіемъ въ нихъ общественнаго мнѣнія, можно было замѣтить, что зундскій вопросъ все ближе-и-ближе подходилъ къ тѣмъ предѣламъ, за которыми онъ уже непременно долженъ былъ рѣшиться тѣмъ или другимъ образомъ. Поводъ къ этому рѣшенію подали Сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты.

Между ними и Даніей былъ заключенъ торговый трактатъ въ 1826 г., срокъ котораго прекращался въ іюнь 1853 г. Нѣсколько времени передъ тѣмъ американскій посланникъ въ Копенгагенѣ объявилъ, что правительство его не намѣрено заключать новаго трактата, и что впредъ американскіе корабли не будутъ болѣе платить зундскихъ пошлинъ, потому—что они не признаютъ права Даніи взимать ихъ.

Данія поняла, что насталъ рѣшительный моментъ; что, при всеобщемъ неудовольствіи на зундскіе сборы, можно было ждать, что примѣру Америки послѣдуютъ скоро и другія страны, и потому пригласили всѣ державы послать въ Копенгагенъ полномочныхъ на конференцію для рѣшенія зундскаго вопроса на основаніи выкупа. Отъ Россіи для переговоровъ былъ отправленъ коллежскій совѣтникъ Ю. Л. Тенгоборскій, сынъ недавно—скончавшагося знаменитаго ученаго и государственнаго сановника; другія главнѣйшія европейскія державы

прислали также уполномоченных; но Америка не послѣдовала при-
 ятью большинства.

Не признавая права Даніи налагать пошлину на всемірную тор-
 говлю, она отказалась принять участие въ переговорахъ, изъявивъ,
 однако, готовность, въ случаѣ, если вопросъ будетъ рѣшенъ удов-
 летворительно, взять на себя уплату Даніи известной суммы въ видѣ
 вознагражденія за издержки, понесенныя ею при содержаніи мая-
 ковъ и т. п.

Въ то же время американское правительство согласилось, по слу-
 чаю конференціи, продлить срокъ трактата еще на годъ, а впо-
 слѣдствіи онъ былъ продленъ еще по іюнь 1857 года.

Конференція началась въ концѣ 1855 года. Датскій полномочный
 объявилъ, что правительство его готово отказаться отъ зундскихъ
 сборовъ за вознагражденіе, *минимум* котораго онъ опредѣлилъ въ
 35,000,000 датскихъ талеровъ. Эти 35 миліоновъ предполагалось
 распределить слѣдующимъ образомъ:

На долю 15-ти державъ, принявшихъ участие въ конференціи,	должно было пасть	30,476,325 талер.
на долю прочихъ неучаствовавшихъ		3,307,224 —
на долю самой Даніи		1,216,451 —
Итого		35,000,000 —

Полномочные Россіи, Швеции, Норвегій и Ольденбурга объявили,
 что ихъ правительства соглашаются съ предложеніемъ Даніи и го-
 товы взять на себя уплату причитающейся имъ доли, если всѣ про-
 чія согласятся. Но затрудненія возникли со стороны Англій и пере-
 говоры готовы были кончиться ничѣмъ. Тогда, чтобъ облегчить ихъ
 продолженіе, было объявлено, что пренія конференціи будутъ отло-
 жены на нѣкоторое время, но не совершенно прерваны. Кромѣ-того,
 былъ подписанъ протоколъ, въ которомъ были означены всѣ пункты
 требованія Даніи и то, въ чемъ успѣли уже согласиться.

Несмотря на отсрочку, переговоры продолжались дипломатиче-
 скимъ путемъ между Англіей, Франціей, Пруссіей и Даніей, но
 безъ всякаго исхода.

Наконецъ, по приглашеніи Даніи, конференція собралась вторич-
 но въ Копенгагенѣ въ концѣ 1856 года. Послѣ долгихъ, жаркихъ
 переговоровъ, полномочные окончательно условились во всѣхъ пунк-
 тахъ и 2-го (14) марта подписанъ трактатъ.

Онъ заключаеть въ себѣ восемь статей.

На основаніи ихъ король датскій обязуется не взимать никакихъ
 таможенныхъ, ластовыхъ, маячныхъ и другихъ сборовъ съ судовъ,
 проходящихъ чрезъ Зундъ и Бельты, изъ этого не исключаются
 и тѣ случаи, когда, по причинѣ бури или для торговыхъ операцій,
 суда будутъ принуждены бросать якорь или останавливаться на-вре-
 мя въ датскихъ водахъ.

Отнынѣ никакое судно не можетъ, ни подѣ какимъ предлогомъ,
 быть останавливаемо при проходѣ чрезъ Зундъ и Бельты.

Съ тѣхъ судовъ, которыя будутъ входить или выходить изъ датскихъ портовъ не должна взиматься никакая пошлина, которой они могли бы подвергнуться по поводу прохода ихъ чрезъ Зундъ и Бельты.

Въ то же время датское правительство обязывается поддерживать попрежнему маяки и всѣ другіе этого рода знаки, возобновлять ихъ и измѣнять, гдѣ въ томъ представится необходимость, и наблюдать за исполненіемъ лоцманской должности за умѣренную плату.

Изъятіе отъ платежа сухопутныхъ транзитныхъ пошлинъ, которое до-сихъ-поръ предоставлено было извѣстнымъ товарамъ, особенно-поименованнымъ, на нѣкоторыхъ изъ дорогъ, соединяющихъ Нѣмецкое Море съ Балтійскимъ, должно быть распространено и на всѣ прочіе пути, которые служатъ сообщеніемъ между означенными двумя морями. Списокъ этихъ товаровъ заключаетъ въ себѣ названія главнѣйшихъ предметовъ отпуска Балтійскаго Моря (хлѣба, сала, льна, кожи и т. д.).

Относительно остальныхъ товаровъ транзитная пошлина должна быть уменьшена на всѣхъ помянутыхъ дорогахъ до *taximum*, въ 16 датскихъ шиллинговъ съ 500 датскихъ фунтовъ.

Такое уменьшеніе потребовано отъ Даніи въ интересъ торговли ганзейскихъ городовъ. При значительности пути объѣзда датскаго полуострова, и при опасности этой дороги въ зимнее время, многіе товары не черезчуръ-грузкіе находятъ болѣе-выгоднымъ сухопутный провозъ между Гамбургомъ и Любекомъ — двумя пунктами, разстояніе между которыми представляется кратчайшимъ между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ Морями. Потому Любекъ сдѣлался естественнымъ складочнымъ мѣстомъ отпускныхъ балтійскихъ товаровъ, а Гамбургъ привозныхъ. Для покровительства этого направленія торговли и потребовано отъ датскаго правительства уменьшеніе и облегченіе транзитныхъ пошлинъ.

Въ вознагражденіе за всѣ уступки Даніи, *пятнадцать* договаривающихся державъ обязуются уплатить ей 30,476,325 талер., которая должна быть раздѣлена между ними по мѣрѣ участія каждой въ зундской навигаціи.

Въ «Иностранныхъ Извѣстіяхъ» прошлой книжки «Отч. Зап.» было сообщено расписаніе суммъ, приходящихся на каждое государство, до которому Россіи пришлось уплатить 9,739,993 р.

Вся сумма должна быть уплачена въ-теченіе 20-ти лѣтъ, 40 полугодовыми взносами, съ процентами; но, по желанію, нѣкоторымъ державамъ предоставлено уплатить этотъ долгъ и раньше срока.

Данія представляетъ себѣ отдѣльно вести переговоры съ прочими державами, неучаствовавшими въ конференціяхъ относительно уплаты, причитающейся на ихъ долю суммы въ 3,307,224 талер.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ извѣстно уже, заключена конвенція между Даніей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, по которой правительство соглашается на уплату Даніи слѣдующихъ съ нихъ 717,829 талер.

— Изъ другихъ новостей государственныхъ упомянемъ о проведеніи, на основаніи заключеннаго 28 марта прошлаго года мирнаго договора въ Парижѣ, новой границы между Бессарабією и приднѣстскими княжествами. Граница эта нынѣ проведена окончательно и, вслѣдствіе предложенія г. бессарабскаго военнаго губернатора, отъ общаго правленія объявлено, что часть южной Бессарабіи, отошедшая къ Молдавіи, окончательно уже сдана молдавскому правительству и дѣйствія нашихъ властей въ той части съ 1-го марта прекращены. Что же касается жителей отошедшей части, то, на основаніи 27 § парижскаго трактата, они имѣютъ право остаться въ нынѣ-занимаемыхъ мѣстахъ или перейти въ подданство Россіи, на что имъ и данъ трехлѣтній срокъ, считая его со дня сдачи самихъ мѣстъ. Позволяя себѣ въ одной изъ слѣдующихъ «Хроникъ» сдѣлать очеркъ какъ всего Бессарабскаго Края, такъ и отошедшей его части, мы переходимъ къ новостямъ изъ міра науки и промышленности.

— Прежде всего остановимся на установленныхъ въ послѣднее время премійхъ разными лицами по разнымъ предметамъ.

Говоря о новостяхъ изъ міра науки, мы до-сихъ-поръ не имѣли случая упомянуть о преміи, учрежденной въ честь бывшаго министра Государственныхъ Имуществъ П. Д. Киселева его подчиненными и другими лицами, желавшими этихъ выразить свою признательность бывшему начальнику. Съ этою цѣлью, по подпискѣ, они составили особый капиталъ съ тѣмъ, чтобъ изъ процентовъ его черезъ каждые два года была выдаваема золотая медаль за лучшее сочиненіе, относящееся до крестьянскаго быта. Преміи выдаются по присужденію ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ. Учрежденіе такой преміи имѣетъ двоякое значеніе: съ одной стороны, оно обогатитъ, безъ-сомнѣнія, нашу хозяйственную литературу многими полезными сочиненіями, съ другой же, оно важно, какъ выраженіе признательности и уваженія подчиненныхъ къ своему *бывшему* начальнику, что бываетъ нечасто. Какую пользу принесетъ учрежденіе этой преміи литературѣ—покажетъ будущее; въ настоящемъ же случаѣ мы считаемъ необходимымъ указать на причины того уваженія, которымъ пользовался графъ Киселевъ, и исполняемъ данное нѣсколько мѣсяцевъ назадъ обѣщаніе—сдѣлать очеркъ его служебной дѣятельности.

Графъ Павелъ Дмитриевичъ Киселевъ родился въ Москвѣ въ 1788 году и происходитъ изъ весьма-древней русской дворянской фамиліи: 6-го октября 1806 года онъ вступилъ въ службу въ Кавалергардскій Полкъ, и въ достопамятнѣмъ 1812 году является въ чинѣ поручика. Неустрашимый характеръ и необыкновенно рано развившіяся умственныя способности выдвинули его на службу впередъ весьма-скоро. Въ первый разъ графъ Киселевъ сражался въ войну, окончившуюся тильзитскимъ трактатомъ, отличился въ сраженіи при Бородинѣ; послѣ котораго назначенъ былъ адъютантомъ къ извѣстному генералу Милорадовичу, а также принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ

слѣдующихъ затѣмъ сраженіяхъ до 1815 года. Замѣчательныя достоинства графа, бывшаго уже ротмистромъ, обратили на себя вниманіе покойнаго Императора Александра I-го. Въ 1814 году онъ назначилъ его своимъ «лигель-адъютантомъ», и съ этихъ поръ Павелъ Дмитріевичъ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ Государя, къ которому питалъ безпредѣльную преданность, и котораго сопровождалъ на конгрессъ въ Вѣну. Когда союзники вторично вошли во Францію, молодому «лигель-адъютанту», произведенному уже въ полковники, даны были вѣкоторыя затруднительныя порученія; но онъ кончилъ ихъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Въ Парижѣ и на вѣнскомъ конгрессѣ графъ познакомился съ извѣстнѣйшими политическими лицами, и здѣсь же была лучшая школа для молодаго, впечатлительнаго и наблюдательнаго ума. Занимаясь дѣлами, графъ находилъ время читать и читалъ много, особенно съ 1812 года.

По возвращеніи въ Россію, графъ Киселевъ вскорѣ, именно въ 1817 году, произведенъ въ генерал-майоры, съ назначеніемъ состоять при Его Императорскомъ Величествѣ. Въ слѣдующемъ году онъ командированъ былъ къ королю прусскому, а въ 1819 году назначенъ начальникомъ главнаго штаба 2-й арміи. Дѣятельно занявшись устройствомъ этой арміи, онъ ввелъ истинную администрацію и гуманность въ обращеніи съ солдатами; здѣсь развилась въ немъ та любовь къ русскому простому человѣку, которая потомъ была главнымъ двигателемъ въ управленіи его министерствомъ. Въ 1821 году графъ награжденъ за труды и усердіе орденомъ св. Анны 1-й степени и 6 октября 1823 года, то-есть ровно чрезъ 17 лѣтъ службы назначенъ генерал-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству.

Смерть Императора Александра I-го глубоко опечалила молодаго генерал-адъютанта. Императоръ Николай I зналъ уже высокія достоинства начальника штаба 2-й арміи и удостоилъ его полной своей довѣренности, которая не прекращалась до конца жизни Государя.

Въ 1828 году графъ Павелъ Дмитріевичъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣателей въ войнѣ Россіи съ Турціею, въ качествѣ начальника главнаго штаба 2-й арміи, и находился въ сраженіяхъ при осадѣ Браилова, переходѣ чрезъ Дунай и другихъ, за что и получилъ въ-теченіе одного года чинъ генерал-лейтенанта и золотую шпагу, алмазами украшенную, съ надписью «за храбрость». Въ началѣ слѣдующаго года онъ получилъ въ командованіе 4-ый резервный кавалерійскій корпусъ и вслѣдъ затѣмъ назначенъ командующимъ всѣми войсками, находившимися на лѣвой сторонѣ Дуная. Въ-теченіе этого же года, находясь подъ крѣпостью Журжево, онъ лично командовалъ отрядомъ при отраженіи непріятельскихъ вылазокъ, и потомъ, начальствуя войсками праваго «ланга» арміи, переправился чрезъ Дунай для непріятельскихъ дѣйствій и прошелъ съ войсками, угрожая непріятелю, чрезъ Балканы.

На основаніи адрианопольскаго трактата, закончившаго войну Россіи съ Турціею, валахо-молдавскія княжества должны были оставаться во власти русскихъ войскъ, впредь до уплаты вознагражденія за военныя издержки. Надлежало назначить начальника этихъ

войскъ и вмѣстѣ съ тѣмъ правителя княжествъ. И это назначеніе дано было графу Киселеву.

Княжества эти никогда не наслаждались полнымъ и совершеннымъ спокойствіемъ и даже не знали выгодъ правильной администраціи. Правленіе генерал-адъютанта Киселева имѣло для нихъ благотворительное значеніе. По его распоряженію, стали ввозить хлѣбъ изъ-за границы; имъ учреждена кордонная линія на Дунаѣ; онъ поощрялъ хлѣбопашество, строго возставалъ противъ разныхъ злоупотребленій, пресѣкъ мотовство и лихоимство и возбудилъ между служащими достойное соревнованіе. Имъ учреждена коммиссія изъ образованнѣйшихъ дворянъ, для разсмотрѣнія мѣстныхъ постановленій и соглашеній ихъ, вслѣдствіе аккерманскаго трактата, съ новою политическою жизнью княжествъ, для уничтоженія лихоимства, для опредѣленія правъ собственности на болѣе-справедливыхъ основаніяхъ, для отдѣленія законодательной власти отъ исполнительной, для отдѣленія штатныхъ господарскихъ доходовъ отъ государственныхъ и, наконецъ, для учрежденія избирательнаго собранія, которое составляло бы законы и разсматривало годовые отчеты.

Вслѣдствіе этого, по всемъ отраслямъ государственнаго управленія вышло восемь положеній, подъ общимъ названіемъ регламента, въ которомъ опредѣлено все: избраніе господарей, права общаго собранія, государственное и финансовое управленіе, торговля, карантины, юстиція и милиція.

Въ то же время графъ устроивалъ школы, госпитали, тюрьмы, благотворительныя кассы; составилъ изъ молодыхъ людей первыхъ фамилій и крестьянъ національное и земское ополченіе и обучилъ ихъ военному искусству; украсилъ Бухарестъ и Яссы, возведя разныя зданія, учредилъ въ этихъ городахъ строгую полицію. и пр. и пр.

Едва протекло 16 мѣсяцевъ съ управленія графа Киселева странною, какъ наружность ея совершенно измѣнилась. 1-го мая 1831 года, бывшій дотолѣ въ княжествахъ порядокъ вещей былъ совершенно измѣненъ открытіемъ общаго собранія, и новая эра наступила для княжествъ. Вскорѣ появилась здѣсь холера. При всеобщемъ ужасѣ, графъ Киселевъ не терялъ присутствія духа, и черезъ два мѣсяца весь народъ, будучи уже внѣ опасности, окруживъ мѣсто-пребываніе графа, спѣшилъ единодушно принести дань искренней благодарности своему правителю.

По минованіи опасности, снова начались реформы. Смертная казнь и пытки уничтожены и общее собраніе единогласно присудило графу Киселеву право уроженца страны со всеми правами и преимуществами знатнѣйшихъ родовъ того края; однакожь, графъ, поблагодаривъ за такое вниманіе, объявилъ собранію, что онъ не можетъ принять даруемаго, доколѣ будетъ находиться въ княжествахъ въ главѣ управленія.

Въ 1833 году Турція просила у Россіи помощи противъ Ибрагима-Паши, угрожавшаго Константинополю. Графу Киселеву поручено командованіе арміею, назначенною для защиты Царьграда, съ сохраненіемъ, притомъ, поста, занимаемаго имъ въ княжествахъ. Онъ

собирался уже перейти Дунай, какъ былъ извѣщенъ о прекраще-
ніи военныхъ дѣйствій.

Управленіе графа княжествами приходило къ концу. Конвенціею,
заключенною въ началѣ 1834 года въ Санктпетербургѣ, определено
очистить русскимъ войскамъ княжества, а этимъ послѣднимъ на-
брать господарей. Поэтому генерал-адъютантъ Киселевъ въ апрѣ-
лѣ 1834 года оставилъ княжества, сопровождаемый всѣмъ народона-
селеніемъ Яссъ до границы. Когда онъ прибылъ на берега Прута
и когда долженъ былъ вступить на русскую территорию,
толпа народа всѣхъ классовъ, дотога шумная, сдѣлалась молчаливою.
Минута прощанія была глубоко-трогательна.

Въ апрѣлѣ 1834 года генерал-адъютантъ Киселевъ произведенъ
въ генералы-отъ-инфантеріи, а чрезъ три года ему Высочайше по-
вѣлено быть министромъ государственныхъ имуществъ.

На новомъ поприщѣ графу Павлу Дмитріевичу предстояло обшир-
ное поле дѣятельности. Блестательное управленіе княжествами, гдѣ
нужно было все создавать, конечно, давало большое ручательство
въ успѣхъ управленія новымъ министерствомъ, тѣмъ не менѣ затруд-
ненія были огромныя, требовавшія для преодоленія ихъ ума обшир-
наго и дѣятельности самой разносторонней.

Необходимость преобразования нашихъ государственныхъ иму-
ществъ чувствовалась съ давнихъ поръ. Императрица Екатерина
II сама занималась составленіемъ проекта положенія о государ-
ственныхъ крестьянахъ, и Императоръ Александръ I-й выразилъ
необходимость преобразования въ манифестѣ 10-го февраля 1810
года торжественнымъ образомъ. Проектами этого преобразования за-
нимались особые комитеты, учреждаемые правительствомъ, и част-
ныя лица. Одни изъ этихъ проектовъ полагали устроить бытъ на-
шихъ казенныхъ селеній по образцу городовъ и раздѣлить сельскихъ
обывателей на гильдіи; другіе хотѣли уничтожить укоренившуюся
въ народномъ обычаѣ систему общественнаго пользованія землею и
ввести вѣчное кортомное владѣніе семейными участками; третьи ду-
мали достигнуть цѣли благоустройства огромными переселеніями, и
наконецъ нѣкоторые полагали даже, что управленіе государствен-
ными имуществами можетъ быть устроено по образцу удѣльнаго.

При несостоятельности этихъ началъ надлежало прискаты другія,
которыя, устраняя недостатки прежняго управленія, соответствовали
бы видамъ правительства и цѣли преобразования, не упуская при
этомъ изъ виду степени, занимаемой государственными крестьянами
въ ряду другихъ сословій и правъ казны на предоставленныя крестья-
намъ земли и угодья.

Все это имѣлъ въ виду графъ Павелъ Дмитріевичъ, по назначе-
ніи его начальникомъ управленія государственными имуществами.

Послѣ многихъ соображеній, по идеямъ графа определено, для
управленія государственными имуществами, по обширности круга
дѣйствій и важности заключающихся въ немъ предметовъ, создать
особую администрацію, которая, не нарушая общаго состава госу-
дарственнаго управленія, была бы сосредоточена въ разбирѣ, но

обходимомъ для обезпеченія наблюдений, контроля и отвѣтственности, а равно сообразно съ степенью быта и развитія крестьянъ, и могла вести ихъ къ благосостоянію путемъ ближайшаго, непосредственнаго попечительства, а въ отношеніи имущества соотвѣтствовала бы роду ихъ и пространству. При устройствѣ благосостоянія крестьянъ, означить права ихъ и обязанности, пробудить сознание и тѣхъ и другихъ и тѣмъ измѣнить понятіе о поставленной надъ поселянами власти, а равно опредѣлить мѣру ихъ отвѣтственности, такъ-какъ этимъ болѣе или менѣе обезпечивается самая неприкосновенность правъ, предупреждается нарушеніе обязанностей и устраняется произволъ. Во внутреннее устройство и вышнія отношенія сельской общины внести юридическія онованія, сохранивъ и историческое начало нашего сельскаго быта, и то значеніе, которое имѣютъ свободные поселяне въ государственномъ организмѣ Россіи. Для улучшенія хозяйственнаго быта крестьянъ и увеличенія выгодъ казны, надѣлить ихъ земельными участками въ достаточномъ количествѣ и тѣмъ привести производительныя силы въ соразмѣрное отношеніе къ землѣ; доставить средства къ улучшенію сельскаго хозяйства и распространенію промышленности; уравновѣситъ подати и повинности съ средствами и пользами поселянъ и собственное хозяйство казны устроить сообразно съ современными требованіями и развитіемъ государственнаго хозяйства.

Согласно съ этими началами опредѣленъ и составъ управленія государственными имуществами.

Высшее управленіе предоставлено министерству. Губернское управленіе образовано изъ Палатъ Государственныхъ Имуществъ. Уѣздное управленіе предоставлено окружнымъ начальникамъ, на которыхъ возложено исполненіе распоряженій Палатъ по попечительству надъ крестьянами и управленію государственными имуществами. Для наблюдения за благоустройствомъ въ волостяхъ, а также для завѣдыванія распорядительною частью, по нѣсколькимъ обществамъ сохранены Волостныя Правленія.

Управленіе въ отдѣльныхъ селеніяхъ, основаніемъ котораго во всѣ времена служило общественное начало, по устраненіи вкравшихся въ-теченіе времени въ управленіе общиною установленій, несообразныхъ съ ея свойствомъ, образовано изъ сельскаго управленія, мірскихъ сходовъ и сельской расправы.

Сельское управленіе составлено изъ сельскаго старшины — главы общества и хранителя общественнаго порядка, двухъ старостъ для завѣдыванія хозяйственною и полицейскою частями, сборщика податей и смотрителя магазина, на которыхъ возложены сборы денегъ и хлѣба, по предварительной раскладкѣ общества, и наконецъ изъ сельскаго писаря.

Мірсіе сходы установлены для разсужденій и рѣшеній по дѣламъ общественнымъ. Для отвращенія безпорядковъ и злоупотребленій отъ многолюдства сходовъ опредѣлено предсѣдательствовать на нихъ старшинамъ въ качествѣ блюстителей порядка; вмѣсто всѣхъ домо-

хозяевъ разрѣшено являться на сходы однимъ выборнымъ; по одному отъ 5-ти, а на волостныхъ по одному отъ 10-ти дворовъ.

Сельская расправа учреждена изъ предѣдателя—старшины и двухъ добросовѣстныхъ для разбора дѣлъ тяжбныхъ и по маловажнымъ проступкамъ (съ правомъ переноса дѣлъ, въ определенныхъ случаяхъ, въ волостныя расправы), и въ руководство ей данъ особый сельскій судебный уставъ, въ которомъ сдѣлано возможное упрощеніе формы производства суда. Кроме—того, составленъ для крестьянъ краткій сельскій полицейскій уставъ, для руководства ихъ частной и общественной жизни.

Открытие новаго министерства послѣдовало 1-го января 1838 года. Затѣмъ постепенно открывались подвѣдомственные ему учрежденія. Выше уже замѣчено, что на Министерство это возложено попечительство надъ крестьянами разныхъ наименованій, управление государственными имуществами и улучшеніе общаго по государству сельскаго хозяйства. Этого порядка мы и будемъ держаться при обзорѣнн дѣйствій Министерства за время управленія имъ графомъ Киселевымъ, основывая данныя на ежегодно—публикуемыхъ отчетахъ министра.

Для *улучшенія нравственности* крестьянъ, Министерство распостраняло между ними образованіе, учреждая школы, о которыхъ говорено уже было въ предшествовавшей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» и употребляло поощренія и награды, дѣйствуя въ то же время на крестьянъ посредствомъ волостныхъ и сельскихъ расправъ. Прекращая нарушеніе порядка въ самомъ его началѣ, расправы полагаютъ преграду важнѣйшимъ преступленіямъ и тѣмъ самымъ содѣйствуютъ къ уменьшенію уголовныхъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ. При такомъ строгомъ наблюденіи за общественной нравственностью, количество важныхъ преступленій не могло не уменьшаться и дѣйствительно уменьшается; такъ, напримѣръ, число обвиненныхъ въ 1855 году судебными мѣстами государственныхъ крестьянъ было менѣе противъ 1854 года на 2,137 человекъ (*).

Для *уравненія податей*, Министерство, немедленно занялось разсмотрѣніемъ и соображеніемъ всѣхъ имѣвшихся въ виду правительства предположеній о преобразованіи податной системы посредствомъ системы кадастра въ иностранныхъ государствахъ, и по начертаніи правилъ оцѣнки земель и угодій приступило къ переложенію податей съ душъ на землю и промыслы. Кадастръ произведенъ въ девятнадцати великороссійскихъ губерніяхъ, имѣющихъ до четырехъ милліоновъ населенія и около шестнадцати милліоновъ

(*) Въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1855 г., г. министръ государственныхъ имуществъ, сказавъ, что порядокъ и спокойствіе среди государственныхъ крестьянъ не нарушались никакими важными происшествіемъ, присовокупилъ: «когда въ Кіевской Губерніи, между тамошними сельскими населеніемъ, произошли безпорядки, генерал—губернаторъ князь Васильчиковъ, отъ 6-го сентября 1855 года, писалъ, что государственные крестьяне нисколько не участвовали въ сихъ безпорядкахъ и не могли въ нихъ участвовать по своему положенію, которымъ они довольны и естественно желаютъ его сохранить».

десятинь земли. Въ западныхъ губерніяхъ произведена люстрація. Отъ этихъ операций крестьяне надѣлены землею въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ, болѣе чѣмъ на 350 тысячъ десятинь; повинности крестьянъ отъ уничтоженія существовавшихъ въ западномъ краѣ даней уменьшились на сумму, превышающую по миллионъ руб. сер., а доходъ казны, не включая прибыли съ оброчныхъ статей, увеличился болѣе чѣмъ на два съ половиною миллионъ и пр.

Что касается поступленія податей, то изъ 22 слишкомъ миллионъ годоваго сложнаго оклада, до учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ, не добиралось ежегодно болѣе $1\frac{1}{4}$ мил. или свыше 7%; въ управленіе имуществами новаго Министерства изъ 27 слишкомъ миллионъ годоваго оклада не допоступало съ небольшимъ 887 тысячъ или съ небольшимъ 3%.

Отправленіе земскихъ повинностей въ казенныхъ селеніяхъ производится на основаніи правилъ, составленныхъ въ особомъ комитетѣ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и одобренныхъ Высочайшею конфирмаціею.

Изъ натуральныхъ повинностей особое вниманіе обращаетъ на себя рекрутская, столь чувствительная для нашего народа. Въ отношеніи отправленія этой повинности въ министерство графа Киселева послѣдовала важная перемена: вмѣсто очередной введена жеребьевая система, на основаніи которой жеребій вынимаютъ 20—21 лѣтние крестьяне. Система эта, давая полную возможность пополнять войска молодыми людьми, имѣющими здоровое тѣлосложеніе и большія средства привыкнуть къ военной дисциплинѣ, имѣетъ очевидное преимущество предъ очередною, тѣмъ болѣе, что молодые люди, непоступившіе въ рекруты, могутъ спокойно заняться устройствомъ своего домашняго быта. Жеребьевая система, впрочемъ, наиболѣе удобна при обыкновенныхъ наборахъ, когда съ тысячи душъ требуется не болѣе семи рекрутъ; въ противномъ случаѣ, дѣлается необходимымъ призывать людей старшихъ возрастовъ, между которыми найдутся женатые и семейные, чрезъ что жеребьевая система теряетъ свои преимущества.

Для приведенія земель въ извѣстность и выдѣла изъ нихъ участковъ на удовлетвореніе разныхъ надобностей предпринято межеваніе или хозяйственная съемка земель на планы. Съ этою цѣлью приготовлено постепенно болѣе 1400 высшихъ и низшихъ межевыхъ чиновъ, которыми снято на планы въ Европейской Россіи и Сибири до $53\frac{1}{4}$ миллионъ десятинь земли и обреченогнотировано слишкомъ 28 мил. десятинь, съ употребленіемъ на то изъ суммъ Министерства болѣе полтора миллионъ руб. сер.

По мѣрѣ съемки земель, онѣ получили назначеніе и, между прочимъ, до полумилліона десятинь земли отмежевано на водвореніе людей разныхъ сословій, неимѣвшихъ дотолѣ земледѣльческой ослѣдлости, какъ-то: евреевъ, однодворцевъ, посессионныхъ крестьянъ и половниковъ, всего свыше 56 тысячъ душъ мужскаго пола.

Въ видахъ обезпеченія народнаго продовольствія, срокъ для сбора по $1\frac{1}{4}$ четверти на душу изъ 16 сокращенъ на 8 лѣтъ. Для хране-

нiя хлѣба выстроено, по новой модели, на сумму болѣе $3\frac{1}{2}$ мил., свыше 3000 сельскихъ магазиновъ и, кромѣ-того, построено 10 центральныхъ магазиновъ на мѣстахъ, удобныхъ для передвиженiя хлѣбныхъ запасовъ большими массами въ неурожайныя мѣста. Пособiя хлѣбомъ, производимаго не при однихъ неурожаяхъ, но и при всякомъ недостаткѣ въ хлѣбѣ, выдано, въ-теченiе свыше восьмидцатилѣтняго управленiя Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ графа Киселева, до 15 мил. четвертей, на сумму, по самому умѣренному разсчету, около 30 мил. руб. Сверхъ-того, израсходовано деньгами на покупку и перевозку хлѣба свыше $5\frac{1}{2}$ мил. руб. сер. и покрыты накопившiеся недоимки. И на все это не только ни одного рубля не потребовалось изъ казны, но при оставленiи графомъ Киселевымъ Министерства, кромѣ состоявшихъ на-лицо 11 мил. четвертей хлѣба, имѣлось до 4 мил. продовольственнаго капитала.

Съ учрежденiемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ; сборъ по 4 коп. съ души на пособiе погорѣвшимъ, существовавшiй въ губернiяхъ Псковской и Санктпетербургской, распространень былъ на прочiя губернiи, и изъ этого сбора выдавалось погорѣвшимъ: съ лѣсомъ по 28, а безъ него по 42 р. сер.; но какъ сумма эта оказывалась недостаточною на удовлетворенiе надобностей по постройкамъ, то въ 1853 году введено взаимное страхованiе, съ правомъ страховать строенiя до $\frac{2}{3}$ ихъ стоимости и не ниже 15 руб. сер. Изъ четырехкопеечнаго сбора, съ 1840 по 1853 годъ, выдавалось; по сложности, до 358 тыс. въ годъ, а съ 1853 по 1856, по правиламъ взаимнаго страхованiя, по 860 тыс. въ годъ.

Улучшенiе сельскихъ построекъ составляло постоянную заботливость Министерства. Въ этихъ видахъ, по учрежденiи Министерства, при Палатахъ назначены инженеры и составлены нормальные планы, примѣнительно къ разнымъ мѣстностямъ, а для правильной постройки домовъ изданы особые атласы. Для поощренiя улучшенныхъ построекъ выдано крестьянамъ ссуды изъ хозяйственнаго капитала болѣе, чѣмъ на 225 тыс. Для предосторожностей отъ пожаровъ, слишкомъ 1300 селенiй пересѣчено площадями. Въ этихъ же видахъ устроено болѣе 600 кирпичныхъ заводовъ, изъ которыхъ крестьяне снабжались кирпичами по умѣреннымъ цѣнамъ, во многихъ мѣстахъ непревышавшимъ двухъ рублей на тысячу. Во время состоянiя крестьянъ подъ нынѣшнимъ управленiемъ ими построено: каменныхъ домовъ болѣе 7500, на каменныхъ фундаментахъ свыше 90 т., на каменныхъ столбахъ болѣе 55 т., изъ землелитнаго кирпича до 12 т. и съ нестарасмыи крышами болѣе 1500.

Что касается *врачебной части*, то, при открытiи новаго управленiя въ казенныхъ селенiяхъ, находилось всего пять врачей. Вслѣдствiе того, по сдѣланному Министерствомъ предложенiю, принятому духовнымъ вѣдомствомъ, введено преподаванiе медицины въ семинарiяхъ, воспитанники которыхъ, сдѣлавшись церковнослужителями въ селенiяхъ, получили возможность оказывать и медицинское пособiе крестьянамъ, охотно имъ пользующимся у духовенства. Для выполненiя по казеннымъ селенiямъ медико-полицейскихъ мѣръ,

предписываемыхъ закономъ, приняты на службу по вѣдомству Государственныхъ Имуществъ медики и ветеринары и введено обученіе крестьяномъ акушерству, а крестьянскихъ мальчиковъ фельдшерскому искусству. Сверхъ-того, для приготовления фельдшеровъ въ казенныя селенія, учреждена особая школа. Въ последнее время, кромѣ-того, образовано отдѣльное медицинское управленіе для казенныхъ крестьянъ: при Министерствѣ главный медикъ съ помощниками, при Палатахъ по одному губернскому врачу и по одному ветеринару, въ округахъ окружные врачи, по одному на два округа и въ каждой волости по одному фельдшеру.

Для общественнаго призрѣнія безсемейныхъ и безпомощныхъ крестьянъ учреждено до 400 богадѣльнъ, которыя устроены и содержатся насчетъ крестьянъ. Но если общественное устройство нашихъ крестьянъ и свойственная имъ семейная привязанность не требовали особыхъ мѣръ призрѣнія, которыя достаются на долю правительствъ въ другихъ государствахъ, то на устройство и призрѣніе сиротъ, для сохранения имъ оставшагося послѣ родителей имущества и приготовленія къ полезнымъ занятіямъ, обращено особенное вниманіе, и съ этою цѣлью учреждены опеки надъ сиротами. Всѣхъ опекъ состояло болѣе 40 т., имѣющихъ въ своемъ завѣдываніи свыше 90 т. сиротъ и на 5 мил. ихъ капиталовъ и имущества.

Для пособія крестьянамъ въ сельской промышленности и денежныхъ оборотахъ открыто болѣе 1600 вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ, а для содѣйствія къ удовлетворенію общественныхъ нуждъ учреждены мірскіе капиталы, которые находятся въ распоряженіи обществъ и простираются до $3\frac{1}{2}$ мил. руб. сер. Объ этихъ послѣднихъ учрежденіяхъ сообщены уже читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» болѣе-подробныя свѣдѣнія въ Современной Хроникѣ январской книжки текущаго года.

При этомъ кстати сказать, что Министерство, неполучившее при своемъ образованіи никакихъ денежныхъ суммъ, судя по состоянію капиталовъ его въ 1855 году, держалось строгой экономіи какъ въ составленіи, такъ и расходованіи денегъ. По отчету за 1855 годъ въ завѣдываніи Министерства состояло 26,903,754, въ томъ числѣ 19,005,313 руб. на-лицо, а 7,898,446 въ ссудѣ.

Отъ устройства государственныхъ крестьянъ переходимъ къ устройству государственныхъ имуществъ, то-есть оброчныхъ статей и лѣсовъ.

При учрежденіи Министерства *казенныхъ оброчныхъ статей*, было 10 т., а доходъ съ нихъ составлялъ 85 т. Къ 1856 году число оброчныхъ статей превышало 22 т. и доходъ съ нихъ возвысился въ три раза противъ прежняго.

Доходъ съ мірскихъ оброчныхъ статей, при открытіи Министерства ограничивавшійся 100 т. руб., возвысился къ 1856 году до 800 т. или въ восемь разъ противъ прежняго.

Чтобъ сберечь и устроить *казенныя лѣса*, учрежденъ Корпусъ Лѣсничихъ и постоянная лѣсная стража на военномъ положеніи; а для приготовленія людей съ специальными свѣдѣніями по лѣсной

части, Лѣсной Институтъ и Лисинское учебное лѣсничество преобразованы и увеличены.

Для устройства лѣсовъ, занимающихъ пространство около 100 миліоновъ десятинъ, составлено хозяйственное описаніе 36 мил. десятинъ, снято на планы 16½ мил., повѣрено и возобновлено заросшихъ границъ лѣсныхъ дачъ на протяженіи 50 тыс. верстъ, а при употребленіи лѣса приняты всѣ мѣры къ предупрежденію ихъ истощенія.

При безденежномъ отпускѣ лѣса на 2½ мил. въ годъ для разныхъ государственныхъ надобностей и на удовлетвореніе потребностей поселянъ не произошло значительнаго приращенія въ доходахъ отъ лѣсовъ, тѣмъ неменѣе доходы увеличились почти на половину, несмотря на соперничество частныхъ лѣсовъ, продаваемыхъ на срубъ цѣлыми дачами.

Положивъ основанія постепеннаго лѣсоустройства, Министерство занялось распространеніемъ лѣсотехническихъ свѣдѣній, для измѣченія изъ лѣсныхъ матеріаловъ большаго дохода и принсканіемъ способовъ замѣны лѣснаго топлива другими горючими веществами. Для этого въ Лисинскомъ Лѣсничествѣ и въ особо-устроенной школѣ въ Вологодской Губерніи производятся постоянно опыты добыванія лѣсныхъ произведеній: гонки смолы и дегтя, переугливаніе лѣса и проч. Въ этихъ опытахъ участвуютъ не только лѣсные офицеры, но и ученики изъ крестьянскихъ дѣтей, чтобъ посредствомъ ихъ распространить лѣсотехническое производство въ народной промышленности; съ этою же цѣлью издается «Газета Лѣсоводства». Для замѣны лѣса другими продуктами разрабатывались каменный уголь и торфъ, изъ которыхъ первый добывался въ Екатеринославской Губерніи, для приученія поселянъ, въ маломъ количествѣ (въ 1855 г. 43,500 пуд.), а послѣдній разрабатывался въ разныхъ мѣстностяхъ и по вѣдомству Государственныхъ Имуществъ, въ 1855 г., его выработано болѣе 19 мил. кирпичей.

Перехода затѣмъ къ обзорнѣю дѣйствій Министерства по улучшенію въ имперіи *сельскаго хозяйства*, считаемъ не излишнимъ прежде всего замѣтить, что Министерство старалось содѣйствовать этому распространеніемъ полезныхъ практическихъ и теоретическихъ свѣдѣній, а также примѣрами и поощреніями. Съ этою цѣлю учреждены Горыгорѣцкій Земледѣльческій Институтъ, два земледѣльческія училища и восемь фермъ въ разныхъ полосахъ Россіи; число садовыхъ заведеній увеличено до 13, съ раздѣленіемъ ихъ на разряды. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ обучается до 1500 человекъ; сверхъ-того, выпущено по окончаніи ученія 2120. Большая часть означанныхъ заведеній сосредоточены въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ, для наблюденія и содѣйствія ихъ успѣху, существуетъ инспекція сельскаго хозяйства Южной Россіи. Для распространенія теоретическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству издавались постоянно одинъ журналъ и двѣ газеты, а для возбужденія дѣятельности и соревнованія хозяевъ учреждались ежегодныя выставки сельскихъ произведеній, предлагались конкурсы для составленія описаній и руководствъ

по части сельскаго хозяйства и двадцать-пять пзъ представленныхъ на конкурсы сочиненій напечатаны для всеобщаго свѣдѣнія. За успѣхи по сельскому хозяйству дѣлались поощренія почетными наградами, медалями отъ Ученаго Комитета, денежными преміями и похвальными листами. Въ видахъ приобрѣтенія содѣйствія высшаго сословія успѣхами сельскаго хозяйства, учреждено, сверхъ прежнихъ 7, 13 обществъ сельскаго хозяйства, въ составъ которыхъ находится болѣе 2700 членовъ изъ мѣстныхъ владѣльцевъ, содѣйствующихъ своими занятіями общему дѣлу, и составлены нормальныя правила для учрежденія подобныхъ обществъ по другимъ губерніямъ.

Для изслѣдованія и улучшенія льняной, пеньковой, табачной и свеклосахарной промышленности, а равно рыболовства въ Балтійскомъ и Каспійскомъ Моряхъ и окружающихъ ихъ водахъ, особыя комиссіи, изслѣдованія которыхъ, напечатанныя для всеобщаго свѣдѣнія, имѣли послѣдствіемъ распоряженія, клонившіяся къ устройству означенныхъ отраслей хозяйства.

Разныя отрасли сельскаго хозяйства получили дальнѣйшее развитіе. Производство хлѣбовъ, простиравшееся при учрежденіи Министерства до 13,140,700 четвертей, возрасло въ послѣднее время до 23 миліоновъ четвертей; посѣвы картофеля съ 38,200 возвысились до 5¹/₂ миліоновъ четвертей; въ южныхъ губерніяхъ распространена кукуруза, а въ среднихъ разведеніе свекловицы, въ значительныхъ размѣрахъ, удовлетворяющихъ потребности 395 свеклосахарныхъ заводовъ, учрежденныхъ въ недавнее время. Ленъ, вслѣдствіе разныхъ поощрительныхъ мѣръ и устройства льнопрядиленъ, улучшенъ въ разработкѣ и увеличенъ въ посѣвахъ, отчего цѣнность отпуска его за границу возрасла съ 17 миліоновъ до 25 и составляетъ нынѣ одну пятую цѣнности всей отпускной торговли. Табакъ, непродававшійся прежде свыше 1 руб. за пудъ, вслѣдствіе распространенія посѣвовъ американскихъ, турецкихъ и египетскихъ сѣменъ высшихъ сортовъ, восходитъ нынѣ цѣнностью до 10 и даже 12 руб. Травосѣяніе распространяется въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ. Скотоводство умножилось такъ, что къ 1856 году у государственнхъ крестьянъ считалось болѣе 36¹/₂ миліоновъ головъ, въ томъ числѣ крупнаго скота 14¹/₂ миліоновъ; товкорунныхъ овецъ считается до 8,700,000 и отпускъ шерсти за границу съ 1840 года возросъ отъ 328 тысячъ до 800 тысячъ пудовъ.

Предѣлы настоящаго очерка не дозволяютъ намъ исчислить всѣхъ мѣръ, принятыхъ по почительству надъ государственными крестьянами, управленію государственными имуществами и улучшенію сельскаго хозяйства; но уже и изъ приведенныхъ фактовъ нетрудно убѣдиться, какъ велики заслуги графа Киселева по управленію государственными имуществами.

При самомъ назначеніи своемъ въ главѣ управленія, онъ поставилъ себѣ задачею устранить неопредѣлительность, произволъ и злоупотребленія и открыть широкіе пути къ улучшенію быта крестьянъ, безъ всякихъ потрясеній всего, что находилось съ ними во взаимныхъ сношеніяхъ. При рѣшеніи этой задачи можно было или

основаться на отвѣднномъ началѣ и создать даже болѣе или менѣе стройную систему властей, правъ и обязанностей, или принять въ основаніе уже готовые образцы. Если законодательно трудно увлечься теоріею, то еще труднѣе обойти обыкновенную рутину, на сторонѣ которой въ законодательствѣ, какъ и во всемъ, бываетъ большинство съ своими притязаніями на практику. Въ учрежденіи Министерства Государственныхъ Имуществъ счастливо обойдены эти крайности, не тѣмъ, что онъ избралъ такъ-называемый средній путь, но тѣмъ, что, имѣя въ виду крайности, учредитель обошелъ ихъ, ставъ на высшую точку зрѣнія общихъ государственныхъ интересовъ. Осуществленіе предположенной графомъ Киселевымъ по устройству государственныхъ имуществъ задачи, какъ и всякаго государственнаго преобразованія, неизбѣжно повлекло за собою борьбу съ многочисленными враждебными элементами, которые были порожденіемъ прошедшаго порядка вещей. Но прошедшее знаютъ немногіе, еще меньше такихъ, которые его понимаютъ, и только рѣдкіе способны прозрѣвать въ будущее и действовать на пользу его съ самоотверженіемъ. Обладая обширнымъ умомъ и познаніями, графъ Киселевъ, кромѣ этихъ качествъ, въ дѣятельность свою постоянно вносилъ любовь къ завѣдуемой имъ части государственнаго управленія. Это чувство, выражавшееся въ распоряженіяхъ графа во время его службы, высказалось еще разъ при прощаніи съ оставляемымъ министерствомъ. «И на иномъ поприщѣ службы» сказалъ графъ, оканчивая свое прощальное привѣтствіе, «указанномъ мнѣ волею монарха, вдали отъ отечества, мнѣ будетъ также близко истинное благо государственныхъ крестьянъ, какъ оно было близко мнѣ въ-теченіе многолѣтняго ими управленія».

— Другая премія, назначенная въ послѣднее время, учреждена графомъ Н. А. Кушелевымъ-Безбородко. Графъ Безбородко представилъ въ Императорскую Академію Наукъ билетъ Сохранной Казны въ пять тысячъ рублей серебромъ, назначивъ всю эту сумму за полное, на русскомъ языкѣ, жизнеописаніе государственнаго канцлера князя Александра Андреевича Безбородко, которое, по заключеніи Академіи, признается достойнымъ награды; проценты же съ означенной суммы—автору второй, по достоинству, біографіи. Конкурсъ будетъ продолжаться до конца 1861 года, а 6-го апрѣля 1862 года, въ память дня кончины канцлера князя А. А. Безбородко, должно быть сдѣлано присужденіе наградъ.

Отъ соискателей требуется не простаго лишь очерка жизни князя Безбородко, но такого историческаго сочиненія, въ которомъ онъ былъ бы изображенъ какъ одинъ изъ главныхъ участниковъ въ дѣйствіяхъ славнаго царствованія Екатерины II, для чего въ необходимой полнотѣ должны быть представлены всѣ болѣе или менѣе относящіяся къ Россіи событія тогдашняго времени, особенный характеръ времени, вліяніе на государственныхъ людей эпохи и, между прочимъ, на того, который долженъ быть предметомъ біографіи. Для этого автору нужно будетъ обратить вниманіе не на одни печатные,

русскіе и иностранныя источники, но по возможности, и на хранящіяся въ архивахъ, а также и у частныхъ людей документы.

— Въ концѣ апрѣля отправилась изъ Петербурга въ Пекинъ новая духовная миссія на смѣну старой, которая должна возвратиться въ Россію. Новая миссія находится подъ начальствомъ архимандрита Гурія и состоитъ изъ архимандрита, трехъ іеромонаховъ, четырехъ студентовъ, лекаря и живописца. Архимандритъ Гурій, проживъ въ Пекинѣ десять лѣтъ, возвратился отсюда въ 1850 году, слѣдовательно, Китай—страна ему хорошо-знакомая. Пренія миссии отправлялись на десять, нынѣшняя поѣхала только на шесть лѣтъ, потому—что жаркій климатъ страны имѣетъ губительное вліяніе на здоровье иноземцевъ. Цѣль нашей духовной миссии въ Китаѣ двоякая: вопервыхъ, изученіе китайскаго языка, что, при сосѣдствѣ съ этою страной, для насъ чрезвычайно-важно, и вовторыхъ, исполненіе церковныхъ обрядовъ для албазинцевъ, сохранившихъ православіе. Въ Китаѣ, какъ извѣстно, существуютъ двѣ православныя церкви: Срѣтенскій Монастырь, стоящій въ центрѣ города, недалеко отъ дворца, въ русскомъ подворьѣ, и приходская церковь во имя Успенія Пресвятыя Дѣвы подлѣ сѣверной стѣны города, въ албазинской сотнѣ. Церковь основана еще въ XVII-мъ столѣтіи русскими, взятыми въ плѣнъ китайцами въ то время, когда русскіе, построивъ острогъ Албазинъ, дѣлали изъ него набѣги на жителей низовой Амура, а потомъ отстаивали свою независимость отъ ходившихъ на Албазинъ китайцевъ. Въ числѣ плѣнныхъ русскихъ былъ взятъ и священникъ Максимъ Леонтьевъ. Сначала онъ исполнялъ богослуженіе для своихъ соотечественниковъ въ часовнѣ, а потомъ, по благословенію тобольскаго митрополита, освятилъ церковь и сталъ совершать литургію. Между тѣмъ, началась съ Китаемъ наша торговля; русскіе купцы часто пріѣзжали въ Пекинъ; имъ отвели особое подворье и они стали хлопотать о сооруженіи церкви. Богдыханъ Канъ-Си далъ просимое позволеніе, а наслѣдникъ его, мало этого, соорудилъ ее на свой счетъ, несмотря на то, что тогда уже началось гоненіе на христіанъ. Съ этого времени и живеть въ Пекинѣ постоянно наша духовная миссія, и между-тѣмъ, какъ бывшія здѣсь католическія церкви давно разрушены, наши пользуются покровительствомъ закона.

— Въ-заключеніе новостей изъ міра науки, считаемъ нелишнимъ сообщить объ отпечатанныхъ въ нынѣшнемъ году изданіяхъ Археологической Коммиссіи.

Вотъ они: 1) VII томъ *Полнаго собранія русскихъ летописей*, въ которомъ заключается первая половина Воскресенской Лѣтописи, 2) VI томъ *Дополненій къ актамъ историческимъ*, заключающій грамматы и другіе акты, принадлежащіе къ послѣднимъ годамъ царствованія Алексѣя Михайловича, отъ 1670 до 1676 года. Въ прибавленіяхъ же къ этому тому помѣщены акты, относящіеся до дипломатическихъ сношеній Россіи съ Швеціею съ 1650—1674 годовъ.

3) I томъ *Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи*, содержащій въ себѣ матеріалы, подходящіе подъ слѣдующія названія: «Выборы, выписи, грамматы, данныя, доклады, допросы, досмотры, доѣзды, духовныя дѣла, дѣльныя записки, записки, извѣты».

4) *Граматы, касающіяся до сношеній Сѣверозападной Россіи съ Римою и ганзейскими городами*, съ восьмью литографированными снимками древнихъ грамматъ. Въ этомъ изданіи заключаются грамматы III-го и слѣдующихъ столѣтій, писанныя въ Ригѣ, Полоцкѣ и другихъ русскихъ городахъ.

— Вышелъ *седьмой томъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева*. Не лишая себя надежды поговорить подробно объ этомъ замѣчательномъ произведеніи текущей нашей исторической литературы, сдѣлавшемся настольною книгою каждаго, занимающагося русскою исторіей, приведемъ здѣсь содержаніе вышедшаго недавно седьмага тома. Вотъ оно: «Внутреннее состояніе русскаго общества во времена Іоанна IV. Царствованіе Θεодора Іоанновича. Усиленіе Бориса Годунова и торжество его надъ всѣми соперниками. Внѣшнія сношенія и войны въ царствованіе Θεодора Іоанновича. Дѣла внутреннія въ царствованіе Θεодора Іоанновича. Престѣненіе Рюриковой Династіи». Полный успѣхъ, которымъ пользуются вышедшіе уже томы этой исторіи, несомнѣнно ожидаетъ и продолженіе ея, потому-что съ каждымъ томомъ она становится интереснѣе, по-мѣрѣ-того, какъ описываетъ ближайшее къ намъ время.

— Вышли три тома (вторымъ изданіемъ) *Исторіи войны 1799 года между Россіей и Франціей*, въ царствованіе императора Павла I-го. *Д. А. Милютина*. Читатели наши знакомы съ этою прекрасною исторіею, по первому изданію. Но тогда г. Милютину принадлежали собственно два послѣдніе тома, а первый былъ оставленъ въ изданіи такъ, какъ онъ былъ написанъ Михайловскимъ-Данилевскимъ. При новомъ изданіи и этотъ первый томъ заново переделанъ г. Милютинымъ. Вотъ что онъ говоритъ въ предисловіи:

«Общее вниманіе, съ которымъ принято было первое изданіе моего сочиненія, возложило на меня обязанность употребить новыя усилія для усовершенствованія своего труда, для тщательнаго взятъ исправленія недосмотровъ, какъ авторскихъ, такъ и типографскихъ. Къ-тому же нашлись нѣкоторые новыя источники печатныя и рукописныя, которыхъ прежде не имѣлъ я въ виду; они дали мнѣ возможность въ новомъ изданіи значительно пополнить приложенія, а въ иныхъ мѣстахъ измѣнить и самый текстъ. Изобиліе новыхъ матеріаловъ заставило меня всю первую часть сочиненія написать заново. Читатели найдутъ въ ней много такихъ данныхъ, которыя по видимому не были извѣстны покойному генералу Михайловскому-Данилевскому; чрезъ это и самыя событія представляются уже въ иномъ видѣ. Въ числѣ сдѣланныхъ мною дополненій, вся II-я глава посвящена изображенію главныхъ дѣйствователей въ описываемой

войнъ: самого императора Павла I-го, другихъ современныхъ монарховъ и стоявшихъ во главѣ правленія замѣчательнѣйшихъ министровъ. Въ послѣдней IX главѣ, заключающей въ себѣ краткій биогрѣфическій очеркъ Суворова, я старался по-возможности обрисовать оригинальную личность знаменитаго нашего полководца.

«Новые матеріалы, которыми я пользовался для втораго изданія, внесены въ общій указатель источниковъ, помѣщенный въ началѣ III тома. Въ-особенности я долженъ съ признательностью упомянуть о рукописяхъ, вновь-полученныхъ мною отъ генерал-адъютанта князя Александра Аркадьевича Суворова.

«Нѣкоторыя мѣста сочиненія исправлены по объясненіямъ и разсказамъ покойнаго генерал-отъ-инфантеріи Андрея Ивановича Горчакова, племянника генералиссимуса. При этомъ беру смѣлость привести лестный отзывъ князя Горчакова въ одномъ изъ полученныхъ мною отъ него писемъ: «какъ очевидецъ всѣхъ событій 1799 года и дѣйствующее лицо (писагъ онъ) я считаю неизлишнимъ сказать, что все сочиненіе ваше преисполнено истиною и ясностью».

— Намъ извѣстно также, что въ непродолжительномъ времени отпечатываются и выйдутъ въ свѣтъ *вторая и третья* части «Стихотвореній Шиллера» въ переводахъ русскихъ поэтовъ, издаваемыхъ подъ редакцію Н. В. Гербеля.

Успѣхъ первой части «Лирическихъ Стихотвореній Шиллера», утвердилъ издателя въ намѣреніи преслѣдовать свое предпріятіе до конца, то-есть, издать *всего Шиллера въ русскомъ переводѣ*. Съ этою цѣлью онъ обратился къ нѣкоторымъ современнымъ литераторамъ, снискивавшимъ извѣстность своими переводами съ нѣмецкаго, съ предложеніемъ принять дѣятельное участіе въ его изданіи. Отвѣтомъ на вызовъ было радушное согласіе содѣйствовать всѣми силами задуманному предпріятію.

— Одно изъ самыхъ утѣшительныхъ явленій нашей общественной жизни то, что, вслѣдствіе явившихся въ обществѣ вопросовъ, возникаютъ спеціальныя журналы, для рѣшенія этихъ вопросовъ. Журналы эти возникаютъ и развиваются быстро. Передъ нами, на примѣръ, пять книжекъ новаго «Журнала для Воспитанія». Эти пять книжекъ даютъ намъ возможность оцѣнить достоинства журнала и сказать о немъ наше мнѣніе. У французовъ есть стереотипная фраза, которою начинается обыкновенно объявленіе о появленіи въ свѣтъ новаго юридическаго изданія: «въ немъ чувствовалась повсемѣстно необходимость.» Какъ ни устарѣло это выраженіе, но оно вполне примѣняется къ «Журналу для Воспитанія». Лучшимъ доказательствомъ служить появленіе втораго подобнаго изданія, подъ названіемъ «Педагогическій Вѣстникъ». Необходимость образованія самихъ воспитателей у насъ чувствуется сильнѣе необходимости образованія воспитывающихся. Поэтому мы надѣемся, что оба журнала встрѣтатъ во всѣхъ классахъ общества полное со-

чувствіе и принесутъ несомнѣнную пользу, если только будутъ держаться болѣе практическаго, чѣмъ теоретическаго направленія.

Въ наше время, конечно, никто не станетъ сомнѣваться въ важности вопроса о воспитаніи, на который обратило вниманіе наше правительство, приглашая всѣхъ, кому знакомо это трудное дѣло, сообщать свои мнѣнія и предположенія. Кажется, ничего не можетъ быть проще разрѣшенія вопроса: что такое воспитаніе? и, между тѣмъ, сколько разнородныхъ мнѣній слышите вы со всѣхъ сторонъ о предметѣ, который, повидимому, всѣ бы должны понимать одинаково! Журналъ г. Чумикова начинается именно разрѣшеніемъ этого вопроса и, сознаемся прямо, разрѣшеніе это, сдѣланное г. Рѣдкинымъ, показалось намъ до-того неудовлетворительнымъ, что заставило насъ даже отложить сужденіе о журналѣ, начавшемъ свою литературно-педагогическую дѣятельность статью, съ которою согласятся весьма-немногіе. Это — статья крайне-отвлеченная, безъ практическаго примѣненія взглядовъ, что у насъ составляетъ—нужно замѣтить—едва-ли не главное дѣло педагогики. По-счастью, въ послѣдующихъ статьяхъ и въ мнѣніяхъ самого редактора мы увидимъ болѣе-прямое и истинное пониманіе цѣли воспитанія. Въ статьѣ г. Рѣдкина, помѣщенной въ трехъ первыхъ книжкахъ, есть, безъ сомнѣнія, нѣсколько вѣрныхъ и дѣльныхъ мыслей, но общее направленіе ея — односторонне. Авторъ даетъ слишкомъ-тѣсное значеніе воспитанію, подчиняя его вполнѣ безусловно элементу духовному и забывая, что элементъ нравственный можетъ разсматриваться отдѣльно и играть также важную, самостоятельную роль въ воспитаніи. Мы не можемъ входить въ подробный разборъ мнѣній г. Рѣдкина, но замѣтимъ ему, что обиліе цитатъ доказываетъ часто нетвердость мнѣнія, подкрѣпляемаго этими цитатами. Логическая, ясная истина не нуждается въ авторитетахъ. Сбивчивость понятій г. Рѣдкина до-того очевидна, что онъ перепутываетъ даже термины, говоря, напримѣръ, что «подъ прекраснымъ разумѣется не то, что красиво по наружности, но что вообще въ своемъ родѣ совершенно, то-есть: достаточно для цѣли, къ которой предназначено» (ст. 8). Въ какой эстетикѣ г. Рѣдкинъ нашелъ тожество тѣлесобразности съ прекраснымъ?

Вторая статья того же автора... *Можно ли и должно ли воспитывать дѣтей?* (№ 4) нѣсколько-современнѣе и не такъ исключительна, хотя въ ней не высказано ничего новаго. Совсѣмъ иначе смотритъ на цѣль педагогики докторъ Магеръ, въ статьѣ *Что такое педагогика?* (№ 4) Онъ начинается горькими, но справедливыми словами о томъ, какъ многіе въ Германіи понимаютъ педагогику. Авторъ говоритъ: «Педагогика есть нѣчто каждому изъ насъ въ извѣстной степени нужное въ жизни, и каждому изъ насъ въ извѣстной степени знакомое — почти такъ же, какъ танцы; но, какъ не «ряду съ простыми смертными, которые когда случится, не прочь «проплясать польку или вальсъ, есть танцовщики по профессіи, привилегированные артисты и преподаватели танцованія, такъ точно «есть и педагоги по ремеслу, есть профессоры и учителя педаго-

«гнки. Разница между ними только та, что услуги, оказываемыя «человѣческому роду танцовщиками, вознаграждаются несравненно-лучше, чѣмъ заслуги педагоговъ. Кажется, современное намъ чело-вѣчество сохранило еще темное воспоминаніе о томъ, что у гре-ковъ и римлянъ педагоги были обыкновенно рабы; и если въ на-ше время иной берейторъ за дрессировку лошадей получаетъ тыся-чи годового оклада, а люди, которые бьются надъ дрессировкой мо-лодаго поколѣнія, только-что не мрутъ съ голода, то это вовсе не «странность, какъ въ простотѣ своего сердца думалъ блаженной «памяти Ляхтенбергъ, а только старая пѣсня о людской справед-ности». Такимъ бойкимъ тономъ написана вся статья. Магеръ сомнѣвается даже въ томъ, что разумъ составляетъ принадлеж-ность всѣхъ людей; и допуская, что онъ, подобно имуществу въ Англии, распределенъ между людьми весьма-неравномѣрно, на-ходитъ, что весьма-немногіе умѣютъ разумно употреблять свой разумъ въ дѣло. Говоря о томъ, что правительства заводятъ школы ветеринаровъ для лошадей и рогатаго скота, докторъ Магеръ не предполагаетъ, «чтобъ сердцу государственныхъ мужей было бли-же благостольніе животныхъ, нежели чело-вѣческая жизнь съ ея духовной и нравственной стороною» (стр. 396), а между-тѣмъ изъ двадцати университетовъ, существующихъ въ Германіи, ни при одномъ нѣтъ педагогическаго факультета! Мы не можемъ, однакожъ, согласиться съ авторомъ, чтобъ педагогику слѣдовало преподавать и понимать въ томъ обширномъ объемѣ, какой принятъ Магеромъ. Чѣмъ немногосложнѣе и проще дѣленія науки, тѣмъ легче они усваиваются учащимися. Не можемъ не привести также оригинальна-го дѣленія наукъ, взятаго у Лехтенберга: *хлѣбъ и почестъ* даютъ: правовѣдѣніе, теологія, медицина, высшая математика (Analysis Infinitorum); *хлѣбъ безъ почести*: адвокатство, экономія, анатомія, ари-метика и письмо; *почестъ безъ хлѣба*: поэзія, литература, филосо-фія; *ни хлѣба, ни почести*: метафизика, логика, критика. Къ послѣднему же отдѣлу Магеръ причисляетъ и педагогику.

Необходимость тѣснаго соединенія въ педагогикѣ, практики и тео-ріи, изложена ясно въ статьѣ *О пользѣ педагогической литературы* (№ 1). Авторъ статьи г. К. У. справедливо замѣчаетъ, что педаго-гика, какъ медицина, не можетъ быть названа наукою въ строгомъ смыслѣ этого слова; ни той, ни другой нельзя выучиться, какъ ма-тематикѣ, химіи; и та и другая, кромѣ знакомства съ философскими и естественными науками, требуютъ еще умѣнья приложить эти знанія къ дѣлу, фактическихъ свѣдѣній, наблюдательности, навыка. «Главнѣйшая дорога чело-вѣческаго воспитанія (говоритъ авторъ на стр. 28) — убѣжденіе, а на убѣжденіе можно дѣйствовать только убѣжденіемъ. Воспитатель никогда не можетъ быть слѣпымъ испол-нителемъ инструкции: несогрѣтая теплотою его личного убѣжденія, она не будетъ имѣть никакой силы». Это справедливо; но съ слѣ-дующими словами согласиться нельзя: «Многое, конечно, значить «духъ» заведенія; но этотъ духъ живетъ не въ стѣнахъ, не на бу-кматахъ, но въ характерѣ большинства воспитателей, и оттуда уже

«переходить въ характеръ воспитанниковъ». Воспитанникъ любого заведенія у насъ можетъ засвидѣтельствовать, что это не всегда бываетъ такъ.

Два письма къ русскимъ женщинамъ госпожи А. Х—вой (№№ 1 и 3) развиваютъ мысли о назначеніи женщины, на основаніи известной критики Бѣлинскаго («От. Записки», т. XXXIX, разборъ «Евгенія Онѣгина») и ямба г. Щербины *Къ женщинамъ*. Главная мысль писемъ та, что «міръ только посредствомъ женщины можетъ обновиться къ новой жизни, къ той жизни, гдѣ будутъ царствовать истина, добро и красота (стр. 307). Съ этою цѣлью авторъ советуетъ обратить болѣе вниманія на женское воспитаніе. Необходимость этого еще яснѣе высказана самимъ редакторомъ въ двухъ статьяхъ его (№№ 3 и 4) *Мысли объ устройствѣ женскихъ училищъ въ губернскихъ городахъ*. Здѣсь мы встрѣчаемся прежде всего съ опредѣленіемъ задачи воспитанія, которая, по словамъ г. Чумикова: «въ обширномъ смыслѣ этого слова состоитъ въ стройномъ и разумномъ развитіи человѣческой природы, въ тѣлесномъ и нравственномъ отношеніяхъ» (стр. 323). Авторъ доказываетъ ясно и подробно весь вредъ отъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, главный недостатокъ которыхъ состоитъ въ уничтоженіи личности, индивидуальности воспитываемыхъ. «Совмѣстное жительство множества дѣвицъ имѣетъ весьма-неблагопріятное вліяніе на воспитанницъ въ нравственномъ отношеніи; явно клонится къ развитію въ каждой изъ нихъ чисто-эгоистическихъ побужденій» (стр. 330). Указавъ на дурную сторону этой системы воспитанія, въ отношеніи къ воспитываемымъ, авторъ находитъ важныя неудобства въ томъ, что женскими заведеніями управляетъ обыкновенно начальница училища, которая, какъ «всякая женщина, пользуясь правомъ власти, по свойству самой природы ея, весьма-легко переходитъ границы своего права, дѣлается до крайности властолюбивою и деспоткою. Съ другой стороны, начальствованіе женщины ставитъ преподавателей въ весьма-жалкое и несовмѣстное съ званіемъ ихъ, положеніе, часто даже крайне-унизительное, а еще чаще вынуждающее ихъ измѣнить свои педагогическіе принципы въ угоду женскаго своеволія, «односторонности или ограниченности взгляда» (стр. 442). Тамъ же, гдѣ въ одно время есть начальница и начальникъ, рѣдко можно встрѣтить, чтобъ они дѣйствовали согласно девизу: «l'union fait la force». Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться.

Советы врача матерямъ г. О—па и *Первые уроки матери* г. И. Сельскаго очень-полезны. Одинъ изъ учителей вступился за тупыхъ учениковъ, и въ статьѣ подъ этимъ названіемъ (№ 2) доказалъ убѣдительно, что такіе ученики очень-часто могли бы быть весьма-развитыми, еслибъ воспитатели ихъ не были сами тупы въ педагогическомъ отношеніи. Г. Глинскій въ статьѣ *О развитіи правды въ дѣтяхъ* (№ 3) даетъ также весьма-полезные советы о томъ, какъ приучать дѣтей всегда говорить правду. Въ статьѣ г. В. Жукова: *Три элемента школы* (№ 5), рассматриваются взаимныя отно-

шенія между собою администраторовъ заведенія, его воспитателей и учителей, въ Англіи, Франціи и Германіи. Недостатки нелогичныхъ отношеній между властями въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ этихъ странъ доказаны осязательно. Такъ въ Сандгертской Военной Коллегіи правитель ея есть главная власть и высшая инстанція, но онъ не преподаетъ самъ, «да и нельзя требовать исполненія всѣхъ «обязанностей отъ пожилаго война, который съ большою пользою «для отечества и честью для себя провелъ всю свою жизнь въ занятіяхъ совершенно другаго рода» (стр. 479). Авторъ статьи находитъ также вреднымъ, что совѣтъ коллегіи, состоящей изъ четырехъ офицеровъ, можетъ удалатъ преподавателей отъ должности во всякое время, и что «наблюденіе за воспитанниками посредствомъ «сержантовъ, которые, принадлежа къ числу прислуги, становятся «шпіонами, не позволяетъ образоваться въ школахъ благородному обществу» (стр. 481).

Въ статьѣ *О дѣтскомъ чтеніи* (№ 2), обращается вниманіе читателей на эту важную часть педагогики. Объ этомъ въ наше время уже не спорятъ и только лица съ отсталыми или поверхностными понятіями считаютъ легкимъ дѣломъ составленіе книги для дѣтскаго чтенія. «Иной воображаетъ, что пишетъ для дѣтей (говоритъ авторъ на стр. 194), между-тѣмъ онъ только пишетъ какъ дитя». Мы думаемъ даже, что хорошую дѣтскую книгу гораздо-труднѣе написать, чѣмъ хорошій учебникъ. Причина этому очевидна: темныя мѣста въ учебникѣ объяснить ребенку учитель; но если такія мѣста встрѣтятся въ книгѣ, назначенной для дѣтскаго чтенія: кто объяснить ихъ маленькому читателю?—родители? но имъ часто некогда, а часто они и не въ-состояніи сдѣлать этого. Да и не потеряетъ ли многое книга со стороны занимательности, если ребенокъ будетъ затрудняться понимать ее, если онъ будетъ видѣть въ ней то же *ученье*? Разумѣется, ребенка необходимо учить даже въ книгахъ, назначаемыхъ для его развлеченія, но въ то же время, надо дѣйствовать такъ, чтобъ ребенокъ не подозрѣвалъ, что его учатъ. Эта система вводится теперь даже въ учебники, что совершенно рационально, потому-что для ребенка лѣтъ девяти и даже для юноши лѣтъ четырнадцати наука, въ полномъ смыслѣ этого слова, еще не существуетъ. Всѣ его познанія—подготовленіе, собраніе матеріаловъ, изъ которыхъ только впоследствии, съ полнымъ развитіемъ мыслящей силы, образуется знаніе систематическое, то-есть наука. Всякій учебникъ, неимѣющій этого въ виду, не соответствуетъ своей цѣли. Скажемъ болѣе, чѣмъ учебная книга изложена наукообразнѣе, тѣмъ она бесполезнѣе для дѣтей. Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ учебникахъ наука, въ обширномъ смыслѣ этого слова, не должна имѣть мѣста; что они должны быть сборниками отдѣльныхъ, отрывочныхъ свѣдѣній—нѣтъ; необходимо только скрывать присутствіе науки, облекать ее въ образы, доступные для ребенка, такъ-сказать, внѣшніе, осязательные. Въ этомъ заключается одна изъ главныхъ задачъ педагогики. Всякій предметъ отражается скорѣе въ чувствѣ и воображеніи ребенка, и на эти-то способности

полезнѣ всего дѣйствовать пока умъ не имѣетъ еще довольно возможности для непосредственнаго воспринятія истинъ науки.

Мы уклонились, однакожъ, отъ обзора статей «Журнала для Воспитанія». Въ журналѣ г. Чумикова есть слѣдующіе отдѣлы: *Критика*, гдѣ разбираются сочиненія, относящіяся къ воспитанію; *Обзорныя педагогическыя литературы*, гдѣ разбираются замѣчательнѣйшія иностранныя сочиненія по той части (во 2-мъ № прекрасно разобраны педагогическія труды Дистервега); *Педагогическій сборникъ*, гдѣ помѣщаются статьи, касающіяся воспитанія, изъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и *Педагогическій Вѣстникъ*, въ которомъ собраны всѣ замѣчательнѣйшіе мелкіе факты современной педагогики. Редакція не пропускаетъ ни одного сколько-нибудь любопытнаго случая, относящагося къ педагогикѣ. Такъ въ Смѣси 5-й книжки мы читаемъ извѣстіе о бывшей въ Петербургскомъ Университетѣ ученой бесѣдѣ, по случаю обсуждения статей для предпринятаго студентами журнала. Авторъ статьи сознается, что онъ съ боязливымъ сомнѣніемъ вступилъ въ зданіе университета, припоминая то время, когда въ эти аудиторіи влекла молодыхъ людей не жажда знаній, а желаніе получить нѣкоторыя преимущества по службѣ. «Какъ живо представилось недавно пережитое нами тяжкое «время, когда наукѣ должны были смиренно уступить мѣсто другимъ, «болѣе насущнымъ потребностямъ!» (стр. 578) Но авторъ былъ пріятно изумленъ, убѣдясь, что передъ нимъ разсуждали не ученики, а молодые люди, горячо-сочувствующіе наукѣ.

— Но въ настоящее время о чемъ бы ни говорила Хроника, если она обязана слѣдить за главнѣйшими общественными интересами и заносить вѣсти о нихъ на свои страницы, рѣчь ея все-таки приходится къ промышленности. Всякое время имѣетъ свой характеръ, а въ наше время гдѣ ни послушайте, всюду толки объ акціяхъ, новыхъ обществахъ, дивидендѣ и т. п., какъ назадъ полтора года говорили о сраженіяхъ, раненыхъ, госпиталяхъ, Сестрахъ Милосердія и т. д. Знаменитыя слова Высочайшаго Манифеста, которыми было обнародовано прекращеніе военныхъ и начало полезной внутренней дѣятельности, приводятся съ каждымъ мѣсяцемъ болѣе и болѣе въ исполненіе. На эту тѣму не разъ уже говорено въ «Современной нашей Хроникѣ», но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣсколько словъ изъ письма г. Погодина въ газету «Le Nord», напечатаннаго въ 61 № Московскихъ Вѣдомостей (21 мая). Хотя письмо это и кажется запоздалымъ, потому что общій смыслъ его давно извѣстенъ всѣмъ и каждому, кто слѣдитъ за направлениемъ русской политики въ послѣдніе полтора года, однакожъ, на томъ основаніи, что о полезныхъ вещахъ никогда говорить не поздно, мы позволяемъ себѣ привести нѣсколько словъ изъ письма г. Погодина. Обрисовавъ въ общихъ чертахъ настоящее положеніе Европы, вмѣшательство Англіи и Франціи въ дѣла другихъ государствъ, и положеніе Россіи, какъ спокойной зрительницы всего происходящаго, безъ всякаго желанія вмѣшиваться въ

чужія дѣла, г. Погодинъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами:

«Вотъ безпристрастное и, смѣю думать, близкое къ правдѣ, если не совсѣмъ безошибочное изложеніе хода дѣлъ европейскихъ за послѣднее время, какъ оно представляется намъ, смиреннымъ гражданами московскимъ.

«Европейскія государства, повторяю, дѣйствовали въ Турціи, и дѣйствуютъ теперь на другихъ сценахъ, согласно съ своими выгодами, какъ онѣ имъ представились и представляются.

«Но представляются имъ эти выгоды, прибавимъ здѣсь нѣсколько словъ кстати, все еще съ прежней точки зрѣнія, по давнимъ понятіямъ, по старой системѣ, которая, по нашему мнѣнію, отжила свой вѣкъ.

«Не нужно объяснять, что мы разумѣемъ подъ старою системою...

Старая система несомѣстная съ образованіемъ вѣка и недостойная христіанскихъ народовъ! Не пора ли переимѣнить ее на другую, новую: живи всякій кому какъ лучше, развивай свои способности, пользуйся всѣми благодѣяніями Божиими, какъ умѣешь. Помогая другъ другу, мы всѣ уйдемъ гораздо-далѣе впередъ, чѣмъ вредя и мѣшая себѣ взаимно.

«Еслибы десять милліардовъ, въ которые обошлась прошедшая война воевавшимъ и невоевавшимъ державамъ, употребить, съ общаго согласія, на обширную европейскую колонизацію: сколько бы добра снискала Европа, покоришь своей власти остальную Азію и Африку, приготовивъ новые для себя рынки, избавясь отъ лишняго народонаселенія, пристроивъ къ мѣсту несчастныхъ своихъ пролетаріевъ!

«Внутренній образъ правленія въ государствахъ не принадлежитъ къ содержанію моего письма.

«Вотъ какъ мы думаемъ о настоящихъ дѣлахъ міра сего. Мы, русскіе, по вашему мнѣнію, варвары, которыхъ вы хотѣли осадить еще назадъ на 200 лѣтъ; видите ли, какого добра желаемъ мы искренно и сердечно не только для друзей своихъ, но и для враговъ, для общаго спокойствія, для преуспѣянія человѣческаго, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ.

«А чего желаемъ мы своему любезному отечеству? Мы, благодарные Европѣ за данный намъ толчокъ, за новый вразумительный урокъ, желаемъ Россіи на долю совершеннаго спокойствія и уединенія, и утѣшаемся дѣйствіями нынѣшняго нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которое, кажется, вполне постигло свою задачу... Мы думаемъ, что всякое новое учебное заведеніе, лишнее пространство хорошо устроенной дороги, удачное замѣщеніе той или другой должности, важнѣе для насъ всѣхъ дипломатическихъ сношеній. Пусть Европа дѣлаетъ что ей угодно: честь была приложена, а отъ убытка Богъ избавилъ! Мы думаемъ, что внутреннее устройство, согласное съ требованіемъ вѣка, согласное съ высотой, на которой стоятъ настоящія европейскія отношенія, по-крайней-

мѣръ въ мысли просвѣщенныхъ и человѣколюбивыхъ людей, важнѣе для насъ всякихъ пріобрѣтеній. Намъ довольно однихъ: 70 миліоновъ да земли на 700, и чего хочешь, того просишь! Намъ ничего не нужно, кромѣ того порядка, котораго предки наши искали за моремъ, говоря Рюрику въ 862 году: земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ!»

— Возвращаемся къ компаніямъ на акціяхъ, о которыхъ, какъ о проектированныхъ, мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ. Къ нимъ прибавимъ слухи еще о нѣсколькихъ новыхъ. Такъ, говорятъ объ обществѣ пароходства по Каспійскому Морю и Куръ, обществѣ освѣщенія газомъ Москвы, обществѣ для постройки зданій для чернорабочихъ въ Петербургѣ и постройки казармъ въ разныхъ городахъ Россіи, пароходства по р. Волхову, механическаго заведенія въ Петербургѣ и фарфоровой фабрики въ Москвѣ. Искренно желаемъ успѣховъ всѣмъ подобнымъ полезнымъ учрежденіямъ, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что успѣхъ ихъ зависитъ столько же отъ выгодности самаго предпріятія, сколько и отъ добросовѣстности, расторопности и умѣнья тѣхъ, которымъ будетъ ввѣрено ихъ осуществленіе. До-сихъ-поръ, въ добрый часъ сказать, за небольшими исключеніями, дѣла и распоряженія по разнымъ нашимъ обществамъ велись добросовѣстно. Правда, что до-сихъ-поръ обществъ у насъ было немного; въ главѣ ихъ стояли люди извѣстные и капиталисты; самыя акціи сосредоточивались въ немногихъ рукахъ; но что же мѣшаетъ, и при развитіи и увеличеніи числа компаній, участвующимъ въ нихъ усердно и неутомимо слѣдить за ходомъ компанейскихъ дѣлъ? Въ рукахъ акціонеровъ находится право выбора своихъ директоровъ, средства большей части компаній позволяютъ довольно щедро обезпечивать не только главныхъ распорядителей, но и всѣхъ служащихъ при управленіи, что, заставляя ихъ дорожить мѣстами, избавляетъ отъ искушеній сдѣлать ущербъ общественнымъ интересамъ. Наконецъ дѣйствія компанейскаго управленія находятся подъ надзоромъ всѣхъ участниковъ общества, въ рукахъ которыхъ кромѣ правъ ревизіи и т. п., находится тяжелое орудіе, именуемое гласностью. Это орудіе было употребляемо и прежде; благонамѣренные акціонеры не разъ, напримѣръ, обращали вниманіе своихъ сотоварищей на дурное управленіе дѣлами компаній и т. п.; теперь же дѣлать это еще легче, напримѣръ, хотъ при посредствѣ «Журнала для Акціонеровъ», который, конечно, долженъ быть *одинаково-безпристрастнымъ* органомъ всѣхъ обществъ и акціонеровъ...

Минувшій годъ, какъ видно изъ представленной въ прошлой «Хроникѣ» таблицы, былъ выгоденъ для акціонерныхъ обществъ; и если въ настоящее время цѣны многихъ компаній значительно понизились (какъ, напримѣръ, заводской обработки животныхъ продуктовъ, стоящая ниже первоначальной цѣнности на 5 руб., и др.), то это зависитъ частью и отъ самого времени (такъ-какъ, вслѣдъ за выдачею дивиденда, акціи обыкновенно нѣсколько падаютъ), частью же отъ выпуска акцій новыхъ компаній, изъ ко-

торыхъ доходы нѣкоторыхъ обезпечены правительствомъ. Эти послѣдніе расходятся быстро и быстро возвышаются въ цѣнѣ. Акціи Сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ вздорожали прежде своего появленія на свѣтъ: квитанціи въ части взноса (въ 37 р. 50 к.), выданныя компаніею, въ нѣсколько дней поднялись на 4 р. 50 коп.

— Кстати о компаніяхъ. Мы уже говорили объ образованіи въ Петербургѣ компаніи для проведенія воды. Въ настоящее время слухи утверждаютъ, что предпріятіе это уже близко къ его осуществленію. Хотя человекъ можетъ привыкнуть ко всему и жители Петербурга, лежащаго, какъ извѣстно, на многоводной и прекрасной рѣкѣ Невѣ, весьма-спокойно вкушаютъ мутную воду своихъ канавъ и каналовъ, тѣмъ неменѣе они, по всей вѣроятности, оцѣнятъ устройство невскихъ водопроводовъ и то благодѣтельное послѣдствіе, которое должны имѣть они и въ гигиеническомъ отношеніи. Но, радуясь за устройство новой компаніи въ Петербургѣ, которая, по всей вѣроятности, будетъ продавать чистую воду недорого, нельзя не припомнить при этомъ водопроводовъ московскихъ, разносящихъ воду по постепенно-размножающимся въ городѣ фонтанамъ, въ которыхъ жители Москвы черпаютъ воду *безъ всякой платы*. До 1830 года жители Москвы довольствовались водою изъ р. Москвы, рытыхъ колодцевъ и колодцевъ, устроенныхъ на старомъ кирпичномъ водопроводѣ. Но вода р. Москвы не отличается чистотою, а лѣтомъ она слишкомъ-тепла; вода изъ рытыхъ колодцевъ, конечно, можетъ быть употребляема только въ крайнихъ случаяхъ; колодцевъ же ключевыхъ, каковы: Трехгорный, Преображенскій, Введенскій и т. п., въ Москвѣ немного. Тогда обратились къ ключамъ села Большихъ Мытищъ, лежащаго въ двадцати верстахъ отъ Москвы. Ключи эти давали въ сутки до 300 т. ведеръ чистой воды, изъ которыхъ 200 т. доходило до с. Алексѣевского по кирпичному водопроводу, устроенному еще въ прошедшемъ столѣтіи. По проекту генерала Яниша, близъ Алексѣевского устроили особое зданіе съ двумя паровыми машинами низкаго давленія, которыя подымали воду на 84 фута высоты, и затѣмъ чугунными трубами вода эта разносилась къ городскимъ фонтанамъ. Число фонтановъ къ 1834 году равнялось пяти. Но 200 т. ведеръ оказалось слишкомъ-недостаточно для города болѣе чѣмъ съ тремя стами тысячъ жителей, и потому въ 1849 году явилась мысль о распространеніи водопроводства. Кромѣ устройства съ этою цѣлью машинъ для подъема воды изъ р. Москвы, въ 1853 году приступлено къ перестройкѣ мытищинскаго водопровода. Бассейны въ с. Большихъ-Мытищахъ передѣланы, причемъ пониженъ горизонтъ ключей, отчего къ источникамъ, снабжавшимъ городъ водою, присоединились новыя, которые не имѣли силы достигъ горизонта прежняго водопровода, и вмѣсто 300 тыс. ведеръ они могутъ давать 500 тысячъ; отъ этихъ бассейновъ проложены чугуннотрубные водоводы до новаго водоподъемнаго зданія, устроеннаго также близъ с. Алексѣевского. Увеличеніе количества доставляемой Мытищами воды выразилось въ столицѣ устрой-

ствомъ семи большихъ и четырехъ малыхъ фонтановъ. Этою же водою предположено снабжать водоемы, которые снабжаются теперь водою Москвы-рѣки. Новые водоемы и фонтаны, говорятъ, откроются въ скоромъ времени и тогда общее число ихъ въ Москвѣ достигнетъ до *двадцати-пяти*. Они будутъ размѣщены въ частяхъ города, даже самыхъ отдаленныхъ и жителямъ этихъ частей, бѣднымъ, какъ и богатымъ, представится полное удобство пользоваться чистою водою. Всѣ расходы по устройству водопроводовъ покрываются четвертью процента сбора со всѣхъ недвижимыхъ имуществъ города и такимъ образомъ незамѣтно распределяются на всѣхъ его обывателей. Сборъ этотъ установленъ, если не ошибаемся, на восемь лѣтъ, и начавшись съ 1850 года, въ будущемъ году долженъ прекратиться.

— Въ прошломъ году мы не разъ въ нашемъ журналѣ говорили о *сахарномъ сорго*, обратившемъ въ послѣднее время особенное вниманіе натуралистовъ и сельскихъ хозяевъ, какъ растеніе, представляющее матеріалъ для добыванія изъ него сахара, патоки и алкоголя. Въ то время только начинались опыты надъ этимъ растеніемъ и производились въ маломъ видѣ. Но начало обратило на себя вниманіе многихъ сельскихъ хозяевъ и прошлымъ лѣтомъ опыты продолжались въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и въ бѣльшихъ противъ прежняго размѣрахъ. Недавно въ засѣданіи Комитета акклиматизации животныхъ (образованномъ, какъ извѣстно, при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства) профессоръ Калиновскій читалъ весьма-интересныя записки нѣкоторыхъ сельскихъ хозяевъ, производившихъ опыты надъ разведеніемъ у насъ сахарнаго сорго. Опыты были производимы въ губерніяхъ Тамбовской, Саратовской и Землѣ Войска Донскаго; и хотя не могутъ назваться вполне-удачными (что много завистию и отъ ненастнаго прошлаго лѣта), тѣмъ не менѣе сами-по-себѣ весьма-важны, и именно въ томъ отношеніи, что уяснили многіе вопросы относительно акклиматизации въ Россіи этого растенія. Вотъ главнѣйшіе результаты, къ которымъ привели эти опыты: 1) что сахарное сорго можетъ безвредно выносить, даже безъ искусственной поливки, такую сильную лѣтнюю засуху, отъ которой погибаютъ многіе яровые пашни хлѣба; 2) что въ южной и даже средней полосѣ Россіи стебли сахарнаго сорго съ весны до осени могутъ безвредно выносить несвоевременные, достигающіе до 5 град. морозы; 3) что, несмотря на самое неблагоприятное для яровыхъ хозяйственныхъ растеній лѣто, каково было минувшее, сахарное сорго, послѣнное прямо въ полѣ, можетъ приносить вполне-зрѣлыя сѣмена не только въ Землѣ Войска Донскаго, но отчасти и въ средней полосѣ Россіи, напримѣръ, въ Тамбовской Губерніи. Приводя эти результаты произведенныхъ опытовъ надъ сорго, мы вмѣстѣ съ г. Калиновскимъ присоединимъ къ сообщеннымъ свѣдѣніямъ надежду, что послѣдующіе добросовѣстные, безпристрастные, рациональные опыты акклиматизации у насъ этого полезнаго растенія оправдаютъ на самомъ дѣлѣ мнѣніе, что оно современемъ можетъ

быть разводимо не только въ южной, но и въ средней половѣ Россіи. Для этого желательно только больше-и-больше опытовъ, большаго-и-большаго участія со стороны специалистовъ и хозяевъ къ этому растенію, на которое, цѣтъ сомнѣнія, Комитетъ акклиматизаціи обратитъ свое особенное вниманіе.

— Нужда заставить галачи ѣсть, говоритъ старинная пословица, нужда—мать изобрѣтательности, говоритъ старое изреченіе, и справедливость той какъ и другаго оправдывается безпрестанно. Въ прошломъ году въ сѣверной Финляндіи былъ неурожай, породившій въ этой части страны сильную нужду. Угрожавшій голодъ вызвалъ не только въ Финляндіи и Россіи, но даже за границей участіе и благотворительность, а вмѣстѣ съ тѣмъ побудилъ финляндское правительство, независимо отъ помощи бѣдствія въ настоящемъ, озаботиться предупрежденіемъ ихъ и въ будущемъ. Съ этой цѣлью подавая необходимымъ распространити въ народѣ умѣнье пользоваться тѣми средствами пропитанія, которыя сѣверная природа представляетъ въ растеніяхъ, называемыхъ обыкновенно *мхами*, оно обнародовало въ мѣстныхъ газетахъ свѣдѣнія объ употребленіи нѣкоторыхъ мховъ въ пищу. Независимо отъ того, профессоръ Ленротъ и докторъ Эмелеусъ отправлены въ разѣзды по сѣверной Финляндіи для того, чтобъ практически научить жителей разныхъ мѣстностей какъ собиранію мха, такъ и приготовленію изъ него различныхъ кушаній. Хлѣбъ, испеченный изъ мха, пополамъ съ ржаной мукою, весьма-питателенъ и вкусенъ; мхи же вообще имѣютъ то важное значеніе, что, разводясь въ изобиліи, они, кромѣ питательности, весьма-здоровы и никогда не бываютъ ядовиты; приготовленная же изъ нихъ мука сохраняется безъ порчи *многіе годы*. По всѣмъ этимъ причинамъ мы совершенно-согласны съ профессоромъ Барановскимъ, что на этотъ родъ растеній, какъ на суррогатъ хлѣба, должно быть обращено вниманіе и у насъ, въ Россіи, гдѣ иногда, при неурожаяхъ, ѣдятъ хлѣбъ съ мякиной и даже съ толченой корой, которая, не содержа въ себѣ ничего питательнаго, только притупляютъ чувство голода, задавая желудку напрасную работу. Чтобъ, съ своей стороны, по-мѣрѣ-возможности, содѣйствовать распространенію свѣдѣній о пользѣ мховъ, мы беремъ изъ его статьи указанія на главнѣйшіе роды этихъ растеній и способъ ихъ приготовленія въ пищу. Г. Барановскій указываетъ главнѣйшимъ образомъ на мохъ *ясневый*, который растетъ на многихъ *лиственничныхъ* деревьяхъ (ясень, береза, липа и др.), и не имѣя горечи, питательностью превосходитъ пшеничную муку, *исландскій*, который почти вездѣ растетъ въ изобиліи, а главное, такъ скоро, что на одномъ мѣстѣ возобновляется черезъ три, четыре года; *олений*, *подслѣжный* и другіе. Мхи собираются лучше всего послѣ дождя, когда они бываютъ мягче, причемъ нужно сгребать его не до-чиста, а оставлять сколько-нибудь и на разводѣ. Лучшимъ вкусомъ отличаются мхи ни слишкомъ-старые, ни слишкомъ-молодые. Собранный мохъ надо высушить на солнцѣ, или и въ печкѣ въ вольномъ

духу, затѣмъ превратить въ муку, чему должно предшествовать извлеченіе изъ него горечи. Горечь извлекается или тѣмъ, что мохъ кладутъ сперва въ растворъ (изъ 1 фунта поташа, или 2 ф. березовой золы въ 144 бутылкахъ воды — на полпудъ сушенаго или полтора пуда сыраго исландскаго мха), гдѣ держать цѣлыя сутки и потомъ споласкивають чистой водой, пока онъ потеряетъ всякую горечь, или просто запариваніемъ, обваривъ сперва его горячею водою и потомъ сполоснувъ холодною.

Выщелоченный такимъ образомъ мохъ можетъ тотчасъ же быть употребляемъ для приготовленія кашицы или киселя; но для сохраненія мха въ прокъ, онъ долженъ быть высушенъ и обращенъ въ муку. Для приготовленія изъ мха хлѣба, необходимо прибавленіе какой-нибудь зерновой муки (ржаной, овсяной и пр.), потому что тѣсто изъ него недостаточно-клейко, а рассыпается какъ каша. Смотря по обстоятельствамъ, той и другой муки берутъ или поровну или которой-нибудь больше, во всякомъ случаѣ получится хорошій хлѣбъ. Въ томъ же, что это дѣйствительно такъ, удостовѣряетъ личный опытъ г. Барановскаго, который имѣлъ случай пробовать у профессора Ленрота хлѣбъ, изготовленный изъ ржаной муки и исландскаго мха, и нашелъ его очень-вкуснымъ. Сообщивъ вкратцѣ свѣдѣнія объ употребленіи этого новаго подспорья хлѣба, не можемъ не пожелать, чтобъ оно обратило на себя вниманіе наиболѣе-просвѣщенной части сельскаго населенія: помѣщиковъ, духовенства и управляющихъ, при содѣйствіи которыхъ только и возможно его распространеніе въ остальной части. Если припомнить, какъ нелегко привилось у насъ употребленіе картофеля, да и не у насъ только, а и въ странахъ болѣе-образованныхъ, какъ, напримѣръ, во Франціи, то легко представить, что введеніе въ употребленіе мха, какъ подспорья хлѣба, будетъ соединено съ немалымъ трудомъ; но надобно помнить и то, что гдѣ трудъ, тамъ и польза. Время принесетъ еще много полезныхъ открытій, много невѣдомыхъ силъ природы будетъ вызвано на пользу и благосостояніе человѣка, но для того, чтобъ открытія эти быстрѣе принялись въ обществѣ, нужно отучить его дѣйствовать по рутинѣ, по избитой дорогѣ, проторенной еще предками, а для этого нужно не давать заставляться его уму, не давать плеснѣть этой способности посреди безусловнаго, безвопроснаго подчиненія обычаемъ старины. Пусть животныя живутъ одно поколѣніе по образу другаго; но человѣкъ такъ жить не долженъ. Онъ одаренъ высшими способностями, онъ имѣетъ даръ не только видѣть, но спрашивать и отвѣчать, а поэтому ему необходимо оглядываться чаще вокругъ себя, дѣлая вопросы этому окружающему. Иначе онъ закоснѣетъ въ рутинѣ, отупѣетъ умственнымъ и физическимъ зрѣніемъ, не будетъ видѣть того, что есть худаго, а также, что есть хорошаго у него подъ-носомъ. Въ отношеніи экономическомъ, примѣры тому представляются безпрестанно.

— Академикъ Беръ, начальникъ экспедиціи для изслѣдованія Каспійскаго моря, посѣтивъ различныя мѣста, лежащія по его берегамъ,

ознакомившись съ ихъ промыслами, занятіями и образомъ жизни, пришелъ въ удивленіе, до какой степени многіе источники доходовъ остаются здѣсь совершенно-нетронутыми. Какъ, замѣчаетъ онъ: въ этихъ краяхъ почти нѣтъ ледниковъ, тогда-какъ при ихъ устройствѣ сдѣлалось бы значительное сбереженіе въ соли, и рыбный товаръ выигралъ бы въ своемъ достоинствѣ, и никому не приходитъ въ голову торговать льдомъ, вывозя его хоть изъ устьевъ Волги. У Астрахани водится во множествѣ вкусная, прекрасная селедка, но ея не готовятъ для употребленія въ пищу по простому предубѣжденію, что эта рыба, вьющаяся въ водѣ и изъ нея выскакивающая—бѣшеная, почему и называютъ ее *бѣшенкой*. Въ маленькихъ водомѣстилицахъ близъ Ленкорана водится множество паявокъ, а за ними занимающіеся этимъ промысломъ идутъ въ Персію и пр. и пр. Не знаемъ, замѣчаніе ли г. Бера, или другія причины вызвали у насъ существованіе Компаніи торговли льдомъ, хотя и не на Каспійскомъ, а на Черномъ Морѣ, но совѣты его въ-отношеніи бѣшенки оказали уже важные результаты. Начиная съ опыта соленія бѣшенки, произведеннаго, по совѣту г. Бера, управляющимъ водами князя Долгорукова, соленіе это идетъ весьма-успѣшно. Въ 1855 г. бѣшенки (употреблявшейся прежде только для жиротопленія), посолено на разныхъ промыслахъ до 10,000,000 штукъ, которыхъ, подъ именемъ каспійскихъ сельдей, нашли себѣ сбытъ на нижегородской ярмаркѣ, въ Москвѣ и отчасти въ Петербургѣ. Въ 1856 году бѣшенки поймано до 60,000,000, изъ которыхъ, несмотря на увеличившійся, послѣ заключенія мира, привозъ иностранныхъ сельдей, посолено до 20,000,000, а остальные обращены на жиротопленіе. Сельди эти лучше норвежскихъ и могутъ замѣнить даже шотландскія, и требованіе на нихъ постепенно увеличивается. Эта новая отрасль промышленности, занявшая работою множество рукъ, конечно, благотѣльно отразится на самомъ краѣ. А сколько еще другихъ источниковъ доходовъ лежитъ въ нѣдрахъ воды и земли нашей! Желательно, чтобъ и другіе служители науки, подобно г. Беру, не чуждались практики и, на основаніи своихъ многообразныхъ свѣдѣній, указывали массамъ населенія на лежащія въ ихъ владѣніи, безъ примѣненія къ пользамъ и выгодамъ, богатства и указаніями своимъ выводили промышленность изъ избитой рутины.

— Переходимъ къ новостямъ жизни провинціальной. Жизнь въ провинціяхъ идетъ обычная. Жители губерній, какъ и столицы, скучаютъ и веселятся, ѣздятъ на балы или посѣщаютъ спектакли, празднуютъ именины и сплетничаютъ. Но среди этихъ обычныхъ проявленій губернскаго существованія бываютъ эпохи особенно-важныя, особенно-интересныя, бываютъ событія, волнующія міръ провинціальный, возбуждающія толки и пересуды, честолюбіе и нарядолобіе. Къ такимъ эпохамъ, безъ-сомнѣнія, принадлежатъ дворянскіе выборы. Выборы—это слово имѣетъ въ провинціи значеніе искры электричества; это слово приводитъ въ движеніе натуры самыя апатическія; и, когда послѣ трехъ лѣтъ, оно раздается по губер-

ни, на него откликаются издали и близка и въ губернскую заставу начинают тянуться коляски и брички, тарантасы и кибитки — съ избирателями. Городъ оживаетъ... Въ нынѣшнемъ году происходили выборы въ разныхъ губерніяхъ, и говоря объ общественной жизни нашего отечества, мы необходимо должны бы говорить и о главныхъ интересахъ ея—выборахъ. Но, упомянувъ о выборахъ въ Петербургѣ, въ нынѣшнемъ году оживленныхъ болѣе чѣмъ когда-нибудь, мы не упоминали о выборахъ въ провинціяхъ. Мы не дѣлали этого потому, что корреспонденціи газетъ, которыя должны бы служить матеріалами для вѣстей провинціальныхъ, представляютъ немного интереснаго и мало новаго въ этомъ отношеніи. Варьируя сообщенные ими мотивы, пришлось бы повторять въ сотый разъ, какъ весело проводилъ время какой-нибудь городъ Самохотъ по случаю происходившихъ въ немъ дворянскихъ выборовъ, какой блистательный балъ устроилъ вновьизбранный въ какую-нибудь почетную должность добродѣтельный и богатый Купидонъ Африкановичъ или Мелентій Агаемноновичъ и пр. и пр. Нѣтъ, читая вриятныя извѣстія изъ провинцій, слушая пріѣзжихъ провинціаловъ, приводя на память прежде-видѣнное и слышанное, нельзя не задуматься надъ предметами болѣе-важными, нежели балъ Купидона Африкановича и даже нежели добродѣтельная благосклонность Мелентія Агаемноновича, нельзя не задуматься надъ сущностью и значеніемъ выборовъ. Удивительно, право, какъ склоненъ человѣкъ, каждый предметъ, данный ему на пользу, дѣлать предметомъ для удовольствія! Удивительно, право, какъ онъ охотно за минутное пустое и ничтожное удовольствіе отдаетъ годы спокойствія и благосостоянія не только ближнихъ, но и самого себя! Удивительно, право, наконецъ, какъ люди, ратующіе противъ того или другаго, во имя пользы человечества, такъ лѣниво и неохотно дѣлаютъ что-нибудь, а чаще и вовсе ничего не дѣлаютъ на пользу человечества! Въ наше время, напримѣръ, въ губерніяхъ, какъ и столицахъ, вездѣ встрѣчаются строгіе дѣнители и судьи, понимающіе и осуждающіе тѣ или другіе недостатки нашей жизни, люди, жаждущіе улучшеній и преобразованій—и требующіе всего этого часто разумно, основательно; но какъ жаль, какъ обидно, что люди эти, такъ хорошо-понимающіе окружающіе ихъ недостатки, оказываются только говорунами, иногда очень-пламенными; а когда имъ самимъ приходится, въ предоставленной по праву сферѣ, дѣйствовать на пользу ближняго, то становятся несостоятельными и пользамъ ближняго служатъ безъ должной добросовѣстности. На обвиненія въ такихъ противоположностяхъ словъ и дѣйствій лица эти верѣдко говорятъ, что худаго вокругъ такъ много, что нашими малыми услугами его не поправишь; но гдѣ же тутъ логика съ ея силлогизмами? Кто спорить, что много худа въ мірѣ, что многое въ немъ должно быть перестроено и переобразовано; но развѣ это причина, что горячіе ораторы могутъ не дѣлать немногого хорошаго и тѣмъ большее худо дѣлать еще большимъ. Какое важное, напримѣръ, право дано дворянамъ предоставленіемъ имъ права избирать изъ среды себя лицъ въ различныя судебныя и администра-

тивные должности! Давая его, правительство предоставило дворянамъ возможность содѣйствовать охраненію общественнаго благоустройства и отправленію правосудія, заботясь при этомъ, чтобы выборы происходили безпристрастно, безъ стороннихъ вліяній, для чего, между прочимъ, еще императрицею Екатериною II было запрещено начальникамъ губерній входить въ дворянскія собранія и вмѣшиваться въ выборы дворянства (Полн. Собр. Зак. № 16731). Кромѣ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, они выбираютъ предсѣдателей и засѣдателей Палаты Уголовной и Гражданской, совѣстныхъ судей, уѣздныхъ судей, засѣдателей уѣздныхъ и земскихъ судовъ, земскихъ исправниковъ и пр. и пр., словомъ, лицъ, завѣдующихъ и участвующихъ въ губернскомъ судѣ и расправѣ, отъ которыхъ зависятъ честь, имущество, благосостояніе сотенъ, тысячъ людей. А между-тѣмъ, всегда ли добросовѣстно дѣлаются выборы? всегда ли способны лица, избираемые къ занятію назначаемыхъ имъ должностей? часто ли думаютъ избиратели о томъ, чтобы представители и защитники ихъ въ дѣлахъ судебныхныхъ и административныхъ были и достаточно-честны и добросовѣстны и поставлены въ то независимое положеніе, которое избавитъ ихъ изъ-подъ вліянія лицъ постороннихъ? Отвѣтъ на все это у каждаго, конечно, на-готовѣ; отвѣты на это можно найти и въ губернскихъ очеркахъ Щедрина и во многомъ множествѣ другихъ современныхъ разсказовъ, заимствованныхъ изъ официальнаго губернскаго быта. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Подтверженіе же разсказываемаго можно найти и въ официальныхъ источникахъ. Такъ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ Журнала М. В. Дѣлъ, въ одномъ изъ циркуляровъ Министерства сообщается, что, «по случаю бывшаго въ одномъ частномъ имѣніи грабобитія, мѣстный Земскій Судъ выдалъ, для исходатайствованія разсрочки долга кредитному установленію, свидѣтельство, въ которомъ убытки исчислены были въ *столь большомъ размѣрѣ*, что возникло сомнѣніе въ правильности показанія. Произведенною повѣркою невѣрность его дѣйствительно обнаружена».

Это, какъ говорится по народному выраженію, Земскій Судъ *узналъ* съ плеча.

А ужъ если въ свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ для предъявленія высшему присутственному мѣсту, избранное дворянствомъ лицо *узнать* такимъ образомъ въ своихъ показаніяхъ, то чего же ожидать низшимъ, частнымъ лицамъ?—Жалобъ и аппеляцій? Да вѣдь на жалобы и аппеляціи нужна и гербовая бумага и аппеляціонныя деньги, нужно и писать ихъ и переписывать; а гдѣ этого всего взять просителямъ, изъ которыхъ иные не умѣютъ подписать и своего имени?

Положимъ, что отправленіе нѣкоторыхъ службъ представляетъ много трудностей; что неисправность въ исполненіи ихъ иногда лежитъ внѣ исполнителя; что есть много причинъ то лишающихъ его благородной энергіи, то непридающихъ ему этого качества (нельзя забывать, что исполнители—люди, а слѣдовательно имѣютъ надоб-

ность въ поддержаніи въ нихъ хорошихъ качествъ); но много вины лежитъ и въ самыхъ выборахъ. Кромѣ тѣхъ добродѣтельныхъ лицъ, которые считаютъ великимъ грѣхомъ класть на выборахъ черные шары и такимъ образомъ, по великодушію, подаютъ голосъ одинаково въ пользу людей недобросовѣстныхъ, какъ и честныхъ, кромѣ другихъ, которые считаютъ приятною обязанностью каждаго знакомаго и незнакомаго, хорошаго и худаго «прокатить, какъ говорятъ они, на вороныхъ», есть много лицъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Да нѣрѣдко тѣ самыя, которые, за часъ назадъ, торжественно общались другу не дружить, и недругу не мстить, когда начинается баллотировка, всѣми силами стараются избрать лицо, вовсе-неспособное къ той или другой должности, но потому, что оно имъ близко и можетъ, при случаѣ, сдѣлать послабленіе, или потому, что оно близко почтенному Ивану Ивановичу, который хлопаталъ о его избраніи, или, наконецъ, потому, что это лицо если и лишено всякихъ нужныхъ для службы способностей, зато обладаетъ способностью давать такіе обѣды, которые и на другой день вспоминаются съ благоговѣніемъ.

Мы часто слышимъ нападенія на подкупы, дѣлаемые при выборахъ въ тѣхъ или другихъ странахъ, но мы забываемъ, что подкупы дѣлаются не только деньгами, но и многими другими способами. Тотъ, кто кривитъ душой ради благосклоннаго покровительства, ради услуги и любезности или хорошаго обѣда въ хорошемъ обществѣ, точно такъ же виновенъ въ лихоимствѣ, какъ тотъ, кто беретъ рубли и всякія другія вещественныя приношенія. Фактъ важенъ, какъ во самой своей сущности, такъ и по послѣдствіямъ. Дѣйствуя подъ вліяніемъ обстоятельствъ постороннихъ, избиратели забываютъ все значеніе, всю важность дѣла, къ которому призваны, выбираютъ то на-угадъ, то съ пристрастіемъ, не думая о томъ, что каждое избранное лицо, какую бы малую должность оно не занимало, можетъ сдѣлать много дурнаго, тогда-какъ выборы и устроены для того, чтобъ выбирать лицъ, способныхъ содѣйствовать благоустройству общества. А въ томъ, что постороннія причины имѣютъ значеніе при выборахъ, надѣмся, едва-ли кто сомнѣвается. «Въ былые годы (пишетъ изъ Кишенева бессарабскій корреспондентъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей) на выборы имѣли большое вліяніе даваемые разными лицами балы и обѣды; но хотя нынче обѣды и балы продолжались, однако, избраны по большей части лица, ихъ недававшія или небывшія даже на выборахъ». Радуемся, если въ Кишеневѣ прежній порядокъ уступилъ новому; но вездѣ ли произошла такая перемѣна?

Искренно желаемъ, чтобъ время отвѣтило на это утвердительно; чтобъ право выборовъ, предоставленное тѣмъ или другимъ сословіямъ, было оцѣнено по достоинству; чтобъ выборы сохранили свой смыслъ и значеніе и происходили всюду безъ пристрастія, подъ вліяніемъ любви къ правдѣ и пользѣ ближнихъ.

Послѣдніе выборы въ Кишеневѣ заслуживаютъ подражанія не только въ-отношеніи, судя по словамъ корреспондента, безпристра-

ствя, но и по многимъ другимъ причинамъ. Между—прочимъ, на нихъ дворянствомъ положено ходатайствовать у правительства о предоставленіи ему права постройки желѣзной дороги отъ Новоселицы до Одессы; пожертвовано 2000 р. с. на улучшение физическаго Кабинета Кишеневской Гимназіи, и обращено вниманіе на недостаточность содержанія, получаемого чиновниками, служащими по выборамъ. Кроме назначенія чиновникамъ Дворянскаго Депутатскаго Собранія награды въ 2000 р. с., нѣкоторые уѣзды нашли нужнымъ увеличить жалованье, назначенное правительствомъ, изъ собственныхъ суммъ.

Такъ хотинское дворянство вновь—избранному члену Уѣзднаго Суда, къ получаемому имъ отъ казны жалованью 750 р. с., прибавило 500 р. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ другихъ уѣздахъ будетъ сдѣлано то же самое, тѣмъ болѣе, что, по словамъ корреспонденціи, многіе дворяне выражаютъ полную готовность вносить извѣстную сумму съ каждой десятины, чтобъ увеличить жалованье служащихъ по выборамъ.

Въ добрый часъ! Эта мѣра если сама—по—себѣ и не можетъ окончательно искоренить взяточничества, за—то по—крайней—мѣрѣ она *даетъ право*, законное и основательное, преслѣдовать это общественное зло.

— Заговоривъ, по поводу провинціи, объ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ, мы кстати занесемъ здѣсь извѣстіе объ улучшеніяхъ, дѣлаемыхъ по благоустройству Петербурга и, между—прочимъ, по полицейскому управленію. Въ свое время мы имѣли случай упоминать о предписаніяхъ полицейскаго начальства въ—отношеніи лучшаго обращенія съ людьми, объ искорененіи нищенства и другихъ. Послѣ того приказами исправляющаго должность обер—полицеймейстера было предписано полицейскимъ чинамъ въ—жливое обращеніе съ публикою, обращено было ихъ вниманіе на пріобрѣтеніе лучшаго общественнаго мѣтвія и т. п. Наконецъ недавно распубликовано, что военнымъ, переходящимъ изъ службу въ полицію, дозволяется носить военную форму. Всѣ эти циркуляры и мѣры, выказывающіе желаніе улучшеній полицейской части, заслуживаютъ благодарности обывателей столицы, изъ которыхъ каждый, такъ или иначе, имѣетъ отношеніе къ полиціи и, слѣдовательно, заинтересованъ въ улучшеніи ея устройства.

— Изъ правительственныхъ мѣръ, изданныхъ въ послѣднее время и имѣющихъ интересъ болѣе—общій, упомянемъ о Высочайшемъ разрѣшеніи врачамъ безпрепятственно устроить заведенія съ какою—либо врачебною или гигиеническою цѣлью, если отъ правительства не требуется на то ни денежныхъ пособій, ни какихъ—либо преимуществъ на способъ ихъ содержанія, какъ—то: учрежденія въ пользу ихъ лотерей, публичныхъ концертовъ, баловъ и т. п., съ—тѣмъ, однако, чтобъ учрежденія эти состояли подъ надзоромъ медицинскаго начальства. Дозволеніе на открытіе такихъ учреждений

дается Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. И только въ случаѣ, когда учредитель заведенія будетъ ходатайствовать о покровительствѣ Высочайшихъ Особъ, или предоставленіи ему какихъ-либо особыхъ правъ и преимуществъ, испрашивается черезъ Комитетъ Министровъ особое Высочайшее разрѣшеніе.

Облегченіе въ открытіи врачебныхъ учреждений, по нашему мнѣнію, весьма-важно. Публичныя больницы собственно назначаются для людей совершенно-недостаточныхъ, домашнее же леченіе доступно средствамъ не каждаго. Но между людьми совершенно-бѣдными, которымъ одинъ пріютъ, въ случаѣ недуга, общественная больница и другія, которые имѣютъ всѣ способы леченія дома, есть много такихъ, которые, не желая пользоваться общественною благотворительностью, въ то же время, по совершенному одиночеству, или по недостаточнымъ средствамъ, затрудняются рациональнымъ домашнимъ леченіемъ. Для такихъ-то лицъ весьма-важно учрежденіе частныхъ врачебныхъ заведеній. Пользуясь здѣсь почти домашними удобствами жизни и находясь постоянно на глазахъ у врача, пациентъ при этомъ, конечно, тратитъ на леченіе меньшую сумму, нежели сколько бы тратилъ дома, и пользуется большими удобствами и присмотромъ, нежели въ больницѣ. Затрудненія открытія такихъ заведеній были, безъ-сомнѣнія, причиною ихъ малаго у насъ числа. Въ настоящее время въ Петербургѣ всего два-три подобныхъ учреждений, а между-тѣмъ размноженіе ихъ будетъ имѣть значеніе и въ-отношеніи взимаемой съ вступающихъ платы и въ самомъ усердіи и добросовѣстности леченія, потому-что, кромѣ надзора со стороны правительства, кромѣ конкуренціи, на нихъ будутъ смотрѣть неумолимые глаза общественнаго мнѣнія, которое теперь, по небольшому числу частныхъ лечебницъ, весьма-мало обращаетъ на нихъ вниманія.

Перебираясь ото всѣхъ этихъ новостей къ новостямъ общественной жизни Петербурга, расскажемъ, въ дополненіе къ вѣстямъ изъ провинціи, одинъ странный случай, сообщенный «Самарскими Губернскими Вѣдомостями».

— Случай этотъ произошелъ въ центрѣ Николаевского Уѣзда, Самарской Губерніи. Одинъ богатый мужикъ села М*, у котораго четыре женатыхъ сына, въ пятницу, рано утромъ, послалъ всѣхъ своихъ дѣтей въ поле за сѣномъ, а самъ, проведя ихъ, отправился за гуженымъ кормомъ для оставшейся дома скотины. Старуха, домохозяйка, выпроводивъ всѣхъ дѣтей и мужа, съ своими снохами и другими дѣтьми и внучатами, засвѣтила огонь и сѣла прясть. Но, чтобъ не дремать и чтобъ успѣшнѣе шло дѣло пряжи, она заставила своихъ своихъ пѣть пѣсни. Въ это время вдругъ дверь избы отворилась и въ нее вошелъ неизвѣстный человекъ, похожій на женщину, съ распущенными по плечамъ волосами, одѣтый въ рубище, покрытое разноцвѣтными пятнами. Онъ останавливается у порога и, помолвившись Богу, начинаетъ говорить: «Слѣдовало бы вамъ сказать, мои други, «Богъ помочь», но я этого не скажу вамъ, а скажу

вамъ только «здравствуйте». Женщины, несмотря на то, что были въ испугѣ, спросили, однако, неожиданное видѣніе: отчего оно не хочетъ имъ сказать обычнаго привѣта? «Оттого» отвѣчалъ неизвѣстный: «что вы не почитаете пятницы. Вотъ въ этотъ день вы придете и пѣсни поете и такими дѣлами оскорбляете Бога и меня. Вотъ смотрите какъ меня изранили, я вся отъ головы до ногъ въ язвахъ. Я принесла вамъ вѣсть нерадостную: Богъ послалъ меня сказать вамъ, что за грѣхи ваши и неуваженіе ко мнѣ Онъ хочетъ наказать васъ: если не дадите обѣщанія исправиться, то мужья ваши, которые поѣхали за сѣномъ, домой не возвратятся, всѣ померзнутъ». Когда женщины опять спросили неизвѣстнаго: кто онъ? пришедшій назвалъ себя Пятницей Прасковіей. Пряхи испугались, выпустили изъ рукъ пряжу и гребни; однѣ стали плакать, другія молиться. Наконецъ какъ-бы сжалившись надъ плакавшими, Пятница сулила имъ прощеніе и, наказавъ строго почитать этотъ день недѣля, велѣвъ молиться до самаго разсвѣта, удалилась изъ избы, сказавъ, что идетъ выпрашивать имъ прощеніе. Но въ то время, какъ происходило это раскаяніе и прощеніе, сообщники мнимой Пятницы успѣли выбрать изъ чулана всю худобу мужскую, какъ и женскую, и, сверхъ-того, унесли 2000 р. деньгами, которые хозяинъ получилъ недавно за проданную пшеницу. Когда, на разсвѣтѣ, всѣ вышли въ сѣни, то увидѣли, что чуланъ растворенъ и изъ него все выбрано. А когда вышли на дворъ, то на воротахъ и на заборѣ наши развѣшанными всѣ язвы Пятницы, тряпье бѣлое, красное и черное... Вотъ случай воровства, который, по тонкости и умѣнью пользоваться обстоятельствами, нечасто встрѣчается не только въ деревняхъ, но даже и большихъ городахъ.

Переходимъ къ общественной жизни Петербурга; начнемъ съ театровъ.

Дѣятельность театровъ постепенно слабѣетъ. Съ 1-го мая прекратились спектакли на французской сценѣ, нѣсколько-позже на нѣмецкой и такимъ-образомъ для любителей зрѣлищъ осталась только русская драматическая труппа да русская опера. Но русская труппа въ послѣднее время обдѣлала, и, кромѣ дебютантокъ и дебютантовъ, подающихъ надежды, въ ней, за небольшимъ исключеніемъ, остались артисты второстепенные. Г-жа Ѳедорова въ отпуску, г. Мартыновъ боленъ, г. Самойловъ за границей, г. Максимовъ 1-й не являлся на сценѣ до конца мая.

Несмотря, однако, на такое положеніе труппы, зала русскаго театра въ послѣднее время была полна публикою. Причиною тому появленіе на нашей сценѣ извѣстнаго московскаго артиста г. Садовскаго. Громкая репутація предшествовала ему, а каждая роль, которую онъ исполнялъ на сценахъ Александринскаго и Михайловскаго театровъ, только подтверждала справедливость этой репутаціи. Вотъ почему театръ русскій былъ полонъ съ половины апрѣля до половины мая.

Г. Садовскій — талантъ изъ ряду вонъ. Мы слышали еще, будто въ Петербургѣ онъ сдерживалъ себя, боялся предаться всей весе-

лости, боясь идти «на всѣхъ парусахъ» будто въ Петербургѣ у него не было еще полной московской игры. Въ Москвѣ онъ привыкъ къ публикѣ, привыкъ къ сценѣ; тамъ публика привыкла къ нему и больше умѣетъ его цѣнить. Все это ободряетъ, даетъ крылья артисту. Впрочемъ, хотя и говорятъ, что въ Москвѣ г. Садовскій играетъ лучше, чѣмъ игралъ онъ въ Петербургѣ, однакожь, должны сказать откровенно, что на насъ, невидѣвшихъ его до настоящаго времени, онъ произвелъ чрезвычайно-сильное впечатлѣніе. Многие мы хотѣли бы сказать, не знаемъ только, какъ разсказать все это.

Первое и, какъ намъ кажется, главное достоинство г. Садовскаго—созданіе характеровъ, и такихъ именно, какъ того желалъ авторъ. Въ этомъ отношеніи г. Садовскій объяснилъ намъ многое въ комедіяхъ г. Островскаго, что казалось прежде темнымъ. Комедія «Въ чужомъ пиру похмѣлье», или, лучше, развязка этой комедіи ясна только при игрѣ г. Садовскаго. Прежде намъ все какъ-то неясно представлялось, съ чего вздумалось этому «самодуру» Титу Титычу, посылать своего сына и мать кланяться въ ноги бѣдному учителю и бѣдной учительской дочери; но, посмотрѣвъ, какъ г. Садовскій играетъ эту сцену, какъ онъ, въ раздумьѣ, разглядываетъ разорванную записку, разрываетъ ее еще разъ на клочки, какъ онъ съ изумленіемъ глядитъ на бѣдняка, который говоритъ ему въ глаза: «будь ты проклятъ», какъ онъ задумывается, пораженный совершенно-новой стороной этого міра, нравственной силой, существованіе которой онъ не признавалъ... вамъ кажется развязка комедіи совершенно-естественною. И самодуръ понятенъ.

Становится также понятенъ и тотъ восторгъ, который производилъ въ Москвѣ трогательный монологъ Любима Торцова, когда онъ въ послѣднемъ актѣ драмы: «Бѣдность не порокъ», становится на колѣни передъ братомъ, и безъ слезъ, но голосомъ, въ которомъ дрожатъ истинныя, неподдѣльныя слезы, проситъ брата отдать дочь за любимаго человека... Да, повторяемъ, г. Островскій нашелъ въ талантѣ г. Садовскаго истиннаго истолкователя своихъ произведеній.

Но по той же самой причинѣ никто лучше г. Садовскаго не показываетъ и слабыхъ сторонъ автора. Вся холодность выдуманнаго авторомъ лица Русакова, въ комедіи «Не въ свои сани не садись», становится вполне-понятно только при игрѣ г. Садовскаго. Тамъ, гдѣ игра этого артиста не производитъ на васъ впечатлѣнія, тамъ, будьте увѣрены, виноватъ не актёръ, но авторъ. Лучше, нежели когда-нибудь, вы понимаете, что Русаковъ есть не живое лицо, а воплощенная благодать, кротость и любовь, ходящая по сценѣ въ видѣ благообразнаго, сѣдаго старика-купца, идеальнаго патриарха семейства. Г. Садовскій играетъ такъ, какъ онъ долженъ играть и, слѣдовательно, въ этой роли, какъ и въ другихъ, онъ безупреченъ. Но эта ходячая благодать, кротость и любовь насъ не трогаютъ сильно, не поражаютъ, потому—что изъ-за нихъ мы не видимъ живаго лица, которое способно къ гнѣву, подвержено слабости. И по этому роль г. Садовскаго выходитъ холодноватою. Когда онъ начинаетъ уговаривать дочь, объясняя ей, что «проходимецъ» любить

не ее, а деньги, что онъ нашелъ ей другаго жениха, ровню, и когда эти резоны не дѣйствуютъ на дѣвушку, и Русаковъ, видя такое горе, *долженъ* заплакать — въ этомъ мѣстѣ артистъ не производитъ на насъ уже того дѣйствія, которое мы испытали въ патетической сценѣ Любима Торцова. Силы г. Садовскому измѣнили, и это дѣлаетъ честь его естественной игрѣ, потому—что въ драмѣ это мѣсто неестественно. Третій актъ той же комедіи «Не въ свои сани не садись», весь выходитъ риториченъ, отъ усиленнаго преобладанія «благости» во всей сценѣ, и публика опять холодна къ Русакову. Мы помнимъ, когда роль дочери на петербургской сценѣ играла г-жа Читау, она, но не Русаковъ, производила эффектъ въ этой сценѣ. Не благость Русакова, а радость дочери, которую прощаютъ, производила необыкновенный успѣхъ. Какъ-только старикъ начиналъ говорить, что «словомъ можно обидѣть больнѣе, нежели дѣломъ, что, слово точно стрѣла...» и проч.—дочь, догадываясь въ чемъ дѣло, начинаеть всхлипывать и съ рыданіемъ бросается къ ногамъ прощающаго отца... Сцена прекрасная, которая, однакожъ, оставляла совершенно въ сторонѣ Русакова, величавое, по мнѣнію автора, лицо, господствующее во всей пьесѣ. Сдѣлаемъ думать, что эффектъ производился совсѣмъ не тотъ, котораго желалъ авторъ. Авторъ думалъ, что Русаковъ, прощающій съ такою благостью свою дочь, произведетъ эффектъ; но эффекта быть не могло, потому—что эта благость становится уже приторна со втораго дѣйствія, а въ третьемъ къ ней уже совершенно притерпѣшься. Неестественно г. Садовскому произвести эффектъ своимъ прощеніемъ, когда во все продолженіе пьесы публика не видѣла его гнѣвнымъ, раздраженнымъ; даже и дочери, собственно, неестественно было бы бояться такого кроткаго старика... Чѣмъ же г. Садовскій произведетъ эффектъ?

Эффектъ, который производитъ г. Садовскій въ Любимѣ Торцовѣ, дѣйствительно великъ. Игра его въ Любимѣ Торцовѣ — верхъ совершенства; но самъ Любимъ Торцовъ совсѣмъ не верхъ совершенства русской природы, какъ говорилъ нѣкогда «Москвитянинъ». Сцены, когда Любимъ Торцовъ становится на колѣни передъ братомъ и его задушевнаго монолога, мы никогда не забудемъ. Спрашивается: отчего онъ производитъ такой эффектъ? Отвѣтъ очень простъ: оттого, что г. Садовскій истинный, неподдѣльный талантъ, что въ игрѣ его видишь не одни внѣшніе приемы, а чувствуешь душу, почти осязаешь истинное чувство всегда, когда только оно есть въ пьесѣ. Въ патетическихъ роляхъ у него нѣтъ крика, нѣтъ вынужденныхъ слезъ: у него патетическое мѣсто въ роли выходитъ такъ же естественно, какъ оно естественно должно приходиться по ходу драмы. Между истиннымъ и поддѣльнымъ талантомъ въ этихъ мѣстахъ такая же разница, какъ между пѣвцами, изъ которыхъ у одного горловой голосъ, у другаго грудной. Только неопытный не отличить этихъ голосовъ одного отъ другаго; точно такъ же только новичокъ не разберетъ, что такое фальшивый драматизмъ и что такое истинный. Онъ чувствуетъ по

той легкости, съ которою производитъ сильное впечатлѣніе, и исходитъ только изъ неподдѣльнаго таланта. Подготавливается же это глубокое впечатлѣніе на публику вѣрно-задуманнымъ выполнениемъ роли. Напримѣръ, еслибъ г. Садовскій игралъ въ Любимѣ Торцовѣ роль какого-нибудь спившагося приказнаго, или одно изъ тѣхъ лицъ, которыя за разныя продѣлки выгоняются изъ службы, а потомъ ходять по домамъ и просятъ на бѣдность, прилагая, во свидѣтельство своей бѣдности, письменные документы, онъ не произвелъ бы впечатлѣнія такого сильнаго. Напротивъ, когда г. Садовскій является на сцену въ роли Любима Торцова, вы видите, что это человѣкъ, который нѣкогда жилъ широко, въ жизни своей не сдѣлалъ ничего дурнаго никому и вредилъ только самому себѣ, который можетъ сказать въ глаза много правды каждому; этимъ онъ вдругъ поднимаетъ роль на ту высоту, которая уже способна произвести желаемый эффектъ. Тутъ нѣтъ натяжки театральнoй; артистъ же выступаетъ изъ предѣловъ роли, указанной авторомъ, и въ то же время создаетъ роль, выходящую изъ пошлаго ряда спившихся лицъ.

Г. Садовскій и вышелъ на петербургской сценѣ въ роли Любима Торцова: значить, онъ самъ дорожить этой ролью. Затѣмъ мы видѣли его Подколесинымъ въ «Женитьбѣ» Гоголя, Пѣтуховымъ въ комедіи «Что имѣемъ, не хранимъ», Русаковымъ въ «Не въ свои сани не садись», Брусовымъ въ «Чужомъ пиру похмѣлье», Мордоплюевымъ въ «Жснихъ изъ ножевой линіи» и Безмѣринымъ въ водевилѣ «Хорошъ Петербургъ, да друзья одолѣли». Публика наша къ чести ея должно сказать—громкими аплодисментами встрѣчала и провожала московскаго артиста. Она поняла главныя свойства игры г. Садовскаго: отсутствіе всякой аффектаціи, высокую простоту и естественность. Дѣйствительно, смотря на него, вы видите передъ собою не актѣра, а живаго человѣка. Садовскій принадлежитъ къ тѣмъ артистамъ, которые вникаютъ въ идею пьесы, въ сущность характера изображаемой личности, обдумываютъ его и созданнаго такимъ-образомъ внутренняго человѣка, при пособіи таланта, воплощаютъ въ живаго человѣка. Все это кладетъ на исполненіе г. Садовскимъ ролей печать высокой художественности, совершенно-согласной съ настоящими требованіями искусства и вкуса образованной части публики. До какой тонкости и артистичности доходить эта простота и естественность въ роляхъ комическихъ, не лишая ихъ комизма, можно судить хоть по маленькой пьескѣ «Что имѣемъ не хранимъ», гдѣ г. Садовскій играетъ роль Ивана Ивановича Пѣтухова. Пѣтуховъ, чиновникъ изъ военныхъ, носящій даже форменный сюртукъ — въ комедіи лицо второстепенное, но при игрѣ г. Садовскаго оно выходитъ на первый планъ. Г. Садовскій играетъ эту роль безъ ухорства, напротивъ, придастъ ей характеръ совершенно-противоположнаго свойства, и публика, смотря на этого Ловеласа средней руки, поющаго романсы съ акомпанементомъ гитары, говорящаго приторныя нѣжности съ прищуриваньемъ и закатываньемъ глазъ и посвящающаго чужой женѣ стихи безъ всяка-

го разбѣра и смысла, видитъ передъ собою лицо знакомое, лицо совершенно-типическое. То же самое должно сказать объ исполненіи роли Безмѣрина въ пьесѣ «Хорошъ Петербургъ, да друзья одолѣли», гдѣ, возбуждая смѣхъ, Садовскій ни разу не впадаетъ въ утрировку. Въ «Свадьбѣ Кречинскаго», играя роль Расплюева, г. Садовскій еще больше доказалъ присутствіе въ его талантѣ другой неосдѣненной стороны—неподдѣльнаго юмора, той желаемой веселости, которая покоряетъ васъ безусловно, такъ—что вамъ и въ голову не придетъ спросить себя, почему вамъ такъ весело. Въ—самомъ—дѣлѣ, что за роль Расплюева? Объяснить логически ее весьма трудно; въ сценическомъ отношеніи она стоитъ весьма невысоко, потому—что Расплюева бьютъ безпрестанно: комизмъ, какъ видите, не высокий. Слѣдовательно, при исполненіи этой роли и рѣчи не можетъ быть о томъ: выполнилъ или не выполнилъ артистъ ту идею, которую имѣлъ авторъ. Вся эта роль зависитъ отъ игры, отъ актѣра: иной, пожалуй, ее сыграетъ даже плачевно. Въ этихъ-то роляхъ, если у актѣра нѣтъ врожденнаго юмора, и познается его безсиліе. Роль онъ можетъ выполнить умно, но скучно; или же, чтобъ сдѣлать ее веселою, будетъ прибѣгать ко всякимъ фарсамъ. Артистъ же, у котораго есть юморъ, заставитъ васъ хотать съ начала до конца, и смѣхъ этотъ уже будетъ принадлежать исключительно одному таланту актѣра. Эти роли всякій талантливый артистъ играетъ по—своему, если у него дѣйствительно есть даръ творчества.

Участіе г. Садовскаго въ спектакляхъ апрѣля и мая было единственною причиною оживленія русскаго театра, потому—что такого оживленія нельзя было ждать отъ новыхъ водевилей, появившихся въ бенефисы гг. Алексѣева и М. Максимова, какъ и отъ появившейся не въ бенефисный спектакль комедіи «Горе отъ денегъ». Водевилъ «Пятачокъ» — малоправдоподобная исторія, носящая на французской сценѣ название «Histoire d'un sou», лишилась всякаго правдоподобія на русской сценѣ. Водевилъ «Кто нынче не франтъ?» основанный на томъ, что какой—то взбалмошный дядя принимаетъ франта-лакея своего племянника за секретаря посольства, и ревнуетъ его къ племянницѣ, тоже изобрѣтеніе закулиснаго свойства, хотя и идетъ довольно-живо. Наконецъ, вопросъ: что такое любовь? (L'amour que qu'est qu'ça?), который такъ часто прошлою и предпрошлою зимою разрѣшался г-жами Майеръ и Милá на михайловской сценѣ, былъ разрѣшенъ г-жами Самойловою и Левкѣвою — для посѣтителей Александринскаго Театра. Хотя г-жа Левкѣва, и особенно г-жа Самойлова исполняли свои роли хорошо, сколько это возможно для ролей совершенно-чуждыхъ русскимъ нравамъ, тѣмъ не менѣе всѣмъ, кого занимаетъ вопросъ, присвоенный заглавію пьески, мы бы совѣтовали обратиться во французскій театръ преимущественно передъ русскимъ.

Горе отъ денегъ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, г. Вечеслова имѣетъ стремленіе показать, какое вредное вліяніе могутъ иногда имѣть деньги на нѣкоторыхъ людей, въ родѣ нѣкоего Жолкина. Этотъ

Жолкинъ былъ нѣкогда человѣкомъ весьма-хорошимъ (хотя и далъ однажды въ долгъ казенныя деньги), но получивъ неожиданно наследство, дѣлается мотомъ, кутилою и, соря на всѣ стороны неожиданнымъ богатствомъ, забываетъ о деньгахъ, занятыхъ имъ въ крайнемъ случаѣ у бѣднаго семейства. Но стремленіе комедіи остается только стремленіемъ и она не высказываетъ того, что, повидному, желала бы высказать, начиная уже съ того, что Жолкину было бы во всякомъ случаѣ горе: отъ денегъ какъ и безъ денегъ. Давъ чужія деньги, когда у него не было своихъ, онъ рисковалъ попасться подъ судъ, не имѣя средствъ пополнить казенную сумму—одно горе; когда же судьба послала ему собственные капиталы, онъ распорядился ими такъ, что сдѣлался человѣкомъ, совершенно безпорядочнымъ—опять горе. А человѣкъ, котораго какъ ни поверни, все ему горе, конечно, не можетъ возбуждать участія и тѣмъ менѣе быть примѣромъ нравственнаго паденія, которое производитъ иногда деньги. Первый актъ комедіи, впрочемъ, идетъ еще довольно-живо и смотрится не безъ интереса, но остальные кажутся весьма-блѣдными.

Въ-заключеніе отчета о дѣятельности русской драматической группы упомянемъ о двухъ молодыхъ дебютанткахъ, получившихъ образованіе въ Театральномъ Училищѣ, г-жахъ Борисовой и Стрѣльской, изъ которыхъ первая явилась въ роли невѣсты, въ извѣстной комедіи *Своя семья*, а вторая въ маленькой пьескѣ *Картишка съ натуры*. Г-жа Борисова, обладающая прекрасною, выразительною наружностью, отличающаяся выработанною дикціей и выразительнымъ голосомъ, очень-хорошо исполнивъ свою роль, выказала талантъ несомнѣнный и была радушно привѣтствована публикою. Г-жа Стрѣльская, готовящаяся на роли субретокъ, общается тоже весьма-хорошую артистку для этого амплуа.

Отъ русскаго драматическаго театра намъ остается перейти къ русской оперѣ и тѣмъ закончить театральныя вѣсти за прошлый мѣсяць. Русская оперная группа въ прошломъ мѣсяцѣ возобновила старинную оперу *Бронзовый конь* и поставила новую для Петербурга оперу Флотова *Индра*. «Бронзовый конь», такъ давно извѣстенъ нашей публикѣ, что, пропуская повѣствованіе о Янгѣ, Тсинг-Сингѣ, Чин-Као и другихъ китайцахъ и китайкахъ, распѣвающихъ въ этой оперѣ Обера, мы прямо перенесемся въ Африку, гдѣ такія странныя приключенія случаются съ прекрасной индійской фокусницей Индрой. Въ эту фокусницу, заставляющую выползати изъ цвѣтовъ змѣй и поющую вѣстѣ съ тѣмъ пѣсни, влюблены разомъ двое: Камонсъ, поэтъ, и Педро, капитанъ. Но Камонсъ счастливѣе своего соперника: онъ похищаетъ Индру у начальницы группы фокусницъ и, опасаясь преслѣдованій Педро, бѣжитъ съ предметомъ страсти своей въ Лиссабонъ. Но Педро ее встрѣчаетъ и здѣсь, и желая отмстить вѣроломной, обвиняетъ ее въ кодовствѣ, на томъ основаніи, что она посредствомъ чаръ вывела изъ обморока одного человѣка. Этотъ человѣкъ, который никто иной, какъ король Себастьянъ, беретъ, однако, Индру подъ свое покровительство, причемъ получаетъ отъ нея тан-

ственную рукопись. Но Педро не дремлет; не имѣя возможности преслѣдовать Индру, онъ преслѣдуетъ Камознса, что, однако, ему не удается. Тайственная рукопись была не что иное, какъ знаменитая «Луизиада». Король прочелъ ее и, принявъ подъ свое покровительство ея автора, Камознса, соглашается на бракъ его съ Индрой. Послѣ такого рѣшенія опера, конечно, кончается. Индра принадлежитъ не къ лучшимъ операмъ Флотова и никакъ не можетъ стать въ одинъ уровень ни съ «Мартой», ни съ «Страделлой», тѣмъ неменѣе опера эта не лишена достоинства. Посреди многихъ общихъ мѣстъ въ ней попадаются мотивы, исполненные неподдѣльной прелести и граціи. Но если сравнить тѣ и другія, то едва-ли число ихъ не будетъ равное, почему и впечатлѣніе опера оставляетъ неопредѣленное: удовольствіе, доставляемое хорошими ея сторонами, подавляется утомленіемъ, производимымъ музыкальными банальностями. Все простое, безъ претензіи на эффектъ, въ операхъ Флотова всегда вызываетъ сочувствіе, но, къ-сожалѣнію, въ «Индрѣ» композиторъ довольно-часто, не довольствуясь сферою своего таланта, пускается въ аффектацію, и все, въ чемъ выразилось такое стремленіе, лишено достоинствъ. Обращаясь къ исполненію, мы должны сказать, что эта опера исполнялась удовлетворительно. Г-жа Латышова съ большимъ стараніемъ и добросовѣстностью изучила и исполнила партію Индры; г. Булаховъ очень-мило пѣлъ партію трактирщика Жозе, г-жа Булахова пѣла очень-отчетливо, хотя игрѣ и пѣнію ея нужно было побольше одушевленія, живости, особенно въ такой роли, какъ сварливая супруга Жозе; г. Сетовъ былъ хорошъ королемъ Себастьяномъ и выходною арією во второмъ актѣ вызвалъ громкіе аплодисменты. Оркестръ и хоры исполняли свое дѣло, какъ всегда, хорошо.

— Другія новости общественной жизни Петербурга съ наступленіемъ лѣта измѣняютъ, конечно, свой характеръ. О вечерахъ нѣтъ болѣе и слуху. Концерты, въ ожиданіи лѣтнихъ оркестровъ, задавали соловьи, которые щелкаютъ и трелятъ въ окрестностяхъ Петербурга на удовольствіе мечтательныхъ барышень и сантиментальныхъ дамъ. Съ 1-го мая, съ перваго лѣтняго гулянья, всѣ хотятъ наслаждаться не иначе, какъ на чистомъ воздухѣ, какимъ, впрочемъ, называютъ всякій лѣтній воздухъ, не иначе, какъ подъ сѣнью деревьевъ, хоть-бы то была обнаженная березка двухъ лѣтъ отъ-роду — словомъ, всѣ и каждый хотятъ соблести формальности лѣтней жизни, жизни дачной, которая, кстати сказать, замѣтно распространяется между всѣми классами столицы.

И вотъ, на мотивы «in's grüne, на свѣжій воздухъ, на отдыхъ и т. д.» разыгрываются тысячи варьяцій, совершаются тысячи фактовъ. Такъ 1-го мая, подъ обнаженными деревьями, происходило гулянье въ Екатерингофѣ, на которомъ были тысячи разнообразныхъ экипажей, тысячи новыхъ разноцвѣтныхъ дамскихъ шляпокъ, на которомъ присутствовали, кажется, всѣ иностранцы, находящіеся въ настоящее время въ Петербургѣ. Затѣмъ множество публики собралось

4-го мая на Царицынъ Лугъ взглянуть на лѣтній парадъ, затѣмъ 5-го мая тысяча ушей отправилась въ Павловскъ для слушанія перваго концерта г. Штрауса, артиста весьма-извѣстнаго какъ тѣмъ, что онъ хорошо дирижируетъ оркестромъ, такъ еще болѣе тѣмъ, что онъ часто имъ не дирижируетъ. Послѣ того съ 6-го числа люди чувствительные и любопытные разъ или два въ недѣлю стали собираться на Англійскую Набережную для проводовъ и наблюдения отъѣзжающихъ за границу. Это послѣднее удовольствіе можетъ ждающимъ доставить случай убить много времени; эмиграція принимаетъ все большіе-и-большіе размѣры, и хотя число пароходовъ постепенно увеличивается, но оно все еще не соотвѣтствуетъ числу жаждущихъ отъѣзда, такъ-что на каждомъ отправляющемся за границу пароходѣ всегда имѣются сверхштатные пассажиры, которые рѣшительно не знаютъ навѣрное, гдѣ судьба сподобитъ ихъ преклонить ночью усталую голову или, въ случаѣ качки, приотиться въ минуты недуга.

Вслѣдъ за этими лѣтними наслажденіями появились объявленія о гуляньяхъ въ паркахъ и на Крестовскомъ Островѣ; любители концертовъ—прогулокъ, стали разносить извѣстія, что доска, которою заколочены были двери виллы Боргезе, отколочена; что вилла начинаетъ краситься въ какую-то новую краску; что Иванъ Гунгль будетъ давать въ ней музыкальные праздники вмѣстѣ съ люневскими пѣвцами, тирольцами и цыганами. Афиши громадными буквами подтвердили всѣ эти слухи; мало того, увѣдомили, что Іоанъ Гунгль, объѣхавъ разныя страны этого міра, возвратился въ нашу столицу и поселился уже на виллѣ Боргезе. Всѣ эти извѣстія, нѣтъ никакого сомнѣнія, радостью пахнулі на любителей пыльных лѣтнихъ наслажденій, и такая радость, конечно, удвоилась, когда, въ ожиданіи музыки Гунгля, на Искусственныхъ Минеральныхъ Водахъ грянулъ оркестръ подъ дирекціею Пуньи, а на скромномъ островѣ Тиволи, что на Безбородкинѣ, заиграли обычный отрывокъ изъ «Trovatore», съ ново-изобрѣтенною ножка-ножка-полькою и т. п. Съ началомъ этихъ удовольствій появилось полотно на балконахъ дачекъ столичныхъ окрестностей, среди зелени замелкали разноцвѣтные наряды, а у Гостинаго Двора, шума и гремя, собрались вѣчно-грязные omnibuses съ еще болѣе-грязными кондукторами и еще болѣе, если то возможно, грязными и лохматыми возницами. Лѣто наступило со всѣми своими атрибутами, послѣ появленія которыхъ оставалось дѣло за солнцемъ; но съ половины мая и оно дѣятельно вступило въ свои обязанности: съ этого времени погода была, если не всегда теплая, то всегда свѣтлая.

Кромѣ исчисленныхъ нами, начавшихся удовольствій, удовольствій которая будутъ продолжаться въ-теченіе всего лѣта, наступленіе весны сопровождалось удовольствіями временными, каковы: спускъ воздушнаго шара и гулянья въ биржевомъ скверѣ. Воздушный шаръ тотъ самый, на которомъ въ прошломъ году, во время празднествъ коронаціи, поднимался г. Бергъ въ Москвѣ, 12-го мая былъ спущенъ изъ сада Перваго Кадетскаго Корпуса. По обѣщаніямъ афишъ, на

нецъ, кромѣ воздухоплавателя Антони, подымаващагося уже нѣсколько разъ отъ земли такимъ же способомъ, должны были летѣть еще двое, изъ которыхъ одинъ просто изъ любви къ искусству. Но когда пришло время путешествовать, то съ двоими повторилась исторія господина, общавшагося влѣзть въ кувшинъ, и они, покинувъ свое намѣреніе, пустили въ путь только одного своего товарища, который взлетѣлъ на воздухъ и спустился верстахъ въ софокъ отъ Петербурга, гдѣ—то близъ Шлиссельбурга.

Биржевой скверъ, по обычаю, съ началомъ навигаціи, наполнился канарейками, жаворонками, попугаями, обезьянами, раковинами и собаками. Попугаи продавались дешевле обыкновеннаго; обезьяны были привезены гораздо-большаго роста, чѣмъ привозились въ прежнее время; собаки цѣнностью своею возбуждали даже удивленіе. Изъ всего выставленнаго, впрочемъ, болѣе другаго обращалъ на себя вниманіе страусъ, очень-величественная и пышная птица, которая, кромѣ своихъ прекрасныхъ перьевъ, извѣстна еще страннымъ образомъ мыслей. Страусъ, наподобіе нѣкоторыхъ людей, думающихъ, что, укутавшись въ какія-нибудь украшенія, они избѣгли суда и мнѣнія общественнаго, страусъ, уткнувъ голову свою въ душло, думаетъ, что окончательно скрылся отъ врага своего — охотника.

Вмѣстѣ съ птицами, привезли множество южныхъ плодовъ, особенно апельсиновъ и лимоновъ, которые тѣмъ неменѣе скоро спадаютъ въ цѣнѣ и въ Петербургъ, потому-что при помощи московской желѣзной дороги и ходящихъ по рѣкамъ пароходовъ, быстро скупаются и развозятся по разнымъ городамъ нашего обширнаго царства.

Что жъ касается заграничнаго привоза и вообще судоходства нынѣшняго лѣта, то оно лучше всего опредѣляется значительными цифрами приходящихъ и отходящихъ судовъ. Къ 18-му мая, къ кронштадтскому порту прибыло 291 судно; въ отходѣ показано 383 судна.

— Ко всему сообщенному прибавимъ, что въ настоящее время въ Петербургъ ожидаютъ выборы новаго городского головы. Должность эта и почетная и важная. Городской голова, какъ представитель и уполномоченный всего городского общества, завѣдуя дѣлами городского хозяйства, вмѣстѣ завѣдуетъ дѣлами трехъ торговыхъ сословій: купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго. Если лицо, которое займетъ эту должность, честно и добросовѣстно вникнетъ въ свои обязанности, если главнымъ двигателемъ его служебной дѣтельности будетъ благосостояніе городского общества, а не виды собственнаго честолюбія, то, при энергіи, онъ можетъ свою службу ознаменовать многими важными пользами.

— Въ заключеніе вѣстей о Петербургѣ упомянемъ о праздникѣ фармацевтовъ. Каждая истинная заслуга должна быть почтена и уважена, каждое добросовѣстное исполненіе обязанностей, къ какой бы сферѣ оно ни относилось, должно быть признано заслугою и

оцѣнено по достоинству, потому—что не тотъ выше, кто имѣетъ высокій постъ, но тотъ, кто честно исполняетъ свой долгъ въ отношеніи общества. Вотъ почему мы съ большимъ удовольствіемъ встрѣтили въ газетахъ извѣстіе о празднованіи въ Петербургѣ Фармацевтическимъ Обществомъ пятидесятилѣтняго юбилея аптекарской службы главнаго аптекаря горнаго вѣдомства Александра Кеммерера. Г. Кеммереръ единственный представитель нашей фармацевтики, которому удалось быть виновникомъ подобнаго праздника. Служа аптекаремъ по горному вѣдомству, г. Кеммереръ за тридцать—девять лѣтъ назадъ былъ однимъ изъ учредителей Фармацевтическаго Общества, пятнадцать лѣтъ уже состоитъ его директоромъ, а въ день юбилея удостоенъ званія почетнаго члена. Въ царствованіе императора Николая I, Кеммереръ былъ наставникомъ химіи при августѣйшихъ дѣтяхъ, а нынѣ благополучно-царствующій Государь, въ день юбилея, пожаловалъ ему чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ медицинскомъ сословіи Кеммереръ пользуется извѣстностью человека, обладающаго тремя важными качествами, на которыя въ день юбилея указалъ въ латинской рѣчи профессоръ фармаціи, г. Траппъ: это—*diligentia* (усердіе), *probitas* (честность) и *benignitas* (добродушіе). Юбилей Кеммерера праздновался на Пасхѣ въ залѣ Фармацевтическаго Общества. Въ честь юбиляра былъ большой обѣдъ, за которымъ отъ имени петербургскихъ и многихъ иногородныхъ аптекарей ему поднесли драгоценный кубокъ, переходившій во время праздника изъ рукъ въ руки.

ФРАНЦУЗСКІЕ ЖУРНАЛЫ, КНИГИ И БРОШЮРЫ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ.

Статья вторая и послѣдняя.

Мнѣнія о современности доктора Верона и г. Жюля Сиона. — Критики г. Сент-Бева и стихи Баувиля.

Въ предъидущей статьѣ мы привели взглядъ Жоржа Занда на современное французское юношество. Съ точки зрѣнія, совершенно-противоположной, смотритъ на современность докторъ Веронъ, который въ своей тучной и сложной личности представляетъ невообразимое сліяніе типовъ Журдена, доктора Бартоло, Фонтанарозы, Прюдома и Кокардо. Начавъ съ изобрѣтенія и продажи цѣлебныхъ пилюль, которыя его обогатили, докторъ сдѣлался потомъ директоромъ оперы, редакторомъ вліятельнаго журнала и наконецъ членомъ Законодательнаго Собранія, оставаясь при всемъ этомъ, безъ перемѣны, но не повышенія, миліонеромъ. Только при всѣхъ блистательныхъ превращеніяхъ, коренная натура парижскаго буржуа осталась сама себѣ вѣрной. Онъ много узналъ, но ничему не научился, и такъ же дивится на участіе свое въ политикѣ, какъ г. Журденъ дивится на собственную свою прозу. Впрочемъ, докторъ считается человекомъ остроумнымъ, потому ли, что даетъ хорошіе обѣды, или потому, что пишетъ плохія книги — мы не знаемъ, но читатели сами сейчасъ увидятъ, что въ Парижѣ, несмотря на невѣжество и хвастливость, можно быть иногда дѣйствительно-остроумнымъ, просто и наивно передавая слышанное или подслушанное. Вотъ краткія выписки изъ книги *Quatre ans de règne. Où en sommes nous?*

«Сравнивая вторую имперію съ первой, мы поражены различіемъ, которое въ нравственномъ отношеніи немаловажно. Наполеонъ I въ умахъ и въ сердцахъ любилъ движеніе, одушевлялъ ихъ благороднымъ честолюбіемъ, стремленіемъ къ великимъ предпріятіямъ, и дѣлалъ это посредствомъ *соревнованія*. Онъ назначалъ преміи наукамъ и художествамъ, а въ бюллетеняхъ большой арміи, которые въ то время замѣняли журналы, раздавалъ знаменитость и славу.

Теперь нами править не завоеватель, а монархъ миротворитель. Между-тѣмъ, государственные чины, посвящающіе себя съ независимостью—я докажу это фактами—замирению общества и развитію его интересовъ, дѣйствуютъ какъ-бы подъ спудомъ, секретно; нѣтъ ни публичности, ни соревнованія. Соревнованіе — одна изъ органическихъ потребностей французскаго характера. Франція любитъ движеніе, любитъ остроуміе, любитъ собственную жизнь не только сознать, но видѣть и слышать, любить славу и хочетъ имѣть случай заслужить ее и способы ее приобрести.

Сенатъ и Законодательный Корпусъ представляются въ настоящее время убѣжищемъ людей, которые желаютъ быть забытыми. Дѣятельнѣйшіе изъ ихъ членовъ извѣстны менѣе, чѣмъ ничтожнѣйшіе между участниками прежнихъ парламентскихъ преній. Не дасть ли это враждебнымъ партіямъ поводъ утверждать, безъ всякой справедливости, что между законодателями, окружающими Наполеона III, большинство состоитъ изъ фигурантовъ, избранныхъ за слѣбое послушаніе и за рабскую лесть?

Въ главѣ имперіи сияетъ высокая, величественная личность Наполеона III, но въ низшихъ сферахъ встрѣчается, такъ-сказать, правительство безыменное. Отъ этого происходитъ нѣкоторое какъ-бы нравственное одиночество главы государства, и власть лишена многихъ живыхъ силъ. Личности своими притязаніями подавляли правительство Луи-Филиппа; теперь, напротивъ, ихъ законному и благонамѣренному вліянію положены преграды.

Законодательному Корпусу недостаетъ свѣта. Публичность его засѣданій кака-то сумеречная. Перечни и протоколы, печатаемые въ «Монитѣрѣ», лишены движенія, жизни, не передаютъ отчетливо ни одного изъ впечатлѣній, отмѣчающихъ засѣданія. Въ нихъ всѣ ораторы представляются равными и вся камера бездушная, лишенная нравственнаго смысла, равно нечувствительной въ-отношеніи къ добру и злу, къ истинѣ и лжи. Въ этихъ отчетахъ всѣ рѣчи покрыты одинакимъ безцвѣтнымъ лакомъ, такъ-какъ въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкахъ покрывали бѣлой штукатуркой яркую живопись стѣнъ и пиластровъ въ средневѣковыхъ соборахъ. Г. Дени Лагардъ, носящій офиціальныи титулъ секретаря-редактора, составителя протоколовъ и отчетовъ, занимаетъ на дѣлѣ мѣсто общаго и единственнаго оратора Законодательнаго Корпуса. Я считаю его человекомъ остроумнымъ и талантливымъ, но трудную и печальную службу онъ отправляетъ: онъ обязанъ вскрывать рѣчи, анатомировать ихъ, очищать ихъ отъ мускуловъ, отъ нервовъ, отъ крови, оставляя однѣ кости. Еще можно сравнить его съ портнымъ, которому поручено кроить форменное платье для живыхъ фразъ французскаго языка.

Событія доказываютъ, что императоръ французовъ не только не слѣдуетъ въ политикѣ старому пути, но идетъ наперекоръ ему и пролагаетъ путь новый. Послѣдователь и провозглашатель наполеоновскихъ идей, онъ подверженъ скептицизму и сомнѣніямъ, которыя владѣютъ современниками; у него умъ твердый и спокойный,

духъ благородный и возвышенный, исполненный мужества, смѣлости, глубокаго убѣжденія и чувствъ великодушныхъ.

Онъ вѣрится общественному устройству, къ которому стремится съ большей или меньшей быстротой, посреди сопротивленій и помѣхъ, европейскія національности. Онъ любитъ городъ и хочетъ владычествовать не чрезъ его посредство, но въ его пользу.

Онъ употребить всѣ усилія, чтобъ установить на твердыхъ основаніяхъ порядокъ. Ему не предстоитъ, какъ Лудовику XIII, бороться съ помощью Ришльё, съ могучимъ феодализмомъ. Онъ не имѣетъ въ предметъ униженіе дворянства, уже испорченнаго, и низведеніе его къ роли придворныхъ угодниковъ, какъ Лудовикъ XIV. Задача, предстоящая Наполеону III, болѣе нравственная (?), болѣе человѣчная (!). Онъ долженъ низвести къ законному ограниченію значеніе и требованіе тщеславной буржуазіи, иногда доходившей до мятежа, которой Луи-Филиппъ вручилъ правленіе и которая тѣмъ неменѣе свергла *короля-мъщанина*. Задача, предстоящая Наполеону III, тѣмъ болѣе нравственная и человѣчна, что ему назначено въ-особенности успокоить страданія классовъ бѣдныхъ, работниковъ, возвратитъ французскому обществу миръ посредствомъ развитія труда и прославитъ свое существованіе, удивить вселенную созданіемъ общепользныхъ учреждений, для всѣхъ равно доступныхъ, приготовленіемъ великихъ событій, дѣйствующихъ на воображеніе народное.

Но слѣдуетъ ли заключить изъ этихъ великихъ качествъ главы правленія, изъ этого блистательнаго царствованія, что во всей Франціи господствуютъ восторгъ и преданность?.. Глубокое, неестественное молчаніе книгопечатанія образуетъ родъ темной ночи; на небосклонѣ не видно ни черныхъ тучъ, ни приготовленій грозы...

....Еслибъ во Франціи совершались перестройки для осуществления полезныхъ и необходимыхъ преобразованій, то мы теперь были бы обезопасены отъ революціи болѣе чѣмъ на сто лѣтъ. Избранникъ восьми милліоновъ французовъ ведетъ дѣла съ такой быстротой, что, продолжая дѣйствовать на этомъ пути, чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ не оставитъ будущимъ революціонерамъ никакихъ предлоговъ къ нововведеніямъ. Въ земледѣліи, въ финансахъ, въ народномъ воспитаніи, въ войнѣ, въ дипломатіи, въ путяхъ сообщенія — во всемъ онъ смѣло преслѣдовалъ прогрессъ.

Среди глубокой ночи являются призраки, которые при свѣтѣ дневномъ исчезаютъ. Безмолвіе наводитъ на думы и мысли, которыя занимаютъ насъ во время продолжительнаго безмолвія, наполняютъ душу безпокойствомъ, недовѣрчивостью и опасеніями. Я нисколько не сомнѣваюсь, что если теперь, несмотря на всѣ великія дѣла, совершенныя въ четырехлѣтнее царствованіе, волнуютъ общественное мнѣніе какія-нибудь враждебныя стремленія, то это должно приписать безмолвію Прессы.

Надо понять состояніе души великаго политическаго оратора посреди собранія, въ которомъ окна на-глухо заперты, посреди глубокаго мрака, который леденитъ умъ и сердце и доводитъ до немощи благороднѣйшее и живѣйшее увлеченіе».

Послѣ такихъ вообще успокоительныхъ и только отчасти проницескихъ похвалъ современности и такихъ нѣжныхъ, вполголоса высказанныхъ упрековъ, не худо прочесть со вниманіемъ мужественную, хотя отчасти схоластическую діатрибу, напечатанную въ предисловіи къ *четвертому изданію* книги г. Жюль Симона: «le Devoir». Этотъ философъ, какъ систематикъ и какъ діалектикъ, далеко отсталъ отъ современнаго состоянія науки; книги его: «le Devoir», «la Religion naturelle», «la Tolérance», имѣющія во Франціи огромный успѣхъ, не заслуживаютъ изученія людей, знакомыхъ съ истинными представителями теоріи мышленія въ наше время; но стоить вниманія по неограниченному почти вліянію, приобретенному ими между благомыслящими французами, вліянію, которое обозначаетъ утѣшительную реакцію и общаетъ результатъ, указанный г. Прево-Парадалемъ. Впрочемъ, и самъ г. Жюль Симонъ, несмотря на сухость своего возрѣнія и на жесткость своихъ заключеній, въ сущности согласенъ съ младшимъ, но талантливѣйшимъ собратомъ по убѣжденіямъ и по направленію. Просимъ читателей принимать едантическія, отчасти, обвиненія г. Симона противъ современнаго французскаго общества *cum grano salis*.

«...Нынѣче мы впали въ общественное разслабленіе; вся дѣятельность обращена къ преслѣдованію матеріальныхъ интересовъ. Повсюду необузданная роскошь, безъ богатства дѣйствительнаго; всѣ умы напряжены шансами игры; вся Франція спекулируетъ на повышение или пониженіе фондовъ, электрическіе телеграфы, служатъ распространенію азіютажа. Деньги, отнятыя у земледѣлія, употреблены на безстыдныя спекуляціи, между-тѣмъ, какъ общепользныя, плодотворныя предпріятія посредствомъ биржевой игры теряютъ кредитъ и ведутъ къ разоренію прежде даже, нежели могутъ быть осуществлены; а вмѣстѣ съ этимъ нѣтъ участія къ наукамъ, непріносящимъ прямаго дохода, къ изящной литературѣ, къ теоретическимъ занятіямъ; нѣтъ живаго ученаго направленія, которое бы возбуждало и возвышало умы; нѣтъ слѣдовъ нравственнаго назиданія; художества унижены и безъ вліянія; нѣтъ твердости въ характерахъ; чувство изящнаго пропадаетъ; надъ нравственностью смѣются; лицемеріе въ чести... все это слезъ достойно. Дано ли намъ купаться въ такой грязи? Уже ли нѣтъ для насъ выхода? Будемъ питать надежду и убѣжденіе, что леза насъ поразила только временно. Въ исторіи много примѣровъ такого ослабленія, за которымъ слѣдовало блестящее возрожденіе. Да будетъ только для всѣхъ видящихъ зло и оплакивающихъ его понятна огромность обязанностей, на нихъ лежащихъ. Порча въ самомъ сердцѣ; сердце должно излечить. Да возродятся живительной надеждой отверженные; воскресимъ вѣру между мертвыми, возбудимъ повсюду чувство права и чувство долга, воздвигнемъ новый стонцизмъ, какъ преграду новому паденію общества».

Отъ характеристикъ современныхъ нравовъ, разсматриваемыхъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, переходимъ непосредственно въ область чистой литературы, гдѣ встрѣчаются иногда явленія утѣш-

тельные, указывающія не только на возможность, но и на средства нравственнаго возрожденія. Несостоятельность критики въ послѣднее время не мало способствовала къ порчѣ общественнаго вкуса во Франціи и, вслѣдствіе этого, къ нравственному ослѣпленію. Г. Сент-Бёвъ, покинувшій романтизмъ безъ причины, также, какъ безъ причины онъ присталъ къ нему, стремившійся замѣнить прежній классическій критеріумъ французской критики авторитетомъ личнаго вкуса, отвлеченнаго равно отъ всякаго преданія и отъ всякой рациональной теоріи, постоянно—старавшійся унижить великихъ людей на томъ основаніи, что нѣтъ великаго человѣка для камердинера, возобновившій въ XIX вѣкѣ придирчиваго Фрерона, начинаетъ, повидимому, чувствовать недостаточность своей системы и, по поводу нѣкоторыхъ недавнихъ опытовъ рациональной критики, щепетильный и чопорный авторъ «des causeries du lundi», доходить до сознанія истинныхъ законовъ новѣйшей эстетики. Г. Сент-Бёвъ выражаетъ эти законы съ мужественнымъ краснорѣчіемъ и съ философской отчетливостью, отъ которой французская критика уже давно насъ отучила. Предлагаемъ точный переводъ этого изложенія, замѣчательнаго по идеѣ и по слогу. Въ двухъ только мѣстахъ мы позволили себѣ замѣнить незначительныя выраженія, которыя, если бы были переведены буквально, очевидно не соответствовали бы намѣренію автора. Читатели увидятъ, что новое направленіе, указанное критикѣ, можетъ быть съ пользой приложено не только во Франціи, но и за границей. Вотъ эта страница, представляющаяся намъ какъ зрѣлый плодъ многолѣтняго труда и прилежнаго изученія образовъ:

«...Я знаю, что точки зрѣнія, перемѣщаясь, измѣняются; что въ послѣдовательномъ движеніи каждый шагъ открываетъ новыя перспективы въ прошедшемъ, которое нерѣдко освѣщается непредвидѣннымъ свѣтомъ. Я знаю, что вѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ древнихъ произведеніяхъ нѣкоторыя стороны темнѣютъ и скрываются отъ нашего взора, другія стороны отдѣляются явственнѣе и освѣщаются ярче. Во времени, какъ въ пространствѣ, извѣстная степень отдаленности даетъ памятникамъ искусства новое и полнѣйшее значеніе, размѣры ихъ и отношенія частей однихъ къ другимъ въ этой дали лучше опредѣляются. Открываются невидимыя дотолѣ связи и взаимныя вліянія. Можно, въ нѣкоторой степени, увидѣть въ произведеніи искусства то, чего самъ художникъ не видѣлъ; опредѣлить то, что онъ передалъ безсознательно и ненамѣренно. Мнѣ кажется, что если, съ одной стороны, когда бы бесѣда съ художникомъ была возможна, онъ указалъ бы намъ мѣру истины во многомъ, въ чемъ наши умствованія заходятъ слишкомъ—далеко; за-то и мы, съ своей стороны, могли бы показать ему кое-что новаго въ собственномъ его произведеніи. Въ удачѣ такого предпріятія должна состоять верховная слава критика: въ этомъ его законное участіе въ творествѣ. Какъ бы хорошо было, мнѣ кажется, разсуждая о писателѣ (я говорю о поэтахъ и художникахъ), воображать, что самъ писатель при этомъ присутствуетъ и внимааетъ нашимъ разсужде-

ніямъ. Конечно, такое предположеніе съ перваго взгляда внушаетъ робость, но нѣкоторая застѣнчивость не неумѣстна въ общеніи съ великими мастерами. Превозмогши первую робость, мы достигли бы истинно-свободной и мужественной критики, представляя себѣ иногда, что изумляемъ и удивляемъ великаго писателя, но вмѣстѣ съ тѣмъ стараемъ постоянно убѣдить его и обратить къ нашему мнѣнію. Мы были бы одушевлены при этомъ лестной мыслью и сильнымъ побужденіемъ, что самого его научаемъ, что раскрываемъ передъ нимъ самую тайну его личности и указываемъ ему настоящее его мѣсто въ средѣ великихъ людей. Высокое было бы наслажденіе объяснять ему самому его славу, открывать передъ нимъ ея новыя стороны и передавать ему новое, полнѣйшее понятіе о влияніи его на человѣчество, на сколько это влияние было здравымъ, полезнымъ и постоянно-возрастающимъ; должно также осмѣлиться не умолчать и о томъ, на сколько оно было замедляющимъ, или даже прямо зловреднымъ. Нѣжность критика въ обращеніи съ этими сторонами, недостаточнымъ относительно къ искусству или къ нравственности, предосторожности, которая должно было бы принять для того, чтобъ убѣдить самого художника (предполагая, что онъ тутъ присутствуетъ), служили бы новымъ приношеніемъ гению и славы, и сообщили бы критикѣ ту внутреннюю чувствительность, ту сознательную умѣренность, которая, выражая участіе сердца, въ сердцахъ читателей находили бы отголосокъ. Словомъ, критика была бы симпатической. Тогда бы не говорили о Расинѣ, о Машонтенѣ, о Гораціи (опять предполагая, что поэты тутъ) тѣмъ же тономъ, какъ о Боссюэтѣ и Корнельѣ. Каждый критикъ прежде всего долженъ былъ бы стать на точку зрѣнія автора, имъ разбираемаго; для того, чтобъ убѣдить писателя и заставить его вѣрить нашимъ выводамъ, необходимо было бы доказать, что мы его вполне понимаемъ. Мало-по-малу дошли бы мы до разрыва согласія, если оно должно было бы прерваться, до предѣла тождества современной мысли съ мыслью прошедшаго. Одному великому человѣку указали бы мы на то, что онъ совершилъ безсознательно, другому на послѣдствія его произведеній, противоположныя тѣмъ, какия онъ ожидалъ. Увлеченный добросовѣстностью вожаго, художникъ принужденъ былъ бы слѣдовать за логическимъ развитіемъ мысли, обращаясь самъ въ читателя, но самаго прилежнаго и внимательнаго. Такимъ-образомъ Расина можно было бы довести до того, чтобъ онъ понялъ похвалу Шекспира, а передъ Боссюэтомъ возможно было бы изложеніе началъ вѣротерпимости. Свойственные каждому писателю духъ и тонъ отражались бы даже въ этихъ крайнихъ результатахъ, гдѣ первоначальное обожаніе смѣняется полупротиворѣчіемъ. Этимъ способомъ въ самомъ развитіи критики преданіе сохранилось бы живымъ и, такъ-сказать, осязательнымъ, между-тѣмъ, какъ въ связи съ нимъ, прогрессъ развивался бы безостановочно.

Система критики, столь остроумно и краснорѣчиво-развитая г. Сент-Бёвомъ, можетъ быть приложена и къ писателямъ современнымъ. Если въ этомъ случаѣ она представляетъ затрудненія, еще

болѣе сложныя, нежели когда предлагается къ авторамъ классическимъ, то и наслажденіе для критика бываетъ живѣе, тоньше и возвышеннѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ результатъ его усилій, по близости и знакомству предмета, можетъ быть удобоприложимѣе и общеполезнѣе. Критикъ, возвысившійся до точки зрѣнія, о которой мы говоримъ, разнится тѣмъ отъ толпы своихъ собратій, что онъ недоступенъ утомленію, скукѣ. Большая часть литераторовъ, посвящающихъ себя, по ремеслу, разбору чужихъ произведеній, каково бы ни было ихъ одушевленіе при началѣ критическаго поприща, мало-по-малу устаютъ и отстаютъ, подавленные огромностью и однообразностью труда. Лучшіе изъ нихъ сохраняютъ неизмѣнную симпатію къ образцамъ современнымъ или классическимъ, выбраннымъ въ юности; но всѣ почти убѣждаются въ литературной бесплодности своего вѣка, и въ собственной усталости хотятъ видѣть отраженіе всеобщаго паденія творческой силы и порчи вкуса. Какъ сладостно, напротивъ, тому, кого природа одарила достаточнымъ запасомъ прогрессивной энергіи, тому, кто, вмѣстѣ съ развитіемъ умственной производительности въ современномъ обществѣ, умѣетъ расширить свой кругозоръ, который въ каждомъ новомъ, живомъ созданіи художниковъ видитъ прибавленіе, возвышеніе собственной жизни, а не *minoratio capitis*, какъ записные зоилы! Какъ сладостно такому критику слѣдить за постепеннымъ возростаніемъ талантовъ, предвидѣть эпоху полного ихъ цвѣтенія и наслаждаться заранѣе, по частямъ, тѣмъ, что въ окончательной цѣлости формы изумить и очаруетъ публику! Не гордость перваго обладателя одушевляетъ критика, но удовлетворенное сознание непогрѣзительности научной методы. Верховное наслажденіе онъ вкушаетъ только вмѣстѣ съ публикой, потому-что высшее, полное значеніе получаетъ твореніе художника только въ сочувственномъ сознаніи общества. Критикъ, руководимый несомнѣнностью философическаго наведенія, предвидѣлъ заранѣе смыслъ и силу таланта, и потому онъ доволенъ, онъ счастливъ, и безъ всякаго притязанія принимаетъ скромное, но братское участіе въ торжествѣ поэта. Опытный садовникъ видитъ цвѣты и плоды тамъ, гдѣ глазъ профана не умѣетъ даже открыть почекъ; но садовникъ, конечно, радуется цвѣтомъ и плодомъ болѣе неразумныхъ зѣвакъ, для которыхъ послѣдовательность развитія въ природѣ останется навсегда неразгаданной тайной.

Еще счастливѣе критикъ, когда благопріятная судьба сблизила его лично съ поэтомъ, когда онъ, противно принятому обычаю, который въ друзьяхъ и собратіяхъ воспрещаетъ признавать пророковъ, умѣлъ въ близкомъ пріятелѣ оцѣнить зародышъ геніальности. Таково на этотъ разъ наше счастье, и мы съ полной увѣренностью представляемъ въ лицѣ г. Банвиля, автора *Odes funambulesques*, новаго, геніальнаго поэта. По сіе время онъ обращалъ вниманіе знатоковъ необыкновеннымъ щегольствомъ, небывалой во французской поэзіи оконченностью формы; видно было, что когда поэтъ найдетъ путь, гдѣ силъ его таланта возможно будетъ развиваться въ ея оригинальной свободѣ, онъ докажетъ міру, что великій стихотво-

рецъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ высокимъ поэтомъ. Не нужно объяснять, что мы говоримъ объ истинно-великомъ стихотворцѣ, понимающемъ всѣ тайны и всѣ оттѣнки поэтической формы, а не о рифмоплѣтахъ, умѣющихъ только подбирать звучныя слова.

Г. Банвиль; давно уже оцѣненный по достоинству всѣми тѣми, кто во Франціи сохранилъ смыслъ поэзіи и любовь къ изящному, является теперь передъ публикой съ новымъ собраніемъ стихотвореній, совершенно-отличнымъ отъ прежде имъ изданныхъ и отличающимся съ ними родство только одной неподражаемой роскошью стихотворной отдѣлки.

Предоставимъ самому поэту объяснить смыслъ своей книги, цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду, и духъ, его руководившій. Г. Банвиль въ прозѣ пишетъ такъ же хорошо, какъ въ стихахъ, и если его парадоксы не всегда подходятъ подъ законы строгой эстетики, то по крайней-мѣрѣ блестятъ неподдѣльнымъ блескомъ оригинальности въ современности.

Вотъ въ какихъ скромныхъ выраженіяхъ поэтъ считаетъ нужнымъ себя оправдывать передъ французской публикой. Быть-можетъ, передъ публикой русской онъ могъ бы обойтись совсѣмъ безъ извиненій:

«... Одно слово, сказанное кстати, значить уже много въ-сравненіи съ тѣми господами, которые, зажмуривъ глаза, вертятъ жерновъ, не дающій никакой муки. Наше время, безъ-сомнѣнія, *многое время*; оно хочетъ слышать вольныхъ, веселыхъ птицъ; ему потребны пѣсни лирическія или пѣсни шуточные: лирическія потому, что можно умереть отъ отвращенія, если иногда не выкупаешься въ лазури, если иногда, для утѣшенія себя отъ непосредственности, насъ окружающей, не позволено будетъ намъ съ растрепанными волосами летѣть къ звѣздамъ; пѣсни шуточные, или даже шутовскія, потому намъ нужны, что около насъ много шутовскаго происходитъ. Отъ времени до времени, Аристофанъ передѣлываетъ свою комедію *Плутусъ* и называетъ ее *Меркаде*, или другую комедію, которой даетъ названіе *Вотрень*, а, быть-можетъ, и *Les Saltimbanques*; но всѣ эти комедіи, по разнымъ причинамъ, недолго удерживаются на сценѣ; къ-тому же, обновленнымъ сатирамъ недостаетъ хоромъ, этихъ оживленныхъ одъ, которыя передавали прямо изъ рукъ дѣйствующихъ лицъ въ руки зрителей кубки, полные цѣлебнаго вина...

«Я вхожу въ одинъ изъ модныхъ театровъ: стѣны трещатъ отъ грома рукоплесканій; занавѣсъ только-что поднялся и открылъ глазамъ салонъ, столько же безвкусный и пошлый, какъ настоящіе буржуазные салоны; на окнахъ настоящія занавѣски изъ штофа, шелковаго пополамъ съ шерстью, съ настоящими кистями и съ настоящими мѣдными бляхами; на каминѣ настоящіе бронзовые часы изъ лавки Ришона. Все загромождено настоящею мѣбелью и на столѣ стоитъ настоящая лампа съ настоящимъ колпакомъ изъ розовой бумаги. И вотъ настоящій актёръ вынимаетъ настоящія руки изъ настоящихъ кармановъ и закуриваетъ настоящую сигару. Онъ говоритъ: *qu'est-ce que t'as*, какъ настоящій сидѣлецъ въ модномъ магазинѣ, и толпа аплодируетъ неистово! Видѣли вы? онъ закурилъ

настоящую сигару; панталоны на немъ спиты лучшими портнымъ, а какъ онъ шляпу хорошо умѣетъ держать! Какъ онъ естественно сказалъ: «я люблю Адель!» точь-въ-точь какъ знакомый нашъ *Monsieur Edouard* прежде, нежели онъ женился на Адель.

«Право ты добрая публика; все это натурально и дѣйствительно, точно такъ же, какъ гербовая бумага, какъ насморкъ, или какъ грязная мостовая. Люди, которые прогуливаются на этихъ подмосткахъ, загроможденныхъ всякаго рода покойными креслами и покрытыми лакомъ стульями, занимаются, повидимому, своимъ дѣломъ; но что же мнѣ, зрителю, за дѣло до ихъ дѣлъ? Я знаю Гамлета, Ромео, Рюй Блаза, потому-что эти лица одушевлены любовию, узлеены ревностью, преобразены страстью, преслѣдуемы жребиемъ, сокрушены судьбой. Они такіе же люди, какъ и я. Какъ я, они видѣли моря и дѣса, большія дороги, звѣздное небо и дуга, осребренные луною. Такъ же, какъ я, они обожали, они молились, они терпѣли горе и тоску, терзаемы были душевными страданіями. Но почему мнѣ знать этихъ буржуа, рожденныхъ и живущихъ въ коробкахъ? Можно, пожалуй, сказать, что у нихъ однѣ со мной заботы и тревоги, что они также обязаны выработать деньги, помѣщать капиталы, платить въ срокъ за квартиру, покупать для дѣтей конфеты и лекарства. Но я въ театрѣ хожу именно для того, чтобъ забыть обо всѣхъ этихъ скучныхъ дрязгахъ ежедневной жизни. Не только лица новыхъ комедій для меня чужіе люди, но и я имъ не свой. Они обо мнѣ ничего не знаютъ; онѣ не любятъ меня; нѣтъ въ нихъ жалости къ моему горю, ни утѣшенія для моихъ слезъ; точно такъ же, какъ на мой смѣхъ, они не отвѣчаютъ даже легкой улыбкой. Древній хоръ безпрестанно обращался къ зрителю: у насъ съ тобой одно отечество, одни и тѣ же боги, одна и та же судьба; твоя улыбка даетъ мнѣ остроуміе, твоя иронія отзывается въ моемъ смѣхѣ. Расинъ и Шекспиръ безъ хоровъ умѣли сообщить зрителю тѣ же чувства: это слышно въ каждомъ стихѣ ихъ, въ каждомъ словѣ—такъ ихъ личность проникнута была общей жизнью человѣчества. Въ наше время, даже въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ проявляется истинный комическій талантъ, авторъ, повидимому, не заботится о прямомъ отношеніи къ публикѣ; онъ какъ-будто сочинилъ пьесу для самого себя и для себя одного. Повсюду недостаетъ хора—этого слова, этого восклицанія, этого мановенія, призывающаго къ участию въ братской трапезѣ.

«Это незанятое мѣсто хотѣлъ бы занять сочинитель *Одъ бунабулическихъ*, если позволительно сознаться въ такомъ дерзновенномъ намѣреніи. Его стихотворенія назначены замѣнить хоры къ *Вотрену*, къ *Les Saltimbanques*, къ *Jean Hiroux*, къ этой первой изъ современныхъ трагедій (*). Авторъ пытался сблизить массу пу-

(*) *Jean Hiroux*—это исторія о преступникѣ, приговоренномъ къ смерти; она состоитъ изъ разговоровъ преступника съ судьями, съ жандармами, съ тюремщиками и наконецъ съ самимъ палачомъ. Она изобрѣтена знаменитымъ *Henri Monnier*, творцомъ *Прюдоме*, а впоследствии сдѣлалась достояніемъ многихъ актѣровъ.

блики съ современными знаменитостями, обличая интимныя, чело-
вѣческія стороны ихъ личностей. Онъ хотѣлъ посредствомъ поэзіи
достигнуть того же, чего достигаетъ карандашъ, рисующій кари-
катуру въ рукѣ истиннаго художника...

«Что жъ касается изысканности или причудливости формы, то
она объясняется тѣмъ свойствомъ нашего вѣка, что все въ немъ
доходитъ до крайней напряженности, до пароксизма. Прежде клас-
сическія сальныя свѣчи составляли общесудовлетворительное освѣще-
ніе, теперь, для насъ мало цѣлыхъ потоковъ газа. Въ старое вре-
мя десять тысячъ франковъ дохода считались богатствомъ, а нынѣ-
че богатый банкиръ говоритъ о собратѣ, имѣющемъ только десять
милліоновъ капитала. «Я думалъ, что онъ, бѣднякъ, зажиточнѣе
этого!» То, что, бывало, красятъ въ скромную сѣрую краску, окра-
шено теперь въ лазурь или въ карминъ, и все еще кажется намъ
слишкомъ-сѣрымъ. Писатели наши до-того остроумны, что всѣ
оплѣшивѣли; женщины такъ пестро разряжены, что лошадей пуга-
ютъ, а кареты до-того деликатно отдѣланы, что рассыпаются въ
щепки...

«Въ-отношеніи къ наружной, къ живописной сторонѣ современ-
ныхъ обычаевъ и нравовъ, напряженность достигла до очевидной
нелѣпости. Всѣ мы похожи стали на скомороховъ, представляющихъ
фарсъ, въ которомъ каждый намѣренно занимаетъ роль несоответ-
ственную его возрасту, полу и наружности. Войдите въ редакцію
журнала, имѣющаго притязаніе на балагурство: вы найдете тамъ ста-
риковъ, горюющихъ о быломъ; загляните въ кабинетъ знаменитаго
актѣра: онъ подводитъ итоги подъ весьма-сложными счетами, при-
сланными отъ банкира. Лансы новаго времени подписываются на
ученые журналы, ростовщики бросаютъ вокругъ себя меланхоличе-
скіе взоры и одѣваются, какъ Броммель...

«...Недавно акробатъ вздумалъ повѣсить свои подмостки подъ мос-
томъ, прямо надъ Ниагарскимъ Водопадомъ. Г-жа Карвальо въ *ве-
неціанскомъ карнавалѣ* доказала, что играетъ на скрипкѣ своимъ
горломъ лучше, чѣмъ самъ Паганини! Почему же сочинитель *Фу-
намбулическихъ Одъ* не можетъ стихъ и строфу заставить плясать
на проволокѣ безъ шеста?

«Къ-тому же, всѣмъ знатокамъ комической поэзіи извѣстно, какія
затрудненія представляетъ французское стихосложеніе поэту, иск-
ренно-желающему разсмѣшить читателя. Они знаютъ, какъ трудно
сѣдоку разгорячиться на конѣ, шагающемъ мирной, медленной
поступью».

Скромность, приличная истинному поэту, не должна вводить насъ
въ заблужденіе. Онъ характеризуетъ самъ себя мастерски, но пред-
ставляетъ въ умнѣнномъ видѣ и талантъ свой и свое значеніе;
онъ смотритъ на себя въ узкій конецъ зрительной трубки. Наше

и другихъ ловкихъ расказшиковъ. Драма эта, ужасающая своей парижской ре-
альностью, не могла и не можетъ быть напечатана по цинической непристой-
ности выраженія и по наглой безыравственности апофегизмъ преступника.

дѣло въ томъ, чтобъ возстановить дѣйствительныя пропорціи. Не разъ уже достигала комедія французская всемірнаго значенія и теперь даже, хотя лишенная всякой поэзіи, сохраняетъ неоспоримое первенство, по нѣкоторымъ специфическимъ качествамъ. Если творчество не воскреснетъ въ ней, то недолго ей первенствовать и вкорѣ, можетъ-быть, несмотря на теперешнее ослабленіе моды, постигнетъ ее судьба, одинакая съ классической трагедіей, которая не болѣе, какъ за тридцать лѣтъ передъ симъ, пользовалась условнымъ, но единодушнымъ удивленіемъ и уваженіемъ всѣхъ образованныхъ людей высшихъ классовъ европейскаго общества. Моды такъ же легко исчезаютъ, какъ распространяются, хотя длятся иногда по цѣлымъ столѣтіямъ. На уничтоженіе классической трагедіи имѣло прямое вліяніе развитіе нѣмецкой литературы и послѣдовавшее за этимъ изученіе Шекспира; комедія французская, достигшая въ наше время той же деревянности, какою отличались во время оного произведенія гг. Жуи и Вьенне, исчезнетъ, можетъ-быть, передъ европейскимъ успѣхомъ другой, свѣжей, поэтической и оригинальной комедіи. Не безъ боя уступить Франція свое, въ этой сферѣ вѣковое первенство, и для поддержанія его она отыщетъ родники творческаго вдохновенія, давно уже чуждаго ея драматической литературѣ. Несмотря на совершенное оскудѣніе поэзіи въ концѣ XVIII вѣка, Бомарше создалъ типическую комедію въ такое время, когда о типахъ никто не имѣлъ понятія. Въ романахъ и памфлетахъ Вольтера, этого лирика въ прозѣ, нашель отецъ «Севильскаго Цырюльника» то вдохновеніе, которое дало созданію его жизнь и силу, сдѣлало изъ *Фиаро* одного изъ значительныхъ участниковъ въ преобразованіи и возрожденіи западно-европейскаго міра. Такимъ же образомъ, въ давнѣйшее время, Мольеръ вдохновлялся чтеніемъ Раблэ и Монтаня и почерпалъ въ этихъ гениальныхъ поэтахъ въ прозѣ (такова судьба поэзіи во Франціи), мотивы своихъ бессмертныхъ комедій. Новая исторія Франціи даетъ неистощимое и приготовленное уже содержаніе для комической разработки во многообъемлющихъ типахъ: *Робертъ Макера*, *Прюдона* и въ другихъ, созданныхъ фантазіей Бальзака, но получившихъ историческое значеніе. Между-тѣмъ, какъ на парижскихъ театрахъ комедія падала и падаетъ всякій день ниже, отъ Дюма-отца до Дюма-сына, до Барьера, и наконецъ, отъ Барьера до Маріо Юшара, автора *Фамини*, г. Банвиль даритъ намъ залогъ ея возрожденія—таково значеніе *Оды фунамбулическихъ* въ развитіи французской литературы. Другая сторона новаго собранія стихотвореній г. Банвиля, быть-можетъ, еще непосредственнѣе-интересна. Въ прѣжнихъ стихахъ его знатоки удивлялись неожиданнымъ эффектамъ, до которыхъ поэтъ достигалъ, несмотря на тѣсноту и на деревянность условій французской просодіи; теперь онъ достигъ въ этомъ искусствѣ высшаго мастерства. Тѣ качества римической полноты, отчетливости и оконченности, которыми могли хвалиться оба источника новаго французскаго языка: поэзія трубадуровъ и поэзія труверовъ, та свобода и легкость оборотовъ, которой отличалась литература фран-

цузская въ XVI-мъ столѣтіи—все то, чего романтики въ свое время пытались достигнуть, принадлежитъ г. Банвиллю, *par droit de conquête et par droit de naissance*. Здѣсь мы переходимъ къ самому содержанию, къ поэтической сущности *Оды фюнамбулческихъ*. Между огромностью требованія, свойственнаго нашему вѣку, и ничтожною удовлетворенія, представляемаго современной дѣйствительностью, зялетъ видимая пропасть, которая, обаяя духъ поэтовъ, внушаетъ имъ ужасъ, тоску, отвращеніе; недовѣрчивость ко всему возможному, и даже къ самимъ себѣ. Последнее и, можетъ-быть, сильнѣйшее выраженіе этого раздвоенія проявляется въ Генрихѣ Гейне, у котораго борьба эта, недостижная разумнаго примиренія, выражена не только въ общемъ направленіи, но даже въ каждомъ изъ самыхъ мелкихъ произведеній и почти въ каждомъ изъ его стиховъ. Это сознательно, современное раздвоеніе составляетъ отличительный характеръ настоящей, послѣдней литературной эпохи во всей Европѣ. Оно соответствуетъ въ Россіи періоду Лермонтова и его послѣдователей, во Франціи—Альфреду Мюссе и его школѣ, въ Германіи— послѣдней, равно какъ и первой манерѣ Генриха Гейне. Въ Гейне этотъ разладъ дѣйствительности съ идеальными требованіями, который гораздо-прежде выраженъ былъ съ мужественной смѣлостью и съ откровенной жесткостью въ первой части «Фауста», достигъ того субъективнаго пароксизма, который сдѣлалъ творца Атта Троллы любимымъ поэтомъ всѣхъ раздраженныхъ, нервическихъ, женственныхъ натуръ, какихъ въ нашъ вѣкъ развелось неисчислимое количество. Сколько чистыхъ душъ испорчено, сколько добрыхъ намѣреній отклонено отъ цѣли сантиментальной ядовитостью гейневскихъ парадоксовъ и антитезисовъ! Время положить предѣлъ тоскѣ, ироніи, меланхоліи и отчаянію. Г. Банвилль не избѣгъ тлетворнаго вліянія Генриха Гейне, но въ немъ раздвоеніе преобразилось соответственно съ характеромъ современнаго, послѣдняго фазиса французскаго общества. Фантазіи не менѣе у г. Банвила, чѣмъ у семитическаго нѣмца, но субъективная раздражительность и сантиментальность исчезаютъ совершенно подъ вліяніемъ неумолимаго реализма второй половины XIX-го столѣтія и необычнаго дара поэтической объективности. Кромѣ этихъ рѣдкихъ достоинствъ, стихотворенія г. Банвила отличаются еще качествами національными, французскими и отчасти парижскими. Пронія не переходитъ никогда за границы веселости и самой жестокой сарказмъ лишень ядовитости вслѣдствіе добродушной, хотя и предательской формы пародіи, у грековъ вознмѣвшей начало въ *Облака* Аристофана, но развитой и достигнуей совершенства только у французовъ XIX-го вѣка. Прибавьте къ этому совершенное отсутствіе субъективныхъ мотивовъ, сверхъестественный талантъ характеристики личностей, двумя-тремя рѣзкими чертами, тогда вы можете составить себѣ удовлетворительное понятіе о художественномъ достоинствѣ *Оды фюнамбулческихъ*.

Чтобъ устранить, хотя отчасти, затрудненіе, которое можетъ встрѣтиться при внимательномъ чтеніи *Оды фюнамбулческихъ* и пош-

спать полной оцѣнкѣ ихъ достоинствъ, полному наслажденію ихъ прелестями, мы употребимъ всевозможныя усилія. Мы разумѣемъ множество вѣрныхъ, удачныхъ портретовъ современныхъ парижскихъ знаменитостей. Здѣсь черты карикатурно преувеличены или искажены не злостью намѣренной, а бессознательнымъ мягкосердіемъ поэта, который слишкомъ—печальную или неблагообразную дѣйствительность украшаетъ опозитивированной карикатурой. Такъ-какъ о всѣхъ лицахъ, упоминаемыхъ г. Банвилемъ, нѣтъ возможности говорить, то мы избираемъ тѣхъ, которыя въ прилагаемыхъ стихотвореніяхъ занимаютъ первая, самая видная мѣста.

Начнемъ съ «Надара», который несомнѣнно принадлежитъ къ забавнымъ, если не совсѣмъ—граціознымъ парижскимъ типамъ. Сначала о самомъ имени. Надаръ — это не фамилія, а прозвище. Артистъ, котораго такъ называютъ, наследовалъ отъ отца имя Турнашонъ. Въ мастерскихъ живописцовъ, гдѣ онъ въ свое время съ грѣхомъ пополамъ учился и въ танцевальныхъ залахъ, гдѣ онъ отплясывалъ канканъ, пріятели и пріятелиницы прозвали его во время оно (лѣтъ двадцать назадъ) *Турнадаръ*. Тогда была мода переименовывать имена, прибавляя къ концу ихъ *Надаръ*; такъ изъ знаменитаго танцора Шикара сдѣлали Chicocandard, имя, которое впоследствии обратилось въ прилагательное. Одаренный товарищами разгульной юности этимъ звучнымъ прозвищемъ, а отъ природы получившій одну изъ самыхъ странныхъ и поразительно—безобразныхъ наружностей, Надаръ, некончившій наукъ ни въ гимназій, ни въ мастерской, самъ—себѣ выдалъ дипломъ универсальнаго артиста и принялся писать, рисовать, издавать журналы, сочинять повѣсти и лѣпить карикатуры, не имѣя ни дарованій, ни свѣдѣній, необходимыхъ литератору, рисовальщику и скульптору. Сноровкой и опытомъ научился онъ достаточно каждому ремеслу дядюго, чтобъ различные артисты принимали его за собрата; а дядюго, чтобъ прослыть человекомъ изобрѣтательнымъ, онъ выдумалъ способъ нетрудный хотя и сложный. Напримѣръ: одного пріятели онъ навелъ на разговоръ о сюжетахъ для повѣстей, и такимъ образомъ приобрѣталъ основу своего будущаго творенія; другому, незнакомому съ первымъ, предлагалъ написать вмѣстѣ повѣсть на превосходный сюжетъ, будто бы имъ самимъ изобрѣтенный; третьему, ни съ первымъ ни съ вторымъ неходящемуся въ сношеніяхъ, дружески поручалъ поправить тѣ страницы, которыя онъ принужденъ былъ написать: выходила повѣсть иногда весьма—удачная. И такъ-какъ Надаръ, по сложности такого писанія, не часто могъ имъ пользоваться, то говорили и говорятъ еще по сіе время: «этотъ проказникъ Надаръ, еслибъ захотѣлъ, могъ бы сдѣлаться отличнымъ писателемъ». Такъ выражаются артисты, знающіе весьма—хорошо, что въ ихъ специальномъ искусствѣ Надару отличиться недозволено. Литераторовъ, которые, съ своей стороны, давно оредѣлили настоящую цѣну повѣстей Надара, увѣряетъ этотъ многосторонній гений, что онъ по призванію и по ремеслу рисовальщикъ. Въ сущности, онъ столько же рисовальщикъ и скульпторъ, какъ писатель, то—есть ма-

стеръ чужими руками жаръ загребать. Бóльшей частью онъ карикатуры сочиняетъ въ обществѣ съ другимъ артистомъ, то-есть Надаръ даетъ идею, а исполняетъ, рисуетъ товарищъ; когда же случится ему рисовать самому, то безчисленное множество добрыхъ друзей поправляютъ его очерки, а окончательное исполненіе все-таки поручается кому-нибудь иному. Впрочемъ, если ни пластическія, ни словесныя художества не дались этому артисту, за-то онъ до крайности изобрѣтателенъ во всемъ, что касается умѣнья эксплуатировать публику. Гораздо-прежде писанныхъ биографій, вошедшихъ въ моду, Надаръ выдумалъ рисованныя біографіи парижскихъ знаменитостей, дѣйствительныхъ и мнимыхъ. Онъ издалъ два огромные листа: *Le grand chemin de la posteritѣ* и *le Pantheon-Nadar*, гдѣ, въ болѣе или менѣе удачно-схваченныхъ очеркахъ, толпятся журналисты, актѣры, писатели, артисты, о которыхъ *tout Paris* (то-есть иногда одна сотня друзей) говорить и которые, слѣдовательно, должны дойти до отдаленнѣйшаго потомства. Изобрѣтеніе Надара тѣмъ болѣе остроумно, что оно представляло для него двойную выгоду. Какія бы ни были рожи, лишь бы подъ ними подписаны имена современныхъ знаменитостей, находятъ вѣрный сбытъ въ Парижѣ и въ цѣломъ мірѣ; а съ другой стороны это случай для артиста познакомиться и сблизиться съ великими людьми. При этой же оказіи онъ можетъ произвести въ великіе люди нѣкоторыхъ друзей и доброхотовъ, которые такой услуги не забудутъ. Вотъ какими мудреными способами достигалъ и достигъ Надаръ извѣстности, знаменитости, славы; но все это не вполне удовлетворяло его. Онъ чувствовалъ, что вмѣшательство искусства, хотя въ мѣрѣ самой незначительной, мѣшало успѣху его ремесла, и окончательно избралъ своею спеціальностью фотографію. Какъ всѣ вообще изобрѣтенія, которыхъ значеніе еще не вполне разгадано и опредѣлено, фотографія представляетъ шарлатанамъ поле необозримое. Всего легче, всего безполезнѣе и всего противохудожественнѣе въ фотографіи — портреты; за нихъ пменно принялся Надаръ, и, вслѣдствіе извѣстности, предварительно-приобрѣтенной карикатурами, сдѣлался привилегированнымъ портретистомъ всѣхъ знаменитыхъ или имѣющихъ притязаніе на знаменитость людей. Фотографія подала поводъ къ процессу между Надаромъ и его меньшимъ братомъ. Процессъ этотъ, въ-отношеніи къ лицу, равно-какъ и къ нравамъ парижскимъ, представляетъ интересъ характеристическій. По своей привычкѣ чужими руками жаръ загребать, Надаръ сначала открылъ фотографическое заведеніе съ меньшимъ братомъ, которому поручена была вся работа, между-тѣмъ, какъ знаменитый артистъ принялъ на себя идеальную сторону предпріятія, то-есть занимался руководствомъ, указаниями и отношеніями къ клиентамъ, предоставляя себѣ, какъ слѣдуетъ, огромную часть барышей. Заведеніе открыто было подъ фирмой: *Братья Надары*. Меньшой братъ, вскорѣ-достигшій замѣчательной ловкости въ фотографическихъ занятіяхъ, требовалъ отъ старшаго болѣе-равнаго раздѣла барышей; знаменитый Надаръ не только отказалъ въ исполненіи этого требованія, но немедленно объявилъ,

что не намерен долге оставаться въ обществѣ съ братомъ и запретилъ ему продолжать называться Надаромъ. Такъ-какъ для меньшаго брата имя это имѣло значеніе торговой фирмы, то онъ не могъ согласиться его покинуть. Отсюда процѣсъ о маскарадномъ прозвищѣ, которое старшій отстаивалъ какъ собственность литературную и артистическую, а младшій защищалъ какъ коммерческой капиталъ. Судъ рѣшилъ дѣло такъ же премудро, какъ самъ Соломонъ: разсѣкъ на двое знаменитое имя Надаръ и каждому изъ гг. Турнашоновъ присудилъ равное на него право. Вотъ до чего доводитъ въ Парижѣ страсть къ собственности! Впрочемъ, Надаръ милый малый и добрый товарищъ; и тѣ, которыхъ неслишкомъ пугаетъ его эксцентрическая наружность, могутъ изрѣдка провести съ нимъ полчаса безъ скуки... О наружности его надо добавить нѣсколько словъ. Надаръ роста выше средняго; длинный, худыя и искривленные ноги, весьма-скоро движущіяся, дѣлаютъ его издали похожимъ на чудовищнаго паука; маленькая голова, которая торчитъ почти непосредственно надъ ногами, отличается стеклянныиъ блескомъ лягушечьихъ глазъ, а надъ блѣдно-зеленыиъ лицомъ горятъ красно-желтыиъ пламенемъ волосы, похожіе на щетину. Этотъ господинъ и подалъ поводъ Банвиллю написать его стихотвореніе *Nadar*.

Послѣ этой пьесы, рекомендуемъ читателямъ много, граціознаго, маленькаго и вѣчноюнаго Павлина Лимэрака. Этотъ даровитый отрокъ — родомъ изъ Южной Франціи, что ставитъ его, въ отношеніи къ парижанамъ, въ положеніе подобное тому, какое хохлы занимаютъ передъ москвичами. Изъ этихъ французскихъ хохловъ многие у парижанъ пересбиваютъ дорогу и занимаютъ первыя мѣста въ государствѣ, въ литературѣ, въ искусствѣхъ и проч. Тѣ же, которымъ удача не улыбнулась, остаются замѣчательныиъ непрестанныиъ, неутомимыиъ ея искашиемъ, особенной легкостью въ перемѣнѣ мнѣній и способностью звучными фразами прикрывать недостатокъ мыслей и убѣжденій. Г. Павлинъ Лимэракъ дебютировалъ въ литературѣ, лѣтъ пятнадцать назадъ, романомъ, котораго названіе мы припомнить не можемъ, но содержаніе не совсѣмъ забыли. Это былъ фантастическій разсказъ о впечатлѣніяхъ и разсужденіяхъ мертвеца, которому вѣрная собака приноситъ ежедневно извѣстія обо всемъ случающемся въ покинутомъ имъ мѣрѣ. Меланхолическій покойникъ узнаетъ о томъ, какъ забыла его Мелобезна, какъ друзья съ равнодушиемъ переносятъ его потерю, и пр. и пр. Нѣчто похожее на идею было въ этомъ романѣ, и напечатанный въ «*Revue de Deux Mondes*», въ то время, когда г. Бюлозь уже перессорился со всеми знаменитыми романистами: съ Бальзакомъ, съ Жоржемъ Зандомъ, Дюма, Сю — онъ имѣлъ успѣхъ неслишкомъ-громкій, но удовлетворительный. Ранніе успѣхи часто имѣютъ на литературные таланты вредное вліяніе. Г. Лимэракъ избаловался — и такъ-какъ Бюлозь ставилъ его на ряду съ великими писателями, то онъ счелъ себя за геніальнаго и универсальнаго челоувѣка. Отличительная черта, характеристическая особенность низшей литературы въ современной Франціи состоитъ въ крайнемъ

презрѣннн къ наукѣ, къ труду послѣдовательному, разумному, къ опыту. Всѣ второстепенные и третьестепенные писакн имѣютъ притязаніе на гениальность. Этотъ жалости достойный недостатокъ проистекаетъ отъ громкихъ удачъ, доставшихся двумъ—тремъ посредственностямъ, а слѣдствіемъ имѣетъ пагубную самонадѣянность, смѣшеніе всѣхъ литературныхъ родовъ, окончателно, порчу вкуса. Г. Лимэракъ представляетъ собой это болѣзненное стремленіе. Отъ романа онъ перешелъ къ критикѣ, отъ критики къ политикѣ, отъ политики къ театру для того, чтобъ снова возвратиться къ критическому ремеслу, проявляя во всѣхъ своихъ фазисахъ одинаковыя притязанія и одинаковую несостоятельность. Кроме—того, что г. Лимэракъ гасконецъ, онъ находитъ въ своей организаціи еще другой «физиологическій поводъ къ тому, чтобъ быть тщеславнымъ, напыщеннымъ и вѣтреннымъ. Онъ роста почти-микроскопическаго и олицетворяетъ красивой мишьяторностью лица и тѣла фантастическій образъ Оберона, любовника Титаніи. До 1848 года г. Лимэракъ былъ сначала консерваторомъ, потомъ членомъ умѣренной, династической оппозиціи. Послѣ 24—го февраля онъ сдѣлался ревностнымъ республиканцемъ, потомъ укротилъ свой восторгъ, но продолжалъ въ охлажденной формѣ защищать, подъ предводительствомъ г. Жирардена, тѣ же мнѣнія въ фельетонахъ «Прессы». Наконецъ, въ недавнемъ времени, перешелъ онъ въ фалангу, завербованную г. Мирёсомъ для журнала *le Constitutionnel*, и пишетъ съ обычнымъ своимъ энтузіазмомъ статьи въ пользу настоящаго правительства. Мишьяторность фигуры, безмѣрность тщеславія, быстрота и плачевныя слѣдствія незаслуженнаго успѣха — все выражено мастерски въ стихотвореніи подъ названіемъ «Balancelle».

Теперь наша рѣчь пойдетъ о г. Дюкюэнѣ (Ducuing), который въ литературѣ, въ политикѣ и вообще въ парижскомъ обществѣ стоитъ несравненно—ниже гг. Надара и Лимэрака. Г. Дюкюэнъ, одинъ изъ представителей литературнаго болота, въ которомъ купается стадо безыменныхъ журналистовъ, памфлетёровъ и вообще канцелярскихъ чиновниковъ при литературѣ, при театрахъ и при политикѣ. Изъ этого болота вынырнетъ изрѣдка счастливецъ, назначенный быть префектомъ, или директоромъ театра, или миллионеромъ; но до литературной знаменитости ни одинъ изъ нихъ не достигаетъ, и никогда не достигнетъ, потому—что литература все—таки требуетъ какого—нибудь таланта и какихъ—нибудь познаній. Судьба этого рода людей исполнена фантастическихъ превращеній и неожиданныхъ перепетій. Вотъ, наприѣръ, какова была жизнь г. Дюкюэна. Прибывъ изъ родины своей (онъ баскъ, васконгадъ, что еще хуже гасконца) въ Парижъ, онъ привезъ съ собой замѣчательную физическую силу, сноровку, свойственную почти всѣмъ сыновьямъ земледѣльцевъ во Франціи, неслишкомъ—удовлетворительное знаніе отечественной грамматики и непроницаемое невѣжество во всѣхъ прочихъ отрасляхъ человѣческаго знанія. Познакомившись случайно съ Ксав. Дюрё, который также былъ родомъ изъ басковъ, но отличался талантомъ и остроуміемъ, г. Дюкюэнъ прямо поступилъ

въ редакцію журнала, котораго землякъ его былъ директоромъ. Сначала онъ занялъ мѣсто такъ-называемаго *закройщика* (*coureur*), который большими ножницами вырѣзаетъ изъ другихъ журналовъ *разныя извѣстiя*, потомъ мало-по-малу удостоенъ былъ повышенiй и наконецъ достигъ значительнаго мѣста — редактора иностранныхъ политическихъ извѣстiй. Во всѣхъ почти французскихъ журналахъ эта специальность поручается самому бездарному изъ сотрудниковъ, потому-что журналисты, равно какъ и самая публика, считаютъ иностранныя извѣстiя дѣломъ весьма-второстепеннымъ и къ-тому же имѣютъ готовую систему, мало-по-малу и безсознательно составившуюся, достаточную для объясненiя всѣхъ самыхъ непредвидѣнныхъ происшествiй. Чѣмъ ниже въ политическомъ парижскомъ журналѣ положенiе сотрудника, тѣмъ скорѣе постигаетъ онъ и имѣеть случай изучить всегда ничтожныя и часто подлая пружины благороднѣйшихъ по наружности дѣйствiй; онъ привыкаетъ презирать свѣтъ и людей, смѣшивать въ своихъ понятiяхъ добро и зло. Г. Дюкюэнъ отъ редакторства иностранныхъ извѣстiй перешелъ, какъ многiе изъ его собратiй, къ промышленнымъ и торговымъ спекуляциямъ; онъ пытался, какъ намъ рассказывали, завести плантацію въ Алжирѣ, и послѣ неудачи этого предпрiятiя принялся составлять брошюры объ Алжирѣ и о колонизаціи. Этотъ предметъ составляетъ также прибыльную специальность, а изучения и труда требуетъ немного, потому-что факты заимствуются изъ официальныхъ источниковъ, а разсужденiя изъ разговоровъ съ колонистами. Этотъ же алжирскiй вопросъ открываетъ входъ къ дѣловымъ людямъ и въ почтенное общество, а въ почтенномъ обществѣ играютъ въ вистъ. Кто въ вистъ умѣетъ играть хорошо, тотъ не только выигрываетъ деньги, но и заслуживаетъ уваженiе, приобретаетъ значенiе и вѣсъ. Прямо отъ вистоваго стола г. Дюкюэнъ поступилъ въ банкирскiй домъ Проста и К., который почувствовалъ необходимость завести финансовый журналъ, по примѣру г. Мирéса. Редакторство этого журнала поручено было г. Дюкюэну, который воспользовался такимъ положенiемъ, чтобъ войти въ близкое сношенiе съ финансовыми коноводами. Теперь бывший *закройщикъ* въ *Courrier français* заводитъ, какъ говорятъ, свой собственный банкъ и издаетъ свой собственный журналъ. Скоро, быть-можетъ, онъ догонитъ Мирéса и Мильё, но въ литературѣ и въ потомствѣ онъ будетъ жить только какъ ревностный поборникъ школы *здраваго смысла*, какъ другъ Понсара, преданный безсмертiю въ небольшомъ, но прелестномъ стихотворенiи «*Mort de Shakespeare*».

Засимъ, не покидая литературной сферы, фантазія поэта открываетъ въ ней точку соприкосновенiя съ другой замѣчательной стороной парижской жизни—съ уличнымъ шарлатанствомъ. Въ оживленной, игривой пародiи на балладу Виктора Гюго: *Le timbalier du roi*, г. Банвиль характеризуетъ замѣчательнѣйшія личности, стоящiя въ главѣ движенiя современнаго французскаго общества. Эта яркая, смѣло-очерченная картина напоминаетъ лучшія свѣтскiя сцены въ романахъ Бальзака, гдѣ великій художникъ пытался сосредоточить

характеристическія особенности общества временъ Луи-Филиппа. Прогулка по оперному фойе, такъ блистательно-рассказанная г. Банвилемъ, живописуетъ настоящую эпоху и, сравнивъ это описаніе съ романами Бальзака, иностраный читатель можетъ сообразить, что во французскомъ обществѣ въ послѣднія десять лѣтъ измѣнилось, и что осталось попрежнему.

Манженъ, продавецъ карандашей, котораго имя служить заглавіемъ баллады — лицо, дѣйствительно стоящее вниманія. Онъ былъ воспитанъ такъ же, какъ и другіе сыновья буржуазныхъ семействъ. По окончаніи курса и по выдержаніи экзамена на степень бакалавра, Манженъ избралъ карьеру адвоката и пристально занимался кодексомъ. Но скорѣ сдѣлалось для него очевиднымъ, что прежде десяти лѣтъ онъ адвокатскимъ ремесломъ не пріобрѣтетъ себѣ насущнаго хлѣба. Въ это время отецъ его умеръ, не оставивъ сыну инаго наслѣдства, кромѣ своего благословія, и Манженъ, несклонный къ унынію, рѣшился посвятить себя коммерціи. Онъ открылъ лавку письменныхъ и рисовальныхъ матеріаловъ, торговалъ добросовѣстно и старался неутомимо объ улучшеніи всего, имъ продаваемаго. Такимъ образомъ изобрѣлъ онъ новый родъ превосходныхъ карандашей, годныхъ для рисованья, для письма и отличающихся такой прочностью, что ими, какъ долотомъ, можно пробивать доски. Несмотря на честность и на изобрѣтательность, торговля Манжена не процвѣтала. Онъ не былъ довольно-богатъ для того, чтобъ о карандашахъ своихъ печатать велерѣчивыя объявленія въ журналахъ, или развѣшивать по стѣнамъ чудовищныя афиши; а чтобъ жить въ нуждѣ, ожидая счастливаго оборота обстоятельствъ, у него не доставало стоицизма. И потому онъ, однажды поутру, отправился въ префектуру полиціи, испросилъ себѣ позволеніе продавать карандаши на улицахъ, въ экипажѣ; купилъ коляску, лошадей, пріобрѣлъ себѣ бархатную мантию, шитую золотомъ; на слугу, которому поручено было на запяткахъ играть на органѣ, надѣлъ также великолѣпный костюмъ; вооружилъ себя и его золочеными шишаками съ длинными, разноцвѣтными перьями, и первый изъ купцовъ и промышленниковъ рѣшился соперничать съ дантистами на собственномъ ихъ полѣ, то есть на улицѣ. Манженъ красивъ собой, одаренъ пріятнымъ и звучнымъ голосомъ, смѣлъ и любезенъ. Когда коляска его останавливается на какой-нибудь площади, толпа, издали завидя его развѣвающіяся перья, спѣшитъ окружить великолѣпный экипажъ. Какъ-скоро зѣвакъ собралось достаточное количество, Манженъ начинаетъ рѣчь, которой содержаніе онъ разнообразить всякими курьезными выдумками. Иногда объявляетъ себя откровенно шарлатаномъ и объясняетъ какимъ образомъ необходимость шарлатанства проистекаетъ отъ глупости публики; въ другіе дни сравниваетъ себя съ знаменитыми артистами, промышленниками, учеными, и старается доказать, что они тѣмъ только отъ него разнятся, что, будучи богаче, могутъ употреблять иные, болѣе-спокойныя для нихъ способы ознакомить публику съ своими произведеніями. На эту тѣму варьяціи у него неистощимы. Когда онъ устаеетъ говорить, то слуга начинаетъ играть

на органъ , а Манженъ вынимаетъ изъ большаго мѣшка золоченыя и серебряныя медали, съ его портретомъ, и пересыпая ихъ въ другой мѣшокъ, металлическими звуками услаждаетъ слухъ жадной толпы. Потомъ онъ окидываетъ зрителей орлинымъ взоромъ, выбираетъ самую смѣшную и глупую физиономію и на большомъ листѣ бумаги чертитъ своимъ карандашомъ портретъ простака, давая этимъ разумѣть, что въ карандашахъ его волшебная сила, дающая всякому возможность сдѣлаться артистомъ. Но довольно! Баллада позабавитъ читателей, безъ-сомнѣнія, болѣе, чѣмъ наши объясненія.

Знаменитый Кокардо извѣстенъ всѣмъ любителямъ французской веселости, всѣмъ почитателямъ несравненнаго таланта карикатуриста Гаварни, то-есть, какъ мы въ Парижѣ думаемъ, всему образованному міру! Кокардо меньшій братъ Приюдома. Онъ не столько, какъ этотъ послѣдній, откровененъ, и потому кажется съ меньшими претензіями, но въ глубинѣ души, несмотря на безпрестанныя неудачи, происходящія отъ пошлости душевной, отъ непроницаемаго невѣжества и заносчивой самонадѣянности, онъ считаетъ себя если не великимъ человѣкомъ, то милымъ, любезнымъ и остроумнымъ. Семейство Кокардо происхожденія весьма-древняго: египтологи увѣряютъ, что въ развалинахъ Серапеума открытъ недавно портретъ родоначальника всѣхъ Кокардо. Аристофанъ былъ знакомъ съ его потомками въ Аѳинахъ; Плавтъ и, позже, Ювеналь, въ Римѣ; Мольеру была извѣстна одна вѣтвь знаменитаго рода подъ именемъ Данденовъ. Гоголь умѣлъ разгадывать отличительные признаки этого семейства въ лицахъ, которыя между собой родства не знали. Г. Банвиль въ стихотвореніи, образцовомъ по формѣ, представляетъ, сообразно съ условіями французскаго генія, новаго, современнаго Кокардо, возведеннаго въ достоинство типа.

Давно уже между посвященными многіе стихи Банвиля повторялись какъ пословицы; теперь большинство образованныхъ читателей единодушнымъ приговоромъ признало въ этихъ пословицахъ печать народнаго духа. Желаемъ успѣха молодому поэту и въ Россіи...

В. ШТАХЕЛЬ.

Парижъ, 25 марта н. ст.

У С П Ъ Х И

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ И ИХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ.

Письмо къ редактору «Отеч. Записокъ».

Новые способы обезчувствованія. — Марганецъ въ новомъ видѣ. — С. К. Де-видъ и новый способъ добыванія металла платины.—Оптическое изслѣдованіе звука, съ чертежами. — Новѣйшія приложенія жидкаго стекла (полимы) къ промышленности, Кульмана.

Открытія и изслѣдованія.—Вниманіе англійскихъ и французскихъ хирурговъ сильно занимаетъ въ эту минуту открытіе новыхъ «анестезическихъ агентовъ», то-есть веществъ, которыя, вдыхаемыя въ видѣ паровъ, имѣютъ свойства уничтожать или ослаблять чувство боли во время операцій. Открытіе анестезической методы американцемъ Джаксономъ было одною изъ блестящихъ побѣдъ новѣйшей науки; но ея благодѣянія не перевѣшиваютъ нѣкоторыхъ опасностей. Хлороформъ, или эфиръ, принимаемые хирургически, иногда причиняли смерть, которую наука не въ-состояніи предотвратить. Конечно, число смертныхъ случаевъ численно ничтожно въ-сравненіи съ успѣхами способа; но роковой шансъ существуетъ все-таки, висящій какъ дамокловъ мечъ, надъ операціей, хирургомъ и больнымъ. Давно думаютъ, замѣнить хлороформъ веществомъ менѣе сильно-дѣйствующимъ, и потому менѣе-опаснымъ. Этотъ порывъ, возбуждающій всѣхъ хирурговъ міра, послужилъ въ послѣдніе четыре года къ многочисленнымъ изысканіямъ. *Мѣстная* анестезія, открытая ученымъ эдинбургскимъ медикомъ Симпсономъ, была первымъ шагомъ къ этой благой цѣли; но великія на нея надежды друзей человѣчества не оправдались, и метода, остроумные приборы, придуманные для обезчувствленія одного только члена подвергаемаго ножу, оставлены нынѣ. Такой же участи подверглось «обезчувствленіе холодомъ», давшее превосходные результаты въ знаменитомъ парижскомъ Hotel-Dieu; одни дантисты съ успѣхомъ воспользовались этой методой.

Уже около шести мѣсяцевъ медицинскіе журналы много говорятъ о разныхъ новыхъ обезчувствливающихъ веществахъ; объясняютъ свойства, въ этомъ отношеніи, окиси углерода, углекислоты, селитрянаго ээира, формическаго ээира, альдеида и проч. Но надлежитъ сдѣлать одно важное замѣчаніе на счетъ этихъ веществъ: большая часть изъ нихъ сильнѣйшіе яды; газъ углеродной окиси производитъ смерть, если три или даже *дѣль сотыхъ* частей его смѣшаются съ обыкновеннымъ воздухомъ; углекислый газъ, какъ извѣстно, удушаетъ мгновенно; селитряный и формическій ээиры производятъ упорное затвердѣніе шейныхъ мускуловъ; альдеидъ, испытанный Симпсономъ, рѣдко обезчувствливаетъ удовлетворительно, а производитъ страшный кашель. Газы: двууглеродисто-водородный и хлорно-окисленный углеродъ имѣютъ свойства, подобныя окиси углерода; то же надо сказать объ ээирахъ сѣрномъ, теллуrowодородномъ, синеродистоводородномъ, соленоводородномъ, о жидкости сѣрнистаго углерода и нефтяномъ маслѣ, которые постепенно предлагались учеными. Единственныя анестезическія вещества, недѣйствующія какъ *ядъ*: хлороформъ, сѣрный ээиръ, хлороводородный, бромоводородный, уксусный ээиры, альдеидъ, *хлороформометилалъ* (просимъ извиненія у нечитающихъ органической химіи: нѣтъ ничего ужаснѣе нынѣшней сумятицы въ ея номенклатурѣ) и наконецъ, нефтяное масло. Итакъ, благоразуміе требуетъ оставить эти вещества для употребленія въ «мѣстной анестезіи», ибо они производятъ на экономію таксическое (ядовитое) дѣйствіе; газы: окись углерода и углекислоты могутъ употребляться для обливаній (douches), газовыхъ ваннъ, словомъ, съ *топическою* цѣлью (мѣстною), на примѣръ, на болящія раны и проч.; но употреблять «вдыханіемъ» то-есть обыкновеннымъ анестезическимъ способомъ для обезчувствленія всей экономіи животнаго, опасно для оператора.

Новое вещество, котораго обезчувствляющія свойства недавно открыты въ Англии, не имѣетъ повидимому всѣхъ этихъ неудобствъ и производитъ общее безчувствіе организма, безъ опасенія на счетъ продолжительнаго дѣйствія его на животную экономію. Это вещество—*амилѣнъ* (amylène), открытое въ 1844 году извѣстнымъ профессоромъ Сорбоны, Баларомъ — углеродистый водородъ, жидкій, безцвѣтный, нефтянаго запаха, вскипаетъ при 35° Ц. т.; плотность паровъ его—2,45; получается дѣйствіемъ, при высокой температурѣ, сѣрной кислоты, или, лучше, хлористаго цинка въ концентрированномъ растворѣ, на картофельную эссенцію или на летучее масло, доставляемое перегонкою виноградныхъ выжимокъ. Всѣ водки и ликёры, получаемые закваской картофельной муки, имѣютъ особый, весьма-непріятный запахъ, отъ того, что содержатъ въ большомъ количествѣ особое масловидное вещество, химически-одинакое съ виннымъ спиртомъ, но которое получило отъ химиковъ названіе *амилческаго спирта*, чтобъ означить эту тождественность природы. Авторъ открытія обезчувствливающихъ свойствъ амилѣны, г. Джонъ Сноу, модный аптекаръ Лондона, ученый химикъ; онъ въ поо-

лѣднее время жарко занялся изслѣдованіями этихъ благотѣльныхъ для человечества веществъ; онъ опредѣлилъ законы употребленія хлороформа, столь популярнаго въ пьяной Англій, гдѣ даже королева «рождаетъ» безпрестанно не иначе, какъ съ хлороформомъ: его инструментъ, ad hoc, приложенный въ первый разъ къ устамъ правительницы, сдѣлался теперь общеупотребительнымъ инструментомъ, игрушкой. Онъ, испытавъ много веществъ, остановился съ успѣхомъ на амиленѣ. Онъ очень-остороженъ; сначала мучилъ бездну животныхъ; потомъ, въ ноябрѣ 1856 г., испыталъ его надъ собою; наконецъ, вырвалъ зубы двумъ мальчикамъ съ полнымъ успѣхомъ. Тогда знаменитый Фергуссонъ, хирургъ первѣйшаго лондонскаго госпиталя, рѣшился произвестъ (13-го декабря 1856 г.) операцию отнятія ноги и другія, болѣе сложныя. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Ободренный этими результатами, Сноу объявилъ (въ январѣ нынѣшняго года) свое открытіе Лондонскому Королевскому Обществу; число операций было тогда 22. Вотъ факты, утвержденныя Сноу: время обезчувствленія измѣняется отъ 2 до 6 минутъ; доза отъ $\frac{1}{2}$, до 3 унцій амилены, которою намачиваютъ губку; незамѣтно ни саливации (слюны), ни тошноты; дремота не такъ глубока, какъ съ хлороформомъ; присутствіе духа, казалось, не оставляло двухъ изъ пациентовъ, хотя чувственность уничтожилась; кровообращеніе усилилось; лицо опухало. Смитъ, англійскій акушеръ, сталъ употреблять амиленъ въ родахъ. Судя по разсказамъ англійскихъ журналовъ, вещество это имѣетъ большія преимущества предъ хлороформомъ, производящимъ иногда ажитацию, конвульсию, тогда-какъ, усыпленный амиленой, начинаетъ говорить, смотрѣть кругомъ, сохраняя отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; пациентъ весьма-плавно, хорошо просыпается. Парижскіе практики тотчасъ воспользовались новымъ открытіемъ. Докторъ Жиральдесъ, адъюнктъ въ медицинскомъ факультетѣ и хирургъ Воспитательнаго Дома, представилъ Академіи Наукъ блестящіе результаты надъ двадцатью-пятью дѣтьми разныхъ возрастовъ (*Comptes Rendus* 1856, № 9); докторъ Турдъ, профессоръ въ страсбургскомъ факультетѣ, помѣстилъ въ *Gazette Hebdomadaire de Médecine* мемуаръ, заключающій также въ пользу амилены. Въ эту минуту мы слышимъ о другихъ блестящихъ результатахъ; но, конечно, только послѣ многихъ опытовъ возможно будетъ окончательно рѣшить вопросъ о преимуществахъ амилены относительно хлороформа. Мы поспѣшили передать это открытіе рускимъ ученымъ.

— Новый металлъ, или, лучше сказать, обновленный, подобно какъ алюминій (глиній) открытъ въ новомъ видѣ, С. К. Девилемъ. Марганецъ, въ-состояніи окисла, извѣстенъ всѣмъ промышленникамъ; его давно получаютъ въ-состояніи металла, но въ такомъ же видѣ, какъ прежній алюминій. Нынѣ бернскій химикъ Бруннеръ успѣлъ приложить къ добыванію марганца извѣстный «вѣлеровскій» способъ отдѣленія металла изъ хлористыхъ и фтористыхъ солей посредствомъ

натрія, способъ, давшій столь блестящіе результаты съ алюминіемъ. Не станемъ говорить, какъ легко изъ руды переокси марганца получается сѣрнистый марганецъ, и какъ его преобразовать во фтористый. Способъ дѣйствовать натріемъ на эту соль тотъ же, какъ и для алюминія; это слишкомъ извѣстно всѣмъ химикамъ. Этимъ способомъ полученъ нынѣ *чистый марганецъ*, имѣющій свойства совершенно различныя отъ прежняго металла. Онъ весьма-твердъ, не трогається стальной пилой; рѣжетъ, напротивъ, лучшую сталь; онъ полируется и представляетъ самую идеальную телескопическую зеркальность; не портится на воздухъ, самою сырою; вотъ: ужъ четыре мѣсяца, по увѣренію Бруннера, какъ телескопическая зеркальность его поверхности не потускнѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что, такимъ образомъ приготовленный по Велеру, марганецъ найдетъ важныя приложенія въ промышленности, можетъ-быть, скорѣе алюминія... Острый уголь кусочка новаго марганца замѣняетъ алмазъ: рѣжетъ стекло, сталь и др. металлы. Гравѣру онъ дастъ отличный инструментъ. Хотя онъ не плющится, но отливается превосходно. Извѣстно, что теперъ много занимаются вездѣ сплавами алюминія съ другими металлами; показываютъ образчики красивенькихъ твердыхъ бронзъ съ примѣсью алюминія. Фабриканты стали должны обратить вниманіе на новый марганецъ. Въ-самомъ-дѣлѣ извѣстно, что сталь содержитъ малое количество марганца; думали даже, что необходимо примѣшивать этотъ металлъ къ порошку стали. Драгоценный сортъ, такъ-называемый вутцской стали, не зависить ли отъ примѣси марганца? Какъ бы то ни было, это новое состояніе давно-извѣстнаго металла — важное открытіе, могущее принести большія услуги промышленности.

— По поводу открытія Бруннера, С. К. Девиль представилъ Академіи мемуаръ объ общихъ методахъ приготовленія простыхъ тѣлъ. Молодой ученый сообщилъ намъ краткій очеркъ его результатовъ. Успѣшнѣйшій способъ получать металлы вообще и особенно марганецъ и хромъ въ чистѣйшихъ состояніяхъ заключается въ употребленіи смѣси избытка окисла съ углемъ; но надлежитъ плавить въ тиглѣ известковомъ или магнезійномъ; известковый лучше, ибо щелочнѣе; глиняный, даже фарфоровый всегда разлагается; силицій (кремній) ихъ увеличиваетъ плавкость, даже, какъ доказалъ Буссиго, платины. Угольный тигель, конечно, негодится, если хотятъ устранить образованіе *чуума* изъ полученнаго металла. Кобальтъ и никель получаютъ такимъ образомъ со свойствами, доселѣ невиданными. Употребленіе натрія Бруннеромъ даетъ опасеніе на счетъ присутствія въ металлѣ углерода. Натрій, какъ разлагающее средство, весьма-хорошъ для приготовленія *упорныхъ* тѣлъ, какъ силицій (кремній), или титанъ; они получаютъ въ кристаллахъ. С. К. Девиль совѣтуетъ всѣмъ промышленникамъ, работающимъ надъ металлическими веществами, употреблять известковые тигли. С. К. Девиль очень-радъ сообщить русскимъ ученымъ

и горнымъ инженерамъ, что онъ съ Деврѣ получаетъ нынѣ *весьма-экономически*, просто и скоро, *платину и ея другіе металлы сухимъ путемъ* (извѣстенъ, всѣмъ, нашъ *мокрый* способъ Соболевскаго и др.) въ *известковыхъ небольшихъ печахъ*: металлы выходятъ изъ печи въ совершенно-новомъ видѣ потому, что освобождаются отъ осмія и особенно отъ силиція. С. К. Девиль, молодой и уже знаменитый ученый, чуждый стяжанія, служащій безкорыстно наукѣ и прогресу, готовъ предложить этотъ способъ Россіи, которую уважаетъ глубоко. Адресоваться въ лабораторію Нормальной Школы.

— Еще новый барометръ, на основаніяхъ весьма-остроумныхъ. Онъ представленъ на-дняхъ Академіи барономъ д'Аву, капитаномъ Французскаго Генеральнаго Штаба. Представьте стеклянную трубку 2—3 миллиметра въ діаметрѣ и 45 сантиметровъ длиною (длина произвольна), открытую съ обоихъ концовъ; положите въ трубку *маленькую колонну* ртути; поставьте трубку вертикально и закройте верхнее отверстіе: ртутная колонна остановится на извѣстной высотѣ; замѣтимъ верхнюю черту *a* ртути и нижнюю *b* (фигуры не нужно; это понятно); закроемъ нижній конецъ трубки — ртуть понизится въ трубкѣ; замѣтимъ верхнюю ея черту *c* и нижнюю *d*. Опять закроемъ верхній конецъ и откроемъ нижній: ртуть еще понизится; замѣтимъ еще верхнюю черту *e* этого новаго положенія ртути и нижнюю ея черту *f*. Длина *ae*, на которую понизилась ртуть въ этихъ операціяхъ, очевидно въ зависимости отъ вѣшняго атмосфернаго давленія; но какъ это *пониженіе*, посредствомъ одной операціи, незначительно, ихъ повторяютъ нѣсколько разъ и тогда, зная длину трубки, колонны, пониженіе этой послѣдней и число операцій можно вычислить атмосферное давленіе; вычисленіе очень-просто и изъ него составляются таблицы. Инструментъ обдѣланъ мѣдью, имѣетъ на концахъ двѣ весьма-волосныя трубочки, закрываемыя клапанами. Бѣольшая точность этого инструмента относится къ точности обыкновеннаго барометра, какъ длина трубы (безъ длины ртутной колонны) относится къ длинѣ барометрической колонны, измѣряющей давленіе воздуха, слѣдовательно, чѣмъ выше производится наблюденіе, тѣмъ результаты точнѣе. Идея д'Аву совершенно новая; инструментъ весьма-удобенъ къ переноскѣ, особенно при измѣреніи высоты горъ, гдѣ вообще нельзя дѣлать одновременныя наблюденія у подошвы и на вершинѣ, и, слѣдственно, онъ выгоднѣе обыкновенныхъ барометровъ и гипсометровъ. Правда, необходимы вычисления, но авторъ, безъ-сомнѣнія, построитъ таблицы, которыя въ продажѣ будутъ сопровождать инструменты.

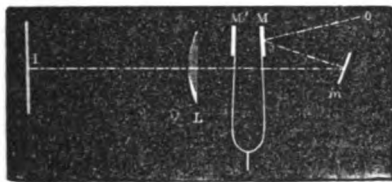
Оптическое изслѣдованіе звука. — Въ области акустики произошло важное открытіе. Г. Лиссажу рѣшилъ вопросъ, полный новыхъ безчисленныхъ приложений къ промышленности и искусству: *оптическое изслѣдованіе звуковыхъ дрожаній*. Метода

Лиссажу одинаково прилагается къ изслѣдованію дрожащей воздуха, газовъ, всѣхъ твердыхъ тѣлъ; она открываетъ самую малѣйшую ошибку въ камертонахъ; она въ эту минуту приложена въ знаменитой фортепьянной фабрикѣ Шейеля, къ испытанію доброты и стойкости струнъ; она открыла новый міръ явленій взаимнаго дѣйствія одновременныхъ звуковъ, міръ, столь же обширный и любопытный, какъ міръ инфузорій, микроскопическихъ фактовъ физиологии; словомъ, найдено средство *видѣть аккорды* двухъ или болѣе музыкальныхъ тоновъ, и малѣйшія бесконечно-малыя *несовершенства аккорда* замѣтны не для уха, а только благороднѣйшему органу — глазу. Скажемъ болѣе: *результаты* дрожанія звука отнынѣ подвержены бесконечно-малымъ измѣреніямъ, какъ результаты свѣтовыхъ волненій, дающихъ явленія дифракціи, интерференціи, поляризаціи. Въ скоромъ времени *первый* изъ приборовъ для оптическаго изслѣдованія звука, самый полный, будетъ привезенъ въ Петербургъ...

Сначала покажемъ *основанія* новой метода; покажемъ, какъ, весьма-просто, легко можно наблюдать *зрѣніемъ* повидимому незамѣтныя передвиженія частицъ дрожащаго, звучащаго тѣла. Потомъ расскажем сколько интереснѣйшихъ приложений къ практикѣ, къ промышленности, къ музыкѣ дала уже метода Лиссажу.

I. Способъ сдѣлать видимымъ дрожательное движеніе звучащаго тѣла.

Этотъ опытъ, какъ и слѣдующіе, производится посредствомъ *камертона* или діапазона, извѣстнаго всѣмъ музыкантамъ; но метода одинаково прилагается къ другимъ тѣламъ: плиткамъ, звонкамъ, колоколамъ, пластинкамъ и проч. Чтобы *увидѣть* дрожаніе камертона, придѣлайте къ одной изъ его оконечностей небольшое металлическое (телескопическое) зеркальцо М; на другую вѣтвь надлежитъ укрѣпить такой же противовѣсъ М', кусочекъ мѣди, чтобы было равновѣсіе, необходимое условіе для легкаго и продолжительнаго дрожанія камертона. Вотъ весь приборъ въ

главныхъ его основанійхъ. Теперь можно показать явленіе или *проектированіемъ* на бѣлый экранъ, полотно, бумагу, какъ въ солнечномъ микроскопѣ или китайскомъ фонарѣ, или *прямымъ зрѣніемъ*, чрезъ трубу, или простымъ глазомъ. 1) Употребляютъ *сильный* источникъ свѣта, то-есть солнечный лучъ, или электрической свѣтъ, и пропускаютъ его въ темную комнату чрезъ тонкое круглое отверстіе О на зеркальцо М, и потомъ на другое зеркало m, чтобы направить лучъ на отдаленный экранъ J; потомъ ставятъ между экраномъ и камертономъ выпуклое стекло L такъ, чтобы изображеніе J отверстія О на экранѣ было какъ-можно-яснѣе, чище. Удаляютъ рукой по камертону, или, лучше, приводятъ его въ дрожаніе

басовымъ смычкомъ : тогда точка J на экранѣ преобразовывается въ прямую линію, ибо дрожанія такъ скоры , что всё постепенныя впечатлѣнія для глаза уничтожаются, подобно какъ, при вращеніи угла на ниткѣ, кажется глазу кругъ. Если теперь станете качать взадъ и впередъ зеркало m, на экранѣ образуется волнистая линія SS',

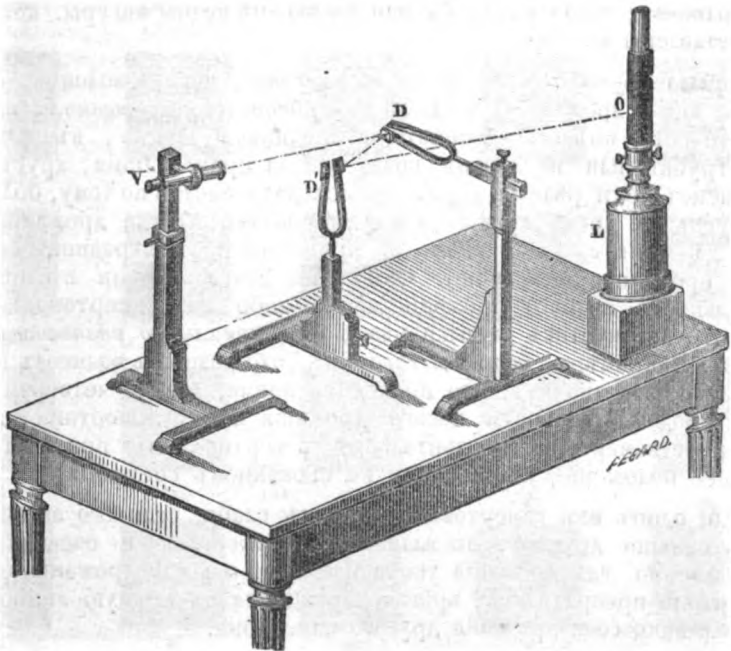
какъ означено на второй фигурѣ; здѣсь H означаетъ прямую линію, кажущуюся, когда, при дрожаніи камертона, зеркало m спокойно. 2) За-

мѣнимъ электрической или солнечной свѣтъ простымъ ламповымъ, который *маскируемъ* непрозрачнымъ цилиндрическимъ колпакомъ, проткнутымъ внизу иглой, и вмѣсто выпуклаго стекла возьмемъ зрительную трубку *короткаго фокуса*, то—есть, сдѣланную для разсматриванія на малыхъ разстояніяхъ; когда камертонъ въ дрожаніи, мы, смотря въ трубку, увидимъ то же явленіе. Можно не столь чисто увидѣть явленіе, отражая на зеркальце изображеніе горячей свѣчи: вращая быстро вправо и влѣво дрожавшій камертонъ, изображеніе свѣчи образуетъ волнистую линію, которой зубцы болѣе или мѣнѣе ясны, смотря по быстротѣ движенія рукой камертона. Понятно, что то же возможно сдѣлать съ другими тѣлами, напримѣръ, прикрѣпить зеркальце къ звонку газовому.

II. Оптическое совокупленіе двухъ звуковыхъ дрожаній одинакихъ направленій; изслѣдованіе бѣгнѣй (*battements*) звука.

Устанавливаютъ два камертона съ зеркальцами вертикально; зеркальца одно передъ другимъ; солнечный или электрической лучъ падаетъ сперва на одно, потомъ на другое; выпуклое стекло «наводитъ на фокусъ» изображеніе на экранѣ. Предположимъ, что камертоны звучатъ совершенно—равно, находятся въ «аккордѣ», какъ говорятъ музыканты; если ударите смычкомъ по первому, получите на экранѣ прямую линію, какъ въ первомъ опытѣ; если, при дрожаніи перваго дадите звукъ и второму, прямая линія станетъ *удлинняться* или *укорачиваться* на экранѣ, смотря по тому, будутъ ли звуки *согласны* или нѣтъ, будетъ ли, какъ говорится, большее или мѣнѣе *совмѣщеніе* въ одновременныхъ дрожательныхъ движеніяхъ частицъ камертоновъ. Если *уничтожить* аккордъ, одинакость звука двухъ камертоновъ (напримѣръ, прибавивъ каплю воска на одинъ); согласіе одновременныхъ дрожаній будетъ, какъ извѣстно, періодическимъ нарушаться и опять возстановляться: изображеніе на экранѣ то укоротится, то удлиннится, подобно правильной *пульсацин*, а несовершенство аккорда замѣтно будетъ для уха появленіемъ періодическихъ *бѣгнѣй* (*battements*), столь извѣстныхъ всѣмъ «слушающимъ» звуки или звонъ колоколовъ. Очевидно, что и эти явленія можно увидѣть въ трубу, какъ объяснено было выше.

III. Оптическое совокупленіе двухъ звуковыхъ дрожаній, взаимно-перпендикулярныхъ. Аккордъ двухъ камертоновъ при всякомъ музыкальномъ интервалѣ.

Полный приборъ съ различными камертонами , построенный парижскимъ оптикомъ Секретаномъ (Pont-neuf. 13) , находится доселѣ только у академика Ленца. Кто можетъ достать хорошіе камертоны, для тѣхъ мы дадимъ понятіе объ инструментѣ, открывающемъ цѣлый міръ новыхъ явленій. Онъ состоитъ: 1) изъ лампы L, поставленной на столъ и закрытой непрозрачнымъ цилиндромъ (изъ черной бумаги или, лучше, изъ жести; но тогда надѣньте на цилиндръ пробковое кольцо, для удобства снимать его съ лампы) съ тонкимъ отверстіемъ O; 2) изъ двухъ камертоновъ D, D', вертикальнаго и горизонтальнаго, на деревянныхъ станкахъ; 3) изъ зрительной трубки V, служащей для того, чтобъ ясно видѣть явленія. Лучъ свѣта отъ лампы, отражаясь сперва отъ зеркальца камертона D', потомъ отъ зеркальца D идетъ въ трубку V. Если желаютъ проектировать явленіе на экранъ, для нѣсколькихъ зрителей, замѣняютъ трубку увеличительнымъ стекломъ, какъ сказано выше, а лампу солнечнымъ электрическимъ лучомъ. Ударивъ смычкомъ по горизонтальному камертону, *точка* (изображеніе отверстія лампы на экранѣ) придетъ въ быстрое дрожаніе и будетъ казаться прямою линіей; если приведемъ въ дрожаніе оба камертона, *точка* станетъ дрожать по вертикальному и горизонтальному направленіямъ и отъ этого совокупленія движеній покажется на экранѣ *кривая линія*, болѣе или менѣе сложная, которой форма зависитъ отъ *относительной тональности*

камертоновъ; тогда въ трубу или на экранѣ видны фигуры, которыя представлены на стр.

Первый случай: камертоны въ унисонъ, первая колонна; отношеніе числа дрожаній 1:1. Если камертоны въ совершенномъ аккордѣ, то—есть, имѣютъ «математически-одинакій звукъ», въ зрительной трубкѣ или на экранѣ показывается прямая линия, кругъ или эллипсисъ. Эти разныя формы происходятъ смотря по тому, большее или меньшее время прошло между моментами, когда дрожанія (то—есть движенія взадъ и впередъ) принимаютъ видъ равновѣсія (то—есть срединное положеніе). Отношеніе этого времени къ продолжительности полного дрожанія какого—либо изъ камертоновъ есть то, что въ акустикѣ музыки называютъ *начальной разностью фазисовъ*. Напримѣръ, если мы говоримъ, что разность фазисовъ равна четверти, это значитъ, что проходитъ время, равное четверти времени продолжительности цѣлаго дрожанія между моментами, когда дрожащіе камертоны горизонтальный и вертикальный приходятъ въ среднее положеніе, какое имѣли въ спокойномъ состояніи.

Если одинъ изъ камертоновъ дрожитъ слабо, если его звуки гаснутъ раньше другаго, то эллипсисъ *сплющивается* очевидно по направленію, гдѣ дрожанія укорачиваются; а когда дрожанія одного камертона прекратились, кривая обращается въ прямую линію отъ продолжающагося дрожанія другаго камертона.

Первая *вертикальная* колонна (рисунокъ, стр. 99) представляетъ послѣдовательность фигуръ кривыхъ, соответствующихъ унисону и измѣняющихся, смотря по *фазисамъ*: разности фазисовъ означены *дробями* подъ каждой фигурой, то—есть 0 (когда оба камертона въ математически—одно мгновеніе начинаютъ дрожать), потомъ, слѣдуя внизъ: $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{3}{8}$, $\frac{1}{2}$ и т. д.

Если камертоны не въ совершенномъ аккордѣ, первоначальная разность фазовъ не сохраняется и, слѣдственно, кривая принимаетъ постепенно всѣ формы, одну за другой, означенныя въ первой вертикальной колоннѣ (стр. 99), и когда кривая, испытавъ всѣ преобразованія, возвращается опять къ первоначальной формѣ, мы увѣрены, что одинъ изъ камертоновъ сбѣгалъ въ это время однимъ двойнымъ дрожаніемъ болѣе, чѣмъ другой. Эти постепенныя преобразованія кривой производятся какъ—бы посредствомъ вращенія, которому, повидимому, подвергается кривая и котораго быстрота уменьшается тѣмъ болѣе, чѣмъ камертоны ближе подходятъ къ математическому, совершенному аккорду. Кажется, будто фигура начертана въ пространствѣ на кругломъ цилиндрѣ, который вращается, или около вертикальной или горизонтальной его оси, представляясь глазу наблюдателя въ различныхъ перспективахъ. Это всякій увидитъ, если пристально станетъ пробѣгать глазомъ по разнымъ фигурамъ одной и той же вертикальной колонны.

Второй случай: камертоны въ октавъ. Когда они совершенно въ октавъ, получаются кривыя второй вертикальной колонны (*серіи*

Унисонъ.
(1 : 1).

Октава.
(1 : 2).

Квинта октавы.
(1 : 3).

Квинта,
(2 : 3).

Кварта.
(3 : 4).

•

•

•

•

•

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

1 : 2; извѣстно, что число дрожаній какой-нибудь октавы вдвое больше, чѣмъ ея тона) и фигура, видимая въ первый моментъ (одна изъ заключающихся во второй колоннѣ, смотря по фазису), сохраняется во все время свою первоначальную форму; но коль-скоро чуть-чуть, незамѣтно для уха, нарушенъ этотъ аккордъ, напримѣръ, капнете воскомъ на диапазонъ, фигура переходитъ постепенно чрезъ всѣ формы; и когда она опять приняла первую форму, которую вы увидѣли, вы увѣрены, что *высокій* изъ камертоновъ сдѣлалъ въ этотъ промежутокъ времени однимъ двойнымъ дрожаніемъ болѣе или менѣе числа дрожаній, которыя произвелъ бы онъ, еслибъ былъ въ настоящемъ математическомъ аккордѣ.

Для *третьяго случая*, когда камертоны производятъ одинъ одно, другой три дрожанія (что, какъ извѣстно, бываетъ при одновременныхъ звукахъ: какого-нибудь тона и его октавной квинты), получимъ кривыя третьяго вертикальнаго столбца серіи 1 : 3. Слѣдующія колонны, четвертая и пятая, соотвѣтствуютъ отношеніямъ 2 : 3 и 3 : 4, то-есть интерваламъ квинты и кварты. Мы не продолжаемъ здѣсь ряды фигуръ, но метода прилагается къ какому угодно отношенію между числами дрожаній двухъ данныхъ тоновъ. Мы наблюдали болѣе-сложныя отношенія, но, по мѣрѣ увеличенія числа дроби, черты фигуры весьма-усложняются и трудно было бы узнать, при какомъ отношеніи числа дрожаній тоновъ производятся, еслибъ *сама фигура* не заключала въ себѣ точнаго означенія *двухъ чиселъ* отношенія, дроби. Именно, здѣсь два случая : 1) когда кривая *полная*, то-есть, когда незамѣтно совмѣщенія ея чертъ однѣхъ на другія, тогда съ вертикальныхъ и горизонтальныхъ сторонъ, справа и слева, сверху и снизу, она имѣетъ по нѣскольку *вершинъ*, перегибовъ. *Число вертикальныхъ вершинъ показываетъ число дрожаній, дѣлаемыхъ вертикальнымъ камертономъ, а число горизонтальныхъ вершинъ соотвѣтствуетъ числу дрожаній горизонтальнаго камертона.* 2) Когда кривая сокращается чрезъ совмѣщеніе одной изъ половинокъ ея начертанія на другую, *можно судить о числахъ дрожаній, принимая каждую точку перерыва кривой за двойную вершину.*

Зеркальца, отражающія дрожанія въ кабинетныхъ инструментахъ (у Ленца), привинчиваются; но для опытовъ, изслѣдованій, ихъ прилѣпляютъ воскомъ. Сначала мы употребляли телескопическія зеркальца въ 1 или $1\frac{1}{2}$ квадратнаго дюйма, но новѣйшее изобрѣтеніе Фуко (*) дало средство имѣть самыя легкія, самыя *зеркальничшія*

(*) Мы съ намѣреніемъ не говорили до-сихъ-поръ въ нашей лѣтописи о новомъ открытіи Фуко, грозящемъ ни болѣе, ни менѣе, какъ радикальнымъ переворотомъ въ практической астрономіи: вмѣсто *четыреухъ* стеклянныхъ поверхностей *объективовъ* (ахром.) нынѣшнихъ «рефракторовъ», столь трудныхъ для вытачиванія, довольно обрабатывать *одну*; вмѣсто труднаго дѣла полированія металла, для приготовленія вогнутаго зеркала «телескопа», вы имѣете дѣло со стекломъ, легко-полирующимся, удобно-вытачиваемомъ. Зеркальная, серебряная поверхность осаждается на выгнутость (а не на выпуклость или полъ

поверхности, удобно и просто приготовляемая и неизмѣняющія ни на волосъ тона звука этой прибавкой тончайшаго кусочка посеребренаго стекла.

Вся геометрическая теорія дрожательныхъ звуковыхъ движеній основана на слѣдующемъ простомъ принципѣ: когда точка обращается равномѣрнымъ (однообразнымъ) движеніемъ около круга, то проекція ея на одинъ изъ діаметровъ имѣетъ дрожательное движеніе, повинующееся самому простому закону, какой только можно представить для дрожащей точки — законъ маятника. Отсюда слѣдуетъ, что если точка одушевлена двумя взаимно-перпендикулярными движеніями, мы можемъ разсматривать первое изъ нихъ какъ перспективное изображеніе однообразнаго вращательнаго движенія, происходящаго на окружности круга, находящагося на высотѣ или въ плоскости глаза (будемъ представлять себѣ эту окружность какъ начертанную на цилиндрѣ, котораго ось перпендикулярна къ прежней плоскости); второе движеніе представитъ глазу то же явленіе въ перспективѣ, какъ еслибъ точка дрожала на поверхности цилиндра вверхъ и внизъ; слѣдовательно точка, дѣлающая, напримѣръ, два дрожанія по вертикальному направленію, тогда-какъ она дѣлаетъ три дрожанія по горизонтальному, представитъ намъ то же видимое явленіе, какъ еслибъ она дѣлала два дрожанія вертикально въ то же время, какъ цилиндръ три раза обращается съ точкой около его оси. Ось цилиндра можно разсматривать какъ параллельную тому или другому дрожанію, и мы опять можемъ представить себѣ это дрожательное движеніе слѣдующимъ образомъ: ось цилиндра горизонтальна; точка дѣлаетъ три дрожанія по направленію оси въ то время, какъ она два раза обращается около цилиндра. Если аккордъ математически-непогрѣшимъ, точка послѣ этого двойнаго движенія придетъ въ свое прежнее мѣсто исхода, слѣдуя всегда одному и тому же пути; если же аккордъ невѣренъ, не для уха, а для математики и глаза, точка возвратится не въ то мѣсто, а немножко около и дастъ другое очертаніе, почти такое же и близкое, слѣдственно намъ будетъ казаться, что цилиндръ обращается около оси, а точка описываетъ непрерывно-постоянную кривую. Если вообразимъ, напротивъ, цилиндръ съ вертикальной осью и обращающійся, получимъ въ перспективѣ тѣ же видимые результаты, какъ и первые.

Изъ этихъ разсужденій, понятныхъ всѣмъ, знающимъ самую простыя начала геометріи, слѣдуетъ, что нѣтъ ничего легче начертать на бумагѣ кривыя одновременныхъ звуковъ, представленные на стр. 99.

стекло, какъ въ обыкновенной подводкѣ...) Новые труды Фуко подвигаются быстро впередъ. сравненія новыхъ телескоповъ съ рефракторами той же силы даютъ результаты изумительные. Мы слѣдимъ за этими трудами знаменитаго ученаго, посвятившаго себя и свое независимое состояніе на благороднѣйшее служеніе науки. Въ скоромъ времени мы расскажем о многихъ новыхъ результатахъ этого открытія. Краткое извѣстіе читатели могутъ найти въ «Comptes Rendus» № 7, 1837 г.

Вотъ простой инструментъ, облегчающій работу: на квадратной латунной пластинкѣ, выровненной хорошо, начертите окружность круга; проведите, параллельно краямъ пластинки, два взаимно-перпендикулярные діаметра и раздѣлите каждую четверть круга на восемь равныхъ частей: вы получите всего тридцать-двѣ точки дѣленій. Соедините ихъ, по двѣ, линиями параллельными краямъ и проведите четыре касательныя къ кругу: эти два пучка линій, взаимно пересѣкаясь, даютъ клѣтчатый квадратъ съ 289-ю точками пересѣченій. Въ каждой точкѣ проткните иглой отверстіе—и вотъ вамъ приборъ для начертанія всѣхъ кривыхъ и для *разностей фазисовъ*, измѣняющихся на каждую тридцать-вторую часть времени полнаго дрожанія отъ 0 до $\frac{31}{32}$.

Положимъ, что *отношеніе* числа дрожаній двухъ камертоновъ, струнъ и пр. есть $\frac{5}{4}$ (числитель показываетъ число вертикальныхъ, а знаменатель горизонтальныхъ дрожаній), что соответствуетъ *комитъ*; положимъ, разность фазисовъ равна $\frac{1}{32}$ и что *продолжительность* горизонтальнаго дрожанія, взятая за единицу, идетъ *впередъ* вертикально. Кладемъ пластинку на бумагу и иглой протыкаемъ на бумагѣ первую точку подлѣ центра круга справа; потомъ протыкаемъ, пропуская три точки по горизонтальному и двѣ точки по вертикальному направленіямъ: получимъ вторую точку. Продолжаемъ такимъ образомъ, имѣя въ виду, что, по достиженіи предѣла квадрата, надо отсчитывать назадъ пропускаемыя точки; мы окончательно возвратимся къ точкѣ исхода: тогда точки соединяютъ какъ обыкновенно при начертаніи кривой по точкамъ. Этотъ снарядъ даетъ намъ тридцать-двѣ точки кривой. Еслибъ желали большее число, увеличьте число дѣленій круга; но это дѣленіе, на тридцать-два, позволило намъ вѣрно начертить всѣ кривыя, которыхъ оба числа дроби не превышаютъ цифры 4. Снарядъ соответствуетъ двумъ дрожаніямъ *одинакихъ размаховъ* (кривая заключена въ квадратѣ); если размахи неодинаковы, нѣтъ ничего легче увеличить или уменьшить *ординаты*, въ той или другой постоянной пропорціи. Начертанныя кривыя *уменьшены* посредствомъ фотографии до размѣровъ нашего рисунка. Замѣтимъ же, что легко ихъ сдѣлать *стереоскопическими*, то-есть начертить пару въ $\frac{1}{32}$ *разности фазисовъ*; такія фигуры, положенныя въ стереоскопъ, даютъ всѣ явленія, совокупляются восьмью различными системами, приводящимися къ четыремъ стереоскопическимъ призракамъ, двухъ различныхъ между собою родовъ кривыхъ—важное открытіе, съ одной стороны, для изученія явленій звука, съ другой, обогатившее стереоскопъ совершенно-новыми явленіями.

Лиссажю изслѣдовалъ вопросъ не только соображеніями геометрическими, понятными элементарно-образованнымъ людямъ, но также посредствомъ анализа, прилагаемаго обыкновенно въ этого рода вопросахъ. Онъ вывелъ общую формулу всѣхъ возможныхъ кривыхъ, и эта работа представляла большія затрудненія, ибо, смотря по принятому направленію въ рѣшеніи, можно получить уравненіе истинное, или уравненіе, усложненное другими, посто-

ронными рѣшеніями. Онъ успѣлъ опредѣлить, какому ходу слѣдовать въ разныхъ случаяхъ для избавленія себя отъ введенія этихъ постороннихъ обстоятельствъ вопроса, и могъ такимъ образомъ изслѣдовать вычисленіями нѣкоторое число простѣйшихъ кривыхъ, давъ всѣ нужные численные ихъ размѣры. Эта метода не дала, впрочемъ, ничего новаго относительно общихъ началъ и геометрическихъ свойствъ кривыхъ, выводимыхъ самыми элементарными средствами, нами объясненными и избавляющими отъ сложныхъ вычисленій.

Принципъ новой *оптической методы*, съ точки зрѣнія ея приложеній къ практикѣ, можно выразить такъ: *сравнить одно изъ звуковыхъ дрожаній съ другимъ, ему перпендикулярнымъ*. Онъ осуществленъ уже въ формѣ, всѣмъ доступной, посредствомъ снаряда, названнаго авторомъ *сравнителемъ звуковъ* (*comparateur des mouvements vibratoires*). Онъ состоитъ изъ *микроскопа*, котораго *окуляръ* постояненъ, а *объективъ* прикрѣпленъ къ одной изъ вѣтвей камертона. Если смотрѣть имъ на *блестящую точку*, сдѣланную на дрожавшемъ тѣлѣ какимъ-нибудь изъ безчисленныхъ способовъ, эта точка, лишь только камертонъ задрожитъ, покажется дрожавшею по причинѣ движеній камертона; такъ-какъ это дрожаніе весьма-быстро, мы получимъ явленіе свѣтовой линіи. Положимъ, что эта точка принадлежитъ тѣлу, способному дрожать, напримѣръ, другому камертону, звонку и т. п., и послѣдній расположенъ такъ, что движеніе, сообщаемое имъ точкѣ, имѣетъ направленіе перпендикулярное къ движенію объектива: изображеніе точки, видимое въ микроскопъ, подвергается двумъ одновременнымъ движеніямъ; отсюда явленіе фигуры кривой, тѣмъ болѣе ясное, чѣмъ точка лучше освѣщена. Это средство позволяеть *настроить* дрожавшее тѣло въ унисонъ, октаву, квинту и проч. *диапазона-сравнителя*. Если мы сначала *настроили* «сравнитель» еъ «камертономъ-типомъ», то получимъ другіе камертоны, сравненные, вывѣренные этимъ, въ такомъ музыкальномъ интервалѣ, какъ нужно. Отсюда новый способъ, изумительно-точный, получать звуки, тоны, ноты, имѣющіе музыкальные интервалы, точно-опредѣленные. Этотъ способъ измѣняется, смотря по условіямъ cadaго приложенія къ практикѣ и способенъ употребляться «промышленно». Авторъ, приложившій его на фабрикѣ Шейеля, долженъ въ скоромъ времени приспособить его на одной изъ первыхъ «колокольныхъ фабрикъ» Франціи для «настраиванія» *колоколовъ* и *трезвоновъ* (*carillons*), которые у католиковъ составляютъ родъ музыкальной гармоніи. Такъ, напримѣръ, выходитъ нынѣ изъ мастерской Леребура математически-свѣренный инструментъ *полнаго аккорда* ut, gē, mī, ut₂, дающій этотъ *основный законъ* акустики музыки, наглядно и ясно-показывающій отношеніе 4 : 5 : 6 : 8 дрожаній.

Тотъ же способъ прилагается къ изученію дрожаній, стойкости, однородности струнъ. Одно затрудненіе: сдѣлать одну *точку* струны болѣе-блестящею, чѣмъ прочія, не дѣлая никакихъ разстройствъ поврежденій въ струнѣ. Для этого освѣщаютъ одну изъ точекъ, н

мѣсть или узла, или же на *выпуклости* (ventre) дрожанія, сосредоточивая на него свѣтъ лампы посредствомъ *цилиндрическаго выпуклаго стекла* и потомъ направляютъ на эту точку микроскопъ компаратора. Надо, чтобъ движенія камертона—компаратора и движенія струны были взаимно—перпендикулярны; соблюдая эти условія, два движенія совокупаются взаимно и дадутъ въ полѣ микроскопа мѣсто явленію кривой. Можно такимъ образомъ настраивать струны въ унисонъ, терцу, кварту, квинту, октаву и т. д. Этотъ способъ, осуществленный въ хорошо—устроенномъ снарядѣ, позволяетъ нынѣ *лучшему* настраивать фортепьяно *лучше*, чѣмъ самому ловкому настройщику. Можно определять *неправильности* дрожанія струны по длинѣ ея; можно *видѣть*, что въ природѣ нѣтъ звуковъ простыхъ, что звуки всѣ *сложные* и, что всего замѣчательнѣе, *гармоника* всегда предшествуетъ основному звуку; что, ударяя струну по самой срединѣ, нѣтъ звука; что, ударяя около середины, *видишь дѣль струны, импющія узлы дрожанія посрединѣ*; что, ударяя близъ трети длины три, при точкѣ четверти дѣленія четыре изображенія струны, при пятой части пять и т. д.; что, ударяя около четверти, *видите двойную октаву* (хорошее ухо слышитъ ее *на сонометрѣ*), на пятомъ дѣленіи видите и слышите *семнадцатую октаву* и т. д., и мало ли что вы *узнаете* помощью этого инструмента!

Тѣ же способы позволяютъ сдѣлать видимымъ дрожанія *перепонки* и, слѣдовательно, определять дрожанія воздуха и газовъ (здѣсь, для наклеиванія на перепонку отражающихъ поверхностей, особенно—выгодны зеркала Фуко). Можно достигнуть тѣми же способами не только до опредѣленія *отношенія* числа дрожаній, но и опредѣлить абсолютное число дрожаній *постояннаго* звука (son fixe). Возьмемъ, напримѣръ, камертонъ, дѣлающій сто дрожаній въ секунду, *настроимъ* другой камертонъ въ *терц—мажорѣ*: онъ сдѣлаетъ $\frac{3}{2}$ дрожаній; настроимъ другой терц—мажоръ, онъ сдѣлаетъ $\frac{4}{3}$; разность $\frac{1}{6}$. Эти два послѣдніе камертона, сравниваемые одинъ съ другимъ не по взаимно—перпендикулярному, а *по одному и тому же направленію дрожаній*, дадутъ *прямолинейному изображенію* видъ, явленіе *періодическихъ внезапныхъ укорачиваній, пульсаций, біеній* (battements), и можно будетъ сосчитать это *число біеній* (являющихся посредъ другихъ укорачиваній прямой фигуры) *въ секунду*. Удвоенное число этихъ біеній дастъ разность между числами дрожаній тѣмъ, то—есть $\frac{1}{6}$ числа дрожаній основнаго звука. Это опредѣленіе *постояннаго звука* весьма—важно въ—отношеніи къ наукѣ и музыкѣ. Желательно, въ—самомъ—дѣлѣ, достигъ наконецъ до того, чтобъ имѣть *звуковой эталонъ*, образцовую мѣру, какъ имѣютъ нынѣ *метрическій эталонъ*. Одна трудность, при употребленіи этой методы, зависѣла доселѣ отъ малой продолжительности звуковъ, доставляемыхъ камертонами. Къ—счастью, остроумный снарядъ, недавно—изобрѣтенный Фуко — *ртутный коммутаторъ*, позволилъ г. Лиссажу *сохранять* въ продолженіе многихъ часовъ дрожательное движеніе камертона посредствомъ электрическаго тока; этотъ токъ, прерываемый *періодически*, сообщаетъ камертону удары, повторяющіеся *сообразно*

периодичности самаго дрожанія, и снарядъ составляетъ такимъ-образомъ родъ *электрическаго смычка*, котораго дѣйствіе можетъ продолжаться, такъ—сказать, безконечно.

Мѣсто не позволяетъ намъ распространяться о другихъ приложенияхъ. Скажемъ въ-заключеніе, что, независимо отъ этихъ оптическихъ изслѣдованій, возможно сравнивать звуки, заставляя дрожачія тѣла *писать*, *рисовать* ихъ дрожанія. Первая мысль принадлежитъ знаменитому Юнгу. Мѣтъ двадцать назадъ, *Соваръ* проектировалъ снарядъ, заставляющій дрожачее тѣло чертить, записывать всѣ свои перемѣщенія на поверхности движущагося цилиндра. *Пулье* устроилъ нѣкогда подобный же приборъ, донинѣ—сохраненный въ Сорбонѣ. *Вертеймъ* употреблялъ движущійся кружокъ, *дискъ*, для той же цѣли, наконецъ *Дюгамель* также производилъ оптическія изслѣдованія, заставляя дрожачія тѣла тонкимъ, нѣжнымъ остриемъ, находящимся на концѣ, чертить кривую дрожаній. Нынѣ Десаънъ, знаменитый профессоръ Сорбонны, вмѣстѣ съ Лиссажу, выдумали другой, болѣе—дѣйствительный способъ—закопченныя маленькія стеклянныя пластинки. Еще прошлаго года они, утвердивъ четыре камертона *ut*, *re*, *mi*, *ut*., оканчивающіеся тонкими остриями, и приведя въ одновременныя дрожанія, прикасали движущуюся закопченную пластинку, на которой очевидно являлись четыре волнистыя (синусоидальныя) линіи и изображеніе четырехъ формъ волнъ, различающіяся въ-отношеніи 4 : 5 : 6 : 8, можно было видѣть въ лупу, микроскопъ, трубу, или проектируя волшебнымъ фонаремъ. Извѣстно, что это основной законъ музыки. Въ эту минуту тѣ же ученые дали средство просто сравнивать тоны: вообразите маленькую *закопченную* пластинку (подобную той, что употребляютъ для микроскопическихъ предметовъ), прилѣпленнаго сверху горизонтально на одной вѣтви дрожачаго камертона: если мы проведемъ иглой по сажѣ по прямому направлению, получимъ волнообразную линію, подобную той, которая означена на *второй* изъ фигуръ, сопровождающихъ эту статью. Если же чертящее остріе находится на другомъ камертонѣ, или дрожачемъ тѣлѣ, то кривая уже не будетъ такъ проста, а усложнится другими изгибами: очень—понятно всѣмъ «внимательнымъ» людямъ (и, конечно, интересующимся законами природы), что такимъ образомъ можно рисовать и потомъ изслѣдовать всѣ явленія одновременныхъ звуковъ, біенія, несовершенства аккорда: въ срединѣ получаются маленькія «вершинки» волнистой кривой, которыя если параллельны верхнему и нижнему краямъ всей кривой—аккордъ вѣренъ; если же они образуютъ своими мѣстами родъ волнообразной кривой, то аккордъ неправильный, и, смотря по изгибу кривой («всѣхъ *мѣстъ* этихъ *вершинокъ*»), можно судить о болѣшей или меньшей правильности аккорда и, слѣдовательно, настраивать его, браковать камертоны, звонки и т. д.—словомъ, видѣть всѣ обстоятельства одновременныхъ звуковъ. Это новое средство, видите, уже такъ просто, что всякій можетъ отнынѣ употреблять его въ дѣло. *Фотографическія изображенія* подобныхъ кривыхъ, скопированныя съ оригиналовъ на закопченныхъ пластинкахъ, составляютъ

цѣлую коллекцію, полезную для изучающихъ доброту камертоновъ. Но довольно... Мы хотѣли только дать понятіе о важномъ изобрѣтеніи въ акустикѣ...

Промышленность. — Первое мѣсто, нынѣшній разъ, надлежитъ дать великому открытію, долженствующему произвести радикальный переворотъ во многихъ главныхъ отрасляхъ промышленности. Всѣмъ ученымъ промышленникамъ извѣстно имя знаменитаго германца-химика Кульмана, поселившагося во Франціи, въ Лиллѣ, члена-корреспондента Академіи, который уже тридцать лѣтъ занимается приложеніемъ науки къ разъясненію важныхъ вопросовъ техники. Обширную свою лабораторію онъ обратилъ въ нѣчто въ родѣ фабрики, большой мастерской, и цѣлый рядъ опытовъ и техническихъ испытаній, произведенныхъ на этомъ образцовомъ заводѣ Кульмана, нашелъ уже себѣ съ давняго времени и во многихъ странахъ приложеніе къ практикѣ. Новыя его испытанія, предпринятая съ цѣлью переобразовать старинные, вѣковые способы стѣнной живописи и печатанія матерій, сообщенныя на этой недѣли Академіи и уже введенныя съ полнымъ успѣхомъ въ практику, обратили на себя вниманіе всѣхъ ученыхъ.

Этотъ новый трудъ Кульмана, относящійся къ способамъ укрѣпленія окраски и къ апретурѣ, составляетъ продолженіе его прежнихъ изслѣдованій о приложеніяхъ къ промышленности жидкихъ кремнекислыхъ солей. То же самое химическое вещество, кремнекислосое кали, которое Кульманъ употребилъ съ такимъ успѣхомъ для увеличенія крѣпости и прочности строительныхъ матеріаловъ, прилагается и къ операціямъ апретирования матерій и окраски. Поэтому мы считаемъ необходимымъ разсказать о первомъ открытіи, богато-многочисленными приложеніями.

Въ 1841 году Кульманъ открылъ, что кремнекислосое кали, или такъ-называемое *жидкое стекло*, *стеклянная полива* (*liqueur des cailloux*, какъ называютъ французы), получаемая расплавліваніемъ въ горшкѣ кремнезема, то-есть весьма-кремнеоноснаго песку съ большимъ количествомъ поташа (углекислаго кали), имѣетъ странное свойство увеличивать твердость и плотность известковыхъ камней, самыхъ скважистыхъ, ломкихъ, намачиваемыхъ этою жидкостью. Чтобы укрѣпить каменную статую, орнаментъ, известковую стѣну, штукатурки, стоитъ вымазать ихъ кистью жидкимъ стекломъ. Дѣйствіе происходитъ почти мгновенно; поверхность, принявшая слой поливы, твердѣетъ на глубину тѣмъ большую, чѣмъ скважистый камень болѣе вобралъ внутрь, поглотилъ жидкости. Конечно, здѣсь происходитъ образование двойной кремнекислой и углекислой извести, гораздо-большей твердости, чѣмъ простая углекислая соль камня. Что касается кали, освобожденное разложеніемъ поливы, оно исчезаетъ постепенно, выходя изъ камня и, растворяясь въ сырости воздуха, принимаетъ атмосферную углекислоту. Стеклянная полива имѣетъ свойство увеличивать также твердость гипса; алебастра (сѣрнокислой извести), такъ-что для приданія гипсовой статуякъ, бюсту,

орнаменту, твердости мрамора, стѣны обмазать ихъ поливой. Способъ Кульмана укрѣпленія матеріаловъ увѣнчанъ повсемѣстнымъ опытомъ и принятъ вездѣ; онъ извѣстенъ и въ Россіи. Въ Англіи и Германіи стеклянная полива употребляется для сохраненія монументовъ и строительныхъ матеріаловъ; въ Парижѣ, въ послѣднее время, этотъ способъ принятъ для укрѣпленія плохихъ 200 статуй, украшающихъ галереи и портики новаго Лувра и сдѣланныхъ плохими художниками, очень-дешево, изъ весьма-рыхлаго известкового камня, а отнюдь не изъ того мрамора, который служитъ обыкновенно матеріаломъ артисту.

Жидкое стекло, употребленное вначалѣ Кульманомъ для укрѣпленія камней, получило впоследствии въ рукахъ ученаго химика гораздо-большія и важнѣйшія приложенія. Онъ постепенно открылъ, что возможно употреблять эту соль для укрѣпленія красокъ на камнѣ, стеклѣ, деревѣ и даже при печатаніи красокъ на бумагѣ и тканяхъ. Наконецъ, въ послѣднее засѣданіе Академіи, онъ обнародовалъ способъ пользоваться этою солью въ операціяхъ доселѣ чистомеханическихъ, декоративной стѣнной живописи и апертуры, которыя доселѣ не получили важныхъ измѣненій.

Чтобъ дать понятіе объ употребленіи кремнекислаго кали въ названныхъ нами операціяхъ, покажемъ, какимъ образомъ, посредствомъ этой соли можно замѣнить съ выгодой прежніе, столь трудные способы стѣнной живописи. Чтобъ получить *фреску* самой безукоризненной прочности, стоитъ опрыскать, полить стѣнную живопись жидкимъ стекломъ, небольшимъ насосомъ, имѣющимъ на концѣ круглую сѣтку садовой лейки: кремнекислое кали переобразуетъ жирную известь стѣны въ искусственную гидравлическую известь; образуемая кремнекислая известь, соединясь съ углекислою, даетъ прочный слой, непроницаемый для сырости. Этотъ способъ уже не простая теоретическая возможность, или опытъ лабораторіи; примѣромъ могутъ служить знаменитыя произведенія *фресковъ* Каульбаха, въ Берлинскомъ Музеѣ.

Для приложенія кремнекислаго кали къ живописи на стеклѣ, разводятъ въ концентрированномъ растворѣ жидкаго стекла минеральныя краски, такія, которыя не разѣдаются щелочами; такія краски твердѣютъ на стеклѣ тотчасъ и остаются навсегда неизмѣнными, сохраняя самую чистую прозрачность. Благодаря этому способу, можно получить теперь живопись на стеклѣ, не прибѣгая къ дѣйствию огня, для остеклованія красокъ, какъ дѣлали доселѣ. Цѣлныя образцы произведенія живописи на стеклѣ знаменитаго парижскаго художника Денюэля, сдѣланные по этому способу, возбудили энтузіазмъ въ Академіи и присутствующихъ. Мы ничего подобнаго не видѣли доселѣ въ знаменитѣйшихъ католическихъ памятникахъ Европы.

Для печатанія матерій употребляютъ жидкое стекло вмѣсто бѣловины, которая, въ состояніи сгущенномъ посредствомъ огня, употреблялась доселѣ для укрѣпленія цвѣтовъ на тканяхъ. Стеклянная жидкость примѣнивается къ краскамъ въ моментъ ихъ печатанія

на ткани. По прошествіи нѣсколькихъ дней высушки на воздухѣ, эти краски твердѣютъ отъ присутствія въ нихъ кремнекислаго кали, какъ прежде отъ свернутой бѣловины. Отпечатанная ткань можетъ подвергаться вымочкѣ и намыливанію, ни мало не измѣняясь въ цвѣтъ. Нужно только, чтобъ избранныя краски не разбѣдались щелочами. Кульманъ умѣлъ такимъ образомъ печатать на всевозможныхъ тканяхъ, бѣлыхъ и уже окрашенныхъ, краски: ультрамаринъ, синій и зеленый, сурикъ, цинковую зелень, желтый свѣтлый кадмій и проч. Черный отпечатокъ получается весьма-экономически, посредствомъ сажи (poir de fumée) и имѣетъ еще ту выгоду, что, состоя изъ чистаго углерода, то-есть вещества, неподверженнаго дѣйствию никакихъ извѣстныхъ химическихъ реagensовъ, не измѣняется даже отъ хлора и кислотъ — обстоятельство весьма-важное для набойки ситцевъ. Г. Кульманъ сказалъ намъ, что онъ скоро надѣется приложить жидкое стекло и къ печатанію на шерстяныхъ, бумажныхъ и шелковыхъ матеріяхъ. Яркость и живость представленныхъ образцовъ ситцевъ, превосходитъ всякое описаніе.

Употребленіе кремнекислаго кали въ малярномъ дѣлѣ, въ водяныхъ и масляныхъ краскахъ, и неподлежащая уже спору возможность замѣнить этимъ новымъ агентомъ масло и скипидаръ, столь убыточные съ одной стороны, съ другой, столь непріятные для жильцовъ матеріалы, составляетъ предметъ труда, представленнаго Кульманомъ въ послѣднемъ засѣданіи Академіи. Разведя краски въ водѣ, растираютъ ихъ съ концентрированнымъ растворомъ жидкаго стекла и накладываютъ на стѣну послѣдовательными слоями. Опытъ былъ произведенъ предъ нашими глазами: ни малѣйшаго запаха въ залѣ Академіи; необыкновенная крѣпость. Эти *кремнистыя*, а не водяныя или масляныя краски, твердѣющія сильно на воздухѣ, даютъ превосходное средство красить дома снаружи, и мы обращаемъ на это особенное вниманіе нашихъ архитекторовъ для наружной штукатурки. Во Франціи дома строятъ изъ камня, а не изъ кирпича, ихъ не штукатурятъ, а красятъ прямо, то-есть покрываютъ слоемъ масляной краски. Здѣсь, по представленнымъ Академіи образцамъ, новый способъ будетъ введенъ тотчасъ, какъ лучшій и дешевѣйшій.

Важнѣйшій фактъ, результатъ новыхъ трудовъ Кульмана — замѣненіе искусственнымъ свѣтлымъ баритомъ прежнихъ бѣлилъ свинцовыхъ и цинковыхъ. Извѣстно, что приготовленіе свинцовыхъ бѣлилъ весьма-вредно для рабочихъ. Во Франціи распространились фабрики цинковыхъ бѣлилъ, стоящихъ немного дороже, по безвредныхъ для рабочихъ; теперь являютя новыя *баритовыя* бѣлила, имѣющія изгнать обѣ прежнія. Баритовыя бѣлила накладываются кистью постепенными слоями; если они назначены для *клеевой* окраски, кладутъ въ нихъ клея или крахмала; если *масляной*, то вмѣсто масла примѣшиваютъ крахмала съ кремнекислымъ кали. Баритовыя бѣлила *кроятъ* превосходно и имѣютъ предъ двумя прежними бѣлилами преимущество на $\frac{2}{3}$ меньшей стоимости (по парижскимъ и лильскимъ цѣнамъ). Свѣтлый баритъ нисколько не чернѣетъ отъ испареній свѣтлаго водорода, которые, какъ всѣмъ извѣстно,

скоро портятъ свинцовыя бѣлила; онъ дастъ окраскѣ бѣлизну и чѣзность осязанія, которой самыя лучшія бѣила не въ-состояніи достигнуть. Въ промышленности это вещество уже служитъ предметомъ нѣкоторыхъ приложений: подѣ именемъ *постоянныхъ бѣилъ* его употребляютъ во Франціи для глазированія визитныхъ карточекъ, бѣлыхъ и шелковидныхъ фоновъ, обоевъ и проч. Открывая новый, почти безпредѣльный сбытъ искусственному сѣрнокислому бариту, употребленіемъ его въ водяныхъ и кремнистыхъ (бывшихъ масляныхъ) малярныхъ производствахъ, Кульманъ осуществляетъ настоящій прогрессъ въ обширной области искусства сохраненія нашихъ памятниковъ и жилищъ. Баритовыя бѣила позволяютъ производить весьма экономически грунты бѣлые и люстрованные по обыкновеннымъ методамъ, принятымъ для накладыванія и укрѣпленія; эти грунты соперничаютъ съ лучшими, изящнѣйшими, производимыми серебряными бѣилами и лаками. Въ-самомъ-дѣлѣ, видѣнные нами образцы свидѣтельствуютъ, что никакія древнія живописи не могутъ сравниться съ баритовыми бѣилами на бѣлковинѣ, или, еще лучше, на смѣси крахмальной муки съ стеклянною поливой.

Замѣненіемъ цинковыхъ и свинцовыхъ бѣилъ баритовыми, и особенно замѣненіемъ во многихъ случаяхъ водяными окрашиваніями, масляныхъ и летучихъ, осуществляется экономія весьма-значительная. Но это не одна еще выгода отъ употребленія сѣрнокислаго «искусственнаго» барита. Всеобщее введеніе новой методы въ искусство малярное и всѣ отрасли промышленности, касающіяся приготовленія основныхъ бѣилъ, поведетъ къ послѣдствіямъ важнымъ въ-отношеніи народнаго здоровья. Въ-самомъ-дѣлѣ, не только отвратятся опасности, происходящія при фабрикаціи и употребленія въ дѣло бѣилъ, но устранятся всѣ неудобства, непріятности запаха прежнихъ эссенцій — словомъ, промышленности доставляется продуктъ, съ которымъ обращеніе совершенно-безвредно. Нѣсколько десятковъ граммовъ бѣилъ свинцовыхъ, цинковыхъ, даже «естественнаго углекислаго барита» могутъ дѣйствовать опасно на животный организмъ, между-тѣмъ, какъ «искусственный» сѣрнокислый баритъ въ большихъ приемахъ совершенно безвреденъ. Г. Кульманъ рассказывалъ при насъ академику К. Бернару, знаменитому физиологу, что маленькая собачка ($2\frac{1}{2}$ килограмма, $6\frac{3}{4}$ фунта вѣсомъ) въ продолженіе двухъ дней принимала въ пищу и каждый разъ 22 грамма искусственнаго сѣрнокислаго барита, сухаго, безъ малѣйшаго разстройства желудка.

Считаемъ этотъ вопросъ весьма-важнымъ для Россіи и согласны на этотъ счетъ съ почетнымъ секретаремъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и членами, поспѣшившими купить въ Ригѣ, пудами, жидкое стекло, удобно-приготавливаемое, впрочемъ, и на мѣстѣ.

А. Ж.

ВЪСТИ ИЗЪ ФИНАНСОВАГО МІРА.

Англійскіе и французскіе толки о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

(Второе письмо къ редактору «Отеч. Записокъ».)

Учрежденіе первой сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ занимаетъ въ эту минуту всѣ умы въ Европѣ. Множество брошюръ, болѣе или менѣе благоприятныхъ этому колоссальному предпріятію, появляется безпрестанно въ Англии и Франціи; всѣ главные ежемѣсячные журналы (*revues*) «заказали» статьи о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Обширѣйшія изъ нихъ — не скажемъ достойнѣйшія вниманія — помѣщены въ книжкахъ 15-го мая «*Revue des Deux Mondes*» и «*Revue Contemporaine*». Являются десятками почти каждый день, уже болѣе мѣсяца, статейки о томъ же вопросѣ, во всѣхъ ежедневныхъ политическихъ журналахъ Англии, Франціи, Германіи и въ еженедѣльникахъ финансовой журналистики; ихъ считаютъ сотнями... Основнымъ документомъ критики и изслѣдованій вопроса, рѣчей *pro* и *contra*, служить роскошно-изданная парижскимъ комитетомъ Записка (*Notice*); къ этой французской брошюрѣ г. Колинъсона приложена составленная по официальнымъ документамъ большая, изящная карта Европейской Россіи, самая вѣрная, единственная изъ изданныхъ на французскомъ языкѣ. Первые враги русской сѣти, враги-завистники всего великаго внѣ ихъ отечества, главные органы англійской журналистики «*Globe*», «*Daily-News*», «*Times*», «*Morning-Post*», «*Advertiser*» и пр. (скажемъ кстати, что англійская подписка уже давно открыта и русскія акціи продаются тамъ съ значительной преміей). Ярая оппозиція англійскихъ «*rowers*» очень-понятна, логична. Этому рѣву не станетъ удивляться тотъ, кто знаетъ сущность «британскаго духа» — котораго знамя: все для Британіи — духа монополии, претворяющаго въ орудіе личнаго интереса каждый фактъ прогресса, каждое новое явленіе въ области человѣчества, будетъ ли то избирательная реформа или принципъ свободы обѣна и пр. Удивительно ли послѣ этого, что «*Times*», напримѣръ, эта «четвертая власть Великобританіи», двадцать разъ утверждаетъ, развиваетъ тезисъ: «кто, изъ англичанъ, поборникъ предпріятія русской сѣти, кто денежными или другими средствами, или влияніемъ станетъ способствовать успѣху этого

предпріятія, тотъ врагъ отечества». Мы, конечно, оскорбили бы нашихъ читателей, еслибы стали здѣсь опровергать эти дикіе доводы; предоставимъ это бесплодное удовольствіе аматѣрамъ невинныхъ полемическихъ упражненій въ «Journal des Débats» (3-го мая и проч.), серьезно-отвѣчающаго на многихъ столбцахъ статьямъ «Post» и «Times», утверждающимъ, напримѣръ, что стоять за русскія желѣзныя дороги значить стоять за варварство противъ просвѣщенія (это извѣстная старая фраза французскихъ журналовъ 1853 — 1855 годовъ: la guerre de la civilisation contre la barbarie). Итакъ да мимо насъ идутъ эти метательные снаряды; мы равномерно не обратимъ серьезнаго вниманія на оппозицію другаго рода, во многихъ французскихъ газетахъ, очевидно «рекламирующихъ» британскую мысль. Онѣ исполнены такой безсмыслицы, такого грубаго незнанія не только экономическихъ и статистическихъ фактовъ, но даже простой элементарной географіи Россіи, что даже говорить объ этомъ совѣстно. «Echo des Affaires» (№ 26 апр.), напримѣръ, упираетъ свои оппозиціонные доводы на фактъ, что «царско-сельская дорога имѣетъ одиннадцать верстъ длины и не приноситъ четырехъ процентовъ дивиденда, а санктпетербурго-московская (Николаевская) имѣетъ длины тысячу шестьсотъ километровъ и стоила болѣе миллиарда!» Приводитъ ли еще? «Le Siècle», напримѣръ, опровергая выгоды дороги изъ Москвы въ Θεолосію, «совѣтуетъ» избрать другую линію къ Черному Морю на Одессу чрезъ Курскъ на города Juov, Reysk, Pulivi, Konstop, Psik, vers Kiev, pour ensuite gagner Mohler, par Wallilow, Skwiva et Lepwet!!!!» Это напоминаетъ статью Эмиля Жирардена, который «требовалъ» («Presse», 18-го ноября 1854 года), чтобъ черноморскій союзный флотъ не забылъ отправиться бомбардировать порты и флотъ Каспійскаго Моря... Пусть время идетъ, перевороты слѣдуютъ за переворотами, законы о книгопечатаніи измѣняются, буржуа все вѣрять въ свой «Siècle», въ свою «Presse», лишь бы форматъ остался тотъ же до малѣйшихъ подробностей, какъ календарь, обязанный, для успѣха, сохранять неизмѣнно всѣ свои атрибуты. Давно уже ни въ «Débats», ни въ «Gazette» нѣтъ ихъ прежняго духа; «la Presse» мѣняла двадцать разъ «цвѣтъ» свой, «le Siècle» сдѣлалась органомъ Пале-Рояля (что показываетъ большую сметливость ея богача-редактора Гавэна); давно не печатаютъ болѣе настоящихъ premiers-Paris, а буржуа все еще думаетъ черпать изъ своей «Presse», «Débats», «Siècle» насущное политическое мнѣніе... Не то въ Англии, но не объ этомъ здѣсь рѣчь... Общее презрѣніе людей образованныхъ убило теперь французскую журналистику, какъ силу, влияние на дѣла государственныя. Поняли, что такое въ самой вещи такъ-называемый нынѣшній политическій французскій публицистъ. Люди набили наконецъ руку заранѣе угадывать, что говоритъ сегодня Сезенá, С. М. Жирарденъ, Лагероньѣръ, Сасі, Журданъ, Жопсьѣръ, Лабедольѣръ и пр. Нынѣ политическія статьи (premiers-Paris) читаются единственно самими мастерами дѣла (gens de métier), которые показываютъ видъ, будто серьезно принимаютъ дѣло къ сердцу и

опровергаютъ другъ друга до-тѣхъ-порѣ, пока первый, уставшій, замолчитъ и признается побѣжденнымъ. Понятно, что такое мастерство цѣнится дорого редакторами, щедро-награждающими труды этихъ виртуозовъ; изъ должности premier-Paris человекъ выходитъ какъ изъ этиоды биржеваго notariуса... Знаменитый Сезенá, прежде-защитавшій ежедневно въ «*Constitutionnel*» нынѣшнее правительство и получившій «за таковыя журнальныя заслуги», 15-го августа 1853 года, орденъ Почетнаго Легіона, «pour les services rendus par la Presse», какъ гласилъ *декретъ*, началъ съ прошлаго года нападать на своего хозяина въ другомъ журналѣ: «*La Semaine Financière*». Замѣтивъ это, Миресъ предложилъ ему выбрать «opter» между нимъ и новымъ поприщемъ, какъ объявлено въ «*Constitutionnel*»... попросту, выгналъ яраго бонапартиста, и этотъ послѣдній сдѣлался слугою хозяина означеннаго финансоваго журнала, г. Лирё, который изъ директоровъ театра Одеона очутился также банкиромъ, съ кассой, настоящей кассой съ бумажными цѣнностями, сертификатами, секретными книгами и пр...

Мы говорили о «толченіи воды» «*Journal des Débats*», отвѣчающаго «*Times*». Итакъ, чтобъ не отдаляться болѣе отъ нашей материн, скажемъ, что мы не нашли ни одной порядочной статьи о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, pro или contra, въ «большихъ парижскихъ политическихъ листахъ». Такъ «*Echo des Affaires*» называется предприятие: affaire détestable. Отчего? вы спросите; «voions! (милый слогъ!) «вы утверждаете, что доходъ этихъ дорогъ будетъ колоссальный: до 390 милліоновъ выгоды, permettez! Этотъ результатъ предполагаетъ прибыль 97,500 фр. съ каждаго километра, но это вдвое чѣмъ доходъ французскихъ дорогъ и пр.» Далѣе: «Гдѣ эти цвѣтущіе города» и проч., это население: en Russie on n'est pas si voyageur qu'en France (!!!?)» «Очевидно (заключаетъ журналъ, не представивъ никакихъ фактовъ) что это—прекрасная спекуляція для правительства, но не для компаніи: faire miroiter aux yeux du public, comme «*La Semaine Financière*» (одинъ изъ главныхъ финансовыхъ журналовъ) parait s'y être engagée, des bénéfices supérieurs à ce modeste intérêt—c'est un effort de dévouement que paralyse le moindre examen!» Надлежало бы представить еще обращикъ оппозиціи Миреса (*Journal des ch. de fer*), но эта оппозиція внезапно перешла въ жаркую защиту: Миресу нужно было «бранить» другія акціи, когда онъ собиралъ подписку на акціи римскихъ дорогъ; теперь акціи его подписаны, распределены — увы! ужасный процессъ упалъ на голову счастливица-банкира и онъ вдругъ сдѣлался поборникомъ русскаго предприятия: въ № 16-го мая онъ рассказываетъ о петербургской подпискѣ 150,000 акцій, о распределеніи ея между подписчиками на 319,397 акцій и восклицаетъ въ-заключеніе: «Замѣчательна аналогія между системою выпуска, нами придуманной и принятой и тою, которая принята русскимъ комитетомъ... Мы гордимся тѣмъ, что въ Парижѣ, какъ и въ Санкт-петербургѣ, на нашей сторонѣ первая свѣтила финансоваго міра: Штиглицы, Перейры, Гопы, Беринги, Готтингеры!...» Униженіе паче гордости!

Но довольно. Представимъ теперь обзоръ главнѣйшихъ доводовъ

кроме русскаго предпріятія и опроверженій ихъ, помѣщенныхъ въ разныхъ финансовыхъ журналахъ, между которыми «Journal des Actionnaires» (шесть статей отчетливыхъ), «Écho Agricole» (прекрасно-выставившій преимущество избраннаго направленія на Θεодосію предъ одесскимъ) и «Lloyd Français» (7-го мая, бойко-отвѣчающій англійскимъ журналамъ), заслуживаютъ наибольшаго вниманія.

Первый доводъ (онъ изъ Англій) провозглашаетъ, что устройство русской сѣти опасно для всей западной торговли, ибо потрясаетъ въ основаніи настоящее экономическое и торговое *равновѣсіе* (sic) міра. Глубоко-справедливо! Эта оппозиція не напоминаетъ ли собою то всеобщее ярое сопротивление, которое мы видѣли болѣе года въ англійской журналистикѣ и въ правительствѣ, *проекту прорызанія Суэзскаго Перешейка!* Кто изъ читателей газетъ не знаетъ продѣлокъ Редклифа и другихъ англійскихъ агентовъ, чтобы убить это всемірное предпріятіе? Развѣ неизвѣстно, что Великобританія, существующая только подъ условіемъ владѣнія полною монополіей торговли міра, съ ужасомъ видитъ непреодолимыя событія, разрушающія эту монополію; невольнo-ставящая себя безпрестанно на точку зрѣнія личнаго интереса страны, она считаетъ всякую большую операцію внѣ ея оскорбленіемъ своего величества, ослабленіемъ своей силы. Итакъ сама же Англія, въ своихъ главныхъ представителяхъ политической и экономической журналистики утверждаетъ, что предпріятіе первой сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ имѣетъ цѣлью увеличеніе политическаго, торговаго и экономическаго могущества нашей имперіи.

Второй доводъ многихъ французскихъ и англійскихъ журналовъ.— «Le Siècle» представляетъ русскую сѣть исключительно-стратегическою и въ видахъ военныхъ интересовъ, а не для развитія *торговли, земледѣлія и промышленности*; онъ особенно осуждаетъ въ этомъ отношеніи выборъ Θεодосіи и Ливавы... Всѣ возможныя желѣзныя дороги имѣютъ *стратегическое* значеніе, ибо онѣ облегчаютъ и безпредѣльно увеличиваютъ перевозку массъ людей, лошадей, военныхъ принадлежностей. Ни одна изъ извѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ не играла болѣе стратегической роли во время прошедшей войны, какъ дорога изъ Парижа въ Марсель, а между-тѣмъ это одна изъ первостепенныхъ коммерческихъ дорогъ; поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ русскія желѣзныя дороги, проводимыя въ странѣ еще болѣе хорошей сообщеніями, идущими къ Черному и Балтійскому Морямъ, имѣютъ великую военную важность, которую можно уподобить важности французскихъ линій: изъ Гавра въ Марсель, изъ Парижа въ Форбахъ (къ Рейну), въ Байону (Пиренеи) или изъ Бордо въ Сеттъ. «Siècle», слѣдовательно, дѣлаетъ справедливое замѣчаніе, выставляя стратегическую важность утвержденного начертанія первой сѣти русскихъ дорогъ, но полагая, конечно, что такія разсужденія $0 \times 2 = 4$ покажутся его читателямъ слишкомъ-банальными, онъ прибавляетъ, что «интересы коммерческіе пожертвованы военнымъ». Наши читатели знаютъ всю неосновательность подобнаго довода, но думаемъ, что читателямъ интересно будетъ видѣть, ка-

кими доводами опровергаютъ это мнѣніе тѣ изъ финансовыхъ журналовъ, которые поняли серьезно русское предпріятіе, обещающее огромныя частныя выгоды и полное громадныя всемірныхъ экономическихъ послѣдствій.

«Когда, въ маѣ 1856, французскіе инженеры, отправленные въ Санктпетербургъ основателями главнаго общества, вошли въ конференціи съ русскимъ министромъ публичныхъ работъ, дѣло шло только о дорогѣ изъ Москвы къ Черному Морю. Правительство показывало, съ точки зрѣнія общихъ интересовъ страны, нѣкоторое предпочтеніе линіи, направляющейя въ Крымъ; но окончательный выборъ отданъ былъ на свободное обсужденіе представителей—инженеровъ, учредителей и правительства; единогласно приняли линію отъ Москвы въ Феодосію по многимъ причинамъ. Линія отъ Москвы на Одессу представляеть серьезныя затрудненія въ построеніи, между—тѣмъ, какъ феодосійская необыкновенно—легка постройкой. Линія изъ Москвы на Феодосію превосходно служитъ сношеніямъ Одессы съ Москвою и центромъ Россіи; какъ желѣзная дорога изъ Руана въ Парижъ продолжала торговый путь по направленію сенскаго лимана (Seine maritime), пока не была выстроена желѣзная дорога изъ Руана въ Гавръ: южная русская дорога, бросая вѣтвь на днѣпровскій лиманъ, даетъ прямой путь этимъ лиманомъ на Одессу. Этого не было бы при линіи изъ Москвы на Одессу чрезъ Кіевъ, ибо эта послѣдняя не можетъ служить тѣмъ интересамъ, въ виду которыхъ первое начертаніе было принято. Эти важныя интересы суть слѣдующіе: коснуться Харькова, важнаго центра торговли и промышленности, котораго ярмарка становится болѣе—и—болѣе важною; коснуться въ Харьковѣ каменноугольнаго донецкаго бассейна, единственнаго въ Россіи, котораго характеръ, богатство и протяженіе опредѣлены тщательно; достигнуть солончаковъ и Азовскаго моря, доставляющихъ для *обратнаго движенія* (столь важнаго въ дѣлѣ учрежденія новыхъ сообщеній) транспортъ болѣе 200,000 тоннъ, дающихъ огромное количество рыбы и другихъ продуктовъ; соединить съ Москвою Крымъ, производившій еще до войны болѣе мильона гектолитровъ вина, котораго большая часть идетъ на Харьковъ и къ сѣверу. Всѣмъ извѣстно, что въ дѣлѣ «перевозной промышленности», *industrie des transports*, вопросъ объ обратной кладѣ (*des retours*) есть самый капиталный; но на линіи московско—феодосійской обратная кладъ несравненно—значительнѣе линіи московско—одесской; ибо къ углю, металлургическимъ продуктамъ, соли, сольеньямъ, винамъ надлежитъ еще прибавить скотъ, идущій къ Москвѣ и Санктпетербургу отъ степей Херсона и Тавриды, обширнѣйшихъ богатыхъ полей, о которыхъ французы доселѣ думаютъ какъ о ихъ гасконскихъ *landaux*, но которыя прокармливаютъ, воспитываютъ громадныя стада; должно еще прибавить кавказскія произведенія и всего бассейна Чернаго моря. Къ этимъ соображеніямъ присоединяется сравнительное состояніе обоихъ портовъ: Одесса портъ искусственный, открытый, лишенный хорошей якорной стоянки, подверженный опаснымъ бурямъ; Феодосія, напротивъ, превосходный *естественный* портъ,

укрытый самой природой, а не молами, съ превосходнымъ грунтомъ для якоря, незамерзающій никогда и гдѣ морскія учреждения могутъ развиваться до безконечности. И послѣ этихъ всѣхъ сравненій различныхъ элементовъ сложной задачи, основатели компаніи, согласно съ правительствомъ, но безъ малѣйшаго понужденія, предпочли линію на Феодосію одесской; короче сказать, они видѣли огромную экономію въ построеніи, непосредственные элементы большаго торговаго движенія, заключающаго въ себѣ и одесскую торговлю, важнѣйшую будущность и, превыше всего этого, каменный уголь и огромное промышленное развитіе, которое рождаеть онъ вездѣ, гдѣ встрѣчается. Самое положеніе феодосійской гавани, гдѣ морскія заведенія гораздо—менѣ развиты, чѣмъ въ Одессѣ — обстоятельство благоприятнѣйшее въ видахъ техническихъ: станція желѣзной дороги и пристань могутъ составить одно общее учрежденіе, гдѣ соединятся для перегрузки хлѣба и товаровъ всѣ новѣйшія усовершенствованія механики, введенныя англичанами какъ въ ихъ колоссальномъ портѣ Ливерпуля, Лондона и проч., такъ въ—особенности въ этихъ новѣйшихъ ихъ созданіяхъ, внезапныхъ, какъ—бы мановеніемъ руки созданныхъ: Мартлепуль, Кардифъ и пр. Феодосія не отниметъ отъ Одессы ея нынѣшнихъ кліентовъ, практику: населенія подольскія, волынскія, бессарабскія увеличатъ даже, по—крайней—мѣрѣ, на нѣкоторое время, торговлю хлѣбной полосы Одессы, но не подлежатъ сомнѣнію, что этотъ портъ не можетъ быть первенствующимъ на Черномъ Морѣ. Огромное торговое движеніе, которое высзано породитъ учрежденіе южной желѣзной линіи, принадлежать будетъ порту, наилучше—расположенному природой».

Критика французскихъ и отчасти английскихъ журналовъ также неосновательна въ—отношеніи Либавы. (Мы сказали *отчасти*, ибо вообще англичане очень—хорошо знаютъ торговую статистику и географію Россіи). Либавскій портъ еще мало знакомъ западной публикѣ; онъ требуетъ издержекъ для его улучшенія (издержки сдѣлаетъ правительство); но всѣмъ мореходамъ извѣстно, что едва три недѣли въ году онъ блокируется льдомъ, тогда—какъ Кронштадтъ испытываетъ, безъ войны, ежегодную блокаду зимы съ 1—го ноября до 1—е мая. Говорять о Виндавъ, какъ лучшемъ для выбора портѣ, ближайшемъ къ Рижскому Заливу, но онъ представляетъ менѣ гарантій для непрерывной торговой дѣятельности, чѣмъ Либава, сосѣдка и равноцѣнный пунктъ мемельскому порту, съ точки зрѣнія мореходства. Ненужно русской публикѣ распространяться о колоссальныхъ послѣдствіяхъ для торговли въ будущемъ отъ учрежденія этой линіи. Еслибъ первая сътъ, уступленная Главному Обществу Русскихъ Желѣзныхъ Дорогъ, не имѣла другихъ источниковъ дохода, кромѣ торговли отпускнуой и привозной впродолженіе шести или семи зимнихъ мѣсяцевъ для всего сѣвера Россіи, огромный денежный успѣхъ предпріятія былъ бы достаточно обезпеченъ... Отъ Либавы линія желѣзной дороги, весьма—удобная для постройки, направляется въ сердце Россіи, минуя болота, весьма, впрочемъ, незначительныя въ нѣкоторыхъ долинахъ, проходить лѣсами, досель—неразработывае-

мыми, но которыхъ продуктъ дастъ драгоцѣнныя пособія торговлѣ и движенію. Подходя къ Орлу, она становится агентомъ сношеній Москвы съ Балтійскимъ Моремъ, низовьемъ Волги и ея притоковъ; она обратитъ къ себѣ движеніе продуктовъ земледѣльческихъ южной линіи, на протяженіи семисотъ километровъ, а современемъ побочныя вѣтви обратятъ ее въ главный путь... Если Одесса дѣйствительно должна пострадать, или будущее ея развитіе ограничится, это произойдетъ не столько отъ предпочтенія ей Θεодосіи, сколько отъ проведенія дороги изъ Орла въ Либаву, которая измѣнитъ направленіе движенія хлѣбной торговли для главнѣйшаго рыска — Великобританіи. Въ-самомъ-дѣлѣ, когда будетъ возможность отъ Харькова, отъ Орла, Курска и промежуточныхъ пунктовъ на протяженіи семисотъ верстъ черноземной полосы, которою проходитъ южная дорога, отправлять и доставлять въ три недѣли хлѣбъ въ Лондонъ или Ливерпуль (и почти круглый годъ), черноморская хлѣбная торговля, конечно, будетъ содѣйствовать въ меньшей степени, чѣмъ теперь, этому продовольствію великобританскаго рыска.

Линія отъ Санктпетербурга въ Варшаву также не имѣетъ помплованія отъ французскихъ и англійскихъ журналовъ, объявившихъ себя во что бы ни стало противъ предпріятія русской сѣти, хотя эта линія, по мнѣнію всѣхъ, должна уdesлтеритъ торговое движеніе. Кто знаетъ трудность доставки зимой товаровъ изъ Россіи и въ Россію, отсутствіе хорошей организаціи комиссіонерства, всяческіе «побѣры» вслѣдствіе этой анархіи, несвоевременность и чаще всего неувѣренность въ доставкахъ и проч., тотъ знаетъ, что Санктпетербурго-варшавская линія одна изъ самыхъ важныхъ въ торговомъ отношеніи. «Siècle» не довольствуется стараніемъ представить предпріятіе въ ложномъ видѣ и тѣмъ поколебать благопріятное ему общее мнѣніе; этотъ журналъ искажаетъ факты официальные, относящіяся къ самой организаціи предпріятія; мы не станемъ говорить здѣсь о двусмысленныхъ нападкахъ его на людей, стоящихъ слишкомъ-высоко въ общемъ мнѣніи и не требующихъ защиты. Какъ во всѣхъ международныхъ предпріятіяхъ послѣдняго времени, административный совѣтъ новой компаніи—смѣшанный и состоитъ наполовину изъ русскихъ, на половину изъ иностранныхъ членовъ. Это—статутное правило, отъ котораго отклонились для перваго совѣта: въ немъ русская часть заключаетъ и англійскаго негоціанта, живущаго въ Санктпетербургѣ, такъ-что впродолженіе перваго періода существованія компаніи на двадцать администраторовъ, будутъ одиннадцать иностранцевъ. «Siècle», конечно, съ намѣреніемъ упускаетъ изъ виду, что иностранные администраторы не только имѣютъ право передачи голосовъ уполномоченнымъ, но составляютъ еще комитетъ въ Парижѣ; всѣ, слѣдственно; гарантіи для капитала существуютъ въ новомъ предпріятіи, а пять процентовъ, уподобляютъ русскія акціи фондамъ этого государства, столь-цѣннымъ на всѣхъ рынкахъ Европы и Америки и возбуждавшимъ вездѣ, даже во время войны, наибольше довѣрія. Очень-понятно, что журналы,

незнающіе русской статистики и неимѣющіе средствъ опровергнуть неопровержимые официальные факты, составляющіе основаніе расчетовъ и выгодъ предпріятія, пускаются на эти послѣднія «штуки».

Полагая, что всѣ эти «продѣлки» интересны въ эту минуту русской публикѣ, приведемъ для курьёза еще одинъ: книжка «La Russie et les Chemins de fer russes» составлена умно людьми, нечастными предпріятію, но изучавшими его; она представляетъ много фактовъ, цифръ, сближеній, но гдѣ только возможно, бросаетъ тѣнь на дѣло. На стр. 63 мы читаемъ слѣдующую штуку: «La Russie ne pouvait rester étrangère à la formation d'un capital destiné à l'enrichir. Ses banquiers, le baron Stiglitz en tête, ont couvert le tiers, cependant ayant soin de déclarer que *les actions étrangères ne seraient pas cotées en Russie* afin de ne pas écraser le marché et pour rassurer les capitalistes encore peu habitués aux transactions financières et peu nombreux». Такія продѣлки называютъ низкими, подлыми, и мы назвали бы здѣсь имя лично-уважаемаго нами ученаго, еслибъ не знали навѣрное, что онъ попалъ въ этотъ просакъ невольно. Конечно, на другой же день во всѣхъ финансовыхъ журналахъ появилось объявленіе, гласящее, что «это неправда! русскія акціи имѣютъ одинъ типъ для Россіи какъ и за границею; свободно продаются тамъ и здѣсь, и проч.» Банкиръ и его инженеръ, пристыженные, принуждены были переиздать сказанную книгу *вторымъ изданіемъ* (попросту: оторвать заглавіе и перепечатать стр. 63), и вотъ чтó читаемъ мы въ этомъ второмъ изданіи на той же страницѣ: «Les banquiers, le baron Stiglitz en tête, ont couvert le 38 centièmes. Il ne sera crée qu'une seule et même espèce de titres: ceux-ci seront réabsorbés pas la Russie au fur et à mesure que les capitalistes s'habitueront aux opérations de ce genre».

Но пусть это письмо наше послужитъ полною лѣтописью всѣхъ курьёзныхъ нападокъ, которые встрѣтило рождающееся предпріятіе; мы покажемъ характеръ полемики, искаженіе фактовъ, измѣненіе цифръ относительно экономической стороны вопроса; не поименовывая журналовъ, чтó было бы долго, мы сдѣлаемъ общій очеркъ. Гарантированный процентъ простирается до пяти процентовъ; въ случаѣ, если компанія приметъ періодъ 85 лѣтъ только для погашенія акцій, учотъ (prelèvement) составитъ $\frac{8}{10}$; если 90 лѣтъ, то онъ будетъ 6 и $\frac{3}{10}$ проц., такъ—что акціонеры получать гарантіей болѣе 4 и $\frac{9}{10}$ проц. Противники наши могли бы справиться съ известными таблицами Виолена, которая въ эту минуту въ рукахъ всѣхъ, занимающихся серьезно вопросами о желѣзныхъ дорогахъ: они бы увидѣли, что цифра $\frac{1}{2}$ процента, которая по ихъ увѣренію, необходима для погашенія *вшестью болѣе, чѣмъ достаточно*. Увлеченные страстью попустить новое предпріятіе, господа противники наши, между которыми видимъ редакторовъ англійскихъ экономическихъ журналовъ, болшею частью уважаемыхъ, не замѣтили, что подлѣ цифръ невѣрныхъ и которые легко поправить для знающаго дѣла, они поставили другія цифры, приводящія къ заключеніямъ, противоположнымъ ихъ цѣли. Приведа цифру 273,650 фр. какъ километрическую стоимость сѣти, они очень—справедливо

замѣчаютъ, что большая часть европейскихъ дорогъ обошлась дешевле; но они не хотѣли прочесть со вниманіемъ документовъ, обнаруженныхъ компаніей въ ея «Notice», и не видѣли, что цифра 273,650, есть средняя изъ суммъ, установленныхъ для компаніи относительно общаго разсчета à forfait гарантій процентовъ; такъ что, если коллиметрическая стоимость упадетъ до 200,000 фр. (что весьма-вѣроятно для страны, подобной Россіи, гдѣ земля, трудъ, дерево и проч. несравненно-дешевлѣ другихъ), гарантированный процентъ сочтется по пяти процентовъ на 273,650 или, точнѣе, на 256,000, вычитая 92 милійона отданныхъ «работъ» варшавской линіи, и будетъ платиться собственно на 200,000, то-есть 6⁴/₁₀ проц. Цифра 273,650 можетъ и будетъ достигнута, но это по причинѣ огромнаго ожидаемаго движенія по линіямъ, которое потребуетъ обширный подвижный составъ, частыя встрѣчныя стрѣлки, огромныя товарныя станціи и двойной путь. Инженеры компаніи предпочли этимъ вычисленіямъ простое и гонятное всегдѣ благонамѣреннымъ людямъ заключеніе: «Il faut donc conclure (говорятъ они въ рапортѣ) que l'estimation de 273,650 fr. par kilomètre, adoptée par le traité, ne laisse aucune prise à un mécompte quelcon que pour la Compagnie et qu'au contraire, les économies qui pourront résulter laisseront à la Compagnie des ressources suffisantes pour qu'elle puisse donner à son entreprise tous les developpements et moyens de prospérité dont elle est susceptible».

Журналы, о которыхъ мы говоримъ, такъ жаждутъ отуманить общее мнѣніе, что не только готовы приводить ложныя аргументы, но и невѣрныя цифры; такъ они оцѣниваютъ въ 24,000 фр. сборъ австрійскихъ дорогъ, которыя, для двухъ большихъ линій Богеміи и Венгріи дали въ 1856 и 57 годахъ 30,400 и 32,500 фр. для первой и 36,400 и 34,400 для второй. Еслибъ они изучали сложное дѣло вопроса нашего вѣка хоть немного-пристально, не говоримъ уже специально, «инженерно», они бы должны были прибавить, что покуда венгерская дорога, противодействующая богемской, не достигнетъ центра Баната и Дуная, что совершится въ 1858 году, эти дороги будутъ еще ограничены въ своей дѣятельности, но чрезъ нѣсколько лѣтъ ихъ сборъ превзойдетъ 50,000 на километръ. Полемика беретъ аргументы изъ статистики прусскихъ сѣверныхъ дорогъ, изъ которыхъ инныя доставляютъ только 7 или 8,000 фр. и менѣе; но забываютъ или нарочно упускаютъ изъ виду, что если по справедливости эти дороги могутъ быть уподоблены русскимъ по удобству построенія, то отнюдь не тождественны съ ними по дѣятельности въ движеніи. Дѣло идетъ о построеніи главныхъ артерій имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ важныхъ въ торговомъ отношеніи; еслибъ полемика была искренна, она привела бы факты берлинно-бреславской, кѣльпской, вѣнской, триестской дорогъ, припомнила бы особенно, что Россія по преимуществу страна «отпуска» громоздкихъ продуктовъ и что желѣзныя дороги разорвуть этотъ элементъ дѣятельности до колоссальныхъ размѣровъ и позволятъ конкуренцію съ Союзными Штатами. Позволительно, пожалуй, «Siècle» и другимъ «политическимъ» листамъ, разсуждая вкривь и вкось о трудныхъ во-

просахъ науки, питать презрѣніе къ «матеріальнымъ вопросамъ»: это презрѣніе, конечно, легче на теоріи, чѣмъ на практикѣ; но что сказать объ англійскихъ экономическихъ французскихъ и нѣмецкихъ финансовыхъ журналахъ, изъ которыхъ многіе уважаются въ Россіи экономистами? Трудно допустить, что люди, столь-способные, столь-ученые и опытные, что большинство основателей новой компаніи и ученые инженеры, принимавшіе дѣятельное участіе въ построеніи желѣзныхъ дорогъ Англии, Франціи, Германіи, Швейцаріи, Америки, всѣми уважаемые инженеры провели мѣсяцы въ Россіи... для чего? чтобъ сдѣлать «плачевную аферу», какъ выражаются здѣсь журналы... Но, довольно! Мы рекомендуемъ интересующимся этой полемикой, между многими другими дѣльными отвѣтами, которые мы привели здѣсь въ краткомъ извлеченіи, четыре обширныя и дѣльныя статьи послѣднихъ номеровъ журнала Милло: *Journal des Actionnaires*» (№ 232, 233, 234 и 235 въ маѣ 1857).

ЭКС. И.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Воззванія кандидатовъ. — Робертъ Оуэнъ. — Тайна «мировой гармоніи». — Новые условія избранія. — Правительство въ Австраліи. — Честь воровъ. — Литературное варовство. — Сэръ Джонъ Боурингъ; его сочиненіе: сіамскія веревки; волшебное посвященіе. — Постановка Ричарда II. — Оригинальная мелодрама. — Сіамскій театръ. — Международный банкъ. — Промышленность и торговля шерстью. — Два слова о томъ, что занимаетъ Парижъ. — Вѣрская желѣзная дорога.

Газета «Times» предоставила одинъ изъ своихъ столбцовъ кандидатамъ Нижней Палаты, изъ которыхъ многіе, вмѣсто длинныхъ и многообъясняющихъ рѣчей, печатаютъ небольшія приготовительныя воззванія къ избирателямъ. Благодаря одному изъ такихъ воззваній, обнаружилось, что патриархъ *утоистовъ*, почтенный Робертъ Оуэнъ (Owen), существуетъ еще на свѣтѣ. Проживъ болѣе восьмидесяти лѣтъ, онъ рѣшается, наконецъ, сообщать свѣту тайну «мировой гармоніи», если, наименовавъ его членомъ Нижней Палаты, откроютъ ему трибуну, которую онъ считаетъ вполне-способною воспринять первое откровеніе этой тайны. Робертъ Оуэнъ желаетъ только, и весьма-справедливо, чтобъ его избрали *безъ всякихъ издержекъ и избирательныхъ хлопотъ съ его стороны*. Вотъ его воззваніе, выдающееся, по своей особенноти, изъ среды другихъ безцвѣтныхъ и монотонныхъ кандидатскихъ воззваній:

Т. СХІІ. — Стд. ІV.

9

Избирателямъ Великобританіи и Ирландіи, а въ особенности избирателямъ метрополи британскихъ владѣній.

«Господа!

«Насталъ кризисъ не только въ исторіи нашей націи, но и въ исторіи всѣхъ націй. Близокъ день, въ который, по непреложному закону природы, кончится навсегда тотъ неразвитый періодъ чело-вѣческой жизни, когда ложь, невѣдѣніе законовъ чело-вѣчества, бѣдность, несогласіа, войны и преступленія были необходимы и неизбѣжны. Скоро начнется новая жизнь, когда истинз, знаніе законовъ чело-вѣчества, изобиліе, единодушіе, миръ и добродѣтель будутъ всеобщими и постоянно-развивающимися, такъ-что при второмъ поколѣннн этой новой эпохи непрерывная гармонія востарится на землѣ и всѣ земные народы будутъ исключительно управляемы ду-хомъ благодсти, любви и мудрости.

«Узнать, какимъ образомъ эта пере-мѣна можетъ быть произве-дена на-дѣлѣ, спокойно и послѣдовательно, безъ личнаго кому бы то ни было вреда; найти средство призвать всѣхъ людей къ этому благу и возвести его до той степени, которую не могутъ постиг-нуть дурно-направленные и расположенные умы въ нашей обще-ственной системѣ, полной заблужденій, обмановъ, противорѣчій и страшныхъ неурядицъ—вотъ величайшая и драгоцѣннѣйшая тайна изъ всѣхъ, которыя когда-либо, со дня сотворенія чело-вѣка, были открыты, тайна тѣмъ болѣе драгоцѣнная, что она необходима для истинно-полезнаго примѣненія всѣхъ другихъ прежде-сдѣланныхъ открытій.

«Англійская Нижняя Палата болѣе всѣхъ другихъ мѣсть способна къ дѣйствительному воспріятію этой тайны.

«Поэтому, если избиратели метрополи, или всякое другое из-бирательное собраніе Великобританіи или Ирландіи захочетъ из-брать меня въ члены палаты, не вводя въ издержки и хлопоты, то я приму на себя эту обязанность и объясню эту тайну, вмѣстѣ съ средствами совершить преобразование путемъ самымъ выгоднымъ для всѣхъ націй, одновременно-цивилизованныхъ.

«Правда, когда соберется новый парламентъ, мнѣ исполнится ве-семьдесятъ-шесть лѣтъ; но Провидѣніе даровало мнѣ тѣлесную и духовную силу для совершенія этого подвига, и въ этомъ-то вижу я прямое доказательство того призванія, которое со дня моего ро-жденія таинственно предназначено мнѣ исполнить.

«Робертъ Оуэнъ.»

Свееп-Окс-Паркъ. 7 марта 1857.

Робертъ Оуэнъ является здѣсь какъ воскресшій пророкъ, потому-что уже нѣсколько лѣтъ не слышно было объ этомъ основателѣ секты гармоніи, который, по своей наивной честности, въ нашъ вѣкъ составляетъ рѣдкое исключеніе: чистосердечная восторжен-ность и возвышенность личныхъ стремленій лежать въ основа-

ни его великолѣпныхъ плановъ. Странное дѣло! Робертъ Оуэнъ началъ съ осуществленія нѣкоторыхъ изъ своихъ идей, невыходившихъ изъ предѣловъ опыта. Лѣтъ тридцать назадъ, въ Шотландіи существовало его знаменитое нью-ланаркское заведеніе — первый опытъ мануфактурной республики. Это заведеніе посѣщали тогда и короли, и принцы, и почтенныя духовныя особы. Въ первой молодости, женившись на дочери Дэля (Dale), изъ Глосгау, одного изъ своихъ предшественниковъ-филантроповъ, Робертъ Оуэнъ сначала ограничился полезными занятіями по управленію прядильною фабрикою своего тестя, и только мало-помалу сталъ приносить въ жертву элементъ промышленный элементу нравственному. Люди, связанные съ нимъ интересами промышленности, не предавая въ подобномъ направленіи существенныхъ выгодъ, которыя были имъ ближе къ сердцу, нежели общечеловѣческія цѣли, оставили, за извѣстное вознагражденіе, ему одному всю мануфактуру. Тогда Робертъ Оуэнъ, слѣдуя внушеніямъ одной филантропіи, быстро разорился и, по окончаніи расчетовъ, остался не болѣе какъ идеалогомъ: онъ всегда находилъ нѣсколькихъ учениковъ, но не основывалъ уже ничего серьезнаго. Самая важная, можетъ-быть, минута въ его жизни это та, когда, въ 1828 г., мексиканское правительство предложило ему предпринять въ большихъ размѣрахъ социалистскіе опыты на огромномъ пространствѣ отъ Мексиканскаго Залива до Тихаго Океана, на пространствѣ, въ которомъ заключалась и Калифорнія, неприсоединенная еще Соединеннымъ-Штатамъ. Такимъ-образомъ Робертъ Оуэнъ могъ сдѣлаться обладателемъ этой золотonosной страны, доставившей впоследствии Европѣ миллионы. Какіе блестящіе результаты могли выйти изъ опытовъ общественной гармоніи! Какой предстоилъ бюджетъ для основателя Гармоническаго Общества! Плохо услужилъ Роберту Оуэну тѣ духи, въ которыхъ онъ вѣритъ больше, нежели всему другому! У него бывають видѣнія; и даже самыя вертящіяся столы служили ему подтвержденіемъ его суевѣрнаго взгляда на вмѣшательство сверхъестественнаго міра въ дѣла человѣческія. И вотъ этотъ человѣкъ поручаетъ себя благосклонному вниманію прозаческихъ лондонскихъ избирателей въ такую минуту, когда Сити одобряетъ прекращеніе торговыхъ сношеній съ Китаемъ, отчасти потому, говорятъ, что огромные запасы чая, оставшіеся въ магазинахъ, воввысятъ цѣны и доставятъ спекуляторамъ нѣсколько миллионновъ.

— Нужно замѣтить, что, изъ числа кандидатовъ не одинъ Робертъ Оуэнъ находитъ смѣшнымъ брать на себя издержки по избранію, когда избраніе это призываетъ къ должности совершенно-бездомной и налагающей обязанность прежде всего хлопозать о дѣлахъ довѣрителей, въ ущербъ собственнымъ дѣламъ. Есть еще два три циркулара, въ которыхъ кандидаты объявляютъ напередъ, что ни за что не будутъ искать для себя голосовъ безъ предварительнаго ручательства, что послѣ выбора не представятъ имъ счетовъ отъ магазинщиковъ, трактирщиковъ и пр. Нѣкоторые «комитеты» составляются въ этомъ духѣ. Дѣлается, напримѣръ, подписка по

поводу слѣдующаго объявленія Вестертона, кандидата отъ Вестминстера. Вестертонъ согласенъ быть кандидатомъ по двухъ только условіяхъ: 1) чтобы ему представили списокъ избирателей въ такомъ числѣ, которое могло бы служить ручательствомъ за успѣхъ (списокъ долженъ быть подписанъ самими избирателями); 2) чтобы одѣлана была подписка, могущая обезпечить издержки, сопряженныя съ избраніемъ. Усиліями главнаго комитета первое условіе выполнено; затѣмъ составленъ финансовый комитетъ для удовлетворенія второму условію.

— Еще существуютъ комитеты, принявшіе на себя или защиту матеріальныхъ выгодъ отдѣльныхъ корпорацій, или преслѣдованіе идей нравственной или религіозной, комитеты, подчиняющіе этия выгоды или этой идеи всѣ другія условія, требуемыя отъ представителей народа. Напримѣръ, шабашисты приглашаютъ повѣсткой своихъ согражданъ требовать отъ кандидатовъ, чтобы они подавали голоса противъ всякаго проекта закона, открывающаго для народа по воскреснымъ днямъ *британскій Музей*, *Национальную Галерею*, *Кристаллыи Дворецъ* и пр. Эти кандидаты, если ихъ выберутъ, будутъ всими силами противиться дозволенію музыки по воскреснымъ днямъ въ паркахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, и хлопотать о закрытіи харчевенъ, спектаклей, танцевальныхъ собраній, а если можно, то и почтъ, конторъ желѣзныхъ дорогъ и пр.

— Избирательная боричка 1857 года, какъ ни умѣрена, она еще до сихъ поръ, показываетъ, однако, что есть еще живучесть въ этой представительной англійской системѣ, которую недавно ставили мы во что. Во всякомъ случаѣ, она воскресла бы въ настоящую минуту не только въ Канадѣ, но и въ Австраліи. По послѣднимъ новостямъ изъ Мельбурна можно судить, что она тамъ дѣйствуетъ во всей ея истинности, усовершенствованная сообразно условіямъ прогресса. Замѣчательнѣйшія лица двухъ собраній этой колоніи явились и въ числѣ ихъ два недавно—избранные президента, которые были торжественно представлены губернатору или вицегубернатору М. Артуру, и приняты имъ со всеми почестями, подобающими двойственному олицетворенію законодательнаго сословія. Самъ генералъ пользуется большой популярностью, именно потому, что никогда не мѣшается въ дѣла законодательства и въ-точности соблюдаетъ всѣ правила министерской ответственности. Отраднo видѣть конституціонное правительство, дѣйствующее такъ честно и добросовѣстно въ колоніи, которой, можетъ-быть, черезъ столѣтіе будетъ соперничествовать съ республикой Соединенныхъ-Штатовъ и которой первые элементы напоминаютъ происхождение древняго Рима, Рима, вскормленнаго въ волчьей берлогѣ и призывавшаго разбойниковъ вступать въ права гражданъ. Есть еще разбойники и въ Австраліи, но между ними существуетъ своего рода честь. Тѣ же газеты, которыя сообщаютъ о первыхъ дѣйствіяхъ австралійскаго законодательнаго сословія, раз-

сказывают также и о дѣйствіях тамошнихъ судебныхъ мѣстъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательнъ процессъ нѣкотораго Мальвилла, который былъ пойманъ въ воровствѣ лодочникомъ и, отстаивая свою свободу, имѣлъ несчастье убить его. Передъ судомъ онъ оправдывался самъ, негодуя на то, что его считаютъ убійцей, тогда-какъ ударъ его былъ вынужденъ необходимостью защиты, потому-что ему невозможно было иначе спастись. «Я воръ (сказалъ онъ), это такъ! но убійство, въ которомъ меня упрекаютъ, было бы подлостью, если дѣло было такъ, какъ его представляютъ. На подлость я не способенъ!»—«Для Австраліи, это хорошо сказано (прибавляетъ фельетонистъ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія); въ нашей старой Европѣ, также есть воры; пускай бы они имѣли хоть такую же гордость! Наши гостиные картуши, наши финансовыя разбойники, не что иное, какъ фаты, которые, когда поймаютъ ихъ на мѣстѣ преступленія, часто являются возмутительно-глупыми; съ драматической точки зрѣнія они должны безпрестанно бѣднѣть».

— Между-тѣмъ, на англійской сценѣ продолжаютъ изображать ихъ очень-рѣзко, и кака-нибудь пьеса, удачно-написанная и съигранная, имѣетъ въ глазахъ публики преимущество предъ другими подобными, потому именно, что въ отзывахъ о ней и въ афишкахъ сказано, что авторъ хотѣлъ представить нѣкоторыхъ изъ героевъ спекуляцій. Какая поразительная аналогія между ворами двухъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ Европы!

Пьеса, называющаяся на англійской сценѣ: *Плутовство и его жертва*, есть не что иное, какъ французская мелодрама театра *Ambigu*, дѣйствующія лица которой превратились въ англичанъ посредствомъ простой перемѣны именъ, потому-что въ англійской пьесѣ очень-легко узнается французская: *les Pauvres de Paris*. Бордоскій банкиръ превращенъ въ банкира ливерпульскаго, а когда онъ совершилъ свое плутовство, то переезжаетъ жить, вмѣсто Париза, въ Лондонъ. Его прежній сообщникъ, принужденный избрать родъ жизни, чтобъ не быть схваченнымъ на улицѣ за бродяжничество, не продаетъ зажигательныхъ спичекъ, но дѣлается ходячимъ продавцомъ бритвъ и собачьихъ ошейниковъ; физиономія, знакомая жителямъ Лондона. Уличныя сцены происходятъ не близъ церкви *Saint-Etienne-du-Mont*, а на лондонскомъ мосту. Критика замѣтила только одну неправдоподобность: англійскій авторъ, также, какъ и французскій, прибѣгъ къ угольному чаду, чтобъ задушить бѣдняковъ, несчастныхъ жертвъ банкирскаго плутовства. Нашли, что въ Лондонѣ не морятъ себя чадомъ. Нѣкоторые журналы протестовали противъ этого рода самоубійства... Есть столько другихъ родовъ! Нашли также черезчуръ-французскою, то-есть, черезчуръ-языческою окончательную фразу злаго мошенника, выдающаго своего сообщника: «Я не забываю ни благодѣяній, ни обидъ». Но этой фразы именно и нѣтъ въ оригиналѣ. Дѣло въ томъ, что переводъ пьесы не буквальный: англійскій авторъ дозволилъ себѣ нѣкоторыя отступленія отъ оригинала. Любопытно знать, помогутъ ли они ему пе-

передъ судомъ, куда пьеса представлена, какъ литературное воровство, оправдаться и доказать, что онъ законно усвоилъ себѣ произведение гг. Бризбаррз и Нью, на чтѣ международный трактатъ даетъ ему право.

— Этотъ вопросъ, впрочемъ, занимаетъ больше Парижъ, нежели Лондонъ, гдѣ, мало-по-малу, вопросъ избирательный поглощаетъ всѣ чумы. Ни театральные вору, ни вору дѣйствительной жизни, не возбуждаютъ вниманія публики съ той минуты, какъ поданы голоса противъ министерства. Только и разговоровъ, чтѣ о Китаѣ и о *casus belli*, вопросъ, поднятомъ сэромъ Джономъ Боурингомъ. Этотъ человекъ сдѣлалъ предметомъ всеневныхъ споровъ. Можетъ-быть, не всѣмъ извѣстно, что онъ прежде былъ литераторомъ, потомъ однимъ изъ ораторовъ, защищавшихъ свободную торговлю, а наконецъ былъ посланъ правительствомъ сначала въ Сіамъ, а потомъ въ Гонг-Конгъ, въ качествѣ генеральнаго консула. Кто бы могъ ожидать, что этотъ поэтъ, этотъ воспитанникъ Іереміа Бентама, этотъ собратья миролюбиваго Кобдена воспламенитъ факель войны? Сэръ Джонъ Боурингъ человекъ уже не первой молодости: онъ родился въ 1792 году. Его стихотворенія состоятъ преимущественно изъ подражаній всѣмъ европейскимъ литераторамъ, потому-что онъ величайшій лингвистъ: онъ знаетъ языки: русскій, всѣ славянскіе и германскіе, польскій, венгерскій, датскій, шведскій, эстонскій, голландскій, а также и южные: итальянскій, испанскій и португальскій; а что касается французскаго, то совершеннѣйшее знаніе этого языка показываетъ рѣчь, которую онъ произнесъ въ собраніи, бывшемъ по поводу вопроса о свободной торговлѣ въ Брюсселѣ, въ 1847 году. Нѣтъ сомнѣнія, что съ такими огромными способностями къ языкамъ, сэръ Джонъ Боурингъ очень-легко выучился бы и по-итальянски.

Недавно, очень-кстати, вышло въ свѣтъ его сочиненіе въ двухъ томахъ. Это разсказъ о пребываніи въ Сіамѣ. Онъ заключаетъ въ себѣ, между-прочимъ, довольно-длинную исторію посольствъ, бывшихъ до 1855 года, и также довольно-забавное описаніе приема, сдѣланнаго ему при двойномъ бангконкскомъ дворѣ. Извѣстно, что въ Сіамѣ два короля, которые царствуютъ въ одно и то же время въ добромъ согласіи, какъ классическіе цари древняго Лакедемона. Сэръ Джонъ Боурингъ, забывая, что и въ немъ нѣкогда сидѣлъ бѣсъ радикализма, съ восторгомъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ имѣлъ честь курить сигару съ двумя сіамскими королями и кушать вмѣстѣ съ ними варенье. Но онъ увѣряетъ своихъ прежнихъ друзей по *Westminster Review*, котораго онъ былъ главнымъ редакторомъ во времена Бентама, что онъ избѣжалъ рабскихъ привѣтствій, которыя сіамскіе государи привыкли принимать отъ всѣхъ приближающихся къ нимъ. Во время своего представленія, онъ постоянно ходилъ прямо, не сгибая спины, а свита его была съ обнаженнымъ оружіемъ. Поэтому можно думать, что гордый уполномоченный насколько не льститъ своимъ хозяевамъ, разсказывая, что сіамскіе ко-

роля показались ему людьми умными... и тотъ и другой! Они рекомендуются настоящему и будущему поколѣнiямъ подъ такими длинными именами, что нужно имѣть память полиглота, чтобъ запомнить и передать ихъ. Перваго сiамскаго короля зовутъ:

Фра-Бардъ-Сомдечъ-Фра-Параменди-Мага-Монкутъ-Фра - Хомъ - Кло-Хо-Ю-Гуа.

Второй король носитъ имя:

Фра-Бардъ-Сомдегъ-Фра-Парваренди-Рамези-Магисварирсъ-Фра-Пенъ-Ко-Хо-Ю-Гуа.

Первый, по словамъ сэра Джона Боуринга, подписывается на «Лондонскую *Иллюстрацію*» (London Illustrated news). Онъ ввелъ въ употребленіе въ Бангкокѣ каминны и стальныя перья. Но второй король, по мнѣнію сэра Джона, выше перваго, потому-что онъ большой любитель европейскихкихъ знаній и старается о распространеніи ихъ. Онъ музыкантъ и литераторъ. Вотъ очеркъ одной аллегоріи его сочиненія.

«Два человѣка отправляются изъ страны необразованной, неся на плечахъ разныя грубыя мѣстныя произведенія. Пришли они въ страну, гдѣ воздѣлываютъ хлопчатую бумагу, и одинъ изъ нихъ вымѣнялъ на вязанку прутьевъ кусокъ каленкору, а другой остался при своей ношѣ. Приходятъ они потомъ въ страну, гдѣ растетъ шелковица; первый на кусокъ каленкору вымѣнялъ кусокъ богатой шелковой матеріи; дальше, на кусокъ шелковой матеріи онъ вымѣнялъ вѣскольکو драгоцѣнныхъ камней и кончилъ свое путешествіе, сдѣлавшись мало-по-малу богачомъ; а спутникъ его продолжалъ упрямо таскать на плечахъ свою тяжелую и почти-безполезную ношу. Первый человѣкъ — наука; второй — невѣжество». Дѣйствительно, сэръ Джонъ Боурингъ правъ: сiамскіе короли умные люди. Удивительно ли, послѣ этого, что они такъ хорошо приняли такого ученаго, какъ уполномоченный королевы Викторіи? Чтобъ лучше доказать ему свое уваженіе, они не хотѣли его отпустить, не дозволивъ ему прежде посѣтить бѣлыхъ слоновъ и не предложивъ ему клочка волосъ этихъ священнѣйшихъ животныхъ. Такимъ образомъ сэръ Джонъ отправился изъ Сіама въ восторгѣ отъ своего посольства. Подозрѣваютъ даже, что онъ зачерпнулъ тамъ нѣкоторую дозу самолюбія, которая могла имѣть вліяніе на сношеніе съ комиссаромъ Те, который, можетъ-быть, не оказалъ, въ забывчивости, должныхъ знаковъ почтенія такому человѣку, который удостоился получить отъ сiамскихъ королей клочекъ слоновыхъ волосъ. Чинъ чина почитай, какъ говорить пословица.

Можетъ прійти въ голову, что въ обществѣ бонзовъ бентамисть Боурингъ, преобразованный англійской королевой въ кавалера (knight), королемъ сiамскимъ былъ преобразованъ въ мандарина, потому-что ему именно, королю сiамскому, а не лорду Пальмерстону или своей королевѣ, посвятилъ сэръ Джонъ свои два тома въ слѣдующихъ выраженіяхъ, напечатанныхъ заглавными буквами:

Его Величеству
 Фра-Бардъ-Сомдечъ-Фра-Параменди-Мага
 Монкутъ-Фра-Хомъ-Кло-Хо-Ю-Гуа,
 Первому королю Сіама,
 сн книги

съ почтительнѣйшею признательностію
 посвящаетъ

тотъ, который видѣлъ въ его величествѣ рѣдкій и слав-
 ный примѣръ счастливой привязанности къ литературнымъ заня-
 тіямъ и изученію философіи

западныхъ народовъ;

тотъ, который чувствуетъ себя удостоеннымъ
 довѣренности и милостиваго вниманія

Его Величества,

и который улаживаетъ себя надеждою, что
 распространеніе торговыхъ и
 общественныхъ сношеній
 прибавитъ

въ Сіамскомъ Королевствѣ
 къ успѣхамъ общественной жизни
 благосостояніе и дружбу
 образованнаго міра.

БОУРИНГЪ.

*Правительственный Домъ въ Гонг-Конгъ,
 Августъ 1856.*

— Хотя г. Лумлей очень-щедръ какъ на постановку пьесъ, такъ и на пѣвицъ и танцовщицъ, но все-таки ему будетъ трудно превзойти новую постановку шекспирова *Ричарда II-го* на Театрѣ Принцессы. Чарльсъ Кинъ, директоръ этого театра, еще разъ воскресилъ въ этой постановкѣ цѣлое царствование съ неслыханной роскошью. Изъ шекспировскихъ произведеній настоящая пьеса, по богатству патетическаго элемента, всего менѣе нуждается въ богатой обстановкѣ. Несмотря на то, Кинъ, рискуя наружнымъ великолѣпіемъ подавить *драму* въ истинномъ ея смыслѣ, залилъ золотомъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ.

— Еще два слова объ англійскомъ театрѣ. Въ Геймаркетѣ дають пьесу, которая оправдываетъ на дѣлѣ очевидно-справедливое мнѣніе тѣхъ, кто полагаетъ, что англійскіе писатели, по части мелодрамы, напрасно переводятъ или берутъ за образцы избранныя произведе-нія съ французскихъ театровъ *Gatté* и *Ambigu*, тогда-какъ, при свободѣ ихъ національной сцены, они могли бы изъ своихъ собственныхъ источниковъ извлечь, напримѣръ, *десять лѣтъ изъ жизни одного семейства*, какъ это сдѣлалъ теперь Бейль-Бернаръ (Bayle-Bernard). Можетъ-быть, эта мелодрама не оригинальнѣе многихъ другихъ, но по-крайней-мѣрѣ въ ней французскаго или нѣмецкаго элемента не бросается въ глаза. Здѣсь происходитъ также вѣчзап

борьба между честнымъ человѣкомъ и негодяемъ: соперничество двойное, потому—что негодяю предстоить отнять у противника достояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ невѣсту. Сначала онъ успѣваетъ, а потомъ, въ свою очередь, самъ лишается всего достоянія, принужденъ уѣхать въ Америку и считается умершимъ. Но негодяи могутъ произвольно умирать по два раза. Поэтому онъ возвращается черезъ семь лѣтъ, переодѣтый въ лохмотья, и опять начинаетъ подрываться подъ благосостояніе ближняго. Въ этотъ разъ, однако, онъ такъ дурно распорядился, что попадаетъ въ руки полиціи, избивается и въ ту минуту, когда его хотятъ повѣсить, проглатываетъ пилюлю съ ядомъ, которую на крайній случай носилъ въ карманѣ жилета. Пилюля проглочена была съ ловкостью фокусника, но публика никакъ не могла переварить ее. Аплодисменты сопровождали всѣ сцены, исключая послѣдней. Англійская публика, которая, читая приговоры полиціи и ассизныхъ судовъ, утѣшается этимъ, возмутилась тѣмъ, что мошенникъ Гейрмакетскаго Театра осмѣлился вернуться отъ правосудія, какъ Митридатъ отъ мщенія римлянъ. Она засвистала. Авторъ принужденъ былъ передѣлать развязку. Вотъ черта мѣстныхъ нравовъ: вмѣшательство публики въ дѣла драматическаго правосудія!

— Говоря о произведеніи сэра Боуринга, нельзя не упомянуть, что произведеніе это заключаетъ въ себѣ разборъ сіамской пьесы. Судя, по тѣмъ обращикамъ, которые онъ изъ нея приводитъ, и по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ сообщаетъ о сіамскомъ театрѣ вообще, должно заключить, что Шекспиръ этого народа еще далеко не родился. Всѣ драматическіе артисты у нихъ женскаго пола; роли молодыхъ исполняются дѣвушками, а пожилыя женщины играютъ воинновъ, жрецовъ и обезьянъ. Обезьяна, повидимому, одно изъ любимыхъ дѣйствующихъ лицъ сіамскаго театра. Въ пьесѣ, которая входила въ составъ блистательнаго представленія, даннаго въ честь сэра Джона Боуринга, большая обезьяна, обезьяна—чудовище царствуетъ въ лѣсу, куда приходятъ гулять дамы высшаго общества. Обезьяна похищаетъ одну изъ нихъ, покусившись сначала не на одну, а на цѣлую полдюжину, потому—что сіамцы, допуская въ семейномъ быту многоженство, предполагаютъ и въ обезьянахъ такія же наклонности. Къ—счастью похищенной дамы, жрецъ, храмъ котораго былъ у опушки лѣса, является на помощь и освобождаетъ ее. Сколько сэръ Джонъ могъ понять изъ происходившаго на сценѣ, что очень—нетрудно, потому—что сіамскія пьесы—пантомимы, пьесы больше для глазъ, нежели для ушей, похищенная и освобожденная дама отправляется ко двору. Король и королева отличались преимущественно ногтями. Длинные ногти украшаютъ въ Сіамѣ всѣ королевскія и аристократическія руки; ногти отрастаютъ тамъ съ чрезвычайной заботливостью; а у кого ихъ нѣтъ, тѣ прикрѣпляютъ къ концамъ пальцевъ поддѣльные. Унасъ—поддѣльные зубы, а у сіамцевъ поддѣльные ногти. Пьеса оканчивается кавалькадой, вереницей слоновъ и сраженіемъ. Кромѣ праздника Будды, сэръ Джонъ

чимъ еще удовольствіе видѣть сцену бани, подробностей которой не описываетъ. Въ другомъ мѣстѣ сэръ Джонъ говоритъ, что наложницы играютъ важную роль въ сіамскихъ драмахъ... *Demi-monde* парижскихъ театровъ не заимствованы ли отъ сіамцевъ? Дѣло въ томъ, что сіамскіе писатели стоятъ ниже писателей китайскихъ, и потому китайская драма наводнила сіамскіе театры. Китайскія пьесы вводятся, конечно, съ помощью китайскихъ же артистовъ, которые тамъ очень нравятся. И трудно было бы допустить молодыхъ дѣвушекъ исполнять эти привозныя пьесы, которыя безнравственны часто до отвратительности: это—наглая смѣсь дракъ и кривляній, всевозможныхъ фиглярствъ и грязныхъ интригъ.

— Мы уже говорили о проектѣ *Международнаго Банка*. Вотъ еще нѣсколько словъ объ этомъ предпріятіи, касающемся собственно интересовъ Франціи и Англій, въ которой возникла первая мысль о немъ, въ іюль 1855 года. По извѣстіямъ изъ Лондона, цѣль этого банка состоитъ въ томъ, чтобъ основать между Франціею и Англіею постоянныя взаимныя кредитныя отношенія, такъ, чтобъ, напримѣръ, въ Англій легко можно было сдѣлать заемъ на акціи большихъ французскихъ промышленныхъ компаній, не прибѣгая къ продажѣ этихъ акцій въ случаѣ необходимости имѣть наличныя деньги. Для этого Международный Банкъ установилъ бы въ Лондонѣ торгъовые билеты съ короткимъ срокомъ на Парижъ, билеты, которые въ минуты кризиса обыкновенно дѣлаются весьма-рѣдки. Во Франціи Международный Банкъ учредилъ бы англійскую систему такъ-называемыхъ *cheques*, которая избавляетъ капиталистовъ отъ необходимости имѣть наличныя деньги при себѣ, такъ-какъ сохранныя банки могутъ при этомъ производить непрерывный оборотъ текущаго капитала въ пользу торговли и промышленности. Во Франціи еще не установился кредитъ на товары, то-есть ссуда подъ залогъ складочныхъ мѣстъ и доковъ, за умѣренный процентъ, какъ въ Англій, гдѣ постоянно даютъ подъ эти залого, за полпроцента выше того, что беретъ Англійскій Банкъ, тогда-какъ во Франціи складная, напримѣръ, на складочный магазинъ въ Марѣ не имѣетъ никакой цѣнности въ рукахъ предъавителя. Капиталъ въ сто-двадцать милліоновъ былъ бы достаточенъ для основанія новаго банка, который, учреждая акціи въ пять тысячъ франковъ, какъ кажется, не рассчитываетъ на мелкихъ промышленниковъ.

— Чтобъ дать понятіе о важности и постепенномъ развитіи шерстяной промышленности въ Англій, довольно сказать, что въ 1849 году, по официальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, тамъ было 1306 фабрикъ шерстяныхъ тканей и 493 фабрики шерстянаго вѣзанья. Эти фабрики занимали 150,000 рабочихъ и косвенно пропитывали 500,000 человекъ. Послѣ того цифры эти еще возрасли.

Англійскіе скотопромышленники и люди, ведущіе въ большихъ размѣрахъ торговлю шерстью, имѣютъ одинаковую причину желать знать съ точностью количество внутренней производительности и

количество ежегоднаго привоза въ Соединенное Королевство какъ изъ чужихъ земель, такъ и изъ англійткихъ колоній.

Оттого ли, что торговля другихъ государствъ соперничаетъ съ торговлею Англїи даже на самыхъ рынкахъ въ колонїи (извѣстно, что Франція и Сѣверо-Американскїе Штаты недавно пытались завести непосредственную мѣну въ своихъ портахъ), оттого ли, что континентъ поглощаетъ слишкомъ большое количество шерсти, отъ другой ли какой причины, какъ бы то ни было, но въ послѣдніе два года, сравнительно съ прежними годами, ввозъ въ Англїю шерсти значительно уменьшился. Туда ввезено изъ другихъ государствъ и колоній:

Въ 1853 году	119,396,449	фунт.
— 1854 —	106,121,995	—
— 1855 —	99,300,446	—
— 1856 — (въ 10 первые мѣсяцы)	95,458,521	—

Во всякомъ случаѣ, въ 1854 и 1855 годахъ вывозъ невытой шерсти былъ весьма-значителенъ, такъ-что составлялъ болѣе нежели двойную пропорцію противъ предшествовавшихъ годовъ. Объяснить это увеличеніе вывоза можно только усиленіемъ внутренней производительности; но все-таки слѣдуетъ предположить, что для мѣстныхъ мануфактуръ употребляется менѣе того количества, какое вывозится въ сыромъ матеріалѣ. Какъ-бы то ни было, но намъ достаточно будетъ сказать, что пока Англїя старалась брать все болѣе и болѣе матеріаловъ изъ своихъ колоній; она въ то же время все менѣе и менѣе требовала ихъ изъ другихъ государствъ.

Люди, близко-знакомые съ торговлею шерстью, назадъ немного лѣтъ, считали внутреннюю производительность Англїи въ 32,000,000 мытыхъ рунъ, каждое среднїя вѣсомъ въ 4 фунта, и справедливость этого счета подтверждаютъ всѣ опытные промышленники. Вѣроятно, что это настоящее количество сбора, хотя другіе считаютъ больше.

На шерстяныхъ ярмаркахъ, которыя бывають въ Германїи въ срединѣ лѣта, свозъ былъ, повидимому, слабый, и если кто умѣлъ придержаться, въ надеждѣ получить высшую цѣну, болѣею частью продавалъ съ барышомъ, превосходящимъ барыши предъидущихъ годовъ. Это показываетъ, что Германїя, вмѣсто того, чтобъ посылать свою шерсть продавать на лондонскій рынокъ, болѣшую часть ея употребляетъ на собственныя мануфактуры.

Франція, Бельгія и рейнскія провинціи въ настоящее время ежедневно покупають отъ 70,000 до 80,000 тюковъ колонїальной шерсти. Что касается Соединенныхъ Штатовъ, то они еще долго будутъ ввозить къ себѣ шерсть. Имъ каждый годъ необходимо, для удовлетворенія внутреннихъ нуждъ, до 150 милїионовъ фунтовъ. Между-тѣмъ они производятъ только едва третью часть этого количества; а постепенное увеличеніе народонаселенія требуетъ въ годъ до милїиона рунъ, потому-что, по расчету, нужна шерсть съ двухъ барановъ, чтобъ одѣть одного человѣка. Въ Соединенныхъ Штатахъ

до 25 миллионовъ головъ овецъ. Сравнивъ количество овецъ и состояніе народонаселенія въ главнѣйшихъ государствахъ, мы можемъ составить вѣрное понятіе о различныхъ степеняхъ шерстяной промышленности и о томъ, сколько каждое государство можетъ оставлять шерсти для внутренняго употребленія и сколько вывозить. Слѣдующая таблица покажетъ результатъ такого сравненія:

	населеніе	овцы
Франція	36,000,000	40,000,000
Австрія	36,000,000	38,000,000
Соединенное Королевство	29,000,000	35,000,000
Россія	60,000,000	39,000,000
Испанія	18,000,000	18,000,000
Пруссія	17,000,000	16,500,000
Европейская Турція	15,500,000	14,500,000
Швеція и Данія	5,500,000	3,000,000
Финляндія и Норвегія	3,000,000	2,500,000
Австралія	1,000,000	15,000,000
Соединенные Штаты	25,000,000	25,000,000

Эти цифры взяты изъ новѣйшихъ источниковъ и достаточны для сравненія. Что касается количества овецъ въ государствахъ, составляющихъ *Цольферейнъ*, тамъ считаютъ ихъ не болѣе 23,000,000 головъ.

Распространеніе шерстяной производительности въ колоніи на Мысъ Деброй Надежды — дѣло почти невѣроятное и, такъ-сказать, безпримѣрное въ исторіи всѣхъ возможныхъ колоній. Въ 1846 году восточная провинція Мыса вывезла шерсти 728,765 фунтовъ, на 30,762 ф. ст.; въ 1855 году вывозъ изъ этой провинціи простирался до 34,395 тюковъ, всѣмъ въ 10,155,870 фунт., цѣною на 523,855 ф. ст. Эти данныя показываютъ, что въ десять лѣтъ страна сдѣлала такіе успѣхи въ скотоводствѣ, которые можно поставить выше успѣховъ, сдѣланныхъ золотonosными странами, и эти успѣхи сдѣланы такъ тихо, съ такимъ малымъ рискомъ, что, кажется, не колеблясь, должно было всякому предпочесть эти благодатныя пастбища другимъ странамъ, гдѣ люди могутъ надѣяться получить иногда очень-много, но гдѣ и теряютъ иногда очень-много.

Голландскія колоніи, основанныя во внутреннихъ земляхъ, высылаютъ въ настоящее время чрезъ Портъ Елизаветы и Портъ Наталь огромныя количества шерсти. Эти страны, покрытыя обширными пастбищами и богатыми лугами, на которыхъ въ изобиліи встрѣчаются солончаки, удивительно способствуютъ растительности шерсти, которая тамъ отличается превосходными качествами: тонкостью, длиною, а также крѣпостью и эластичностью.

На берегу Оранской Рѣки овецъ считается въ настоящее время до 750,000. Кромѣ этого, тамъ еще много особаго рода барановъ съ жирными хвостами, и жители разводятъ ихъ сколько для жира изъ этихъ хвостовъ, столько же для шкуръ, изъ которыхъ дѣлаютъ

сидятъ, крыши на юбчонки и верхнее платье. Поэтому они предпочитаютъ изъ тонкоруннымъ овцамъ.

Данныя относительно производительности шерсти во всѣхъ этихъ австралийскихъ колоніяхъ за 1856 годъ еще неполны. Известно только, что въ первые девять мѣсяцевъ этого года получено съ Мыса 33,779 тюковъ (въ тотъ же періодъ 1855 года получено 25,074 тюка).

Если теперь обратимся къ колоніямъ австралийскимъ, которымъ, кажется, назначено еще долгое время доставлять Англии главнѣйшій запасъ шерсти, насъ поразитъ необычайная быстрота, съ которою развивается тамъ производительность этого матеріала. Введеніе въ употребленіе пароходовъ, доставившихъ внутреннимъ землямъ удобное сообщеніе съ моремъ, а также распространеніе желѣзныхъ дорогъ могутъ только облегчить этимъ странамъ передвиженіе и отправку ихъ шерсти.

Въ Викторіи считается теперь 6,500,000 овецъ. Особенная заботливость, съ которою занимается принятіемъ къ себѣ новыхъ поселенцевъ эта колонія, ассигновавшая значительныя суммы какъ на отправку агентовъ въ другія государства, такъ и на пособіе переселенцамъ, можетъ только увеличить ея земледѣльческое населеніе и вмѣстѣ съ нимъ тонкорунныя стада до огромныхъ размѣровъ. Чтобы дать понятіе, что можетъ доставить Викторія, достаточно вспомнить цифру полученнаго отсюда матеріала въ послѣднія десять лѣтъ. Въ 1845 году цифра эта составляла 6,811,813 ф.; въ 1850 году 18,091,207 ф.; въ 1855 году цифра возвысилась до 23,000,000 фунтовъ.

Другія южныя колоніи, какъ-то: Новая Зеландія, Вандименова-Земля и другія дѣлаютъ также чудеса въ производствѣ шерсти, а недавнія изслѣдованія Грегори, который открылъ въ Сѣверной Австраліи богатая и обширная пастбища, должны обогатить округъ Моретокскаго Залива, который также будетъ имѣть возможность откармливать огромныя стада.

— Пьеса Юшара «Фіаммина» имѣетъ огромный успѣхъ, успѣхъ, какого нельзя было ожидать по первому представленію, о которомъ мы говорили въ прошедшемъ мѣсяцѣ, основываясь на отзывѣхъ фельетонистовъ: настоящая причина необыкновеннаго успѣха нѣкоторыхъ французскихъ пьесъ остается, повидимому, тайною даже для парижскихъ фельетонистовъ! Известно только, что причина эта мало имѣетъ общаго съ художественными достоинствами успѣвающихъ пьесъ... Но не въ томъ дѣло: за неизвѣстнѣе болѣе-крупныхъ событій, мы расскажемъ случай изъ закулисной жизни Французскаго Театра. Случай этотъ—событіе весьма-обыкновенное, но потому-то именно онъ и замѣчательнъ. Условія существованія драматическихъ артистовъ Богъ-знаетъ съ какого уже времени вездѣ одинаковы, несмотря на то, что значеніе того поприща, на которомъ они подвизаются, театра, весьма-различны. Между значеніемъ какого-нибудь провинціального театра и Французскаго Театра въ Парижѣ

огромная разница, а между-тѣмъ въ жизни первоклассныхъ артистовъ этой первостепенной европейской сцены совершаются событія, какъ будто-бы взятая изъ нашего *оригинальнаго* водевиля «Левъ Гурычъ Синичкинъ». Можетъ-быть, впрочемъ, это оттого, что сцены изъ закулисной жизни берутся не столько изъ дѣйствительности, сколько изъ сферы, созданной воображеніемъ по нѣсколькимъ типамъ, давно-устарѣвшимъ, но освященныхъ временемъ и потому неприкосновеннымъ...

Разсказывая настоящій *случай*, мы сохранимъ форму подлинника—*немодражаемую* форму парижскаго «Эльтона», изъ котораго заимствуемъ его. Итакъ:

...«Фіаммина продолжаетъ свое торжественное теченіе. Вдругъ разносится слухъ: представленіе должно остановиться—и когда же? въ самомъ разгарѣ успѣха. Это бѣдствіе, разореніе!

«Фіаммина, m-lle Жюдитъ, эта умная актриса, у которой взгляды такъ живы и въ то же время такъ нѣженъ, которая умѣетъ такъ хорошо говорить, такъ прекрасно плакать, такъ вѣрно смѣяться, у которой есть и сердце, и усердіе, и самолюбіе, объявляетъ, что она устала, больна; она хочетъ отдохнуть хоть немножко: прекратить представленіе хоть недѣли на двѣ.

«Есть ли возможность прекратить представленія пьесы, которая даетъ огромнѣйшій сборъ? Въ-теченіе мѣсяца «Фіаммина» принесла дирекціи 100,000 франковъ — сумма, какой не выручалъ Французскій-Театръ съ октября 1855 года (время всемірной выставки): въ этомъ мѣсяцѣ сборъ простирался до 120,000 фр.

Глава m-lle Жюдитъ возбудила безпокойство: m-lle Натали поручено разучивать ея роль. Несмотря на это, она продолжала просить объ отпускѣ, двухъ недѣль отдыха. Еслибъ ей предложили хоть какое-нибудь вознагражденіе; но ничуть не бывало: ей отказываютъ, показываютъ видъ, что не понимаютъ ея желанія. Вдругъ она объявляетъ, что на слѣдующій же день оставляетъ сцену. Въ тотъ же день видитъ она въ фойе актѣровъ слѣдующее объявленіе: *застрепетиція Фіаммины*. Эта угроза приводитъ m-lle Жюдитъ въ нѣкоторое безпокойство; она справляется и узнаетъ, что m-lle Натали сдѣлалась дурно, когда ей сказали, что она должна играть роль Фіаммины, и объявила, что никогда не будетъ готова. Извѣстіе это успокоиваетъ встревоженную артистку: помучить директора и поставить соперницу въ фальшивое положеніе — двойное удовольствіе.

Директоръ приходитъ въ фойе и проситъ m-lle Жюдитъ сказать рѣшительно, будетъ ли она играть завтра: это необходимо знать для афишъ.

— Рѣшительно не буду, отвѣчаетъ m-lle Жюдитъ.—Я бы и хотѣла, да не могу: я просто умираю.

M-lle Натали, напротивъ, объявляетъ, что можетъ играть недоступную для нея роль завтра же. Афиши печатаются и вмѣсто имени m-lle Жюдитъ является имя m-lle Натали. На другой день поутру, директоръ посылаетъ къ m-lle Жюдитъ спросить ее въ по-

слѣдній разъ, намѣрена ли она играть или нѣтъ. Ея нѣтъ дома и неизвѣстно гдѣ она.

Афиши выставляются. Но когда наступилъ вечеръ и m-lle Жюдитъ увидѣла афиши, страхъ началъ овладѣвать ею. Уже-ли, въ-самомъ-дѣлѣ, могли обойтись безъ нея? Какимъ образомъ въ одинъ день m-lle Натали могла выучить роль? По-мѣрѣ-того, какъ приближается часъ спектакля, m-lle Жюдитъ беспокоится все болѣе-и-болѣе. Наконецъ, она не выдерживаетъ: прїѣзжаетъ въ театръ, бросается въ свою комнату, одѣвается и являеся въ фойе въ одно время съ m-lle Натали.

Появленіе двухъ Фіамминъ произвело глубокое впечатлѣніе; поспѣшили предупредить директора.

— Вы не можете играть сегодня, говоритъ директоръ: — вашу роль играетъ m-lle Натали.

— Эта роль принадлежитъ мнѣ: она отдана мнѣ авторомъ, я содала ее и не потерплю, чтобъ ее играла другая.

— Зачѣмъ же вы отказались играть сегодня?

— Я больна, но жертвую собой. Я буду играть.

— Это невозможно.

— А вотъ мы это увидимъ.

Между-тѣмъ наступила минута, когда Фіаммина должна выйти на сцену. Режиссёръ зоветъ Натали. M-lle Жюдитъ бросается къ выходу. Еще минута — и предъ глазами публики явились бы двѣ Фіамминны, но, къ-счастью, полицейскій комиссаръ, за которымъ послалъ директоръ, подоспѣлъ во-время: передъ нимъ m-lle Жюдитъ должна была уступить, уступить съ яростью въ груди, но все-таки уступить... M-lle Натали играла роль Фіаммины.

На другой день m-lle Жюдитъ, разобиженная, но совершенно-выздоровѣвшая, хотѣла начать играть свою роль.

— Нельзя, отвѣчалъ непреклонный директоръ сердитымъ голосомъ: — я знаю ваше усердіе, но не хочу злоупотреблять имъ. Пусть ваша болѣзнь идетъ своимъ порядкомъ, пусть продолжается недѣли двѣ: вамъ нужно отдохнуть. M-lle Натали будетъ играть вашу роль въ продолженіе двухъ недѣль, а вы въ это время соберитесь съ силами.

— Вотъ еще одинъ случай, о которомъ парижскія газеты сочли нужнымъ поговорить съ большимъ или мѣньшимъ чувствомъ и который, слѣдовательно, обратилъ на себя вниманіе парижской публики. Подобные случаи становятся рѣдки и потому заслуживаютъ вниманія: это послѣднія вспышки угасающаго свѣтильника. Мы занимаемъ его изъ газеты, гдѣ онъ разсказанъ наиболѣе-эффективнымъ образомъ:

«Множество экипажей тѣснилось у входа въ Кармелитскій Монастырь: двѣсти или триста особъ, принадлежащихъ болѣею-частью къ самому высшему обществу, были приглашены присутствовать при постриженіи дѣвицы Біанки де-Б*. Имя, высокое положеніе въ обществѣ, огромное состояніе и красота молодой особы, навсегда-прощавшейся съ свѣтомъ и заключающейся въ монастырь, придавали

потрясающий интерес этой церемонии: она оставила глубокое впечатление въ душѣ всѣхъ присутствовавшихъ.

«Въ назначенный часъ приглашенные наполнили церковь. Дверь, ведущая во внутренность монастыря, отворилась, и молодая дѣвушка вошла, подѣ-руки съ однимъ изъ своихъ родественникововъ. Видъ этой дѣвушки, одаренной всею прелестью молодости и совершенной красоты, замѣтно поразилъ присутствовавшихъ. Она была одѣта въ изящный и богатый подвѣнечный нарядъ: бѣлое атласное платье, отделанное кружевами, букетъ цвѣтовъ, длинная вуаль. Ей только девятнадцать лѣтъ. Она вступаетъ въ монастырь по вѣченію, котораго ничто не могло побѣдить и которое почувствовала она съ того дня, когда въ первый разъ причастилась. У нея огромное состояніе, и въ свѣтъ, безъ всякаго сомнѣнія, ее ожидала блестящая будущность. Когда она съѣла на предназначенное ей мѣсто, священникъ произнесъ приличную настоящему случаю рѣчь. Немного нужно краснорѣчія, чтобъ дать почувствовать слушателямъ все величіе и торжественность подобной минуты: проповѣдь показалась очень-краснорѣчивою. По окончаніи проповѣди молодая дѣвушка встала и вышла изъ церкви. Рѣшетка, задернутая занавѣсомъ, раздѣляетъ церковь на двѣ части: одна, наружная, предназначена для публики; другая, прилегающая къ монастырю, исключительно назначена для монахинь. Когда занавѣсъ поднялся, дѣвица Б* стояла за рѣшеткой, на колыняхъ. На ней было еще мірское платье. Священникъ подошелъ и спросилъ ее, остается ли она при прежнемъ своемъ намѣреніи произнести обѣтъ. Она отвѣчала: «да», громкимъ и звучнымъ голосомъ. Тогда монахиня, стоявшая позади, подвела руку надъ ея головой, сняла вѣнокъ, покрывало, развязала длинную черную косу и обрѣзала великолѣпные волосы, украшавшіе молодую дѣвушку. Поистинно, какое грустное впечатлѣніе должна была произвести эта жертва на присутствовавшихъ. Дѣвица В* снова вышла и появилась уже въ платьѣ кармелитокъ. Она опустила на церковныя плиты, на нее набросили погребальный покровъ, священникъ началъ читать молитвы по усопшимъ, занавѣсъ задернулся при словахъ: *De profundis*, и толпа разошлась тихо и печально.

— Офиціальныя отчеты Парижа представляютъ любопытныя цифры издержекъ на украшеніе столицы въ-теченіе пяти лѣтъ съ 1851 года. Однѣ городскія издержки простираются до 65,950,000 фр. Въ томъ числѣ, на устройство рынковъ 24,761,000 фр. Издержки же съ участіемъ казны простираются до 126,120,000 фр. Одна улица Риволи обошлась въ 81,563,000, на отдѣлку залы для празднествъ въ Ратушѣ и ея меблировку употреблено 2,067,000 фр., на церкви и приходы нѣсколькими тысячами франковъ болѣе.

— Несмотря на огромнѣйшія работы, совершенныя въ послѣдніе годы для украшенія Парижа, ему недоставало ипподрома. Марсово Поле, гдѣ происходилъ лошадиный бѣгъ, представляло большія неудобства, съ которыми мирились, не находя болѣе-удобнаго мѣста

въ окрестностяхъ Парижа. Теперь Парижъ можетъ соперничествовать въ этомъ отношеніи съ Англіею, Между Сеною и Булонскимъ Лѣсомъ устроенъ новый лошадиный бѣгъ; старая мельница (de la Galette), великолѣпное имѣніе Ротшильда и булонская деревня ограиваютъ его съ другихъ сторонъ.

Съ амфитеатра, выстроеннаго для помѣщенія зрителей, видны: прямо, *искусственный* каскадъ, устроенный у опушки лѣса; налѣво, вышеозначенная мельница, подправленная и отдѣланная за-ново, подъ старую, такъ-что она положе болѣе на живописную декорацию изъ герады, чѣмъ на хозяйственное заведеніе; направо, паркъ и замокъ Ротшильда, а сзади длинныя развѣтвленія Сены, вытекающей изъ-подъ моста Сент-Клу и теряющейся между островками; наконецъ, на другую сторону рѣки, какъ-будто бы на послѣднемъ планѣ великолѣпнаго пейзажа, Валерьянская Гора, Сент-Клу, Бельвю, Медонъ. съ ихъ великолѣпными дачами.

Это мѣсто уступлено Обществу-Поощренія городомъ на пятьдесятъ лѣтъ, съ условіемъ устроить мѣста для зрителей, по сметѣ въ 300,000 фр.

— Читателямъ, вѣроятно, изъ газетъ уже извѣстно, что давно-желанная и въ проектѣ существующая желѣзная дорога, утверждена, наконецъ за англійской компаніею. Дорога должна прорѣзать Азіатскую Турцію отъ Средиземнаго Моря до Персидскаго Залива, черезъ Евфратскую Долину. Предпріятіе это съ перваго взгляда кажется гигантскимъ, но, по мнѣнію людей, изучавшихъ его, оно удобоисполнимо. Султанъ окончательно утвердилъ одну первую часть дороги, но въ проектѣ вся линия уступлена настоящей компаніи и, въ случаѣ окончанія первой части, ей предоставляется исключительное право, съ устраненіемъ всякаго соперничества, на продолженіе предполагаемой линии. Между-тѣмъ, компаніи этой предоставляется также пользоваться плаваніемъ по Евфрату, начиная отъ того пункта, къ которому прилагаетъ утвержденная уже часть дороги, до Персидскаго Залива.

Евфратская дорога начинается у древняго антиохійскаго порта, близъ устья Оронта, подымается по долинѣ этой рѣки, проходя черезъ Антиохію, и, прорѣзавъ тунелью рядъ холмовъ (на протяженіе 4 и 500 метровъ), направляется, все подымаясь по возвышающейся, почти-нечувствительно, почвѣ, на горную равнину, гдѣ стоитъ значительный городъ Алепъ; потомъ она спускается по наклонности, почти столько же нечувствительной, до балійской равнины. близъ города того же имени, гдѣ касается берега Евфрата.

Отсюда желѣзная дорога должна пойти вдоль праваго берега Евфрата, у Фамзаха перейти черезъ Евфратъ въ Месопотамію, коснуться, направляясь къ Багдаду, двухъ значительныхъ пунктовъ: Анаха и Гита, а отъ Багдада пройти, въ небольшомъ разстояніи отъ вавилонскихъ развалинъ, къ Корнаку, который стоитъ у слитія Евфрата съ Тигромъ. Здѣсь Тигръ и Евфратъ, сливаясь, образуютъ широкую и глубокую рѣку, на которой паровыя суда самой значи-

тельной величины могут плавать во всякое время. Последнее отделение желѣзной дороги, 27 англійскихъ миль, ведетъ къ Бассорѣ, обширный портъ которой принимаетъ самые огромные корабли.

Первая мысль объ этомъ пути возникла ужь давно. Еще въ 1830 году генералу Чесней, въ то время полковнику, поручено было правительствомъ открыть наиболѣе—прямой и выгодный путь для торговыхъ сношеній съ Индією. Прибывъ въ Дамаскъ, послѣ трехъ путешествій изъ Лондона въ Бомбэй, различными дорогами (черезъ Египетъ, Трапезонту и Константинополь), Чесней узналъ о несчастной смерти трехъ англійскихъ путешественниковъ, которымъ также было поручено изслѣдовать теченіе Евфрата. Къ этому печальному извѣстію присоединилась еще болѣзнь. Но все это не остановило смѣлаго и умнаго англичанина. Сначала, на плоту, кое—какъ сколоченномъ арабами, а потомъ на лодкѣ изъ ивовыхъ вѣтвей, обмазанныхъ смолою, спустился онъ по Евфрату до Бассоры, украдкой измѣряя глубину и изучая берега съ ихъ изгибами, мѣстечками, деревнями. Двадцать—семь лѣтъ послѣ того, во время новой поѣздки по Евфрату, Чесней едва не утонулъ, но все—таки, не отказался отъ своей заветной мысли — проложить черезъ евфратскую долину торговый путь въ Индію. Понятно, что вопросъ о сближеніи индійскихъ колоній съ метрополією важенъ для Англій. Уже въ 1830 году вопросъ этотъ ясно и отчетливо изложенъ однимъ изъ членовъ, «почтенной» компаніи; въ сочиненіи, изданномъ въ Калькуттѣ: авторъ смѣло предлагаетъ прорыть Суэзскій Перешеекъ или соединить Евфратъ съ Средиземнымъ Моремъ. Планъ этотъ долго составлялъ задачу, надъ разрѣшеніемъ которой усердно трудились и правительство, и частныя лица. Полковникъ Чесней былъ самымъ ревностнымъ и смѣлымъ поборникомъ этого предпріятія. Его замѣчанія, основанныя на статистическихъ данныхъ и глубокомъ изученіи мѣстности, обратили на него вниманіе Парламента, который далъ ему возможность продолжать изслѣдованія въ болѣе—широкихъ размѣрахъ: огромнѣйшія средства предоставлены были въ его распоряженіе. Дѣйствія этой комиссіи прекратились вслѣдствіе настоянія иностранныхъ кабинетовъ, которымъ они казались подозрительными. Изслѣдованія возобновлены только въ 1839 году: въ продолженіе двухъ лѣтъ изучена нижняя часть теченія Евфрата. Отсюда возникла мысль о желѣзной дорогѣ, которая поставитъ Средиземное Море на разстояніи сорока—двухъ часовъ отъ Персидскаго Залива.

Первый проектъ евфратской желѣзной дороги былъ предложенъ польскимъ инженеромъ Фальковскимъ, сначала капиталистамъ Ардуентъ и Рикардо, а потомъ англійской компаніи. Линія, предложенная Фальковскимъ, отличается, впрочемъ, отъ той, которую намѣрена провести компанія: послѣдняя значительно короче, но устройство ея соединено съ трудностями, которыя въ первоначальномъ проектѣ предполагалось обойти.

Вотъ приблизительная оцѣнка издержекъ на устройство евфратской желѣзной дороги:

Первая часть ,	125 миль	30,150,000 фр.
Вторая —	335 —	134,750,000 фр.
Третья —	559 —	134,850,000 фр.

Вся линия, 1019 миль, обойдется почти въ 300 миллионовъ франковъ.

Какія же выгоды принесетъ эта капитальная издержка въ 300 миллионовъ? Предполагается, что по этому тракту должно выручаться ежегодно за перевозъ:

123,000 тоннъ индійскихъ товаровъ	17,178,193 фр.
106,720 тоннъ товаровъ европейскихъ и персидскихъ (по оборотамъ между Европой и Персією)	8,537,000 фр.
170,000 тоннъ вавилонскихъ и другихъ товаровъ къ Средиземному Морю	14,640,000 фр.
30,000 тоннъ товаровъ между Багдадомъ и Басорой	1,860,000 фр.
100,000 пассажировъ на одной части дороги и	
200,000 на другой	24,100,000 фр.

Итого 66,315,193 фр.

Полагая 45 проц. на издержки по содержанию дороги и поѣзды (29,841,836 фр.), получится чистаго дохода 36,473,357 фр., что составитъ 10½ процентовъ на капиталъ 300 миллионовъ, необходимый для постройки желѣзной дороги.

ПОПРАВКИ.

Въ 5-мъ № «Отечественныхъ Записокъ», въ статьѣ «Сайгачники», оказались опечатки :

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано :</i>	<i>Слѣдуетъ читать :</i>
174	13	снизу: казаки <i>удивились</i>	казаки <i>догадались</i>
178	9	сверху: <i>Если когда</i> взаправду	<i>Есть—когда</i> взаправду
187	13	— хоть отъ разбойниковъ; какихъ	хоть отъ разбойниковъ какихъ;
194	2	— водопоинъ	водомоннъ
—	17	снизу: ѣздить	ходить
198	11	— <i>Малоснѣжныя</i>	<i>Многоснѣжныя</i>
202	6	— а яблонн	а яблоней
206	10	сверху: батюшка (отецъ)	баишка (отецъ)
215	6	— ихъ	себя
216	3	— сказаъ	сказать.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПОСТУПИВШИХЪ ВЪ ІЮНЬ ВЪ ПРОДАЖУ КНИГАХЪ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

МАВРКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА,

въ Гостиномъ Дворѣ, № 19, въ Санктпетербургѣ.

АЗБУКА русскаго слова, излагающая легкій способъ выучиться читать и понимать читаемое, съ различными примѣрами для чтенія и для изученія вѣздусть. Съ крашен. картинк. Сост. И. Башен—въ. Въ 12-ю д. л. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

АПЕЛЛЯЦІЯ на приговоръ ученыхъ по поводу воздухоплаванія. Слб. 1857. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

АСКОЧЕНСКІЙ, В. Біографическій Очеркъ Ordinaryнаго Профессора Кіевской Духовной Академіи Я. К. Амштеатрова. 1 т. въ 8-ю д. л. Кіевъ. 1857. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

БОБРОВНИЦКІЙ, Ив. О происхожденіи и составѣ римско-католической литургіи и отличіи ея отъ православной. Изд. третье. Въ 8-ю д. л. Кіевъ. 1857. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

БОГОСЛОВСКІЙ, М. протоіерей. Священная Исторія Ветхаго Завета. 2 т. въ 8-ю д. л. Слб. 1857. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

БУШЮ, О. О гигиенѣ и физическомъ воспитаніи дѣтей. Перев. съ послѣд. изд. Въ 8-ю д. л. Слб. 1857. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

ДРАГОМИРОВЪ, М. О высадкахъ въ древнія и новѣйшія времена. Въ 12-ю д. л. Слб. 1857. Ц. 1 р. 40 к., перес. за 1 ф.

ЖИЗНЬ преосвященнѣйшаго Іакова, Архіепископа Нижегородскаго и Арзамаскаго, съ портретомъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1 т. въ 12-ю д. л. Слб. 1856. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

ЖИТІЕ святаго Григорія Богослова, Архіепископа Константинограда, писанное имъ самимъ, съ присовокупленіемъ поэмы на несчастія въ его жизни. Съ картиною. 1 т. въ 18-ю д. л. М. 1857. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

ЗАВЕДЕНІЕ водолечебное въ Лопухинкѣ. А. Ж. Въ 8-ю д. л. Слб. 1857. Ц. 25 к., перес. за 1 ф.

ЗАПИСКИ Добраго Матери или послѣднія ея наставленія при выходѣ дочери въ свѣтъ. 1 т. въ 8-ю д. л. Слб. 1857. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 1 ф.

ЗАПИСКИ Лебедянскаго Общества Сельскаго Хозяйства за 1856 годъ. 2 части четвертаго трехлѣтія. Годъ первый. Въ 8-ю д. л. М. 1857. Ц. 3 р., перес. за 4 ф.

ЗАМѢТКИ сибиряка о современномъ состояніи русской торговли. Въ 8-ю д. л. Слб. 1857. Ц. 25 к., перес. за 1 ф.

КАРТА сообщеній, уступленныхъ Главному Обществу Россійскихъ Железныхъ Дорогъ. На 1 листъ. Спб. 1857. Ц. 25 к., перес. за 1 ф.

МУСАТОВЪ, Иеромонахъ. О четкахъ, употребляемыхъ при молитвѣ. Въ 8-ю д. л. Кіевъ. 1856. Ц. 25 к., перес. за 1 ф.

НАСТАВЛЕНИЕ къ обжиганію обыкновенной и гидравлической извести, гипса и къ приготовленію искусственныхъ мраморовъ. Съ 10 политипажами. Спб. 1857. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

НАСТАВЛЕНИЕ къ приготовленію кваса и кислыхъ щей. Спб. 1857. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

НАСТАВЛЕНИЕ къ производству пеньковыхъ веревокъ и канатовъ, а также и витью деревянныхъ канатовъ. Спб. 1857. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

НОСОВЪ, И. Воспоминаніе стараго актёра. Въ 8-ю д. л. Спб. 1857. Ц. 30 к., перес. за 1 ф.

ОПИСАНІЕ различныхъ способовъ переугливанія дерева и добыванія древеснаго угля. Спб. 1857. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

РЖАНОВЪ. Карта желѣзныхъ дорогъ въ центральной Европѣ. На 1 листъ. М. 1857. Ц. 1 р., перес. за 2 ф.

СОЛОВЬЕВЪ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ 7-й. Въ 8-ю д. л. М. 1857. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

СОМОВЪ. Учебныя руководства для военноучебныхъ заведеній. Аналитическая геометрія. Курсъ старшихъ юнкерскихъ классовъ училищъ: Николаевского—Инженернаго и Михайловскаго—Артиллерійскаго и третьихъ спеціальныхъ классовъ кадетскихъ корпусовъ. 1 т. въ 8-ю д. Спб. 1857. Ц. 3 р., перес. за 2 ф.

ФИЛАРЕТЪ, Епископъ Харьковскій и Ахтырскій. Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа. Въ 2-хъ частяхъ. М. 1857. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

ФИРСТОВЪ. Стрѣ и ея неорганическія соединенія съ металлами, нѣкоторые примѣненія въ промышленности. Съ 6 таблицами чертежей. Въ 8-ю д. л. Спб. 1857. Ц. 2 р., перес. за 1 ф.

ФРАНКЪ. Домашній лечебникъ, изданный для употребленія людей, которые или совсѣмъ не могутъ пользоваться помощью медиковъ, или въ крайнихъ случаяхъ не могутъ скоро получить ее. Книга, содержащая въ себѣ дружескія наставленія для каждаго пола и возраста во всякихъ болѣзняхъ, съ показаніемъ противъ нихъ средствъ, не требующихъ большихъ издержекъ, и съ присовокупленіемъ въ началѣ правилъ діететики. 2 ч. въ 12-ю д. л. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Гдѣ иногородные благоволятъ адресоваться какъ за поименованными въ Библіографическихъ Листкахъ «Отечеств. Записокъ» книгами, такъ и за всѣми вновь-поступившими въ продажу, къ книгопродавцу Маврикію Осиповичу Вольфу, въ Гостиномъ Дворѣ, № 19.

S. DUFOUR,

LIBRAIRE DE LA COUR IMPÉRIALE,
au Pont de Police, maison de l'Église Hollandaise.

EN VENTE:

- BELGIQUE (La).** Guide pittoresque, monumental, artistique, historique, géographique, politique et commercial, précédé de l'itinéraire de tous les chemins de fer belges et de la route de Paris à Cologne par Bruxelles, suivi des renseignements indispensables au voyageur. Edition illustrée de vignettes représentant les principaux sites et monuments du royaume, et d'une carte coloriée. Un vol. in-18. Bruxelles 1856. 1 rbl. 40 c.
- BERNARD (Frédéric).** Petit Guide de l'Étranger à Paris, illustré de 40 vignettes sur bois dessinées d'après nature. Brochure gr. in-8. Paris 1855. 35 cop.
- BERTHET (Elie).** Le Nid de Cigognes. Un vol. in-18. Paris 1857. 50 cop.
- BLAVIER.*** Cours théorique et pratique de télégraphie électrique. Un vol. in-12. Paris 1857. 2 rbls. 40 c.
- BOUDIN.** Traité de géographie et de statistique médicales et des maladies endémiques, comprenant la météorologie et la géologie médicales, les lois statistiques de la population et de la mortalité, la distribution géographique des maladies et la pathologie comparée des races humaines. Deux vol. in-8. Paris 1857. 6 rbls. 50 c.
- BRIOSCHI (Docteur).** Théorie des Déterminants et leurs principales applications, traduit de l'italien, par Edouard Combescure. Un vol. in-8. Paris 1856. 1 rbls. 75 c.
- CHAIX.** Guide officiel des voyageurs sur tous les chemins de fer de l'Europe et des principaux paquebots de la Méditerranée et de l'Océan. Un volume in-18. Paris 1857. 50 cop.
- CLAUDEL.** Introduction théorique et pratique à la science de l'ingénieur. Un vol. in-8. Paris 1857. 3 rbls.
- DASH (Comtesse).** Les bals masqués. Un vol. in-12. Paris 1857. 50 cop.
- DECAISNE.** Le jardin fruitier du muséum, ou iconographie de toutes les espèces et variétés d'arbres fruitiers cultivés dans cet établissement avec leur description, leur histoire, leur synonymie, etc. Livr. 1, 2, in-4. Paris 1857. 3 rbls. 50 c.
- DEGRANGES (Edmond).** Traité de correspondance commerciale. Un vol. in-8. Paris 1856. 1 rbl. 60 c.

- DICKENS (Ch.)**. Vie et aventures de Nicolas Nickleby. Deux vol. in-12. Paris. 1 rbl. 60 c.
- DUPAYS**. Itinéraire descriptif, historique et artistique de l'Italie et de la Sicile, enrichi de 22 cartes et plans. Un vol. in-12. Paris 1855. 3 rbls. 50 c.
- FLEMING**. Interpète anglais-français pour un voyage à Londres. Un vol. in-12. Paris 1853. 80 cop.
- Interpète français-anglais pour un voyage à Paris. Un vol. in-12. Paris 1857. 1 rbl.
- HENDSCHEL'S** Telegraph-Uebersicht der Eisenbahn-, Post-, Dampfschiff- und Telegraphen-Verbindungen. Ein Band in-18. Frankfurt am Main. 50 cop.
- HOUDETOT (Adolphe d')**. La petite vénerie, ou la chasse au chien courant. Un vol. in-12. Paris 1856. 1 rbl. 10 c.
- JAMAIN et WANU**. Annuaire de médecine et de chirurgie pratiques pour 1857. Un vol. in-18. Paris 1857. 45 cop.
- JOANNE (Adolphe)**. Itinéraire descriptif et historique de l'Allemagne. Allemagne du Nord. Un vol. in-12. Paris 1855. 3 r. 50 c.
- d° d° Allemagne du Sud. 3 r. 50 c.
- JULLIEN (Marc-Antoine)**. Essai sur l'emploi du temps, ou méthode qui a pour objet de bien régler sa vie, premier moyen d'être heureux: destinée spécialement à l'usage de jeunes gens. Un vol. in-8. Paris. 2 rbl. 50 c.
- KARR (Alphonse)**. Voyage autour de mon jardin. Un vol. Paris 1857. 50 c.
- КОРНЕТЬ**. Новый карманный русско-шведский и шведско-русский словарь. 1 т. 18 д. листа. Лейпцигъ. 1 rbl. 50 c.
- LAKE et RICHARD**. Guide du voyageur à Londres et dans ses environs pendant l'exposition universelle précédé de l'itinéraire de Paris à Londres par les chemins de fer et les bateaux à vapeur. Un vol. in-18. Paris. 75 cop.
- LAPRADE (Victor)**. Psyché. Odes et poèmes. Un vol. in-12. Paris 1857. 50 cop.
- LIVRET DE CHASSE**. Un vol. in-18. 1 rbl.
- MARTRAY (Bonneau du)**. Histoire et tactique de la Cavalerie. Un vol. in-8. Paris 1854. 2 rbl. 40 c.
- MEYER**. Nouveaux éléments du calcul des variations: brochure in-8. Liège et Leipzig 1856. 75 cop.
- MONCEL**. Exposé des applications de l'électricité. Trois vol. in-8. Paris 1856. 9 rbl.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ. 30 мая. 1857 года.

Старшій Цензоръ Реформъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ У М. БЕРНАРДА,

НА НЕВСКОМЪ ПРОСПЕКТЪ, ПРОТИВЪ МАЛОЙ МОРСКОЙ, ВЪ ДОМЪ
ПАСКАЛЯ, № 11-й.

Школы и этюды для фортепiano.

Скр. Р. К.

ГЮНТЕНЪ. — Полная школа для фортепiano на русскомъ и французскомъ языкахъ. <i>Новѣйшее изданіе</i> , просмотрѣнное, исправленное и дополненное новыми уроками, легкими и постепенно возрастающей трудности въ двѣ и четыре руки.	4 —
BERTINI. — Méthode complète et progressive de piano. Vollständige Pianoforte-Schule	12 85
BEYER. — École préliminaire de piano à l'usage exclusive des élèves de l'âge le plus tendre.	3 40
BURGMUELLER. — École primaire du jeune pianiste	2 30
ЧЕРНИ. — Лучшій фортепiанный учитель или новѣйшая школа нынѣшней игры на фортепiano. Часть I	2 —
KALKBRENNER. — Méthode pour apprendre le piano	6 85
ROSELLEN. — Méthode de piano	6 85
BERNARD. — «L'enfant pianiste». Собраніе легкихъ пьесокъ для дѣтей, составленныхъ изъ любимыхъ мотивовъ съ цѣлью возбудить въ малюткахъ охоту къ музыкѣ, посвящается добрымъ матерямъ, которыя намѣрены сами учить своихъ дѣтей первымъ началамъ фортепiанной игры	1 50
— Exercices journaliers (Ежедневныя упражненія) pour faire Suite à l'Enfant pianiste, recueil de petites pièces faciles	1 50
BERTINI. — Douze petits morceaux précédés chacun d'un prelude, composés expressement pour les élèves liv. 1, 2 (каждая 60 к.), 25 études faciles, composées principalement pour les jeunes élèves dont les mains ne peuvent encore embrasser l'étendue de l'octave op. 100 (1 p. 70 к.), 48 études composées exclusivement pour ceux qui veulent se préparer pour les célèbres études de Cramer. Двѣ тетради (каждая 1 p. 70 к.), 25 études préparatoires. op. 175 (2 p. 85 к.), 25 études intermédiaires. op. 176 (2 p. 85 к.); 25 études spéciales de la velocity, du trille et de la main gauche. op. 177	4 60
CRAMER. — 42 études célèbres. Liv. 1, 2, каждая	1 70
CZERNY. — L'étude de la vélocité ou 30 exercices, calculés à développer l'agilité des doigts. op. 299 (2 p. 85 к.); Exercices journaliers pour atteindre et conserver le plus haut degré de perfection sur le piano. op. 337.	3 —

DUVERNOY. — École du style. Die Schule des Vortrags in 12 Studien. op. 168 (2 p. 30 к.); École du mécanisme. 15 études. op. 120.	2 30
HUENTEN. — 18 exercices progressifs. op. 80 (1 p. 45 к.); 12 études mélodiques. op. 81.	2 —
KONTSKI. — Indispensable du pianiste	3 —
MAYER. — Trois grandes études favorites op. 61 (1 p. 50 к.); Studien zur höhern Ausbildung im Pianoforte-Spiel. op. 119 (6 p.); Neue Schule der Geläufigkeit. Studien für das Piano op. 168 liv. 1 à 8, каждая	2 —
MOSCHELES. — Études célèbres. Studien zur höhern Vollendung bereits ausgebildeter Klavierspieler. op. 70 liv. 1 (4 p.), liv. 2 (3 p. 40 к.), 50 preludes. op. 73	2 30
MULDER. — École pratique du jeune pianiste.	6 80
PLAIDY. — Technische Studien	3 40
RAVINA. — Études de style et de perfectionnement op. 14 (4 p.), Études dédiées à sa mère liv. 1, 2, каждая	2 60
ROSELLEN. — Manuel du pianiste. Recueil d'exercices journaliers, gammes et arpèges de tous genres (3 p. 40 к.), 25 études de moyenne force. op. 133	3 40
ГУНКЕ. — Руководство къ изученію гармоніи, приспособленное къ самоученію	3 —
ИСКУССТВО НАСТРОИВАТЬ ФОРТЕПИАНО. Сочин. М. Бернарда (40 к., за пересылку за одинъ фунтъ).	

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ* рублей серебромъ, получаютъ *двадцать-пять процентовъ* уступки, а выписывающіе на *десять* рублей серебромъ, пользуясь означенною уступкою, кромѣ-того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, къмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 4-го іюня 6-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллисть» (годъ XVIII), содержащая въ себѣ между прочими: ASCHER. La Traviata. Caprice de concert. — PRUDENT. Chanson à boire. — MAYER. Une fleur tombée. Impromptu. — VOSS. Tremolo «Les lanciers». Nouveau quadrille. — FAUST. Bouquet-Polka-Mazurka. — HUENTEN. Fantaisie sur Indra. — *Булаховъ*. Романсъ. — Музыкально-литературное прибавленіе № 6-й. (Годовая цѣна подписки 10 рублей, съ пересылкою 11 руб. 50 кон. сер.)

Желающіе подписаться на Нувеллисть на 1857 годъ получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія сначала нынѣшлаго года.

Печатать дозволяется, С.-Петербургъ, 31-го мая 1857. Ценсоръ И. Гумчаровъ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ. Проспектъ, въ домъ Петропавловской
Церкви (сходъ между церковью и Большой Конюшенной)
въ Санктпетербургъ.

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Ср. Р. К.

RUBINSTEIN (A.) Deuxième sonate pour piano et violoncelle, op. 39.	3 45
— Sonate pour piano et alto, op. 49.	3 45
LITOLFF, (H.) Sérénade pour piano et violon, op. 91	1 —
— La même pour piano et violoncelle, op. 91.	1 —
GRAEDENER, (C. G.) Trio für Pianoforte, Violine und Violoncell, op. 22.	5 75
STIEHL, (H.) Trio für Pianoforte, Violine und Violoncell, op. 32.	4 —
KUDELSKI, (G. M.) Trio pour piano, violon et violoncelle, d'une difficulté modérée, op. 4	2 60
MAS, (A. H.) Trio facile pour piano, violon et violoncelle	1 45
LACHNER, (J.) Zweites Trio für Pianoforte, Violine und Viola, op. 45.	4 —
HILLER, (F.) Serenade (4tes Trio) für Pianoforte, Violine und Violoncell, op. 64.	5 15
AMBROS, (A. W.) Trio für Piano, Violine und Violoncell, op. 6.	4 60
MOZART, (W. A.) Trios. Neue sorgfältig revidirte Ausgabe. № 1, in G. № 2, in B. № 3, in E. № 4, in C. № 5, in G. № 6, in B. für Pianoforte, Violine und Violoncell. № 7 in Es, für Pianoforte, Violine (oder Clarinette) und Viola à.	2 30
HAYDN, (Jos.) Trios. Neue Ausgabe, genau bezeichnet von Ferd. David. № 1, in G. № 2, in Fis moll. № 3, in C. № 4, in E. № 5, in Es. № 6, in D. № 7, in A. № 8, in C moll. № 9, in A. № 10, in E moll. № 11, in Es, № 12, in Es. № 13, in B. № 14, in G moll. № 15, in Es moll. № 16, in G moll. № 17, in Es. № 18, in C. № 19, in D moll. № 20, in Es. № 21, in D. № 22, in B. № 23, in F. № 24, in As. № 25, in F. № 26, in C. № 27, in F. № 28, in G, für Pianoforte, Violine und Violoncell. № 29, in F. № 30, in D. № 31, in G. für Pianoforte, Violine (oder Flöte) und Violoncell. à.	1 75

Ср. Р. Н.

HAYDN, (Jos.) Toute la collection complète	6 35
GRÉGOIR et H. LÉONARD, (J.) Roméo et Juliette. Opéra de Bellini. 6me. Duo pour piano et violon.	2 30
— Les vêpres siciliennes de Verdi. 7me Duo pour piano et violon.	2 30
— L'étoile du nord de Meyerbeer. Duo pour piano et violon.	2 00
MOZART, (W. A.) Quatuors pour piano, violon, alto et violoncelle. Nouvelle édition en partition et parties séparées. N° 1—5 à	2 30
WIENIAWSKI, (H. et J.) Grand duo polonais pour violon et piano concertants, op. 8 et 5	2 —
DAVID, (F.) Concert (N° 5, D moll) für die Violine mit Begleitung des Pianoforte, op. 36.	4 30
ROBINSTEIN, (A.) Trois quatuors pour deux violons, alto et violoncelle, op. 47, N° 1, 2, 3 à	3 45

ТОЛЬКО-ЧТО ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

STRAUSS, (J.) Demi-Fortune. Polka française, pour piano, op. 186	— 40
— Une bagatelle. Polka-mazurka pour piano, op. 187	— 60
— Herzl-Polka für Pianoforte, op. 188.	— 60
— Päröxysmen. Walzer für das Pianoforte, op. 189.	— 85
— Etwas Kleines. Polka für das Pianoforte, op. 190.	— 80

— Самые лучшія и свѣжія итальянскія и римскія струны, которыя употребляются знаменитыми скрипачами гг. Эристомъ и Вьѣтаномъ, и также рекомендуются первыми здѣшними артистами: квинтъ, секундъ, терцъ, каждая 25 коп. сер., но бунтанъ 6, 5 и 7 руб. сер.

— Для виолончеля самыя лучшія и свѣжія итальянскія струны, струна А, 30 к. с. Д, 50 к. с. Г, 50 к. с. и Ц, 75 к. с.

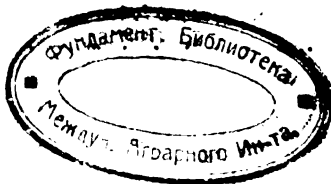
— Также самыя свѣжія итальянскія струны для контрабасса.
Английская и парижская канфоль по 40 и 50 коп. сер.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя или объявленныя въ какой-либо каталогѣ. Требования гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ совершенною почтою.

* Низкоподвизавшіяся беретъ на себя заказы на фортепьяно и всѣ другіе инструменты и обѣщаетъ немедленное исполненіе заказовъ, по самой дешевой цѣнѣ.

А. ШИТТИНЪ.

Печатать позволено. С. Петербургъ, 31 мая 1887 г. Цесарь Н. Гончаровъ.

ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ ГГ. ПОДПИСАВШИМСЯ

ШЕСТАЯ КНИЖКА

СОБРАНІЯ

ИНОСТРАННЫХЪ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ:

Никогда не поздно исправиться, обыкновенная исторія
Чарльза Рида. Переводъ съ англійскаго. (*Окончаніе*).

Даниелла. Романъ Жоржа Санда. Переводъ съ французскаго.
(*Продолженіе*).

Сцены изъ итальянской жизни П. Мюссе.

Черта соединенія, рассказъ Молери.

Сахарная собачка, рассказъ Шарля Дели.

Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и рассказовъ въ переводѣ на русскій языкъ выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца книгами, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ двадцать—пять и больше печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книгъ, **семь рублей пятьдесятъ копеекъ** серебромъ, а съ пересылкою и доставкою на домъ **девять рублей**.

Подписка принимается **исключительно** въ *Конторѣ Отечественныхъ Записокъ* (въ Санктпетербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Гостиного Двора, въ домѣ Лукина), которая принимаетъ на себя полную ответственность за исправный выхъ книгъ и доставку изъ подписчикамъ.

Сверхъ-того, гг. иногородные могутъ подписываться и въ Газетной Экспедиціи Санктпетербургскаго Почтамта.

Печатать дозволяется. Санктпетербургъ, 1-го іюня 1857 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

Къ этой книжкѣ «Отечеств. Записокъ» приложены объявленія: о музыкальныхъ новостяхъ, продающихся у гг. Бернарда и Битнера, о новыхъ книгахъ, продающихся у М. Вольфа и Дюфура.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ 1857-мъ году

выходятъ ежемѣсячно книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ около 30 листовъ большаго формата.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

БЕЗЪ КАРТИНОКЪ МОДЪ.

Въ Петербургъ и Москвѣ:

14 руб 50 коп. серебромъ.

Съ пересылкою:

16 рублей серебромъ.

СЪ 18-Ю ПАРИЖСКИМИ КАРТИНКАМИ ДАМСКИХЪ И МУЖСКИХЪ МОДЪ.

Въ Петербургъ и Москвѣ:

15 руб. 50 коп. серебромъ.

Съ пересылкою:

17 рублей серебромъ.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Гостиного Двора, въ домъ Лукина.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ у П. В. Базунова, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской Типографіи, въ домъ Загряжскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.

Печатать дозволяется. Санктпетербургъ, 1 іюня 1857 года.

Цензоръ П. Гойчаровъ.

